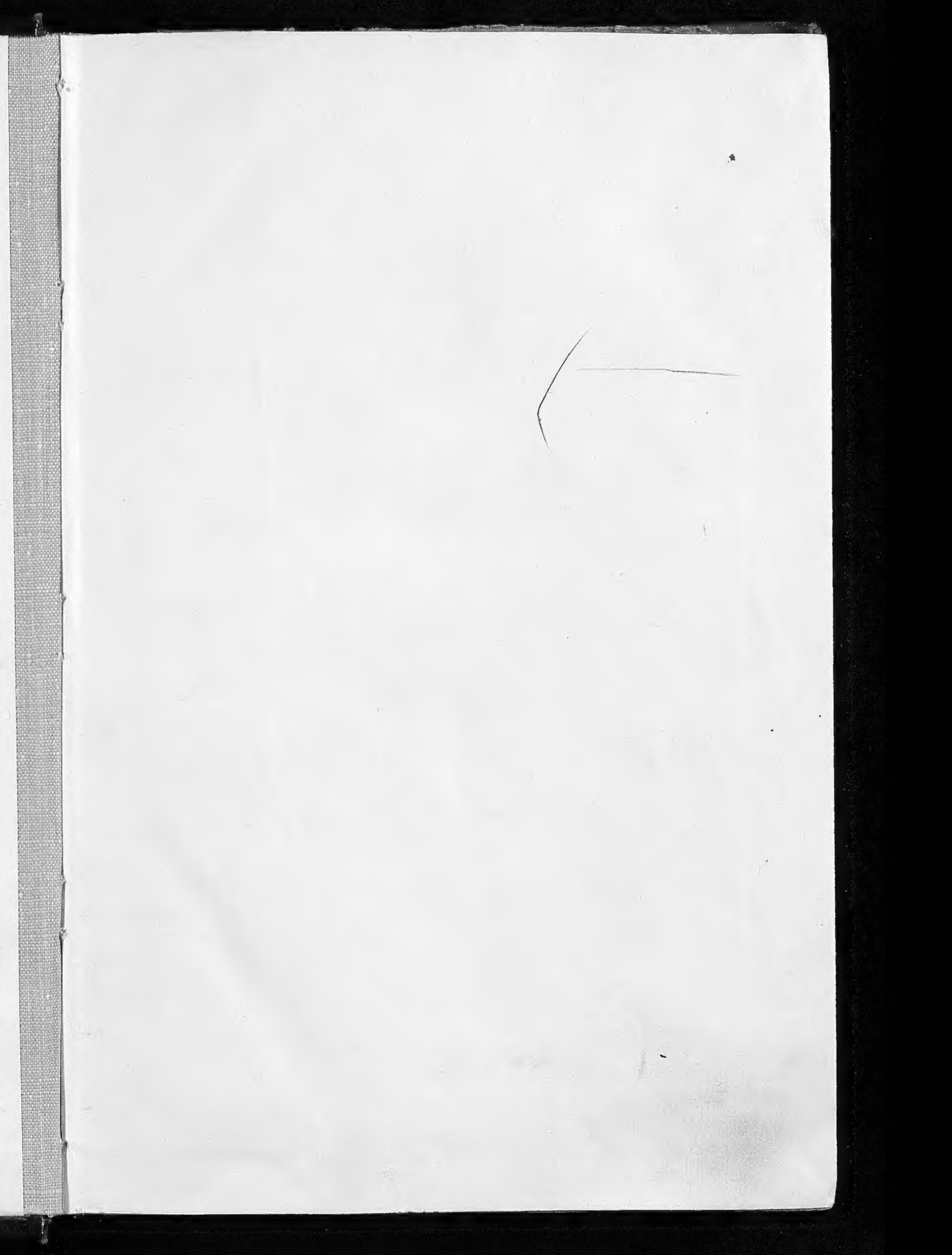

ИСТОРІЯ ВОЙНЫ

и

ВЛАДЫЧЕСТВА РУССКИХЪ

НА

КАВКАЗѢ.

Н. ДУБРОВИНА.

ТОМЪ I.

ОЧЕРКЪ КАВКАЗА И НАРОДОВЪ ЕГО НАСЕЛЯЮЩИХЪ.

КНИГА I.

КАВКАЗЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1871

ИСТОРІЯ ВОЙНЫ

И

ВЛАДЫЧЕСТВА РУССКИХЪ

НА

КАВКАЗѢ.

ИСТОРІЯ ВОЙНЫ
И
ВЛАДЫЧЕСТВА РУССКИХЪ
НА
КАВКАЗѢ.

Н. ДУБРОВИНА.

ТОМЪ I.

ОЧЕРКЪ КАВКАЗА И НАРОДОВЪ ЕГО НАСЕЛЯЮЩИХЪ.

КНИГА I.
КАВКАЗЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ, ЛИТЕЙНЫЙ ПРОСПЕКТЪ, Д. № 39.
1871

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
	Предисловіе	IX
Глава I.	Орографическій очеркъ Кавказа.—Раздѣленіе Кавказскаго перешейка на три части.—Очеркъ Предкавказья, Кавказа, Главнаго хребта и сѣвернаго его склона.—Орографія Дагестана	1
Глава II.	Гидрографическій очеркъ Кавказа.—Бассейнъ Чернаго и Каспійскаго морей. — Характеръ мѣстности, ея производительность и климатическія особенности. — Гидрографія Дагестана	17
Глава III.	Орографическій очеркъ южнаго склона Главнаго хребта. — Орографическій и гидрографическій очеркъ Закавказья. — Характеръ мѣстности, ея производительность и климатическія особенности.—Нѣсколько словъ о племенахъ, населяющихъ Кавказскій перешеекъ, и мѣстахъ ихъ поселенія	37

ЧЕРКЕСЫ (АДИГЕ).

Глава I.	Одежда черкеса, его жизнь и хищничество. — Черкескія деревни, домъ и кунахская. — Гостепріимство и черкескій этикетъ.—Пища черкеса и угощеніе пріѣзжаго.—Обычай куначества и усыновленія	63

Глава II. Раздѣленіе черкесовъ по племенамъ и мѣсто занимаемое каждымъ изъ нихъ. — Общій и краткій очеркъ мѣстности, занимаемой черкескимъ или адигскимъ племенемъ, и его экономическій бытъ . 84
Глава III. Религія черкесовъ и ихъ суевѣріе. — Суевѣрные обряды при леченіи раненаго. — Вѣрованіе въ существованіе различнаго рода духовъ. — Народныя легенды. — Колдуны и вѣдьмы. — Гаданіе . . . 94
Глава IV. Характеръ черкеса. — Черкеская женщина и ея одежда. — Свобода дѣвушекъ. — Сватовство. — Плѣннопродавство. — Похищеніе невѣстъ. — Свадебные обряды. — Музыка, пѣніе и пляски. — Черкескія пѣсни 123
Глава V. Внутренній бытъ черкеса и его семейная жизнь. — Неограниченность власти мужа надъ женою, отца надъ сыномъ. — Положеніе въ семействѣ черкеской женщины. — Разводы мужа съ женою. — Цѣломудріе женщинъ. — Рожденіе и воспитаніе. — Аталычество. — Похороны 165
Глава VI. Сословное дѣленіе черкескаго народа. — Права и обязанности каждаго сословія. — Борьба дворянства съ зависимыми сословіями у шапсуговъ и потеря привилегій первыми. — Абреки 192
Глава VII. Гражданскій и юридическій бытъ черкескаго народа. — Народное управленіе. — Поединокъ. — Кровомщеніе. — Судъ и его устройство. — Адатъ и шаріатъ. — Плата за кровь. — Казнь. — Размѣры пени за различныя преступленія. — Права собственности. — Наслѣдство. — Народныя собранія и цѣль ихъ 216
Глава VIII. Военная организація и военныя дѣйствія черкесовъ и убыховъ . 242

НОГАЙЦЫ.

Глава I. Раздѣленіе ногайцевъ на отдѣльныя поколѣнія, а по образу жизни на осѣдлыхъ и кочевыхъ. — Мѣсто занимаемое ногайцами и характеръ земель имъ принадлежащихъ. — Экономическій бытъ ногайцевъ. — Сословное дѣленіе. — Управленіе. — Наружный видъ и характеръ. — Гостепріимство, пища и одежда. — Домъ ногайца. — Ногайская женщина и положеніе ея въ семействѣ 260
Глава II. Религія ногайцевъ и ихъ суевѣріе. — Праздники. — Народныя увеселенія: борьба и танцы. — Свадьба, рожденіе и похороны. — Ногайскія пѣсни 271

ОСЕТИНЫ (ИРОНЫ).

Глава I. Мѣсто занимаемое осетинами и раздѣленіе на общества. — Характеристика осетина и его экономическій бытъ 282

Глава II. Осетинскій аулъ.—Домъ осетина. — Одежда. — Религія. — Праздники.—Знахари и знахарки.—Талисманы. —Колдовство. — Суевѣріе. — Легенды 288
Глава III. Свадебные обряды осетинъ. — Пища. — Семейный бытъ. — Рожденіе. — Похороны. — Хвалебныя пѣсни и импровизація 329
Глава IV. Народное управленіе.—Происхожденіе сословій и ихъ права.—Кровомщеніе.—Плата за кровь и другія преступленія.—Гостепріимство. 351

ЧЕЧЕНЦЫ (НАХЧЕ).

Глава I. Мѣсто занимаемое чеченцами и ихъ раздѣленіе на отдѣльныя поколѣнія.—Народное преданіе о поселеніи ихъ на мѣстахъ нынѣ занимаемыхъ.—Призваніе князей Турловыхъ, для водворенія порядка общественнаго устройства. — Изгнаніе князей Турловыхъ изъ Чечни. — Топографическій очеркъ мѣстности заселенной чеченцами.— Экономическій бытъ чеченцевъ, ихъ занятія, промышленность и торговля 367
Глава II. Религія.—Основанія ученія о мюридизмѣ. — Чеченское духовенство и его положеніе.—Религіозное суевѣріе чеченскаго народа. — Колдуны и колдуньи. — Порча съ-глазу. — Гаданіе 383
Глава III. Чеченское селеніе.—Домъ.—Гостепріимство. — Характеръ. — Наружный видъ и одежда. — Чеченская женщина. — Сватовство и обрядъ бракосочетанія.—Семейный бытъ.—Обычаи при рожденіи.— Отношеніе родителей къ дѣтямъ. — Похороны 412
Глава IV. Сословія чеченскаго народа и его управленіе въ періодъ независимости.—Судъ и расправа.—Права собственности и наслѣдства.— Управленіе Чечни, введенное Шамилемъ.—Раздѣленіе на наибства.— Военная организація и хищническіе набѣги чеченцевъ 450

ДАГЕСТАНСКІЕ ГОРЦЫ.

Глава I. Географическое положеніе племенъ, населяющихъ Дагестанъ, и ихъ раздѣленіе на общества.—Краткій топографическій очеркъ мѣстности, занятой каждымъ изъ обществъ. — Экономическій бытъ дагестанскихъ горцевъ: степень производительности почвы, земледѣліе, промышленность и торговля 497

Глава II. Религія дагестанскихъ горцевъ.—Религіозный фанатизмъ.—Колдуньи, знахари и знахарки.—Суевѣріе.—Праздники, праздничные обычаи и суевѣрные обряды 515
Глава III. Дагестанское селеніе.—Домъ горца.—Пища. — Гостепріимство. — Домашній бытъ горца. — Характеръ, наружный видъ и одежда.—Женщина и ея положеніе въ домѣ.—Народная поэзія.—Характеръ женщины и ея впечатлительность 533
Глава IV. Брачные обряды горцевъ.—Пѣсня, музыка и танцы.—Рожденіе и воспитаніе. — Болѣзни и способы ихъ леченія. — Народная медицина. — Знахари и знахарки. — Погребеніе умершихъ . . . 559
Глава V. Народное управленіе, существовавшее у джаро-бѣлаканскихъ лезгинъ до подчиненія ихъ русской власти. — Происхожденіе зависимыхъ сословій и обязанности ихъ. — Должностныя лица и ихъ содержаніе. — Права собственности и наслѣдства. — Управленіе дагестанскихъ горцевъ.—Сословное дѣленіе народонаселенія и обязанности зависимыхъ сословій.—Судъ по адату и по шаріату.—Виды преступленій и наказаній.—Кровомщеніе.—Военныя способности и образъ войны дагестанскихъ горцевъ 590

КУМЫКИ.

Глава I. Мѣсто занимаемое кумыками.—Легенда о ихъ происхожденіи и первоначальномъ управленіи. — Происхожденіе сословій; права и обязанности ихъ.—Духовенство.—Поземельная собственность . . . 619
Глава II. Управленіе существовавшее у кумыковъ въ періодъ ихъ независимости.—Положеніе о штрафахъ.—Народныя собранія. — Народное управленіе введенное при русскомъ правительствѣ.—Судъ по адату и по шаріату.—Виды преступленій и наказаній.—Кровомщеніе . 633
Глава III. Нѣкоторыя особенности въ брачныхъ церемоніяхъ и въ семейномъ бытѣ.—Положеніе и права женщины 637

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изложеніе военныхъ дѣйствій, двухъ или нѣсколькихъ воюющихъ народовъ, можетъ быть понятно только тогда, когда извѣстны современныя имъ матеріальныя и нравственныя средства, которыми могли располагать оба противника. Эти средства заключаются, главнѣйшимъ образомъ, въ административномъ устройствѣ самихъ государствъ или отдѣльныхъ обществъ и въ характерѣ ихъ населенія.

Изученіе этого характера и администраціи правительствъ должно предшествовать изученію военныхъ дѣйствій. Въ европейскихъ государствахъ администрація и правительства основаны на прочныхъ, близкихъ и почти одинаковыхъ началахъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ каждому. Среди же племенъ азіятскихъ, а въ особенности тѣхъ, которыя стоятъ на низкой степени развитія и даже находятся, можно сказать, въ патріархальномъ и первобытномъ устройствѣ, такое изученіе администраціи обществъ и народнаго характера становится необходимымъ для каждаго отдѣльнаго племени.

Это послѣднее должно быть съ особымъ вниманіемъ примѣнено и по отношенію къ Кавказу, гдѣ вполнѣ приложима русская поговорка: „что городъ—то норовъ; что страна—то обычай".

Только ознакомившись съ бытомъ туземнаго населенія, можно

указать здѣсь на причины, вызвавшія какое либо распоряженіе, то или другое историческое событіе. Только при такомъ знаніи можно критически отнестись къ фактамъ, сдѣлавшимся достояніемъ исторіи. При изложеніи исторіи кавказской войны, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, необходимо изученіе народнаго быта, потому что, какъ увидимъ въ послѣдствіи, отсутствіе такихъ свѣдѣній между административными дѣятелями вело ко многимъ ошибкамъ, имѣвшимъ неблагопріятныя и серьезныя послѣдствія.

Тотъ, кто сталъ бы отрицать необходимость изученія народнаго характера, пусть объяснитъ, почему, напримѣръ, черкесы одинъ лѣсъ отстаивали отчаянно, дрались съ необыкновенною храбростью, и, если приходилось, ложились поголовно подъ русскими штыками, а другой не защищали вовсе? Почему тѣ же черкесы очень рѣдко защищали аулъ, тогда какъ жители Дагестана, напротивъ, оборонялись въ своемъ селеніи слишкомъ упорно?

Объясненіе этого явленія можно найти только въ особенностяхъ быта обоихъ народовъ.

Большая часть территоріи, населенной черкескимъ племенемъ, отличается плодородіемъ, обиліемъ лѣса и воды. Поэтому, если жена, дѣти и имущество были отправлены въ горы или въ безопасное мѣсто, то черкесъ легко кидалъ свою деревянную саклю и кусокъ обработанной имъ земли и, безъ сожалѣнія о нихъ, отправлялся далѣе въ горы и въ менѣе доступныя мѣста. При умѣренности въ пищѣ и питьѣ и при способности переносить всѣ роды лишеній, черкесъ зналъ, что и на новомъ мѣстѣ найдетъ такой же хлѣбородный кусокъ земли для посѣва кукурузы, его питающей; найдетъ въ изобиліи лѣсъ для постройки сакли и будетъ имѣть такую же чистую воду и пастбище для быковъ. А для него болѣе ничего и не нужно. Черкесъ защищался въ аулѣ только въ томъ случаѣ, когда находились въ опасности его жена, дѣти и имущество. Тогда онъ дрался съ отчаяніемъ и скорѣе самъ погибалъ, нежели уступалъ что-либо врагу.

Совсѣмъ въ другомъ видѣ представляется бытъ дагестанскаго горца.

Мѣсто, занимаемое жителями Дагестана, состоитъ, по большей части, изъ голыхъ, безлѣсныхъ и утесистыхъ скалъ, песчанаго или гранитнаго свойства; страна отличается недостаткомъ воды и хорошихъ плодородныхъ земель. За неимѣніемъ лѣса, горецъ строилъ свою хижину изъ камня; постройка ея стоила ему много труда, и потому онъ защищалъ свой аулъ отъ раззоренія. Покидая его, онъ зналъ, что не скоро найдетъ землю удобную для посѣва проса или кукурузы, необходимыхъ для его прокормленія; не найдетъ пастбищъ и корма для своего скота, потому что повсюду видны однѣ безплодныя скалы; наконецъ, зналъ и то, что для постройки сакли ему необходимо положить много труда и времени, и оттого, только по необходимости, рѣшался на переселеніе.

Эти особенности быта, съ одной стороны, вызывали и особенный характеръ военныхъ дѣйствій. Тотъ образъ войны, который былъ удобопримѣнимъ на правомъ флангѣ кавказской линіи и въ Чечнѣ, не могъ считаться хорошимъ въ Дагестанѣ или на лезгинской линіи.

Съ другой стороны, изученіе народнаго характера важно и для администратора, чтобы, крутымъ поворотомъ, не нарушить прежнихъ привычекъ народа: подобныя обстоятельства часто, въ особенности на Кавказѣ, служили причиною не только волненій, но и вооруженныхъ возстаній.

Изъ многихъ подобныхъ случаевъ можно указать на происшествіе, до сихъ поръ памятное многимъ на Кавказѣ.

Одинъ изъ кабардинскихъ князей женился на дочери другаго князя, съ обязательствомъ уплатить часть калыма (плата за невѣсту) по окончаніи ярмарки, на которой онъ разсчитывалъ продать табунъ лошадей. По прошествіи этого срока, зять все-таки не могъ внести остальной части калыма, и потому тесть, по народному обычаю, потребовалъ возвращенія дочери. Отдать жену, которую любилъ и отъ которой имѣлъ уже сына, молодой князь

не соглашался. Завязалось дѣло. Отвѣтчика вызвали въ Кисловодскъ, въ домъ пристава, куда князь и пріѣхалъ, окруженный, по обыкновенію, значительною свитою, всегда и всюду сопровождающею своего господина. Дѣло должно было рѣшаться по кабардинскому адату, и такъ какъ судьи не были еще собраны, а князь намѣревался возвратиться домой, то приставъ и приказалъ арестовать его.

Отвѣтчикъ и его свита садились уже на лошадей, когда отъ нихъ потребовали оружіе. Въ понятіи кабардинца, и вообще всѣхъ горцевъ, отнятіе оружія равносильно отнятію чести или жизни, и потому горецъ, по преимуществу гордый, дорожа своею честью, никогда не проститъ обиды, нанесенной покушеніемъ обезоружить его. Князь, при другихъ условіяхъ, исполнилъ бы приказаніе начальства безпрекословно, съ полною готовностію, но, при такой формѣ требованія, вышло иначе. Первый изъ посланныхъ, осмѣлившійся взять за поводья княжескую лошадь и потребовать отъ него оружіе, упалъ къ ея ногамъ съ раскроеннымъ черепомъ. Прислуга и свита князя выхватила винтовки и, разчищая ими дорогу, кинулась на улицу, но, будучи окружена войсками, укрылась въ первомъ попавшемся домѣ, въ кисловодскомъ благородномъ собраніи. Занявъ на хорахъ собранія крѣпкую позицію, кабардинцы навели свои винтовки прямо на двери, и едва только показались въ нихъ солдаты, какъ съ хоровъ посыпались выстрѣлы. Послѣдніе пошли на приступъ и, послѣ отчаяннаго сопротивленія кабардинцевъ, князь былъ убитъ, а подлѣ него легли всѣ вѣрные его спутники и слуги, заплатившіе жизнію за нарушеніе коренныхъ понятій о чести и долгѣ, сложившихся вѣками среди населенія ихъ родины.

Кого обвинить въ этой кровавой сценѣ: кабардинцевъ или кого другаго? Въ изложеніи быта черкескаго народа читатель увидитъ тѣ особенности, которыя обусловливали обязанности и отношенія различныхъ лицъ къ своему князю [1], и конечно не обвинитъ

[1] См. стр. 192—201.

ни самого князя, ни его слугъ, рѣшившихся скорѣе умереть, чѣмъ нарушить законъ, завѣщанный имъ ихъ отцами и предками.

Случай этотъ указываетъ на необходимость изученія народнаго характера и особенностей, существующихъ въ жизни каждаго племени, словомъ, на необходимость этнографическаго описанія, долженствующаго предшествовать изложенію военныхъ дѣйствій и историческаго хода распространенія русскаго владычества въ краѣ.

Описаніе это тѣмъ болѣе необходимо, что Кавказъ, если можно такъ выразиться, во многомъ изслѣдованъ учеными, но мало извѣстенъ публикѣ. Чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго, стоитъ только прочесть нѣсколько рецензій о Кавказѣ въ нашихъ столичныхъ журналахъ, и тогда само собою обнаружится, что и рецензенты, бравшіе на себя обязанность разбирать подобныя сочиненія, были очень и очень мало знакомы съ страною, о которой судили и рядили. Для примѣра приведу русскій переводъ сочиненія Гакстгаузена „Закавказскій край". Сочиненіе это переполнено самыми грубыми техническими ошибками, въ смыслѣ географическихъ свѣдѣній и названій, а между тѣмъ рецензентъ (Современникъ 1857 г. т. 66), рекомендуя книгу, не видѣлъ ея недостатковъ и не нашелъ сказать ничего болѣе какъ то, что „отдѣльныя слова часто ставятся переводчикомъ не въ томъ значеніи, въ какомъ онѣ приняты въ общеупотребительномъ литературномъ языкѣ".

Еще не такъ давно, въ первой четверти настоящаго столѣтія, многія сочиненія и даже официальныя донесенія страдали неопредѣленностію сообщаемыхъ свѣдѣній.

Изъ многихъ статей и книгъ того времени можно вывести заключеніе, что было только два народа, съ которымъ мы дрались, напримѣръ, на кавказской линіи: это **горцы** и **черкесы**. На правомъ флангѣ мы вели войну съ черкесами и горцами, а на лѣвомъ флангѣ, или въ Дагестанѣ, съ горцами и черкесами, и лишь иногда, для разнообразія, какой нибудь авторъ пуститъ новое названіе, напримѣръ: черкесъ назоветъ черкасами—и только!

Все это тѣмъ болѣе странно, что ни одинъ уголокъ нашего отечества не имѣетъ столь обширной литературы, по всѣмъ отраслямъ знаній, какую имѣетъ Кавказъ, но за то все это разбросано отдѣльными статьями, по различнымъ газетамъ и журналамъ, и не представляетъ ничего цѣлаго.

Еслибы я могъ указать на какое-либо сочиненіе, хотя и не вполнѣ удовлетворяющее цѣли, но, по крайней мѣрѣ, нѣсколько знакомящее съ общимъ положеніемъ края, съ его особенностями и характеромъ народовъ его населяющихъ, то, конечно, не преминулъ бы воспользоваться этимъ, и сложилъ бы съ себя работу мнѣ не принадлежащую. Къ сожалѣнію, ни одно изъ такихъ сочиненій мнѣ неизвѣстно, и я, по необходимости, долженъ былъ взяться за побочный трудъ, не подходящій къ прямой цѣли моихъ занятій.

Передавая его на судъ лицъ, желающихъ до нѣкоторой степени ознакомиться съ краемъ, я хочу сказать нѣсколько словъ о томъ взглядѣ, который положенъ въ основаніе при его составленіи.

Описаніе историческихъ событій можетъ считаться вѣрнымъ только тогда, когда они изложены такъ, какъ происходили на самомъ дѣлѣ. Войскамъ и администраціи рѣшительно нѣтъ необходимости въ знаніи, кто былъ родоначальникомъ ихъ противника, и которое, по счету, поколѣніе живетъ на мѣстѣ столкновенія; но войскамъ необходимо знать, храбръ ли его противникъ или трусъ, а администраціи—каковы его силы, и въ чемъ заключается источникъ значенія или могущества непріятеля. Ей необходимо знать характеръ и бытъ того народа, съ которымъ она приходитъ въ столкновеніе, и среди котораго проявляется ея власть и значеніе. Войска и администрація поступаютъ, въ этомъ случаѣ, по тѣмъ общимъ законамъ, которые обусловливаютъ каждаго человѣка въ его частной жизни. Люди незнакомые, но, по обстоятельствамъ, вступающіе въ сношеніе между собою, прежде всего стараются изучить характеръ новаго знакомаго, его привычки, вѣрность въ исполненіи даннаго слова, и за тѣмъ, уже достаточно познакомившись, даже можно ска-

зать сблизившись, узнаютъ родословную другъ друга. То же самое происходитъ и въ жизни народовъ, сталкивающихся и мало или вовсе незнакомыхъ между собою. Отсюда происходитъ то, что изложенiе народнаго быта, составляющее необходимое вступленiе къ описанiю хода историческихъ событiй, не требуетъ тѣхъ свѣдѣнiй, которыя необходимы при изложенiи полной этнографiи народа. Въ этомъ случаѣ нѣтъ никакой надобности забираться въ глубокую древность, искать происхожденiя того или другаго народа, времени поселенiя его на мѣстахъ, нынѣ ими занимаемыхъ, а совершенно достаточно ознакомиться съ характеромъ племенъ въ томъ положенiи, въ которомъ застали ихъ русскiя войска, впервые появившiяся на Кавказѣ.

Полагаю, нѣтъ надобности говорить при этомъ, что, для подобнаго изслѣдованiя, гораздо важнѣе прошлая жизнь племенъ, чѣмъ настоящая, та жизнь, которая была современна эпохѣ веденiя войны. Отъ этого въ очеркъ вошли и тѣ обычаи, изъ которыхъ, быть можетъ, въ настоящее время нѣкоторыя и не существуютъ; словомъ, очеркъ относится исключительно къ прошедшему времени. Съ другой стороны, та же самая конечная цѣль — описанiе военныхъ дѣйствiй — дозволила мнѣ не касаться этнографiи тѣхъ немногочисленныхъ племенъ, которыя живутъ разбросанно среди господствующаго населенiя. Не имѣя влiянiя на ходъ военныхъ дѣйствiй, такiя племена терялись или, такъ сказать, стушевывались за главнымъ населенiемъ, за другою народностiю. Къ числу такихъ племенъ принадлежатъ: малкарцы, или балкарцы, горскiе евреи, туркмены, курды удины, iезиды, персiяне и проч.

Желанiе быть по возможности краткимъ и остаться вѣрнымъ своей цѣли лишило меня возможности воспользоваться многими интересными подробностями, относящимися до быта описываемыхъ народовъ и ограничиться указанiемъ на тѣ источники, въ которыхъ каждый можетъ найти эти свѣдѣнiя сгрупированными въ одно цѣлое и составившими третью книгу этого тома.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что въ издаваемомъ нынѣ первомъ томѣ, заключающемъ въ себѣ: „Очеркъ Кавказа и народовъ его населяющихъ“, все достоинство труда принадлежитъ, по праву, тѣмъ авторамъ, изслѣдованія которыхъ послужили мнѣ источникомъ для составленія настоящаго очерка, и имена которыхъ находятся въ третьей книгѣ этого тома. Не прибавляя отъ себя ничего новаго, я свелъ только въ одно цѣлое свѣдѣнія, разбросанныя по различнымъ архивамъ, журналамъ, газетамъ и отдѣльнымъ сочиненіямъ. Въ этомъ только и заключается вся моя заслуга. О недостаткахъ очерка я не говорю — ихъ много.

I.

Орографическій очеркъ Кавказа. — Раздѣленіе Кавказскаго перешейка на три части. — Очеркъ Предкавказья, Кавказа, главнаго хребта и сѣвернаго его склона. — Орографія Дагестана.

Простившись съ рѣкою Дономъ у Аксайской станицы, Земли Войска Донскаго, путешественникъ, почти до самаго Ставрополя, видитъ передъ собою одну широкою и безлюдную степь. На разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ, необозримая равнина только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пересѣкается небольшими рѣчками, которыя, въ дѣйствительности, не болѣе какъ ручьи, и притомъ съ стоячею, мутною и гнилою водою. Повсюду окружная мѣстность гладка и такъ ровна, что не на чемъ остановиться глазу. Отлогія и неглубокія балки (овраги), встрѣчающіяся на пути, извѣстны на перечетъ.

Негусто и населеніе этой мѣстности; выѣзжая изъ одной почтовой станціи, и до слѣдующей, рѣдко встрѣтишь одну-двѣ станицы, да и тѣ видны издали, за десятки верстъ.

Отъ границъ Ставропольской губерніи, т. е. перевалившись за черту Земли Войска Донскаго, начинается такъ называемый *Кавказскій край.*

Подъ именемъ Кавказскаго края извѣстенъ весь широкій перешеекъ, находящійся между морями Чернымъ и Каспійскимъ и ограниченный съ сѣвера землею войска Донскаго и Астраханскою губерніею, а съ юга границею Россіи съ Турціею и Персіею. Перешеекъ этотъ, соединяя Европу съ Азіею и владѣя двумя морями его омывающими, можетъ со временемъ служить торговымъ мѣстомъ свиданія народовъ двухъ частей свѣта, потому что одно море служитъ лучшею дорогою въ Европу, другое въ Азію.

Природа сама раздѣлила Кавказъ на три характеристичныя и отдѣльныя части: на *Предкавказье*, составляющее продолженіе равнинъ южной Россіи и простирающееся до самаго подножья горъ; на *Кавказъ*, или самый хребетъ, съ его многочисленными отрогами, хребетъ, пролегающій отъ Тамани до Баку, на разстояніи около тысячи верстъ, и наконецъ на *Закавказье*, или про-

странство, лежащее по южную сторону главнаго хребта, до самой границы нашей съ Персіею и Турціею.

Сѣверная половина Кавказскаго перешейка, или то, что мы назвали *Предкавказьемъ*, есть обширная равнина степной полосы южной Россіи, изрѣдка пересѣкаемая возвышенностями, не превышающими горъ средней Россіи. Равнина эта, въ свою очередь, раздѣляется на двѣ различныя части: одна, начинающаяся съ сѣверныхъ границъ края, отъ Земли Войска Донскаго и Астраханской губерніи и на югѣ касающаяся рѣкъ Кубани и Терека, тянется по ихъ теченію вплоть до морей Чернаго и Каспійскаго. Другая часть равнины пролегаетъ по подножію хребта горъ также отъ берега одного моря до другаго. Эта послѣдняя изрѣзана невысокими горными отрогами, идущими то паралельно главному хребту, то по теченію рѣкъ Лабы, Малки, Терека и Сунжи.

Первая часть *Предкавказья* есть степь въ полномъ значеніи этого слова, степь широкая, безлѣсная, безводная, изрѣдка только пересѣкаемая небольшими возвышеніями и балками (оврагами). Незначительныя рощи въ окрестностяхъ Ставрополя, да по обоимъ берегамъ рѣки Кумы, составляютъ единственную лѣсную растительность. Рѣчки и вообще вода рѣдкость въ этой мѣстности. Пять или шесть рѣчекъ, принадлежащихъ къ басейнамъ Маныча и Кумы, текущей въ Каспійское море—вотъ почти и вся водная система этого пространства.

Всѣ рѣки, составляющія систему Маныча, текутъ преимущественно по голой степи, отличаются недостаткомъ воды, большею частію дурнымъ ея качествомъ и изсякаютъ вмѣстѣ съ этою рѣкою.

Самая рѣка Манычъ представляетъ собою не болѣе какъ русло, пролегающее по степи между паралельно идущими буграми и издали похожее на широкую торную дорогу. Сухое лѣтомъ ложе Маныча состоитъ изъ непрерывнаго ряда овраговъ, рытвинъ, плесовъ, озеръ, соляныхъ болотъ (хаковъ) и солончаковъ, служащихъ проводникомъ для стока весеннихъ водъ.

Проложивъ себѣ этотъ путь, весеннія воды стекаютъ въ русло Маныча на самое непродолжительное время, послѣ чего рѣка высыхаетъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ образуемыхъ ею соленыхъ озеръ, сохраняющихъ воду въ теченіе цѣлаго лѣта.

Мѣстность, по которой пролегаетъ русло Маныча, нѣсколько западнѣе впаденія въ него рѣки Калауса имѣетъ наибольшее возвышеніе, и потому отсюда весеннія воды стекаютъ на двѣ стороны: на востокъ къ Каспійскому морю, образуя *восточный Манычъ* и на западъ къ Дону, образуя *западный Манычъ*, впадающій въ эту рѣку у Манычской станицы. Самымъ восточнымъ предѣломъ весеннихъ разливовъ водъ Маныча составляютъ озера Майли-Хоры, Кеке-Усуна и Састы, изъ коихъ послѣднее состоитъ изъ нѣсколькихъ озеръ и озеринокъ. Всѣ эти озера служатъ скопомъ водъ, идущихъ весною по восточному Манычу. Наполнивъ Састинскія озера, вода разливается по степи

и идетъ протоками въ озера Майли-Хору, Кеке-Усунъ и котловину Торцъ-Хакъ, гдѣ собственно и оканчивается теченіе восточнаго Маныча.

Западный Манычъ образуетъ также нѣсколько озеръ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательно Соляное озеро Маныча, или Манычскій лиманъ, имѣющій до 70-ти верстъ длины и до 6-ти верстъ ширины. Лиманъ этотъ служитъ источникомъ добыванія соли для Ставропольской губерніи и Земли Войска Донскаго.

Почва степи, по которой протекаютъ оба Маныча, содержитъ въ себѣ соль въ бо́льшемъ или меньшемъ количествѣ. «Весеннія воды, насытившись солью въ степяхъ, стекаютъ въ Манычскую низменность и, испаряясь въ ней, мѣстами до-суха, оставляютъ послѣ себя то горько-соленыя озера, то солончаки, и вообще почву, чрезвычайно проникнутую солью. Почвенная вода, вслѣдствіе этого, также дѣлается всюду соленою и кормовыя травы могутъ рости только на буграхъ и возвышенностяхъ».

Изъ притоковъ Маныча, съ лѣвой стороны, наиболѣе замѣчательны: *Калаусъ*, получающій свое начало въ Воровсколѣскихъ высотахъ и протекающій около 240-ка верстъ; *Большой Егорлыкъ*, вытекающій изъ Темнолѣскихъ высотъ и протекающій до 280-ти верстъ, и наконецъ *Средній* или *Вонючій Егорлыкъ*, текущій между пологими берегами чрезвычайно медленно. Воды всѣхъ этихъ рѣкъ очень дурнаго качества, всегда мутны, отличаются дурнымъ запахомъ и содержатъ въ себѣ примѣси различныхъ веществъ, дѣлающихъ ихъ негодными къ употребленію въ пищу и питье.

Самая значительная рѣка степнаго пространства есть, безспорно, *Кума*. Вытекая съ сѣверной покатости Главнаго хребта горъ, рѣка эта въ верхнихъ и среднихъ своихъ частяхъ принимаетъ, съ обѣихъ сторонъ, много притоковъ, которые, во время полноводья, довольно значительны. Въ это время она дѣлается быстрою, глубокою и затопляетъ всю низменную долину.

Въ Куму впадаетъ съ правой стороны: рѣчки *Волчья* и *Дарья*, имѣющія хорошую воду во всякое время, *Залка* и *Большой Киркили*, въ верхнихъ частяхъ котораго вода хороша, а далѣе дѣлается непріятнаго вкуса. Наиболѣе значительный изъ притоковъ Кумы рѣка *Подкумокъ*, съ его притоками, протекающій по долинѣ, которая выше Пятигорска открыта, ниже покрыта мелкимъ кустарникомъ, а при устьѣ довольно крупнымъ лѣсомъ. При мелководіи вода въ Подкумкѣ чиста и прозрачна, а при таяніи снѣговъ и полноводіи мутна. Съ лѣвой стороны въ Куму впадаетъ: *Тамлыкъ*, *Кумскія Барсукли*, *Горькая* и *Буйвола*, всѣ они незначительны, пересыхаютъ лѣтомъ, и тогда жители довольствуются цвѣтущею, гнилою водою, сохраняемою въ запруженныхъ съ весны балкахъ.

Проѣзжая черезъ станицы или селенія, поселенныя возлѣ подобныхъ рѣчекъ, меня часто поражалъ смрадъ и запахъ отъ постоянно гніющей воды. Свѣжему человѣку нѣтъ возможности близко подойти къ такому басейну, а между тѣмъ жители многихъ селеній, неимѣющіе у себя колодцевъ, употребляютъ подобную воду въ пищу и питье. Красивый и здоровый видъ ту-

земнаго населенія свидѣтельствуетъ, впрочемъ, что вода эта, повидимому, не производитъ дурныхъ послѣдствій въ гигіеническомъ отношеніи.

Такой недостатокъ хорошей, прѣсной воды дѣлаетъ многія мѣста этой степи положительно необитаемыми. Даже и кочевые калмыки приходятъ сюда только позднею осенью, когда могутъ довольствоваться дождевою водою изъ лужъ, называемыхъ ими *цандыками*, или, съ наступленіемъ зимы, пользоваться снѣгомъ, изъ котораго и добываютъ воду. Лучшія мѣста, лучшія поселенія групируются около Кумы — единственной порядочной рѣчки этого степнаго пространства. По обоимъ берегамъ ея растутъ небольшіе лѣса, здѣсь поселено много станицъ, видны воздѣланныя поля, хорошія пастбища, но и эта рѣчка, неимѣющая много притоковъ, осушаемая знойнымъ солнцемъ, постепенно истощаясь, теряется въ болотахъ и пескахъ, не достигая моря. Два или три ряда мелкихъ озеръ, прудовъ и лужъ, соединяющихся едва замѣтными мочевинами, поросшими камышемъ и занесенными песками, обозначаютъ дальнѣйшее теченіе рѣки.

Недостатокъ лѣса и воды дѣлаетъ дожди въ степи весьма рѣдкими и порождаетъ засуху. Температура лѣтомъ переходитъ часто за 30° и изсушаетъ траву до такой степени, что, при поднявшемся вѣтрѣ, она превращается въ огромное облако пыли, разносимой на далекое разстояніе. Въ жаркіе іюльскіе дни прикавказскія степи утомительны и однообразны; всюду видны желтыя выгорѣвшія поля, которыя рѣдко поитъ едва журчащая по камнямъ струйка воды, и пустынныя станицы, въ которыхъ часто нѣтъ ни деревца, ни зелени: горячій песокъ подъ ногами, сверху чистое, безоблачное и голубое небо, съ боковъ грязныя стѣны избъ, да бурая солома на крышахъ, таковъ общій видъ станицы. Грустно смотрѣть на подобныя поселенія, въ которыхъ проживаютъ тысячи людей. Жара и жажда томитъ все живущее, а пить нечего, кромѣ соленой и гнилой воды. На всемъ окружающемъ лежитъ отпечатокъ утомленія, лѣни, и только неизмѣнный степной житель—вѣтерокъ просторно гуляетъ по всѣмъ направленіямъ, но и тотъ, какъ будто, боится забѣжать въ балки или проѣзды между увалами: тамъ духота нестерпимая.

Въ степи пусто, но просторно, тихо и ясно. На вѣткѣ бѣднаго кустарника, близъ дороги качается жаворонокъ; дорога бѣжитъ и теряется въ синевѣ дали, а тамъ, за нѣсколько десятковъ верстъ, виднѣется среди поля одинокая избушка съ плетневымъ заборомъ и навѣсомъ для лошадей: это почтовая станція, открытая для всевозможныхъ вѣтровъ, непогоды и зимнихъ мятелей.

Зимою, морозы достигаютъ здѣсь до 20°; вьюги и мятели свободно гуляютъ по степи и санный путь держится иногда въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, съ декабря до начала марта.

Таковъ общій видъ степи, у сѣверныхъ границъ которой кочуютъ калмыки, съ своими стадами и табунами тощихъ лошадей, и гдѣ живутъ линейные казаки, крестьяне государственныхъ имуществъ, и осѣдлые ногайцы;

а на юговостокъ, ближе къ Каспійскому морю, обитаютъ полукочевые *карангогайцы.*

Подвигаясь далѣе на югъ, степной характеръ мало по малу исчезаетъ. Сначала, вдали, обрисовывается нѣсколько зеленыхъ стрѣльчатыхъ тополей, мѣстность дѣлается болѣе волнистою, тамъ и сямъ выдвигаются коническія верхушки холмовъ, дающія почувствовать, что степи скоро кончатся и впереди предстоитъ гористый Кавказъ.

Эта часть Ставропольской губерніи представляетъ возвышенную и открытую степную плоскость, перерѣзанную балками или оврагами. Къ берегамъ рѣкъ, орошающихъ эту мѣстность, возвышенности оканчиваются иногда обрывами или весьма крутыми скатами. Горные хребты здѣсь образуютъ уже нѣсколько значительныхъ высотъ, возвышающихся надъ всею мѣстностью и служащихъ какъ бы узлами всѣхъ возвышенностей, проходящихъ по Ставропольской губерніи. Къ числу такихъ возвышенностей принадлежатъ Воровсколѣскія, Круглолѣскія и Темнолѣскія высоты.

Съ окрестностей Георгіевска и Пятигорска мѣстность становится еще живѣе; видны невысокія горныя цѣпи, небольшіе лѣса и рощи; ручьи и рѣчки встрѣчаются нерѣдко и, разнообразя мѣстность, способствуютъ улучшенію климата; дожди, перепадая чаще, дѣлаютъ почву болѣе влажною и плодородною; пшеница родится здѣсь превосходно. Народонаселеніе этой мѣстности гуще и въ немъ замѣтно болѣе движенія и жизни. Многолюдныя станицы, Екатериноградская, Александровская и другія групируются по военно-грузинской дорогѣ, а въ сосѣдствѣ съ ними разсѣяны ногайскіе аулы, раскинутые верстъ на триста въ окрестностяхъ Ставрополя.

Эта вторая полоса равнины, имѣющая слишкомъ 800-тъ верстъ длины, мѣстами довольно узка, такъ что ширина ея часто не превосходитъ 30-ти или 40-ка верстъ. Въ средней своей части она представляетъ мѣстность болѣе или менѣе возвышенную и волнистую, а въ приморскихъ частяхъ низменную и совершенно плоскую.

На этомъ пространствѣ, начиная отъ берега Чернаго моря, пролегаютъ обширныя равнины Кубанская и Закубанская; далѣе, отъ р. Малки и до такъ называемаго Качкалыковскаго хребта — начинающагося у Сунженскаго ущелья — тянутся равнины: Кабардинская, Владикавказская и Чеченская. Послѣднія три, примыкая къ подножію горъ, ограничены: Кабардинская рѣкою Малкою и рѣкою Терекомъ; Владикавказская Карадагскимъ хребтомъ, западною частію Сунженскаго и верхнимъ теченіемъ рѣки Сунжи, и, наконецъ, Чеченская, рѣкою Сунжею и Качкалыковскимъ хребтомъ. Чеченская равнина чрезвычайно богата лѣсомъ, который въ Кабардинской и Владикавказской сохранился не въ такой степени и преимущественно по берегамъ рѣкъ.

Плодородная почва, роскошныя травы и теплый климатъ составляютъ от-

личительную принадлежность и характеристику равнинъ, прилегающихъ къ подножію горъ.

Непосредственно къ Чеченской равнинѣ прилегаетъ безлѣсная Кумыкская плоскость, заключенная между Терекомъ и Сулакомъ и ограниченная съ востока и юга Качкалыковскимъ хребтомъ и послѣдними покатостями сѣвернаго склона горъ. Плоскость эта не имѣетъ никакой покатости къ Каспійскому морю, такъ что орошающія ея рѣки, *Аксай*, *Ямано-су*, *Ярыкъ-су* и *Акташъ*, не достигаютъ моря, а, разливаясь по равнинѣ, образуютъ болотистую пустыню.

Переходъ отъ степной полосы къ равнинной слишкомъ рѣзокъ и поразителенъ: тамъ безлѣсье и безводіе, здѣсь неизмѣримый паркъ, обнесенный, какъ оградою, съ юга Кавказскимъ хребтомъ, съ сѣвера значительными рѣками, съ востока и запада двумя морями. Здѣсь развертывается Кавказъ во всемъ своемъ величіи—прихотливый, поэтичный и суровый. Теплый воздухъ освѣжается множествомъ источниковъ, рѣкъ и ручьевъ сбѣгающихъ съ горъ, которые, съ ихъ снѣговыми вершинами, составляютъ задній фонъ грандіозной и величественной картины.

Пользуясь теплымъ климатомъ, полоса эта обильна лѣсомъ, наполненнымъ фруктовыми деревьями, между которыми не рѣдкость черносливъ, персики абрикосы, шелковица, прекрасныя груши, баргамоты и виноградникъ.

Близость снѣговыхъ горъ отчасти причиною того, что на нѣкоторыхъ высокихъ плоскостяхъ этой полосы бываетъ довольно суровая зима и морозы доходятъ до 20°. Плодородная почва, обильныя и частыя дожди даютъ иногда неслыханные урожаи, а простая трава мѣстами достигаетъ человѣческаго роста. Не смотря на столь щедрую природу, она мало обработана и весьма мало населена. Линейные казаки, поселенные по близости горъ, долгое время владѣли землею, не считая десятинъ, и въ прежнее время горцамъ, выселявшимся въ наши границы, отдѣляли землю не десятинами, а цѣлыми пространствами, отъ одного какого нибудь урочища до другаго. Въ настоящее время земли эти поступаютъ въ надѣлъ и раздаются правительствомъ частнымъ лицамъ.

Населеніе этой полосы чрезвычайно разнообразно: по Тереку, Сунжѣ, Малкѣ, Кубани и Лабѣ поселены линейные казаки.

Восточнѣе или лѣвѣе Владикавказа живутъ чеченцы, рядомъ съ ними и немного сѣвернѣе, подлѣ Моздока, назрановцы, кисты и ингуши, принадлежащіе къ тому же чеченскому племени; противъ Кизляра и южнѣе его кумыки, разселившіеся до самаго Каспійскаго моря.

Противъ Владикавказа и немного западнѣе его поселились осетины; правѣе ихъ—ногайцы, а за ними, вплоть до Чернаго моря, черкесы и абазинцы, занявшіе оба склона Кавказскихъ горъ, какъ сѣверный, такъ и южный.

Кавказскій Водораздѣльный хребетъ, съ его отрогами, составляетъ громадный естественный рубежъ, раздѣляющій діагонально весь перешеекъ на двѣ неравныя части: на *сѣверную*, или большую (до 4,640 кв. миль), и *южную*, или мень-

шую (до 3,360 кв. миль) (¹). Имѣя наибольшее поднятіе въ срединѣ, Главный или Водораздѣльный хребетъ горъ постепенно понижается къ обоимъ морямъ: на сѣверо-западъ къ полуострову Таманскому, и на юго востокъ къ полуострову Апшеронскому.

Въ окрестностяхъ г. Шемахи хребетъ какъ будто останавливается и, сразу понизившись, разбѣгается въ разныя стороны нѣсколькими вѣтвями, сливающимися съ морскимъ прибрежьемъ.

Поразительно-художественный видъ представляетъ съ полей Кабарды Кавказскій хребетъ, выдвинувшійся громадною стѣною отъ одного моря до другаго. Вѣчно снѣжныя вершины его ярко рисуются на небѣ и блестятъ солнечнымъ свѣтомъ, прихотливо играющимъ во впадинахъ, по выпуклостямъ и переходящимъ то въ нѣжно голубой, то въ туманно-синій и бѣлый.

Прекрасны и поэтичны эти горы, но только издали. Стоитъ подойти къ нимъ ближе, подняться до снѣговой линіи, какъ восторгъ переходитъ въ удивленіе и, пораженный величіемъ и суровостію окружающей природы, человѣкъ чувствуетъ свое ничтожество. По мѣрѣ поднятія горизонтъ ограничивается вершинами утесовъ часто печальнаго, сѣраго цвѣта, безъ признака растительности. По нимъ ходятъ облака, лижутъ ихъ ребра; то скрываютъ, то раскрываютъ ихъ вершины, останавливаются на скалахъ, переплываютъ съ одной на другую, или, опустившись внизъ, покрываютъ туманомъ дорогу и проливаютъ дождь, то мелкій и продолжительный, то сильнымъ потокомъ низвергающійся на землю.

Поднимаясь еще выше, встрѣчаешь снѣгъ современный Ною. Вокругъ видъ дикій, мрачный и грозный: вѣтеръ свищетъ и своими порывами вздымаетъ снѣжную пыль; морозъ сковываетъ члены и спираетъ дыханіе. Здѣсь безсильно солнце и свѣтитъ—то оно издали, изъ за вершины какой нибудь снѣговой горы; природа здѣсь какъ будто умерла, окостенѣла отъ мороза, подъ снѣгами и льдомъ. Кругомъ безплодіе: ни куста, ни травки, словомъ, отсутствіе всякой жизни. Въ горахъ, весьма часто на значительномъ разстояніи, не слышно ни малѣйшаго звука, кромѣ воя вѣтра и изрѣдка паденія обвала, глухо раздающагося въ пропасти.

Начинаясь на берегу Чернаго моря, у крѣпости Анапы, горы идутъ въ юго-восточномъ направленіи и изъ общаго пространства Кавказскаго края, составляющаго около 8,000 квадратныхъ миль, они занимаютъ до 3,857 миль; остальное пространство остается на долю равнинъ и плоскихъ возвышенностей.

Покрываемое горами пространство составляетъ около 2,600 квадратныхъ миль и они занимаютъ въ длину, по среднему юго-восточному направленію, около тысячи верстъ, а въ ширину, по сѣверо-восточному направленію, до 200 верстъ.

На первый взглядъ горный хребетъ расположенъ въ пять почти пра-

(¹) Цифры эти приведены по вычисленію Г. Н. Салацкаго, изслѣдованіемъ котораго я преимущественно пользовался при описаніи орографіи Кавказа.

вильныхъ и симетричныхъ рядовъ, которыми, какъ исполинскими стѣнами, сѣверная часть Кавказскаго перешейка отдѣляется отъ Закавказья.

Сѣверная или передняя къ намъ гряда состоитъ изъ низшихъ горъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ, и, по своему темному очертанію, называющихся *Черными* горами. За этою грядою, и почти паралельно ей, идутъ высшія горы, болѣе крутыя и обрывистыя, съ весьма малою растительностію, а въ срединѣ пролегаетъ Водораздѣльный, или Главный хребетъ Кавказскихъ горъ.

По южную сторону Главнаго хребта опять тянутся точно такія же горы, почти голыя, крутыя и обрывистыя, а наконецъ за ними линія лѣсистыхъ низшихъ горъ, отъ подножія которыхъ начинается *Закавказскій край*.— Только по обоимъ своимъ концамъ, приближаясь къ берегамъ двухъ морей, горы нарушаютъ правильность своего расположенія. Въ безпорядкѣ, сплошными массами, или образуя родъ узловъ, напираютъ они на морскіе берега.

При болѣе внимательномъ разсматриваніи горной системы, общій характеръ расположенія горъ видоизмѣняется въ подробностяхъ.

Подъ именемъ Главнаго хребта извѣстенъ тотъ громадный, хотя и не самый высокій кряжъ, который, начинаясь отъ береговъ Чернаго моря, у Анапы, и не прерываясь нигдѣ ни поперечными равнинами, ни долинами, ни ущельями, идетъ почти до самаго Каспійскаго моря, гдѣ оканчивается горою *Ильхи-дагъ*, находящеюся недалеко отъ впаденія въ море рѣчки *Сумгаитъ-чая* [1].

Образуя собою настоящую водораздѣльную линію, Главный хребетъ, носящій вслѣдствіе того названіе *водораздѣльнаго*, имѣетъ почти прямолинейное направленіе, и только между горами *Улукулъ* и *Борбало* онъ представляетъ ломаную линію, образующую нѣсколько острыхъ угловъ.

Постепенно возвышаясь отъ Анапы, Главный хребетъ до горы *Оштенъ* представляетъ характеръ второстепенныхъ горъ. На протяженіи же между горами *Оштенъ* и *Адай-хохъ*, онъ возносится, большею частію своихъ вершинъ, за границу вѣчныхъ снѣговъ и, почти въ такомъ положеніи, достигаетъ до горы *Баба-дагъ*, за которою начинаетъ понижаться и наконецъ сливается съ низменными берегами Каспійскаго моря. На протяженіи между горою *Сонгути-хохомъ*, находящейся нѣсколько западнѣе *Адай-хоха*, и горою *Баба-дагомъ*, средняя абсолютная высота главнаго хребта достигаетъ до 11,240 футовъ, т. е. такой высоты, которая на 257 футовъ выше нижняго предѣла вѣчныхъ снѣговъ. Впрочемъ на всемъ этомъ пространствѣ возвышеніе главнаго хребта не одинаково; наибольшее приходится на западную и въ особенности на восточную оконечности, а средняя часть (между Гуданью и Химрикомъ) на 640 футовъ ниже снѣговой линіи. Къ высочайшимъ вершинамъ на этомъ пространствѣ принадлежатъ горы: *Базаръ-дюзъ*, въ 14,722 фута; *Тхфанъ-дагъ*, въ 13,764 фута; *Зильча-хохъ*, въ 12,645 футъ; *Салаватъ-дагъ*, въ

---

[1] См. прилагаемую при семъ карту Кавказскаго края.

11,943 фута и *Барболо Большой*, въ 10,807 футъ абсолютной высоты. Самые высокіе перевалы черезъ Главный хребетъ находятся между *Бегюлемъ* и *Баба-дагомъ*, изъ которыхъ опредѣлена высота только одного, по направленію тропы, пролегающей изъ деревни Куткашинъ въ деревню Хиналугъ; перевалъ этотъ достигаетъ до 11,068 футъ. Затѣмъ слѣдуетъ *Кадласанскій* перевалъ (10,770 футъ), между Ляхвою и Терекомъ, и самый низкій, *Буслачирскій* (7,746), между Гудомакарскою Арагвою и Терекомъ. Немного выше послѣдняго подымается перевалъ черезъ *Крестовую гору* (7,957 ф.), по которой пролегаетъ военно-грузинская дорога.

Почти на половинѣ длины Главнаго хребта, у горы *Сонгути-хохъ*, отдѣляется отъ него громадный боковой хребетъ, который, сохраняя по большей части направленіе паралельное Водораздѣльному хребту, простирается почти до самаго Каспійскаго моря.

Пересѣкаемый поперечными ущельями Ардона, Терека, Ассы, Аргуна, Тушинской Алазани, Ори-Цхали и Аварскаго Койсу, хребетъ этотъ имѣетъ направленіе сначала востоко-юго-восточное, потомъ юго-восточное и, наконецъ, сѣверо-восточное. Покрытый, отъ своего начала до горы *Диклосъ-мта*, вѣчными снѣгами и ледниками, онъ подпимается среднимъ числомъ до 14,420 футъ абсолютной высоты, и, такимъ образомъ, на 1,756 футъ превышаетъ самыя высокія части Главнаго, или Водораздѣльнаго хребта. Высочайшая вершина этого хребта есть конусообразная и голая гора *Казбекъ*, которая достигаетъ до высоты 16,546 футъ. За Казбекомъ, по высотѣ, слѣдуютъ пики: *Гимарай-хохъ*, въ 15,673 фута; *Адай-хохъ*, въ 15,244 фута и *Тебулосъ-дагъ*, въ 14,781 футъ абсолютной высоты.

Снѣга, покрывающіе вершину Казбека, служатъ запасомъ для образованія ледниковъ, изъ которыхъ самый замѣчательный, по своей длинѣ и гибельнымъ обваламъ, Девдоракскій ледникъ. Спускаясь по крутой долинѣ рѣки Кабахи, впадающей нѣсколько выше Дарьяльскаго ущелья въ долину Терека, ледникъ, во время обвала, заваливаетъ эту послѣднюю долину льдомъ и камнями на высоту отъ 300 до 500 футъ. Остановленныя въ своемъ теченіи, рѣки Кабахи и Терекъ затопляютъ тогда долины, до тѣхъ поръ, пока не прошибутъ льда и, съ необычайной быстротой, не ринутся по своему прежнему ложу.

Оба хребта, главный и боковой, связываются между собой семью поперечными перемычками, образующими столько же обширныхъ котловинъ: *Нардонскую* (Ардонскую), *Терскую*, *Ассинскую* и лѣсистую *Аргунскую*, по которымъ протекаютъ рѣки того же имени, составляющія басейнъ рѣки Терека.

Аргунская котловина отдѣляется отъ *Тушинской* и такъ называемаго Дагестана поперечнымъ хребтомъ, связывающимъ горный узелъ *Барбало* съ вершиною боковаго хребта, *Тебулосъ-дагомъ*. Тушинская лѣсистая котловина, орошаемая р. Тушинскою Алазанью и многочисленными ея притоками, начи-

наетъ собою рядъ дагестанскихъ котловинъ.—Непосредственно за Тушинскою слѣдуетъ *Дидойская* котловина и самая обширная и обильная лѣсомъ *Анкратльская*, омываемая водами, образующими Аварское-Койсу. Воды послѣднихъ трехъ котловинъ, посредствомъ Андійскаго и Аварскаго-Койсу, сливаются въ Сулакъ. Поперечная гряда, соединяющая горы *Анхималъ* и *Саридахъ*, отдѣляетъ Анкратльскую котловину отъ продольной и безлѣсной долины *Самура*, выходящей на равнину, располагающуюся вдоль берега Каспійскаго моря, между Дербентомъ и устьемъ рѣки *Сумгаитъ-чая*.

На большей части протяженія Самурской долины и до оконечности главнаго хребта сѣверный склонъ его пересѣкается передовою цѣпью, прорванною множествомъ поперечныхъ долинъ. Нѣкоторыя вершины этой цѣпи находятся за снѣжною линіею: такъ, напримѣръ, гора *Шахъ-дагъ* имѣетъ 13,951 футъ, *Шалбузъ-дагъ*—13,679 футъ и *Кызылъ-кая*—12,247 футъ абсолютной высоты.

Сѣверную половину Кавказскаго перешейка наполняетъ сѣверный склонъ Кавказскаго хребта, состоящій изъ двухъ полуэлипсоидальныхъ массъ, которыя, глубокимъ ущельемъ Терека, раздѣляются на двѣ неравныя части: на *западную*, имѣющую до 580 верстъ въ длину (считая по главному гребню) и до 100 верстъ въ ширину, и на *восточную*, около 420 верстъ въ длину и 140 верстъ въ ширину. Наименьшая ширина сѣвернаго склона, или его поперечникъ, находится при живописномъ Терекскомъ ущельѣ, извѣстномъ подъ именемъ *Дарьяльскаго*, и можетъ быть опредѣленъ «разстояніемъ отъ Владикавказа до перевала Гудъ-горы, позади Коби, составляющимъ, по прямому направленію, до 60 верстъ». Оба полуэлипсоида имѣютъ довольно плоскіе склоны и, только при приближеніи другъ къ другу, пріобрѣтаютъ альпійскій характеръ съ крутыми обрывами.

Основаніемъ западной полуэлипсоидальной выпуклости сѣвернаго склона Кавказскихъ горъ служитъ плоско-выпуклый сводъ, образующій значительный контрфорсъ, наполняющій собою пространство между Малкою и истоками Кубани. На этомъ сводѣ, служащемъ первымъ началомъ раздѣла водъ Чернаго и Каспійскаго морей, ближе къ главному хребту, на высотѣ около 11,000 футъ, находится основаніе высочайшей конусообразной горы *Эльбрусъ*, оканчивающейся двумя снѣжными вершинами: западною въ 18,571 футъ и восточною въ 18,453 фута. Съ высоты 11,200 футъ Эльбрусъ покрытъ уже вѣчнымъ снѣгомъ, изъ-подъ котораго выглядываютъ темныя его скалы, какъ небольшія пятна. По своему орографическому строенію, гора эта способствуетъ образованію многихъ ледниковъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны ледники, находящіеся въ верхнихъ долинахъ рѣкъ: Малки, Кубани, и въ особенности Баксана.

Къ западу отъ горы *Сонгути-хохъ*, сѣверный склонъ Кавказа состоитъ изъ контрфорсовъ, примыкающихъ къ главному хребту подъ прямыми углами и, на нѣкоторомъ отъ него разстояніи, поднимающихся крутыми утесами,

а потомъ понижающихся болѣе или менѣе отлогими скатами, которыми они и прилегаютъ къ главному гребню. Уступы эти образуютъ передовую цѣпь, которая, сохраняя до нѣкоторой степени паралельное направленіе, сопровождаетъ главный и боковой (на всемъ его протяженіи отъ Сонгути-хоха до Диклосъ-мты) хребты, и, «въ дальнѣйшемъ своемъ протяженіи на востокъ, пересѣкаетъ оконечности юго-восточныхъ дагестанскихъ цѣпей и образуетъ часть Сулако-Терскаго водораздѣла».

Цѣпь этихъ горъ, извѣстная подъ именемъ *Черныхъ*, прорвана многочисленными притоками Кубани и Терека; нѣкоторыя изъ ея вершинъ подымаются выше снѣговой линіи.

Отличительное свойство Черныхъ горъ состоитъ въ томъ, что южные ихъ скаты часто совершенно отвѣсны, тогда какъ сѣверные, на оборотъ, весьма отлоги. Оттого всѣ рѣки, пересѣкающія этотъ кряжъ, образуютъ великолѣпныя ущелья, въ родѣ корридоровъ, съ отвѣсными и постепенно понижающимися на сѣверъ стѣнками. Къ числу такихъ живописныхъ ущелій можно отнести: Ахметовское, на рѣкѣ Большой Лабѣ, и Даховское, на Бѣлой. По выходѣ изъ тѣснинъ Черныхъ горъ, всѣ рѣки болѣе или менѣе расширяются и вступаютъ въ долины.

Постепенное пониженіе Черныхъ горъ къ сѣверу и, наконецъ, сліяніе ихъ съ низменными равнинами, прилегающими къ рѣкамъ Кубани, Малкѣ, Тереку и Сунжѣ, послужило основаніемъ къ образованію большихъ возвышенныхъ долинъ, изъ которыхъ нѣкоторыя чрезвычайно плодородны. На скатахъ этихъ горъ находятся богатыя и тучныя пастбища, и вотъ причина, почему скаты эти были наиболѣе населены горцами, которые, пользуясь закрытою лѣсистою мѣстностью, могли дѣлать безнаказанно набѣги на земли своихъ сосѣдей.

Къ Чернымъ горамъ, близъ прорыва черезъ нихъ рѣки Уруха, примыкаетъ невысокій кряжъ, простирающійся до крѣпости Грозной, гдѣ онъ образуетъ возвышенный лѣвый берегъ рѣки Сунжи. Прорвавшись черезъ этотъ хребетъ, рѣка Терекъ раздѣляетъ его на двѣ части: западную, имѣющую сѣверо-восточное направленіе и извѣстную подъ именемъ *Карадагскаго* (Псехешъ) хребта, и восточную, пролегающую сначала между Терекомъ и Сунжею, а потомъ вдоль лѣваго берега послѣдней, отчего и самый хребетъ называется *Сунженскимъ*.

Сѣвернѣе Сунженскаго хребта, въ среднемъ разстояніи верстъ около 17, и паралельно ему, между станицею Пришибскою, на Терекѣ, и Умаханъ-Юртовскою, на Сунжѣ, пролегаетъ такъ называемый *Терскій* хребетъ, наибольшая высота котораго не превышаетъ 2,307 футъ, а длина около 145 верстъ. Хребетъ этотъ составляетъ западное продолженіе *Качкалыковскаго* хребта, отъ котораго отдѣляется Сунженскимъ ущельемъ, и который, близъ Герзель-аула, примыкаетъ къ подошвѣ Кавказа.

Черныя горы на востокѣ, какъ мы сказали, входятъ въ соприкоснове-

ніе съ передовыми паралельными цѣпями, замѣчаемыми сѣвернѣе боковаго хребта и располагающимися то въ широтномъ, то въ юго-восточномъ направленіи. Эти послѣднія цѣпи, переплетаясь и взаимно пересѣкаясь между собою, участвуютъ въ образованіи весьма «замѣчательнаго водораздѣла, составляющаго полукруговую окраину нагорнаго Дагестана, или обширной котловины Сулака, къ которой котловины Тушинская, Дидойская и Анкратльская относятся какъ части къ цѣлому».

Водораздѣлъ этотъ, ущельемъ Сулака, раздѣляется на два хребта, изъ которыхъ одинъ г. Н. Салацкій называетъ *Сулако-Терскимъ*, а другой *Сулако-Каспійскимъ*. По сообщаемымъ тѣмъ же авторомъ свѣдѣніямъ, начальную часть Сулако-Терскаго водораздѣла составляетъ поперечная гряда, соединяющая вершину главнаго хребта, гору *Барбало*, съ вершиною боковаго хребта *Тебулосъ-дагъ* и разграничивающая котловину Аргунскую и Тушинскую. Далѣе отъ Тебулосъ-дага водораздѣлъ пролегаетъ по гребню боковаго хребта до горы *Диклосъ-мта*; отсюда по вершинамъ горнаго кряжа, соединяющаго гору Диклосъ-мта съ передовою цѣпью горъ, пересѣкаемыхъ Андійскимъ-Койсу, близъ Преображенскаго укрѣпленія, а Аргуномъ близъ укрѣпленія Евдокимовскаго. Пройдя потомъ верстъ пять по этой цѣпи, водораздѣлъ спускается на невысокую перемычку, соединяющуюся съ Черными горами.

Начало Сулако-Каспійскаго водораздѣла составляетъ поперечная гряда, соединяющая горы *Анхималъ* и *Сари-дагъ* и отдѣляющая Анкратльскую котловину отъ продольной Самурской долины. Отъ Сари-дага водораздѣльная линія проходитъ по гребню боковаго хребта, а «въ дальнѣйшемъ своемъ продолженіи водораздѣлъ пролегаетъ большею частію по передовымъ цѣпямъ, а иногда по связывающимъ ихъ перемычкамъ, и представляетъ весьма излучистую линію».

Сулакская котловина, ограниченная этими водораздѣлами и частію главнаго хребта, имѣетъ отъ *Барбало* до *Устисалу* до 170 верстъ длины, и отъ Анхимала до Сулакскаго ущелья до 100 верстъ въ ширину. Котловина эта, вмѣстѣ съ входящими въ составъ ея Тушинскою, Дидойскою и Анкратльскою котловинами, занимаетъ площадь въ 9,800 квадратныхъ верстъ. Она представляетъ горную массу, состоящую, главнѣйшимъ образомъ, изъ паралельныхъ цѣпей, которыя подчиняются юго-восточному направленію и пересѣкаются насквозь глубокими ущельями четырехъ Койсу. «Между цѣпями располагаются возвышенныя продольныя долины, прямолинейныя или дугообразныя, которыя ниспадаютъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ въ означенныя ущелья. Эти продольныя долины начинаются на линіяхъ раздѣла водъ Койсу, линіяхъ, связывающихъ паралельныя цѣпи» и образующихъ то вытянутыя нагорныя равнины, то ряды утесовъ. Сюда относятся плоскогорья, образующія нагорную страну Аваріи, ограниченную съ трехъ сторонъ теченіемъ Андійскаго и Аварскаго Койсу и достигающую до 7,244 футовъ абсолютной

высоты; затѣмъ далѣе идутъ плоскогорья, находящіяся между Аварскимъ и Кара-Койсу, и, наконецъ, самое замѣчательное изъ нихъ—играющее столь значительную роль въ военной исторіи—Гунибское, поднимающееся до 7742 фут. абсолютной высоты. Гунибское плоскогорье отдѣляется, глубокимъ ущельемъ Кара-Койсу, отъ плоской возвышенности, имѣющей 7,905 футъ абсолютной высоты, на которой, какъ разъ надъ андаляльскимъ селеніемъ Чохомъ, расположена гора *Турчи-дагъ*. Турчидагская терраса извѣстна какъ превосходная лѣтняя стоянка нашихъ войскъ. Большая часть этихъ плоскогорій окружены со всѣхъ сторонъ обрывами и связаны между собою водораздѣльными перешейками.

Каменистыя громады Аваріи возвышаются въ самомъ средоточіи этого горнаго пространства. Повсюду одинаково недоступная, Аварія, какъ бы самою природою была предназначена для того, чтобы повелѣвать обществами, поселившимися внизу, у ея подножія. Внѣшнее очертаніе Аварской плоской возвышенности имѣетъ видъ сектора, омываемаго Аварскимъ и Андійскимъ Койсу и замкнутаго хребтомъ *Тала-Кори*. Внутреннее пространство угла, образуемаго сліяніемъ вышеупомянутыхъ рѣкъ, занято недоступнымъ *Бетлинскимъ* кряжемъ (6,243 фут.); паралельно ему поднимается хребетъ *Арактау* (7,743 фут.); въ промежуткѣ между ними, сѣвернѣе селенія Моксоха, находится глубокое *Цатанихское* ущелье, а юговосточнѣе этого селенія расположилось замѣчательное *Балаканское* ущелье, имѣющее, при своемъ началѣ, не болѣе пяти саженъ и ограниченное изрытыми, каменистыми, почти отвѣсными стѣнами. Соединившись вмѣстѣ, у Цатанихскаго ущелья, хребты Арактау и Бетлинскій достигаютъ до Андійскаго Койсу и, оканчиваясь отвѣсно, образуютъ правый берегъ этой рѣки.

«Паралельно Арактау, тянутся уступами еще два хребта—*Танусъ-Балъ* и *Тала-Кори*; послѣдній ограждаетъ Аварію съ юга и юго-запада. Пространство между ними составляетъ такъ-называемую Аварскую долину, въ которой и сосредоточивается почти все населеніе этого, нѣкогда могущественнаго, ханства. Аварская долина съ юго-востока ограничивается Гоцатлинскими высотами и, посредствомъ Кахскаго ущелья, выходитъ на Аварское Койсу; съ сѣверо-запада замыкается отрогами Тала-Кори, который, убѣгая на сѣверъ, къ Андійскому Койсу, образуетъ на берегахъ ея неприступное ущелье Тлоха».

На востокъ отъ Аваріи, по правому берегу Аварскаго Койсу, пролегаетъ *Койсубулинскій* хребетъ, замыкающій справа ущелье того же имени и достигающій высшею своею точкою, горою *Гаркасъ*, до 7,445 футъ. Хребетъ этотъ, на западъ, къ сторонѣ Койсу имѣетъ отвѣсныя скалы, а къ востоку спускается пологими скатами, покрытыми зеленью. Отроги Койсубулинскаго хребта, проходя черезъ шамхальство Тарковское и нижнюю часть Мехтулинскаго ханства, достигаютъ моря. Близъ селенія Араканы, хребетъ принимаетъ названіе *Гаркаса* и распадается на три вѣтви: главный хребетъ идетъ мимо селенія Кодуха на Гергебиль и называется *Кодухскими* горами, а затѣмъ,

повернувъ на юго-востокъ, достигаетъ до селенія Кутиши, гдѣ и оканчивается, наполняя собою сѣверъ Даргинскаго округа. Двѣ же его отрасли, отдѣлившіяся близъ Аракана, идутъ почти паралельно между собою, причемъ сѣверная вѣтвь отдѣляетъ нижнюю часть Мехтулинскаго ханства отъ верхней, и оканчивается лѣсистыми горами у Губдени, а южная отрасль, «оградивъ съ сѣверо-востока глубокое и неприступное Аймакинское ущелье, останавливается на лѣвомъ берегу рѣки Лаваши-чай».

Къ сѣверу Койсубулинскій хребетъ значительно понижается и входитъ въ связь съ хребтами, прилегающими къ берегу Сулака, которые, изрѣзавъ правый берегъ этой рѣки множествомъ балокъ крутыхъ и заросшихъ колючкою, идутъ въ глубь шамхальства и оканчиваются у селеній Кумтеръ-кале и Капчугая. Вся эта мѣстность, въ высшей степени пересѣченная, является совершенно безводною, ближе къ морю песчаною и рѣшительно необитаемою.

Слѣдуя по направленію главнаго хребта къ востоку, мы встрѣчаемъ лѣсистый хребетъ Мечитль, который, отдѣлившись отъ главнаго хребта у горы Симура, достигаетъ своими отрогами до плоскогорья Аваріи и имѣетъ наибольшее возвышеніе въ центрѣ обществъ, живущихъ въ верховьяхъ рѣкъ Андійскаго и Аварскаго Койсу.

Далѣе на югъ по главному хребту, къ сѣверной его покатости, примыкаетъ громадный горный узелъ, составленный изъ первоклассныхъ вершинъ, *Гудуръ-дага*, *Акимала*, *Сари-дага* и, лежащей внѣ главнаго хребта, горы *Дюльты-дага*. Отъ этого узла, подобно вѣеру, расходятся хребты въ разныя стороны и одинъ изъ нихъ наполняетъ пространство между рѣками *Аварскимъ* и *Кара-Койсу* и соединяется, при посредствѣ Тилитлинской горы, съ Гунибскою плоскою возвышенностью; другой пролегаетъ между двумя истоками Кара-Койсу, и наконецъ третій между этою послѣднею и рѣкою Казыкумухское-Койсу.

Къ югу отъ Дюльты-дага отдѣляется на юго-востокъ довольно высокій хребетъ, который, слѣдуя по лѣвому берегу Самура и оканчиваясь у моря, покрываетъ собою значительное пространство влѣво отъ Самура, и своими отрогами спускается въ долины Кюринскаго ханства.

Южная сторона хребта, пролегающая вдоль лѣваго берега рѣки Самура, повсюду скалиста и крута, и только въ немногихъ мѣстахъ разбросаны на немъ небольшія площадки, способныя для хлѣбопашества и разведенія садовъ. Самыя рѣзкія противоположности и быстрые переходы отъ дикой и суровой природы къ зеленѣющимъ полямъ и селеньицамъ съ ихъ садами, наполненными тополями, чинарами и кипарисами, дѣлаютъ дорогу по берегу Самура чрезвычайно живописною. Отъ этого хребта, между верховьями Казикумухскаго Койсу и Чирахъ-чая, отдѣляется высокій *Кокмадагскій* хребетъ, который своими развѣтвленіями наполняетъ верхнія части Казикумухскаго ханства, Сюргинское и Кубачинское общество и всю Табасарань.

Изборроздивъ послѣднюю по всѣмъ направленіямъ своими лѣсистыми и

отлогими возвышенностями, горы оканчиваются недалеко отъ берега моря, оставляя узкій проходъ, замкнутый Дербентомъ.

Въ соединеніи съ хребтомъ Салухскимъ, Кокмадагскій хребетъ служитъ водораздѣломъ между рѣками, впадающими въ Казикумухское Койсу и вливающимися непосредственно въ Каспійское море. Салухскій хребетъ, наполнивъ своими отрогами южную часть Акуши, верхній и нижній Кайтаги, сливается потомъ съ морскимъ прибрежьемъ. Восточная часть Самурскаго округа и весь Кубинскій уѣздъ изрѣзаны отрогами Главнаго Кавказскаго хребта, изъ которыхъ одни упираются въ Самуръ, другіе слѣдуютъ по его теченію и, наконецъ, третьи достигаютъ до моря, оставляя ровною только узкую полосу земли, расширяющуюся по мѣрѣ приближенія къ г. Кубѣ.

Таковъ общій видъ *Дагестана*, подъ именемъ котораго разумѣется горное пространство, заключенное въ прямоугольномъ треугольникѣ, вершина котораго находится на Апшеронскомъ полуостровѣ, а стороны ограничены западнымъ берегомъ Каспійскаго моря, главнымъ Кавказскимъ и, идущимъ отъ г. Барбало, Сулако-Терскимъ водораздѣльнымъ хребтами.

Послѣдній во многихъ сочиненіяхъ носитъ названіе Андійскаго хребта, хотя и нѣтъ никакихъ основаній къ присвоенію ему такого общаго названія. Служа водораздѣломъ между басейнами рѣкъ Терека и Сулака, хребетъ этотъ, какъ мы видѣли, состоитъ изъ многихъ отдѣльныхъ кряжей, и потому извѣстенъ дагестанцамъ подъ частными названіями, и ни одно изъ племенъ, населяющихъ Дагестанъ, не называетъ его Андійскимъ. Такъ, между Кистетіею и Ункратлемъ его называютъ Снѣговымъ; въ Андіи—Речельскимъ; въ Гумбетѣ—Джалдари-Мееръ и въ Салатавіи—Салатау.

Сѣверный скатъ Сулако-Терскаго хребта, будучи довольно отлогимъ и покрытымъ въ срединѣ и подошвахъ густымъ лѣсомъ, представлялъ надежное убѣжище для чеченцевъ и, частію, дагестанскихъ горцевъ, тогда какъ, напротивъ того, южный его склонъ покрытъ вообще скуднымъ лѣсомъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляетъ не менѣе скудныя пастбища, на которыхъ, какъ на оазисахъ, пріютились населенія дагестанскихъ обществъ: Технуцала, Андіи и Гумбета; въ средней и восточной своей части хребетъ суровъ, скалистъ и крайне затруднителенъ для сообщенія вдоль берега Андійскаго-Койсу. «Напримѣръ, говоритъ Окольничій, чтобы перейти изъ Андіи въ Гумбетъ, надо миновать отрогъ Буцрахъ, отходящій отъ хребта почти перпендикулярно теченію Койсу и прерываемый только въ одномъ мѣстѣ узкою трещиною—Андійскими воротами, черезъ которыя и пролегаетъ сообщеніе».

Вообще, по мѣрѣ удаленія въ глубь Дагестана, Кавказскій хребетъ отдѣляетъ отъ себя скалистые отроги, перерѣзанные мрачными, глубокими и малодоступными ущельями, проходъ къ которымъ возможенъ только по едва проходимымъ тропинкамъ. Здѣсь горы достигаютъ наибольшаго своего развѣтвленія и нигдѣ не являются столь дикими и суровыми.

Весь Дагестанъ состоитъ изъ хаоса горъ, безлѣсныхъ, каменистыхъ, окра-

шенныхъ или въ бурый цвѣтъ съ фіолетовыми оттѣнками, или подернутыхъ сизоватой дымкой. Дагестанскія горы представляютъ множество ломаныхъ линій и почти ни одной круглой. Здѣсь все угловато, все дробится на ущелья, состоитъ изъ ущельевъ, горныхъ закаулковъ и трущобъ. Смотря на этотъ хаосъ каменныхъ громадъ, нигдѣ непокрытыхъ зеленью, почти не вѣрится, чтобы и тутъ могли жить люди и пользоваться даже богатыми угодьями.

Пути сообщенія, въ большей части Дагестана, состоятъ изъ тропинокъ, годныхъ только для верховой ѣзды. Тропинки эти почти всегда пролегаютъ по ущельямъ, на большей или меньшей высотѣ надъ ложемъ текущихъ въ ущельяхъ горныхъ рѣчекъ и потоковъ, или спускаются къ самому ихъ ложу, загроможденному камнями. При перевалахъ изъ одного ущелья въ другое, подъемы и спуски составляютъ наибольшее затрудненіе для проѣзжаго; нѣтъ возможности проложить тропу иначе какъ зигзагами, иногда въ нѣсколько десятковъ поворотовъ, на самомъ незначительномъ разстояніи. Крѣпкія и привычныя къ подобнымъ дорогамъ, горскія лошади, цѣпляющіяся по отвѣснымъ скаламъ какъ кошки, и тѣ съ большимъ трудомъ поднимаются по нѣкоторымъ тропинкамъ и требуютъ, чтобы при крутыхъ спускахъ всадникъ слѣзалъ съ нихъ. Часто, проѣзжая значительное разстояніе, всадникъ не видитъ ничего, кромѣ новаго заворота дороги вправо или влѣво и обрыва, по которому проложена весьма узкая и, въ добавокъ, осыпающаяся тропа ([1]).

Зигзаги въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ узки, что на нихъ едва умѣщается лошадь. Горца не удивляетъ, что съ боку его отвѣсная бездонная пропасть, и онъ часто, слѣзши съ коня, совершенно равнодушно идетъ пѣшкомъ, не смотря на то, что каждый неловкій и невѣрный шагъ грозитъ паденіемъ въ бездонную пропасть. Чѣмъ выше поднимаешься на горы, тѣмъ бѣднѣе растительность, и на самой вершинѣ, къ снѣжной линіи, только мхи и ягели своею ярко-зеленою и красноватою зеленью оживляютъ скалы. По мѣрѣ подъема, воздухъ дѣлается рѣже и рѣже; дыханіе ускоряется и сердце бьется непріятно. Если при этомъ скроется солнце и появятся облака, то становится очень сыро и холодно до такой степени, что, не смотря на теплую одежду, сырость пронизываетъ насквозь. Облака, своими нижними, разорванными, клочьями, носятся надъ головою, то охватываютъ лѣсъ и лижутъ горы, находящіяся надъ путешественникомъ, то, разступаясь, открываютъ ихъ. Мало по малу обращаясь въ черную массу, они скрываютъ самые близкіе

([1]) Изъ путешествія по Дагестану.—Н. Воронова Сборн. Св. о Кав. Гор. выпус. I. Очеркъ Орографіи и Геологіи Кавказа.—Н. Салацкаго Записк. Кавк. Отд. Импер. Рус. Геогр. Общ. книга VII изд. 1866 г. Геологическіе очерки Кавказа.—Щуровскаго Русск. Вѣстн. 1862 г. № 2—4. Перечень событій въ Дагестанѣ.—Окольничій Воен. Сбор. 1859 г. № 1. Покореніе Кавказа. Рус. Вѣстн. 1860 г. № 11. Дорога отъ Тифлиса до Владикавказа Кавк. 1847 г. № 33. Очеркъ Сѣверной стороны Кавказа. Кавк. 1847 г. № 2. Изъ Черноморскаго края Н. Вороновъ. Русскій Вѣстникъ 1856 г., № 21.

предметы, и чувство одиночества овладѣваетъ человѣкомъ, видящимъ себя на небольшомъ клочкѣ земли, въ безпредѣльномъ пространствѣ, среди грозящей природы. Ослѣпительный блескъ молніи, а вслѣдъ за нею страшный ударъ грома, раскатывающагося по ущельямъ безчисленнымъ эхомъ, заглушается проливнымъ дождемъ, смѣняемымъ то снѣгомъ, то градомъ. Неожиданно налетѣвшій вѣтеръ, срывая снѣгъ съ вершины горъ, производитъ мятель, среди которой блистаетъ молнія и громъ, не перестающіе ни на минуту. Такая картина очаровательна при всей ея суровости!...

II.

Гидрографическій очеркъ Кавказа. — Басейнъ Чернаго и Каспійскаго морей. — Характеръ мѣстности, ея производительность и климатическія особенности. — Гидрографія Дагестана.

Познакомившись, до нѣкоторой степени, подробно съ общимъ направленіемъ Главнаго или Водораздѣльнаго хребта и сѣвернаго его склона, мы можемъ теперь подвести итогъ всему сказанному о характерѣ этой мѣстности и перейти къ гидрографическому ея описанію. Дѣлая общій или, такъ сказать, наглядный выводъ, мы увидимъ: что, на протяженіи болѣе шести-сотъ верстъ, отъ горы Оштенъ и до Салаватъ-дага, Кавказскій хребетъ образуетъ почти непрерывную цѣпь вершинъ, изъ которыхъ многія покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, и что на значительной части этого протяженія горы раздваиваются на два высокихъ снѣговыхъ хребта, между которыми лежатъ глубокія котловины. Протекающія по нимъ рѣки прорываются узкими, часто мрачными ущельями, сквозь сѣверный снѣговой хребетъ, отчего южный, какъ линія водораздѣла, считается главнымъ, хотя высшія вершины, *Эльбрусъ*, *Казбекъ* и другія, не лежатъ въ этомъ хребтѣ, а или выдвинулись къ сѣверу, или находятся на сѣверномъ боковомъ гребнѣ. Гора Эльбрусъ образуетъ своими подошвами нѣсколько уступовъ и къ сѣверу пускаетъ отлогую отрасль, служащую водораздѣломъ между притоками Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей. У самой подошвы Эльбруса берутъ начало: на западѣ рѣка Кубань, на востокѣ рѣки Малка, Баксанъ и другія.

Скатываясь съ подножья Эльбруса, *Кубань*, извѣстная у черкесовъ подъ именемъ *Пшизъ* (что значитъ *князь рѣкъ*, или, въ буквальномъ переводѣ, *старый князь*), при самомъ своемъ началѣ питается многочисленными стоками съ той же горы, составляющими особый басейнъ, который можетъ

быть названъ Карачаевскимъ, отъ имени котловины (1), по которой протекаютъ эти источники.

Прорвавъ Черныя горы, ниже Верхне-Николаевской станицы, Кубань постепенно спускается на низменность, и уже ниже Карачая постоянные броды встрѣчаются на ней рѣдко. Впрочемъ, въ большую часть года можно пріискать мѣсто для переправы черезъ Кубань, особенно на пространствѣ отъ ея истоковъ до впаденія въ нее рѣки Урупа; далѣе же переправа дѣлается возможною только при помощи мостовъ или паромовъ, въ особенности во время прибыли воды.

Прибыль воды въ Кубани бываетъ обыкновенно три раза въ годъ: во-первыхъ весною, въ мартѣ и апрѣлѣ; во-вторыхъ, лѣтомъ, въ концѣ іюня и въ началѣ іюля—въ обоихъ случаяхъ отъ таянія снѣговъ, и наконецъ третій разъ осенью, въ октябрѣ и ноябрѣ, отъ обилія дождей. Въ такое время масса воды въ Кубани почти мгновенно увеличивается и случается, что въ рѣкѣ, скорѣе чѣмъ въ часъ, вода подымается на аршинъ и болѣе, и тогда глубина ея мѣстами доходитъ до трехъ саженъ. При значительной прибыли воды, Кубань разливается и затопляетъ всѣ низменныя мѣста, въ особенности Черноморію и противолежащій ей лѣвый берегъ. Въ іюлѣ 1846 года разливъ Кубани, во многихъ мѣстахъ, доходилъ до 20 верстъ; вода затопила всѣ прибрежные закубанскіе аулы, истребила запасы хлѣба, сѣна и разрушила верки двухъ мостовыхъ нашихъ укрѣпленій.

Во время зимы Кубань, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, покрывается тонкимъ льдомъ, рѣдко удобнымъ для переправы; но замерзаніе и вскрытіе ея бываетъ непостоянно. Всего чаще она замерзаетъ въ половинѣ декабря, а вскрывается въ среднихъ числахъ февраля.

Протекая около 680 верстъ, Кубань признана судоходною до Тифлиской станицы, т. е. на 400 верстъ отъ ея устья; но для сплава лѣса она удобна почти отъ самыхъ верховьевъ, такъ что и теперь лѣсъ съ Теберды пригоняется въ Прочный-окопъ.

Въ своемъ теченіи Кубань подчиняется тѣмъ общимъ свойствамъ, которыя принадлежатъ горнымъ потокамъ. Всѣ горныя рѣки, стекающія съ Главнаго и второстепенныхъ хребтовъ, составляются изъ нѣсколькихъ ручьевъ, которые, слившись въ одинъ шумный и быстрый потокъ, стремятся съ значительною скоростью по глубокимъ ущельямъ, до выхода ихъ въ предгорную полосу. Вырвавшись на равнину, по мѣрѣ удаленія отъ горъ, скорость теченія уменьшается, и тогда рѣка, сообразно съ паденіемъ мѣстности, принимаетъ на дно песокъ, снесенный ею съ горъ. Отъ постоянной осадки песка дно постепенно возвышается, и рѣка, имѣя на равнинѣ плоскіе берега,

(1) Карачай не есть собственно котловина, а рядъ углубленій, образуемыхъ Главнымъ хребтомъ и его уступами. Западною границею Карачая служитъ водораздѣлъ между рѣками Тебердою и Даутомъ.

разливается на нѣсколько рукавовъ, а во время полноводія затопляетъ окружающую мѣстность. Та же плоскость береговъ причиною тому, что, при сильномъ напорѣ и прибыли воды, нѣкоторыя рѣки мѣняютъ свои русла. Глубина горныхъ рѣкъ бываетъ не одинакова и не постоянна: въ жаркое время рѣки образуютъ множество острововъ, мелей и бродовъ; весною же и осенью и во время таянія снѣговъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, онѣ быстро возвышаются и бываютъ проходимы въ бродъ только въ немногихъ мѣстахъ. По мѣрѣ приближенія къ устью своему, горныя рѣки разливаются и образуютъ болотистыя мѣста, почти никогда не пересыхающія.

Эти общія свойства составляютъ принадлежность и Кубани, въ которой, отъ быстроты теченія и обилія песка, глины и ила, вода почти всегда мутная, но вкусная и не вредная для здоровья.

Имѣя первоначально направленіе съ юга на сѣверъ, Кубань почти подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ потомъ на западъ и въ этомъ направленіи впадаетъ однимъ рукавомъ въ Азовское море, а другимъ въ Черное, образуя, такимъ образомъ, обширную дельту, низменную и болотистую.

Всѣ прочія рѣки, вытекающія съ сѣверной покатости Кавказскаго хребта, западнѣе Эльбруса, вливаются въ Кубань съ лѣвой стороны. Таковы небольшія рѣчки *Даутъ*, *Теберда*, и нѣсколько большія, оба *Зеленчука—Большой и Малый*; послѣдній состоитъ изъ двухъ источниковъ: *Маруха* и *Аксаута*. Большой Зеленчукъ принимаетъ съ лѣвой стороны рѣчку *Кефаръ*, съ притокомъ *Бежгонтъ*.

За этими притоками слѣдуетъ рѣка *Урупъ*, протекающій около 180 верстъ и принимающій въ себя *Большой* и *Малый Тегени*. Урупъ вообще мелководенъ, количество приносимыхъ имъ водъ не велико, и рѣка почти вездѣ проходима, за исключеніемъ только того времени, когда, отъ таянія снѣговъ, вода значительно прибываетъ во всѣхъ рѣкахъ, получающихъ начало въ Главномъ хребтѣ. Берега этой рѣки во многихъ мѣстахъ покрыты хорошимъ строевымъ лѣсомъ.

Самыми значительными притоками Кубани можно считать рѣки *Лабу* и *Бѣлую* (Схагуаше). Лаба образуется изъ двухъ источниковъ: *Большой* и *Малой Лабы*, и длина теченія ея составляетъ около 250 верстъ. По выходѣ изъ Тамовскаго ущелья, она протекаетъ верстъ десять по долинѣ, а потомъ, прорывая Черныя горы, образуетъ Ахметовское ущелье, и, выйдя снова на равнину, принимаетъ воды Малой Лабы, прорывающейся сквозь Шахгиреевское ущелье, и течетъ далѣе по равнинѣ до самаго впаденія въ Кубань. Воды Лабы, въ противоположность Кубани, чисты и прозрачны; она чрезвычайно быстра и вовсе не судоходна. Съ правой стороны Лаба принимаетъ единственный значительный притокъ, рѣку *Чамлыкъ*, а съ лѣвой стороны рѣку *Ходзь*, съ ея притокомъ, рѣкою *Губсъ*.

Прорываясь Ирисскимъ ущельемъ черезъ Черныя горы, *Ходзь* замѣчательна обиліемъ известковыхъ частицъ, содержащихся въ ея водахъ и со-

ставляющихъ ея отличіе отъ всѣхъ прочихъ рѣкъ Кубанскаго басейна. За-
паднѣе этой рѣки, въ Лабу впадаютъ рѣчка *Чохракъ*, а потомъ *Фарсъ*, съ
ея маловодными притоками: справа *Псефирью*, а слѣва *Кхатль* и *Серале;*
наконецъ, послѣдними данниками Лабы можно назвать весьма незначитель-
ныя рѣчки: *Уль* и *Гіага.*

Всѣ рѣчки, впадающія въ Лабу, имѣютъ ту особенность, что въ ни-
зовьяхъ своихъ образуютъ болотистыя пространства, которыя встрѣчаются
по Лабѣ весьма нерѣдко, на всемъ протяженіи отъ станицы Тенгинской до ея
устья. Случается также, что вода въ этихъ рѣчкахъ, во время лѣта, пе-
ресыхаетъ, и тогда на всемъ пространствѣ между Лабою и Бѣлою остаются
только нѣсколько источниковъ.

Бѣлая (Схагуаше) впадаетъ западнѣе Лабы и составляетъ послѣдній
значительный притокъ Кубани. Получая начало въ Главномъ хребтѣ, непо-
далеку отъ горы Оштенъ, и протекая около 150 верстъ, Бѣлая, почти на
половину своего протяженія, течетъ въ горахъ. Прорываясь черезъ Черныя
горы Даховскимъ ущельемъ, стѣны котораго, понижаясь по направленію къ
сѣверу, постепенно сближаются и, наконецъ, почти сходятся, рѣка эта всею
массою своихъ водъ пробѣгаетъ въ этомъ мѣстѣ, какъ бы глубокою про-
пастью, отверстіе которой сверху составляетъ отъ 3 до 4 аршинъ. Съ пра-
вой стороны рѣка Бѣлая принимаетъ въ себя небольшія рѣчки *Дахо* и
Фюнфтъ, а съ лѣвой *Курджипсъ* и *Пшеху*, составляющую самый значи-
тельный изъ ея притоковъ.

Подвигаясь далѣе на западъ, Кубань принимаетъ рѣку *Пшишь*, съ лѣ-
выми ея притоками, *Матъ* и *Пчасъ*; рѣку *Псекупсъ*, съ ея лѣвыми притоками:
Дюсь, *Цаокъ*, *Чибій* и *Вуанобатъ;* затѣмъ слѣдуетъ *Супъ*, или *Супсъ; Убынъ*,
съ его притоками: съ правой стороны: *Шебжъ*, *Афипсъ* и многими другими,
и наконецъ рѣка *Адакумъ*. Между Убыномъ и Адакумомъ, по направленію къ
Кубани, спускается съ горъ множество ручьевъ и рѣчекъ, но всѣ онѣ,
образуя такъ называемые при-кубанскія плавни, теряются въ болотахъ, не
доходя Кубани, или впадаютъ въ лиманы, которые образуетъ эта рѣка
при своемъ устьѣ.

У поста Славянскаго начинается раздѣленіе водъ Кубани на отдѣльныя
русла: тутъ беретъ начало *Кара-Кубань*, идущая прямо къ западу, тогда
какъ главное русло поворачиваетъ къ сѣверу и отдѣляетъ отъ себя вправо
широкій рукавъ, который извѣстенъ подъ именемъ *Протоки*. Впадая въ
Азовское море, Протока ограничиваетъ Таманскій полуостровъ и болотистыя
берега Кубани. Послѣдняя поворачиваетъ снова на юго-западъ и сливается
опять съ Кара-Кубанью, образуя такимъ образомъ *Каракубанскій островъ.*

Начиная отъ Протоки, верстъ сорокъ внизъ до Андреевской почтовой
станціи, берегъ Кубани представляетъ необозримую плавню, покрытую ка-
мышами, болотами, озерами и каналами. Слѣдуя по этой плавнѣ, часто
приходится ѣхать буквально между двухъ стѣнъ камыша. Отъ Андреевской

почтовой станціи и до г. Темрюка (верстъ 25) мѣстность имѣетъ холмистый характеръ и глазамъ ѣдущаго представляются справа Азовское море, а слѣва воды Кубани, развѣтвляющіяся на многіе рукава и образующія лиманы, при посредствѣ которыхъ она и сливается съ двумя морями.

Такимъ образомъ, Кубань широкимъ жолобомъ пролегаетъ вдоль Кавказскаго хребта и, принимая въ себя нагорные ручьи и рѣчки, скатываетъ ихъ въ два моря—Черное и Азовское. Берегъ этой рѣки не вездѣ одинаково доступенъ: въ верхнемъ теченіи онъ часто обрывается кручей, а въ нижнемъ заплываетъ плавнями. Всѣ боковыя воды Кубани падаютъ въ нее съ нагорной, лѣвой стороны, тогда какъ съ правой стороны она не имѣетъ ни одного значительнаго данника, ни одного сколько-нибудь заслуживающаго вниманія притока.

Пространство, прилегающее непосредственно къ лѣвому берегу Кубани, главнѣйшимъ образомъ состоитъ изъ трехъ большихъ равнинъ, изъ которыхъ каждая рѣзко отличается своими качествами отъ двухъ остальныхъ. Первая изъ этихъ равнинъ лежитъ между подошвами отроговъ Кавказскаго хребта, рѣками Кубанью и Абиномъ, притокомъ Афипса; вторая находится между Афипсомъ, Фарсомъ, Кубанью и послѣдними высотами Кавказскихъ горъ, и наконецъ третья—между Лабою, Кубанью и послѣдними высотами, образуемыми Черными горами.

На первой изъ этихъ равнинъ, рѣки, не доходя верстъ десять или пятнадцать до рѣки Кубани, разливаютъ воды свои по равнинѣ, образуя огромныя болота, проходимыя только во время зимы, когда они замерзаютъ. Пролегая верстъ шестьдесятъ по берегу Кубани, болота эти достигаютъ до 20 верстъ ширины, въ особенности въ томъ мѣстѣ, гдѣ Кубань отдѣляетъ отъ себя рукавъ Кара-кубанскій. Между рѣками Адакумомъ и Кубанью, болото покрыто сплошь водою, отчего и называется озеромъ *Харамъ-Соагбъ*.

Вторая равнина, лежащая между Афипсомъ и Фарсомъ, изобилуетъ хорошими пастбищами и способна прокормить значительное населеніе, но мѣста, прилегающія къ самой Кубани, болотисты и имѣютъ климатъ весьма вредный для здоровья.

Равнина, пролегающая между Кубанью и правыми берегами Лабы и Чамлыка, безводна и безлѣсна, перерѣзана во многихъ мѣстахъ и по разнымъ направленіямъ сухими балками, въ которыхъ только иногда, при сильныхъ дождяхъ, показывается вода. Все народонаселеніе этой мѣстности тѣснится по берегамъ рѣкъ. Лѣтомъ жары достигаютъ здѣсь до 40 градусовъ, и тѣмъ болѣе несносны, что нечѣмъ утолить жажды и негдѣ укрыться отъ дѣйствія палящихъ лучей солнца. За то, по мѣрѣ удаленія отъ береговъ Кубани и приближенія къ горамъ, богатство края и производительность его почвы быстро возрастаютъ. Почти съ той точки, откуда Кубань начинаетъ дѣлаться судоходною, горы освобождаются отъ вѣчнаго снѣга и дѣлаются обитаемыми до самой ихъ вершины. Не только долины, но и горбы горъ покрыты

столь сильною растительностью, что самыя небольшія пространства земли могутъ питать значительныя поселенія. Тучныя пастбища, способныя прокормить огромныя стада скота и табуны лошадей, встрѣчаются на каждомъ шагу. Обильные ярко-цвѣтущими растеніями, луга и лѣса способствуютъ пчеловодству, которое можетъ со временемъ сдѣлаться значительнымъ источникомъ дохода. По опыту, пчельникъ въ 200 ульевъ приноситъ 200 пудовъ меду, который на мѣстѣ продается не менѣе какъ по пяти рублей.

Чѣмъ ближе станемъ подвигаться къ устью Кубани, тѣмъ Кавказскій хребетъ дѣлается ниже, очертаніе его плавнѣе, размашистѣе и самая производительность почвы сильнѣе. Отъ крѣпости Анапы и укрѣпленія Суджукъ-Кале до истока рѣки *Пчеда* горцы жили почти у самаго хребта, и обработывали ближайшія къ нему покатости, вообще удобныя для хлѣбопашества. Строевой лѣсъ составляетъ готовое и естественное богатство Кубанской равнины и виды его весьма разнообразны: начиная отъ дуба и сосны, до кедра и пальмы—все есть. Этому краю свойственны сливы, вишни, разные виды смородины, виноградъ, и въ особенности малина. Въ вершинахъ р. Теберды есть урочище, которое носитъ названіе малиновой рощи. Здѣсь въ бахчахъ (въ полѣ) растутъ арбузы и дыни; многія деревья извѣстны, по своему свойству давать отличную краску, въ особенности желтую, отчего, по мнѣнію нѣкоторыхъ, желтый цвѣтъ и сдѣлался національнымъ цвѣтомъ черкесовъ.

Площадь между рѣками Бѣлою и Лабою наиболѣе покрыта лѣсомъ: прекрасныя груши и яблоки составляютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой мѣстности сплошные лѣса, но чѣмъ дальше къ востоку, тѣмъ больше лѣсъ рѣдѣетъ и встрѣчается рѣже.

На всемъ протяженіи отъ устья Кубани до рѣки Бѣлой, лѣса вообще простираются отъ гребня Кавказскаго хребта до послѣднихъ возвышенностей, ограничивающихъ предгорія. До рѣки Афипса, лѣса покрываютъ всѣ горы и доходятъ до самыхъ болотъ Кубани: это сплошная стѣна, за которою внутри существуютъ только небольшія поляны, занятыя въ прежнее время аулами и хуторами шапсуговъ и натухажцевъ. Отъ Афипса до рѣки Бѣлой, лѣса не занимаютъ уже сплошнаго пространства, но оставляютъ открытыя поляны, лежащія на возвышенности хребтовъ, пролегающихъ между рѣками. Долины рѣкъ покрыты и здѣсь густыми лѣсами, а потому дороги, которыя большею частью проложены по ущельямъ рѣкъ, проходятъ лѣсистыми дефилеями.

Отъ рѣки Бѣлой и до Кубани, лѣса находятся только небольшими рощами у Зеленчукской линіи и узкими лентами вдоль теченія рѣкъ Пчашъ, Пшишъ, Лабы, Чамлыка, Урупа и верховьямъ самой Кубани.

Запасы камня, годнаго для разнаго рода подѣлокъ, алебастръ, довольно хорошаго качества, залежи купороса, каменнаго угля, горной нефти и при-

знаки присутствія въ горахъ металловъ—всѣ эти богатства составляютъ принадлежность Закубанья.

Правая сторона рѣки, покрытыя казачьими станицами, составляетъ также одно изъ плодороднѣйшихъ мѣстъ Кавказа, причемъ производительная сила почвы дѣлается благодатнѣе и обильнѣе, по мѣрѣ приближенія къ берегу *«Княвя рѣкъ»*. Пшеница, извѣстная подъ именемъ *кубанки*, отличаясь превосходными качествами, имѣетъ немногихъ соперницъ.

Скаты берега, обращенные на югъ, способствуютъ разведенію винограда, развитію садоводства, винодѣлія, шелководства и т. п.

Къ востоку отъ горы Эльбрусъ, кромѣ рѣкъ Малки и Баксана, берутъ начало въ Главномъ хребтѣ: рѣки Черекъ, Урухъ и Ардонъ, составляющія басейнъ рѣки Терека.

Терекъ послѣ Кубани есть самая большая рѣка въ сѣверной части Кавказскаго края. Получая начало у г. Казбека въ Осетіи, недалеко отъ истока Ардона, Терекъ имѣетъ сначала восточное направленіе, и, принимая въ себя множество потоковъ, течетъ въ горной котловинѣ, образуемой Водораздѣльнымъ и боковымъ хребтомъ. Обогнувъ подошвы Казбека, онъ принимаетъ сѣверное направленіе, течетъ въ узкомъ и скалистомъ ущельѣ, прорывается через горы живописнымъ Дарьяльскимъ ущельемъ и, пробившись вторично черезъ Черныя горы, выходитъ на равнину у г. Владикавказа. Отсюда, до станицы Николаевской, Терекъ течетъ по равнинѣ двумя рукавами, а затѣмъ, слившись въ одно русло и прорвавшись черезъ Карадагскій хребетъ (Псехешъ), онъ, до впаденія Малки, составляетъ границу между Большою и Малою Кабардою. Принявъ воды Малки, Терекъ круто поворачиваетъ на востокъ и, пройдя верстъ около 180, снова принимаетъ, у Шелкозаводской станицы, сѣверное направленіе и отдѣляетъ отъ себя вправо *Каргинскій* рукавъ, сохраняющій воду только во время таянія снѣговъ. Рукавъ этотъ впадаетъ, въ семи съ половиною верстахъ ниже города Кизляра, въ новый Терекъ. Подобно Кубани, Терекъ отдѣляетъ отъ себя влѣво рукавъ, называемый *Прорвою*, который течетъ прямо на сѣверъ и, пройдя около 75 верстъ, впадаетъ въ Каспійское море, при селеніи Черный-Рынокъ.

Принявъ въ себя воды Малки и значительнаго праваго своего притока, рѣки Сунжи, Терекъ быстро несется до станицы Щедринской, откуда слѣдуетъ по ровной мѣстности въ совершенно плоскихъ берегахъ и раздѣляется на рукава, направленіе которыхъ измѣняется съ каждымъ годомъ. При раздѣленіи на рукава, Терекъ течетъ медленно, осаждаетъ на дно землистыя частицы и, постепенно засаривая ложе, прокладываетъ себѣ новыя русла, скатывая свои воды туда, гдѣ мѣстность имѣетъ болѣе наклона. Три версты ниже отдѣленія Прорвы, Терекъ отдѣляетъ влѣво отъ себя рѣку *Таловку*, которая, распадаясь на нѣсколько рукавовъ, вливаетъ свои воды въ Каспійское море. Близъ Кизляра, Терекъ раздѣляется на два рукава: сѣверный называется *Старымъ*, а южный *Новымъ Терекомъ*. Первый съ каж-

дымъ годомъ болѣе и болѣе засоряется, а вся масса воды стремится въ новый Терекъ, который раздѣляется, въ свою очередь, на многіе рукава, образуя весьма часто острова. Такимъ образомъ, при паденіи своемъ въ Каспійское море, Терекъ, вмѣстѣ со своими рукавами, образуетъ дельту, низменную и болотистую.

По всей длинѣ теченія на равнинной мѣстности, отъ постоянной осадки землистыхъ частицъ, снесенныхъ съ горъ, рѣка эта возвышаетъ свою поверхность, такъ что, въ настоящее время, поверхность воды «превышаетъ крыши домовъ прилежащихъ станицъ и постовъ на всемъ пространствѣ отъ Амиръ-Аджи-Юрта до устья, и во время наводненій особенно страдаетъ эта часть долины. Долина же лѣваго берега рѣки Терека, отъ Владикавказа до устья Малки, затопляется, чему способствуютъ сильныя разлитія множества его притоковъ. Терекъ наводняется, какъ и всѣ горныя рѣки, три раза въ годъ; лѣтомъ бываютъ самыя полыя воды. Тогда глубина его возвышается слишкомъ на сажень, броды и острова покрываются водою; съ каждымъ наводненіемъ болѣе или менѣе страдаютъ жители станицъ, а равно прибрежные посты и укрѣпленія».

Терекъ рѣдко замерзаетъ, но ледъ всегда несется по немъ съ большою быстротою, и тогда вода въ рѣкѣ бываетъ чиста и прозрачна; во время прибыли, вода мутна, но вкусна и здорова для употребленія въ пищу. Начиная отъ Карадагскаго хребта и до устья Сунжи, правый берегъ рѣки выше лѣваго, а затѣмъ, до впаденія въ море, оба берега одинаково низки. Вся долина Терека покрыта или большимъ лѣсомъ, или кустарниками, представлявшими въ прежнее время весьма хорошее закрытіе для хищническихъ непріятельскихъ партій, врывавшихся въ наши предѣлы.

Быстрота теченія причиною того, что переправы черезъ эту рѣку затруднительны; постоянныхъ и удобныхъ бродовъ весьма мало, и притомъ всѣ они находятся преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Терекъ раздѣляется на большое число рукавовъ и образуетъ много мелей.

Протекая, отъ истока до устья, около 450 верстъ, Терекъ принимаетъ множество притоковъ, изъ которыхъ мы упомянемъ только о наиболѣе замѣчательныхъ.

Одинъ изъ первыхъ притоковъ Терека, съ лѣвой стороны, составляетъ довольно значительная горная рѣка *Ардонъ*, получающая свое начало у горы Казбека въ Осетіи. Точно такъ же какъ и Терекъ, Ардонъ прорывается черезъ два хребта: сѣверный, Снѣговой, и Черныхъ горъ, течетъ сначала въ тѣсныхъ скалистыхъ ущельяхъ и, выйдя на равнину, пересѣкаетъ военно-грузинскую дорогу [1], и раздѣляется потомъ на нѣсколько рукавовъ, образующихъ, при своихъ устьяхъ, болотистую мѣстность. Глубина и ширина

---

[1] Въ настоящее время почтовый трактъ измѣненъ; онъ слѣдуетъ изъ Екатериноградской станицы на Моздокъ и далѣе на Владикавказъ.

Ардона незначительны, но весьма быстрое стремленіе его водъ срываетъ мосты и дѣлаетъ переправы затруднительными. Рѣка эта, почти на всемъ протяженіи, покрыта лѣсомъ.

Ардонъ принимаетъ въ себя *Гизалъ-Донъ*, съ его притоками, и рѣку *Архонъ*.

Ниже Ардона въ Терекъ впадаютъ: незначительныя и пересыхающія лѣтомъ рѣчки *Дурдуръ* и *Шугуля*, или *Змѣйка*, затѣмъ рѣка *Урухъ*.

Рѣка Урухъ, получающая начало изъ Снѣговаго хребта нѣсколькими истоками, течетъ въ тѣсномъ и лѣсистомъ ущельѣ до принятія съ лѣвой стороны рѣчки *Сохало-Донъ*, которая служитъ границею между Большою Кабардою и Дигорскимъ обществомъ осетинскаго племени. Выйдя на равнину, Урухъ раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, которыми и впадаетъ въ Терекъ. Принимая нѣсколько притоковъ, рѣка эта отличается обиліемъ водъ и, при своемъ устьѣ, весьма часто затопляетъ окружающую мѣстность. Берега этой рѣки на всемъ протяженіи покрыты густымъ лѣсомъ, такъ что открытыя поляны существуютъ только въ немногихъ мѣстахъ.

За Урухомъ въ Терекъ впадаютъ весьма незначительныя и протекающія въ топкихъ берегахъ рѣчки: *Ардуганъ* и *Думановка*, а за ними рѣка *Малка*, съ обширнымъ ея басейномъ.

Малка, составляя главнѣйшій притокъ Терека съ лѣвой стороны, вытекаетъ изъ подошвы Эльбруса двумя источниками, изъ которыхъ правый образуетъ замѣчательный водопадъ Кенрекъ, а при лѣвомъ находятся два ключа кисло-сѣрнистыхъ минеральныхъ водъ. Оба истока сливаются вмѣстѣ водопадомъ и, по соединеніи, получаютъ названіе Малки. До впаденія рѣчки *Хасаута*, Малка имѣетъ сѣверное направленіе, течетъ между отвѣсными скалистыми берегами, а затѣмъ, повернувъ на востокъ, протекаетъ въ тѣсномъ, лѣсистомъ ущельѣ и служитъ границею между Кабардою и казачьими поселеніями. Горные уступы, постепенно понижающіеся, сопровождаютъ эту рѣку, съ правой стороны, на всемъ ея протяженіи, до поста Извѣстнобродскаго, а слѣва до станицы Марьинской; затѣмъ командованіе переходитъ на лѣвый берегъ Малки, до самаго впаденія ея въ Терекъ, а правый берегъ, сдѣлавшись низменнымъ, покрытъ лѣсомъ и мелкимъ кустарникомъ. Выйдя на равнину, Малка течетъ широкимъ русломъ, отдѣляетъ много рукавовъ, и во время половодія разливается у своего устья преимущественно по правой долинѣ, образуя при этомъ болотистыя пространства, заросшія камышемъ.

Протекая большую часть пространства среди высокихъ горъ, Малка имѣетъ, кромѣ того, значительную глубину, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не стѣсняется скалами, и оттого, на всемъ ея теченіи, встрѣчается мало бродовъ, удобныхъ для переправы. Изъ притоковъ Малки, съ лѣвой стороны, замѣчательны *Хасаутъ* и *Кичмалка*, протекающія, почти до самаго устья,

въ тѣсныхъ скалистыхъ ущельяхъ покрытыхъ лѣсомъ и, по недоступности своихъ береговъ, неудобныя для переправы даже и для пѣшихъ.

Съ правой стороны Малка принимаетъ *Баксанъ*, самую значительную рѣку въ Кабардѣ, вытекающую съ южной покатости г. Эльбруса. Отъ истока и до Баксанскаго укрѣпленія, рѣка эта течетъ то въ тѣсномъ скалистомъ ущельѣ, то въ горной долинѣ, а ниже укрѣпленія поворачиваетъ на востокъ, извивается по Кабардинской плоскости, течетъ широкимъ русломъ въ невысокихъ берегахъ и раздѣляется на рукава, которыя въ низовьѣ своемъ окружены лѣсомъ. Воды Баксана обильны и чрезвычайно быстры, особенно въ полноводье; тогда рѣка ворочаетъ большія каменныя глыбы, и переправа черезъ нее невозможна.

Какъ въ Баксанскомъ ущельѣ, такъ и по выходѣ своемъ изъ Черныхъ горъ, Баксанъ принимаетъ множество ручьевъ и рѣчекъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, *Черекъ* и *Чегемъ*, впадающія съ правой стороны, весьма значительны.

Черекъ, послѣ Баксана, можно считать главнѣйшею рѣкою въ Кабардѣ. Выходя изъ горъ Балкарскаго общества, Черекъ течетъ между каменистыми берегами, только изрѣдка покрытыми лѣсомъ. Прорвавшись же черезъ Черныя горы, онъ переходитъ въ гористую долину, покрытую густымъ и строевымъ лѣсомъ. Усиливъ здѣсь свои воды притоками справа и слѣва, Черекъ образуетъ нѣсколько каскадовъ и, ниже устья рѣки *Хоа*, раздѣляется на рукава, которыми и впадаетъ въ Баксанъ. Значительная быстрота и глубина рѣки причиною того, что переправа черезъ нее весьма опасна.

Другой притокъ Баксана, рѣка *Чегемъ*, течетъ въ не менѣе скалистомъ ущельѣ, покрытомъ вѣковыми соснами. По выходѣ изъ Черныхъ горъ, Чегемъ течетъ въ узкой долинѣ, постепенно расширяющейся и покрытой справа густымъ лѣсомъ, а слѣва открытой.

Выйдя этою долиною на Кабардинскую плоскость и принявъ восточное направленіе, Чегемъ пробѣгаетъ по мѣстности укрытой, въ плоскихъ берегахъ, и, раздѣлившись на нѣсколько рукавовъ, впадаетъ въ Баксанъ. Хотя рѣка эта не глубока, имѣетъ много бродовъ, но переправы во время половодья, отъ быстроты теченія, не только затруднительны, но даже опасны.

Ниже устья Малки съ ея притоками, Терекъ, прилегая къ безводной степи Прикаспійской равнины, не принимаетъ ни одного притока. Съ правой же стороны впадаетъ въ него: незначительная и пересыхающая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣчка *Камбилеевка*, и еще менѣе замѣчательныя рѣки *Курпъ* и *Исти-су* (горячая вода). Главнымъ притокомъ Терека, съ этой стороны, составляетъ басейнъ рѣки *Сунжи*.

Сунжа получаетъ свое начало въ Черныхъ горахъ и составляется изъ двухъ источниковъ: Большой и Малой Сунжи. По соединеніи обоихъ истоковъ въ одинъ, Сунжа течетъ на сѣверъ, между лѣсистыми хребтами, въ крутыхъ и каменистыхъ берегахъ. Выйдя на плоскость, въ пяти верстахъ

ниже Сунженской станицы, воды Сунжи теряются въ каменистомъ руслѣ и появляются опять нѣсколькими потоками лишь за 12 верстъ ниже, у аула Экажева. Русло этой рѣки, между станицею Сунженскою и Экажевымъ ауломъ, наполняется водою только во время таянія снѣговъ въ горахъ или послѣ сильныхъ дождей, а въ остальное время остается сухимъ. По выходѣ изъ горъ до станицы Карабулагской, Сунжа сохраняетъ сѣверное направленіе, причемъ слѣва къ ней прилегаетъ Надтеречная равнина, а справа подступаютъ горы почти къ самому ея руслу. Отъ станицы Карабулагской она поворачиваетъ на востокъ и, въ этомъ направленіи, сливаетъ свои воды съ Терекомъ.

Сунжа, большею частію спертая между крутыми берегами, глинистаго и не вездѣ одинаковаго свойства, имѣетъ вообще весьма быстрое теченіе. Оттого переправы черезъ нее затруднительны и устроены только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Берега этой рѣки, отъ выхода изъ горъ и до Казакъ-Кичинскаго поста, открыты, а далѣе до самаго ея устья, прилегаютъ къ ней справа лѣса Большой и Малой Чечни, образующія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ открытыя поляны, въ особенности около крѣпости Грозной. Командованіе надъ окружающею мѣстностью принадлежитъ лѣвому берегу, а правый, какъ низменный, ежегодно затопляется разливами многочисленныхъ притоковъ Сунжи. Вода въ Сунжѣ прибываетъ вдругъ и въ значительномъ количествѣ; бываетъ, что, послѣ сильныхъ и продолжительныхъ дождей, уровень воды возвышается до 2-хъ саженъ. Это случается преимущественно въ апрѣлѣ и маѣ, но и тогда вода въ Сунжѣ здорова и пріятна на вкусъ; находящіяся въ ней землистыя частицы, во время отстоя, быстро осѣдаютъ.

Почти каждый годъ Сунжа замерзаетъ, но нѣкоторыя мѣста, по быстротѣ теченія, никогда не покрываются льдомъ.

Рѣки, составляющія басейнъ Сунжи и орошающія Большую и Малую Чечню, по ихъ отличительнымъ свойствамъ можно раздѣлить на двѣ категоріи. Къ первой относятся тѣ, которыя вытекаютъ изъ Сулако-Терскаго водораздѣльнаго хребта, прорываются черезъ ущелья Черныхъ горъ, быстро стремятся по равнинѣ, въ пологихъ и одинаковой высоты берегахъ, и образуютъ, множество мелкихъ островов. При устьяхъ своихъ рѣки эти, раздѣляясь на рукава и постоянно возвышая свое русло, отъ наносимаго съ горъ булыжника, илу и песку, затопляютъ мало по малу низменныя мѣста при своемъ впаденіи въ Сунжу. Всѣ онѣ, по причинѣ песчанаго и твердаго грунта, удобо-проходимы въ бродъ, тѣмъ болѣе, что глубина и ширина ихъ, въ обыкновенное время, незначительны, но, при быстромъ поднятіи уровня воды, отъ дождей или таянія снѣговъ, переправа черезъ нихъ прекращается не только для пѣшихъ, но и для конныхъ. Отъ сильнаго напора воды, во время разливовъ русла этихъ рѣкъ измѣняются весьма часто, а съ ними измѣняются и броды, такъ что послѣ каждаго разлива необходимо провѣрять старые и отыскивать новые броды. Къ числу этихъ рѣкъ принадлежатъ: 1) *Асса*, про-

текающая то въ скалистыхъ, то въ равнинныхъ берегахъ, большею частію покрытыхъ густымъ лѣсомъ, и принимающая множество притоковъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчателенъ рѣка *Фортанга*, впадающая, съ своими притоками, съ правой стороны. 2) *Гехи*, съ рукавомъ своимъ *Шавдономъ*. 3) *Мартанъ*. 4) *Аргунъ*, образуемый изъ сліянія Шаро-Аргуна съ Чанты или Шато-Аргуномъ и 6) *Хулхулау*, притокъ *Гудермеса*.

Ко второй категоріи рѣкъ, впадающихъ въ Сунжу, принадлежатъ тѣ изъ нихъ, которыя получаютъ начало въ Черныхъ горахъ и въ ближайшихъ къ нимъ отрасляхъ Главнаго хребта. Такія рѣки текутъ медленно, однимъ ложемъ, и имѣютъ видъ широкихъ канавъ. При впаденіи своемъ, рѣки эти не раздробляются на рукава и, при разлитіи, не затопляютъ такъ сильно правый берегъ рѣки Сунжи. Имѣя иловатое дно, рѣки эти хотя незначительны по глубинѣ, но затруднительны для переправы; за то устройство мостовъ черезъ нихъ не представляетъ особыхъ затрудненій. Во время половодья и таянія снѣговъ прибыль воды въ рѣкахъ этого разряда незначительна, оттого онѣ не прокладываютъ себѣ новаго русла и текутъ постоянно въ однихъ и тѣхъ же берегахъ. Къ этому разряду принадлежатъ рѣки: *Валерикъ*, или *Вайрикъ*, притокъ Сунжи, всѣ притоки рѣки *Фортанги* и *Мартана*; *Гойта*, впадающая въ Сунжу, съ ея притокомъ *Енгеликъ*; *Бассъ* съ *Джалкой*, и наконецъ *Гудермесъ*, или *Гумсъ*, съ его притокомъ *Мичикъ*.

Верховья всѣхъ рѣкъ, составляющихъ басейнъ Сунжи, заключены въ тѣсныхъ предѣлахъ горъ и въ ущельяхъ, покрытыхъ сплошнымъ лѣсомъ, образующимъ мѣстами небольшія поляны, очищенныя жителями для хлѣбопашества.

Восточнѣе Терека по Кумыкской плоскости протекаетъ много рѣкъ, не достигающихъ своими устьями до берега Каспійскаго моря и теряющихся въ болотистой мѣстности. Къ числу ихъ принадлежатъ: *Аксай*, *Ямангъ-су*, *Ярыкъ-су* и *Акташъ*. Всѣ онѣ получаютъ начало изъ Сулако-Терскаго водораздѣльнаго хребта, пролегаютъ по обществамъ Ичкери, Аухъ и Салатау и текутъ преимущественно въ тѣсныхъ и скалистыхъ ущельяхъ, покрытыхъ лѣсомъ. По выходѣ на Кумыкскую плоскость, рѣки эти окружены плоскими болотистыми берегами и покрытыми въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣдкимъ лѣсомъ или кустарникомъ.

Обиліе водъ и теплый климатъ дѣлаетъ полосу земли, по которой протекаетъ Терекъ, съ многочисленными его притоками, весьма плодородною, за исключеніемъ весьма немногихъ мѣстъ, имѣющихъ степной характеръ. Богатый слой чернозема покрываетъ большую часть пространства и, перемѣшанный съ жирною и плодородною глиною, способствуетъ развитію хлѣбопашества въ значительныхъ размѣрахъ. Изъ злаковъ, составляющихъ народное продовольствіе, родятся здѣсь съ большимъ успѣхомъ всѣ виды растеній, свойственныя какъ средней полосѣ Россіи, такъ и южному климату: рожь, пшеница разныхъ сортовъ, ячмень, гречиха, овесъ, просо, ленъ,

кукуруза, конопля, дающая отличную пеньку, замѣчательную своею прочностью, и наконецъ рисъ, или сарачинское пшено—все это даетъ обильные урожаи и щедро вознаграждаетъ трудъ земледѣльца.

Въ горахъ находятся руды, а на плоскости нефть, минеральные источники и залежи каменнаго угля составляютъ естественное богатство края. Вся страна покрыта лѣсомъ, которымъ преимущественно изобилуетъ Большая и Малая Чечня, и среди котораго попадаются плодовыя деревья, растущія въ дикомъ состояніи. Лѣсныя яблоки, прививная слива, груша, тутовое дерево и, рѣже прочихъ, айва, лучше всего указываютъ, что страна эта пользуется всѣми выгодными условіями климата, способствующаго къ разведенію садоводства и огородничества. Кромѣ всѣхъ видовъ овощей, разводимыхъ въ Россіи, по обильному урожаю и по важности ихъ въ отношеніи продовольствія жителей, заслуживаютъ вниманія арбузы и дыни. По своей незначительной цѣнѣ, онѣ доступны для жителей всѣхъ классовъ, а для людей рабочихъ, въ безводной степи, арбузы замѣняютъ и пищу, и питье. Виноградъ разводится здѣсь съ большимъ успѣхомъ, и въ особенности разсадка его усовершенствована около города Кизляра. Здѣсь же, и вообще по Тереку, тамъ гдѣ земля суха и песчана, растутъ каперсовые кусты, дающіе довольно хорошіе плоды; разныя породы крушины, желтякъ или желтинникъ, однолѣтній хлопчатникъ, кунжукъ, марена, растущая въ степи около Терека въ дикомъ состояніи, разнаго рода медицинскіе и фармацевтическія травы: черешковый ревень, вероника, бузина, цикорій, солодковый корень, одуванчикъ и прочія травы, составляютъ значительный источникъ доходовъ многихъ лицъ, занимающихся ихъ разведеніемъ и промышленностью.

Обширные луга, привольный, подножный кормъ, который можетъ имѣть скотъ почти круглый годъ, не составляя хозяину заботы о прокормленіи своихъ стадъ, способствовалъ съ давнихъ поръ развитію здѣсь коннозаводства. Почти каждый кабардинскій князь, каждый уздень и даже многіе изъ простолюдиновъ имѣютъ табуны или небольшіе заводы лошадей, подъ собственнымъ тавромъ.

Горскія лошади легки на ходу, способны ко всякаго рода лишеніямъ, выносливы, привычны къ продолжительнымъ трудамъ и крѣпки на ноги.

Обширное скотоводство также составляетъ исключительное богатство жителей. Волы служатъ главнымъ перевозочнымъ средствомъ, а бараны здѣшніе составляютъ, можно сказать, исключительную пищу какъ горскихъ народовъ, такъ и крестьянъ, причемъ особое свойство травъ дѣлаетъ мясо ихъ очень вкуснымъ и нѣжнымъ.

Все сказанное о богатствѣ природы относится, конечно, болѣе всего къ равнинной мѣстности и къ послѣднимъ уступамъ Черныхъ горъ, гдѣ климатическія условія способствуютъ произрастенію всякаго рода растеній.

Касаясь климата всего пространства, орошаемаго басейнами Кубани и Терека, мы должны сказать, что, за неимѣніемъ достаточнаго числа метеороло-

гическихъ наблюденій, нельзя сообщить ничего точнаго и приходится сказать нѣсколько общихъ словъ.

Самыя возвышенныя мѣста, принадлежащія къ умѣренной полосѣ, лежатъ въ горныхъ котловинахъ, между хребтомъ Черныхъ горъ и отрогами Водораздѣльнаго хребта. Здѣсь лѣтомъ жары достигаютъ до 25°, по Реомюру, а зимою, въ декабрѣ и январѣ, холода простираются до 20 и 30°. Жаркіе дни стоятъ впрочемъ недолго; ихъ охлаждаютъ вѣтры и дожди, а весною, по утрамъ, бываютъ частые морозы. На востокъ, ближе къ Каспійскому морю, жара усиливается, и во многихъ мѣстахъ зной становится нестерпимымъ. На Кабардинской плоскости, въ Чечнѣ и другихъ мѣстахъ, сосѣднихъ къ Чернымъ горамъ, жаркіе дни освѣжаются порывистыми горными вѣтрами. Переходъ отъ деннаго жара къ холодной ночи бываетъ чрезвычайно рѣзокъ, и случается, что, послѣ 30 градусовъ тепла, ночью термометръ падаетъ до нуля. Столь рѣзкій переходъ имѣетъ сильное вліяніе на здоровье жителей. Сосѣдство Черныхъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, дѣлаетъ на Кабардинской и Чеченской плоскости зимы болѣе суровыми.

Воздухъ, говоря вообще, благопріятенъ и здоровъ какъ для туземцевъ, такъ и для временныхъ, случайныхъ жителей. Въ мѣстахъ болотистыхъ, покрытыхъ камышами, гдѣ зарождается гніеніе, и близъ рѣчекъ съ топкими берегами климатъ одинаково вреденъ для всѣхъ жителей. Къ числу такихъ мѣстъ надо отнести обѣ дельты, образуемыя какъ Кубанью, такъ и Терекомъ.

Возвышенныя мѣста, гдѣ не бываетъ сильныхъ жаровъ, гдѣ воздухъ освѣжается частыми вѣтрами, и мѣста, изобилующія лѣсами, считаются самыми здоровыми и не имѣющими никакихъ эпидемическихъ болѣзней. Къ такимъ мѣстамъ принадлежатъ всѣ горныя котловины, большая часть Кабардинской плоскости, равнины Большой и Малой Чечни и все пространство, прилегающее къ уступамъ Черныхъ горъ.

Мѣста низменныя, какъ, напримѣръ, пространство, прилегающее къ Тереку, отъ Кизляра до его устья, равнина между Терекомъ и Сунжею, часть Кумыкской плоскости, прилегающая къ морю, Закубанскаго пространства, прилегающаго къ плавнямъ, и проч. считаются мѣстами наименѣе здоровыми.

По мѣрѣ углубленія въ горы и поднятія на ихъ покатости, климатъ дѣлается болѣе и болѣе здоровымъ, но только до извѣстнаго предѣла, за которымъ онъ переходитъ сначала изъ умѣреннаго въ холодный, а потомъ въ суровый, соотвѣтствующій странѣ, лежащей за Арктическимъ полярнымъ кругомъ, ближе къ полюсу. Переходъ этотъ не рѣзокъ, постепененъ. Такъ, покатости Черныхъ горъ, находящихся на значительной высотѣ надъ уровнемъ моря, пользуются болѣе холоднымъ климатомъ, и покрыты преимущественно густыми хвойными лѣсами. Тамъ снѣгъ лежитъ уже шесть мѣсяцевъ, а въ остальную половину года быстро смѣняется весна, лѣто и осень, но травы достигаютъ еще полнаго своего роста и служатъ обильною пищею для скота.

Подымаясь еще выше, климатъ дѣлается еще суровѣе, такъ что человѣкъ

здѣсь не строитъ уже себѣ жилищъ, а старается спуститься въ глубокія долины этихъ горъ.

На многихъ вершинахъ Черныхъ горъ и на нѣкоторыхъ второстепенныхъ боковыхъ хребтахъ, отходящихъ отъ снѣжнаго кряжа, климатъ дѣлается положительно холоднымъ. Тамъ въ теченіе года снѣгъ лежитъ десять мѣсяцевъ, и оттого природа является крайне бѣдною; кое-гдѣ видѣнъ только чахлый кустарникъ, мохъ и другія полярныя растенія. Въ продолженіе двухъ-мѣсячнаго лѣта вершины покрываются травою, не достигающею полнаго своего развитія; каждую ночь бываютъ морозы и земля покрывается инеемъ. Полоса эта, какъ не представляющая никакихъ средствъ къ жизни человѣка, принадлежитъ къ числу пространствъ необитаемыхъ.

По мѣрѣ поднятія на высоты Кавказскаго хребта, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, органическая жизнь совершенно исчезаетъ и глазу представляются только снѣгъ, да скалы, лишенныя всякой растительности.

Такой видъ имѣютъ горы, если слѣдовать на юго-востокъ по Главному хребту, начиная отъ г. *Барбало* и до горы *Баба-дага*. На этомъ пространствѣ Кавказскія горы достигаютъ наибольшей высоты, такъ что вершины ихъ постоянно выше снѣговой линіи, начинающейся здѣсь съ 11 т. футъ, а средняя высота самаго хребта свыше 8 т. футъ. Не смотря однако же на то, снѣгъ въ теченіе цѣлаго года сохраняется только въ котловинахъ и впадинахъ и рѣдко на вершинахъ, такъ какъ послѣднія, по причинѣ своей остроконечности и скалистости реберъ, не удерживаютъ на себѣ снѣга. Большая часть хребта освобождается отъ него въ срединѣ іюня, а въ началѣ сентября верхнія части горъ, почти по всему протяженію, снова покрываются снѣгомъ, и въ то время, когда у подошвы горъ цвѣтетъ роскошнѣйшая зелень юга, на перевалахъ свирѣпствуютъ мятели и вьюги, а по ночамъ морозы достигаютъ тамъ иногда до десяти и болѣе градусовъ. Таяніе снѣга въ горахъ этого пространства даетъ начало многимъ источникамъ, орошающимъ край, извѣстный подъ именемъ *Дагестана* или страны, по преимуществу гористой (отъ слова *дагъ*—гора).

Дагестанъ, загроможденный большею частію горными пространствами, не имѣетъ значительнаго числа большихъ рѣкъ, а орошается множествомъ горныхъ ручьевъ. Горныя рѣчки Дагестана, часто срываясь съ высоты огромной горы, образуютъ великолѣпные водопады, шумъ которыхъ слышенъ издалека. Падая почти съ отвѣсной скалы, прорывая себѣ дорогу въ дремучемъ лѣсу, опрокидывая на своемъ пути деревья и прыгая съ камня на камень, горный потокъ вновь падаетъ съ голаго утеса на новый уступъ и дробится на мельчайшія брызги. Безпрестанно извиваясь и проходя то подъ одной горой, то подъ другой, горная рѣчка часто заставляетъ путника нѣсколько разъ переправиться черезъ нее съ одного берега на другой, и не всегда съ безопасностію: лошади спотыкаются, то оступаясь въ ямы, то натыкаясь на камни, запруждающіе все русло рѣки.

Соединяясь вмѣстѣ, по нѣскольку, горные ручьи составляютъ тѣ немногія рѣки, которыми и орошается весь Дагестанъ. Рѣки Дагестана получаютъ свое начало преимущественно изъ сѣвернаго склона Главнаго хребта, имѣютъ сѣверо-восточное направленіе и текутъ въ глубокихъ котловинахъ, какъ будто въ трещинахъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ малодоступными горами. Всѣ они извѣстны подъ общимъ именемъ *Койсу*. Такихъ Койсу четыре: *Андійское*, *Аварское*, *Казикумухское* и *Кара-Койсу*. Всѣ они сливаются въ одинъ потокъ, который, получивъ названіе Сулака, уноситъ воды ихъ въ Каспійское море. Другимъ собирательнымъ рукавомъ для рѣкъ Дагестана служитъ *Самуръ*, получающій начало изъ восточныхъ скатовъ горы Гудура.

Сулакъ и Самуръ, съ ихъ притоками, можно сказать, единственныя рѣки, орошающія весь Дагестанъ; только незначительная полоса земли, прилегающая къ морю и заключающаяся между устьями этихъ двухъ рѣкъ, орошается рѣчками, берущими начало на восточныхъ склонахъ Койсубулинскаго хребта и вливающихъ свои воды непосредственно въ Каспійское море.

Басейнъ Сулака значительно обширнѣе басейна Самура и, занимая около двухъ третей поверхности всего Дагестана, онъ омываетъ самую суровую часть его, извѣстную подъ именемъ *Нагорнаго*. Страна эта отдѣляется отъ прочихъ частей Кавказа высокими и малодоступными горами, черезъ которыя едва есть нѣсколько возможныхъ для сообщенія переваловъ.

Сулакъ составляется собственно изъ двухъ рѣкъ: *Андійскаго* и *Аварскаго-Койсу*. Андійское-Койсу получаетъ начало въ Главномъ хребтѣ нѣсколькими истоками, которые, собравшись на днѣ котловинъ Тушинской и Дидойской, текутъ въ Ункратль и, слившись у селенія Сотль, получаютъ названіе Андійскаго-Койсу. Тотъ истокъ, который, получивъ начало у г. Барбало, слѣдуетъ по Тушинской котловинѣ, называется *Дагестанской*, или *Перикательской Алазанью*, а истокъ Дидойской котловины, получающій начало у г. Кодора, извѣстенъ подъ грузинскимъ именемъ *Ори-цхали*—двѣ воды.—Андійское-Койсу, до соединенія съ Аварскимъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ горныхъ потоковъ, не принимаетъ въ себя ни одной рѣки, заслуживающей вниманія. Приближаясь къ Аваріи, рѣка эта течетъ въ утесистыхъ и мало доступныхъ берегахъ, такъ что переправа въ бродъ возможна только въ самыхъ верхнихъ ея частяхъ, да и то въ немногихъ мѣстахъ; въ среднихъ же и нижнихъ частяхъ переправа возможна не иначе, какъ по мостамъ; длина теченія Андійскаго-Койсу не превышаетъ 150 верстъ.

Аварское-Койсу получаетъ свое начало у подножія горъ *Акимала* и *Сари-дага* и тоже нѣсколькими источниками, изъ которыхъ наиболѣе замѣчателенъ *Джурмутъ-чай*. Протекая на высотѣ около 8 т. ф. надъ уровнемъ моря, паралельно Главному хребту до Анцухскаго общества, Аварское-Койсу раздѣляетъ мѣстность между Главнымъ и боковымъ хребтомъ на двѣ части, рѣзко отличающіяся одна отъ другой: правая сторона заселена и удобна для обработки полей; лѣвая камениста, безплодна и покрыта довольно гу-

стымъ лѣсомъ. На этомъ пространствѣ Аварское-Койсу принимаетъ съ лѣвой стороны р. *Бежиту-эхоль-ѳръ*, омывающую лѣсистое Капучинское общество, и, по соединеніи съ нѣсколькими рѣками, теряющую свое названіе. «Въ Дагестанѣ вообще, пишетъ г. Вороновъ, рѣчкамъ и рѣкамъ не присвоено какихъ-либо собственныхъ, единичныхъ названій: всякая рѣчка есть вода (ѳръ, тларъ, герхъ, вацъ, озень, чай, нехи и т. д.) и къ этому слову прибавляется имя селенія или же общества, черезъ которое она течетъ». Отъ того и рѣка Бежита не имѣетъ, по всему теченію, одного опредѣленнаго названія.

Прорѣзавъ, близъ селенія Ратлуха, проходъ въ снѣговомъ хребтѣ и встрѣтивъ на пути своемъ скалы хребта Талакори, Аварское-Койсу поворачиваетъ на востокъ и, принявъ, у Койсубулинскаго селенія Могоха, рѣку *Казикумухское-Койсу*, она орошаетъ Койсубулинское общество. Здѣсь, протекая въ полномъ смыслѣ между отвѣсными скалами, возвышающимися на нѣсколько тысячъ футъ по обѣимъ ея сторонамъ, и принимая болѣе и болѣе сѣверное направленіе, Аварское-Койсу соединяется съ Андійскимъ-Койсу, нѣсколько ниже развалинъ селенія Ашильты и верстахъ въ десяти ниже разрушеннаго замка Ахульго. Въ среднемъ и нижнемъ своемъ теченіи Аварское-Койсу окружено скалистыми берегами, не представляющими удобствъ для жизни и оттого мало населенными. Переправы въ бродъ черезъ эту рѣку затруднительны и возможны только черезъ постоянные мосты, которыхъ устроено нѣсколько. Будучи самой главной рѣкой во всемъ Дагестанѣ, Аварское-Койсу течетъ весьма быстро, имѣетъ сильный напоръ воды, въ особенности въ весеннее время, и принимаетъ въ себя множество притоковъ. Послѣдніе, по своей мелководности, не заслуживаютъ подробнаго описанія, за исключеніемъ значительной рѣки Казикумухскаго-Койсу, впадающаго съ правой стороны.

Казикумухское-Койсу беретъ начало съ горы Дюльты-дага, въ бывшемъ Казикумухскомъ ханствѣ, отъ котораго и получило свое названіе. Рѣка эта хотя и довольно быстра, но проходима въ бродъ тамъ, гдѣ дозволяютъ берега, которые, въ верхнихъ частяхъ, довольно отлоги и совершенно безлѣсны, но удобны для воздѣлыванія и покрыты обильными пастбищами. За Кумухомъ горы сближаются къ обоимъ берегамъ, отчего послѣдніе дѣлаются болѣе каменистыми и безплодными. Подъ Цухадаромъ *Койсу* пробиваетъ себѣ узкій трехъ-саженный проходъ, длина котораго не превышаетъ 50 саженъ, течетъ подъ нависшими скалами, а между селеніями Ташъ-кепуромъ и Ходжалъ-махи изчезаетъ совершенно и проходитъ нѣсколько саженъ подъ землею. Въ этомъ мѣстѣ природа перебросила съ одного берега рѣки на другой естественный мостъ. Оба берега рѣки здѣсь соединяются вмѣстѣ, такъ что верхняя ихъ сторона составляетъ настилку моста отъ двухъ до трехъ футъ толщиною, а нижняя образуетъ арку, подъ которою и протекаетъ скрытая отъ взоровъ рѣка.

Отсюда Казикумухское-Койсу поворачиваетъ на западъ, доходитъ до Гергебильскихъ террасъ, и, принявъ съ лѣвой стороны бурную и непроходимую въ бродъ рѣку *Кара-Койсу*, вытекающую изъ общества Тлейсеруха, самъ

Казикумухское-Койсу стремительно спускается въ Кикунинское ущелье и у селенія Могоха, Койсубулинскаго общества, впадаетъ въ Аварское-Койсу. Ниже Кумуха, для переправы черезъ Койсу устроено нѣсколько мостовъ, такъ какъ отсюда рѣка становится трудно проходимою въ бродъ. Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Казикумухское-Койсу, съ правой стороны, обращаютъ на себя вниманіе ***Кюлюли-чай*** и ***Акушинка***.

Соединеніе рѣкъ Андійскаго и Аварскаго-Койсу даетъ начало Сулаку, который, оторвавъ въ этомъ мѣстѣ Койсубулинскій хребетъ отъ Салатау (часть Сулако-Терскаго водораздѣльнаго хребта), «прокладываетъ себѣ глубокую впадину, одинъ видъ которой въ состояніи привести въ трепетъ» и ширина которой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не превышаетъ трехъ саженъ. Неподалеку отъ селенія Чиръ-Юрта, Сулакъ, съ шумомъ вырываясь на плоскость, расширяется и начинаетъ образовывать островки. На разстояніи почти 30 верстъ онъ стремится къ сѣверу до Казіюртовскаго укрѣпленія, а потомъ, описавъ отлогую дугу и повернувъ на востокъ, Сулакъ теряетъ совершенно характеръ горной рѣки; теченіе его плавно, ширина и глубина его дѣлаются значительными, берега низменными и рѣка въ весеннее время разливается мѣстами отъ 100 до 200 саженъ, и тогда бродовъ на ней не существуетъ. При устьѣ своемъ Сулакъ дѣлается болотистымъ и покрытъ камышемъ.

За четырьмя Койсу и Сулакомъ, главное мѣсто между рѣками Дагестана принадлежитъ *Самуру*, составленному изъ двухъ истоковъ: *собственно Самура*, получающаго начало въ горахъ Гудуръ-дагъ и Акималъ, на высотѣ около 9 т. футъ, и *Кара-Самура*. Протекая около 290 верстъ, Самуръ, до выхода его изъ горъ, близъ укрѣпленія Хазровъ, стѣсненъ горами и во многихъ мѣстахъ берега его представляютъ огромныя отвѣсныя скалы. За Хазрами ложе Самура расширяется, рѣка начинаетъ образовывать острова и впадаетъ въ море четырьмя рукавами, изъ которыхъ главнѣйшій, у Яломы, достигаетъ до 490 саженъ.

Пройдя черезъ верхнія части Элисуйскаго владѣнія, Самурскій округъ и часть Кюринскаго владѣнія, Самуръ составляетъ потомъ границу Кубинскаго уѣзда до самаго впаденія своего въ Каспійское море. Рѣка эта въ своихъ верховьяхъ, почти вездѣ проходима въ бродъ, и берега ея удобны для устройства переправъ, но въ среднихъ и нижнихъ частяхъ, значительная быстрота, совершенно плоскіе берега и оттого способность отъ быстрой прибыли воды разливаться на большое разстояніе, лишаютъ возможности устроить прочные мосты. Сообщеніе между обоими берегами можетъ быть производимо не иначе, какъ въ бродъ, хотя, по быстротѣ теченія, такая переправа иногда бываетъ крайне затруднительною. Въ лѣтнее время, отъ дождей и таянія снѣга, вода до того возвышается, что Самуръ дѣлается проходимымъ только въ опредѣленныхъ и извѣстныхъ мѣстахъ, да и то съ большою опасностію. Въ недалекомъ прошломъ, въ теченіе мая, іюня и іюля мѣсяцевъ, почта переправлялась черезъ Самуръ не иначе, какъ въ арбахъ (двуколесныя туземныя по-

возки), запряженныхъ непремѣнно буйволами, такъ какъ только эти животныя въ состояніи устоять противъ сильнаго напора воды.

Кромѣ Кара-Самура (Ихрекъ-чая) изъ притоковъ, впадающихъ въ Самуръ съ лѣвой стороны, можно упомянуть только объ одномъ притокѣ, рѣчкѣ *Шиназъ-чай*, протекающей по широкому ущелью того же имени, а съ правой стороны въ Самуръ впадаетъ *Ахты-чай*, по ущелью котораго проложена военно-ахтинская дорога, и которая, перевалившись черезъ Салаватъ-дагъ, выходитъ въ Джаро-бѣлаканскій округъ Шинскимъ ущельемъ.

Рѣки Самуръ и Аварское-Койсу раздѣляютъ Дагестанъ на три части. Пространство, заключающееся между Апшеронскимъ мысомъ и рѣкою Самуромъ, называется *Южнымъ Дагестаномъ;* между Самуромъ, Аварскимъ Койсу и южною границею владѣній шамхала Тарковскаго—*Среднимъ Дагестаномъ*, и наконецъ остальная часть, къ сѣверу отъ средняго Дагестана, называется *Сѣвернымъ Дагестаномъ*.

Берегъ Каспійскаго моря между устьями рѣкъ Самура и Сулака, какъ мы сказали, орошается множествомъ ручьевъ и рѣчекъ, вытекающихъ съ горъ Дагестана и вливающихъ свои воды непосредственно въ море. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны: *Чирахъ-чай*, съ притокомъ *Курахъ-чай*. Протекая до селенія Касимъ-кента въ горахъ, Чирахъ-чай служитъ границею южной Табасарани и Кюринскаго ханства. Принявши потомъ названіе *Гюлларъ-чая*, рѣка эта впадаетъ въ море. Кромѣ того, на означенномъ пространствѣ протекаютъ: *Рубасъ-чай*, главная рѣка вольной Табасарани, отдѣляющая ее отъ Казикумухскаго ханства; *Бугинъ-чай*, отдѣляющій верхній Кайтагъ отъ нижняго, и *Шура-озень*, которая, минуя селеніе Кумтеръ-кале, впадаетъ въ море не вдалекѣ отъ Озенскаго поста.

Озеръ въ Дагестанѣ немного, а если и есть, то всѣ они встрѣчаются въ прибрежной части, и, будучи солеными, по незначительности своей, не заслуживаютъ вниманія. Въ горахъ извѣстны только Технуцальское озеро, въ обществѣ того же имени близъ селенія Конхидатль, и озеро Хупро, въ Дидойскомъ обществѣ. При устьяхъ рѣкъ, на берегу моря, встрѣчаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болота, но и тѣ незначительны, за исключеніемъ находящагося между рѣкою *Кара-су* и низовьемъ Сулака, поверхность котораго простирается до 500 квадратныхъ верстъ [1].

Дагестанъ страна безлѣсная; лѣсъ составляетъ тамъ большую рѣдкость и весьма бережется жителями. Скаты горъ хотя и покрыты во многихъ мѣстахъ вѣковыми соснами, но онѣ растутъ или на значительной высотѣ,

---

[1] Краткій взглядъ на сѣверный и средній Дагестанъ Невѣровскаго С.-Пет. 1847 г. Военно-статистическое обозрѣніе Ставропольской губ. Забудскаго С.-Петерб. 1851 г. Обзоръ послѣд. событій на Кавказѣ "Воен. Сбор." 1859 г. № 10. Чечня и чеченцы А. П. Берже Тифлисъ 1859 г. Перечень событій въ Дагестанѣ. Окольничій „Воен. Сбор." 1859 г. № 1. Очеркъ пространства между Кубанью и Бѣлой Венюкова. Нѣсколько данныхъ для списанія сѣверо-западнаго Кавказа; его же. Записки Импер. Географ. Общест. 1863 г. кн. II.

*

или въ такихъ трущобахъ, доступъ къ которымъ столь затруднителенъ, что едва-ли когда-нибудь сдѣлается возможнымъ его добываніе. Лѣсомъ преимущественно изобилуетъ Кубинскій уѣздъ, Табасарань и Кюринское ханство. Небольшими участками онъ встрѣчается въ сѣверо-прибрежной части Дагестана, около Чиръ-Юрта, Губдени, Дешлагара и другихъ мѣстъ. Сѣверо-восточные отроги Койсубулинскаго хребта почти сплошь покрыты лѣсомъ.

Въ такой странѣ, какъ Дагестанъ, гдѣ кряжи горъ, то сталкиваясь и переплетаясь между собою, то расходясь другъ отъ друга, образуютъ безчисленныя котловины, долины, ущелья и возвышенныя плоскости, не можетъ быть опредѣленнаго климата. Дикіе и скалистые хребты горъ, то запирая выходъ холодному воздуху, то защищая отъ него низменныя мѣста и выставляя ихъ дѣйствію полуденнаго солнца, производятъ чрезвычайное разнообразіе въ климатѣ, а слѣдовательно и большія видоизмѣненія въ растительности.

Ни одна страна въ мірѣ, можно сказать, не представляетъ, на столь тѣсномъ пространствѣ, такого климатическаго разнообразія, такихъ противоположностей въ температурѣ, какъ Дагестанъ, съ его горами, долинами, ущельями, возвышенностями и плоскостями.

Климатъ горъ, простирающихся въ ширину отъ 50 до 100 верстъ, не можетъ быть климатомъ, одинаковымъ съ климатомъ тѣхъ странъ, которыя горы защищаютъ отъ сѣвера и выставляютъ лучамъ южнаго солнца. Горный климатъ точно такъ же отличенъ и отъ климата равнинъ и степей, лежащихъ на сѣверъ отъ горнаго кряжа и открытыхъ холодному вѣтру.

Въ горахъ каждое мѣсто имѣетъ свой собственный и особенный климатъ, не соотвѣтствующій ни географическому градусу широты, ни абсолютной высотѣ мѣста, ни сосѣдству моря, ни снѣговыхъ вершинъ и лѣсовъ. Тутъ все зависитъ отъ обстановки мѣста горами, расположенія ущелій и покатостей направляющихъ вѣтры: теплые или морозные, постоянные, случайные или періодическіе. Здѣсь встрѣчаются долины съ жаркимъ климатомъ и очень холоднымъ. Въ долинахъ низменныхъ, защищенныхъ отъ вѣтра со снѣговаго хребта горъ, климатъ бываетъ жаркій. Тутъ растетъ дикій виноградъ, хлопчатникъ, шелковица, рисъ и марена. Но часто стоитъ только перевалиться на противоположную сторону хребта горъ, и долина, расположенная по ту сторону его, прямо противъ ущелья, изъ котораго дуетъ холодный вѣтеръ, отличается своею климатическою суровостью и тамъ хлѣбъ вымерзаетъ на корнѣ. Паденіе снѣга среди лѣта въ горахъ не рѣдкость, точно такъ же какъ не рѣдкость въ глубокую осень гроза, страшная оглушающими перекатами грома въ горахъ и паденіемъ каменныхъ обваловъ сорванныхъ съ высокихъ вершинъ сотрясеніемъ воздуха (1).

(1) **Дорога отъ Тифлиса до Владикавказа. Кавказъ 1847 г. № 33. Покореніе Кавказа „Русскій Вѣст."—1860 г. № 11.**

Низменныя долины, защищаемыя отъ ближайшихъ снѣговыхъ горъ гигантскими утесами, пользуются теплымъ климатомъ; въ пяти верстахъ, на высокой плоскости, климатъ нашихъ сѣверныхъ губерній, а нѣсколько выше зимняя стужа, мятель и глубокіе снѣга.

Въ Дагестанѣ можно найти образчики всевозможныхъ климатовъ, и притомъ на самомъ короткомъ разстояніи. Такъ, напримѣръ, на томъ мѣстѣ, гдѣ было наше Низовое укрѣпленіе, въ продолженіе всего лѣта свирѣпствовали желчныя лихорадки, а три версты къ востоку, на мѣстѣ Петровскаго укрѣпленія, климатъ весьма здоровый и отправляемые туда больные поправлялись весьма скоро.

На вершинахъ горъ и въ прилегающихъ къ нимъ котловинахъ, климатъ, по своей суровости, напоминаетъ далекій сѣверъ, а въ мѣстахъ низменныхъ и ущельяхъ, спираемый и накаленный солнечными лучами, воздухъ дѣлается удушливымъ. Весна въ горахъ начинается въ апрѣлѣ или маѣ, но на плоскости, ближе къ морю, въ февралѣ уже разцвѣтаютъ деревья, хотя мартъ и здѣсь бываетъ, по большей части, холоденъ и дождливъ.

Снѣгъ въ горахъ выпадаетъ въ половинѣ октября, и случается, что онъ сходитъ нѣсколько разъ, а иногда лежитъ до начала весны. Зимы въ горахъ бываютъ суровы и напоминаютъ русскіе морозы. Вообще же, въ отношеніи гигіеническомъ, климатъ Дагестана чрезвычайно здоровъ и нездоровыя мѣста встрѣчаются весьма рѣдко, преимущественно въ низменностяхъ окруженныхъ болотами и въ нѣкоторыхъ ущельяхъ, гдѣ воздухъ не имѣетъ свободнаго движенія. Господствующими болѣзнями такихъ мѣстъ можно считать лихорадку и цынгу.

Сѣверо-прибрежная часть Дагестана пользуется весьма перемѣнчивымъ климатомъ; тамъ лѣто бываетъ дождливое, и иногда обильное холодными туманами. Южная же прибрежная часть Дагестана имѣетъ много сходства съ климатомъ Закавказья, орографическое, гидрографическое и климатическое описаніе котораго и составитъ предметъ слѣдующей главы.

III.

Орографическій очеркъ южнаго склона Главнаго хребта.—Орографическій и гидрографическій очеркъ Закавказья.—Характеръ мѣстности, ея производительность и климатическія особенности.—Нѣсколько словъ о племенахъ, населяющихъ Кавказскій перешеекъ, и мѣстахъ ихъ поселенія.

Закавказье, или пространство лежащее по южную сторону Водораздѣльнаго хребта, до государственной границы нашей съ Персіею и Турціею, за-

нято южнымъ склономъ Кавказскаго и другими хребтами горъ непосредственно съ нимъ связанными.

Южный склонъ Главнаго Водораздѣльнаго хребта, занимая около 1,150 квадратныхъ миль, слѣдовательно немного менѣе одной трети всего Закавказскаго перешейка, достигаетъ наибольшаго орографическаго развитія въ средней своей части, и наименьшаго по обоимъ концамъ ближайшимъ къ морямъ Черному и Каспійскому.

Начинаясь отъ береговъ Чернаго моря, южный склонъ представляетъ малую ширину, но большую крутизну, и состоитъ изъ контрфорсовъ, примыкающихъ къ главному гребню преимущественно подъ прямыми углами и образующихъ точно такую же передовую цѣпь, какая пролегаетъ и на сѣверномъ склонѣ Водораздѣльнаго хребта. Цѣпь эта прорывается потоками, получающими начало въ Главномъ хребтѣ и протекающими въ тѣсныхъ ущельяхъ, въ глубокихъ и крутыхъ долинахъ, а вслѣдствіе того подверженныхъ чрезвычайно быстрой прибыли воды, дѣлающей ихъ, въ такое время, трудно проходимыми въ бродъ. «При устьяхъ рѣчекъ долины расширяются и образуютъ небольшія площадки, отдѣленныя одна отъ другой контрфорсами, которые понижаются крутыми скатами и доходятъ до самаго моря». Подвигаясь на востокъ, на пространствѣ между 59° и 63° меридіана, южный склонъ имѣетъ значительную ширину, но далѣе, постепенно съуживаясь, спускается наконецъ на югъ невысокими, но длинными Бакипскими кряжами.

Въ западной сторонѣ Главнаго хребта, у горы *Паси-мта*, начинается *Сванетскій* кряжъ, съ его контрфорсами и вершиною Дадіашъ, и идетъ въ западномъ направленіи.

Нѣкоторыя изъ его вершинъ покрыты вѣчными снѣгами. Между Главнымъ и Сванетскимъ хребтами находится продольная, богатая ледниками, долина рѣки Ингура, протекающаго въ глубокомъ ущельѣ. Долина эта носитъ названіе *верхней Сванетіи* и имѣетъ въ длину до 120, а въ ширину до 40 верстъ.

Отроги Сванетскаго хребта, пересѣкаясь въ разныхъ направленіяхъ, образуютъ: Кодорскую долину, по которой протекаетъ рѣка Кодоръ; тѣсное и глубокое ущелье, по которому протекаетъ рѣка Цхенисъ-Цхали, и, наконецъ, ущелья, пролегающія между рѣками Ингуромъ и Хопи, Хопи и Техуромъ, Цхенисъ-Цхали и Ріономъ.

На границѣ Рачинскаго уѣзда съ Шаропанскимъ (въ Имеретіи) пролегаетъ *Рачинскій кряжъ*, образующій южную окраину продольной долины Ріона и составляющій послѣдній изъ отроговъ, примыкающихъ, у горы *Зикари*, къ Главному хребту подъ острымъ угломъ. Рѣка Ріонъ отдѣляетъ его отъ горы Хвомли. Самое наибольшее возвышеніе Рачинскаго хребта не превышаетъ 9,389 футъ; склоны его наполняютъ все пространство между Ріономъ и Квирилою.

На всемъ протяженіи отъ горы Барбало до Баба-дага главный гребень

обращаетъ къ югу весьма крутые контрфорсы, которые, простираясь въ длину отъ 15 до 25 верстъ, обозначаютъ долины рѣкъ Алазани и Агрычая. Восточнѣе Баба-дага южный склонъ состоитъ изъ длинныхъ контрфорсовъ Главнаго хребта, которые сначала представляютъ довольно значительную высоту и крутизну, а потомъ, къ югу отъ г. Шемахи, пролегаютъ, въ видѣ невысокихъ водораздѣльныхъ кряжей, между рѣками нижнею *Курою*, *Пирсагатомъ*, *Джеранъ-кечмасомъ* и *Сумгаитъ-чаемъ;* кряжи эти извѣстны подъ именемъ *Бакинскихъ* или *Шемахинскихъ* горъ.

Почти на половинѣ длины Главнаго Кавказскаго хребта, къ южному его склону примыкаютъ *Грузино-Имеретинскія* горы, которыя, слѣдуя въ юго-западномъ направленіи, соединяются съ горами *Малаго* или *Нижняго* Кавказа и служатъ раздѣломъ водъ для Чернаго и Каспійскаго морей.

Подъ именемъ Малаго, или Нижняго Кавказа, извѣстна гористая страна Закавказья, начинающаяся отъ турецкой границы и пролегающая до Нижне-Курской равнины.

Страна эта ограничена съ юга долиною Аракса, а съ сѣвера долинами рѣкъ Ріона и Куры, которыя отдѣляютъ ее отъ собственно Кавказскихъ горъ.

Малый Кавказъ состоитъ изъ плоскогорій и горныхъ хребтовъ, изъ которыхъ нѣкоторые поднимаются выше лѣсной полосы; а большинство составляютъ неизмѣримые луга, весьма пригодные для пастьбы огромныхъ стадъ кочующихъ народовъ. Плоскогорья Малаго Кавказа орошаются множествомъ источниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Карасу*, или *Черныхъ водъ*.

Самую сѣверную часть гористой страны *Малаго* Кавказа составляетъ цѣпь горъ, простирающихся отъ Чернаго моря до Тифлиса. Лѣсистое Боржомское ущелье, начинающееся у мѣстечка Ацхуры и кончающееся у развалинъ древняго Боржомскаго укрѣпленія, раздѣляетъ эту цѣпь на двѣ части: западную, извѣстную подъ именемъ *Ахалцихо-Имеретинскихъ* горъ, не поднимающихся выше 9,343 футъ, и восточную, подъ именемъ *Тріалетскихъ* горъ, наибольшее возвышеніе которыхъ не превышаетъ 9,351 фута.

Ахалцихо-Имеретинскій хребетъ, примыкая своею восточною оконечностію къ Грузино-Имеретинскому, образуетъ Сурамскій перевалъ (3,027 футъ), по которому пролегаетъ военно-имеретинская дорога. Западная оконечность Ахалцыхо-Имеретинскаго хребта составляетъ естественную границу Озургетскаго уѣзда Кутаисской губерніи съ Турціею. Хребетъ этотъ имѣетъ въ верхней своей части крупные и открытые склоны, а по мѣрѣ пониженія его склоны становятся отложе и покрываются лѣсами, которые, на сѣверной сторонѣ хребта, достигаютъ необыкновеннаго развитія. Перевалы черезъ этотъ хребетъ весьма затруднительны даже и въ лѣтнее время.

Отъ впаденія въ Куру рѣчки *Посховъ-чая*, въ семи верстахъ къ востоку отъ Ахалцыха и до Тифлиса, на протяженіи 130 верстъ, тянутся *Тріалетскія горы.* Сѣверный склонъ этихъ горъ, подошва котораго обозначается теченіемъ Куры, представляетъ значительную крутизну и на всемъ своемъ

протяженіи покрытъ лѣсомъ; южный склонъ имѣетъ наибольшую ширину и гораздо отложе сѣвернаго. Тріалетскія горы соединяются съ *Сомхетскими* (Акзыбюкскими), *Безобдальскими*, *Эсаульскими* и *Мадатапинскими*, разграничивающими уѣзды Ахалцыхскій и Александропольскій. Притокомъ Арпачая, рѣчкою *Казанчи*, горы эти отдѣляются отъ пограничныхъ съ Турціею Чалдырскихъ горъ.

Сомхетскія горы наполняютъ собою пространство, ограничиваемое рѣками Орозманомъ, Машаверою, Храмомъ, Борчалою, Каменкою и Джилгою. Плоскость, служащая основаніемъ для Сомхетскихъ горъ, представляетъ значительный наклонъ къ сѣверо-западу, и оттого сѣверные контрфорсы этой цѣпи гораздо длиннѣе южныхъ.

Безобдальскій хребетъ тянется на востокъ отъ Сомхетскихъ и имѣетъ одинаковые крутые склоны, причемъ сѣверный покрытъ лѣсомъ, а южный обнаженъ. Черезъ Безобдалъ проходитъ единственная колесная дорога, изъ мѣстечка Караклиса въ Джелалъ-Оглы, подымающаяся до высоты 6,680 футъ, а самая высшая его точка, гора Аглаганъ, возвышается надъ уровнемъ моря на 9,833 фута. Между Сомхетскими и Безобдальскими горами пролегаетъ совершенно ровная плоская возвышенность, извѣстная подъ именемъ *Лорійской* степи.

Къ югу отъ Безобдальскаго хребта, и въ разстояніи отъ него около семи верстъ, пролегаетъ *Эсаульскій* хребетъ съ горою *Бугатанецъ*, поднимающеюся до 8,408 футъ абсолютной высоты. Короткій контрфорсъ, идущій отъ горы Бугатанецъ, соединяется съ западною частію длиннаго (около 220 верстъ), и высокаго водораздѣльнаго кряжа, образующаго съ нимъ *Ахъ-Булагскій* перевалъ, черезъ который пролегаетъ почтовая дорога изъ Александрополя въ Тифлисъ. Средняя абсолютная высота этого хребта достигаетъ до 9,600 футовъ. Та часть этого хребта, которая идетъ на западъ, извѣстна подъ именемъ *Памбскихъ* или *Памбакскихъ* (Бамбакскихъ) горъ, а вся остальная часть, составляющая границу между Эриванскою и Елисаветопольскою губерніями, извѣстна подъ именемъ *Армяно-Ганжинскихъ* горъ.

Памбакскія горы имѣютъ сѣверный склонъ крутой, причемъ западная его половина открыта, а восточная лѣсиста. Напротивъ того, сѣверный склонъ Армяно-Ганжинскихъ горъ довольно отлогій и лѣсистый, а южный крутой и узкій.

Между подошвами Памбакскихъ и Безобдальскихъ горъ простирается возвышенная плоская долина, по которой протекаетъ рѣчка Бамбакъ, отчего и самая долина называется Бамбакскою.

Одинъ изъ отроговъ, извѣстный подъ именемъ *Мисханскаго* хребта, примыкая къ южному склону Армяно-Гонжинскихъ горъ, образуетъ вмѣстѣ съ ними высокую лѣсистую долину, орошаемую рѣкою Мисханою (притокъ Занги) и извѣстную подъ именемъ урочища *Дарачичагъ*. Почти на половинѣ Мисхан-

скаго хребта къ нему примыкаетъ, съ южной стороны, небольшой *Шахсуарскій* кряжъ, имѣющій юго-восточное направленіе, а на югъ отъ этого кряжа тянется, до города Эривани, волнистая плоская возвышенность, безплодная и каменистая, отдѣляемая долиною Занги отъ горъ, образующихъ окраину Гокчинскаго басейна, а долиною Абарана отъ горной массы Алагёза.

Подъ именемъ *Алагёза* извѣстна гористая страна, ограниченная съ запада рѣкою Арпачаемъ, съ юга долиною Аракса, съ востока долиною Абарана, а съ сѣвера рѣчками Карабулагомъ, Гезалдарою и Карангою.

«По направленію отъ сѣверо-востока къ юго-западу, страна эта занимаетъ около 70-ти верстъ, а по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку слишкомъ 60-тъ верстъ. Сѣверо-восточная ея часть, достигающая наибольшей высоты, представляется въ видѣ обширнаго, плосковыпуклаго конуса, а все остальное пространство есть ни что иное, какъ холмистая плоская возвышенность, понижающаяся отъ подножья конуса, по направленію къ Арпачаю и Араксу». Высочайшая вершина Алагеза достигаетъ до 13,436 футъ, но, по причинѣ пирамидальнаго вида и крутизны боковъ, всѣ вершины его остаются свободными отъ снѣга.

Между подошвами Алагеза, Памбакскихъ и Эсаульскихъ горъ и долиною Арпачая тянется полукругомъ *Александропольская*, или *Шурагельская* плоская возвышенность, состоящая изъ трехъ частей, изъ которыхъ двѣ, совершенно плоскія равнины, расположенныя одна выше другой, а третья, средняя, есть отлогій и волнистый склонъ, служащій переходомъ отъ одной равнины къ другой. Равнина эта имѣетъ весьма здоровый климатъ, плодородный грунтъ и весьма хорошо заселена и обработана. Хотя здѣсь зима бываетъ довольно суровая, но не продолжительная, за то лѣто продолжительно и почти всегда сопровождается вѣтрами и частыми небольшими дождями.

У горы *Инакъ-дагъ*, къ Армяно-Ганжинскому хребту примыкаетъ высокій водораздѣльный кряжъ, составляющій исходную точку трехъ довольно значительныхъ рѣкъ: *Восточнаго Арпачая*, *Базаръ-чая* и *Тертеръ-чая*. Южною своею оконечностію Водораздѣльный хребетъ этотъ упирается въ такъ называемыя *Даралагезскія горы*, а съ западной его стороны, у горы *Сарьяръ Сарчалы*, примыкаетъ длинный рядъ волканическихъ вершинъ, расположенныхъ по направленію двухъ осей поднятія, имѣющихъ положеніе западно-восточное и сѣверо-сѣверо-западное. Волканическія вершины эти обусловливаютъ образованіе плоско-выпуклой, нагорной страны, простирающейся отъ Восточнаго Арпачая до рѣки Занги и отъ Аракса до Гокчинскаго озера. Склонъ этой нагорной страны, обращенный внутрь угла, имѣя весьма незначительное паденіе и встрѣчаясь со склонами Водораздѣльнаго хребта и Армяно-Ганжинскихъ горъ, образуетъ обширную долину, на днѣ которой находится озеро *Гокча*, или *Севанга*, занимающее пространство въ 1,204 квадратныя версты и имѣющее въ среднемъ выводѣ около 6,340 футъ абсолютной высоты. Здѣсь произростаютъ только растенія, свойственныя сѣверной

Европѣ. Быстрыя перемѣны температуры, рѣзкія противоположности временъ года, частыя и опустошительныя бури, а лѣтомъ градобитіе, придаютъ климату этой возвышенной равнины значительную суровость и дѣлаютъ невѣрными урожаи посѣвовъ и растеній, принадлежащихъ сѣверному климату.

Къ самымъ высокимъ вершинамъ этой мѣстности принадлежатъ: поднимающійся близъ Новаго-Баязета конусъ *Агманганъ* (11,902 фута), гора *Кызылъ-дагъ* (11,823 фута), *Ахъ-дагъ* (11,711 футъ), *Гезаль-дара* и другія, въ числѣ которыхъ находится и *Шахъ-булагъ* (11,308 футъ).

Къ юго-востоку отъ той же горы Сарьяръ-Сарчалы, между рѣками Базаръ-чаемъ и Акяра-чаемъ, притоками Бергушета, располагается *Карабахская* плоская возвышенность, простирающаяся своею продольною осью въ юго-восточномъ направленіи и имѣющая въ длину до 100, а въ ширину около 34 верстъ. Общій склонъ ея слѣдуетъ въ юго-восточномъ направленіи и покрывается въ лѣтнее время прекрасными кормовыми травами, дающими обильную пищу стадамъ карабахскихъ татаръ и курдовъ. Сѣверная окраина Карабахскаго плоскогорья, образующаго водораздѣлъ между верховьями Тертеръ-чая и Базаръ-чая, составляетъ начало высокаго *Карабахскаго*, или *Шушинскаго* хребта, пролегающаго по границѣ Шушинскаго уѣзда. Замѣчательнѣйшія его вершины: *Михтюканъ* (11853 фута), *Кырхъ-Кызъ* (9329 футъ) и *Кирсъ* (8988 футъ), даютъ начала отрогамъ того же имени, образующимъ нѣсколько долинъ и ущелій.

Плоская возвышенность, на которой расположено Гокчинское озеро, какъ мы видѣли, черезъ посредство Водораздѣльнаго хребта связывается съ *Даралагезскими* горами, ограниченными рѣками Восточнымъ Арпачаемъ, Араксомъ, Базаръ-чаемъ и Бергушетомъ. Даралагезскія горы составляютъ самую южную часть Малаго Кавказа и упираются своею восточною оконечностію въ рѣку Араксъ, близъ г. Ордубата. Средняя высота поднятія вершинъ этого хребта составляетъ около 10,200 футовъ, а изъ замѣчательнѣйшихъ вершинъ можно назвать горы: *Капуджихъ* (12,854 ф.), *Оражинъ* (10,562 ф.) и *Кюки-дагъ* (10,282 фута). Изъ контрфорсовъ этого хребта наиболѣе замѣчательны три: одинъ *Даръ-дагскій*, служившій границею Нахичеванскаго и Ордубатскаго уѣздовъ; другой, пролегающій по бывшей границѣ Ордубадскаго и Шушинскаго уѣздовъ, и, наконецъ, третій, паралельный ему, начинающійся въ восьми верстахъ къ югу, у горы Капуджиха, и упирающійся въ Араксъ. Два послѣдніе контрфорса богаты лѣсомъ, тогда какъ всѣ остальные отроги Даралагезскихъ горъ весьма бѣдны имъ.

Подходя къ Араксу, Даралагезскія горы стѣсняютъ Аракскую долину и, сближаясь такимъ образомъ съ Адзербейджанскими горами, на пространствѣ отъ Ордубата до Мигри, обращаютъ Аракскую долину въ глубокое ущелье, дно котораго, имѣя значительное паденіе, усѣяно огромными обломками скалъ, по которымъ Араксъ стремится съ оглушительнымъ ревомъ. Адзербейджанскія горы, съ одной стороны, своею восточною оконечностію примыкаютъ къ *Та-*

лышенским или *Ленкоранским* горамъ, окружающимъ юго-западный берегъ Каспiйскаго моря и составляющимъ нашу границу съ Персiею, а съ другой входятъ въ соприкосновенiе съ высокимъ Агридагскимъ хребтомъ, пролегающимъ по границѣ съ Турцiею и примыкающимъ, своею восточною оконечностiю, къ системѣ *Арарата*, расположенной на границѣ трехъ государствъ: Россiи, Персiи и Турцiи.

Эта послѣдняя система состоитъ изъ двухъ конусовъ, изъ которыхъ сѣверо-западный называется *Большимъ Араратомъ*, вершина котораго достигаетъ до высоты 16,915 футъ, а юго-восточный *Малымъ Араратомъ*, имѣющимъ высоту 12,840 футъ. Обѣ горы отдѣлены другъ отъ друга обширною долиною, лежащею на высотѣ 8,800 ф., и представляющею превосходное пастбище.

Сдѣлавъ краткiй орографическiй очеркъ Закавказья и переходя къ гидрографическому описанiю края, мы должны начать его съ берега Чернаго моря.

Черное море, на всемъ своемъ пространствѣ отъ устья Кубани и до турецкой границы, имѣетъ только три бухты: Новороссiйскую, Геленджикскую и Сухумскую. Первыя двѣ обширны, глубоки и закрыты отъ морскихъ вѣтровъ, но входъ въ нихъ тѣсенъ и въ обоихъ есть тотъ огромный недостатокъ или неудобство относительно якорной стоянки, что они подвергаются дѣйствiю *боры*—особаго, сильнаго береговаго вѣтра. Бора дуетъ съ сѣверо-востока, срывается съ горнаго хребта съ силою бури и, дѣйствуя подъ угломъ, производитъ страшное опустошенiе на сушѣ и на морѣ: вырываетъ деревья, срываетъ крыши съ домовъ, а суда съ двухъ и трехъ якорей, ломаетъ на нихъ мачты, бросаетъ ихъ на мель или разбиваетъ о берегъ. Бора дѣйствуетъ такъ сильно, что, волнуя море, рветъ его поверхность на брызги, производитъ въ водѣ такое дѣйствiе, которое можно сравнить только съ кипѣнiемъ, и случалось не рѣдко, что суда, поставленныя на мертвый якорь, не выдерживали боры, срывались съ него и разбивались.

Осенью бора сопровождается снѣгомъ и морозомъ, но вода въ бухтѣ никогда не замерзаетъ.

Приближенiе боры узнается по слѣдующимъ признакамъ: небо очищается, а на вершинахъ горъ появляются облака, похожiя на снѣгъ; затѣмъ съ горъ начинаетъ срываться вѣтеръ порывами, которые, постепенно учащаясь, обращаются въ сильную бурю, или бору. Стихая, бора переходитъ опять въ порывы вѣтра, которые, постепенно ослабѣвая, оставляютъ между собою все бо̀льшiе и бо̀льшiе протежутки, а затѣмъ отъ хребта горъ отдѣляется бѣлое облако и уносится вверхъ.

Столь ощутительный недостатокъ первыхъ двухъ бухтъ причиною того, что Сухумская бухта, хотя и обращенная своимъ широкимъ отверстiемъ къ морю, считается все-таки лучшею. Она не подвержена дѣйствiю боры и, имѣя иловатое дно, лучше удерживаетъ якоря, чѣмъ двѣ первыя, у которыхъ дно песчаное и каменистое.

Отсутствіе хорошихъ бухтъ на кавказскомъ берегу составляетъ весьма важный недостатокъ Чернаго моря, въ которомъ за то вдоль всего берега нѣтъ ни мелей, ни подводныхъ камней, такъ что суда могутъ идти въ самомъ близкомъ разстояніи отъ материка, весьма богатаго растительностію и роскошнѣйшею природою.

Кавказскій хребетъ, начинаясь у устьевъ Кубани и принимая направленіе къ юго-востоку, по мѣрѣ своего возвышенія отдѣляется отъ моря, такъ что за рѣкою Кодоръ совершенно расходится съ морскимъ берегомъ. Хребетъ уклоняется къ востоку и отходитъ внутрь Кавказскаго перешейка, а берегъ моря описавъ, за устьемъ Кодора, небольшую дугу къ востоку, направляется потомъ на югъ. Къ самому морскому берегу горы прилегаютъ только у Суджукской, или Новороссійской бухты, а далѣе отбрасываютъ къ морю короткія и крутыя вѣтви, подмываемыя морскими волнами.

При началѣ Кавказскаго хребта почти до самой Новороссійской бухты высота и крутизна горъ незначительна, скаты ихъ пологи и мѣстность открыта и безлѣсна. Рѣчныя долины широки и неглубоки, а оттого и самыя рѣки весьма незначительны. Большихъ рѣкъ здѣсь вовсе нѣтъ, а малыхъ множество, и всѣ онѣ удобопроходимы въ бродъ.

Къ югу отъ Новороссійска и до р. Шапсухо, при устьѣ которой было построено Тенгинское укрѣпленіе, мѣстность принимаетъ очертаніе горной страны. Отрасли Главнаго хребта достигаютъ значительной высоты; скаты ихъ круты, изрѣзаны оврагами, а гребни остроконечны. На этомъ пространствѣ мѣстность покрыта лѣсами и мало обработана; дорогъ, удобныхъ для экипажной ѣзды, нѣтъ; сообщеніе производилось прежде по горнымъ тропамъ, а тяжести перевозились на вьюкахъ.

Рѣки, протекающія на этомъ простанствѣ, не имѣютъ однако же горнаго характера. Болѣе значительныя изъ нихъ: *Пшада*, *Вуланъ*, *Джуба* и *Шапсухо*, текутъ тихо, въ глубокихъ руслахъ; по широкимъ долинамъ, всегда полноводны и не мѣняютъ своего ложа. Отъ р. Шапсухо и до рѣки *Сочa* (Саше) мѣстностъ принимаетъ еще болѣе суровый видъ горной страны. Главный хребетъ, въ этомъ мѣстѣ, отдѣляетъ отъ себя, по направленію къ берегу, масивные и изрытые оврагами утесистые отроги, которые, развѣтвляясь, наполняютъ всю мѣстность столь же крутыми и рѣзкаго очертанія второстепенными отраслями, образующими тѣснины и горныя ущелья, покрытыя, вмѣстѣ со склонами горъ, вѣковыми лѣсами. Рѣки этого пространства, сбѣгая съ большой высоты, по крутымъ покатостямъ, на короткомъ своемъ протяженіи отличаются уже значительнѣйшею стремительностью своихъ водъ. Главнѣйшія изъ нихъ: *Туапсе*, *Мокупсе*, *Псезуапе*, *Шахе*, *Зюебзе* и *Соча* (Саше).

Имѣя въ обыкновенное время не болѣе трехъ четвертей аршина глубины, рѣки эти проходимы въ бродъ, но во время быстрой прибыли воды, отъ таянія снѣговъ или дождей—которыя въ этой мѣстности не рѣдко падаютъ

въ видѣ цѣлой сплошной массы воды — онѣ становятся непроходимыми. Впрочемъ въ такое время не только рѣки, но всѣ ложбины и впадины, обыкновенно сухія, обращаются въ непроходимые и стремительно-разрушительные потоки.

Если же, при быстромъ возвышеніи воды въ горныхъ рѣкахъ, вѣтеръ дуетъ съ моря, то рѣки, при своемъ устьѣ, не смотря на сильное стремленіе своихъ водъ, задерживаются прибоемъ морскихъ волнъ, набѣгающихъ на берегъ съ непреодолимою силою, и, кромѣ того, набрасывающихъ въ устья рѣкъ значительное количество песка и щебня. Тогда горная рѣка, засоренная въ устьѣ и остановленная въ своемъ теченіи, выступаетъ изъ береговъ и прокладываетъ себѣ къ морю новое русло, въ томъ направленіи, въ которомъ встрѣчаетъ менѣе сопротивленія, т. е. подъ болѣе или менѣе острымъ угломъ къ направленію морской зыби. Съ перемѣною вѣтра измѣняется и направленіе морскихъ волнъ, а оттого и рѣки часто измѣняютъ свои русла, чему особенно способствуетъ мягкій грунтъ долинъ, которыя преимущественно состоятъ изъ наноснаго ила и щебня.

За долиною *Сочи* Главный хребетъ Кавказскихъ горъ отходитъ еще далѣе отъ моря, значительно возвышается, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширяется въ своемъ основаніи и занимаетъ широкую полосу земли. Отдѣляемые имъ отроги понижаются къ морскому берегу въ видѣ террасъ или нагорныхъ долинъ. Такихъ нагорныхъ долинъ, до окончательнаго поворота Кавказскаго хребта въ востоку, три: *Ахчипсоу*, *Псху*, и *Цебельда*. Въ первой долинѣ протекаетъ р. *Мдзымта*, впадающая въ море. Рѣка эта хотя и получаетъ начало въ Главномъ хребтѣ, но чрезвычайно мелководна. Вторая, Псхувская нагорная долина, будучи окружена со всѣхъ сторонъ горами, понижается къ морю и выдается угломъ къ укрѣпленію Гагры. На верхней ея плоскости, углубленной по срединѣ, протекаетъ р. *Бзыбь*, которая, собравъ воды со всѣхъ краевъ этой долины, вливаетъ ихъ въ море. Плоская возвышенность Псху прикасается одною изъ своихъ сторонъ къ *Цебельдинской* нагорной плоскости, отдѣляющей собою сѣверную часть Абхазіи отъ южной. Цебельда, окруженная со всѣхъ сторонъ горами, состоитъ изъ двухъ террасъ: верхней и нижней. Верхняя терраса, прилегающая къ Главному хребту, отдѣлена отъ нижней поперечною грядою горъ, пролегающихъ паралельно главной цѣпи. Воды этой террасы собираются въ двѣ рѣки, *Чхальту* и *Секенъ*, которыя, соединившись вмѣстѣ, падаютъ на нижнюю террасу однимъ потокомъ, получающимъ названіе р. *Кодоръ*, протекающей по нижней террасѣ, которая постепенно понижаясь, спускается къ морю нѣсколькими уступами. Кодоръ питается многими притоками, сбѣгающими съ раскинутыхъ внутри террасы горныхъ цѣпей, и, сливъ ихъ въ одно русло, выходитъ въ южную часть Абхазіи, гдѣ, раздѣлившись на нѣсколько рукавовъ, впадаетъ въ Черное море. Къ южной сторонѣ Цебельдинской террасы прилегаетъ южная часть Абхазіи и *Самурзаканъ*. Сѣверная же часть Абхазіи, вдающаяся угломъ между Псху и

Цебельдою, пересѣкается многими горными цѣпями и стекающими съ нихъ рѣчками. Почти всѣ отрасли горъ не достигаютъ здѣсь до берега, кромѣ одной, которая, отдѣлившись отъ Псхувской террасы, около середины южнаго ея края, подходитъ къ морю и образуетъ между крутизнами своей оконечности и берегомъ моря Псыртскую тѣснину. Кряжъ этотъ, раздѣляя сѣверную Абхазію на двѣ части, дѣлаетъ возможнымъ сообщеніе ихъ между собою только черезъ эту тѣснину.

Абхазія отдѣляется отъ Самурзакани рѣкою *Галидзгою*, а Самурзакань, отъ сопредѣльной ей Мингреліи, рѣкою *Ингуромъ*.

По мѣрѣ удаленія Главнаго хребта внутрь материка и возвышенія его, рѣки, получающія начало на его скатахъ, естественно дѣлаются длиннѣе въ своемъ теченіи и обильнѣе водами. Такимъ образомъ на прибрежномъ пространствѣ между долиною Сочи и р. Ингуромъ, всѣ рѣки имѣютъ характеръ горныхъ потоковъ, и притомъ главнѣйшія изъ нихъ, получающія начало въ Главномъ хребтѣ, сохраняютъ постоянно значительную глубину, препятствующую переправѣ черезъ нихъ въ бродъ. Къ числу такихъ рѣкъ принадлежатъ *Бзыбь*, *Кодоръ* и *Ингуръ*, съ его притоками. Ингуръ образуется изъ сліянія двухъ истоковъ праваго *Калуэ-тюбъ*, вытекающаго изъ Главнаго хребта, и собственно Ингура, вытекающаго изъ отрога Карильшадъ, составляющаго западную границу Сванетіи. По соединеніи обоихъ истоковъ у селенія Лахшуты, рѣка получаетъ общее названіе Ингура пробѣгающаго болѣе 150 верстъ. Средняя ширина рѣки, по выходѣ изъ тѣсныхъ ущелій, отъ 15—20 саженъ, а при устьѣ отъ 40 до 50 саженъ.

Черезъ *Бзыбь* можно еще иногда перейдти въ бродъ у ея устья, по песчанымъ наносамъ съ моря; черезъ *Кодоръ* существуютъ два, впрочемъ весьма затруднительныхъ, брода: выше и ниже Дранды, а *Ингуръ* повсюду и никогда непроходимъ. Значительная быстрота теченія, утесистые берега въ горахъ и большая глубина на плоскости, при устьѣ, дѣлаютъ устройство переправъ черезъ него затруднительнымъ.

Всѣ эти рѣки, въ томъ числѣ и Мдзымта, выходя на равнины дробятся на рукава, образуютъ острова и, такимъ образомъ, соединяются съ моремъ. Между этими четырьмя главнѣйшими рѣками прибрежье Чернаго моря орошается множествомъ второстепенныхъ рѣкъ, которыя, выходя изъ уступовъ террасъ и послѣднихъ предгорій, проходимы повсюду, особенно у устьевъ заносимыхъ пескомъ, набрасываемымъ морскимъ прибоемъ. Къ числу такихъ рѣкъ принадлежатъ: *Псоу*, *Хошупсе*, *Апста*, *Гумиста* и болѣе значительная *Келасури* (*).

Для сообщенія Чернаго моря съ лежащими по сѣверную сторону хребта

(¹) Очеркъ орографіи и ѳеологіи Кавказа. Н. Салацкій. З. К. О. И. Р. г. общ. кн. VII. Восточ. берегъ Чернаго моря. Карльгофа. Общій обзоръ Кавказскаго края. „Военный Сборн." 1858 г. т. IV.

Кубанскими равнинами, существуетъ нѣсколько переваловъ. Такъ, изъ верховьевъ р. Клычъ, впадающей въ р. Кодоръ, къ верховью рѣки Учкуланъ, лѣваго притока Кубани, существуетъ переходъ, извѣстный подъ именемъ *Нахарскаго* перевала, абсолютная высота котораго достигаетъ до 9,617 футовъ. Далѣе черезъ перевалъ *Ахклыацаро*, отъ станицы Карданыкской, по лѣвому берегу р. Маруха, притока р. Малаго Зеленчука, черезъ ледникъ *Марухзанаго*, къ рѣкѣ южному Маруху, ведетъ *Марухскій* перевалъ, съ высотою не менѣе 10 т. футъ. Съ сѣвера по рѣкѣ Большой Лабѣ и ея притокамъ, на югъ къ притокамъ р. Бзыбь, идутъ весьма близко расположенные другъ отъ друга пять переваловъ, имѣющихъ высоту болѣе 8 т. футъ. Лучшимъ изъ нихъ признается перевалъ *Санчаро*, по направленію котораго и предполагается разработать дорогу шириною въ три сажени.

Отъ истоковъ рѣки Малой Лабы на рѣку Мдзымту ведутъ также три перевала, расположенные въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи, изъ которыхъ самый удобный *Псегашко*, имѣющій высоту 6,200 футъ, черезъ который также разработывается дорога.

Въ средней части существуютъ два перевала: *Бѣлорѣченскій*, по рѣкѣ Бѣлой, ея притоку Чурупсу, на перевалъ Шатлибъ, высотою 6,250 футъ къ верховью рѣки Шахе и по ея теченію до устья, и нѣсколько къ западу *Пшехскій* перевалъ, высотою отъ 5 до 6,000 футъ, по рѣкѣ Пшехѣ и верховому ея истоку Цели, на рѣку Хакучипсы и далѣе по рѣкѣ Псезуапе. *Гойтинскій* перевалъ, по правому берегу рѣки Пшиша, черезъ высоту около 1,500 футъ въ верховье рѣки Чилипсы, впадающей въ Туапсе и далѣе, по правому берегу послѣдней. Дорога эта разработывается и будетъ лучшимъ колеснымъ путемъ, для сообщенія сѣверной части Кубанской области съ южною (1).

Невоздѣланность прибрежья Чернаго моря, покрытаго болотами и густыми растеніями, дѣлаетъ климатъ его весьма нездоровымъ, въ особенности въ южной его части, въ Абхазіи. По всему восточному берегу Чернаго моря мѣстность на равнинахъ покрыта во многихъ мѣстахъ болотами, образовавшимися отъ преграждения, морскими наносами, выхода въ море рѣчнымъ водамъ. Разливы рѣкъ и дождевыя воды, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ не имѣютъ выхода, частію испаряются, частію же напоютъ почву. Отъ совокупности этихъ явленій, при высокой температурѣ жаркаго климата, растительность развивается съ необычайною быстротою: посаженная лоза въ четыре года обращается въ большое дерево; очищенныя отъ растительности мѣста на слѣдующій годъ опять заростаютъ. Край этотъ принадлежитъ къ полосѣ вѣчной зелени, которая тамъ цвѣтетъ въ теченіе цѣлаго года,

---

(1) Географическія замѣтки о восточной части Закубанскаго края I. Стебницкаго Кавк. календ. на 1867 г.

исключая нагорныхъ странъ, которыя, смотря по степени своего возвышенія, имѣютъ болѣе или менѣе суровую зиму.

Большая сила растительности причиною того, что мѣстность почти всюду покрыта густыми вьющимися кустарниками, которые, переплетаясь между собою, составляютъ покровъ непроницаемый для солнечныхъ лучей, и потому препятствующій осушенію почвы. Гніеніе прошлогоднихъ листьевъ и сырыя испаренія дѣлаютъ вообще климатъ нездоровымъ и порождаютъ болѣзни. Перемежающаяся лихорадка и цынготныя болѣзни считаюся господствующими въ мѣстности ближайшей къ Абхазіи и въ самой Абхазіи; только возвышенности Псху и Цебельда и нѣкоторые отдѣльные пункты имѣютъ довольно здоровый климатъ.

Вредный и сырой климатъ составляетъ принадлежность всего прибрежья Чернаго моря до самой турецкой границы. Изъ этого общаго характера мѣстности не исключается даже и живописная Ріонская долина.

Пространство земли между берегомъ Чернаго моря, подошвами Главнаго Кавказскаго хребта и Ахалцихо–Имеретинскими горами составляетъ Кутаискую, или Ріонскую долину, обильно орошаемую рѣками Ріономъ, Хопи, Ингуромъ и другими.

Ріонъ, съ его притоками, составляетъ, изъ всѣхъ рѣчныхъ системъ Закавказья, главный басейнъ Чернаго моря, и орошаетъ Имеретію, Рачу, Лечгумъ, большую часть нижней Мингреліи и часть Гуріи. Ріонъ есть, безспорно, одна изъ значительнѣйшихъ рѣкъ Закавказья и, по длинѣ своего теченія, уступаетъ только Курѣ и Араксу. Ріонъ образуется изъ соединенія трехъ истоковъ: одинъ изъ нихъ вытекаетъ близъ горы Эденисъ–мта, и соединяется съ другимъ истокомъ, *Гебицхали*, вытекающимъ изъ ледника горы Паси-мта, находящейся въ Главномъ хребтѣ и на высотѣ 6,990 футъ надъ поверхностью моря. Гебицхали течетъ съ большою быстротою около 30 верстъ и, соединившись съ третьимъ истокомъ, *Глолацхали*, получаетъ въ дальнѣйшемъ теченіи названіе Ріона. Принявъ юго–западное направленіе, рѣка имѣетъ характеръ каскада, до сліянія своего у мѣстечка Они (въ Имеретіи) съ рѣчкою *Джорджоры*. Подойдя къ мѣстечку Они, Ріонъ утрачиваетъ часть своей стремительности, поворачиваетъ на западъ и бѣжитъ по болѣе широкой долинѣ, изрѣдка стѣсняемой ущельями. Близъ селенія Цагера, Ріонъ поварачиваетъ на югъ и, выйдя у Кутаиса на долину, течетъ еще очень быстро до впаденія въ него *Квирилы;* затѣмъ, описавъ дугу, принимаетъ снова западное направленіе, уменьшаетъ быстрину, но за то расширяетъ свое ложе. Ниже впаденія въ него съ правой стороны рѣки *Губисцхали*, Ріонъ безпрестанно то расширяется въ своемъ теченіи, то съуживается и протекаетъ такимъ образомъ до самаго впаденія своего въ море у г. Поти, причемъ расширеніе и съуживаніе его береговъ находится въ предѣлахъ отъ 40 до 200 саженъ. При впаденіи своемъ въ море, Ріонъ раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, образующихъ острова; вся длина тече-

нія его простирается до 320 верстъ. Отъ своего устья и до впаденія рѣки Губис-цхали Ріонъ считается судоходнымъ, но пароходное сообщеніе производится до мѣстечка Орпири, лежащаго при впаденіи въ него рѣки *Цхенис-цхали*, всего на разстояніи около ста-десяти верстъ. На всемъ этомъ протяженіи грунтъ земли иловатый и встрѣчаются карчи, затрудняющія плаваніе. Берега рѣки, обросшіе густымъ лѣсомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣющіе болотистый характеръ, препятствуютъ свободному ходу судовъ бичевой.

Большая часть притоковъ Ріона имѣютъ характеръ горныхъ рѣкъ, и потому всѣ они, при обыкновенномъ уровнѣ воды, проходимы въ бродъ. Изъ притоковъ его съ правой стороны заслуживаютъ вниманія рѣки: *Сакаури* (Сакапаури), *Лаквуани* (Лахаунн), *Рицаули*, *Асхи*, *Ланджури*, *Губисъ-цхали*, *Техуръ*, *Циви* и самый значительный притокъ—рѣка *Цхенис-цхали*, протекающая около 150 верстъ и соединяющаяся съ Ріономъ у мѣстечка Орпири. При своемъ впаденіи Цхенис-цхали имѣетъ около 40 саженъ ширины и считается судоходною на семь верстъ отъ ея устья. Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Ріонъ съ лѣвой стороны, замѣчательны: *Герула*, *Джорджора*, *Шараули*, *Лехидаро*, *Хевис-цхали* и самая значительная *Квирила*, съ ея притоками, пробѣгающая около 120 верстъ и впадающая въ Ріонъ въ томъ самомъ мѣстѣ, отъ котораго и начинается такъ называемая Ріонская равнина.

Нѣсколько выше рѣки Ріона впадаетъ въ Черное море рѣка *Хопи*, весьма быстрая въ своихъ верховьяхъ, протекающая около 100 верстъ, и возлѣ устья которой расположенъ п. Редутъ-кале. Принимая нѣсколько притоковъ справа и слѣва, рѣка Хопи, при своемъ впаденіи въ море, имѣетъ около 20 саженъ ширины и значительную глубину. На пространствѣ около 20 верстъ отъ моря рѣка эта такъ глубока, что въ ней могли бы съ удобствомъ останавливаться корабли, если бы входъ въ нее не былъ затруднителенъ, отъ часто образующихся песчаныхъ отмелей. У Хопинскаго монастыря она почти вдругъ дѣлается столь быстрою и мелководною, что по ней не могутъ плавать и малыя лодки. По этой причинѣ, судоходство ограничивается верстами тремя вверхъ, по рѣкѣ до Редутъ-кальскаго селенія.

Къ югу отъ устья Ріона и въ весьма близкомъ разстояніи отъ берега моря находится озеро *Палеостомъ*, имѣющее въ окружности отъ 25 до 30 верстъ. Берега озера низменны, болотисты, топки и покрыты осокою, камышемъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и густымъ лѣсомъ. Глубина его не превышаетъ 10 саженъ; цвѣтъ воды зеленоватый, запахъ гнилой и вкусъ непріятный; лѣтомъ поверхность воды покрывается водорослями и озеро представляетъ собою зеленую равнину; зимою же озеро не замерзаетъ. Палеостомъ служитъ источникомъ нѣсколькихъ рѣкъ впадающихъ въ море и принимаетъ въ себя рѣку *Печеру*, текущую въ низменныхъ берегахъ, но довольно глубокую (отъ 3 до 5 саженъ), и при впаденіи своемъ теряющуюся въ топяхъ, окружающихъ озеро.

Изъ рѣкъ, орошающихъ Гурію, можно упомянуть только объ одной рѣкѣ *Супсѣ*, получающей начало въ Аджарскихъ горахъ, протекающей около 80 верстъ и имѣющей при своемъ устьѣ до 30 саженъ ширины. Принимая множество притоковъ, Супса, во время прибыли воды, выходитъ изъ береговъ, бываетъ глубока, но, при впаденіи въ море, фарватеръ ея мелѣетъ. Кромѣ озера Палеостома, въ Ріонской равнинѣ встрѣчается весьма мало озеръ сколько-нибудь замѣчательныхъ, а въ Имеретіи ихъ нѣтъ вовсе. За то по всей равнинѣ встрѣчается множество болотъ. Съ приближеніемъ къ Черному морю почва дѣлается болѣе и болѣе влажною; рѣки, при впаденіи своемъ въ море, разливаются и образуютъ почти невысыхаемыя топи, вредныя испаренія которыхъ порождаютъ болѣзни и смертность. Подъ вліяніемъ теплоты и сырости, нѣкоторыя кустовыя растенія цвѣтутъ здѣсь на открытомъ воздухѣ въ теченіе цѣлаго года, и многія изъ нихъ, какъ, напримѣръ, лимонныя и померанцовыя деревья, составляютъ принадлежность самыхъ теплыхъ странъ Европы. Вообще Ріонская долина замѣчательна изумительною силою растительности: это обширный но запущенный садъ чинаровъ, каштановъ, орѣховъ, миндаля, персиковъ, дубовъ обвитыхъ виноградными лозами и ползущими, чужеядными растеніями. Селенія здѣсь раскинуты на такое большое разстояніе, и жители живутъ такъ широко и раздѣльно другъ отъ друга, что деревни въ 200 домовъ занимаютъ почти такое пространство, какъ столичный городъ въ Европѣ. Во многихъ мѣстахъ дорога проходитъ по густой тѣнистой аллеѣ; кругомъ, среди рѣдкаго лѣса, встрѣчаются частыя прогалины, обращенныя въ пашни, засѣянныя кукурузой или гоміи (родъ проса); повсюду высокія и объемистыя деревья, воздухъ полонъ аромата отъ цвѣтущихъ растеній; вѣтеръ съ моря, принося влажность, освѣжаетъ и умѣряетъ палящій полдневный зной. Съ прогалинъ открываются великолѣпные виды: на горизонтѣ сіяютъ снѣжныя вершины Главнаго Кавказскаго хребта и Аджарскихъ горъ; виднѣются покрытыя синевою громады отроговъ Кавказа, спускающіеся отъ него на югъ къ Ріону и между ними болѣе другихъ замѣтенъ скалистый и мрачный *Хомли* (называемый *выходною горою*, потому что въ прежнія времена плѣнные, бѣжавшіе изъ Турціи, направляли на его путь свой).

Ограниченная съ трехъ сторонъ горами, а съ четвертой моремъ, Ріонская долина защищена отъ вліянія сухихъ восточныхъ вѣтровъ и совершенно подчинена вліянію морскаго южно-европейскаго климата. Этой мѣстности свойственъ сильный вѣтеръ *ONO*, который въ лѣтніе мѣсяцы дуетъ со стороны лѣсистыхъ Ахалцихо-Имеретинскихъ горъ по направленію къ морю, и, несмотря на влажность почвы и атмосферы, наполняетъ долину въ высшей степени сухимъ воздухомъ. Если явленіе это происходитъ въ теченіи 6 или 8 дней, то вся роскошная растительность поражается засухою, не рѣдко истребляющею и самыя деревья.

Вообще же климатъ этой долины сырой и лѣтомъ бываютъ обильные

дожди. Чистое небо заволакивается тучами, по цѣлымъ днямъ льются потоки облачной воды, и тогда вся цвѣтущая равнина обращается въ сплошное болото. Горные ручьи и рѣки вздымаются, выходятъ изъ береговъ, ломаютъ и опрокидываютъ все встрѣчающееся на пути и съ шумомъ несутъ свои воды въ Ріонъ, который, разлившись близъ устья, затопляетъ окрестность. Глинистый грунтъ дороги обращается въ топкую грязь, пересѣкаемую образовавшимися отъ дождя ручьями; повсюду видны лужи, дождь бьетъ въ лицо и путникъ промокаетъ до костей. Черезъ бушующія рѣки ему приходится переправляться вплавь и стремленіе водъ часто топитъ или уноситъ смѣлаго всадника вмѣстѣ съ его конемъ.

Съ февраля или марта начинается здѣсь весна и появляются сначала полевые цвѣты, затѣмъ цвѣтутъ деревья и быстро завязываются плоды. Между тѣмъ рѣки разливаются и сырость въ воздухѣ увеличивается; ясные и теплые дни смѣняются холодными ночами и идутъ частые дожди. Среди населенія обнаруживаются воспаленія легкихъ, жабы, лихорадки и скорбутъ. Съ половины іюня наступаетъ лѣто жаркое, знойное, разслабляющее человѣческій организмъ, и появляются послабляющія желудочно-желтыя горячки и лихорадки, происходящія преимущественно отъ быстраго перехода деннаго жара къ холоду ночей.

Самымъ лучшимъ временемъ этой мѣстности бываетъ осень, тихая и ясная; въ это время только изрѣдка появляются скоропроходящіе дожди и вѣтры.

Передъ наступленіемъ зимы начинаются проливные дожди; лѣса обнажаются, зелень изчезаетъ; атмосфера наполняется густыми туманами; появляются кровавые поносы, разнаго рода водяныя болѣзни и цынга. Съ половины декабря настаетъ зима, заявляющая свое присутствіе постоянно дождливою и холодною погодою; иногда выпадаетъ снѣгъ, но держится не долго, и случается, что бываютъ вьюги и бури. Съ удаленіемъ отъ берега моря, съ переходомъ изъ низменной мѣстности на болѣе возвышенную, климатъ постепенно улучшается, и есть многія мѣста этой долины, отличающіяся своимъ здоровымъ климатомъ.

Ріонская, или Кутаисская долина отдѣляется Грузино-Имеретинскимъ хребтомъ отъ *Карталинской* или *Горійской* равнины, которая простирается на сѣверъ до подошвы Кавказа, на югъ до р. Куры, а на востокъ до высотъ, лежащихъ между рѣками Рехулою и Ксаномъ. Между этими послѣдними высотами, подошвою Кавказа и р. Арагвою находится *Мухранская* равнина, покрытая во многихъ мѣстахъ мелкимъ кустарникомъ. Рѣка Арагва отдѣляетъ эту долину отъ *Сагурамской*, которая покрыта также кустарникомъ. Между сѣверною подошвою Тріалетскаго хребта, р. Курою и къ югу отъ Карталинской равнины, расположены двѣ небольшія равнины: *Карельская* и *Ахалкалакская*, раздѣленныя другъ отъ друга отрогомъ Тріалетскихъ горъ, упирающихся въ рѣку Куру, у города Гори. Мцхетское ущелье соединяетъ

Ахалкалакскую равнину съ *Дигомскою*, ограниченную съ сѣвера и запада подошвою Тріалетскихъ горъ, съ юга р. Дигоми, а съ востока р. Курою (*).

Кромѣ названныхъ равнинъ, Тріалетскія горы образуютъ много другихъ небольшихъ долинъ, каковы: долина близъ Тифлиса, которая ограничена съ юга ущельемъ р. Веры; долина *Загордань*, на лѣвой сторонѣ р. Куры, противъ Дигомской; на югъ отъ Тифлиса *Кодинская* равнина и проч.

Всѣ эти равнины и долины орошаются рѣкою Курою или ея притоками. Получая начало въ предѣлахъ Турціи изъ Саганлугскаго хребта, Кура пересѣкаетъ Ахалцихскія горы и входитъ въ предѣлы Тифлисской губерніи. Протекая въ сѣверо-восточномъ направленіи по долинѣ, стѣсняемой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ущельями, она входитъ у мѣстечка Ацхуры въ Боржомское ущелье. Ширина рѣки на этомъ протяженіи не превышаетъ 12 саженъ, а обыкновенная глубина ея отъ 5—7 футовъ. До Боржомскаго ущелья Кура принимаетъ много притоковъ, изъ которыхъ наиболѣе значительны слѣдующіе притоки: съ правой стороны *Ахалкалакъ-чай* и съ лѣвой—*Поцовъ-чай*, берущій начало въ Турецкихъ владѣніяхъ.

Вступая въ границы Карталиніи и прорѣзавъ горы, Кура принимаетъ направленіе отъ запада къ востоку и протекаетъ по равнинной мѣстности, состоящей изъ цѣлаго ряда долинъ.

Предгорья Армяно-Ганжинскихъ горъ, подходя къ Курѣ, близъ поста Сала-оглы, образуютъ границу между долиною рр. *Храма* и *Борчалы* и Елисаветпольскою равниною.

Долина Храма и Борчалы ограничена: съ сѣвера подошвою Тріалетскихъ горъ, съ востока, Курою, а съ юга и запада предгоріями Армяно-Ганжинскихъ и Сомхетскихъ горъ. Долина эта, имѣя черноземный грунтъ, весьма плодородна.

«*Елисаветпольская* равнина простирается въ юго-восточномъ направленіи, между Курою и подножіемъ Армяно-Ганжинскихъ горъ до р. Кюракъ-чая». Равнина эта принадлежитъ къ самымъ знойнымъ и нездоровымъ мѣстностямъ Закавказья; сѣверо-западная половина ея волниста, а юго-восточная совершенно плоская.

Противъ долины Храма и Борчалы, между р. Курою и подошвою Караязьской возвышенности, пролегаетъ низменная равнина, совершенно безводная и безлѣсная, кромѣ узкой полосы по берегу р. Куры. Средняя часть равнины, гдѣ растетъ лѣсъ и сливаются рѣки Кура, Іора и Алазань, называется *Самухомъ*, а остальная безводная и безплодная часть—степью *Упадаръ*. Степь эта, съ одной стороны, соединяется съ долиною, пролегающею по обѣимъ сторонамъ Іоры, а съ другой, посредствомъ ущелья, образуемаго Ширакомъ

(¹) Военно-статистическое описаніе Кутаисскаго генералъ-губернаторства Лаврентьева.—Очерки западнаго Закавказья Кавк. 1852 г. № 80. Очеркъ орографіи Кавказа Н. Салацкій. Зап. Кав. отд. Имп. Рус. Геогр. общ. кн. VII.

и Боздагомъ, соединяется съ плоскою и обширною долиною *Алазани и Агрычая.* Рѣчка *Куракъ-чай* и хребетъ горъ, пролегающій между р. Курою и *Аджиганъ-чаемъ,* образуютъ окраину плоской и весьма обширной *Нижне-курской* долины, простирающейся до Каспійскаго моря. Часть этой равнины между рѣками Курою и Араксомъ извѣстна подъ именемъ *Муганской* степи. Почва Нижне-курской долины глиниста и только у подножія горъ и по берегамъ рѣкъ черноземна. При постоянномъ орошеніи полей, земля даетъ роскошную растительность, но безъ этого, въ теченіе лѣта, она покрыта растительностію только выдерживающею сильный жаръ: каперсы, полынь и терновникъ; въ зимнія полугодія она покрывается тучною травою.

Въ предѣлахъ Елисаветпольской губерніи р. Кура бѣжитъ близъ рѣчки Кошкаръ, въ крутыхъ и высокихъ берегахъ; отъ селенія-же Карасаккалъ течетъ по равнинѣ, имѣющей ширины отъ 6 до 8 верстъ, и начинаетъ образовывать острова. Теченіе рѣки здѣсь довольно быстро; въ зимнее время воды р. Куры мелки и часто представляютъ удобные броды; весною же рѣка выступаетъ изъ береговъ, заливаетъ окружающую мѣстность и портитъ сады.

Въ предѣлахъ Карабага, до Менгечаура, р. Кура имѣетъ весьма быстрое теченіе; ширина ея въ этомъ мѣстѣ достигаетъ до 60 и даже до 100 саженъ, а глубина отъ 10 до 15 саженъ. Въ полноводье уровень воды быстро возвышается, и случается, что рѣка подымается на шесть и даже на семь саженъ противъ обыкновенной высоты воды, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разливается на пять и болѣе верстъ. Русло ея песчано, но мѣстами переходитъ въ каменистое и иловатое. Берега ея утесисты и рѣка образуетъ нѣсколько островововъ, покрытыхъ лѣсомъ. Съ наступленіемъ зимы, Кура покрывается тонкимъ льдомъ, но только тамъ, гдѣ теченіе ея тихо. Протекая далѣе по границѣ Карабага съ Ширваномъ, Кура, при селеніи Джаватъ, сливаетъ свои воды съ Араксомъ и, раздѣлившись на рукава, тремя устьями впадаетъ въ Каспійское море, образуя своею дельтою островъ *Сальянъ.* Нижнее ея устье называется *Акушенскимъ;* среднее — *восточнымъ,* а верхнее — *сѣвернымъ.* Верховья Куры, до Тифлиса, удобны только для сплава плотовъ лѣса; ниже Тифлиса, при впаденіи въ Куру Алазани, существуютъ Самухскіе пороги, хотя и не совершенно препятствующіе проходу плоскодонныхъ судовъ, но все-таки весьма затрудняющіе ихъ плаваніе. Далѣе, еще внизъ, рѣка озобилуетъ карчами, такъ что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, судоходность р. Куры начинается верстъ за 500 отъ впаденія ея въ Каспійское море (*).

Сравнивая климатическія условія долины р. Куры съ долиною Ріона, найдемъ значительную разницу между ними. Открытая дѣйствію сухихъ и сильныхъ вѣтровъ, господствующихъ въ степяхъ средней Азіи, долина р.

---

(1) Краткое описаніе торговыхъ путей сообщенія и пр. Дюкруасси Зап. Кав. от. Имп. Рус. Геогр. общ. кн. I изд. 1852 г. См. также „Пароходство по р. Курѣ“ Кавк. календ. на 1854 г.

Куры подчинена вліянію континентальнаго климата, сопровождающагося довольно суровыми зимами и знойнымъ лѣтомъ. Плодородная въ среднихъ частяхъ теченія рѣки (въ Карталиніи), долина р. Куры, съ приближеніемъ къ Каспійскому морю, дѣлается болѣе знойною, и близъ устьевъ своихъ, понижающихся на 85 футъ ниже океана, долина Куры превращается въ степь безлюдную, покрытую песками и солончаками. Раннею весною, съ таяніемъ снѣговъ, здѣсь появляется весьма быстро яркая зелень, которая также весьма быстро выжигается солнцемъ, такъ что въ продолженіе цѣлаго лѣта равнинныя мѣста восточной части Закавказья представляются пустынею, лишенною всякой растительности и вредною для здоровья. Сальянскій островъ, страна низменная, болотистая, также извѣстна своимъ вреднымъ климатомъ.

На всемъ своемъ теченіи, р. Кура принимаетъ множество притоковъ, изъ которыхъ мы упомянемъ только о наиболѣе значительныхъ.

Такъ, съ лѣвой стороны въ нее впадаютъ слѣдующія рѣки: *Ліахва* (Диди-Ліафа) состоящая изъ большой и малой Ліахвы. Вытекая изъ Главнаго хребта, Большая-Ліахва бѣжитъ спачала по нѣсколькимъ ущельямъ и послѣднимъ Джавскимъ, выходитъ на равнину, гдѣ, не доходя восьми верстъ до своего впаденія, принимаетъ воды малой Ліахвы (Патара-Ліахва) и впадаетъ въ р. Куру при г. Гори. Рѣка эта обильна водою и весьма удобна для сплава лѣса.

За Ліахвою слѣдуетъ р. *Ксань*, получающая начало въ Магладолетскомъ ущельѣ и протекающая по Мухранской равнинѣ. Ксань довольно мелководна и глубина ея въ рѣдкихъ мѣстахъ превышаетъ аршинъ.

Не далеко отъ перевала черезъ Главный хребетъ, на военно-грузинской дорогѣ, у Гудъ-горы получаетъ начало *Мтіулетская-Арагва*, которая, протекая черезъ средину Мтіулетскаго ущелья, принимаетъ въ себя съ обѣихъ сторонъ множество, впрочемъ не значительныхъ, горныхъ потоковъ.

Близъ селенія Жинвани она соединяется съ *Пшавскою-Арагвою*, получающею начало въ Пшавскихъ ущельяхъ и имѣющую глубину не болѣе трехъ четвертей аршина. Соединившись вмѣстѣ и получивъ общее названіе *Арагвы*, рѣка эта впадаетъ въ Куру у Мцхета, имѣя глубину не болѣе полутора аршина.

Главнымъ притокомъ Куры съ лѣвой стороны служитъ р. *Алазань* съ *Іорою*. Получая начало въ Главномъ хребтѣ, Алазань спускается съ горъ въ направленіи съ сѣвера на югъ, затѣмъ, принявъ направленіе паралельное Главному хребту, течетъ по равнинѣ. Теченіе Алазани тихо, но глубина довольно значительна, такъ что только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно переѣзжать ее въ бродъ. Въ Телавскомъ уѣздѣ Алазань раздѣляется на рукава, и потомъ, соединившись въ одно русло и поворотивъ опять съ сѣвера на югъ, она впадаетъ въ Куру, имѣя ширину немного менѣе послѣдней.

Почти при самомъ своемъ впаденіи, неподалеку отъ Самуха, Алазань соединяется съ весьма значительною рѣкою *Іорою*, получающею свое начало также въ Главномъ хребтѣ не далеко отъ горы Барбало. Рѣка Іора течетъ

то въ крутыхъ и возвышенныхъ, то въ отлогихъ берегахъ, и, имѣя общее направленіе съ сѣверо-запада на юго-востокъ, весьма часто мѣняетъ свое теченіе. По обѣимъ сторонамъ Іоры и по лѣвому берегу р. Куры тянутся длинныя степныя пространства: Караязы, Упадаръ и Ширакъ, ограниченныя невысокими бѣловатыми кряжами, пролегающими паралельно берегамъ р. Куры, Іоры и Алазани.

Берега обѣихъ рѣкъ, какъ Алазани, такъ и Іоры, въ нижнемъ ихъ теченіи считаются неудобными и нездоровыми для жизни; господствующія болѣзни этой мѣстности составляютъ горячки.

Впрочемъ, долина р. Алазани, окруженная со всѣхъ сторонъ возвышенными горами, представляетъ пространство, отличающееся необыкновенною растительностію и плодородіемъ. Вся Кахетія почти сплошь покрыта зеленью, садами и преимущественно виноградниками.

Изъ рѣкъ, впадающихъ въ р. Куру съ правой стороны, заслуживаютъ вниманія: весьма быстрая рѣчка *Кавтура*, незначительная р. *Алгетка* и за тѣмъ басейнъ рѣки *Храма* съ правымъ его притокомъ, р. *Борчалою*.

Храмъ бываетъ весною довольно глубокъ, а въ прочее время проходимъ въ бродъ. При быстромъ теченіи онъ раздѣляется на рукава и представляетъ всѣ удобства къ проведенію изъ него каналовъ, для орошенія полей, въ чемъ и состоитъ главная его польза, какъ рѣки, неудобной для судоходства.

За р. Храмомъ впадаютъ въ р. Куру рѣчки *Акстафа*, съ лѣвымъ ея притокомъ, р. *Джегаулъ*; затѣмъ слѣдуютъ рѣки: *Гасанъ-су*, *Таузъ*, *Дзегамъ*, *Джигиръ* и *Шамхоръ*, отличающійся своею быстротою, какъ въ горахъ, такъ и на равнинѣ, и замѣчательной вредностью своей воды. Не представляя нигдѣ удобныхъ береговъ, Шамхоръ до такой степени быстръ, въ особенности при разливѣ, что опрокидываетъ экипажи. Ниже Шамхора, въ р. Куру впадаетъ р. *Кушкаръ-чай*, составляющаяся изъ нѣсколькихъ ручьевъ и протекающая сначала въ горахъ, а при урочищѣ Дашкесанъ рѣка эта стремительно падаетъ внизъ по скаламъ и проходитъ въ глубокомъ оврагѣ. Самое русло Кушкаръ-чая имѣетъ здѣсь видъ узкаго канала, высѣченнаго въ каменистыхъ скалахъ. По маловодію своему, рѣчка эта, тамъ гдѣ дозволяютъ берега, удобопроходима въ бродъ.

Рѣка *Ганжи-чай*, или *Ганжинка*, вытекая изъ горъ, по выходѣ на равнину до самаго Елисаветполя, покрыта кустарникомъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чинаровыми деревьями. Будучи незначительной глубины, она проходима въ бродъ и имѣетъ вредную для здоровья воду, которая, впрочемъ, разводится по орошающимъ поля канавамъ.

Гораздо болѣе значительны, чѣмъ Ганжинка, слѣдующіе притоки р. Куры: рр. *Куракъ-чай* и *Тертеръ*, при своемъ впаденіи раздѣляющіяся на нѣсколько рукавовъ. Первая изъ нихъ, вытекая изъ-подъ камня, Омаръ-дали, близъ горы Капясъ, течетъ въ высокихъ берегахъ. Дно оврага, въ которомъ находится ея русло, представляется равниною въ четверть версты шириною, покрытою

кустарникомъ и плодовыми деревьями; прекрасныя пахатныя мѣста и луга пролегаютъ по обоимъ берегамъ этой рѣки.

Самый значительный притокъ рѣки Куры есть, безспорно, *Араксъ*, получающій свое начало въ Эрзерумскомъ пашалыкѣ Азіятской Турціи и вступающій обоими берегами въ предѣлы Эриванской губерніи, въ 25 верстахъ ниже крѣпости Кагызвана.

Начиная отъ устья Буралапскаго-Карасу до Карадопинскаго поста, на протяженіи около 362 верстъ, Араксъ составляетъ границу Россіи съ Персіею. Потерявъ свое названіе при сліяніи съ Курой, онъ, подъ именемъ этой послѣдней рѣки, вливается въ Каспійское море. Все теченіе его въ предѣлахъ Россіи простирается до 720 верстъ. Изъ предѣловъ Турціи, Араксъ вступаетъ въ наши границы стремительными каскадами, но потомъ паденіе это постепенно уменьшается до Ордубатскаго участка; а въ Мигринскій участокъ рѣка вторично переливается стремительными *Арасбарскими* каскадами. За селеніемъ Мигри паденіе ея постепенно уменьшается, до самаго слiянія съ р. Курою. Дно рѣки, будучи, по большей части, ровное, отлогое и хрящеватое, весьма удобно для переправы; обломки скалъ и огромные камни попадаются только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣка пробирается между возвышенными берегами. Протекая по равнинѣ Араксъ, часто мѣняетъ свое ложе, дѣлится на множество рукавовъ, образующихъ песчаные острова, заливаемые во время полноводія и измѣняющіе свою форму и положеніе. Вода въ Араксѣ очень мутна и во время теченія имѣетъ красноватый цвѣтъ, но здорова, пріятна на вкусъ и не содержитъ минеральныхъ веществъ. Уровень воды въ рѣкѣ почти постояненъ; приращенія ширины и глубины незамѣтно. Изъ притоковъ Аракса заслуживаютъ вниманія рѣки: *Восточный-Арпачай*, *Абаранъ* и *Зангa*, остальные же весьма незначительны, доносятъ свои воды до Аракса только весною, при таяніи снѣговъ, а въ прочее время года или пересыхаютъ, или разводятся по канавамъ, устроеннымъ для орошенія полей. Ширина рѣки въ горахъ уже, чѣмъ на равнинѣ, и заключается въ предѣлахъ отъ 60—20 саженъ; глубина же воды въ рѣкѣ около двухъ аршинъ. Берега, возвышающіеся надъ поверхностію воды, отъ одной до полуторы сажени, дѣлаютъ разливы весьма рѣдкими, и притомъ въ немногихъ мѣстахъ. Съ первыхъ чиселъ іюля, когда вода значительно упадаетъ, открывается множество бродовъ, которые, до слѣдующей весны и прибыли водъ, весьма удобны для переправы, какъ коннаго такъ и пѣшаго.

Характеръ мѣстности, по которой протекаютъ рѣки, составляющія правые притоки р. Куры и многочисленные притоки Аракса, рѣзко отличается отъ той, которая прилегаетъ къ лѣвому берегу первой рѣки.

Внутреннее пространство Эриванской губерніи представляетъ болѣе или менѣе широкую и возвышенную равнину, имѣющую паденіе отъ запада къ востоку и отъ сѣвера къ югу.

Эриванская губернія есть восточное продолженіе плоской возвышенности, начинающейся у Таврскаго хребта, въ предѣлахъ Азіятской Турціи.

Постепенное пониженіе этой плоской возвышенности, по направленію къ юго-востоку, представляетъ собою рядъ террасъ, которыя распространяются въ обоихъ сосѣднихъ государствахъ. «Рѣки и горныя отрасли, говоритъ Усларъ, пересѣкающія эти террасы, суть просто случайные предметы мѣстности, не имѣющіе никакого рѣшительнаго вліянія на общія физическія свойства ея, которыя опредѣляются исключительнымъ расположеніемъ террасъ.»

Изъ равнинъ этой мѣстности наиболѣе замѣчательна: *Элли-дара*, находящаяся на лѣвомъ берегу Арпачая и ограниченная съ трехъ сторонъ горами: Мадатапинскими, Гирлиполь, Мокрыми и Эсаульскими. Возвышенное положеніе этой равнины дѣлаетъ климатъ ея суровымъ, но, тѣмъ не менѣе, на ней попадаются болота, хорошія пастбища и сѣнокосы.

Далѣе слѣдуетъ *Шурагельская* равнина, заключенная между хребтами горъ Эсаульскихъ, Джаджурскихъ и Памбскихъ и примыкающая къ возвышенному Абаранскому полю, къ сѣверной подошвѣ Алагёза и къ скатамъ Согутлинской его отрасли. Долина эта хорошо населена, почва плодородна, климатъ суровый, но здоровый.

Начиная отъ Джаджурскихъ горъ, на протяженіи 50 верстъ, между Безобдальскимъ и Памбскимъ хребтами, до Гамзачеманскаго перевала, тянется равнина или, скорѣе, долина Бамбакская. Западная часть ея, отдѣляясь отъ восточной Тапанлинскими горами, образуетъ кругообразную равнину, свойствами своими сходною съ Шамшадыльскою.

Къ сѣверу отъ Бамбакской равнины тянется Лорійская степь, заключенная между Мокрыми горами, Сомхетскимъ (Акзыбюкскимъ), Алавердскимъ и Безобдальскимъ хребтами. Она составляетъ какъ-бы возвышенную террасу долины Куры. Климатъ этой мѣстности умѣренный, но сырой; дожди и частый градъ дѣлаютъ здѣсь жатву сомнительною; грунтъ слабый и черноземно-иловатый.

«По южную сторону Согутлинской горной отрасли, отдѣляющейся отъ Алагёза, мѣстность спускается послѣдовательными террасами, которыя извѣстны подъ именемъ *Мастаринской* и *Талынской* высотъ». Террасы эти очень возвышенны и рано покрываются снѣгомъ, но лѣтомъ представляютъ хорошія пастбища. Къ сѣверу и сѣверо-западу отъ Алагёза тянется высокая равнина, извѣстная подъ именемъ *Абараньскаго поля*. Равнина эта, обладая весьма суровымъ климатомъ, лѣтомъ обильна травою и водою, удобна для повсемѣстнаго проѣзда, кромѣ небольшихъ неровностей, пролегающихъ отъ Памбскаго (Памбакскаго) хребта до подошвы Алагёза.

Начиная отъ турецкой границы, по всей южной части Эриванской губерніи до города Ордубата, тянется по обоимъ берегамъ Аракса такъ называемая *Аракская равнина*, раздѣляющаяся естественнымъ образомъ на нѣсколько частей.

Начало Аракской долины находится ниже устья Казыкапарана. Пересѣкаемая частыми, отдѣльными возвышеніями и покрытая густымъ слоемъ лавы, равнина эта тянется по обѣимъ сторонамъ р. Аракса и носитъ два названія: та часть ея, которая прилегаетъ къ правому берегу называется *Сагатъ-Чухару*, а къ лѣвому *Сардарь-Абадскою*. Лѣвый берегъ этой мѣстности, быстро склоняющейся отъ запада къ востоку, по недостатку воды, совершенно безплоденъ до Сурмали, гдѣ равнина едва возвышается надъ уровнемъ рѣки. Это быстрое пониженіе способствуетъ къ проведенію, нѣсколько ниже Сурмали, каналовъ и орошенію полей водою Аракса. Тутъ пустыня обращается въ плодородный край. Пущенныя по каналамъ воды Арпачая, сѣвернаго Карасу и Занги, способствуютъ плодородію и развитію густаго населенія. Здѣсь бываетъ суровая зима и знойный жаръ лѣтомъ; глубокій снѣгъ покрываетъ равнину иногда весьма долгое время. По мѣрѣ приближенія къ р. Зангѣ и Арарату, паденіе равнины отъ запада къ востоку, становится слабымъ; но съ сѣвера къ югу, значительно.

Араксъ, при впаденіи въ него средняго Карасу, протекаетъ почти у самой подошвы Малаго Арарата, и отдѣляется отъ него только узкою болотистою полосою, которая замыкаетъ лежащую по правому берегу Аракса равнину Сагатъ-Чухару.

Къ востоку отъ Арпачая по лѣвому берегу Аракса, тянется, на протяженіи 25 верстъ, *Зангибасарская равнина*. Орошенная каналами, она чрезвычайно плодородна и густо населена; обширные сады, плантаціи чалтыка, хлопчатой бумаги и хорошія сѣнокосныя мѣста, вотъ ея растительность. Отрасль горы Архаманъ и рядъ отдѣльныхъ холмовъ отдѣляютъ Зангибасарскую равнину отъ *Шарурской*, которая, простираясь по лѣвому берегу Аракса верстъ на 50 длины и не болѣе 10 верстъ ширины, теченіемъ рѣкъ и пересѣкающими ея невысокими холмами, дѣлится на *Ведибасарскую* и *Садаракскую равнины*. Первая изъ нихъ мало населена, необработана по недостатку воды и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болотиста; климатъ ея не вреденъ въ лѣтнее время. Садаракская-же кругообразная равнина еще менѣе населена и бѣдна растительностію. *Дагнійскія* ворота соединяютъ эту послѣднюю равнину съ равниною собственно *Шарурскою*, простирающуюся до Аладжинской канавы проведенной изъ восточнаго Арпачая, орошающаго эту равнину многими канавами. Вслѣдствіе такого орошенія равнина эта представляетъ самую плодоносную почву. Здѣсь лѣтомъ жаръ хотя и удушливъ, но за то зима около Шарура едва чувствительна и снѣгъ не лежитъ долѣе нѣсколькихъ часовъ, По правую сторону Аракса тянется узкая болотистая полоса, а за нею равнина, по физическимъ свойствамъ, тождественная съ равниною лѣваго берега.

Къ Шарурской равнинѣ прилегаетъ безлюдная, голая степь, пролегающая по лѣвому берегу Аракса, верстъ на 8 въ ширину и на 35 въ длину, до самаго Нахичевана, гдѣ соединяется съ болѣе обширною Нахичеванскою равни-

пою, окруженною полукружіемъ скалъ. Климатъ Нахичеванской равнины лѣтомъ вреденъ для здоровья, но холодъ зимою мало чувствителенъ; равнина гладка, водъ *Нахичеванъ-чая* и *Аланджи-чая* не достаточно для ея орошенія, и потому она представляется въ видѣ обнаженной степи. Деревни, съ ихъ садами и посѣвами, попадаются на этомъ пространствѣ весьма рѣдко.

Въ правомъ углу, при сліяніи Аланджи-чая съ Араксомъ, хребетъ Тарудагъ подходитъ почти къ самому лѣвому берегу Аракса и образуетъ весьма узкую полосу—гдѣ находятся развалины города Джульфы—соединяющуюся съ стѣсненною горами равниной, по которой протекаетъ Аланджи-чай.

«Небольшая цвѣтущая поляна *Гюлистанъ* выходитъ изъ Аланджичайскаго ущелья на полукруглую голую равнину, имѣющую версты двѣ въ радіусѣ, на которой построенъ Джульфинскій карантинъ надъ самымъ Араксомъ».

Далѣе къ востоку хребетъ Даръ-дагъ упирается въ самую рѣку, но близъ Ордубатскаго участка, на обоихъ берегахъ Аракса, появляется снова узкая, безплодная и каменистая равнина.

Паденіе къ востоку дѣлается болѣе значительнымъ; у Ордубата горы съ обѣихъ сторонъ сходятся къ берегамъ и замыкаютъ Араксую долину. Рѣка пробивается сквозь трещину между скалами, висящими надъ нею съ обѣихъ сторонъ, и имѣетъ значительное паденіе. За горными хребтами, вдоль по берегу Аракса, снова тянется равнина, составляющая юго-восточную часть Шушинскаго и Зангезурскаго уѣздовъ. Не имѣя возвышеннаго характера Аракской плоской возвышенности, равнина эта, по соединеніи Аракса съ Курою, сливается постепенно съ поверхностію Каспійскаго моря (¹).

Всѣ рѣки Эриванской губерніи, въ томъ числѣ и Араксъ, незначительны по ширинѣ и глубинѣ; дожди и таянія снѣговъ увеличиваютъ ихъ глубину, но не столь быстро и внезапно, какъ въ другихъ мѣстахъ Закавказья; широкихъ разливовъ, прекращающихъ сообщеніе на продолжительное время, никогда не бываетъ. Въ лѣтнее время всѣ рѣки, кромѣ Аракса, пересыхаютъ или струятся стремительно между каменьями, которыми усыпано ихъ ложе.

Араксъ не судоходенъ, но удобенъ для сплава лѣса. Единственное употребленіе воды, какъ живой силы, служитъ къ приведенію въ дѣйствіе мельницъ, которыхъ очень много, но всѣ онѣ ничтожны. Вся важность проточной воды опредѣляется въ этой мѣстности тою пользою, которую она приноситъ орошеніемъ полей. Совершенно безплодная почва, на которой растенія сгораютъ подъ палящими лучами солнца не достигая зрѣлости, лишь только орошается водою, постоянно поддерживающею необходимое количество влаги, дѣлается плодородною и на ней является цвѣтущая растительность, вознаграждающая съ избыткомъ трудъ человѣка. Тамъ, гдѣ нѣтъ средствъ произвести искуственное орошеніе полей, земля становится со-

(¹) Равнины Эриванской губерніи П. Услара. Запис. Кавк. отд. Импер. Рус. Геогр. общес. книга I. Взглядъ на Эриванскую губернію въ гидрографическомъ отношеніи. Его же.

вершенно безполезною для человѣка, мертвою пустынею изъ песка и камней. Съ давнихъ поръ человѣкъ трудится въ этихъ мѣстахъ надъ проведеніемъ каналовъ, считавшихся всегда общественнымъ предпріятіемъ и общимъ достояніемъ; за землю, черезъ которую пролегалъ каналъ, хозяинъ не имѣлъ права требовать вознагражденія.

Правильное распредѣленіе воды и исправность каналовъ лежала на исключительной обязанности правительства, имѣвшаго для этой цѣли особую администрацію, состоявшую изъ разнаго рода смотрителей.

Послѣдніе распускали воду по полямъ, соблюдая между жителями очередь и, сообразуясь съ количествомъ посѣва каждаго; наливъ поля, они закладывали наливную канаву грязью и сверху прикладывали свою печать. Самовольное снятіе такой печати считалось великимъ преступленіемъ и наказывалось безпощадно.

Невыносимый лѣтній зной въ нижнихъ частяхъ долины Куры и Аракса заставляетъ жителей искать прохлады въ сосѣднихъ горахъ, куда они и перекочевываютъ съ своими стадами и семействами.

Долины пустѣютъ и жители приходятъ въ свои деревни на нѣсколько дней для жатвы или другихъ полевыхъ работъ, откуда спѣшатъ опять въ свои кочевья, и только съ наступленіемъ осени возвращаются въ свои дома.

Сдѣланный нами краткій орографическій и гидрографическій очеркъ Кавказскаго перешейка указываетъ на разнообразіе въ немъ какъ характера мѣстности, такъ и климатическихъ условій. Отъ различія климата и природы, происходитъ и чрезвычайное разнообразіе въ жизни племенъ его населяющихъ или, лучше сказать, въ этнографическомъ ихъ бытѣ.

Переходя къ описанію этого быта, мы должны предварительно указать мѣсто, занимаемое каждымъ изъ отдѣльныхъ племенъ.

Въ сѣверо-западной части Кавказскаго перешейка, по обоимъ склонамъ Главнаго Кавказскаго хребта, поселилось племя *адиге* или *черкесское*. Оно заняло треугольное пространство, двѣ стороны котораго составляютъ Кубань и сѣверо-восточный берегъ Чернаго моря, а третью, линія проходящая отъ устья р. Шахе, черезъ Главный хребетъ и вдоль по гребню, раздѣляющему воды р. Бѣлой и р. Ходзь. Отдѣлившаяся съ давнихъ поръ, часть племени адиге — кабардинцы, вторгнувшись угломъ въ центральную часть Кавказа, заняли пространство отъ предгорій Эльбруса до верховій р. Сунжи, и отъ лѣваго берега р. Малки до вершинъ Черныхъ горъ, и разселились по мѣстности большею частію плоской и открытой.

По берегу Чернаго моря, между рѣками Шахе и Хамышъ, примыкая непосредственно къ черкесамъ, поселились *убыхи*. Далѣе пространство между рр. Хамышъ и Ингуромъ населено *абхазскимъ* племенемъ, часть котораго перевалилась на сѣверную сторону Главнаго хребта, и, принявъ названіе *абазинъ*,

заняло узкую полосу земли между Главнымъ и второстепеннымъ хребтами и рѣками Ходзь и Большою Лабою. Такъ какъ значительная часть абхазскаго племени живетъ по южную сторону горъ, то этнографическій очеркъ этого племени войдетъ въ описаніе народовъ, населяющихъ Закавказье.

Нѣсколько южнѣе кабардинцевъ, за хребтомъ Черныхъ горъ, дикія и неприступныя котловины, образуемыя Снѣговымъ и второстепеннымъ хребтами и ограниченныя верховьями рѣкъ Кубани и Терека, заняты *малкарскимъ* (или балкарскимъ) и *осетинскимъ* племенами, которыя разграничиваются между собою хребтомъ, раздѣляющимъ верховья рѣкъ Уруха и Терека. Малкарское племя, будучи отраслью тюркскаго племени, живетъ одною жизнію съ кабардинцами. Часть осетинъ перевалилась на южную сторону Главнаго хребта, до предѣловъ Грузіи и Имеретіи, а часть поселилась вдоль скатовъ Черныхъ горъ, и даже на плоскости до лѣваго берега р. Терека. Басейнъ р. Сунжи и западный склонъ Сулакскаго водораздѣльнаго хребта заняты *чеченскимъ* племенемъ, а по сосѣдству съ ними, на плоской и открытой полосѣ земли, между низовьями рѣкъ Терека и Сулака, поселились *кумыки*. Большую часть Дагестана, за исключеніемъ прибрежной его части, населяютъ многочисленныя отдѣльныя общества, принадлежащія преимущественно къ *аварскому* племени, которое извѣстно у насъ подъ именемъ *лезгинскаго* племени. Въ прибрежной-же полосѣ, подвергавшейся съ давнихъ временъ вліянію различныхъ завоевателей, населеніе образовало отдѣльныя ханства и представляетъ смѣсь аварскаго племени съ татарами, турками и персіянами.

Въ закавказскомъ краѣ къ абхазскому племени примыкаютъ *сванеты*, занявшіе суровыя котловины въ верховьяхъ рѣкъ Ингура и Цхенисцхали, а на югъ отъ Абхазіи, все пространство, начиная отъ берега Чернаго моря и почти до сліянія рѣкъ Куры съ Алазанью и между Главнымъ хретомъ и сѣверными скатами Аджарскихъ горъ и Малаго Кавказа, занято племенемъ *картли*, или грузинскимъ. Населеніе Грузіи, Имеретіи, Мингреліи и часть Ахалцыхскаго уѣзда принадлежитъ къ картвельскому племени. Остальная и большая часть Ахалцыхскаго уѣзда населена *армянами*. Нѣкоторыя относятъ къ грузинскому племени и поколѣнія *тушинъ*, *пшавовъ* и *хевсуръ*, удалившихся въ самыя суровыя котловины, между двумя снѣговыми хребтами.

Уголъ между Курою и Араксомъ и вся плоская возвышенность Малаго Кавказа населена преимущественно *Армянскимъ* племенемъ, перемѣшаннымъ съ другими племенами. Съ другой стороны армяне, разсѣянные по лицу всей земли, живутъ отдѣльными группами во многихъ городахъ и мѣстностяхъ какъ Закавказья, такъ и Кавказа.

Грузины и армяне, два христіанскіе народа, раздѣлены между собою мусульманскимъ населеніемъ, которое, вторгшись клиномъ съ востока въ средину Закавказья, расселилось до самой Куры и по ея долинѣ. Мусульманское населеніе состоитъ изъ *персіянъ* и *татаръ*, а по религіи раздѣляется на шіитовъ и суннитовъ. Персіяне расселились въ юго-восточной и южной ча-

стяхъ Закавказья, нижнихъ частяхъ долины Куры, на послѣднихъ уступахъ Главнаго хребта, частію по берегу Каспійскаго моря и въ пограничныхъ областяхъ съ Персіею. Татары же водворились въ низовьяхъ притоковъ рѣки Куры.

Какъ персіяне, такъ и татары образовали отдѣльныя ханства: Карабагское, Ганжинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышенское. Всѣ эти ханства находились подъ властію Персіи и потомъ разновременно поступили въ подданство России.

Перечисливъ племена, населяющія Кавказъ и Закавказье, мы должны сказать, что нѣкоторыя изъ названныхъ племенъ дробятся на множество поколѣній и отдѣльныхъ обществъ, въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя населяютъ горы. Тамъ каждая долина рѣки представляетъ собою какъ-бы отдѣльное общество, имѣющее весьма мало столкновеній съ сосѣдями. Такая дробность и разъединеніе обществъ, ихъ суровость и дикость объясняется суровостью и дикостью горной природы, ея недоступностью и замкнутостію.

Значительная высота горныхъ хребтовъ, окружающихъ возвышенныя котловины, дѣлаютъ доступъ къ нѣкоторымъ обществамъ весьма затруднительнымъ. Часто только одна пѣшеходная тропа соединяетъ два общества, но и та доступна только въ теченіе двухъ, а много четырехъ мѣсяцевъ; въ остальное время глубокія пропасти, заваленныя рыхлымъ снѣгомъ, сглаживаются и каждый шагъ путника дѣлается опаснымъ. Вьюги и мятели, сбрасывающія съ сосѣднихъ горныхъ хребтовъ снѣговые завалы, сильные и порывистые вѣтры, свирѣпствующіе на перевалахъ, дѣлаютъ сообщеніе съ сосѣдями невозможнымъ и не рѣдко въ теченіе двухъ-третей года. Предоставленные исключительно самимъ себѣ, одинокіе въ своей жизни, запертые со всѣхъ сторонъ въ своей котловинѣ, жители усвоили себѣ дикій и суровый характеръ, какъ дика и сурова окружающая ихъ природа. Эта уединенность и замкнутость есть единственная причина, что многія поколѣнія одного и того же племени живутъ различною жизнью, имѣютъ не одинаковые нравы и обычаи и даже говорятъ особымъ нарѣчіемъ, не рѣдко трудно понимаемымъ сосѣдями-единоплеменниками.

Краткій очеркъ этихъ обычаевъ, а главное характера народовъ, населяющихъ Кавказъ и Закавказье, и составляетъ цѣль послѣдующаго изложенія, приступая къ которому мы будемъ придерживаться того порядка или того географическаго положенія, которое занимаютъ племена, населяющія Кавказскій перешеекъ, и начнемъ его съ племени *адиге*.

ЧЕРКЕСЫ (АДИГЕ).

I.

Одежда черкеса, его жизнь и хищничество. — Черкесскія деревни, домъ и кунахская. — Гостепріимство и черкесскій этикетъ. — Пища черкеса и угощеніе пріѣзжаго. — Обычай куначества и усыновленія.

На самомъ высокомъ пунктѣ праваго берега рѣки Кубани, противъ устья рѣки Урупа, стоитъ крѣпость *Прочный Окопъ*. Господствуя надъ окружающею мѣстностью, онъ видѣнъ издалека; равно и изъ него видно далеко за рѣку. Передъ крѣпостью, на противоположномъ берегу Кубани, разстилается необозримая зеленая равнина, ограниченная на отдаленномъ горизонтѣ темною полосою лѣсистыхъ горъ, изъ-за которыхъ бѣлѣется рядъ зубчатыхъ вершинъ Главнаго Кавказскаго хребта.

Рѣка Урупъ, съ ея притоками, вьется серебристыми лентами по равнинѣ, кажущейся издали совершенно гладкою, но, на самомъ дѣлѣ перерѣзанною глубокими рытвинами, оврагами или балками, служившими удобнымъ мѣстомъ для укрывательства черкесовъ, выжидавшихъ случая прорваться въ наши границы. Хищникъ, вездѣ проникающій, трудно уловимый, не знающій усталости, умѣющій терпѣливо сидѣть въ засадѣ, выжидать время, чтобы совершить убійство или похищеніе, и почти всегда уходящій безвредно—таковъ былъ, въ этомъ случаѣ, характеръ черкеса, скрывавшагося въ балкахъ и оврагахъ, которыми изрѣзана Кубанская равнина.

Начиная отъ рѣки Зеленчука и до Чернаго моря, по теченію Кубани, тянется эта равнина на разстояніи до четырехъ сотъ верстъ въ длину и простираясь въ ширину до семидесяти верстъ. Здѣсь былъ полный разгулъ

для конныхъ черкесовъ и для нашихъ линейныхъ казаковъ. Первые искали добычи, вторые гонялись за ними, оберегая линію. И тѣ и другіе отличались смѣлостью, ловкостью, наѣздничествомъ и смѣтливостью; оба уважали другъ друга и избѣгали встрѣчи, но, встрѣтившись, не отступали и не просили пощады....

Все существованіе черкеса сложилось такъ, что безъ хищничества не было для него жизни, не было удовольствій въ настоящемъ, не было блаженства и въ будущемъ мірѣ. Выводивъ хорошо своего коня, выдержавъ его нѣсколько часовъ безъ корма и призвавъ на помощь *Зейгута*—божество, по понятію народа, покровительствующее наѣздникамъ—черкесъ отправлялся на хищничество или одинъ, чаще же въ компаніи, состоявшей изъ нѣсколькихъ человѣкъ.

Одежда черкеса состояла изъ мохнатой бараньей шапки, обшитой галуномъ и прикрывавшей бритую его голову; изъ *бешмета*, черкески, ноговицъ и сафьяныхъ чевяковъ, по преимуществу красныхъ (¹). Все это отличалось хорошимъ вкусомъ, изяществомъ покроя, въ особенности чевяки, обувь безъ подошвы. На послѣднюю черкесы обращали особенное вниманіе въ своемъ нарядѣ. Чевяки шьются обыкновенно нѣсколько меньше ноги и, передъ надѣваніемъ, предварительно размачиваются въ водѣ, натираются внутри мыломъ и, сырые, натягиваются на ногу, подобно перчаткамъ. Надѣвшій новые чевяки, долженъ выжидать, лежа, пока они, высохнувъ, примутъ форму ноги. Подъ чевяки впослѣдствіи подшиваютъ самую легкую и мягкую подошву.

Весь костюмъ черкеса и его вооруженіе приспособлены были какъ нельзя лучше къ наѣздничеству и къ конной дракѣ. Бурочный чахолъ скрывалъ его винтовку отъ нечистоты; она закидывалась за спину и ремень къ ней былъ пригнанъ такъ, что черкесъ легко заряжалъ ее на всемъ скаку, стрѣлялъ и потомъ перекидывалъ черезъ лѣвое плечо, чтобы обнажить шашку. Послѣднее оружіе черкесъ особенно любилъ и владѣлъ имъ въ совершенствѣ. Черкесская шашка остра какъ бритва, страшна въ рукахъ наѣздника и употреблялась имъ не для защиты, а для нанесенія удара, который почти всегда бывалъ смертеленъ. Онъ носилъ шашку въ деревянныхъ, обтянутыхъ сафьяномъ, ножнахъ и пригонялъ такъ, чтобы она не безпокоила его во время ѣзды. За поясомъ заткнуты были два пистолета и широкій кинжалъ, неразлучный его спутникъ даже и въ домашнемъ быту. На черкескѣ, по обѣимъ сторонамъ груди, пришиты были кожаныя гнѣзда для ружейныхъ патроновъ, помѣщаемыхъ въ *газыряхъ*—деревянныхъ гильзахъ. На поясѣ висѣла жирница, отвертка и небольшая сумка, наполненная разнаго рода вещами, дозволявшими всаднику, не слѣзая съ лошади, вычистить оружіе.

(¹) Крестьяне носятъ иногда *кобенекъ*, родъ куртки изъ холста (см. „На холмѣ" Каламбія „Русскій Вѣст". 1861 г. № 11).

Не смотря на то, что черкесъ былъ съ ногъ до головы обвѣшанъ оружіемъ, оно пригонялось такъ, что одно оружіе не мѣшало другому; ничто на немъ не брянчало, не болталось, а это было весьма важно во время ночныхъ набѣговъ и засадъ. Его шашка, покоившаяся въ сафьяныхъ *нахвахъ* (ножны), не звучала; его винтовка, скрытая въ бурочномъ чахлѣ, не блестѣла; его чевякъ, мягкій и гибкій какъ лапа тигра, не стучалъ; его конь, охлажденный ножемъ кастратора, не ржалъ на засадѣ, и, наконецъ, его языкъ, скудный гласными буквами и составленный изъ односложныхъ словъ, не издавалъ рѣзкихъ звуковъ при сговорѣ, сопутствовавшемъ ночному нападенію.

Все незатѣйливое хозяйство въ походной, скитальческой жизни черкеса находилось при немъ. Отвертка винтовки служила огнивомъ, кремень и трутъ висѣли у него на поясѣ, въ кожаной сумкѣ. Въ одной изъ патронныхъ гильзъ положены были сѣрныя нитки и куски смолистаго дерева, для быстраго разведенія огня. Рукоять плети и конецъ шашки обмотаны бумажною матеріею, напитанною воскомъ; скрутивъ ее, онъ имѣлъ свѣчку. Богатый черкесъ носилъ всегда въ карманѣ *кабаларъ* (бусоль), чтобы знать направленіе, куда слѣдовало обращаться лицемъ во время молитвы. Хорошо выдержанный конь его былъ отлично выѣзженъ и повиновался уздечкѣ въ совершенствѣ. Онъ не боялся ни огня, ни воды. Черкескіе наѣздники шпоръ не употребляли, но погоняли лошадь тонкою плетью, съ привязаннымъ на концѣ ея плоскимъ концомъ кожи, для того чтобы при ударѣ не причинять лошади боли, а только понукать ее хлопаньемъ плети.

Сѣдло черкеса было легко и покойно, не портило лашади даже и тогда, когда по цѣлымъ недѣлямъ оставалось на ея спинѣ. Встрѣчая часто непріятеля въ засадѣ, спѣшенный, онъ возилъ за сѣдломъ *присошки*, сдѣланныя изъ тонкаго и гибкаго дерева; за сѣдломъ висѣли небольшой запасъ продовольствія и *треногa*, безъ которой ни одинъ наѣздникъ не выѣзжалъ изъ дому.

Разборчивый вкусъ черкеса, не терпѣвшій ничего тяжелаго и неуклюжаго, положилъ свою печать и на присошкѣ. Два тонкіе деревянные прута, обдѣланные по концамъ костью и связанные на верху ремешкомъ—вотъ черкескія *присошки*. Онѣ имѣютъ видъ циркуля, иглы котораго втыкаются въ землю, а наверхъ кладется ружье. Присошка легка и удобна въ потребленіи; если черкесу не было мѣста пристегнуть ее къ сѣдлу, онъ пристегивалъ къ ружейному чахлу, и она не мѣшала ни на волосъ ни пѣхотинцу, ни всаднику.

По лѣсамъ и оврагамъ пробирался черкесъ на хищничество; ѣхалъ ночью, а днемъ отдыхалъ, скрывался и караулилъ стреноженнаго коня. Выбравъ въ лѣсу полянку, огороженную непроходимою чащею терновника, хищники останавливались. Проворно соскочивъ съ лошадей, доставали походные или сѣдѣльные топорики, прорубали небольшую тропинку въ чащѣ терновника,

вводили туда своихъ лошадей и тотчасъ же принимались за новую работу; вырубленный терновникъ втыкался снова на прежнія мѣста и такимъ образомъ *зашивалась*, какъ говорятъ черкесы, прорубленная тропа. Если черкесы были увѣрены, что ихъ убѣжища никто не обнаружитъ, то снимали съ лошадей сѣдла, а съ себя оружіе. Одинъ изъ спутниковъ заботился о приготовленіи пищи, или доставалъ походный ея запасъ, другой шелъ съ кожанымъ стаканомъ за водою, третій косилъ кинжаломъ траву лошадямъ или пускалъ ихъ на поляну, но въ послѣднемъ случаѣ лошади непремѣнно стреноживались. Черкесы, какъ и вообще всѣ горцы, употребляли весьма простой, но практичный способъ спутывать лошадей треногами, отнимавшими у нихъ способность дѣлать большіе прыжки и уходить далеко. «Тренога состоитъ изъ двухъ широкихъ сыромятныхъ ремней, одного длиннаго, а другаго короткаго, связанныхъ между собою въ видѣ латинскаго *T*; на концахъ этихъ ремней находятся петли, изъ узкихъ ремешковъ, застегиваемыя на костяныя чеки. Короткимъ ремнемъ спутываются обѣ переднія ноги, нѣсколько выше копыта, а концемъ длиннаго ремня обвязывается одна изъ заднихъ ногъ выше колѣна» ([1]). Петли съ чеками дозволяли снять треногу въ одно мгновеніе, при первой неожиданной тревогѣ.

Поѣвши сухаго чурека, партія хищниковъ ложилась отдыхать; одинъ стерегъ лошадей, другой съ высоты наблюдалъ за окрестностію и, «по полету и крику птицъ, заключалъ довольно вѣрно о томъ, что происходило въ непроницаемой глубинѣ лѣса; и этихъ примѣтъ было достаточно для того, чтобы знать приближаются-ли люди».

Въ такой тревогѣ проводилъ черкесъ всю свою жизнь. Онъ не хлопоталъ ни о теплой саклѣ, ни о мягкой постели, ни о вкусномъ и сытномъ обѣдѣ. Бурка замѣняла ему теплую хату, защищала отъ дождя и непогоды; сѣдло служило изголовьемъ, а объ обѣдѣ онъ не думалъ, вполнѣ надѣясь на гостепріимство своихъ соотечественниковъ. Не имѣя вовсе продовольствія и остановившись гдѣ-нибудь въ лѣсу, партія хищниковъ отправляла, бывало, одного изъ своихъ членовъ въ ближайшій аулъ, который, по обычаю, снабжалъ странниковъ молокомъ, просомъ и баранами, оставляя ихъ по близости отъ мѣста расположенія партіи и, по черкесскому этикету и вѣжливости, не стараясь узнать: изъ кого именно состоитъ партія, откуда и зачѣмъ она пришла въ этотъ лѣсъ? Таковъ былъ обычай, выведенный изъ практической жизни черкеса. Если случалось потомъ, что партія эта причиняла вредъ русскимъ или отгоняла скотъ изъ сосѣдняго аула, то жители, покровительствовавшіе и кормившіе партію, не видавъ никого въ лицо, съ чистою совѣстію показывали, что не знаютъ кто были хищники. Послѣдніе не разбирали ни праваго, ни виноватаго. Черкескій хищникъ отгонялъ скотъ

(1) Воспоминаніе кавказскаго офицера. „Русскій Вѣстникъ“ 1864 г. № 10. См. также Кавказъ 1855 г. № 34.

у своего сосѣда, если представлялся къ тому случай. Такъ, когда въ 1848 году за Кубанью строилось укрѣпленіе, то князь одного изъ ближайшихъ ауловъ постоянно снабжалъ отрядъ мясомъ за очень умѣренную цѣну. Впослѣдствіи оказалось, что онъ съ товарищами хищнически угонялъ скотъ у своихъ подвластныхъ и не возбуждалъ въ нихъ этимъ негодованія къ себѣ, потому что кража производилась ловко (1).

При осторожности жителей, хищничество не всегда удавалось; случалось часто, что, за украденаго коня или быка, хищникъ платилъ жизнію или увѣчьемъ. Но въ трудности состояла и вся слава хищника, дававшая молодому черкесу вѣсъ и уваженіе. Его начинали приглашать на всѣ воровскія предпріятія; отличившійся въ набѣгахъ собиралъ самъ партіи, и количество собранныхъ подъ его начальство участниковъ было лучшею вывѣскою его достоинства. Посвящая себя на такую жизнь, онъ похищенныхъ быковъ, барановъ и лошадей раздавалъ знакомымъ, потому что истый молодецъ долженъ былъ имѣть щедрую руку, а самъ ходить оборваннымъ, питаться по знакомымъ и проводить молодость въ тревогахъ и набѣгахъ.

Полуодѣтый, съ обнаженною грудью и руками голыми до локтей, съ косматою шапкою на головѣ и буркою на плечахъ—таковъ былъ типъ настоящаго хищника. Только три вещи—ружье, обувь и кинжалъ, безъ которыхъ нельзя было жить въ горахъ, были у него исправны, а все остальное висѣло въ лохмотьяхъ. Настоящій джигитъ (витязь) презиралъ добычу и довольствовался одною славою лихаго наѣздника.

Страсть къ хищничеству была у черкесовъ повсемѣстна. Но не одна жажда добычи побуждала черкеса къ разбою и грабежу: слава заставляла его ходить на хищничество. Желаніе пріобрѣсти извѣстность, сдѣлаться храбрымъ *джигитомъ* (витяземъ), прославиться своею удалью, не только въ одномъ какомъ-нибудь селеніи, но въ цѣломъ обществѣ, въ долинахъ и по горамъ, составляли его цѣль, его желаніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лучшую награду переносимыхъ трудовъ. Во многихъ случаяхъ черкесъ брался за оружіе, не зналъ отдыха, презиралъ опасностью во время хищничества и боя, для того только, чтобы стать героемъ пѣсни, предметомъ былинъ и длиннаго разсказа у очага бѣдной сакли, а этого не легко было достигнуть при врожденной скромности черкесовъ и отсутствіи хвастовства и самохвальства. Черкесъ зналъ, что прославленный поэтомъ-импровизаторомъ онъ не умретъ въ потомствѣ, что слава его имени и дѣлъ переживетъ и самый гробовой гранитъ.

— Его гробница, говоритъ народная пѣсня, разрушится, а пѣсня до разрушенія міра не исчезнетъ.

Извѣстность богатыря распространяла около него очарованный кругъ безна-

---

(1) Баронъ Сталь: „Этнографическій очеркъ черкескаго народа (рукоп.) Воен. уч. арх. глав. штаба.

казанности. Быть удальцомъ значило быть аристократомъ; только одинъ разбой давалъ дипломъ на почтенiе и уваженiе; воровство и мошенничество считалось лучшею похвалою горцу (¹).

Терпѣнiе, настойчивость, смѣлость и самоотверженiе въ хищничествѣ были изумительны. Къ этой страсти примѣшалась впослѣдствiи политическая идея, и воровство приняло религiозный характеръ. Съ 1835 года хищники приняли названiе *хаджиретовъ*; воровство въ русскихъ предѣлахъ считалось дѣломъ душеспасительнымъ; смерть въ нашихъ границахъ давала павшему въ бою вѣнецъ *шагида*, или мученика. Набѣги стали чаще и отличались своею дерзостiю. Съ наступленiемъ ночи, переправившись за Кубань, черкесы проскакивали далеко въ наши предѣлы, неожиданно нападали на селенiя, грабили оплошныхъ жителей, отгоняли скотъ, захватывали плѣнныхъ и къ утру, переправившись опять за Кубань, скрывались среди мирныхъ ауловъ и, при ихъ содѣйствiи, добыча быстро уходила въ глубь страны, отъ одного аула къ другому. Преслѣдовать, а еще болѣе поймать хищниковъ было крайне затруднительно: за Кубанью они были дома. Почти у самаго лѣваго берега этой рѣки, широкое пространство между Кубанью и горами было густо заселено небольшими группами черкескихъ ауловъ. На каждой верстѣ можно было встрѣтить два и три двора, обнесенные оградами (¹).

Замѣтивши на горизонтѣ кучу сѣроватыхъ бугорковъ, приподнимающихся иногда не болѣе какъ на сажень отъ земли, а иногда просто сливающихся съ земною поверхностiю, и слѣдуя по направленiю замѣченнаго, путешественникъ прiѣзжалъ къ черкескому селенiю. Кабардинскiе аулы издали отчасти похожи на русскiя деревни, но, присмотрѣвшись хорошенько, и въ нихъ не найдешь никакого сходства: сакли раскинуты поодиночкѣ или группами по разнымъ направленiямъ, безъ всякой претензiи и понятiя объ улицахъ. Въ постройкѣ сакль нѣтъ и не было ничего общаго: одна сложена изъ земли и камней и покрыта тою же землею и тѣми же камнями; другая построена изъ турлука и обмазана съ обѣихъ сторонъ глиною, перемѣшанною съ рубленою соломой. Крыша покрыта тою же соломою или камышемъ и образуетъ вокругъ дома навѣсъ фута на четыре. Черкесъ любилъ жить отдѣльно, уединенно, и потому выбиралъ себѣ мѣсто для усадьбы далеко отъ сосѣда, гдѣ-нибудь между деревьями, которыми была такъ обильна его родина. Оттого весьма часто аулъ разбросанъ былъ на значительное разстоянiе вдоль высокаго и крутаго берега рѣки, прислоняясь тыломъ къ дремучему лѣсу, доставлявшему жителямъ вѣрное спасенiе въ случаѣ нападенiя русскихъ войскъ.

Главный домъ черкеса состоялъ изъ нѣсколькихъ комнатъ съ низкими

(¹) Н. Берзеновъ. Изъ воспоминанiй объ Осетiи. Кавказъ 1851 г. № 92.

(²) Бутковъ. „Общiя замѣчанiя о закубанцахъ" (рукоп.). Военно-ученый архивъ главнаго штаба.

дверьми и маленькими окнами безъ стеколъ и весьма рѣдко затянутыхъ пузыремъ. Плотно запираемыя ставнями, окна служили болѣе для наблюденія за тѣмъ, что дѣлается на дворѣ, чѣмъ для освѣщенія комнатъ; главный свѣтъ проходилъ черезъ двери, растворенныя настежь лѣтомъ и зимою. Въ дверяхъ не было ни запоровъ, ни замковъ; на ночь двери запирались и заколачивались изнутри деревянными клиньями, отчего въ аулахъ каждый вечеръ поднимался всеобщій стукъ, заканчивавшій собою дневную дѣятельность его жителей. Около одной изъ стѣнъ комнаты устроено было полукруглое или четырехугольное углубленіе въ землѣ для огня, надъ которымъ висѣла высокая труба, сдѣланная изъ плетня, обмазаннаго глиною; полъ земляной, но такъ хорошо убитый, что не давалъ пыли. Вокругъ печи придѣланы полки, а иногда повѣшенъ цѣлый шкафъ, на полкахъ котораго становилась домашняя утварь и посуда, а оружіе и одежда вѣшались на гвоздяхъ. Широкія низкія кровати, покрытыя войлокомъ и коврами, и небольшіе круглые столы, разставленные по разнымъ мѣстамъ комнаты, составляли всю мебель туземца, а стоявшая на дворѣ четырехугольная маленькая, на двухъ колесахъ, арба, запрягаемая парою воловъ, его экипажъ. Вдоль стѣнъ, на полкахъ, ставилась, какъ украшеніе, европейская посуда, и если хозяинъ былъ человѣкъ зажиточный, то колона тарелокъ, ничѣмъ непокрытая и разложенная на самомъ видномъ мѣстѣ полки, свидѣтельствовала о его достаткѣ (³).

Хозяинъ, его жены и взрослыя дѣти имѣли свое отдѣльное помѣщеніе; но посторонній человѣкъ никогда не проникалъ въ эти отдѣленія, посвященныя исключительно семейной жизни; если же при этомъ хозяинъ былъ человѣкъ богатый, то онъ укрывалъ свою семью отъ посторонняго глаза особымъ заборомъ, которымъ обносилъ сакли и хозяйственныя постройки. Постройки эти состояли изъ кладовой и хлѣва для овецъ. Кладовая раздѣлялась на четыре закрома для различныхъ сортовъ хлѣба и, въ предохраненіе отъ мышей, устраивалась такъ, чтобы полъ ея не касался земли. Одинъ и тотъ же дворъ, огороженный плотнымъ тыномъ, заключалъ въ себѣ всѣ три строенія. Рядомъ съ нимъ находились огороды, гдѣ черкесы сѣяли пшеницу, рожь, но преимущественно просо и кукурузу. Огороды окружены были деревьями и рощами, составлявшими для черкеса первую необходимость.

Внѣ ограды или забора у богатыхъ, и въ дальнемъ углу ея у бѣдныхъ, строился *хаджичижъ*—пріемный домъ для гостей, или *кунахская*. Самая значительная часть имущества, и лучшая его часть, шла у черкеса на убранство этой комнаты. Домъ для гостей строился, по возможности, на удобномъ мѣстѣ, огораживался частоколомъ или плетнемъ, оставляя чистый дворъ, обсаженный нерѣдко вѣтвистыми деревьями, подъ тѣнью которыхъ гость могъ

(¹) О природѣ и хозяйствѣ Кабарды кн. Т. Г. Баратова. Кавказъ 1860 г. № 73. О гостепріимствѣ у черкесовъ. Кавк. 1859 г. № 7. Воспоминанія кавказскаго офицера. „Рус. Вѣст". 1864 г. № 10. Кавк. 1855 г. № 34.

бы укрыться отъ лѣтняго зноя. Люди со средствами устраивали другой такой же домъ, меньшихъ размѣровъ, внутри семейной ограды, и этотъ послѣдній назначался для пріема исключительно однихъ только родственниковъ или самыхъ близкихъ знакомыхъ. При кунахской устроена была конюшня, а за оградою врытъ столбъ (коновязь) для привязыванія лошадей; надъ столбомъ небольшой круглый навѣсъ для предохраненія сѣдла отъ дождя и лошади отъ зноя.

Устройство кунахской и ея убранство не отличалось ничѣмъ отъ устройства обыкновенныхъ черкескихъ домовъ; только камышевыя циновки, ковры, тюфяки и подушки, составлявшія самую значительную и роскошную часть домашнихъ принадлежностей черкеса, свидѣтельствовали о заботѣ хозяина сдѣлать это помѣщеніе, по возможности, роскошнымъ и удобнымъ.

По одной стѣнѣ комнаты ставился невысокій диванъ съ подушками, покрытый узорчатой циновкой; въ стѣнѣ, надъ диваномъ, было вбито нѣсколько деревянныхъ гвоздей или колышковъ; на одномъ изъ нихъ обыкновенно висѣла скрипка или балалайка о двухъ струнахъ, на другомъ нѣчто въ родѣ лиры о двѣнадцати струнахъ, а остальные гвозди предназначались для размѣщенія на нихъ сѣдла, оружія гостя и другихъ походныхъ его принадлежностей. Длинная дубовая скамья, передвигаемая, по мѣрѣ надобности, съ мѣста на мѣсто, отъ одной стѣны къ другой, составляла единственную мебель комнаты. Мѣдный кувшинъ съ тазомъ для омовенія и *намазлыкъ*, шкура дикой козы, или небольшой коврикъ, на который мусульмане становятся на колѣняхъ во время молитвы, составляли необходимую принадлежность каждой кунахской. Стеганыя ситцевыя или изъ синей бумажной матеріи одѣяла, вмѣстѣ съ подушками и коврами, грудою складывались въ одномъ углу комнаты. Слабый свѣтъ *чачъхури*—плошка, въ которой горитъ жиръ—слабо освѣщалъ кунахскую, часто состоявшую изъ одной комнаты, раздѣленной надвое верблюжьимъ сукномъ. Каждый хозяинъ сколько заботился о чистотѣ кунахской, столько же и о доставленіи, по возможности, всѣхъ удобствъ гостю.

Гостепріимство развито было между черкесами въ самой широкой степени и составляло одну изъ важнѣйшихъ добродѣтелей этого народа. Гость былъ священною особою для хозяина, который обязывался угостить, охранить его отъ оскорбленій и готовъ былъ жертвовать для него жизнію, даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ преступникъ или кровный его врагъ. Стоило только преступнику ввалиться въ первую встрѣтившуюся ему саклю—и онъ подъ защитою, онъ безопасенъ отъ преслѣдованій.

— Благословеніе на домъ и жену твою! говорилъ незнакомецъ, входя въ саклю. Во имя славныхъ дѣлъ твоихъ, сѣдой джигитъ (витязь), требую гостепріимства, сѣдла и бурки....

— Голова моя, отвѣчалъ хозяинъ, и зарядъ за друга или недруга. Ты гость мой и, стало быть, властелинъ мой.

Каждый путешествующій черкесъ останавливался тамъ, гдѣ застигала его ночь, но предпочиталъ остановиться у знакомаго, и притомъ человѣка достаточнаго, такого, которому не было-бы слишкомъ обременительно угостить пріѣзжаго.

Если ѣдущихъ было много, то они, останавливаясь на ночлегъ, рѣздѣлялись на нѣсколько партій, которыя и расходились по сосѣдямъ.

Хозяинъ, заслышавъ издали о пріѣздѣ гостя, спѣшилъ къ нему на встрѣчу и держалъ стремя, когда тотъ слѣзалъ съ лошади. Въ глазахъ каждаго черкеса не было такихъ поступковъ и услуги, которыя могли бы унизить хозяина передъ гостемъ, какъ бы велика ни была разница въ ихъ общественномъ положеніи. Званіе хозяина, точно также какъ и гостя, здѣсь не играло никакой роли, и только нѣкоторые самые незначительные оттѣнки дѣлали разницу въ пріемѣ болѣе рѣдкаго или почетнаго гостя отъ обыкновеннаго. Едва только гость слѣзалъ съ лошади, какъ хозяинъ прежде всего снималъ съ него ружье и вводилъ въ кунахскую, указывая тамъ мѣсто, обложенное коврами и подушками, въ самомъ почетномъ углу комнаты. Здѣсь снимали съ пріѣзжаго все остальное оружіе, которое или развѣшивалось въ кунахской, или относилось въ домъ хозяина. Послѣднее обстоятельство имѣло у черкесовъ двоякое значеніе: или что хозяинъ бралъ, по дружбѣ, на себя всю отвѣтственность за безопасность гостя въ своемъ домѣ, или что, не зная его, не очень ему довѣрялъ.

По принятому обычаю, въ саклѣ тотчасъ же разводился огонь, и чѣмъ больше было огня въ очагѣ, тѣмъ больше почета для гостя. Если гость былъ важнаго происхожденія, какой-нибудь князь, пріѣхавшій къ другому князю, и имѣлъ за собою многочисленную свиту, то онъ обыкновенно останавливался у князя только въ томъ случаѣ, если у него не было гостей, а въ противномъ случаѣ располагался у одного изъ старшихъ подвластныхъ князю. При пріѣзжемъ оставались старшіе его спутники и человѣка два-три самыхъ младшихъ; прочая свита расходилась по домамъ остальныхъ жителей аула.

Гостя принимали съ тѣмъ радушіемъ, которымъ отличаются вообще всѣ горцы. Пріѣзжій могъ оставаться въ гостяхъ сколько ему было угодно, но приличіе требовало не засиживаться слишкомъ долго. Войдя въ саклю, гость, во все время пребыванія въ ней, находился на рукахъ и попеченіи о немъ хозяина, который обязанъ былъ предохранять его отъ всякой непріятности и угощать вмѣстѣ со свитою, какъ бы многочисленна она ни была. Для почетнаго гостя хозяинъ рѣзалъ барана, а иногда и штуку рогатаго скота. «Добрый хозяинъ, говоритъ черкеская поговорка, обязанъ доставить гостю сытный столъ, хорошій огонь и обильный фуражъ». Мысль о томъ, что скажутъ о немъ гости по возвращеніи въ свою сторону, преслѣдовала хозяина; день и ночь онъ хлопоталъ о гостѣ, старался быть при немъ безотлучно и лишь оставлялъ его на нѣсколько минутъ для того, чтобы заглянуть: сыты

ли и накормлены-ли лошади пріѣзжихъ. Все это дѣлалось безъ всякой мысли о вознагражденіи, изъ одного убѣжденія, что онъ исполняетъ завѣтъ отцовъ и долгъ гостепріимства. Взять подарокъ отъ гостя значило навлечь на себя всеобщее презрѣніе, да и самъ гость не предлагалъ его, боясь оскорбить тѣмъ хозяина.

Усѣвшись на почетномъ мѣстѣ, пріѣзжій, какъ водится у черкесовъ, проводилъ нѣкоторое время въ глубокомъ молчаніи; хозяинъ и гость, если они были незнакомы, разсматривали другъ друга съ большимъ вниманіемъ. Промолчавъ нѣсколько мгновеній, пріѣзжій освѣдомлялся о здоровьѣ хозяина, но считалъ неприличнымъ распрашивать о женѣ и дѣтяхъ. Съ другой стороны, не смотря на то, что черкесы крайне любопытны, они считали нарушеніемъ правилъ гостепріимства закидывать гостя вопросами: откуда онъ пріѣхалъ, куда и зачѣмъ ѣдетъ; гость, если желалъ, могъ сохранить полное инкогнито. Во все время пребыванія своего въ гостяхъ, пріѣзжій избавлялся отъ всякой услужливости своему хозяину, точно такъ же какъ и самъ не составлялъ предмета любопытства для семейства хозяина. Но за то, во все время пребыванія въ чужомъ домѣ, гость, по обычаю страны, оставался какъ-бы прикованнымъ къ мѣсту: встать, прохаживаться по комнатѣ было-бы не только отступленіемъ отъ приличій, но многимъ изъ его соотечественниковъ показалось бы даже и преступленіемъ.

Усадивши гостя на самое почетное мѣсто и получивъ отъ него привѣтствіе, хозяинъ спрашивалъ его о здоровьѣ только тогда, если пріѣзжій ему былъ знакомъ, а въ противномъ случаѣ дѣлалъ этотъ вопросъ не ранѣе того, какъ гость объявлялъ свое имя. Тогда хозяинъ приглашалъ его снять съ себя верхнюю одежду, обувь, всѣ остальные доспѣхи и отдохнуть. Между тѣмъ, въ промежутокъ времени до ужина, считалось неприличнымъ оставить гостя одного, и потому къ нему являлись, одинъ за другимъ, сосѣди хозяина съ привѣтствіемъ. Если гость былъ родственникъ или особо уважаемое почетное лицо, то къ нему приходила дочь хозяина, а за нею приносилось блюдо съ сушеными плодами и разными овощами. Въ нѣкоторыхъ обществахъ существовало еще обыкновеніе или патріархальный обычай, по которому дочь хозяина должна была умыть ноги странника.

«Когда мы усѣлись на приготовленныхъ для насъ мѣстахъ, говоритъ г. *Т**, посѣтившій горы (*), и сняли обувь, въ кунахскую вошла молодая дѣвушка съ полотенцемъ въ рукахъ, за которою служанка несла тазъ и кувшинъ съ водой. Въ то мгновеніе, когда она остановилась передо мною, кто-то бросилъ въ огонь сухаго хворосту, и яркій свѣтъ, разлившійся по кунахской, озарилъ дѣвушку съ ногъ до головы. Она покраснѣла, улыбнулась и, молча наклонившись къ моимъ ногамъ, налила на нихъ воды, покрыла по

(¹) „Русскій Вѣстникъ“ 1864 г. № 11.

лотенцемъ и пошла къ другому исполнять свою гостепріимную обязанность. Между тѣмъ, свѣтъ становился слабѣе, и она скрылась въ дверяхъ тихо, плавно, подобно видѣнію. Болѣе я ея не видалъ».

Починъ всякаго дѣла шелъ отъ гостя. Онъ начиналъ разговоръ и просилъ присутствующихъ садиться; тѣ сначала отказывались, считая неприличнымъ сидѣть въ присутствіи гостя, но потомъ старшіе по лѣтамъ уступали вторичной просьбѣ и садились, а младшіе, стоя, размѣщались вокругъ комнаты. Во время разговора, по обычаю, гость обращался исключительно къ почетнымъ лицамъ или старшимъ по лѣтамъ, и мало по малу разговоръ дѣлался общимъ. Общественные интересы страны, внутреннія происшествія, свѣдѣнія о мирѣ или войнѣ, подвиги какого-нибудь князя, приходъ судовъ къ черкескимъ берегамъ и другіе предметы, заслуживавшіе вниманія, составляли содержаніе разговора и были единственнымъ источникомъ, изъ котораго почерпались всѣ черкескія новости и свѣдѣнія. Въ разговорѣ соблюдалось самое тонкое приличіе, придающее черкесамъ, при обращеніи между собою, видъ благородства и благопристойности (1).

Появленіе прислуги, или сыновей хозяина, или, наконецъ, его сосѣдей въ умывальницею и тазомъ, для умовенія рукъ, служило знакомъ того, что ужинъ готовъ.

Вслѣдъ за умываніемъ вносились въ кунахскую небольшіе кругленькіе столики о трехъ ножкахъ. Столики эти извѣстны у черкесовъ подъ именемъ *аны*—слово составное: *а*—значитъ рука, *ны*—глаза, т. е. что на нихъ обращаются глаза и руки всѣхъ кушающихъ. Черкесы были всегда чрезвычайно умѣренны въ пищѣ: ѣли мало и рѣдко, особенно во время походовъ и передвиженій. «Печали желудка—говоритъ народная пословица—легко забываются, а не скоро лишь муки сердечныя».

За то на званыхъ обѣдахъ, праздникахъ и угощеніяхъ они впадали въ другую крайность: ѣли и пили на столько много, что надо было удивляться вмѣстимости ихъ желудковъ. Въ такихъ случаяхъ пища черкесовъ бывала довольно разнообразна. Вмѣсто хлѣба употребляли *пасту*—густо-свареную просяную кашу, которою окружаютъ кушанья; круто-свареная, она рѣжется ломтями. Хлѣбъ если и употреблялся въ пищу, то большею частью просяной. Просо составляло исключительную принадлежность черкескаго стола: изъ проса приготовляли *хаптхупсъ*—супъ или похлебку съ бараниной, и *махсымъ*—бузу или брагу, которую пили вмѣсто вина, запрещеннаго магометан-

(1) Этнограф. очерки черкеск. народа. Барона Сталя (рукоп.). Отъ Зауралья до Закавказья г. Вердеревскаго. Кавказъ 1855 г. № 30. О природѣ и хозяйствѣ Кабарды кн. Т. Г. Баратова. Кавказъ 1860 г. № 73 Замѣчаніе на статью Законы и обычаи кабардинцевъ, Ханъ-Гирея. Кавк. 1846 г. № 10. О гостепріимствѣ у черкесовъ. Кавказъ 1859 г. № 7. О кавказской линіи Дебу: изд. 1829 года. Записки русскаго офиц, Кавк, 1852 г. № 1 и 2.

скимъ закономъ (1). Пища абадзеховъ состояла лѣтомъ изъ проса и молока, а зимою ѣли просо, сыръ и соленую баранину; за недостаткомъ проса, абадзехи часто питались тыквою. Вообще пища черкесовъ состояла изъ говядины, баранины и конины (преимущественно молодыхъ жеребятъ), которыя солились и сушились съ осени и были запасаемы до мая мѣсяца. Съ мая же до октября употребляли въ пищу кислое молоко, сыръ и растительные продукты. Кушанье подавалось чисто и опрятно; молоко черкесы ѣли деревянными ложками; говяжій отваръ, или бульонъ, пили изъ деревянныхъ чашекъ, а все остальное ѣли руками, употребляя пальцы вмѣсто вилокъ и ложекъ. Каждое блюдо подавалось на особомъ столикѣ, безъ талерокъ, которыя, какъ мы видѣли, употреблялись только для украшенія комнатъ и разставлялись по стѣнамъ.

Зарѣзанный для почетнаго гостя баранъ варился въ котлѣ цѣликомъ, за исключеніемъ головы, ногъ и печени, и, окруженный этими принадлежностями, приправленными разсоломъ, подавался на одномъ изъ столовъ. Кушанье это извѣстно подъ именемъ *бьло и бьгомгазе*. Слѣдующее блюдо состояло также изъ отварной баранины, разрѣзанной на куски, между которыми становилась каменная чашка съ *шипсомъ*—кислымъ молокомъ, приправленнымъ чеснокомъ, перцомъ и солью: въ этотъ разсолъ туземцы макали баранину. Затѣмъ, по порядку и достоинству, слѣдовали: *китлебсъ* — курица съ приправою лука, перца и масла; на столикъ клали *пасту* и, сдѣлавъ въ ней углубленіе, наполняли ее этимъ соусомъ; за китлебсомъ опять кислое молоко, съ кусками отварной бараньей головы; творогъ, вареный съ масломъ и запеченый въ тѣстѣ, въ видѣ ватрушки, огромной величины; пирожки изъ творогу, пилавъ, шашлыкъ, жареная баранина съ медомъ, разсыпное просо со сметаною, сладкіе пирожки и т. п. кушанья, въ большемъ или меньшемъ изобиліи, смотря по достатку хозяина. Въ концѣ обѣда приносился котелъ съ очень вкуснымъ супомъ, который наливался въ деревянныя чашки съ ушками и подавался гостямъ; за неимѣніемъ ложекъ, пили его черезъ край, прямо изъ чашки. Вино, пиво, буза или аракъ и, наконецъ, кумысъ составляли принадлежность каждаго обѣда. Число блюдъ, смотря по значенію гостя и состоянію хозяина, бывало иногда весьма значительно. Такъ, въ 1827 году, натухажскій старшина, Дешеноко-Темирокъ, угощая посѣтившаго его анатолійскаго сераскира Гассана-пашу, подалъ ему за обѣдомъ сто двадцать блюдъ — чисто лукуловскій столъ!

Ни у знатныхъ, ни у бѣдныхъ не было для ѣды назначенныхъ часовъ: каждый ѣлъ когда ему захочется: отецъ въ одномъ углу, мать въ другомъ, дѣти тамъ, гдѣ придется. Общій столъ былъ въ употребленіи только при гостяхъ.

За ужинъ садились по достоинству и значенію; лѣта играли въ этомъ

(1) Буза приготовляется изъ проса, съ прибавленіемъ въ нее, послѣ броженія, меда.

дѣлѣ весьма важную роль. Лѣта въ общежитіи черкесовъ ставились всегда выше всякаго званія; молодой человѣкъ самаго высокаго происхожденія обязанъ былъ встать передъ каждымъ старикомъ, не спрашивая его имени, и, оказывая уваженіе его сѣдинѣ, уступить ему почетное мѣсто, которое въ пріемѣ черкесовъ имѣло весьма большое значеніе.

Если гость былъ человѣкъ весьма знатный по происхожденію или по заслугамъ, то онъ ѣлъ одинъ, а хозяинъ ему прислуживалъ; если же изъ низшихъ, тогда самъ хозяинъ раздѣлялъ съ нимъ трапезу.

Каждый столикъ съ блюдомъ подносился прежде всего почетному гостю и, по черкеской вѣжливости, никто не касался до кушанья прежде старшаго гостя. Съ первымъ кускомъ пищи, подносимымъ ко рту, гость произносилъ вполголоса молитву, призывая на хозяина благодать свыше, и затѣмъ обязанъ былъ отвѣдать непремѣнно отъ каждаго блюда, сколько бы ихъ ни было: иначе онъ могъ жестоко обидѣть хозяина. Воздержаніе и умѣренность въ пищѣ считались, въ то же время, однимъ изъ похвальныхъ качествъ черкеса, и въ особенности соблюдались высшимъ класомъ. Такой гость только прикасался къ кушаньямъ, не смотря на неоднократныя приглашенія хозяина кушать до-сыта и побольше. Гость, отдѣлившій часть блюда и передавшій его слугѣ, оказывалъ тѣмъ большое уваженіе хозяину, который принималъ подобный поступокъ, какъ знакъ особеннаго къ нему вниманія. Когда старшій прекращалъ ѣду, то всѣ сидѣвшіе съ нимъ за однимъ столомъ также переставали ѣсть и столъ передавался второстепеннымъ посѣтителямъ, а отъ нихъ переходилъ дальше, пока не опустѣетъ совершенно, потому что черкесъ не сберегалъ на другой день того, что было однажды приготовлено и подано. Чего не съѣдали гости, то выносилось изъ кунахской и раздавалось на дворѣ толпѣ дѣтей и зѣвакъ, сбѣгавшихся на каждое подобное угощеніе.

Послѣ ужина подметали полъ и приносили снова умывальницу, и на этотъ разъ подавали небольшой кусочекъ мыла, на особомъ блюдечкѣ. Пожелавъ гостю спокойствія, всѣ удалялись, кромѣ хозяина, который оставался тутъ до тѣхъ поръ, пока гость не просилъ его также *успокоиться*.

Пріѣзжій засыпалъ съ полною увѣренностію, что лошади его накормлены, что имъ дана постилка, или что онѣ пасутся подъ надзоромъ особо-назначеннаго на этотъ разъ пастуха. Гость зналъ, что если лошадь или какая-нибудь вещь его пропадетъ, то хозяинъ, отвѣчая за нее, долженъ будетъ отдать ему свою вещь и самъ потомъ разыскивать вора. Онъ зналъ также и то, что хозяйка дома встанетъ рано, до разсвѣта, чтобы успѣть приготовить самыя разнообразныя блюда и какъ можно лучше угостить пріѣзжаго.

Поутру обыкновенно приносили гостю кислое молоко съ пастою, а иногда и съ ватрушкою; въ полдень подавали въ небольшомъ количествѣ баранину, а вечеромъ хозяева и ихъ кухарки истощали все свое искуство, чтобы блеснуть угощеніемъ.

При отъѣздѣ хозяинъ и гость пили *шесибзъ* — застремянную чашу. Гость

выходилъ на дворъ; лошади его и его свиты были осѣдланы и выведены изъ конюшни; каждую изъ лошадей держалъ особый человѣкъ и подавалъ стремя. Если гость пріѣхалъ издалека, то ему оказывался еще большій почетъ: тогда хозяинъ, не довольствуясь прощаніемъ въ домѣ, садился также на лошадь, провожалъ нѣсколько верстъ и возвращался домой только послѣ нѣсколькихъ долгихъ убѣжденій и просьбъ со стороны гостя.

Въ прежнее время было въ обычаѣ для гостя засѣвать особое поле просомъ или гоміей, другое овсомъ для лошадей его и отдѣлять для него часть скота изъ своего стада.

Чѣмъ болѣе человѣкъ пользовался уваженіемъ, тѣмъ чаще посѣщали его гости. Если нечѣмъ быть угощать путешественника, хозяинъ обращался къ сосѣдямъ, и тѣ охотно снабжали его всѣмъ необходимымъ. Сосѣди жили между собою дружелюбно, охотно дѣлились другъ съ другомъ послѣднимъ кускомъ, одеждой, всѣмъ что только можно было раздѣлить, и считалось постыднымъ отказать нуждающемуся, кто бы онъ ни былъ. Хозяинъ долженъ былъ защищать гостя, хотя бы то стоило ему жизни. Принявшій подъ свое покровительство преступника обязанъ былъ примирить обѣ стороны, и если ему это не удавалось, то передавалъ дѣло на разсмотрѣніе народнаго суда. Если судъ рѣшалъ выдать обидчика головой обиженному, тогда давшій убѣжище исполнялъ въ точности приговоръ суда.

Отказъ въ гостепріимствѣ навлекалъ на хозяина нерасположеніе цѣлаго общества. Негостепріимство у черкесовъ считалось большимъ порокомъ и порицалось пословицею: *«ты ѣшь одинъ не дѣлясь, какъ ногайскій князь»*. Чѣмъ гостепріимнѣе былъ хозяинъ, тѣмъ лучше старался онъ угостить пріѣзжаго, и, отпуская его домой, при прощаніи дѣлалъ весьма часто подарки, нерѣдко весьма значительные. Съ своей стороны, гости обязаны были въ точности исполнять всѣ обычаи страны и ни словомъ, ни даже намекомъ не оскорбить хозяина, и тѣмъ не обезславить его гостепріимства. Нарушеніе правилъ гостепріимства вело къ кровавой враждѣ, возникавшей не только между двумя лицами, но между цѣлыми родами и поколѣніями. По кореннымъ черкескимъ законамъ, тотъ, кто оскорбилъ гостя, въ чьемъ-бы домѣ онъ ни былъ, платитъ хозяину дома штрафъ въ одну *сха*, равняющуюся отъ 60 до 80 быковъ. Въ случаѣ убійства гостя, убійца платитъ девять такихъ цѣнъ за безчестье дома независимо отъ цѣны крови, слѣдующей родственникамъ убитаго (*). Черкесы до такой степени ревниво оберегали обычай гостепріимства, что если два лица, имѣвшія между собою вражду, встрѣчались неожиданно въ чужомъ домѣ, то, какъ-бы вражда эта сильна ни была, они дѣлали видъ, что не замѣчаютъ другъ друга, и держались одинъ отъ другаго какъ можно дальше.

([1]) Обычаи шапсуговъ и натухажцевъ. Л. Люлье. Запис. кавк. отд. имп. рус. геогр. общ. кн. VII, изд. 1866 г.

Какъ образчикъ гостепріимства, его обычаевъ и условій, я поясню примѣромъ. Одинъ изъ богатѣйшихъ князей бзедухскихъ былъ въ гостяхъ у князя другаго племени, отъ котораго, при отъѣздѣ, получилъ въ подарокъ тысячу барановъ. Обычай и достоинство требовали отдарить пріятеля. Бзедухскій князь звалъ его къ себѣ въ гости, но тотъ медлилъ и черезъ годъ совершенно неожиданно явился съ огромною свитою, какъ разъ въ то самое время, когда хозяина не было дома.

Остановившись передъ кунахскою, князь слѣзъ съ коня; его ввели въ комнату. Княгиня-хозяйка засуетилась въ хлопотахъ объ угощеніи и отправила гонцовъ къ мужу, съ извѣстіемъ о прибытіи гостя. Въ ожиданіи пріѣзда супруга, княгиня была въ крайнемъ затрудненіи: надо было готовить ужинъ, а она не знала какъ: готовить-ли кушанье изъ мяса быка убитаго поутру, или, какъ принято было между черкесами, въ честь пріѣхавшаго гостя зарѣзать барана. Вызванный изъ кунахской, старшій изъ подвластныхъ князя, человѣкъ опытный и хорошо знавшій обычаи страны, разрѣшилъ затрудненіе: онъ опредѣлилъ приготовлять говядину и, кромѣ того, убить барана.

Эти затрудненія замедлили приготовленіе ужина, но наконецъ его подали. Князь, пріѣхавшій издалека, проголодался и, сѣвъ за столъ, принялся за пищу съ большимъ апетитомъ. По обычаю, когда слѣдовало приняться за мясо, въ богатыхъ и знатныхъ домахъ прислуживающіе подавали ножи, а безъ этой формальности никто не дотрогивался до кушанья. Проголодавшійся же князь не соблюлъ этикета и, не дожидаясь когда подадутъ ему ножъ, вынулъ свой, бывшій при ножнахъ кинжала, и началъ имъ рѣзать говядину.

— Ого! гости-то наши пріѣхали вооруженные! замѣтилъ вслухъ одинъ изъ остряковъ, бывшихъ въ кунахской при угощеніи.

Князь молча кинулъ сердитый взглядъ на остряка и продолжалъ ѣсть. Вскорѣ затѣмъ почетный гость потребовалъ пить, что значило, по принятому обыкновенію, что, отрѣзавъ себѣ еще кусочка два мяса, князь перейдетъ къ слѣдующему блюду. Утомленіе и апетитъ взяли и тутъ перевѣсъ надъ обычаемъ; куски шашлыка одинъ за другимъ, и въ значительномъ количествѣ, стали исчезать во рту гостя.

— По мокрому бруску провели ножемъ, замѣтилъ вторично острякъ.

Князь вспыхнулъ и, оттолкнувъ отъ себя столъ съ кушаньями, бросилъ ужинъ.

— Подайте мнѣ оружіе! закрачалъ онъ съ гнѣвомъ. Я не съ тѣмъ пріѣхалъ къ своему пріятелю, чтобы слушать насмѣшки какого-нибудь наглеца. Оружіе!... лошадь! закричалъ взбѣшенный князь.

Поднялась страшная суматоха. Подвластные хозяина просили гостя не сердиться, не уѣзжать и тѣмъ не навлекать безчестія хозяину. Бѣдная и ничѣмъ невиновная княгиня рвала на себѣ волосы и также упрашивала разсерженнаго не дѣлать позора ея мужу. Почетный гость уступилъ просьбамъ: согласился остаться и все успокоилось. Пріѣхалъ хозяинъ и скоро узналъ о

случившемся происшествіи. Утромъ на другой день онъ призвалъ къ себѣ несчастнаго остряка и, въ присутствіи гостей, выгналъ его изъ своихъ владѣній.

— Счастіе твое, что съ отцомъ твоимъ я ѣлъ хлѣбъ и соль, а то ты жилъ-бы тамъ съ рыбами, сказалъ князь остряку, указывая на рѣку, протекающую подлѣ кунахской. Отнынѣ нога твоя пускай не смѣетъ переступать черту моихъ владѣній—вонъ отсюда! Но, чтобы ты не подумалъ будто я выгоняю съ намѣреніемъ подъ этимъ предлогомъ отдѣлаться отъ подарка, то на, возьми себѣ двухъ лучшихъ коней моихъ и—съ Богомъ!

Острякъ, довольный тѣмъ, что такъ дешево отдѣлался, ускакалъ безъ оглядки. Князь гостилъ около недѣли и, при отъѣздѣ домой, получилъ въ подарокъ: трехъ дѣвушекъ, двухъ мальчиковъ, шестнадцать прекрасныхъ лошадей, множество драгоцѣннаго оружія и нѣсколько десятковъ сундуковъ, наполненныхъ шелковыми матеріями.

Обычай одаривать гостя породилъ у черкесовъ особый родъ гостей *хачеуако*—гость съ просьбой. Такія лица, погостивъ нѣсколько дней, просили у хозяина, преимущественно князя, подарить ему, напримѣръ, десять лошадей, двадцать быковъ, да сотню овецъ. По обычаю, князь не могъ отказать въ подобной просьбѣ и долженъ былъ удовлетворить просителя (*). Вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь гостепріимствомъ, многіе находили средство всю жизнь существовать на чужой счетъ. Образовался особый, хотя незначительный, классъ людей, который, не имѣя осѣдлости и пристанища, скитался изъ одного аула въ другой и велъ жизнь бродяжническую. Они знали, что пріѣздъ ихъ, подъ именемъ гостя, будетъ принятъ каждымъ изъ хозяевъ за пріятное событіе, доставляющее какъ ему, такъ и всѣмъ членамъ его семьи удовольствіе и случай исполнить долгъ и священную обязанность. За то между черкесами не было еще никогда примѣра, чтобы кто-нибудь умеръ отъ голода...

Гостепріимство, свято чтимое между черкесами, не слѣдуетъ смѣшивать съ правами покровительства, или *куначества*, также весьма распространеннаго въ народѣ. Обычай *куначества* ведется съ давнихъ поръ. Въ прежнія времена, когда междоусобныя войны раздирали маленькія черкескія племена, каждый черкесъ, вступивъ въ границы земель чужаго ему владѣнія, считался какъ непріятель или чужеземецъ. Онъ подвергался опасности быть убитымъ, ограбленнымъ или проданнымъ, какъ невольникъ, куда-нибудь на отдаленный востокъ. Чтобы не подвергаться этому, онъ долженъ былъ имѣть въ чужомъ обществѣ вліятельнаго покровителя — *кунака*, на котораго, въ случаѣ надобности, могъ бы положиться. Обоюдная польза сдѣлала куначество свято

---

(1) О гостепріимствѣ у черкесовъ. Кавк. 1859 г. № 7. Замѣчанія на ст. „Законы и обычаи кабардинцевъ“ Кавк. 1846 г. № 11. Остатки христіанства между закубанскими племенами Іоанна Хазрова. Кавк. 1846 г. № 42. О природѣ и хозяйствѣ Кабарды кн. Баратова Кавк. 1860 г. № 73. Очеркъ этнографіи черкескаго народа барона Сталя (рукопись). Бѣглые очерки Кабарды Степанова. Кавк. 1861 г. № 82. Закубанскій край въ 1864 г. П. Невскій. Кавказъ 1868 г. № 100.

чтимымъ между черкесами. Кунакъ (покровитель) и прибывшій подъ его защиту были тѣсно связаны между собою, и никто не могъ обидѣть клiента, не подвергаясь неизбѣжному мщенію кунака. Хотя впослѣдствіи, съ прекращеніемъ междоусобныхъ раздоровъ, черкесъ не подвергался прежней опасности, но куначество такъ вкоренилось въ народную жизнь, что ни одинъ черкесъ не считалъ возможнымъ обойтись безъ кунака, который бы могъ его выручить изъ бѣды въ случаѣ ссоры, драки, убійства и воровства. Кунакомъ, конечно, могъ быть только князь или владѣтельный дворянинъ, словомъ такое лицо, котораго имя и вліяніе имѣли вѣсъ въ горахъ.

Отказать кому бы то ни было въ покровительствѣ считалось предосудительнымъ. Человѣкъ, совершившій преступленіе и опасавшійся преслѣдованія, искалъ случая обезпечить себя защитою сильнаго. Явившись къ тому князю, котораго покровительство могло доставить желаемую защиту, онъ касался рукою полы его платья и произносилъ: «*отдаюсь подъ твое покровительство*». Коренные обычаи черкесовъ обязывали покровителя вступаться во всякомъ случаѣ за предавшагося его защитѣ. Ни тотъ, ни другой ничего не теряли отъ того — напротивъ, оба оставались въ выигрышѣ. Искавшій защиты пріобрѣталъ сильную подпору, а покровитель получалъ право, въ случаѣ обиды нанесенной его кліенту, взыскивать штрафъ въ свою пользу. Право это составляло даже одно изъ преимуществъ князей, которымъ они старались пользоваться, получая отъ него вещественныя выгоды, и хотя оно вело часто къ распрямъ и ссорамъ, но, не смотря на то, князь, допустившій безнаказанно обидѣть имъ покровительствуемаго, терялъ всякое уваженіе въ народѣ.

Каждый иностранецъ, безъ различія происхожденія и вѣры, имѣвшій вліятельнаго кунака въ одномъ изъ черкескихъ обществъ, былъ совершенно безопасенъ въ этомъ обществѣ. Всѣ иностранцы, посѣщавшіе секретно горскія племена, жившія по берегу Чернаго моря, отправлялись, по большей части, изъ Турціи, имѣя съ собою рекомендаціи на имя владѣтельныхъ князей, которые дѣлались ихъ кунаками, т. е. принимали ихъ подъ свое покровительство. Одни русскіе были изъяты у черкесовъ изъ этого права. Каждый русскій, въ глазахъ черкеса, находился подъ кровомщеніемъ, и весьма немногіе изъ черкесовъ рѣшались вступать съ нами въ куначество, да и то не иначе, какъ съ соблюденіемъ съ обѣихъ сторонъ самой тщательной тайны.

Необходимость въ постороннемъ покровительствѣ и помощи дала начало оригинальному обычаю, извѣстному подъ именемъ *усыновленія*. Лицо чуждаго народа или чуждаго общества, переселившись къ одному изъ черкескихъ племенъ и желая тамъ скрыться отъ преслѣдованій или остаться на всегда, изъявляло желаніе быть усыновленнымъ однимъ изъ семействъ того аула, въ которомъ поселилось. Глава семейства призывалъ къ себѣ желающаго быть пріемышемъ, въ присутствіи всѣхъ обнажалъ женѣ своей грудь и пріемышъ три раза устами дотрогивался до ея сосковъ. Этимъ символомъ глава семей-

ства давалъ знать присутствующимъ, что пріемышъ былъ какъ-бы вскормленъ грудью его жены и считается отнынѣ сыномъ въ семействѣ. Такое усыновленіе устанавливало священную связь и налагало на пріемыша тѣ же обязанности, какія имѣетъ сынъ къ отцу. Точно такъ же поступали два лица, согласившіяся составить между собою союзъ на жизнь и смерть. Тогда жена или мать одного изъ нихъ давала другу мужа или сына свою грудь, и съ тѣхъ поръ онъ пользовался покровительствомъ, какое принадлежало дѣйствительному питомцу. Впослѣдствіи обычай этотъ до того развился, что стоило только дотронуться до груди женщины, чтобы остановить ея мужа отъ преслѣдованія даже и въ томъ случаѣ, еслибы дотронувшійся до груди его жены былъ заклятый врагъ ([1]). Слѣдующій разсказъ лучше всего подтвердитъ, до какой степени свято исполнялись у черкесовъ обычаи гостепріимства и усыновленія.

Хегайкское племя занимало прежде важное мѣсто между черкесскими племенами. Князья этого племени, два родные брата, славились своимъ мужествомъ и щедростію. Старшій изъ братьевъ, Атвонукъ, былъ среднихъ лѣтъ и очень дуренъ собою, а младшій, Канбулатъ, молодъ и красоты необычайной; плечи его были такъ широки, талья такъ тонка, что когда онъ лежалъ, то кошка проходила подъ его бокомъ, не задѣвая пояса—а это верхъ черкеской красоты!

Сознавая свой физическій недостатокъ, Атвонукъ не хотѣлъ жениться, но настойчивость и убѣжденіе друзей заставили его взять себѣ жену, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы и младшій братъ, Канбулатъ, послѣдовалъ его примѣру. Оба брата женились, и Канбулатъ, какъ-бы предчувствуя что-то недоброе, вопреки обычаямъ своей родины, никогда не показывался своей невѣсткѣ. Черкеская женщина въ прежнее время пользовалась сравнительно значительнѣйшею свободою и принимала даже участіе въ дѣлахъ общественныхъ.

Пораженная красотою брата своего мужа, жена Атвонука искала случая съ нимъ сблизиться. Однажды, въ отсутствіе мужа, пріѣхали къ ней въ гости родственники и просили Канбулата провести ихъ въ покои невѣстки. Отказать въ такой просьбѣ было-бы неприлично, невѣжливо, и Канбулатъ принужденъ былъ, противъ собственнаго желанія, побывать у жены брата. По удаленіи гостей, княгиня, подъ предлогомъ переговоровъ о домашнихъ дѣлахъ, удержала у себя Канбулата, и, съ безстыдствомъ сладострастной женщины, потребовала отъ него клятвеннаго обѣщанія провести съ нею вмѣстѣ наступающую ночь, угрожая, въ противномъ случаѣ, поднять тревогу и объявить народу, что онъ хотѣлъ ее обезчестить. Слова свои она подтвердила цѣлованіемъ молитвенника, который висѣлъ въ серебряномъ футлярѣ на ея груди. Удивленный безстыдствомъ, но сознавая безвыходность своего положенія, Канбулатъ далъ слово

([1]) Этвографическій очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукоп.). Бесльній Абатъ Ханъ-Гирея. Кавк. 1847 г. № 43.

исполнить желаніе своей невѣстки и, въ обезпеченіе его, поцѣловалъ тотъ же молитвенникъ.

Наступила ночь. Канбулатъ явился, но объявилъ, что пришелъ не для того, чтобы быть преступникомъ, а для того только, чтобы исполнить клятву, къ которой присоединилъ другую, что зарѣжетъ свою невѣстку при первомъ нескромномъ порывѣ, при неумѣстной и соблазнительной ласкѣ. Обнаженная сабля, какъ доказательство рѣшимости и твердости слова, легла между нимъ и невѣсткою. Съ наступленіемъ утра, Канбулатъ бѣжалъ съ ненавистной ему постели, не замѣтивъ, какъ одна изъ трехъ стрѣлъ, которыя носили тогда черкесы на себѣ и дома, подкатилась подъ кровать: онъ забылъ даже о томъ, что у него были три, а не двѣ стрѣлы...

Возвратившійся Атвонукъ въ первую же ночь замѣтилъ чужую стрѣлу и, по необыкновенной длинѣ, узналъ въ ней стрѣлу брата.

— Чего я опасался, сказалъ онъ одному изъ своихъ друзей, то и случилось...

Оскорбленный Атвонукъ оставилъ свой домъ и уѣхалъ къ крымскимъ татарамъ. Забытый всѣми, онъ оставался долгое время незамѣтнымъ при бахчисарайскомъ дворѣ. Князь хегайкскій не терялъ, однако, надежды и работалъ неутомимо надъ осуществленіемъ своего желанія отмстить Канбулату. Своею настойчивостію и неутомимостію онъ успѣлъ склонить хана дать ему войско и повелъ многочисленный отрядъ татаръ на владѣніе брата, почти смежное съ владѣніями крымскихъ татаръ. Распустивъ слухъ, что татары идутъ на отдаленное племя, Атвонукъ хотѣлъ вѣрнѣе достигнуть цѣли и захватить брата врасплохъ, но пѣгая лошадь открыла тайну. Приближенные Канбулата, узнавъ въ станѣ татаръ лошадь Атвонука, дали знать своему господину. Князь бѣжалъ, однако семейство его попало въ руки мстителя—старшаго брата.

Въ особой палаткѣ помѣщена была плѣнница, жена Канбулата, женщина твердаго характера и пылкаго ума. Она была въ то время беременна, тогда какъ преступная жена Атвонука никогда не имѣла дѣтей. Атвонукъ рѣшилъ отмстить брату тѣмъ же, въ чемъ подозрѣвалъ его. Наступила ночь, и онъ отправился къ плѣнницѣ, чтобы насытиться самымъ гнуснымъ образомъ...

Гордо встрѣтила плѣнница своего мстителя.

— Нашъ повелитель, сказала она—такъ величаютъ черкешенки старшихъ братьевъ своихъ мужей—ты торгуешь не совсѣмъ чисто: мѣняешь безплодную корову на тельную...

Слова эти устыдили Атвонука; онъ оставилъ свою невѣстку и объявилъ ей, что отнынѣ будетъ считать ее родною сестрою. Такое признаніе не означало еще примиренія съ братомъ: Атвонукъ обратилъ весь свой гнѣвъ на разореніе ауловъ, подвластныхъ Канбулату. Послѣдній, скрывшись отъ преслѣдованій брата, поѣхалъ къ жанѣевцамъ, жившимъ на юговостокъ отъ хегайкскаго племени. Десятокъ или два бѣдныхъ хижинъ настоящихъ обитателей Каракубанскаго острова суть единственные потомки женѣевцевъ, нѣкогда много-

численнаго воинственнаго племени, выставлявшаго тысячъ десять всадниковъ и страшнаго для сосѣдей. Одинъ изъ представителей жанѣевцевъ, князь Хакушмукъ, человѣкъ уважаемый и могущественный, былъ въ кровной враждѣ съ Канбулатомъ. Послѣднiй въ одномъ изъ набѣговъ убилъ его сына.

И вотъ, въ одно утро, у воротъ ограды маленькой кунахской этого князя остановился всадникъ на ворономъ конѣ. Домъ былъ пустъ: князя не было дома. Пользуясь отсутствiемъ владѣльца, разбрелись и его слуги. Оставивъ свою лошадь у ограды, прiѣзжiй вошелъ въ кунахскую и легъ на скамейку. Одна изъ прислужницъ, пришедшая убрать комнату, была поражена его красотою и тотчасъ же объявила своей госпожѣ о прiѣздѣ гостя. Княгиня отправилась въ кунахскую, въ полномъ убѣжденiи встрѣтить тамъ одного изъ самыхъ близкихъ друзей мужа: въ противномъ случаѣ, гость не пришелъ-бы въ маленькую гостиную, назначенную только для почетныхъ лицъ, а остановился бы въ общей и большой гостиной.

Какъ только княгиня перешагнула порогъ комнаты, незнакомецъ вскочилъ и бросился къ ней.

— Будь моею воспрiемною матерью! проговорилъ онъ, дотронувшись до ея груди.

Передъ княгинею стоялъ Канбулатъ — убiйца ея роднаго и единственнаго сына. Какъ ни великъ былъ гнѣвъ княгини при первомъ взглядѣ на убiйцу сына, но преступить строгiе и священные законы гостепрiимства не въ силахъ, не въ характерѣ черкеса. Слѣдуя народному обычаю, княгиня взяла Канбулата подъ свою защиту и помѣстила въ безопасномъ мѣстѣ.

Прошло нѣсколько времени. Въ одну изъ отлучекъ мужа княгиня приготовила пиръ и, собравъ изъ всего племени самыхъ почетныхъ старшинъ, поручила имъ просить стараго князя, чтобы тотъ далъ слово исполнить одну изъ самыхъ кровныхъ и завѣтныхъ просьбъ ея.

Сидя вечеромъ въ своей кунахской, князь, ничего не подозрѣвавшiй о происходившемъ въ домѣ, былъ не мало удивленъ, когда къ нему явились старшины, сопровождаемые служителями съ блюдами, наполненными разными кушаньями. Князь принялъ старшинъ ласково. Сѣли за ужинъ; полныя чаши стали ходить по рукамъ и разговоръ оживился. Старшины объявили тогда князю свое порученiе.

— Согласенъ! сказалъ развеселившiйся старикъ; но съ условiемъ, чтобы княгиня сама и при всѣхъ открыла мнѣ свою тайную просьбу.

Въ прежнее время, въ высшемъ классѣ черкескаго общества жена никогда не приходила къ мужу въ присутствiи постороннихъ, и потому двое изъ старшинъ отправились къ княгинѣ объявить волю князя. Она не затруднилась нарушить обычай и, въ сопровожденiи тѣхъ же посланныхъ, вошла къ пирующимъ.

— Я прошу тебя оказать гостепрiимство этому человѣку, сказала она,

указывая на слѣдовавшаго за нею Канбулата, и при этомъ объяснила обстоятельства, вынудившія ее принять его подъ свою защиту.

Неожиданная встрѣча эта взволновала стараго князя.

— Конечно, отвѣчалъ онъ съ наружнымъ спокойствіемъ и нѣкоторою важностію, я не могу мстить человѣку, который въ моемъ домѣ ищетъ моего покровительства; но ты напрасно вздумала поить насъ передъ открытіемъ твоей тайны, столь для насъ пріятной: мы могли забыться и нашъ стыдъ палъ бы тогда на тебя.

— Остріе стрѣлы прошло, такъ перья не сдѣлаютъ вреда, замѣтили дворяне, умѣвшіе позлословить и польстить, и просили княгиню прислать, по этому случаю, еще бузы и браги.

— Дѣльно! замѣтилъ и старый князь; только послаще той, которую ты мнѣ поднесла теперь...

На слѣдующій день жанѣевскій князь объявилъ Канбулата своимъ гостемъ; но, слѣдуя обычаямъ, требовалъ отъ него плату за кровь, объявивъ, что какъ все богатство Канбулата заключается теперь въ лошади и оружіи, то онъ удовольствуется и этимъ.

Канбулатъ исполнилъ требованіе: оставилъ у себя только одну саблю, но и ту долженъ былъ отдать, по вторичному требованію жанѣевскаго князя.

— Что сказалъ Канбулатъ, отдавая саблю? спросилъ князь принесшаго ее старшину.

— Сказалъ только, отвѣчалъ тотъ, что саблю не считаетъ драгоцѣнностью, а оставилъ ее у себя для обороны отъ собакъ. Тутъ у него, прибавилъ старшина, на глазахъ, кажется, навернулись слезы...

— Онъ достоинъ и оружія, и уваженія! перебилъ князь. Отнесите все обратно и скажите, что я хотѣлъ только испытать его, хотѣлъ узнать, принадлежитъ ли онъ къ числу людей, которые служатъ основой умной поговоркѣ нашихъ предковъ: *храбраго трудно полонить, но въ плѣну онъ покоренъ судьбѣ; а труса легко взять въ плѣнъ, но тутъ-то, когда уже нечего бояться, онъ и дѣлается упрямымъ.* Скажите ему, что я раскаиваюсь въ моемъ желаніи испытать его, и пока онъ мой гость— моя рука, мое оружіе, все принадлежитъ ему.

Изгнанникъ былъ болѣе чѣмъ доволенъ великодушіемъ своего врага–покровителя; но, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, не могъ оставаться у него слишкомъ долго, и потому просилъ жанѣевскаго князя проводить его къ бзедухамъ, жившимъ въ вершинахъ рѣчекъ Псекупса и Пшиша.

Представители сильнаго бзедухскаго племени были въ сборѣ, на совѣщаніи по общественнымъ дѣламъ, когда среди ихъ явился жанѣевскій князь, въ сопровожденіи своего гостя. Объяснивъ причину своего прибытія, старый князь поручилъ Канбулата великодушію ихъ племени.

Обнаживъ, по тогдашнему обычаю, голову, Канбулатъ обратился къ собранію:

— Бзедухи! отдаюсь подъ защиту вашего поколѣнія. Отнынѣ, послѣ Бога, на васъ моя надежда. Не мои достоинства, а ваша честь и слава порукою мнѣ въ вашемъ великодушіи.

Бзедухи объявили себя защитниками гостя. Семь лѣтъ тянулась съ тѣхъ поръ самая ожесточенная война между братьями; лучшіе воины съ обѣихъ сторонъ остались на полѣ сраженія; разореніе и кровопролитіе опустошили землю и истощили обѣ стороны враждовавшихъ, но ни та, ни другая сторона не хотѣла уступить и враждѣ не предвидѣлось конца.

Виновница всѣхъ несчастій,—жена Атвонука, жившая у своего отца, вздумала сшить полный мужской костюмъ и послала его въ подарокъ Канбулату. Посланный былъ захваченъ Атвонукомъ, узнавшимъ работу своей жены. Желая еще болѣе убѣдиться въ преступной связи брата съ женою, Атвонукъ, отправивъ посылку съ своимъ слугою, поручилъ ему просить Канбулата на мнимое свиданіе. Канбулатъ изрубилъ въ куски подарокъ ненавистной ему женщины и приказалъ его отвезти тому, кѣмъ онъ присланъ, прибавивъ отъ себя, что кто впредь къ нему явится съ подобнымъ порученіемъ, того онъ повѣситъ на первомъ попавшемся деревѣ.

Этотъ поступокъ внушилъ Атвонуку мысль, что братъ не такъ виновенъ, какъ онъ предполагалъ, и онъ рѣшился помириться. Послѣ переговоровъ, братья съѣхались на свиданіе.

— Я зналъ, сказалъ Канбулатъ при встрѣчѣ съ братомъ, что невинность моя оправдаетъ меня; но ты не хотѣлъ видѣться со мною, а я былъ готовъ скорѣе погибнуть, чѣмъ открыть кому бы то ни было несчастный случай, безславившій нашъ домъ.

Братья помирились. Послѣ продолжительнаго кровопролитія наступилъ миръ; бзедухамъ осталась слава строгаго исполненія обычая гостепріимства, благородной защиты гонимаго и удовольствіе слышать свои подвиги въ народной пѣснѣ и гордиться ею [1]....

II.

Раздѣленіе черкесовъ по племенамъ и мѣсто занимаемое каждымъ изъ нихъ.—Общій краткій очеркъ мѣстности, занимаемой черкескимъ или адигскимъ племенемъ, и его экономическаго быта.

Черкесы сами себя называютъ *адиге*, что, на всѣхъ нарѣчіяхъ этого племени, означаетъ *островъ*.

---

(1) Князь Канбулатъ, черкеское преданіе. Ханъ-Гирея. „Русскій Вѣстникъ“. 1844 года № 1.

Происхожденіе названія *черкесъ* объясняютъ различно. Одни стараются объяснить начало этого названія отъ *Чера* и *Кеса*, по преданіямъ бывшихъ, будто-бы, первыми родоначальниками адигскаго народа ([1]); другіе, не вдаваясь въ такія миѳическія сказанія, говорятъ, что черкесъ есть слово татарское, данное отъ рѣчки Черекъ, извѣстной кровопролитными битвами, происходившими между татарами и кабардинцами ([2]); наконецъ дагестанцы и всѣ остальные жители Закавказья называютъ черкесовъ *саръ-клсъ*, что означаетъ сорви-голова, головорѣзъ ([3]).

Отъ послѣдняго названія произошло испорченное слово черкесъ, данное народу, отъ хищническихъ нападеній котораго сосѣди весьма много терпѣли.

Откуда бы ни произошло названіе *черкесъ*, оно стало, однако, у насъ гораздо популярнѣйшимъ и болѣе употребительнымъ, чѣмъ слово *адиге*, служащее выраженіемъ одинаковости происхожденія и одноплеменности многихъ отдѣльныхъ поколѣній черкескаго народа, которыя не отличаются, другъ отъ друга, ни языкомъ, ни нравами и обычаями.

Многочисленное черкеское племя (адиге) раздѣлялось на нѣсколько отдѣльныхъ поколѣній, извѣстныхъ подъ различными именами и названіями.

Ниже г. Георгіевска, на югъ отъ казачьихъ земель, поселилось одно изъ значительнѣйшихъ племенъ адиге, *кабардинцы* (кабертай), раздѣлявшіеся на Большую и Малую Кабарду.

Большая Кабарда, примыкая на югѣ къ осетинамъ, расположена между рѣками Малкою и Терекомъ, а Малая Кабарда, занимая правый берегъ рѣки Терека, до предгорій и береговъ Сунжи, прилегаетъ на востокѣ къ чеченцамъ.

Нѣсколько кабардинскихъ семействъ, въ разное время, оставивъ свое отечество и, со всѣми своими подвластными, переселившись въ долины рѣкъ обоихъ Зеленчуковъ, образовали особыя поселенія, извѣстныя подъ именемъ *абрековъ*, или *бѣглыхъ кабардинцевъ*.

Въ прежнее время, жители Большой Кабарды были раздѣлены между четырьмя княжескими фамиліями: Кайтукиныхъ, Бекъ-Мурзиныхъ, Мисостовыхъ и Атажукиныхъ ([4]).

Малая Кабарда состояла изъ трехъ обществъ: Бековича, Ахлова и Таусултанова ([5]).

([1]) Баронъ Сталь: „Этнографическій очеркъ черкескаго народа“ (рукоп). Бутковъ. „Опытъ исторіи о черкесахъ, и въ особенности о кабардинцахъ“ (рукоп).

([2]) Свѣдѣнія объ атыхейцахъ, Шахъ-бекъ-Мурзина. Кавказъ 1849 года № 39.

([3]) Племя адиге, Т. Макарова. Кавказъ 1862 года № 29.

([4]) По рукописи барона Сталя, фамиліи Кайтукиныхъ принадлежало 19 деревень съ 3,210 душъ обоего пола; Бекъ-Мурзинымъ 24 деревни съ 7,737 душъ обоего пола, Мисостовымъ 17 дерев. съ 6,306 душъ обоего пола, и Атажукинымъ 22 дерев съ 7,029 душъ обоего пола.

([5]) Въ Малой Кабардѣ, кромѣ того, жили: въ аулѣ Псидахѣ чеченцы; въ аулѣ Турловѣ-кумыки; въ Гайтієвѣ и Ельджеруковомъ аулѣ—назрановцы и осетины Эльтокова и Козрева (Рукопись Сталя).

Составляя часть племени адиге и говоря съ нимъ однимъ языкомъ, кабардинцы не прилегали непосредственно къ остальнымъ поколѣніямъ этого народа. Казаки 1-го Владикавказскаго казачьяго полка и племена татарскаго происхожденія отдѣляли ихъ отъ соплеменныхъ имъ народовъ черкескаго (адигскаго) племени.

Кубанская котловина, орошаемая рѣками Ферзь, Гегене (Большая Тегень), Гегенезій (Малая Тегень) и Воарпъ, занята была *бесленейцами*, на сѣверо-западъ отъ которыхъ, по долинѣ, орошаемой ручьями Чехураджъ, Белогіакъ и Шеде, жили *мохошевцы*. Къ западу отъ послѣднихъ, между рѣкою Схагуаше (Бѣлою) и Пшишемъ, обитали *хатюкайцы*, а сѣвернѣе ихъ, между рѣками Кубанью, Лабою и Схагуаше, поселилось племя *кемгуй*, или *темиргой*, примыкавшее къ абадзехамъ. *Абадзехи* населяли сѣверный склонъ Кавказскаго хребта, пространство между рѣкою Схагуаше и рѣкою Супъ, отдѣлявшею ихъ отъ шапсуговъ. Абадзехи, будучи племенемъ самымъ многочисленнымъ и воинственнымъ, раздѣлялись на *нагорныхъ*, или дальнихъ, и на *равнинныхъ*, или ближнихъ. Нагорные абадзехи сражались, по преимуществу, пѣшіе, а равнинные дрались всегда верхомъ. Главныя поселенія или аулы были расположены въ долинахъ рѣкъ Курджипса, Пчехе, Пшиша и Псекупса. Они раздѣлялись на девять обществъ или *хаблей* (1).

Начиная отъ рѣки Супъ, всѣ долины, лежащія на сѣверо-западъ до рѣки Шипса, теряющейся, какъ и многія ей сосѣднія, въ болотахъ, окружающихъ Кубань, заняты были *шапсугами*.

Непосредственно къ шапсугамъ и на востокъ отъ нихъ, по лѣвому берегу рѣки Кубани до рѣки Пшиша, обитали *бзедухи*, раздѣлявшіеся на два поколѣнія: *хамышей*, жившихъ отъ шапсугской границы до рѣки Псекупса, и *черченей*—далѣе до рѣки Пшиша (2).

За рѣкою Шипсъ весь уголъ между низовьемъ Кубани и Чернымъ моремъ и обѣ покатости Главнаго хребта горъ заселены были племенемъ *натухажскимъ* (ноткуаджъ), простиравшимся по южному склону хребта и прибрежью Чернаго моря до небольшой рѣчки Бу или Буань, протекающей ниже Головинскаго поста (3) и впадающей въ Черное море. Кромѣ того,

---

(1) Общества эти извѣстны были подъ именами: Туба, Темдаши, Дауръ-Хабль, Дженгетъ-Хабль, Гатюко-Хабль, Нежуко-Хабль, Анчоко-Хабль, Бешуко-Хабль и Эдиге-Хабль. Слово „Хабль" равнозначуще слову улусъ. Баронъ Сталь „Этнографическій очеркъ черкескаго народа". (Рукопись) Воен.-ученый арх. главнаго штаба. Также рукопись, обязательно доставленная мнѣ П. В. Кузьминскимъ, которому и приношу мою искреннюю признательность.

(2) Относительно раздѣленія этихъ поколѣній и переселенія ихъ съ рѣки Туапсе на нынѣшнія мѣста, сохранилась въ народѣ легенда, о содержаніи которой см. статью „Басейнъ Псекупса". Кубанскія Вѣдомости 1867 г. № 5.

(3) Начиная отъ р. Аше, натухажскія общества, жившія вдоль юго-восточнаго берега Чернаго моря, имѣли, сверхъ общаго племеннаго названія, другія, отдѣльныя, по имени урочищъ: *Гоаіе*, или *Шехокуаджъ*; далѣе, на юго-западъ, по порядку слѣдовали: *Цюхухъ Шимитокуаджъ* и *Хизе*.

къ племени адиге принадлежатъ остатки нѣкогда могущественнаго племени *жанъ*, или *жанъевцовъ*. Аулы ихъ расположены были въ 70 верстахъ ниже бзедуховъ, на островѣ, образуемомъ двумя рукавами Кубани и называемомъ *Каракубанскимъ* островомъ (по черкески *Детлясвъ*). Точно также среди натухажцевъ жили три поколѣнія племени адиге, потерявшія свою самобытность и слившіяся съ натухажцами: *чебеинъ*, *хегайкъ*, жившіе въ окрестности Анапы, въ котловинѣ Чехурай, и *хетукъ*, или *адале*, жившіе на полуостровѣ Тамани, а теперь разбросанные въ разныхъ мѣстахъ среди натухажцевъ ([1]).

Такимъ образомъ, во владѣніи племени адиге находились: восточный берегъ Чернаго моря, значительная часть обоихъ склоновъ Кавказскаго хребта, Кубанская равнина и большая половина кабардинской плоскости.

Весьма трудно опредѣлить точную цифру населенія черкескаго племени. «Всѣ цифры, которыми означали кавказское населеніе, брались приблизительно и, можно сказать, на глазъ. По понятіямъ горцевъ, считать людей было не только совершенно безполезно, но даже грѣшно; почему они, гдѣ можно было, сопротивлялись народной переписи или обманывали, не имѣя возможности сопротивляться» ([2]).

Слѣдующая таблица показываетъ численность населенія черкескаго племени въ два разные періода времени.

	Число душъ въ 1835 году ([3]).	Число душъ въ 1858 году ([4]).
Большая Кабарда	24,000	24,282
Малая Кабарда	6,000	12,756
Бѣглые кабардинцы	4,000	4,707
Шапсуги	200,000	160,000
Натухажцы	60,000	20,000
Абадзехи	160,000	40,000
Хатюкайцы	9,000	6,521
Бзедухи		4,000
Кемгуй (Темиргой)	15,000	8,168
Бесленейцы	25,000	5,115
Мохошевцы	5,000	5,000
Убыхи	19,000	25,000
	527,000	315,549

([1]) Общій взглядъ на страны, занимаемыя горскими народами, называемыми черкесами (адиге) и проч. Л. Люлье. Зап. Кавк. отд. Им. рус. геогр. общ. кн. 4-я изд. 1857 г.

([2]) Воспомин. кавказскаго офицера. „Рус. Вѣстн.“ 1864 г., № 9.

([3]) „Русскій Вѣстникъ“ 1842 года т. 6.

([4]) Кавк. календарь на 1858 г. Статья Ад. Пет. Берже.

Къ черкескому племени (адиге) мы должны причислить и *убыховъ*, жившихъ по берегу Чернаго моря, на юго-востокъ отъ натухажцевъ, между рѣками Зюебзе и Хамишъ (или Хоста), въ двухъ урочищахъ, Вардане и Саше.

По происхожденію и языку, убыхи вовсе не принадлежатъ къ племени адиге; но, по нравамъ, обычаямъ, общественному устройству и, наконецъ, по всеобщему употребленію у нихъ черкескаго языка наравнѣ съ природнымъ языкомъ, должны быть причислены къ группѣ черкескихъ племенъ [1].

Все пространство, занятое племенемъ адиге, имѣетъ въ топографическомъ отношеніи двойственный характеръ. По направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, земли племени адиге пересѣкаются Главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, который, какъ мы видѣли, начинаясь отъ Анапы—въ углу между устьемъ Кубани и Чернымъ моремъ—до мыса Адлера, подступаетъ къ самому морю. Далѣе, поворачивая на юго-востокъ, хребетъ удаляется внутрь Кавказскаго перешейка, а морской берегъ, описавъ дугу, постепенно отходитъ отъ горъ.

При началѣ своемъ и до рѣки Мдзымты, впадающей въ Черное море, на мысѣ Адлерѣ, Водораздѣльный или Главный хребетъ, имѣя еще незначительную высоту, состоитъ изъ отдѣльныхъ частей, связанныхъ перемычками, образующими въ мѣстахъ соединенія узлы или центральные пункты горъ, которые даютъ начало рѣкамъ — съ одной стороны сѣвернымъ, съ другой южнымъ.

Самый замѣчательный узелъ представляетъ гора Оштенъ, достигающая до 9,359 футовъ абсолютной высоты и дающая начало рѣкамъ Бѣлой (Схагуаше), Пшехе, Шахе и другимъ. Отъ своего начала и до рѣки Туапсе Водораздѣльный хребетъ не имѣетъ альпійскаго характера; высота его не превышаетъ 5,000 футовъ и довольно быстрое возвышеніе его простирается до горы Оштенъ, а отсюда до рѣки Мдзымты онъ поднимается довольно однообразно.

На всемъ этомъ пространствѣ высота его ниже предѣла снѣговой линіи, начинающейся въ вершинахъ абхазскихъ горъ.

По обѣимъ сторонамъ Водораздѣльнаго хребта, и почти паралельно ему, тянутся по три хребта съ южной и сѣверной стороны.

Всѣ эти второстепенные южные хребты прорваны главнѣйшими рѣками, вытекающими изъ Водораздѣльнаго хребта, каковы: Туапсе, Псезуапе, Аше, Шахе, Соча и Мдзымта. Второй хребетъ даетъ начало второстепеннымъ рѣкамъ: Дедеругай, Шепси, Мокуапсе, Дагомысъ, Мецоста, Хоста, Псоу и др.

---

[1] Относительно раздѣленія черкескаго народа на племена и происхожденіе, названія каждаго изъ нихъ и проч. См. „О хищническихъ дѣйствіяхъ черкесовъ и чеченцевъ въ нашихъ предѣлахъ“. Кавк. 1857 г. № 26. „Свѣдѣнія объ атыхейцахъ“ Шахъ-бекъ-Мурзина. Кавк. 1849 г. № 39 „Племя адиге“ Т. Макарова, Кавказъ 1862 г. № 29.

Всѣ эти рѣки и рѣчки прорываютъ третій и послѣдній хребетъ, изъ котораго вытекаютъ уже рѣки третьяго разряда.

Продольные хребты горъ, соединившись съ поперечными по обоимъ берегамъ рѣкъ, слѣдуютъ по ихъ теченію и круто упираются въ море, образуя у устьевъ рѣкъ небольшія долины.

Такое, пересѣченное по всѣмъ направленіямъ, строеніе горъ представляетъ всю мѣстность, состоящую изъ ряда котловинъ, окруженныхъ со всѣхъ четырехъ сторонъ высотами и теряющихъ свой нагорный характеръ по мѣрѣ приближенія къ морю.

Одинаковое по всему протяженію направленіе горныхъ хребтовъ придаетъ общій характеръ теченію южныхъ рѣкъ: всѣ онѣ состоятъ изъ двухъ главныхъ истоковъ: сѣвернаго и восточнаго и, по соединеніи ихъ, текутъ перпендикулярно къ морскому берегу. Имѣя много восточныхъ и мало западныхъ притоковъ, почти всѣ рѣки, при своихъ устьяхъ, лѣвымъ берегомъ весьма близко подходятъ къ горамъ, а по правому ихъ берегу пролегаютъ болѣе или менѣе широкія поляны.

По мѣрѣ поднятія хребта и удаленія его къ юго-востоку отъ Чернаго моря, система рѣкъ видоизмѣняется относительно количества водъ и быстроты ихъ теченія. Чѣмъ выше источникъ рѣки, тѣмъ больше количество тающаго снѣга, тѣмъ больше количество воды, тѣмъ круче паденіе, а слѣдовательно и теченіе быстрѣе. Рѣка Туапсе не имѣетъ, напримѣръ, такого обилія водъ и быстроты теченія, какое имѣетъ берущая начало гораздо выше ея, рѣка Мдзымта, имѣющая вполнѣ характеръ горной рѣки. Многія рѣки этого пространства бываютъ маловодны, нѣкоторыя пересыхаютъ вовсе, но весною онѣ отличаются обиліемъ воды, и даже многія балки, сухія лѣтомъ, весною, при таяніи снѣговъ, наполняются водою (¹).

Обрѣзанныя вертикальными уступами и покрытыя густою растительностію, прибрежныя скалы бываютъ въ это время изсѣчены потоками.

Черное море, пролегая у подошвы скалъ Главнаго Кавказскаго хребта, начиная отъ Геленджика и до Гагръ, отмыло оконечности горныхъ кряжей, но почти нигдѣ не проникло внутрь материка. Оттого берегъ имѣетъ почти прямолинейное очертаніе, и только въ немногихъ мѣстахъ, вдаваясь въ море, образуетъ короткіе и тупые мысы, или, уступая непрерывному дѣйствію воды, изгибается внутрь пологими дугами. Частые морскіе приливы набросали къ подошвѣ горъ узкую полосу песку, щебня и камня, шириною отъ 5 до 10 саженъ, отдѣляющую уровень воды отъ оконечностей горныхъ хребтовъ и составляющую единственный путь для сообщенія между собою жителей, раздѣленныхъ прибрежными горами. Но при всемъ томъ дорога эта,

---

(¹) І. Стебницкій. „Географическія замѣтки о восточной части Закубанскаго края", Кавказ. Календ. на 1867 г.

состоящая изъ округленнаго булыжнаго камня небольшихъ размѣровъ, по подвижности каменной массы весьма неудобна даже и для верховой ѣзды [1].

Во время морскихъ прибоевъ, волны, ударяясь въ самое подножье крутыхъ скалъ, не только прекращаютъ по этому пути всякое сообщеніе, но и разрушаютъ постепенно самый берегъ [2].

Вообще существуетъ весьма мало хорошихъ продольныхъ сообщеній между поселеніями, расположенными по ущельямъ главныхъ рѣкъ или ихъ притоковъ.

Прибрежная часть Закавказскаго края, отъ понижающагося на сѣверо—западъ Главнаго хребта, представляетъ, въ общемъ характерѣ, рядъ террасъ, постепенно уменьшающихся въ высотѣ, по мѣрѣ приближенія ихъ къ Черному морю. Всѣ терасы изрѣзаны большимъ числомъ рѣкъ и ихъ притоковъ, вливающихъ свои воды въ море. Самыя возвышенныя мѣста составляютъ скалистыя вершины; ниже ихъ возвышенности, въ 6,000 футовъ, владѣютъ прекрасными пастбищными мѣстами, а, спускаясь постепенно внизъ, встрѣчается громадный лѣсъ, по преимуществу сосновый. На высотѣ 4,000 футовъ надъ уровнемъ моря растутъ уже чинаръ и грецкій орѣхъ. Прибрежная полоса владѣетъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ фруктовыхъ деревьевъ, производящихъ плоды весьма хорошаго качества.

Недостатокъ значительныхъ равнинъ дѣлаетъ эту часть Закавказскаго края неспособною для исключительнаго занятія жителей хлѣбопашествомъ, но садоводство, винодѣліе и шелководство могутъ имѣть здѣсь широкое примѣненіе. Около мыса Адлера растительность чрезвычайно разнообразна. Мирта, кипарисъ, пальма, перевитыя дикимъ виноградомъ и вьющимися растеніями, перебѣгающими съ дерева на дерево живописными фестонами, видны повсюду; полевые цвѣты весьма разнообразны и отличаются богатствомъ красокъ [3]. Мѣстность прибрежной части Закавказскаго края превосходитъ, въ этомъ отношеніи, южные берега Крыма, какъ потому, что она разнообразнѣе, южнѣе по широтѣ, такъ и по обилію водъ ея орошающихъ. Единственный и весьма важный недостатокъ ея—неимѣніе почти вовсе бухтъ и пристанищъ для судовъ. За то сообщеніе ея черезъ Главный хребетъ съ хлѣбородною полосою северной части Кубанской Области довольно удобно.

Что касается климатическихъ условій, то, конечно, климатъ этой мѣстности нельзя назвать вполнѣ здоровымъ и благопріятнымъ для поселенцевъ. Прибрежная полоса имѣетъ мѣстами дурной климатъ, особенно при устьяхъ рѣкъ, по большей части раздѣляющихся на нѣсколько рукавовъ. Задержи-

---

(1) Тамъ же. См. также „О политическомъ устройствѣ черкескихъ племенъ" Н. Карлгофа. Рус. Вѣст. 1860 года, т. XXVIII № 16.

(2) „О политическомъ устройствѣ черкескихъ племенъ, населяющихъ сѣверо-восточный берегъ Черпаго моря. Н. Карлгофа. Рус. Вѣст. 1860 года № 16.

(3) Краткое описаніе глав. торг. пут. сообщенія Закавказскаго края И. Дюкруасси, Запис. Кавказ. отд. Им. рус. геогр. общ. книга 1-я изд. 1852 г.

ваемая наносами съ моря булыжнаго камня, вода въ этихъ рукавахъ запружается; часть ея медленно просачивается, а остальная, застаиваясь, образуетъ болота и заражаетъ воздухъ.

Въ нѣкоторыхъ горныхъ ущельяхъ, владѣющихъ сильною растительностію, отъ паденія большаго количества листьевъ и сырости, воздухъ пропитанъ міазмами. Всѣ эти неудобства и невыгоды климата возможно устранить; отличное состояніе здоровья туземнаго населенія—черкесовъ, говоритъ въ пользу хорошихъ качествъ климата.

Въ юго-восточной части этой мѣстности находятся мѣсторожденія серебряной, свинцовой, мѣдной и желѣзной рудъ. По разсказамъ туземцевъ, на скалистой возвышенности Фишта находится мѣсторожденіе ртути. Нефть, горный деготь и горный воскъ составляютъ главнѣйшее богатство этой мѣстности. Кое-гдѣ, въ разныхъ мѣстахъ, попадаются и минеральные источники.

Вообще мѣстность эту, въ отношеніи поселеній, можно раздѣлить на горную, среднюю и низовую. Въ горной части, прилегающей къ Главному хребту, характеръ самой мѣстности дѣлаетъ возможнымъ только жизнь горную. Въ средней части, по главнымъ рѣкамъ и ихъ притокамъ, находится много довольно обширныхъ полянъ; такъ, на рѣкѣ Мдзымтѣ поляны Агрыюртинская, Кбааба и все пространство по ущелью Мдзымты, до впаденія въ нее рѣки Дзико. По рѣкамъ Сочѣ, Шахе, Аше, Псезуапе и далѣе, до рѣки Туапсе, весьма много мѣстъ удобныхъ для поселенія.

Низовая часть, гдѣ горы незначительной высоты, вся удобна для поселенія (1).

Таковы, въ общихъ очертаніяхъ, топографическія свойства прибрежья Чернаго моря и южнаго склона Кавказскаго хребта.

Съ сѣверной стороны Водораздѣльнаго хребта также идутъ, паралельно ему, три хребта, съ крутыми, недоступными скатами на югѣ и пологими на сѣверѣ. Первый побочный хребетъ прорванъ рѣками, вытекающими изъ Водораздѣльнаго хребта; части втораго хребта, прорваннаго тѣми же рѣками, имѣютъ видъ дуги, обращенной своею выпуклостію на югъ; третій и послѣдній хребетъ, не имѣя альпійскаго характера, отдѣляетъ отъ себя небольшія возвышенія, которыя, слѣдуя между рѣками и подходя близко къ берегамъ ихъ, спускаются къ Прикубанской равнинѣ. Здѣсь, на сѣверномъ склонѣ, орографическій характеръ горъ тотъ же, что и на южномъ: по мѣрѣ удаленія ихъ на юго-востокъ, онѣ постепенно возвышаются. Замѣчательно, что отъ верховій рѣки Туапсе и до рѣки Сочи Водораздѣльный хребетъ ниже паралельныхъ ему съ сѣвера и юга, а далѣе на востокъ онъ принимаетъ совершенно обратный характеръ (2).

---

(1) Географ. замѣтки о восточ. части Закубанскаго края І. Стебницкаго. Кавказс. Календарь на 1867 годъ.

(2) Тамъ же,

Отроги Главнаго Кавказскаго хребта наполняютъ и значительную часть Большой Кабарды, въ юго-западной ея части. Вся же сѣверовосточная ея часть имѣетъ наклонъ къ слiянiю рѣкъ Малки и Терека. Въ Малой Кабардѣ пролегаютъ два хребта, почти паралельные между собою [1], изъ которыхъ одинъ раздѣляетъ ее пополамъ, а другой составляетъ южную ея границу [2]. Страна эта не пользуется обилiемъ ни лѣса, ни воды.

Подошвы послѣднихъ уступовъ горъ, прилегающихъ къ Кубанской равнинѣ и къ кабардинской плоскости, покрыты почти сплошь строевымъ лиственнымъ и хвойнымъ лѣсомъ и представляютъ мѣстность, изрѣзанную глубокими ущельями, тогда какъ пространство, прилегающее непосредственно къ Кубани и къ нижнимъ частямъ Лабы, является совершенною равниною, покрытою мелкимъ кустарникомъ.

Обширная Закубанская равнина и кабардинская плоскость пересѣчены многими паралельными рѣками и рѣчками, изъ которыхъ главнѣйшiя, какъ мы видѣли, берутъ свое начало изъ Главнаго, а второстепенныя изъ побочныхъ хребтовъ. Всѣ онѣ сливаютъ свои воды или въ Кубань, или въ Терекъ.

Климатъ этой части мѣстности вообще здоровый; весна, по большей части, дождливая, лѣто сухое и жаркое, вѣтры весьма часты. Зима обыкновенно наступаетъ въ началѣ декабря и продолжается до половины февраля. Въ январѣ морозы достигаютъ иногда до 20 градусовъ; но глубокiе и большiе снѣга рѣдко выпадаютъ.

Горная часть Кабарды, отъ рѣки Чегема до Терека, вся покрыта лѣсомъ, а въ Малой Кабардѣ лѣсъ растетъ только по сѣверному склону горъ, образующихъ южную ея границу. Чинаръ, букъ, липа и рѣдко дубъ наполняютъ лѣса; яблоки, груши и другiя фруктовыя деревья преимущественно растутъ въ низменныхъ мѣстахъ лѣсной полосы; виноградъ попадается только около слiянiя рѣкъ Баксана и Малки. Многiе изъ черкескихъ лѣсовъ до того были часты и болотисты, что проходъ по нимъ былъ если не невозможенъ, то весьма труденъ. Все пространство Закубанской равнины и Кабарды, непокрытое лѣсомъ, есть обширное плодородное мѣсто, весьма пригодное для пастбища скота, пашни и покосовъ. Трава здѣсь отличается своимъ ростомъ и необыкновенною питательностью. «Одинъ годъ—теленокъ, а другой годъ—корова», говоритъ черкесская поговорка, лучше всего выражающая питательность мѣстной травы.

Земледѣлiе вообще находилось въ первобытномъ состоянiи. Между туземцами этого населенiя уважался не тотъ, кто мирно занимался хозяйствомъ и торговлею, не тотъ, кто богатѣлъ мирными трудами рукъ своихъ, а тотъ, кто прiобрѣталъ добычу съ боя и рисковалъ при этомъ жизнiю.

---

[1] См. стр. 11.
[2] О природѣ и хозяйствѣ Кабарды. Кн. Т. Г. Баратова. Кавк. 1860 г. № 73.

Небольшіе посѣвы кукурузы, проса, очень рѣдко пшеницы, окружали аулы, и недостаточны были даже для прокормленія семейства.

Туземцы постоянно покупали хлѣбъ, тогда какъ, по богатству почвы и излишку въ землѣ, они могли бы имѣть хлѣба съ избыткомъ. Причиною малой заботливости о хлѣбопашествѣ было отсутствіе поземельной собственности. Каждый пользовался землею около аула, какую успѣлъ захватить, и подобный порядокъ велъ ко множеству споровъ и нескончаемыхъ тяжебъ

Садоводство и огородничество въ особенности терпѣли отъ этого: никто не рѣшался заняться ими, изъ опасенія, чтобы общество не отняло обработанную и удобренную землю.

Лѣса считались общественными, принадлежащими всему народу нераздѣльно.

Каждый могъ пользоваться лѣсомъ для собственной нужды, но для того, чтобы продать лѣсъ, должно было внести опредѣленную сумму денегъ въ общественный капиталъ.

Главное богатство черкесовъ, особенно кабардинцевъ, составляли: пчеловодство, огромные табуны лошадей и отары овецъ; какъ тѣ, такъ и другіе славились своею доброкачественностью. Кабардинская лошадь не требуетъ особаго ухода, пасется круглый годъ въ полѣ и питается зимою кореньями травъ, вырываемыхъ ею изъ-подъ снѣга копытами. Лошади кабардинскія не знаютъ ковки, но въ теченіе цѣлаго мѣсяца легко дѣлаютъ переходы отъ 60 до 100 верстъ въ день, безъ дневокъ.

Произведенія мѣстной промышленности состояли изъ довольно грубаго сукна, извѣстнаго подъ именемъ черкескаго; бурокъ, отличавшихся своею легкостью и непромокаемостью; разныхъ кожаныхъ вещей, шитыхъ серебромъ; пистолетныхъ чахловъ, чапраковъ, чевякъ (особый родъ обуви) и чрезвычайно удобныхъ арчаковъ съ подушками (¹).

Вообще промышленность и торговля туземцевъ были незначительны. Въ горахъ изготовлялись оружіе и земледѣльческія орудія, но какъ тѣ, такъ и другія не отличались своею доброкачественностью. Закубанскіе черкесы приготовляли вино, бѣлое и красное, которое, вопреки запрещенію корана, составляло необходимую принадлежность каждаго пира. За неимѣніемъ денегъ, торговля была мѣновая. Горцамъ были извѣстны только русскіе рубли да грузинскіе абазы (двугривенные), и то въ обращеніи ихъ было весьма немного.

Главная промышленность черкесовъ, доведенная до довольно высокой степени, было ювелирство. Они имѣли искусныхъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, которые особенно отличались изобрѣтеніемъ рисунковъ для черняди на серебрѣ, и покрывали ею рукоятки пистолетовъ, шашекъ, ножны кинжаловъ и проч.

Вывозъ съ черкескаго берега состоялъ въ медѣ, воскѣ, кожахъ, лѣсѣ,

(¹) О природѣ и хозяйствѣ Кабарды. Кн. Т. Г. Баратова. Кавказъ 1860 г. № 73. Вѣсти съ Кубани. Московскій Вѣстникъ 1860 г. № 2.

маслѣ и другихъ произведеніяхъ, а главный привозъ составляла соль, въ которой черкесы крайне нуждались, и пріобрѣтеніе которой заставляло туземца ходить на мѣновые наши дворы, устроенные въ разныхъ пунктахъ кавказской линіи, или платить ногайскимъ мурзамъ скотомъ, а иногда и кровью....

III.

Религія черкесовъ и ихъ суевѣріе. — Суевѣрные обряды при леченіи раненаго. — Вѣрованіе въ существованіе различнаго рода духовъ. — Народныя легенды. — Колдуны и вѣдьмы. — Гаданіе.

Въ прежнее время, черкесы всѣ исповѣдывали христіанскую религію. Пѣсни, сказки и преданія черкесовъ свидѣтельствуютъ, что христіанство введено было при Юстиніанѣ, что при немъ воздвигнуты были храмы, поставлены священники (*шогени*), изъ которыхъ главный, съ званіемъ епископа (*шехникъ*), по преданію жилъ въ четырехъ верстахъ отъ крѣпости Нальчика, на мѣстѣ и до сихъ поръ извѣстномъ народу подъ именемъ: *лѣсистаго кургана*.

— Въ тѣ времена, говорятъ черкесы, народъ отличался набожностью, твердою вѣрою и никто не клялся именемъ Творца, считая то величайшимъ для себя грѣхомъ. Каждый черкесъ довольствовался тѣмъ, если клянущійся, въ подтвержденіе истины своихъ словъ, произносилъ имя уважаемаго всѣми человѣка.

По свидѣтельству древнихъ писателей и лицъ, посѣщавшихъ земли (1) черкесовъ, они называли себя христіанами, имѣли священниковъ, крестили дѣтей своихъ по достиженіи ими восемнадцатилѣтняго возраста, или вообще по совершеннолѣтіи. Имена новорожденнымъ давали по имени перваго встрѣтившагося иностранца, или въ честь дѣдовъ и отцевъ. По тогдашнему обычаю, въ церковь могли входить только шестидесятилѣтніе старцы, переставшіе уже вести разбойническую жизнь; остальные молодые и пожилые люди становились у входа, или у церковнаго притвора. Не имѣя письменности на родномъ языкѣ, они слушали богослуженіе на греческомъ, котораго не понималъ не только народъ, но и сами священники.

---

(1) Георгій Интеріано, посѣтившій восточный берегъ Чернаго моря между 1550 и 1557 годами, пишетъ о черкесахъ какъ о христіанахъ; спустя 50 лѣтъ, около 1637 года, доминиканецъ Іоаннъ Лукскій уже сообщаетъ, что между черкесами появилось магометанство. См. Остатки нѣкогда бывшаго христіанства на Кавказѣ П. Хицунова. Кавказъ 1846 г. № 35. Начало христіанства въ Закавказьѣ и на Кавказѣ П. У. Сборникъ свѣд. о кавказскихъ горцахъ, выпускъ II, 1869 г.

Оттого, несмотря на набожность народа, христіанство явилось здѣсь не какъ догматическое ученіе, а только какъ новый обрядъ. Оно дѣйствовало на чувство и воображеніе народа внѣшностію богослуженія, но не касалось его нравственныхъ понятій и внутренней жизни. «Въ обычай черкесовъ вошло соблюденіе нѣкоторыхъ постовъ, и тѣмъ легче, что, за исключеніемъ особыхъ случаевъ, горцы постоянно крайне умѣренны въ пищѣ. Дальнѣйшимъ стѣсненіямъ они не подчинялись; такъ, напримѣръ, *супружескій уставъ ихъ остался въ совершенномъ противорѣчіи съ церковными положеніями»* (1).

При такихъ условіяхъ, христіанская вѣра не могла укорениться вполнѣ среди черкескаго народа и, съ уменьшеніемъ числа священниковъ, христіанскіе обряды стали мало по-малу исчезать изъ памяти народа. Обрядовая сторона религіи начала видоизмѣняться, а съ видоизмѣненіемъ ея стали мѣняться убѣжденія и понятія народа объ исповѣдуемой имъ религіи. Покинувъ церкви, черкесы, при молитвахъ, обращались всегда на востокъ, зажигали въ домахъ восковыя свѣчи и употребляли ладонъ. Къ этимъ остаткамъ христіанства народъ прибавилъ свои собственные обряды, родившіеся отъ суевѣрія и разныхъ предразсудковъ. Для молитвы собирались подъ тѣнь огромныхъ деревьевъ, привязывали къ ихъ сучьямъ кресты, приносили жертвы и заканчивали ихъ пиромъ. Обрядъ этотъ носилъ названіе *ташь*—богоугодная жертва. За неимѣніемъ рукоположеннаго священника, выбирали старика, надѣвали на него *ямычи*—бѣлую войлочную мантію—и тотъ, взявъ въ руки деревянную чашу, наполнялъ ее виномъ или водкою, или даже бузою, и, обратившись къ востоку, читалъ молитву, по большей части импровизованную; потомъ обращался къ народу, призывалъ на него благословеніе неба и просилъ исполненія того, о чемъ присутствующіе молились.

Потерявъ нить истинныхъ христіанскихъ обрядовъ, черкесы не могли оставаться вовсе безъ религіи, въ состояніи несродномъ человѣчеству, и потому примѣшали къ своимъ религіознымъ вѣрованіямъ понятіе о многобожіи, установили посты и праздники въ честь разныхъ святыхъ и почитаемыхъ ими боговъ и, такимъ образомъ, незамѣтно для нихъ самихъ, отпали совершенно отъ христіанства.

Въ такомъ положеніи были религіозныя понятія черкесовъ, когда, въ началѣ XVIII столѣтія (2) въ предѣлы ихъ страны стало проникать ученіе Магомета. Религіозное усердіе крымскихъ хановъ, съ которыми черкесы были нѣкогда въ тѣсныхъ и частыхъ сношеніяхъ, распространяло магометанское ученіе. То ласками и угрозами, то огнемъ и мечемъ вводили они среди народа магометанскую религію. Многіе *шогени* (священники) были уби-

---

(1) Начало христ. въ Закавк. и на Кавказѣ.

(2) По показанію Шора-Бекмурзинъ-Ногмова, окончательное уничтоженіе христіанства послѣдовало въ 1717 году (Кавк. календ. на 1862 годъ.)

ты, книги сожжены, а пастырскіе жезлы расхищены и брошены съ презрѣніемъ. Память объ этомъ событіи сохранилась до сихъ поръ въ народной жизни.

— Что бы твое имущество, говоритъ черкесъ, разсердившійся на сосѣда, было расхищено такъ, какъ расхищены были щогейскіе (священническіе) жезлы!

Старанія крымскихъ хановъ не остались напрасными и изъ всѣхъ племенъ адиге кабардинцы первые стали исповѣдывать исламъ.

Послѣ занятія турками Анапы, вліяніе турецкаго духовенства увеличило число поклонниковъ и послѣдователей лже-пророка, и мало по-малу исламъ, хотя и съ большими препятствіями, водворился между племенами, населявшими сѣверный склонъ Кавказскаго хребта.

Народное преданіе сохранило разсказъ о томъ сопротивленіи, которое было противопоставлено племенемъ адиге распространенію магометанскаго ученія. Шапсуги, видя, что въ Анапѣ, въ Кабардѣ, на степяхъ ногайскихъ, распространяется магометанство, рѣшились и сами принять ученіе мединскаго пророка. Они построили мечети и стали молиться на югъ, а натухажцы, по прежнему, поклонялись кресту и молились на востокъ.

Слѣдуя новому ученію — распространять свою религію мечемъ—шапсуги въ значительномъ числѣ напали на натухажцевъ, собрали всѣ кресты и сожгли ихъ. Послѣдніе, оскорбленные такимъ вторженіемъ, въ свою очередь ворвались въ землю шапсуговъ, разрушили и разорили всѣ ихъ мечети. Возникло междоусобіе, борьба двухъ религій, длившаяся, по сказанію народа, слишкомъ двадцать лѣтъ. Натухажцы имѣли, по преимуществу, перевѣсъ и, при заключеніи перемирій, упрекали шапсуговъ въ отступленіи отъ вѣры отцовъ.

— Вы, говорили они, наши братья, измѣнили закону предковъ, приняли новый, но мы не можемъ согласиться, чтобы вы послѣдовали Магомету, и требуемъ возвращенія къ старому закону.

Шапсуги оставались нѣмы къ подобной просьбѣ; междоусобная вражда продолжалась. Оба племени нѣсколько разъ обращались съ жалобою къ анапскимъ пашамъ: одни просили удовлетворенія за сожженіе крестовъ, другіе за разрушеніе мечетей. Анапскіе паши, сами магометане, должны были естественнымъ образомъ принять сторону шапсуговъ, и старались прекратить вражду склоненіемъ натухажцевъ принять исламъ. Усилія ихъ долгое время оставались напрасными.

— Поклоненіе Распятію, отвѣчали натухажцы, старѣе магометанскаго ученія. Всѣ горцы нераздѣльно исповѣдывали Христа, и шапсуги, отложившись отъ закона предковъ, первые подали поводъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ оскорбленіемъ святыни.

Послѣ такого категорическаго отвѣта, казалось, трудно было надѣяться на распространеніе ученія Магомета между натухажцами. Однако анапскіе паши, разными путями и средствами, на первый разъ успѣли примирить оба

поколѣнія; и каждое изъ нихъ осталось при своемъ желаніи, относительно исполненія религіозныхъ обрядовъ. При такомъ положеніи дѣлъ, черкесы встрѣтили наступленіе настоящаго столѣтія. Въ теченіе этого времени магометанское духовенство дѣятельно распространяло свое ученіе между шапсугами и заботилось только объ одномъ — сдѣлать ихъ ревностными магометанами. Напротивъ того, натухажцы оставались совершенно забытыми, безъ пастырей и безъ наставниковъ. Священникъ Іоаннъ Хазровъ, посѣтившій черкесовъ, насчитываетъ, въ теченіе цѣлаго полустолѣтія, только шесть священниковъ, бывшихъ пастырями для всего христіанскаго или полухристіанскаго населенія племени адиге. За неимѣніемъ пастырей, натухажцы не могли сохранить твердость вѣрованій и, рано или поздно, должны были отпасть отъ ученія христіанской церкви, что и случилось въ дѣйствительности. Въ первое десятилѣтіе нашего столѣтія, Гассанъ-паша Анапскій вступилъ, съ значительнымъ войскомъ, въ землю черкесовъ и, то угрозами, то большими подарками, успѣлъ склонить всѣхъ черкесовъ къ принятію магометанства. Они дали присягу въ вѣрномъ соблюденіи правилъ корана и согласились принять къ себѣ духовныхъ наставниковъ, а этого было слишкомъ достаточно. Съ тѣхъ поръ господствующею вѣрою между черкесами была магометанская религія секты суннитской ([1]). Христіанскую религію исповѣдуютъ только черкесы, живущіе въ г. Моздокѣ, около Кубани, такъ называемые *прочноокопскіе* черкесы, и около Пятигорска. Первые двое принадлежатъ къ православному, а послѣдніе къ армяно-грегоріанскому вѣрованію.

Безпокойная, тревожная жизнь дѣлала черкесовъ плохими мусульманами, а недостатокъ въ образованномъ духовенствѣ лишалъ ихъ возможности основательнаго изученія правилъ этой религіи.

— Мусульмане у насъ, говорили старики горцы, только одни муллы и кадіи, но они всѣ изъ Турціи или изъ ногайцевъ; муллы изъ Адигъ не доучиваются. Мы же умѣемъ дѣлать только намазы; два человѣка изъ тысячи умѣютъ читать коранъ, а старики наши и до сихъ поръ сохраняютъ въ памяти разсказы отцовъ о сборахъ въ рощахъ, о сборахъ въ *шонахъ* — церквахъ, гдѣ блистали золотомъ *шехники* (епископы) и *шогены* (священники), говорившіе имъ слово спасенія.

«Шехникъ нашъ защитникъ и воспитатель, говоритъ черкесская пѣсня, шехникъ — нашъ свѣтъ. Воспитатель разсуждалъ о законѣ Божіемъ съ вершины лѣсистаго кургана.

([1]) О состояніи нѣкогда бывшаго христіанства на Кавказѣ. П. Хицунова. Кавказъ 1846 года № 35. Остатки христіанства между закубанскими народами. Іоанна Хазрова. Кавказъ 1846 г. № 42. О бытѣ, нравахъ и обычаяхъ древнихъ атыхейскихъ или черкескихъ племенъ. Шахъ-бекъ-Мурзина. Кавказъ 1849 г. № 36. О политическомъ устр. черкескихъ племенъ. Н. Карлгофа „Русскій Вѣстникъ“ 1860 г. № 16. Вѣрованія, религіозные обряды и предразсудки у черкесовъ. Л. Люлье. Зап. Кавказскаго отд. Им. рус. геогр. общес. книга V изд. 1862 г.

«И на лѣсистомъ курганѣ скованъ Ему домъ изъ жести, съ дверьми изъ литаго серебра, и тамъ-то обиталъ свѣтлый Божій Духъ.

«И ангелы бесѣдовали съ мудрымъ старцемъ. Свѣтъ отъ бороды его уподоблялся свѣту факела.

«Онъ паритъ въ воздухѣ, какъ земная птица подымается подъ облака и видитъ творящихъ беззаконія.

«Ребра Его не простая кость, но кость слоновая, и благородный золотой крестъ сіяетъ на его груди».

Магометанская религія не помѣшала отважнымъ черкесамъ, поборникамъ свободы и хищничества, предаваться языческимъ обрядамъ, доставлявшимъ имъ полное удовлетвореніе въ жаждѣ воинственныхъ потѣхъ, набѣговъ и наѣздовъ.

Въ большей части народа, особенно въ низшемъ сословіи, религіозныя вѣрованія состоятъ изъ смѣси остатковъ христіанства и язычества, съ прибавленіемъ исламизма. Отъ христіанства у черкесовъ осталось только названіе дней въ недѣлѣ, да развалины бывшихъ церквей (1), свидѣтельствующія, что ученіе Христа было не чуждо и землѣ адиговъ.

Существованіе въ Кабардѣ нѣсколькихъ священныхъ книгъ, частыя находки зарытыхъ въ землю распятій и глиняныхъ горшковъ съ угольями и ладономъ—неопровержимые свидѣтели присутствія между народомъ христіанства. Туземцы еще помнятъ то время, когда, поставленный въ саду или передъ домомъ, крестъ дѣлалъ ихъ неприкосновенными, и никто не осмѣливался входить въ домъ или сорвать что-либо въ саду. Если отецъ или мать, умирая, дѣлали завѣщаніе своимъ дѣтямъ и желали, чтобы оно было въ точности исполнено, тогда складывали крестъ на крестъ указательные пальцы и въ такомъ видѣ произносили свою волю. Этотъ обычай, употреблявшійся почти до настоящаго времени, конечно есть остатокъ отъ прежняго исповѣданія черкесовъ. Когда какому-либо аулу угрожала заразительная болѣзнь для людей или скота, то на границѣ, смежной съ мѣстомъ, гдѣ свирѣпствовала эпидемія, горцы вкапывали крестъ. Обрядъ подобнаго крестовоздвиженія совершался цѣлымъ обществомъ, съ большою церемоніею. И теперь всякая вещь, оставленная въ полѣ безъ присмотра, но надъ которою поставленъ крестъ, остается священною и неприкосновенною. Имена дней въ недѣлѣ указываютъ также, что черкесы исповѣдывали нѣкогда христіанскую религію и принадлежали къ православной церкви. Такъ, среду черкесы называютъ *бираскезій*, а пятницу *бираскешхуо*, т. е. малый и великій постъ (*бираскъ* значитъ постъ, *зій* — малый, а *шхуо* — великій); воскресенье, *тгаумафъ* (Божій день), считаютъ днемъ назначеннымъ для отдохновенія, и потому не работаютъ (2).

(1) Баронъ Сталь, въ своемъ сочиненіи, поименовываетъ шесть такихъ церквей.

(2) Остатки христ. и проч. Кавк. 1846 г. № 40. Свѣдѣнія объ атыхейцахъ. Шахъ-бекъ.

Необходимо замѣтить, что развитію магометанства много способствовали враждебныя отношенія между черкесами и русскими. Фанатическое ученіе магометанскихъ проповѣдниковъ сильно дѣйствовало на умы народа и, поджигая ихъ на войну съ русскими, льстило грубымъ чувствамъ независимости и хищничества. Проповѣдуя новое ученіе, магометанское духовенство ходило вмѣстѣ съ народомъ на войну, на разбои, производило волненія, слѣдствіемъ которыхъ, какъ увидимъ ниже, былъ упадокъ власти князей и дворянства. Мало по малу духовенство слилось съ народомъ и пріобрѣло среди его весьма большое значеніе. Эфендій и мулла раздѣлялъ съ наѣздникомъ его труды и опасности, бойко сражался и, вмѣстѣ съ тѣмъ, игралъ важную роль на народныхъ собраніяхъ. Такими поступками муллы достигли того, что слово *шогенъ*, означавшее на черкескомъ языкѣ христіанскаго священника, означаетъ теперь медика, знающаго свойства травъ и умѣющаго лечить [1].

Будучи однако весьма плохо образовано, мало знакомо съ основаніемъ магометанскаго ученія, духовенство сообщило черкесамъ шаткія понятія о религіи, но успѣло однакоже увѣрить народъ, что гяуры, принудившіе Магомета спасаться изъ Мекки въ Медину, не кто другіе какъ русскіе; что правовѣрныхъ, павшихъ въ бою съ русскими, ожидаютъ райскія утѣхи, а тѣхъ, которые имъ покоряются, адскія муки.

— Всѣ религіи отъ Бога, говорила черкешенка одному изъ русскихъ плѣнныхъ; всѣ пророки отъ него, и передавали людямъ только однѣ его заповѣди. Сперва былъ посланъ Мусса (Моисей) просвѣтить умы еврейскаго народа и подготовить своимъ закономъ приходъ Іессы (Іисуса), котораго чистое, возвышенное ученіе, по причинѣ его строгихъ правилъ, оказалось неудобоисполнимымъ для слабаго человѣческаго рода, продолжавшаго грѣшить черезъ безпрестанное нарушеніе ихъ. Тогда Аллахъ, въ благости своей, послалъ Магомета смягчить законъ Іессы, опредѣливъ, что тотъ, кто не станетъ слѣдовать этому послѣднему ученію, не превышающему человѣческихъ силъ, будетъ осужденъ на вѣки вѣковъ.

Просвѣщенная горянка сожалѣла о заблужденіяхъ христіанъ, исповѣдующихъ, по ея собственнымъ-же словамъ, болѣе чистое и возвышенное ученіе, чѣмъ она сама [2].

Эфендіи увѣрили суевѣрный народъ, будто-бы нашли въ коранѣ пророчество, по которому абадзехи, шапсуги и убыхи никогда не будутъ подвластны русскимъ, если только станутъ защищать свою независимость, молиться и уважать духовенство. Полагая, въ этомъ случаѣ, всю свою надежду на лѣсъ,

---

Мурзина. Кавк. 1849 г. № 37. Люлье Зап. кн. V. Зубовъ „Картины Кавк. края". Развалины церкви св. Георгія. Николай Каменевъ „Кубанскія войсков. вѣдом." 1869 г. № 36 и 37.

(1) Сталь: Очеркъ этнографіи черкескаго народа (рукопись).

(2) Воспоминанія кавказскаго офицера. Рус. Вѣст. 1864 г. № 12.

горы и на мнимую многочисленность, но, не отрицая могущества Россія, они обыкновенно говорили:

— Мы знаемъ, что русскіе богаты и пользуются житейскими удобствами. Богъ имъ далъ міръ, но они гяуры и будутъ всѣ въ аду; мы бѣдны, но мусульмане — и рай нашъ. Жизнь эта коротка — не промѣняемъ блаженства будущей, вѣчной, на удобства проходящія (1).

Магометанство принесло народу только ту пользу, что пріучило его къ вѣрованію въ единство Бога, въ безсмертіе души и въ будущую жизнь, гдѣ каждому воздается по дѣламъ его земной жизни.

Исламъ не коснулся однако большей части простаго класса черкескаго народа, особенно жителей морскаго прибрежья отъ Геленджика до м. Хизе и долинъ къ нему примыкающихъ. Они оставались безъ опредѣленнаго вѣрованія, придерживались обрядовъ жертвоприношенія и возліянія. Деревянный, особой формы, крестъ, прислоненный къ дереву, былъ единственнымъ символомъ ихъ поклоненія. У нихъ не было ни церквей, ни особыхъ молитвенныхъ домовъ или жертвенниковъ. Священныя рощи, къ которымъ никто не смѣлъ прикасаться, замѣняли храмъ, были мѣстомъ для молитвы; въ святость такихъ рощъ и лѣсовъ, въ ихъ чудесную силу черкесы вѣрили чистосердечно. *Джемплохскій* лѣсъ, напримѣръ, былъ посвященъ богу изобилія (Тхагалеггъ), и ежегодно бѣлая телка приносилась къ этому лѣсу въ жертву. Въ 1841 году, когда генералъ Зассъ сдѣлалъ набѣгъ между рѣками Бѣлой (Схагуаше) и Пшехомъ, гдѣ находился Джемплохскій лѣсъ, онъ имѣлъ тамъ жаркое дѣло и самъ былъ раненъ. Черкесы говорили и были увѣрены, что Господь наказалъ Засса за то, что онъ рѣшился пройти съ отрядомъ черезъ ихъ священную рощу. Спустя семь лѣтъ, въ 1848 году, генералъ Ковалевскій также сдѣлалъ набѣгъ на это урочище: набѣгъ былъ удаченъ и потеря незначительна. Абадзехи очень удивлялись счастливому исходу этого набѣга для русскихъ и заключили тѣмъ, что, вѣроятно, Ковалевскій есть *шейхъ* (святой), такъ счастливо вышедшій изъ дѣла.

Въ одной изъ такихъ рощъ, почитаемыхъ священными, собирался народъ для молитвы. Подъ открытымъ небомъ, гдѣ-нибудь подъ сѣнію развѣсистаго дуба, устроивалось нѣчто въ родѣ алтаря, украшеннаго простымъ деревяннымъ крестомъ грубой работы, и народъ возносилъ свои мольбы къ небу, призывая имя Всевышняго—*Тгашхуо*. Въ каждой долинѣ было по нѣскольку такихъ священныхъ рощъ съ причисленными къ нимъ извѣстнымъ числомъ домовъ или семействъ, составлявшихъ, такъ сказать, приходъ этой рощи, или *тгахапхъ*. Богослуженіе совершалъ, въ званіи жреца, какой-нибудь старецъ, избираемый въ это званіе пожизненно. Онъ ставилъ прежде всего у дерева крестъ, облѣплялъ его свѣчами, зажигалъ ихъ и умывалъ себѣ руки и лицо. Накинувъ на себя бурку, снявъ шапку и ставъ на колѣни, онъ

---

(1) Запис. офиц. бывшаго въ плѣну у горцевъ, барона Тарнау. Кавк. 1852 г. № 1 и 2.

произносилъ громко молитвы, соотвѣтствующія празднику. По большей части, молитвы состояли въ простомъ прошеніи земныхъ благъ, урожая, дождя, избавленія отъ повальныхъ болѣзней и другихъ бѣдствій. Окончивъ молитву, жрецъ приступалъ къ закланію жертвы, состоявшей изъ барана, козла или быка. Взявъ отъ креста одну изъ зажженныхъ на немъ восковыхъ свѣчъ, онъ натиралъ ея воскомъ шерсть на лбу животнаго, предназначеннаго въ жертву, совершалъ надъ головою его возліяніе изъ приготовленной для того бузы и тутъ же закалывалъ жертву. Затѣмъ жрецъ бралъ въ одну руку пирогъ или лепешку, въ другую деревянный сосудъ, выточенный на подобіе чаши и наполненный бузою, и, вознося все это къ небу, вновь молился. По окончаніи молитвы, пирожокъ и сосудъ передавались старшему изъ присутствующихъ, а нѣсколько такихъ же пирожковъ и чашъ другимъ предстоящимъ, которые передавали ихъ слѣдующимъ: это замѣняло причастіе, послѣ котораго каждый обходилъ три раза вокругъ креста. Между тѣмъ голову животнаго, принесеннаго въ жертву, насаживали на длинный шестъ, утвержденный въ землѣ, гдѣ-нибудь по близости креста, а изъ мяса приготовляли пищу; кожа убитаго животнаго отдавалась жрецу. Во время приготовленія пищи, старики и старухи, взявшись между собою за руки, составляли кругъ и плясали подъ звуки пѣсенъ особаго напѣва. Къ старымъ присоединялись молодые и скоро веселье дѣлалось всеобщимъ.

Кромѣ изготовленнаго мяса, каждое семейство приносило съ собою кругленькій столикъ, *пасту*, пирожки съ сыромъ и прочія кушанья. Размѣстившись на землѣ вокругъ столиковъ, человѣка по четыре за каждымъ, главы семейства принимались за пищу и питье. Молодые люди не участвовали въ пиршествѣ; они разносили яства и напитки, прислуживали старшимъ и довольствовались остатками приготовленныхъ кушаній. Женщины составляли отдѣльный кружокъ и старались скрыть отъ мужчинъ, что занимаются ѣдою, въ особенности дѣвушки, которыя скорѣе соглашались остаться голодными, чѣмъ допустить себя до того, чтобы мужчина видѣлъ ихъ жующими (¹).

Подобныя жертвоприношенія совершались у черкесовъ весьма часто, въ честь различнаго рода божествъ и высшихъ покровителей. Вѣруя въ единаго Бога и называя его *Тга* и *Тгаръ*, черкесы признавали божество въ трехъ лицахъ: *Тга-Шхуо* (великій Богъ), *Маріемъ-Тга-Пши* (Марія-Богъ-князь) и *Шерïупзъ* (смыслъ и значеніе этого слова утрачены), но, въ то же время, вѣрили и молились множеству различнаго рода покровителей. Такъ, по по-

---

(¹) Вѣрованія, религіозные обряды и предразсудки у черкесовъ. Л. Люлье. Записки Кавк. отд. Императорск. рус. геогр. общества, книга V, изд. 1862 г. Закубанскій край въ 1864 году. П. Невскій. Кавказъ 1868 г. № 98. Этнографическій очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукопись). О политичес. устройствѣ черкескихъ племенъ. Н. Карлгофа. Рус. Вѣст. 1860 г. № 16. Краткое описаніе восточнаго берега Чернаго моря и племенъ его населяющихъ. Карлгофа (рукопись). Секретная записка въ текущихъ дѣлахъ штаба Кавк. военнаго округа.

нятію народа, существовалъ *Зейгутъ* (или Зейкутхъ), покровитель наѣздниковъ; *Емишъ*—покровитель овецъ; *Хепегуашъ*—дѣва водъ морскихъ и *Псегуашаха*—дѣва водъ рѣчныхъ; *Хятегуашъ*—дѣва, покровительница садовъ; *Кодесъ*—богъ въ видѣ рыбы, удерживающій море въ предѣлахъ береговъ; *Мезитхъ*—богъ лѣсовъ и покровитель охотниковъ. Его молили объ удачѣ во время охоты и представляли себѣ ѣдущимъ на золото-щетинистомъ кабанѣ. Народъ вѣрилъ, что, по мановенію Мезитха, собираются на луга всѣ олени и лоси и божественныя дѣвы доятъ самокъ ихъ.

Въ честь всѣхъ этихъ боговъ приносились жертвы. Такъ, послѣ каждаго удачнаго набѣга, черкесы отдѣляли лучшую часть добычи въ пользу Зейгута, и, отнеся ее въ священную рощу, вѣшали на деревья. Многіе лѣса наполнены и до сихъ поръ множествомъ приношеній, состоящихъ, по преимуществу, изъ стараго оружія и металлическихъ вещей. *Хепегуаша* чествовали пляскою на берегу моря, а въ честь *Псегуашаха* полоскались въ водѣ и обливали другъ друга.

Громъ и вообще гроза особенно сильно дѣйствовали на воображеніе народа и внушали ему безотчетный страхъ. Черкесы благоговѣли передъ *Шибле*—богъ грома—и представляли себѣ его соперникомъ *Тгашхуо* или великаго бога. По сказанію народа, старшинство этихъ двухъ боговъ сомнительно.

— Если Богъ Шибле разсердится, говорили черкесы, то врядъ-ли Тгашхуо найдетъ себѣ мѣсто гдѣ укрыться (1).

Вѣрованіе въ значеніе и силу Шибле простиралось до того, что убитаго громомъ считали блаженнымъ и погребали его на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ убитъ. Черкесы думали, что погибнуть отъ молніи—очень святое дѣло: по ихъ мнѣнію, погибающему ангелъ приноситъ этотъ знакъ небеснаго благоволенія. Животныя, убитыя громомъ, хоронились также на мѣстѣ смерти.

Погребеніе это совершалось съ особенною церемоніею, отличною отъ обыкновенныхъ похоронъ. Г. Люлье, бывшій свидѣтелемъ обряда совершеннаго надъ тремя козами, убитыми громомъ, пишетъ: «Около козъ составился кругъ и началась обычная пляска съ напѣвомъ, въ которомъ часто повторялись слова: Шибле (громъ) и Ялій (Илья). Между тѣмъ нѣсколько человѣкъ отправились въ лѣсъ, нарубили жердей и кольевъ, устроили изъ нихъ, на четырехъ столбахъ, довольно высокій помостъ, уложили на немъ козъ и накрыли ихъ листьями. Помостъ дѣлается высокій для того, чтобы укрыть трупы козъ отъ хищныхъ звѣрей. Въ то время, когда одни устраивали помостъ, другіе успѣли сходить въ аулъ и принести оттуда разныхъ съѣстныхъ припасовъ, въ томъ числѣ и нѣсколькихъ живыхъ козъ. Эти послѣднія тутъ же были принесены въ жертву, съ обрядомъ возліянія, а головы ихъ надѣты на высокіе шесты, воткнутые въ землю около помоста. Вся эта процедура на-

(1) Баронъ Сталь. Этнографическій очеркъ черкескаго народа (рукопись). Военно-ученый арх. глав. шт.

зывается *шибласха*. Устроеннаго помоста, кольевъ и козъ никто не трогаетъ, и все остается до совершеннаго разрушенія и истлѣнія. Пока приготовлялись яства и варилась паста, замѣняющая хлѣбъ, молодежь обоего пола плясала съ рвеніемъ; веселость и одушевленіе были общія. Когда все было изготовлено, насъ накормили и только тогда отпустили въ путь» ([1]).

По обычаю, надъ тѣломъ убитаго животнаго празднованіе происходило въ теченіи трехъ дней, а надъ тѣломъ человѣка семь дней. Случалось, что родственники поздравляли другъ друга съ особенною честію, которую даровало имъ небо. Разбитое или расколотое громомъ дерево составляло для народа предметъ особаго уваженія и часто ему приписывали цѣлебное свойство, напримѣръ исцѣлять отъ лихорадокъ. Къ одному такому дереву стекались страждущіе со всѣхъ концовъ. Больной пріѣзжалъ съ запасомъ приношеній, большею частію пирожковъ, которые и съѣдались его спутниками. Кусокъ дерева зашивался въ лоскутъ матеріи, надѣвался больному на шею, съ тѣмъ чтобы онъ носилъ его постоянно, а остатокъ матеріи навѣшивался на дерево, сучья котораго были переполнены подобными приношеніями.

Съ наступленіемъ осени и въ день уборки хлѣбовъ, черкесы приносили благодарность Богу *Тга* за прошедшее лѣто и молили его объ обиліи хлѣба и плодовъ земныхъ на будущее время. Сохраненіемъ стадъ своихъ считали себя обязанными *Ахину*, покровителю рогатаго скота, которому приносили жертву.

Ахинъ, по народному представленію, есть существо весьма сильное, и потому заслуживающее особаго почета. Божество это не было исключительною принадлежностію однихъ черкесовъ, но и значительная часть Абхазіи надѣялась на его благосклонность, тѣмъ болѣе что въ прежнее время постоянные поклонники и служители Ахина находились въ этой послѣдней странѣ. Тамъ существовало, а можетъ быть существуетъ и до сихъ поръ, общество *Аркоаджь*, въ которомъ находился родъ или семейство *Цсбе*, состоявшее изъ нѣсколькихъ дворовъ. Это семейство съ давнихъ поръ состояло подъ особеннымъ покровительствамъ Ахина, и вотъ по какому случаю.

На жителей окрестностей Ахиновой рощи ([2]), говоритъ преданіе, однажды напало значительное скопище непріязненныхъ племенъ и многихъ изъ нихъ забрали въ плѣнъ. Никѣмъ не преслѣдуемый при отступленіи, непріятель перевалился за горы и расположился отдыхать. Довольные пріобрѣтенною добычею, хищники предались разнымъ увеселеніямъ, пѣнію и пляскѣ. Въ припадкѣ изступленной веселости, они нарушили обычаи страны, заставивъ плясать и своихъ плѣнницъ. Одна изъ нихъ, будучи беременна, просила

([1]) Вѣрованія, религіозные обряды и предразсудки у черкесовъ. Л. Люлье. Записки Кавк. отд. Имп. рус. геогр. общес. книга V, изд. 1862 г.

([2]) Роща эта находится въ верховьяхъ рѣки Шахе.

оставить ее въ покоѣ ([1]), но побѣдители не слушали ея просьбъ и требовали, чтобы она также плясала.

— О Ахинъ! прогорила она со слезами, по неволѣ пляшу!

Божество явилось на помощь къ несчастной и проявило свой гнѣвъ тѣмъ, что побѣдители цѣлыми толпами стали проваливаться сквозь землю. Тогда одинъ изъ рода *Цсбе* обратился съ мольбою къ прогнѣванному божеству.

— О Ахинъ! закричалъ онъ въ отчаяніи: если возвратишь меня домой, то черезъ каждые три года буду пригонять къ твоей рощѣ корову на жертву.

Онъ былъ спасенъ и исполнилъ данное обѣщаніе.

Обыкновенно передъ наступленіемъ праздника, по словамъ народа, Ахинъ самъ избиралъ себѣ въ жертву корову еще не телившуюся, изъ стада, принадлежавшаго семейству Цсбе. Избранная жертва разными движеніями и ревомъ давала понять, что она удостоена чести быть принесенною въ жертву божеству. Тогда всѣ члены семейства собирались къ коровѣ, мыли ее молокомъ и, послѣ обычной молитвы, выпроваживали изъ дому. Хозяинъ избранной жертвы отправлялся въ путь вмѣстѣ съ нею и бралъ съ собою *тхіе* (вареное тѣсто, въ родѣ осященной булки).

Коровы никто не гналъ — она сама шла къ мѣсту жертвоприношенія, въ священную рощу, отчего иногда и называлась *«чеме тлерекуо»* т. е. ходячая или самошествующая корова.

Она проходила черезъ мѣста, извѣстныя подъ именемъ *Цзужи*, *Чеккофи*, и *Хмишь-тчей*, а потомъ переходила черезъ рѣку Сфеши и вступала въ убыхское поколѣніе Сшаше. Здѣсь Ахинова корова останавливалась у двора рода *Чземухъ* и, отдохнувъ, снова выступала въ путь, сопровождаемая крѣпостнымъ человѣкомъ старшины Чземухъ, также съ *тхіемъ* и, сверхъ того, съ черною козою. Дальнѣйшій путь самошествующей жертвы лежалъ черезъ общество Ордане (Вардане), гдѣ старшина изъ рода *Зейфишъ* принималъ ее; отсюда также присоединялся человѣкъ съ *тхіемъ* и козою, и проводилъ жертву черезъ общество *Десченъ*. Тутъ старшины разныхъ клановъ (родовъ или поколѣній), съ *тхіями* и козами, присоединялись къ свитѣ самошествующей и слѣдовали за коровою до мѣста жертвоприношенія, называемаго *Ахинъ-итхачехъ*, которое находится въ верховьяхъ рѣки *Шахе* и состоитъ изъ купы вѣковыхъ огромныхъ деревьевъ, на которыхъ виситъ разное оружіе, покрытое ржавчиною.

Церемоніальное шествіе Ахиновой коровы представляло, въ прежнее время, любопытное зрѣлище. Огромная толпа народа, съ открытыми головами, въ праздничныхъ одеждахъ, слѣдовала за коровою и гнала передъ собою множество козъ. Туземцы увѣряютъ, что, во время разлитія рѣкъ, когда сопровождавшіе корову принуждены бывали отыскивать броды въ ихъ верховьяхъ, корова безъ затрудненія переплывала рѣки и сама, одна, достигала до мѣста

([1]) Замужнія женщины Черкесіи, по обычаю, не принимали никогда участія въ танцахъ.

назначенія. Подойдя къ священной рощѣ, она ложилась подъ тѣнью одного изъ деревъ и ожидала прибытія хозяина и сопровождавшей его толпы. Въ теченіе ночи, предшествующей празднику, жертва оставлялась на одномъ мѣстѣ. Сопровождавшая ее толпа также ночевала въ лѣсу и соблюдала нѣкоторый постъ — не ѣли и не пили до слѣдующаго утра, съ наступленіемъ котораго жертва закалывалась, съ произнесеніемъ особаго рода молитвы, въ которой особенно замѣчательны слѣдующія слова:

О! Боже! о Ахинъ!
Если и придутъ — даруй мнѣ! —
Если и пойду — даруй мнѣ!

Смыслъ этихъ словъ тотъ, что когда молящіеся пойдутъ на войну сами, или когда придутъ въ ихъ землю непріятели, то чтобы, въ томъ и другомъ случаѣ, досталась имъ побѣда и добыча.

Характеристическую особенность этого жертвоприношенія составляло то, что зарѣзанную жертву переносили нѣсколько разъ съ мѣста на мѣсто. Такъ, для снятія кожи и раздѣленія на части, ее переносили на другое мѣсто, а мясо варили въ котлахъ на третьемъ мѣстѣ и, наконецъ, кушанье относили на мѣсто пиршества. При каждомъ перенесеніи, присутствующіе, взявшись за руки и образовавъ кругъ, съ пляскою, пѣснями и съ обнаженными головами сопровождали принесенную жертву.

Подъ священными деревьями сохранялся постоянно огромный ковшъ, наполняемый виномъ. Въ день жертвоприношенія, совершаемаго черезъ каждые три года, передъ закланіемъ коровы старшины пили по чаркѣ вина, съ произнесеніемъ особенныхъ молитвенныхъ словъ. Тутъ же находился постоянно вѣковой котелъ, сооруженный, по преданію, какимъ то Едикомъ, и въ которомъ варилась приносимая жертва. По окончаніи приготовленія пищи, мясо дѣлилось на части, разносилось по домамъ и, какъ особая святыня, давалась каждому домочадцу, не исключая и младенцевъ, которымъ также клали его въ ротъ. Кожа, голова и ноги принесенной жертвы зарывались въ землю на мѣстѣ жертвоприношенія.

Почти въ одно время съ нашимъ праздникомъ Рождества Христова, черкесы совершали празднованіе въ честь *Созериса*, божества, покровительствующаго хлѣбопашцамъ, обилію и домашнему благосостоянію (1). Пришествіе Созериса ожидается до сихъ поръ съ особеннымъ благоговѣніемъ, и существуетъ повѣрье, что онъ отправился пѣшкомъ по морю, и точно также возвратится. Олицетвореніемъ этого божества служилъ деревянный обрубокъ, съ семью суками, вырубленный непремѣнно изъ дерева, извѣстнаго подъ именемъ *гамшутъ*.

---

(1) У нѣкоторыхъ поколѣній черкескаго народа празднованіе въ честь Созериса совершалось осенью послѣ уборки хлѣба.

Обрубокъ этотъ, въ теченіе цѣлаго года, тщательно сохранялся въ амбарѣ каждаго дома, и, кромѣ того, былъ еще общій, принадлежавшій всему селенію.

Вечеромъ, наканунѣ праздника, одна изъ молодыхъ женщинъ, преимущественно изъ послѣднихъ новобрачныхъ въ селеніи, одѣвшись въ самое нарядное платье, отправлялась въ домъ, гдѣ находился общественный обрубокъ. Имѣя въ рукѣ зажженную свѣчу, непремѣнно изъ числа оставшихся отъ прошлогодняго праздника, она зажигала ею всѣ свѣчи, прилѣпленныя на обрубкѣ, и соблюдала при этомъ правило, чтобы, при зажиганіи свѣчъ, лицо ея было обращено всегда на востокъ. Освѣтивъ весь домъ, женщина выходила изъ него, запирала за собою дверь и становилась съ наружной стороны, у двери, такъ что закрывала собою входъ въ домъ. Толпа народа собиралась между тѣмъ вокругъ нея. Хромой старикъ бралъ въ руки палку, унизанную восковыми свѣчами, и обращался къ святому.

— Ай, Созерисъ! восклицалъ онъ: отверзай намъ двери (ай Созерисъ, пчерухи тхечахъ).

Народъ вторилъ словамъ старца. Тогда молодая женщина отворяла двери и толпа входила въ домъ. Старикъ, съ палкою, зажигалъ бывшія на обрубкѣ свѣчи, читалъ молитву, а въ домѣ и внѣ онаго зажигали костры. По окончаніи молитвы, народъ расходился по домамъ, неся съ собою зажженную свѣчу.

Въ самый день праздника, всѣ члены семейства собирались вечеромъ въ амбарѣ, гдѣ каждый хозяинъ, съ непокрытою головою, выносилъ своего идола на средину. Къ каждому суку его прилѣплялъ по одной восковой свѣчкѣ, приготовленной заранѣе изъ желтаго воска. Въ каждомъ домѣ на полкахъ хранились для этого, въ теченіе цѣлаго года, куски желтаго воска: подъ полками висѣли особые деревянные сосуды, назначенные исключительно для возліянія. Вмѣстѣ со свѣчами, къ тѣмъ же сукамъ обрубка привѣшивались пирожки и кусочки сыра. Убравши такимъ образомъ своего истукана, хозяинъ, съ торжествомъ и въ сопровожденіи всѣхъ своихъ домочадцевъ, вносилъ его въ саклю. Поставивъ его на подушкахъ посреди комнаты, всѣ присутствующіе члены семьи, безъ различія пола и возраста, взявшись за руки, окружали обрубокъ, а хозяйка читала молитву.

— Созерисъ! произносила она: благодаримъ тебя за урожай нынѣшняго лѣта, молимъ тебя даровать и въ будущіе годы обильную жатву. Молимъ тебя, Созерисъ, охранять наши хлѣба отъ кражи, нашъ амбаръ отъ пожара.

Молитва эта произносилась съ разстановками, при которыхъ окружающіе идола дѣлали движенія вокругъ него и произносили въ одинъ голосъ: *аминь*.

Замѣчательно, что послѣ молитвы идолъ терялъ сразу всю свою святость и значеніе; его относили обратно въ амбаръ, безъ всякихъ почестей, и со-

храняли тамъ до праздника слѣдующаго года. Члены семейства садились за ужинъ и, пользуясь праздникомъ, уничтожали много пищи и вина (1).

За этимъ праздникомъ слѣдовалъ праздникъ *итлясъ* — новый годъ. Годъ у черкесовъ состоялъ изъ двѣнадцати мѣсяцевъ и носилъ названіе *итлясъ*. Названія мѣсяцевъ, или, по черкески, *мазо*, были даны согласно явленіямъ природы. Такъ, январь назывался *тчимахокъ-мазо*—сильный холодъ; мартъ *гатхепе-мазо* — первый весенній мѣсяцъ; апрѣль *мальхоо-мазо* — моръ на барановъ и проч. (2). Мѣсяцъ раздѣлялся на *тхаумахо* или недѣли, которыя состояли изъ семи дней (3).

Въ одинъ изъ зимнихъ мѣсяцевъ черкесы устраивали праздникъ въ честь *нардовъ* (богатырей), изъ которыхъ они особенно отличаютъ *Саузерука*. Приготовивъ кушанье, часть ихъ относили въ кунахскую, гдѣ и оставляли для пріѣзжаго, замѣнявшаго Саузерука, который, не смотря на всѣ ожиданія народа, до сихъ поръ не является, а между тѣмъ и до нынѣ, въ день праздника, для *буланой* (4) лошади Саузерука заготовляются сѣно и овесъ, а въ стойлѣ стелется солома. Появленіе въ этотъ день гостя поднимало праздникъ неизмѣримо высоко въ глазахъ хозяевъ и придавало имъ болѣе веселости; за неимѣніемъ же гостя, пировали одни хозяева съ друзьями и сосѣдями.

У черкесовъ существовало нѣчто въ родѣ мясопуста и сыропуста православной церкви — *ллеумешхе* и *коаяште* — праздники исполняемые ежегодно раннею весною, одинъ за другимъ, съ небольшими промежутками. Ллеумешхе, въ буквальномъ переводѣ, означаетъ: *не пѣшь мяса*, а коаяште—*взятіе сыра*. Въ эти дни у туземцевъ, во время стола, подавались пироги, начиненные сыромъ, а вечеромъ молодежь наряжала чучелу или куклу въ какой нибудь странный костюмъ.

Нѣкоторыя лица, посѣщавшія черкесовъ, свидѣтельствуютъ, что у нихъ существовала масляница, *угагъ*, и великій постъ, *угыгъ*, продолжавшійся

---

(1) Миѳологія черкескихъ народовъ. Султанъ-ханъ-Гирея. Кавказъ 1846 года № 35. Остатки христіанства и проч. Іоанна Хазрова, Кавказъ 1846 г. № 40. Вѣрованія, религіозные обряды и предразсудки у черкесовъ. Л. Люлье. Записки Кавк.. отд. Имп. рус. геог. общес. книга V.

(2) Названіе мѣсяцевъ напечатано въ двухъ статьяхъ: Свѣдѣніе объ атыхейцахъ Шахъ-бекъ-Мурзина (Газета Кавказъ 1849 года №. 37) и Исторія атыхейскаго народа Шора-Бекмурзинъ-Ногмова (Кавказскій Календарь на 1862 г.). По всей вѣроятности это одинъ и тотъ же авторъ, котораго статьи напечатаны подъ разными заглавіями. Въ обѣихъ статьяхъ орѳографія мѣсяцовъ различная, а вслѣдствіе того различно и самое произношеніе; въ обѣихъ статьяхъ не достаетъ по одному мѣсяцу: въ первой декабря, во второй—іюля. Шора Бекмурзинъ называетъ іюнь—*гомахопе-маза* (средина лѣта), а въ газетѣ Кавказъ, 1849 г. № 37, іюль названъ *гомахокъ-маза*—тоже средина лѣта. Впрочемъ редакція газеты оговорилась, что туземныя названія мѣсяцевъ, напечатанныя русскими буквами, не совсѣмъ сходны съ произношеніями туземцевъ.

(3) Тамъ же.

(4) По другимъ свѣдѣніямъ Саузерукъ обладаетъ саврасою лошадью.

48 дней [1]; говорятъ, что черкесы признавали *гушгахъ*, вербный день или воскресеніе мертвыхъ, и отправлялись въ этотъ день на могилы поминать родственниковъ. Въ теченіе цѣлаго поста черкесы собирали яйца, не употребляли ихъ ни для какой нужды и разбить ихъ въ это время считали грѣхомъ. Наканунѣ пасхи красили яйца и ими разговлялись. Въ первое воскресенье послѣ гушгаха праздновали *кутишъ* — пасху, и въ этотъ день яйца составляли непремѣнную принадлежность стола, точно также какъ небольшой пшеничный круглый хлѣбъ, съ изображеніемъ трехъ головъ.

Съ наступленіемъ теплаго времени, и именно 7-го апрѣля, черкесы праздновали *нагышатахъ* — подарокъ свѣжими цвѣтами. Въ этотъ день дѣвицы и молодыя женщины толпами отправлялись въ поле, собирали цвѣты и дарили ими другъ друга, въ ознаменованіе и въ память того, что св. ангелъ, въ день благовѣщенія, принесъ цвѣтокъ пресвятой дѣвѣ Маріи. Послѣ того праздновали день *вознесенія Господня*, приносили въ жертву ягненка, приготовляли изъ него обѣдъ и съ этого дня разрѣшалось употребленіе мяса. Смѣшивая праздникъ этотъ съ праздниками Св. Троицы и Сошествія Святаго Духа, черкесы убирали свои дома въ день Вознесенія Господня деревьями и цвѣтами.

Матерь Божію считали покровительницею пчеловодства. Въ народѣ сохранилась легенда, что въ то время—а когда оно было черкесы и сами не знаютъ—когда всѣ пчелы погибли, одна, уцѣлѣвшая неизвѣстно по какому случаю, скрылась въ рукавѣ Богородицы, которая сберегла ее. Эта пчела произвела всѣхъ нынѣ-существующихъ. Въ честь Богородицы установлено было нѣсколько праздниковъ и постъ. Въ день *тхагрепыхъ*—божія дочь или господня дѣва—каждая дѣвица обязана была отнести на мѣсто моленія цыпленка и тамъ приготовить изъ него кушанье. Собравшійся народъ подчивали этимъ дѣвичьимъ кушаньемъ и послѣ него поздравляли присутствующихъ съ заговѣньемъ въ честь Богородицы. Пропостившись слѣдующую затѣмъ недѣлю, въ первое воскресенье праздновали *маріемъ* и *янь* (или, по указанію другихъ, *Тхашхуо-янь*), что происходило въ августѣ и соотвѣтствовало нашему Успеньеву дню. Въ день этого праздника черкесы пѣли всенародно пѣснь въ честь Богородицы: «Великаго Бога мать, великая Марія, облаченная въ золото бѣлое, на челѣ имѣетъ луну, а вокругъ себя солнце».

Называя Св. Марію «матерью великаго Бога», черкесы питали къ ней особенное благоговеніе. Множество хвалебныхъ пѣсенъ въ честь Богородицы, длинный рядъ осеннихъ праздниковъ и, наконецъ, обычай прыгать лѣтомъ

---

[1] Г. Люлье говоритъ, что постъ продолжался не болѣе двухъ недѣль. Сравни: „Остатки христіанства“ и проч. Іоанна Хазрова. Кавказъ 1846 г. № 40 и ст. Люлье: „Вѣрованія и проч.“ Записки Кавказс. отд. Импер. русскаго геогр. общ. книга V изд. 1862 г. См. также „Краткое описаніе восточнаго берега Чернаго моря и племенъ его населяющихъ“. Карлгофа. Рукопись въ текущихъ дѣлахъ штаба Кавказскаго военнаго округа.

черезъ огонь, свидѣтельствуютъ о большомъ ея уваженіи среди народа. Прыгая черезъ огонь, туземцы просили Маріемъ о прощеніи грѣховъ и послѣ того считали себя очищенными отъ нихъ.

Къ этому длинному ряду праздниковъ мы должны прибавить праздникъ въ честь *Тлепса*—покровителя кузнецовъ, бога желѣза и оружія. Въ народѣ существуетъ преданіе, что *Тлепсъ* былъ ремесломъ кузнецъ, отличавшійся святостію жизни и приготовлявшій такія сабли, которыя разсѣкали цѣлыя горы желѣза. Въ семействѣ Шумноковыхъ хранится до сихъ поръ древняя сабля, которая, по преданію, сдѣлана какимъ-то *оружейникомъ-полубогомъ*. При раззореніи ауловъ Шумноковыхъ, сабля эта была взята черноморскими казаками и впослѣдствіи была возвращена владѣльцамъ ея, однимъ изъ значительныхъ на своей родинѣ лицъ. Когда черкесы узнали о возвращеніи сабли въ домъ Шумноковыхъ, они спѣшили посмотрѣть на ту саблю, о которой ходитъ весьма много преданій. До двухъ сотъ человѣкъ подвластныхъ и знакомыхъ Шумноковыхъ собралось въ аулъ и один за другимъ подходили и прикладывались, по обычаю, къ полѣ верхней одежды лица, способствовавшаго возвращенію дорогой сабли.

По преданію, *Тлепсъ* похороненъ въ лѣсу, извѣстномъ подъ именемъ *Гучипце-Говашхъ*; до сихъ поръ черкесы показываютъ могилу его, усыпанную кругомъ желѣзными опилками.

Тлепсъ весьма уважается народомъ, такъ что имя его произносится въ родѣ клятвы или божбы. Въ день праздника, черкесы молились, дѣлали возліяніе на лемешѣ и топорѣ и, по совершеніи обрядовъ, пили, ѣли и предавались забавамъ, изъ которыхъ главною была стрѣльба въ цѣль, преимущественно въ яйцо, представлявшее мишень и поставленное на видномъ мѣстѣ. Къ Тлепсу прибѣгали съ молитвою объ излеченіи каждаго раненаго.

Вообще обряды, соблюдаемые черкесами при леченіи раненаго, были слѣдствіемъ и остаткомъ отъ временъ язычества. Если раненый былъ человѣкъ знатнаго происхожденія, то его помѣщали, по большей части, въ домѣ ближайшаго владѣльца того аула, возлѣ котораго онъ раненъ.

Передъ внесеніемъ больнаго въ назначенное ему помѣщеніе, возвышали порогъ дверей, прибивши къ нему толстую доску, и, въ тоже время, дѣвушка моложе пятнадцати лѣтъ обводила коровьимъ каломъ черту вокругъ внутренной стѣны комнаты, съ цѣлію предохранить этимъ больнаго отъ вреднаго дѣйствія дурныхъ глазъ. Возлѣ постели больнаго становилась чашка съ водою, въ которую опускали куриное яйцо, и тутъ же клали желѣзные лемеши и молотокъ. Послѣднія иногда привѣшивались къ потолку или клались у порога при входѣ въ комнату. Каждый посѣтившій раненаго долженъ былъ подойти къ нимъ и три раза ударить молоткомъ по лемешамъ. Этимъ средствомъ отклонялись злые духи, заклинался богъ войны и унимался жаръ въ ранѣ черкеса.

Посѣтитель старался ударить молотомъ по желѣзу такъ сильно, чтобы

звукъ былъ слышенъ всѣми находящимися въ домѣ. Среди народа существовало повѣрье, что если пришедшій навѣстить раненаго былъ братоубійца (мехаадде) или убійца невиннаго человѣка (канлы), то ударъ молота не производилъ звука. Если такой человѣкъ, говорили черкесы, прикоснется къ чашкѣ съ водою, то яйцо тамъ положенное непремѣнно лопнетъ, и тѣмъ обнаружитъ преступленіе посѣтителя. По этому всѣ убійцы не касались до чашки рукою, но старались однакоже скрыть это отъ присутствующихъ.

— Богъ да содѣлаетъ тебя здоровымъ! произносилъ посѣтитель, подходя къ постелѣ больнаго и слегка окропляя одѣяло его водою, взятою изъ чашки.

Входившіе къ больному и выходившіе отъ него должны были переступать черезъ порогъ съ крайнею осторожностію, чтобы не задѣть его ногою, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, это могло повредить раненому и считалось для него неблагопріятнымъ предзнаменованіемъ.

Помѣстивъ раненаго въ домѣ, тотчасъ же призывали доктора, который и оставался при немъ до выздоровленія. Каждую ночь у постели больнаго собиралось множество народу: старики и молодые, пріѣзжіе и аульные жители — всѣ считали своею обязанностію навѣстить его. Въ самый короткій срокъ, аулъ становился сборнымъ мѣстомъ посѣтителей не только сосѣднихъ, но и дальнихъ дворянъ и лицъ высшаго званія. Изъ этого общаго правила не исключались и дѣвицы. Имъ не только предоставлялось право, но считалось весьма приличнымъ и необходимымъ навѣстить раненаго. Хозяйка дома или ея дочери спѣшили пригласить къ себѣ своихъ сосѣдокъ и тѣмъ дать имъ случай исполнить обычную вѣжливость и вниманіе къ больному. Женщинамъ же, напротивъ того, народный обычай строго воспретилъ подобныя посѣщенія.

Посѣтители, окружавшіе больнаго, старались не давать ему заснуть и съ этою цѣлію раздѣлялись на двѣ партіи, изъ коихъ каждая силилась превзойти другую въ изобрѣтеніи средствъ къ развлеченію больнаго. Передъ глазами его происходили различнаго рода игры и пѣніе. Сначала пѣли пѣсни, сложенныя исключительно для подобнаго случая, и затѣмъ, если больной находился внѣ опасности и былъ веселъ, то переходили къ обыкновеннымъ пѣснямъ, а въ противномъ случаѣ тянули прежнія пѣсни до усталости.

Дѣвицы, находившіяся въ обществѣ окружавшемъ раненаго, принимали особенное участіе въ играхъ, изъ которыхъ наиболѣе употребительною считалась—*рукобитье*.

Кто-нибудь изъ посѣтителей, подойдя къ одной изъ дѣвицъ, требовалъ, чтобы она протянула ему свою руку, и билъ ее по ладони, послѣ чего она, въ свою очередь, подходила къ одному изъ мужчинъ, съ точно такимъ же требованіемъ. Въ этомъ и заключалась вся игра, тѣмъ не менѣе она продолжалась весьма долго, потому что, по замѣчанію автора-туземца, «никакая другая забава въ сихъ сборищахъ не доставляетъ столько удовольствія мужчинамъ. Вѣроятно и дѣвицамъ не бываетъ непріятно позабавиться съ моло-

дыми наѣздниками, которые привлекаютъ ихъ вниманіе, потому что онѣ играютъ въ рукобитье весьма охотно».

Крикъ, шумъ и толкотня окружали больнаго постоянно и продолжались до тѣхъ поръ, пока присутствующіе не устанутъ. Тогда, въ ожиданіи ужина, затягивались вновь пѣсни, относящіяся къ состоянію раненаго, но продолжались не долго. Напившись и наѣвшись до сыта, мужчины расходились по домамъ, а дѣвицы, въ сопровожденіи друзей хозяина, переходили на женскую половину и тамъ, дождавшись утра, расходились по своимъ саклямъ. Съ наступленіемъ сумерокъ общество вновь собиралось для того, чтобы повторить вчерашнее. Такія сборища, шумъ и гамъ продолжались у постели раненаго до тѣхъ поръ, пока онъ не выздоравливалъ или не умиралъ.

«Разумѣется, говоритъ тотъ же авторъ—туземецъ, что если нѣтъ надежды на выздоровленіе, когда больной явно приближается ко гробу, сборища бываютъ не веселы, слѣды унынія замѣтны на лицахъ посѣтителей, которые, въ такомъ случаѣ, не многочисленны и состоятъ по большей части изъ друзей больнаго и хозяина дома его содержащаго. Но пѣсни не прекращаются и въ послѣднюю ночь жизни больнаго».

Народный этикетъ требовалъ, чтобы самъ больной, не смотря ни на какія страданія, принималъ участіе въ забавахъ и увеселеніяхъ. При входѣ и выходѣ посѣтителей, онъ долженъ былъ вставать съ постели, а если не могъ этого сдѣлать, то приподнимался съ изголовья. Больной, охавшій, морщившійся и не приподнимавшійся съ постели, навлекалъ на себя дурное мнѣніе и подвергался насмѣшкамъ; оттого черкесы во время болѣзней были всегда терпѣливы до чрезвычайности.

Часто случалось, что во все время болѣзни раненаго, его родственники и близкіе знакомые присылали отъ себя скотъ и разнаго рода припасы, необходимые для приготовленія пищи. Когда больной выздоравливалъ, тогда хозяинъ дома, гдѣ онъ лечился, устраивалъ въ честь его праздникъ, дѣлалъ выздоровѣвшему подарки и вознаграждалъ лекаря. Послѣднему, кромѣ того, поступали всѣ кожи отъ быковъ и барановъ, съѣденныхъ во время леченія. Съ своей стороны, выздоровѣвшій награждалъ подарками женщину, которая мыла ему бинты и тряпки; дѣвушку, обводившую черту внутри комнаты, гдѣ онъ лечился; хозяина дома, въ которомъ онъ лежалъ, и доктора, съ которымъ люди бѣдные торговались предварительно, а лица знатнаго происхожденія предварительныя условія съ докторомъ считали дѣломъ предосудительнымъ ([1]).

Таковъ былъ уходъ за раненымъ, способъ его леченія и увѣренность черкесовъ въ участіи въ этомъ дѣлѣ Тлепса.

([1]) Этнографическій очеркъ черкескаго народа, барона Сталя (рукопись). Остатки христіанства и проч. Кавказъ 1846 г. № 42. Миѳологія черкескихъ народовъ Султанъ-ханъ Гирея. Кавк. 1846 г. № 35. Воспомин. кавказс. офицера. „Русскій Вѣстникъ“ 1864 г. № 12. Свѣдѣніе объ атыхейцахъ Шахъ бекъ-Мурзина. Кавк. 1849 г. № 37. Вѣра, нравы, обычаи и образъ жизни черкесовъ. Русскій Вѣст. 1842 г. т. 5.

Кромѣ Тлепса, черкесы почитали еще и многихъ другихъ лицъ, отличавшихся святостію своей жизни.

Всѣ жители, обитавшіе между бассейнами рѣкъ Туапсе и Шахе, почитали священнымъ мѣстомъ урочище *Ханъ-Кучій* (что, въ переводѣ, означаетъ священная роща), гдѣ и совершали богослуженіе. Посреди рощи находится могила; въ ней, по преданію, похороненъ человѣкъ, который дѣлалъ много добра ближнимъ, извѣстенъ былъ въ народѣ своего храбростію, умомъ и, доживъ до глубокой старости, былъ убитъ громомъ. Звали его Кучій, но какъ князь на мѣстномъ нарѣчіи называется ханъ, то и роща получила названіе *Ханъ-Кучій*.

По увѣренію туземцевъ, больные, принесенные въ рощу, получали облегченіе, а просьбы молившихся у могилы всегда исполнялись. По воскреснымъ днямъ, въ рощѣ совершались богослуженія и приносились жертвы, особенно во время голода и разныхъ народныхъ невзгодъ и бѣдствій. Когда народъ собирался въ рощѣ, тогда закалывали жертву и кровью ея поливали могилу Кучія, а въ память жертвоприношенія вбивали въ дерево, растущее надъ могилой, желѣзный или деревянный крестъ. Дерево все унизано такими крестами и, по наслоенію его, видно, что нѣкоторые изъ нихъ вбиты болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Послѣ жертвоприношенія совершались молитвы; мясо животнаго раздавалось нищимъ; присутствующіе предавались потомъ пиршеству: ѣли, пили, плясали и стрѣляли въ цѣль. Жители окрестныхъ ауловъ, питая особое уваженіе къ этой рощѣ, со страхомъ смотрѣли на то, какъ русскіе солдаты, въ 1865 году, рубили въ ней деревья. Проводники-туземцы просили позволеніе не располагаться въ рощѣ вмѣстѣ съ отрядомъ, а внѣ ея; уговаривали солдатъ не рубить деревьевъ и, наконецъ, объявили, что русскихъ за такое святотатство постигнетъ кара небесная.

Замѣчательно, что на одномъ изъ деревьевъ этой рощи была прибита дубовая доска, съ вырѣзанною на ней надписью плохими славянскими буквами: «*Здѣсь потеряна православная вѣра. Сынъ мой, возвратись на Русь, ибо ты отродье русское*». Эта надпись даетъ нѣкоторымъ возможность предполагать, что небольшое племя, извѣстное подъ именемъ *хакучей*, состояло изъ русскихъ выходцевъ—какъ говорятъ бѣжавшихъ когда-то некрасовцевъ, нашедшихъ пріютъ въ горахъ и одичавшихъ (1).

Изъ всего сказаннаго видно, что вообще жители морскаго прибрежья и горныхъ ущелій, не имѣя опредѣленныхъ религіозныхъ понятій, составили свою собственную религію, состоящую изъ смѣси язычества, христіанства и исламизма. Не говорю о магометанскомъ сословіи черкескаго народа, послѣдователи котораго все-таки имѣютъ какое-нибудь опредѣленное религіозное вѣрованіе. Но и тѣ, и другіе весьма шатки въ своихъ убѣжденіяхъ и, будучи грубы и мало образованы, до крайности суевѣрны.

---

(1) Экспедиція въ Хакучи въ 1865 году. А. Ржондковскій 3-й. Кавк. 1867 г. № 97.

Суровая, но величественная природа породила въ горцахъ вѣру въ существованіе множества духовъ: каждая рѣчка имѣетъ свою богиню (гоуаше), многія ущелья своихъ духовъ. Нѣкоторые туземцы разсказываютъ, что существуютъ богини-покровительницы ворожей и колдуній, и что послѣднія обращаются съ мольбами къ какимъ-то *тремъ божественнымъ сестрицамъ* (тхашерейпхъ-шерейпхумъ). У черкесовъ существуютъ и русалки, которыхъ они представляютъ себѣ прекраснѣйшими и очаровательными женщинами.

Черкесы убѣждены, что никто не можетъ избѣгнуть судьбы своей; вѣрятъ, что есть дни счастливые и несчастные, что колокольчикъ спасаетъ отъ воровства, что существуютъ злые духи, привидѣнія и домовые. Многіе увѣряютъ, что сами ихъ видѣли и съ большимъ трудомъ могли отъ нихъ скрыться. Существованіе духовъ разнаго рода и вида породили среди народа множество легендъ, не лишенныхъ поэтическаго достоинства. Приведу изъ нихъ болѣе замѣчательныя.

По преданію кабардинцевъ, на горѣ Эльбрусъ, а по сказанію другихъ поколѣній черкескаго народа—въ верховьяхъ Большаго-Зеленчука, называемаго ими Энджикъ-су, обитаетъ *джинъ-падишахъ*, духъ горъ, властитель духовъ и царь птицъ, которому извѣстно все будущее. Онъ знаетъ, что за старую вину его могущественный *Тга* пошлетъ великановъ покорить его мрачное царство; что великаны эти явятся изъ полуночныхъ странъ, гдѣ царствуетъ вѣчная зима. Сѣдовласому старцу не хочется разстаться со своими заоблачными владѣніями, которыя принадлежатъ ему отъ сотворенія міра, и вотъ, въ мучительной тревогѣ, онъ поднимается со своего ледянаго трона и зоветъ со всѣхъ высей и пропастей Кавказа огромныя полчища духовъ противъ ожидаемыхъ великановъ русскихъ (¹). «Когда онъ леталъ, то отъ ударовъ его крыльевъ тряслась земля, поднималась буря, море бушевало и, страшнымъ ревомъ своихъ волнъ, будило дремлющихъ въ его пучинахъ духовъ... Иногда со снѣжной вершины, гдѣ былъ тронъ царя, раздавались плачъ и стоны: тогда умолкало пѣніе птицъ, увядали цвѣты, вздымались и ревѣли потоки, вершины горъ одѣвались туманомъ, тряслись и стонали скалы, гремѣлъ громъ, все покрывалось мракомъ... Порой неслись гармоническіе звуки и пѣніе блаженныхъ духовъ, витавшихъ надъ трономъ грознаго владыки горъ, желавшихъ пробудить въ немъ раскаяніе и покорность волѣ великаго *Тга*: въ это время облака быстро исчезали съ лазурнаго неба; снѣговыя вершины сверкали какъ алмазъ; ручьи тихо журчали; цвѣты благоухали; повсюду водворялся миръ, тишина; но грозный старикъ не внималъ зову небесъ, угрюмо глядѣлъ въ будущее и изъ преисподней ждалъ помощи противъ русскихъ» (²).

Ежегодно, передъ новымъ годомъ, каждый кабардинецъ считаетъ своею обязанностію отправиться къ *джинъ-падишаху*. Джигитъ, исполнившій такой

(¹) Отдаленныя непокорныя общества въ великанахъ видѣли русскихъ.
(²) Закубанскій край въ 1864 году. П. Невскій. Кавказъ. 1868 года № 98.

обычай, цѣлый годъ будетъ имѣть удачу во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ: вражья пуля не достигнетъ до него, шашка не прикоснется къ его тѣлу, и онъ можетъ быть увѣренъ вполнѣ, что жизнь его будетъ безопасна до тѣхъ поръ, пока не придетъ время вновь идти на поклоненіе духу. Но какъ дойти до него? гора Эльбрусъ не для всѣхъ близка, да и подняться на нее трудно, и потому жители, не имѣя возможности проникнуть туда, гдѣ пребываетъ духъ, отправлялись на поклоненіе къ урочищу *Татаръ-Тупа*.

Подъ именемъ Татаръ-Тупа (въ переводѣ: *мѣсто подъ татарами*), въ прежнее время извѣстны были у кабардинцевъ башни, или *жулаты*, обращенныя татарами въ минареты. Жулатъ значитъ *часовня для доброхотныхъ дателей*, и ихъ, въ старину, было весьма много по берегамъ Терека, выше соединенія его съ р. Малкою. Туда издревле ходили черкесы на поклоненіе и тамъ приносили жертвы; тамъ кончались всѣ ссоры, тамъ произносились клятвы. Черкесы часто и теперь, во время клятвы, произносятъ: *«Татаръ-Тупъ пенже санъ»*, т. е. «да буду подъ Татаръ-Тупомъ хоть милліонъ разъ».

Кабардинцы до сихъ поръ питаютъ глубокое уваженіе къ курганамъ и древнимъ развалинамъ, въ особенности къ урочищу Татаръ-Тупа, лежащему на западномъ берегу р. Терека, въ семи верстахъ ниже р. Комбулея. Съ понятіемъ о развалинахъ этихъ, кабардинцы сохраняютъ преданіе о существованіи близъ него какого-то большаго города. Урочище и самыя развалины считаются убѣжищемъ для убійцъ, отъ преслѣдованія мстителей; здѣсь же прежде совершались всѣ договоры и тѣ клятвы, въ точности исполненія которыхъ обѣ стороны хотѣли быть увѣренными.

При самомъ поклоненіи джинъ-падишаху горцы произносятъ какія-то таинственныя слова и, въ знакъ посѣщенія своего, кладутъ въ ущелье нѣсколько пуль, ножъ или какую-либо вещь. То же самое происходило и въ вершинахъ Большаго-Зеленчука. Въ обоихъ ущельяхъ можно встрѣтить множество пуль, стрѣлъ, ножей, шашечныхъ клинковъ и разнаго вида мечей, ржавѣющихъ тамъ съ незапамятныхъ временъ. Никто изъ туземныхъ жителей не рѣшался тронуть ихъ, изъ боязни прогнѣвить духа горъ ([1]).

На той же горѣ Эльбрусъ, по сказанію черкесовъ, на самой ея вершинѣ, прикованъ великанъ за какіе-то грѣхи. «На высокой снѣговой горѣ, на самой вершинѣ ея, есть громадный шарообразный камень, на которомъ сидитъ старикъ съ длинною до ногъ бородой; все тѣло его обросло сѣдыми волосами, ногти на ногахъ и рукахъ очень длинны и похожи на орлиные когти; красные глаза его горятъ какъ раскаленные угли. На шеѣ, по срединѣ тѣла, на

([1]) О народныхъ праздникахъ и праздничныхъ обыкновеніяхъ христіанскаго населенія за Кавказомъ. Г. Вердеревскій. Кавк. 1855 г. № 1. О бытѣ, правахъ и обычаяхъ атыхейскихъ племенъ. Шахъ-бекъ-Мурзина. Кавказъ 1849 года № 37. Новый годъ въ Ставроп. губерніи. Кавказъ. 1855 г. № 7. Новѣйшія географическія и историческія извѣстія о Кавказѣ. С. Броневскаго, ч. II изд. 1823.

рукахъ и ногахъ тяжелая цѣпь, которою прикованъ онъ съ незапамятныхъ временъ. Онъ прежде былъ близокъ къ великому *Тга* (Богу) за свое благочестіе; но когда вздумалъ свергнуть его и стать выше, то погибъ въ борьбѣ и прикованъ къ скалѣ на вѣчныя времена. Немногіе его видѣли, потому что доступъ къ нему сопряженъ съ большими опасностями; никто не могъ видѣть его два раза: кто пытался этого достигнуть—погибалъ».

Давно, очень давно томится старикъ и находится, по большей части, въ оцѣпенѣніи; но когда пробуждается, то прежде всего обращается къ сторожамъ:

— Растетъ-ли на землѣ камышъ и родятся ли ягнята? спрашиваетъ онъ.

— Камышъ ростетъ и ягнята родятся, отвѣчаютъ безжалостные стражи.

Великанъ приходитъ въ бѣшенство, зная что будетъ томиться до тѣхъ поръ, пока земля не перестанетъ производить камышъ и ягнятъ. Съ отчаянія онъ рветъ на себѣ оковы, и тогда земля дрожитъ отъ его движеній; цѣпи его производятъ громъ и молнію; тяжелое дыханіе—порывы урагана; стоны—подземный гулъ; а слезы его—та бурная рѣка, которая съ неистовствомъ вырывается изъ подножія снѣжнаго Эльбруса (1).

Искреннее убѣжденіе въ существованіи различныхъ духовъ довело до того, что нѣкоторыя поколѣнія суевѣрнаго черкескаго народа имѣли своихъ геніевъ-покровителей. Натухажцы избрали своимъ геніемъ-покровителемъ *Хакусташа*, считая его въ то же время покровителемъ и домашнихъ пахатныхъ воловъ. Зажиточныя семейства, и до сихъ поръ, изъ числа своихъ воловъ посвящаютъ одного изъ этихъ животныхъ Хакусташу. Волъ этотъ не употребляется ни въ какую работу и носитъ названіе вола Хакусташа. Точно въ такомъ же почетѣ находился *Тугуплоху* у поколѣнія *надхо* и *Тугузитха* у поколѣнія *нетахо*, принадлежащихъ къ натухажскому народу.

Среди суевѣрія черкескаго народа особенно важную роль играли гадальщицы и колдуньи, или вѣдьмы.

Гаданьемъ обыкновенно занимались старухи, къ помощи которыхъ чаще всего прибѣгали несчастные влюбленные. Въ такихъ случаяхъ гаданіе производилось на нѣсколькихъ зернахъ фасоли (турецкій бобъ), съ однимъ камешкомъ. Къ чести гадальщицъ надо сказать, что изъ своего знанія онѣ не дѣлали ремесла, а гадали только изъ одного желанія услужить тѣмъ, кто прибѣгалъ къ нимъ за утѣшеніемъ. Самое же употребительное гаданье между черкесами производилось по лопаткѣ убитаго домашняго животнаго. Всматриваясь на свѣтъ въ эту кость, многіе, по замѣчаемымъ въ ней жилкамъ и линіямъ, предсказывали: будетъ-ли урожай хорошій или дурной, будутъ ли дождь, засуха, голодъ, холодная зима или война; словомъ сказать, опытный гадальщикъ или гадальщица могли предсказать всевозможныя бѣдствія или

---

(1) О народныхъ праздникахъ и проч. Е. Вердеревскаго. Кавк. 1855 г. № 1. Миѳологія черкескихъ народовъ. Султанъ-ханъ-Гирея. Кавк. 1846 г. № 35. Закубанскій край въ 1864 г. П. Невскій. Кавказъ 1868 г. № 98.

общественныя благополучія. Къ гаданію прибѣгали также собираясь въ набѣгъ на русскіе предѣлы. Послѣ роскошнаго угощенія, предводитель партіи бралъ косточку *чень* —бараній альчикъ—и бросалъ ее на полъ возлѣ камина. Если косточка падала гладкой поверхностью кверху, то это предвѣщало неблагопріятный исходъ предпріятію, и наоборотъ. Въ первомъ случаѣ, набѣгъ откладывался, а во второмъ тотчасъ же предпринимался. О предсказательной способности своихъ гадальщиковъ черкесы разсказываютъ чудеса, будто бы оправдывавшіяся на самомъ дѣлѣ. Такъ, по ихъ словамъ, одинъ изъ князей предсказалъ, что въ слѣдующую ночь необходимо быть готовымъ къ тревогѣ—и, дѣйствительно, аулъ въ ту же ночь былъ атакованъ непріятелемъ; другой былъ въ гостяхъ и, посмотрѣвши въ лопатку, увидѣлъ въ ней, что жена его, пользуясь отсутствіемъ мужа, сидитъ съ постороннимъ мужчиною. Поспѣшно осѣдлавъ коня, онъ поскакалъ домой; но когда сообщили объ этомъ его родному брату, бывшему среди гостей, тогда тотъ потребовалъ ту же самую лопатку.

— Братъ мой увидѣлъ, сказалъ онъ, посмотрѣвъ въ лопатку и улыбаясь, что съ женою его сидитъ наединѣ мужчина, но не разсмотрѣлъ, что мужчина этотъ родной младшій братъ ея.

Нарочно-посланные въ домъ гадальщиковъ, возвратившись, подтвердили справедливость сказаннаго.

Если, съ одной стороны, подобные гадальщики возбуждали удивленіе и уваженіе къ себѣ суевѣрнаго народа, то, съ другой стороны, черкесы жестоко преслѣдовали колдуновъ и вѣдьмъ. Такихъ людей они называли *удде*, признавали ихъ злыми и истребляющими своихъ собственныхъ дѣтей. Удде можетъ быть и мужчина, и женщина; послѣднія бываютъ чаще. Они находятся въ сношеніи съ нечистымъ и могутъ послать на человѣка всякую невзгоду. Изнурительныя дѣтскія болѣзни, зараза, падежъ скота и прочія несчастія приписывались дѣйствію дурнаго ихъ глаза. Поймать колдуна или колдунью на мѣстѣ преступленія не было возможности, потому что, по понятію черкеса, они, при помощи нечистаго духа, имѣютъ способность превращаться въ собакъ, кошекъ, волковъ и даже дѣлаться невидимками.

Между черкесами, въ особенности у шапсуговъ, существовало повѣрье, что удде разъ въ годъ, весною, въ извѣстную ночь, собираются на вершинѣ высокой горы *Себеркуасха*, находящейся въ верховьяхъ рѣчки Убинъ, и пріѣзжаютъ туда верхомъ на животныхъ разнаго рода, какъ домашнихъ, такъ и дикихъ. Шапсуги увѣряли, что сборъ вѣдьмъ и чертей на этой горѣ бывалъ каждую пятницу, въ двѣнадцать часовъ ночи. Отдавъ нечистому отчетъ въ своихъ поступкахъ, они проводили ночь въ пиршествахъ, пѣніи, пляскѣ, а съ разсвѣтомъ, схвативъ мѣшки—изъ которыхъ въ одныхъ заключались всѣ блага земныя, а въ другихъ все вредное человѣчеству—разлетались по домамъ своимъ. Такимъ образомъ всѣ болѣзни, которыми страдаетъ человѣчество весною, приписывались уддамъ. Если бы не было на свѣтѣ *«цысюе»*

(знахарь), то черкесы не знали бы какъ отдѣлаться отъ вѣдьмъ и колдуновъ. Цысюе или знахарь, имѣлъ способность узнавать чародѣевъ.

Чтобы снять болѣзнь, посланную вѣдьмой, призывали знахаря, который объявлялъ, что можетъ вылечить больнаго и снять съ него наговоръ вѣдьмы не прежде, какъ отыщетъ самую вѣдьму и, очищеніемъ, сниметъ съ нея свойство быть вѣдьмой и портить человѣчество. Ему представляли тотчасъ же всѣхъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ чародѣйствѣ. По щтательномъ осмотрѣ обвиняемыхъ, знахарь указывалъ на виновныхъ и отпускалъ признанныхъ невинными. Обвиняемыхъ въ чародѣйствѣ, если они не признавались въ своемъ грѣхѣ, подвергали пыткѣ: зажигали въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга два костра, а иногда и три. Обличаемую жертву раздѣвали до-нага, связывали, сажали между пылающихъ костровъ и парили у огня. Знахарь, а иногда вмѣсто него и мулла, при стеченіи народа, допрашивалъ у него имена сорока чертей, съ которыми онъ, какъ обвиняемый въ чародѣйствѣ, долженъ быть въ сношеніи и союзѣ. Бѣдная жертва, терзаемая мученіями, сознавалась въ небываломъ преступленіи, и тогда приступали къ ея очищенію. Убивали совершенно черную, безъ всякихъ пятенъ и отмѣтокъ, собаку, вынимали изъ нея печень и, воткнувъ зажаренный кусокъ ея на вѣтку терновника, совали его въ ротъ мнимому чародѣю. Несмотря на крикъ жертвы и боль причиняемую терновникомъ, ее заставляли съѣсть это лакомое блюдо, и тѣмъ же терновникомъ прочищали горло. Между тѣмъ, жареная печенка производила тошноту и рвоту, а народъ увѣрялъ, что чародѣй изрыгаетъ изъ своей внутренности все зло тамъ скрывающееся. Уничтоживъ, такимъ способомъ, у виновнаго всякую способность къ чарамъ и взявъ съ него клятву на всегда бросить сношенія съ нечистымъ духомъ, его освобождали. Впрочемъ, чародѣйная сила могла опять проявиться у такого человѣка, если онъ, въ теченіе тридцати дней послѣ очищенія, успѣвалъ украдкою съѣсть куриное яйцо или куриное мясо, а потому народъ весьма строго слѣдилъ за этимъ тридцатидневнымъ карантиномъ (1).

Точно такъ же поступали черкесы и тогда, когда полагали, что свирѣпствующая повальная болѣзнь въ околодкѣ причинена колдунами или вѣдьмами. Составлялась инквизиціонная комисія, которая переходила изъ аула въ аулъ, отыскивая вѣдьмъ и колдуновъ — виновниковъ болѣзни. Предводителями такихъ комисій служили *цысюе*, или какая-нибудь старуха, которая была сама въ подобной передѣлкѣ и нѣкогда обвинялась въ чародѣйствѣ. Поводивъ толпу изъ одного аула въ другой, предводитель или предводительница указывали

(1) Вѣрованія, религіозные обряды и предразсудки у черкесовъ. Л. Люлье. Зап. Кавк. отд. им. рус. геогр. общес. книга V. Этнограф. очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукопись). Остатки христіанства и проч. Іоанна Хаврова. Кавк- 1846 г. № 42. Эпизодъ изъ жизни шапсуговъ. А. Ржондковскій. Кавк. 1867 г. № 70. Бассейнъ Псекупса. Николай Каменевъ. Кубанс. вѣдом. 1867 г' № 49. Вѣра, нравы, обычаи, образъ жизни черкесовъ. Рус. Вѣст. 1842 г. т. 5.

по большей части на какое-нибудь уединенное мѣсто, гдѣ, по ихъ мнѣнію, спрятаны были чарующіе предметы, которые служили причиною несчастій и болѣзни. Такой предметъ отыскивали: онъ состоялъ преимущественно изъ разноцвѣтныхъ нитокъ, связанныхъ въ узелки, и тогда совѣтовали предостерегаться отъ нихъ. Народъ успокоивался.

Однимъ изъ самыхъ слабыхъ проявленій колдовства черкесы признавали порчу отъ дурнаго глаза. Народъ утверждалъ, что есть цѣлыя семейства, у которыхъ дурной глазъ переходитъ по наслѣдству, изъ одного поколѣнія въ другое. Въ предохраненіе отъ столь вреднаго дѣйствія они носили на себѣ, надѣвали на дѣтей и привязывали въ уздамъ любимыхъ лошадей стихи изъ корана, или завернутый въ тряпочку кусокъ дерева, въ которое ударила молнія.

Въ заключеніе всего сказаннаго о суевѣріи черкескаго народа, нельзя не упомянуть о томъ страхѣ, который успѣли внушить народу муллы относительно картинъ всякаго рода, въ особенности портретовъ, и вообще изображенія человѣческихъ фигуръ. Очерки животныхъ, цвѣтовъ и разнаго рода видовъ черкесы еще переносили, но какъ только увидятъ запрещенные кораномъ *суреты* — какъ они называютъ картины—съ изображеніемъ фигуры человѣка, такъ тотчасъ же старались соскоблить или замарать ихъ (¹).

— Откуда берешь ты смѣлость, сказалъ однажды черкесъ своему русскому плѣнному, такъ сходно изображать человѣка, созданнаго по подобію Аллаха? Души ты не можешь вѣдь дать твоему изображенію. Смотри, когда ты умрешь, на томъ свѣтѣ твои суреты отнимутъ у тебя покой, требуя для себя безсмертной души; а откуда ты ее возьмешь?...

Никто изъ русскихъ не обращалъ, съ такимъ успѣхомъ, въ свою пользу суевѣрія черкесовъ, какъ генералъ Г. Х. Зассъ. Человѣкъ характера твердаго и веселаго, вѣрный данному слову, всегда шутливый съ горцами, Зассъ пользовался уваженіемъ черкесовъ, которые чтили въ немъ истинно-рыцарскую храбрость. Черкесы звали его *шайтаномъ* (чортомъ), за тѣ штуки и фокусы, которые Зассъ имъ показывалъ. При помощи волшебныхъ зеркалъ, панорамы, электрической машины, музыкальной табакерки и прочихъ вещей, онъ сильно дѣйствовалъ на воображеніе горцевъ и извлекалъ изъ того значительную для себя пользу.

Когда являлись къ нему почетные гости изъ непокорныхъ племенъ, то, принимая ихъ у себя, Зассъ подражалъ ихъ обычаямъ. Посѣщая Засса, почетные князья и уздени снимали шашки, пистолеты, и все это клали въ залѣ на столъ; ружья обязаны были сдать своимъ оруженосцамъ, при входѣ въ комнату. Нѣсколькимъ офицерамъ поручалось вынуть незамѣтно пули изъ пистолетовъ и передать ихъ Зассу. Послѣ окончанія переговоровъ о дѣлѣ, за-

---

(¹) Воспоминанія кавказскаго офицера. „Русскій Вѣст.“ 1864 г. № 11.

вязывался разговоръ о молодечествѣ горскихъ наѣздниковъ, мѣткости ихъ стрѣльбы и проч.

— Для чего вы носите за поясомъ пистолеты? неожиданно спрашивалъ Зассъ. — Вы изъ нихъ не попадете въ цѣль и на десять шаговъ.

Озадаченные такимъ вопросомъ и мнѣніемъ о нихъ, горцы начинаютъ разувѣрять въ несправедливости такого мнѣнія; говорятъ, что они стрѣляютъ изъ пистолетовъ такъ же хорошо, какъ и изъ ружей. Зассъ предлагаетъ одному изъ нихъ взять свой пистолетъ и, выстрѣливъ въ него, посмотрѣть: попадетъ-ли пуля или нѣтъ? Улыбка и недовѣріе выражаются на лицахъ гостей, и, конечно, никто не рѣшается сдѣлать выстрѣлъ. Тогда Зассъ выставляетъ свою обложенную серебромъ шапку и проситъ попасть въ нее. Слѣдуетъ выстрѣлъ... шапка на мѣстѣ... она цѣла, а незамѣтно брошенная пуля катится къ ногамъ стрѣлявшаго; тотъ поднимаетъ и, видя, что пуля его, приходитъ въ ужасъ... Затѣмъ стрѣляетъ другой, и съ нимъ то же, потомъ третій и т. д.

Суевѣрные горцы приходятъ въ недоумѣніе и необъятный страхъ. Чтобы окончательно поразить своихъ гостей, Зассъ разсказываетъ имъ о своей чародѣйской силѣ, и такъ отпускаетъ гостей, которые убѣждаются, что этотъ человѣкъ водится съ чертями. Всѣ эти шутки, повидимому ничтожныя, имѣли на горцевъ огромное моральное вліяніе и за нихъ-то они прозвали Засса *шайтаномъ* — чертомъ.

Однажды, желая вознаградить своего лазутчика, генералъ положилъ двѣнадцать червонцевъ въ пакетообразную бумагу, въ которой, съ другой стороны, была оставлена пустота.

— Момтали! — такъ звали лазутчика — говоритъ Зассъ въ присутствіи многихъ постороннихъ горцевъ: я бы желалъ наградить тебя золотыми деньгами, да нѣтъ ихъ. Впрочемъ, я поговорю и поколдую съ невидимымъ чародѣемъ, который все для меня дѣлаетъ; можетъ быть изъ твоего пороха я успѣю сдѣлать золото. Достань свой патронъ и насыпь въ эту бумажку немного зеренъ.

Завернувъ тщательно бумажку, Зассъ приказалъ Момтали дуть на бумажку безъ перерыва.

— Довольно! сказалъ Зассъ, ты уже перевелъ духъ, но успѣлъ, впрочемъ, дунуть двѣнадцать разъ.

Положивъ бумагу на столъ и тщательно развернувъ ее, Зассъ показалъ всѣмъ присутствовавшимъ блестящіе червонцы. Всѣ пришли въ ужасъ... никто не хотѣлъ дотрогиваться до нечистаго золота, но потомъ любопытство пересилило: каждый бралъ червонцы въ руки, пробовалъ ихъ ножичкомъ, звонилъ, положа на ноготь — все увѣряло ихъ, что они дѣйствительно золотые. Быстро разнеслась по горамъ молва, что шайтанъ Зассъ изъ пороха дѣлаетъ золото. Услыхавшій объ этомъ темиргоевскій князь Шерлетуко потре-

бовалъ къ себѣ Момтали и, выслушавъ его разсказъ, осмотрѣлъ червонцы. Вскочивъ на коня, князь поскакалъ къ Зассу.

— Я видѣлъ, говорилъ князь генералу, сдѣланное тобою изъ пороха золото: умоляю тебя, научи меня этому искуству — я не боюсь чертей. Возьми моихъ женъ, дѣтей, все имущество, только ради Аллаха не откажи.

Трудно было отговориться отъ настойчивой просьбы отуманеннаго горскаго князя, важнаго по своему положенію; нужно было прибѣгнуть къ вліянію на это дѣло небесныхъ планетъ и единственнаго времени въ году. Спустя ровно годъ Шерлетуко не забылъ сказаннаго Зассомъ времени, въ которое можно дѣлать золото, и пріѣхалъ опять съ тою же просьбою; но и на этотъ разъ Зассъ отговорился разною небылицею.

Всѣ подобныя шутки приносили Зассу большую пользу; вліяніе его на горцевъ, и въ особенности на абадзеховъ, было самое сильное. Одни заискивали его расположенія, другіе искали его дружбы, и всѣ страшились его храбрости и разорительныхъ набѣговъ. Слава Засса гремѣла за горами. Шапсуги и убыхи часто пріѣзжали въ Прочно-Окопскую крѣпость, чтобы познакомиться съ нимъ.

При наступленіи каждаго лѣта, когда начинались полевыя работы, абадзехи, страшась зассовскихъ набѣговъ, принимали всю военную осторожность. Старшины же, отъ имени народа, пріѣзжали въ Прочный-Окопъ для переговоровъ о мирѣ. Тутъ постоянно являлись разныя дипломатическія недоразумѣнія относительно условій мира. Всегда выходило такъ, что абадзехи не уполномочили достаточно своихъ старшинъ и имъ необходимо было возвратиться, для того, чтобы спросить народъ и рѣшеніе у главнаго совѣта; словомъ, старались вести дѣло такъ, чтобы протянуть время, успѣть собрать съ полей хлѣбъ, свезти его въ лѣсистыя ущелья и тогда прекратить переговоры. Зассъ прикидывался непонимающимъ хитрости абадзеховъ, давалъ слово, что не будетъ дѣлать набѣговъ, а самъ распускалъ казаковъ для уборки ихъ полей и сѣнокоса. Какъ только казаки кончали свои полевыя работы, тогда объявлялось немедленнно, что всѣ переговоры съ абадзехами прекращаются, какъ съ людьми нетвердыми въ своемъ словѣ; что Зассъ болѣе старшинъ къ себѣ не принимаетъ, а постарается ихъ, за ложь и обманъ, наказать примѣрно. Въ разныхъ пунктахъ собирается отрядъ, стягивается къ сборному пункту и, дождавшись прибытія лазутчиковъ, отправляется за рѣку Лабу.

Во время подобныхъ набѣговъ снимались разные виды ауловъ и ихъ окрестностей; изъ этихъ картинъ Зассъ сдѣлалъ себѣ панораму и пользовался ею при переговорахъ о мирѣ съ абадзехскими старшинами. Упрекая ихъ въ неискренности, онъ сильно дѣйствовалъ на ихъ воображеніе.

— Я знаю вашу мысль, говорилъ онъ старшинамъ, я знаю чего вы желаете, даже знаю что дѣлается у васъ въ аулахъ, кто теперь дома и кого

нѣтъ. Хотите-ли я покажу вамъ абадзехскій аулъ, напримѣръ, хоть-бы аулъ старшины Мисербія?...

Зассъ зналъ отъ лазутчика, что Мисербія нѣтъ дома.

— Кстати, продолжалъ онъ: вы говорите, что Мисербій дома, а на мой вопросъ въ аулѣ отвѣтили, что его нѣтъ дома .. Я знаю все, что у васъ дѣлается.

За картиною сидѣлъ переводчикъ, который обязанъ былъ отвѣчать на всѣ вопросы. Абадзеховъ подвели къ стеклу, врѣзанному въ дверь небольшой комнаты; картина была освѣщена и представляла большой видъ аула. Когда абадзехи взглянули одинъ за другимъ въ стекло и увидѣли аулъ Мисербія съ его окрестностями, то удивленію ихъ не было предѣловъ.

— Посмотрите, говорилъ одинъ изъ смотрѣвшихъ, даже и живыя мухи лазятъ по стѣнамъ сакли.

Зассъ предложилъ старшинѣ Шемонокову спросить: дома-ли Мисербій? Шемоноковъ подошелъ къ стеклу, посмотрѣлъ еще разъ и спросилъ.

— Мисербія дома нѣтъ, онъ уѣхалъ къ такому-то, отвѣтилъ глухой голосъ.

Абадзехи окончательно растерялись и, несмотря ни на какія просьбы, не соглашались болѣе смотрѣть въ стекло, говоря, что только одни черти могутъ переносить ихъ аулы на показъ Зассу.

— Отъ того-то онъ врасплохъ и нападаетъ на наши сборища и аулы, говорили абадзехи: онъ видитъ, гдѣ есть наши караулы и гдѣ ихъ нѣтъ.

Зассъ всѣми силами старался поддерживать такой суевѣрный страхъ и достигъ того, что абадзехи стали переносить свои аулы подальше отъ кордона, съ тою цѣлію, чтобы русскому отряду не было возможности достигнуть до нихъ въ двѣ ночи и самимъ имѣть время приготовиться для его встрѣчи. Повсюду абадзехи выставляли денные пикеты и ночные секреты и бдительность ихъ простиралась до того, что необходимо было прибѣгать къ хитрости, чтобы усыпить ихъ бдительность.

Въ началѣ 1838 года, желая наказать два аула за обманъ, Зассъ предписалъ начальникамъ частей, предназначенныхъ въ составъ отряда, двинуться въ станицу Усть-Лабу, но проходить туда не пограничными, а внутренними станицами. Пѣхота получила приказаніе слѣдовать поротно, переходить изъ станицы въ станицу по ночамъ и остановиться въ усть-лабинскомъ форштадтѣ. Самъ генералъ Зассъ объявилъ себя больнымъ.

Мнимая болѣзнь его такъ быстро развивалась, что онъ допускалъ къ себѣ только самыхъ близкихъ изъ горскихъ князей и узденей. Посѣщавшіе больнаго видѣли его въ постели, въ полуосвѣщенной комнатѣ, блѣднаго отъ искусно-наведенныхъ бѣлилъ, мечущагося изъ стороны въ сторону и говорящаго несвязныя рѣчи, переводимыя горцамъ черезъ переводчика. Всѣ окружавшія генерала лица ходили тихо, съ грустнымъ выраженіемъ лица, и посѣтители допускались только на самое короткое время.

Извѣстіе о томъ, что Зассъ сильно боленъ горячкою, быстро распространилось по горамъ. Абадзехи сдѣлали немедленно сборъ, на которомъ, выбравъ одного изъ самыхъ достойныхъ и уважаемыхъ своихъ товарищей, Унарукова, послали его тайкомъ вывѣдать всю истину и немедленно сообщить обо всемъ народу. Когда Унаруковъ явился въ одинъ изъ мирныхъ ауловъ на Кубани, то Зассъ лежалъ только что умершимъ. Въ комнату внесенъ былъ гробъ, въ домѣ суетились, охали, вздыхали, и когда появлялись тѣ изъ горцевъ, которымъ нужно было показать Засса, то ихъ вводили въ полурастворенную дверь. Зассъ лежалъ покрытый простынею въ видѣ савана, готовый для положенія во гробъ. Три восковыя свѣчи тускло горѣли надъ его изголовьемъ, и убранный гробъ стоялъ тутъ же.

«Мы всѣ знали о мнимой смерти Засса, говоритъ авторъ записокъ (¹); но, увидя его лежавшаго съ закрытыми глазами, вытянувшимся и съ сложенными на груди руками, сами стали сомнѣваться въ подложной его смерти. Одинъ изъ насъ, бывшихъ въ то время при Зассѣ, молодой казачій офицеръ, только что поднявшійся отъ лихорадочной болѣзни, не выдержалъ и громко зарыдалъ, такъ что чуть-было не испортилъ всего дѣла. Мы его вывели почти въ истерическомъ припадкѣ, а съ нимъ и кунаковъ, что ихъ еще болѣе укрѣпило въ истинной смерти Засса. Провожая горцевъ, сказали имъ, чтобы они предъувѣдомили всѣхъ близкихъ генералу друзей и знакомыхъ о смерти его и чтобы никто не ѣздилъ въ крѣпость дня два, потому что мы займемся, по нашей религіи, приготовленіемъ къ погребенію покойнаго, для чего ожидаемъ изъ Ставрополя другаго генерала».

— Когда все будетъ готово, говорили провожавшіе горцевъ, тогда извѣстимъ всѣхъ васъ, чтобы вы пріѣхали къ печальному церемоніялу.

Комедія была разыграна какъ нельзя лучше. Зассъ всталъ и самъ смѣялся надъ своимъ притворствомъ. Горцы, вернувшись въ свои аулы, разсказывали всѣмъ о видѣнномъ, а Унаруковъ, лично удостовѣрившійся въ смерти Засса, какъ съумасшедшій полетѣлъ съ этимъ извѣстіемъ за рѣку Бѣлую.

Сборище приняло Унарукова съ распростертыми объятіями и сдѣлало ему приличные подарки. Абадзехи закалывали скотъ и барановъ для пиршества, радуясь смерти Засса и избавленію отъ *шайтана*.

Дождавшись ночи, Зассъ сѣлъ на перекладную и отправился въ Усть-Лабу, гдѣ передневалъ. Къ вечеру, при закатѣ солнца, собрался отрядъ, переправился сначала за р. Лабу, потомъ за р. Бѣлую и на разсвѣтѣ, совершенно врасплохъ, захватилъ одновременно оба аула, лежавшіе одинъ отъ другаго въ недальнемъ разстояніи. Повсемѣстная тревога поднялась только тогда, когда отрядъ покончилъ дѣло и отступалъ, захвативъ плѣнныхъ, скотъ, имущество и предавъ аулы пламени.

(¹) Выдержки изъ записокъ о Г. Х. Зассѣ (рукопись). Записки эти, доставленныя мнѣ въ рукописи безъ имени автора, оказались принадлежащими г. Атарщикову (см. Воен. Сбор. 1870 г. № 8), которому и приношу мою искреннюю признательность.

Извѣстіе о разграбленіи ауловъ, достигшее до пировавшаго наканунѣ сборища абадзеховъ, поразило ихъ какъ громомъ. Долго абадзехи не хотѣли вѣрить, чтобы умершій Зассъ могъ опять явиться къ нимъ, но орудійные выстрѣлы подтверждали печальное извѣстіе. Все сборище бросилось догонять отрядъ, но было уже поздно: онъ былъ на переправѣ р. Бѣлой и часть передовыхъ войскъ заняла уже правый ея берегъ. Абадзехи поклялись или умереть, или покончить съ отрядомъ и не допустить самого шайтана Засса переправиться черезъ рѣку съ остальными войсками. Съ необыкновенною яростію насѣли они на отрядъ и жаркое дѣло это стоило большихъ потерь, понесенныхъ обѣими сторонами. Самъ Зассъ былъ раненъ въ упоръ изъ пистолета; пуля попала въ ногу, слегка повредила кость и впилась въ сѣдло.

По окончаніи дѣла, абадзехи, узнавъ что Зассъ раненъ, просили позволенія пріѣхать въ лагерь. Раны, полученныя въ бою, считаются большою честію, а потому въ подобныхъ случаяхъ всѣ князья и дворяне пріѣзжали поздравлять Засса, какъ съ какимъ-нибудь торжествомъ.

— Воскресеніе твое изъ мертвыхъ, говорили пріѣхавшіе старшины, было слишкомъ ощутительно для насъ. Мы не сердимся на тебя—насъ глупыхъ такъ и слѣдовало проучить: во-первыхъ, чтобы не довѣрялись слуху, а во-вторыхъ, чтобы не радовались чужой смерти. Предупреждаемъ же тебя, что мы постараемся отплатить тебѣ тѣмъ же.

— Повремените съ мѣсяцъ, отвѣчалъ имъ Зассъ, а то я, раненый, не въ силахъ буду самъ достойно принять васъ у себя.

Гости улыбнулись, но исполнили просьбу. Осенью они собрались въ значительномъ числѣ, съ намѣреніемъ напасть на станицу Усть-Лабинскую и Воронежскую.

Въ историческомъ разсказѣ, мы будемъ имѣть случай ближе познакомиться съ замѣчательною личностію генерала Засса, а теперь должны сказать только, что шуточками, фокусами и разными дѣйствіями, поражавшими суевѣрный народъ, Зассъ достигъ того, что непокорныя племена, постоянно отдаляясь отъ нашего кордона, мало по-малу переселились за р. Бѣлую. Это переселеніе дало возможность перенести кубанскую кордонную линію на р. Лабу и дать лучшій оборотъ дѣйствіямъ нашимъ на правомъ флангѣ кавказской линіи...

IV.

Характеръ черкеса.—Черкеская женщина и ея одежда.—Свобода дѣвушекъ.—Сватовство.—Плѣннопродавство. — Похищеніе невѣстъ. — Свадебные обряды. — Музыка, пѣніе и пляски.—Черкескія пѣсни.

Шаткость религіозныхъ убѣжденій и жизнь, проводимая въ постоянной опасности, сообщили черкесу такія особенности характера, которыя, въ осно-

ваніи своемъ, противорѣчатъ другъ другу. Въ народѣ, не имѣвшемъ никакихъ властей, каждый долженъ былъ заботиться о себѣ и объ общественной пользѣ, заводить связи и употреблять силу слова для огражденія своихъ интересовъ. Такое политическое устройство развиваетъ присутствіе духа, быстроту соображенія, а постоянныя физическія упражненія и дѣятельность способствуютъ развитію тѣлесной красоты, гибкости и силы. Черкесы богато одарены какъ умственными способностями, такъ и красотою; но всѣ духовныя способности употреблялись на хищничество и войну. Между черкесами то семейство, въ которомъ одинъ изъ членовъ не былъ убитъ или раненъ въ какомъ—либо сраженіи съ врагами, вошедшими въ предѣлы его родины, не пользовался уваженіемъ соотечественниковъ.

Храбрые по природѣ, привыкшіе съ дѣтства бороться съ опасностію, черкесы въ высшей степени пренебрегали самохвальствомъ. О военныхъ подвигахъ своихъ черкесъ никогда не говорилъ, никогда не прославлялъ ихъ, считая такой поступокъ неприличнымъ. Самые смѣлые джигиты (витязи) отличались необыкновенной скромностью; говорили тихо, не хвалились своими подвигами, готовы были каждому уступить мѣсто и замолчать въ спорѣ; за то на дѣйствительное оскорбленіе отвѣчали оружіемъ съ быстротою молніи, но безъ угрозы, безъ крика и брани. Заслуги своихъ великихъ людей черкесы воспѣвали обыкновенно послѣ ихъ смерти, но разсказываютъ, что, въ древности, знамѣнитѣйшій изъ витязей *Бхезинеко—Бексирзэ* удостоился этой чести при жизни. Онъ былъ уже въ глубокой старости, когда сыновья его поручили пѣвцамъ сложить жизнеописательную пѣсню объ ихъ отцѣ. Старецъ, узнавшій о томъ послѣ того, какъ пѣснь была уже сложена, призвалъ къ себѣ своихъ сыновей и пѣвцовъ, приказалъ имъ пропѣть сложенную пѣсню и, найдя въ ней описаніе такого подвига, который унижалъ одного изъ его соперниковъ славы, приказалъ порицаніе это выкинуть изъ пѣсни. Скромность почиталась въ старину между черкесами лучшимъ украшеніемъ человѣка.

Будучи чрезвычайно впечатлителенъ, черкесъ легко увлекался, но весьма скоро и приходилъ въ себя. Въ обращеніи съ соплеменниками былъ вѣжливъ, почтителенъ къ старшимъ, откровененъ, говорилъ смѣло и рѣзко то, что думалъ. Въ обращеніи съ русскими былъ всегда вѣроломенъ, холоденъ, натянутъ. Легкомысленный на обѣщанія, о скоромъ исполненіи обѣщаннаго мало думалъ. Страхъ дѣйствовалъ на черкеса мгновенно и сильно, но онъ скоро оправлялся и потомъ, съ необыкновенною настойчивостью продолжалъ прежнее, какъ бы дорого за это ему не пришлось поплатиться. Съ необычайною гибкостью переходилъ онъ отъ пирушки къ дѣятельности, отъ молитвы къ воровству, отъ благочестія къ злодѣянію. Религія была его единственная опора; но когда онъ не боялся наблюденія за собою соотечественниковъ, то весьма легко уклонялся отъ исполненія религіозныхъ обрядовъ и правилъ. Эта черта характера проявлялась и въ бою. Когда черкесъ находился въ составѣ партіи и принужденъ былъ сражаться въ присутствіи своихъ товарищей, то выказывалъ уди-

вительную храбрость и необыкновенные подвиги самопожертвованія. Онъ зналъ, что подвиги его видятъ всѣ, что храбрость его съ избыткомъ будетъ вознаграждена общею молвою; но на одиночномъ хищничествѣ, гдѣ не было свидѣтелей его поведенія, черкесъ не всегда хлопоталъ о блескѣ подвига, а старался скорѣе убить, ограбить или украсть что попало и затѣмъ убраться, избѣгая погони.

Черкесъ всегда былъ жаденъ къ деньгамъ: за деньги рѣшался на убійство, на измѣну; но, получивъ деньги, готовъ былъ раздать ихъ кому попадется съ щедростью и легкомысліемъ. Ведя непрерывную войну съ русскими, черкесы часто, за деньги, были лучшими проводниками для купцовъ, доставлявшихъ рогатый скотъ гарнизонамъ различныхъ крѣпостей (¹). Примѣры скупости были весьма рѣдки между черкесами; да и нельзя было быть скупымъ, когда въ обычаѣ народа укоренилось правило, что порядочный человѣкъ долженъ подарить вещь нуждающемуся по первому его слову или намеку. Стоило только похвалить чекмень, бурку, лошадь или другую вещь, какъ черкесъ тотчасъ же дарилъ вамъ ее. Эта щедрость составляла весьма важное условіе въ жизни черкеса, потому что бѣдный, ничего не имѣющій человѣкъ, могъ посредствомъ подарковъ тотчасъ же получить лошадь, оружіе, одежду и, такимъ образомъ, снарядиться на войну или на хищничество, а послѣднее давало уже ему средства къ существованію. Въ случаѣ, если онъ не получалъ просимаго въ подарокъ, то могъ взять вещь на подержаніе, на два и даже на три года, а лошадь можно было взять для ѣзды, въ чемъ никто не отказывалъ, зная, что, когда онъ пообзаведется собственнымъ имуществомъ, то вознаградитъ съ избыткомъ тѣхъ, которые способствовали его поправленію. И если, съ одной стороны, черкесъ не дорожилъ своимъ имуществомъ, то, съ другой стороны, когда дѣло шло на споръ, касалось его самолюбія, онъ готовъ былъ тягаться двадцать лѣтъ, за какого-нибудь украденнаго у него теленка, лишь бы только не уступить противнику, и тогда спорамъ и разбирательствамъ не было конца. Въ одномъ и томъ же человѣкѣ, страннымъ образомъ, соединялись: любовь къ пріобрѣтенію, достигавшая до сутяжничества, и щедрость, доведенная чуть ли не до отрицанія права на свою собственность. Несмотря на видимое легкомысліе, черкесъ владѣлъ характеромъ энергическимъ и многостороннимъ, въ которомъ скрывалась твердая настойчивость и необыкновенное терпѣніе. Послѣднее, особенно въ страданіяхъ, считалось у черкесовъ однимъ изъ первыхъ достоинствъ молодаго человѣка. Равнодушіе, съ которымъ они переносили боль, доходила до такой степени, что, въ этомъ случаѣ, легко было узнать между ними европейца, который могъ быть столько же безстрашенъ, какъ и черкесъ, но никогда не могъ сравниться съ нимъ въ терпѣливости.

(¹) Баронъ Сталь. Этнографическій очеркъ черкескаго народа (рукопись). Поѣздка къ восточнымъ берегамъ Чернаго моря С. Сафонова. Одеса изд. 1837 года.

Съ неподкупною любовью къ родинѣ, черкесъ сохранялъ твердую вѣру въ блестящую будущность своего народа. У полудикаго человѣка любовь къ родинѣ проявляется безсознательною привязанностію къ мѣсту рожденія, къ обычаямъ, которые онъ считаетъ лучшими въ мірѣ. Насильственно оторванный отъ родныхъ горъ и ущелій, онъ тоскуетъ. Бывали частые примѣры, что, изгнанный изъ общества и не имѣвшій возможности явиться, безъ явной опасности, на родину, часто ночью пріѣзжалъ на родныя ему поля, просиживалъ цѣлыя ночи вблизи того аула, гдѣ провелъ молодость, и съ разсвѣтомъ уѣзжалъ.

Для черкеса, жившаго въ маленькой независимой общинѣ, родина казалась ему большою; онъ видѣлъ, что она независима, воюетъ и заключаетъ миръ съ такими же сосѣдями, какъ она сама—и это придавало ему гордость и сознаніе собственнаго достоинства. Все иноземное, иноплеменное черкесъ ненавидѣлъ, гордился своею родиною, въ которой считалъ себя человѣкомъ не послѣднимъ, а играющимъ часто весьма важную, по его понятіямъ, роль. Спросите черкеса: откуда онъ родомъ?—онъ отвѣтитъ: шапсугъ или бесленѣевецъ, но отвѣтитъ съ такою серьезностью, какъ бы былъ вельможею огромнаго государства. Сознаніе собственнаго достоинства развило въ характерѣ черкесовъ заносчивость, а необузданная свобода сдѣлала ихъ неуживчивыми, самонадѣянными и въ высшей степени гордыми.

Особенности характера мужчинъ перешли частію и на женщинъ, которыя не менѣе гордились своимъ происхожденіемъ, отлично знали старшинство родовъ княжескихъ и дворянскихъ и важность каждаго рода. Необходимыя по этимъ статьямъ свѣдѣнія передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе, съ истинно-аристократическимъ отпечаткомъ.

Обращеніе черкескихъ дѣвушекъ было скромно и исполнено достоинства. Красота ихъ съ давнихъ поръ не находила соперницъ: правильныя черты лица, стройный станъ, маленькія руки и ноги, поступь, походка и всѣ движенія являли что-то гордое и благородное. Всѣ, кто только могъ видѣть черкескихъ женщинъ, свидѣтельствуютъ, что между ними встрѣчаются такія красавицы, при видѣ которыхъ невольно останавливаешься, пораженный изумленіемъ. «Про черкешенокъ» —говоритъ очевидецъ—«можно сказать, что онѣ вообще хороши, имѣютъ замѣчательныя способности, чрезвычайно страстны, но въ то же время обладаютъ необыкновенною силою воли».

Чтобы составить себѣ понятіе о красотѣ черкеской дѣвушки или женщины, представьте себѣ прелестные темнокаріе глаза, опушенные шелковистыми рѣсницами; взглядъ дѣвушки—то спокойный, съ томнымъ и страстнымъ выраженіемъ, то устремленный вдаль и пытливо перебѣгающій съ одного предмета на другой. «Нѣжный румянецъ», пишетъ очевидецъ, «разлитый по маленькимъ щечкамъ, самыя формы нѣжныя, почти воздушныя и, вмѣстѣ, столь совершенныя и пластичныя, все это, казалось, принадлежало возрожденной богинѣ любви. Съ другой стороны, дѣтски-спокойный взглядъ, благородно-обрисованное чело, розовыя линіи рта, которыя, казалось, скорѣе намекали

на кораловыя уста, чѣмъ обнаруживали ихъ, и что-то особенное во всей фигурѣ придавали дѣвушкѣ видъ такого благородства и достоинства, что всякое чувственное помышленіе исчезало при ея приближеніи».

Темно-каштановые волосы, подстриженные по-горски, оттѣняли необыкновенно бѣлое, нѣжное лицо и довершали очарованіе.

Конечно, понятіе о красотѣ женщинъ есть понятіе относительное; нельзя сказать, чтобы всѣ черкескія женщины безъ исключенія были красивы, но, во всякомъ случаѣ, онѣ служатъ лучшими представительницами прекраснѣйшаго бѣлаго, или, такъ называемаго, кавказскаго племени. Красотѣ ихъ очень много вредила оспа, для предохраненія отъ которой не предпринималось никакихъ мѣръ; плоскость стана отнимала также много красоты. Обычай надѣвать на дѣвушку корсетъ съ ранняго возраста и не снимать его до замужества, дѣлалъ то, что грудь красавицы не развивалась, слѣдовательно, красота женщины теряла многое.

Корсетъ этотъ, надѣваемый подъ рубашку, носитъ названіе *пша-кафтанъ* (дѣвичій кафтанъ). Пша-кафтанъ состоитъ изъ кожанаго, холщеваго или изъ какой другой матеріи корсета, съ шнуровкою спереди и съ двумя гибкими деревянными пластинками, сжимающими обѣ груди. Плоская талія и неполная грудь, по понятіямъ черкесовъ, первое условіе красоты дѣвушки [1]. Знатныя дѣвушки шили иногда корсетъ изъ краснаго сафьяна или бархата и обшивали его серебряными и золотыми галунами; въ послѣднемъ случаѣ онъ бывалъ съ короткими полами и серебряными застежками на груди. Такой корсетъ надѣвался сверхъ рубашки, подъ верхнею одеждою, и преимущественно въ дни праздниковъ. Хотя корсетъ вмѣстѣ съ ростомъ дитяти перемѣнялся и надѣвался съ единственною цѣлію дать дѣвушкѣ стройность и гибкость стана, но, сообщая красоту въ одномъ, препятствовалъ развитію груди, дѣлалъ ее чрезвычайно плоскою, а главное стѣснялъ движенія дѣвушки.

По выходѣ замужъ дѣвушки, молодой супругъ распарывалъ кинжаломъ шнуръ корсета, но дѣлалъ это съ особенною осторожностію, чтобы не захватить тѣла или сафьяна. Неловкость или ошибка, въ этомъ случаѣ, ставились молодому въ большое безчестіе. Разсказываютъ, что, послѣ снятія корсета, у молодой замужней женщины грудь выростаетъ въ двѣ недѣли.

У абадзеховъ и у нѣкоторыхъ шапсугскихъ фамилій дѣвушки не носили корсетовъ; оттого и женщины ихъ болѣе красивы и кокетливы.

Черкескій женскій костюмъ чрезвычайно живописенъ. Поверхъ широкихъ съуженныхъ къ низу шароваровъ, надѣвается длинная бѣлая рубашка изъ *бязи* (бумажнаго холста) или кисеи, разрѣзанная на груди, съ широкими рука-

---

[1] Воспоминанія кавказскаго офицера. „Русскій Вѣстникъ“ 1864 года, № 11 и 12. Этнографическій очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукопись). Племя адиге Т. Макарова „Кавказъ“ 1862 г. № 32. Отъ Зауралья до Закавказья Е. Вердеревскаго. „Кавказъ“ 1855 г. № 30. Экспедиція въ Хакучи 1865 года. Антонъ Ржондковскій. 3-й. „Кавказъ“ 1867 г. № 99.

вами и съ небольшимъ стоячимъ воротничкомъ. По таліи рубашка стягивается широкимъ поясомъ съ серебряною пряжкою. Сверхъ рубашки надѣвается шелковый бешметъ какого-нибудь яркаго цвѣта. Бешметъ шьется короче колѣна, съ короткими выше локтя рукавами, полуоткрытый на груди и украшенный продолговатыми серебряными или другими металическими застежками. На ногахъ легкіе красные, сафьяные чевяки, обшитые галуномъ; на головѣ круглая шапочка, съ небольшимъ околышемъ изъ смушекъ, обложенная серебрянымъ галуномъ; верхъ шапочки повитъ бѣлою кисейною чалмою, съ длинными концами, падающими за спину. Изъ-подъ шапочки вьются, всегда распущенные по плечамъ, волосы и придаютъ много прелести костюму и красотѣ дѣвушки (1).

Черкесы не скрывали своихъ дѣвушекъ; дѣвушки не носили покрывала, бывали въ мужскомъ обществѣ, плясали съ молодыми людьми и ходили свободно по гостямъ; каждый могъ видѣть дѣвушку и прославлять ея красоту. Замужнія женщины были скрыты для посторонняго глаза, въ сокровенныхъ комнатахъ сакли. Выходя изъ своего жилища, женщина должна была закрываться, потому что, по словамъ Магомета, «прелюбодѣяніе глазами преступнѣе прелюбодѣянія дѣйствіями» (2).

Черкескія дѣвушки были очень цѣломудренны, несмотря на предоставленную имъ свободу, и весьма рѣдко впадали въ ошибку. Нравственность черкескихъ женъ была также довольно строга, но примѣры нарушенія супружеской вѣрности бывали нерѣдки, въ особенности у шапсуговъ, гдѣ женщины необыкновенно хороши. Тамъ, несмотря на ревность мужей, невѣрность женъ часто служила поводомъ къ кровавымъ сценамъ; не менѣе того, шапсуги любили волокитство. Еще не такъ давно женщины пользовались у нихъ гораздо большею свободою и каждая должна была имѣть любовника. Это служило вывѣскою достоинства женщины и мужья гордились тѣмъ, что жены ихъ любимы другими мужчинами. Теперь не то: любовь къ постороннему мужчинѣ считается чувствомъ неприличнымъ и надо скрывать ее въ тайнѣ. Но то, что позволялось женщинѣ, то считалось во всѣ времена постыднымъ для дѣвушки, и потому онѣ всегда тщательно сохраняли свое цѣломудріе. Съ раннихъ лѣтъ всѣ мечты дѣвушки были направлены къ одной цѣли: выйти замужъ за безстрашнаго воина и чистою попасть въ его объятія. Малѣйшее увлеченіе со стороны мужчины приводило дѣвушку въ робость, и она съ неудовольствіемъ и страхомъ отталкивала отъ себя соблазнителя.

— Харамъ! (нечисто, запрещено) говорила она. Станешь моимъ мужемъ, все будетъ твое, а теперь ничего не позволю.

---

(1) Жена черкеса. „Кавказъ" 1847 г. № 11. О бытѣ, нравахъ и обычаяхъ атыхейскихъ племенъ. „Кавказъ" 1849 г. № 36. Воспомин. кавк. офиц. „Рус. Вѣстн." 1864 г. № 12.

(2) Мусульманское право. Торнау. Изд. 1866 г.

Черкесы рѣдко рано выдавали дочерей замужъ, и предоставляли часто имъ право самимъ выбрать жениха. На аульныхъ свадьбахъ дѣвушка могла видѣть молодыхъ людей, которые, въ свою очередь, давали ей замѣтить свою любовь взглядами и выстрѣлами въ честь ея, когда она танцовала; но разговоръ и какія-бы то ни было объясненія съ дѣвушкою не допускались. Черезъ друзей и довѣренныхъ лицъ молодой человѣкъ узнавалъ чувства дѣвушки, и тогда уже сватался. Хотя въ большей части случаевъ родители и не препятствовали дочери выбирать себѣ жениха, но случалось нерѣдко, что, давъ слово одному, способствовали другому, болѣе богатому и знатному, въ похищеніи своей дочери, а дѣвушка, разъ похищенная, становилась женою похитителя. Такая продажа дочерей хотя рѣдко, но случалась у черкесовъ и вызывала, со стороны обиженнаго жениха, кровавыя мщенія.

По основнымъ началамъ гражданскаго и уголовнаго права черкесовъ, невѣста составляла неотъемлемую собственность жениха. Если въ то время, когда невѣста находилась еще въ домѣ родителей, она была похищена другимъ, то женихъ не только былъ въ правѣ преслѣдовать похитителя, но обязанъ мстить ему. Такое оскорбленіе принадлежало къ числу нестерпимыхъ обидъ и, для возстановленія своей чести, женихъ, по обычаю страны, долженъ былъ рѣшаться на самыя крайнія мѣры, чтобы только получить удовлетвореніе. Ссоры подобнаго рода вызывали всегда со стороны обиженнаго ужасныя сцены. Родители, содѣйствовавшіе похищенію, лишались калыма (выкупа за дочь), а невѣста принадлежала, по праву, первому жениху, если похититель не успѣвалъ на ней жениться (1).

Слѣдующая легенда хорошо рисуетъ характеръ и поступки обиженнаго.

То было давно, очень давно, въ тѣ блаженныя времена, когда черкескія красавицы славились далеко, когда вся страна блистала ими, какъ небо въ темную ночь блистаетъ звѣздами, а наѣздники какъ метеоры, какъ вихрь летали по Черкесіи, оставляя за собою кровавые слѣды.

Какъ луна между звѣздами, блистала прекрасная Гюль, и какъ молнія сверкалъ знаменитый наѣздникъ Кунчукъ, созданный изъ дерзости, удальства и «готовый на хвостѣ чорта переплыть черезъ Азовское море».

Гюль часто засматривалась на удалаго Кунчука, а онъ былъ неравнодушенъ къ прелестной дѣвушкѣ. Сердца ихъ стремились другъ къ другу, и вотъ Кунчукъ, казалось, былъ близокъ къ блаженству, могъ назвать себя счастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ, потому что былъ женихомъ прекрасной Гюль. Онъ мечталъ уже о счастіи скоро назвать ее женою, какъ вдругъ несчастіе обрушилось ему на голову.

Однажды паша Азова былъ въ гостяхъ у сосѣда Кунчука. На праздникѣ этомъ была и прекрасная Гюль. Она поразила пашу своею красотою.

---

(1) Учрежденія и народные обычаи шапсуговъ и натухажцевъ Л. Люлье Зап. К. О. И. Р. Г. Об. кн. VII изд. 1866 г.

— Чья она? спросилъ паша.

— Невѣста Кунчука, отвѣчали ему.

— Что стоитъ? спросилъ опять паша.

Покупка турецкими сановниками черкешенокъ была не рѣдкость; плѣнно-продавство существовало въ Черкесіи почти до нашихъ дней. Жители сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря вели съ доисторическихъ временъ обширную торговлю людьми, и многія греческія колоніи, покрывавшія этотъ берегъ, обязаны были своимъ цвѣтущимъ состояніемъ единственно этой торговлѣ. Гаремы наполнялись черкешенками, торговля которыми, съ основаніемъ турками крѣпостей Анапы и Сухума, еще болѣе усилилась. Вывозъ въ Турцію женщинъ производился въ такомъ большомъ количествѣ, что нѣкоторые приписываютъ черкешенкамъ улучшеніе турецкой породы.

Сцены торговли женщинами ежедневно повторялись на черкескомъ берегу, не смотря на всѣ старанія нашихъ крейсеровъ прекратить эту торговлю. «Не оправдывая черкесовъ въ этомъ дѣлѣ», говоритъ очевидецъ, «я не буду и строго судить ихъ. У мусульманъ дѣвушка, выдаваемая замужъ, равномѣрно продается: отецъ, братъ или ближайшій родственникъ, у котораго она жила въ домѣ, будучи сиротою, берутъ за нее калымъ (плату, выкупъ). Черкесы притомъ-же рѣдко продавали своихъ дочерей, а продавали туркамъ преимущественно рабынь или плѣнницъ, отдавая ихъ въ руки своихъ единовѣрцевъ». Въ этой продажѣ, смотря глазами продаваемыхъ, не было ничего оскорбительнаго ихъ человѣческому достоинству. Проданныя почти всегда первенствовали въ гаремахъ богатыхъ турокъ, а когда на нихъ выпадала несчастная жизнь, то тутъ никто не винилъ продавца, объясняя, что проданной такъ было написано въ книгѣ судебъ. Почти каждая черкешенка, шедшая на продажу, мало горевала, лаская себя надеждою на будущія блага.

— Я здѣсь рабыня, говорила она, а тамъ, сказываютъ, буду непремѣнно госпожей; мнѣ дадутъ хорошія платья, дадутъ денегъ, я стану пересылать ихъ отцу и матери, а если будетъ много денегъ, такъ выкуплю ихъ на волю и перевезу къ себѣ за море.

Послѣ такого понятія туземцевъ о самой унизительной для человѣческаго рода торговлѣ, не удивительно, что паша, свыкшійся съ нравами черкесовъ, могъ спросить, что стоитъ Гюль: онъ зналъ, что за деньги можно купить на выборъ каждую черкешенку. Однако, на этотъ разъ, громкій смѣхъ присутствующихъ былъ отвѣтомъ на послѣдній вопросъ паши. Не оставляя своего намѣренія и плѣненный красотою дѣвушки, паша рѣшился, во чтобы то ни стало, пріобрѣсти красавицу. Часто тамъ, гдѣ не продаютъ явно, торгуютъ тайно: не одинъ возъ бархата, парчи, сукна и всякаго добра перешелъ тайкомъ изъ кладовой паши въ саклю отца Гюли. Она была продана...

Однажды утромъ, когда отецъ нарочно скрылся изъ дому, въ комнату Гюль вошелъ черкесъ.

— Кунчукъ требуетъ скорѣйшаго соединенія, сказалъ онъ ей шопотомъ:

отецъ твой скряга, онъ радъ будетъ, если ты убѣжишь къ жениху и тѣмъ избавишь его отъ издержекъ на свадьбу.

Гюль согласилась и съ нетерпѣніемъ ждала наступленія ночи; но день тянулся ей невыносимо долго. Когда темнота покрыла землю «*сорока покровами, а каждый изъ нихъ былъ чернѣе совѣсти кадія*», тогда къ терновой оградѣ дома, гдѣ жила красавица, подъѣхало человѣкъ десять всадниковъ. Гюль вышла къ нимъ навстрѣчу и въ одно мгновеніе мчалась уже по степи. Сердце ея билось отъ радости, что скоро увидитъ милаго; но она ошибалась: не Кунчуковы были то посланные, а *ногаи*, подосланные пашею, и съ ними тотъ черкесъ, который утромъ приходилъ обмануть красавицу. Гюль очутилась не въ объятіяхъ Кунчука, а въ ненавистномъ ей гаремѣ паши.

Долго несчастная не могла свыкнуться съ своимъ положеніемъ; едва паша приближался къ ней, какъ она грозила ему кинжаломъ и клялась зарѣзаться, если онъ еще хоть на шагъ подступитъ. Блѣдная какъ смерть, она тосковала и проводила безсонныя ночи. Такъ прошло нѣсколько дней, и тотъ кто былъ виною несчастія молодой красавицы, тотъ сталъ орудіемъ ея освобожденія. Предавшій и обманувшій Гюль черкесъ надѣялся сдѣлаться любимцемъ паши и первымъ богачемъ Азова, но ошибся въ своихъ предположеніяхъ.

— Ты вчера продалъ свою госпожу, сказалъ ему паша, а завтра продашь и меня, если кто посулитъ тебѣ много золота: знаемъ васъ!

Затаивъ злобу, черкесъ остался служить въ стражѣ паши, но съ твердою рѣшимостію отмстить ему; измѣнивши одинъ разъ, ему ничего не стоило измѣнить и въ другой—онъ сталъ теперь сообщникомъ Кунчука.

Бѣдный, опозоренный женихъ бросался изъ стороны въ сторону, искалъ случая возвратить красавицу и жестоко отмстить похитителю. Предложеніе черкеса было принято съ радостію, хотя въ душѣ онъ болѣе чѣмъ презиралъ измѣнника.

«Черныя тучи висѣли надъ Азовомъ; порой вырывалась изъ нихъ пламенная молнія, небо вспыхивало и снова темнѣло; дождь накрапывалъ, громъ грохоталъ глухо. Но городъ тихо засыпалъ; огоньки одинъ за другимъ погасли, и только окликъ часовыхъ на стѣнахъ крѣпости прерывалъ его могильное безмолвіе... Наконецъ и то стихло».

Въ такую ночь, на одной изъ стѣнъ крѣпости стоялъ часовымъ измѣнникъ-черкесъ. Онъ тихо спустилъ въ ровъ лѣстницу и осторожно, какъ змѣя, поползъ къ кучѣ панцырниковъ, притаившихся на землѣ неподалеку отъ крѣпости. Подползшій шепнулъ что-то на ухо Кунчуку — и сто броней заскользили по травѣ такъ тихо, что и сама трава не слышала шелеста и звука кольчугъ.

Изрубить стражу, разбить двери гарема и поджечь со всѣхъ сторонъ городъ было дѣломъ одного мгновенія для отважной шайки удалыхъ — и пре-

*

красная Гюль очутилась въ объятіяхъ Кунчука. Храброму джигиту было недостаточно, что онъ успѣлъ отнять и возвратить свою невѣсту: сердце его пылало мщеніемъ, и притомъ самымъ жестокимъ. Передавъ свою невѣсту въ надежныя руки товарищей, Кунчукъ, въ сопровожденіи измѣнника-черкеса, пошелъ отыскивать пашу, чтобы отмстить за безчестіе.

— А, жирный песъ! съ яростію закричалъ Кунчукъ, увидавъ пашу; ты не умѣлъ цѣнить моей дружбы, такъ умѣй почувствовать злобу мою.

Кунчукъ обнажилъ саблю.

— Мы съ тобою еще успѣемъ раздѣлаться, но прежде мнѣ надо отдать долгъ за дружбу этому измѣннику, сказалъ паша, указывая пистолетомъ на черкеса.

Выстрѣлъ грянулъ, и проводникъ Кунчука покатился...

— Вотъ награда ему за услуги, проговорилъ паша, а теперь твоя очередь.

Другой пистолетъ блеснулъ въ его рукѣ, но было уже поздно: сабля Кунчука тяжело опустилась надъ черепомъ паши, и, раздвоенный, онъ повалился къ ногамъ мстителя.

Азовъ пылалъ; въ подожженомъ городѣ кипѣла тревога. Партія Кунчука захвативъ невѣсту, плѣнницъ гарема и богатую добычу, спустилась по лѣстницамъ изъ крѣпости и скрылась въ степи. Одинъ Кунчукъ, оставшись на курганѣ, долго любовался дѣломъ своей мести, съ наслажденіемъ смотрѣлъ, какъ огненные языки огромнаго пламени лизали ненавистный ему Азовъ; но и онъ скоро оставилъ курганъ и присоединился къ своей семьѣ отважныхъ удальцовъ.

Достигнувъ береговъ Кубани, партія расположилась отдыхать. Наѣздники стреножили лошадей, построили два шалаша, одинъ для красавицы, другой для Кунчука, и старались веселостію превзойти другъ друга. Ночь прошла тихо и спокойно. На утро черкесы увидѣли за собою погоню, и только тогда, когда она была уже очень близко. Отдыхавшіе не успѣли собраться; погоня настигла и черкесы падали подъ ударами непріятельскихъ шашекъ. Кунчукъ отправилъ невѣсту и плѣнницъ къ переправѣ, но она была отрѣзана и занята непріятелемъ. — Переколовъ своихъ лошадей и сдѣлавши изъ нихъ завалы, черкесы дрались отчаянно, однако ряды ихъ рѣдѣли, число уменьшалось. Кунчукъ уговаривалъ прекрасную Гюль отдаться въ руки непріятеля; но она не соглашалась. Тогда отчаянный любовникъ охватилъ одною рукою ея станъ, другою, управляя страшною саблею, бросился, сквозь толпу враговъ, къ берегу Кубани. Пораженный смѣлостью наѣздника, непріятель разступился; Кунчукъ уже на берегу... но берегъ высокъ, внизу кипятъ бурныя волны глубокой рѣки, а сзади мечи неистовыхъ враговъ—значитъ смерть или плѣнъ—и онъ съ разбѣга бросился съ обрыва. Волны съ шумомъ разступились и, скрывъ на всегда подъ собою двухъ любовниковъ, бурно пѣнясь и клокоча, потекли обычнымъ путемъ...

Съ тѣхъ поръ крутой мысъ, видный съ восточной батареи Павловскаго

поста, въ верстахъ пяти отъ него, вверхъ по Кубани, черкесы называютъ *Кунчуковъ спускъ* [1].

Мщеніе, въ подобныхъ случаяхъ, не разбирало ни родства, ни дружбы; оскорбленный женихъ не щадилъ ни брата, ни дяди, и только тогда смывалъ съ себя пятно безчестія, когда укладывалъ на мѣстѣ своего обидчика. Въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія была памятна многимъ подобная вражда между двумя двоюродными братьями Хамурзиными, кабардинскими князьями. Адель-Гирей и Асланъ-Гирей, такъ звали двухъ братьевъ Хамурзиныхъ, поселились на Урупѣ. Между ними съ самаго малолѣтства возникло соперничество. Асланъ-Гирей былъ уменъ, пользовался отличною военною славою, но извѣстенъ былъ какъ человѣкъ злой и мстительный. Адель-Гирей, имѣя менѣе ума, затемнялъ своего противника добротою и рѣдкою красотою лица. Около этого же времени появилась на Лабѣ извѣстная красавица Гуаша-Фуджа (бѣлая княгиня), сестра бесленѣевскаго князя Айтеки Канукова. Оба брата почти одновременно домогались руки Гуаши-Фуджи, которой нравился Адель-Гирей. Но такъ какъ Асланъ-Гирей былъ богаче, пользовался значеніемъ у русскихъ, вліяніемъ на черкесовъ и никому не прощалъ нанесенной ему обиды, то находили опаснымъ явно отказать ему. Поэтому, не оскорбляя Асланъ-Гирея, Кануковъ обѣщалъ выдать за него сестру, съ условіемъ, *если она будетъ на то согласна*, а Адель-Гирею способствовалъ увезти ее, какъ бы силою или обманомъ, въ чемъ приняли участіе всѣ кабардинцы, не любившіе Асланъ-Гирея. Послѣдній, узнавъ объ этомъ происшествіи, поклялся, что братъ его не долго будетъ пользоваться своимъ счастіемъ. Преслѣдуя его вездѣ, пока друзья, по черкескому обычаю, старались примирить ихъ посредствомъ шаріата, Асланъ-Гирей отыскалъ Адель-Гирея, напалъ на него и ранилъ выстрѣломъ изъ ружья. Послѣдній, обороняясь, ранилъ, въ свою очередь, Асланъ-Гирея; случившіеся при этомъ кабардинцы розняли ихъ прежде, чѣмъ дѣло дошло до убійства. Асланъ-Гирей не хотѣлъ и слышать о примиреніи и сталъ мстить всѣмъ тѣмъ, кто содѣйствовалъ похищенію Гуаши-Фуджи. На Урупѣ образовались двѣ партіи, враждебныя другъ другу, и грабежи съ убійствами стали дѣломъ ежедневнымъ. Преслѣдуемый повсюду, Адель-Гирей, вмѣстѣ съ женою, бѣжалъ изъ-за Кубани въ Чечню, за Терекъ. Тогда Асланъ-Гирей, въ отмщеніе Адель-Гирею, убилъ его отца, а своего роднаго дядю, и самъ бѣжалъ къ абадзехамъ. Такъ кончилась эта кровавая вражда двухъ братьевъ.

Не смотря на всѣ ужасы подобныхъ сценъ, похищенія невѣстъ у черкесовъ были весьма часты, и бракъ съ похищеніемъ невѣсты предпочитался обыкновенному браку.

---

[1] Наѣздъ Кунчука, Султанъ-ханъ-Гирея. „Кавказъ“ 1846 г. № 37 и 38. Воспом. кавказскаго офицера „Русскій Вѣст.“ 1864 г. № 11. О политическомъ устройствѣ черкескихъ племенъ Н. Карлгофа. „Русскій Вѣст.“ 1860 г. № 16.

— Отъ не похищеннаго мяса, говорятъ черкесы, у волка дѣлается оскомина.

Сутки, проведенныя дѣвушкою въ домѣ похитителя, дѣлали ее законною женою. Тогда никто не въ правѣ былъ отнять ее и дѣло обыкновенно кончалось третейскимъ судомъ, который назначалъ калымъ (выкупъ), слѣдуемый въ уплату семейству. Плата назначалась соразмѣрно достатку жениха, и потому очень часто бывала меньше той, которую ему пришлось-бы заплатить, если бы онъ вздумалъ жениться путемъ обыкновеннаго сватовства.

Черкесы рѣшались на похищеніе еще и потому, что этимъ поступкомъ они освобождались, какъ ниже увидимъ, отъ издержекъ по свадьбѣ и отъ тягостныхъ церемоній во время сватовства. Надо прибавить еще и то понятіе, которое существовало въ народѣ относительно похищенія. Похитить невѣсту считалось дѣломъ молодецкимъ, такимъ, которое заслуживаетъ одобренія и подражанія. Кто не хищничалъ, тотъ не пользовался уваженіемъ въ народѣ, молодежь его преслѣдовала насмѣшками, *а женщины его презирали.* Черкешенки любили славу и доблесть: молодость мужчины, его красота и богатство—это такія качества, которыя ровно ничего не значили въ глазахъ дѣвушки, если съ ними не соединялись храбрость, краснорѣчіе и громкое имя. Дѣвушка, не задумываясь, предпочитала сѣдаго удальца юношѣ богатому и красивому. Другое условіе, чѣмъ руководилась дѣвушка при выборѣ жениха, было равенство происхожденія. Нигдѣ такъ строго не слѣдили за чистотою происхожденія, какъ между черкесами. Они были чрезвычайно разборчивы въ этомъ отношеніи, и такъ далеко заходили въ своихъ понятіяхъ о чистотѣ происхожденія, что княжеское званіе сохранялъ только тотъ, кто родился отъ брака князя на княжнѣ. — Рѣдкая дѣвушка согласилась бы выйти, а еще болѣе рѣдкіе родители выдать свою дочь за человѣка, не равнаго ей по древности рода. Исключеніемъ могли быть только слава жениха и его громкое имя. Разскажу легенду, относящуюся къ выбору жениха.

Давно то было, когда, въ горахъ и среди непроходимыхъ лѣсовъ, жилъ кабардинскій князь Джанъ-Киличъ-Улудай. Денегъ у него было что у солнца Ирана (персидскаго шаха?); рабовъ столько, сколько звѣздъ на небѣ. Самъ князь богатырь былъ, уносилъ съ чужаго двора быка на плечахъ, а идетъ по лѣсу—дубы передъ нимъ какъ тростинки валятся. Одинъ разъ вражій аулъ дани не внесъ: разсердился князь, свалилъ гору и задавилъ непокорныхъ. Казалось бы, чего не доставало князю, а онъ часто задумывался, хмурилъ брови, словно двѣ громовыя тучи.

Кручинится князь, что нѣтъ ему равнаго, что нѣтъ жениха для дочери-невѣсты, Шекюръ-Ханумъ, такой красавицы, которая могла бы быть жемчужиной среди райскихъ гурій.

Наконецъ Улудай собралъ къ себѣ своихъ узденей (дворянъ).

— Объявите, сказалъ онъ имъ, всему міру, отъ Дербента до Анапы, что

лишь тотъ назовется моимъ зятемъ, кто совершитъ такое дѣло, какого въ горахъ еще никто не совершалъ.

Съ тѣхъ поръ удалые князья, видѣвшіе Шекюръ-Ханумъ, не ѣли, не пили и не спали, а только мечтали о томъ, какъ бы оказать такую храбрость, чтобы стать достойнымъ красавицы; чтобы слава о подвигѣ, достигнувъ до ушей ея, проникла въ самое сердце, а это у женщинъ лучшій и прямой путь къ любви.

Прошелъ мѣсяцъ, прошелъ и другой; на дворъ къ Джанъ-Кличу прискакалъ витязь, закованный весь въ броню. По обычаю, уздени князя встрѣтили гостя, приняли лошадь, оружіе и отвели его въ кунахскую.

— Селямъ-алейкюмъ! (Благословеніе Господне надъ тобою) проговорилъ гость, наклонивъ голову и приложивъ руку къ сердцу.

— Алейкюмъ-селямъ! (Да будетъ благословеніе и надъ тобой) отвѣчалъ гордый хозяинъ, не вставая съ мѣста.

— Я Джембулатовъ, объявилъ пріѣзжій.

— Добро пожаловать! Имя знакомое... слыхалъ объ удальствѣ—садись.

— Цѣлому міру извѣстно, началъ опять гость, какого жениха ты хочешь для дочери. Ты зналъ моего отца: отъ Дербента до Анапы не было человѣка храбрѣе, сильнѣе и выше его. Когда, бывало, поднимется во весь ростъ, то луна задѣваетъ за макушку его головы.

— Правда, отвѣчалъ Джанъ-Кличъ—великъ былъ твой отецъ: самъ его видѣлъ и старики говорятъ, что горы ему по плечи; но когда мой отецъ выпрямлялся, то твой проходилъ подъ его ногами...

— Пожалуй, перебилъ его гость, не будемъ считаться отцами; скажу я лучше о себѣ. Собравъ пять тысячъ панцырниковъ, скакалъ я съ ними до Дона, разграбилъ русскія села и отогналъ пять тысячъ коней. Они тамъ на долинѣ, возьми ихъ въ калымъ за дочь; я сдѣлалъ то, чего никто еще не дѣлалъ на свѣтѣ, отъ Дербента до Анапы.

— Ты сдѣлалъ славное дѣло: но Кунчукъ сдѣлалъ больше тебя: со ста панцырниками онъ ворвался въ Анапу, убилъ пашу, сжегъ городъ, освободилъ свою невѣсту и ускакалъ обратно. Будь моимъ гостемъ, но мужемъ моей дочери не будешь.

На слѣдующій день является новый гость и претендентъ.

— Переплылъ я черезъ Терекъ одинъ, безъ товарищей, началъ пришедшій; ночью прокрался мимо караульныхъ въ станицу, перекололъ сонныхъ двадцать человѣкъ, отрѣзалъ у нихъ правыя руки, зажегъ станицу, вышелъ, никѣмъ непримѣченный въ общей суматохѣ, а тебѣ принесъ двадцать рукъ—вотъ они, перечти!.. Я сдѣлалъ то, чего никто не дѣлалъ—отдай мнѣ дочь свою.

— Видѣлъ я пожаръ станицы, отвѣчалъ Джанъ, и слышалъ, что ты это сдѣлалъ, но Хевсуръ Аната-Швили сдѣлалъ больше тебя. Изъ мести за смерть своего отца, онъ днемъ пришелъ въ кистинскій аулъ, въ домъ старшины, окруженнаго семействомъ; на вопросъ: зачѣмъ явился? Аната отвѣчалъ: за твоею

головой, въ отмщеніе за смерть отца. Старшина захохоталъ, но Аната однимъ взмахомъ кинжала снялъ его голову, схватилъ ее, пробился къ выходу изъ сакли, прошелъ аулъ сквозь толпу кистиновъ, поражая на смерть всѣхъ встрѣчныхъ, убилъ тридцать человѣкъ, скрылся въ горы и, весь израненный, истекъ кровью на порогѣ родной сакли, принеся домой голову убійцы отца своего... Будь моимъ гостемъ, но мужемъ моей дочери—не будешь...

Много являлось молодыхъ князей разсказать свои подвиги Джанъ-Кличу, но не было между ними ни одного достойнаго руки прелестной Шекюръ-Ханумъ.

Однажды Джанъ-Кличъ отпустилъ всѣхъ своихъ узденей (дворянъ) и нукеровъ (служителей) на хищничество за Терекъ, и только самъ одинъ остался въ домѣ. Дверь въ кунахской неожиданно скрипнула; Джанъ-Кличъ обернулся—передъ нимъ стоялъ статный молодецъ.

— Добро пожаловать, что нужно? спросилъ онъ незнакомца.

— Пришелъ за твоею дочерью, отвѣчалъ тотъ.

— Ого, какой молодецъ! А знаешь-ли, что сотни славнѣйшихъ молодцовъ и удальцовъ всего свѣта напрасно домогались этой чести и никто не могъ получить!

— Знаю и смѣюсь надъ ними! —А я получу то, за чѣмъ пришелъ.

— Право?.. Что же ты сдѣлалъ такого, что бы давало тебѣ право быть счастливѣе сотни твоихъ предшественниковъ?

— Пока ничего, а сдѣлаю...

— Когда сдѣлаешь, тогда и приходи.

— Не гони! увидишь, что сдѣлаю; но прежде ты скажи: самъ-то ты храбръ-ли, силенъ-ли?

— Слава Аллаху! отвѣчалъ Джанъ съ достоинствомъ: въ нашей фамиліи еще не было труса и имени Улудая боятся отъ Дербента до Анапы! А силенъ-ли я?.. Вотъ дѣдовскіе панцыри, подыми, если можешь... Я ношу ихъ на себѣ...

— О, да! ты храбръ и силенъ! ни тебя, ни предковъ твоихъ никто еще не побѣждалъ?...

— И не будетъ такого счастливца, отвѣчалъ съ самодовольствомъ Джанъ-Кличъ.

— Правда-ли?..

Вдругъ незнакомецъ вскочилъ, выхватилъ кинжалъ и приставилъ его къ груди Улудая.

— Слушай, сказалъ онъ ему: сопротивленіе напрасно, ты одинъ, а у меня—посмотри въ потолокъ—двѣнадцать нукеровъ цѣлятъ въ тебя.

Взглянулъ Улудай вверхъ и видитъ двѣнадцать дулъ, направленныхъ въ него сквозь крышу сакли.

— Я могу сдѣлать то, продолжалъ незнакомецъ, чего еще никто никогда не дѣлалъ: могу убить одного изъ Улудаевъ, убить тебя... Хочешь, сдѣлаю?

— Нѣтъ, не хочу.

— Но ты согласенъ, что могу сдѣлать то, чего еще никто не сдѣлалъ.

— Совершенно согласенъ.

— И такъ я исполнилъ условіе, по которому могу жениться на твоей дочери.

— Исполнилъ, и я исполню данное мною слово; но это еще не все.

— А что еще?

— Чтобы сдѣлаться мужемъ моей дочери, надо исполнить то, что она потребуетъ.

— Какъ такъ? объ этомъ не было объявлено.

— Нѣтъ, извини, условіе записано въ коранѣ андреевскаго эфендія Сулеймана.

Дѣлать было нечего; претендентъ, вмѣстѣ съ отцомъ, отправились къ красавицѣ. Прекрасная Шекюръ-Ханумъ сидѣла въ своей половинѣ на парчевыхъ подушкахъ, окруженная старухами. Красавица привѣтливо встрѣтила молодаго и статнаго князя.

— Мнѣ легко угодить, сказала она сладкимъ голосомъ, и съ лукавою улыбкою устремила на него свои взоры.

Князь отвѣчалъ, что готовъ для нея исполнить даже самое трудное дѣло.

— Сдѣлай самую обыкновенную вещь, сказала красавица. Если ты назовешь и сдѣлаешь сто дѣлъ и не отгадаешь задуманнаго мною и извѣстнаго этимъ тремъ старухамъ, то я не буду твоею женою.

— Изволь... я совершу намазъ.

— Разъ! провозгласили старухи и черкнули углемъ на стѣнѣ.

— Сдѣлаю пять омовеній.

— Два! просчитали старухи.

— Пообѣдаю.

— Три!

— Украду лошадь съ конюшни сосѣда.

— Четыре!

Сколько ни называлъ князь, но угадать не могъ, и дѣло самое обыкновенное не было названо.

— Ступай, подумай, сказала княжна, а то скоро будетъ то, что и ты потеряешь право на мнѣ жениться.

Опечаленный, вышелъ князь изъ сакли невѣсты. Смеркалось; можно было ожидать скораго возвращенія узденей и нукеровъ Джанъ-Клича, и тогда, конечно, женихъ сдѣлался бы жертвой своего наглаго поступка.

Князь торопился опять въ саклю невѣсты, говорилъ ей самыя обыкновенныя вещи, дошелъ до девяносто-девяти и не угадалъ. Положеніе становилось крайне затруднительнымъ. Какъ бѣшеный, выбѣжалъ молодой князь изъ сакли невѣсты: голова его горѣла, холодный потъ обдавалъ все тѣло, члены дрожали.

На дворѣ онъ слышитъ топотъ, видитъ чернѣющихъ вдали узденей Джанъ-Клича: смерть неизбѣжна.

— Я погибъ и храбрые товарищи! кричалъ онъ; пусть и она погибнетъ отъ моего кинжала — не доставайся никому! Князь съ гнѣвомъ бросился къ саклѣ, но въ это время изъ за угла показалась старуха: она не удержала на языкѣ тайны, подозвала къ себѣ князя, шепнула ему на ухо и сама поспѣшно скрылась.

Тотъ вбѣжалъ въ саклю Шекюръ-Ханумъ и, взволнованый, не могъ выговорить роковаго слова, а только показалъ на конецъ кинжала и баранью шкурку, которою обтягивается грудь черкешенокъ.

— Я твоя! радостно вскрикнула княгиня и протянула ему обѣ руки.

— Будь остороженъ, не порань груди въ первый день брака, сказалъ Улудай... (1).

Бракъ у мусульманъ бываетъ трехъ родовъ: постоянный, временный и бракъ съ невольницею. Постояннымъ бракомъ каждый мусульманинъ можетъ сочетаться съ четырмя женами. Временный бракъ допускается только у мусульманъ-шіитовъ и можетъ быть заключенъ на нѣсколько лѣтъ или на извѣстное число сближеній мужчины съ женщиною. Бракъ съ невольницами разрѣшается только тѣмъ мужчинамъ, которые, по своей бѣдности, не могутъ содержать жены свободнаго происхожденія.

Хотя многоженство и допускается магометанскимъ закономъ, но черкесы-магометане и тѣ, которые исповѣдуютъ особую свою религію и установили у себя правило допускающее многоженство, рѣдко пользовались этимъ правомъ. По большей части каждый имѣлъ только одну жену. Причина тому, во-первыхъ, бѣдность и неимѣніе средствъ на содержаніе нѣсколькихъ женъ, а во-вторыхъ, ревность женъ и безпорядки отъ того въ семействѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда черкесъ обзаводился нѣсколькими женами, онъ обязанъ былъ дать каждой изъ нихъ отдѣльную саклю и особую прислугу, что совершенно согласно и съ постановленіями ислама. Но и это на всегда удерживало прекрасный полъ отъ семейныхъ ссоръ и дрязгъ. Жены, не смотря на отдѣльныя жилища, не въ состояніи были поладить между собою, и старшая жена, при малѣйшемъ предпочтеніи оказанномъ второй женѣ, напримѣръ при неравномѣрной покупкѣ нарядовъ, дѣлала много непріятностей и безпорядковъ въ домѣ. Считая себя обиженной, первая жена призывала на помощь своихъ родныхъ. Начинались разбирательства и иногда дѣло доходило до того, что мужъ или разводился съ первою женою, или долженъ былъ отослать вторую домой. Всѣ эти причины заставляли черкеса отказываться отъ удовольствія имѣть нѣсколько женъ.

До вступленія въ бракъ, мужчина собиралъ свѣдѣнія о невѣстѣ черезъ своихъ родственницъ. Онъ разузнавалъ о физическомъ состояніи невѣсты, о

(1) Чеченская сказка „Кавказъ" 1849 г. № 17. Авторъ назвалъ свой разсказъ чеченскою сказкою потому только, что ему расказывалъ чеченецъ. По своему же содержанію, она принадлежитъ къ быту черкесовъ.

ея дѣвственности, объ исполненіи ею обрядовъ мусульманской вѣры и способности имѣть дѣтей. По мусульманскому праву, между прочими качествами женщины, съ которою дозволено сочетаться бракомъ, требуется еще *велудь*—способность имѣть дѣтей. На основаніи корана, женщина, не могущая имѣть дѣтей по старости лѣтъ, не должна выходить замужъ [1]. По тому-же праву, бракъ считается дѣйствіемъ гражданскимъ, договоромъ обоюднаго согласія и, предварительно вступленія въ бракъ, требуется исполненіе обряда сватовства, гдѣ, черезъ повѣренныхъ съ обѣихъ сторонъ, изъявляется взаимное согласіе на вступленіе въ бракъ. Согласіе обозначается часто присылкою особаго подарка. Въ свою очередь, женихъ—въ прежнее время, когда черкесы носили панцыри и кольчуги—присылалъ панцырь въ подарокъ родителямъ невѣсты.

По кореннымъ законамъ Магомета, женщина, достигшая совершеннолѣтія, сама изъявляетъ свое согласіе на бракъ. Въ случаѣ малолѣтства невѣсты, изъявленіе согласія предоставляется опекуну, причемъ женщина, съ достиженіемъ совершеннолѣтія и при нежеланіи оставаться замужемъ, можетъ просить о разводѣ. Послѣдующіе толкователи корана, для уменьшенія числа подобныхъ разводовъ, постановили различіе между опекунами. По ихъ толкованію, согласіе, данное естественнымъ опекуномъ (отцемъ или дѣдомъ), считается непреложнымъ, и такая женщина не можетъ просить о разводѣ; прочимъ же опекунамъ предоставлено давать условное согласіе на вступленіе въ бракъ несовершеннолѣтней дѣвушки.

Сватовство съ колыбели хотя весьма рѣдко, но случалось и у черкесовъ; обыкновенно вскорѣ послѣ рожденія дочери, друзья условливались, что когда у одного выростетъ сынъ, а у другаго дочь достигнетъ совершеннолѣтія, то сочетать ихъ бракомъ. Проходило время; молодые люди, обрученные словами родителей, подростали, не подозрѣвая, что судьба ихъ рѣшена. Съ наступленіемъ мальчику 17, а дѣвушкѣ 16 лѣтъ, имъ объявляли о скоромъ счастіи ихъ ожидающемъ, и несчастные, часто не видавшіе другъ друга, исполняли волю своихъ родителей.

У православныхъ черкесовъ, въ настоящее время, сватовство происходитъ между родителями, а, за неимѣніемъ ихъ, близкіе родственники отправляютъ къ отцу невѣсты двухъ стариковъ, а къ матери невѣсты старухъ, которыя и дѣлаютъ предложенія. Въ случаѣ согласія, назначается день, когда родственники жениха должны принести подарки въ домъ невѣсты. Въ этотъ день, преимущественно вечеромъ, въ домѣ невѣсты собираются одни мужчины. Поздравивъ старика-отца невѣсты и пожелавъ молодымъ счастія въ супружеской жизни, гости садятся за столъ. Родственники жениха приносятъ вино и подарки: нѣсколько перстней для невѣсты и матеріи на платье; все это передается ея матери. Послѣ этой церемоніи накрываютъ столъ, приносятъ закуску и начинается угощеніе, среди котораго льются съ избыткомъ все-

---

[1] Мусульманское право Торнау; изд. 1866 года.

возможныя пожеланія жениху и невѣстѣ. Послѣдняя на такомъ вечерѣ не присутствуетъ; ее уводятъ изъ дому къ одной изъ родственницъ.

У остальныхъ черкесовъ, неправославныхъ и немагометанъ, сватовство состояло въ отправленіи въ домъ невѣсты, съ однимъ изъ родственниковъ или пріятелей, коня, котораго сватающійся поручалъ отдать отцу, брату или кому нибудь изъ семейства невѣсты. Конь оставался, если предложеніе принималось, а въ противномъ случаѣ его отсылали обратно приславшему. Подарокъ этотъ назывался *эужъ* и, по принятіи его родителями невѣсты, дѣвушка принадлежала уже жениху.

Послѣ сватовства, спустя нѣкоторое время, происходили смотрины и обрученіе. Въ назначенный день женихъ являлся въ домъ невѣсты и проводилъ время среди пиршества, сопровождаемаго обильнымъ количестомъ яствъ, вина, пляской и пѣніемъ. Съ наступленіемъ вечера, подруги наряжали невѣсту, выводили ее къ пирующимъ и ставили противъ жениха. Присутствующіе медленно подвигали невѣсту къ жениху, и когда они достаточно приближались другъ къ другу, тогда гасили огонь въ комнатѣ и соединяли ихъ руки. Въ этомъ, собственно, и состоялъ обрядъ обрученія, при которомъ родители невѣсты не присутствовали.

Послѣ обрученія женихъ приглашалъ къ себѣ родителей невѣсты для того, чтобы условиться о *калымѣ*, т. е. выкупѣ, платимомъ обыкновенно женихомъ родителямъ невѣсты. Иногда же, для заключенія условій о калымѣ, женихъ отправлялъ въ домъ своей невѣсты брата съ многочисленными друзьями, гдѣ они и проводили нѣсколько сутокъ до окончательной сдѣлки, при чемъ представители, со стороны жениха, каждый что нибудь платилъ за него. Въ продолженіе всего этого времени не было шутокъ удалыхъ и веселыхъ, которымъ бы не подвергали пріѣхавшихъ къ невѣстѣ. Всякую ночь молодежь собиралась въ домъ и проводила ее среди шума, игръ и шалостей, продолжавшихся до разсвѣта.

Въ старину, у черкесовъ, относительно калыма, существовалъ прекрасный обычай: человѣкъ, желавшій вступить въ бракъ, но не имѣвшій средствъ заплатить калымъ, собиралъ въ свой домъ какъ можно болѣе мужчинъ и объявлялъ имъ свое желаніе жениться; тогда каждый изъ гостей дѣлалъ ему подарокъ по своему состоянію.

Прежнее время, *калымъ* или *гебенъ-хакъ* былъ чрезвычайно высокъ. Плата за княжну обыкновенно состояла въ лучшемъ панцырѣ, стоившемъ двухъ рабынь; другой панцырь стоилъ одной рыбыни; налокотники — одной рабыни, другіе налокотники и шишакъ — одной рабыни; шашка одной рабыни, еще шашка похуже; пять лошадей, изъ которыхъ одна должна стоить рабыни, а остальныя безъ оцѣнки, но предоставлялись на выборъ родныхъ невѣсты. Вмѣсто вооруженія, если его не было, дозволялось платить рабынями. За дочь узденя (дворянина) платилось отъ 800 до 1,200 рублей, за крестьянку отъ 200 до 300 рублей. Съ теченіемъ времени калымъ значительно умень-

шился: за княжну платится теперь 500 рублей, за вдову 300 рублей. У узденей первой степени за дѣвицу платится 350 рублей, за вдову 200, а у прочихъ узденей за дѣвицу 220 рублей, за вдову—150 рублей, а за *черныхъ дѣвокъ* 160 рублей. У вольныхъ черкесовъ за дѣвицу 150 рублей, за вдову 100. У шапсуговъ и у натухажцевъ калымъ состоялъ: за дочь князя отъ 50 до 60 сха, а сха равняется отъ 60 до 80 быковъ; за дочь дворянина 30 сха, за дочь простолюдина 25 сха. Плата эта поступала къ отцу, брату или дядѣ невѣсты, а если у послѣдней не было вовсе родныхъ, тогда можно было жениться и безъ платы калыма. У тѣхъ поколѣній черкескаго народа, гдѣ не было такого сословнаго дѣленія, и гдѣ общественное благосостояніе было на весьма низкой степени развитія, калымъ уплачивался мальчиками или дѣвочками: за княжну отъ трехъ до восьми мальчиковъ или дѣвочекъ, а за простолюдинку отъ одного до двухъ дѣтей. Дѣти эти пріобрѣтались покупкою, преимущественно изъ дѣтей-рабовъ или захваченныхъ въ плѣнъ, и, за неимѣніемъ ихъ, часто замѣнялись соотвѣтственнымъ числомъ рогатаго или другаго скота ([1]).

Часть калыма выплачивалась или сразу, или въ извѣстные промежутки времени, а другая часть поступала въ *мехръ* невѣсты, ея собственность, которую она получала послѣ брака, въ видѣ приданаго. Мехръ составляетъ собственность замужней женщины и даже не засчитывается въ наслѣдство, которое ей слѣдуетъ, въ случаѣ смерти мужа. Послѣ развода, если мужъ снова пожелаетъ вступить въ бракъ съ тою же женщиною, онъ долженъ былъ назначить ей новый мехръ и соблюсти извѣстныя условія, о которыхъ упоминается въ постановленіяхъ пророка. Отказаться отъ невѣсты безъ причины значило нанести оскорбленіе ей самой и ея семейству. При этомъ часть калыма, выплаченная женихомъ, не возвращалась и, кромѣ того, онъ долженъ былъ къ выплаченной части дополнить столько, чтобы составилась половина условленнаго калыма.

Собственно духовная сторона обряда бракосочетанія у черкесовъ-магометанъ заключалась въ томъ, что, послѣ взаимнаго согласія на бракъ, брачущіеся, по мусульманскому закону, должны были совершить предварительно два *рук'эта намаза*, съ произнесеніемъ особой молитвы. Кадій читалъ словесное объявленіе согласія и потомъ молитву.

— Слава тому Богу, произносилъ онъ, который дозволилъ бракъ и воспретилъ всѣ преступныя по прелюбодѣяніямъ дѣйствія. Да восхвалятъ небесныя и земныя существа Магомета!

Затѣмъ кадій составлялъ письменный брачный актъ, гдѣ точно обознача-

---

([1]) О кавказской линіи и проч. Дебу.—Зубовъ. Картины Кавказскаго края ч. III. Племя адиге Т. Макарова „Кавказъ" 1862 г. № 31. Этнографичес. очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукопись). Закубанскій край въ 1864 году; П. Невскій. „Кавказъ" 1868 г. № 98. Свадьба у православныхъ черкесовъ. Д. Ильинъ. „Кавказъ" 1868 г. № 111 Учрежденіе и народные обычаи шапсуговъ и натухажцевъ Л. Люлье. Зап. Кавк. отд. Им. русск. географ. общ. кн. VII изд. 1866 г.

лось количество *мехра* и прочихъ обязательствъ, принимаемыхъ мужемъ на себя. Актъ этотъ, подписанный свидѣтелями (не менѣе двухъ) мужескаго пола, служилъ неоспоримымъ доказательствомъ совершенія брака. Въ концѣ обряда кадій провозглашалъ: *да поможетъ Богъ!* и читалъ первую *суре* (главу) изъ корана.

Въ этихъ дѣйствіяхъ и заключался весь религіозный обрядъ мусульманскаго бракосочетанія. Тамъ, гдѣ не было кадія, каждое постороннее лицо могло составить актъ и прочесть словесное объявленіе согласія. При двухъ свидѣтеляхъ даже можно было обойтись и вовсе безъ письменнаго акта.

Между князьями черкескаго народа, въ прежнее время, существовалъ обычай, по которому князь до свадьбы отдавалъ свою невѣсту одному изъ почетнѣйшихъ лицъ, изъ числа своихъ подвластныхъ, у котораго она и жила не рѣдко въ теченіе цѣлаго года. Обычай этотъ, введенный съ древнѣйшихъ временъ, имѣлъ въ то время глубокое значеніе. Въ тогдашнія времена, князья одного и того же племени были всѣ между собою въ близкомъ родствѣ и, по необходимости, должны были искать себѣ женъ у сосѣднихъ, часто отдаленныхъ народовъ, различавшихся обычаями и нравами. Въ странѣ, какъ напримѣръ Кабарда, гдѣ въ былое время князь считался блюстителемъ обычаевъ и чистоты нравовъ, появленіе молодой дѣвушки могло подать поводъ къ разнымъ толкамъ, и притомъ молодая княгиня, какъ иноземка, не знающая обычаевъ и условій быта племени, могла навлечь на себя упреки, со стороны народа, за несоблюденіе его коренныхъ обычаевъ. Для ознакомленія съ ними своей невѣсты, князь избиралъ, для временнаго жительства своей будущей жены, домъ почтеннаго и отличающагося своими нравственными достоинствами человѣка, въ семействѣ котораго, она и пріучалась къ семейнымъ и общественнымъ особенностямъ народа.

Воспитатель, принявъ къ себѣ молодую княжну, кормилъ ее, богато одѣвалъ, задавалъ безпрестанные пиры и, при передачѣ ее мужу, одаривалъ. Не смотря на всѣ эти хлопоты и расходы, охотниковъ на подобное воспитаніе было очень много: во-первыхъ потому, что оно считалось всегда величайшею честію, во-вторыхъ потому, что доставляло воспитателю связи наравнѣ съ кровнымъ родствомъ. Кромѣ того, князь, при пріемѣ жены, всегда вознаграждалъ воспитателя подарками за понесенные имъ расходы. Такіе воспитатели, вообще у черкесовъ, были извѣстны подъ именемъ *тей-шаришсъ*, т. е. кума.

Тей-шаришсъ былъ и у остальныхъ сословій черкескаго народа, съ тою только разницею, что прѣбываніе у него молодой не было столь продолжительно.

Такимъ образомъ каждый черкесъ женился внѣ своего дома; онъ привозилъ невѣсту въ домъ уважаемаго человѣка и тамъ совершалось бракосочетаніе.

Въ день свадьбы ватага молодежи отправлялась вмѣстѣ съ женихомъ за невѣстою и иначе не могли получить ее, какъ одинъ изъ числа пріѣхавшихъ

долженъ былъ, войдя въ тотъ домъ, гдѣ находилась невѣста, дотронуться до ея платья, до чего находящаяся при невѣстѣ толпа женщинъ старалась не допускать его, въ чемъ не рѣдко и успѣвала. Во избѣжаніе такой борьбы пріѣхавшіе дѣлали весьма часто подарки пожилымъ женщинамъ, располагавшимъ церемоніею, и послѣ того получали невѣсту безпрепятственно. Этотъ обычай носилъ названіе *вывода невѣсты*.

Если домъ, назначенный для первоначальнаго помѣщенія невѣсты, находился въ другомъ аулѣ, то ее сажали на арбу, запряженную парою коней или воловъ. Спереди и сзади арбы располагались конные всадники, которые во все время пути пѣли свадебныя пѣсни, и безпрестанно стрѣляли изъ ружей и пистолетовъ. Каждый встрѣтившійся съ брачнымъ поѣздомъ, обязанъ былъ приставать къ нему, иначе молодежь забавлялась надъ неучтивыми путниками, прострѣливая у нихъ шапки, сбрасывая съ сѣдла или срывая съ нихъ одежду.

Близъ дверей дома пріятеля жениха свадебный поѣздъ останавливался; невѣсту вводили въ покои, а сопровождавшіе ее разъѣзжались, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, направленныхъ преимущественно въ трубу дома, гдѣ оставалась невѣста.

Здѣсь совершался религіозный обрядъ бракосочетанія, а за тѣмъ, если мужъ новобрачной имѣлъ родителей или старшаго брата, то удалялся въ домъ одного изъ своихъ пріятелей и оттуда, въ сопровожденіи молодаго человѣка, посѣщалъ свою супругу, но не иначе, какъ по захожденіи солнца.

Ночь. Тишина царствовала въ аулѣ и только въ отдѣльно стоящемъ домикѣ свѣтился огонекъ и слышенъ былъ тихій говоръ; тамъ въ тревогѣ молодая новобрачная ожидала своего супруга. Покрытая прозрачною бѣлою вуалью, молча стояла она подлѣ брачнаго ложа; вокругъ нея толпилось нѣсколько дѣвушекъ–подругъ, которыя шутили и смѣялись. Но вотъ за дверьми раздавался шорохъ чьихъ-то шаговъ—то подходили украдкою два человѣка. Одинъ изъ нихъ въ буркѣ, съ шашкою черезъ плечо, кинжаломъ и пистолетомъ за поясомъ. Это счастливецъ–женихъ и съ нимъ его пріятель, который спѣшилъ въ саклю, чтобы предувѣдомить молодую о приходѣ ея супруга. Подруги молодой уходили; невѣста оставалась одна. Она стояла неподвижно и безмолвно, какъ статуя. Молодой мужъ садился на постель; его спутникъ снималъ съ него оружіе, вѣшалъ его на стѣну, снималъ чевяки и, закрывши огонь въ каминѣ золою, уходилъ, пожелавъ молодымъ доброй ночи. Оставшись вдвоемъ, молодой мужъ подходилъ къ женѣ, и если она была не въ большомъ страхѣ, то раздѣвалась сама, а въ противномъ случаѣ мужъ помогалъ ей. Передъ разсвѣтомъ новобрачные разставались. Спутникъ молодаго, прокарауливъ, по обычаю, новобрачныхъ въ теченіе всей ночи, стучался въ двери, какъ только занималась заря. Съ уходомъ молодаго мужа въ комнату вбѣгали подруги новобрачной и съ плутовскими улыбками бросались къ постели, находили въ

ней корсетъ, и если онъ имъ нравился, то брали себѣ; съ тѣхъ поръ о корсетѣ не было болѣе помина.

Новобрачная, если она принадлежала къ высшему сословію, оставалась здѣсь иногда очень долго, и во всякомъ случаѣ до тѣхъ поръ, пока не ознакомится съ новымъ образомъ жизни, которую она должна была вести въ супружествѣ.

Случалось иногда, что вступленіе новобрачной въ домъ, назначенный для временнаго ея пребыванія, сопровождалось празднествомъ, но конецъ его всегда и у всѣхъ классовъ населенія ознаменовывался самымъ торжественнымъ образомъ. Хозяинъ дома, гдѣ находилась молодая, сдѣлавъ всѣ необходимыя приготовленія, созывалъ народъ. По его приглашенію, собирались дѣвицы изъ окрестныхъ ауловъ и торжество открывалось плясками, пѣніемъ и играми, продолжавшимися въ теченіе трехъ дней, а на четвертый молодая отправлялась въ домъ мужа.

Въ аулѣ, гдѣ жилъ молодой супругъ, все населеніе съ нетерпѣніемъ ожидало приближенія брачнаго поѣзда. Дѣти и взрослые цѣлыми толпами всходили на холмы и курганы, чтобы посмотрѣть вдаль, на дорогу, по которой безпрестанно подымали пыль скачущіе передовые.

— Вотъ показались! вотъ выѣзжаютъ изъ лѣса! вскрикивало нѣсколько голосовъ, замѣтившихъ церемоніяльное шествіе новобрачной.

Нѣсколько десятковъ всадниковъ, составлявшихъ авангардъ поѣзда, высыпали на равнину. За ними, на татарской висячей колесницѣ, покрытой бѣлою шелковою или другою тканью и устланной коврами, ѣхала новобрачная. Съ нею сидѣли обыкновенно ея воспитательница и хозяйка дома, въ которомъ она гостила по выходѣ замужъ.

Почетнѣйшія лица окружали колесницу и ѣхали обыкновенно съ веселыми лицами, но безъ шума и крика, раздававшихся позади ихъ въ группѣ молодыхъ всадниковъ. Посреди этой толпы ѣхала двухъ-колесная арба, покрытая красною тканью, развѣвавшеюся по вѣтру. Вокругъ двухъ-колесной арбы, составлявшей необходимую принадлежность каждаго свадебнаго поѣзда, раздавалось громкое пѣніе свадебныхъ пѣсенъ, превозносившихъ красоту, скромность, искуство вышиванья золотомъ молодой супруги, славу и подвиги ея мужа. Черкескія свадебныя пѣсни сложены такъ, что не называютъ никого по имени, но слова примѣняются намеками къ разнымъ лицамъ. Ружейные выстрѣлы вторили протяжному напѣву пѣсенъ и дымъ туманомъ носился надъ поѣздомъ.

По мѣрѣ приближенія поѣзда, увеличивалась и суетня въ аулѣ. Всѣ, старый и малый, поспѣшно вооружались длинными и гибкими дубинами и толпою спѣшили на встрѣчу новобрачной, которой колесница, отдѣлившись отъ многочисленнаго поѣзда, направлялась къ мужнину дому. У самой ограды его поѣздъ останавливался, и молодая, покинувъ арбу, шла въ саклю по разо-

стланной, родственниками мужа, шелковой ткани, протянутой отъ дверей ограды до дверей сакли.

На порогѣ сакли молодую осыпали сухариками, нарочно для этого случая изготовленными. Въ слѣдъ за тѣмъ ей подносили блюдо съ медомъ, маслойъ и орѣхами. Она, по обычаю, только дотрогивалась до нихъ, но за то старухи, управлявшія церемоніею, лакомились сластями до-сыта.

Проводивши молодую въ саклю, спутники ея спѣшили обыкновенно къ выходу изъ аула, полюбоваться интереснымъ для нихъ зрѣлищемъ. Нѣсколько десятковъ наѣздниковъ окружали арбу, накрытую красною тканью, и должны были довести ее до дома новобрачной въ цѣлости, а это трудно было сдѣлать: пѣхота, вооруженная дубинами, высыпавшая изъ аула, старалась захватить арбу въ свои руки и сорвать съ нея покрывало—обычай, составлявшій исключительную особенность свадебнаго торжества. Конные бросались на пѣшихъ, желая смять ихъ и тѣмъ открыть арбѣ путь къ аулу. Пѣшіе защищались, отчаянно поражая безъ пощады лошадей и ихъ всадниковъ своими длинными дубинами, и, прорываясь къ арбѣ, старались сорвать покрывало. Нѣсколько человѣкъ, сидѣвшихъ въ арбѣ, то отбивались отъ преслѣдователей, то понуждали коней, торопясь, достигнуть до завѣтной сакли. Первый натискъ конныхъ прошелъ благополучно для пѣшихъ, но второй, послѣдовавшій быстро за первымъ и болѣе ожесточенный, прорвалъ пѣхоту въ самой серединѣ и арба пронеслась. Наѣздники торжествовали уже побѣду, а пѣхота была въ отчаяніи, но радость однихъ и печаль другихъ были не продолжительны: одинъ изъ пѣшихъ нанесъ сильный ударъ дубиною по головѣ лошади, запряженной въ арбу, и животное пало на мѣстѣ. Толпа бросилась на остановленную повозку и въ одно мгновеніе краснаго покрывала не существовало—только небольшіе клочки его ходили по рукамъ многочисленныхъ побѣдителей.

Три дня продолжалось празднованіе торжественнаго вступленія молодой подъ кровлю мужа. Здѣсь, какъ и у себя, прежній хозяинъ угощалъ народъ и благодарилъ почетнѣйшихъ особъ за посѣщеніе. Передъ тѣмъ временемъ, когда собранію приходилось разъѣзжаться по домамъ, съ кровли сакли или съ какого нибудь возвышенія бросали въ народъ большую, цѣльную, желтую мѣшину, намазанную масломъ или саломъ. Толпа кидалась на нее и старалась каждая перетянуть на свою сторону, чтобы, какъ трофей, унести ее къ себѣ въ аулъ. Борьба, продолжавшаяся иногда нѣсколько часовъ, сопровождалась шумомъ и крикомъ какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ.

Во все время празднованія свадьбы голова и лицо молодой были покрыты нарядным платкомъ, который извѣстное время не снимался, и для снятія его назначался *хатехъ*, или снятчикъ. Молодой супругъ не принималъ участія въ общемъ весельѣ, оставался въ уединеніи или отправлялся въ наѣзды; во всякомъ же случаѣ возвращался домой не прежде окончанія свадебнаго тор-

жества и всѣхъ обрядовъ при томъ соблюдаемыхъ. Хозяинъ дома, гдѣ молодая пробыла нѣкоторое время, дѣлался аталыкомъ ея мужа и пользовался правами наравнѣ съ воспитателями. Съ приходомъ молодой въ домъ мужа, отецъ ея присылалъ вѣрнаго своего человѣка, *жемхараса* или дружку, который оставался у молодыхъ цѣлый годъ, а потомъ отпускался съ подарками.

Черкесы смѣшанной религіи руководствовались своими особыми обычаями относительно брака. Послѣ обрученія и съ окончаніемъ переговоровъ о калымѣ, женихъ одѣвался въ самое старое платье, надѣвалъ на себя самое дурное оружіе и въ назначенный день, въ сопровожденіи друзей, отправлялся за невѣстой. На встрѣчу ему, изъ аула невѣсты, выходила молодежь, срывала оружіе, всю верхнюю одежду, отбирала коня, словомъ обирала жениха такъ, что тотъ принужденъ былъ брать платье у кого-нибудь изъ пріятелей. Одѣтый въ чужое платье, онъ достигалъ до дому невѣсты, бралъ ее и отводилъ домой, гдѣ и оставлялъ подъ надзоромъ родственниковъ или друзей, а самъ скрывался у кого-нибудь изъ сосѣдей. Ежедневно, въ теченіе мѣсяца, съ наступленіемъ ночной темноты, друзья приводили молодаго къ женѣ, съ которою ему дозволялось оставаться всю ночь, а съ разсвѣтомъ онъ тайкомъ удалялся съ брачнаго ложа и скрывался опять изъ дома.

Вообще у всѣхъ черкесовъ, кромѣ христіанъ, мужу дозволялось видѣться съ женою только тайкомъ, прокрадываясь ночью на свиданіе какъ воръ, и, сохрани Богъ, если разсвѣтъ заставалъ его въ саклѣ жены. Тогда молодежь, узнавшая объ этомъ, сейчасъ же начинала въ насмѣшку стрѣлять по трубѣ женской сакли и сбивала ее пулями до самой крыши. Обычай этотъ особенно строго соблюдался въ первые дни женитьбы, причемъ мусульмане, въ теченіе первой брачной ночи, извѣстной подъ именемъ *шебе-зефафъ*, обязаны были приступать къ супружескимъ объятіямъ не иначе, какъ со словами *бисмиллахъ*—во имя Бога!

Видѣть жену днемъ, входить къ ней въ саклю и разговаривать съ нею въ присутствіи другихъ считалось предосудительнымъ: это могъ позволить себѣ только простолюдинъ, и то пожилой, но князь и дворянинъ—никогда.

Отсутствіе молодаго хозяина въ домѣ не мѣшало гостямъ веселиться. Они пировали, варили бузу и запасались виномъ для окончательнаго пира, на который приглашались сосѣди и всѣ жители аула и которымъ заканчивалась свадьба. Женихъ возвращался послѣ того въ свой домъ и вознаграждалъ своего пріятеля, у котораго жилъ во время свадьбы, быкомъ, коровой или чѣмъ нибудь другимъ. Здѣсь, на свадьбѣ, можно было видѣть самые лучшіе наряды, какіе только кто въ состояніи имѣть; холостые или молодые мужчины украшали себя всѣми пріобрѣтенными доспѣхами, дѣвушки — праздничною одеждою. Молодой человѣкъ, отличившійся рыцарскими ухватками, проворствомъ и силою, получалъ одобреніе стариковъ и право плясать съ тою

дѣвушкою, съ которою пожелаетъ. Подъ звуки туземной музыки и старый, и малый пускались въ плясъ ([1]).

Свадебный обрядъ черкесовъ–христіанъ также имѣетъ особенности, которыя нельзя пройти молчаніемъ.

За нѣсколько дней до свадьбы назначается дѣвичникъ, на которомъ собираются дѣвушки и пируютъ присланными женихомъ съѣстными припасами. Послѣднему въ этотъ вечеръ дозволяется посмотрѣть свою невѣсту въ окно, если до того времени ему не случалось ея видѣть.

Въ день свадьбы, часовъ въ шесть вечера, везутъ невѣсту въ церковь. Когда женихъ пріѣзжаетъ за невѣстой, то братъ невѣсты бьетъ плетью жениха за то, что онъ, какъ будто, отнимаетъ у него сестру.

Закрытую съ головы до ногъ тонкою кисеею, невѣсту сажаютъ въ какой нибудь экипажъ, а остальныя женщины размѣщаются на арбахъ и во всю дорогу играютъ на бубнѣ. Впереди ѣдетъ верхомъ женихъ; подлѣ него шаферъ и нѣсколько человѣкъ молодежи, которые, во время пути въ церковь и обратно, джигитуютъ. Наѣздники хватаютъ шапки со своихъ товарищей, скачутъ впередъ, тѣ ихъ догоняютъ; но вотъ шапка брошена вверхъ, раздались со всѣхъ сторонъ выстрѣлы и шапка уже болѣе никуда не годится... Джигитовка эта происходитъ и во все время совершенія брачнаго обряда; молодые находятся въ церкви, а джигиты остаются за оградой.

Джигитовка одна изъ любимѣйшихъ черкесихъ забавъ. Двадцать, иногда тридцать всадниковъ бѣшено носятся по полю, показывая свою ловкость и смѣлость; на всемъ скаку они поднимаютъ съ земли разныя вещи и, своими граціозными движеніями, привлекаютъ взоры молодыхъ красавицъ.

За ждигитовкою часто слѣдуетъ игра въ палки. Участники игры раздѣляются на двѣ партіи: на конныхъ и пѣшихъ. Первые, прикрывшись буркою, вооружаются нагайкою, а послѣдніе солидныхъ размѣровъ дубиною, которою и стараются нанести ударъ своимъ коннымъ противникамъ. Тѣ, конечно, увертываются, подставляютъ подъ удары бурку и, за палочные побои, платятъ жестокими ударами нагаекъ. Игра эта представляетъ живую картину искуснаго и въ то же время забавнаго маневра, въ которомъ есть гдѣ выказаться и ловкости, и силѣ, и умѣнью управлять лошадью. Зрители ободряютъ побѣдителей, смѣются надъ побѣжденными и игра часто кончается увѣчьемъ, а иногда и смертью.

По возвращеніи изъ церкви, не доѣзжая до дома жениха, выносятъ на блюдѣ *полустакэ*: это мука, поджаренная на маслѣ и подслащенная медомъ,

---

([1]) Мусульманское право Торнау; изд. 1866 г. О бытѣ, нравахъ и обычаяхъ древнихъ атыхейскихъ племенъ. „Кавказъ“ 1849 г. № 36. Три дня въ горахъ Калалальскаго общества „Кавк.“ 1861 г. № 84. Закубанскій край въ 1864 г. Невскій. „Кавк.“ 1868 г. № 98. Этнографичес. очеркъ черкескаго народа барона Сталя. Эпизодъ изъ жизни шапсуговъ. А. Ржондковскій 3-й. Кавк. 1867 г. № 70.

она кладется на тарелки и разрѣзывается на куски. Тарелку, вмѣстѣ съ полустакомъ, выхватываетъ изъ рукъ несущаго одинъ изъ ловкихъ джигитовъ и мчится вдоль аула; за нимъ скачутъ въ погоню нѣсколько другихъ всадниковъ, стараются отнять тарелку и кончаютъ тѣмъ, что тарелка бываетъ разбита, а полустакъ растоптанъ.

Молодые въѣзжаютъ на дворъ, гдѣ раздаются выстрѣлы; мужчины идутъ въ одну комнату, женщины въ другую; шаферъ вынимаетъ шашку, рубитъ на перекладинѣ двери изображеніе креста—символъ счастія, а отецъ и мать благословляютъ новобрачныхъ. Женихъ присоединяется къ мужчинамъ, невѣста къ женщинамъ. Она закрыта попрежнему вуалемъ и остается такъ въ теченіе трехъ дней; на четвертыя сутки шаферъ поднимаетъ концемъ шашки вуаль и дѣлаетъ молодой подарокъ.

Въ то время, когда молодые входятъ въ саклю, съ крыши ея, одинъ изъ родственниковъ бросаетъ въ толпу народа, окружающаго саклю, разные фрукты, а въ самыхъ комнатахъ происходитъ угощеніе. Всѣ нары уставлены кушаньями; на одной изъ нихъ поставленъ кустъ терновника, увѣшанный фруктами: кто осмѣлится взять хотя одинъ изъ висящихъ на немъ орѣховъ, того привязываютъ веревками къ перекладинѣ потолка и держатъ такъ до тѣхъ поръ, пока онъ не заплатитъ штрафа, сколько ни потребуютъ отъ него, смотря по состоянію.

Посреди наръ, прислонясь къ одной изъ стѣнъ, сидитъ женихъ; около него одинъ изъ пожилыхъ мужчинъ, подлѣ котораго лежитъ металлическая тарелка. Стукъ палочкой по тарелкѣ и звукъ ея возвѣщаютъ о появленіи гостя, который долженъ положить на тарелку какую-нибудь монету.

До начала ужина, сваха ведетъ невѣсту, а шаферъ жениха въ спальню, гдѣ они и остаются, не принимая участія въ ужинѣ. Женихъ долженъ самъ раздѣть невѣсту, расшнуровать ей корсетъ, а если надѣется на свою ловкость, то распороть концомъ кинжала. Съ уходомъ молодыхъ, подаютъ ужинъ, и тутъ-то начинаются пиръ и веселье (¹). Вино, выпиваемое въ значительномъ количествѣ, развязываетъ и языки, и руки; нетрезвое состояніе гостей свидѣтельствуетъ объ общемъ удовольствіи. Пляска дѣлается общею; самые дряхлые старики, при громкихъ одобрительныхъ крикахъ и ружейныхъ выстрѣлахъ, пускаются въ плясъ и выдѣлываютъ такія *па*, что молодые съ завистью смотрятъ на ихъ оживленные жесты, вызываемые незатѣйливою и негармоническою музыкою.

Музыкальные инструменты черкесовъ немногочисленны и неразнообразны: бубенъ, двѣ или три дудки, родъ свирѣли съ круглообразными отверстіями, скрипка, балалайка и нѣчто въ родѣ лиры, впрочемъ очень рѣдко встрѣчаемой—вотъ и всѣ роды инструментовъ.

Шапсугскій музыкальный инструментъ, *камыль*, состоялъ изъ дудки, сдѣ-

---

(¹) Свадьба у православныхъ черкесовъ. Д. Ильинъ. „Кавк." 1868 г. № 111.

ланной изъ стараго ружейнаго ствола и изъ нѣсколькихъ связанныхъ досчечекъ, о которыя по временамъ ударялъ играющій. Во время игры на такомъ инструментѣ, вмѣсто акомпанимента, гудѣли нѣсколько голосовъ, и нѣсколько человѣкъ похлопывали въ ладоши.

Балалайка имѣла два видоизмѣненія и носила два различныхъ названія: *пшиннеръ* или *пшено* и *пшедегекуакуа*. Пшиннеръ, длинная балалайка, похожая нѣсколько на віолончель, съ двумя натянутыми волосяными струнами, во время игры упирается лѣвою рукою въ колѣно, а въ правую руку берется дугообразный смычекъ, которымъ водятъ по струнамъ, издающимъ звуки глухіе, заунывные и однообразные, по причинѣ патріархальности устройства самаго инструмента. Точно такая же балалайка, на которой натянуты три струны, носила названіе *пшедегекуакуа*; на ней играли какъ на гитарѣ, безъ смычка.

Не смотря на такую простоту инструментовъ, небольшой ихъ выборъ и незатѣйливость издаваемыхъ ими звуковъ, черкесы восторгались своею музыкою, веселились отъ души и часто, среди разгара пляски, поддерживали свои музыкальные инструменты битьемъ въ тактъ въ ладоши, стрѣляніемъ изъ пистолетовъ и винтовокъ. Чѣмъ больше было выстрѣловъ, тѣмъ больше чести для танцующаго ([1]).

Существовали два рода танцевъ у черкесовъ: *орираша*, или *кругъ* (уггъ), и *кафенырь*, родъ лезгинки, которая танцуется однимъ мужчиной или одною дѣвушкой.

На средину площадки выходилъ обыкновенно молодой, шестнадцатилѣтній юноша: раздавались звуки лезгинки, и юный танцоръ открывалъ начало народнаго танца. Сначала кругообразный ходъ его былъ медленъ, какъ медленны удары въ ладоши всѣхъ присутствующихъ. Потомъ музыка и удары въ ладоши дѣлались все чаще и чаще, а вмѣстѣ съ ними и *па* танцующаго дѣлались быстрѣе и живѣе. Можно было любоваться долго воодушевленіемъ танцующаго, его дикимъ огнемъ, неописанной энергіей его движеній и трудностями *па*, подражать которымъ невозможно, не научившись имъ съ малолѣтства.

Танцующій то становился на острые носки своихъ чевякъ, то совершенно выворачивалъ ноги, то описывалъ быстрый кругъ, изгибаясь на одну сторону и дѣлая рукою жестъ, похожій на то, какъ всадникъ на всемъ скаку поднимаетъ съ земли какую-нибудь вещь.

Но вотъ, усталый и измученный, онъ останавливался передъ кѣмъ-нибудь изъ окружающей его толпы, дѣлалъ поклонъ или дотрогивался до его одежды, и тотъ непремѣнно долженъ былъ плясать какъ умѣетъ: отказъ исполнить такое предложеніе и просьбу считался большою обидою танцовавшему. Такимъ

([1]) О кавказской линіи, Дебу; изд. 1829 г. Воспоминанія кавказскаго офицера, „Рус. Вѣст.“ 1864 г. № 11. Отъ Зауралья до Закавказья Е. Вердеревскаго. „Кавказъ“ 1855 г. № 30. Эпизодъ изъ жизни шапсуговъ. А. Ржондковскій „Кавказъ“ 1867 г. № 70.

образомъ танцующіе быстро смѣнялись другъ другомъ; но черкесы не любили танцовать безъ дѣвушекъ, такъ что на праздникахъ, гдѣ не присутствовали дѣвушки, танцевъ почти никогда не бывало. Одинъ изъ танцующихъ подходилъ къ дѣвушкѣ и дѣлалъ ей поклонъ и приглашеніе. Она выступала на средину круга и стыдливо опускала свои глазки. Танецъ женщины отличался отъ танца мужчины: она двигалась по кругу медленно, точно будто плавала или тихо скользила по полу, осторожно изгибаясь, а больше держалась въ прямомъ положеніи, изрѣдка дѣлая умѣренные взмахи руками.

Но вотъ она остановилась, вызвала подругу. Вызванная начала кружиться съ самыми милыми граціозными движеніями, а вызвавшая, съ противоположной стороны, шла, танцуя, къ ней на встрѣчу. «Сначала онѣ быстро вертѣлись въ кругу, вдоль рядовъ восхищенныхъ зрителей, кокетливо нагибаясь, по временамъ къ которому нибудь изъ горцевъ или подругъ, смотрѣвшихъ на пляску; потомъ быстро носились одна за другою, съ плутовской улыбкой и веселыми смѣющимися взглядами, сходились и расходились... Казалось, ноги дѣвушекъ не двигались въ то время, когда онѣ, съ быстротою стрѣлы, носились по кругу, съ неописанной граціей взмахивая руками. Ничто не могло сравниться съ прелестью этихъ танцорокъ, очаровательною мимикою, выражавшихъ природныя страсти жителей своей полудикой родины»...

Такой жизни и энергіи не проявлялось у черкесовъ въ общихъ танцахъ, гдѣ мужчины и женщины составляли кругъ, въ родѣ того, какъ у насъ въ шестой фигурѣ кадрили, и, съ припѣвомъ *орираша*, потихоньку передвигались съ мѣста на мѣсто, пока не обойдутъ весь кругъ. Танецъ этотъ довольно монотоненъ; всѣ двигались молчаливо, плавно, не дѣлая никакихъ быстрыхъ движеній, а только переступая вправо и влѣво, съ одной ноги на другую.

Орираша, или кругъ, имѣлъ другое назначеніе и прелесть для каждаго черкеса: онъ служилъ мѣстомъ свиданія и переговоровъ двухъ любящихъ сердецъ. Плящущіе свободно разговаривали съ дѣвицами, которыя, точно такъ же свободно и безъ робости, имъ отвѣчали, соблюдая при этомъ все приличіе. Движенія, нарушающія приличіе—грубыя манеры, громкій смѣхъ, не имѣли мѣста во время танцевъ и строго порицались черкесами. Всякое отступленіе отъ приличій, со стороны дѣвицы, почиталось признакомъ ея дурнаго воспитанія. Общественное мнѣніе требовало, чтобы дѣвица не танцовала слишкомъ часто и долго съ однимъ мужчиною, а напротивъ, считалось болѣе приличнымъ по очереди танцовать со многими. Дѣвицѣ предоставлялось, впрочемъ, полное право оставить своихъ кавалеровъ, находившихся съ обѣихъ ея сторонъ, перейти къ другимъ или просто выйдти изъ круга для отдохновенія. Тогда, подъ надзоромъ пожилыхъ приставницъ, не спускавшихъ съ нея глазъ во время танца, дѣвушка уходила въ сосѣднюю комнату. Мужчина же среди пляски, напротивъ того, вовсе не имѣлъ права оставлять своей дамы, но могъ танцовать и безъ нея.

Иногда случалось, что кругъ бывалъ на столько великъ, что внутри его помѣщались музыканты, пѣшія постороннія лица и молодыя дѣти нѣсколькихъ старшинъ, которыхъ вводили туда на лошадяхъ. Въ такихъ собраніяхъ назначалось нѣсколько человѣкъ для наблюденія за порядкомъ въ кругу пляшущихъ. Они слѣдили за тѣмъ, чтобы народъ не тѣснилъ пляшущихъ, и чтобы конные наѣздники не слишкомъ приближались къ кругу. Изъ числа надзирателей нѣсколько наиболѣе почетныхъ лицъ назначались, по выбору хозяина, для исполненія обязанности распорядителей праздника. Они подводили дѣвицъ къ танцующимъ кавалерамъ, строго соблюдая при этомъ принятыя приличія, состоявшія преимущественно въ томъ, чтобы пріѣзжіе гости не оставались безъ дамъ.

Кафеныръ и орираша были танцами наиболѣе употребительными между черкесами, но кабардинцы, кромѣ этихъ двухъ видовъ, весьма часто танцуютъ такъ называемый *карачаевскій танецъ*, имѣющій комическій характеръ. Двое мужчинъ берутъ подъ-руки дѣвушку и, подъ тактъ музыки и мѣрнаго хлопанья въ ладоши, въ ногу, какъ солдаты, переваливаются изъ стороны въ сторону. То они тѣсно прижимаютъ дѣвушку къ бокамъ своимъ, то отнимаютъ ее другъ у друга, то комично покачиваются, какъ будто въ опьяненіи. Тактъ постепенно ускоряется и пляска оканчивается совершеннымъ изнеможеніемъ танцующихъ (1).

Продолжавшіеся по нѣскольку часовъ танцы замѣнялись потомъ играми, болѣе шумными и нерѣдко весьма опасными. Во всѣхъ играхъ черкесовъ проглядывала воинственная отвага, сила, а главное ловкость. Обыкновенно играющіе раздѣлялись на два отряда: пѣшихъ и конныхъ. Вооруженные огромными кольями, пѣхотинцы, съ крикомъ и сравнительно бо́льшею толпою, бросались на своихъ конныхъ противниковъ и били безъ пощады какъ людей, такъ и лошадей. Наѣздники, съ своей стороны, также не жалѣли пѣшихъ, топтали ихъ своими конями и бросались на всемъ скаку въ средину толпы. По преимуществу, конные побѣждали пѣшихъ, разгоняли ихъ, преслѣдовали до самыхъ домовъ и, случалось, нерѣдко давили своихъ противниковъ. Дѣло доходило иногда до изступленія съ обѣихъ сторонъ, и тогда старики, вступивъ въ посредничество, прекращали ссору. Такія игры почти никогда не обходились безъ несчастныхъ случаевъ и не даромъ черкесы говорили: «*кому не страшно въ день такой игры, тотъ не устрашится и въ битвѣ*». Изъ всѣхъ народныхъ игръ была наиболѣе замѣчательна та, которая извѣстна подъ именемъ *діюръ*, что, на нарѣчіяхъ нѣкоторыхъ черкескихъ племенъ, означаетъ *крестъ*; она, вѣроятно, осталась отъ временъ христіанскихъ.

---

(1) Вѣрованія, религіозные обряды и предразсудки у черкесовъ Л. Люлье. Запис. Кавк. отд. имп. русск. геогр. общес. книга V изд. 1862. Отъ Зауралья до Закавказья Е. Вердеревскаго. „Кавк.“ 1855 г. № 30. Экспедиція въ Хакучи 1865 г. А. Ржондковскій 3-й „Кавказъ“ 1867 г. № 99. Свадьба у православныхъ черкесовъ Д. Ильинъ. „Кавказъ“ 1868 г № 111. Этнографич. очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукопись).

Въ каждомъ аулѣ жители раздѣлялись на двѣ партіи: *верховую* и *низовую*, такъ что сакли восточной части аула назывались *верховьями*, а западной *низовьями*. Въ большихъ и значительно растянутыхъ въ длину аулахъ, подобное раздѣленіе существуетъ и до сихъ поръ. Передъ началомъ игры, каждый изъ участниковъ ея являлся на сборное мѣсто съ огромнымъ шестомъ, на верху котораго была прикрѣплена корзина, наполненная сухимъ сѣномъ или соломою: обѣ партіи, выстроившись другъ противъ друга, зажигали корзины и съ словами *діюръ*! *діюръ*! бросались другъ на друга.

Игра начиналась обыкновенно съ наступленіемъ сумерокъ и видъ, пылающихъ во мракѣ ночи, огромныхъ огненныхъ факеловъ представлялъ весьма интересное зрѣлище. Каждая изъ нападающихъ сторонъ поставляла себѣ главною цѣлью захватывать какъ можно болѣе плѣнныхъ, которыхъ и отводили, со связанными назадъ руками, въ кунахскую одного изъ старшинъ своей партіи. По окончаніи игры, каждая сторона собиралась въ кунахской того старшины, гдѣ были собраны плѣнные. Тогда съ обѣихъ сторонъ открывались переговоры, происходилъ размѣнъ плѣнныхъ, и та сторона, которая потеряла ихъ больше, должна была выкупать излишекъ потери; иногда плѣнные сами обязывались внести за себя выкупъ, который всегда состоялъ изъ опредѣленнаго количества съѣстныхъ припасовъ. Собранные припасы поручались одному изъ старшинъ партіи, который и задавалъ пиръ всѣмъ своимъ соратникамъ. Игра, затѣянная молодежью, привлекала къ себѣ пожилыхъ и старцевъ, приходившихъ взглянуть на веселящихся и вздохнуть, «вспоминая прошедшіе годы молодости, отчасти предпринимать мѣры предосторожности отъ пожара, что легко могли причинить корзинками, въ безуміи веселья, быстро разносимыми съ одного угла аула въ другой. Старики часто попадались въ плѣнъ, будучи немощны и не въ состояніи противиться сильнымъ молодымъ борцамъ, налагавшимъ на нихъ ременныя оковы. Впрочемъ такіе плѣнники дорого обходились побѣдителямъ, а равно и той партіи, у которой были похищены: для примиренія съ ними, надлежало удовлетворять ихъ за то, что, не уважая ихъ сѣдинъ, увлекли ихъ въ плѣнъ, и въ семъ случаѣ виновники приготовляли яства и напитки, и примиреніе со старцами заключалось новымъ угощеніемъ».

Игры черкесовъ хотя и были довольно однообразны, но продолжались весьма долго; только всеобщая усталость прекращала ихъ и тогда всѣ присутствующіе усаживались въ кружокъ; на средину выступалъ пѣвецъ и, послѣ нѣсколькихъ прелюдій, затягивалъ пѣсню. Окружающіе хранили почтительное молчаніе, и свѣтъ огромнаго костра, разложеннаго въ саклѣ, то ярко, то тускло освѣщая ихъ внимательныя лица, представлялъ оригинальную и замѣчательную картину...

Черкесы любятъ поэзію и пѣсни. Въ прежнее время у нихъ были поэты, *гекоко*—слагатели народныхъ пѣсенъ. Они были, по большей части, простолюдины и рѣдко знали языкъ священниковъ—людей грамотныхъ. Такіе поэты

высоко были чтимы князьями и дворянствомъ; они ходили въ бой и были впереди войскъ. Князья любили имѣть при себѣ пѣвцовъ и гордились ими. Умѣнье сочинить пѣсню во всѣ времена глубоко уважалось. Замѣчательнѣйшіе наѣздники не пренебрегали рифмою и пшиннеромъ. Магометъ-Ашъ, одинъ изъ первыхъ богатырей за Кубанью, былъ отличнѣйшимъ импровизаторомъ. Пѣсни, особенно старинныя и притомъ о родныхъ герояхъ, составляли для черкесовъ святыню. Едва разнесется по горамъ вѣсть о смерти героя, какъ въ честь его тотчасъ же слагалась пѣсня. Родственники умершаго собирали къ себѣ всѣхъ извѣстныхъ поэтовъ, и такъ какъ вдохновеніе требуетъ уединенія, то ихъ удаляли на время изъ аула въ ближайшій лѣсъ, снабдивъ всѣмъ необходимымъ для жизни.

«Каждое утро пѣвцы оставляли свое общее временное жилище и расходились въ разныя стороны лѣса, гдѣ, въ уединеніи, слагали свои пѣсни въ честь героя. Вечеромъ они сходились вмѣстѣ и каждый представлялъ собранію все, что ему дало вдохновеніе дня. Изъ этихъ отдѣльныхъ пѣсенъ, особенно хорошія мѣста служили матеріяломъ для составленія одной общей пѣсни».

Составивъ пѣсню, поэты отправлялись въ аулъ, гдѣ къ тому времени приготовлялся пиръ. Пѣсня выслушивалась, пѣвцы получали награды и разносили новую пѣсню по всему пространству, обитаемому черкескимъ племенемъ.

Въ старину, въ періодъ могущества и самостоятельности черкескаго народа, для знаменитыхъ людей пѣвцы-поэты были необходимы, такъ какъ, за неимѣніемъ среди народа письменности, пѣсня была единственнымъ средствомъ передать свое имя потомству. Давая знаменитымъ людямъ безсмертіе, пѣвцы всюду встрѣчали за то покровительство и ихъ щедро осыпали подарками.

Поэзія—это жизнь, душа и живая лѣтопись событій въ землѣ черкесовъ. Она управляла ихъ умомъ и воображеніемъ въ домашнемъ быту, на народныхъ съѣздахъ и совѣщаніяхъ, въ увлеченіяхъ и въ печали. Она одна встрѣчала ихъ рожденіе, сопровождала всю жизнь отъ колыбели до могилы и передавала потомству ихъ дѣла.

Уважая поэтовъ-импровизаторовъ и благоговѣя передъ ними, черкесы не уважали самихъ пѣвцовъ, исполнителей народной поэзіи. Изъ высшаго класса никто не соглашался быть *пѣвцомъ* и заниматься этого рода професіею, хотя знаніе народныхъ пѣсенъ вмѣнялось каждому дворянину въ необходимость. Столь странное противорѣчіе въ жизни народа разъясняется само собою. Содержаніе большей части пѣсенъ составляетъ исторію черкескаго народа, его могущество, жизнь и славу его предковъ, и потому естественно, что человѣкъ, способный передать въ поэтической формѣ все то, что составляетъ гордость и прошедшую жизнь Черкесіи, не могъ быть не уважаемъ. Отсюда уваженіе къ поэтамъ-импровизаторамъ и слагателямъ пѣсенъ. Съ другой стороны, исполнители народной поэзіи или *пѣвцы* своимъ страннымъ поведеніемъ уронили свое званіе и съ каждымъ годомъ дѣлали его болѣе унизительнымъ для всякаго порядочнаго человѣка.

Съ именемъ пѣвца черкесъ соединялъ понятіе о шутѣ или о канатномъ плясунѣ. Разъѣзжая по ауламъ, пѣвцы собирали отъ жителей подаяніе, въ которомъ, большею частію, не нуждались вовсе, и позволяли себѣ шутки и остроты, иногда весьма неблагопристойныя. Впрочемъ, и между пѣвцами были такіе, которые пользовались всеобщимъ уваженіемъ, и если не могли поднять въ глазахъ народа своего званія, за то и не подвергали себя всеобщему посмѣянію. О нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились преданія, доказывающія еще и то, что пѣвцы были необходимы черкесамъ какъ *прославители и хранители событій*. «Разсказываютъ, что два княжескіе рода въ спорномъ дѣлѣ не могли примириться: каждый доказывалъ древность своего происхожденія, слѣдовательно и преимущество своихъ правъ. Для разрѣшенія дѣла потребовали въ собраніе извѣстнаго пѣвца и приказали ему пропѣть одну изъ самыхъ древнихъ пѣсенъ, въ такомъ предположеніи, что тотъ княжескій родъ, котораго члены оказали болѣе подвиговъ въ извѣстномъ событіи, естественнымъ образомъ долженъ пользоваться преимуществами. Положеніе пѣвца было опасное: та сторона изъ спорящихъ, которую онъ рѣшился бы унизить, могла отмстить ему. Однакоже, пѣвецъ имѣлъ столько твердости, что словами: «если сынъ (такого-то родоначальника) убьетъ меня, то погибну *во чревѣ собаки*», которыя прибавилъ онъ отъ себя, высказалъ онъ преимущество одного рода противъ другаго. Пѣсня *Теймрэ-капэ*, или *Хутчэ-чоптчэ* (Дербентъ), сказываютъ, послужила одному изъ крымскихъ хановъ историческимъ доказательствомъ того, что черкесы давали войско его предкамъ, и потому взялъ онъ отъ нихъ вспомогательное войско».

Всѣ пѣсни черкесовъ поются на распѣвъ и сложены размѣромъ топическимъ; ихъ нельзя читать какъ стихи, а слѣдуетъ декламировать съ нѣкоторымъ напѣвомъ. Въ обыкновенномъ чтеніи онѣ теряютъ гармонію и ту силу впечатлѣнія, которое производятъ на слушателей во время пѣнія. Нѣкоторыя пѣсни принадлежатъ къ числу звукоподражательныхъ, въ особенности пѣснь, воспѣвающая быстроту рѣки. Слушая ее, можно удивиться кипящимъ въ ней выраженіямъ, дѣйствительно похожимъ на бурные потоки клокочущей рѣки.

Народная поэзія черкесовъ раздѣляется на три рода: на *пѣсни*, *старыя сказанія* (тхдезси) (1) и *старые вымыслы* (тхдесезси). Каждый изъ этого рода сказаній, въ свою очередь, раздѣляется на части. Такъ, пѣсни черкескія раздѣлялись: на *колыбельныя*, *историческія* или *военныя* (тльбепшьнатль— что въ переводѣ означаетъ пѣсня многихъ мужей), *жизнеописательныя* (тльзекопшьнатль—пѣсня одного человѣка), *плачевныя* (гбзе), *наѣздническія* (зейко-ородъ), *религіозныя*, которыя черкесы пѣли почтительно, съ открытыми головами и въ дни праздниковъ отправляемыхъ въ честь языческихъ

(1) Черкескія названія, написанныя русскими буквами, даютъ только отдаленное понятіе о дѣйствительномъ произношеніи этихъ словъ самими туземцами.

боговъ; пѣсни, сочиненныя въ честь *раненаго* (тдчепшѣко-ордъ), и *плясовыя* (утчь-оредъ).

При рожденіи младенца мужескаго пола будущій его воспитатель поручалъ импровизаторамъ сложить колыбельную пѣсню въ честь своего юнаго питомца. Поэты, исполняя порученіе, начинали свой разсказъ со славы предковъ новорожденнаго, потомъ переходили къ достоинству его родителей и, наконецъ, заканчивали картиною будущихъ подвиговъ младенца и его заслугъ на пользу родины. Начавши свой поэтическій разсказъ, пѣвецъ-импровизаторъ вдохновлялся и, въ своихъ поэтическихъ сравненіяхъ и красотахъ, не жалѣвъ ни южнаго солнца, ни цвѣтовъ и красокъ природы. Онъ воспѣвалъ не настоящее, а будущее своего героя, которое было точно такъ же безпредѣльно, какъ безпредѣленъ былъ просторъ уму, сердцу и воображенію самого поэта...

Въ пѣсняхъ, называемыхъ *тльбепшьнатль* (пѣсни многихъ мужей) воспѣвались исключительно военныя происшествія, и притомъ такія, въ которыхъ принимали участіе цѣлыя племена или поколѣнія черкескаго народа. Если бы въ этихъ пѣсняхъ не была забыта хронологія событій, то онѣ могли бы послужить самымъ лучшимъ и полнымъ матеріяломъ для разсказа о жизни черкесовъ въ отдаленное и, такъ сказать, *до-историческое* время. По способу своего сложенія, всѣ эти пѣсни весьма сходны между собою, но различаются по названіямъ и напѣвамъ: однѣ изъ нихъ извѣстны по именамъ воспѣваемыхъ лицъ, бывшихъ виновниками событій и послужившихъ поводомъ къ составленію самыхъ пѣсенъ; таковы знаменитыя пѣсни: *Солохъ*, *Карбечь*, *Канболетъ* и проч. Другія носятъ названіе мѣстъ и времени битвъ— *Екуреe*, *Кѣшьтейво*, *Бзіекъ-козедіоръ* и проч. Въ такихъ пѣсняхъ очень часто можно встрѣтить описаніе относительнаго положенія племенъ до начала непріязненныхъ столкновеній и обстоятельства, подавшія къ тому поводъ. Изъ вступленія, дѣлаемаго пѣвцомъ, нерѣдко видна политическая жизнь двухъ племенъ и причины войны, послужившей главнымъ сюжетомъ для разсказа и содержанія самой пѣсни.

Разсказъ о подвигахъ одного человѣка принадлежалъ къ разряду пѣсенъ, которые мы назвали *жизнеописательными*. Здѣсь другія лица, упоминаемыя въ пѣсни, служили только изъясненіемъ обстоятельствъ, дополненіемъ, и, такъ сказать, матеріяломъ для пѣвца. Эти пѣсни самыя важныя и, если вникнуть въ ихъ содержаніе, то не удивительно, что черкесы, народъ полудикій, не имѣвшій ни гражданской образованности, ни литературы, думали и заботились о томъ, *что скажетъ о нихъ потомство*. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи, пѣсни Айдемиръ и Бзехинеко-Бексирзъ, и преимущественно послѣдняя. Пѣвецъ говоритъ, что Бексирзъ *является во время сраженія въ желѣзномъ видѣ*; что его стрѣла пробиваетъ сквозь панцырь и что идти противъ него все равно, что идти противъ пожара и проч.

Пѣсни *плачевныя* (гбзе) относятся къ описанію исключительно бѣдственныхъ событій, каковы, напримѣръ, истребленіе цѣлыхъ племенъ и ауловъ

войною или заразительными болѣзнями, а иногда въ нихъ воспѣвается и бѣдственная участь отдѣльныхъ лицъ. Въ первомъ случаѣ, по своему содержанію, онѣ относятся скорѣе къ историческимъ пѣснямъ, а во второмъ похожи на пѣсни жизнеописательныя. Отличаясь отъ другихъ пѣсенъ своимъ плачевнымъ напѣвомъ, пѣсни этого рода, по красотѣ сравненій и по силѣ выраженій, уступаютъ всѣмъ другимъ родамъ пѣсней.

«Такое обстоятельство заставляетъ меня думать, говоритъ неизвѣстный авторъ-туземецъ ([1]), что въ старину плачевныхъ пѣсенъ не слагали; потому что важныя событія, бѣдственныя и истребительныя, воспѣвались, какъ принято было воспѣвать пѣсни, въ *историческомъ* видѣ, а несчастія или жизнь одного лица излагали въ видѣ *жизнеописательномъ*, если чья либо жизнь была достойна такой чести. Впослѣдствіи, когда пѣвцы перевелись съ бѣдствіями и тревогами народа, друзья погибавшихъ начали сами воспѣвать или оплакивать въ пѣсняхъ несчастныхъ друзей, и изъ того возникли *плачевныя* пѣсни; они легко утвердились въ народѣ, который не можетъ жить, не воспѣвая своего горя и своей радости. По крайней мѣрѣ, въ новѣйшее время, къ сожалѣнію, древнія пѣсни теряются, приходятъ въ забвеніе, а между тѣмъ маловажные случаи, возбуждающіе, по обстоятельствамъ, соболѣзнованіе народа, немедленно превращаются въ плачевныя пѣсни».

Къ числу жизнеописательныхъ пѣсенъ относятся и пѣсни *наѣздническія* (зейко-ородъ), которыя пѣлись преимущественно въ полѣ, во время наѣздовъ и довольно протяжнымъ напѣвомъ. Восхваляя подвиги знаменитаго наѣздника, черкесы, во время оно, пропѣвши одинъ куплетъ, снимали съ себя шапки и преклонялись на гриву лошади. Пѣсни этого рода служили лучшимъ возбужденіемъ буйной отваги воинственнаго народа; напѣвая слова наѣзднической пѣсни, ни одинъ черкесъ не удержится, что бы не погорцовать на своемъ скакунѣ, а иногда въ рукахъ его заблеститъ и обнаженный клинокъ шашки.

Черкесъ не радовался, не печалился безъ пѣнія; онъ пѣлъ, напримѣръ *сахгешъ*—пѣсню при тѣлѣ умершаго, когда оно оставалось въ домѣ въ ночь до погребенія, пѣлъ и *тдчепшько-оредъ* — пѣсню при раненомъ. Низовыя черкескія племена начинали каждый разъ пѣніе подлѣ раненаго, такъ называемою, пѣснею *кракецъ*, отличавшеюся протяжностью своего напѣва. Потомъ обращались къ Тлепсу и просили его покровительства къ успѣшному излѣченію раненаго. Посѣтители больнаго раздѣлялись на двѣ стороны, изъ которыхъ каждая старалась превзойти другую своею неутомимостью. Повторяя «одни и тѣ же слова въ четырехъ пріемахъ, нѣсколько похожихъ созвучіемъ словъ на стихи», каждая сторона продолжала свое пѣніе до тѣхъ поръ, пока одна изъ двухъ партій не утомится, но какъ ни та ни другая не желала уступить, то споръ обыкновенно оканчивался потѣшною битвою. «Въ

([1]) Черкескія преданія. Русскій Вѣст. 1841 г. т. 2.

то время, когда пѣли пѣсню Лепсша (Тлепса), обыкновенно били желѣзнымъ молотомъ въ соху, которая находилась подлѣ постели больнаго; онъ долженъ былъ, какъ бы ни страдалъ, переносить шумъ и пѣніе равнодушно, даже иногда принимать въ пѣніи участіе, если не хотѣлъ показаться малодушнымъ.»

Говоря о плясовыхъ пѣсняхъ черкесовъ, надо сознаться, что въ нихъ нѣтъ столь высокаго значенія поэзіи, нѣтъ и осмысленнаго содержанія. Пѣсни эти не отличаются ни силою выраженій, ни благородными идеями—напротивъ того, онѣ состоятъ изъ набора фразъ, иногда даже и неблагопристойныхъ: высокое чувство любви высказывается здѣсь сравненіями пошлыми и безнравственными. Здѣсь народная поэзія, принявъ жалкій видъ и высказавшись бѣдными идеями, дала черкесамъ плясовыя пѣсни.

Тоническій размѣръ стихосложенія всѣхъ вообще пѣсенъ былъ причиною того, что онѣ удерживались въ устахъ народа въ тѣхъ размѣрахъ и въ тѣхъ именно словахъ, какъ были сложены въ началѣ. Оттого описаніе событій было не столь подвержены измѣненіямъ и произволу пѣвцовъ или разсказчиковъ. Слѣдовательно, пѣсни черкескаго народа заключаютъ въ себѣ болѣе достовѣрности, чѣмъ всѣ другія сказанія. Напротивъ того, *тхдезси* или старыя сказанія, не отличаясь ни словосложеніемъ, ни размѣромъ періодовъ, могли быть разсказываемы не одними и тѣми же словами, а по произволу разсказчиковъ. По этому старыя сказанія сохраняли свое заглавіе и предметъ разсказа, но передавались съ безчисленными оттѣнками измѣненій, прибавками и выпусками, смотря по способности разсказчика и по его прихотямъ; слѣдовательно, съ самаго начала появленія *тхдезси*, истина, послужившая основою для разсказа, была отдана на произволъ случайностей и отъ многихъ изъ нихъ остался только остовъ, которому время и лица придавали жизнь и существованіе.

Не смотря на то, *тхдезси* весьма любопытны и заключаютъ въ себѣ множество героическихъ анекдотовъ, характеризующихъ народную жизнь въ разныя эпохи ея развитія и открывающихъ намъ любопытную сторону честолюбія древнихъ черкесовъ.

Вотъ одинъ изъ примѣровъ.

Жанѣевскій дворянинъ *Каитъ* былъ человѣкъ гордый, отличавшійся своею храбростію и наѣздничествомъ. Однажды, возвратившись изъ наѣзда, онъ посѣтилъ красавицу, которыхъ было такъ много въ древней Черкесіи.

— Неужели, Каитъ, спросила съ улыбкою встрѣтившая его дѣвушка, и ты, подобно такимъ-то (тутъ она назвала двухъ знаменитыхъ князей), питаешься только походною пищею?

Сомнѣніе красавицы въ томъ, что Каитъ не можетъ переносить серьезныхъ лишеній, задѣли гордость храбраго дворянина и, съ наступленіемъ ночи, Каитъ отправился въ двумъ названнымъ князьямъ, чтобы доказать красавицѣ, что не боится лишеній и не хочетъ уступить въ превосходствѣ, въ отвагѣ и въ

перенесеніи трудовъ ни одному наѣзднику въ мірѣ. Преодолѣвъ всѣ трудности пути, сопряженныя съ дальнимъ и опаснымъ переѣздомъ, Каитъ достигъ наконецъ до знаменитыхъ князей, скрывавшихся въ домѣ преданнаго имъ кунака. Двѣ злыя собаки уцѣпились за ноги Каита, когда онъ пошелъ въ кунахскую, но, не обращая на нихъ никакого вниманія, продолжалъ идти окровавленными ногами. Дочь хозяина сообщила о странномъ гостѣ, и князья, удивляясь хладнокровію пріѣзжаго, пожелали тотчасъ же его видѣть.

Съ тѣхъ поръ Каитъ сталъ неразлучнымъ спутникомъ и другомъ князей.

Однажды, при жестокомъ преслѣдованіи враговъ, оба князя пали на полѣ битвы. Истекая кровью, друзья просили Каита оставить ихъ и удалиться, пока есть возможность. Каитъ принялъ ихъ просьбу за оскорбленіе себѣ.

— Многочисленное жанѣевское племя! говоритъ Каитъ устами разсказчика, я для васъ все покинулъ, и съ вами дѣлилъ походную пищу; теперь, когда вы гибнете—я раздѣлю жизнь свою!

Каитъ защищалъ ихъ тѣла съ такою отважностію и мужествомъ, что непріятель, удивленный его храбростію, просилъ, чтобы онъ удалился, какъ иноплеменникъ, безопасно на свою родину. Каитъ не хотѣлъ и слышать о томъ, чтобы ему пощадили жизнь — и палъ, защищая тѣла убитыхъ друзей своихъ.

Что касается до *старыхъ вымысловъ*, то подъ этого рода поэзіею слѣдуетъ подразумѣвать то, что мы называемъ сказками. У черкесовъ было много сказокъ, представлявшихъ значительный интересъ при изученіи народнаго характера, но, къ сожалѣнію, въ настоящее время ихъ можно считать утраченными для изслѣдователя если не въ цѣломъ, то большей ихъ части. Причина тому прежде всего лежитъ въ разсѣяніи въ настоящее время черкескаго народа, а затѣмъ въ преслѣдованіи магометанскимъ духовенствомъ всякаго рода пѣсенъ, забавъ и увеселеній, какъ несогласныхъ съ духомъ ислама.

Съ принятіемъ черкесами магометанства, муллы и эфендіи совершенно изгнали стихотворцевъ, и *гекоко* болѣе не существуютъ.

Теперь между черкесами появляются одиновіе странствующіе барды, передающіе пѣсни, преданія старины, и импровизующіе стихи на новыя происшествія. Черкесы чрезвычайно впечатлительны, легко воспламеняются пѣснью и разсказомъ. Этою чертою народнаго характера весьма часто пользовались люди, желавшіе овладѣть народнымъ мнѣніемъ и занять степень военныхъ начальниковъ и предводителей въ борьбѣ съ русскими. Задумавъ какое-нибудь предпріятіе, они отправляли по краю преданныхъ имъ импровизаторовъ, которые, прославляли ихъ умъ и дѣла, увлекали народъ въ ихъ пользу. Однимъ пѣвцамъ принадлежало исключительное право разсказывать подвиги черкескихъ героевъ, потому что сами они, изъ скромности, никогда не говорили о своихъ заслугахъ и храбрости.

Нынѣшнія пѣсни слагаются большею частію или про храбрецовъ, или

трусовъ, но преимущественно въ нихъ проглядываетъ молодечество наѣздовъ и похищеніе красавицъ

Появленіе поэта-импровизатора на праздникѣ, какъ прежде, такъ и теперь, составляетъ истинное удовольствіе для народа. Густая толпа тотчасъ же окружаетъ странствующаго барда. И вотъ среди двора садится, поджавъ подъ себя ноги, старикъ съ загорѣвшимъ лицомъ и обнаженною грудью; утвердивъ на колѣнѣ свой инструментъ, онъ извлекаетъ изъ него монотонные звуки и подпѣваетъ такую же монотонную свою пѣсню.

«Красавицы горъ — поетъ онъ — на порогахъ саклей, за рукодѣліемъ, поютъ про подвиги храбрыхъ. На крутыхъ берегахъ кипучей Лабы, питомцы брани вьютъ арканы, а Темиръ-Казекъ, съ небесъ въ ясную ночь, указываетъ имъ сакли враговъ. И не на ладьяхъ, а грудью бурныхъ коней разсѣкаютъ они Кубани шумныя воды и пустыни безбрежныхъ степей пролетаютъ падучею звѣздою. Вотъ передъ ними древній Донъ плещетъ и сѣдыя волны катитъ; надъ волнами стелется туманъ; въ мглистой выси коршунъ лишь чернѣетъ, а по берегу лишь робкія лани бредутъ...»

Для потѣхи публики, въ особую подставку инструмента пѣвца вдѣта палочка, къ которой прикрѣпленъ деревянный конекъ-горбунокъ, вершка въ три, связанный въ суставахъ ногъ ниточкой. Когда пѣвецъ водитъ по струнамъ пальцами, къ которымъ привязанъ шнурокъ отъ палочки, конекъ выдѣлываетъ въ тактъ уморительныя штуки и движенія. Старикъ тянетъ свою заунывную пѣсню, а толпа помираетъ со смѣху (¹)...

Часто пѣвецъ-импровизаторъ не употребляетъ вовсе инструмента. Онъ начинаетъ свой разсказъ довольно медленно, мѣрно ударяя черенкомъ ножа въ какую-нибудь звонкую вещь; потомъ тактъ ускоряется, голосъ его усиливается, и тихій речитативъ переходитъ въ звонкую пѣснь, воспѣвающую, напримѣръ, подвиги Керзека-Шрухуко-Тугуза, натухажскаго дворянина (²).

— Ахъ была когда-то блестящая пора свѣта! говоритъ импровизаторъ: тогда-то и первенство благороднаго удальства находилось въ рукахъ дворянъ Керзековъ (³).

(¹) Племя адиге. Т. Макарова. „Кавк.“ 1862 г. № 34. Наѣздъ Кунчука. Султанъ-ханъ-Гирея. „Кавк.“ 1846 г. № 37 и 38. О бытѣ, нравахъ и обычаяхъ древнихъ атыхейскихъ племенъ. Шахъ-бекъ-Мурзина. „Кавк.“ 1849 г. № 34. Пятигорскій Сазандаръ. „Кавк.“ 1846 г. № 17. Воспомин. кавк. офицера. „Рус. Вѣстн.“ 1864 г. № 11. Письмо съ Кавказа Ѳ. Юхотьикова. „Русское Слово“ 1861 г. № 4. Этнографичес. очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукопись).

(²) Полученіемъ этой пѣсни, какъ и многихъ другихъ матеріяловъ, я обязанъ А. П. Берже, которому и приношу глубочайшую благодарность.

(³) Молодое поколѣніе, говоритъ султанъ Крымъ-Гирей, которому принадлежитъ переводъ этой пѣсни, хорошо помнитъ натухажскихъ дворянъ первой степени, каковы были Супакó, Куйцукъ и Керзекъ. Изъ этихъ фамилій замѣчательнѣйшимъ представителемъ былъ изъ Керзековъ Шрухуко-Тугузъ, и на Кавказѣ не часто бывали такіе молодцы, какъ этотъ 70-ти лѣтній старикъ. Натухажцы воспѣли старика, и пѣсни о немъ не пере-

«Старый Шрухуко-Тугузъ горитъ пылкой отвагой. Мракъ ночи для него то же что лунная ночь, а лунная ночь — верхъ всякаго блестящаго дня. Онъ обожаемъ толпой поклонниковъ, всегда густо тѣснящихся вокругъ него. Находясь въ обществѣ съ добрыми молодцами, старый Шрухуко-Тугузъ заставляетъ своихъ завистниковъ сгорать отъ досады, а враговъ пресмыкаться и льстить себѣ.

«Шрухуко-Тугузъ надоѣдаетъ своей молодой женѣ безпрерывными приношеніями шелковыхъ тканей.

«Въ несчастный день калаусской битвы, Шрухуко-Тугузъ, на бѣломъ вихревомъ конѣ, опередилъ спутниковъ и прежде ихъ очутился на противоположной сторонѣ рѣки.

«Не сопровождаемый войсками падишаха и не дожидаясь позволенія анапскаго паши, Шрухуко-Тугузъ рѣшается на подвигъ безпримѣрный, за что, впрочемъ, впослѣдствіи получаетъ, вмѣсто благодарности, выговоръ отъ начальника янычаровъ — Яничаръ-аги.

«Ружейную стрѣльбу начинаетъ прежде другихъ, присоединяется къ обнажившимъ шашки, не оглядываясь назадъ, разитъ впередъ, опустошаетъ бастіонъ, учится славѣ...

«Любя мусульманъ, презирая въ лицѣ генерала всѣхъ русскихъ, Шрухуко-Тугузъ упоятся громомъ боя.

«Въ сраженіи Шрухуко повторяетъ примѣръ кровавой сѣчи славнаго Озермеса, сына Еркена, а въ храбрости уподобляется младшему брату Озермеса, Темиркану (¹).

«Шрухуко-Тугузъ потрясаетъ копытами своего коня русскій станъ, снова обнажаетъ вѣковую саблю и мчится на генерала... Потомъ переселяетъ ближайшую русскую станицу, оставленную безъ защиты испуганными воинами, освобождаетъ плѣненныхъ собратьевъ и, замѣченнымъ героемъ, возвращается на родину. . . . .

«Гассанъ-паша (²), великій начальникъ Анапы, усыновляетъ Шрухуко-Тугуза и представляетъ его народу, какъ сына. — Седръ-азамъ (³), племянникъ Гассанъ-паши, льстя себя мыслію взглянуть на героя, присылаетъ къ Тугузу пригласительныя письма. Шрухуко склоняется на просьбу Седръ-азама и отправляется на кораблѣ въ Стамбулъ. Знаменитый почитатель Шрухуко-Тугуза привѣтствуетъ его на падишахской пристани въ виду сераля. Султанъ приказываетъ войскамъ отдавать всюду честь Шрухуко-Тугузу. Шейхъ-исламъ привстаетъ при появленіи героя въ стѣнахъ золотаго сераля. Герой осы-

ставали волновать молодежь до переселенія натухажцевъ въ Турцію. Предлагаемая пѣсня относится къ 1824 году, къ роковому году калаусскаго пораженія.

(¹) Озермесъ и Темирканъ были знаменитые кабардинскіе герои. Новѣйшіе герои только уподобляются имъ, но не пользуются самобытной репутаціей.

(²) Старики-натухажцы воспоминаютъ имя Гассанъ-паши съ уваженіемъ.

(³) Такъ называютъ черкесы турецкаго военнаго министра.

панъ драгоцѣнностями. Онъ не утруждается поднимать неосторожно роняемые алмазы. Падишахъ и Стамбулъ ликуютъ въ честь Шрухуко-Тугуза...

«Такъ проходятъ дни..., но храбрый черкесъ уже тоскуетъ по родинѣ: въ Стамбулѣ нѣтъ ему равнаго, и онъ собирается въ обратный путь. Провожать его до падишаховой пристани объявлено по Стамбулу обязательнымъ для всѣхъ, а неподарившіе Тугуза осмѣяны всенародно.

«Бывъ такъ почтенъ османами, Шрухуко-Тугузъ, наконецъ, возвращается, и съ радостнымъ восклицаніемъ вступаетъ въ искони-родную землю».

Человѣку постороннему трудно уловить у черкесовъ то, что мы называемъ народною поэзіею. Затрудненіе увеличивается отъ того, что новыя пѣсни быстро смѣняли старыя; каждый подвигъ, каждый новый бой рождалъ новую пѣсню. Герой подвига восхвалялся по заслугамъ; быть упомянутымъ съ похвалою въ пѣснѣ считалось лучшею наградою. Импровизаторы, еще и теперь, по просьбѣ родныхъ, часто сочиняютъ стихи въ похвалу наѣздникамъ, убитымъ въ дѣлахъ. Какъ только появлялась въ горахъ новая пѣсня, она быстро облетала весь Закубанскій край, но ея никто не списывалъ и пѣсня скоро забывалась. Замѣчательно, что черкесы не пренебрегали и своими врагами, отличившимися храбростію или смѣлостію: про нихъ также слагались пѣсни. Такъ, черкесы воспѣвали подвиги генерала Вельяминова, котораго называли *кизилъ-генералъ*, или *генералъ-плижеръ*, т. е. красный генералъ, по причинѣ его рыжеватыхъ волосъ; славили дѣло Круковскаго у станицы Бекешевской 1843-го года и подвигъ генерала Засса на Фарзѣ въ 1841 году (¹).

«Дѣти, не играйте шашкою» — пѣли они про Вельяминова — «не обнажайте блестящей полосы, не накликайте бѣды на головы вашихъ отцовъ и матерей: генералъ-плижеръ близокъ!

«Близко или далеко—генералъ-плижеръ знаетъ все, видитъ все: глазъ у него орлиный, полетъ его соколиный.

«Было счастливое время: русскіе сидѣли въ крѣпостяхъ за толстыми стѣнами, а въ широкомъ полѣ гуляли черкесы; что было въ полѣ принадлежало имъ; тяжко было русскимъ, весело черкесамъ.

«Откуда ни взялся генералъ-плижеръ, и высыпали русскіе изъ крѣпостей; уши лошади вмѣсто присошекъ, сѣдельная лука вмѣсто стѣны; захватили они поле, да и въ горахъ не стало черкесамъ житья.

«Дѣти, не играйте шашкою, не обнажайте блестящей полосы, не накликайте бѣды на головы вашихъ отцовъ и матерей: генералъ-плижеръ близокъ.

«Онъ все видитъ, все знаетъ. Увидитъ шашку на-голо, и будетъ бѣда. Какъ воронъ на кровь, такъ онъ летитъ на блескъ желѣза. Генералъ-пли-

(¹) Этнографическій очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукопись). Военно-ученый архивъ главнаго штаба.

жеръ налетитъ какъ соколъ, заклюетъ какъ орелъ, какъ воронъ напьется нашей крови (1).»

Старинныя пѣсни про *нардовъ* (гигантовъ, богатырей) и про прежнихъ рыцарей глубоко уважаются, но онѣ очень рѣдки; большая часть ихъ забыта народомъ.

Изъ историческихъ пѣсень народа, бывшихъ въ употребленіи въ послѣднее время, одна воспѣваетъ сраженіе при урочищѣ Кызъ-бурунъ, а другая о взятіи Дербента черкесами и татарами. Первая пѣлась за Кубанью, вторая у шапсуговъ.

Кызъ-бурунъ составлена длиннымъ размѣромъ, въ родѣ гекзаметровъ, и поется съ акомпаниментомъ пшиннера. Вотъ ея содержаніе. Князья Большой Кабарды, потомки Капарта, старшаго сына Иналова, хотятъ посадить для княженія надъ бесленѣевцами одного изъ своихъ князей, но у бесленѣевцевъ остался наслѣдникомъ малолѣтный князь, потомокъ Беслана, младшаго сына Иналова, и потому бесленѣевцы сопротивляются. Князья Большой Кабарды вооружаются; бесленѣевцы, какъ слабѣйшіе, приглашаютъ на помощь всѣ закубанскія черкескія племена и крымскаго хана. Собираются всѣ представители закубанскіе и здѣсь поэтъ дѣлаетъ описаніе всѣхъ народовъ и князей, участвовавшихъ въ союзѣ, перечисляетъ дворянскіе роды. Союзники поднялись и двинулись въ Большую Кабарду. Кабардинцы также собрались, заняли укрѣпленную позицію на рѣкѣ Баксанѣ и укрѣпили ее опрокинутыми арбами. Завязывается бой; темиргоевцы и бзедухи оказываютъ чудеса храбрости, растаскиваютъ арбы и врываются въ укрѣпленіе. Побѣда остается за закубанскими черкесами и кабардинцы отказываются отъ своихъ притязаній.

Пѣснь, которую поютъ шапсуги, описываетъ взятіе Дербента (Демиръ-хану). Черкесы, по вызову крымскаго хана, пошли на Дербентъ. Въ составѣ ополченія было все лучшее черкеское дворянство, и князья Болотоковы отличались въ этомъ походѣ такою храбростію, что крымскій ханъ далъ имъ право на чернаго хана (кара-ханъ, или кара-султанъ), т. е. что Болотоковы имѣютъ всѣ права настоящаго хана надъ народомъ, вездѣ, гдѣ онъ самъ, бѣлый ханъ, т. е. повелитель Крыма, не управляетъ лично народомъ. Черкесы говорятъ, что эта пѣснь есть родословная книга ихъ дворянства, такъ что тѣ фамиліи, которыя непоименованы въ пѣснѣ, не принадлежатъ къ кореннымъ дворянскимъ фамиліямъ.

У шапсуговъ еще недавно существовала пѣсня о враждѣ ихъ съ крымскими ханами.

Съ древнѣйшихъ временъ крымскіе ханы, которымъ повиновалась тогда вся нынѣшняя Кавказская область, населенная нагайцами и калмыками, которые, такимъ образомъ, огибали съ сѣвера горы своими владѣніями, постоянно стремились утвердить свою власть въ горахъ.

Изъ народныхъ преданій и пѣсенъ видно, что крымскіе ханы, въ теченіе

(1) Воспоминанія кавказскаго офицера. „Русскій Вѣст.“ 1864 г. № 11.

двухъ сотъ лѣтъ, вели войну съ черкесами, желая покорить ихъ своей власти, что много народа погибло въ кровавыхъ сѣчахъ, но ханы не успѣли ни совершенно, ни на долго оставаться повелителями черкескаго народа. Безпрерывныя возстанія уничтожали только-что упрочившуюся власть крымскихъ хановъ и всегда было одно или два поколѣнія черкескаго народа, которыя, сохранивъ свою независимость, успѣвали и другихъ своихъ соплеменниковъ вызывать къ возстанію.

Война была кровопролитна; нѣкоторыя поколѣнія черкескаго народа, напримѣръ хегайковъ, совершенно истреблено въ этой борьбѣ; другое, жанѣевцы, до того потерпѣли въ войнѣ, что и по прошествіи ста-пятидесяти лѣтъ, не въ состояніи были оправиться и составляютъ весьма небольшое племя среди шапсуговъ.

Черкескіе народы, жившіе на подгорныхъ равнинахъ, хатюкайцы, темиргоевцы, бесленѣевцы и даже кабардинцы, нѣкоторое время покорялись крымскимъ ханамъ; но шапсуги никогда не находились подъ властію Крыма и были покровителями всѣмъ своимъ единоплеменникамъ, желавшимъ освободиться изъ-подъ чуждой имъ власти. Война крымскихъ хановъ противъ шапсуговъ была всегда неудачна. Ханъ Девлетъ-Гирей, вторгнувшійся въ ихъ землю, былъ разбитъ на рѣкѣ Пшадѣ шапсугскимъ предводителемъ, княземъ Немира-Шубсъ. Въ этомъ дѣлѣ, по словамъ пѣсни, самъ крымскій ханъ былъ взятъ въ плѣнъ и, по предложенію предводителя черкесовъ, посаженъ на верблюда, привязанъ лицомъ къ его хвосту и отправленъ въ Джимите, по дорогѣ въ Крымъ.

— Поѣзжай себѣ въ Крымъ, сказалъ Немира-Шубсъ плѣненному хану; но такъ какъ ты любишь шапсуговъ, то мы тебя такъ посадили на верблюда, чтобы ты, ѣхавши въ Крымъ, все смотрѣлъ на наши горы.

У кабардинцевъ существуетъ пѣсня про хана Селимъ-Гирея; она относится къ тому времени, когда Большая Кабарда была подъ властію крымскихъ хановъ.

Ханъ Селимъ-Гирей, съ своими войсками, собирался идти на Дербентъ, желая завладѣть имъ. Онъ прибылъ, съ частію своихъ войскъ, въ Большую Кабарду, которая должна была выставить милицію. Кабардинцы сдѣлали заговоръ, истребили татаръ, убили самого Селимъ-Гирея и сняли съ него панцырь. Въ пѣснѣ, въ видѣ насмѣшки, говорится, что «кабардинцы съ крымскаго хана сняли кожу». Панцырь этотъ и до сихъ поръ хранится въ фамиліи князей Мисостовыхъ.

Въ одной пѣснѣ, которую поютъ у шапсуговъ, сохранилось описаніе кроваваго эпизода борьбы жанѣевскаго племени противъ крымскихъ хановъ. Неоднократно побѣждаемые въ битвахъ съ татарами, жанѣевцы, узнавъ, что противъ нихъ опять собираются крымцы, рѣшились побѣдить или погибнуть до послѣдняго. Каждый изъ жанѣевцевъ долженъ былъ участвовать въ бою и взять съ собою малолѣтняго ребенка своего, чтобы, защищая его, не

отступать и шага назадъ. Одинъ изъ жанѣевцевъ, не имѣя дѣтей, взялъ свою бу-невѣстку и поставилъ за собою. Невѣстка, въ пѣснѣ, спрашиваетъ, что будетъ съ нею во время битвы, въ случаѣ смерти деверя.

— Если я паду въ бою, отвѣчаетъ ей жанѣевецъ, то трупъ мой спасетъ тебя и народъ.

Завязывается упорный рукопашный бой; крымцы одолѣваютъ. Одинъ татаринъ налетаетъ на жанѣевца, прикрывающаго своимъ тѣломъ невѣстку, и убиваетъ его. Но въ то самое время, когда онъ схватываетъ беззащитную женщину, чтобы увлечь ее въ плѣнъ, лошадь поскользнулась на трупѣ жанѣевца и татаринъ падаетъ съ лошади. Жанѣевцы убиваютъ татарина и снимаютъ съ него доспѣхи: это былъ моментъ оборота битвы. Жанѣевцы ободряются, татары робѣютъ, и, разбитые, отступаютъ....

Вотъ еще одна пѣсня, потерянная въ цѣломъ, но сохранившаяся частями, въ видѣ преданія, у шапсуговъ, темиргоевцевъ и кабардинцевъ. По содержанію ея, кабардинцы и темиргоевцы считаютъ себя выходцами изъ Арабистана. По преданію, кабардинцы и темиргоевцы, до прибытія своего на Кавказъ, перекочевали въ Крымъ, гдѣ и жили очень долгое время. Недовольные ханами, они перебрались черезъ Таманскій проливъ и поселились на Джимитейскомъ острову — въ устьѣ Кубани. Послѣ упорной войны, они удалились въ Бакинское ущелье, на р. Адагумѣ. Крымцы и прочіе горцы вытѣснили ихъ и оттуда. Тогда кабардинцы поднялись цѣлымъ народомъ, двинулись къ Каменному мосту, на р. Малкѣ, и поселились на мѣстахъ нынѣ ими занимаемыхъ. На пути отъ Адагума кабардинцы, слѣдуя по подгорію, были постоянно преслѣдуемы непріятелемъ, такъ что, не имѣя отдыха, не могли похоронить умершей своей княжны и везли ея тѣло. Отъ этого путь отступленія кабардинцевъ, отъ бывшаго Ахметовскаго укрѣпленія до укрѣпленія Хумары, получилъ названіе *хадахъ-тляхо*, т. е. путь покойницы.

Что же касается до мотивовъ пѣсенъ, то «пѣніе горцевъ», говоритъ Вердеревскій, «еще оригинальнѣе ихъ музыки. Представьте себѣ, что четыре пѣвца хоромъ тянутъ четырехнотную гамму, напримѣръ съ *до*, останавливаясь на *фа* и потомъ опять спускаясь къ *до*; въ это время пятый, главный пѣвецъ, рѣзкой фистулой поетъ, во всю силу своего голоса, какой-то речитативъ въ ладъ, но не въ тактъ акомпанимента своихъ товарищей; въ это же самое время *пшено* (пшиннеръ) дѣлаетъ свое дѣло — и изо всего этого выходитъ удивительная разногласица, въ которой однако же, мало по малу, привыкающее ухо европейца можетъ, наконецъ, различить какой-то мотивъ, какую-то смутную музыкальную мысль» (1).

Мотивы старинныхъ пѣсенъ похожи на грегоріянскій церковный напѣвъ,

(1) Отъ Зауралья до Закавказья Е. Вердеревскаго. „Кавказъ" 1855 г. № 30. Этнографическій очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукопись).

доказывающій, что музыка здѣсь родилась изъ церковныхъ пѣснопѣній. Христіанство изчезло между черкесами, но мотивы его молитвъ остались...

V.

Внутренній бытъ черкеса и его семейная жизнь. — Неограниченность власти мужа надъ женою, отца надъ сыномъ. — Положеніе въ семействѣ черкеской женщины. — Разводы мужа съ женою. — Цѣломудріе женщинъ. — Рожденіе и воспитаніе. — Аталычество. — Похороны.

Внутренняя жизнь черкеса была всегда встревожена, всегда взволнована: какой-нибудь вопросъ да занималъ общество. То народное собраніе подымало на ноги весь народъ, или въ аулѣ происходило какое-нибудь разбирательство; то ходила въ народѣ ложная, преувеличенная вѣсть о грозящей опасности; то сборъ партій; то набѣгъ; то дѣйствительное вторженіе нашихъ войскъ въ ихъ предѣлы, или, наконецъ, появленіе въ горахъ *шейха* (святаго), проповѣдывавшаго покаяніе.

Въ послѣднемъ случаѣ, народъ, въ припадкѣ набожности, начиналъ съ воплемъ каяться, приносилъ въ жертву черныхъ барановъ, молился Богу, налагалъ на себя постъ и собирался слушать проповѣди *шейха*.

На большой полянѣ, гдѣ-нибудь въ лѣсу, недалеко отъ аула, собиралось до трехъ тысячъ черкесовъ, образовывавшихъ обширный полукругъ. Стоя на колѣнахъ, въ снѣгу, съ поникшими головами, они жадно слѣдили за молитвой, произносимой громкими голосами нѣсколькихъ эфендіевъ, въ бѣлыхъ чалмахъ и такого же цвѣта длинныхъ мантіяхъ, накинутыхъ поверхъ черкески. Воткнутыя передъ ними палки, съ полумѣсяцемъ, означали ту сторону, гдѣ лежитъ Мекка. Послѣ молитвы, проповѣдникъ читалъ главу изъ корана и говорилъ проповѣдь, убѣждавшую народъ не сближаться съ гяурами и драться съ русскими до послѣдней капли крови. Яркія картины проповѣдниковъ, обѣщавшія райскія утѣхи павшимъ въ бою съ русскими, и адскія муки, ожидавшія тѣхъ изъ нихъ, которые покорились, такъ были хорошо приноровлены къ понятіямъ и характеру черкесовъ, что сильно поражали ихъ воображеніе.

Впечатлѣніе, производимое проповѣдникомъ на предстоявшихъ, было очень велико: это можно было видѣть по быстро-измѣнявшимся выразительнымъ ихъ лицамъ. Но этого ему казалось недостаточно: онъ кончалъ проповѣдь только тогда, когда, своими словами, вызывалъ всеобщее восклицаніе собравшейся толпы. Перечисляя всѣ грѣхи, принимаемые на душу черкескими племенами, признавшими надъ собою силу русскаго закона, проповѣдникъ замѣ-

чалъ, «что, по дошедшимъ до него слухамъ, они—отъ чего да избавитъ Аллахъ каждаго правовѣрнаго, чающаго вѣчной жизни — даже ѣдятъ свинину, безъ чего гяуры не стали бы имъ покровительствовать». Этого не выносили черкесы: они трепетали отъ досады; неистовые крики омерзѣнія и проклятія вырывались изъ толпы...

— Харамъ! харамъ! (нечисто, запрещено) кричала толпа, покрывая послѣднія слова проповѣдника...

Довольный дѣйствіемъ своей рѣчи и необузданною ревностію своихъ слушателей, проповѣдникъ благословлялъ собраніе и всѣ расходились по домамъ. Проходило два-три дня, самое большое недѣля, и все забыто... опять другой вопросъ занимаетъ всѣхъ.

Весна и осень—два времени года, когда жизнь черкесовъ отличалась наибольшею дѣятельностію; время это можно назвать временемъ *наѣздничества*. Съ наступленіемъ весны или осени, князь, собравъ себѣ достаточную партію молодыхъ дворянъ-наѣздниковъ, выѣзжалъ съ ними, что называется, въ *поле*. Избравши удобное мѣсто, партія располагалась въ шалашахъ или просто подъ навѣсомъ. Княжеская свита, прислуга и молодые дворяне разъѣзжались по ночамъ въ аулы, искали добычи, захватывали, т. е. воровали и пригоняли быковъ и барановъ для пищи. Если ночной поискъ бывалъ неудаченъ, то отправляли днемъ посланныхъ въ аулы, гдѣ они закупали необходимые припасы и ту провизію, которую нельзя было пріобрѣсти молодечествомъ, какъ то: пшено, молоко, сыръ и пр. Лучшіе наѣздники отправлялись въ экспедицію въ дальнія племена, пригоняли къ своимъ товарищамъ табуны лошадей и приводили плѣнныхъ. Пиръ за пиромъ, угощеніе за угощеніемъ слѣдовали въ это время и сопровождались стрѣльбою, скачками и другими играми.

Въ жизни черкеса нельзя указать ни одного момента, чтобы онъ сидѣлъ смирно; всегда есть какое-нибудь происшествіе, занимающее общество и, преувеличенною вѣстію, обѣгающее весь край. Только ненастные дни, бури, да ночь заставляли каждаго сидѣть дома и грѣться у огня, домашняго очага, развалившись на разостланной полости.

Простая домашняя обстановка черкесовъ убаюкивала ихъ сильныя ощущенія; въ саклѣ было ему тѣсно, душно и грязно.

Дома́ безъ деревянныхъ половъ, недостатокъ бѣлья и одежды, отсутствіе теплыхъ бань и скудная пища порождали между туземцами неслыханную нечистоту и самыя отвратительныя накожныя болѣзни. «Кромѣ чесотки», говоритъ очевидецъ, «и всякаго рода злокачественныхъ нарывовъ, я не разъ встрѣчалъ настоящую проказу, видѣлъ дѣтей, у которыхъ шея и плечи были покрыты наростомъ, похожимъ на рыбью чешую».

Черкесы вообще неопрятны; носятъ, не снимая съ плечъ, бешметы испещренные заплатами, и нагольные тулупы съ множествомъ разнаго рода насѣкомыхъ; въ ихъ бараньей шапкѣ содержится чуть не цѣлый возъ сѣна,

щепокъ, отрубей и множество другихъ веществъ. Бѣдность и недостатокъ въ одеждѣ такъ были велики у абадзеховъ, что только половина изъ нихъ имѣла рубашки, а остальные носили одну черкеску, не снимая ея съ плечъ. Дѣти, до десятилѣтняго возраста, особенно у крестьянъ, ходили или голыми, или въ одной рубашкѣ. Въ теплой одеждѣ и въ шубахъ нужда была такъ велика, что изъ трехъ-тысячнаго сборища абадзеховъ, для набѣга на нашу линію, достигали до р. Лабы не болѣе тысячи человѣкъ, а остальные принуждены были возвращаться домой съ половины пути. Одежда абадзеховъ состояла, по преимуществу, изъ грубой бумажной ткани, вымѣниваемой ими у турокъ на женщинъ и дѣтей.

При такой бѣдности нельзя было и помышлять объ особенной чистотѣ. Черкесы высшаго класса и люди богатые держали себя гораздо чище и между ними не встрѣчалось накожныхъ болѣзней. Во всѣхъ же сословіяхъ черкескаго народа женщины отличались большею опрятностію, чѣмъ мужчины, не смотря на то, что исполняли почти всѣ домашнія и грязныя работы. За неимѣніемъ бань, женщины безпрестанно полоскались въ большихъ, совершенно плоскихъ, мѣдныхъ тазахъ и содержали свою одежду въ исправности и чистотѣ.

Непривлекательность обстановки была отчасти причиною, что черкесъ рѣдко проводилъ время въ саклѣ, посреди семейства; только наступленіе ночи и вечерній сумракъ пригонялъ его домой, гдѣ хозяйка хлопотала объ ужинѣ, мѣшая безпрестанно въ котелкѣ, висящемъ на желѣзной цѣпи надъ яркимъ костромъ. Оборванные ребятишки ползаютъ на четверенькахъ по полу и, съ криками, протягиваютъ свои рученки, ловя за полы свою мать, переливающую изъ ведеръ въ корыто только-что надоеное парное молоко. Захлопотавшаяся женщина сердито прикрикиваетъ на дѣтей и гонитъ ихъ прочь.

— Не до васъ мнѣ теперь, говоритъ она, подите вонъ, къ *нему*.

Лежащій передъ костромъ отецъ семейства считаетъ неприличнымъ пускаться въ интимную бесѣду съ своею дражайшею половиною. Онъ ограничивается сухими, угрюмыми фразами, кидаемыми нехотя черезъ плечо, и очень похожими на мычаніе быка. Жена никогда не дерзаетъ назвать мужа по имени, ни въ глаза, ни за глаза, точно также какъ и мужъ не снисходитъ до этого. Названія *онъ* и *она* замѣняютъ въ семейномъ быту черкеса собственныя имена мужа и жены.

— Подите къ *нему*! говоритъ женщина своимъ дѣтямъ, указывая на отца.

— Видите, что *она* занята, кричитъ отецъ, унимая дѣтей.

Приласкать дѣтей, поцѣловать жену считается предосудительнымъ. Вообще поцѣлуй у черкесовъ есть принадлежность только брачнаго ложа.

Черкескій дворянинъ проводилъ жизнь на лошади, въ воровскихъ набѣгахъ, въ дѣлахъ съ непріятелемъ, или разъѣзжалъ по гостямъ. Если же и былъ дома, то проводилъ весь день въ кунахской, гдѣ лежалъ или чистилъ оружіе, поправлялъ конскую сбрую, а чаще ничего не дѣлалъ. Въ минуты со-

вершеннаго бездѣлья, онъ стругалъ ножемъ палочку или напѣвалъ пѣсню, акомпанируя на пшиннерѣ. Ему дѣла не было до того, что происходило въ семьѣ, съ которой онъ рѣдко видѣлся и ходилъ къ женѣ только вечеромъ. На послѣдней лежала обязанность смотрѣть за хозяйствомъ. Она ткала сукно, холстъ и одѣвала дѣтей и мужа съ ногъ до головы. Если у черкеса было нѣсколько женъ, то каждая изъ нихъ занимала отдѣльное помѣщеніе, имѣла особое хозяйство и поочередно обязана была готовить для мужа пищу и относить ему въ кунахскую.

Княгиня днемъ сидѣла за шитьемъ и тканьемъ галуновъ; сакля ея наполнена была женщинами и дѣвушками, занимавшимися подъ ея руководствомъ. Въ присутствіи княгини работающія съ нею женщины соблюдали строгій этикетъ; за неприличное слово, даже движеніе строго взыскивалось. Жена одного изъ конвойныхъ князя позволила себѣ, въ присутствіи княгини темиргоевской, жены Джембулата Айтекова, какое-то незначительное неприличіе. Княгиня, не сказавъ ей ни слова, тотчасъ приказала вооруженнымъ прислужникамъ идти на выгонъ и взять пару быковъ, принадлежавшихъ этой женщинѣ. Быки были приведены на княжескій дворъ, убиты и отданы на съѣденіе княжескому двору и прислугѣ, наполнявшей комнаты.

Черкешенки отличаются замѣчательнымъ искуствомъ въ работахъ; скорѣе износится и разорвется самое платье, чѣмъ лопнетъ шовъ, сдѣланный ихъ рукою; серебряный галунъ черкеской работы крѣпокъ и изященъ.

Во всемъ, что работали женщины, видѣнъ тонкій вкусъ и отличное практическое приспособленіе. Умѣнье хорошо работать считалось, послѣ красоты, первымъ достоинствомъ для дѣвушки и лучшею приманкою для жениховъ. Замужнихъ женщинъ никто не видѣлъ; онѣ сидѣли дома, занимались дѣтьми и хозяйствомъ. Имъ дозволялось принимать у себя своихъ родныхъ обоего пола, но коранъ воспрещаетъ входъ въ чужой домъ, безъ согласія на то хозяина.

Мужу предоставлено господство надъ женою, такъ какъ на него возложено содержаніе женъ. «Господь охраняетъ женъ», говоритъ коранъ, «черезъ покровительство мужа, и потому жена должна повиноваться мужу и сохранять всякую тайну». Мужья считаютъ своихъ женъ рабынями, существами безотвѣтными, которымъ даже не дозволяется жаловаться на мужа. Такое рабство происходитъ отъ обычая платить калымъ родителямъ за невѣсту.

По кореннымъ магометанскимъ законамъ, кромѣ мужа никто не имѣетъ власти надъ женою. Мужъ, желающій наказать свою жену, обязанъ дѣлать ей сначала словесныя наставленія, потомъ, оставляя ее одну на супружескомъ ложѣ, воздерживаться отъ сношенія съ нею и, наконецъ, наказывать тѣлесно, но безъ причиненія увѣчья или ранъ. Въ послѣднемъ случаѣ, жена можетъ жаловаться кадію, и тотъ подвергаетъ мужа тѣлесному наказанію.

Семейныя отношенія у черкесовъ были вообще грубы и деспотичны; отцовская власть на семейство неограничена. Глава семейства имѣлъ право не только лишить сына наслѣдства, но убить его, не подвергаясь за то, ни пе-

редъ кѣмъ, никакой ответственности. «Та же неограниченная власть признается за общиною, которая имѣетъ право жизни и смерти, въ отношеніи каждаго своего члена».

Сынъ при отцѣ, младшій братъ при старшемъ говорить не смѣетъ. Молодой человѣкъ самаго высокаго происхожденія обязанъ былъ оказывать почтеніе каждому старику, вставать передъ нимъ, не спрашивая его имени уступать ему мѣсто, не садиться безъ его позволенія, молчать передъ нимъ, кротко и почтительно отвѣчать на его вопросы. Уваженіе къ старшимъ по лѣтамъ распространялось часто и на невольниковъ, которые не исключались изъ этого правила. «Хотя дворянинъ и каждый вольный черкесъ не имѣетъ привычки вставать передъ рабомъ»—говоритъ очевидецъ—«однако же мнѣ случалось нерѣдко видѣть, какъ они сажали съ собою за столъ пришедшаго въ кунахскую сѣдобородаго невольника» [1].

Жена могла бесѣдовать съ мужемъ только ночью, во время супружескихъ свиданій; присутствіе же мужа въ ея покояхъ днемъ считалось предосудительнымъ. Жена не имѣла права проститься съ умершимъ мужемъ; ей не позволялось быть въ той комнатѣ, гдѣ лежалъ покойникъ. Мертваго сына матери дозволялось видѣть, но близко подходить къ нему или проститься съ нимъ—нельзя. Женщины, въ опредѣленныхъ по закону случаяхъ, могли быть свидѣтельницами какъ по гражданскимъ, такъ и уголовнымъ дѣламъ, но показаніе ихъ принималось только при одинаковости показанія нѣсколькихъ мужчинъ. Показаніе однѣхъ женщинъ, какъ свидѣтельницъ, принималось исключительно въ вопросахъ относительно рожденія, физическихъ недостатковъ женщинъ и родства по кормилицѣ. Женщины могли быть повѣренными въ дѣлахъ о бракѣ и разводѣ; могли быть назначаемы опекунами, если не было въ виду мужчинъ благочестивыхъ и достойныхъ. Надъ беременною женщиною воспрещалось совершать кровомщеніе и подвергать ея тѣлесному наказанію до разрѣшенія отъ бремени.

Кромѣ мужа, женщина можетъ показывать лицо только отцу, сыновьямъ, братьямъ, сыновьямъ брата и сестры, тестю, сыновьямъ мужа отъ другой жены и всѣмъ вообще дѣтямъ, не понимающимъ еще различія половъ. Даже и между собою женщины должны соблюдать, въ этомъ отношеніи, нѣкотораго рода приличія. По суровымъ и воинственнымъ нравамъ черкесовъ, считалось неприличнымъ мужу показываться вмѣстѣ съ женою внѣ дома, а отцу ласкать дѣтей своихъ при постороннихъ.

---

[1] Этнографическій очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукопись). Воспоминанія кавказскаго офицера. „Рус. Вѣст.“ 1864 г. № 10, 11 и 12. Записки русскаго офицера, бывшаго въ плѣну у горцевъ. Барона Торнау. „Кавк.“ 1852 г. № 1 и 2. „На Холмѣ“. Каламбія, „Русскій Вѣст.“ 1861 г. № 11. Бѣглые очерки Кабарды. П. Степанова „Кавк.“ 1861 г. № 82. Три дня въ горахъ Калалальскаго общества. Кр-ій. „Кавк.“ 1861 г. № 84. Мусульманское право Торнау; изд. 1866 г. Обычаи шапсуговъ и натухажцевъ Л. Люлье. Запис. Кавк. отд. Им. рус. геогр. общества, книга VII, изд. 1866 г.

Не смотря на такое незавидное положеніе женщины, она все таки могла считаться счастливою, въ сравненіи съ женщинами другихъ горскихъ народовъ. Хотя у черкесовъ на долю женщины и выпадали самыя тяжелыя домашнія работы, но это явленіе принадлежало къ обычаямъ народа, а не происходило отъ жестокости нравовъ. Случаи суроваго обращенія съ женщинами бывали очень рѣдки, и тамъ, гдѣ они встрѣчались, почти всегда виною тому бывала сама женщина. У черкесовъ, если женщина и не пользовалась самостоятельностію, за то пользовалась ролью прихотливо-оберегаемой игрушки. Она была сыта, одѣта всегда лучше мужа и прочихъ членовъ семейства, занималась рукодѣльемъ и зачастую мужъ работалъ вмѣстѣ съ нею въ полѣ.

Черкесы чрезвычайно щекотливы относительно женской добродѣтели, ея нравственности, и мстили за оскорбленіе женщины жестоко.

Обида, нанесенная семейству обезчещеніемъ женщины или дѣвушки могла быть, впрочемъ, покончена миролюбивымъ соглашеніемъ и тогда обидчикъ платилъ *пеню* изъ двадцати четырехъ головъ крупнаго скота; въ противномъ случаѣ, одно оружіе смывало безчестіе, и всѣ способы для удовлетворенія обиженнаго были дозволительны.

Въ отношеніи поведенія и правъ на цѣломудріе, черкесы раздѣляли женщинъ на три категоріи: дѣвушекъ, замужнихъ женщинъ и вдовъ. Самая строгая нравственность требовалась отъ дѣвушки и наблюденіе за этимъ возлагалось на родителей, передъ которыми дѣвушка и отвѣчала; женщина отвѣчала только передъ мужемъ, а вдова не отвѣчала ни передъ кѣмъ, могла дѣлать что ей угодно, лишь бы только не нарушала общественной стыдливости. Вдова имѣла право жить какъ ей угодно, и никто не въ правѣ былъ вмѣшиваться въ ея дѣла, если не было нарушено приличіе. Если она была знатна, хороша собою и богата, то и въ полудикой Черкесіи могла надѣяться скоро выйдти замужъ, даже послѣ многихъ любовныхъ грѣшковъ и похожденій. По обычаю народа, если женщина овдовѣетъ, одинъ изъ братьевъ покойнаго мужа можетъ на ней жениться; но это не было обязательно, и бракъ, въ случаѣ взаимнаго несогласія, могъ и не состояться. Вдовѣ предоставлялась, въ этомъ случаѣ, полная свобода.

Потеря невинности дѣвушкою считалась не преступленіемъ, а несчастіемъ. Черкесы всю вину относили на соблазнителя, котораго ожидала непремѣнная смерть, если только онъ не могъ или не хотѣлъ жениться на соблазненной имъ дѣвушкѣ. Такой человѣкъ лишался правъ на гостепріимство; ему не было пощады. Чтобы спасти свою жизнь, обольстителю оставалось одно средство: оставить свой аулъ и бѣжать къ сосѣдямъ или въ какое-либо отдаленное племя.

Нарушеніе супружеской вѣрности замужнею женщиною считалось тяжкимъ преступленіемъ, которое влекло за собою нерѣдко смерть женщины, а иногда рабство. Участника въ подобномъ преступленіи также убивали. Казнить преступную жену предоставлялось самому мужу. Въ прежнее время, онъ обрѣ-

зывалъ женѣ кончикъ носа и выгонялъ изъ дому. Въ этомъ отношеніи, виды наказаній женщины были чрезвычайно разнообразны и вполнѣ предоставлены своеволію мужа. Онъ имѣлъ право убить преступную жену, не навлекая на себя кровомщенія и не дѣлаясь отвѣтственнымъ передъ ея родственниками. Онъ могъ просто развестись съ женою, не подвергая ее наказанію. Разводы допускались у черкесовъ и обыкновенно исполнялись отсылкою жены къ ея родственникамъ и требованіемъ возврата калыма. Разводъ, впрочемъ, требовалъ фактическаго доказательства виновности женщины. Мужъ, не доказавшій виновности своей жены, терялъ право получить обратно весь калымъ: онъ могъ требовать только одну половину его и лишался права требовать другую. Сверхъ того, мужъ, не доказавшій виновности своей жены, подвергался кровомщенію ея родственниковъ. Если жена сама бросала мужа и, возвратившись въ родительскій домъ, отказывалась жить съ нимъ, то калымъ возвращался мужу весь сполна. Всѣ затрудненія, сопряженныя съ разводомъ, дѣлали то, что мужья, какъ неограниченные властелины своихъ женъ, чаще всего продавали ихъ, вмѣстѣ съ незаконнорожденными дѣтьми, туркамъ. Такъ поступали и родители съ дѣвушками, впавшими въ прелюбодѣяніе, съ тою цѣлію, чтобы какъ-нибудь предать забвенію позоръ, падавшій на родныхъ, а болѣе потому, что для такихъ женщинъ, и въ особенности дѣвушекъ, не было уже возможности выйти замужъ въ своемъ краѣ (¹).

Наконецъ былъ еще одинъ видъ наказанія женщины за прелюбодѣяніе— судъ *шаріата*, отличавшійся, въ первое время, необыкновенною строгостію и кончавшійся почти всегда смертною казнію. Вотъ одинъ изъ примѣровъ такого суда, сохранившійся въ памяти народа и выраженный въ народной легендѣ.

Въ Большой Кабардѣ, вверхъ по правому берегу р. Баксана, тамъ, гдѣ оканчивается долина и начинаются Черныя горы, есть мысъ или выдавшаяся гора, названная народомъ *Кызъ-Бурунъ* (Дѣвичій мысъ). Гора эта высока и крута къ сторонѣ рѣки, имѣетъ обрывистый уступъ, покрытый изрѣдка зеленью и крючковатыми колючками терна и шиповника. На ней, въ древнія времена, происходили собранія кабардинцевъ, приносились жертвы богамъ, творился судъ и расправа надъ осужденными и виновными, которыхъ сбрасывали со скалы въ пропасть (²).

Вырываясь изъ ледяныхъ ущелій, мелководный Баксанъ спускается къ Чернымъ горамъ и, подойдя къ *Кызъ-Буруну*, какъ бы съ негодованіемъ отстраняется отъ него въ противную сторону, потомъ опять поворачиваетъ къ скалѣ, съ шумомъ протекаетъ у самаго ея подножія, выходитъ на долину и далѣе течетъ тихо и спокойно.

(¹) Обычаи шапсуговъ и натухажцевъ Л. Люлье. Записки Кавказс. отд. Им. русскаго геогр. общества книга VII, изд. 1866 г.

(²) Бѣглые очерки Кабарды П. Степанова „Кавказъ“ 1861 г. № 82.

Ниже этого мыса находились нѣкогда аулы одного изъ первостепенныхъ владѣльцевъ, князя Мисостова.

Одинъ изъ сыновей князя Мисостова, Али-Мирза, женился на прекрасной Зюльми, дочери князя Атажукова, человѣка не менѣе знаменитаго и богатаго въ Большой Кабардѣ.

Будучи еще молодою дѣвушкою, во время народныхъ праздниковъ и увеселеній, красавица Зюльми обращала на себя вниманіе всѣхъ молодыхъ князей и первостепенныхъ узденей.

Большіе черные глаза ея, съ длинными рѣсницами и тонкими дугообразными бровями, обворожали каждаго, кто имѣлъ несчастіе встрѣтиться съ ними; улыбка розовыхъ губъ открывала перламутровые зубы; бѣлизна лица и шеи спорили съ бѣлизною покрывала. Собираясь на праздникъ, гдѣ могла присутствовать Зюльми, каждый изъ мужчинъ надѣвалъ лучшее вооруженіе и старался, своимъ удальствомъ и ловкостію, обратить на себя вниманіе красавицы.

Множество молодыхъ людей были плѣнены красотою Зюльми, но никто не былъ въ состояніи уплатить калыма, назначеннаго корыстолюбивымъ отцомъ, знавшимъ цѣну достоинствамъ своей дочери. Три панцыря, со всѣми приборами, три шашки лучшія въ Черкесіи, три коня и шесть кобылицъ, лучшихъ во всей Кабардѣ, да двѣсти *юсликовъ* (турецкая монета, около 5 рублей 67 копѣекъ) — вотъ калымъ, который былъ назначенъ за дочь князя Атажукова.

Болѣе всѣхъ полюбилъ прекрасную дѣвушку Канаматъ, одинъ изъ первостепенныхъ узденей; но все его имущество не составляло и половины того, что требовалъ отецъ за Зюльми, очарованной также Канаматомъ.

Зюльми любила смотрѣть на стройный станъ Канамата, на его быстрые, огненные глаза, орлиный носъ, красивые усы и кудрявую бороду. Она любовалась, когда онъ, въ малиновой черкескѣ, садился на сѣраго коня, и какъ вихрь летая на немъ, стрѣлялъ—всегда безъ промаха—въ брошеную вверхъ шапку или когда, подъ звуки туземной музыки, отличался въ національной пляскѣ.

Въ такія минуты Зюльми не спускала глазъ съ Канамата, который, видя это, только и думалъ о томъ, какъ бы овладѣть красавицею. Но калымъ былъ слишкомъ великъ, и напрасно Канаматъ ласкался къ отцу и братьямъ своей возлюбленной, напрасно старался вступить съ ними въ кунačество и, черезъ своего воспитателя, соглашать на уменьшеніе калыма—старый князь Атажуковъ былъ непоколебимъ, какъ гранитная скала.

Другимъ поклонникомъ прекрасной Зюльми былъ знаменитый хищникъ и джигитъ Девлетъ-Мирза, человѣкъ жестокій, угрюмый, но пылкій. Девлетъ былъ такъ бѣденъ, что не могъ и думать о томъ, чтобы пріобрѣсти красавицу цѣною калыма, и потому рѣшился добыть ее силою.

Пользуясь тѣмъ, что двоюродная сестра его, Фатима, была наставницею Зюльми, Девлетъ избралъ ее орудіемъ къ выполненію своихъ намѣреній.

Открывшись въ своей страсти, Девлетъ просилъ Фатиму узнать мнѣніе о немъ красавицы, и, если оно благопріятно, то предложить ей побѣгъ.

Фатима принялась за работу. Однажды, будучи наединѣ съ Зюльми, Фатима заговорила съ нею о замужествѣ. Она перебрала по именамъ всѣхъ князей, которыхъ считала достойными быть женихами своей воспитанницы. Фатима выхваляла достоинства каждаго, а сама зорко слѣдила за лицомъ красавицы и за впечатлѣніемъ, производимымъ на нее тѣмъ или другимъ именемъ. Зюльми оставалась спокойною, пока имя Канамата не коснулось ея слуха. Молодая дѣвушка вздохнула и, какъ бы стыдясь своей слабости, покраснѣла. Хитрая Фатима стала еще болѣе выхвалять Канамата.

— Перестань, Фатима! отвѣчала Зюльми, я не могу быть его женою.

— Почему? спросила хитрая воспитательница.

— Онъ бѣденъ.

— Но онъ тебѣ нравится.

— Зачѣмъ такой вопросъ! отвѣчала смущенная дѣвушка.

— Я пошутила, чтобы полюбоваться твоимъ румянцемъ, сказала Фатима... А замѣтила-ли ты Девлетъ-Мирзу?

— Нѣтъ, отвѣчала Зюльми.

— Напрасно. Онъ лучше всѣхъ князей и узденей; онъ превосходитъ Канамата если не лицомъ, то стройностію, ростомъ, проворствомъ и силою. Онъ отлично владѣетъ конемъ, смѣло бросается съ утесовъ въ стремнины, шашка его рубитъ желѣзо, мѣткая пуля его снимаетъ голову съ быстротой ласточки. Его страшатся всѣ джигиты, боятся завести съ нимъ ссору. Слава о немъ носится отъ Эндери до Анапы, куда онъ не разъ водилъ для продажи своихъ плѣнныхъ, и если бы ты знала, какъ онъ тебя любитъ!..

— Оставь меня, Фатима, я никогда не буду его женою.

— Почему?

— Онъ страшенъ, отвѣчала поблѣднѣвшая дѣвушка.

— Такъ тебѣ не нравится?.. Я пошутила, чтобы полюбоваться твоею блѣдностію...

Девлетъ-Мирза и Фатима видѣли, что попытка ихъ не удалась, и вскорѣ должны были покинуть мысль о похищеніи.

Зюльми вышла замужъ за Али-Мирзу, сына Мисостова. Молодой Али, оставшись послѣ смерти отца богатымъ наслѣдникомъ, влюбился въ Зюльми, внесъ на первый разъ половину калыма и сталъ обладателемъ красавицы.

Али-Мирза былъ сухощавъ; всклокоченная борода, кривыя брови, широкія губы и дикое выраженіе глазъ дѣлали изъ него что-то звѣрское. Сравнивая его съ Канаматомъ, Зюльми не могла не отдать преимущества послѣднему. Она не любила Али, а тотъ, замѣтивъ ея холодность, сталъ ревновать.

Не долго пользовался Али-Мирза своимъ счастіемъ. Девлетъ-Мирза рѣшился отмстить Зюльми и воспользовался своею дружбою съ Али-Мирзою.

— Знаешь-ли что, сказалъ однажды, во время охоты, Девлетъ Али-Мирзѣ: Канаматъ, который вездѣ прячется отъ насъ, крадетъ изъ твоего огорода тыкву.

— Какъ такъ? спросилъ озадаченный Али-Мирза.

— Да, онъ надѣялся прорѣзать своимъ кинжаломъ тотъ корсетъ, который тебѣ достался... теперь же думаетъ замѣнить это тѣмъ, что по вечерамъ лазитъ въ гаремъ твой.

Али-Мирза не вѣрилъ; Девлетъ уговорилъ его убѣдиться въ истинѣ его словъ.

— Скорѣе хочу потерпѣть раззореніе отъ уруса (русскаго), нежели видѣть это, отвѣчалъ Али-Мирза.

Девлетъ зналъ, что Али-Мирза видѣлъ нелюбовь къ себѣ Зюльми, что ревность нашла давно мѣсто въ его сердцѣ, а потому рѣшился довести дѣло до конца.

— Зачѣмъ не сказалъ мнѣ прежде, говорилъ онъ Али-Мирзѣ, что хочешь имѣть Зюльми? Всѣ знали, что она любитъ Канамата, что тотъ хотѣлъ взять ее безъ калыма. Я бы никогда не посовѣтовалъ тебѣ, безъ увѣренности въ расположеніи дѣвушки, покупать ее хотя бы за пару подковъ. Нѣтъ радости для нея пить изъ одной чаши съ тѣмъ, кого она не любитъ, а для тебя нѣтъ удовольствія обнимать ту, которая любитъ другаго. Такой союзъ—холодный трупъ *тляги* (мертвеца), привязанный къ тѣлу живаго, съ которымъ надобно жить и умереть, если не хватитъ мужества разорвать цѣпи союза.

Али-Мирза слушалъ все это съ мрачною задумчивостію. Онъ не возражалъ на совѣты своего коварнаго друга прогнать невѣрную жену къ отцу ея, но готовъ былъ отдать еще двойной калымъ за то только, чтобы пріобрѣсти любовь прекрасной своей супруги.

— Девлетъ! сказалъ онъ послѣ долгаго раздумья: ты открылъ мнѣ такую тайну, которой вѣрить было склонно мое сердце, но я страшился думать о томъ... Змѣя, ты скоро почувствуешь всю силу моей надъ тобою власти!... Но если это ложь, Девлетъ, то, за нарушеніе моего спокойствія и за вмѣшательство въ домашнія тайны, ты будешь отвѣчать мнѣ своею жизнію.

— Али! отвѣчалъ разлучникъ: не забудь, что я умѣю владѣть оружіемъ, и кто грозитъ мнѣ гибелью за правду, тотъ самъ пострадаетъ отъ неправды...

Мнимые друзья разстались. Али былъ увлеченъ охотою, а Девлетъ круто повернулъ своего коня и скоро пріѣхалъ къ аулу своего друга, на Баксанѣ. Остановившись у своего знакомаго, онъ вызвалъ изъ сакли Али-Мирзы преданнаго себѣ слугу, переговорилъ съ нимъ и приказалъ позвать къ себѣ Фатиму. Въ мужскомъ костюмѣ, съ кинжаломъ у пояса, явилась она къ своему родственнику и, послѣ короткихъ переговоровъ, ушла обратно въ гаремъ Али-Мирзы, а Девлетъ уѣхалъ домой.

Почти въ полночь, мрачный и задумчивый, возвратился домой Али-Мирза. Дворникъ Шегень, тотъ самый, что былъ вызванъ Девлетъ-Мирзою, бросился къ нему принять лошадь.

— Не пріѣзжалъ-ли кто сюда безъ меня? спросилъ Али.

— Кто смѣетъ, повелитель мой, отвѣчалъ вкрадчиво слуга, топтать, въ отсутствіи твоемъ, ногами коня сѣнь гарема?—но...

— Что? перебилъ его Али... говори.

— Можетъ быть, нечистая сила шайтана (чорта) въ человѣческомъ образѣ съ наступленіемъ ночи приходила и уходила отсюда...

— А гдѣ онъ былъ? спросилъ сердито Али-Мирза.

— Вотъ тамъ, сказалъ Шегень, указывая на саклю, гдѣ жила Зюльми съ Фатимою и съ другою старою женщиною.

— Кто еще видѣлъ его?

Шегень указалъ двухъ другихъ прислужниковъ, которые подтвердили, что почью какой-то черкесъ входилъ въ гаремъ и выходилъ изъ него.

Подозрѣніе Али-Мирзы усилилось и, казалось, готово было подтвердиться. Желая однако оставить своихъ суевѣрныхъ слугъ въ предразсудкѣ о появленіи дьявола, онъ приказалъ призвать на другой день муллу для очищенія своего гарема отъ нечистой силы.

Безсонница мучила всю ночь Али-Мирзу; ревность грызла его сердце. Съ раннимъ разсвѣтомъ онъ послалъ на рѣку Чегемъ, въ аулы Джанхота, за эфендіемъ Бешегуромъ, который пользовался довѣренностію Мисостовыхъ. Едва только Бешегуръ пріѣхалъ, Али тотчасъ же повелъ его въ саклю жены. Зюльми и Фатима шили для Али кафтанъ изъ шелковой ткани. Подозрѣваемая женщина слышала уже разсказъ о вчерашнемъ появленіи шайтана въ образѣ человѣка. Зюльми видѣла въ этомъ недоброе. Она поражена была просьбою Али-Мирзы, чтобы эфендій прочелъ молитву объ изгнаніи нечистой силы изъ его гарема и призвалъ на помощь пророка Магомета, ниспослать ему миръ и спокойствіе, очистить жену отъ дурныхъ помышленій, внушить въ ея сердце любовь и вѣрность къ мужу.

Больно было Зюльми слышать такое подозрѣніе мужа, которому она старалась быть послушною, какъ вѣрнѣйшая раба. Смиренно стала она на колѣни и, вмѣстѣ съ другими, выслушивала страшныя заклинанія, отъ которыхъ блѣднѣла и терзалась. Али не спускалъ съ нея ревнивыхъ своихъ взоровъ и, въ блѣдности лица жены, ея тихихъ вздохахъ, способенъ былъ видѣть только одно—измѣну.

— Прощай, сказалъ онъ ей послѣ молитвы, я вижу твое безпокойство; мое присутствіе для тебя тягостно: ты меня не увидишь болѣе; я ѣду и даю тебѣ время успокоиться...

Али былъ въ необыкновенномъ волненіи.

— Смотри, сказалъ онъ, обращаясь къ Фатимѣ, ты погибнешь, *бажа* (лисица), если...

И, не договоривъ послѣднихъ словъ, онъ оставилъ саклю. Созвавъ къ себѣ узденей, Али объявилъ имъ, что ѣдетъ на Кубань на нѣсколько дней, и просилъ Бешегура сопутствовать ему хотя до рѣки Малки.

Зюльми осталась въ своей саклѣ, пораженная какъ громомъ послѣдними словами мужа, а Фатима продолжала съ твердостію начатое дѣло. Она позвала къ себѣ Шегеня и поручила ему, отъ имени Зюльми, звать Канамата на свиданіе. Шегень осѣдлалъ коня и ускакалъ.

Али-Мирза, во время ночлега на Малкѣ, открылъ эфендію свои подозрѣнія о невѣрности жены, признался, что, только для бо́льшаго убѣжденія себя, распустилъ слухъ о мнимомъ отъѣздѣ своемъ на Кубань и просилъ Бешегура, оставаясь съ нимъ, быть свидѣтелемъ всего того, что можетъ случиться. Получивъ согласіе, Али-Мирза въ слѣдующую же ночь поѣхалъ съ Малки обратно. Вдвоемъ съ Бешегуромъ, скрытыми путями, добрались они въ полночь до аула; привязали лошадей своихъ къ плетневому забору, а сами, пробравшись тихо черезъ задніе огороды, засѣли такъ, что могли видѣть все происходившее во дворѣ и въ саклѣ-гаремѣ.

Стояла мрачная осенняя ночь; луна, то показываясь изъ-за облаковъ, то опять скрываясь за нихъ, слабо освѣщала землю. Изъ ущелья дулъ порывистый вѣтеръ; Баксанъ, вздымаясь полноводьемъ, перевертывая камни, стремился съ такимъ шумомъ, какой рѣдко слыхали его обитатели.

Въ аулѣ давно всѣ спали; спалъ подъ буркою и старый Бешегуръ, завернувшись въ сухіе листья кукурузы. Не спалъ одинъ Али-Мирза; онъ давно вынулъ изъ чахла свою винтовку и ждалъ незванаго гостя. Али сознавалъ, что, рѣшившись на такое предпріятіе, поступилъ крайне неблагоразумно; что если ожиданія будутъ напрасны, тогда стыдъ станетъ послѣдствіемъ его необдуманности. Али готовъ былъ прямо и открыто идти на дворъ, но вдругъ услыхалъ лошадиный топотъ, потомъ скрипъ воротъ и увидѣлъ человѣка, тихо вошедшаго во дворъ. Али сталъ пристально всматриваться. Незнакомецъ украдкою пробирался къ саклѣ, гдѣ жили жены, тихо постучалъ, и оттуда скоро вышла женщина безъ покрывала; лица мужчины замѣтить было невозможно, но въ лицѣ женщины князь узналъ Фатиму.

Ревнивый мужъ наскоро взвелъ курокъ, хотѣлъ направить въ нихъ смертоносный выстрѣлъ, но темное облако задернуло луну и все скрылось въ густотѣ ночнаго мрака. Али-Мирза поползъ къ мѣсту, гдѣ предполагалъ встрѣтить разговаривающихъ, но, по неосторожности, ударилъ ружьемъ о камень такъ, что произвелъ искры; разговаривающіе переглянулись и, понявъ другъ друга, бросились въ разныя стороны; но едва только незнакомецъ подошелъ къ воротамъ, какъ луна освѣтила его фигуру. Али прицѣлился.... выстрѣлъ грянулъ и незнакомецъ палъ на мѣстѣ.

Какъ бѣшеный звѣрь бросился Али на свою жертву, топталъ ее ногами, добивалъ прикладомъ и, нагнувшись надъ нимъ, узналъ Канамата. Съ бо́льшею еще яростію бросился онъ съ обнаженнымъ кинжаломъ въ саклю Зюльми,

думая, прежде всего, поразить преступную Фатиму, но той уже не было въ саклѣ. По первому звуку выстрѣла, она бросилась въ дальній огородъ, сѣла на приготовленную ей Шегенемъ лошадь и ускакала вмѣстѣ съ нимъ. Али-Мирза вошелъ къ Зюльми и, схвативъ ее за волосы, стащилъ съ постели. Не обращая вниманія на ея слезы, онъ повлекъ ее на дворъ къ тѣлу Канамата. Али занесъ уже кинжалъ, чтобы поразить невѣрную, но явившійся Бешегуръ и подвластные князя остановили разъяреннаго мужа. Эфендій совѣтовалъ предать несчастную духовному суду. Али-Мирза согласился съ предложеніемъ; въ знакъ вѣчнаго разрыва съ женою обрѣзалъ ей волосы, наложилъ на руки цѣпи, одѣлъ въ рубище и, толкнувъ въ грудь ногою въ знакъ презрѣнія, приказалъ посадить ее въ яму.

На слѣдующій день собрались члены шаріата. Обвиняемая потребована къ допросу. Двѣ старыя женщины подъ руки ввели подсудимую. Никто изъ судей не могъ видѣть, что выражало скрытое подъ покрываломъ лицо несчастной. Кадій раскрылъ коранъ и заклиналъ обвиняемую показать истину.

— Знаешь ли ты Канамата? спросилъ онъ.

— Знаю, отвѣчала Зюльми со слезами.

— Любила ли ты его?

— Любила, до замужства.

Кадій улыбнулся, замѣтивъ, что она, должно быть, очень хитра, если думаетъ увѣрить присутствующихъ судей, что, полюбивъ кого-нибудь до замужства, можно разлюбить его, сдѣлавшись женою другаго.

— Сколько разъ ты видѣлась съ нимъ, будучи женою? спросилъ опять кадій.

— Ни разу, отвѣчала подсудимая.

— Къ кому же, думаешь ты, приходилъ онъ ночью?

— Я не видала.

— Былъ ли онъ у тебя въ послѣднюю ночь?

— Я спала и ничего не знаю.

— Но ты знаешь Канамата, перебилъ ее кадій, и любила его, а что онъ посѣщалъ тебя, это доказываетъ трупъ, лежащій у ногъ твоихъ. И такъ ты виновата.

Подсудимую снова отвели въ сырую яму и скоро объявили приговоръ шаріата: преступницу сбросить живую съ высокой горы.

Двухъ черныхъ быковъ впрягли въ легкую арбу. Осужденную одѣли въ бѣлую пелену, окрутили голову бѣлымъ покрываломъ и, сложивъ на груди ея руки, обвязали такъ крѣпко, что она не могла пошевелиться. Младшій мулла сѣлъ въ арбу и держалъ несчастную между колѣнами, какъ обыкновенно отвозятъ умершихъ на могилы. Арба выѣхала со двора; окруженная конвоемъ и сопровождаемая членами шаріата, она направилась въ Баксанское ущелье, къ ближайшему мысу Черныхъ горъ. Али-Мирза, съ кровавою жаждою мести, спокойно ѣхалъ за вѣрною жертвою своей ревности....

Арба въѣхала на крутой мысъ. Почти полумертвая, поставлена была осужденная на краю пропасти. Мулла прочелъ отходную молитву.... казнь совершилась....

Падая съ уступа на уступъ, съ камня на камень, прекрасная и вѣрная мужу Зюльми скоро очутилась на днѣ пропасти, сдѣлавшись жертвою мстительнаго самолюбія Девлета, обманувшаго мужа. Посланные подняли трупъ и принесли его опять на гору, чтобы предать землѣ на мѣстѣ казни.

Едва только хотѣли зарывать трупъ, какъ вдали послышались вопли, поразившіе присутствующихъ, и сквозь толпу ворвалась женщина съ распущенными волосами. Раздирая себѣ лицо и грудь, захлебываясь собственною кровію, она голосила какъ изступленная:

— Постойте, злодѣи! — не рѣжьте ея....
Ахъ! сжальтесь надъ нею, невинна она!
Въ ней сердце такъ чисто, какъ свѣтла струя;
Душа непорочна, какъ въ небѣ звѣзда;
Языкъ непричастенъ преступныхъ рѣчей,
Смиренна, какъ голубь, незлобна она —
Добрѣе овечки, вѣрнѣе всѣхъ женъ....
О, прелесть ты свѣта! о радость души!
Ни черныя очи, ни сладость въ устахъ
Тебя не спасли отъ погибели злой....
Звѣрь Али! омойся въ невинной крови!
Коварный Девлетъ! Ты посмѣйся ему!
Сестру ты обманомъ въ злодѣйство введи,
Съ Шегенемъ лукавымъ учите меня, —
Пусть я призову Канамата къ себѣ;
Ревниваго мужа пусть кровь закипитъ;
Пусть мщеніемъ лютымъ онъ гнѣвъ утолитъ,
И крови напьется невинной жены....
Ахъ! рѣжьте, злодѣи! — Терзайте меня!
Я, я погубила.... невинна она!
Ахъ! дайте отраду, — убейте меня!
О, дочь моя! гдѣ ты? иду я къ тебѣ —
Съ тобой неразлучно жила — и умру,
Тебя погубила—и гибну сама....

Пѣвшая женщина бросилась къ ближайшему черкесу и, выхвативъ у него кинжалъ, мгновенно поразила себя и пала, умирая, на ту, которую погубила невинно. Это была Фатима.

Надгробная пѣснь Фатимы поздно убѣдила Али-Мирзу въ невинности жены. Ему оставалось только оплакивать свою участь, заплатить *пеню*

фамиліи князя Атажукова за безчестіе жены, и съ трудомъ примириться съ раздраженными братьями погибшей.

Девлетъ-Мирза скрылся; мщеніе стало невозможнымъ.

Али-Мирза, терзаемый грустью и упрекаемый совѣстью, оставилъ свой домъ и, переселившись изъ Кабарды къ абадзехамъ, водилъ ихъ партіи въ русскіе предѣлы. Жители аула, считая мѣсто это нечистымъ отъ вліянія злаго духа, переселились съ рѣки Баксана на Урупъ, а ту гору, гдѣ двѣ насыпи скрываютъ прахъ двухъ погибшихъ женщинъ, назвали *Кызъ-бурунъ* (Дѣвичій мысъ), какъ свидѣтельство невинности погибшихъ (¹).

Прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ; въ устахъ кабардинцевъ осталась только пѣсня Фатимы, да разсказъ о Кызъ-бурунѣ, вѣчномъ памятникѣ кровавой сцены и людской злобы....

Жестокое наказаніе за прелюбодѣяніе, относительно мужчины и женщины, существуетъ почти у всѣхъ народовъ, стоящихъ на низкой степени развитія. Подобное наказаніе сообразно вполнѣ и съ духомъ магометанскаго ученія, которому слѣдуетъ большинство черкескаго народа.

Мусульманское право повелѣваетъ за прелюбодѣяніе подвергать виновныхъ смертной казни, побіенію каменьями, зарытію въ землю живыми, и только въ рѣдкихъ случаяхъ допускаетъ возможность органичиваться тѣлеснымъ наказаніемъ. То же право признаетъ однако, что дѣти не должны отвѣчать за вину родителей, и потому не устраняетъ ихъ совершенно отъ наслѣдства. Дѣти, признанныя завѣдомо незаконными, и тѣ не теряютъ права на наслѣдство, если прочіе наслѣдники согласятся на предоставленіе имъ права ходатайствовать по наслѣдству. Въ этомъ отношеніи, участь и положеніе подобныхъ дѣтей, по мусульманскому праву, лучше обезпечена, чѣмъ на основаніи другихъ законоположеній.

Рожденіе ребенка не составляло у черкесовъ ни особенной важности, ни особенной радости; оно не сопровождалось и никакими особенными церемоніями.

При рожденіи младенца его оставляли однѣ сутки на воздухѣ, безъ всякаго призрѣнія. Одинъ изъ ближайшихъ сосѣдей, родственниковъ или пріятелей, дарилъ счастливому отцу корову, лошадь или овцу, смотря по состоянію, приносилъ хлѣбъ, вино и другіе съѣстные припасы и получалъ за то право дать имя новорожденному.

Имена новорожденнымъ даются совершенно произвольно. Вліятельные и богатые люди часто даютъ имена по названіямъ тѣхъ племенъ, у которыхъ воспитывается ихъ сынъ или живутъ сами: такъ встрѣчаются имена *Бесльній*, *Убыхъ* и другія. Давшій имя ребенку у нѣкоторыхъ племенъ черкескаго народа считался какъ бы вторымъ отцомъ новорожденнаго. На при-

(¹) Кызъ-бурунъ И. Радожицкаго. Отечествен. Записки 1827 года, т. 32.

несенныя имъ кушанья затѣвалась пирушка, которая собственно и обозначала семейную радость въ обыденной жизни горца.

Если новорожденный былъ первенецъ, то отецъ мужа снималъ съ своей невѣстки носимую ею на головѣ небольшую шапочку, съ околышомъ изъ смушекъ, повязывалъ ей голову косынкой и дарилъ молодыхъ скотомъ или другимъ имуществомъ.

Послѣ родовъ, мужъ не имѣлъ сближенія съ женою около полутора года, до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не начиналъ ходить; поэтому почти у каждаго имѣлась въ запасѣ любовница, по большей части изъ рабынь. По прошествіи года, новорожденному мужескаго пола подносили оружіе, и если онъ его принималъ, то это считалось признакомъ его воинственности, составляло истинное наслажденіе для родителей и часто служило поводомъ къ празднествамъ и различнаго рода увеселеніямъ.

Бѣдные черкесы воспитывали дѣтей дома, и тогда мальчикъ до семилѣтняго возраста находился при матери, а послѣ этого поступалъ въ распоряженіе отца, который училъ его владѣть ножемъ, кинжаломъ, верховой ѣздѣ и военнымъ упражненіямъ.

Князья и дворяне, тотчасъ послѣ рожденія, отдаютъ мальчика на воспитаніе одному изъ достойнѣйшихъ своихъ подвластныхъ, а чаще всего къ одному изъ лицъ, принадлежащихъ другимъ обществамъ. Воспитатель ребенка носитъ названіе *аталыка* и охотниковъ взять на себя эту обязанность бываетъ очень много, и тѣмъ больше, чѣмъ знаменитѣе и уважаемѣе отецъ новорожденнаго. Многіе хлопочутъ объ этомъ за мѣсяцъ до рожденія ребенка. Младенецъ находится еще въ утробѣ матери, а желающіе быть его воспитателями оспариваютъ другъ у друга право принять его въ свое семейство и назваться *аталыкомъ* новорожденнаго.

Въ такіе споры родители будущаго ребенка не вмѣшиваются, считая это предосудительнымъ. Претенденты, разобравшись между собою, рѣшаютъ, кому быть воспитателемъ, и послѣдній ожидаетъ рожденія ребенка, какъ праздника, съ большимъ нетерпѣніемъ. Онъ отправляетъ заблаговременно въ домъ родителей бабку и заготовляетъ все для пиршества. Какъ только получитъ свѣдѣніе о рожденіи, пируетъ съ родственниками и знакомыми дня два или три, и затѣмъ уже принимаетъ къ себѣ новорожденнаго.

Часто между желающими быть аталыкомъ возникаютъ такіе споры, что примирить ихъ нѣтъ возможности, и тогда князь принужденъ бываетъ согласиться, чтобы сынъ его, пробывъ нѣкоторое время у одного аталыка, переходилъ потомъ ко второму, а иногда и къ третьему.

Такъ, Асланъ-бекъ, сынъ Джембулата Болотокова, темиргоевскаго князя, имѣлъ трехъ аталыковъ. Первый былъ Куденетовъ, кабардинецъ, приближенный другъ Джембулата; послѣ, по добровольному согласію отца и Куденетова, Асланъ-бекъ былъ взятъ абадзехскимъ старшиною Аджи-Аджимоковымъ. Между тѣмъ, шапсугскій дворянинъ Хаджи-Берзекъ, бывшій нѣкогда аталыкомъ са-

мого Джембулата, укралъ его сына, Асланъ-бека, у Аджимокова и воспитывалъ его у себя. По этому поводу произошла кровавая вражда между Аджимоковымъ и Берзекомъ; наконецъ обѣ стороны предались на судъ народный, началось разбирательство, на которомъ сказано было много рѣчей. Молодой Асланъ-бекъ былъ отнятъ у Берзека и возвращенъ Аджимокову, съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ быть снова переданнымъ Берзеку, у котораго онъ и окончилъ свое воспитаніе.

Принявшій ребенка на воспитаніе пріобрѣталъ всѣ права кровнаго родства, и потому понятно, отчего такъ много являлось лицъ, желавшихъ породниться съ вліятельнымъ или богатымъ княземъ. Связь по аталычеству считалась у черкесовъ священною. Не только семейство аталыка становилось роднымъ своему воспитаннику, но часто случалось, что жители цѣлаго селенія, общества и даже страны считали себя аталыками воспитаннаго между ними ребенка знатной фамиліи. Такъ, всѣ медовеевцы называли себя аталыками князя Карамурзина, а всѣ абадзехи аталыками темиргоевскаго владѣтеля, Джембулата-Айтеки.

Аталыкъ не могъ имѣть болѣе одного воспитанника, иначе онъ навлекалъ на себя неудовольствіе со стороны перваго питомца. Знатный же воспитанникъ могъ имѣть нѣсколькихъ аталыковъ, въ числѣ которыхъ считался и тотъ, кто въ первый разъ брилъ голову молодому князю или дворянину и хранилъ его волосы.

Если воспитанникъ умиралъ, то аталыкъ, въ знакъ глубокой скорби, въ прежнее время, обрѣзывалъ себѣ концы ушей, а въ ближайшее къ намъ время, довольствовался ношеніемъ годичнаго траура.

Обычай аталычества много способствовалъ примиренію и сближенію между собою разноплеменныхъ горскихъ семействъ. Кромѣ того, при такомъ способѣ воспитанія, дѣти пріучались говорить на чужихъ нарѣчіяхъ, что, при существовавшемъ разноязычіи, для нихъ бывало весьма полезно впослѣдствіи. Съ другой стороны какъ увидимъ ниже обычай этотъ вредно отзывался въ семейномъ быту черкеса. Женщины съ особенною нѣжностію заботились о своихъ питомцахъ, а дѣти привязывались къ своимъ кормилицамъ, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе знали своихъ родителей. Заботливость воспитателей о своихъ питомцахъ происходила отъ народнаго убѣжденія, что вредъ, сдѣланный аталыкомъ своему воспитаннику, навлекаетъ неотвратимое несчастіе на все семейство аталыка и преимущественно на кормилицу.

Главное воспитаніе состояло въ обученіи отлично владѣть оружіемъ, умѣть выѣзжать боеваго коня, быть ловкимъ на хищничествѣ, умѣть уйти отъ погони и неожиданно напасть на непріятеля; словомъ, всему тому, что могло сдѣлать изъ питомца отважнаго хищника и храбраго джигита.

Аталыкъ, нося на плечахъ своего воспитанника, напѣвалъ ему удалую пѣсню, въ которой высказывалъ свои желанія и качества, которыми долженъ обладать въ жизни его питомецъ.

— Баю, баюшки, мой свѣтъ —пѣлъ онъ младенцу—выростешь великъ, молодцомъ будь, отбивай коней и всякую добычу, да не забывай меня старика.

Аталыкъ обязанъ былъ вскормить питомца, выучить его стрѣльбѣ въ цѣль, пріучить къ безропотному перенесенію безсонницы, голода, труда и опасностей. Когда воспитанникъ подросталъ, то получалъ въ подарокъ отъ друзей *махлуфъ*—оружіе и лошадь и съ ними отправлялся, въ сопровожденіи надежныхъ людей, на хищничество, сначала легкое, а потомъ и болѣе трудное. Какъ младшій въ партіи, онъ долженъ былъ ночью караулить лошадей, заботиться объ ихъ продовольствіи, услуживать хищникамъ и терпѣливо переносить ихъ обращеніе. Съ нимъ обращались съ нѣкоторой афектаціей, стараясь показать ему не только неуваженіе, но полное пренебреженіе, какъ къ мальчишкѣ, недоказавшему еще ни храбрости, ни хищнической способности.

На обязанности аталыка лежало также ознакомленіе своего воспитанника съ религіею и народными обычаями, для чего онъ водилъ его на народныя собранія и разбирательства. Въ этомъ заключалось почти все воспитаніе черкеса. По отсутствію грамотности на черкескомъ языкѣ, познанія народа были крайне ограничены. Письменность ихъ производилась на арабскомъ и, частію, на турецкомъ языкахъ. Большая часть князей и старшинъ не знали письменности этихъ языковъ, а потому муллы и эфендіи, знающіе кое-какъ арабскій и турецкій языки, были единственными представителями грамотности въ народѣ, и на народныхъ собраніяхъ и разбирательствахъ имѣли большой вѣсъ.

Понятія черкесовъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ были невѣжественны, и къ тому же они съ трудомъ перенимали все постороннее. Будучи въ безпрерывномъ столкновеніи съ нами, они не понимали, что такое Россія, и не признавали нашихъ порядковъ. Случалось часто, что старшины, увлеченные личнымъ расположеніемъ къ одному изъ нашихъ частныхъ начальниковъ, заключали съ нимъ мирный договоръ, но хищничали въ предѣлахъ другаго сосѣдняго начальника. Не понимая общей связи и устройства государственнаго правленія, они считали начальника, которому покорились, самостоятельнымъ княземъ и находили весьма естественнымъ разбойничать въ предѣлахъ другаго русскаго князя. Обыкновенно, когда разсказывали имъ о могуществѣ Россіи, о пространствѣ ея земель, то они весьма недовѣрчиво качали головою.

— Странно—замѣчали они—зачѣмъ же русскимъ нуждаться въ нашихъ горахъ, въ нашей маленькой землѣ? Нѣтъ, видно имъ негдѣ жить.

Точно такое же понятіе черкесы имѣли о французахъ (франги), англичанахъ (инглисъ), нѣмцахъ (немце) и полагали, что эти государства (краля), нѣчто въ родѣ ихъ маленькихъ горскихъ обществъ. О турецкомъ султанѣ, объ Египтѣ, объ Аравіи имѣли бо̀льшія понятія, потому что ихъ богомольцы бывали въ Турціи, Египтѣ и Аравіи, но ни границъ, ни средствъ этихъ государствъ не знали. Мегметъ-Али-пашу египетскаго и султана турецкаго считали самыми могущественными царями въ свѣтѣ и были увѣрены, что рано или

поздно они выгонятъ русскихъ съ Кавказа. Черкесы были чистосердечно убѣждены, что Турція самая могущественная держава въ свѣтѣ, по своему населенію и пространству. Они вѣрили, что султанъ повелѣваетъ всѣми европейскими государствами, что, пачиная послѣднюю войну съ нами, онъ не хотѣлъ безпокоить своихъ мусульманскихъ подданныхъ, а приказалъ французамъ и англичанамъ придти и выгнать русскихъ. По словамъ черкесовъ, онъ отправилъ съ этимъ приказомъ своего посланника во Францію и въ Англію.

— Собаки вы, невѣрные—сказалъ имъ посланникъ султана—если вы тотчасъ же не придете, мой государь прикажетъ потушить огни въ вашихъ кухняхъ.

Устрашенныя угрозою, французы и англичане тотчасъ же явились въ Севастополь выгонять русскихъ изъ Крыма [1].

При такой низкой степени развитія и нежеланіи обогащать свои познанія, воспитаніе черкеса было немногосложно. Родители, во все время воспитанія сына, дѣлали аталыку частыя и значительныя вспомоществованія и, кромѣ того, два раза богатые подарки. Первый разъ дарили тогда, когда онъ привозилъ своего питомца на показъ, а второй, когда сдавалъ окончательно на руки родителямъ. Еще большее вознагражденіе получалъ аталыкъ, когда воспитанникъ его въ первый разъ, какъ говорится, *вкладывалъ ногу въ стремя.* Отправляясь тогда съ визитами къ своимъ роднымъ и пріятелямъ отца, молодой человѣкъ получалъ отъ нихъ щедрые подарки, которые почти цѣликомъ поступали въ пользу аталыка.

Во все время воспитанія, родители не должны были позволять себѣ ни малѣйшей нѣжности и ласки къ своему ребенку, и при свиданіи не показывать даже виду, что узнаютъ его. Подавляя въ себѣ прирожденное чувство любви къ дѣтямъ, черкесы избѣгали видѣть дѣтей своихъ до ихъ совершеннолѣтія. Причина та, что родительская нѣжность считалась дѣломъ въ высшей степени неприличнымъ, и служила выраженіемъ слабости, недостойной мужчины и воина. По понятію черкесовъ, при воспитаніи дѣтей слѣдуетъ избѣгать всего, что можетъ изнѣжить юную душу.

Когда аталыкъ считалъ воспитаніе молодаго князя совершенно оконченнымъ, и когда воспитанникъ его достигалъ до извѣстныхъ опредѣленныхъ лѣтъ, тогда онъ собиралъ всѣхъ своихъ родныхъ и задавалъ пиръ.

Абадзехскій старшина Магометъ-Касай, окончивъ воспитаніе Шерлетуко Болотокова, по случаю возвращенія его къ отцу, задалъ пиръ на весь Закубанскій край. За двѣ недѣли до дня пиршества созваны были дѣвицы и молодые люди со всего края; составился огромный общій *кругъ.* Въ то время, когда молодые танцовали, князья и наѣздники производили бѣшеную джигитовку въ срединѣ круга. Въ теченіе десяти дней, аталыкъ кормилъ на славу всѣхъ прибывшихъ къ нему многочисленныхъ гостей.

---

[1] Поѣздка къ кавказскимъ горцамъ 1863—1864 г. Еж. пр. къ Р. И. 1865 г. № 21.

Подаривши своему питомцу коня, надѣливъ его хорошимъ вооруженіемъ и одеждою, аталыкъ отводилъ его въ домъ родительскій, въ сопровожденіи музыканта, которому обыкновенно отецъ воспитанника дарилъ лошадь. Съ этого времени аталыкъ считалъ свою обязанность оконченною, но воспитанникъ часто такъ привязывался къ аталыку, что любилъ его больше, чѣмъ своего отца. Бывали случаи, что въ ссорахъ отца съ аталыкомъ молодой человѣкъ принималъ сторону аталыка, которому часто отдавалъ все, что только могъ, и исполнялъ всѣ его желанія.

По пріемѣ сына, отецъ дарилъ аталыка и вознаграждалъ его за труды и расходы. Богатство и щедрость князя опредѣляли мѣру вознагражденія. Обыкновенно князь давалъ аталыку нѣсколько штукъ скота, лошадей, разныхъ вещей, а иногда два или три семейства крестьянъ, что составляло за Кубанью значительную сумму.

Князь могъ отдать своего сына на воспитаніе человѣку низшему по происхожденію, но самъ могъ воспитывать у себя только княжескаго ребенка.

Дворяне, какъ и князья, отдавали своихъ дѣтей на воспитаніе аталыкамъ. Женскій полъ княжескаго происхожденія тоже отдавался, въ прежнее время, на воспитаніе къ постороннимъ лицамъ. Дѣвушки воспитывались въ чужихъ домахъ до 12 или 13-лѣтняго возраста, а иногда оставались тамъ до замужества, и тогда калымъ за невѣсту принадлежалъ аталыкамъ.

Аталычка учила дѣвушку женскимъ работамъ, объясняла ей будущее ея положеніе и обязанности, и, принадлежа по большей части къ лицамъ низшаго происхожденія, она отдавала первенство своей княжнѣ-воспитанницѣ и соблюдала при ней во всемъ строжайшій этикетъ ([1]).

И при возвращеніи дѣвушки въ родительскій домъ задавались пиры, на которыхъ ѣли и пили до-отвалу. Вообще угощенія и общественная тризна сопровождали всѣ важныя событія въ жизни черкеса, не исключая и похоронъ.

Когда черкесъ умиралъ, то въ саклю сходились всѣ родственники и знакомые умершаго, оплакивали его, били себя въ грудь и голову, царапали лицо и тѣмъ высказывали свою горесть. Такіе знаки глубокой печали оставляли на себѣ преимущественно жена и родственники покойнаго. Случалось часто, что синія пятна отъ ударовъ по тѣлу и жестокія раны на изувѣченныхъ мѣстахъ были долгое время свидѣтелями горести постигшей семейство. Всѣ женщины аула считали своею обязанностію приходить въ саклю умер-

---

([1]) Дебу—О кавказской линіи и проч. издан. 1829 г. Зубовъ.—Картины Кавказскаго края, часть III. Замѣчанія на статью „Законы и обычаи кабардинцевъ" Ханъ-Гирея „Кавк." 1846 г. № 11. О бытѣ, нравахъ и обычаяхъ древнихъ атыхейскихъ племенъ Шахъ-бекъ Мурзина „Кавказъ" 1849 г. № 36 и 37. Этнографическій очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукопись). Воспомин. кавк. офицера „Рус. Вѣст." 1864 г. № 10 и 11. О политическомъ устройствѣ черкескихъ племенъ Карльгофа. „Рус. Вѣст." 1861 г. № 16. Закубанскій край. П. Невскій. Кавк. 1868 г. № 100.

шаго, чтобы умножить скорбь и увеличить число плачущихъ. Приходящіе начинали свой протяжный вопль, не доходя дома, съ плачемъ входили въ домъ, но, подойдя къ тѣлу покойника, оставались тамъ не долго. Плачъ посѣтителей прекращался только по выходѣ изъ дома умершаго, или же по просьбѣ стариковъ, занятыхъ приготовленіемъ тѣла къ погребенію.

Жители прибрежья Чернаго моря, и вообще немагометане, не сопровождали похоронъ никакими религіозными обрядами. Покойника зашивали въ холстъ, относили на кладбище, головою впередъ, и зарывали безъ всякой молитвы.

Абадзехи закрывали покойника доскою; засыпали ее землею, а поверхъ ея наваливали каменья. По понятіямъ ихъ, каменья, положенные на могилѣ покойнаго, «помогутъ ему затушить вѣчный огонь, въ день страшнаго суда, въ который предназначено всѣмъ камнямъ превратиться въ воду».

Присутствующіе на похоронахъ возвращались въ саклю покойнаго, въ которой, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ умеръ, разстилали цыновку, клали на нее подушки, и, если покойникъ былъ мужчина, то на подушкахъ размѣщали оружіе и кисетъ съ табакомъ. Желающіе приходили во всякое время оплакивать покойника, набивали трубку даровымъ табакомъ, и покуривая ее, проводили такъ время, сидя или лежа на цыновкѣ. Эта церемонія продолжалась, смотря по состоянію родныхъ умершаго, иногда недѣлю, мѣсяцъ, а иногда и годъ, словомъ до тѣхъ поръ, пока родные успѣвали приготовить достаточный запасъ для послѣднихъ поминокъ, продолжавшихся, по большей части, около трехъ дней.

Обычай оплакиванія существовалъ прежде и между черкесами-магометанами, но въ послѣднее время духовенство запретило громкія изъявленія горести и преслѣдовало пѣсни, поминки и джигитовку.

Теперь, послѣ смерти магометанина-черкеса, тотчасъ же призываютъ муллу, который, вмѣстѣ съ своими учениками или помощниками, моетъ тѣло. На покойника надѣваютъ родъ савана или мѣшка, открытаго съ обоихъ концевъ и и извѣстнаго подъ именемъ *кефина*. Тѣло вымываютъ самымъ тщательнымъ образомъ такъ, что даже обрѣзаютъ покойному ногти. Тѣло женщины моютъ и приготовляютъ къ погребенію старухи.

Умершаго кладутъ на связанныя доски или на короткія лѣстницы и, приспособивъ такъ, чтобы тѣло лежало неподвижно, покрываютъ его сверху лучшимъ одѣяломъ, какое есть только въ семействѣ, и относятъ на рукахъ на кладбище. Иногда, что впрочемъ случается очень рѣдко, тѣло отвозится на кладбище на арбѣ, въ которую садится мулла и держитъ между колѣнами голову умершаго. На пути отъ дома до могилы печальный кортежъ три раза останавливается, и мулла, а гдѣ его нѣтъ, то умѣющій читать коранъ, читаетъ молитву. Передъ опусканіемъ тѣла въ могилу, читается другая молитва, послѣ которой мулла принимаетъ отъ родственниковъ *искатъ*—дары, причемъ онъ нѣсколько разъ спрашиваетъ, добровольно-ли они приносятся. Черкесы

жертвовали ихъ охотно и въ возможномъ изобиліи, вполнѣ надѣясь ими если не совершенно уничтожить, то значительно уменьшить грѣхи покойника и его отвѣтственность на томъ свѣтѣ.

Послѣ прочтенія установленныхъ молитвъ, тѣло опускается въ могилу, головою къ западу и нѣсколько на бокъ, такъ, чтобы оно лежало наклонно къ югу. Каждый присутствующій считаетъ непремѣнною обязанностію принять участіе въ засыпаніи могилы. Работая попеременно и передавая деревянную лопату другому, каждый, по предразсудку, долженъ положить ее на землю, но не отдавать прямо въ руки. Передъ засыпанною могилою приносятъ въ жертву барана, а мулла читаетъ молитву. Иногда случалось, что по завѣщанію умершаго или по желанію его родственниковъ, людямъ, отпущеннымъ на волю, объявлялась при этомъ свобода.

По окончаніи зарытія могилы, ее поливаютъ водою и тогда всѣ присутствующіе, кромѣ муллы, отходятъ на сорокъ шаговъ, а мулла читаетъ молитву. Суевѣрный народъ разсказываетъ, что если покойникъ не очень обремененъ грѣхами, то повторяетъ молитву слово въ слово за муллою.

Съ наступленіемъ ночи, духовенство собирается въ домъ умершаго и оставаясь тамъ до разсвѣта, проводитъ ночь въ чтеніи молитвъ объ успокоеніи души умершаго и прощеніи ему грѣховъ. Послѣ предъ–разсвѣтнаго ужина всѣ расходятся по домамъ.

Такіе сборы продолжаются иногда три дни сряду.

Между тѣмъ, надъ могилою покойнаго ставятъ каменный или деревянный столбъ съ шаромъ наверху или съ изображеніемъ чалмы и съ надписью имени и отечества покойнаго. Большихъ кладбищъ не было; покойниковъ хоронили тамъ, гдѣ онъ назначалъ самъ умирая, и для этого выбирались самыя живописныя мѣста. Если же и встрѣчались кладбища, то лишь изъ нѣсколькихъ могилъ. Вблизи могилы почти всегда вкопано сухое дерево съ вѣтвями, гдѣ проѣзжающій черкесъ можетъ остановиться, зацѣпивъ поводья лошади за вѣтви, совершить у ближайшаго источника омовеніе и, разостлавъ у гробницы бурку, на колѣняхъ помолиться за упокой души усопшаго. Молиться на гробѣ *шагида* (мученика), убитаго въ сраженіи съ русскими, по внушенію мусульманскаго духовенства, было великою заслугою, и помолившійся на подобной могилѣ могъ сподобиться такой же благодати, какъ бы онъ сходилъ въ Мекку на поклоненіе гробу пророка.

Въ Кабардѣ существуетъ обыкновеніе класть на могилу умершаго вырѣзанное изъ дерева небольшое изображеніе того, чѣмъ занимался покойникъ при жизни. Такъ, если онъ былъ воинъ, то изображается изъ дерева оружіе; если онъ приготовлялъ арбы, то кладутъ на его могилѣ маленькую арбу; если же онъ былъ кузнецъ, то маленькій деревянный молотокъ и т. п. На могилѣ воспитанника ставится желѣзный трезубецъ въ видѣ вилки, на шестѣ, къ которому прикрѣпляютъ черную или красную ткань. Въ прежнія времена, вмѣсто трезубца ставили желѣзные кресты, также съ тканью. Надъ могилами князей,

похороненныхъ въ прежнее время, ставились памятники изъ камня или каменныя доски съ надписью, или же небольшія, въ три аршина вышины, конусообразные памятники съ доскою, на которыхъ вырѣзана молитва. Такіе памятники встрѣчаются и за Кубанью.

По правому берегу р. Мдзымты, за Главнымъ хребтомъ, на прибрежьѣ Чернаго моря, есть историческое урочище *Кбаада*, на которомъ закончилась кавказская война. На одной изъ площадокъ этого урочища, «испещренной красивыми полевыми цвѣтами, говоритъ очевидецъ, разбросаны были могилы горцевъ, сохранявшіяся весьма тщательно, что доказываютъ устроенные надъ ними павильоны и памятники изъ тесанаго камня».

Со дня смерти родственники чуждались увеселеній, сохраняли печальный видъ и, одѣвшись въ трауръ, носили его: жена по мужу и аталыкъ по своему питомцу въ теченіе года, причемъ первая во все время траура не могла спать на мягкой постелѣ; мужъ же, по народному обычаю, не долженъ былъ плакать о смерти жены, и если высказывалъ свою печаль во время болѣзни или смерти ея, то подвергался всеобщимъ насмѣшкамъ.

Въ прежнее время на седьмой день совершались первыя поминки, а на сороковой день вторыя. Третьи или *большія* поминки совершались иногда въ шестидесятый день со дня смерти, но преимущественно по истеченіи года. На первыхъ двухъ поминкахъ читали коранъ, потомъ пили, ѣли, и, насытившись вдоволь, расходились по домамъ.

Въ промежутокъ времени между малыми и большими поминками, не только друзья умершаго, но и тѣ, которые едва только знали его, считали своею обязанностію посѣтить родственниковъ и высказать имъ свое душевное участіе въ понесенной потерѣ. Подъѣхавъ къ дому ближайшаго родственника, посѣтители слѣзали съ коней, снимали съ себя оружіе и, приближаясь къ саклѣ, начинали плакать, причемъ били себя по открытой головѣ плетью или треногою. Родственники умершаго выскакивали изъ дому и старались удержать пріѣзжихъ отъ нанесенія себѣ побоевъ. Если же послѣдніе не имѣли въ рукахъ орудій истязанія, то ихъ не встрѣчали, и они шли въ саклю медленно, тихо и прикрывая свое лицо обѣими руками.

Входя въ домъ и прежде всего на женскую половину, посѣтители начинали плакать; женщины отвѣчали имъ тѣмъ же. Отсюда отправлялись они въ кунахскую, гдѣ и изъявляли свою печаль мужчинамъ-родственникамъ, но безъ плача, одними словами. Если случалось, что посѣтитель, при входѣ въ женскую половину, не плакалъ, то и женщины, въ присутствіи его, не плакали, но за то едва только посѣтитель оставлялъ ихъ комнату, какъ она оглашалась пронзительнымъ воплемъ. Такая церемонія продолжалась вплоть до совершенія окончательныхъ поминокъ. Тѣ лица, которымъ обстоятельства мѣшали пріѣхать для личнаго изъявленія печали, присылали людей, заслуживавшихъ всеобщее уваженіе и изъявлявшихъ свою печаль отъ имени приславшихъ ихъ господъ.

Ровно черезъ годъ отправлялись большія поминки, или *тризна*. Такія поминки начинались тѣмъ, что семейство умерщаго приготовляло, по мѣрѣ средствъ и состоянія, какъ можно болѣе кушаній и напитковъ. Въ этомъ случаѣ, нерѣдко, по принятому обычаю, не только родственники, но и знакомые, въ видѣ помощи семейству, привозили съ собою готовыя кушанья и пригоняли скотъ, предназначенный для убоя на угощеніе.

За нѣсколько дней до наступленія поминокъ разсылали гонцовъ въ сосѣдніе аулы созывать гостей, число которыхъ, конечно, зависѣло отъ обширности родства и достатка совершавшихъ поминки. Собраніе гостей бывало иногда до того многочисленно, что пріѣзжіе не могли размѣститься въ одномъ селеніи и должны были останавливаться въ сосѣднихъ аулахъ.

Въ день назначенный для тризны гости собирались въ кунахскую и размѣщались подъ открытымъ небомъ, подъ навѣсомъ или на дворѣ дома семейства умершаго. Между тѣмъ въ кунахской приготовлено было все необходимое для начала тризны. Чѣмъ богаче и знатнѣе лицо, по которому совершалась тризна, тѣмъ болѣе было приготовленій и болѣе затѣй, въ особенности если умершій принадлежалъ къ сословію князей.

Передъ каминомъ, въ кунахской, на бархатныхъ подушкахъ раскладывались одежды умершаго или убитаго князя, покрытыя черною, прозрачною шелковою тканью. Надъ ними развѣшивались боевые доспѣхи покойнаго и непремѣнно въ обратномъ видѣ, т. е. противно тому, какъ обыкновенно вѣшаютъ оружіе живыхъ. Вокругъ подушекъ толпились предводители партій и молодые наѣздники — друзья покойнаго, одѣтые въ черное платье и съ печальными лицами, соотвѣтствовавшими ихъ траурному наряду. Между предводителями и наѣздниками, ближе къ кучѣ одеждъ, стояли *пѣвцы* въ богатомъ нарядѣ съ музыкальными инструментами, оправленными серебромъ подъ чернядь и съ позолотою.

Съ приходомъ въ кунахскую самаго близкаго родственника, открывалась тризна. Одинъ изъ пѣвцовъ, выступивъ впередъ, пѣлъ *жизнеописательную* пѣснь покойному; ему акомпанировали туземные инструменты и удары въ тактъ досчечекъ въ серебряной оправѣ. Звонкій голосъ пѣвца и краснорѣчивыя слова пѣсни вызывали часто невольный шопотъ одобренія со стороны внимательныхъ слушателей. Пѣвецъ воспѣвалъ обыкновенно подвиги умершаго; жизнь его уподоблялъ свѣтлой зарѣ, алмазною струею разливщейся по горизонту лазурнаго неба, и «какъ молнія изчезнувшей во мракѣ кровавыхъ тучъ, скопившихся надъ его родиною; его умъ — разуму книги; его щедрость—майскому дождю, позлащающему нивы. Внимательный пѣвецъ не забылъ мужественной красоты погибшаго наѣздника и необыкновенной его ловкости владѣть оружіемъ. Громко выхвалялъ онъ, какъ его герой, передъ сумракомъ ненастной ночи, выѣзжалъ въ наѣзды, а предъ разсвѣтомъ, напавъ на аулъ врага или соперника въ славѣ, истреблялъ

его до основанія, съ богатою добычею возвращался на родину, и воины его дѣлили добычу отваги, изъ которой самъ себѣ ничего не бралъ: онъ—*веселился славою наѣздника и презиралъ добычу...*».

Голоса пѣвцовъ замолкали и гости изъ кунахской отправлялись смотрѣть на скачку—второй актъ тризны. Желавшіе принять участіе въ скачкѣ высылались еще до свѣта на назначенное мѣсто. Съ ними отправлялся одинъ изъ почетныхъ лицъ, который, поставивъ ихъ въ рядъ, пускалъ одновременно всѣхъ. Толпа народа, высыпавшая изъ аула, давно ожидала скачущихъ, и вдругъ, въ концѣ аула, раздавался выстрѣлъ.

— Скачущіе возвращаются! кричало нѣсколько голосовъ, и толпа бросалась къ холму или возвышенію, на которомъ обыкновенно ставилась палатка, и гдѣ собирались болѣе почетные гости.

За огромнымъ столбомъ пыли виднѣлись скачущіе по дорогѣ всадники, одинъ другаго обгоняя, одинъ другому заслоняя дорогу. Большинство этого рода наѣздниковъ бывали молодые, ловкіе мальчики, одѣтые въ разноцвѣтное платье. Первая прискакавшая лошадь получала первый призъ, вторая—второй, третья—третій. Лошадь, выигравшую первый призъ, немедленно уводили въ конюшню, чтобъ ее не сглазили, а ту, которая выиграла второй призъ, водили передъ толпою народа, принимавшаго самое сердечное участіе въ этой забавѣ.

— Ѣдетъ! ѣдетъ! вдругъ раздавалось нѣсколько голосовъ и громкій смѣхъ толпы оглашалъ окрестность. Всѣ обращали свои взоры на дорогу, по которой бѣжалъ утомленный скакунъ, далеко отставшій отъ всѣхъ остальныхъ. Толпа смѣхомъ привѣтствовала сидѣвшаго на немъ всадника и иногда, въ насмѣшку, выдавала ему призъ, состоявшій изъ какой нибудь незначительной вещи.

По окончаніи скачки всѣ гости сходились къ дому умершаго, при чемъ почетнѣшія лица собирались въ кунахской, куда приносили столики, наполненныя всякаго рода кушаньями; точно такіе же столики появлялись и среди остальныхъ гостей, собиравшихся въ разныхъ домахъ аула, на открытомъ воздухѣ, на дворѣ, подъ навѣсами или около строеній.

Передъ началомъ обѣда духовенство читало молитву. Впрочемъ, видя, что поминки сопровождаются торжествомъ и весельемъ народа, въ которомъ одна забава смѣнялась другою, магометанское духовенство сначала неохотно посѣщало тризну, а потомъ стало преслѣдовать ее. Черкесы долгое время отстаивали свои древніе обычаи и, не обращая вниманія на оппозицію духовенства, пили, ѣли до-сыта и веселились вдоволь.

Напитки и столы съ кушаньемъ разносились въ избыткѣ, и хозяева-распорядители наблюдали за тѣмъ, чтобы никто не оставался ненакормленнымъ и не напоеннымъ; хлѣбъ, пироги и прочіе сухіе продукты разносились въ буркахъ и раздавались всѣмъ безъ исключенія. Напитки ставились на открытомъ воздухѣ, въ бочкахъ, такъ что каждый желающій могъ пить сколько

ему было угодно. Во избѣжаніе безпорядковъ и шалостей, при подобномъ стеченіи народа, назначались для надзора особыя лица, которыя, имѣя въ рукахъ длинныя палки—знаки ихъ власти—подчивали ими молодыхъ шалуновъ и слѣдили особенно за тѣмъ, чтобы старики были угощены прилично.

Во все время продолженія пиршества, множество лошадей стояло на дворѣ, ожидая своего посвященія памяти покойнаго. Всѣ они присланы были сюда родственниками, друзьями и знакомыми покойника, всѣ они покрыты богатыми покрывалами, извѣстными подъ названіемъ *шдянъ*. Въ прежнее время, въ честь покойника, посвященнымъ его памяти лошадямъ отрубали уши, а въ позднѣйшее время ограничивались однимъ ихъ приводомъ на могилу или къ дому умершаго, по которому совершалась тризна.

«Толпы многочисленнаго народа, оживленнаго веселіемъ, шумъ, говоръ, ржаніе коней, рядомъ поставленныхъ, въ богатыхъ уборахъ, съ разноцвѣтными покрывалами, суетящіяся женщины, не упускающія случая показать себя мужчинамъ въ блескѣ, и иногда на нихъ взглянуть лукаво»—все это представляло если не занимательное, то весьма пестрое зрѣлище.

Молодые князья, дворяне и наѣздники съ нетерпѣніемъ ожидали окончанія угощенія, потому что каждому изъ нихъ предстояли разныя потѣхи и игры. Едва только вставали изъ-за столовъ, какъ наѣздники сидѣли уже на коняхъ, покрытыхъ покрывалами. Другая половина наѣздниковъ садилась на своихъ непосвященныхъ лошадей, и давъ первымъ время разъѣхаться въ разныя стороны, бросалась за ними въ погоню; одни старались вырвать покрывало, другіе—ускакать отъ преслѣдователей. Наскакавшись вдоволь по полю, наѣздники, въ заключеніе своей потѣхи, бросали развѣвавшуюся ткань среди пѣшаго народа, между которымъ происходила борьба, и ткань разрывалась на мелкіе куски.

За этою первою партіею выѣзжала вторая, состоявшая изъ наѣздниковъ одѣтыхъ въ шлемы и панцыри, сплетенные, напримѣръ, изъ орѣшника; за ними точно также пускалась цѣлая стая наѣздниковъ; одни изъ нихъ старались проскакать съ своими трофеями какъ можно дальше; другіе—поскорѣе отнять у нихъ трофеи и самимъ увѣнчаться ими; наконецъ, третьи—хлопотали больше всего о томъ, чтобы наполнить орѣхами свои карманы. Если преслѣдователи не успѣвали исполнить своего желанія, тогда шлемы и панцыри точно также бросались въ толпу пѣшаго народа и разрывались на части.

За скачкой и джигитовкой слѣдовала стрѣльба въ цѣль пѣшихъ и всадниковъ, а за ними стрѣльба въ *кебекъ*, исключительно употребляемая при поминкахъ. На чистомъ и ровномъ мѣстѣ ставили длинный шестъ съ прикрѣпленною къ нему наверху небольшою круглою доскою, называемою *кебекъ*. На состязаніе въ этого рода стрѣльбѣ являлись только отличные стрѣлки, и число ихъ бывало всегда незначительно. «Ловкіе наѣздники, имѣя лукъ и стрѣлы на-готовѣ, летятъ на лихихъ скакунахъ одинъ за другимъ, такъ чтобы лошадь задняго скакала за лошадью передняго прямо; всадникъ не управ-

ляетъ поводьями, и только лѣвая нога его остается въ сѣдлѣ, а весь его корпусъ держится ниже гривы лошади. Въ такомъ трудномъ положеніи, несясь какъ вихрь мимо шеста, въ то мгновеніе, когда лошадь на всемъ скаку сравняется съ шестомъ, всадникъ спускаетъ лукъ, и пернатая стрѣла вонзается въ доску, на верху шеста прикрѣпленную, а иногда, разбивъ его, падаетъ къ ногамъ зрителей».

Такая игра, сопряженная съ большою ловкостію, составляла принадлежность высшаго класса, тогда какъ низшій классъ черкескаго общества занимался преимущественно игрою въ *коемій*, или тонкій столбъ, гладко обструганный и намазанный сверху до низу саломъ. На верху такого столба прикрѣплялась тонкимъ прутикомъ большая корзина, наполненная разнаго рода вещицами; кто первый взлѣзалъ туда безъ всякой посторонней помощи, кромѣ своихъ рукъ и ногъ, тотъ получалъ всѣ вещи, находившіяся въ корзинѣ. Здѣсь каждый, кромѣ обнаруженія своего удальства и ловкости, хлопоталъ о томъ, чтобы стать обладателемъ вещицъ, лежавшихъ въ корзинѣ. Нечего и говорить о томъ, что вокругъ столба собиралась цѣлая толпа, состоявшая преимущественно изъ полувзрослыхъ дѣтей, толкавшихъ другъ друга, сталкивавшихся, шумѣвшихъ, бранившихся и возбуждавшихъ хохотъ со стороны зрителей. Болѣе хитрые и находчивые мальчики наполняли свои карманы золою или приносили за пазухою песка и, обтирая ими столбъ и руки, добирались таки до корзины.

Въ томъ случаѣ, когда всѣ усилія дѣтей добраться до корзины оставались напрасными, ихъ выручали изъ бѣды мѣткіе стрѣлки, направлявшіе свои выстрѣлы въ ту палочку, при посредствѣ которой была прикрѣплена къ столбу корзина. При удачномъ выстрѣлѣ, корзина падала въ толпу, и тогда старый и малый—всѣ бросались расхватывать вещи при ужасной давкѣ, свалкѣ, шумѣ и крикѣ.

Такія игры въ прежнее время продолжались цѣлый день, но, съ принятіемъ черкесами магометанства, отъ преслѣдованій духовенства онѣ становились все рѣже и рѣже, и наконецъ, въ ближайшее къ намъ время, тризна при похоронахъ вышла совершенно изъ моды у черкесовъ.

Однимъ изъ послѣднихъ лицъ, похороненыхъ по древнимъ обычаямъ, былъ темиргоевскій князь Мисоустъ Болотоковъ. Похороны были произведены скромно, при ближайшихъ только родственникахъ, оплакивавшихъ его девять дней.

Въ продолженіе цѣлаго года постель покойнаго была застлана, кругомъ нея развѣшано его оружіе: панцырь, лукъ, колчанъ и сѣдло—знакъ, что родные готовы принять покойника. У кровати стояли красные чевяки, а на маленькомъ столикѣ положены были хлѣбъ, соль и поставлена въ подсвѣчникѣ потухшая свѣча—символъ угасшей жизни. Въ теченіе цѣлаго года, родственники, пріѣзжая навѣщать, дѣлали *ходагъ*—печальное почтеніе. Ровно черезъ годъ, родственники и аталыкъ покойнаго съѣхались на тризну. Собравшись на могилу, гдѣ на столбѣ были развѣшены всѣ доспѣхи покойнаго, вывели

осѣдланную лошадь, среди густыхъ залповъ обвели ее семь разъ кругомъ могилы и отрубили ей шашкой уши. То же сдѣлали со своими лошадьми и всѣ присутствующіе, такъ что на могилѣ Болотокова были отрублены уши 280 лошадямъ. Мѣстные поэты пѣли импровизацію про подвиги Болотокова. Послѣ пѣнія, наступила джигитовка, а затѣмъ раздѣлили между собою платье, оружіе и лошадей покойнаго. На угощеніе было зарѣзано четыре быка и пятьсотъ барановъ; пѣвцамъ сыновья покойнаго подарили одиннадцать душъ крестьянъ ([1]).

VI.

Сословное дѣленіе черкескаго народа. — Права и обязанности каждаго сословія. — Борьба дворянства съ зависимыми сословіями у шапсуговъ и потеря привиллегій первыми. — Абреки.

Организмъ черкескаго общества, по большей части, имѣлъ характеръ чисто-аристократическій. У черкесовъ были *князья* (пши), *вуорки* (дворяне), *оги* (среднее сословіе, состоявшее въ зависимости покровителей); *пшитли (логанапуты)* ([2]) и *унауты* (рабы) — разностепенное сословіе крестьянъ, и дворовые люди.

Кабардинцы, бзедухи, хатюкайцы, темиргоевцы и бесленѣевцы имѣли князей.

Абадзехи, шапсуги, натухажцы и убыхи не имѣли этого сословія; но дворяне, крестьяне и рабы существовали у всѣхъ этихъ народовъ.

Въ Большой Кабардѣ считалось одиннадцать сословій:

Пши—князья; ихъ было четыре фамиліи.

Вуорки, или уздени, трехъ различныхъ степеней: *тлехотль*, или *тляхотлешъ*—дворяне первой степени. Хотя дворяне эти и подчинялись князьямъ, но считались владѣтельными наравнѣ съ ними. *Бесленъ-вуоркъ*, или *тфлокотль* ([3]), дворяне второй степени, причисленные къ княжескимъ или дво-

---

([1]) Этнографическій очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукопись). Закубанскій край въ 1864 году. П. Невскій. Кавказъ 1868 г. № 100 и 101. Дебу „О кавказской линіи" и проч. изд. 1829 года. Воспомин. кавк. офицера „Рус. Вѣст." 1864 г. № 12. Бассейнъ Псекупса. Николай Каменевъ. „Кубанскія войсков. вѣдомости". 1867 г. № 2. Вѣра, нравы обычаи и образъ жизни черкесовъ. „Русскій Вѣстникъ" 1842 г. т. 5. Черкескія преданія „Русскій Вѣст." 1841 г. т. 2.

([2]) Пшитли и логанапуты—одно и то же. Логанапутами назывались крестьяне у кабардинцевъ, а пшитлями—у всѣхъ остальныхъ обществъ и поколѣній черкескаго народа.

([3]) У шапсуговъ, натухажцевъ и абадзеховъ *тфлокотль* означаетъ простолюдина.

рянскимъ ауламъ. Къ этому сословію принадлежали и незаконнорожденныя дѣти князей—*тума*, происшедшія отъ неравнаго брака князя съ дворянкою. Третья степень дворянъ носила названіе — *вуоркъ-шаотляхуса*.

Уздени-пшехао (отъ слова *пши*—князь и *хао*—сынъ), которыхъ можно назвать княжьими отроками, конвойными князя.

Отпущенники изъ рабовъ, *азаты*, нѣкоторыми причисляются къ самой низшей степени узденей.

Княжескій собственный крестьянинъ—*бесленъ-пшитль* (отъ слова *пши*—князь, *тле*—человѣкъ)—княжескіе люди. Дворянскій перваго разряда крестьянинъ (огъ или укъ). Дворянскій втораго разряда крестьянинъ—*тляхо-шао*. Это дѣти одинокихъ пришельцевъ, которымъ князь или дворянинъ далъ въ жены свою крестьянку.

Дворовая прислуга—*лагуни-пши* (отъ слова *лагуна*—комната, *пши*—князь), или *логанапутъ*—княжескіе комнатные люди. Затѣмъ слѣдовала служанка или *алмава*.

Всѣ эти сословія можно привести къ пяти вышеназваннымъ сословіямъ.

Дворяне невладѣтельные, или уздени второй и третьей степени, могли владѣть крестьянами и имѣть свою деревню; но деревня и ея владѣлецъ были причислены къ владѣнію одного изъ *тляхотлешей*. Въ этомъ и состояло все различіе владѣтельныхъ дворянъ отъ невладѣтельныхъ.

Значеніе слова *пши* (князь) соотвѣтствовало русскому слову *господинъ*. Когда черкесы говорятъ о князѣ, какъ о владѣльцѣ деревни, то называютъ его *куодже-пши* (куодже—деревня); но если говорятъ о князѣ какъ о начальникѣ, владѣльцѣ народа, то называютъ его *чилле-пши*. Русскаго императора черкесы называли *пши-шхуо* — великій князь.

Аулы князя располагались обыкновенно по близости княжескаго жилья. Тамъ жили его крестьяне и вольноотпущенники. Ихъ спеціяльными занятіями были земледѣліе и пастьба скота. Половина ихъ труда принадлежала князю. Нѣсколько дальше расположены были сакли узденей, вольныхъ жителей и дворянъ, составлявшихъ, какъ сказать, *домъ князя*.

Деревня дворянина первой степени составлена была такъ же, какъ и княжеская; но кромѣ того въ аулѣ такого тляхотлеша жили дворяне втораго и третьяго разряда, причисленные къ его фамиліи. Это были всѣ люди вольнаго происхожденія, отличные наѣздники, голы какъ соколы, и потому хищничество для нихъ служило единственнымъ средствомъ къ пропитанію.

Деревня, гдѣ жилъ самъ князь или владѣтельный дворянинъ, называлась *вуоркъ-куодже* (дворянская деревня), въ отличіе отъ деревни, въ которой жили только дворяне низшихъ степеней, со своими крестьянами. Такимъ образомъ *вуоркъ-куодже* относительно просто *куодже* игралъ роль городка.

О податяхъ черкесы не имѣли никакого понятія. Каждый владѣлецъ жилъ тѣмъ, что для него сдѣлаютъ крестьяне.

Князь считался главою своего народа (чилле) и начальникомъ воору-

женныхъ силъ; народъ обязанъ былъ его уважать какъ высшаго по происхожденію, какъ блюстителя народныхъ обычаевъ, чистоты нравовъ и какъ старшаго между владѣтельными дворянами. Уваженіе къ князьямъ въ народѣ было такъ велико, что покусившійся на жизнь князя истреблялся съ цѣлымъ семействомъ. Князья Большой Кабарды брали съ подвластныхъ *ясакъ*—дань хлѣбомъ, медомъ, дровами и барантою; у закубанскихъ же черкесовъ князья не брали никакой подати съ народа, а жили войною и тѣмъ, что для нихъ работали собственные крестьяне. Народъ очень уважалъ своихъ князей, въ особенности если видѣлъ въ нихъ доблесть и справедливость; за доброе слово князя готовы были все сдѣлать и терпѣливо переносить оскорбленія, даже и въ томъ случаѣ, когда князь ихъ обворовывалъ или обижалъ. Конечно, терпѣливость народа простиралась до извѣстной степени. Знаменитый Джембулатъ, князь темиргоевскій, отличавшійся твердымъ характеромъ и крутою волею, вооружилъ противъ себя многихъ, и часть народа, до 800 семей, разновременно ушли отъ Джембулата и переселились къ абадзехамъ. Точно также кабардинскіе князья Тохтамышевы своею заносчивостью и непомѣрною гордостью до того раздражили народъ, что общественнымъ приговоромъ были лишены княжескаго званія.

Для любимаго же князя народъ не жалѣлъ пожертвованій, принималъ живое участіе въ его спорахъ и враждахъ, и помогалъ ему оружіемъ и запасами.

Съ лицами, которыя могли быть имъ полезны или могли сопротивляться, князья поступали всегда ласково, но съ бѣдными и слабыми не церемонились.

Пріѣзжалъ, напримѣръ, къ князю гость съ просьбой (хаче–уако) и просилъ подарить ему крестьянина. Князь, конечно, не дарилъ ему изъ числа собственныхъ крестьянъ, но посылалъ людей своей свиты на розыски, тѣ ловили какого–нибудь сироту или бездомнаго, за котораго некому было заступиться, и князь пойманнаго дарилъ своему гостю. Такіе поступки не мѣшали, однако, князьямъ считаться защитниками и покровителями народа. Не имѣя поземельной собственности, каждый владѣлецъ считалъ себя въ правѣ брать у своихъ подданныхъ все безъ возврата, но за то не могъ и отказывать ни въ чемъ своему подвластному.

Послѣдній имѣлъ право раздѣлить пищу со своимъ господиномъ и, если видѣлъ на немъ хорошую шапку или платье, могъ попросить ихъ у своего владѣльца, а тотъ долженъ былъ отдать просимое. Этотъ стѣснительный для владѣльцевъ обычай заставилъ ихъ одѣваться какъ можно бѣднѣе и жить въ такой же убогой саклѣ, какъ и послѣдній изъ его подвластныхъ ([1]).

Когда князь умиралъ и оставлялъ нѣсколькихъ сыновей, то народъ раздѣлялся на части, и каждый тляхотлешъ, со своимъ ауломъ, признавалъ

([1]) Баронъ Сталь. Этнографическій очеркъ черкескаго народа (рукопись). О бытѣ, нравахъ и обычаяхъ древнихъ атыхейскихъ племенъ. Шахъ-бекъ-Мурзина. Кавказъ 1849 г. № 37.

своимъ княземъ того изъ сыновей умершаго, который ему больше нравился. Такъ, по преданію, хатюкайцы отдѣлились отъ темиргоевцевъ и образовали два отдѣльныхъ племени. Въ одной старинной черкеской пѣснѣ сохранился разсказъ о раздѣленіи этого народа.

Со смертію князя произошло раздѣленіе народа между его сыновьями. Послѣ долгихъ споровъ и совѣщаній, оба княжескіе сына приказали своимъ подвластнымъ уложить все свое имущество на арбы и быть готовыми къ переселенію. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, оба молодые князя сѣли на лошадей и поѣхали шагомъ, каждый въ разную сторону. Часть народа, по своему выбору и желанію, послѣдовала за однимъ, а часть за другимъ княжескимъ сыномъ. Къ вечеру оба князя остановились за сорокъ верстъ одинъ отъ другаго, и жители, сгрупировавшись около своихъ князей, построили сакли; съ этого времени и образовалось два самостоятельныхъ племени черкескаго народа ([1]).

При переселеніи князя съ одного мѣста на другое — что случалось нерѣдко — обязаны были переселиться вмѣстѣ съ нимъ и всѣ его уздени. Но если бы князю вздумалось перейти въ какое-либо другое общество, то уздени, безъ согласія всего общества, переселиться со своимъ княземъ не могли. Бывали случаи, что, при жизни князя, часть народа оставляла его и переходила къ другому младшему брату. Жена Джембулата, темиргоевскаго князя, урожденная Конокова, враждовала съ женою егерукаевскаго тляхотлеша Маматъ-Али-Бзагумова. Бзагумовъ, и вмѣстѣ съ нимъ часть егерукаевцевъ, перешли отъ Джембулата къ младшему брату его Шерлетуку Болотокову и, переселившись съ нимъ на Лабу, покорились намъ. Джембулатъ, видя себя оставленнымъ большею частію народа, присоединился, съ остальными своими подвластными, къ бѣжавшимъ, принялъ подданство Россіи и тѣмъ возстановилъ единство своего владѣнія.

Въ ближайшее къ намъ время, въ случаѣ притѣсненій князя, подвластные искали защиты у другаго князя, который, принявъ ихъ подъ свое покровительство, становился посредникомъ, просилъ не притѣснять ихъ, но отсылалъ однакоже назадъ къ ихъ владѣльцу.

Въ случаѣ раздѣленія народа на части, по неудовольствію на князя, послѣдній старался примирить и уничтожить неудовольствія, и случалось, что народъ опять соединялся подъ одну власть князя. Все это было, конечно, *въ доброе старое время*, когда, по выраженію самихъ черкесовъ, было больше честности и въ народѣ, и между князьями, которыхъ тогда величали *на-*

([1]) Преданіе это, выраженное въ народной пѣснѣ, не сходится съ мнѣніемъ Люлье который говоритъ, что темиргоевцы, хатюкайцы и хегаки имѣли одного родоначальника Болетока, который раздѣлилъ свои владѣнія между тремя сыновьями, давшими каждымъ особое названіе своимъ подвластнымъ. См. Взглядъ на страны, занимаемыя черкесами Л. Люлье, Зап. Кавк. отд. Импер. Рус. Геогр. общества книга IV изд. 1857 г.

мазыры и *зауеныры*, т. е. благочестивые и рыцарскіе. По словамъ туземцевъ, кабардинцы, имѣвшіе большое вліяніе на облагороженіе нравовъ, давшіе черкесамъ свой дворянскій обычай (вуоръ-хабзе) и свои моды, въ послѣднее время надѣлили закубанскихъ черкесовъ всякаго рода обманами, измѣнами, неисполненіемъ обѣщаній и присягъ, и народъ, нѣкогда честный, сталъ, по выраженію абадзеховъ, *таагаапсе* — богообманывателемъ. Теперь князья не внушаютъ уже къ себѣ того безграничнаго довѣрія, какимъ пользовались прежде.

Въ случаѣ пресѣченія владѣтельнаго княжескаго дома, что бывало очень рѣдко, уздени должны были выбрать себѣ въ князья одного изъ родственниковъ умершаго. Разсказываютъ, что Болотоковъ, будучи убитъ въ дѣлѣ, оставилъ молодую жену безъ потомства. Одинъ изъ узденей убитаго князя, чтобы не пріискивать себѣ новаго владѣльца или князя, на первыхъ же порахъ убѣдилъ молодую вдову-княгиню имѣть съ нимъ связь, и родившійся отъ этой связи сынъ былъ признанъ всѣми законнымъ сыномъ Болотоковыхъ и наслѣдовалъ власть отца.

Изъ всего сказаннаго видно, что князь имѣлъ много значенія и силы среди народа, и что онъ пользовался исключительными правами и привилегіями.

Воровство княжескаго имущества влекло за собою взысканіе пени съ его узденей и рабовъ. Кто укралъ лошадь изъ княжескаго дома или табуна и былъ пойманъ, тотъ, кромѣ возвращенія лошади, обязывался заплатить восемь лошадей и лучшаго раба или рабыню. При значительномъ развитіи въ Кабардѣ конокрадства и большомъ значеніи князей, между народомъ существовало обыкновеніе отдавать своихъ лошадей въ княжескіе табуны, чтобы, прикрывшись именемъ князя, сохранить ихъ въ цѣлости. Виновный въ ограбленіи ѣдущаго къ князю въ гости, платилъ ему въ восемь разъ болѣе ограбленнаго, и кромѣ того князю, за безчестіе, одну рабыню. Князь могъ взять у своего подвластнаго собаку, но долженъ былъ вознаградить хозяина. Если же владѣлецъ собаки станетъ противиться, то обязанъ заплатить два быка. Съ каждаго коша барановъ князь имѣлъ право, для своего продовольствія, брать по одному барану и ягненку, хотя бы въ кошѣ были бараны, и не принадлежавшіе его узденямъ и подвластнымъ. Для своей свиты князь могъ взять любую лошадь изъ табуна узденей, но долженъ былъ, по миновании надобности, возвратить ее, а въ случаѣ падежа заплатить такою же лошадью или ея стоимость. Если князь вздумалъ наѣздомъ взять *барамту* у своихъ подвластныхъ, а тѣ по дорогѣ опять отняли ее, то виновные платили князю штрафъ, состоявшій изъ двухъ коровъ и лучшей рабыни. Хотя часто князь, въ этомъ случаѣ, и бывалъ не правъ, но штрафъ платился въ наказаніе за неповиновеніе и безчестіе.

Барамта существовала во многихъ горскихъ обществахъ и среди всѣхъ сословій, и была единственнымъ способомъ охраненія имущества отъ посто-

роннихъ покушеній. Подъ словомъ «барамта» разумѣлось насильственное «заарестованіе чьего нибудь имущества, въ видѣ залога по неудовлетвореннымъ матеріяльнымъ обидамъ».

Каждый туземецъ, не получившій удовлетворенія, при помощи суда, отъ лица посторонняго общества, считалъ себя въ правѣ, при содѣйствіи своего общества, отобрать у пріѣзжаго того общества, къ которому принадлежалъ должникъ, все что при немъ находилось: лошадь, оружіе, деньги и прочее. Этотъ-то грабежъ и назывался *барамтой* и служилъ лучшимъ побужденіемъ къ появленію на разбирательство настоящаго отвѣтчика. Обобранный пріѣзжій обязанъ былъ служить орудіемъ къ удовлетворенію истца со стороны виновнаго его собрата: иначе онъ терялъ на всегда отобранныя отъ него вещи, которыя и поступали въ пользу претендателя.

Онъ давалъ знать своей мѣстной власти о взятой съ него барамтѣ и просилъ заступничества. Виновнаго принуждало общество освободить барамту, и онъ долженъ былъ ѣхать въ общество своего противника. Когда истецъ бывалъ удовлетворенъ, то барамта возвращалась ея хозяину.

Обычай этотъ велъ ко многимъ злоупотребленіямъ. «Бывали случаи, когда виновное въ какомъ нибудь дѣлѣ лицо, для избѣжанія ожидавшей его отвѣтственности, скрывалось въ дальнія общества, гдѣ находило себѣ безопасный пріютъ; но послѣ изъ среды его одноземцевъ все-таки подвергался кто нибудь за него барамтѣ, а этотъ послѣдній, потерявъ изъ виду бѣглеца, считалъ себя въ правѣ отплатить противникамъ тою же монетой. При удачѣ сего намѣренія, нить затягивалась, барамта слѣдовала за барамтой, безъ всякой почти надежды на ихъ возвращеніе хозяевамъ».

Изъ-за барамты происходило множество дракъ и убійствъ, потому что туземецъ никогда не отдавалъ барамты добровольно, если только могъ отстоять ее силою.

Убійца, скрывшійся отъ кровомщенія (канлы), былъ, по народному обычаю, изъятъ отъ барамты и ему предоставлялось свободное проживаніе во всѣхъ обществахъ ([1]).

При дѣлежѣ добычи, лучшій плѣнный, а если его не было, то скотъ, на сумму что стоилъ плѣнный, уступался самому престарѣлому князю, хотя бы онъ и не участвовалъ въ набѣгѣ, а затѣмъ добыча дѣлилась поровну между участниками набѣга. Зачинщикъ драки, въ присутствіи князя, за неуваженіе къ его особѣ, платилъ ему рабыню, равно и уличенный въ связи съ рабою князя. Когда князь женился, то калымъ (гебенъ-хакъ) платили за него узденя; но за то, возвращаясь изъ гостей, князь полученные подарки дѣлилъ со своими узденями и также удѣлялъ имъ часть калыма, получаемаго при выдачѣ замужъ княжеской дочери ([2]).

([1]) Барамта. Кн. Х—ъ „Терскія Вѣдомости" 1868 г. № 2.

([2]) Этнографическій очеркъ черкескаго народа. Барона Сталя (рукопись). Племя адиге

Таковы, въ общихъ чертахъ, преимущества князей, такъ сказать представителей власти, пользовавшихся особеннымъ уваженіемъ среди кабардинцевъ и темиргоевцевъ. Вообще у черкесовъ, до послѣдняго времени, князья имѣли большое значеніе, но, по мѣрѣ того какъ народъ покорялся намъ, князья постепенно теряли свою власть и силу. Народъ, утративъ свою независимость и видя, что русскій приставъ имѣетъ больше силы и значенія чѣмъ ихъ князь, переставалъ подобострастно смотрѣть на послѣдняго. На мірскихъ сходкахъ сталъ даже возбуждаться вопросъ: нуженъ ли князь тому народу, который покорился русскому правительству? нужно ли сохранять князю тѣ выгоды, которыя народъ предоставлялъ ему въ періодъ своей независимости? Вопросы эти разрѣщались въ неблагопріятную сторону для князей и общество нерѣдко возставало противъ платежа *ясака*, на томъ основаніи, что, покорившись Россіи, они не нуждаются въ вооруженной силѣ, представителями которой были князья.

Смотря на князей съ этой послѣдней точки зрѣнія, и вообще какъ на покровителей, непокорные намъ черкесы нерѣдко отказывались повиноваться князю, какъ только тотъ вступалъ въ сношенія съ нами или покорялся русскому правительству. Въ такихъ случаяхъ князь сразу лишался всякаго вѣса и вліянія. Султанъ Капланъ-Гирей, который до 1845 года былъ главою всѣхъ волненій и глубоко уважаемъ за Лабою, какъ только покорился русскимъ, мгновенно потерялъ всякое значеніе. Въ послѣднее время, ограниченію власти и значенію князей болѣе всего угрожало ученіе мюридизма, проникшее и къ черкесамъ.

Наибы, посылаемые въ Закубанскій край Шамилемъ, постоянно стремились къ тому, чтобы утвердить свою власть въ народѣ, а для этого имъ необходимо было ограниченіе власти и преимуществъ князей. Хаджи-Магометъ стегалъ плетью не одного черкескаго князя, и когда тотъ требовалъ разбирательства и удовлетворенія, то Хаджи-Магометъ, какъ духовная особа, всегда отказывалъ въ томъ. Магометъ-Аминь, женившись на сестрѣ темиргоевскаго князя, княжнѣ Болотоковой, нанесъ тѣмъ сильное пораженіе князьямъ, такъ какъ бракъ этотъ представлялъ неслыханный примѣръ неравнаго союза черкеской княжны съ дагестанскимъ пастухомъ.

Тотъ же Магометъ-Аминь разстрѣлялъ махошевскаго князя М. Багарсокова.

Вторымъ сословіемъ послѣ князей были *вуорки* или *уздени*, потомки первыхъ поселенцевъ, отличавшихся силою и богатствомъ. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились и потомки вольноотпущенныхъ рабовъ. Сословіе это было весьма многочисленно и составляло почти третью часть всего черкескаго народонаселенія. Весь народъ раздѣлялся на дворянскіе роды (тляку), суще-

---

Т. Макарова. „Кавк." 1862 г. № 31. О бытѣ, нравахъ и обычаяхъ древнихъ атыхейскихъ племенъ „Кавк." 1849 г. № 37. Исторія адыхейскаго народа, составленная по преданіямъ кабардинцевъ. Шора-Бекмурзинъ-Ногмовымъ Кавк. Календ. на 1862 г. приложеніе I.

ствовавшіе во всѣхъ безъ исключенія обществахъ черкескаго народа. Родъ жилъ не вмѣстѣ, а по семействамъ, тамъ, гдѣ признавалъ для себя удобнѣе. Не менѣе того отдѣльное дворянское или вообще свободное семейство, со своими крестьянами, причислялось къ своему тляхотлешу или владѣльцу. Каждое семейство, какъ дворянское, такъ и княжеское, имѣло свой собственный гербъ (тамга). Гербы эти рѣдко наносились на оружіе, еще рѣже для прикладыванія печатей. Черкеская тамга употреблялась преимущественно для тавренія лошадей и состояла изъ различныхъ крючковъ и математическихъ фигуръ, сплетенныхъ между собою (1).

Подобно князьямъ, и дворяне не имѣли, отдѣльно отъ своего народа, никакой поземельной собственности.

Уздени всегда жили подъ защитою князей, а заслужившіе большее вниманіе послѣднихъ были болѣе ими награждаемы, слѣдовательно пріобрѣтали и большее значеніе между своими собратьями. Отсюда происхожденіе старшихъ узденей или узденей первой степени. Въ обществахъ, гдѣ нѣтъ сословія князей, старшіе уздени называются просто *старшинами*.

Тляхотлешъ, или уздень первой степени, былъ полный владѣтель въ своемъ аулѣ. Онъ имѣлъ своихъ крестьянъ, которые работали на него и связаны были съ нимъ извѣстными условіями. Въ его аулѣ жили уздени остальныхъ степеней со своими крестьянами и признавали его своимъ главой. Уздени повиновались князю, ходили съ нимъ на войну или посылали своихъ воиновъ; но, кромѣ уваженія къ особѣ князя, его сопровожденія и личныхъ услугъ, не несли никакихъ повинностей. По первому зову князя, уздень обязанъ былъ къ нему явиться и оставаться при немъ до тѣхъ поръ, пока былъ нуженъ. Во время путешествія князя за предѣлы своей земли и на неопредѣленное время, одинъ уздень, и притомъ первой степени, сопровождалъ его, что считалось особенно почетнымъ. Вообще при выѣздѣ князя изъ дому, онъ бывалъ всегда окруженъ своими приближенными, которые, составляя почетную его свиту, вмѣстѣ съ тѣмъ исполняли разнаго рода услуги и обязанности: держали лошадей, подавали и принимали оружіе, за сѣдломъ своимъ возили княжескую бурку и другія вещи, приготовляли князю обѣдъ и т. п. Во время самаго путешествія князя окружающія его лица размѣщались такимъ образомъ: самый почетный изъ вуорковъ — съ лѣвой стороны князя, другой вуоркъ, старшій по лѣтамъ и значенію — съ правой стороны его; остальные располагались сзади и по сторонамъ, какъ приходилось. Въ Кабардѣ, кромѣ того, существовалъ особаго рода этикетъ, по которому каждый верховой кабардинецъ, при встрѣчѣ съ княземъ, обязанъ былъ вернуться назадъ и провожать князя до тѣхъ поръ, пока его не отпустятъ; если же князь шелъ пѣшкомъ, то встрѣтившійся долженъ былъ спѣшиться. Въ случаѣ

(1) Броневскій, въ своихъ „Новѣйшихъ географическихъ и историческихъ свѣдѣніяхъ о Кавказѣ“, ч. II, приводитъ 58 различныхъ такого рода знаковъ.

пріѣзда къ князю гостей, почетныя лица располагались въ кунахской саклѣ князя, а свита гостей помѣщалась въ сакляхъ узденей, которые и обязаны были угощать пріѣзжихъ и накормить ихъ лошадей. Если бы князь обѣднѣлъ и лишился всѣхъ своихъ крестьянъ, то всѣ уздени должны были распредѣлить между собою поденно полевыя работы для своего князя, такъ чтобы совокупность ихъ труда могла обезпечить годовое продовольствіе князя съ семействомъ.

Князь дѣлалъ своимъ узденямъ подарки невольниками, оружіемъ и скотомъ; тотъ же, кто не дѣлалъ такихъ подарковъ, могъ лишиться своихъ узденей. Недовольный своимъ княземъ, уздень имѣлъ право удалиться со своимъ ауломъ въ другое какое-нибудь общество: такъ, родъ Гоаго, хатюкайскаго происхожденія, и родъ Тлебзу, абадзехскаго происхожденія, переселились къ шапсугамъ и слились съ этимъ народомъ. Въ 1826 году нѣсколько семействъ, подвластныхъ абадзехскому дворянину Джанкота-Мамехоту, бѣжали къ натухажцамъ.

Подобныя притѣсненія князей вызывали опозицію со стороны узденей, и за обиду, нанесенную узденю, вступались всѣ остальные уздени съ подвластными имъ аулами. Князь вынужденъ бывалъ мириться съ недовольнымъ, потому что если онъ допускалъ своего узденя переселиться въ другое общество, то, по понятію народа, это бросало на него пятно и навлекало позоръ. Отъ того подобныя переселенія въ ближайшую къ намъ эпоху встрѣчались весьма рѣдко. Въ недавнее время былъ только одинъ примѣръ подобнаго переселенія. Бесленѣевскій уздень первой степени *Кодзъ*, недовольный княземъ Коноковымъ, перешелъ, со всѣмъ своимъ ауломъ, къ темиргоевцамъ, а когда темиргоевцы сами бѣжали за р. Бѣлую, то Кодзъ, со своими подвластными, поселился на Кубани, гдѣ его аулъ существуетъ и донынѣ среди мирныхъ ногайцевъ.

Уздени исполняли безусловно волю и приказанія своего князя и служили ему ежедневно въ домашнемъ быту. При этомъ случаѣ, по большей части, съ обѣихъ сторонъ соблюдались утонченная вѣжливость и взаимное уваженіе.

Уздени всегда гордились своимъ происхожденіемъ и твердо отстаивали свои права. По понятіямъ черкеса, дворянина можетъ создать только одинъ Богъ, и потому черкесы никогда не оказывали особеннаго уваженія къ жалованнымъ дворянамъ, признавая ихъ ниже себя. Черкескій дворянинъ бравировалъ своею вѣжливостію, и стоило только разгорячившагося узденя, забывшаго приличіе и вѣжливость, спросить: ты дворянинъ или холопъ? чтобы, напомнивъ его происхожденіе, заставить его перемѣнить тонъ изъ грубаго въ болѣе мягкій и деликатный.

Услуги, оказываемыя узденями ежедневно князю, заставляли послѣдняго защищать ихъ отъ всякихъ обидъ. Если княжескій уздень бывалъ убитъ кѣмъ-нибудь во время ссоры, и убійца, по обычаю, не заплатилъ за кровь, то князь долженъ былъ принять мщеніе на себя, и тогда убійца обязывался заплатить три семьи, каждая изъ девяти душъ. Два семейства изъ

нихъ поступали къ родственникамъ убитаго узденя, а одна къ князю. Если убійца не имѣлъ стольких семей, то отвѣтственность падала на все его семейство, и въ прежнее время оно подвергалось разграбленію и продажѣ [1].

Жившіе въ аулахъ тляхотлешей, уздени второй и третьей степени, по вызову тляхотлеша, были обязаны идти на войну. Благосостояніе узденей этихъ степеней зависѣло отъ того, имѣли ли они крестьянъ или нѣтъ. Бѣднымъ тляхотлешъ оказывалъ обыкновенно вспомоществованіе скотомъ и разными продовольственными запасами. Вспомоществованіе это носило особое названіе—*вуоркъ-тынъ*. Если такой дворянинъ не поладилъ съ тляхотлешемъ, то могъ, со всѣми своими крестьянами, переселиться къ другому тляхотлешу, но обязанъ былъ, при переселеніи, возвратить данный ему вуоркъ-тынъ.

Подобныя переселенія встрѣчались также весьма рѣдко. Переходя въ чужое общество, дворянинъ второй или третьей степени освобождался отъ подчиненности своему тляхотлешу. Если переходъ совершался въ такое общество, гдѣ было сословіе князей, то переселенецъ обязывался приписаться къ одному изъ существовавшихъ тамъ тляхотлешей, а если переходилъ въ такое общество, гдѣ не было князей, то, избравъ себѣ мѣстожительство, водворялся на немъ. Необходимо замѣтить, что тляхотлешъ, или старшина, у шапсуговъ, натухажцевъ и абадзеховъ, вслѣдствіе переворота, происшедшаго у этихъ народовъ, не пользуется такимъ значеніемъ, какъ между народами, имѣющими сословіе князей.

У всѣхъ поколѣній черкескаго народа, не имѣющихъ князей, народъ раздѣлялся на отдѣльныя самостоятельныя общества, или *псухо*, и общины, или *хабль*. Каждое изъ нихъ управлялось само по себѣ, отдѣльными старшинами.

До образованія своей самостоятельности, натухажцы и шапсуги, въ числѣ прочихъ племенъ черноморскаго прибрежья, изъ которыхъ главное было *гоаіе*, занимали слѣдующія мѣста: натухажцы въ верховьяхъ долины Псезюе или Псезюапе, въ урочищѣ Тагапсъ; шапсуги въ той же долинѣ, въ урочищахъ Атсейнибъ и Бебеколайге.

Въ то время, оба поколѣнія не имѣли теперешняго названія и состояли изъ пяти коренныхъ отраслей: надхо (по орѳографіи нѣкоторыхъ натхо), нетахо (нетдахо), кобле-схапете (схопте) и сотахъ (севатахъ) [2]. Первыя двѣ отрасли образовали народъ натухажскій, въ составъ котораго вошло впослѣдствіи и племя *гоаіе*, а послѣднія три, водворившись сначала на рѣкѣ Шапсхо, образовали самостоятельное племя, названное, по имени рѣчки, сначала шапсхо, а потомъ шапсугами.

---

[1] Замѣчанія на статью „Законы и обычаи кабардинцевъ" Ханъ-Гирея Кавк. 1846 г. № 10. Воспомин. кавказс. офицера. „Рус. Вѣст." 1864 г. № 12. Племя адиге Т. Макарова. Кавказъ 1862 г. № 31. О натухажцахъ, шапсугахъ и абадзехахъ Л. Люлье. З. К. О. И. Р. Г. О. К. IV.

[2] Первыя названія принадлежатъ Л. Люлье, а помѣщенныя въ скобкахъ Ханъ-Гирею.

Съ увеличеніемъ народонаселенія, племена эти стали ощущать недостатокъ въ землѣ, что заставило ихъ искать простора: натухажцы начали занимать постепенно долины, прилегающія къ Черному морю, а шапсуги переходили на сѣверный склонъ Кавказскаго хребта и водворялись постепенно на нынѣ-занимаемыхъ ими мѣстахъ. Абадзехи, выходя изъ горныхъ мѣстъ, утвердились тогда на безлюдныхъ, мало-населенныхъ земляхъ и не находили въ томъ препятствія, потому что остальныя племена, по преданію, занимали, въ то время, мѣсто по правую сторону Кубани.

Въ старину, какъ шапсуги, такъ и натухажцы имѣли сословіе князей и феодальное правленіе, чему доказательствомъ служатъ существующія у нихъ княжескія фамиліи.

Княжескій родъ былъ и у этихъ народовъ, но надо полагать, что онъ пресѣкся, и въ настоящее время шапсуги, натухажцы и абадзехи дѣлятся: на *вуорковъ*—дворянъ; *тфлокотлей*—вольныхъ земледѣльцевъ, и на крестьянъ (пшитлей).

Дворяне, имѣвшіе преимущество въ народѣ, составляли господствующее населеніе; вольными земледѣльцами было большинство народа, подчиненнаго дворянству на довольно тягостныхъ условіяхъ, возникшихъ по обстоятельствамъ и освященныхъ давностію времени; крестьяне были двухъ видовъ и несли неодинаковыя обязанности: одни пользовались бо́льшею свободою, болѣе значительными правами собственности и отбывали не столь тягостныя повинности—это былъ родъ *оброчныхъ* крестьянъ; другіе, напротивъ, всецѣло принадлежали владѣльцу, и работали на него по мѣрѣ силы и возможности—это былъ родъ *дворовыхъ* людей.

Численность племенъ быстро возрастала пришельцами, слѣдовательно возрастала и сила простаго народа, потому что дворянство, сильное своими преимуществами и гордясь своимъ происхожденіемъ, не хотѣло унижать себя родственными связями съ людьми низшаго класса. Напротивъ того, простой народъ принималъ къ себѣ каждаго пришельца, обѣщалъ ему защиту, но въ то же время требовалъ отъ него присяги служить вѣрно и оберегать интересы того клана, или рода, въ который онъ поступалъ.

Сильный помощью такихъ *соприсяжниковъ* (тхаръ-огъ) и тяготившійся властью *вуорковъ* или дворянства, народъ ждалъ и искалъ случая сбросить съ себя дворянское иго. Чуждаясь простаго народа, дворянство скоро стало въ изолированное положеніе; численность его, замкнутая въ тѣсныхъ предѣлахъ своего сословія, не возрастала такъ быстро, какъ численность простаго народа. Сознавая свою силу, народъ недоброжелательно смотрѣлъ на преимущества дворянъ, которыми тѣ гордились, считая ихъ единственнымъ оплотомъ противъ новаго порядка. Народъ сталъ оказывать сопротивленіе дворянству; ослушаніе подвластныхъ проявлялись чаще, и скоро возникло безначаліе со всѣми его послѣдствіями. Для водворенія порядка, дворянство, все еще полагавшееся на уваженіе къ нему народа, прибѣгло къ созванію народныхъ

собраній, въ которыхъ были соединены начала аристократическое и демократическое. Послѣднее, какъ многочисленнѣйшее, всегда одерживало перевѣсъ и было не въ пользу дворянства. «Дворяне, опасаясь утратить свои преимущества»—говоритъ Люлье—«прибѣгали къ разнымъ козням и старались разстроивать единогласіе противной имъ партіи, до чего иногда, съ помощію своихъ приверженцевъ, и достигали. Тогда уничтожались вводимыя постановленія и водворялся новый безпорядокъ».

Ни та, ни другая сторона не хотѣла уступить; каждая отстаивала свои права и искала случая упрочить ихъ. Случай скоро представился у шапсуговъ.

Дворяне Шеретлуковы, одни изъ сильнѣйшихъ, разграбили проѣзжихъ торговцевъ, бывшихъ подъ покровительствомъ одного клана (рода), и при этомъ убили двухъ защитниковъ торговцевъ и ихъ покровителей.

Прежде дворяне производили насилія и не такого рода, а гораздо худшія, но теперь народъ воспользовался этимъ случаемъ и рѣшился ослабить значеніе дворянскаго сословія. Огромною массою напалъ онъ на одного изъ дворянъ Шеретлуковыхъ, разграбилъ его имущество, захватилъ крѣпостную дѣвушку и оскорбилъ мать дворянина самыми грубыми ругательствами и даже побоями. Такое неуваженіе къ дворянству было первымъ примѣромъ нарушенія дворянскихъ привиллегій и послужило поводомъ къ открытой враждѣ дворянства съ народомъ—враждѣ, знаменитой своими послѣдствіями.

Фамилія Шеретлуковыхъ, рѣшившись кровью омыть нанесенное ей оскорбленіе, и, какъ говорятъ, подстрекаемая дворянствомъ, оставила родину. Шеретлуковы просили защиты и покровительства у хамышейскаго общества бзедухскаго поколѣнія, одного изъ самыхъ сильныхъ въ то время.

Депутаты Шеретлуковыхъ явились съ этою просьбою къ старѣйшему князю хамышейскому, Баты-Гирею, человѣку, замѣчательному по своему уму и имѣвшему огромное вліяніе на дѣла не только своего племени, но и другихъ сосѣднихъ горскихъ племенъ.

— Князья и дворяне соберутся, отвѣчалъ онъ посланнымъ, переговорятъ между собою, обсудятъ просьбу и тогда дадутъ отвѣтъ.

Депутаты остались ожидать рѣшенія съѣзда.

Одинъ изъ почетнѣйшихъ представителей хамышейскаго народа, первостепенный дворянинъ Бшихако-Бореко, предложилъ, прежде принятія Шеретлуковыхъ подъ свое покровительство, вступить въ посредничество между ними и народомъ и, своимъ вліяніемъ, стараться, примиривъ ихъ, предупредить напрасное кровопролитіе. Въ случаѣ же отказа шапсуговъ на примиреніе, принять Шеретлуковыхъ подъ покровительство и защищать ихъ дѣло силою оружія.

Одинъ изъ молодыхъ князей, человѣкъ весьма храбрый, но вспыльчивый и грубый, возсталъ противъ столь благоразумнаго предложенія Бореко.

— Для него нужно выстроить крѣпкую ограду—сказалъ онъ съ насмѣш-

кою про Бореко—такую, изъ которой шапсуги не въ состоянiи были бы взять его, если случится война.

Депутаты Шеретлуковыхъ, присутствовавшiе на съѣздѣ, ловко воспользовались этимъ послѣднимъ возраженiемъ.

— Зная твою любовь къ спокойствiю, сказали они Бореко, ни одинъ изъ насъ не станетъ безпокоить тебя просьбою о помощи: для насъ достаточно участiя, принимаемаго въ нашей судьбѣ прочими дворянами по чувству собственнаго достоинства.

Эта выходка была совершенно неумѣстна: всѣ знали Бореко, какъ одного изъ храбрѣйшихъ соотечественниковъ.

— Никогда я не пожелаю, отвѣчалъ депутатамъ оскорбленный старикъ, чтобы вы имѣли нужду въ моей помощи. Но бзедухи увидятъ, изъ боязни-ли я совѣтывалъ отклонить войну разсудительными и не безчестными переговорами.

Благоразумное мнѣнiе старика не было принято: собранiемъ руководили нѣсколько молодыхъ князей, жаждавшихъ войны. Они достигли цѣли: междоусобная война возгорѣлась и кровавыя ея послѣдствiя не изгладились до покоренiя шапсуговъ русскими...

Шеретлуковы, оставивъ свою родину, переселились къ бзедухамъ, и отправили въ 1793 году депутацiю въ Петербургъ, прося помощи будто бы противъ возмутившихся подданныхъ. При депутатахъ, душою которыхъ былъ Али-султанъ Шеретлуковъ, находился и Баты-Гирей. Чтобы вѣрнѣе получить помощь, депутацiя заявила свои вѣрноподданническiя чувства, была принята милостиво и ввела въ заблужденiе русское правительство. Императрица Екатерина II повелѣла черноморскому казачьему войску, заселявшему прикубанскiя земли, оказать помощь, которая состояла изъ трехъ сотенъ казаковъ и одной пушки.

Между тѣмъ, пока депутацiя была въ Петербургѣ, остальные князья Шеретлуковы сильными партiями вторгались въ прежнее свое отечество, и хотя не щадили крови своихъ собратiй, но видѣли, что подобные набѣги не могли усмирить народъ, а только еще болѣе ожесточали шапсуговъ и возстановляли ихъ противъ своихъ единоплеменниковъ — бзедуховъ.

Обитая въ горныхъ ущельяхъ или въ глубинѣ лѣсовъ, которые защищали ихъ отъ непрiятельскихъ нападенiй, шапсуги не отличались тогда воинственностiю. Они строили бѣдныя хижины въ пустынныхъ, дикихъ и неприступныхъ мѣстахъ, преимущественно посреди непроходимыхъ болотъ, такъ что не было возможности проѣхать по ихъ землѣ безъ провожатаго. Шапсуги ограждали себя тогда отъ непрiятельскихъ вторженiй не оружiемъ, а тѣмъ, что въ своихъ жилищахъ дѣлали разные выходы, чтобы, въ случаѣ нападенiя съ одной стороны, можно было бы спастись въ противоположный выходъ. Имущество, хлѣбъ и лучшiя вещи скрывали въ пещерахъ и въ глубокихъ ямахъ, а скотъ угоняли въ лѣса.

Почувствовавъ на себѣ удары бзедухскихъ партiй, шапсуги, при содѣй-

ствіи абадзеховъ, созвали многочисленное и дотолѣ неслыханное ополченіе, грозное числомъ, но не воинственностію и исправностію вооруженія. Вся эта масса ринулась на хамышейскіе аулы, съ намѣреніемъ отмстить бзедухамъ за причиненныя имъ разоренія. Бзедухи также собрали ополченіе. Хотя число ихъ воиновъ составляло половину того, чѣмъ располагали шапсуги, однако бзедухи, сознавая свое превосходство на полѣ брани и презирая противника, не отличавшагося особою воинственностію, и поддерживаемые русскими казаками, смѣло шли къ нему на встрѣчу. Это случилось въ 1796 году. Оба непріятеля встрѣтились на берегахъ *Взіюкозауо* (¹), произошло кровопролитное сраженіе, въ которомъ шапсуги были разбиты на-голову.

Крѣпкая позиція шапсуговъ, большею частью пѣшихъ, засѣвшихъ за оврагомъ и въ лѣсахъ, не могла быть атакована кавалеріей, а потому казаки, во все время боя, не принимали участія: они охраняли только свое орудіе. По совѣту Баты-Гирея, отважные наѣздники завязали съ шапсугами перестрѣлку черезъ оврагъ и, джигитуя передъ непріятелемъ, выманили шапсуговъ, показали тылъ и увлекли ихъ черезъ балку подъ картечные выстрѣлы русскаго орудія. Гулъ незнакомаго шапсугамъ выстрѣла, дѣйствіе картечныхъ пуль, поражавшихъ одновременно нѣсколькихъ людей и лошадей, навели на непріятеля бзедуховъ паническій страхъ. Выдержавъ только три картечныхъ выстрѣла, шапсуги и абадзехи обратились въ бѣгство. Бзедухи преслѣдовали ихъ съ ожесточеніемъ. Поле сраженія было усыпано тѣлами шапсуговъ и абадзеховъ, потерявшихъ до 4,000 человѣкъ убитыми и ранеными. Бзедухи цѣлыми толпами пригоняли своихъ плѣнныхъ противниковъ; цѣлыя груды оружія достались имъ въ добычу, но не могли искупить и ихъ потери. Баты-Гирей палъ на полѣ сраженія, а съ нимъ бездухи потеряли свое вліяніе на сосѣднія горскія племена. Утрата эта была незамѣнима и, не смотря на огромную потерю людей шапсугами, она была ничтожна въ сравненіи съ потерею бездуховъ.

Значеніе, которое имѣлъ Баты-Гирей въ народѣ, лучше всего выразилось въ отвѣтѣ одной шапсугской женщины.

Выйдя на встрѣчу своимъ одноаульцамъ, возвращавшимся съ поля бзіюкской битвы, женщина спрашивала ихъ о своемъ мужѣ и о своихъ дѣтяхъ, и, получивъ отвѣтъ, что они легли на полѣ брани, крѣпко пригорюнилась.

— Что же вы сдѣлали добраго? спросила она возвратившихся.

— Убили Баты-Гирея, отвѣчали они коротко.

Опечаленная жена и мать, услыхавъ эти слова, захлопала въ ладоши и забыла о мужѣ и дѣтяхъ.

— Потерю шапсуговъ — сказала она — шапсугскія женщины могутъ по-

---

(¹) Недалеко отъ нынѣшней Ново-Дмитріевской станицы Псекупскаго полка, между правыми берегами рѣки Афипса и Шебжа.

полнить въ одну ночь, а потерю Баты-Гирея бзедуховскія жены и во сто лѣтъ не исправятъ.

Пораженіе не смирило, однако, шапсуговъ; они нѣсколько разъ своими вторженіями тревожили бзедуховъ, рѣшились не слагать оружія до тѣхъ поръ, пока не проникнутъ въ средоточіе бзедухскаго поколѣнія, и сдержали слово. Кровь, лившаяся рѣкою, утомила обѣ стороны. По внушеніямъ бзедуховъ, выходцы Шеретлуковы вступили въ переговоры съ шапсугами и возвратились всѣ, кромѣ Али-султана, на родину, на условіяхъ приличныхъ по тогдашнему времени. Послѣдній поселился въ землѣ Войска Черноморскаго и основалъ нынѣшнюю Гривенскую черкескую станицу.

Шапсуги достигли своего: они поколебали значеніе дворянства и на знаменитомъ народномъ съѣздѣ, состоявшемся послѣ возвращенія Шеретлуковыхъ и извѣстномъ подъ именемъ *печетнико-зефесъ*, были ясною чертою разграничены права дворянъ и народа. «Опредѣленные на этомъ съѣздѣ пункты условій и узаконеній (хабзе) утверждены были на всегда правилами или основаніями, для руководства во всѣхъ дѣлахъ частныхъ и общественныхъ; народъ и дворянство присягою обязались не отступать отъ этихъ постановленій и не измѣнять ихъ».

Такъ совершился переворотъ, послѣдствіемъ котораго было то, что многія изъ дворянскихъ фамилій оставили край и нашли пріютъ у сосѣдей, а другія искали покровительства русскихъ. Замѣчательно, что, во все продолженіе смутъ, ни одинъ шапсугскій дворянинъ не сдѣлался жертвою вражды простолюдиновъ; бывали примѣры брачныхъ союзовъ дворянъ съ простолюдинками, но ни одна дворянка не вышла замужъ за простолюдина.

Постановленія съѣзда служили долгое время единственнымъ узаконеніемъ для рѣшенія всѣхъ дѣлъ, касающихся сословныхъ отношеній, и надо отдать справедливость, что, своею краткостію и ясностію, правила эти были совершенно въ духѣ народа дикаго, воинственнаго и непокорнаго.

Такъ, на основаніи постановленія, положена плата за кровь убитаго дворянина тридцать головъ скота, а за смерть *тфлокотля*, или землевладѣльца—двадцать восемь. За рану, съ поврежденіемъ кости, платится половина этой суммы, безъ поврежденія кости—четверть. За кражу лошади, если воръ пойманъ, онъ обязанъ возвратить украденую лошадь и, сверхъ того, придать: если укралъ у дворянина, то двѣ лошади, у тфлокотля — одну; если воръ не можетъ возвратить уворованной лошади, то съ него взыскиваютъ за украденую у дворянина девять, а у тфлокотля семь лошадей.

Такимъ образомъ, и на этомъ собраніи дворянство сохранило часть своихъ преимуществъ. Положеніе же крестьянъ, извѣстныхъ подъ именемъ оброчныхъ, не было разъяснено и на этомъ собраніи. Сами оброчные отказались отъ повиновенія своимъ владѣльцамъ, но народъ не вступался за нихъ, тогда какъ дворянство требовало покорности. Собраніе отнеслось нейтрально къ обѣимъ заинтересованнымъ сторонамъ. Оно не требовало отъ дворянства

рѣшительнаго отказа въ своихъ правахъ надъ оброчными, но не требовало и отъ послѣднихъ признанія этихъ прахъ и повиновенія владѣльцамъ. Привиллегіи дворянства предъидущими событіями были однако уже поколеблены въ своемъ основаніи; оброчные сами, безъ собранія, отказались отъ повиновенія своимъ владѣльцамъ и сбросили съ себя тяготѣвшее надъ ними иго дворянства. Оставшіеся на родинѣ дворяне потеряли свои права, и съ тѣхъ поръ не пользуются никакими другими преимуществами, кромѣ тѣхъ, которыя даютъ каждому умъ, краснорѣчіе и храбрость.

Примѣру шапсуговъ послѣдовали натухажцы и абадзехи, съ тою только разницею, что у послѣднихъ двухъ поколѣній демократическое преобразованіе общества совершалось постепенно, безъ кровопролитія и насильственныхъ потрясеній ([1]).

Если сословіе крестьянъ и простаго народа у этихъ трехъ племенъ успѣло отстоять, до нѣкоторой степени, свою независимость, то у остальныхъ племенъ черкескаго народа оно находилосъ въ полной зависимости отъ высшаго сословія.

Вообще, всѣ зависимыя сословія дѣлились на три главныя степени: 1) *оговъ*, 2) *пшитлей* и 3) *унаутовъ*.

Оги составляли переходъ отъ крѣпостнаго состоянія къ классу свободныхъ землевладѣльцевъ. Это потомки крестьянъ (пшитлей), которымъ лично, или ихъ отцамъ, въ награду за отличную службу, владѣлецъ предоставилъ имущественныя и семейныя права. Оги раздѣлялись на два класса: княжескихъ и узденскихъ.

Княжескіе оги, по одному съ каждаго дома, обязывались сопровождать своего владѣльца во время путешествія и быть на конѣ съ полнымъ вооруженіемъ; въ случаѣ бѣдности оговъ, владѣлецъ снабжалъ ихъ лошадью и оружіемъ. Въ домашнемъ быту князя они присутствовали въ его домѣ ежедневно.

Исполняя волю своего господина, оги работали на него и платили подать за пользованіе землею. Во время работъ владѣлецъ обязанъ былъ давать имъ припасы въ изобиліи — иначе не стали бы работать. Подати и повинности платились такъ: огъ, пашущій землю одною парою быковъ, платилъ одну арбу въ 30 мѣръ вымолоченнаго, а иногда и молотаго проса; тотъ, кто пахалъ двумя парами воловъ, платилъ три арбы; тремя парами — четыре арбы проса и т. д. Подать эта платилась, однако, во время урожая, а въ противномъ случаѣ, и при недостаткѣ, огъ не платилъ ничего, или, по настоянію владѣльца, давалъ ему извѣстную часть проса, по усмотрѣнію и

([1]) О бытѣ, нравахъ и обычаяхъ древнихъ атыхейскихъ племенъ. Шахъ-бекъ-Мурзина. „Кавказъ“ 1849 г. № 37. Бесльній Абатъ изъ сочиненія „Біографіи знаменитыхъ черкесовъ и очерки черкескихъ нравовъ“. Ханъ-Гиря. Кавказъ 1847 г. № 42. О натухажцахъ, шапсугахъ и абадзехахъ Л. Люлье, Зап. Кавк. отд. Им. Р. Геогр. Общес. кн. IV изд. 1857 г. Бассейнъ Псекупса. Николай Каменевъ. „Кубанс. войсков. Вѣдом.“ 1867 г. № 29.

назначенію аульнаго общества. Какъ бы мало или много ни посѣялъ огъ пшеницы, ячменя и полбы, онъ обязанъ былъ отдать своему владѣльцу опредѣленную часть, по шести мѣшковъ, но за то не отдавалъ ничего за посѣянную кукурузу.

Во время покосовъ, каждый 16-лѣтній огъ обязанъ былъ три дня косить сѣно для владѣльца, убрать его, сложить въ стоги и перевести въ *кутаны* (хутора, зимовники) или къ дому владѣльца. Владѣлецъ, не заставлявшій оговъ косить свои луга, получалъ съ каждаго дома по семи арбъ готоваго сѣна. На время зимы оги устраивали владѣльцу *коши* для барановъ, а въ февралѣ мѣсяцѣ привозили съ каждой семьи отъ семи до пятнадцати арбъ дровъ. Неисполнившіе этого послѣдняго обязательства платили пару быковъ владѣльцу. Огъ, зарѣзавшій своего быка, отдавалъ своему владѣльцу филейную часть, но зарѣзавшій корову ничего не давалъ.

Все имущество ога составляло его неотъемлемую собственность; даже и въ томъ случаѣ, когда, за нерадѣніе или преступленіе, обращался въ *пшитля*, онъ не лишался права на имущество, и владѣлецъ не имѣлъ права вмѣшиваться или распоряжаться его собственностью.

Огъ, взявшій жену изъ дворни господина, не могъ брать ее къ себѣ въ домъ, а ходилъ только къ ней ночевать и дѣти ихъ принадлежали господину. При выдачѣ дочери замужъ, огъ платилъ князю изъ полученнаго имъ калыма двухъ быковъ и одну корову, а тотъ дарилъ ему шелковый кафтанъ ([1]). Если же владѣлецъ не дарилъ ему кафтана, тогда онъ отдавалъ только двухъ быковъ.

Калымъ за дочь оги, какъ видно, получали сами, но покупать себѣ жену могли или сами, или при содѣйствіи владѣльцевъ. Въ первомъ случаѣ, огъ могъ прогнать свою жену или, другими словами, развестись съ нею, а во второмъ не имѣлъ права. Уздень, выдавая крѣпостую дѣвушку за ога, пировалъ въ его домѣ, а хозяинъ обязанъ былъ дать музыканту быка и кусокъ матеріи. Владѣлецъ, выдавая дочь свою замужъ, отдавалъ изъ полученнаго калыма одну пару быковъ огамъ; но за то, когда женился самъ или женилъ сына, то оги обязаны были принять и содержать у себя его жену въ теченіе года, если къ пріему ея мужемъ не все еще было приготовлено. Въ случаѣ пріѣзда гостей на волахъ, оги обязаны были содержать на свой счетъ воловъ пріѣхавшихъ, во все время пребыванія ихъ въ гостяхъ. Если же пріѣзжавшіе къ владѣльцу гости почему либо не могли расположиться у его узденей, то оги обязаны были помѣстить ихъ въ своей саклѣ и кормить какъ ихъ самихъ, такъ и лошадей. Князь могъ, въ случаѣ надобности, взять у ога лошадей, если только они были свободны. Если взятая лошадь будетъ украдена или падетъ, то владѣлецъ обязанъ былъ заплатить ея стоимость. Владѣлецъ могъ выбрать табунщика изъ числа оговъ, но за то онъ давалъ

([1]) По другимъ свѣдѣніямъ, онъ платилъ двухъ быковъ и двухъ коровъ.

ему изъ стада лучшаго, по выбору, жеребенка, освобождалъ отъ подати одной арбы проса и, при рѣзаніи въ пищу кобылицы, отдавалъ табунщику шею и всю внутренность.

На обязанности ога лежало приготовить во время праздниковъ бузу или брагу изъ своего проса, но въ господской посудѣ; во время поста приносить по очереди своему господину каждую ночь кушанье и питье, сообразное со своими средствами. Кромѣ того, если огъ имѣлъ собственныхъ барановъ, то разъ въ годъ, во время поста, онъ приносилъ своему владѣльцу лопатку копченой баранины. Зарѣзавъ подаренную кѣмъ-либо ему скотину, онъ приносилъ владѣльцу переднюю лопатку; по уборкѣ хлѣба приносилъ кувшинъ бузы и одинъ просяной чурекъ; при изготовленіи для себя бузы, давалъ одинъ кувшинъ господину; при поѣздкахъ князя на поминки къ родственникамъ давалъ по очереди арбы и воловъ. Въ случаѣ смерти господина или кого-либо изъ членовъ его семьи, оги должны были по очереди дѣлать обѣдъ. При раздѣлѣ, оги платили владѣльцу 100 рублей, или отъ сорока до ста барановъ съ ягнятами. Столь большая плата установлена была съ тою цѣлію, чтобы пріостановить раздѣлы.

Ога нельзя было продать безъ особенной его вины, и онъ могъ откупиться на волю. Пойманный въ кражѣ чего-нибудь у узденя, огъ отдавался ему въ рабство, но могъ быть выкупленъ родственниками за 150 руб. Не имѣвшій средствъ платить установленной подати, огъ могъ быть взятъ въ домъ владѣльца вмѣсто раба; но какъ только поправлялся и богатѣлъ, владѣлецъ обязанъ былъ его отпустить и, отпущенный, онъ становился въ прежнія отношенія къ владѣльцу. Огъ, бѣжавшій къ другому племени и пойманный, могъ быть проданъ кому угодно.

Сами оги могли владѣть рабами, но имѣли право не продавать, а мѣнять ихъ на другихъ рабовъ, и то съ дозволенія владѣльца. Если огъ хотѣлъ продать своего раба, то обязанъ былъ найти не менѣе трехъ покупщиковъ, и тогда владѣлецъ предоставлялъ рабу выбрать себѣ изъ трехъ новаго господина [1].

Рабъ, или *унаутъ*, не имѣлъ никакихъ правъ, ни личныхъ, ни имущественныхъ. Рабы произошли отъ покоренныхъ или похищенныхъ народовъ; плѣнные (ясыри) обоего пола обращались черкесами въ унаутовъ. Убыхи болѣе другихъ занимались похищеніемъ и продавали своихъ плѣнныхъ туркамъ. Обычай этотъ до того вкоренился въ народѣ и понятія до того извра-

---

[1] О зависимыхъ сословіяхъ въ горскомъ населеніи Кубанской области. Кавк. 1867 г. № 51. Крѣпостные въ Кабардѣ и ихъ освобожденіе. Сборн. Свѣд. о кавказ. горцахъ Выпускъ I. Тифлисъ 1868. О политическомъ устройствѣ черкеснихъ племенъ. Карлгофа. Рус. Вѣст. 1861 г. № 16. Авторъ ошибочно называетъ это сословіе *обами*. Законы и обычаи кабардинцевъ. Литер. Газета 1846 г. № 1 и 2. Племя адиге — Т. Макарова. Кавказъ. 1862 г. № 29 и 32.

тились, что во время голода, или изъ чувства ненависти, матери продавали дѣтей, братья сестеръ.

Все время *унаута* принадлежало владѣльцу, и рабъ не могъ располагать своимъ временемъ; за обиды и увѣчья, нанесенныя унауту, вознагражденіе получалъ владѣлецъ, и убійство раба считалось только посягательствомъ на имущество владѣльца. Унауты жили безотлучно при домѣ владѣльца и исполняли въ его комнатахъ и во дворѣ всѣ работы, по приказанію своихъ господъ. Все хозяйство, какъ-то дворовая служба, присмотръ за птицею, кухнею и проч., лежало на обязанности унаутокъ. При женитьбѣ раба, калымъ за невѣсту поступалъ къ владѣльцу, но рабъ, въ большинствѣ случаевъ, не могъ требовать отъ владѣльца себѣ жены: дозволеніе вступить въ бракъ зависѣло совершенно отъ господина. Въ случаѣ согласія послѣдняго, онъ долженъ былъ купить ему жену изъ сословія *пшитлей* (логанапутовъ), и тогда какъ мужъ, такъ и дѣти отъ него получали права пшитлей (логанапутовъ).

По брачнымъ союзамъ, въ отношеніи правъ новорожденнаго, у черкесовъ существовалъ странный обычай: въ одномъ случаѣ предоставлялось женщинѣ больше преимуществъ, а въ другомъ—мужчинѣ. Такъ, рожденный отъ холопа и свободной женщины дѣлался свободнымъ; отъ брака унаута съ женщиною изъ сословія пшитлей дѣти получали права послѣднихъ, а между тѣмъ, рожденный отъ князя и женщины не княжескаго происхожденія не считался княземъ и, какъ мы видѣли, дѣти отъ подобныхъ браковъ носили названіе *тума*.

По обычаю, унаутка не имѣла права вступать въ бракъ, но ей предоставлено было право имѣть временнаго мужа изъ унаутовъ же. Отсутствіе законныхъ браковъ между рабами сдѣлало половыя отношенія ихъ чрезвычайно свободными. Владѣльцы сами способствовали незаконному сближенію унаутовъ между собою, видя въ этомъ прямую свою выгоду: они получали плату отъ мужчинъ за право сближенія съ унауткою; родившіяся отъ такихъ сближеній дѣти, составляя собственность владѣльца, могли быть съ выгодою проданы туркамъ или обращаемы въ родовыхъ холопей. Иногда владѣлецъ самъ дѣлалъ честь унауткѣ и приживалъ съ нею дѣтей, которыя поступали въ сословіе унаутовъ. Раба не имѣла права отказываться отъ сожительства съ своимъ господиномъ и изнасилованіе такой женщины не осуждалось обычаемъ.

Родовые холопы у черкесовъ носили разныя названія. Происхожденіе этихъ названій лежитъ въ прежнемъ обычаѣ черкесовъ похищать себѣ женъ. Простой народъ не зналъ прежде браковъ, основанныхъ на взаимномъ согласіи родителей жениха или невѣсты. Сойдясь на игрище въ селеніяхъ, молодые люди присматривались другъ къ другу, мужчина выбиралъ себѣ невѣсту, бралъ ее къ себѣ въ домъ и безъ всякаго обряда жилъ съ нею. Отъ такихъ браковъ произошли и разныя наименованія родовыхъ холопей: *тльхо-коша-оэ* означаетъ человѣка неправильно-рожденнаго; *тльхоко-тлче* — юношу или мужа тайно-рожденнаго и проч.

Унауты могли принимать и обращать въ собственность подарки, дѣлае-

мые имъ разными лицами; но если подарки состояли изъ скота, то должны были продать его и пользоваться деньгами. Если унауту владѣлецъ дозволялъ оставить въ своемъ пользованіи скотъ, то весь приплодъ отъ него обращался въ пользу господина.

Унаутъ могъ быть проданъ, смотря по возрасту, красотѣ, физической способности къ труду и прочихъ достоинствъ; цѣна раба достигала до 300 и даже до 400 руб. (1).

Черкесы всѣ заботы о сельскомъ хозяйствѣ возлагали на рабовъ. Они должны были исполнять ихъ, не ожидая, чтобы хозяинъ принялся вмѣстѣ съ ними за плугъ. Помощниками имъ, въ этомъ случаѣ, бывали пшитли, обязанные, до нѣкоторой степени, помогать имъ въ работахъ на владѣльца.

Пшитли (или, у кабардинцевъ, логанапуты), составляя второй видъ зависимыхъ сословій, стояли непосредственно за рабами, но пользовались нѣкоторыми правами, семейными и имущественными, хотя и съ большими ограниченіями. Время и трудъ ихъ, подобно рабамъ, принадлежали господину. Большая часть пшитлей (логанапутовъ) произошла отъ купли, дара или наслѣдства плѣнныхъ и частію унаутовъ. Лица свободныя, за долги и вслѣдствіе крайней бѣдности, становились въ обязательныя отношенія къ заимодавцамъ, были закабаляемы ими, и также пополняли собою сословіе пшитлей. Покупая семейство пшитлей (логанапутовъ), или, какъ мы будемъ называть, крестьянъ, владѣлецъ опредѣлялъ его права и обязанности въ присутствіи свидѣтелей или поручителей, а иногда и письменнымъ актомъ. Запись о правахъ владѣльца и крестьянъ называлась *дефтеръ*.

Считая крестьянъ своею собственностью, владѣлецъ обязывался каждому взрослому купить жену, т. е. внести за нее калымъ. За то, когда крестьянинъ выдавалъ свою дочь замужъ, то получаемый имъ калымъ поступалъ владѣльцу, который удѣлялъ изъ него часть отцу невѣсты. Эта послѣдняя часть вся цѣликомъ поступала опять къ владѣльцу въ томъ случаѣ, когда онъ покупалъ жену для сына этого крестьянина.

Имущество, какъ движимое, такъ и недвижимое, которымъ могли владѣть крестьяне, раздѣлялось, по способу пріобрѣтенія, на три вида: 1) данное владѣльцемъ при водвореніи или въ случаѣ обѣдненія; 2) пріобрѣтенное собственнымъ трудомъ и 3) образовавшееся отъ подарковъ и по брачнымъ договорамъ.

Первый видъ имущества считался принадлежащимъ владѣльцу, и переходилъ къ наслѣдникамъ крестьянина въ прямомъ мужскомъ поколѣніи, если

---

(1) О бытѣ, правахъ и обычаяхъ древнихъ атыхейскихъ или черкесскихъ племенъ Шахъ-бекъ-Мурзина. Кавк. 1849 г. № 37. Современное состояніе Армавира Кавк. 1853 г. № 34. О зависимыхъ сословіяхъ въ горскомъ населеніи Кубанской Области. „Кавк.“ 1867 г. № 37. Горская лѣтопись П. Гаврилова. Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ выпускъ II изд. 1869 г.

они жили съ нимъ нераздѣльно. Въ противномъ случаѣ, владѣлецъ могъ его или взять себѣ, или передать другому лицу. Точно также это имущество, при продажѣ крестьянина другому владѣльцу, оставалось у прежняго и могло быть передано съ крестьяниномъ не иначе какъ за особую плату. Новый владѣлецъ долженъ былъ, взамѣнъ этого имущества, дать другое, такого же качества и въ такомъ же количествѣ. При пользованіи крестьяниномъ подобнымъ имуществомъ, владѣлецъ имѣлъ право вмѣшательства; безъ согласія его крестьянинъ не могъ ни продать, ни заложить, ни подарить его, но и владѣлецъ не могъ ничего взять изъ этого имущества безъ согласія самого крестьянина.

Часть втораго вида имущества крестьянина—заработанная его трудомъ—равномѣрно принадлежала владѣльцу. Такъ, при отходѣ крестьянина отъ владѣльца, онъ отдавалъ послѣднему половину изъ всѣхъ хозяйственныхъ принадлежностей и орудій; половина скота и половина его приплода принадлежала владѣльцу; но если половина приплода, принадлежавшаго крестьянину, кормилась сѣномъ владѣльца, то послѣднему отдавалась и изъ этой половины еще половина. Столь стѣснительная мѣра для крестьянина могла быть обойдена тѣмъ, что крестьянинъ изъ заработанныхъ денегъ отдавалъ владѣльцу половину деньгами же и затѣмъ на остальныя покупалъ себѣ скотъ, который, въ такомъ случаѣ, вмѣстѣ съ приплодомъ, составлялъ неотъемлемую его собственность. Кормивши же этотъ скотъ сѣномъ владѣльца, онъ обязанъ былъ, и въ этомъ случаѣ, отдать половину приплода владѣльцу. Вообще кормленіе скота владѣльческимъ сѣномъ доставляло владѣльцу, во всѣхъ случаяхъ, половину приплода.

Если за подарокъ, сдѣланный кѣмъ либо крестьянину, онъ не отдаривалъ, то подарокъ считался его собственностью; если же крестьянинъ отдаривалъ хотя малѣйшею бездѣлицею, изъ собственности считающейся владѣльческою, то все подаренное крестьянину считалось собственностью владѣльца.

Крестьянинъ имѣлъ право ежегодно изъ своего скота зарѣзать одну крупную рогатую скотину или, на стоимость ея, нѣсколько штукъ мелкаго скота, и притомъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы зарѣзъ скота не приносилъ ущерба хозяйству. Продавая что-либо изъ имущества, считавшагося владѣльческимъ, и съ согласія послѣдняго, крестьянинъ могъ на вырученныя деньги пріобрѣсти что-либо другое, но обязанъ былъ остатокъ денегъ принести владѣльцу.

Каждый крестьянинъ, получившій отъ помѣщика зерно и нѣсколько паръ воловъ съ погонщиками, долженъ былъ запахать четыре загона (около четырехъ десятинъ) на каждую пару, убрать хлѣбъ, когда онъ созрѣетъ, и привезти въ аулъ. Жатва производилась мужчинами и женщинами, а молотьба одними мужчинами. Отдѣливъ изъ всего количества хлѣба на духовенство, на бѣдныхъ, на сѣмяна, на продовольствіе въ теченіе года такихъ

людей владѣльца, которые не могли заниматься хозяйствомъ (унауты, табунщики, пчельники и прочіе), и для гостей, остальной затѣмъ хлѣбъ дѣлился пополамъ между владѣльцемъ и крестьяниномъ. У нѣкоторыхъ же племенъ отдѣлялась только одна десятая часть въ пользу духовенства, а остальной хлѣбъ шелъ въ раздѣлъ между крестьяниномъ и владѣльцемъ. Если бы половины, доставшейся на долю крестьянина, было недостаточно для его прокормленія, то помѣщикъ обязанъ былъ предоставить ему средства къ пріобрѣтенію пропитанія. Во время работъ, владѣлецъ долженъ былъ кормить своихъ крестьянъ, и притомъ кормить хорошо.

Сѣно, скошеное въ рабочее время, обыкновенно не раздѣлялось между крестьяниномъ и помѣщикомъ [1], а потому считалось собственностью владѣльца. Своимъ сѣномъ крестьянинъ могъ назвать только то, которое было скошено въ праздничные дни или крестьянами крестьянина. Если помѣщикъ замѣчалъ, что крестьяне его не успѣютъ скосить всего сѣна, то дѣлалъ *ххафи*, т. е. сборъ людей на одинъ день.

Созванные работники кормились на счетъ призвавшаго ихъ, который рѣзалъ коровъ, овецъ, и кожу съ нихъ отдавалъ старшимъ по лѣтамъ работникамъ.

Крестьянинъ обязанъ былъ исполнять всѣ полевыя и домашнія работы, нарубить и привезти для помѣщика дровъ, стеречь поочереди его скотъ, обработать огородъ, прислуживать, за неимѣніемъ унаутовъ, по очереди въ кунахской помѣщика, отправлять, также по очереди, своихъ женъ на барскій дворъ, гдѣ онѣ обязаны были стряпать на кухнѣ, прислуживать женѣ владѣльца [2], и прочее.

Съ своей стороны, владѣлецъ, въ отношеніи своихъ крестьянъ, былъ связанъ многими мелочными условіями. Такъ, напримѣръ, когда, при заготовленіи въ прокъ на зиму, владѣлецъ рѣзалъ крупную рогатую скотину, то отдавалъ крестьянамъ часть кожи на обувь и на ременныя веревки, уступалъ имъ голову, шею, ноги и внутренности, «за исключеніемъ сала и того, что нужно для колбасъ». Если онъ рѣзалъ для той же цѣли барановъ, то отдавалъ только шею и внутренности.

Соблюденіе взаимныхъ условій по *дефтеру* или заключенныхъ словесно при свидѣтеляхъ составляло заботу обѣихъ сторонъ. Крестьянинъ отказывался отъ исполненія такихъ требованій своего владѣльца, которыя не были обозначены въ условіи. Если владѣлецъ не въ состояніи былъ дать крестьянину средствъ къ жизни и къ работѣ, опредѣленныхъ условіемъ, то крестья-

---

(1) Въ нѣкоторыхъ, немногихъ, обществахъ оно дѣлилось пополамъ.

(2) Подробности обязанностей крестьянъ и ихъ женъ къ помѣщикамъ см. „О зависимыхъ сословіяхъ въ горскомъ населеніи Кубанской Области. „Кавказъ“ 1867 г. № 37—38, 44 и 59. Крѣпостные въ Кабардѣ и ихъ освобожденіе. Сборникъ свѣд. о кавказскихъ горцахъ; выпускъ I. Тифлисъ 1868 г.

нинъ считалъ себя въ правѣ не исполнять тѣхъ обязанностей, которыя вели къ нарушенію заключенныхъ условій. Напримѣръ, если владѣлецъ не давалъ крестьянину косы, онъ не косилъ; если крестьянинъ не получалъ желѣзныхъ принадлежностей для плуга, то не пахалъ.

Нарушеніе одною изъ сторонъ заключенныхъ условій вело всегда къ несогласіямъ, ссорамъ, и крестьянинъ имѣлъ право отыскивать для себя, въ теченіе извѣстнаго опредѣленнаго времени, такое лицо, которое желало бы купить его со всѣмъ семействомъ.

При продажѣ крестьянъ, владѣльцы не имѣли права раздѣлять семейства и, при существованіи нѣсколькихъ покупщиковъ, обязаны были продавать ихъ тому лицу, которому самъ крестьянинъ желалъ быть проданнымъ. Крестьянинъ, отпущенный на волю, обязанъ былъ отдать своему владѣльцу все имущество и, сверхъ того, заплатить, по взаимному условію, довольно значительную сумму (до 700 руб., а иногда и болѣе). За неимѣніемъ наличныхъ денегъ, плата, по большей части, производилась скотомъ.

Отпущенный на волю часто оставался въ томъ же аулѣ, въ которомъ прежде жилъ. Не исполняя ничего относительно своего бывшаго господина, онъ долженъ былъ однако, по установившемуся народному обычаю, сопровождать его во всѣхъ поѣздкахъ.

Разсмотрѣвъ, въ общихъ чертахъ, обязанности и права зависимыхъ сословій черкескаго народа, мы должны сказать и о нѣкоторыхъ частныхъ ихъ обязанностяхъ, переступить за которыя не согласился бы ни одинъ огъ, ни крестьянинъ, ни рабъ. Когда князь строилъ, напримѣръ, себѣ большой домъ съ кухней, а другой небольшой домъ для снохи своей, то домъ обязаны были строить оги, мазали же его женщины, глину возили дворовые люди; огородные плетни дѣлали оги вмѣстѣ съ дворовыми людьми, чистили траву рабынижещины, въ лѣто одна съ дома; плетень около всего дома дѣлали одни оги, колья и хворостъ возили на своей скотинѣ. Очагъ въ саклѣ изготовляли оги вмѣстѣ съ крестьянами, а окончательная отдѣлка дома лежала на обязанности крестьянъ; ремонтированіе крыши въ постройкахъ владѣльца, покупка и доставленіе матеріала на нее составляла обязанность однихъ оговъ.

Обязанности каждаго сословія въ подобныхъ случайныхъ работахъ опредѣлены были также съ большою точностію, и никто не соглашался переступать за предѣлы своего долга. Каждое изъ сословій въ точности исполняло свои обязанности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, требовало того же и отъ своего владѣльца.

— Вспахать поле—мое дѣло, говорилъ крестьянинъ, но сѣмяна и волы его (господина); выкосить сѣно—горе рукъ моихъ, а коса, просо и два барана—камень на его шеѣ.

Такія рѣзкія выраженія и насмѣшки подвластнаго надъ владѣльцемъ не мѣшали, однако, ихъ близкимъ и почти родственнымъ отношеніямъ. Какъ ни строго судилъ крестьянинъ своего господина при людяхъ, однако онъ ни-

когда не позволялъ при себѣ постороннему лицу произнести о помѣщикѣ мало-мальски оскорбительное замѣчаніе. Крестьянинъ искони привыкъ считать своимъ пріятелемъ пріятеля своего господина, и врагомъ своимъ—его врага. За всякое оскорбленіе своего владѣльца, онъ вступался какъ за самого себя, и готовъ былъ жертвовать даже жизнію, защищая честь его. «Въ этомъ случаѣ онъ руководствовался—пишетъ Каламбій—не столько личною привязанностью къ господину, сколько сознаніемъ семейнаго родства, связывавшаго его съ нимъ. Только одного не сдѣлалъ бы онъ ни за что въ мірѣ: не выкажетъ никогда своего усердія предъ господиномъ, не обнаружитъ своей любви къ нему, еслибъ и чувствовалъ ее: это онъ считаетъ совершенно излишнимъ; напротивъ того, онъ. такъ и норовитъ подъѣхать къ нему худою своею стороной, чтобы огорчить и раздосадовать его. Это, кажется, происходитъ отъ того, что онъ смотритъ на своего господина нѣсколько покровительственнымъ взглядомъ, какъ на человѣка, зависящаго отъ него въ матеріяльномъ отношеніи».

Крестьянинъ говорилъ съ своимъ господиномъ точно такъ же свободно, какъ бы говорилъ съ равнымъ себѣ; въ обращеніи же съ нимъ господина не было ничего унизительнаго или оскорбительнаго. Крестьянинъ, дворовый человѣкъ и даже рабъ не терпѣлъ никакихъ кличекъ и откликался только на свое настоящее имя. Между тѣмъ владѣлецъ имѣлъ полное право, когда вздумается, выхватить свой кинжалъ и всадить его въ грудь дерзкаго холопа и никто не потребовалъ бы отъ него отчета ([1]). Мщеніе обиженныхъ крестьянъ противу владѣльцевъ встрѣчалось очень рѣдко; бѣгство же крестьянъ изъ непокорныхъ обществъ въ наши предѣлы бывало еще рѣже.

Между черкесами встрѣчалось много такихъ лицъ, которыя выросли безъ призрѣнія, безъ воспитанія и религіи и не имѣли рѣшительно никакой собственности; никто не могъ сказать откуда явились такіе люди. Желая сдѣлать свое существованіе не только возможнымъ, но и пріятнымъ, они, кромѣ воровства, не имѣли никакихъ другихъ средствъ. Это были бездомные, бродяги, или *абреки*. Обстоятельства ихъ, естественнымъ образомъ, сложились такъ, что жить и воровать было для нихъ одно и то же; воровать у непріятеля-ли или у своихъ, все равно — въ этомъ заключалась цѣль ихъ существованія и единственное занятіе.

Для подобныхъ людей своровать было весьма легко, но гораздо труднѣе было сбыть сворованное: къ мирнымъ черкесамъ далеко, а въ наши кубанскія укрѣпленія не принимали. Горецъ зналъ, что если онъ приведетъ на базаръ въ укрѣпленіе животное для продажи, то его оставятъ на три дня

([1]) Объ отношеніи крестьянъ къ владѣльцамъ у черкесовъ. „Кавк." 1846 г., № 9. Бѣглые очерки Кабарды П. Степанова. „Кавк." 1861 г. № 82. О зависимыхъ сословіяхъ въ горскомъ населеніи Кубанской Области. „Кавк." 1867 г. № 44 и 50. Этнографическій очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукоп.). „На холмѣ" Каламбія „Русскій Вѣст". 1861 г. № 11.

на испытаніи, не окажется ли оно ворованнымъ. Если, въ промежутокъ этого времени, дѣйствительный хозяинъ не являлся, тогда деньги слѣдовавшія продавцу отдавались ему покутелемъ, а въ противномъ случаѣ животное возвращалось настоящему его хозяину.

Поэтому черкесы ничего такъ усиленно не добивались у черноморскихъ казаковъ, «какъ того только, чтобы казаки принимали отъ нихъ въ укрѣпленіи воровскіе предметы, хотя бы за самую ничтожную цѣну. Они готовы были выкрасть у своихъ соотчичей лошадей и сдѣлать ихъ пѣшими, готовы выкрасть у нихъ оружіе и сдѣлать ихъ беззащитными, готовы, наконецъ, выкрасть у нихъ рогатую скотину и барановъ и сдѣлать ихъ голодными и холодными. Словомъ, наши закубанскія укрѣпленія могли бы сдѣлаться смерчами, сифонами, которые вытянули бы изъ непокорныхъ ауловъ всѣ способы къ сопротивленію, если бы только захотѣли воспользоваться недостойными орудіями, въ нѣдрахъ самихъ враждующихъ противъ насъ обществъ сокрытыми» (1).

Черноморскій казакъ не хотѣлъ пользоваться подобными недостойными средствами, остался чистымъ и не запятналъ свою совѣсть ни прельщеніями, ни выгодами.

VII.

Гражданскій и юридическій бытъ черкескаго народа. — Народное управленіе. — Поединокъ. — Кровомщеніе. — Судъ и его устройство. — Адатъ и шаріатъ. — Плата за кровь. — Казнь. — Размѣры пени за различныя преступленія. — Права собственности. — Наслѣдство. — Народныя собранія и цѣль ихъ.

Главнымъ основаніемъ гражданскаго быта черкескаго народа служили: осѣдлость, личное и имущественное обезпеченіе. Обычаи, получившіе непреложную силу закона, опредѣляли права каждаго члена, права поземельной собственности и права наслѣдства. Торговыя сдѣлки обезпечивались залогами и поручительствами. Для разбора тяжебныхъ дѣлъ, рѣшенія общественныхъ нуждъ и вопросовъ существовало народное собраніе. Эти собранія, составлявшіяся не изъ представителей народа, а изъ всего народа, имѣли чисто-демократическій характеръ. Законодательная и распорядительныя власти были въ рукахъ народа, а отсутствіе главы въ общественномъ управленіи дѣлало его республиканскимъ.

Каждое *псухо* управлялось своею мірскою сходкою — *зауча*, или *джеме*,

(1) „Кавказъ“ 1855 г. № 34.

гдѣ обсуждались и рѣшались всѣ вопросы, касавшіеся до общины. Община есть первая ступень политическаго устройства каждаго народа. Она является и первою самобытною единицею, въ которой семейства или роды всѣ одного происхожденія и имѣютъ одинаковые интересы. По мѣрѣ увеличенія народонаселенія, отдаляется родство, дробятся интересы и община раздѣляется на части различной величины, образуя каждая болѣе или менѣе самостоятельное цѣлое.

На равнинахъ, общій интересъ взаимной безопасности связываетъ единоплеменниковъ, и народы, находящіеся на низкой степени образованія, вмѣстѣ съ своимъ развитіемъ постепенно соединяются въ государства. Въ горахъ, напротивъ: община, по мѣрѣ своего размноженія, дѣлится все болѣе и болѣе, замыкается въ самое себя и преслѣдуетъ свои мелкіе интересы. Чѣмъ неприступнѣе горы, чѣмъ болѣе представляютъ онѣ преградъ для вторженія непріязненныхъ сосѣдей въ предѣлы общины, тѣмъ болѣе бываетъ самостоятельности въ отдѣльныхъ общинахъ, на которыя дѣлится единоплеменный народъ, и тѣмъ долѣе она сохраняется.

Такое общее положеніе справедливо и въ примѣненіи къ черкесамъ. Кабардинцы, напримѣръ, жившіе на плоскости, слились въ одно цѣлое и имѣли общее управленіе, тогда какъ жители горъ сохраняли патріархальный бытъ и колѣнное устройство.

Въ послѣдній періодъ независимаго существованія Кабарды главными представителями власти у народовъ были *валій* и *мегкеме.* Должность валія принадлежала старшему по лѣтамъ князю, который, при содѣйствіи своего помощника называемаго *кодзэ*, управлялъ всѣми внѣшними и внутренними дѣлами своей родины. Мегкеме, или судъ, составленный изъ духовенства и почетныхъ вуорковъ и при участіи въ немъ валія и кодза, творилъ судъ и расправу, а своимъ согласіемъ узаконялъ постановленія валія относительно введенія новыхъ адатовъ и уничтоженія старыхъ.

Такимъ образомъ кабардинцы, какъ жители равнинъ, скорѣе сознали необходимость общаго управленія и пришли къ нему, тогда какъ всѣ остальныя племена черкескаго народа съ давнихъ временъ оставались въ колѣнномъ устройствѣ и большая часть изъ нихъ раздѣлялась на мелкія независимыя общества, управляемыя своею мірскою сходкою.

По мѣрѣ поступленія въ подданство Россіи, характеръ управленія ихъ измѣнялся русскимъ правительствомъ, и потому настоящій очеркъ управленія черкескаго народа относится ко времени его самостоятельности.

Гражданскій и юридическій бытъ черкескаго народа былъ основанъ на трехъ главныхъ началахъ: 1) право собственности, 2) право употребленія оружія для каждаго свободнаго человѣка и 3) родовые союзы, «со взаимною обязанностію всѣхъ и каждаго защищать другъ друга, мстить за смерть, оскорбленіе и нарушеніе правъ собственности всѣмъ за каждаго, и отвѣтственность передъ чужими родовыми союзами за всѣхъ своихъ».

Въ благоустроенныхъ государствахъ правительство принимаетъ на себя обязанность охранять народъ отъ непріятельскихъ вторженій, поддерживать спокойствіе и внутреннюю безопасность. Тамъ же, гдѣ не существуетъ административныхъ учрежденій, гдѣ народъ не признаетъ надъ собою ни чьей власти, внутренняя безопасность лежитъ въ естественномъ правѣ каждаго отдѣльнаго члена защищать себя, свое семейство и имущество и даже предупреждать противниковъ нападеніемъ, если отъ такой мѣры зависитъ спокойствіе, а еще болѣе спасеніе. Въ такихъ обществахъ политическое право непріязненныхъ дѣйствій и употребленіе оружія находятся во власти каждаго семейства и родовыхъ союзовъ.

Черкеское общество сформировано было на послѣднихъ началахъ. Въ немъ право употребленія оружія находилось во власти каждаго семейства первыхъ трехъ свободныхъ сословій. Зависимыя-же сословія, какъ связанныя неразрывно съ своими владѣльцами, должны были основывать, вмѣстѣ съ ними, свою безопасность. Такимъ образомъ, черкеское семейство составляло неразрывное цѣлое со своими подвластными и рабами и, не смотря на различіе происхожденія, связанное общими интересами, обязывалось взаимною защитою. Отдѣльныя лица, составлявшія такое семейство, рабы ли, владѣльцы ли, обязаны были не только защищать членовъ семейства, но и мстить чужимъ семействамъ, хотя бы одного и того же рода, за нарушеніе личной неприкосновенности и правъ собственности членовъ своего семейства. Послѣднее, по числу своихъ членовъ, какъ слишкомъ незначительное для поддержанія своей самостоятельности и обезпеченія каждаго члена, искало поддержки въ другихъ подобныхъ же семействахъ: отсюда образованіе союзовъ, основывавшихся у черкесовъ на родовомъ началѣ. Семейства одного родоваго происхожденія или фамиліи, вмѣстѣ съ подвластными имъ сословіями и людьми, отдавшимися подъ покровительство фамиліи, составляли родовой союзъ. Все общество родоваго союза покровительствовало каждому изъ принадлежащихъ къ нему людей, защищало и мстило за каждаго посторроннимъ обществамъ.

Оскорбленіе или ущербъ, нанесенные одному изъ членовъ, считалось посягательствомъ на благосостояніе всей общины; но, съ другой стороны, каждый членъ подлежалъ отвѣтственности за свое поведеніе передъ всѣмъ обществомъ. За личную обиду черкесъ предоставлялъ себѣ право самому преслѣдовать и мстить нанесшему оскорбленіе. Дуели черкесы не знали. По здравому смыслу черкеса, глупо и смѣшно, получивъ оскорбленіе, давать еще противнику всѣ средства убить себя, по установленнымъ правиламъ. Обиженный явно или тайно самъ убивалъ своего обидчика, когда позволяли случай или обстоятельства. При этомъ соблюдались, однако, правила, которыми черкесъ не смѣлъ пренебрегать, подъ опасеніемъ несмываемаго стыда. Правила эти совершенно противоположны установившимся въ образованныхъ обществахъ. Обидчикъ, встрѣтившись случайно съ обиженнымъ, не имѣлъ

рава нападать, а долженъ былъ только обороняться; въ чистомъ полѣ онъ обязанъ былъ уступить дорогу обиженному; встрѣтившись въ гостяхъ, долженъ былъ тотчасъ же удаляться, какъ только войдетъ обиженный, или, по крайней мѣрѣ, показывать видъ, что не замѣчаетъ его.

Поединокъ существовалъ у черкесовъ, но имѣлъ совершенно другое значеніе: онъ рѣшалъ споры двухъ наѣздниковъ или джигитовъ, кому изъ нихъ принадлежитъ первенство въ ловкости и храбрости; онъ былъ въ употребленіи, въ прежнее время, въ маленькихъ междоусобныхъ войнахъ и столкновеніяхъ племенъ между собою, кончавшихся часто поединкомъ представителей обѣихъ враждующихъ сторонъ. Часто и во время военныхъ дѣйствій съ русскими, черкескій наѣздникъ вызывалъ на поединокъ нашихъ милиціонеровъ и казаковъ, и оба противника начинали, джигитуя, перестрѣливаться, постепенно сближаясь другъ съ другомъ. Побѣдитель, при громкихъ крикахъ, овладѣвалъ тѣломъ противника и съ самодовольствомъ приказывалъ снять съ побѣжденнаго оружіе и доспѣхи, составлявшіе его гордость и славу. Въ тѣ времена, когда черкесы не вели еще отчаянной войны съ русскими, единоборство было въ большой модѣ и до такой степени усвоено народомъ, что черкескіе наѣздники, получившіе извѣстность и славу, искали себѣ достойныхъ соперниковъ, при встрѣчѣ съ которыми находили предлогъ къ ссорѣ и непремѣнно вступали въ единоборство, чтобы порѣшить вопросъ: который изъ двухъ наѣздниковъ долженъ пользоваться громкою славою и извѣстностію. Предлогъ къ состязанію бывалъ почти всегда самый ничтожный, напримѣръ: кто для кого долженъ посторониться при проѣздѣ по горной тропѣ. Поединокъ всегда вызывалъ, по выраженію черкесовъ, неминуемую смерть одного изъ противниковъ, потому что побѣдитель, во всякомъ случаѣ, могъ поступить съ побѣжденнымъ какъ съ убитымъ, т. е. снять съ него оружіе и обобрать до нитки. Подобное обстоятельство было для побѣжденнаго соединено съ такимъ безчестіемъ, что онъ предпочиталъ вѣрную смерть безчестной жизни. Поединки происходили всегда верхомъ, потому что сражаться пѣшкомъ считалось предосудительнымъ. Оба противника только тогда слѣзали съ коней, когда, по причинѣ полученныхъ ранъ, не могли держаться на сѣдлѣ. Въ черкеской поэзіи выраженіе *«слѣзть съ лошади»* равнозначуще съ выраженіемъ *«кончить свое поприще или умереть»*. Обычай этотъ однако выводится у черкесовъ, и теперь подобные поединки встрѣчаются весьма рѣдко. Въ сороковыхъ годахъ, за Кубанью былъ примѣръ подобнаго рода, но доказывающій упадокъ прежняго рыцарскаго духа черкесовъ.

Князь Али-бей М. бѣжалъ изъ мирнаго аула и сдѣлался абрекомъ. Долго проживая въ горахъ, онъ хищничалъ у насъ на линіи и, своимъ наѣздничествомъ, пріобрѣлъ въ горахъ вѣсъ и большія связи. Впослѣдствіи, испросивъ прощеніе, онъ возвратился въ родной аулъ. Связи и знакомства въ горахъ сдѣлали его весьма полезнымъ для насъ. При посредствѣ его связей, можно было знать все, что происходило въ горахъ, а знаніе дорогъ и тропинокъ

дѣлало его хорошимъ проводникомъ для нашихъ отрядовъ. Черкесы скоро узнали о такой дѣятельности князя.

Однажды онъ былъ посланъ съ секретнымъ порученіемъ за Лабу и Бѣлую и, возвращаясь со своимъ конвоемъ, встрѣтился на рѣкѣ Фарзѣ съ небольшой партіей абрековъ, предводимыхъ Берзекомъ, который, собираясь похищничать на Лабѣ, укрывался въ лѣсу. Берзекъ былъ убыхскій дворянинъ стараго покроя, искатель приключеній, проводившій время въ хищничествѣ и набѣгахъ. Онъ зналъ Али-бея, когда-то вмѣстѣ съ нимъ воровалъ и они были друзьями. Встрѣтившись теперь, Берзекъ сталъ поносить Али-бея за его сношенія съ гяурами и вызвалъ на поединокъ. Али-бей, извѣстный своею храбростію, отказался, говоря, что не подыметъ руки на своего единовѣрца-магометанина. Тогда Берзекъ приказалъ своей свитѣ окружить Али-бея, самъ бросился на него, завладѣлъ его лошадью, оружіемъ и обобралъ до нитки. Конвой, сопровождавшій Али-бея, хотя и не уступалъ числомъ партіи Берзека, но, по-черкескому обычаю, не считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ это дѣло, такъ какъ, отказавшись отъ поединка, Али-бей призналъ себя побѣжденнымъ и предался въ руки Берзека. Покрытый стыдомъ, Али-бей сѣлъ на лошадь одного изъ своихъ подвластныхъ и уѣхалъ домой. Съ тѣхъ поръ онъ потерялъ всякое уваженіе между черкесами.

Подобная обида, по понятію черкесовъ, ничтожна въ сравненіи съ оскорбленіемъ, наносимымъ посягательствомъ на честь родственницы, женщины или дѣвушки: она не можетъ даже сравниться съ обидою, нанесенною убійствомъ родственника. Такія оскорбленія почти никогда не оканчивались примиреніемъ, прежде чѣмъ позоръ не будетъ смытъ кровью виновнаго или кого-нибудь изъ его родственниковъ. Въ такихъ случаяхъ для черкеса не было обмана, не было вѣроломства, которымъ бы онъ гнушался или считалъ постыднымъ употребить въ дѣло; здѣсь не было суда, не было и платы, могущихъ утолить въ немъ жажду крови, успокоить возмущенную душу: одна смерть врага могла удовлетворить обиженнаго (¹).

Обычай мстить кровью за кровью, или *кровомщеніе*, было необузданное чувство и, вмѣстѣ, обязанность, налагаемая честью, общественнымъ мнѣніемъ и личнымъ убѣжденіемъ каждаго черкеса. Тамъ, гдѣ своеволіе лица не имѣетъ никакихъ предѣловъ, гдѣ столько случаевъ безнаказанно совершить преступленіе, кровомщеніе есть единственное средство, хотя до нѣкоторой степени обуздывающее дикія страсти удальца, готоваго на всякій поступокъ. Не жажда къ простому убійству руководила, въ этомъ случаѣ, черкесомъ, а жажда мести и возстановленіе своей чести.

Примѣровъ убійствъ преднамѣренныхъ, совершенныхъ хладнокровно, съ

(¹) Кто желаетъ ближе познакомиться съ тѣми средствами, которыя употреблялъ кровомститель, и со всѣми ихъ ужасами, пусть прочтетъ статью „Абреки“ Каламбія въ Русскомъ Вѣст. 1860 г. т. XXX № 21.

цѣлью обобрать трупъ, или вообще разбойничества, въ прямомъ значеніи этого слова почти не встрѣчалось между черкесами; убійства на дорогахъ бывали весьма рѣдки и считались необыкновеннымъ происшествіемъ въ краѣ; кровомщеніе, напротивъ, случалось весьма часто. За одного убитаго не рѣдко мстилъ аулъ аулу, родъ роду. Однажды совершенное преступленіе вело за собою цѣлый рядъ кровомщеній, тянувшихся нѣсколько поколѣній и даже нѣсколько вѣковъ.

Иногда враждующія стороны, утомленныя своими потерями, прекращали временно взаимныя убійства для того только, чтобы утихшее кровомщеніе, спустя извѣстное время, возгорѣлось съ новою силою и съ бо́льшимъ ожесточеніемъ.

Въ 1846 году, весною, бесленѣевскій князь Адиль-Гирей Коноковъ, вслѣдствіе давно существовавшаго кровомщенія, убилъ кабардинскаго князя Магомета Атажукина. Оба враждовавшіе князя встрѣтились на рѣкѣ Урупѣ, окруженные своими узденями. Завязалась перестрѣлка, отъ которой, съ обѣихъ сторонъ, легло четырнадцать человѣкъ; въ томъ числѣ былъ убитъ и Магометъ Атажукинъ.

Получивъ извѣстіе объ этой встрѣчѣ и о послѣдствіяхъ ея, оба народа, бесленѣевцы и кабардинцы, вооружились и междоусобная вражда готова была вспыхнуть. Кабардинцы, считая себя обиженными, хотѣли начать свои непріязненныя дѣйствія отбитіемъ табуна у бесленѣевцевъ, но послѣдніе успѣли спасти его. Такъ какъ обѣ враждующія стороны были покорны намъ, то правительство не допустило до кровопролитія; дѣло кончилось разбирательствомъ, платою за кровь и примиреніемъ обоихъ народовъ.

Обычай требовалъ, чтобы кровный обидчикъ тотчасъ же оставлялъ свой домъ и искалъ спасенія и покровительства въ чужой общинѣ. Оставшись дома, онъ подвергалъ отвѣтственности, кромѣ себя и семейства, не только своихъ родственниковъ, но всѣхъ членовъ рода, и даже всѣхъ людей одной съ нимъ общины. Такъ, когда бесленѣевскій дворянинъ Тазартуковъ, потерпѣвшій обиду отъ ногайскаго князя Карамурзина, подстерегъ его въ 1847 году на рѣкѣ Урупѣ и убилъ, онъ, не медля ни минуты, со всѣмъ своимъ семействомъ бѣжалъ въ Кабарду. Ногайскіе князья, получивъ объ этомъ вѣсть, тотчасъ же поскакали въ аулъ Тазартукова, но, не заставъ его дома, ограничились сожженіемъ построекъ и хлѣба, лично ему принадлежавшихъ.

Совершившій преступленіе и подлежавшій кровомщенію могъ оставаться дома, но, въ этомъ случаѣ, долженъ былъ выплатить семейству убитаго *унеимичипше*, плату равную, по цѣнности, рабу. Тогда онъ могъ показываться публично, но не иначе какъ вооруженный съ головы до ногъ и окруженный свитою. Между тѣмъ, родственники и друзья его употребляли всѣ усилія, чтобы успокоить и охладить мстительность родственниковъ убитаго. Такъ тянулось время до тѣхъ поръ, пока, послѣ взаимныхъ переговоровъ черезъ посредниковъ, обиженная сторона соглашалась принять выкупъ, *тловуасъ*—цѣну

крови, или, если обида состояла въ нанесеніи раны, то пока обиженный не соглашался на вознагражденіе по опредѣленію суда.

Нечаянныя убійства относились къ разряду умышленныхъ или вызванныхъ какою-нибудь причиною. Бывали и такіе случаи, что лошадь ударила ногою дитя, и хозяинъ тотчасъ же требовалъ отъ хозяина лошади плату за кровь.

Тотъ не смѣлъ отказаться, потому что, отказавшись отъ платы, подвергалъ себя кровомщенію отца раненаго ребенка. «Ясно, говоритъ Люлье, что, по господствующимъ у горцевъ понятіямъ, преступность опредѣляется не по качеству моральнаго побужденія, а скорѣе только по количеству наносимаго ущерба. Потому и самое наказаніе ограничивается наказаніемъ вещественнымъ, основаннымъ на простой сдѣлкѣ».

При совершеніи кровомщенія, не было ничего рыцарскаго и откровеннаго. Кровоместникъ (зе-піи) убивалъ изъ засады, истреблялъ хлѣбъ и сѣно враждебнаго ему семейства, зажигалъ по ночамъ сакли, кралъ дѣтей и продавалъ ихъ въ рабство и неволю. Все это дѣлалось воровски, скрытно, съ удаленіемъ отъ себя, по возможности, всякой опасности. Предпріимчивый кровоместникъ, въ теченіе короткаго времени, могъ столько надѣлать вреда, что обидѣвшее его семейство принуждено бывало просить черезъ посредниковъ мира и удовлетворить обиженнаго установленною обычаемъ платою за кровь.

Случалось, что виновный и подлежащій кровомщенію тайно, или при чьемъ нибудь содѣйствіи, старался украсть изъ семьи обиженнаго мальчика и воспитывалъ его съ гораздо большимъ раченіемъ, чѣмъ собственнаго сына. По достиженіи мальчикомъ совершеннолѣтія, воспитатель, одаривъ воспитанника одеждою, оружіемъ, хорошею лошадью, доставлялъ его съ большою церемоніею въ домъ родителей или родственниковъ. Тогда, какъ *аталыкъ*, онъ вступалъ въ родственныя отношенія съ семействомъ обиженнаго и мирился съ нимъ. Подобнымъ образомъ воспитанный ребенокъ носилъ названіе *тлечежапканъ*—за кровь воспитанный.

Обычай брать на воспитаніе дѣтей обиженнаго, въ послѣднее время, сталъ повторяться чаще; виновному не было надобности красть ребенка: онъ открыто вносилъ половину установленной обычаемъ платы за кровь и явно бралъ къ себѣ ребенка на воспитаніе ([1]). Когда Джембулатъ Болотоковъ убилъ хатюкайскаго князя Керкенокова, то, при примиреніи, взялъ на воспитаніе его сына.

Для кровомщенія нѣтъ ни дружбы, ни родства, нѣтъ и опредѣленнаго времени, въ которое должна быть совершена месть. Проходятъ годы и десятки ихъ, происшествіе забывается среди общества, но не забываетъ его крово-

---

([1]) Этнографическій очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукопись). Воспом. кавк. офицера. „Русскій Вѣст.“ 1864 г. № 11. О политическомъ устройствѣ черкесскихъ племенъ Н. Карльгофа. „Русскій Вѣст.“ 1860 г. № 16. Учрежденія и народные обычаи шапсуговъ и натухажцевъ Л. Люлье. Зап. кавк. отд. Им. Р. Геогр. Общ. кн. VII изд. 1866 г. О бытѣ, нравахъ и обычаяхъ древнихъ атыхейцевъ. „Кавк.“ 1849 г. № 37.

местникъ и ищетъ удобнаго случая къ мщенію. Родство, въ этомъ случаѣ, не имѣетъ никакого значенія. Одинъ черкесъ, полюбивъ дѣвушку и получивъ ея согласіе, похитилъ и женился на ней. Черезъ нѣсколько времени, братъ увезенной дѣвушки, не довольный такимъ бракомъ, собираетъ друзей, нападаетъ, въ отсутствіе своего зятя, на его саклю, схватываетъ свою сестру и, посадивъ ее насильно на крупъ лошади, увозитъ домой.

Мужъ пріѣзжаетъ и, не заставъ жены, бросается въ погоню; нагоняетъ партію, врѣзывается въ ея середину и убиваетъ наповалъ брата своей жены. Преслѣдованный всей партіею, онъ избѣгнулъ, однако, погони и укрылся въ сосѣднемъ народѣ. Съ этого времени начался рядъ неистовыхъ мщеній мужа надъ семействомъ его жены. Скрываясь тайно, онъ сожигалъ сѣно и хлѣбъ, поджигалъ саклю, похищалъ дѣтей и не было никакого средства отыскать и убить его. Одна смерть прекратила его мщеніе. Положеніе жены его было горестно: она была первой причиной кровомщенія; ей нельзя было жить съ убійцей роднаго брата и, не смотря на красоту свою, она не могла выйдти замужъ: никто не смѣлъ жениться на оставленной женѣ абрека, потому что немедленно подвергся бы смерти отъ руки перваго ея мужа (¹).

Нѣтъ родства для кровомщенія, нѣтъ и опредѣленнаго срока для его исполненія.

Бесленѣевскій князь Арсланъ-бекъ Шолоховъ, богатый, красивый молодой человѣкъ и лихой наѣздникъ, засваталъ за себя дочь умершаго весьма почетнаго кабардинскаго князя Касаева, которая воспитывалась въ Тахтамышевскомъ аулѣ. Собравъ для торжественнаго поѣзда до ста узденей, Шолоховъ долженъ былъ выѣхать изъ своего аула, на рѣкѣ Тегеняхъ, въ Тахтамышевскій аулъ, отстоявшій верстъ за сто двадцать пять.

Къ одному изъ кабардинскихъ князей, Джембулату-Атажукину, въ это время собрались гости, и въ числѣ прочихъ новостей разсказали о поѣздѣ Шолохова за невѣстою.

— Этого быть не можетъ, вскричалъ вскочившій съ мѣста и разсерженный Джембулатъ. Я не вѣрю, чтобы дочь кабардинскаго князя, и такого достойнаго человѣка, могла выйдти за бесленѣевскаго князя: этому не бывать!

Гости увѣряли хозяина, что свадьба должна состояться черезъ нѣсколько дней, и Аджи-ханъ—такъ звали невѣсту—будетъ женою Арсланъ-бека Шолохова.

— А я вамъ говорю, что этому не бывать, сказалъ Джембулатъ съ запальчивостію; я не допущу, чтобы дочь близкаго моего друга Касаева вышла за бесленѣевца: она должна быть за кабардинскимъ княземъ, и будетъ за нимъ.

Нѣкоторые гости съ недовѣріемъ качали головою, другіе иронически подсмѣивались, но Джембулатъ былъ непоколебимъ въ своемъ желаніи и вѣренъ сказанному слову.

(¹) Этнографическій очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукопись).

Собравъ до ста человѣкъ своихъ узденей, онъ въ ту же ночь отправился къ Тахтамышевскому аулу, находившемуся на правомъ берегу рѣки Кубани, верстахъ въ двѣнадцати отъ Баталпашинской станицы. Засѣвъ съ партіею на дорогѣ, онъ сталъ ожидать поѣзда съ невѣстою. Арсланъ-бекъ зналъ о словахъ Джембулата, но не вѣрилъ, чтобы онъ исполнилъ свои намѣренія, однако счелъ лучшимъ не днемъ, а ночью переправиться, вмѣстѣ съ невѣстою, на лѣвый берегъ рѣки Кубани. Не доѣзжая версты три до переправы, поѣздъ былъ атакованъ кабардинцами. Разрядивъ ружья по бесленѣевцамъ, кабардинцы бросились прямо къ арбѣ, на которой сидѣла невѣста, выхватили ее и ускакали за рѣку Кубань. Нападеніе и уходъ кабардинцевъ были такъ быстры, что бесленѣевцы хотя и стрѣляли въ непріятеля, но потеряли его изъ виду. Темная ночь дѣлала преслѣдованіе невозможнымъ. Джембулатъ благополучно прибылъ въ свой аулъ, на рѣку Теберду, и на другой же день выдалъ молодую княжну за своего родственника, молодаго и красиваго князя.

Злоба и месть долго таились въ душѣ Арсланъ-бека и всѣхъ бесленѣевцевъ, но не встрѣчалось удобнаго случая отмстить за оскорбленіе.

Прошло болѣе года. Джембулатъ-Атажукинъ, съ тридцатью человѣками своихъ узденей, поѣхалъ за рѣку Бѣлую по своимъ дѣламъ. Это было въ 1843 году. Возвращаясь, Джембулатъ остановился на рѣкѣ Тегеняхъ покормить лошадей и совершить молитву (намазъ). Неподалеку, на полугорѣ, виднѣлся аулъ. Джембулатъ не зналъ чей онъ, но былъ увѣренъ, что принадлежитъ бесленѣевцамъ. Одинъ изъ жителей аула, наваливъ на арбу сѣна, везъ его мимо путниковъ и узналъ, что партія отдыхавшихъ принадлежала Джембулату-Атажукину, и что онъ самъ тутъ же. Въ аулѣ, какъ и всегда, праздные жители собираются вокругъ своего князя и, глазѣя на остановившихся гостей, предугадываютъ, кто бы это были?

Тѣмъ временемъ подъѣхалъ къ глазѣющимъ житель съ арбою и сѣномъ.

— Не узналъ-ли ты, кто проѣзжаетъ? спросили его голоса изъ толпы.

— Кто проѣзжаетъ! повторилъ бесленѣевецъ съ насмѣшливымъ видомъ: конечно тотъ, кто отнимаетъ у нашихъ князей невѣстъ, а теперь, вѣроятно, пріѣхалъ и за женами.

Аулъ былъ Арсланъ-бека Шолохова. Понятно, кого должны были больше всего поразить эти слова.

— Лошадь! крикнулъ князь, бросился въ саклю, схватилъ оружіе, сѣлъ на коня и поскакалъ къ отдыхавшему Джембулату; за нимъ наскоро полетѣли нѣсколько человѣкъ, остальные скакали въ слѣдъ.

Джембулатъ, видя скачущихъ бесленѣевцевъ, догадавшись въ чемъ дѣло и съ кѣмъ долженъ встрѣтиться, сѣлъ также на коня, приказалъ узденямъ не вмѣшиваться, выхватилъ ружье и ожидалъ Шолохова.

Арсланъ-бекъ почти въ упоръ далъ выстрѣлъ, но промахнулся. Джембулатъ-же, выстрѣливъ, положилъ его на мѣстѣ, но въ это время уздени уби-

таго дали залпъ и положили храбраго Джембулата. Болѣе не было произведено ни одного выстрѣла.

Уздени каждаго изъ убитыхъ взяли своего князя и разъѣхались въ разныя стороны. Такъ кончилъ свою жизнь одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей по уму, храбрости и большому вліянію въ народѣ. Имя Джембулата Атажукина до сихъ поръ еще свѣжо и чтится всѣми кабардинцами (1).

Для избѣжанія безпрерывной и истребительной войны по кровомщенію, которая была бы неразлучна съ полною свободою употребленія каждымъ оружія, у черкесовъ существовали ограничивающія ея правила, которыя заключались: 1) въ поголовной отвѣтственности каждаго союза передъ другими за поступки и поведеніе всѣхъ принадлежащихъ къ нему людей; 2) въ судѣ посредниковъ и 3) въ уплатѣ виновною стороною установленныхъ пеней.

По коренному обычаю (адату) черкесовъ, каждая кровная обида можетъ быть окончена примиреніемъ враждующихъ сторонъ судомъ посредниковъ (2). Не имѣя особо-устроенныхъ и постоянныхъ судовъ, народъ предоставлялъ правосудіе частнымъ лицамъ. Старики, пользовавшіеся уваженіемъ народа, вмѣшивались въ распри, принимали на себя роль посредниковъ и уговаривали враждующихъ рѣшить дѣло посредниками.

Взаимная присяга представителей каждаго общества служила обязательствомъ для всего населенія: не дѣлая вреда союзу, кончать всѣ распри, неудовольствія и споры со взаимною справедливостію. Обвиняемый долженъ былъ предстать передъ собраніе выборныхъ, которые, только на этотъ разъ, облекались властію и, уполномоченные народомъ, произносили приговоръ, опредѣляли взысканіе пени, слѣдуемой въ уплату обиженному, въ справедливое удовлетвореніе и вознагражденіе его.

Важность дѣла опредѣляла число судей, необходимыхъ для его рѣшенія. Каждая сторона выбирала своихъ посредниковъ или судей, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы противная сторона утвердила выборъ. Въ назначенномъ мѣстѣ сходились судьи, тяжущіеся и ихъ свидѣтели. Судъ происходилъ подъ открытымъ небомъ, гласно и публично; чѣмъ интереснѣе, важнѣе и любопытнѣе было дѣло, тѣмъ болѣе собиралось слушателей. Черкесы вообще любили проводить время на разбирательствахъ; въ ихъ праздной жизни оно составляло единственное разнообразіе и развлеченіе.

Приступая къ разбирательству, судьи, носящіе названіе *таркохясь* или присяжныхъ, распредѣлялись на двѣ части и садились двумя отдѣльными группами, на такомъ разстояніи, чтобы въ одной группѣ не было слышно о чемъ разсуждаютъ и разговариваютъ въ другой. За судьями, также въ нѣкоторомъ отдаленіи, располагались тяжущіеся, раздѣленные на двѣ части, каждая подлѣ

(1) Изъ разсказовъ о генералѣ Г. Х. Зассѣ. Г. Атарщикова.

(2) Со времени послѣдней восточной войны, судъ у шапсуговъ и натухажцевъ происходилъ въ особыхъ *мегкемэ* и часто по шаріату.

своихъ выборныхъ. Черкесы дѣлали это во избѣжаніе столкновеній и ссоръ, къ которымъ обязывало ихъ чувство чести мстить до тѣхъ поръ, пока виновная сторона не удовлетворитъ обиженную.

Случалось, однако, и при этой предосторожности, что «обѣ стороны подходили на назначенное посредниками разстояніе, имѣя винтовки наготовѣ, и нерѣдко завязывалась перестрѣлка между тяжущимися».

Изъ числа присяжныхъ или судей каждая сторона выбирала по одному *тлукуо*: это адвокаты-руководители, которые, выслушавъ жалобы и доводы обвинителей, передавали ихъ судьямъ, потомъ выслушивали показанія обвиненныхъ и, такимъ образомъ, переходили отъ одного кружка тяжущихся къ другому, до тѣхъ поръ, пока судьи вполнѣ узнавали сущность и подробности дѣла. Адвокаты выбирались преимущественно изъ такихъ лицъ, которыя владѣли языкомъ и краснорѣчіемъ въ изложеніи мыслей. Черкесы вообще обладали замѣчательными ораторскими способностями, умѣли говорить съ необыкновеннымъ искуствомъ длинныя рѣчи, замѣчательныя по составу, логическому порядку выводовъ и силѣ убѣжденія. Въ этомъ случаѣ имъ много помогалъ обычай, существовавшій съ давнихъ поръ между черкесами. Князья и дворяне, во время пребыванія въ полѣ весною или осенью, раздѣлялись на двѣ стороны и одна изъ нихъ объявляла на другую свои притязанія и требованія. Обѣ стороны избирали тогда судей, передъ которыми отвѣтчики защищались всею силою своего краснорѣчія, а обвинители, съ своей стороны, не щадили сильныхъ выраженій для побѣды своихъ противниковъ. Такимъ образомъ для каждаго открывалось обширное поле показывать могущество своего краснорѣчія и знанія существующихъ народныхъ узаконеній и феодальныхъ правъ своей націи. Простая, повидимому, забава эта служила черкесамъ школою къ образованію у нихъ ораторовъ. И дѣйствительно: по врожденной способности, они ловко вели судебныя пренія, въ которыхъ имѣли большой навыкъ.

Собравши показанія и ознакомившись съ сущностію дѣла, судьи обѣихъ спорящихъ сторонъ сходились, выслушивали показанія свидѣтелей, которые иногда приводились къ присягѣ, а иногда не приводились, смотря по важности разбираемаго дѣла. Свидѣтелями могли быть только люди честные и хорошаго поведенія. Отъ обвинителя и обвиняемаго требовали присягу. Въ прежнее время, присяга происходила на посохѣ, вырубленномъ въ священной рощѣ, и присягающій начиналъ ее словами: «*я клянусь тѣмъ, кто создалъ эту вѣтвь*»...; впослѣдствіи, съ распространеніемъ магометанскаго ученія, коранъ замѣнилъ посохъ, но, по сохранившемуся еще обыкновенію, онъ вѣшается на палку, воткнутую въ землю. Черкесы, имѣвшіе смѣшанное вѣрованіе, клялись могилами отца и матери. Присягавшій передъ кораномъ почтительно подходилъ къ священной книгѣ, дотрогивался до нея рукою и произносилъ клятву, начиная ее словами: «*я клянусь этою книгою слова Божія...*» Окончивъ клятву, подносилъ коранъ къ губамъ и отходилъ. Въ нѣкоторыхъ обществахъ

присяга состояла въ закалываніи овцы и прикосновеніи языка къ окровавленному кинжалу.

Обвинитель давалъ присягу въ томъ, что, съ рѣшеніемъ дѣла, обязывается забыть всякое непріязненное чувство къ обвиняемому, а послѣдній въ томъ, что безпрекословно подчиняется требованіямъ приговора и не станетъ уклоняться отъ его исполненія. Для большаго обезпеченія въ исполненіи клятвы, брали отъ обоихъ присягавшихъ по одному присяжному поручителю, которые и отвѣчали за поведеніе своихъ кліентовъ.

Весьма рѣдко случалось, чтобы тяжущіеся, послѣ подобной церемоніи, изъявляли свое неудовольствіе на рѣшеніе суда.

У тѣхъ черкесовъ-магометанъ, гдѣ былъ введенъ духовный судъ (мегкемэ) по шаріату, истецъ не имѣлъ права спрашивать кадія о дѣлѣ прежде рѣшенія его; въ противномъ случаѣ, какъ истецъ, такъ и кадій платили 20 рублей штрафа. Истецъ, не представившій въ теченіе пятнадцати дней свидѣтелей, лишался права иска; дѣла, одинъ разъ рѣшенныя судомъ, не возобновлялись; точно также и дѣло, рѣшенное однимъ кадіемъ, не могло быть перерѣшено другимъ, и кадій, виновный въ отступленіи отъ этого правила, платилъ 100 рублей штрафа.

Виновный, по рѣшенію шаріата не удовлетворившій истца, кромѣ продажи всего его имущества обязанъ былъ заплатить 20 рублей штрафа. Дѣло, рѣшенное аульнымъ муллой, имѣло одинаковую силу съ рѣшеннымъ въ судѣ (мегкемэ).

Отсутствіе отвѣтственности за ложное показаніе дѣлало положеніе судей въ произнесеніи приговора крайне затруднительнымъ, потому что каждый могъ смѣло лгать и давать изворотливые отвѣты. Къ тому же, по безграмотности черкесовъ, всѣ сдѣлки совершались словесно, и до фактическаго удостовѣренія въ справедливости показаній было весьма трудно добраться. Въ такихъ случаяхъ прибѣгали къ очистительной присягѣ, которую могъ предложить самъ обвиняемый для своего оправданія. Такъ какъ, послѣ подобной присяги, обвиняемый освобождался отъ всякой отвѣтственности, то, чтобы присяга не могла служить къ обезпеченію безнаказанности людямъ, которымъ не страшна ложная присяга, при исполненіи ея требовалось, чтобы оправдывающійся, являясь на подобную присягу, имѣлъ извѣстное число свидѣтелей безукоризненнаго поведенія. Послѣдніе клялись, что вѣрятъ всему сказанному обвиненнымъ. Этотъ родъ свидѣтельства назывался *таирко-шесэ*—ручательство за вѣрность присяги, и число такихъ поручителей зависѣло отъ важности иска и значенія преступленія.

Къ присягѣ не допускались родственники, лица участвовавшія въ пользованіи имуществомъ съ тяжущимися, и тѣ, которыя жили съ ними подъ одною кровлею.

У черкесовъ не существовало ни тюремъ, ни тѣлесныхъ наказаній, никакихъ видовъ лишенія свободы, а потому всѣ наказанія ограничивались на-

ложеніемъ штрафа, сообразнаго со степенью проступковъ, и увеличивавшагося въ случаѣ повторенія преступленія однимъ и тѣмъ же лицомъ. Штрафъ или пеня уплачивалась всегда въ назначенный срокъ, и не иначе какъ въ присутствіи адвокатовъ-руководителей, а въ дѣлахъ значительныхъ, кромѣ того, и въ присутствіи двухъ судей. Люди эти служили посредниками для опредѣленія стоимости вещей представляемыхъ въ уплату, и для рѣшенія по какому именно счету вещи должны быть приняты.

Опредѣленіе пени дѣлалось не произвольно, но по установленнымъ правиламъ на каждый случай назначалась особая пеня. Черкесы никогда не имѣли никакихъ письменныхъ законовъ; они управлялись искони своими древними обычаями, которые изустно передавались изъ рода въ родъ. Совокупность этихъ обычаевъ, служащихъ руководствомъ для каждаго черкеса въ его семейной и общественной жизни, называется *адатомъ*. Каждое изъ поколѣній черкескаго народа имѣло свой собственный адатъ, но всѣ адаты, въ общихъ основаніяхъ, сходны между собою. Въ прежнее время, адатъ кабардинскій считался лучшимъ и былъ принятъ почти всѣми черкесами.

Адатъ не оставался неподвижнымъ. По мѣрѣ того, какъ народъ развивался, являлись новыя потребности, новые интересы, которые усложняли и отношенія между людьми. Претензіи, споры и иски увеличивались; въ адатѣ не находилось установленій на новые случаи, и судьи, по необходимости, должны были, примѣняясь къ общему духу адата, постановлять рѣшенія новыя и небывалыя. Въ такихъ случаяхъ приглашались пожилые люди, свѣдующіе въ народныхъ обычаяхъ старики, которые могли сохранить въ своей памяти какіе нибудь факты, похожіе на разбираемый. Новыя рѣшенія, повторенныя потомъ въ другихъ подобныхъ же случаяхъ, упрочивались въ массѣ народныхъ обычаевъ, присоединялись къ адату и, расширяя его, подвигали, такъ сказать, впередъ или совершенствовали самый адатъ. Судъ основывался прежде исключительно на адатѣ, но, со введеніемъ мусульманства, внесенъ былъ въ среду черкескаго народа еще и духовный судъ, *шаріатъ*, или письменный законъ. Право суда было захвачено въ руки кадіями, которые рѣшали дѣла по преступленіямъ какъ духовнымъ, такъ и гражданскимъ.

По привязанности къ своимъ обычаямъ или къ адату, черкесы предпочитали его *шаріату*, тѣмъ болѣе, что послѣдній допускаетъ, во время разбирательства, произвольное толкованіе муллами различныхъ постановленій письменнаго закона или корана. Такъ какъ коранъ былъ мало извѣстенъ черкесамъ, да немного болѣе понимали его и полуграмотные муллы, то народъ, во всѣхъ сколько нибудь важныхъ дѣлахъ, руководствовался постановленіями *адата*. Въ мелкихъ и неважныхъ дѣлахъ, враждующіе обращались съ разбирательствомъ къ мулламъ, болѣе потому, чтобы избѣжать тѣмъ медленности и затрудненій въ пріисканіи посредниковъ.

Укоренившаяся въ народѣ одинаковая законность судовъ, по адату и по шаріату, допускала произволъ, предоставляя тяжущимся выборъ того или

другаго. Когда обвинитель видѣлъ, что можетъ выиграть дѣло по адату, онъ требовалъ, чтобы его судили по примѣру предковъ, а о шаріатѣ и слышать не хотѣлъ. Если же видѣлъ, что, для рѣшенія его дѣла, шаріатъ выгоднѣе, то, прикинувшись строгимъ фанатикомъ, требовалъ суда не иначе, какъ по книгѣ Божіей, *которой буквы изобрѣтены и ниспосланы на землю самимъ Богомъ*...

Черкесы не знали употребленія монеты, и денегъ у нихъ не было въ обращеніи до послѣдняго времени. Поэтому, при наложеніи пеней, они установили свою собственную стоимость, за единицу которой приняли *цю*—быка. Одинъ быкъ (цю) равнялся шести *тоопъ*—штука или отрѣзокъ матеріи, достаточный на платье мужское или женское. Изъ совокупности этихъ предметовъ, составилась мѣра пени, или *сха*.

Сха была двухъ родовъ: *вуокесха*—по кровомщенію привиллегированнаго класса, и просто *сха*—по кровомщенію за простолюдина. Стоимость первой больше второй, но цѣнность той или другой нельзя опредѣлить съ точностію.

«Хорошая кольчуга — говоритъ Люлье — шлемъ, налокотники, шашка, лукъ, ружье, большой котелъ изъ мѣди и тому подобныя вещи, если стоятъ не больше шестидесяти цю, или быковъ, и не меньше шестидесяти барановъ, то составляютъ, вообще, одну сха; но, смотря по сану лица, за котораго платится пеня, размѣры этой стоимости (въ указанныхъ предѣлахъ) бываютъ различные: въ уплатѣ за князя (пши) сха считается въ 60—80 цю (быковъ), за дворянина (вуоркъ) считается ужь меньше, смотря по сановитости рода, и доходитъ наконецъ до восьми цю (быковъ), въ уплатѣ за простолюдина (тфлокотль). Всякій предлагаемый предметъ, по качествамъ доброты, а больше по ловкости и убѣдительности посредниковъ-оцѣнщиковъ, можетъ, при опредѣленіи его стоимости, составить одну или нѣсколько сха».

Въ число наличной платы отдавали часто дѣтей обоего пола, рожденныхъ въ рабствѣ. Ребенокъ долженъ быть ростомъ не меньше пяти *бже*, т. е. длины раскрытой кисти руки отъ мизинца до большаго пальца (пядь, четверть). Красота лица, стройное тѣлосложеніе имѣли большой вѣсъ при опредѣленіи стоимости мальчика или дѣвочки. Они оцѣнивались на стоимость сха.

Дѣти рабовъ, и нерѣдко свои собственныя, замѣняли у черкесовъ деньги, въ особенности у племенъ, жившихъ по берегу Чернаго моря. Тамъ всѣ товары и матеріи оцѣнивались нерѣдко числомъ мальчиковъ или дѣвочекъ, передаваемыхъ преимущественно туркамъ.

По обычаю черкесовъ, убійство человѣка можетъ быть окуплено цѣною крови—*тловуасъ*. Въ прежнее время, цѣна крови была назначена: за убійство князя сто сха, вуорка (дворянина) 42 и тфлокотля (простолюдина) 20 сха [1]. Впослѣдствіи плата за кровь дворянина была уменьшена до 30 сха,

---

(1) Люлье приводитъ счетъ сха за убійство вуорка (дворянина) и тфлокотля (просто-

а простолюдина возвышена до этой цифры, и такимъ образомъ права ихъ, въ этомъ отношеніи, уравнялись. По шаріату, цѣна крови опредѣлена за дворянина и простолюдина въ 200 нестельныхъ коровъ. Цѣна крови князя была неодинакова въ разныхъ поколѣніяхъ. Нѣкоторыя княжескія фамиліи, напримѣръ Болотоковы, установили за себя такую цѣну за кровь, которую выплатить не было возможности. Они требовали въ уплату: нѣсколько панцырей и луковъ съ колчанами, самыхъ лучшихъ въ краѣ, оружіе первое въ краѣ, лошадей самыхъ высокихъ статей, пару черныхъ борзыхъ собакъ безъ всякихъ отмѣтинъ и другихъ предметовъ высшаго достоинства. При такихъ условіяхъ, отъ произвола Болотоковыхъ зависѣло принять какую нибудь плату и удовлетвориться ею или преслѣдовать виновнаго.

Высокая цѣна пени, преимущественно за кровь, дѣлала невозможною уплату ея однимъ виновнымъ, въ особенности въ средѣ такого народа, какъ черкесы, которые не имѣли у себя людей зажиточныхъ или богатыхъ, въ полномъ значеніи слова. Плата эта почти всегда разлагалась на цѣлую фамилію. Каждая община представляла собою семью въ большомъ видѣ и называлась по имени родоначальника. Члены такой общины признавали себя по родству столь близкими другъ къ другу, что не допускали между собою брачнаго союза, считая подобный бракъ кровосмѣшеніемъ. Родство это связывало членовъ общины и они вели свои дѣла сообща: оказывали другъ другу защиту и матеріяльную помощь.

На этомъ основаніи, тотъ, кому нужно было платить пеню, получалъ вспомоществованіе отъ своихъ собратій по общинѣ. Но такъ какъ община была не велика числомъ людей, и въ случаѣ, если міровой сборъ не могъ составить требуемой пени, то за сборомъ ея обращались къ остальнымъ общинамъ племени, а иногда даже къ друзьямъ и знакомымъ отдаленныхъ племенъ.

Съ другой стороны, слишкомъ частый вносъ пени за виновнаго былъ бы весьма обременительнымъ для остальныхъ членовъ общины; поэтому цѣлая община поставлена была въ необходимость наблюдать за дѣйствіями каждаго и удерживать безпокойныхъ людей отъ совершенія различнаго рода преступленій. Преступникъ, нѣсколько разъ нарушившій присягу и установленныя правила и признанный неисправимымъ, исключался изъ фамиліи. Такое исключеніе равносильно было объявленію человѣка, у образованныхъ народовъ, внѣ покровительства законовъ; человѣка, исключеннаго изъ фамиліи, каждый могъ оскорбить, ограбить, убить или взять въ рабство, не навлекая на себя ни отъ кого мщенія. Виновному оставалось одно средство: бѣжать и

людина). Вотъ первый изъ нихъ: панцырь, шлемъ, шашка, налокотники, хорошій конь— цѣною каждый предметъ въ 2 сха, одно ружье цѣною въ 16 быковъ; серебрянный кубокъ въ 1 сха; быковъ цѣною на 8 сха и посредственныхъ лошадей, для дополненія счета, до 42 сха, 23 штуки. Вся эта плата, сложенная вмѣстѣ, составляетъ стоимость 42-хъ сха.

искать покровительства въ какой нибудь другой фамиліи. Такой человѣкъ носилъ названіе *пси-хядзь*, и если онъ не успѣвалъ скрыться, то схватывался, заковывался въ желѣзо, привязывался къ дереву и убивался изъ огнестрѣльнаго оружія. У черкесовъ не было обыкновенія подымать руки на истребленіе самаго опаснаго для общества человѣка, и потому они заставляли раба сдѣлать смертельный выстрѣлъ. Чаще же всего преступника продавали въ неволю, или привязывали ему на шею камень и бросали въ воду, отчего и произошло самое названіе пси-хядзь, т. е. «брошенный въ воду».

Къ этому единственному виду смертной казни черкесы прибѣгали весьма рѣдко, а по большей части, за проступки другихъ, терпѣливо платили пеню. Пеня распредѣлялась такъ: небольшую часть получали судьи, болѣе значительная раздавалась родственникамъ истца и только около одной трети доходило до самаго истца или его семейства.

Пеня уплачивалась виновнымъ въ теченіе срока опредѣленнаго судебнымъ рѣшеніемъ. Но такъ какъ судъ у черкесовъ былъ, въ дѣйствительности, не тотъ судъ, котораго рѣшенія опирались бы на власть исполнительную, а имѣлъ только характеръ мироваго соглашенія спорящихъ, поддерживаемаго страхомъ оружія, то онъ и не бралъ на себя обязанности слѣдить за исполненіемъ своего приговора. Въ этомъ случаѣ, виновный побуждался къ уплатѣ однимъ истцомъ. Побужденія состояли въ безпокойствѣ отвѣтчика всѣми возможными средствами, которыя могли быть дѣйствительными для принужденія къ скорѣйшей платѣ пени. Обиженный имѣлъ право захватить всякое имущество принадлежащее должнику; но самый употребительнѣйшій способъ состоялъ въ томъ, чтобы «увести у отвѣтчика одну или нѣсколько штукъ скота, но оставить при этомъ особый знакъ, обыкновенно палку, воткнутую въ землю близъ жилья, или даже въ самомъ его дворѣ».

Это средство понужденія называлось *такго*. Оно повторялось до тѣхъ поръ, пока должникъ не выходилъ изъ терпѣнія и, чтобы избавиться отъ постоянныхъ тревогъ и опасеній, не засылалъ посредниковъ. Весьма часто, когда такое постороннее вмѣшательство состоялось, все захваченное возвращалось сполна по принадлежности.

Если подобный способъ побужденія не дѣйствовалъ, тогда истецъ начиналъ дѣлать поджоги сѣна, хлѣба и вообще движимости у должника и даже у его родственниковъ, но только такъ, чтобы не подвергнуть хозяина опасности, а, напомнивъ ему о долгѣ, дать средства самому спастись отъ угрожающей опасности, которой онъ могъ, напримѣръ, подвергнуться при поджогѣ дома. Выстрѣлъ обыкновенно служилъ знакомъ тревоги и считался, въ этомъ случаѣ, употребительнѣйшимъ между черкесами.

Вообще, по понятію черкесовъ, въ дѣлѣ побужденія или мести не было никакой надобности искать самого преступника, а слѣдовало мстить и обращать оружіе на того, кто первый попадется подъ руку изъ его родственниковъ, однофамильцевъ или даже рабовъ. Точно также черкесу все равно, былъ ли

отысканъ преступникъ или нѣтъ: онъ считалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ, если получалъ пеню, внесенную родственниками или фамиліею обидчика.

Въ понятіи народа не было точнаго сознанія о преступленіяхъ вообще и о раздѣленіи ихъ на уголовныя и гражданскія. Притомъ большая часть такихъ дѣйствій, которыя мы называемъ преступленіемъ, черкесы считали принадлежностію войны (1).

По черкескому юридическому праву празнавались слѣдующіе виды преступленій: 1) возстаніе раба противъ своего господина, неповиновеніе и бѣгство его; 2) нарушеніе правилъ гостепріимства; 3) супружеской вѣрности женщинами; 4) воровство у своей семьи и у ближнихъ сосѣдей; 6) поступки трусости; 6) кровомщеніе; 7) убійство вообще и отцеубійство въ особенности и 8) измѣна народу.

«Всѣ прочія дѣйствія, относящіяся до нарушенія чести, личной неприкосновенности, безопасности и свободы каждаго, до нарушенія правъ собственности и общественнаго спокойствія, не подходятъ у нихъ подъ понятіе о преступленіяхъ, а принадлежатъ къ праву сильнаго и встрѣчаютъ препятствіе только въ силѣ оружія противника. Человѣкъ, причинившій другому какой-либо вредъ, можетъ подвергнуться возмездію или долженъ примириться, но у него нѣтъ судьи, передъ которымъ онъ былъ бы обязанъ стать въ положеніе отвѣтчика, и онъ въ правѣ, не подвергаясь обвиненію въ незаконности, поддерживать свое насиліе оружіемъ.

«Власть охранительная и власть правосудія замѣняется у нихъ страхомъ оружія, возмездіемъ и мирнымъ соглашеніемъ, а адатъ ближе подходитъ къ разряду международныхъ правъ, чѣмъ гражданскихъ законовъ (2)».

Покушеніе на чужую собственность признавалось воровствомъ, но только тогда, когда оно произведено было у лица принадлежавшаго къ той же общинѣ, въ которой состоялъ воръ, или въ другихъ общинахъ, съ которыми состоялась присяга жить въ мирѣ и добромъ согласіи. Напротивъ того, *воровство-удальство*, произведенное въ земляхъ сосѣдей, несвязанныхъ взаимнымъ союзомъ, не считалось преступленіемъ. Предпринимаемое съ опасностію жизни, съ отвагою и ловкостію, оно, по понятію черкесовъ, принадлежало къ военнымъ подвигамъ, и на него смотрѣли какъ на лучшее средство показать свое удальство и ловкость.

Черкесы различали два вида воровства; воровство въ чистомъ полѣ, внѣ жилья, и воровство изъ дому, со взломомъ дверей, замковъ и запертыхъ

---

(1) О политическомъ устройствѣ черкескихъ племенъ Н. Карльгофа. „Русскій Вѣстникъ" 1860 г. № 16. Учрежденія и народные обычаи шапсуговъ и натухажцевъ Л. Люлье. Записки Кавк. отд. Им. рус. геогр. общ. книга VII, издан. 1866 г. Этнографичес. очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукоп.). Племя адиге Т. Макарова. „Кавказъ" 1862 г. № 31 и 32.

(2) О политичес. устройствѣ черкескихъ племенъ Н. Карльгофа. „Русскій Вѣстникъ" 1860 г. № 16.

сундуковъ. Послѣдній видъ считался болѣе преступнымъ и строже наказывался.

Уличенный въ воровствѣ обязанъ былъ возвратить то, что укралъ, или уплатить въ семь разъ болѣе цѣны украденаго. Кромѣ того, воръ платилъ штрафъ въ девять быковъ, а въ прежнее время, вмѣсто штрафа, вносилъ своему владѣльцу одного ясыря (раба) и двухъ быковъ.

Не смотря на столь значительную пеню, назначенную за воровство, ни одинъ черкесъ не рѣшался возвратить украденую вещь, потому что это считалось величайшимъ стыдомъ. Воръ соглашался скорѣе заплатить двойную и даже тройную пеню, чѣмъ отдать настоящую вещь хозяину, оставляя черезъ то за собою предлогъ отговариваться тѣмъ, что напрасно обвиненъ въ воровствѣ. Князья, въ прежнее время, за украденую у нихъ вещь или за отгонъ скота, отплачивали *барантою* (represailles), т. е. наѣздами въ чужое имѣніе, гдѣ захватывали, что попадется, въ руки: вещи, скотъ и людей. Въ набираніи добычи соблюдалась, впрочемъ, нѣкоторая соразмѣрность, т. е. чтобы добыча не слишкомъ много превышала стоимость украденаго.

Штрафъ за воровство, произведенное со взломомъ, доходилъ до девяти быковъ (цю) не больше, «собственно въ вознагражденіе за безчестіе, нанесенное воровствомъ дому». Вторично-попавшійся воръ платилъ двадцать четыре *цю* (быка), а если и послѣ того не исправлялся, то объявлялся лишеннымъ покровительства законовъ (¹).

Кто убивалъ раба, тотъ не подлежалъ мщенію со стороны хозяина, а уплачивалъ стоимость убитаго. За убійство чагара или ога взыскивалось въ пользу его родственниковъ девять душъ, но князь или владѣлецъ не бралъ ни одной. Узденъ, убившій своего ога, платилъ его семейству одного человѣка или отпускалъ на волю его брата.

Нанесенныя раны осматривались посредниками, и если не было произведено раненому увѣчья, то, по величинѣ отверстія и, въ особенности, по поврежденію костей, раны оплачивались не болѣе половины цѣны крови и не менѣе четверти. Узденъ, поссорившійся съ княземъ и нечаянно ранившій его лошадь, платилъ пять рабовъ, три лошади и три вещи изъ оружія.

Не было опредѣленнаго наказанія измѣнникамъ: участь ихъ рѣшалась собраніемъ старшинъ. Точно также не было опредѣленнаго наказанія и отцеубійцамъ.

Понятіе о правѣ собственности хотя и существовали у черкесовъ, но имѣли совершенно особый характеръ. По мусульманскому праву, вообще не существуетъ права собственности въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ, а есть право пользованія собственностію. Имущество у мусульманъ раздѣляется

(¹) Новѣйшія историчес. и географичес. свѣдѣнія о Кавказѣ Броневскаго, ч. II изд. 1822 г. Учрежденія и народные обычаи шапсуговъ и натухажцевъ Л. Люлье Зап. Кавк. от. И. Р. Г. Об., книга VII, изд. 1866 года.

на *явное*: земледѣліе, скотъ, разработываніе рудниковъ и т. п., и на *скрытное*: деньги, золотыя, серебряныя вещи и прочее.

По корану, вся земля есть достояніе Божіе; отъ него перешло право владѣнія землею имаму, *какъ тѣни Бога на землѣ*, а этотъ послѣдній передаетъ права на землю частнымъ лицамъ, съ обязательствомъ платежа податей, за право пользованія ею, каковы: зекатъ, хераджъ и пр.

На этомъ основаніи, право собственности у черкесовъ распространялось на имущество движимое, скотъ, и на такое недвижимое, которое находилось въ непосредственномъ и фактическомъ обладаніи лицъ или требовало отъ нихъ собственнаго труда: дома, прочія постройки и поля постоянно обрабатываемыя. Вся же остальная земля, лѣсъ и вода составляли общественную собственность. Продажа земель и отдача ихъ въ наемъ не существовала въ народныхъ обычаяхъ, но за пастьбу скота въ нѣкоторыхъ мѣстахъ платился извѣстный процентъ приплода.

Существованіе хотя и ограниченной собственности дало существованіе и правамъ на наслѣдство.

Послѣ смерти отца, дѣти мужескаго пола наслѣдовали все недвижимое и движимое его имущество. Женщины права на наслѣдство не имѣли, а сыновья, имѣя одинаковыя права па наслѣдство, дѣлили имущество поровну. По взаимному согласію наслѣдниковъ, вдовѣ умершаго могъ быть предоставленъ въ пожизненное пользованіе доходъ съ нѣкоторой части имѣнія, но послѣ смерти ея и эта часть имѣнія поступала къ наслѣдникамъ. Вдова, кромѣ того, имѣла право выбрать себѣ для жительства домъ одного изъ своихъ сыновей, кромѣ старшаго, потому что въ собственность послѣдняго переходилъ домъ умершаго ея мужа, со всѣми его принадлежностями и пристройками. Раздѣлъ наслѣдства по числу наслѣдниковъ производился младшимъ сыномъ, а выборъ частей предоставлялся сыновьямъ по порядку рожденія, начиная со старшаго. Послѣдній имѣлъ право взять, сверхъ доли, цѣнную вещь, по своему выбору, и даже раба. Въ этомъ только и заключалось все преимущество первородства. «Письменныхъ и духовныхъ завѣщаній нѣтъ, но послѣдняя воля умирающаго исполняется въ самой строгой точности; нарушать ее значило бы подвергнуться всеобщему осужденію и презрѣнію». Черкесъ готовъ былъ жизнь отдать за свою собственность, но къ чужой не имѣлъ никакого уваженія и, съ опасеніемъ потери жизни, гдѣ только можно, присвоивалъ себѣ чужое. Привычка къ воровству и къ хищничеству—послѣдствія этого неуваженія къ праву собственности, а безначаліе и своеволіе довершали остальное. Тревоги и смятенія, господствовавшія въ горахъ, отсутствіе администраціи, которая бы пользовалась уваженіемъ, дѣлали собственность черкесовъ мало обезпеченною. Нерѣдко безпорядки доходили до того, что и самимъ черкесамъ становились невыносимыми, и тогда они прибѣгали къ чрезвычайной мѣрѣ—къ повальной присягѣ, *эбер-таареуо*.

Почетныя лица и старшины всѣхъ общинъ и родовъ дѣлали общій сборъ,

осматривали дома подозрительныхъ людей и преимущественно тѣ мѣста, гдѣ происходило болѣе всего безпорядковъ. Все населеніе деревни или аула присягало передъ выставленнымъ кораномъ, повѣшеннымъ на палкѣ, воткнутой въ землю. Каждый присягающій обязывался «указать всѣхъ, какіе только ему извѣстны, виновниковъ безпорядковъ, сознаться въ слухъ въ своихъ собственныхъ преступленіяхъ, противъ установленныхъ правилъ, и обѣщаться исполнять правила эти на будущее время ненарушимо».

Мѣра эта, по словамъ Л. Люлье, какъ очевидца, оказывалась слишкомъ дѣйствительною относительно людей совѣстливыхъ. Примѣры полной откровенности бывали не разъ, и тѣмъ удивительнѣе, что признававшіеся почти всегда подвергались значительнымъ пенямъ за свои прошлые проступки, которые безъ того могли бы оставаться на всегда неизвѣстными. Люди суевѣрные, не желавшіе признаваться, но страшившіеся присяги передъ кораномъ, обыкновенно уходили изъ дома при приближеніи старшинъ. Наконецъ были и такіе, которые не затруднялись приносить ложную присягу, не смотря на всѣ улики и подозрѣнія. Хотя такіе люди, по большей части, были извѣстны своимъ дурнымъ поведеніемъ и предосудительными поступками, но въ рукахъ старшинъ не было достаточныхъ уликъ къ ихъ обвиненію. Тѣмъ не менѣе каждый, поступавшій такимъ образомъ, покрывалъ себя въ общественномъ мнѣніи не смываемымъ пятномъ осужденія и пріобрѣталъ прозваніе *тагаапсе*—клятвопреступника или обманщика передъ Богомъ ([1]).

Мѣра эта хотя и не приносила положительной пользы, не могла совершенно обезпечить собственность, однако, на время, останавливала безпорядки и похищеніе чужой собственности.

Не признавая надъ собою верховныхъ владѣтелей и считая высочайшимъ благомъ дикую и необузданную свободу, черкесы строго подчинялись старшимъ въ родѣ. Старшій въ семьѣ имѣлъ неограниченную власть надъ ея членами, точно также какъ отецъ надъ дѣтьми, мужъ надъ женою и братъ надъ сестрою. Въ случаяхъ важныхъ, всѣ единоплеменники сходились на совѣщанія и слушали приговоръ старцевъ—*этихъ живыхъ книгъ опытности и благоразумія*, какъ говорили черкесы. Старость лѣтъ имѣла всегда большое значеніе между черкесами. Человѣкъ, пользовавшійся уваженіемъ народа, имѣлъ преимущество давать совѣты почти по каждому дѣлу. Черкесы любятъ, въ подобныхъ случаяхъ, напускать на себя важность, и дѣло, часто самое пустое, обсуживается въ теченіе не менѣе трехъ сутокъ. Черкесы не начинаютъ никакого дѣла, не собравъ для совѣта всѣхъ въ немъ участвующихъ. Переговоры въ такихъ случаяхъ бываютъ очень продолжительны, такъ

([1]) Учрежденія и народные обычаи шапсуговъ и натухажцевъ Л. Люлье. Запис. Кавк. отд. Импер. рус. геогр. общес. кн. VII, изд. 1866 г. О политическомъ устройствѣ черкескихъ племенъ. Н. Карльгофа „Рус. Вѣст.“ 1860 г. № 16. Этнографичес. очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукопись).

какъ старики, которымъ принадлежитъ право излагать сущность дѣла, любятъ говорить много и медленно и, въ свою очередь, также терпѣливо и внимательно выслушивать чужія рѣчи. По понятіямъ народа, «опрометчивость и нетерпѣливость простительны только дѣтямъ и женщинамъ, а мужчина долженъ обдумывать и обсуживать каждое предпріятіе зрѣлымъ образомъ, и если есть у него товарищи, то подчинять ихъ своему мнѣнію не силою, а словомъ и убѣжденіемъ, такъ какъ каждый имѣетъ свою свободную волю».

Съ теченіемъ времени, собранія или съѣзды происходили чаще, и мало по малу въ нихъ сосредоточился родъ народнаго управленія, въ которомъ каждое предложеніе передавалось на разсмотрѣніе старшихъ.

Всѣ сословія принимали участіе въ совѣщаніяхъ, кромѣ крестьянъ, не имѣвшихъ права голоса. Въ обществахъ, гдѣ существовало сословіе князей, они занимали первое мѣсто и не рѣдко имѣли рѣшительное вліяніе на приговоръ собранія. Но для этого необходимо было, чтобы князь былъ рыцарь (тле-хупхъ), и чтобы онъ владѣлъ даромъ слова: тогда онъ носилъ названіе *лте-губзыгъ* — языкъ народа.

Языкомъ народа могъ быть каждый. Снискавъ себѣ, хищничествомъ и храбростію, вѣсъ и значеніе, черкесъ являлся на народныя совѣщанія, искалъ популярности въ средѣ собранія, и, сообразно способностямъ своимъ, имѣлъ средство добиться высшаго предѣла честолюбія — стать *языкомъ народа*. Это названіе давалось храбрѣйшему въ бою, краснорѣчивѣйшему на вѣчѣ, разумнѣйшему на разбирательствахъ и судебной расправѣ. Этимъ политическимъ названіемъ черкесъ обозначалъ человѣка, который служилъ выраженіемъ всѣхъ высокихъ качествъ своего народа, такого человѣка, который одинъ умѣлъ высказать ясно, чего цѣлый народъ желаетъ и что онъ чувствуетъ. Участіе *языка народа* на вѣчахъ, и при всѣхъ предпріятіяхъ, было рѣшительно: онъ одинъ увлекалъ весь народъ и ворочалъ имъ по своей волѣ; всѣ смирялись передъ его умственнымъ могуществомъ. Въ 1839 году, Хаджи-Дунакай, аталыкъ князя Шеретлука Болотокова, на народномъ собраніи у Меакопы, возбудилъ черкесовъ къ единодушному возстанію и дѣйствію противъ русскихъ. Послѣ кровопролитнаго дѣла на Фарзѣ, въ 1841 году, съ генераломъ Зассомъ, Дунакай увелъ съ Лабы махошевцевъ, темиргоевцевъ, егерукаевцевъ и бзедуховъ.

Не въ пышныхъ чертогахъ, а подъ открытымъ небомъ, на мѣстахъ освященныхъ какимъ-нибудь важнымъ событіемъ или прахомъ знаменитаго праотца, собирались черкесы на совѣщанія. Конно-вооруженные, они ѣхали на собранія, выбирая для него преимущественно время подножнаго корма. По прибытіи на мѣсто совѣщанія, собравшіеся раздѣлялись по сословіямъ на отдѣльные кружки: князья отдѣльно, уздени также и т. д. Всякое предложеніе выходило отъ владѣльцевъ, князей, старшинъ и другихъ представителей народа. Условясь между собою относительно рѣшенія, они предлагали на обсужденіе узденей какъ обстоятельства дѣла, такъ и самое рѣшеніе. Уздени,

разбирая пользу или вредъ предложенія и почти всегда соглашаясь съ владѣльцами, въ непосредственной зависимости которыхъ состояли, передавали его на рѣшеніе народа. Голосъ и рѣшеніе послѣдняго имѣли законодательную силу. На усмотрѣніе народа предоставлялось принять или отвергнуть предложеніе, но рѣшеніе, разъ принятое, строго охранялось князьями и владѣльцами, какъ главными блюстителями законодательной власти. Въ прежнее время, словесное рѣшеніе народа имѣло силу закона, но мало по малу порядокъ собранія измѣнился во многомъ. Народъ уже не дѣлился по сословіямъ, а каждое общество выбирало своихъ представителей или депутатовъ, для собранія которыхъ существовало два способа. Первый состоялъ въ томъ, что, для состава собранія, назначалось опредѣленное число довѣренныхъ лицъ, для выбора которыхъ племя должно было предварительно собраться; вторымъ же выборъ дѣлался: у магометанъ отъ *Джамаата*, а у жителей морскаго прибрежья отъ *Тгахапха*, которыя составляли нѣчто въ родѣ церковныхъ приходовъ. Преимущественно употреблялся послѣдній способъ.

Когда избранные и уполномоченные старшины разсмотрятъ и рѣшатъ предложенный вопросъ, то старшій между ними, по лѣтамъ и почету, сообщалъ, собравшемуся у подножія какого-нибудь кургана, народу, чѣмъ рѣшенъ предложенный вопросъ или дѣло. Если народъ соглашался съ рѣшеніемъ старшинъ, то подавали коранъ, и народъ пообщинно присягалъ исполнять свято это рѣшеніе. Послѣ присяги, эфенди составлялъ *дефтеръ* (актъ), присутствующіе прикладывали печати (мухаръ) или, за неимѣніемъ ихъ, пальцы омоченные въ чернила, и съ того времени *дефтеръ* имѣлъ обязательную силу. Такъ былъ подписанъ знаменитый дефтеръ 1841 года, о которомъ будетъ сказано ниже.

Кругъ дѣйствій такихъ собраній былъ сообразенъ съ потребностями обществъ. Здѣсь разрѣшались преимущественно поземельные споры, неудовольствія между обществами и вопросы объ общественной безопасности: войны и мира.

Въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, народныя собранія происходили не часто. По словамъ г. Люлье, въ памяти народа сохранилось пять такихъ собраній, получившихъ названіе отъ мѣстъ, на которыхъ были созваны. Послѣднее, пятое, собраніе *Хауце-хясь* происходило въ 1822 году, и слѣдствіемъ его было введеніе суда по шаріату. Начиная же съ сороковыхъ годовъ, собранія дѣлались гораздо чаще и вызывались энергическими дѣйствіями со стороны русскихъ.

Учрежденіе, съ одной стороны, лабинской линіи, а съ другой, постройка ряда укрѣпленій по берегу Чернаго моря породили большое безпокойство между непокорными черкескими племенами, жившими за рѣкою Лабою и по восточному берегу Чернаго моря. Начиная съ 1840 года, между этими племенами проявляется лихорадочная дѣятельность и народныя собранія учащаются. Черкесы начинаютъ убѣждаться, что единство, при сопротивленіи рус-

скимъ, дастъ имъ больше силы, и потому до сихъ поръ чуждыя другъ другу, и даже враждебныя, общины начали заключать между собою союзы и договоры, явилась идея о единствѣ и общемъ интересѣ. Междоусобныя вражды или ослабѣли, или совсѣмъ прекратились; никакой важный вопросъ не разрѣшался уже старшинами безъ народнаго собранія. Послѣднія почти всегда имѣли главнѣйшею цѣлію принятіе мѣръ для общей безопасности и, уничтоженіемъ воровства и хищничества, устранить поводы къ внутреннимъ раздорамъ и враждѣ (1). Такъ, абадзехи, шапсуги, убыхи и многія другія поколѣнія рѣшили составить между собою *союзъ*, которымъ положить основаніе всему «относящемуся къ религіознымъ и мірскимъ дѣламъ». Собравшись у Меакопы, на рѣкѣ Пшехѣ, въ 1841 году, они связались между собою присягою и, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ преній и переговоровъ, издали *дефтеръ*, замѣчательный своими послѣдствіями.

«Слава Богу!»—сказано въ этомъ народномъ постановленіи — «который насъ сотворилъ, показалъ намъ свое величіе и возвысилъ насъ надъ другими животными! Слава Богу, который далъ намъ всѣ средства жить счастливо на этомъ свѣтѣ и получить награду въ другомъ мірѣ! Слава указавшему намъ истинный путь спасенія, вѣру истинную свою, черезъ пророка своего и посланника Магомета!... Слава Богу, который есть защитникъ нашъ и спаситель въ день воскресенія!...

«Мы хотимъ помочь всѣмъ неустройствамъ нашего края и не дѣлать зла другъ другу.

«Наша первая обязанность есть строгое выполненіе *шаріата*. Всякое другое ученіе должно быть оставлено и отвергнуто; всѣ преступленія должны быть судимы не иначе, какъ по этой книгѣ».

Вопросъ о шаріатѣ, какъ мы видѣли, былъ поднятъ въ 1822 году, и народъ рѣшилъ производить судъ согласно корану, изъ котораго истекаютъ всѣ права духовныя, гражданскія и политическія. Рѣшеніе это было вскорѣ нарушено, и нарушалось черкесами постоянно, какъ не согласное съ духомъ свободнаго народа. Въ особенности жители морскаго прибрежья, у которыхъ магометанство еще не укрепилось, и которые придерживались своихъ религіозныхъ обрядовъ, постановленіе о введеніи шаріата не имѣло примѣненія: они продолжали разбирательство споровъ и тяжбъ при посредствѣ третейскаго суда. Не смотря, однако, на то, попытки поддержать шаріатъ были постоянны. Въ 1825 году, трапезонтскій паша, Чечень-Оглу-Гассанъ, прибылъ въ крѣпость Анапу, вмѣсто Ахметъ-паши. Онъ прежде всего созвалъ къ себѣ

(1) О кавказской линіи и проч. Дебу, изд. 1829. Картины Кавказскаго края П. Зубова ч. III. О бытѣ, нравахъ и обычаяхъ древнихъ атыхейскихъ племенъ шахъ-бекъ-Мурзина. „Кавказъ“ 1849 г. № 37. Взглядъ на жизнь общественную и нравственную племенъ черкескихъ Н. Колюбакинъ. „Кавказъ“ 1846 г. № 11. Воспомин. кавк. офицера. „Рус. Вѣст.“ 1864 г. № 10 и 11. Этнографическій очеркъ черкескаго народа барона Сталя. О натухажцахъ, шапсугахъ и абадзехахъ Л. Люлье, зап. Кавк. О. И. Р. Г. О. кн. IV.

князей и старшинъ черкескаго народа и предложилъ имъ признать надъ собою покровительство турецкаго султана. Черкесы согласились и присягнули, но съ условіемъ, что эта присяга не уменьшитъ ихъ независимости. Власть султана надъ черкесами была чисто-номинальная: онъ былъ уважаемъ ими только какъ халифъ, или глава исламизма. Въ средѣ черкескаго населенія, противъ станицъ Убѣжинской и Ладовской, поселились агенты паши, черезъ которыхъ, поддерживая сношенія, онъ старался о введеніи шаріата и успѣлъ на столько, что, передъ началомъ войны нашей съ Турціею, въ 1828 году, абадзехи и другія племена обязались уничтожить власть князей и всѣхъ привиллегированныхъ сословій, судиться по шаріату и учредили у себя *мегкемэ*, народные суды. Съ прекращеніемъ вліянія турокъ надъ черкесами, ослабѣло и вліяніе шаріата; поэтому-то народное собраніе 1841 года и заботилось прежде всего о его возстановленіи. Затѣмъ главною цѣлью собранія было устройство политическихъ дѣлъ.

«Никто изъ насъ не долженъ идти къ невѣрнымъ», сказано въ томъ же дефтерѣ; «дружескія сношенія съ невѣрными строго запрещены, и потому всякій миръ и предложеніе съ ихъ стороны должны быть постоянно отвергаемы». Воспрещено было покупать что-либо въ тѣхъ изъ нашихъ укрѣпленій, которыя поставлены были на землѣ, принадлежавшей прежде черкесамъ. Виновный въ нарушеніи этого правила обязанъ былъ заплатить штрафъ въ тридцать тумановъ (около 300 руб. сер.). Тѣ же лица, которыя будутъ нуждаться въ покупкѣ вещей, должны были пріобрѣтать ихъ «*на границѣ*», т. е. на мѣновыхъ дворахъ въ Черноморіи, существовавшихъ до 1829 года.

Никто не долженъ предупреждать русскихъ о сборѣ партіи черкесовъ для набѣга въ русскіе предѣлы. Кто донесетъ и оттого будетъ причиненъ вредъ партіи, тотъ долженъ заплатить: если доносчикъ свободнаго сословія, 200 коровъ, а крестьянинъ 100 коровъ и, сверхъ того, штрафа 30 тумановъ. Кто перейдетъ къ русскимъ и будетъ служить имъ, то такія лица, какъ враги своего края, не будутъ «имѣть, ни они сами, ни ихъ родные, никакого права на наше состраданіе».

Положено давать убѣжище всѣмъ бѣглымъ и выходцамъ изъ Россіи; мусульманамъ, пришедшимъ для помощи противъ враговъ черкескаго народа, оказывать всякое содѣйствіе, обращаться съ ними дружески и, если нужно, то, для устраненія всякаго недовѣрія, выдавать такимъ союзникамъ своихъ дѣтей въ аманаты.

«Внутренность каждаго жилья, продолжаетъ дефтеръ, будетъ ненарушима. Кто сотворитъ воровство въ чужомъ домѣ, заплатитъ, кромѣ штрафа въ 30 тумановъ, еще пеню въ 7 тумановъ. Если русскій бѣглый сдѣлаетъ воровство, то онъ платитъ только тройную цѣнность украденой вещи, но штрафа не платитъ»....

Въ заключеніе была приложена присяга о взаимной защитѣ, въ случаѣ вторженія, въ которой сказано, что «какъ только русскія войска вступятъ

въ страну, то каждый долженъ взять оружіе и идти туда, гдѣ потребуетъ опасность; тѣ, которые не имѣютъ оружія, не изъемлются отъ возстанія ([1])».

Таковы главныя статьи дефтера, положившаго, можно сказать, первое начало образованію общаго союза разнообразныхъ поколѣній черкескаго народа и ихъ сосѣдей. Однимъ изъ важнѣйшихъ постановленій этого акта было прекращеніе торговыхъ и всякаго рода другихъ сношеній съ русскими и воспрещеніе вести отдѣльному обществу переговоры съ нами, безъ согласія всѣхъ остальныхъ союзныхъ племенъ.

Присягнувъ на собраніи, союзные народы первое время строго исполняли постановленія дефтера. Воровство, хищничество и взаимная вражда между ними значительно уменьшились; бывали нерѣдко случаи, что украденыя вещи возвращались, по принадлежности, ихъ хозяевамъ.

Имѣя только совѣщательный характеръ, народныя собранія не располагали никакими исполнительными средствами, для наблюденія за выполненіемъ своихъ постановленій. Отсутствіе исполнительной власти не давало никому права наблюдать за исполненіемъ постановленія собранія, одобреннаго большинствомъ народа. Только употребленіе силы, съ единодушіемъ и настойчивостію, могло заставить каждаго черкеса уважать рѣшеніе большинства народа. Но силы этой не было въ рукахъ нашихъ противниковъ, и союзъ, опиравшійся только на общественномъ мнѣніи, при отсутствіи народныхъ учрежденій и управленія, не долго оставался ненарушеннымъ. Значительная прибыль отъ торговли съ русскими и обогащеніе нѣкоторыхъ, до изданія постановленія, служили соблазнительною приманкою для многихъ. Жители, ближайшіе къ нашимъ селеніямъ и укрѣпленіямъ, вошли съ нами въ торговыя сношенія; за ними послѣдовали другіе, и скоро между черкесами образовалась партія, желавшая сближенія съ русскими. Всѣ подтвержденія о точномъ соблюденіи условій общаго союза оставались недѣйствительными. Болѣе многочисленная и враждебная намъ партія, за неимѣніемъ средствъ, не могла принудить незначительную партію нашихъ приверженцевъ къ прекращенію торговли съ русскими. Для этого необходимо было содержать постоянно вооруженную силу, что было невозможно въ народѣ неорганизованномъ въ одно цѣлое. По необходимости, она должна была ограничиться высылкою изрѣдка вооруженныхъ партій, которыя успѣвали на время прекратить торговлю; но истощивъ свое продовольствіе и соскучась, партіи расходились и тогда торговля снова оживала.

Безсиліе большинства указывало на необходимость дать народу другое устройство, которое бы связало общество въ одно цѣлое. Признали необходимымъ ввѣрить неограниченную власть надъ народомъ духовному лицу, раздѣлить край на округи и ввести правильную администрацію и управленіе изъ кадіевъ и муллъ; думали опереть власть на вѣрную и избранную стражу изъ

([1]) Этнографическій очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукопись).

такихъ людей, которые, не имѣя ни дома, ни пристанища, ни какихъ-либо правилъ, находили бы для себя выгоднымъ быть соучастниками тайныхъ замысловъ преобразователей. Послѣдніе считали необходимымъ, уничтоживъ *адатъ* (обычай) и всѣ его учрежденія, на которыхъ основано было общество, ввести шаріатъ единственнымъ закономъ; уравнять права всѣхъ народныхъ сословій, уничтожить значеніе каждаго частнаго лица и подчинить каждаго члена общества духовной власти. Деспотизмъ духовнаго правителя не нравился черкесамъ, неотличавшимся религіознымъ фанатизмомъ, и потому подобное предложеніе не встрѣтило сочувствія въ большинствѣ народа. Тогда представители, искавшіе средствъ сплотить черкеское общество въ одно цѣлое, обратились къ мысли Бесльнія-Абата, родомъ шапсуга, имѣвшаго случай, во время своихъ поѣздокъ въ Турцію и Египетъ, ознакомиться съ правильнымъ административнымъ устройствомъ этихъ государствъ.

На рѣкѣ Адагумѣ составилось, въ 1848 году, большое собраніе, въ которомъ приняли участіе абадзехи, шапсуги, натухажцы и убыхи. Совѣщанія продолжались въ теченіе цѣлаго года (съ февраля 1848 по февраль 1849 года), до прибытія за Кубань агента Шамиля, Магометъ-Амина. Цѣль собранія была весьма обширна. Совѣщавшіеся согласились между собою предоставить народному собранію власть надъ народомъ и учредить администрацію и земскую полицію.

«Для выполненія этого намѣренія, они положили принять слѣдующія мѣры:

1) признать постановленія народнаго собранія обязательными для всѣхъ обществъ и принуждать силой къ повиновенію тѣ изъ нихъ, которыя будутъ уклоняться отъ исполненія его повелѣній;

2) для доставленія народу матеріяльныхъ средствъ къ тому, что бы постановленія его уважались, образовать и отдать въ его распоряженіе постоянное ополченіе, на содержаніи народа;

3) раздѣлить народъ на общины, каждую по 100 дворовъ, и поручить управленіе общинами избраннымъ ими старшинамъ, которыхъ обязать присягой исполнять распоряженія народнаго собранія и представлять ослушниковъ и преступниковъ на его судъ».

Для поддержанія власти старшинъ, въ распоряженіе ихъ предоставлено было нѣсколько конныхъ *муртазаковъ*, нѣчто въ родѣ стражи. Каждому мурказаку назначено изъ поголовнаго налога по 60 руб. содержанія.

Народное собраніе рѣшило прервать всякое сношеніе съ русскими и строго преслѣдовать своихъ мирныхъ единоплеменниковъ. Здѣсь было высказано много мыслей, свидѣтельствовавшихъ о практическомъ умѣ черкесовъ; но здѣсь же обнаружилось, что нѣтъ среди черкесовъ ни одного человѣка, который бы могъ захватить власть въ свои руки и силою своего ума и твердости управлять народомъ. Адагумское собраніе то расходилось, то снова собиралось, то распадалось на нѣсколько отдѣльныхъ кружковъ. Постановленія его не были приведены въ исполненіе. Сильно развитая самостоятельность общинъ и аристо-

кратическій элементъ, нежелавшій отказаться отъ своихъ вѣковыхъ преимуществъ, препятствовали слiянiю черкесовъ въ одно цѣлое. Народъ, привыкнувшій къ необузданной свободѣ, не перенесъ повелительнаго тона муртазаковъ, присылаемыхъ съ приказаніями отъ народнаго собранія. Между муртазаками и народомъ случились, на первыхъ же порахъ, столкновенія, дошедшія до открытой драки, въ которой народъ восторжествовалъ и всѣ нововведенія окончательно рушились (¹); у черкесовъ по прежнему явилась раздѣльность обществъ, сохраненіе каждымъ изъ нихъ полной независимости, судъ посредниковъ и разборъ дѣлъ по обычаю или адату.

Адатъ восторжествовалъ надъ *шаріатомъ*, котораго, какъ мы видѣли, черкесы не любили и употребляли при разборѣ только такихъ дѣлъ, гдѣ рѣшеніе *шаріата* было выгоднѣе рѣшенія *адата*. Съ послѣднимъ черкеское племя и поступило въ составъ подданныхъ русскаго правительства.

VIII.

Военная организація и военныя дѣйствія черкесовъ и убыховъ.

Особенности соціяльнаго устройства черкескаго племени и убыховъ отразились и на военной организаціи этихъ народовъ.

Народъ, по преимуществу, военный, черкесы и убыхи вооружены были всѣ поголовно ружьями или винтовками, пистолетами, шашками и кинжалами. Въ княжескихъ и въ дворянскихъ домахъ сохранились еще отъ предковъ панцыри, шлемы, луки, стрѣлы и дамаскія сабли, но вооруженіе это надѣвалось не для боя, а въ особенныхъ только случаяхъ, для обозначенія происхожденія.

Кабардинцы, темиргоевцы, бесленѣевцы и бѣглые кабардинцы, живя на болѣе равнинной мѣстности и владѣя большимъ числомъ лошадей, образовывали отличную конницу. Съ ними могли равняться одни ногайцы, живущіе на лѣвомъ берегу рѣки Кубани, да наши коренные линейные казаки. Шапсуги не любили жечь много пороха, а абадзехи, жившіе въ странѣ покрытой лѣсами, и всѣ прочія общества черкескаго народа, разбросанныя по горамъ и ущельямъ, лучше дрались пѣшкомъ, чѣмъ на конѣ.

(¹) Этнографическій очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукопись). Бесльній-Абатъ, изъ сочиненія подъ заглавіемъ: „Біографіи знаменитыхъ черкесовъ и очерки черкескихъ нравовъ". Ханъ-Гирея. „Кавказъ" 1849 г. № 42—47. О политичес. устройствѣ черкескихъ племенъ Н. Карльгофа „Рус. Вѣст" 1860 г. № 16.

— Шапсугъ рубака, говорили сами про себя закубанскіе жители; абадзехъ стрѣлокъ, а чеченецъ за заваломъ крѣпокъ....

Ни въ одномъ изъ племенъ черкескаго народа не существовало никакой военной организаціи, о которой они и понятія не имѣли; не было никакихъ постоянныхъ и опредѣленныхъ установленій относительно обязанности жителей въ исполненіи военнаго долга. У убыховъ, какъ увидимъ ниже, были нѣкоторыя постановленія, относившіяся до военныхъ дѣйствій, но у черкесовъ каждый дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію, какъ считалъ лучшимъ. При появленіи враговъ внутри края, понятія о чести и достоинствѣ требовали, однако, чтобы всѣ участвовали въ защитѣ отечества, подъ опасеніемъ всеобщаго презрѣнія, въ случаѣ неисполненія кѣмъ либо этого долга чести и обязанности. Когда заблаговременно было извѣстно о сильномъ вторженіи непріятеля, тогда черкесы предпринимали и общія мѣры къ оборонѣ края: портили дороги, дѣлали завалы и избирали предводителей, вокругъ значковъ которыхъ собирались партіи, обязанныя дѣйствовать по ихъ указаніямъ.

Въ полѣ черкесы дѣйствовали болѣе въ-разсыпную и рѣдко наступательно. Причиною тому было сознаніе въ превосходствѣ надъ собою русскихъ отрядовъ. Черкесъ, какъ и каждый горецъ, былъ храбръ и слылъ отличнымъ стрѣлкомъ, но, не смотря на то, въ дѣлѣ съ русскими вся невыгода была на его сторонѣ. Заряжая ружье, онъ загонялъ пулю въ стволъ молоткомъ, могъ попасть въ цѣль на значительномъ разстояніи, но, пока онъ заряжалъ и производилъ выстрѣлъ, русскій солдатъ, по меньшей мѣрѣ, успѣвалъ сдѣлать пять выстрѣловъ. Для вѣрнаго выстрѣла, черкесъ опиралъ свое ружье на сошку, тогда какъ русскій солдатъ не терялъ на это времени. Съ тѣхъ поръ, какъ пресѣчены были всякія сношенія черкесовъ съ Турціею, они стали ощущать недостатокъ въ порохѣ, дорожили патронами и, боясь истратить даромъ свой порохъ, стрѣляли только въ такомъ случаѣ, когда увѣрены были въ своемъ выстрѣлѣ: нашъ солдатъ не жалѣлъ зарядовъ, хотя и стрѣлялъ не всегда навѣрняка. Выстрѣлившій черкесъ на нѣсколько времени былъ пропадшій человѣкъ: можно было дѣлать съ нимъ что угодно, пока онъ снова заряжалъ ружье. Онъ самъ сознавалъ это, и потому почти никогда не тратилъ времени на вторичное заряжаніе.

Ко всѣмъ этимъ сравненіямъ надо прибавить еще и то, что кавказскій солдатъ соединялъ въ себѣ, вмѣстѣ съ дисциплиною, ловкость черкеса. Онъ такъ же шибко умѣлъ бѣгать по открытымъ мѣстамъ, такъ же ловко взбирался на крутизны и горы, ложился за кустарники, высматривалъ непріятеля, былъ развязенъ и зорокъ.

Всѣ такія качества и преимущества русскихъ отрядовъ заставляли черкесовъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ дѣйствовать наступательно. Въ послѣднемъ случаѣ, они наскакивали на противника съ плетью въ рукѣ; шагахъ въ двадцати отъ нашего строя, наѣздникъ выхватывалъ ружье изъ чахла,

дѣлалъ выстрѣлъ, перекидывалъ ружье черезъ плечо, обнажалъ шашку и рубилъ.

Въ большихъ массахъ черкеская конница любила дѣйствовать холоднымъ оружіемъ, и то только тогда, когда была значительно сильнѣе насъ числомъ и замѣчала въ нашей цѣпи или въ рядахъ безпорядокъ. Но если черкесы видѣли свою слабость, то искусно скрывались за деревьями, за камнями и за другими мѣстными преградами и почти никогда не встрѣчали наши войска съ фронта, а нападали на боковыя цѣпи и на аріергардъ. Съ фронта они дѣйствовали только тогда, когда мѣстность особенно способствовала преграждению пути завалами. Пѣшкомъ черкесы дрались у себя въ лѣсахъ и въ горахъ, защищаясь отъ натиска русскихъ войскъ, и въ этомъ случаѣ мѣтко стрѣляли изъ-за деревьевъ, камней или съ присошекъ, чтобы вѣрнѣе цѣлить своими длинными винтовками.

Въ оборонительной войнѣ, они отлично умѣли пользоваться мѣстностью и, при малѣйшей оплошности со стороны наступающаго, выростали какъ изъ земли, чтобы нанести неожиданный ударъ. Это происходило обыкновенно въ лѣсу или въ ущельѣ. Завязывалась горячая драка; лѣсъ былъ весь въ пороховомъ дыму, «перестрѣлка звучала въ немъ лучше всякой симфоніи»; но едва только отрядъ выходилъ на чистое поле, какъ непріятель изчезалъ въ одно мгновеніе, точно сквозь землю проваливался.

— Такая уже у нихъ удача! говорили черноморскіе казаки: выростаютъ несѣяные и пропадаютъ некошеные!

У черкесовъ было нѣсколько орудій, но они не умѣли ихъ употреблять. Опасаясь потерять орудія въ открытомъ бою, они обыкновенно ставили ихъ на такомъ дальнемъ отъ насъ разстояніи, что выстрѣлы не наносили намъ никакого вреда. Какъ только замѣчали, что противъ орудій направлены войска, черкесы тотчасъ же свозили ихъ съ позиціи и скрывали.

Русскій отрядъ, двигавшійся въ землѣ черкесовъ и убыховъ, почти никогда и нигдѣ не видалъ непріятеля; но тамъ, гдѣ онъ проходилъ по мѣстности закрытой или пересѣченной, тамъ сыпались на него пули градомъ и свидѣтельствовали о близкомъ присутствіи невидимаго врага. Поворачивать отрядъ въ ту сторону, откуда направлены были выстрѣлы, считалось, съ нашей стороны, безполезнымъ и неведущимъ къ цѣли, потому что, съ поворотомъ отряда, черкесы изчезали и появлялись съ боковъ и съ тыла. Такимъ образомъ, дѣйствуя наступательно, отрядъ принужденъ былъ обороняться со всѣхъ сторонъ, двигаться продолговатымъ ящикомъ, въ серединѣ котораго были обозъ и артилерія, а по бокамъ войска, и для нанесенія вреда непріятелю ему оставалось одно средство: идти впередъ, по-разъ избранному направленію, разорять на пути аулы и истреблять запасы сѣна и хлѣба.

Черкесы и убыхи не укрѣпляли своихъ ауловъ и защищали ихъ только при нечаянномъ нападеніи, а въ противномъ случаѣ выселялись заранѣе въ горы и лѣса. Турлучныя постройки дома туземцу ничего не стоили, и по-

тому онъ бросалъ ихъ безъ защиты и сожалѣнія. Абадзехи переселялись даже и не дождавшись нашего нападенія, а періодически, съ наступленіемъ каждой осени. Сознавая, что русскіе съ успѣхомъ могутъ сдѣлать набѣгъ въ ихъ землю только осенью и зимой, когда всѣ рѣки проходимы въ бродъ, и обнаженный отъ листьевъ лѣсъ не скрывалъ болѣе непріятеля отъ атакующихъ войскъ, пограничные абадзехи уходили на зиму съ береговъ Курджипса и Схагуаши (Бѣлой) въ глубину лѣсовъ и ущелій. Тамъ они строили себѣ временные аулы по неприступнымъ оврагамъ, лежавшимъ далеко въ сторонѣ отъ дорогъ, удобныхъ для движенія артилеріи, безъ которой дѣйствовать противъ нихъ было невозможно. Съ наступленіемъ лѣта, недостатокъ воды заставлялъ ихъ снова переселяться на прежнія мѣста, на берега большихъ рѣкъ; но тогда они поселялись около нихъ смѣло, не боясь нападенія, обезпеченные защитою полноводія и непроницаемою зеленью своихъ громадныхъ лѣсовъ. Переселенія на зимнія мѣста начинались послѣ жатвы, перевозимой прямо въ лѣсъ, на новыя мѣста. Уложивъ свои небольшіе пожитки и выломавъ двери, окна и столбы, подпиравшіе крышу сакли, абадзехъ готовился къ переселенію. Съ наступленіемъ ночи, запрягались въ арбы волы, и аулъ переселялся. Передвиженіе дѣлалось всегда ночью для того, чтобы кто-нибудь не подсмотрѣлъ арбянаго пути, ведущаго къ мѣсту переселенія. На арбахъ везли имущество, женъ и дѣтей, а по обѣ стороны поѣздъ сопровождали пѣшіе и конные черкесы. Передъ утромъ арбы останавливались въ глухомъ лѣсу, гдѣ-нибудь на днѣ глубокаго оврага, по которому протекаетъ небольшой ручей. Переселенцы весь первый день употребляли на разборъ привезеннаго имущества и кое изъ чего дѣлали навѣсы для женщинъ и дѣтей; сучья, солома, ковры и бурки—все пускалось въ ходъ. Съ наступленіемъ утра слѣдующаго дня, топоры стучали по деревьямъ: черкесы рубили лѣсъ и строили сакли.

Подобнаго рода сооруженіе не требуетъ ни большаго труда, ни долгаго времени. «Установили рядъ столбовъ — разсказываетъ очевидецъ—образующихъ параллелограмъ, отъ десяти до пятнадцати шаговъ въ длину и восемь или десять шаговъ въ ширину; промежутки между этими столбами забрали плетнемъ, обмазаннымъ глиной, перемѣшанною съ рубленою соломой; на столбы положили балки для утвержденія на нихъ стропилъ; крышу покрыли камышемъ или соломой — и домъ готовъ. Потолка и деревянныхъ половъ не было. вмѣсто пола служила земля, убитая глиной и пескомъ. Лицевая сторона дома обозначалась дверьми и небольшимъ окномъ, помѣщаемыми по обоимъ концамъ стѣны; между ними устроивалось полукруглое углубленіе въ землѣ, которое замѣняло очагъ, съ привѣшенною надъ нимъ высокою плетневою трубой. Возлѣ окна, вдоль короткой стѣны, полъ имѣлъ небольшое возвышеніе: это было почетное мѣсто, предназначенное для гостей».

Устроивъ все это, черкесъ находилъ, что ему и тутъ такъ же хорошо, какъ и на прежнемъ мѣстѣ, и потому рѣдко защищалъ аулъ, зная, что еще найдется много мѣстъ, удобныхъ для поселенія. Защиту ауловъ отъ набѣговъ

нашихъ войскъ они считали дѣломъ весьма обыкновеннымъ и неважнымъ, отъ котораго освобождались только дряхлые старики, да женщины, обязанныя спасать дѣтей и укрывать имущество въ сосѣднемъ лѣсу.

Существенное наказаніе достигало своей цѣли только тогда, когда наши войска, предавъ пламени строенія, угоняли въ то же время скотъ. Въ такомъ случаѣ, черкесы старались вознаградить свою потерю кражею или отгономъ скота у казаковъ и затѣмъ, построивъ сакли въ болѣе глухихъ и отдаленныхъ мѣстахъ, забывали о бѣдствіи, нанесенномъ имъ разореніемъ аула.

Во время наступленія нашихъ отрядовъ, черкесы, скрывшіе свои семейства, имущество и скотъ въ лѣсахъ, переводили ихъ съ мѣсто на мѣсто, смотря по движенію нашихъ отрядовъ. Поставленные на всѣхъ высотахъ пикеты ихъ наблюдали за движеніемъ отряда и извѣщали окрестность, которой угрожала опасность, посредствомъ огней на тѣхъ высотахъ, по направленію которыхъ двигался русскій отрядъ.

Когда же мы возвращались, то черкесы, успокоенные на счетъ цѣлости того, что составляло ихъ имущество, стекались со всѣхъ сторонъ и сильно напирали на отрядъ. При отступленіи въ особенности необходима была, съ нашей стороны, большая осторожность, потому что черкесы всегда преслѣдовали отступающихъ съ истиннымъ бѣшенствомъ.

Не защита ауловъ и имущества составляли славу черкеса, но слава наѣздника, а эта слава, по мнѣнію народа, пріобрѣталась за предѣлами родины. Отдавая преимущество набѣгу передъ защитой, рѣдкій горецъ не участвовалъ въ составѣ хищнической партіи. Самое главное достоинство они приписывали себѣ въ набѣгахъ на нашу линію, и надо сознаться, что подобными набѣгами долго и удачно тревожили русскіе предѣлы. Малыя партіи ихъ были для насъ гораздо опаснѣе, чѣмъ сборъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. О большихъ скопищахъ мы всегда узнавали заранѣе, имѣли время собрать войска, и потому побѣда всегда оставалась на сторонѣ русскихъ. Сами черкесы не любили дѣйствовать наступательно большими массами, потому что подобныя предпріятія рѣдко имъ удавались при той разрозненности, которая существовала у нихъ не только между племенами, но и между отдѣльными родами. Если бы всѣ племена черкесовъ соединились вмѣстѣ, то, при взаимномъ согласіи, могли бы выставить около 50 тысячъ всадниковъ, и, при единодушномъ дѣйствіи, могли бы нанести намъ много вреда; но единодушія-то у нихъ и не было. Привыкнувъ къ политической раздѣльности, черкесы подчинялись только своему предводителю и не признавали власти другаго изъ сосѣдняго общества. Къ тому же сборъ малой партіи не губилъ времени на совѣщанія, и въ случаѣ удачи каждый участникъ могъ расчитывать на большую долю добычи. Оттого въ большихъ сборищахъ уже при самомъ началѣ рѣдко встрѣчалось согласіе; въ нихъ было столько же головъ для совѣта, столько рукъ для боя. Дюбуа-де-Монперё говоритъ, что на подобныхъ совѣщаніяхъ князья и дворяне употребляли только имъ однимъ извѣстный языкъ,

называемый *шакобза* и не имѣющій никакого сходства съ обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ. Народу не позволялось говорить на этомъ языкѣ.

Большое сборище, отъ трехъ до четырехъ тысячъ человѣкъ, ежегодно и акуратно собиралось два раза въ годъ: одинъ разъ весною, другой осенью, въ октябрѣ или ноябрѣ. Для этого необходимо было довольно значительное время: ранѣе трехъ недѣль сборъ не могъ состояться. Недостатокъ продовольствія заставлялъ партіи скоро расходиться, но бывали случаи, что скопище оставалось въ сборѣ до шести недѣль. Большія партіи преимущественно являлись на Лабу; главною же цѣлью всѣхъ ихъ стремленій былъ ставропольскій или баталпашинскій участокъ.

Въ наступательныхъ дѣйствіяхъ черкесовъ, въ ихъ вторженіяхъ въ наши предѣлы обыкновенно участвовали только одни охотники. Для хищническихъ набѣговъ партіи собирались или по взаимному соглашенію участниковъ, или по вызову охотниковъ лицами, пользовавшимися военною извѣстностію, удальствомъ и вѣрными военными соображеніями. Задумавъ набѣгъ на наши станицы или нападеніе на какой-нибудь русскій отрядъ, искатель приключеній возвѣщалъ о томъ или разсылалъ повсюду гонцовъ, приглашая храбрыхъ джигитовъ (витязей) принять участіе въ славномъ и богоугодномъ дѣлѣ. Подобные предводители партій, чтобъ собрать возможно большее число участниковъ, отправляли часто по краю пѣвцовъ и импровизаторовъ, которые, воспѣвая славу ихъ пославшаго, воодушевляли народъ до такой степени, что онъ толпою спѣшилъ подъ знамена вызывавшаго. Только испытанный въ счастьѣ наѣздникъ, хорошо знакомый съ мѣстностію оборонительной линіи и привычками казаковъ несшихъ кордонную службу, могъ назваться *таматой* — старшиной, или *дзепши* — предводителемъ партіи.

Охотники попытать счастье собирались въ тотъ аулъ, гдѣ жилъ предводитель, и размѣщались по сосѣднимъ саклямъ; почетные наѣздники были гостями самого предводителя. Послѣдній приводилъ собравшихся къ присягѣ на коранѣ въ томъ, что они будутъ ему повиноваться, не покусятся на измѣну и станутъ довольствоваться равною добычею. Тутъ, съ одной стороны, являлась власть, а съ другой добровольная подчиненность, понимаемая черкесами по своему, совершенно инымъ образомъ. Партія составлялась изъ числа желающихъ; всѣ они отправлялись охотно, безъ принужденія, и потому полагали, что отъ доброй воли каждаго зависѣло участвовать въ походѣ или отказаться отъ него. Въ этомъ отношеніи у черкесовъ не существовало никакихъ побудительныхъ мѣръ. Оттого часто случалось, что многочисленная партія собравшихся на хищничество, еще во время движенія къ предназначенной цѣли, «таяла какъ комъ снѣга», потому что каждый считалъ себя въ правѣ покинуть ряды, когда ему вздумается, и пуститься на новое предпріятіе, по его собственному усмотрѣнію. Такимъ образомъ, изъ одной партіи образовывалось иногда нѣсколько партій, и задуманное, по понятіямъ черкесовъ громадное, дѣло оканчивалось или ничѣмъ, или неудачею. Кабардинцы и убы-

хи, предоставлявшіе своимъ предводителямъ право наказывать ослушниковъ, стояли на высшей степени военнаго развитія, чѣмъ всѣ остальныя племена черкескаго народа.

Набѣги черкесовъ на нашу линію были не что иное, какъ частныя предпріятія для добычи, невоспрещаемыя народными постановленіями, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и неслужившія выраженіемъ политическаго дѣйствія цѣлаго народа. Каждый человѣкъ, имѣвшій право употреблять оружіе по своему произволу внутри края, тѣмъ болѣе имѣлъ право употреблять его противъ непріятеля. «Только большія народныя предпріятія, рѣшаемыя въ народныхъ собраніяхъ, какъ, напримѣръ, нападеніе на наши укрѣпленія и станицы, составляли, въ собственномъ смыслѣ, проявленіе общей народной воли и дѣйствія политическаго права войны».

Въ частныхъ предпріятіяхъ партій, лицо, вызвавшее охотниковъ и принявшее на себя предводительствованіе партіею, по обычаю черкесовъ, должно было держать въ тайнѣ всѣ свои намѣренія и отвѣчало за успѣхъ предпріятія. Къ сохраненію тайны пріучили горцевъ ихъ же собственные лазутчики, которыхъ среди народа легко было добыть и имѣть нашимъ начальникамъ постовъ и линій. Корысть, родовая месть или канла, ревнивость къ славѣ своего товарища, сплошь и рядомъ были достаточными причинами, чтобы выдать своего соотечественника и предупредить русскихъ о его намѣреніяхъ вторгнуться въ наши предѣлы.

Въ день выступленія хищнической партіи въ походъ, предводитель (дзепши или тамате) давалъ обѣдъ, угощалъ своихъ сотоварищей и производилъ гаданіе на кости. Если гаданіе было благопріятно — партія выступала; если нѣтъ, то ожидала лучшихъ предсказаній.

Условившись со всѣми о мѣстѣ послѣдняго привала, по близости нашихъ границъ, *тамате* прощался съ партіею на правой сторонѣ рѣки Бѣлой и отправлялся въ гости къ одному изъ своихъ пріятелей-кунаковъ, жившихъ въ мирномъ аулѣ. Здѣсь онъ скрывался отъ множества глазъ русскихъ лазутчиковъ.

«Собравъ нужныя свѣдѣнія относительно предпринятаго хищничества и пригласивъ мирнаго горца въ соучастники, *тамате* дѣлалъ значительный заворотъ отъ аула въ камышъ или трясину, гдѣ поджидали его товарищи».

Отдѣльныя хищническія предпріятія совершались или пѣшими партіями отъ 5 до 10 человѣкъ, или конными отъ 20 до 30 всадниковъ. Первыя, пробравшись незамѣченныя кордономъ въ наши предѣлы, скрывались по нѣскольку дней въ лѣсахъ, растущихъ по Кубани, выжидали тамъ удобнаго случая и довольствовались захватомъ нѣсколькихъ штукъ скота или плѣненіемъ нѣсколькихъ человѣкъ. Конныя же партіи прокрадывались, для совершенія хищничества, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ кордона, какъ, напримѣръ, въ ногайскихъ степяхъ. Пѣшія партіи преимущественно появлялись съ апрѣля и по сентябрь; конныя же, большею частію, въ сентябрѣ,

октябрѣ и даже декабрѣ, когда вода въ рѣкахъ бываетъ не такъ высока, а ночи длинны и темны. Но изъ этого не слѣдовало, чтобы хищники не появлялись и въ другое время. Только то время года, когда на Кубани шелъ ледъ, или когда рѣка замерзнетъ, но не крѣпко, считалось безопаснымъ отъ хищническихъ нападеній. Послѣ же сильныхъ морозовъ, когда Кубань замерзнетъ столь крѣпко, что сообщеніе по льду дѣлается безопаснымъ по всѣмъ направленіямъ [1], число хищническихъ партій значительно увеличивалось.

Собираясь въ набѣгъ, черкесы отлично подготовляли лошадей для производства дальнихъ и быстрыхъ передвиженій—*подъяровывали* ихъ, какъ для призовой скачки. За нѣсколько дней до предполагаемаго труднаго похода, черкесъ переставалъ кормить свою лошадь сѣномъ или давалъ его очень мало; ежедневно лошадь водили подъ попонами и купали по нѣскольку разъ въ день. Отъ такой гигіены лошадь становилась тонка, жилиста и способна къ перенесенію значительныхъ трудовъ въ походѣ. Второю заботою черкеса, собиравшагося въ походъ, было заготовить побольше патроновъ и осмотрѣть *швентъ*—бурдюкъ или тулукъ. Употребляемые черкесами бурдюки были преимущественно бараньи или козьи, обращенные шерстью внутрь, а снаружи или осмоленные, или обмазанные жиромъ, или покрытые какимъ-нибудь веществомъ, не пропускающимъ воды. Такой бурдюкъ имѣлъ два отверстія: одно для надуванія его, другое для вкладыванія одежды, оружія, чурековъ или другой пищи. Конные черкесы всегда брали съ собою по два бурдюка, а пѣшіе шли иногда и съ однимъ.

Во время набѣговъ, хищники избѣгали встрѣчи съ нашими войсками, нападали на одиночныхъ людей или на небольшія партіи, чтобы взять плѣнныхъ или отбить скотъ. По большей части, ночью они прокрадывались черезъ рѣку Лабу на Кубань. Главнымъ путемъ вторженія было волнистое пространство, ограниченное на рѣкѣ Лабѣ бывшимъ Ахметовскимъ укрѣпленіемъ и Подольскимъ постомъ, а на Кубани укрѣпленіемъ Каменною Башнею и Бѣломечетскою станицею.

Подойдя ночью на довольно близкое разстояніе къ берегу Кубани, партія скрывалась днемъ гдѣ-нибудь въ балкѣ и никогда не приступала тотчасъ же къ переправѣ черезъ рѣку, но, предварительно, засѣвши въ скрытыхъ мѣстахъ, осматривала берега рѣки, мѣсто удобное для переправы, и наблюдала за дѣйствіями кордонной стражи. Наблюденія преимущественно заключались въ высматриваніи: гдѣ ложатся секреты и когда посылаются наши разъѣзды, на что иногда употреблялось черкесами по нѣскольку сутокъ, въ особенности если лѣсъ, балка или кустарникъ дозволяли незамѣтно укрываться.

Подобныя наблюденія лежали на обязанности предводителя. Онъ былъ

---

[1] Замерзаніе Кубани до такой степени, чтобы можно было ходить или ѣздить по льду, бываетъ весьма рѣдко. Значительная партія закубанцевъ, сдѣлавшая въ 1849 году нападеніе на станицу Васюринскую, прошла черезъ Кубань по льду.

полный глава и распорядитель. Онъ ѣхалъ впереди всѣхъ, а по бокамъ его нѣсколько сотоварищей; остальная партія, раздѣлившись на кучки, ѣхала произвольно. Предводитель партіи то скакалъ впередъ, приникнувъ къ сѣдлу или поднявшись на стремена, то изъ-за кургана окидывалъ мѣстность привычнымъ и опытнымъ глазомъ, то вдругъ прикладывалъ къ губамъ палецъ— и вся партія останавливалась. Предводитель указывалъ на землю — и всѣ слѣзали съ коней; махалъ къ себѣ—и вихремъ скакали къ нему наѣздники.

Успѣхъ партіи давалъ предводителю двѣ доли изъ добычи, славу, знаменитость и довѣренность; неудача была позоромъ для него и, случалось, влекла за собою смерть предводителя.

Съ приближеніемъ къ цѣли предпріятія, предводитель, замѣтивъ что-либо сомнительное или подозрительное, слѣзалъ съ коня, взбирался ползкомъ на ближайшій курганъ, съ котораго осматривалъ окрестности, и если замѣчалъ наши пикеты, то бросалъ вверхъ свою шапку, а самъ кубаремъ скатывался съ кургана. Эта хитрость употреблялась съ цѣлію ввести въ обманъ наши пикеты и заставить ихъ думать, будто птица слетѣла.

При отдыхѣ, когда партія располагалась въ лощинѣ и окрестная мѣстность не дозволяла скрыться сторожевому черкесу, изъ травы приготовлялся снопъ, подъ прикрытіемъ котораго караульный ползъ на удобное мѣсто и, спрятавшись въ травѣ, лежалъ незамѣченнымъ.

Во время ночныхъ движеній, порядокъ марша измѣнялся: боковые патрули съѣзжались къ партіи и всѣ держались близко другъ друга, изъ боязни растеряться: одинъ только предводитель, въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ впереди, ѣхалъ со взведеннымъ куркомъ, прислушиваясь къ малѣйшему шороху и не сводя глазъ съ ушей своего чуткаго коня. Глухой свистъ, по условію, распоряжалъ всѣми движеніями партіи. Во время ночныхъ отдыховъ, партія окружала себя караульными, которые, залегши по тропинкамъ и дорогамъ и приникнувъ ухомъ къ землѣ, отлично отличали бѣгъ лани отъ конскаго топота.

Переходъ черезъ Кубань совершался преимущественно по ночамъ.

Съ наступленіемъ ночи начиналась переправа, которая производилась различно, смотря по тому, сколько у каждаго изъ хищниковъ было съ собою бурдюковъ. Если ихъ было по два, то, уложивъ въ нихъ исподнее платье, чуреки и другую пищу, черезъ особо-назначенныя для того отверстія, которыя, накрѣпко завязавъ и надувъ каждый *шventъ* черезъ другія узкія отверстія, привязывали ихъ подъ переднія лопатки лошадей. Когда это было исполнено, черкесы, въ полномъ вооруженіи, имѣя ружья на-изготовѣ въ правой рукѣ, а боевые патроны заткнутые вокругъ папахъ, надѣтыхъ на головы, садились на своихъ коней и начинали переправу, слѣдуя одинъ за другимъ и имѣя впереди себя *тамате*.

Пѣшіе черкесы и конные, имѣвшіе съ собою по одному бурдюку, переплывали рѣку, привязывая ихъ къ своимъ спинамъ. Въ бурдюкѣ пѣшаго чер-

кеса, кромѣ платья и пищи, укладывались кинжалъ, пистолетъ и патроны; ружья вкладывались только по замокъ, стволъ же оставался снаружи, а иногда ружье привязывалось, вмѣстѣ съ шашкою, поверхъ бурдюка. Чтобы вода не могла попасть въ дуло ствола, онъ затыкался и обвязывался. Бросившись въ воду, хищники, теченіемъ воды, въ нѣсколько минутъ выносились на правый берегъ рѣки, причемъ конные иногда тащили за поводъ и своихъ лошадей. Тѣ же изъ пѣшихъ хищниковъ, которые брали съ собою по два бурдюка, почти никогда не имѣли ружей, а имѣли шашку, перекинутую черезъ плечо, пистолеты и кинжалъ, уложенные въ бурдюкахъ, которые подвязывались или подъ мышками, или по бокамъ.

Первымъ дѣломъ послѣ переправы было одѣться, вооружиться и осмотрѣть окружающую мѣстность. Переправа партіи черезъ Кубань и проходъ незамѣтно мимо секретовъ составляли дѣло самое трудное и опасное. Здѣсь-то выражались вполнѣ ловкость, смѣлость и предпріимчивость. Съ какой тишиной должно было все это совершаться! Малѣйшій плескъ воды, фырканье лошадей—въ особенности при измѣненіи направленія—лишній секретъ, выставленный на берегу, не только уничтожалъ замыселъ хищниковъ, но и наносилъ имъ конечное пораженіе; одни тонули въ рѣкѣ, другіе погибали отъ пуль и шашекъ казаковъ.

Въ апрѣлѣ 1834 года, двадцать восемь человѣкъ пѣшихъ закубанцевъ задумали переправиться черезъ Кубань, съ цѣлію пробраться на воровство въ наши предѣлы между станицами Невинномысскою и Барсуковскою.

Была темная, мрачная ночь; нависшія тучи усиливали темноту; по временамъ блескъ молніи освѣщалъ окрестную мѣстность. Дождь падалъ рѣдкими, но большими каплями. Не смотря на ненастье, донскіе казаки Жирова полка, занимавшіе кордонъ по Кубани, бодрствовали, и удвоенные секреты, какъ бы по предчувствію, до того были насторожѣ, что даже имѣли ружья на изготовѣ. Такія мѣры предосторожности, переходившія даже за предѣлы обязанности кордонной службы, были основаны на положительныхъ свѣдѣніяхъ нашихъ лазутчиковъ, которые опредѣлили не только время, но и мѣсто переправы хищниковъ.

Было за-полночь. Черкесы начали переправу противъ нашего главнаго секрета, состоявшаго изъ шестнадцати человѣкъ, поставленныхъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Кубань дѣлаетъ изгибъ. По быстротѣ теченія Кубани въ этомъ мѣстѣ и крутизнѣ береговъ, хищники не могли иначе выйти на берегъ, какъ нѣсколькими саженями ниже, и потому въ томъ мѣстѣ былъ положенъ другой секретъ изъ десяти казаковъ. Большая часть партіи была уже у нашего берега, когда молнія освѣтила не только хищниковъ, но и ружья нашихъ казаковъ. Раздались, почти одновременно, два враждебныхъ взаимныхъ залпа, а вслѣдъ за тѣмъ крики ура! нижняго залога, бросившагося въ Кубань

Передніе хищники, поражаемые шашками и кинжалами нашихъ казаковъ, бросившихся въ воду, а задніе пулями, всѣ погибли, за исключеніемъ четы-

рехъ, успѣвшихъ переправиться обратно; съ нашей же стороны два казака были убиты и три ранены.

Для переправы черезъ Кубань черкесы избирали обыкновенно самыя ненастныя и бурныя ночи, когда свистъ вѣтра и шумъ волнъ заглушали всѣ ихъ дѣйствія.

Переправа совершена удачно. По выходѣ на берегъ, *тамате* обязанъ былъ удостовѣриться, нѣтъ-ли гдѣ нибудь, по близости отъ переправы, секрета заложеннаго кордоннымъ начальствомъ. Для этого онъ употреблялъ всевозможныя хитрости: покрикивалъ разными голосами лѣсныхъ птицъ или звѣрей, бросалъ впередъ, вправо и влѣво камешки или небольшія комья грязи, и, обратившись весь въ слухъ, прислушивался, не пошевельнется-ли или не заговоритъ-ли гдѣ нибудь по близости человѣкъ. Ничего не слышно.... партія прошла незамѣченною нашими секретами и не осталось никакихъ слѣдовъ ея переправы; дождь залилъ ихъ *сакму*, или путь слѣдованія, такъ хорошо отличаемый нашими линейными казаками. Если бы не дождь, то бдительный разъѣздъ, посылаемый съ каждаго поста на разсвѣтѣ для осмотра мѣстности, обратилъ бы на это вниманіе и открылъ бы переправу. Залегши въ кустахъ, черкесы ожидали наступленія ночи. Днемъ хищники не предпринимали нападеній даже и въ томъ случаѣ, если бы, къ ихъ счастію, казачій табунъ находился на самомъ близкомъ разстояніи отъ мѣста засады. Но какъ только наступали сумерки и табунщики располагались ужинать, хищники садились на коня, производили нѣсколько выстрѣловъ, и поднятый табунъ стремглавъ летѣлъ къ Кубани за вожакомъ—*уазе*, имѣвшимъ сноровку сразу попасть на заранѣе избранное мѣсто переправы. Первый привалъ дѣлался только за Лабой, въ мѣстѣ безопасномъ, гдѣ нибудь на лѣсной полянѣ, по близости источника.

«Группа измученныхъ дорогою плѣнныхъ—говоритъ г. Каменевъ, описывая бивуакъ горцевъ—въ числѣ которыхъ взрослые мужчины были связаны, сидѣла окруженная кострами; женщины, захваченныя безъ дѣтей, рыдали, утѣшаемыя, на непонятномъ языкѣ, караульными; тѣ же, у которыхъ были дѣти, скрѣпя сердце утѣшали и убаюкивали плачущихъ дѣтей. Рогатый скотъ и лошади, оцѣпленныя также карауломъ, тѣснились въ кутку поляны, лишенныя, въ видахъ сохраненіе здоровья, воды и корму. Положивъ морды другъ другу на спину, животныя жадно втягивали сырой лѣсной воздухъ и стояли какъ вкопанныя. Возлѣ прочихъ костровъ лежали на буркахъ раненые хищники, раны которыхъ уже были перевязаны; далѣе, въ неосвѣщенномъ мѣстѣ бивуака, подъ деревьями, на сучьяхъ которыхъ повѣшено было оружіе, лежали трупы убитыхъ хищниковъ, завернутые въ бурки и тщательно увязанные; ихъ окружали товарищи-одноаульцы. По прибытіи всей партіи, *дзепши* (предводитель), обезопасивъ бивуакъ секретами, отдавалъ лошадь, снималъ оружіе и шелъ къ убитымъ—почтить ихъ славную смерть поклоненіемъ. Посидѣвъ возлѣ каждаго трупа нѣсколько минутъ съ поникшей головой, онъ уходилъ опеча-

леннымъ. Послѣ него то же благоговѣйное поклоненіе мертвымъ дѣлалось и другими наѣздниками всей партіи. Самымъ оживленнымъ мѣстомъ бивуака было то, гдѣ зарѣзанная, во имя Аллаха, скотина, едва выдержавшая перегонъ, раздавалась приходящимъ».

По черкескимъ военнымъ установленіямъ, если бы партія была застигнута и окружена, то предводитель долженъ былъ скорѣе погибнуть, чѣмъ бѣжать, оставляя своихъ товарищей на произволъ судьбы. Такъ погибъ, окруженный казаками, Магометъ-Ашъ, въ 1846 году, хотя имѣлъ полную возможность уйти одинъ. Предводитель, всегда слѣдовавшій впереди партіи, при проходѣ черезъ нашъ кордонъ, въ случаѣ открытія хищниковъ, первый поражался пулею или шашкою казака. По этой причинѣ, черкесы постановили правиломъ, при раздѣлѣ добычи, уступать предводителю большій и лучшій пай.

Бѣгство открытой партіи не считалось у черкесовъ стыдомъ, лишь бы только она, при первой возможности, оправилась и, занявши удобную позицію, опять начала драться. За то считалось постыднымъ, если партія, застигнутая врасплохъ, отдавала безъ боя добычу, или, вступивъ въ дѣло съ непріятелемъ, не выносила изъ боя тѣлъ убитыхъ своихъ товарищей.

Попасть въ руки противника живымъ и быть взятымъ въ плѣнъ считалось верхомъ безславія, и потому намъ весьма рѣдко удавалось брать плѣнныхъ.

Набѣги черкесовъ малыми партіями отличались удивительною быстротою и смѣлостію. Однажды братья Карамурзины, въ длинную осеннюю ночь, переправились, съ десятью только всадниками, черезъ Кубань у Прочнаго-Окопа, и проскакавъ за Ставрополь къ селенію Донскому, на Тагилѣ, къ разсвѣту очутились опять за Кубанью, близъ Невинномыской станицы, сдѣлавъ, въ продолженіе четырнадцати часовъ, болѣе ста-шестидесяти верстъ.

«Абреки, рѣшавшіеся на подобныя дѣла, были люди извѣстные своею храбростію и ловкимъ наѣздничествомъ: казаки знали ихъ и сильно опасались. По кавказскому обыкновенію, при появленіи непріятеля въ какихъ бы то ни было силахъ, казаки съ ближайшаго поста должны были завязать съ ними перестрѣлку, слѣдить за ними неотступно и, своимъ огнемъ, обозначать направленіе партіи. Казаки изъ ближайшихъ станицъ и со всѣхъ окрестныхъ постовъ скакали во весь опоръ на тревогу и немедленно вступали въ дѣло».

Такимъ образомъ, въ продолженіе десяти или двѣнадцати часовъ, на каждомъ пунктѣ кордона могли собраться отъ шести до восьми сотъ казаковъ.

«Бывало, сотня или двѣ линейныхъ казаковъ смѣло бросались въ шашки и врѣзывались въ вдвое сильнѣйшую непріятельскую толпу; но случалось, что тѣ же сотни не рѣшались атаковать холоднымъ оружіемъ нѣсколько десятковъ абрековъ и стрѣляли въ нихъ издали, зная, что въ рукопашномъ бою ихъ жизнь можно купить лишь дорогою цѣной. Окруживъ абрековъ, казаки истребляли ихъ до послѣдняго человѣка; да и сами абреки не просили пощады. Видя отрѣзанными всѣ пути къ спасенію, они убивали своихъ лошадей, за тѣлами

ихъ залегали съ винтовкою на присошкѣ и, отстрѣливались пока было возможно; выпустивъ послѣдній зарядъ, ломали ружья и шашки и встрѣчали смерть съ кинжаломъ въ рукахъ, зная, что съ этимъ оружіемъ ихъ нельзя схватить живыми».

По черкескому взгляду на военное дѣло, всадникъ, потерявшій лошадь, не жилецъ на этомъ свѣтѣ: онъ будетъ драться пѣшій до послѣдней возможности и съ такимъ ожесточеніемъ, что заставитъ наконецъ убить себя (1).

На укрѣпленія черкесы рѣдко отваживались нападать; но на восточномъ берегу Чернаго моря бывали примѣры отчаянныхъ ихъ штурмовъ, особенно убыхами. Такъ, въ 1846 году они днемъ напали на фортъ Головинскій тремя партіями, которыя были посажены по два всадника на каждую лошадь. Двѣ изъ этихъ партій, подскакавъ къ самому укрѣпленію, подъ картечнымъ огнемъ— одна партія девяти, а другая трехъ орудій—спѣшились, перебрались черезъ волчьи ямы, ровъ, палисадъ и вскочили на бруствeръ, но были отбиты.

Убыхи вообще отличались въ набѣгахъ своею дерзостію, и между черкесами были извѣстны какъ люди необыкновенно храбрые и энергичные. Славу свою они поддерживали постояннымъ хищничествомъ у разныхъ племенъ черкескаго народа. Перевалившись черезъ Главный хребетъ, они хищничали у махошевцевъ и у верхнихъ абадзеховъ. У убыховъ существовало особое сословіе хищниковъ: *унару*, доморазрушители. Партія *унару*, въ пять или шесть человѣкъ, ночью врывалась въ аулъ, бревномъ выбивала двери сакли, рѣзала сонныхъ жителей, забирала ихъ въ плѣнъ, грабила имущество, и пока сосѣди проснутся, *унару* уже исчезли и съ плѣномъ, и съ добычей.

Слава и военная репутація убыховъ поддерживались благодаря лучшей ихъ военной организаціи, дававшей имъ превосходство при всѣхъ столкновеніяхъ съ сосѣдями. Передъ выступленіемъ своимъ въ походъ, что бывало обыкновенно зимою, въ составѣ большой партіи, убыхи выбирали себѣ предводителя. Послѣднимъ могъ быть только человѣкъ, извѣстный своею храбростію, который бывалъ уже въ нѣсколькихъ походахъ въ званіи простаго воина, потомъ, предводительствуя небольшими партіями, отъ десяти до тридцати человѣкъ, оказалъ мужество и распорядительность. Предводитель долженъ былъ быть крѣпкаго сложенія, въ состояніи переносить холодъ и голодъ, чтобы служить примѣромъ для всѣхъ остальныхъ.

---

(1) „Объ образѣ войны вообще на Кавказѣ и въ особенности на кавказской линіи“ рукопись обязательно доставленная мнѣ П. В. Кузьминскимъ.—Краткое описаніе восточнаго берега Чернаго моря Карльгофа (рукоп.) Текущ. дѣла шт. Кавк. воен. округа.—Новѣйшія географичес. и историч. свѣдѣнія о Кавказѣ С. Броневскаго ч. II изд. 1823 г. Воспомин. Кавказ. офицера „Русскій Вѣсти.“ 1864 г. № 10 и № 11. О политическомъ устройствѣ черкескихъ племенъ Карльгофа „Русскій Вѣст.“ 1860 г. № 16. О натухажцахъ, шапсугахъ и абадзехахъ Л. Люлье. Зап. Кавк. от. Рус. геогр. общ. кн. IV изд. 1867 г. Бассейнъ Псекупса. Николая Каменева. Кубанскія Войсковыя Вѣдомости 1867 г. № 49. Очеркъ горскихъ народовъ праваго крыла кавказской линіи. „Воен. Сбор.“ 1860 г. № 1.

Во время похода предводитель пользовался безусловнымъ повиновеніемъ своей партіи; каждый членъ ея обязанъ былъ слѣдовать за нимъ всюду. Предводителю предоставлялось дѣйствовать по своему усмотрѣнію и не открывать заранѣе никому своихъ намѣреній. Каждый терпѣливо переносилъ отъ него брань и даже побои, на которые, въ обыкновенное время, убыхъ, непризнававшій никакихъ властей, отвѣтилъ бы кинжаломъ.

Мѣстомъ сбора партіи назначалось обыкновенно необитаемое ущелье, неподалеку отъ послѣдней деревни, за которою начиналось владѣніе той страны, куда предназначенъ набѣгъ. Только дряхлые старики и малыя дѣти не участвовали въ походѣ. Каждый обязывался имѣть съ собою необходимую одежду, состоявшую изъ бурки, башлыка, полушубка, двухъ или трехъ паръ обуви изъ сыромятной воловьей кожи, двухъ или трехъ паръ толстыхъ носковъ, сшитыхъ изъ войлока или изъ толстаго горскаго сукна. Продовольствіе такой партіи обыкновенно составляли: гомія (пшено), копченое мясо, сыръ, масло, перецъ, соль и тѣсто варенное на меду. Все продовольствіе каждый, кромѣ предводителя, несъ на себѣ, на цѣлый мѣсяцъ.

Когда, бывало, партія соберется и составитъ скопище отъ 800 до 3,000 человѣкъ, тогда предводитель отправлялся на мѣсто сбора, гдѣ осматривалъ платье и провизію собравшихся. Тѣхъ, у которыхъ оказывался недостатокъ въ одеждѣ и положенномъ числѣ продовольствія, изгоняли изъ отряда самымъ постыднымъ образомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, повѣрялось число людей въ партіи. Предводитель пропускалъ всѣхъ поодиночкѣ между двухъ человѣкъ, поставленныхъ другъ противъ друга и державшихъ палку, поднятую выше головы. По мѣрѣ того какъ воины проходили поодиночкѣ подъ палкою, предводитель ихъ считалъ: это называлось *подпалочною* повѣркою. Иногда же, вмѣсто такой повѣрки, предводитель приказывалъ прислать къ себѣ отъ каждой партіи одного селенія столько камешковъ или зеренъ, сколько находилось въ ней человѣкъ, и, по числу камешковъ, опредѣлялъ общій составъ сборища. Послѣ повѣрки прежде всего назначались люди въ составъ авангарда и аріергарда.

Собранная партія дѣлилась на части: люди одной деревни, числомъ отъ десяти до ста человѣкъ, составляли особую часть или, по выраженію убыховъ, *отдѣльный огонь*, получавшій названіе по имени деревни или цѣлаго околодка. Каждый *отдѣльный огонь* имѣлъ своего старшину, обязаннаго дѣлать наряды, вести очередь и, въ важныхъ случаяхъ, приходить къ предводителю за полученіемъ приказаній и для совѣщаній. Отдѣленіе или огонь выбирали и назначали изъ среды себя кашеваровъ, дровосѣковъ и родъ вѣстовыхъ, посылаемыхъ каждое утро и вечеръ къ предводителю, для полученія отъ него приказаній и распоряженій. Кашевары, кромѣ стряпни, обязаны были нести на себѣ котлы, въ которыхъ варилась пища для цѣлаго отдѣленія; дровосѣки заготовляли дрова, расчищали мѣста занесенныя снѣгомъ, строили на нихъ шалаши, и вообще исполняли всѣ работы по разработкѣ до-

рогъ. Молодые люди, по обычаю, прислуживали старикамъ, потому что прислуги никому имѣть съ собою не полагалось.

Кашевары принимали ежедневно провизію отъ каждаго отдѣльнаго воина, поровну, и приготовляли общую пищу для всѣхъ лицъ, составлявшихъ отдѣльный огонь. Пищею служили крутая пшенная каша, супъ изъ мяса и пшена, приправленный стручковымъ перцомъ. Супъ этотъ, въ которомъ чувствовалось изобиліе перца, замѣнялъ убыхамъ водку, согрѣвалъ и укрѣплялъ ихъ организмъ. Расходовать провизію, безъ вѣдома цѣлаго отдѣленія, строго воспрещалось, а кто расходовалъ ее тайкомъ, тотъ подвергался большому стыду; подобные поступки, по народному суевѣрію, считались вдобавокъ дурнымъ предзнаменованіемъ неудачи или какого нибудь несчастія.

Въ походѣ убыхи слѣдовали въ двѣ шеренги или, лучше сказать, по два человѣка рядомъ, одна пара за другой довольно близко и плотно. Переходъ съ мѣста на мѣсто строго воспрещался.

Въ мѣстахъ безопасныхъ, авангардъ и аріергардъ слѣдовали вмѣстѣ со всею партіею; въ противномъ случаѣ, отдѣлялись на полверсты, а иногда и болѣе. Авангардъ высылалъ тогда впередъ себя еще нѣсколькихъ человѣкъ для осмотра дороги, лѣса, овраговъ, и высланные люди о всемъ замѣченномъ доносили авангарду, а послѣдній предводителю. Въ случаѣ затрудненія въ пути отъ свѣже-выпавшаго или таящаго снѣга, пять или шесть рядовъ съ праваго-фланга надѣвали лыжи (они должны были быть у каждаго) и ими протаптывали дорогу для остальнаго отряда.

Мѣста ночлеговъ опредѣлялись заранѣе, до выступленія въ походъ, преимущественно въ мѣстностяхъ мало-доступныхъ, гористыхъ, гдѣ были лѣсъ и кустарникъ. Съ прибытіемъ на ночлегъ, если онъ находился въ безопасномъ мѣстѣ, всѣ снимали съ себя тяжести, устраивали шалаши, заготовляли дрова и разводили огонь. «Шалаши всегда устраивались въ видѣ четырехугольника, на подобіе нашего каре, и наружную ихъ сторону оставляли открытою, чтобы, въ случаѣ тревоги, можно было безъ замѣшательства стать въ ружье».

Если партія проходила по такимъ мѣстамъ, гдѣ можно было ожидать непріятельскаго нападенія, то, версты за четыре отъ мѣста назначеннаго для ночлега, она останавливалась и посылала разузнать и осмотрѣть мѣстность. Только по донесеніи посланныхъ о совершенной безопасности, партія отправлялась на самое мѣсто.

Авангардъ и аріергардъ тотчасъ же образовывали пикеты и занимали всѣ проходы; они оставались на этихъ мѣстахъ до тѣхъ поръ, пока люди, назначенные въ ночной караулъ, не обогрѣвались и не насыщались. Предводитель, осмотрѣвъ предварительно пункты назначенные для пикетовъ, собиралъ къ себѣ караульныхъ, самъ разводилъ ихъ на посты и спускалъ съ постовъ авангардъ и аріергардъ. Лѣтомъ или въ небольшіе морозы зимою, караулы

оставались всю ночь безъ смѣны; въ противномъ случаѣ, смѣнялись два или три раза.

Съ разсвѣтомъ, партія выступала въ походъ; дневки дѣлались очень рѣдко и только при ненастной погодѣ; тогда выжидали вёдра, оставаясь на мѣстѣ иногда нѣсколько дней и даже цѣлую недѣлю. Благопріятною-же для походовъ погодою убыхи считали ясные дни и крѣпкіе морозы.

Подойдя къ мѣсту назначенному для грабежа, партія останавливалась въ разстояніи одного усиленнаго перехода, выбирала хорошую позицію, и если вступала на нее передъ вечеромъ, то не оставалась ночевать, а, отдохнувъ немного и поужинавъ, отправлялась далѣе. Но если прибывали на ночлегъ поздно вечеромъ, такъ что до разсвѣта не успѣвали дойти до мѣста грабежа, то останавливались ночевать и выступали уже на другой день вечеромъ. Убыхи дѣлали нападеніе только ночью, за полчаса до разсвѣта. Передъ нападеніемъ предводитель дѣлилъ всю партію на три части: первыя двѣ предназначались для нападенія и составлялись изъ самыхъ отборныхъ, а третья часть, изъ стариковъ, молодыхъ, кашеваровъ, дровосѣковъ и т. п., образовывала резервъ и оставлялась на мѣстѣ ночлега, со всѣми лишними тяжестями. Изъ первыхъ двухъ частей формировались авангардъ, аріергардъ и собственно часть для грабежа.

Убыхи всегда дѣйствовали массою и особенно хорошо дрались въ открытомъ полѣ. Они атаковывали всегда рядами въ двѣ шеренги, имѣя впереди авангардъ, по срединѣ грабителей, а сзади аріергардъ. Подойдя къ деревнѣ, авангардъ раздѣлялся направо и налѣво, обходилъ бѣглымъ шагомъ селеніе и останавливался, составивъ около аула густую цѣпь.

Партія грабителей, раздѣлившись на кучки, человѣка по четыре въ каждой, бѣжала въ домъ, вязала, рѣзала и грабила. Нападенія убыховъ бывали непродолжительны. Черезъ полчаса или черезъ три-четверти часа, начиналось отступленіе: авангардъ обращался въ аріергардъ и удерживалъ натискъ непріятеля, а бывшій аріергардъ составлялъ сплошную массу для прикрытія добычи.

Съ плѣнными убыхи поступали человѣколюбиво, давали имъ свою одежду и обувь; при остановкахъ партіи на ночлегъ или дневку, отдѣляли мужчинъ отъ женщинъ, поручали послѣднихъ надзору добросовѣстнаго старика и въ помощь ему назначали караулъ. Лекарь осматривалъ раненыхъ, давалъ лекарства, а предводитель назначалъ людей къ носилкамъ раненыхъ и убитыхъ. Обязанность носильщиковъ считалась почетною и отъ нея никто не отказывался.

Достигнувъ сборнаго мѣста, партія дѣлила добычу.

Изъ толпы выходилъ старый сѣдой воинъ и произносилъ благодарственную молитву за дарованную побѣду и хорошую добычу, а затѣмъ начинался дѣлежъ. Произносившему молитву выдавалась одна изъ лучшихъ вещей; предводитель выбиралъ себѣ плѣннаго или плѣнницу, и по одной вещи изъ

награбленныхъ предметовъ одного рода. Остальная добыча дѣлилась поровну; но кашевары и дровосѣки получали менѣе. На долю убитыхъ или взятыхъ въ плѣнъ, назначались двѣ части и передавались ихъ родственникамъ. Остатки отъ раздѣла назначались на поминки убитыхъ и на выкупъ плѣнныхъ. Никогда не случалось, чтобы убыхи захватили въ плѣнъ столько человѣкъ непріятелей, сколько было участниковъ похода, и тогда, для раздѣла плѣнныхъ, партія дѣлилась на столько частей, сколько плѣнныхъ, и каждая часть получала по одному. Въ такихъ случаяхъ, плѣнный обыкновенно продавался и вырученныя деньги дѣлились поровну между лицами, на долю которыхъ достался плѣнный.

Черкесы не держались этого правила. По ихъ установленію, тотъ, кто, во время боя, первый овладѣетъ плѣннымъ, тотъ и считался полноправнымъ его владѣльцемъ. Если этотъ плѣнный будетъ пойманъ кѣмъ нибудь во время бѣгства изъ дома своего господина, то возвращается сему послѣднему, а поймавшій его, въ вознагражденіе, получаетъ быка (цю).

Въ обращеніи съ плѣнными черкесы не отличались, подобно убыхамъ, особою гуманностью. Если плѣнный былъ русскій, и притомъ изъ дворянъ, то его сажали въ яму, держали въ цѣпяхъ и кормили весьма дурно. Къ этому ихъ побуждала, съ одной стороны, надежда получить выкупъ, а съ другой опасеніе, чтобы плѣнный не убѣжалъ.

— Не огорчайся тѣмъ, говорилъ черкесъ своему плѣнному, что я хочу тебя приковать. Если бы ты былъ дѣвка, такъ мы отдали бы тебя караулить женщинамъ; но ты мужчина: у тебя есть усы и борода; ты будешь стараться обмануть насъ.... Мужчину, который родился не рабомъ, можно удержать въ неволѣ только однимъ желѣзомъ.

Черкесы были убѣждены по опыту, что русскій дворянинъ, какъ они звали нашихъ офицеровъ, не забудетъ никогда своего происхожденія и мѣста занимаемаго въ обществѣ, и потому за плѣнными такого рода наблюдали весьма бдительно. Точно такъ же строго слѣдили они и за плѣннымъ линейнымъ казакомъ, зная, что онъ не оплошаетъ и не уступитъ черкесу въ ловкости и въ умѣньѣ убѣжать. Что же касается до крестьянъ взятыхъ въ плѣнъ, то черкесы обращали ихъ въ своихъ пастуховъ и земледѣльцевъ, а въ случаѣ принятія ими магометанства, женили и водворяли на хозяйствѣ.

— Земледѣльцу, говорили черкесы, все равно пахать: что у русскаго, что у насъ; а дворянину не все равно: онъ или умретъ, или убѣжитъ.

Подходя къ своимъ деревнямъ съ плѣнными и добычею, какъ черкесы, такъ и убыхи пѣли пѣсни, стрѣляли, въ знакъ побѣды и удачи (1).

---

(1) Этнографическій очеркъ черкесскаго народа барона Сталя (рукоп.) Зимніе походы убыховъ на абхазцевъ, С. Звалбай. „Кавказъ“ 1852 г. № 33. Учрежденія и народные обычаи шапсуговъ и натухажцевъ Л. Люлье. Зап. Кавк. отд. И. Р. Г. Общес. кн. VII изд. 1866 г. Воспомин. кавказскаго офицера. „Русскій Вѣст.“ 1864 г. № 11.

У убыховъ существовалъ особый способъ сообщать родственникамъ объ убитыхъ. Одинъ изъ односельцевъ, подойдя къ саклѣ убитаго или взятаго въ плѣнъ, становился на возвышенномъ мѣстѣ и вызывалъ родственника убитаго.

— Возвратился-ли такой-то изъ похода? спрашивалъ онъ вызваннаго.

Это значило, что того, о комъ спрашиваютъ, нѣтъ въ живыхъ, и тогда въ семействѣ убитаго начиналось оплакиваніе.

Нравы, обычаи и особенности быта черкесовъ, служили образцомъ достойнымъ подражанія для многихъ сосѣднихъ имъ племенъ, въ томъ числѣ и для ногайцевъ, поселившихся между рр. Кубанью и Лабою и извѣстныхъ подъ именемъ *закубанскихъ*. Эти послѣдніе на столько сходны въ образѣ жизни съ черкесами, что чаще даютъ своимъ дѣтямъ черкескія имена, чѣмъ общеногайскія; большинство изъ нихъ говоритъ черкескимъ и абазинскимъ языкомъ и почти всѣ обряды, костюмъ, постройка и расположеніе домовъ, пѣсни и танцы—все перенято ими у черкесовъ. Собственно сосѣдству и вліянію черкесовъ надо приписать и то, что закубанскіе ногайцы, какъ по умственнымъ способностямъ, такъ и по религіознымъ вѣрованіямъ, стоятъ неизмѣримо выше своихъ единоплеменниковъ, живущихъ въ Ставропольской губерніи. Съ другой стороны то-же сосѣдство черкесовъ было причиною того, что всѣ ихъ способности направлены были болѣе на жизнь удалую, чѣмъ на мирную и спокойную. Закубанскіе ногайцы, точно также какъ и черкесы, воинственны, неустрашимы и способны переносить невѣроятныя трудности.

Во многихъ случаяхъ они даже перещеголяли черкесовъ, какъ, напримѣръ, въ конной дракѣ и стойкости ихъ всадниковъ на полѣ битвы. Закубанскій ногаецъ отлично владѣетъ своимъ оружіемъ, которое онъ любитъ и сохраняетъ болѣе всего. Будучи склоненъ къ хищничеству и разбоямъ, народъ этотъ въ дни кочевой и подвижной жизни переносился съ одного мѣста на другое съ удивительною быстротою. При малѣйшей тревогѣ на пути ногайцы тотчасъ же дѣлали изъ своихъ телѣгъ четырехугольное укрѣпленіе, внутри котораго помѣщали свое имущество, женъ и дѣтей и защищались отчаянно.

«Не было еще примѣра, пишетъ Дебу, чтобы мурза или простой ногаецъ взятъ былъ плѣнъ; ибо сіе почитаютъ они крайнимъ безчестіемъ, посрамляющимъ весь ихъ родъ».

Такая воинственность, составляя до сихъ поръ исключительную особенность закубанскихъ ногайцевъ, отличаетъ ихъ отъ остальныхъ поколѣній ногайскаго племени.

НОГАЙЦЫ.

I.

Раздѣленіе ногайцевъ на отдѣльныя поколѣнія, а по образу жизни на осѣдлыхъ и кочевыхъ. — Мѣсто занимаемое ногайцами и характеръ земель имъ принадлежащихъ. — Экономическій бытъ ногайцевъ. — Сословное дѣленіе. — Управленіе. — Наружный видъ и характеръ. — Гостепріимство, пища и одежда. — Домъ ногайца. — Ногайская женщина и положеніе ея въ семействѣ.

Всѣ поколѣнія ногайскаго народа ведутъ свое происхожденіе отъ Ногая, одного изъ предводителей Золотой орды, который отдѣлился отъ нея въ XIII столѣтіи и составилъ особую такъ называемую *синюю орду*.

Только при жизни этого предводителя имя ногайцевъ было страшно для сосѣдей. Впослѣдствіи, раздираемые внутреннею враждою между собою и съ прочими татарскими племенами, ногайцы потеряли на всегда свое политическое значеніе и подпали подъ власть астраханскихъ хановъ. Тѣснимые послѣдними и доведенные до крайности, они вынуждены были, въ 1552 году, отправить посольство къ царю Іоанну Васильевичу Грозному, съ просьбою о защитѣ и принятіи ихъ въ подданство, утвержденное потомъ клятвою на вѣрность службы противъ крымцевъ и прочихъ татарскихъ ордъ.

Кочевавшіе въ то время на волжскихъ степяхъ ногайцы дѣлились, главнымъ образомъ, на три части: *Джетысынъ* (семидесяти-тысячный, нынѣ едисанскіе ногайцы), *большой* и *малый ногай*.

Большой ногай, въ свою очередь, подраздѣлялся на роты: Келенши, Хатай, Кибчакъ, Барлакъ, Манготъ, или Мангитъ, и другія. Малый ногай дѣлился на Каспулатъ или Касбулатъ, Улу, Наурузъ-улу, Султанъ-улу и многія другія.

Эти ногайцы управлялись своими представителями, поставленными съ согласія и утвержденія русскихъ царей. Съ теченіемъ времени власть князей

среди ногайскаго народа постепенно слабѣла и уничтожалась единство въ народѣ. Такъ, часть малаго ногая (извѣстнаго также подъ именемъ Казіева улуса) подпала подъ власть Крыма, а часть жила независимо на рѣкѣ Эмбѣ (по-татарски и по-калмыцки Дземъ или Джемъ), откуда и произошло названіе Эмбойлукъ или Джембойлукъ т, е. живущіе по Эмбѣ. Въ 1660 году малый ногай вновь отложился отъ Крыма и получилъ дозволеніе отъ русскаго правительства кочевать на берегахъ сѣвернаго Донца, гдѣ въ 1677 году, орда эта раздѣлилась на двѣ части: одна ушла за Кубань къ черкесамъ, а другая къ калмыкамъ.

Будучи монголо-татарскаго происхожденія, всѣ ногайцы въ настоящее время раздѣляются на восемь главныхъ семей: Калаусо-Джембойлуковскихъ, Калаусо-Саблинскихъ, Бештау-Кумскихъ, Едисанскихъ, Ачикулакъ, Едисано-Джембойлуковскихъ, Закубанскихъ и Кара-ногайцевъ.

Послѣдніе поселены на Караногайской степи, простирающейся къ сѣверу отъ р. Терека. Каро-ногайцы кочуютъ между р. Кумою, кочевьями Ачикулакъ-джембойлуковскихъ ногайцевъ, землями казачьихъ полковъ и государственныхъ крестьянъ. Они раздѣляются на четыре куба: Наймановъ, Капчаковъ, Миповъ и Тероковъ и управляются приставомъ, который подчиняется главному приставу, находящемуся въ Ставрополѣ.

Кромѣ того на Кумыской плоскости живетъ до 7,000 душъ обоего пола *кумыкскихъ ногайцевъ*, которые раздѣляются на два кочевья: *Костековское* и *Яхсаевское*; въ первомъ пять кубовъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ ауловъ, а во второмъ шесть кубовъ.

Ногайцы платятъ кумыкамъ условную дань за право пользованія землями, не имѣютъ сословій и всѣ считаютъ себя равными. Они управляются приставами изъ кумыкскихъ офицеровъ и отбиваютъ повинности натурою. Въ прежнее время они содержали караулы, давали конвой, перевозили за прогоны провіантъ, за деньги лѣсъ для починки укрѣпленій и даромъ больныхъ нижнихъ чиновъ.

По образу жизни, ногайцы раздѣляются на *осѣдлыхъ* и *кочевыхъ;* самое большое число послѣднихъ находится въ Ставропольской губерніи. Они кочуютъ по рр. Калаусу и Янкулямъ, Кумѣ, Саблѣ и около горъ Бештау, на пространствѣ отъ Кумы и Моздока до Кизляра, наконецъ, живутъ осѣдло по Кубани и между Кубанью и Лабою.

Послѣдніе или закубанскіе ногайцы раздѣляются на пять родовъ, поселившихся на лѣвомъ берегу р. Кубани: *Келембетовскій*, *Карамурзинскій* *Кипчакскій*, *Наурузовскій* и *Магнитовскій;* на правой сторонѣ Кубани разбросано нѣсколько ауловъ, принадлежащихъ князьямъ Тугановымъ, Канмурзинымъ, Ахловымъ и Лоовымъ. Пространство, занимаемое закубанскими ногайцами, можно считать около 11 т. квадр. верстъ, а населеніе около 10 т. душъ. Все это пространство, за исключеніемъ южной части, плоско, однообразно, безлѣсно и составляетъ почти безводную степь. Отъ жары, доходящей здѣсь

до 40° по Реомюру, поля выгораютъ, а рѣчки высыхаютъ. Нижняя часть, орошаемая рѣчками, впадающими въ Кубань и Лабу, довольно гориста и кое-гдѣ покрыта лѣсомъ, преимущественно по р. Урупу и его притокамъ.

Все пространство степи, занятое кара-ногайцами, содержитъ въ себѣ около 926,579 десятинъ, въ томъ числѣ удобной или, лучше сказать, сносной 684,276 десятинъ. На этой-же землѣ живутъ и едишкульцы, которые почти смѣшаны съ кара-ногайцами. Собственно послѣднихъ считалось въ 1862 году мужескаго пола 18,695 человѣкъ и женскаго 15,425 человѣкъ.

Безлѣсная, безводная степь, почти негодная для хлѣбопашества, составляетъ все достояніе кара-ногайцевъ. Главный промыселъ ихъ составляетъ скотоводство, но, для прокормленія своихъ стадъ, они не имѣютъ достаточно пастбищныхъ мѣстъ и принуждены на зиму перегонять ихъ за р. Прорву и Таловку, на земли принадлежащія казакамъ и частнымъ лицамъ.

Этотъ перегонъ скота стоитъ кара-ногайцамъ до 10,000 руб. платимыхъ за наемъ луговъ, изобилующихъ кормомъ и, кромѣ того, защищающихъ стада ихъ отъ степной стужи.

Земли остальныхъ ногайцевъ, вслѣдствіе неточнаго и неопредѣленнаго положенія границы, не могутъ быть исчислены съ точностью, потому что, кромѣ кургановъ, называемыхъ *тюбе*, да возвышенныхъ береговъ нѣкоторыхъ рѣкъ—все гладко, на весьма значительное разстояніе, все безлѣсно и почти безводно. Все количество населенія этихъ послѣднихъ ногайцевъ простирается до 35,733 душъ обоего пола.

Въ землѣ, населяемой ногайцами Пятигорскаго и Ставропольскаго уѣздовъ, преобладающій грунтъ—глинистый черноземъ, переходящій нерѣдко въ средній солончакъ, производящій малорослую и рѣдкую траву, перемѣшанную съ ковылемъ и полынью. Весною почва эта представляетъ превосходное пастбище для мелкаго скота, въ которой преобладаетъ молодая полынь, способствующая скорому поправленію скота, изнуреннаго въ теченіе зимы. По мѣрѣ приближенія лѣта и жаровъ, травы эти начинаютъ засыхать и кормъ для скота скудѣетъ.

Чаще же всего черноземный грунтъ степей переходитъ въ *легкій солончакъ*, на которомъ посѣвы хлѣба даютъ только посредственные урожаи. Земли же Ачикулакъ-Едисано-Джембойлуковскихъ ногайцевъ, Едишкульцевъ и Кара-ногайцевъ преимущественно состоятъ изъ обширныхъ песчаныхъ равнинъ, совершенно негодныхъ ни для хлѣбопашества, ни для сѣнокошенія.

Неудобство земель причиною того, что, какъ закубанскіе, такъ и всѣ остальные ногайцы, или вовсе не занимаются земледѣліемъ и хлѣбопашествомъ, или занимаются ими весьма мало; сѣна нѣкоторыя поколѣнія имѣютъ достаточно, по лѣсу почти совсѣмъ нѣтъ. Ногайцы-же Калаусо-Джембойлуки, Калаусо-Саблинцы и Бештау-Кумцы принадлежатъ, по преимуществу, къ земледѣльческому классу населенія.

Фабричныхъ промышленниковъ почти нѣтъ между ногайцами, а также нѣтъ и торговли внутри ауловъ. Ремесла мало развиты между туземцами;

они дѣлаютъ посуду, кровати, металлическія пряжки на пояса, но все это идетъ на продажу своей же братіи. Необходимое для себя оружіе ногаецъ достаетъ на мѣновыхъ дворахъ, ярмаркахъ или у сосѣдей, покупая ихъ за деньги, которыя выручаетъ отъ продажи тамъ же топлива (тезекъ), сыра, масла, шкуръ, овецъ, воловъ, сырыхъ лошадиныхъ кожъ, да нѣкоторыхъ вещей изъ платья, сшитаго ихъ женщинами. На эти же деньги покупаются: калмыцкій чай, мука, просо, табакъ, перецъ—словомъ продукты, необходимые для домашняго употребленія. Нѣкоторые, очень немногіе изъ ногайцевъ занимаются извозомъ, да промышляютъ сокольною охотою, которая ихъ кормитъ и одѣваетъ.

Главное занятіе ногайцевъ состоитъ въ скотоводствѣ и уходѣ за нимъ. Бѣдные не имѣющіе его идутъ лѣтомъ въ заработки и тысячи ихъ расходится по окрестнымъ селамъ сосѣднихъ уѣздовъ и казачьихъ полковъ. Тамъ они пасутъ стада и табуны лошадей, убираютъ виноградъ и выжимаютъ вино.

Закубанскіе ногайцы имѣютъ сословіе султановъ, князей, узденей, чагаровъ, а въ прежнее время и рабовъ. Уздени находились точно въ такомъ же отношеніи къ султанамъ и князьямъ, какъ и у черкесовъ, а чагары и рабы, по своему положенію, не отличались отъ остальныхъ зависимыхъ сословій у тѣхъ же поколѣній черкескаго народа.

У остальныхъ ногайцевъ, живущихъ въ Ставропольской губерніи, нѣтъ рѣзкаго сословнаго дѣленія, а есть семейства, которыя съ давнихъ поръ пользуются уваженіемъ—и только! Нѣкоторыя ногайскія фамиліи сами называютъ себя султанами и ведутъ родъ свой отъ Чингизъ-хана. Право это до того не сильно и не даетъ имъ никакихъ привиллегій, что эти же фамиліи часто называютъ себя вмѣсто султановъ просто князьями, но на самомъ дѣлѣ они только *мурзы*. Всѣ послѣдніе ведутъ родъ свой отъ Эдигея и имѣютъ немногія преимущества: не отбываютъ повинностей наравнѣ съ другими и въ прежнее время имѣли крѣпостныхъ или рабовъ, пріобрѣтенныхъ покупкою. Мурзъ можно считать потомками тѣхъ лицъ, которыя нѣкогда управляли народомъ; они составляютъ теперь высшій классъ, изъ котораго преимущественно выбираются аульные старшины и табунные головы. Кромѣ небольшихъ подарковъ и уваженія оказываемаго имъ народомъ, мурзы не пользуются никакою властію. Въ послѣднее время мурзы еще болѣе упали въ глазахъ народа, потому что нѣкоторые изъ нихъ, по бѣдности, нанимаются въ надсмотрщики у простыхъ ногайцевъ.

Послѣ мурзъ второе мѣсто занимаетъ духовенство: ахуны, кадіи или казіи, эфендіи и сохта (собственно ученикъ) или помощники эфендіевъ. Духовенство избавлено отъ повинностей и пользуется доходами, точно также какъ у прочихъ мусульманскихъ народовъ. Между духовенствомъ преимущественно находятся ученые люди, которые, за свое знаніе, пользуются уваженіемъ народа.

Есть еще сословіе, такъ называемые *тарханы* или лица избавленныя отъ повинностей за различнаго рода заслуги.

Всѣ ногайцы управляются черезъ особыхъ приставовъ. Для внутренняго управленія въ каждомъ кочевьѣ избирается на годъ голова, два старшины и казначей, а въ каждомъ аулѣ, состоящемъ не менѣе какъ изъ десяти кибитокъ, выбирается, сверхъ того, староста и десятникъ.

Все населеніе одинаково пользуется землями и одинаково можетъ быть выбираемо въ общественныя должности.

Судъ у ногайцевъ разбираетъ дѣла по *шаріату* (законъ письменный, духовный) и по *адату* (судъ словесный, народный по обычаямъ); есть еще *маслахатъ*, или судъ примирительный. Дѣла по шаріату рѣшаются духовенствомъ, а по адату — мирскимъ приговоромъ почетныхъ старшинъ и султановъ.

У кара-ногайцевъ каждое кочевье имѣетъ голову, каждый *аксакалъ*, которыхъ нѣсколько въ *кубѣ*, имѣетъ своего аксакала, а кубъ—старшину. Судъ и разбирательство, предоставленное народу, производится также по шаріату и адату. Постановленія суда, выраженныя въ приговорахъ, утверждаются приставомъ. Должностныя лица, въ томъ числѣ кадіи и наибы, выбираются на народномъ низамѣ, или чрезвычайномъ собраніи, черезъ каждые три года. Лица, не оправдавшія довѣрія народа, могутъ быть смѣнены и ранѣе этого срока.

Ногайцы, ведущіе жизнь осѣдлую, довольно безобразны: постоянное сидѣнье на корточкахъ возлѣ огня, нечистота и дымъ, скудная пища, всеобщая бѣдность и недостатокъ движенія—все это дѣлаетъ плоскія и изможженныя ихъ лица крайне безобразными. Напротивъ того, ногайцы, кочующіе лѣтомъ по широкимъ степямъ, какъ, напримѣръ, кара-ногайцы, едишкульцы, довольно красивы. Кара-ногаецъ, по большей части, высокаго роста и статенъ. Каріе глаза, прямой съ небольшимъ горбомъ носъ, средняя толщина, бритая голова, черная рѣдкая борода и усы составляютъ отличительныя черты его лица.

Ногайцы вообще вкрадчивы, скрытны и корыстолюбивы: за кирпичъ чая готовы возстать противъ самаго близкаго родственника. Корыстолюбіе ихъ не высказывается въ стремленіи къ пріобрѣтенію прилежаніемъ и трудомъ, а напротивъ того, въ желаніи нажить все легчайшимъ способомъ — воровствомъ и хищничествомъ. Будучи лѣнивы до высочайшей степени, они проводятъ большую часть времени въ праздности: сидятъ въ кибиткахъ или разъѣзжаютъ по степи и по ауламъ.

Гостепріимство хотя и считается у нихъ добродѣтелью, но безъ разсчета ногаецъ не испечетъ чурека для гостя и очень часто обокрадетъ его, точно также какъ и гость не стѣснится обокрасть хозяина. Пуговица, гвоздь, обрѣзокъ сукна или ленты—это такія вещи, которыя составляютъ желанія одного и зависть другаго.

Между ногайцами считается неприличнымъ, если гость, извѣстный по своей

бѣдности или сравнительно съ хозяиномъ и присутствующими, молодости; если такой гость сядетъ на коврѣ рядомъ съ хозяиномъ или съ кѣмъ либо изъ почетныхъ и уважаемыхъ гостей. По обычаю, первое мѣсто въ кибиткѣ или саклѣ принадлежитъ почетному гостю, а первымъ мѣстомъ считается то, которое ближе къ хозяину; если гостей нѣсколько, то всѣ они размѣщаются по состоянію, извѣстности или сообразно съ лѣтами. Послѣ обычныхъ привѣтствій гость можетъ присѣсть по-азіятски на корточки, но для того, чтобы снять туфли и поджать подъ себя ноги, надо пользоваться особымъ уваженіемъ хозяина. Считается большимъ вниманіемъ со стороны послѣдняго, если онъ гостю, моложе его лѣтами, подастъ одну руку, которую тотъ долженъ пожать двумя; обѣ же руки хозяинъ подаетъ только равнымъ или высшимъ себя лицамъ. Ногайцы не выходятъ на встрѣчу гостямъ: достаточно и того, если хозяинъ немного приподнимется съ мѣста при появленіи въ дверяхъ гостя.

Изъ всѣхъ поколѣній ногайскаго народа наибольшимъ гостепріимствомъ отличаются *закубанскіе* и кара-ногайцы. У послѣднихъ гостепріимство развито до такой степени, что каждый отправляющійся въ путь не запасается никакою провизіею, увѣренный, что найдетъ во всѣхъ аулахъ кровъ и пищу у гостепріимныхъ единоплеменниковъ. Этотъ прекрасный обычай заставляетъ каждаго хозяина, какъ бы онъ бѣденъ ни былъ, съ пріѣздомъ гостя непремѣнно угостить его чаемъ, хотя бы на завтрашній день у него самого не оставалось чаю. Хозяинъ отводитъ гостю лучшій уголъ въ кибиткѣ для отдохновенія, отдаетъ ему единственную свою подушку и стережетъ его коня. Тотъ, кто отвергнетъ гостя, пренебрегается всѣми и обезславливается на всю степь. Хозяинъ вообще находится въ распоряженіи гостя и на этотъ случай у кара-ногайцевъ существуетъ особая характеристическая пословица:

— Гость до прихода совѣстится, говоритъ она — а по приходѣ его совѣстится хозяинъ.

Для человѣка уважаемаго или хорошаго пріятеля хозяинъ рѣжетъ барана и нерѣдко послѣдняго. Свареная баранина, по вынутіи изъ котла, рубится на части и раскладывается на небольшой досчечкѣ. Лучшій и лакомый кусокъ, состоящій изъ головы, печенки и курдюка, ставится на досчечкѣ передъ гостемъ, а остальныя части передъ болѣе почетными посѣтителями-сосѣдями, не упускающими случая явиться въ кибитку, чтобы поѣсть лакомаго блюда и послушать новостей отъ пріѣзжаго. По мѣрѣ насыщенія почетныхъ, кушанье передается менѣе почетнымъ, которымъ часто приходится обгладывать кости и передавать ихъ дѣтямъ, а тѣ, пососавъ ихъ, уступаютъ позади стоящимъ собакамъ. Кто желаетъ, тотъ запиваетъ мясо *шорбой* (отваръ изъ бараньяго мяса), наливаемой въ *ченаки*—деревянныя чашки, которыя, какъ и вообще вся домашняя посуда, никогда не моются, а вытираются грязною рукою хозяйки.

Хотя между остальными ногайцами и не существуетъ столь радушнаго

гостепріимства, тѣмъ не менѣе каждый хозяинъ съ пріѣздомъ гостя старается угостить его. Довольствуясь, въ обыкновенное время, самою простою пищею, ногаецъ рѣжетъ иногда для гостя барана и угощаетъ его мясными блюдами. Обыкновенную пищу ногайца составляютъ: *секъ* — просяная крупа, особеннымъ образомъ приготовленная и употребляемая туземцами въ сухомъ видѣ или вареною на молокѣ; приправленная же небольшимъ количествомъ мёда, она употребляется какъ лакомство. Затѣмъ изъ остальныхъ видовъ кушаній наиболѣе употребительны: *горячій буламыкъ*—завареная болтушка изъ пшеничной муки, иногда съ прибавленіемъ *курта* или сушенаго сыра; *май*—коровье масло, *сутъ*—прѣсное молоко, *кумызъ* или, правильнѣе, *кымызъ*—напитокъ, приготовляемый изъ кобыльяго молока, и *этмекъ* — кисловатое на вкусъ питье изъ коровьяго молока, смѣшаннаго иногда пополамъ съ водою. Бѣдные ногайцы часто не имѣютъ и этихъ видовъ кушаній и нерѣдко довольствуются самымъ грубымъ *чурекомъ* и своею особенною лепешкою, приготовляемою изъ воды и муки, покупаемой у казака или крестьянина.

Главную и любимую пищу кара-ногайца составляетъ кирпичный чай; какъ русскій человѣкъ безъ хлѣба, такъ кара-ногаецъ безъ чая обойтись не могутъ; хлѣба кара-ногайцы не употребляютъ вовсе или очень мало. Кромѣ чая, кара-ногайцы ѣдятъ вареное пшено, небольшія пышки, жареныя въ салѣ, и *бишбармакъ* — кушанье, приготовленное изъ баранины и сарачинскаго пшена. Мясо ѣдятъ только въ дни годовыхъ и торжественныхъ праздниковъ, да и то только богатые. Пьютъ *бузу*, приготовляемую изъ пшена, и *аракъ*—родъ спиртнаго напитка, приготовляемаго изъ молока, и отчасти *кымызъ*.

Ногаецъ можетъ быть одинъ и даже нѣсколько дней очень воздержанъ въ пищѣ, можетъ довольствоваться одною пышкою или чурекомъ, но за то, если представится случай, будетъ пить чай, сколько бы ему ни предлагали, и съѣстъ несмѣтное количество пищи.

Всѣ ногайцы лѣнивы, но кара-ногайцы и едишкульцы отличаются особою лѣностію и неспособностію къ продолжительному труду. Лѣтомъ они предаются полнѣйшей бездѣятельности, по цѣлымъ днямъ сидятъ возлѣ кибитокъ съ небольшими трубочками во рту и слушаютъ *хабаръ* (новости), въ которыхъ нѣтъ недостатка. Каждый, проѣзжая мимо аула или кочевья, считаетъ своею обязанностью заѣхать къ пріятелю, напиться чаю и тутъ-то, въ угоду хозяину, обязанъ разсказать какую нибудь новость, хотя бы выдуманную, и надо сказать правду, что ногайцы вообще не брезгуютъ выдумками и сочиненіемъ небывалыхъ исторій и происшествій. Съ отъѣздомъ гостя, хабаръ летитъ отъ хозяина во всѣ концы аула и весьма часто въ разукрашенномъ и преувеличенномъ видѣ. Каждое извѣстіе съ быстротою молніи разлетается во всѣ мѣста кочевья кара-ногайцевъ.

Бездѣятельность и отсутствіе правильныхъ занятій породили въ народѣ страсть къ воровству, мошенничеству и кляузамъ.

Между нѣсколькими десятками тысячъ народа, можно насчитать едва только нѣсколько честныхъ людей. У кара-ногайцевъ нѣтъ правды, нѣтъ и чести. За кусокъ калмыцкаго чая, каждый готовъ присягнуть за вора, что онъ честный человѣкъ, готовъ присягнуть за каждаго преступника, какъ бы тяжко не было его преступленіе. Онъ не откажется обвинить и хорошаго человѣка въ томъ, что онъ первѣйшій воръ и мошенникъ. «Нужно ли сочинить самую несправедливую кляузу, стоитъ только обратиться за этимъ къ первому встрѣчному муллѣ и онъ за *монетъ* (рубль сереб.) насоберетъ такихъ фактовъ, какіе не приходили въ голову и самому просителю».

Ногайцы съ виду кажутся весьма простыми, но на самомъ дѣлѣ чрезвычайно изворотливы. Русскихъ слѣдственныхъ законовъ не боятся, по той простой причинѣ, что все населеніе за воровство, а не противъ него. Изъ двадцати обвиняемыхъ только одинъ наказывается, а остальные, по недостатку уликъ, оставляются въ подозрѣніи. Кара-ногайцы не грабятъ, не убиваютъ—они занимаются, по преимуществу, тѣмъ, что называется мелкимъ воровствомъ. Его дѣло стащить гдѣ-нибудь лошадь, скотину или барашка, но онъ никогда почти не нападаетъ на человѣка и никогда не употребляетъ въ дѣло оружія. Къ послѣднему онъ прибѣгаетъ только въ защитѣ своихъ стадъ отъ звѣрей и себя отъ внѣшнихъ враговъ, которыми окруженъ со всѣхъ сторонъ и которыхъ привыкъ бояться съ малолѣтства.

Понятія о стыдѣ у ногайцевъ совершенно не существуетъ. Ласковое обращеніе съ ними выводитъ ихъ изъ границъ подчиненности. Ногаецъ привер-женъ къ старинѣ и ни за что не согласится воспользоваться какимъ-нибудь полезнымъ для него нововведеніемъ. Проводя все время въ разъѣздахъ и праздности, многіе изъ нихъ, какъ, напримѣръ, бештау-кумцы и калоусо-саблинцы, отличные наѣздники, стройны, довольно привлекательной наружности, превосходные стрѣлки, также ловки, какъ горцы, но всѣ безъ исключенія грязны и неопрятны: ногаецъ моется очень рѣдко, и оттого наружность его много теряетъ, какъ бы хорошъ и статенъ онъ ни былъ.

Та-же неопрятность замѣчается и въ одеждѣ. Люди посредственнаго состоянія носятъ сверхъ бѣлья бешметъ (капталъ), съ газырями или безъ газырей, но менѣе акуратнаго покроя, чѣмъ черкескій; у ногайцевъ онъ бываетъ всегда мѣшковатъ и спускается ниже колѣна. На спинѣ бешмета дѣлается четырехугольная нашивка въ 2 1/2 или въ 3 квадратныхъ дюйма, состоящая изъ краснаго или чернаго сукна или сафьяна, иногда обшитыхъ серебрянымъ галуномъ, а иногда просто безъ всякой обшивки. Въ этихъ четырехугольникахъ ногайцы носятъ молитвы, которыми снабжаютъ ихъ корыстолюбивые эфендіи и муллы. Поверхъ бешмета надѣвается цвѣтной суконный халатъ, суконные или демикотоновые *станъ*—штаны, опоясанные ремнемъ (бельбеу) съ привязаннымъ къ нему ножемъ (пшякъ), вложеннымъ въ сафьяныя красныя или черныя ножны; барашья шапка съ суконною верхушкою и *аракшинъ* или *аракчинъ* — ермолка, вышитая серебромъ и носимая только пожилыми и

богатыми составляютъ ихъ головной уборъ. На ногахъ ногайцы носятъ сафьяные черные сапоги, въ родѣ чулковъ, безъ подошвъ, подборовъ и задниковъ, на которые надѣваются сафьяные-же красные или черные башмаки, съ прочными подборами; кара-ногайцы носятъ сапоги съ высокими каблуками.

Въ холодную погоду мужчины надѣваютъ шубу (тонъ-шуга), крытую синимъ или чернымъ сукномъ, нанкой или плисомъ. На бѣдномъ ногайцѣ можно встрѣтить нагольный полушубокъ и кафтанъ изъ толстаго сукна, выдѣлываемаго изъ бараньей шерсти, русскіе мужицкіе или солдатскіе не смазанные сапоги или сафьяные сапоги калмыцкаго покроя съ высокими каблуками. Если бѣдный надѣваетъ сафьяные чулки, то рѣдко въ цѣломъ состояніи, а большею частію съ безчисленнымъ множествомъ заплатокъ.

«Бѣдный классъ, пишетъ А. Архиповъ, довольствуется грубою одеждой, приготовляемой дома. Нагольный полушубокъ, простой бешметъ, армякъ изъ толстаго сукна, мужицкіе или солдатскіе сапоги, купленные гдѣ-попало, поршни для домашнихъ работъ, шапка и прочая принадлежность—все грязное, оборванное, изношенное. Праздничные костюмы нѣсколько опрятнѣе и цѣннѣе, но съ неизбѣжными прорѣхами, заплатами изъ всевозможныхъ тряпокъ и съ наставками самыми пестрыми и разнообразными. Нерѣдко встрѣтить можно такихъ оборванныхъ господъ, живя въ аулахъ, что, право, трудно бываетъ рѣшить, что такое напялено па ихъ плечи. Напримѣръ: бешметъ, потерявшій свой верхній слой отъ усердной долговременности, держится еще на немъ кое-какъ, скрѣпляясь проношенною подкладкой и совершенно сливаясь съ загорѣлою кожею тѣла, тоже проношеннаго чуть не до дыръ. Иной щеголяетъ въ остаткахъ солдатской шинели, безъ пуговицъ, конечно безъ воротника и рукавовъ, отслужившихъ вѣкъ свой вѣрою и правдой многимъ владѣльцамъ. Словомъ, правовѣрный ногай, смотрящій на все окружающее его, какъ и на самого себя, съ подобающимъ хладнокровіемъ и безстрастіемъ, не чуждается никакихъ лохмотьевъ. Нѣтъ обноска, который-бы ему не пригодился. Все это нашивается слоями на всякую новую прорѣху и копится на спинѣ и бокахъ сряду по нѣскольку лѣтъ».

Женщины зажиточныхъ семействъ носятъ желтую или красную рубаху, полосатыя или узорчатыя ситцевыя шаровары, бѣлый коленкоровый *тастаръ* (покрывало), красныя или желтыя сафьяныя туфли или башмаки. Поверхъ рубахи онѣ надѣваютъ красный канаусовый или изъ другой какой матеріи бешметъ, съ пришитыми на груди серебряными петлицами (тёсъ-тюйме); иногда пришиваютъ къ бокамъ серебряные бубенчики. Поверхъ бешмета носятъ красный сафьяный поясъ, съ большими пуговицами изъ серебра и съ такими-же большими застежками (кусакъ), со вдѣланными въ нихъ блѣдновато-мутнаго розоваго цвѣта *мекксkими* камнями. Въ одной изъ ноздрей и ушахъ носятъ серебряныя или стальныя кольца и серьги, а на рукахъ серебряные и мѣдные браслеты. «Молодыя и замужнія женщины носятъ часто на лбу или подъ подбородкомъ серебряное украшеніе *бетъ-аякъ*, состоящее изъ серебряныхъ цѣ-

почекъ и колечекъ, укрѣпленныхъ концами къ серьгамъ, вдѣтымъ въ разодранные ихъ тяжестію уши».

Серебряныя украшенія составляютъ страсть ногайской женщины. Бѣдная, оборванная и грязная, она прикрѣпляетъ къ своимъ лохмотьямъ нѣсколько серебряныхъ монетъ или даже серебряные разрозненные и изломанные крючки и довольна тѣмъ, что имѣетъ блестящую бездѣлку.

Головной уборъ замужней женщины составляетъ небольшой платокъ или просто кусокъ холста, обматываемый вокругъ головы, сверхъ котораго накидывается неразлучный *тастаръ* (покрывало), опускающійся назади почти до пятокъ. Богатыя женщины носятъ на себѣ бѣлую канаусовую *чадру* (то же покрывало), обшитую по краямъ золотыми монетами, а бѣдныя ограничиваются простымъ холстинковымъ покрываломъ, но какъ тѣ, такъ и другія тщательно скрываютъ отъ постороннихъ свое лицо, выставляя для любопытныхъ только одинъ глазъ.

Дѣвушки до замужества, вмѣсто *тастара*, носятъ мѣховыя шапочки съ красными верхушками, обшиваемыми на-крестъ или серебрянымъ галуномъ, или тесемками изъ литаго серебра, съ такою же серебряною маковкою на верхушкѣ. Этотъ послѣдній уборъ весьма красивъ на гладко-причесанныхъ, смолисто-блестящихъ волосахъ, въ которые заплетается, въ видѣ жгута, *шашьбау*—бѣлое полотенце, скрученное жгутомъ и опускающееся позади почти до самой земли. Бешметы также носятъ и дѣвушки, но онѣ больше всего любятъ кафтаны изъ ярко-краснаго сукна, надѣть который считаютъ самымъ большимъ щегольствомъ.

По образу жизни, ногайцы болѣе осѣдлы, чѣмъ калмыки. Хотя очень немногіе изъ ногайцевъ живутъ въ земляно-соломенныхъ, а тѣмъ болѣе деревянныхъ сакляхъ, но за то почти всѣ, за исключеніемъ самыхъ бѣдныхъ и одинокихъ, имѣютъ въ ряду своихъ кибитокъ *бáзы*, окопанные кругомъ и обнесенные или просто глиняными, или глиняно-кирпичными стѣнами. У нихъ есть конюшни, въ которыхъ съ достаточнымъ удобствомъ помѣщается малый, а при нуждѣ и рогатый скотъ.

Осѣдлые ногайцы живутъ въ мазанкахъ, расположенныхъ обыкновенно весьма неправильно и тѣсно. Закубанскіе же ногайцы всѣ живутъ осѣдло въ домахъ, такъ что въ аулахъ ихъ рѣдко можно встрѣтить кибитку.

Все семейство кочующаго кара-ногайца, какъ-бы велико ни было, помѣщается въ одной кибиткѣ; только у нѣкоторыхъ, болѣе богатыхъ, имѣется другая кибитка, для низшихъ членовъ семьи, кладовой и кухни. Въ кибиткѣ всегда грязно, душно и тѣсно.

Кибитка кара-ногайца обита снаружи войлокомъ и для входа имѣетъ небольшое отверстіе, закрываемое также войлокомъ. Сверху кибитки сдѣлана отдушина, для прохода дыма; въ ненастную погоду, она закрывается большимъ кускомъ полости, прикрѣпленной къ жердямъ кибитки. Такой домъ не болѣе, какъ въ полчаса можетъ быть разобранъ и уложенъ на арбу; на другую

арбу еще скорѣе укладываютъ *хурда-мурда*, домашнюю рухлядь, и семейство готово въ походъ. Кибитки эти называются *терме*, въ отличіе отъ *ошевъ*— кибитокъ не разбираемыхъ при кочевкѣ, а устанавливаемыхъ прямо на арбу со всѣмъ скарбомъ, курами и собаками. Тамъ же помѣщается и семейство, не нарушая своихъ обычныхъ занятій.

Если подобное жилище очень удобно лѣтомъ, за то зимою оно весьма плохо защищаетъ отъ стужи, страшной степной вьюги и сильнаго холоднаго вѣтра, врывающагося со свистомъ въ дырья кибитки. «Тогда дѣтишки кара-ногайца, голыя или въ однихъ оборванныхъ рубашенкахъ, прячутся подъ овчины и дрожатъ какъ листъ, а хозяинъ кибитки, съ болѣе взрослыми членами семьи, сидитъ скорчившись возлѣ скромнаго огонька и отогрѣваетъ окоченѣвшія свои руки».

Небольшая кучка кизяка мало предохраняетъ отъ холода; недостатокъ топлива значительно ощущается кара-ногайцами. Заготовленіе его лежитъ на обязанности женщинъ, которыя, не смотря ни на какую погоду, окутанныя въ свои закоптѣвшія отъ дыму чадры и легко одѣтыя, бродятъ «какъ тѣни по степи» и съ большимъ трудомъ собираютъ небольшія кучки бурьяну и изрѣдка кизяку.

«Во время продолжительныхъ *шурановъ* (жестокихъ степныхъ мятелей), въ кибитку, гдѣ съ трудомъ помѣщается семейство ногайца, загоняются телята, бараны, козы для предохраненія ихъ отъ гибели. Крупный скотъ, лошади и верблюды, оставляются на произволъ судьбы. Нерѣдко гибнутъ цѣлыя стада и, изъ богатаго, ногаецъ на другой день дѣлается такимъ же *байгушемъ* (нищимъ), какъ и многіе его собраты.

Эта послѣдняя невзгода заставляетъ ногайца осенью, по возвращеніи съ заработковъ, устанавливать свою кибитку гдѣ-нибудь въ ложбинѣ, защищенной отъ вѣтровъ, и тамъ онъ, въ теченіе всей зимы, предается полнѣйшему бездѣйствію. Всѣ домашнія занятія, обязанности и заботы лежатъ на попеченіи женщины. Такой усиленный трудъ дѣлаетъ ихъ неопрятными и чрезвычайно апатичными ко всему. Онѣ доятъ коровъ, носятъ воду, заготовляютъ кизякъ и запасаются бурьяномъ на топливо, ткутъ сукно и полости, выдѣлываютъ овчины, кормятъ дѣтей, обшиваютъ и одѣваютъ мужей, разбираютъ и собираютъ кибитку при перекочевкахъ, готовятъ пищу и, случается, отправляются въ поле пасти скотъ. Самъ ногаецъ остается празднымъ зрителемъ утомительнаго труда своей жены и старается облегчить его только тѣмъ, что обзаводится нѣсколькими женами-работницами.

Каждый ногаецъ можетъ имѣть нѣсколькихъ женъ, и всѣ онѣ, по магометанскому закону, не только рабы своего мужа, но и старшаго члена въ семействѣ. Послѣдній пользуется особымъ уваженіемъ всѣхъ членовъ семьи; его слово—законъ для всѣхъ остальныхъ, ему принадлежитъ лучшій кусокъ пищи. Имущество нераздѣльно: каждый трудится на общую пользу своей семьи. Же-

натые сыновья живутъ вмѣстѣ съ отцомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не отдѣлитъ ихъ, т. е. дастъ кибитку, нѣсколько штукъ рогатаго скота и барановъ.

Между женщинами въ семействѣ существуетъ также чинопочитаніе. Младшая слушаетъ старшую, и жена хозяина повелѣваетъ всѣми женщинами и даже младшими женами своего мужа, если у него ихъ нѣсколько.

Ссора и драка рѣдко бываютъ въ семействѣ, но если и случаются, то онѣ кончаются обыкновенно бранью и поплевками, и судъ главы семейства скоро рѣшаетъ споръ и уничтожаетъ ссору. Супружеская нравственность народа стоитъ на высокой степени: незаконно-рожденныхъ дѣтей почти нѣтъ между ногайцами, и въ особенности между кара-ногайцами (1).

II.

Религія ногайцевъ и ихъ суевѣріе. — Праздники. — Народныя увеселенія: борьба и танцы. — Свадьба, рожденіе и похороны. — Ногайскія пѣсни.

Утративъ свою племенную особенность и распавшись на нѣсколько отдѣльныхъ поколѣній, ногайцы не сохранили особенности въ правахъ и обычаяхъ. Такъ, бештау-кумскіе и калаусо-джембойлуковскіе ногаи, у которыхъ большая часть родственниковъ живетъ за Кубанью, приняли много обычаевъ отъ черкесовъ и кабардинцевъ, будучи въ частыхъ сношеніяхъ съ ними. Заимствованіе чужихъ обычаевъ привело къ тому, что многіе обряды у этихъ ногайцевъ вышли смѣшанными, не похожими ни на ногайскіе, ни на черкескія. Кара-ногайцы также не сохранили многихъ своихъ коренныхъ обычаевъ, а заимствовали ихъ отъ разныхъ окружающихъ ихъ сосѣдей.

Исповѣдуя магометанскую религію, ногайцы принадлежатъ къ двумъ различнымъ сектамъ: калаусо-джембойлуковцы, калаусо-саблинцы, бештау-кумцы, закубанскіе ногайцы и кара-ногайцы слѣдуютъ Омаровому ученію суннитскаго толка, а остальные принадлежатъ къ послѣдователямъ Алія, шіитскаго толка.

Религіозныя понятія обѣихъ сектъ состоятъ въ слѣпой вѣрѣ корану — ихъ единственной книгѣ, и къ толкователямъ корана—духовенству.

На прямой обязанности послѣдняго лежитъ забота слѣдить за тѣмъ, чтобы

(1) О караногайской степи и кочующихъ на ней племенахъ А. Руновскій Кавказъ 1863 года № 48 и 50. Три отрывка изъ сочиненія о ногайцахъ и туркменахъ А. П. Архипова Кавказъ 1855 г. № 29, 31. Этнографическій очеркъ ногайцевъ и туркменъ А. Архипова Кавказс. Календ. на 1859 г. О кавказской линіи Дебу изданіе 1829 г. Татарское племя на Кавказѣ. Кавказъ 1859 г. № 87, 90 и 91. Таукъ и куразъ. Агаѳангела Архипова Кавказъ 1851 г. № 70. О климатѣ и почвѣ Ногай-Кара-Ногайскихъ степей Агаѳангела Архипова Запис. кавказскаго общес. сельскаго хозяйства 1860 г. № 1 и 2.

народъ строго исполнялъ свои обряды, чтобы онъ не заблуждался въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и не пускался въ неумѣстные толки и разсужденія о религіи.

Хотя ногайское духовенство само находится на низкой степени развитія и даже малограмотно, тѣмъ не менѣе оно приняло на себя обязанность обучать юношество правиламъ благочестія, строгаго отправленія и знанія религіозныхъ обрядовъ. Впрочемъ многіе изъ ногайцевъ, сознавая несостоятельность своего духовенства въ этомъ отношеніи, отдаютъ своихъ дѣтей на воспитаніе къ за-теречнымъ татарамъ, гдѣ онѣ и обучаются татарской грамотѣ.

Сверхъ прямыхъ своихъ обязанностей, *кадіи*, *наибы*, *ахуны*, *эфендіи* и *муллы* успѣли захватить въ свои руки власть, какъ духовную, такъ и гражданскую. На обязанности ногайскаго духовенства лежитъ соединеніе новобрачныхъ, отправленіе обрядовъ погребенія, раздѣлъ и распредѣленіе наслѣдства, разборъ жалобъ, касающихся совѣсти или супружескихъ обязанностей, съ соблюденіемъ при этомъ всѣхъ правилъ шаріата. Духовенство же обрѣзываетъ новорожденныхъ, но впрочемъ не исключительно, потому что этимъ можетъ заниматься каждый ногай, знакомый съ этимъ дѣломъ, и даже женщины нерѣдко занимаются этого рода ремесломъ.

Словомъ сказать, ногайское духовенство вмѣшивается во всѣ дѣла, какія вообще, по его мнѣнію, относятся до религіи и охраненія народной нравственности. Пріобрѣтая этимъ самымъ значеніе и силу и желая сохранить ихъ за собою, духовенство не могло одобрить появлявшихся въ новѣйшее время проповѣдниковъ или шейховъ и, конечно, употребляло всѣ мѣры къ тому, чтобы устранить ихъ подъ разными предлогами, объявляя поученія ихъ вредными для народа.

Магометане-ногайцы, не отвергая четырехкнижія Моисея (тауратъ), псалтыря (зубуръ) и евангелія (инджиль), считаютъ, однако, коранъ совершеннѣйшею книгою откровенія и закона Божія. Основываясь на немъ, они вѣруютъ въ единаго Бога, но не признаютъ въ немъ трехъ лицъ божества и возстаютъ противъ идолопоклонства. Считая отъ Адама до Моисея, болѣе 120000 пророковъ бывшихъ на землѣ, мусульмане признаютъ Магомета послѣднимъ и высшимъ пророкомъ. Слѣпо вѣрятъ въ *такдиръ* (предопредѣленіе), въ существованіе духовъ добрыхъ и злыхъ и убѣждены, что послѣдніе подстрекаютъ человѣка къ грѣху; вѣруютъ въ воскресеніе мертвыхъ, страшный судъ, въ существованіе рая и ада.

Религіозные обряды и праздники закубанскихъ, да и вообще всѣхъ ногайцевъ, будучи совершенно сходны и одинаковы съ обрядами прочихъ магометанъ суннитскаго толка, весьма немногочисленны. Въ теченіе всего года они отправляютъ только два главнѣйшихъ религіозныхъ праздника: *Ораза-Байрамъ* или, какъ называетъ простой народъ, просто Байрамъ и *Курбанъ-Байрамъ*.

Первый празднуется преимущественно только одинъ день и установленъ въ честь воспоминанія о ниспосланіи корана, а послѣдній три дня, въ память

принесенной Авраамомъ жертвы, которою они почитаютъ не Исаака, а какого-то своего родоначальника Измаила.

Каждый ногаецъ, даже и самый бѣдный, запасается заранѣе къ празднику жертвеннымъ бараномъ, чурекомъ и чаемъ. Затѣмъ избираютъ внутри аула мѣсто для совершенія праздника, куда всѣ и собираются. По окончаніи поста, предшествующаго празднику, едва только на горизонтѣ покажется свѣтлый рогъ луны, какъ во всѣхъ закаулкахъ аула подымается шумъ и гамъ.

— Байрамъ! Байрамъ! кричатъ правовѣрные и, упавъ ницъ, совершаютъ радостную молитву Аллаху.

Котлы кипятъ въ этотъ день одинаково и у бѣднаго и у богатаго, только содержаніе въ котлахъ бываетъ не одно и тоже. Повсюду слышенъ радостный шумъ, музыка и пѣніе; народъ снуетъ изъ кибитки въ кибитку, изъ сакли въ саклю. Все одѣто по праздничному въ новомъ разноцвѣтномъ платьѣ. Муллы въ новыхъ чалмахъ, «всѣ въ новыхъ чекменяхъ, въ красныхъ сафьяныхъ сапогахъ, въ чистенькихъ свѣтленькихъ туфляхъ; зажиточные въ тонкомъ синемъ, черномъ, зеленомъ или красномъ суснѣ; бѣдные—въ черкескомъ; всѣ подпоясаны яркихъ цвѣтовъ шелковыми поясами, на которыхъ повѣшены коротенькіе ножи—единственное всегдашнее оружіе ногайца—оправленные у однихъ въ серебро, у другихъ въ золото.

«Дѣвушки, эти скромницы при постороннихъ, рѣзвыя на единѣ, одѣтыя въ шелковое платье и термаламовые бешметы или въ парчевыя фуфайки и глянцовитый атласъ, въ цвѣтные шальвары изъ канауса и въ эти ревнивыя чадры и съ опускающимися до самой земли косами, заплетенными въ жгуты съ бѣлою матеріею и лентами», бродятъ игривыми толпами, по мягкой муравѣ или въ тишинѣ кибитокъ, слушаютъ разсказы старухъ и занимательныхъ разсказчиковъ, оживленныхъ крѣпкимъ кымызомъ и неутомимымъ вниманіемъ своихъ слушательницъ...

Сотни барановъ и множество быковъ рѣжатся въ этотъ день богатыми на угощеніе многочисленныхъ гостей, и предоставляются ими десятки барановъ и быковъ въ распоряженіе бѣднаго народа, который кормится въ этотъ день на счетъ богатыхъ.

Здѣсь производятся народныя увеселенія: борьба, скачка, а иногда стрѣльба въ цѣль. Женщины и дѣвушки принимаютъ участіе и стекаются со всѣхъ сторонъ на праздникъ. Имъ предоставляется право присуждать побѣдителямъ и удальцамъ преміи и призы, добровольно жертвуемые въ подобныхъ случаяхъ. Призы эти состоятъ изъ шелковыхъ и бумажныхъ поясовъ, платковъ, шапокъ и красныхъ, сафьяныхъ, остроконечныхъ башмаковъ безъ подошвы, а богатые дарятъ барановъ, коровъ и даже лошадей.

Сытный обѣдъ, веселый видъ отъ горячительныхъ напитковъ, пѣсни, музыка, борьба и скачка—вотъ отличительныя черты этого дня.

У кара-ногайцевъ празднику Ораза-Байрамъ предшествуетъ точно также трид-

цати-дневный постъ, кончающійся въ послѣднихъ числахъ марта мѣсяца. Во время поста кара-ногайцы, какъ и всѣ мусульмане, въ теченіе дня, отъ восхода до заката солнца ничего не ѣдятъ, но за то ночью вознаграждаютъ свои желудки съ избыткомъ. За постомъ слѣдуетъ праздникъ, продолжающійся три дня и отличающійся отъ обыкновенныхъ дней тѣмъ, что каждый кара-ногаецъ, какъ бы бѣденъ онъ ни былъ, рѣжетъ для семьи барана, которымъ отъѣдается за цѣлый годъ, приготовляя изъ него *маханъ* (вареная баранина) и *бишбармакъ* (таже баранина съ сорочинскимъ пшеномъ). Въ праздникъ люди пожилые стараются не вставать лишній разъ, чтобы не нарушить кейфа, а молодые занимаются скачками, пѣніемъ и танцами.

Танцы ногайцевъ вялы и состоятъ въ топтаніи на одномъ мѣстѣ. Нѣтъ ни граціи, ни бросающейся въ глаза художественной позы: танцующіе выдѣлываютъ, какъ-бы по командѣ, разныя движенія руками и ногами, движенія, впрочемъ, далеко не граціозныя.

Очень часто, одновременно съ танцами, гдѣ-нибудь въ сторонѣ, происходитъ борьба. Зрители садятся въ кружокъ, а на средину его выходятъ двое состязателей, сбросившіе съ себя лишнюю одежду и даже обувь, чтобы тверже опираться о землю. Взявшись за ремни, которыми каждый изъ борящихся крѣпко опоясанъ, они стараются повалить другъ друга. При равной силѣ это состязаніе продолжается довольно долго, пока одинъ не повалитъ другаго, при одобрительныхъ крикахъ зрителей. Сѣвъ по срединѣ кружка, побѣдитель вызываетъ новыхъ желающихъ на состязаніе съ собою, и если ему удается побороть двухъ или трехъ, то получаетъ призъ. Въ случаѣ сомнѣнія, кто остался побѣдителемъ, является споръ, разрѣшаемый общимъ совѣтомъ. Каждый аулъ старается отстоять своего представителя, оттого и пренія совѣта бываютъ часто продолжительны.

Женщины, и преимущественно молодыя дѣвушки, принимаютъ также участіе въ увеселеніяхъ этого рода. Закутанныя въ свои бѣлыя чадры и одѣтыя въ лучшія платья, садятся онѣ на арбы и отправляются въ поле смотрѣть на джигитовку молодыхъ парней.

Ровно черезъ два мѣсяца, ногайцы празднуютъ въ теченіе трехъ дней *Курбанъ-Байрамъ*.

Утромъ, послѣ извѣтной молитвы, каждое семейство непремѣнно рѣжетъ барана въ видѣ жертвы, варитъ мясо и съѣдаетъ его, считая при этомъ своею обязанностью пригласить къ себѣ каждаго пріѣзжаго и угостить его приготовленнымъ кушаньемъ.

Кромѣ этихъ двугъ праздниковъ, всѣ ногайцы празднуютъ *джюма* (пятница), или еженедѣльный отдыхъ. Впрочемъ въ этотъ день не работаютъ только строгіе блюстители обрядовъ и установленій религіи.

Изъ гражданскихъ праздниковъ можно упомянуть только о встрѣчѣ новаго года, который ногайцы празднуютъ 10-го сентября по нашему стилю. День

этотъ встрѣчается гульбою, играми, состоящими преимущественно въ скачкахъ и джигитовкѣ, при которой джигиты стараются показать свое удальство, такъ много цѣнимое ногайцами. Нѣкоторые ногайцы, не слѣдующіе строго ученію Магомета, встрѣчаютъ новый годъ съ наступленіемъ весны, а другіе, какъ напримѣръ тѣ, которые живутъ не далеко отъ Пятигорска и Кабарды, считаютъ своею обязанностію, подобно кабардинцамъ, передъ наступленіемъ новаго года сходить къ урочищу Татаръ-тупа, поклониться духу горъ.

Однообразіе въ религіи съ прочими кавказскими племенами дѣлаетъ ногайцевъ сходными съ ними по суевѣрію и предразсудкамъ, такъ что въ этомъ отношеніи ногайцы не имѣютъ много характеристическихъ особенностей. Мы укажемъ только на нѣкоторыя. Такъ, вечеромъ или въ ночное время, въ ногайскихъ аулахъ можно слышать часто повторяющіеся выстрѣлы. Туземцы дѣлаютъ это съ тѣмъ полнымъ убѣжденіемъ, что запахъ пороха вѣрнѣйшее средство, которое предохранитъ ихъ стада овецъ отъ посѣщеній волка. Каждый ногаецъ благоговѣетъ передъ орломъ (по ногайски кара-гузъ), считая его страшною для себя птицею.

— Кара-гуза, говоритъ ногаецъ, не всякій мусульманинъ рѣшится убить— сказываютъ грѣхъ. Однажды батырь Искендеръ убилъ нечаянно кара-гуза— Аллахъ тотчасъ же наказалъ его: другой кара-гузъ унесъ у него ребенка.

Кара-ногайцы вѣрятъ въ существованіе огромнаго водянаго змѣя, который, если выпрямится, головою касается тучъ, а хвостомъ остается въ водѣ. Подымаясь, онъ страшно шумитъ, трещитъ и, при паденіи, разсыпаетъ безчисленныя искры. Родится этотъ змѣй отъ лани, живетъ въ рѣкѣ или морѣ и существуетъ до тѣхъ поръ, пока лань не произведетъ на свѣтъ другое такое же чудовище, что случается обыкновенно черезъ сто лѣтъ. Если кто-нибудь осмѣлится близко подойти къ жилищу змѣя, того онъ хватаетъ и уноситъ съ собою въ пучину, и тогда никто не въ состояніи оказать несчастному помощи.

Народъ вѣритъ въ существованіе добрыхъ и злыхъ невидимыхъ духовъ; первые защищаютъ ногайцевъ, а вторые занимаются порчею, какъ человѣчества, такъ и скота. Однакоже порча человѣка и скотины отъ вліянія дурнаго глаза несравненно хуже порчи отъ злаго духа. Для защиты отъ подобныхъ и другихъ несчастій, ногайцы носятъ, зашитыми на спинѣ въ разноцвѣтный четырехугольный лоскутъ ситцу, разныя заклинательныя молитвы изъ корана. Во время болѣзни лекарствъ не принимаютъ, а употребляютъ, иногда, внутренности зарѣзаннаго барана и оборачиваютъ больное мѣсто теплою его шкурою; чаще-же въ подобныхъ случаяхъ читаютъ молитвы.

Баранья овчина, только что снятая, еще теплая, употребляется преимущественно противъ болѣзней простуднаго свойства. Ногайскіе *имщеляры*, или лекаря, объясняютъ цѣлебное дѣйствіе овчины тѣмъ, что она возбуждаетъ

испарину и приводитъ въ правильное состояніе испорченную поляризацію крови. Изъ другихъ способовъ леченія, у ногайцевъ въ большомъ ходу кровопусканіе—изъ рукъ, ногъ, лба и даже изъ нижней стороны языка.

Кара-ногайцы больше всего боятся марта мѣсяца. Климатическія условія мѣстности, на которой обитаютъ они, таковы, что часто въ февралѣ бываетъ оттепель, появляется трава, и едва жители, пользуясь этимъ, выпустятъ свои стада на подножный кормъ, какъ въ мартѣ мѣсяцѣ наступаютъ нерѣдко такіе холода, что скотъ гибнетъ, а сами жители не могутъ показаться изъ кибитки. Оттого въ устахъ народа сложилась поговорка: *прошелъ мартъ—прошло и горе.*

У кара-ногайцевъ, относительно марта, существуетъ особая легенда. Туземцы говорятъ, что прежде мартъ имѣлъ только тридцать дней, а одинъ день еще прибавился къ марту по особому случаю.

У одного изъ жителей погибло въ теченіе марта много скота. Когда насталъ послѣдній мартовскій день, бѣдный ногаецъ всталъ рано поутру, вышелъ изъ кибитки и съ сердцемъ сказалъ марту:

— Теперь, братъ, я тебя не боюсь, убирайся къ чорту, вотъ тебѣ кукишъ; завтра настанетъ апрѣль, будетъ хорошая погода и скотина моя поправится.

Оскорбленный мартъ «сталъ просить у апрѣля уступить ему одинъ изъ своихъ дней; тотъ согласился, и на другой день случился такой морозъ и мятель, что у ногайца пропалъ остальной скотъ и онъ на всегда остался *байгушемъ* (бѣднякомъ)».

— Счастливы вы, сказалъ тогда мартъ ногайцамъ, что Богъ поставилъ меня въ концѣ зимы. Если бы мое мѣсто было среди зимы, тогда бы я показалъ вамъ себя. Я бы уничтожилъ васъ со всѣмъ имуществомъ и разсѣялъ прахъ по всей землѣ.

Съ этого времени, мартъ остался на всегда въ тридцать одинъ день.

Всѣ вообще ногайцы имѣютъ множество предразсудковъ и вѣрятъ въ безчисленныя примѣты. Перебѣжавшій, напримѣръ, поперегъ дороги заяцъ означаетъ несчастіе; всякій же другой звѣрь или змѣя—счастіе. Если лошадь, на которой собираются ѣхать, зѣваетъ, то это означаетъ успѣхъ и удачу въ предпріятіи, а если она ржетъ— значитъ дурно и не будетъ удачи. Вой собаки предвѣщаетъ заразительную болѣзнь или несчастіе; несвоевременное пѣніе пѣтуха—несчастіе для семейства, въ отвращеніе котораго необходимо зарѣзать пѣтуха какъ можно скорѣе. Крикъ пѣтуха ровно въ полночь или на зарѣ принимается какъ небесный голосъ ангела, будящаго хозяина на молитву; увидѣть до обѣда волка, а послѣ обѣда лисицу—хорошій знакъ, а обратно—дурной. Два раза выносить огонь изъ кибитки дурная примѣта.

Каждый тринадцатый годъ считается несчастнымъ; въ прежнее время ни одинъ ногаецъ не ходилъ въ сраженіе раньше четырнадцатилѣтняго возраста. Двадцать-шестой и тридцать-девятый года жизни человѣка также несчастны

для него. Съ наступленіемъ этихъ двухъ лѣтъ, многіе изъ погайцевъ не носятъ оружія, изъ боязни, что оно можетъ обратиться на погибель носящаго и причинить ему смерть. Ногайцы разсказываютъ, что завѣтъ не носить въ эти года оружія переданъ имъ однимъ пророкомъ, и, говорятъ, что никто не возвращался изъ отправлявшихся на войну въ эти несчастные годы возраста. Въ прежнее время, съ наступленіемъ роковыхъ лѣтъ, каждый ногаецъ болѣе постился, ему запрещено было вступать въ бракъ и носить на себѣ тяжесть въ одинъ фунтъ. По прошествіи этихъ годовъ, если съ ногайцемъ не случилось несчастія, то онъ дѣлалъ для друзей и родственниковъ большой пиръ, на которомъ съ радости напивался самъ до нельзя.

Если случается, что въ день свадьбы ногайца бываетъ пасмурная погода, то это предвѣщаетъ несчастіе новобрачнымъ, а ясная и тихая погода—миръ и тишину.

Свадьбѣ обыкновенно предшествуетъ сватовство, которое ногайцы заводятъ между собою еще тогда, когда жениху и невѣстѣ бываетъ не болѣе семи лѣтъ отъ роду, а иногда и ранѣе этого срока. Отецъ мальчика отдаетъ по уговору калымъ—плата за невѣсту—отцу дѣвочки или тотчасъ, или въ извѣстный срокъ, мулла читаетъ молитву и дѣти считаются обрученными. Подобныя преждевременныя условія ведутъ къ большимъ неудобствамъ. Браки совершаются большею частію между семействами одинаковаго состоянія. Два семейства, заключившія преждевременно условія о бракосочетаніи ихъ дѣтей, перессорятся въ послѣдствіи; часто одно изъ нихъ обѣднѣетъ, свадьба растроивается, а между тѣмъ полученный калымъ растраченъ—и тяжба начинается. Примѣры, чтобы богатое семейство породнилось съ бѣднымъ очень рѣдки: развѣ невѣста красавица или между женихомъ и невѣстой возникнутъ такія узы, которыя препятствуютъ ихъ разъединенію.

Похищеніе невѣстъ изъ дома родителей считается большимъ удальствомъ, и часто смѣльчакъ дорого расплачивается за свой отважный поступокъ.

Если калымъ въ срокъ не уплаченъ, то отецъ невѣсты въ правѣ отказать жениху и заключить условіе съ другимъ ногайцемъ. Обрученные часто ростутъ не зная другъ друга; женихъ можетъ посѣщать свою невѣсту, но оставаться съ нею на единѣ или вступить въ связь — не допускается ни въ какомъ случаѣ.

Самая свадьба не сопровождается нынѣ никакими характеристичными особенностями. Передъ свадьбою отецъ жениха прежде всего приглашаетъ нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ со стороны невѣсты и, въ сопровожденіи духовнаго лица, отправляется къ ея родителямъ. По прочтеніи краткой молитвы, дѣвушку сажаютъ въ нарочно приготовленную для нея брачную арбу, раскрашенную иногда въ разные цвѣта и называемую *куйме*; въ эту же арбу укладывается и все имущество невѣсты, если его немного, а въ противномъ случаѣ снаряжаютъ нѣсколько арбъ.

Если невѣста дѣвушка, то надъ брачною арбою устанавливаютъ брачную кибитку *отауй*, а если выходящая за-мужъ вдова, то ее отправляютъ въ домъ жениха въ открытой арбѣ. Передъ отправленіемъ поѣзда, на прощанье, провизжитъ передъ невѣстою *домра*—двухструнная балалайка, туземный пѣвецъ пропоетъ пѣсню и охотники поплясать покажутъ свое искуство. За тѣмъ арба сопровождается не только родственниками и знакомыми, но и огромною толпою народа, которому дѣлаются разные подарки, смотря по состоянію новобрачныхъ. Отъ степени достаточности брачущихся зависитъ многочисленность ихъ свиты.

Джигитовка и скачка на перегонки другъ съ другомъ составляють исключительное разнообразіе брачнаго поѣзда.

Если женихъ и невѣста не богаты, то первый посѣщаетъ свою невѣсту въ ея домѣ, до тѣхъ поръ пока не выплатитъ калымъ, и потомъ уже перевозитъ къ себѣ свою суженую.

Для угощенія гостей собравшихся на свадьбу закалываютъ коровъ и барановъ, а богатые и лошадей, что бываетъ, впрочемъ, очень рѣдко, потому что мясо лошади считается большимъ лакомствомъ и эту роскошь могутъ допустить себѣ только щедрые *баи* (богачи). Гостей угощаютъ калмыцкимъ чаемъ, или кымызомъ, а также бузою, приготовленною изъ муки. Борьба силачей, скачка, стрѣльба изъ ружей и пистолетовъ, музыка, пѣніе и, наконецъ, монотонная восточная пляска, часто сопровождаютъ свадьбы. Ногайскія пѣсни преимущественно заключаютъ въ себѣ сравненіе, уподобленіе, и нравоученіе. Историческихъ пѣсенъ очень мало. Напѣвъ всѣхъ пѣсенъ монотоненъ, грустенъ, какъ грустна ихъ жизнь и окружная природа.

Единственными ногайскими музыкальными инструментами служатъ: *домра*, нѣчто въ родѣ балалайки, и *кобузъ*, инструментъ похожій на скрипку съ двумя струнами изъ волоса. Подъ звуки этихъ музыкальныхъ инструментовъ ногаецъ поётъ заунывнымъ голосомъ, «понижая его съ окончаніемъ послѣдняго слова каждаго куплета и растягивая при этомъ ноту до возможной степени. А между тѣмъ онъ въ это время сильно ударяетъ по струнамъ, какъ бы желая затушить накипѣвшую въ груди горечь. За небольшимъ речетативомъ продолжается въ томъ же видѣ слѣдующій куплетъ пѣсни [1]».

Въ свадебныхъ увеселеніяхъ ногайцевъ нѣтъ удали, проворства, а напротивъ того: въ нихъ лежитъ что-то тихое и спокойное, какъ и сама степь гдѣ они кочуютъ.

Въ прежнее время въ честь новобрачной завязывался примѣрный бой на двѣ стороны. Съ обнаженными саблями ногайцы бросались другъ на друга и

[1] Желающіе ближе познакомиться съ пѣснями ногайцевъ могутъ найти ихъ въ газетѣ Кавказъ 1863 г. № 50 и 51.

старались нанести легкія раны, изъ которыхъ бы вытекло нѣсколько капель крови: это служило предзнаменованіемъ, что сыновья молодой со временемъ будутъ знаменитые воины.

Съ выходомъ въ замужество дѣвушка покрывается *тастаромъ* (бѣлое покрывало) и цѣлый годъ остается въ кибиткѣ *отауй*. Никто изъ постороннихъ мужчинъ не можетъ ея видѣть; даже и во все время пребыванія своего въ саклѣ, она находится подъ покрываломъ. Только мужъ, ея подруги и нѣкоторые родные могутъ ее видѣть.

Ногаецъ только въ случаѣ крайней необходимости станетъ говорить съ своею женою при постороннихъ, а новобрачный какъ будто боится и совѣстится взглянуть днемъ на *отауй* или пройти мимо его, до истеченія урочнаго времени затворнической жизни молодой, которая снимаетъ съ себя покрывало по истеченіи года или, тогда, когда подаритъ молодаго мужа ребенкомъ.

Съ рожденіемъ ребенка родственники и друзья отца новорожденнаго становились, въ прежнее время, у воротъ отцовскаго дома и производили ужасный шумъ и бряцанье молотками въ пустые котлы, чтобы тѣмъ, какъ говорятъ ногайцы, устрашить и прогнать отъ дитяти дьявола. Теперь этотъ обычай почти вышелъ изъ употребленія. Новорожденному дается имя отцомъ или кѣмъ либо изъ постороннихъ уважаемыхъ лицъ. По магометанскому закону, младенецъ мужескаго пола можетъ оставаться необрѣзаннымъ до 2-хъ и даже до 8-ми лѣтъ, смотря по желанію родителей. Для производства такой операціи приглашается или духовное лицо, или искусникъ въ этомъ дѣлѣ.

Когда ногаецъ умираетъ, то родственники съ послѣднимъ его вздохомъ тотчасъ извѣщаютъ своихъ близкихъ друзей и знакомыхъ о постигшемъ ихъ несчастіи. Отовсюду собирается огромная толпа, особенно если умершій, передъ своею кончиною, завѣщалъ хорошій капиталъ для своихъ похоронъ и поминокъ, бывающихъ по окончаніи года.

Не доѣзжая нѣсколькихъ шаговъ до кибитки или сакли покойника, посѣтители сходятъ съ своихъ лошадей и, своимъ раздирательнымъ стономъ, крикомъ и отчаяннымъ сѣтованіемъ, даютъ знать о своемъ прибытіи для того, чтобы раздѣлить общую горесть съ осиротѣвшимъ семействомъ. Прочтя за тѣмъ обычные стихи изъ корана, посѣтитель входитъ въ домъ умершаго, гдѣ раздается постоянный плачъ и рыданіе. За тѣмъ, по окончаніи оплакиванія, покойника относятъ на кладбище и опускаютъ въ могилу, надъ которою ногайцы ставятъ камень, вышиною въ аршинъ или немного болѣе, но никакихъ похоронныхъ обрядовъ не совершаютъ.

Часто мужчины — родственники покойнаго, въ знакъ своей скорби и печали, надѣваютъ на голову траурную шапку особаго покроя. Она имѣетъ нагольную верхушку, только бока ея, возлѣ курпея, обшиваются или гладкою серпянкой, или чѣмъ либо подобнымъ, въ видѣ фестоновъ. Эта шапка сни-

мается по истеченіи года со дня погребенія того, въ честь кого была надѣта. Нѣкоторые ногайцы носятъ, впрочемъ, шапку эту, какъ принадлежность вседневнаго костюма.

По истеченіи года со дня смерти множество народа собирается на поминки. Послѣ молитвеннаго обряда, въ присутствіи духовной особы, и послѣ плача, какъ выраженія скорби и печали, «наполняютъ желудки мясомъ, бараниной, жареными или, точнѣе, свареными въ маслѣ чуреками, т. е. величиною въ обыкновенную тарелку, тонкими листами изъ прѣснаго тѣста, чаемъ, кымызомъ, бузою, ойракомъ и проч. и расходятся, размышляя о тщетѣ земной суеты, а подъ-часъ и злословя другъ друга или того, кто сытно и вкусно угостилъ ихъ через годъ послѣ своей смерти».

У кара-ногайцевъ послѣ смерти покойника обмываютъ и зашиваютъ все тѣло его, кромѣ головы, въ кусокъ коленкору или бязи. Едва только вѣсть о смерти кого-нибудь разнесется по аулу, какъ всѣ аульныя кошки привязываются и держатся въ такомъ заключеніи до самаго погребенія покойника, изъ опасенія, чтобы которая нибудь изъ нихъ не перескочила черезъ его тѣло. Ногайцы вѣрятъ, что если кошка перепрыгнетъ черезъ тѣло, то умершій будетъ по ночамъ посѣщать свое семейство. По этому каждый, изъ опасенія встрѣтить покойнаго гуляющимъ какъ наяву, и привязываетъ свою кошку.

Мулла, наибъ или даже кадій, смотря по состоянію и достоинству умершаго, читаютъ молитвы, послѣ которыхъ покойника кладутъ на арбу и, въ сопровожденіи родственниковъ—мужчинъ ѣдущихъ верхомъ, а женщинъ въ арбахъ или идущихъ пѣшкомъ—везутъ на кладбище, устроенное непремѣнно на курганѣ, для того чтобы сократить путь правовѣрному въ рай, обѣщанный ему кораномъ.

Во время печальной процессіи никто не плачетъ, а всѣ вспоминаютъ только одни похвальныя качества умершаго. По прочтеніи духовнымъ лицемъ особой молитвы, покойника опускаютъ въ могилу и кладутъ въ небольшое углубленіе, сдѣланное въ могилѣ съ южной стороны. По возвращеніи присутствующихъ въ домъ умершаго открывается женскій плачъ необходимый для того, чтобы оплакать и проводить душу умершаго. Плачъ этотъ продолжается не болѣе полчаса, т. е. столько времени, сколько необходимо по понятію кара-ногайца для того, чтобы душа достигла до мѣста своего назначенія.

Пока женщины плачутъ, мужчины, сѣвши въ кружокъ, уничтожаютъ въ значительномъ количествѣ *маханъ* (вареная баранина), запивая его *шорбомъ* (отваръ изъ бараньяго мяса, нѣчто въ родѣ бульона) и *аракомъ* (родъ водки, дѣлаемой изъ проса или пшена). За ѣдою до отвала слѣдуютъ еще нѣсколько воздыханій о покойномъ и затѣмъ всѣ расходятся.

Убитый на войнѣ или кѣмъ либо изъ злодѣевъ считается праведникомъ

и его, не обмывая, зашиваютъ окровавленнаго въ мѣшокъ и опускаютъ въ могилу. Душа такого счастливца попадаетъ въ рай съ послѣднимъ его вздохомъ. Надъ могилой такого покойника ставится флагъ для указанія каждому правовѣрному, что здѣсь покоится праведный.

По окончаніи шести недѣль со дня смерти дѣлаются поминки, открываемыя молитвою, которую читаетъ мулла, а затѣмъ слѣдуетъ плачъ женщинъ и обычное угощеніе. Вещи и другія мелочи принадлежавшія покойному раздаются въ этотъ день нищимъ и, начиная съ этого дня, вдова можетъ снова выйти за мужъ, а родственники снять трауръ, состоящій обыкновенно изъ чернаго платка у женщинъ и черной шапки у мужчинъ [1].

---

[1] Три отрывка изъ сочиненія о ногайцахъ и туркменахъ А. П. Архипова Кавказъ 1855 г. № 30 и 31. Этнографическій очеркъ ногайцевъ и туркменъ А. Архипова Кавк. Календ. на 1859 г. Подстрѣленый орелъ Агаѳангела Архипова Кавказъ 1851 г. № 27. О кара-ногайской степи Кавказъ 1863 г. № 51. Райма ногайская быль А. Архиповъ Кавказъ 1850 г. № 78 и 79. Путешествіе Феррара Русскій Вѣстникъ 1842 г. т. 6.

ОСЕТИНЫ (ИРОНЫ).

I.

Мѣсто занимаемое осетинами и раздѣленіе ихъ на общества. — Характеристика осетина и его экономическій бытъ.

Проѣзжая по военно-грузинской дорогѣ, отъ Змѣйской почтовой станціи, по направленію къ Владикавказу, встрѣчается на пути ущелье, образуемое Карадагскимъ (Псехешъ) ([1]) хребтомъ и Кабардинскими горами. По выходѣ изъ этого ущелья, открывается обширная равнина, окаймленная справа и спереди безконечною цѣпью живописныхъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ. Далѣе за этими горами, извѣстными подъ именемъ *Черныхъ*, подымаются снѣговыя вершины Кавказа, а впереди выше всѣхъ глядитъ величественный Казбекъ, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ. Часть этой равнины, сѣверный и южный склоны Главнаго хребта Кавказскихъ горъ, начиная отъ горы Пасисъ-мта, дающей начало р. Ріону и до горы Казбека, занято осетинскимъ племенемъ, численность котораго составляетъ немного болѣе 65 тысячъ душъ населенія.

Такимъ образомъ, осетины составляютъ одно изъ самыхъ многочисленныхъ племенъ Кавказа. Часть изъ нихъ занимаетъ Владикавказскую плодородную плоскость, но большая часть живетъ въ высокихъ мѣстахъ, начиная, на сѣверной покатости, отъ истоковъ рѣкъ Ардона, Фіагъ-дона, Гизель-дона и Терека, а на южной отъ истоковъ большой и малой Ліахвъ и Ксани.

Осетинское племя граничитъ съ сѣвера Малою Кабардою и съ казенными землями бывшей дачи Бековичей-Черкаскихъ; съ востока—Назрановскимъ обществомъ чеченскаго племени и р. Терекомъ; съ юга съ уѣздами Душетскимъ

([1]) См. стр. 11.

Тифлисской губерніи и Рачинскимъ Кутаисской губерніи, и съ запада горскими обществами Кабарды и Большою Кабардою.

Сама природа раздѣлила, какъ видно, осетинъ на двѣ части: *сѣверныхъ* съ населеніемъ 46,802 души, и *южныхъ* съ населеніемъ въ 19,324 души. Первыя принадлежатъ Владикавказскому округу, а вторыя входятъ въ составъ Закавказскихъ провинцій. По рельефу мѣстности, Осетія дѣлится на горную и плоскостную. Изъ числа рѣкъ, орошающихъ послѣднюю часть этого пространства первое мѣсто занимаетъ Терекъ, а потомъ его притоки: Ардонъ, Гизель-донъ (1), Фіагъ-донъ, Урухъ и другіе. Всѣ эти рѣчки, кромѣ Терека, въ обыкновенное время похожи на едва струящіеся ручьи, но, во время таянія снѣговъ или дождей въ горахъ, они прибываютъ въ нѣсколько часовъ, и тогда не только невозможна черезъ нихъ переправа, но напоръ воды такъ силенъ, что срываетъ мосты, ворочаетъ каменныя глыбы и вырываетъ съ корнемъ огромныя деревья. Такъ, р. Ардонъ, или Ара-донъ, на осетинскомъ языкѣ значитъ: *бѣшеная рѣка*.

Озеръ нѣтъ на этой равнинѣ, но вдоль подошвы Черныхъ горъ находится много гнилыхъ болотъ, порождающихъ злокачественныя лихорадки. Въ Осетіи до послѣдняго времени не было никакихъ дорогъ, а тѣмъ болѣе колесныхъ. Каждый самъ прокладываетъ себѣ дорогу и перевозитъ тяжести на вьюкахъ тамъ, гдѣ нельзя ихъ перевезти на арбѣ.

Осетины сами себя называютъ *Иронами*, то есть происшедшими отъ Ира; но кто такой былъ Иръ—народъ не можетъ объяснить этого. Въ прежнее время, по словамъ народа, къ осетинамъ переселялось много разнаго рода людей: грузинъ и горцевъ, бѣжавшихъ отъ преслѣдованія персіянъ на сѣверную покатость горъ.

Сѣверная часть Кавказскаго хребта, гдѣ поселились осетины, изрѣзана многими ущельями, носящими разныя наименованія, которыми обозначаются и жители каждаго изъ этихъ ущелій. Отъ этого-то и произошло раздѣленіе осетинъ на нѣсколько отдѣльныхъ небольшихъ обществъ (2), имѣющихъ одинъ общій языкъ, но нѣкоторые оттѣнки въ характерѣ и нравахъ. Всѣ мелкія общества могутъ быть однакоже приведены къ четыремъ главнѣйшимъ составляющимъ какъ бы отдѣльное цѣлое или нѣчто характеристичное.

Начиная отъ Змѣйской станціи, ущелья р. Уруха и его многочисленныхъ притоковъ населены *Дигорскимъ* обществомъ, которое раздѣляется на собственно Дигоръ и на Устъ-Дигоръ (или дальную Дигорію). Дигорія составляетъ первое ущелье въ Владикавказскомъ округѣ и, прилегая къ Кабардѣ, служитъ границею Осетіи съ Балкарскою областью, или южною частію Кабардинской земли, простирающейся до самаго хребта Кавказскихъ горъ. Горы, образу-

---

(1) Слово донъ на осетинскомъ языкѣ означаетъ воду.

(2) Дигорское, нарское, мамисонское, закинское, зрукское, донифарское, лесгорское, алагирское, куртатинское, тагаурское и проч.

ющія это ущелье, идутъ на югъ въ извилистомъ направленіи и чрезвычайно разнообразны по виду и растительности. Потоки на каждомъ шагу бороздятъ скаты и катятся съ нихъ водопадомъ; каменные и снѣговые завалы тутъ не рѣдкость и бываютъ одинаково и лѣтомъ и зимою. Глухой шумъ въ горахъ обыкновенный предвѣстникъ ихъ паденія.

На югъ, вверхъ по теченію Терека, по ущельямъ Ардона и его притоковъ, обитаетъ *Алагирское* или *Валаджирское* общество. Оно ограничено съ юга Снѣговымъ хребтомъ, заключеннымъ между горами Стыръ и Сонгути-хогъ; съ запада прямою чертою, проходящею между горами Сонгути и Хуруха-хогъ на хребетъ Черныхъ горъ, черезъ рр. Курупшу и Урустану, а съ востока оно прилегаетъ къ Куртатинскому обществу. Послѣднее находится въ горахъ по ущельямъ рѣкъ Суа-дона и Фіагъ-дона съ его притоками. *Куртатинское* общество ограничено: съ юга Снѣговымъ хребтомъ, съ запада прямою чертою, проходящею между горами Стыръ-хогъ и Устюгъ и р. Ардономъ, съ сѣвера р. Терекомъ, а съ востока *Тагаурскимъ* обществомъ, получившимъ свое названіе отъ Тагаурскаго ущелья, образуемаго сліяніемъ рѣкъ Нога и Кизила. *Тагаурцы* поселились по лѣвому берегу р. Терека, въ паралельныхъ ущельяхъ рѣкъ Саниба и Гизель-дона и ихъ притоковъ, до Ларской почтовой станціи. Общество это граничитъ съ юга Снѣговымъ хребтомъ, начиная отъ р. Терека до горы Резъ (Хилякъ); съ запада прямою чертою, проходящею между горами Резъ и Табау и р. Майрама-Адеге (Майремадагомъ) и Гизель-дономъ; съ сѣвера Кабардинскимъ хребтомъ, съ востока старою военно-грузинскою дорогою, до Елисаветинскаго укрѣпленія, рѣкою Камбилеевкою до Владикавказа и р. Терекомъ.

До появленія русскихъ на Кавказѣ, осетины владѣли только ущельями горъ; вся же долина р. Терека до Редантскаго поста, близь устья Ларскаго ущелья, находилась во владѣніи кабардинцевъ, которые спускали осетинъ съ горъ только за плату. Заключенные въ своихъ ущельяхъ, выходы изъ которыхъ были заперты, осетины были отрѣзаны отъ всего міра и одичали. Въ народной памяти еще живы воспоминанія, когда осетины не смѣли показываться на равнинѣ, страшась кабардинцевъ, не только не пускавшихъ ихъ на плоскость, но врывавшихся даже и въ ихъ горныя владѣнія. Въ обезпеченіе отъ такихъ вторженій, осетины строили башни въ устьяхъ своихъ ущелій и, въ свою очередь, не пропускали безъ платы кабардинцевъ въ горы. Отступленіе оть этихъ условій вело къ кровавой рѣзнѣ, возникавшей между двумя народами. Русскіе отдвинули отъ горъ кабардинцевъ, и нѣкоторые изъ осетинъ, по предложенію нашего правительства, спустились съ горъ и заняли часть такъ называемой Кабардинской плоскости, по обоимъ открытымъ берегамъ р. Терека. Часть эта весьма незначительна, и за тѣмъ почти все народонаселеніе Осетіи, начиная съ Дигоріи, обитаетъ въ горахъ.

Вся Осетія состоитъ изъ ущелій, образуемыхъ высокими отрогами Главнаго Кавказскаго хребта. Небольшія горныя равнины или, случше сказать, плоскія

возвышенности встрѣчаются въ горной Осетіи только изрѣдка и самая большая изъ нихъ не превышаетъ 50 десятинъ. Почва земли повсюду глинистая, на возвышеніяхъ желтаго, а при подошвахъ горъ коричневаго цвѣта; пахатное мѣсто нѣсколько разъ унавоженное, принимаетъ черный цвѣтъ. Слой земли, прикрывающій каменистые кряжи горъ, не превышаетъ 6–ти вершковъ. На передовыхъ хребтахъ Кавказа, наносный грунтъ земли часто усѣянъ булыжникомъ. Въ мѣстахъ безлѣсныхъ, ближе къ Главному хребту, и преимущественно по сѣверную его сторону, по ручьямъ, образующимъ р. Ардонъ, земли тверже и плодороднѣе. На югѣ же, напримѣръ въ мѣстахъ пограничныхъ съ Карталиніею и покрытыхъ лѣсомъ, земли мягче, но менѣе плодородны. Холодный климатъ у Главнаго хребта и значительная возвышенность земель этой части Осетіи не дозволяютъ дѣлать никакихъ посѣвовъ: тамъ трава растетъ только съ мая по сентябрь.

Съ пониженіемъ мѣстности и съ удаленіемъ ущелій отъ снѣговыхъ вершинъ, суровость климата постепенно смягчается. Кромѣ того, климатическія условія въ такихъ мѣстахъ зависятъ отъ направленія ущелій, и оттого, до какой степени, напримѣръ, онѣ закрыты отъ сѣверныхъ и доступны для южныхъ вѣтровъ и прочее.

Не смотря на свою суровость во многихъ мѣстахъ, климатъ Осетіи, кромѣ мѣстъ изобилующихъ болотами, здоровъ и имѣетъ хорошее вліяніе на человѣческій организмъ, отражающееся на долголѣтіи и крѣпости туземца. Столѣтній возрастъ считается въ Осетіи почти обыкновеннымъ. Горный воздухъ благотворно дѣйствуетъ на здоровье жителей.

По естественному своему положенію, Осетія пользуется двоякимъ климатомъ: въ верховьяхъ ущелій, подходящихъ ближе къ Главному хребту, климатъ суровѣе, чѣмъ въ мѣстахъ прилегающихъ къ Грузіи и Кабардѣ. Лѣто въ этой части Осетіи весьма кратко и температура его едва достаточна для созрѣванія ячменя. Въ самыхъ близкихъ къ снѣговымъ вершинамъ ущельяхъ, зима начинается съ половины октября и продолжается до мая. Въ это время большіе снѣга и вьюги затрудняютъ сообщеніе, во многихъ мѣстахъ доступное только пѣшему, одинокому путешественнику, да и то въ ясную погоду.

Такъ, Дигорія закрыта со всѣхъ сторонъ горами и находится вдали отъ всѣхъ путей сообщенія. Три четверти года доступъ въ нее или совсѣмъ невозможенъ или сопряженъ съ большою опасностію. Климатъ ея умѣренно-здоровый, но въ нагорной Дигоріи средняя температура не превышаетъ 3°; стужа и морозы значительны и постоянны. Растительность этой части бѣдна, климатъ суровъ и нисколько не благопріятенъ для растительности. Тамъ царство зимы, и земля повсюду носитъ отпечатокъ опустошенія и безплодія; вездѣ мрачно и угрюмо.

Лѣто, продолжающееся не болѣе трехъ мѣсяцевъ, такъ коротко, что хлѣбъ не зрѣетъ. Едва только взойдетъ солнце, какъ погружается въ багровый туманъ—предвѣстникъ сильной стужи. «Мятели и непогоды свирѣпствуютъ въ

теченіе девяти мѣсяцевъ. Осень ужасна, и самая весна принимаетъ видъ мрачной осени; потому-то, куда ни обратишь взоры, вездѣ встрѣчаешь однѣ льдины, покрывающія вершины Черныхъ, скалистыхъ, горъ и всю окрестность, занесенную сугробами глубокаго снѣга».

Суровая природа сдѣлала дигорцевъ неустрашимыми, физически сильными и отличными ходоками по горамъ, гдѣ они занимаются охотою. Они высоки ростомъ, владѣютъ даромъ слова и хорошими умственными способностями; природный здравый умъ ихъ виденъ на каждомъ шагу. Дигорецъ гостепріименъ, честенъ, гордъ, вѣренъ въ словѣ и клятвѣ, предпріимчивъ, но упрямъ, мстителенъ и скрытенъ. Лицомъ онъ смуглъ, голову бреетъ, но носитъ бороду, которую подбриваетъ на нижнихъ челюстяхъ. Дигорцы болѣе опрятны и относительно болѣе трудолюбивы чѣмъ всѣ остальныя поколѣнія осетинъ, и никогда не считались воинственнымъ племенемъ. Занимаясь болѣе земледѣліемъ и имѣя немного скота, они почти никогда не пускаютъ его въ продажу, но изъ овечьей шерсти дѣлаютъ хорошія бурки, которыя и продаютъ или на линіи или въ Имеретіи. Алагирецъ, напротивъ того, неповоротливъ, глаза его безжизненные и вялые, внушаютъ мысль о коварствѣ и наглой трусости, скрытыхъ подъ личиною мнимаго великодушія. Племя это своенравно, въ высшей степени вспыльчиво, способно изъ пустяковъ нашумѣть, накричать и надѣлать разнаго вздору. Алагирцы чужды, впрочемъ, кляузничества и характера весьма добраго, въ особенности если приласкать ихъ.

Тагаурцы отличаются наибольшею гордостію между всѣми племенами осетинскаго народа. Считая своимъ родоначальникомъ Тагаура, по преданію наслѣдника армянскаго престола, который, будто-бы, бѣжалъ въ горы, спасаясь отъ преслѣдованій своихъ братьевъ, они причисляютъ себя къ высшему сословію осетинъ, и потому народъ ихъ ненавидитъ. По словамъ В. Толстаго, тагаурцы прежде были старшинами въ осетинскихъ аулахъ, а это и подало ему мысль утверждать, что собственно тагаурцевъ нѣтъ, а есть только высшее сословіе осетинскаго народа. Въ подтвержденіе послѣдняго онъ говоритъ, что тагаурцы стоятъ выше всѣхъ остальныхъ обществъ по своему умственному развитію, что они сдержанны, скрытны и, относительно образованія, передовой народъ между осетинами.

Самый честный, прямой и откровенный народъ—*куртатинцы*. Они глубоко преданы русскимъ и слѣпо вѣрятъ, что имъ не будетъ оказано несправедливости. Вообще всѣ осетины народъ преданный нашему правительству и весьма усердные исполнители его распоряженій. Усердіе это и прилежаніе не распространяется однако на ихъ домашнюю жизнь.

Никто меньше осетина не думаетъ о завтрешнемъ днѣ, а текущій день онъ проводитъ въ праздности и лѣни, сидитъ дома у дымящагося костра, съ трубкою во рту, «или спитъ, бродитъ по горамъ какъ дикій козелъ», не желая ничего пріобрѣтать и предоставивъ свое незатѣйливое хозяйство на попеченіе женъ.

Малая производительность почвы большей части горной Осетіи довела населеніе до крайней бѣдности. Осетины всегда терпѣли недостатокъ не только въ предметахъ, которыхъ не было въ собственной странѣ, напримѣръ соли, но даже въ насущномъ хлѣбѣ. Земля, удобная для хлѣбопашества и до сихъ поръ имѣетъ неслыханную цѣну: стоитъ того животнаго, которое можетъ на ней помѣститься. Кусокъ земли, который займетъ лежащая корова, цѣнится въ корову; другой въ овцу и проч. Эта малоземельность была причиною, что часть осетинъ переселилась на южный склонъ Главнаго хребта и добровольно отдала себя въ кабалу грузинскихъ помѣщиковъ. Занявъ ущелья: Кударовское, Большой и Малой Ліяхвы, Рехулы, Ксани и ея притоковъ, осетины стали крѣпостными князей Эристовыхъ и Мочабеловыхъ. Эти переселенцы и составляютъ поселенія такъ называемыхъ *южныхъ осетинъ* и, въ свою очередь, дѣлятся также на многія мелкія общества, носящія названіе по именамъ ущелій ими обитаемыхъ. Такъ, они дѣлятся на Ксанскихъ, Кударскихъ, Ліяхвскихъ, Гудошаурскихъ, Магладолетскихъ, Джамурскихъ и другихъ. Много осетинъ поселилось въ Мтіулетіи и Хевскомъ ущельѣ. За исключеніемъ только немногихъ обществъ южнаго склона и живущихъ на плоскости, всѣ остальные осетины бѣдны, почти голы или до послѣдней степени плохо одѣты; живутъ въ землянкахъ или развалившихся башняхъ и даже въ оставленныхъ укрѣпленіяхъ. Не смотря на то, осетинъ всегда веселъ, всегда безпеченъ.

Утесы и горы Осетіи неспособны къ земледѣлію, и потому туземное населеніе занимается преимущественно скотоводствомъ. Получая хлѣбъ отъ сосѣдей, осетины доставляютъ имъ, взамѣнъ того, рогатый скотъ, барановъ, лошадей, извѣстныхъ своею силою и прекраснымъ ходомъ по горамъ. Но промышленность эта совершенно ничтожна и едва удовлетворяетъ насущной потребности (1).

Правда, въ мѣстахъ низменныхъ, равнинныхъ, почва, до чрезвычайности плодородная, могла бы вознаградить трудъ обильнымъ урожаемъ, но и тамъ осетинъ, будучи стѣсненъ въ поземельной собственности и владѣя небольшими участками, мало пользуется ея дарами. Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Дигоріи, жители имѣютъ подъ рукою многія средства къ благосостоянію, но, по своей безпечности и лѣни, они ограничиваются изготовленіемъ и запасомъ самаго необходимаго въ домашнемъ быту. Единственная ихъ промышленность—мёдъ, сбываемый въ Моздокѣ, Владикавказѣ и по ка-

(1) Тагаурцы Владиміра Толстаго Вѣст. Импер. Рус. Геогр. Общест. 1854 г. ч. XI. Краткій обзоръ горскихъ племенъ на Кавказѣ А. П. Берже Кавказс. Календарь на 1858 г. О состояніи нѣкогда бывшаго христіанства на Кавказѣ П. Хицунова Кавк. 1846 г. № 34. Дигорія Н. Берзенова Закавк. Вѣст. 1852 г. № 39. То же Кавк. 1852 г. № 67. Изъ воспомин. объ Осетіи Н. Берзеновъ Кавк. 1852 г. № 5. Кое что объ Осетинскомъ округѣ Красницкаго Кавк. 1865 г. № 29 и 32. Глав. свѣд. о горск. плем. Кавк. 1868 г. № 46. Объ обществахъ осетинскаго племени рукоп. доставленная мнѣ П. В. Кузьминскимъ.

зачьимъ станицамъ. Мёдъ дигорскихъ пчелъ отличается ароматомъ, вкусомъ и бѣлизною, но дигорцы въ умѣньѣ добывать его оказываются плохими пчеловодами. Плетневый круглой формы улій (батманъ), обмазанный глиною съ примѣсью коровьяго помета, составляетъ жилище пчелъ, предназначаемыхъ на истребленіе каждый разъ, какъ только добываютъ мёдъ. Выкопавъ въ землѣ небольшую яму, и положивъ туда древесный грибъ съ огнемъ, хозяинъ оборачиваетъ свой улій вверхъ дномъ. Пчелы задыхаются отъ дыма, падаютъ въ яму, а улій съ мёдомъ идетъ въ продажу. Во многихъ мѣстахъ Осетіи встрѣчается отличный строевой лѣсъ: дубъ, вязъ, сосна, орѣшникъ растутъ во множествѣ, а грушевыя деревья, дикая яблоня и вишни видны иногда въ значительномъ количествѣ въ самыхъ селеніяхъ и въ полѣ. Скотоводство составляетъ исключительное занятіе жителей, и многіе изъ нихъ насчитываютъ у себя до тысячи барановъ, но, по своей скупости, подобные владѣльцы живутъ нисколько не лучше своихъ бѣдныхъ собратій.

Всѣ осетины весьма жадны до денегъ, которыя однакоже они стараются пріобрѣсти не для употребленія, не для улучшенія своего быта, а для храненія въ заперти; богатый и бѣдный одинаково ходятъ почти голые въ лохмотьяхъ. Всеобщая бѣдность царствуетъ между осетинами. Праздность неразлучна съ ними; неопрятность присуща народу. На вопросъ о причинѣ этихъ бѣдствій, осетинъ глубокомысленно отвѣчаетъ, что онъ бѣденъ отъ неурожая хлѣба, большинство котораго идетъ на приготовленіе араки (родъ водки), безъ которой они жить не могутъ. Осетины говорятъ, что они праздны по неимѣнію хлѣбопашныхъ мѣстъ; это правда, но справедливо и то, что иногда вблизи аула видны большія поляны, которыя могли бы быть воздѣланы, но остаются не обработанными по безпечности [1].

II.

Осетинскій аулъ. — Домъ осетина. — Одежда. — Религія и праздники — Знахари и знахарки. — Талисманы. — Колдовство. — Суевѣріе. — Легенды.

На крутизнахъ высокихъ скалъ, въ суровыхъ оврагахъ, ущельяхъ и по лощинамъ лѣпятся осетинскіе аулы, по преимуществу обширные и многолюд-

---

(1) Кое что объ Осетинскомъ округѣ К. Красницкаго Кавк. 1865 г. № 32. Изъ записокъ объ Осетіи Н. Берзеновъ Кавк. 1852 г. № 68. Также смотр. Дигорія Н. Берзенова Закавк. Вѣст. 1852 г. № 40. Мѣстечко Сачхеры Н. Дункель-Веллинга Кавк. 1854 г. № 66. Поѣздка въ Кударское ущелье Василій Переваленко Кавк. 1849 г. № 40.

ные. Живописны жилища, разбросанныя безъ всякаго порядка между рощами и деревьями, подъ тѣнью которыхъ прохлаждаютъ себя обитатели въ жаркое время. Впрочемъ такимъ временемъ осетины пользуются вообще очень немного.

Съ наступленіемъ сентября, въ большей части Осетіи настаетъ уже зима; еще недѣля—зашумѣли вьюги и все кругомъ занесено снѣжными сугробами. Дикая, мрачная природа и тутъ являетъ для глаза новыя и величественныя картины. Утреннее солнце зажигаетъ безчисленными огнями ледяныя вершины горъ; синій туманъ, волнующійся по ущельямъ, похожъ на океанъ, по которому плаваютъ ледяныя горы, драпированныя въ фантастическія тѣни. Глазу кажется, что всѣ эти исполинскія вершины движутся, колеблятся, тонутъ и снова возникаютъ. Но туманъ рѣдѣетъ и остроконечныя верхи осетинскихъ горъ рѣзко обозначаются. «Они поднимаются въ высоту одинъ надъ другимъ, въ безконечныхъ ярусахъ, окрашенные разнообразными цвѣтами, которые мѣняются по мѣрѣ отдаленія: сначала зеленые, потомъ темные, голубые, фіолетовые.... но всѣхъ цвѣтовъ не перечесть, такъ они различны, да и нѣтъ имъ названій! Вправо и влѣво, словно рамы для этой картины, стоятъ огромныя, неизмѣримыя скалы, черныя, блестящія какъ броня вороненая; вотъ на одной изъ этихъ скалъ, въ высотѣ, упершись ногою объ остроконечную вершину, стоитъ какой нибудь пастухъ, какъ пограничный стражъ; онъ рѣзко рисуется на яркой лазури неба, но, равнодушный къ красотѣ окружающей его природѣ, грубый и дикій, онъ не сочувствуетъ природѣ, онъ занятъ, онъ стережетъ стадо козъ, которыя, прядая съ камня на камень, щиплютъ тощую зелень, засыпанную снѣгомъ....»

Въ такое время осетинскіе аулы дѣлаются островами, отдѣленными отъ всего міра, и населеніе скучивается въ своихъ жилищахъ.

Жилища осетинъ не одинаковы и не однообразны. Въ мѣстахъ безлѣсныхъ дома, и прочія хозяйственныя пристройки, складываются изъ плитняка безъ глины, а въ ущельяхъ, изобилующихъ лѣсомъ, строятся изъ дерева.

Каждый каменный домъ имѣетъ видъ замка въ два или три этажа, съ высокими башнями и плоскою земляною крышею. Такой домъ, обнесенный каменною оградою и имѣющій высокую башню, носитъ названіе *галуана*.

Часто домъ осетина однимъ своимъ фасомъ вдѣланъ въ гору, такъ что задняя стѣна и часть боковыхъ образуются земляною или скалистою стѣною горы. Потолокъ нижняго этажа, въ которомъ преимущественно содержится скотъ, служитъ поломъ для втораго, сообщающагося съ дворомъ посредствомъ внѣшней лѣстницы, идущей на площадку, образуемую нижнимъ выдающимся впередъ этажемъ. Во второмъ этажѣ живутъ сами осетины, а верхній, если онъ есть, то предназначается частію для пріема гостей, частію служитъ вмѣсто кладовой. Главное строеніе имѣетъ по двѣ двери: одну по срединѣ, а другую бо-

ковую, ведущую на дворъ; небольшія четыреугольныя отверстія безъ рамъ замѣняютъ окна.

Большая часть деревянныхъ домовъ или сакель строится въ видѣ сараевъ и часто состоитъ изъ плетня, смазаннаго съ обѣихъ сторонъ глиною, съ досчатою крышею, опирающеюся на двухъ столбахъ и замѣняющею потолокъ, поверхъ котораго настилается очень рѣдко дрань, а больше солома, поддерживаемая жердями. Внутренность такого жилища состоитъ изъ двухъ комнатъ съ землянымъ поломъ. У богатаго владѣльца, къ внѣшней стѣнѣ сакли прислонена полукруглая печь, сдѣланная также изъ плетня, обмазаннаго глиною, а у бѣднаго очагъ, раскладываемый посрединѣ сакли между двумя большими камнями.

Если осетинъ въ саклѣ, то навѣрное подлѣ очага, у котораго онъ проводитъ день и ночь. Раздѣвшись до нага, онъ ложится на соломѣ, постланной на полу, подкладывая подъ себя бурку или грубый войлокъ. Зимою спитъ подлѣ очага, а лѣтомъ подъ открытымъ небомъ. Очагъ, кромѣ того, имѣетъ и другое значеніе между осетинами и считается священнымъ мѣстомъ, въ которомъ стараются сохранить постоянный огонь. Каждая хозяйка поддерживаетъ огонь въ своемъ очагѣ и придаетъ его неугасимости особенное значеніе. Надъ очагомъ, въ потолкѣ сакли, сдѣлано дымное отверстіе, а близъ него, къ тому же закопченному дымомъ потолку, прикрѣплена цѣпь, на которой виситъ котелъ, служащій для приготовленія пищи. Вдоль стѣнъ на полкахъ разставлена домашняя утварь, посуда: деревянная или глиняная, а если хозяинъ съ достаткомъ, то и мѣдная, составляющая роскошь въ домашнемъ быту осетина. На гвоздяхъ рядомъ съ полкою виситъ оружіе, бурки, башлыки, а въ углу едва видна дверь, похожая на лазейку. Дверь эта ведетъ въ *кабичь*—кладовую съ съѣстными припасами, состоящими въ исключительномъ распоряженіи хозяйки.

Въ самой комнатѣ разбросаны въ безпорядкѣ кадки съ масломъ, бурдюки съ сыромъ, длинныя скамейки, желѣзныя лопатки для загребанія угольевъ, клещи, вертелъ, квашня и рогожи, сплетенныя изъ особой породы болотистаго растенія и составляющія почти все внутреннее убранство сакли, гдѣ вонь, пыль и нечистота главнѣйшіе обитатели и равноправные хозяева съ семействомъ осетина.

Осетинъ не умѣетъ, подобно прочимъ азіятцамъ, сидѣть на полу поджавши подъ себя ноги, и потому въ саклѣ его почти всегда есть нѣчто въ родѣ кресла о трехъ ножкахъ и съ рѣзною спинкою, или скамья, или родъ дивана или, наконецъ, просто обрубокъ, треного и проч. У нѣкоторыхъ имѣются кровати, по устройству похожія на европейскія и на которыхъ кучею навалены перины и подушки.

Почти каждая сакля окружена хлѣвами и курятниками. Обыкновенно, подлѣ самаго дома стоитъ птичникъ и хлѣвъ для овецъ; въ оградѣ изъ хвороста помѣщается рогатый скотъ. Всѣ зданія и пристройки обнесены проч-

нымъ тыномъ, вблизи отъ котораго разведены огороды, засѣянные кортофелемъ, рѣдькою, кукурузою и другою зеленью (¹).

Одежда осетина, преимущественно чернаго цвѣта, сходна въ покроѣ съ одеждою черкесовъ: короткій кафтанъ, спускающійся немного ниже колѣнъ, съ пришитыми на груди мѣстами для патроновъ, подпоясывается ремнемъ, убраннымъ серебряными или мѣдными пуговицами или змѣиными головками; небольшая низкая и круглая шапка, съ бараньимъ околышемъ; шаровары изъ простаго сукна или изъ сукна приготовленнаго изъ козьяго пуха и не крашеннаго, составляютъ остальной костюмъ мужчины. На ногахъ онъ носитъ чевяки или надѣваетъ башмаки, некрашенной кожи съ подошвами, а чтобы лучше держаться ими на скалахъ и льдахъ, осетинъ дѣлаетъ подошву изъ рѣдко плетеныхъ ремней. Главное щегольство осетина составляетъ оружіе: кинжалъ на поясѣ, пистолетъ за поясомъ, шашка у бедра, а ружье за плечами. Осетины, живущіе на сѣверномъ склонѣ Кавказскихъ горъ, еще не такъ давно имѣли небольшіе круглые щиты, сдѣланные изъ кожи, окованные вокругъ желѣзомъ и съ металлическою по срединѣ бляхою.

Женщины предпочитаютъ синій цвѣтъ и одежда ихъ состоитъ изъ длинной до пятъ рубахи, приготовленной изъ бумажной матеріи; шароваръ, по преимуществу краснаго цвѣта, и ситцеваго или нанковаго архалука. Лѣтомъ осетинки ходятъ босыя, а въ остальное время носятъ мужскую обувь, только изъ черной кожи, и во время холода надѣваютъ длинный нагольный тулупъ. На головѣ однѣ носятъ шапочки или, лучше, ермолки, другія—болѣе бѣдныя—покрываются просто платкомъ, а дѣвицы заплетаютъ косы, но безъ лентъ (²).

Подлѣ очага, скинувъ съ себя архалукъ и чевяки (ножная обувь), съ трубкою въ зубахъ, сидитъ глава семейства, поучающій свое потомство, размѣстившееся вокругъ него и съ жадностію прислушивающееся къ его фантастическому и сказочному разсказу. Онъ разсказываетъ о жившихъ нѣкогда дивныхъ людяхъ, охотившихся въ вѣковыхъ лѣсахъ, похищавшихъ красавицъ и не боявшихся колдуновъ... Не разъ говорилъ онъ своимъ дѣтямъ о *Вацилѣ* (или Уацилѣ) какомъ-то лѣсномъ божествѣ, говорилъ и о покровительствѣ *Уастырджи* (св. Георгія), спасавшемъ охотниковъ отъ козней лѣснаго духа. Къ послѣднему самъ разсказчикъ питаетъ особое уваженіе, но совершенно отличное отъ почитанія святаго каждымъ истиннымъ христіаниномъ, потому что осетинъ не имѣетъ никакого понятія о религіи, и болѣе суевѣренъ, чѣмъ религіозенъ.

Трудно сказать, какой именно религіи держатся осетины, до такой сте-

---

(¹) Дигорія Н. Берзеновъ Закавк. Вѣст. 1852 г. № 39. Изъ записокъ объ Осетіи Н. Берзеновъ Кавк. 1852 г. № 67. Осетины грегоріанцы Д. Б—дзе Кавк. 1851 г. № 69. Чинзъ-Ахсавъ Н. Берзеновъ Кавказъ. 1850 года № 95. Осетины. Терскія вѣдомости 1868 г. № 11.

(²) Обозрѣніе Россійс. влад. за Кавказомъ ч. II изд. 1836 г.

пени у нихъ перемѣшаны понятія о христіанствѣ, магометанствѣ и язычествѣ. По отчетамъ общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ, всѣ осетины дѣлятся на три категоріи: христіанъ, число которыхъ простирается до 51,590 душъ, магометанъ—14,434 души и язычниковъ 102 человѣка. Такое разграниченіе можно назвать только существующимъ на бумагѣ. Хотя осетины имѣютъ свои церкви, священниковъ и раздѣлены на приходы, но религія у нихъ не достигла еще до высокой степени набожности. Ни христіане, ни магометане, ни, наконецъ, язычники не слѣдуютъ въ точности обрядамъ и установленіямъ своей религіи. Всѣ правила и церковные уставы перемѣшаны и перепутаны; христіане исполняютъ многіе языческіе обряды при свадьбахъ и похоронахъ, брѣютъ голову и совершаютъ омовеніе; магометане, принадлежа къ суннитской сектѣ, не слѣдуютъ законамъ пророка, ѣдятъ свинину, пьютъ вино и смѣются надъ своими обрядами, а язычники чествуютъ многіе праздники вмѣстѣ съ христіанами. Считаясь христіаниномъ, почитая святыхъ, осетинъ не ходитъ въ церковь, приноситъ жертву кумиру, и допускаетъ многоженство. Сколько правительство ни старалось внушить осетинамъ, что они, какъ христіане, должны покинуть многоженство, какъ обычай, противный уставамъ православной церкви, но туземцы оставались непреклонными и долгое время не покидали многоженства. Изъ смѣси различныхъ вѣрованій и понятій, въ народѣ образовалась своя собственная религія, одинаково пригодная христіанину, магометанину и язычнику. Причиною такого смѣшенія религіозныхъ понятій было то, что осетины подвергались попеременно ученію разныхъ вѣрованій, смотря по тому, подъ чьею властію находились. Грузины съ юга вносили къ нимъ христіанское ученіе, а съ запада и сѣвера кабардинцы поучали магометанству. Положеніе осетинъ было точно такое же, какое бываетъ съ слабымъ племенемъ относительно сильнаго: они положили себѣ правиломъ не сопротивляться ни тому, ни другому ученію, принимать до времени форму побѣдителей, но упорно держаться своего.

Такая система политическаго поведенія произвела у осетинъ окончательное смѣшеніе всѣхъ ихъ вѣрованій.

Не заходя въ глубокую древность, мы должны сказать, что, по свидѣтельству имеретинскаго князя Давыда, въ 1786 году все населеніе Осетіи было языческое. Кн. Давыдъ, начальникъ города Рачи, былъ посланъ въ этомъ году, имеретинскимъ царемъ Давыдомъ, къ грузинскому царю Ираклію, для заключенія мирныхъ условій и для приглашенія сына царевича Арчила ѣхать въ Имеретію. Возвращаясь изъ Тифлиса, князь Давыдъ, въ деревнѣ Авнисахъ, былъ схваченъ осетинами и отведенъ въ горы. Переходя изъ рукъ въ руки, изъ одной деревни въ другую, онъ прошелъ всю Осетію и, наконецъ, былъ проданъ въ Моздокѣ, гдѣ выкупленъ и, по распоряженію Гр. Гудовича, отправленъ черезъ Астрахань въ Петербургъ.

Проведя въ плѣну четыре года, присмотрѣвшись къ быту осетинъ, князь писалъ, что осетины исполняютъ великій постъ, «но поповъ не имѣютъ; они

не крестятся и крещенія не пріемлютъ, равно и дѣтей своихъ къ тому не приводятъ, а поклоняются они козловой кожѣ, которую почитаютъ на мѣсто Ильи пророка и ей молятся».

Прошло съ тѣхъ поръ почти цѣлое столѣтіе, и осетины весьма мало подвинулись въ религіозномъ отношеніи. Правда, число лицъ, называющихъ себя христіанами значительно увеличилось, но смѣшанность вѣрованія осталась все таже.

Ничѣмъ не заинтересованные въ необходимости убѣдиться въ чистотѣ и пользѣ христіанскаго ученія, осетины и въ настоящее время весьма плохіе христіане, такъ что духовенство вынуждено прибѣгать къ полицейскимъ мѣрамъ, чтобы заставить народъ ходить въ церковь, соблюдать посты, говѣть, крестить младенцевъ и т. п. Но всѣ принудительныя мѣры только возстановляютъ туземца, и, послѣ наказанія за неисполненіе религіозныхъ обрядовъ, осетинъ не задумываясь, совершенно отступается отъ религіи.

Многія селенія, до 1863 года, вовсе не имѣли священниковъ. Такъ, въ пяти селеніяхъ, населенныхъ 96-ю семействами, было не крещеныхъ дѣтей 56, браковъ неблагословенныхъ церковью 68. Туземцы умирали безъ напутствія св. таинъ и предавались землѣ безъ христіанскаго погребенія.

Православные священники, живущіе въ Осетіи, находятся въ крайней бѣдности и не имѣютъ хотя бы мало-мальски сноснаго помѣщенія. Лучшимъ помѣщеніемъ считается полумрачная сакля съ землянымъ поломъ и съ однимъ крошечнымъ окномъ. Многіе изъ пастырей церкви живутъ почти въ хлѣву, да и то чужомъ, изъ котораго часто приходится переселяться въ другой, потому что хозяинъ выгоняетъ его. Купить же или построить себѣ саклю, при скудномъ содержаніи, священникъ не въ состояніи. Содержанія его не хватаетъ даже и на пищу, которую приходится пріобрѣтать изъ города или далекой станицы, такъ какъ въ горахъ ничего не достанешь (1).

Недостатокъ въ священникахъ-миссіонерахъ дѣлаетъ то, что осетины, весьма равнодушные къ православію, придерживаются своей особой религіи, представляющей смѣсь христіанства съ язычествомъ. Подъ именами различныхъ христіанскихъ святыхъ—чаще св. Маріи и св. Георгія—у осетинъ существуютъ священныя мѣста: скалы, лѣса и даже отдѣльныя деревья.

Они почитаютъ Михаила Архангела, пророка Илію—какъ покровителя скотоводства и земледѣлія; Георгія Побѣдоносца—какъ покровителя дорогъ и путешественниковъ. Каждый молится ему и приноситъ жертвы, отправляясь на войну, въ набѣгъ или просто въ путь.

Святая Марія считается покровительницею супружескаго счастія и плодородія. Ей молятся и приносятъ жертвы послѣ каждыхъ родовъ; въ честь ея

---

(1) Общество возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ сознало это безвыходное положеніе священниковъ и приняло мѣры къ улучшенію ихъ быта. См. отчеты общества за 1862 г. и 1863 годъ.

осетины назвали пятницу—*майрамъ-бонъ* и установили мужское имя Майрамъ (Марій).

Точно также осетины всѣхъ исповѣданій признаютъ многіе христіанскіе праздники. Они почитаютъ и отправляютъ *Донъ-скафанъ* (богоявленіе)—взятіе воды; *Кардагъ-хасанъ* (сошествіе св. духа)—сборъ травъ. У нихъ есть деревья, отмѣченныя крестомъ, передъ которыми они благоговѣютъ, и которыхъ топоръ не смѣетъ прикоснуться. Съ другой стороны, кромѣ христіанскихъ праздниковъ, у нихъ есть свои божества: *Вацила*—богъ грома и молніи; *Уастырджи*—покровитель мужчинъ, особенно охотниковъ, и божество скота, хлѣба и всякаго богатства; *Аларди*—богиня оспы и всякаго рода болѣзней; женщины преимущественно клянутся ею.

Въ церковь осетины ходятъ по принужденію, когда ихъ гонятъ, а къ священнымъ мѣстамъ не приходитъ развѣ только тотъ, кто не въ силахъ.

Въ народѣ много теплаго вѣрованія, но недостатокъ въ истинномъ началѣ и ученіи религіи. Такъ, каждый осетинъ, свято вѣрующій въ какой-либо священный предметъ, относится къ нему съ особымъ благоговѣніемъ. Ни одинъ изъ нихъ, проходя мимо такого предмета, не забудетъ снять папахи; ѣдущій не забудетъ сойти съ лошади; никто не откажется внести посильную лепту на постройку жертвенника, обыкновенно воздвигающагося въ почитаемыхъ и священныхъ мѣстахъ. За неимѣніемъ средствъ, жертвенникъ замѣняетъ большой шестъ съ привязанными къ нему лоскутками. Тутъ съ незапамятныхъ временъ, осетины складываютъ свои приношенія: пули, кинжалы, домашніе желѣзные инструменты, турьи рога, черепа разныхъ животныхъ, убитыхъ въ честь святаго и т. п.

Убѣжденіе въ томъ, что взявшій такую вещь подвергнется самой мучительной смерти, дѣлаетъ вещи эти неприкосновенными. Принося зачастую ложную присягу, передъ крестомъ и евангеліемъ, осетинъ никогда не рѣшится сдѣлать того же на святомъ мѣстѣ и тотчасъ же сознается въ преступленіи.

Христіанство распространено преимущественно въ простомъ народѣ; магометанства придерживаются старшины и вообще высшее сословіе, такъ какъ оно допускаетъ многоженство, но всѣ, не имѣя яснаго понятія о религіи, клонятся на сторону той, которая представляетъ имъ болѣе покровительства, менѣе требованій и болѣе выгодъ. Мужчины слабо придерживаются религіи, а женщины еще того меньше. По народному обычаю, замужнія женщины, не имѣя права показываться постороннему мужчинѣ и обязанныя выходить изъ дому подъ покрываломъ, никогда не бываютъ въ церкви (1).

(1) Изъ записокъ объ Осетіи Н. Берзеновъ Кавказъ 1852 г. № 67. Кое что объ Осетинскомъ округѣ К. Красницкаго Кавказъ. 1865 г. № 29 и 32. Дигорія Н. Берзеновъ Закавк. Вѣст. 1852 г. № 39. Религіозные обряды осетинъ и проч. Шегрена Кавк. 1846 г. № 27. Записка кн. Давыда, поданная министерству. Московс. арх. Министер. Иностр. дѣлъ.

Все это ведетъ къ тому, что осетины отличаются вѣротерпимостію другъ къ другу, или, лучше сказать, совершеннымъ равнодушіемъ къ религіи.

Всѣ племена одинаково вѣрятъ въ Бога, отъ котораго происходитъ все хорошее и худое; вѣрятъ въ его могущество, въ существованіе рая и ада. По ихъ понятію, въ будущей жизни, всѣ тѣ люди, которые отличались на этомъ свѣтѣ доброю жизнію, будутъ жить въ своемъ семействѣ и соединятся душою и тѣломъ; будутъ жить вѣчно въ раю, и, точно также, какъ на этомъ свѣтѣ, будутъ наслаждаться многоженствомъ, хорошею пищею и гуляньемъ въ роскошныхъ садахъ.

Основываясь на этомъ, члены семейства хоронятся на кладбищѣ всегда въ одномъ мѣстѣ; если кто умеръ вдали отъ дома, то стараются тѣло его привезти на свое кладбище, чтобы не разъединить съ семействомъ на томъ свѣтѣ. Часто скончавшуюся женщину, жившую у своихъ родителей, послѣ смерти мужа, перевозятъ на кладбище, гдѣ похороненъ ея супругъ, съ тѣмъ полнымъ убѣжденіемъ, что если уже разъ заплаченъ за нея *калымъ* (плата за невѣсту), то она должна вѣчно оставаться рабою мужа. Убитый въ сраженіи, по понятію осетина, поступаетъ прямо въ рай, гдѣ враги его будутъ ему прислуживать, и, сверхъ того, такой человѣкъ пріобрѣтаетъ право выбрать себѣ кого-либо изъ родственниковъ въ товарищи, для совмѣстнаго жительства съ нимъ въ раю.

Такая завидная участь убитаго заставляетъ его родственниковъ не плакать, а, напротивъ того, радоваться его счастію и завидной смерти.

По представленію осетина *адъ*—большое огненное озеро, въ которомъ мучаются грѣшники, но собственно о грѣхахъ народъ имѣетъ самое сбивчивое понятіе; точно также не очень опредѣленны понятія его о мукахъ и наказаніяхъ. Убить человѣка считается грѣхомъ, но кровомщеніе добродѣтелью; украсть и быть пойману грѣшно, а украсть ловко, молодецки—считается за славу.

Не имѣя понятія о сотвореніи міра, осетины сохранили въ своей памяти названіе двухъ первыхъ людей, Адама и Евы, и вѣрятъ въ существованіе ангеловъ и *дзуаровъ*—безчисленныхъ духовъ, покровителей всему хорошему и доброму. Осетины молятъ дзуаровъ, о покровительствѣ и помощи, отходя ко сну, вставая утромъ, «принимаясь за работу, отправляясь въ путь или на охоту»; просятъ ихъ «объ урожаѣ о размноженіи скота, избавленіи отъ болѣзней и всѣхъ житейскихъ невзгодъ».

Въ благодарность за все это, народъ приноситъ имъ жертвы. Въ народномъ понятіи дзуары стоятъ отдѣльно, особнякомъ, независимо отъ другихъ олицетворенныхъ имъ божествъ, не имѣющихъ съ ними никакихъ отношеній.

Они не ангелы, христіанской или магометанской религіи—извѣстные у осетинъ подъ именемъ *зедъ*, а скорѣе можно предполагать, что это души

предковъ, потерявшіе въ народномъ пониманіи первоначальное свое значеніе (1).

— Дзуаръ пролетѣлъ, говоритъ осетинъ, смотря на падующую звѣзду.

Названіе креста, заимствованное осетинами у грузинъ, перешло у первыхъ въ представленіе о существованіи какихъ-то духовъ-покровителей.

Люди всѣхъ вѣроисповѣданій почитаютъ христіанскихъ святыхъ и въ честь ихъ исполняютъ праздники, большею частію совпадающіе съ нашими. Здѣсь я коснусь только тѣхъ изъ праздниковъ, которые имѣютъ характеристическую особенность и празднованія которыхъ отличаются особенными обрядами.

Около 25-го декабря у осетинъ бываетъ *Цпурсъ*—праздникъ, чисто христіанскій, въ честь Рождества Христова. Дня черезъ два или три послѣ Цпурса, народъ празднуетъ ночь въ честь *шайтана* — злой силы, или дьявола.

Вечеромъ извѣстнаго дня каждое семейство убиваетъ непремѣнно козленка и печетъ пышки. Приготовленныя, изъ мяса принесенной жертвы, кушанья и пышки съѣдаются въ одинъ разъ и только одними членами семейства; гости и работники не могутъ участвовать въ трапезѣ даже и въ томъ случаѣ, еслибы у хозяина, кромѣ чурека, не было чѣмъ накормить ихъ. Кровь козленка, кости и крошки, оставшіяся отъ стола, зарываются въ столь глубокую яму, чтобы кошка или собака не могли попробовать святыни. Часть мяса, пиво и водку ставятъ для шайтана въ пустую комнату или чуланъ и считаютъ за особое счастіе дому, если поставленное будетъ съѣдено или выпито—разумѣется кѣмъ нибудь украдкою. «Что особенно достойно вниманія въ этомъ праздникѣ, говоритъ г. Тхостовъ, это то, что въ молитвѣ передъ жертвоприношеніемъ умоляется только *шайтанъ*, и Боже избави, если произносящій молитву какъ-нибудь обмолвится и упомянетъ имя Бога или какого нибудь святаго, тогда всему семейству не сдобровать: шайтанъ цѣлый годъ будетъ преслѣдовать его за оскорбленіе (2)».

Новый годъ извѣстенъ у осетинъ подъ именемъ *Ногъ-бонъ*, что въ переводѣ означаетъ *новый день* и празднуется одновременно съ нами. Годъ у осетинъ состоитъ также изъ 365 дней, но они знаютъ только два мѣсяца: *тенджи-май* (январь), первый послѣ новаго года, и *марти-май* (мартъ); для прочихъ мѣсяцевъ у нихъ нѣтъ названія. Слово *май*-мѣсяцъ у осетинъ есть обозначеніе планеты, а не извѣстной части года. Мѣсяцы свои они считаютъ каждый въ четыре недѣли, начиная отъ новолунія. Недѣлю признаютъ въ семь дней; каждый день имѣетъ свое названіе и счетъ ихъ начинаютъ

---

(1) Осетины и проч. Терскія вѣдомости 1868 г. № 11. Что такое осетинскіе дзуары? тамъ же № 17.

(2) Вѣрованія осетинъ. Ин. Тхостовъ Терскія вѣд. 1868 г. № 12. Обозрѣніе Россійск. влад. за Кавказомъ ч. II.

съ понедѣльника. Счетъ годамъ осетины ведутъ по костямъ или рогамъ животныхъ, приносимыхъ въ жертву въ извѣстные годовые праздники.

Празднованіе и встрѣча новаго года весьма сходна съ празднованіемъ его у грузинъ. Задолго до праздника, въ каждомъ домѣ, откармливаются бараны, и хозяйка, оставивъ всѣ свои обыкновенныя занятія, прежде всего гонитъ *араку*—водку изъ проса или ячменя, приготовляетъ *бузу*—родъ браги, варитъ *пиво* и печетъ изъ тѣста разныя фигуры. Послѣднія имѣютъ видъ барана, коровы, лошади, курицы и другихъ животныхъ и птицъ; для украшенія ихъ втыкается въ тѣсто по нѣскольку зеренъ фасоли и кукурузы. Фигуры эти носятъ названіе *Басила* (Василій).

Одновременно съ этимъ приготовленіемъ хозяекъ, мужчины также прекращаютъ домашнія работы и, храня глубокое молчаніе, начинаютъ чистить оружіе, подчиняясь въ этомъ народномъ повѣрью, что если какая-нибудь нечистота останется на оружіи, то оно не будетъ годиться ни къ какому употребленію, и что даже съ нимъ, безъ опасности жизни, нельзя отправиться на охоту.

Вечеромъ наканунѣ праздника мальчики раскладываютъ огни и поддерживаютъ ихъ до самаго утра, а осетинскіе аулы въ теченіе всей ночи оглашаются стрѣльбою изъ ружей или пистолетовъ, заряженныхъ пулею. Въ каждой саклѣ, передъ наступленіемъ новаго года, подымается шумъ, смятеніе и крикъ, похожій на тревогу при приближеніи непріятеля и вызванный суевѣріемъ осетинъ, старающихся въ это время прогнать какъ можно дальше *арви-калмъ* (небесный змѣй или драконъ). Съ этою цѣлію каждый изъ жителей считаетъ необходимымъ выстрѣлить и непремѣнно вверхъ, всегда цѣлясь въ луну, въ томъ полномъ и чистосердечномъ убѣжденіи, что разъ въ году, и именно въ эту ночь, луна находится въ опасности отъ дракона, угрожающаго ей совершенною погибелью. При каждомъ выстрѣлѣ женщины кричатъ: *Табу-хуцау*—помилуй и избави Боже!

Съ разсвѣтомъ дня новаго года въ нѣкоторыхъ аулахъ, и на другой день въ другихъ, мальчики и молодые парни надѣваютъ вывороченную на изнанку одежду и въ такомъ видѣ, съ пѣснями и привѣтствіями, обходятъ всѣ сакли аула.

— Домашніе, домашніе! поютъ они, желаемъ чтобы хозяинъ вашъ убивалъ оленя; чтобы хозяйка рожала сына, а рука вашего Василія да будетъ нашею.

Этимъ послѣднимъ желаніемъ они указываютъ на фигуру изъ муки, называемую Басила, и какъ бы просятъ ее себѣ въ подарокъ.

Въ поздравительной пѣснѣ осетинъ, говоритъ Н. Берзеновъ, «соединены почти всѣ желанія, объ исполненіи которыхъ осетины постоянно молятъ Бога и почти ни о чемъ другомъ.

Охоту они считаютъ за самое священное и молодеческое занятіе, въ которомъ главнымъ образомъ, дѣйтсвуетъ счастіе; тотъ, кто проворенъ и удаченъ на

охотѣ, почитается у нихъ самымъ счастливымъ и уважаемымъ человѣкомъ; убить оленя, по ихъ мнѣнію, удается только наперстникамъ и любимцамъ фортуны. Окажите осетину какое угодно благодѣяніе, онъ, въ знакъ благодарности, непремѣнно пожелаетъ вамъ, между прочимъ, убить оленя—*самъ-амаръ*, т. е. быть всегда счастливымъ на охотѣ и никогда не возвращаться съ поля съ пустыми руками».

Родить сына, а не дочь, составляетъ единственное и завѣтное желаніе каждой осетинки, и потому хозяйка спѣшитъ дать гостинца мальчикамъ, пропѣвшимъ ей столь пріятную пѣсню.

— Да исполнится надъ этимъ домомъ сердечное желаніе наше, говорятъ мальчики, принимая изъ рукъ хозяйки нѣсколько фигуръ Басила, сыръ и бутылку араки,—да приведется оно въ дѣйствіе: Милость Бога и милость Пацаха (Государя) надъ вами.

Обойдя всѣ дворы, получивъ отъ хозяевъ разныя лакомства и набравъ вдоволь съѣстнаго, поздравляющіе отправляются куда нибудь на поляну, гдѣ открываютъ пиршество, кончаемое обыкновенно пьянствомъ и дракой.

Если хозяйка поскупилась и не дала поздравляющимъ ничего или очень мало, то мальчики запѣваютъ новую пѣснь, отмѣняющую прежнія желанія и укоряющую хозяевъ въ скупости.

Нѣкоторые изъ осетинъ наканунѣ новаго года гадаютъ. На назначенномъ мѣстѣ, на горѣ или въ особо отдаленномъ домѣ, собираются жители и избираютъ жреца, который обязанъ давать отвѣты на заданные вопросы. При удачныхъ отвѣтахъ жрецъ получаетъ подарки. Въ день новаго года люди пожилые, отцы семействъ, приходятъ другъ къ другу съ поздравленіемъ. Обыкновенно гость приноситъ съ собою цѣлую пригоршню соломы или щепокъ и, входя въ саклю, бросаетъ ихъ въ огонь, выражая тѣмъ желаніе, чтобы хозяинъ въ теченіе цѣлаго года пользовался такимъ же точно обиліемъ, какъ полны были его руки. Народный обычай требуетъ, чтобы въ этотъ день всѣ перебывали другъ у друга съ поздравленіемъ и были угощены всѣмъ, что есть лучшаго у хозяина; для этого то собственно и откармливаются бараны (1).

Спустя недѣлю послѣ новаго года и въ день праздника *Донистафа*, (Богоявленія Господня) осетины отправляютъ *Марти-бадани-бонъ*, день сидѣнія мертвецовъ. Обрядъ этотъ совершается только въ тѣхъ семействахъ, у которыхъ, въ теченіе предшествовавшаго года, смерть лишила кого-нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ.

Въ такихъ семействахъ въ этотъ день съ утра и до самаго вечера со-

---

(1) Религіозные обряды осетинъ и проч. Шегрена Кавк. 1846 г. № 28. Новый годъ въ Ставропольской губерніи Кавк. 1855 г. № 8. Новый годъ у осетинъ Берзенова Кавк. 1850 г. № 2. О народныхъ праздникахъ Вердеревскаго Кавк. 1855 г. № 2. Поѣздка въ Кударское ущелье. Василій Переваленко Кавк. 1849 г. № 40.

бираются родственники и друзья покойнаго, а хозяева пекутъ въ честь умершаго прѣсный хлѣбъ (¹) огромной величины, такой, что одному человѣку хватило бы его на цѣлый мѣсяцъ.

Къ сумеркамъ всѣ входятъ въ саклю, гдѣ ближайшій изъ родственниковъ умершаго стоитъ въ углу комнаты съ двумя палками въ рукахъ и отъ души плачетъ и рыдаетъ. Отъ плачущаго отбираютъ палки и связываютъ ихъ крестообразно.

За тѣмъ приносятъ одежду покойника и надѣваютъ ее на палки весьма искусно и оригинально. Сдѣланное, такимъ образомъ, чучело олицетворяетъ собою покойника и осетины вѣрятъ, что въ это время въ куклу переселяется даже его душа. Чучело ставятъ на приготовленную для того скамейку; а вокругъ ея раскладываютъ всѣ любимые покойникомъ предметы: винтовку, шашку, трубку съ табакомъ, *фандиръ* или балалайку съ металлическими струнами, и *кубганъ*, мѣдный кувшинъ, если покойникъ былъ магометанинъ и совершалъ омовенія.

Передъ скамьею ставится каша и бутылка араки, предназначаемые въ пищу и питье покойника.

Собравшіеся вокругъ этой скамьи—мужчины по одну сторону, женщины по другую—начинаютъ плакать и причитывать.

— Мы лишились одежды, начинаетъ старшая лѣтами женщина, обращаясь къ родственникамъ, и теперь наги; у насъ отняты пища и питье, и нынѣ таемъ отъ голода и жажды; зашло наше солнце, и мы томимся и будемъ томиться въ мракѣ; ибо чѣмъ онъ былъ для насъ, какъ не солнцемъ, которое свѣтило и согрѣвало насъ, какъ не одеждою, служившею намъ покровомъ и защитою, какъ не пищею, которая утоляла голодъ и жажду нашу.

— Веу! веу! (увы, увы), слышатся жалобныя восклицанія присутствующихъ, по временамъ прерывающія рѣчь старухи.

Люди особенно усердные, принимающіе печаль близко къ сердцу, при подобныхъ восклицаніяхъ, бьютъ себя по головѣ, рвутъ волосы и царапаютъ лицо.

— И вы не безъ горя! восклицаетъ старуха обращаясь къ оружію покойнаго, отнынѣ вы оставлены на пищу ржавчинѣ, участь ваша тлѣніе и прахъ; васъ уже некому употреблять.... онъ уже болѣе не станетъ носить васъ на охоту, не возьметъ отправляясь въ наѣздъ. Овцы и стада наши испускаютъ жалобное блеяніе: некому призрѣть ихъ, некому накормить, напоить.... ищутъ своего хозяина и не находятъ — трудъ ихъ тщетенъ, напрасно ищутъ его; его ужъ нѣтъ здѣсь, онъ похищенъ Азраиломъ; *вома-бонъ*—о жизнь моя!

Вопли и рыданія при этихъ послѣднихъ словахъ сливаются въ одинъ отчаянный крикъ и суматоха продолжается всю ночь.

Совершивъ обрядъ оплакиванія, осетины развлекаются сказкою туземнаго барда, которую онъ сопровождаетъ акомпаниментомъ на двуструнной скрипкѣ;

(¹) Осетины не употребляютъ въ пищу квашенаго хлѣба, а всегда прѣсный.

за тѣмъ пьютъ, ѣдятъ и въ такихъ занятіяхъ каратаютъ время до слѣдующаго утра. . . . .

На слѣдующій день происходитъ скачка, необходимая, по мнѣнію осетинъ, для спасенія души покойника, которая до тѣхъ поръ будетъ находиться въ *джегенемъ* (аду), въ нестерпимыхъ мукахъ, пока не будетъ выкуплена устроенною на землѣ въ честь ея скачкою. Послѣдняя начинается за 15 или 40 верстъ, смотря по значительности покойника. Охотники скачутъ къ дому, гдѣ правилась тризна, и первый прискакавшій получаетъ лошадь умершаго, второй—корову, третій—чуху, папаху и т. д. (¹).

Осетины соблюдаютъ посты: великій (мархо), успенскій (майрамъ-мархо) и двѣ недѣли передъ Рождествомъ Христовымъ (шапурсъ-мархо). Въ день заговѣнья, передъ великимъ постомъ, они собираютъ золу съ очаговъ, просѣеваютъ ее, чтобы не оставалось въ ней костей отъ мяса, и всю посуду перемываютъ и перетираютъ. Первые три дня великаго поста днемъ ничего не ѣдятъ, а ночью пируютъ; въ остальное же время питаются хлѣбомъ, рыбою, жидкимъ киселемъ, бобами и другими растительными веществами.

Въ понедѣльникъ и вторникъ первой недѣли великаго поста, многіе осетины посвящаютъ исполненію обряда *кеенобы*, при чемъ званіе праздника, обычаи, соблюдаемые при этомъ и самая церемонія въ отправленіи его заимствованы ими отъ грузинъ.

Всѣ праздники осетинъ совершаются обыкновенно на одной изъ горъ, окружающихъ аулъ, которая часто получаетъ званіе отъ имени того святаго, въ честь котораго приносятся на ней жертвы. Выбирая гору для молитвы и совершенія праздника, осетины вѣрятъ, что чѣмъ выше подымется молящійся, тѣмъ скорѣе дойдетъ, до кого слѣдуетъ, его молитва.

На однажды-избранной горѣ устроиваютъ жертвенникъ или капище, къ которому и собираются въ день праздника всѣ жители аула. Каждый подобный жертвенникъ имѣлъ въ прежнее время своего *деканоза*, представлявшаго собою образъ древняго жреца. Въ день праздника, только его рука, вооруженная священнымъ ножемъ, могла коснуться животныхъ, приводимыхъ народомъ на закланіе. Онъ окроплялъ кровью жертвъ стѣны и предверія храмовъ. Деканозъ принималъ скудныя приношенія народа, обязанъ былъ хранить ихъ, и, наконецъ, онъ одинъ громогласно испрашивалъ жертвующимъ небесное благословеніе.

Нѣкоторыя изъ капищъ имѣютъ и до сихъ поръ особую славу и репутацію, и тогда въ день праздника къ такимъ капищамъ собираются жители сосѣднихъ и даже отдаленныхъ ауловъ. Каждое семейство, за нѣсколько времени де наступленія праздника, припасаетъ къ этому дню все, что есть лучшаго въ домѣ: варитъ пиво, араку, приготовляетъ мясо и другія блюда изъ зелени.

Пищу эту, приготовленную заранѣе, берутъ съ собою, отправляясь на

(¹) Сидѣніе мертвецовъ Николай Берзеновъ Кавк. 1850 г. № 7

гору, гдѣ перемѣшиваютъ ее съ принесенною сосѣдями и прочими богомольцами. Такимъ образомъ, послѣ установленной молитвы, составляется общая трапеза.

Нѣкоторые, по обѣщанію, приносятъ при этомъ жертвы, которыя состоятъ обыкновенно изъ денегъ, металлическихъ сосудовъ, часто нарочно отлитыхъ въ честь святаго, и другихъ вещей. Вещи эти считаются неприкосновенными и сохраняются или при жертвенникѣ, или въ пещерѣ, дѣлаемой на горѣ. Такія мѣста считаются священными и никто не посѣщаетъ ихъ иначе, какъ въ праздники. Жрецы стараются поддержать въ народѣ то суевѣріе, что нарушившій этотъ обычай и посѣтившій жертвенникъ или гору въ обыкновенный день непремѣнно подвергнется разнымъ несчастіямъ, въ родѣ того что онъ умретъ или ослѣпнетъ, или ротъ у него скривится на сторону и т. п.

Въ пятницу первой недѣли великаго поста, осетины празднуютъ *Тутуроба*, въ честь св. Феодора Тирона.

Съ наступленіемъ праздника, въ полдень, *фидиваги* (глашатаи) ходятъ по аулу и громкимъ голосомъ сзываютъ народъ къ *ныхасу*—постоянное сборное мѣсто, гдѣ происходятъ аульныя совѣщанія о каждомъ предметѣ общественной жизни осетинъ.

Жители, приглашаемые глашатаями, съ разныхъ сторонъ спѣшатъ на сборное мѣсто, при чемъ каждый несетъ съ собою кувшинъ бузы, три чурека и куски сухой рыбы (доши). Сложивъ все съѣстное въ одно мѣсто, наговорившись и нашумѣвшись, собравшіеся садятся кругомъ, чинно въ рядъ, одинъ подлѣ другаго. Въ срединѣ круга становятся *урдигстагъ*—лица, добровольно принявшія на себя обязанность прислужниковъ при угощеніи. Одинъ изъ нихъ, указывая палкою, считаетъ всѣхъ присутствующихъ для того, чтобы, по числу ихъ, раздѣлить пищу и питье, до которыхъ, впрочемъ, никто не можетъ дотронуться безъ разрѣшенія.

Почтенный старшина, глава селенія, встаетъ съ своего мѣста и беретъ въ одну руку чурекъ, въ другую *коппу*—небольшую деревянную чашечку, наполненную бузою; за нимъ поднимаются и всѣ прочіе участники праздника.

— Слушай народъ, умолкните щенки, и внимайте молитвѣ! кричитъ блюститель порядка, грозя дубиною мальчишкамъ, шумящимъ около и старающимся прорваться туда, гдѣ сложено съѣстное.

— Богъ-боговъ! произноситъ старшина—выждавъ, когда настанетъ тишина—благодаримъ и хвалимъ тебя, что опять удостоилъ насъ настоящаго праздника. Благодаримъ и васъ, св. Туторъ и Тубау-вацилла (св. Илія)—хранители нашей земли, что вы постоянно благоволите къ намъ. Надѣемся, что вы и впредь будете продолжать на насъ свою милость и защиту, передъ которою ничего не значатъ ни сила врага, ни непріязнь шайтана. Молимъ васъ, не оставляйте насъ никогда; дайте намъ въ домѣ миръ, внѣ дома—храбрость; умножьте стада наши, чтобы мы почаще приносили во имя ваше жертвы. Святой Вацилла! въ твоей власти громъ и молніи, градъ, дождь и

снѣгъ; пошли же на наши нивы дождь въ свое время, дай изобиліе просу ячменю, чтобы побольше гнали изъ нихъ араку и веселились бы въ честь вашу. Истреби разъ на всегда нашихъ враговъ, сохрани нашего Государя и дай ему благоденствіе, а намъ его милость и награду; также всѣхъ нашихъ начальниковъ и добрыхъ людей защити отъ всякаго худаго дѣла.

— Омменъ хуцау! Омменъ хуцау! (Аминь Боже!) произноситъ народъ при каждомъ желаніи и восклицаніи читающаго молитву.

Прочитавъ молитву, старшина осушаетъ коппу и принимается за пищу. Его примѣру слѣдуютъ всѣ остальные и скоро веселье и пиръ дѣлаются общими.

Черезъ три дня послѣ этого праздника наступаетъ другой, *Рамонъ-бонъ*, или *хоръ-хоръ*, отличающійся бо́льшимъ великолѣпіемъ, чѣмъ предъидущій, потому что въ это время осетины не постятся. Въ день праздника тамъ и сямъ разложены плетни, а на нихъ навалены груды мяса; все праздничное мѣсто уставлено *хабизджинами* — огромными ватрушками, или пирогами съ сыромъ (чири), огромными кувшинами съ аракою, кадками съ бузою и пивомъ.

Старикъ, избранный въ прошломъ году распорядителемъ праздника, или почтенный старшина селенія начинаетъ обрядъ празднованія чтеніемъ молитвы.

— Боже праведный, произноситъ онъ—слава тебѣ! Святые Николай, Георгій, будьте намъ путеводителями на добрыя дѣла! Нашъ покровитель Никола, спаси насъ отъ вражьяго меча и укроти нашу злобу—кровь за кровь! О ты, святый Архангелъ Михаилъ! не допусти насъ въ сѣти лукаваго. Пошли намъ, Боже, чтобы начальники надъ нами поставленные, были къ намъ милостивы въ настоящемъ году. Христосъ! не будь строгъ къ намъ во время суда. И ты мать Марія! молись о насъ. А ты святый Илія—помилуй насъ, проси у Бога и дай намъ хлѣба, дай урожаю, отврати отъ насъ огонь громовой. Прости намъ наши слабости, и стрѣлы твои, посылаемыя на землю въ наказаніе, отклони и не направляй на насъ. Пошли намъ, вмѣстѣ съ хлѣбомъ—распложеніе скота, насъ питающаго, птицъ, насъ кормящихъ, и барановъ, намъ доставляющихъ одежду, для прикрытія наготы.

— Аминь, аминь, отвѣчаютъ присутствующіе.

Вообще смыслъ и содержаніе молитвъ при всѣхъ почти праздникахъ бываетъ одинаковъ. Прежде всего обращаются съ просьбою къ тому святому, котораго празднуютъ, и просятъ его защиты и покровительства. Затѣмъ просятъ пророка Илію, о покровительствѣ стадъ; св. Георгія—объ успѣхѣ набѣга или путешествія, чтобы грабежъ и воровство увѣнчались успѣхомъ; чтобы, при нашествіи непріятеля, онъ потерпѣлъ неудачу, а молящіеся имѣли успѣхъ и могли предупредить его во-время. Въ заключеніе молитвы обращаются къ Творцу вселенной, прося всѣхъ благъ на землю ихъ, и о ниспосланіи всѣхъ золъ на враговъ молящихся.

— Чего вы хотите? спрашиваетъ тотъ-же старикъ, окончивъ молитву и обращаясь къ предстоящимъ.

— Хоръ-хоръ (хлѣба, урожая), отвѣчаютъ тѣ.

Послѣ такого отвѣта обыкновенно приступаютъ къ выбору хозяина праздника на слѣдующій годъ. Выбранный выходитъ изъ среды общества, подходитъ къ старшинѣ и принимаетъ отъ него *табагъ*—довольно большую, деревянную чашу. Вновь выбранный снимаетъ папаху и наклоняетъ голову, а старый начинаетъ лить ему на голову бузу изъ кувшина, и при этотъ шепчетъ какія-то слова, которыхъ осетины не говорятъ посторопнимъ, боясь небеснаго гнѣва.

— Чего хотите вы въ будущемъ году? спрашиваетъ поливающій снова у мальчиковъ, стоящихъ напротивъ.

— Пищи, хлѣба и урожая! кричатъ они, сливая свои голоса въ одинъ протяжный громовой отвѣтъ.

«Возліяніе, говоритъ Н. Берзеновъ, очевидецъ этого праздника, повторялось троекратно; и вся влага, вымывшая священную голову, лилась въ чашу, которую скоро приняли изъ рукъ старца, не мало утомленнаго въ продолженіи такого труднаго церемоніяла; бузу изъ чаши раздѣлили между собою и, съ видимымъ благоговѣніемъ, выпили ее, какъ благословенную, какъ святыню».

По окончаніи такой церемоніи турьи рога снова наполняются брагою и разносятся гостямъ по порядку и старшинству, и тогда начинается обѣдъ, попойка и пиръ, продолжающіеся дня три и болѣе. За каждымъ тостомъ поютъ пѣсни въ честь вновь избраннаго хозяина, а старый распорядитель праздника напѣваетъ стихи въ родѣ слѣдующихъ:

— Слава избранному нами, провозглашаетъ старшій.

— Возьми на здоровье, пей, отвѣчаютъ гости.

— Молись Иліи! Онъ попроситъ у Бога и дастъ тебѣ хлѣба, говоритъ запѣвало.

— Возьми пей, отвѣчаютъ гости.

— Проси Николу! онъ спасетъ тебя и насъ отъ вражьихъ рукъ.

— Возьми пей!

— А Михаилъ Архангелъ пошлетъ тебѣ здоровья.

— Возьми пей.

— Георгій дастъ много скота.

— Возьми пей!

Непосредственно за этою пѣснею слѣдуетъ поминовеніе умершихъ и вновь избранный хозяинъ, смѣнивъ стараго, затягиваетъ пѣсню.

— Братцы много веселились, ради праздника сего, выпьемъ, выпьемъ чару новую!

— Выпьемъ, выпьемъ чару новую! вторитъ хоръ.

— Вѣдь покойники проснулись и смѣются всѣ надъ нами.

— Выпьемъ, выпьемъ чару новую!
— Не они-ли насъ кормили на этомъ праздникѣ, друзья?
— Выпьемъ, выпьемъ чару новую.
— Всѣ остатки отъ обѣда бѣднымъ и нагимъ мы отдадимъ.
— Выпьемъ, выпьемъ чару новую.
— И ты, старый нашъ хозяинъ, береги напитокъ бѣднымъ!
— Выпьемъ; выпьемъ чару новую.
— Ты-жь земля родная! сохрани ты намъ родныхъ!
— Выпьемъ, выпьемъ чару новую.
— А вамъ, души намъ родныя, за насъ грѣшниковъ молить!
— Выпьемъ, выпьемъ чару новую!

По окончаніи пѣсни, всѣ присутствующіе просятъ усопшихъ передать святымъ, что они исполнили свой долгъ, а Михаила Архангела сохранить ихъ отъ болѣзни — называя его *Рыны-барддагъ* (правитель болѣзней); Николая чудотворца и Георгія побѣдоносца просятъ защиты и покровительства, во время войны и путешествія. Закончивъ праздникъ джигитовкою, всѣ присутствующіе на немъ расходятся ([1]).

Слѣды праздниковъ остаются на долго. Трава на мѣстѣ пиршества бываетъ обыкновенно слишкомъ помята; мягкій грунтъ во многихъ мѣстахъ сильно вдавленъ человѣческими ногами и корпусами — признаками недавней борьбы. Тамъ и сямъ валяются головни—то слѣды разведенныхъ костровъ; въ разныхъ мѣстахъ разбросаны оглоданныя кости — единственные остатки отъ принесенныхъ жертвъ, а на не высохшія лужи отъ пролитой крови и бульона собираются птицы, собаки свиньи и доѣдаютъ то, что осталось отъ трапезы людей.

Въ субботу на третьей или четвертой недѣлѣ великаго поста осетины справляютъ самый важный праздникъ *Лаусъ-гананъ*—общія поминки.

Наканунѣ варятъ говядину, пиво, брагу, фасоль, пекутъ пироги и чуреки. Набивъ всѣмъ этимъ мѣшокъ, вѣшаютъ его передъ дверью сакли. Туземцы полагаютъ, что загробные ихъ родственники, истративъ свое продовольствіе, нуждаются въ пропитаніи и придутъ за нимъ въ эту ночь, а потому и вѣшаютъ мѣшокъ на видномъ мѣстѣ. На утро мѣшокъ остается цѣлъ и полонъ; хозяева, заключая изъ этого, что умершіе не нуждаются ни въ чемъ, вынимаютъ изъ мѣшковъ все съѣстное и употребляютъ его сами въ пищу. Затѣмъ въ субботу собираются на кладбище, оплакиваютъ обыкновеннымъ порядкомъ всѣхъ умершихъ, производятъ судъ и расправу по запутаннымъ дѣламъ общества и предаются утоленію голода и попойкѣ ([2]).

([1]) Очерки Осетіи Н. Берзеновъ Кавказъ 1850 г. № 47 и 48. Осетинскій праздникъ хоръ-хоръ Василій Переваленко Кавк. 1853. г. № 39.

([2]) Религіозные обряды осетинъ и проч. Кавказъ 1846 г. № 29. Поѣздка въ Кударское ущелье. В. Переваленко. Кавказъ 1849 г. № 40.

Съ вечера страстной субботы, наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія, каждый осетинъ старается провести предстоящую ночь одинъ, потому что, по сказанію народа, Іисусъ Христосъ ежегодно въ эту ночь сходитъ съ неба на пѣгой лошади и показывается только одному достойному осетину, который будетъ послѣ того счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Отпраздновавъ Свѣтлое Христово Воскресеніе, осетины ожидаютъ праздника *Уастырджи*, въ честь Св. Георгія, или, какъ называютъ его женщины, *Лагти-Дзуара*—святаго всѣхъ мужчинъ. Женщина не смѣетъ произносить имени этого святаго, вѣроятно потому, что, по обычаю народа, она не должна называть по имени ни мужа, ни родственниковъ и даже избѣгать говорить о послѣднихъ, слѣдовательно не смѣетъ произносить и имени святаго, покровительствующаго только мужчинамъ.

Въ честь этого святаго въ Осетіи бываетъ два праздника: одинъ 23-го апрѣля, а другой 10-го ноября и извѣстныхъ подъ именами: *Джоргуба* и *Вашкирки*. Осетины Кударскаго, Мамисонскаго, Джавскаго, Герскаго и сопредѣльныхъ съ ними ущелій празднуютъ Вашкирки, съ 10-го ноября и до начала декабря.

Наканунѣ праздника, 9-го ноября, каждое осетинское семейство обязано прибыть для всенощнаго бдѣнія къ храму Св. побѣдоносца Георгія, или же къ знакамъ, поставленнымъ въ честь этого святаго, гдѣ нибудь по близости аула или на возвышенности. Знаки эти поставлены съ незапятныхъ временъ и на видномъ мѣстѣ. Тотъ, кто находится въ этотъ день въ дорогѣ, обязанъ зажечь въ честь святаго восковую свѣчу и помолиться Св. Георгію.

Къ храму, или знакамъ, собирается въ этотъ день множество народа. Каждый приноситъ съ собою пиво, араку и большую *хабизджину*. Передъ священными знаками ставятся восковыя свѣчи, и всѣ присутствующіе усердно молятся, творя крестное знаменіе, а потомъ, сѣвши вокругъ разведенныхъ костровъ, предаются веселому пиршеству.

— Подай намъ лучшаго Георгій! (хорзъ раги Вашкирки) слышатся повсюду возгласы пьющихъ вино и араку.

Съ наступленіемъ утра многіе изъ осетинъ отправляются на гору *Геры*, находящуюся въ Герскомъ ущельѣ Малоліяхвскаго участка Осетинскаго округа.

По едва-проходимымъ тропинкамъ, ведущимъ по разнымъ направленіямъ на гору Геры, проникнутые чувствомъ благоговѣнія, спѣшатъ осетины къ стоящей на вершинѣ горы маленькой каменной церкви, безъ купола и обнесенной каменною, но уже развалившеюся оградою. Каждый старается опередить другаго, чтобы скорѣе достигнуть церкви и показать свое рвеніе.

Шумъ и говоръ, блеяніе барановъ, приведенныхъ на закланіе, ржаніе коней, взбирающихся съ всадниками на крутой подъемъ, и плачъ дѣтей, просящихся отъ усталости на руки къ родителямъ — все сливается въ одинъ общій гулъ, висящій надъ горами.

Подлѣ церкви видны женщины въ ситцевыхъ и шелковыхъ платьяхъ, самыхъ пестрыхъ цвѣтовъ, а между ними изрѣдка промелькнетъ молодая дѣвушка въ *згвалтъ*—плащѣ изъ краснаго сукна, указывающемъ, что носящая его невѣста, ожидающая счастливаго супружества.

Избравъ себѣ вблизи церкви мѣсто стоянки и развернувъ значки съ изображеніемъ Св. Георгія, каждое семейство открываетъ подъ сѣнію значка торжественное шествіе въ церковь. Шествіе это сопровождается хвалебными гимнами, сложенными въ честь святаго, и множествомъ зажженныхъ свѣчей. При этомъ каждое семейство несетъ передъ собою *хабизджину*, на которой положена четвертая часть принесеннаго въ жертву барана, пиво, аракъ, и пучекъ бѣлаго шелка, съ нанизанными на немъ мелкими серебряными монетами. Заходя въ церковь съ восточной стороны, богомольцы встрѣчаютъ у наружной двери храма священника съ образомъ Св. Георгія, и старшаго деканоза (главнаго церковнаго старосту), изъ осетинъ, съ хоругвью того же святаго. Подлѣ нихъ стоитъ младшій деканозъ, для принятія приношеній.

Приложившись къ иконѣ и хоругви, которую деканозъ наклоняетъ надъ головою каждаго и произноситъ молитву, богомольцы передаютъ младшему деканозу свои добровольныя пожертвованія.

Затѣмъ одни изъ богомольцевъ входятъ внутрь храма, молятся и ставятъ свѣчи передъ иконами, другіе считаютъ обрядъ оконченнымъ и гуляютъ по развалинамъ ограды, разсуждая о житейскихъ своихъ нуждахъ, и наконецъ третьи идутъ къ священному дубу, стоящему на самомъ краю утесистой горы, возвышающейся футовъ на 200 надъ окружающею мѣстностію.

По вѣрованію осетинъ, дубъ этотъ имѣетъ способность изгонять нечистую силу, находящуюся въ человѣкѣ. Поэтому туземцы въ теченіе цѣлаго года, а не исключительно въ праздничный день, обращаются къ дубу, находящемуся при храмѣ Св. Георгія Герскаго. Какъ только замѣчено бываетъ въ комъ либо помраченіе ума, или падучая болѣзнь, больнаго тотчасъ же отвозятъ въ эту церковь, и, оставивъ его тамъ на нѣсколько дней, приводятъ потомъ къ священному дубу. Привязавъ одинъ конецъ веревки къ стволу дуба, а другимъ опоясавъ больнаго, спускаютъ его внизъ до половины скалы, угрожая сбросить его въ пропасть, если больной не назоветъ имени того нечистаго, который сидитъ въ немъ. Осетины чистосердечно увѣряютъ, что названный по имени духъ мгновенно изчезаетъ и больной выздоравливаетъ. Случается, что на всѣ угрозы больной не называетъ имени своего мучителя, тогда туземцы объясняютъ упорство больнаго тѣмъ, что при спускѣ съ горы онъ больше людскихъ угрозъ боится какихъ-то чудовищъ, которые пугаютъ его во время опусканія. Такіе больные считаются народомъ неизлечимыми.

По окончаніи обѣдни, съ восточной стороны церкви на прекрасной полянѣ, подъ церковною оградою, размѣщаются богомольцы, мужчины отдѣльно отъ женщинъ. На зеленой травѣ лежатъ съѣстные припасы и напитки.

Одинъ изъ прислуживающихъ, наливъ въ большой деревянный кубокъ пива, а въ маленькій рожокъ вина, подноситъ ихъ къ старшему изъ присутствующихъ. Тотъ встаетъ, а за нимъ встаютъ и всѣ богомольцы. Старшій произноситъ молитву, а остальные повторяютъ *оменъ* (аминь). Благословивъ трапезу и присутствующихъ отъ имени Вашкирки, читавшій молитву садится на свое мѣсто. Всѣ остальные слѣдуютъ его примѣру и принимаются за трапезу, сопровождаемую частыми пистолетными выстрѣлами. Сосуды съ пивомъ и виномъ переходятъ изъ рукъ въ руки, мало по малу все оживляется, начинаются танцы, джигитовка и игры.

Съ закатомъ солнца осетины, забравъ своихъ женъ, дѣтей и приложившись еще разъ къ наружной стѣнѣ храма, отправляются домой, поручая себя покровительству Св. Георгія.

Двѣ недѣли, слѣдующія непосредственно за праздникомъ, посвящаются осетинами исключительно обрученіямъ (усракорта) и свадьбамъ (кинджахсанъ). Свадьбы, совершаемыя въ эти двѣ недѣли, пользуются особымъ уваженіемъ въ народѣ и не расторгаются такъ скоро разводомъ, какъ это бываетъ съ тѣми, которыя совершаются въ прочее время года.

Вообще къ Св. Георгію простой народъ питаетъ не только уваженіе, но и благоговѣйное обожаніе.

По вѣрованію туземца, если человѣкъ забываетъ Бога и впадаетъ въ грѣхи, то великомученикъ принимаетъ строгія мѣры къ его исправленію, избирая орудіемъ для того *кадаги* (вѣщуна). Св. Георгій не обращаетъ тогда вниманія на то, къ числу порочныхъ или праведныхъ лицъ принадлежитъ кадаги, лишь бы только чрезъ него достигнуть цѣли. Кадаги, по преимуществу больной, получившій невидимымъ путемъ призваніе свыше, начинаетъ свое пророчество, или, по увѣренію народа, «*всегда вѣрное*» предсказаніе. Въ судорожныхъ движеніяхъ, кривляніяхъ и т. п., подъ страхомъ наказанія отъ Св. Георгія, онъ громко проповѣдуетъ всеобщее покаяніе, а страждущимъ пилигримство и кровавыя жертвы.

Слова кадаги скоро разносятся по всѣмъ селеніямъ и распространяютъ страхъ между жителями. Толпа валитъ къ нему со всѣхъ сторонъ и смиренно преклоняетъ колѣна. Громовыя рѣчи его слушаютъ какъ предсказанія ангела и исполняютъ ихъ безпрекословно, съ особеннымъ тщаніемъ. Тѣ, кого онъ обязалъ сдѣлать путешествіе или покаяться передъ какимъ либо образомъ, надѣваютъ бѣлую одежду и отправляются босикомъ къ мѣсту назначенія; на шею надѣваютъ мѣдныя проволоки, унизанныя просверленными монетами и прилѣпленными къ нимъ кусками воску. Достигнувъ мѣста покаянія, закалываютъ жертвы, а священники, пользуясь этимъ суевѣріемъ народа, читаютъ надъ пришедшимъ очистительныя молитвы, стригутъ крестообразно волоса на головѣ и снимаютъ съ молящагося знаки обѣта, какъ доказательство, что онъ выполненъ.

Въ 1840 году въ Карталинской Осетіи образовалась цѣлая секта геор-

гіянцевъ, представителями которой были, по преимуществу, женщины. Они расхаживали по деревнямъ и проповѣдывали устами Св. Георгія разныя нелѣпости. Увѣряя народъ, что святой приказалъ христіанамъ работать только три дня въ недѣлю, сектанты составили въ честь его особую молитву и установили новые обряды.

Поводомъ къ этому волненію была молодая женщина, лѣтъ двадцати, жена одного зажиточнаго осетина. Марине—такъ звали эту женщину — была бездѣтна и, видя въ этомъ наказаніе или испытаніе ниспосланное Богомъ, она, сдѣлавшись до чрезвычайности религіозна, стала прилежно посѣщать церковь. Каждый разъ, стоя передъ образомъ на колѣняхъ, Марине била себя въ грудь и просила Матерь Божію оплодотворить ее. Молитва ея не была услышана и она оставалась попрежнему бездѣтна. Занятая постоянно одною и тою же мыслію, бѣдная женщина стала выказывать странности въ характерѣ. Ей пришло на мысль, и она скоро увѣрила себя, что такое наказаніе ей ниспослано Господомъ за грѣхи людей, и что до тѣхъ поръ она останется безплодною, пока не наведетъ людей на путь истины.

— Я просила Бога, разсказывала она, какъ достигнуть этой спасительной цѣли и не разъ получала утѣшеніе въ видѣніяхъ.

Распаленное воображеніе рисовало ей Бога, окруженнаго на облакахъ сонмомъ ангеловъ, или Матерь Божію съ ея святымъ младенцемъ.

— Мари́не! слышался ей каждый разъ невѣдомый голосъ: потерпи еще, и будетъ по желанію твоему.

Въ этихъ словахъ бѣдная женщина видѣла ободрѣніе свыше.

Она надѣла бѣлое платье, опоясала себя веревкой и предалась еще большимъ молитвамъ. Постоянное напряженіе душевныхъ силъ помрачило ея разсудокъ и разстроило здоровье. Лицо ея сдѣлалось болѣзненно, глаза блуждали; она прервала всякую связь съ міромъ, сообщеніе съ мужемъ и, переселившись въ миръ фантазіи, жила воображеніемъ. Чувствуя съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе потребность къ уединенію, Марине жила днемъ въ пещерѣ, а ночью бродила по лѣсамъ и горамъ. Бѣлая одежда, распущенные волоса дѣлали ее похожею на привидѣніе; прохожіе, встрѣчавшіе ее въ такомъ видѣ, видѣли, какъ она постоянно что-то бормотала про себя...

Таково было состояніе бѣдной Марине, лишившейся разсудка. Наступилъ день 23-го апрѣля, когда осетины празднуютъ память Св. Георгія. Толпы народа съ ранняго утра собирались около древняго храма, въ честь Великомученика и находящагося неподалеку отъ селенія Дзагипъ. Изъ дальнихъ странъ шли богомольцы къ храму, чтобы принести жертву святому, особенно уважаемому осетинами. На праздникъ пришла и Марине. Она смиренно стояла во храмѣ впереди всѣхъ и молилась. Обѣдня подходила къ концу, какъ вдругъ она пронзительно вскрикнула и упала въ корчахъ.

— Грѣхи ваши, грѣхи, кричала она, обращаясь къ присутствующимъ, оскорбляютъ Бога! Вы человѣкоубійцы и воры, вы забыли Господа и Св.

Георгія и уже не приносите имъ тучныхъ воловъ и овецъ. Покаянія! покаянія требуетъ отъ васъ небо. Иначе, если не послушаетесь, вы погибнете: мечъ Божій уже изощренъ! Скоро голодъ и всякія язвы распространятся между людьми; земля съ ревомъ раскроетъ свою пасть и извергнетъ огненные потоки, горные ручьи образуютъ потопъ. Кто избѣгнетъ всего этого, того поразитъ свой же ближній. Вай, страшный вай ждетъ весь свѣтъ!

Суевѣрный народъ былъ пораженъ до крайности подобными словами. Глухой шумъ отъ ударовъ въ грудь и рыданія многихъ, въ особенности женщинъ, огласили церковь. Пораженные осетины, не зная что дѣлать, обратились къ тому же Георгію съ просьбою о прощеніи.

— Сдѣлаемъ все, все что отъ насъ потребуешь, Св. Георгій, говорилъ народъ.

— Нѣтъ, вы обманщики, слышался голосъ неумолимой Марине. Вамъ не вѣритъ Св. Георгій, вы должны дать ему письменное обязательство.

— Согласны, всѣ согласны, кричалъ народъ.

Д. Бокрадзе приводитъ переводъ письменнаго обязательства, подписаннаго осетинами и переданнаго на храненіе священнику. Всѣ осетины, большіе и малые, мужчины, женщины и дѣти обѣщались Св. Георгію, если онъ проститъ ихъ грѣхи, воздержаться отъ пороковъ. Они клялись не заниматься убійствомъ, разбоемъ, воровствомъ, не дѣлать набѣговъ, не портить чужихъ сѣнокосовъ, не воровать скота, хлѣба и овощей. Обѣщались отказаться отъ грѣховныхъ связей съ мачихами, сестрами родными и двоюродными, невѣстками и кумами. Въ посты не ѣсть ничего мяснаго, а въ великій постъ говѣть и пріобщаться святыхъ таинъ; праздновать не только праздники, но не работать по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ; не ѣсть па́дали; любить ближняго и не жаловаться ни на кого. Кто измѣнитъ клятвѣ, на того народъ призывалъ строжайшее наказаніе Св. Георгія.

Достигнувъ своей цѣли, Марине торжествовала и въ глазахъ народа сдѣлалась общею проповѣдницею. Съ крестомъ въ рукѣ, она переходила изъ деревни въ деревню, проповѣдуя повсюду покаяніе. Распаленное воображеніе ея, раздраженное состояніе проходило, а въ замѣнъ того лицо ея и глаза блестѣли внутреннимъ торжествомъ. Недугъ, отъ котораго она исцѣлилась, заразилъ другихъ; въ народѣ появилось множество ея послѣдователей, старавшихся перещеголять другъ друга своимъ призваніемъ свыше. Въ обыкновенные и праздничные дни, въ деревнѣ и въ церкви, гдѣ только собирался народъ, появлялись кадаги и преслѣдовали его своими проповѣдями.

— Горе, горе вамъ! кричитъ изступленная женщина въ одной саклѣ, вы сами виноваты: Господь наказываетъ васъ за ваши грѣхи. Перестаньте безчинствовать, если хотите, чтобы вамъ было хорошо—это слова Св. Георгія.

Почти голая, съ распущенными волосами, съ исковерканнымъ и исцарапаннымъ лицомъ, кадаги кричитъ и реветъ что есть мочи.

— Св. Георгій, помоги! Напрасно тебя люди ищутъ въ церкви, ты здѣсь! кричитъ въ другой саклѣ молодой человѣкъ, прося помощи у великомученика.

Кадаги распространились повсюду. Одна изъ нихъ видитъ Св. Георгія на бѣломъ конѣ, съ пылающимъ отъ гнѣва лицомъ и держащаго живаго дракона, связаннаго веревкой; другой — мерещутся черти съ страшными рогами, длинными зубами и когтями на ножныхъ пальцахъ. Тотъ проповѣдуетъ истинное покаяніе и отрѣшеніе отъ плоти, а этотъ, напротивъ—удовольствіе и любовь. Одни вскакиваютъ на деревья; другіе взбираются на кровлю церкви и, падая оттуда, съ довольно большой высоты, не разбиваются. Предвѣщаніямъ и требованіямъ ихъ не было конца; въ одномъ углу кадаги требуетъ принесенія въ жертву десяти быковъ, въ другомъ кричитъ, чтобы такой-то принесъ въ жертву десять барановъ; тотъ требуетъ, чтобы Созрико отдалъ дочь свою за Сасо, а этотъ кричитъ, чтобы Созрико, подъ страхомъ наказанія отъ Св. Георгія, не смѣлъ выдавать своей дочери за Сасо.

Отъ безчисленныхъ и противорѣчивыхъ требованій, у народа становились дыбомъ волосы, онъ не зналъ что дѣлать. Считая необходимымъ исполнять требованія предсказателей, народъ то ходилъ, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, босикомъ, то привязывалъ къ рукѣ *шану* (¹) и носилъ ее до извѣстнаго срока.

Въ такомъ печальномъ, неспокойномъ настроеніи, ожидая ежеминутно небесной кары, собирались осетины на праздникъ въ мѣстечко Корниси. Мѣсто сбора образуетъ довольно обширную луговину, вокругъ поросшую дремучимъ лѣсомъ. Стоящее посреди церковное зданіе имѣетъ крестообразный видъ и прикрыто различными кустами и вьющимися растеніями. Глухой говоръ оглашалъ окрестности. Въ разныхъ мѣстахъ горѣло нѣсколько костровъ, надъ которыми въ большихъ котлахъ кипятили воду; подлѣ костровъ лежали огромные деревянные вертела, для шашлыковъ. Приведенный на жертву скотъ стоялъ привязаннымъ къ деревьямъ; часть его была уже зарѣзана и выпотрашивалась. По всему пространству, тамъ и сямъ, сновалъ босой народъ, едва прикрытый лохмотьями. Между нимъ вертѣлись кадаги, требующія покаянія и жертвы. Толпа переходила отъ одной кадаги къ другой, съ потупленными взорами и съ лицами, выражающими страхъ, просила прощенія Св. Георгія.

— Все, все сдѣлаемъ, Св. Георгій, говорили со страхомъ собравшіеся на праздникъ; требуй отъ насъ чего хочешь, только не губи насъ!

Осетины не на шутку вѣрили, что своими грѣхами оскорбили небо и святаго.

Заколотыя и сваренныя въ честь святаго жертвы призывали къ трапезѣ. Обѣдъ успокоилъ на нѣкоторое время ошеломленныхъ. Всѣ принялись за ѣду: дернъ служилъ для нихъ супрою (скатертью); небольшія плетенки—

(¹) Шанъ—мелкая просверленная монета, которую надѣваютъ на стальную проволоку и привязываютъ къ оконечности руки.

подносами, на которыхъ подавались черствые чуреки, сыръ и большіе куски недовареной говядины. По близости стояли бочки араки (водки) и луды (пива изъ ячменя съ хмѣлемъ).

По старшинству лѣтъ и въ нѣсколько рядовъ расположились присутствующіе, кто въ полусидячемъ положеніи, кто на маленькихъ скамеечкахъ. Женщины перемѣшались съ мужчинами, — онѣ не дичатся ихъ. Кадаги успокоились, и только окровавленныя лица и блуждающіе глаза свидѣтельствовали о недавнемъ ихъ недугѣ.

Передъ началомъ обѣда старшина поднялся на ноги и за нимъ поднялись и всѣ. Онъ взялъ кубокъ или ковшъ съ аракою и обратился къ присутствующимъ съ такою рѣчью:

— Слушайте, почтенные старцы, и умолкните неразумные щенки, сказалъ онъ имъ. Я буду говорить вамъ дѣло. Пейте и ѣшьте во славу Св. Георгія. Великій мужъ! помирись съ нами и будемъ попрежнему друзьями. Мы, право, будемъ выполнять все, что приказываешь черезъ кадаговъ: соблюдать посты, праздновать всегда три дня въ недѣлю; не станемъ уже заниматься ни воровствомъ, ни убійствомъ.

Послѣ такой рѣчи началась попойка, продолжавшаяся долго. Поднялся шумъ и религіозный страхъ мало по малу изчезъ. Мужчины и женщины плясали вмѣстѣ, нѣсколько разъ затѣвалась драка, противники хватались за кинжалы, и только появленіе кадагъ, ихъ кривляніе и посредничество заставляло противниковъ вспомнить о тяготѣющемъ надъ народомъ небесномъ гнѣвѣ и удержаться отъ кровавой сцены. Предсказаніе и требованіе кадагъ дурно вліяло на осетинъ. По одному ихъ приказанію, они приносили въ жертву послѣднихъ быковъ и барановъ; попойки, часто повторяемыя, раззоряли поселянъ, постановившихъ къ тому же не работать по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ. Все это не могло не обратить вниманія правительства, стараніями котораго осетины были успокоены, секты георгіянцевъ «не существуетъ, но Марине, говоритъ Д. Б—дзе, доселѣ жива: она совершенно здорова умственно и физически и имѣетъ дѣтей» (1).

Троицынъ день, извѣстный у осетинъ подъ именемъ *Кардагъ-Хасанъ* — сборъ травъ, считается въ числѣ главныхъ праздниковъ и празднуется съ особеннымъ великолѣпіемъ въ аулахъ осетинскаго ущелья Санебанъ. Гора, на которой приносятся жертвы, называется Рекомъ. Жрецъ, для исполненія церемоніи праздника, выбирается поочереди изъ почтеннѣйшихъ стариковъ. Жертвоприношеніе оканчивается пиромъ, а куски пищи, предназначенные на жертву, складываются въ сторонѣ на какое нибудь дерево, посвященное Кардагъ-Хасанъ, т. е. Св. Троицѣ (2).

---

(1) Осетины Георгіанцы Д. Б—дзе Кавк. 1851 г. № 69. Грузинскія гадальщицы Н. Б. Кавк. 1853 г. № 56.

(2) О народныхъ праздникахъ и проч. Вердеревскаго Кавк. 1855 г. № 5.

Черезъ двѣ недѣли послѣ Кардагъ-Хасана (Св. Троицы) у осетинъ бываетъ праздникъ *Уацила*, въ честь пророка Иліи. Подъ именемъ *Уацилы* или *Вацилы* осетины разумѣютъ пророка Илію, котораго считаютъ управляющимъ громомъ и молніею и представляютъ себѣ сидящимъ въ огненной колесницѣ, везомой огненными крылатыми конями. Во время засухи или продолжительной непогоды осетины обращаются съ молитвою къ этому святому, прося его пощадить ихъ нивы, полевыя и огородныя растенія. Жертвоприношеніе, въ такомъ случаѣ, совершается подъ дубомъ, который выбирается, по преимуществу, старый и солидныхъ размѣровъ въ поперечникѣ.

Громовой ударъ осетины считаютъ проявленіемъ сильнаго гнѣва Вацилы. Почти всегда, въ каждомъ аулѣ, найдется такая старуха, которая, послѣ удара грома и молніи, впадаетъ въ обморокъ, начинаетъ рвать на себѣ волосы, бить по лицу, скрежетать зубами, производить кривлянья и различныя гримасы, словомъ, показываетъ себя какъ бы *навожденною*. Распѣвая непонятныя пѣсни, она особенно часто повтораетъ: «*цопай во елдари цоппай*». Подобное лицо народъ считаетъ пророчицею Св. Иліи и спрашиваютъ у нея чего требуетъ Вацила, для удовлетворенія своего гнѣва. Она обыкновенно требуетъ принести въ жертву нѣсколько воловъ и барановъ и тѣмъ доставляетъ общую радость жителямъ, имѣющимъ случай лишній разъ насытиться и повеселиться (1).

Въ день празника каждый хозяинъ долженъ принести жертву по средствамъ. Зарѣзавъ корову, барана или козла и помолившись Богу, начинаютъ пировать, приглашая сосѣдей, но съ тѣмъ однако же, чтобы каждый приглашенный пришелъ со своими кушаньями, приготовленными изъ жертвы, принесенной по случаю этого дня. Напившись и наѣвшись до сыта, хозяинъ, вмѣстѣ съ своими ближайшими родственниками, относитъ въ лѣсъ кожу животнаго принесеннаго въ жертву и, повѣсивъ ее на дерево, произноситъ при этомъ слова приличныя празднику. Кожа остается на деревѣ, какъ свидѣтельство въ точномъ исполненіи праздника.

Главное же мѣсто празднованія происходитъ въ аулѣ *Какадуръ*, въ Тагаурскихъ горахъ, гдѣ существуетъ одна изъ горъ посвященныхъ пророку Иліи, и тамъ живетъ главный жрецъ *дзуаръ-лагъ* (образъ-человѣкъ, святой человѣкъ)—распорядитель Св. Иліи.

Дзуаръ-лагъ одинъ посвященъ въ таинство приношенія жертвъ и выбирается изъ числа самыхъ почтенныхъ стариковъ, преимущественно одной и той же фамиліи. Онъ одинъ только можетъ всходить на священную гору, получать подарки въ день праздника, ходить въ бѣлой одеждѣ, гадать и приносить жертвы.

Въ пещерѣ горы устроенъ жертвенникъ, въ которомъ хранятся всѣ приношенія и священная чаша. За три дня до наступленія праздника дзуаръ-

(1) Очерки Осетіи Н. Берзеновъ Кавк. 1850 г. № 48.

лагъ долженъ приготовиться къ совершенію таинствъ. Приготовленіе это заключается въ омовеніи въ теченіе трехъ послѣднихъ дней молокомъ, чтобы чище явиться передъ святымъ, въ надѣваніи бѣлаго платья и приготовленіи, нарочно для праздника, пива. Вечеромъ, наканунѣ праздника, дзуаръ-лагъ, взявъ съ собою пиво, отправляется на гору. Подойдя къ жертвеннику, онъ наливаетъ пиво въ чашу и, поставивъ ее на самомъ высокомъ и видномъ мѣстѣ горы, ложится подлѣ нея спать, на всю ночь.

По вѣрованію народа, въ эту ночь Вацила (т. е. св. Илія), спустившись съ неба, опрокидываетъ чашу. Дзуаръ-лагъ, проснувшись поутру въ день праздника, смотритъ, въ которую сторону пролито пиво, и, сообразно съ этимъ, дѣлаетъ свои предсказанія о благополучіи текущаго года, объ урожаѣ и проч. Пиво, пролитое къ сторонѣ горъ, предвѣщаетъ урожай Осетіи; а къ Кабардѣ и Чечнѣ—урожай тѣмъ народамъ. За тѣмъ гадатель спускается съ горы и за хорошее предвѣщаніе получаетъ подарки съѣстнымъ или вещами, кто чѣмъ можетъ и кому чѣмъ вздумается подарить его.

Здѣсь празднованіе отличается отъ прочихъ мѣстъ тѣмъ, что жертвы не вносятся на гору, а во время молитвы жреца народъ стоитъ въ почтительномъ отдаленіи отъ горы и потомъ ѣдятъ не въ общей трапезѣ, а кто что пригадалъ себѣ къ празднику.

Дзуаръ-лагъ занимается гаданьемъ и въ прочіе дни года. Больной приглашаетъ его часто открыть истинную причину болѣзни. Дзуаръ-лагъ беретъ четыре палочки, длиною въ полъ аршина каждая, сращиваетъ ихъ попарно и дѣлаетъ на обоихъ концахъ разсчепы. Положивъ ихъ на столъ такъ, чтобы пара отъ пары отстояла на полъ-аршина, покрываетъ ихъ овчиною или кожею. Послѣ того приступаетъ къ чтенію заклинаній и молитвъ, прося, чтобы тайна открылась.

— Не сердится-ли *Тбавъ-Вацила* (св. пророкъ Илія) за что-нибудь на больнаго? спрашиваетъ жрецъ, окончивъ молитву и обращаясь къ таинственному покрывалу; если сердится, то пусть лѣвая пара приподнимется.

Тбавъ-Вацила, конечно, прогнѣвался на больнаго, иначе не могло бы быть гаданья: и вотъ лѣвая пара начинаетъ приподниматься и становится въ видѣ стропилъ.

— Чѣмъ ты провинился противъ святаго? спрашиваетъ гадающій больнаго.

— Въ праздникъ св. Иліи, говоритъ обыкновенно больной, желающій поскорѣе выздоровѣть, не принесъ я въ жертву лучшаго, не исполнилъ обѣщанія и не варилъ пива.

— Не угодны ли будутъ новыя жертвы больнаго? спрашиваетъ гадающій, обращаясь къ пророку Иліи.

Согласіе слѣдуетъ всегда за такимъ вопросомъ и, въ знакъ его, правая пара палочекъ также начинаетъ подниматься, и, достигнувъ до одной высоты съ лѣвою, обѣ пары соединяются.

Дзуаръ-лагъ получаетъ подарки, Вацила—новыя жертвы, а больной дол-

женъ выздоровѣть непремѣнно; если же умретъ—самъ виноватъ, потому что, вѣроятно, снова прогнѣвилъ святаго (¹).

Кромѣ гаданій дзуаръ-лага, осетины имѣютъ своихъ *дасныте*—знахарей и знахарокъ. Первые, по замѣчанію Ип. Тхостова, служатъ посредниками между людьми и святыми, а главное—между нечистыми силами; а вторыя—между Богомъ, святыми и людьми. Тѣ и другія пользуются громаднымъ значеніемъ. Предсказанія ихъ считаются пророчествомъ, ихъ нашептываніе цѣлительнымъ лекарствомъ, ихъ хожденіе вокругъ дома — сохраненіемъ отъ всякаго несчастія и изгнаніемъ изъ сакли шайтана (чорта).

Слава нѣкоторыхъ знахарей извѣстна по всей Осетіи, и нуждающіеся призываютъ такого знахаря часто за нѣсколько десятковъ верстъ.

Знахарь приступаетъ къ дѣлу только тогда, когда ему принесутъ на кругленькомъ столикѣ *уалибыхту*—пышку.

Во все время пребыванія своего въ домѣ призвавшаго, знахарь то нашептываетъ что-то, показывая видъ, что не обращаетъ вниманія на присутствующихъ, то громко молится, призывая на помощь всѣхъ святыхъ и нечистыхъ силъ. Накушавшись *уалибыхта* и разговаривая съ хозяевами, знахарь нарочно какъ-бы заговаривается, на языкѣ непонятномъ для окружающихъ, и старается показать, что бесѣдуетъ съ невидимыми силами. За тѣмъ, вечеромъ, онъ ложится спать очень рано, а призвавшіе его кладутъ ему подъ подушку серебряную монету, безъ которой духи ничего не сообщаютъ и самому знахарю. «Тутъ-то, въ тиши ночной, къ нему являются на помощь силы небесныя и подземныя, и происходитъ потѣха. Знахарь то споритъ съ духами, то умоляетъ ихъ, говоря, что страждущій прекраснѣйшій человѣкъ въ мірѣ, а семейство его и родные—самые праведные».

На утро, съѣвъ новую пышку и помолившись, знахарь объявляетъ, чѣмъ можетъ помочь больному, рѣжетъ быка или барана въ жертву тому святому, который, по его словамъ, причинилъ болѣзнь, наговариваетъ, нашептываетъ и, захвативъ съ собою все, что успѣлъ набрать или выпросить, отправляется домой.

Знахарка поступаетъ, въ этомъ случаѣ, нѣсколько иначе. Она начинаетъ съ разспросовъ больнаго: не святотатствовалъ ли онъ, не обманулъ ли какого святаго обѣщаніемъ принести жертву и, наконецъ, не отлучался ли изъ дому во время аульнаго праздника.

Разспросивъ такимъ образомъ и узнавъ что ей нужно, она беретъ чистый *карданъ* — бѣлое покрывало, завязываетъ въ одинъ конецъ его уголекъ и отъ него начинаетъ отмѣривать локтемъ, обозначая границы каждаго локтя булавкой или иголкой. За тѣмъ объявляетъ, что святой, напримѣръ Вацила, который, и по мнѣнію родныхъ больнаго, болѣе другихъ обиженъ,

---

(¹) Религіозные обряды осетинъ и проч. Шегрена Кавк. 1846 г. № 28. Поѣздка въ Кударское ущелье. Василій Переваленко Кавк. 1849 г. № 40.

прогнѣвался на страждущаго. Для бо́льшаго эфекта, она перебираетъ предварительно нѣсколькихъ святыхъ, непричастныхъ къ дѣлу.

— Если причиной болѣзни, говоритъ она, такой-то святой, то пусть карданъ увеличится или уменьшится.

Карданъ не увеличивается до тѣхъ поръ, пока дѣло не дойдетъ до названія Вацилы: тогда гадальщица ловко вытягиваетъ карданъ или переходитъ через границу, обозначенную иголкой.

— Смотрите, смотрите, какъ озлобленъ Вацила, говоритъ она: карданъ увеличился на цѣлый локоть.

Окружающіе, занятые мольбою о снисхожденіи къ больному и всему его семейству, не замѣчаютъ обмана знахарки, которая, чтобы умилостивить святаго, назначаетъ двойную жертву, «увѣряя, что больной поправится, потому что святой, открывшись, что онъ причиною болѣзни, согласился снизойти къ его ошибкамъ и простить ихъ».

Другой способъ леченія заключается въ привязываніи на шею больнаго камня *«чортовы когти»* и клочка черной матеріи, которыя должны быть неразлучны съ нимъ.

Эти вещи даются знахарками и людямъ здоровымъ, въ предохраненіе отъ всякаго недобраго случая.

Талисманы составляютъ не послѣднее дѣло въ жизни народа. Осетины зашиваютъ въ кожицу небольшой треугольникъ листоваго желѣза, съ вырѣзаннымъ въ срединѣ его крестомъ. Въ такую ладонку насыпаютъ толченаго угля и сѣры, а иногда, кромѣ того, кладутъ сплюснутыя пули, бывшія на жертвенникахъ, или землю, траву, листья и считаютъ тогда себя предохраненными отъ нечистой силы и смерти въ бою. Такія ладонки носятся на шеѣ, а дѣтямъ надѣваютъ ихъ въ первый разъ въ понедѣльникъ и вторникъ первой недѣли великаго поста.

Нѣкоторые носятъ магометанскія молитвы, писанныя по-арабски, на бумагѣ, шириною въ вершокъ и длиною въ ростъ человѣка, за подписью и печатью муллы. Если бумага приходится какъ разъ по росту носящаго молитву, то онъ считаетъ себя въ безопасности отъ пуль, шашекъ и дьявольскаго навожденія.

Послѣднее можетъ быть наведено на человѣка чародѣйствомъ и колдовствомъ. Колдуны и колдуньи, а въ особенности послѣднія, существуютъ и въ Осетіи, но находятся въ постоянной враждѣ съ *дасныте*—знахарями, знающими средство избавлять честной народъ отъ порчи колдовствомъ.

Подозрѣваемаго въ колдовствѣ человѣка знахарь ведетъ къ калиткѣ околдованнаго, привязываетъ къ нему передникъ, въ которомъ завязаны отруби, такъ, чтобы они не разсыпались безъ поддержки. «Когда все это готово, говоритъ Тхостовъ, знахарь, у ногъ предполагаемаго колдуна, рѣжетъ черную курицу и затѣмъ начинаетъ водить его вокругъ сакли, нашептывая что-то и ощипывая курицу, пухъ которой разбрасываетъ во всѣ стороны. Обойдя,

такимъ образомъ, трижды кругомъ сакли, онъ останавливается у калитки, говоритъ какія-то фразы, въ родѣ молитвы, и потомъ, отпустивши подозрѣваемаго колдуна, начинаетъ увѣрять призвавшихъ его, что колдовства уже нѣтъ и не будетъ.

Бываютъ случаи, когда на эту церемонію трудно уговорить заподозрѣнное лицо; тогда знахарь приказываетъ секретно отрѣзать у него что-нибудь изъ платья и достать клочекъ изъ его волосъ и съ ними уже совершаетъ описанную процедуру, по окончаніи которой лоскутъ и волосы зарываются въ землю, близъ сакли лица, потерпѣвшаго отъ колдовства (¹)».

Вѣра въ существованіе многихъ духовъ, разнаго рода покровителей, защитниковъ и угнетателей рода человѣческаго и боязнь прогнѣвить ихъ, вызвала народъ на совершеніе многихъ праздниковъ, и притомъ такихъ, что и сами осетины не знаютъ, въ честь кого празднуютъ.

Никто изъ осетинъ самъ собою не смѣетъ приступить къ сѣнокошенію, а долженъ выйдти на покосъ въ одно время и непремѣнно вмѣстѣ со всѣми жителями аула, округа или цѣлаго ущелья.

Хотя трава давно уже поспѣла, но горскіе осетины не рѣшаются косить ее ранѣе іюля мѣсяца и прежде совершенія праздника *атинага*. Тотъ, кто прежде этого времени возьметъ въ руку что-нибудь острое—*циргагъ*, тотъ считается причиною дурной погоды. Отъ этого и самый день, въ который бываетъ праздникъ атинагъ, носитъ названіе *цигисани-бонъ*, а торжество — *цигисаній-кувдъ*, т. е. молитва по случаю взятія въ руки остраго.

Раннее начатіе косьбы, по сказанію осетинъ, влечетъ за собою гнѣвъ святыхъ, насылающихъ дождь, непогоду, жгучіе жары и прочіе невзгоды, весьма вредныя для сѣнокоса или жатвы. Кто желаетъ начать сѣнокосъ раньше празднованія *атинага*, тотъ платитъ въ пользу аула штрафъ—*иваръ* или *коди*, состоящій иногда изъ двухъ быковъ, которые приносятся въ жертву богамъ, а шкуры ихъ промѣниваются на сыръ или отдаются кузнецамъ для раздувальныхъ мѣховъ.

Въ началѣ іюля, старѣйшины, на совѣтѣ, рѣшаютъ, когда быть *атинагу*, и, съ рѣшеніемъ своимъ, посылаютъ по аулу *фидивага*—глашатая, который, проходя по улицамъ аула, кричитъ о рѣшеніи совѣта.

— Ва-уй! прибавляетъ онъ при этомъ отъ себя, никто да не скажетъ, что онъ не слышитъ: кто имѣетъ уши, да слышитъ!

Въ аулѣ происходитъ въ это время дѣятельное приготовленіе араки, пива, браги и проч.

Въ назначенный день, по приглашенію того же *фидивага*, жители собираются въ чьемъ-нибудь домѣ, сараѣ или, просто, на открытомъ полѣ и при-

---

(¹) Знахари и знахарки Осетіи. Ин. Тхостова Терскія вѣдом. 1868 г. № 27. Кавк. 1868 г. № 85. Религіозные обряды осетинъ и проч. Шагрена Кавк. 1846 г. № 30.

носятъ съ собою *чирта*—пироги и напитки. На складчину покупаютъ или нѣсколько барановъ, или быка. Послѣ молитвы одного изъ старѣйшихъ надъ жертвою, ее передаютъ на закланіе, разсѣкаютъ потомъ по членамъ, такъ чтобы кости остались непремѣнно цѣлыми, и бросаютъ ихъ въ большой мѣдный котелъ, поставленный на огнѣ; сердце, легкое и печень идутъ на приготовленіе шашлыка, а кишки и брюшина—на *турбасъ*, или *либзу*, особое кушанье, къ которому прибавляютъ немного копченаго жира; кушанье это составляетъ лакомство для осетинъ.

По возвѣщеніи фидивага, что обѣдъ готовъ, всѣ садятся по порядку, уступая почетныя мѣста старшимъ. Ловкіе и опытные люди, по выбору общества, служатъ во время обѣда. Мясо вынимается изъ котла, пироги собираются въ одну кучу, а почетнымъ старшинамъ подаются турьи рога, наполненные аракою, виномъ или брагою.

Одинъ, самый старѣйшій изъ аула, подымается на ноги и снимаетъ шапку; его примѣру слѣдуютъ всѣ присутствующіе, и начинается молитва. Въ ней произносятъ имена всѣхъ святыхъ, прося ихъ милости и защиты.

— Слава тебѣ Боже, слава Тебѣ! (Хуцау табу-донъ, Хуцау!), произноситъ старшина и за тѣмъ проситъ *Саризадъ* (ангела головы) охранить каждаго отъ всякихъ золъ; *Уастырджи* (св. Георгія) помочь путникамъ и избавить отъ всякихъ напастей; *Дони-чизджиту* (дѣва воды) охранить отъ потопленія и, наконецъ, молящіеся предаютъ себя волѣ *Саниба* (Троицѣ).

Перечисливъ всѣхъ святыхъ, извѣстныхъ осетинамъ, присутствующіе на праздникѣ обращаются къ Елію и Вацилѣ съ особою молитвою.

— Елія! говоритъ старикъ, ты обладаешь громомъ, молніею и дождемъ; призри на людей твоихъ усердно тебѣ молящихся, и пошли съ неба столько дождя и свѣта, сколько нужно, да не засохнутъ и не сгніютъ хлѣба наши, да не потерпитъ народъ твой голода и жажды, каждый да принесетъ тебѣ жертву отъ плодовъ своихъ!... Вацила! да будутъ тебѣ угодны наши жертвы и молитвы; охраняй наши хлѣба и поля отъ засухи и непогоды, такъ какъ тебѣ отъ Бога дана эта сила и благодать.

— Омменъ Хуцау (аминь, Боже)! повторяетъ народъ за каждой фразой молитвы, произносимой старшиной, съ разстановками.

Старшина передаетъ затѣмъ одному изъ предстоящихъ стаканъ съ аракой или пивомъ и шашлыкъ.

— Да будутъ съ тобою милости, говоритъ тогда ему народъ, какъ тѣхъ святыхъ, которыхъ ты призвалъ, такъ и тѣхъ, о которыхъ умолчалъ.

Присутствующіе берутъ стаканы, полные вина, и шашлыки. Откусивъ отъ шашлыка и хлебнувъ вина, передаютъ слѣдующимъ, а въ это время вся приготовленная пища дѣлится по ровну и раздается по рукамъ. Послѣ обѣда бываютъ гимнастическія упражненія, прыганье, бѣганье взапуски, пляска, борьба и т. п. увеселенія.

Ежегодно, въ концѣ іюля или началѣ августа мѣсяца, жители осетин-

скихъ селеній верхняго и нижняго Кани, Тмени, Кау и переселенцы изъ этихъ мѣстностей празднуютъ въ честь своего патрона *Ногъ-Дзуара*, что значитъ *новый святой*. Ногъ-Дзуаръ пользуется не меньшимъ уваженіемъ у осетинъ этой мѣстности, какъ и св. Георгій, и ему приносятъ въ жертву барана, рога котораго обвиваютъ серебряною ниткою и кускомъ ваты. Богатые дѣлаютъ серебряный колокольчикъ, считаемый самою лучшею жертвою.

По вѣрованію народа, святой этотъ такъ строгъ, что не дозволяетъ, безъ особаго благоговѣнія, подходить къ своему жертвеннику и запрещаетъ говорить громко. Жертвенникъ его находится на горѣ, въ пяти верстахъ на юго-западъ отъ селенія Кани. Осмѣлившійся нарушить эти правила и ведущій себя неприлично во время жертвоприношенія, по сказанію народа, лишается языка или свернетъ ему ротъ на сторону, а главное, все время пиршества пролежитъ полумертвымъ (въ обморокѣ). Поэтому осетинъ, желающій угодить святому, долженъ, съ непокрытою головою, поднять жертву на своихъ плечахъ или спинѣ на довольно высокую гору, гдѣ стоитъ жертвенникъ, и долженъ выбрать для того самый жаркій день, чтобы болѣе утомиться.

За нѣсколько дней до праздника, осетины выбираютъ двухъ распорядителей. Выбранные получаютъ названіе дзуаръ-лага и обязаны вести себя прилично и опрятно, для чего, наканунѣ праздника, выкупаться и надѣть чистое бѣлье. Въ день торжества они раньше всѣхъ являются къ жертвеннику и ожидаютъ собранія богомольцевъ. Когда всѣ соберутся, тогда старшій изъ дзуаровъ поручаетъ одному изъ присутствующихъ стариковъ прочесть молитву, содержаніе которой всегда импровизированное — что взбредетъ на умъ въ минуту религіознаго настроенія. Послѣ молитвы, жрецы собираютъ на чистую бурку вещи, принесенныя въ даръ Ногъ-Дзуару, и относятъ ихъ на жертвенникъ. — «Молча и съ особеннымъ благоговѣніемъ ждетъ ихъ возвращенія собравшаяся на праздникъ толпа; начинаются радостныя поздравленія съ праздникомъ и, въ слѣдъ за тѣмъ, самое разгульное пиршество».

Осетины, искренно вѣрующіе въ святаго, не возвращаются до тѣхъ поръ домой, пока не перепьются и не передерутся. — Чрезъ три дня послѣ праздника, многіе закалываютъ быка, нарочно для того откормленнаго, и, пригласивъ сосѣдей, пируютъ. Этотъ пиръ называется *Ногъ-Дзуари арви-тони бонъ*—день проводовъ Ногъ-Дзуара (1).

Кромѣ различнаго рода святыхъ, почитаемыхъ осетинами, каждый аулъ, или отдѣльное племя, имѣетъ своихъ идоловъ, покровителей и священныя мѣста, которыя, впрочемъ, по большей части, не уважаются и не признаются другими аулами и племенами (2). Только немногіе идолы, какъ,

---

(1) Вѣрованіе осетинъ Ип. Тхостовъ Терск. вѣдом. 1868 г. № 12. Осетинскія народныя сказанія. Джантемира Шанаева. Сборн. свѣд. о кавказск. горцахъ, выпускъ III.

(2) Различныя наименованія этихъ идоловъ желающіе могутъ найти въ статьѣ „Осетинскія народныя сказанія“ Джантемира Шанаева Сбор. Свѣд. о Кавказс. горцахъ выпускъ III.

напримѣръ, *Хцау-дзуаръ* (образъ Божій), *Фыры-дзуаръ* (образъ барана) и святое мѣсто *Цомадикавзадъ*, пользуются уваженіемъ многихъ ауловъ и даже племенъ. Каждый аулъ самъ по себѣ празднуетъ мѣстный праздникъ въ честь своего идола или священнаго мѣста. Такъ, въ аулѣ Владикавказскомъ бываетъ лѣтомъ праздникъ *Гудъ-дзуаръ* (образъ Гуда), совершаемый на Гудъ-Горѣ, въ семи верстахъ выше аула по р. Тереку. — Въ аулѣ Даргавсъ совершаются праздники въ честь *Хцау-дзуаръ* и *Фыры-дзуаръ*, причемъ кумиръ послѣдняго, сдѣланный изъ мѣди, стоялъ посрединѣ улицы, въ концѣ аула (¹). У алагирцевъ священное мѣсто *Цомадивкавзадъ* и у тагурцевъ, въ Санебанскомъ ущельѣ, пещера *Фарнегадагъ* (благодатная пещера).

Въ этомъ ущельѣ, по свидѣтельству академика Шегрена, въ числѣ даровъ, принесенныхъ въ разное время и сохраняемыхъ въ пещерѣ, находится сундукъ съ костями неизвѣстно чьими. Эти кости вынимаются изъ сундука во время засухи, и собравшіяся женщины и дѣвушки относятъ ихъ къ рѣчкѣ, окунаютъ въ воду, прося орошенія полей, и потомъ опять складываютъ въ тотъ же сундукъ. Туземцы увѣряютъ, что послѣ такого обряда всегда выпадаетъ дождь.

Созданныя народомъ аульныя божества, или патроны данной мѣстности, по понятію туземцевъ, оберегаютъ каждый свой край отъ всякаго зла, направляютъ людей преимущественно на добрыя дѣла, помогаютъ имъ во всѣхъ предпріятіяхъ, заступаются за нихъ передъ другими божествами и даже передъ злыми духами. Стараясь о водвореніи въ покровительствуемомъ краѣ спокойствія, здравія его обитателей и богатства ихъ, божества эти, по понятію осетинъ, не могли обойтись безъ боя и враждебнаго столкновенія съ другими божествами, и въ особенности съ злыми духами. Разсказъ объ одномъ изъ такихъ столкновеній ходитъ между осетинами и выразился въ повѣрьѣ, извѣстномъ подъ именемъ «*идущіе за снопомъ*».

Разъ въ годъ, говорятъ осетины, знахари (даспыте), отправляются за снопомъ въ мѣсто, неизвѣстное для обыкновенныхъ смертныхъ. Передъ отправленіемъ своимъ въ походъ, они крѣпко засыпаютъ и, по вѣрованію туземцевъ, во время этого сна души ихъ, оставивъ тѣло, отправляются въ битву. Обыкновенно засыпающій, будетъ-ли то мужчина или женщина, объявляетъ о своемъ походѣ близкимъ родственникамъ, и они не будятъ заснувшаго до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не проснется. Между тѣмъ души этихъ избранныхъ, одна на метлѣ, другая на кошкѣ, на собакѣ или въ ступкѣ отправляются на сборный пунктъ, откуда подъ предводительствомъ своего горнаго духа или божества, съ подчиненными послѣднему ангелами, отправляются въ походъ противъ *Татаръ*-

(¹) Кумиръ этотъ былъ взятъ генераломъ Абхазовымъ, но осетины поставили на его мѣсто другаго, хотя по виду своему и не похожаго на предъидущій, но пользующагося такимъ же уваженіемъ. См. статью Джантемира Шанаева Сборн. свѣд. о Кавказск. горц. выпускъ III.

тупа—извѣстнаго божества, почитаемаго какъ осетинами, такъ и кабардинцами. Покровительствуя преимущественно послѣднимъ, *Татаръ-тупъ* возбудилъ противъ себя всѣ горныя божества Осетіи, которыя, соединившись вмѣстѣ, ведутъ съ нимъ упорную войну изъ-за горсти хлѣбныхъ зеренъ—изъ-за одного снопа хлѣба.

Послѣ довольно продолжительнаго сраженія, въ которомъ стрѣлы играютъ не послѣднюю роль, одна изъ сторонъ обыкновенно уступаетъ поле битвы. Тогда побѣдители, съ крикомъ радости, бросаются на снопъ, хватаютъ изъ него горсть зеренъ и разсыпаютъ ихъ въ направленіи къ своему краю, и тогда въ предстоящемъ году урожай для побѣдителей несомнѣненъ.

«Затѣмъ, пишетъ Джантемиръ Шанаевъ, обѣ стороны расходятся по домамъ. Многіе изъ участвовавшихъ получаютъ раны, которыя для обыкновенныхъ людей не могутъ быть замѣтны, а замѣтны только для участвовавшихъ въ божественной войнѣ. Участвовавшіе затѣмъ просыпаются отъ тяжкаго сна и объявляютъ своимъ домашнимъ и односельцамъ о будущемъ урожаѣ».

— Я самъ знавалъ такого—говорилъ Шанаеву одинъ изъ осетинъ, разсказывавшихъ объ этой войнѣ—который участвовалъ въ такомъ походѣ; да и люди указывали на него. Звали его Цара; жилъ онъ за переваломъ, въ Дзомахъ, и теперь, кажется, онъ живъ еще. Онъ участвовалъ въ походѣ съ своимъ конемъ; знай, что и животныя участвуютъ въ такомъ походѣ. Всякій разъ, передъ отправленіемъ въ походъ, онъ засыпалъ; жена, разумѣется, зная про это, никогда не тревожила его до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не просыпался. Разъ онъ, по своему обыкновенію, собирался въ походъ за снопомъ. Долго онъ спалъ, и наконецъ, не просыпаясь, вскричалъ: ей, гнѣдая, догоняй, догоняй его!.. Это онъ звалъ такъ своего коня. Въ это время конь его въ конюшнѣ сильно заржалъ. Отъ сильнаго-ли ржанья своего коня проснулся онъ, или такъ ужь слѣдовало, одинъ Богъ знаетъ—только онъ проснулся. Приподнявшись съ кровати, онъ улыбнулся и сказалъ: ну, слава Богу, побѣда на нашей сторонѣ! надѣйтесь на хорошій урожай. Потомъ онъ послалъ мальчика, чтобы тотъ осмотрѣлъ коня его; мальчикъ, возвратившись въ саклю, сказалъ, что конь чрезвычайно вспотѣлъ, такъ, какъ будто-бы сто верстъ проскакалъ. Пришли и другіе осмотрѣть коня—и что же? какъ будто-бы его выкупали, такъ сильно онъ вспотѣлъ!

Многіе лѣса и рощи посвящены народомъ различнымъ святымъ; и замѣчательно то, что такихъ рощъ обыкновенно бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ безлѣснѣе мѣсто и чѣмъ дороже бываютъ въ данной мѣстности дрова. Деревья такихъ рощъ неприкосновенны, и ихъ можно рубить только для варенія пива въ честь святаго. Нѣкоторые лѣса имѣютъ свою исторію. Таковъ, напримѣръ, орѣховый лѣсокъ, въ Тагаурскомъ ущельѣ въ долинѣ Суадагъ (черный оврагъ). Лѣсокъ этотъ стоитъ одиноко въ безлѣсномъ пространствѣ и какъ будто забрелъ сюда случайно. Онъ представляетъ собою какъ бы цвѣточную куртину, родъ совершенно круглаго небольшаго острова, имѣющаго въ окружности

версты три. Разсказываютъ, что когда-то давно жилъ на свѣтѣ горецъ Хетагъ (по орѳографіи академика Шегрена Кхета), человѣкъ, славившійся своею набожностію, храбростію и удальствомъ. Но какъ храбрость въ глазахъ осетина неразлучна съ хищничествомъ, не считающимся грѣхомъ, а напротивъ дѣломъ богоугоднымъ, то однажды Хетагъ, или Кхета, отправился на воровство, которое хотя и удалось, но потомъ было открыто, и за нимъ погнались. Хетагъ (Кхета) несется отъ преслѣдователей и достигаетъ долины Суадагъ [1]. Долина безлѣсна, непріятели начинаютъ настигать Хетага (Кхету); ему скрыться негдѣ и Хетагъ (Кхета) рѣшается умереть съ оружіемъ въ рукахъ, какъ вдругъ слышитъ изъ ближайшаго лѣса голосъ, приглашающій его скрыться въ своей чащѣ.

— Въ лѣсъ, Хетагъ, въ лѣсъ! кричалъ ему невѣдомый голосъ.

Лѣсъ этотъ находился однако далеко. Хетагъ (Кхета) расчелъ, что не успѣетъ добраться до него и не спасетъ своей головы. Въ такомъ затруднительномъ положеніи, изнемогая отъ усталости, онъ предлагаетъ лѣсу или части его, если угодно, выдти къ нему на встрѣчу.

— Хетагъ уже не поспѣетъ въ лѣсъ, кричалъ онъ, а пускай лѣсъ поспѣетъ къ Хетагу.

И вотъ часть орѣховаго лѣса, отдѣлившись, выступила впередъ и закрыла собою храбраго витязя и ловкаго вора. Лѣсокъ этотъ, остановившись на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и теперь стоитъ, названъ по имени спасеннаго *Хетагъ* и получилъ священныя права, въ честь предполагаемаго въ лѣсу Хетаджи-дзуара (патронъ, святой Хетага). Легенда говоритъ, что и теперь еще то мѣсто, откуда вышелъ лѣсъ, осталось гладкимъ посреди дремучаго лѣса.

Находясь въ трехъ верстахъ отъ Алагирской станицы, поляна эта извѣстна подъ именемъ: *Бираги-дзенджи-цагатъ* (волчьей голени).

Деревья этого лѣска считаются неприкосновенными, ихъ никто не смѣетъ ни рубить, ни собирать плодовъ; кто убьетъ въ этомъ лѣсу звѣря, тотъ долженъ бросить его тамъ же, если онъ не годенъ для пищи, а въ противномъ случаѣ созвать всѣхъ своихъ односельцевъ и тамъ, на мѣстѣ гдѣ убилъ звѣря, вмѣстѣ съ ними употребить его въ пищу. Выносить изъ лѣсу ничего не позволяется, и каждый, кто преступитъ это правило, ослѣпнетъ или

---

[1] По разсказу-же, слышанному Д. Шанаевымъ, Хетагъ былъ родомъ кабардинецъ, потомокъ славнаго Инала. Онъ жилъ въ урочищѣ Хетагъ, за р. Кубанью, вмѣстѣ съ двумя братьями, изъ которыхъ средняго звали Біасланомъ, а младшаго Асланомъ. Братья поссорились между собою: Хетагъ держалъ одну сторону, а его братья другую. „Не будемъ съ тобою жить“, сказали однажды два брата Хетагу. „Послѣ этого я самъ съ вами не хочу оставаться“ отвѣчалъ Хетагъ и бѣжалъ оттуда съ двумя сыновьями. Братья, узнавши о его побѣгѣ, порѣшили догнать и убить его, въ томъ соображеніи, что если онъ гдѣ поселится и произведетъ большое потомство, то какъ онъ самъ, такъ и его потомство не оставитъ ихъ въ покоѣ. Отъ преслѣдованій-то братьевъ и бѣжалъ Хетагъ въ долину Суадагъ. (См. Осетинскія народныя сказанія. Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ выпус. III).

умретъ. Суевѣріе въ этомъ случаѣ такъ сильно распространено между народомъ, что если положить въ лѣсъ самыя привлекательныя для осетина вещи, то они навѣрное останутся неприкосновенными, точно также, какъ и люди, скрывающіеся въ немъ отъ преслѣдованія. Разъ въ годъ, жители собираются въ лѣсокъ на праздникъ и приносятъ жертвы, называемыя *нывондами*.

У осетинъ въ прежнее время существовалъ даже *сау-бареджи-дзуаръ*, или святой Чернаго всадника, покровительствующій воровству. Каждый туземецъ, собираясь на воровство и вообще въ ночные разъѣзды, просилъ содѣйствія этого святаго въ задуманномъ предпріятіи. Хозяйка напекала пышекъ, старшій членъ семьи клалъ эти пышки около себя и, взявъ одну изъ нихъ и обнаживъ голову, призывалъ покровительство своего патрона. Увѣренный, что подобнымъ приношеніемъ онъ расположилъ къ себѣ святаго, каждый осетинъ смѣло отправлялся въ путь и былъ убѣжденъ, что впереди его ѣдетъ святой Чернаго всадника на своей вороной лошади, въ черной одеждѣ, и направляетъ его на успѣхъ и удачу въ хищничествѣ.

Если наѣздъ былъ неудаченъ, и предпринявшій его, будучи пойманъ, платился жизнію, то народъ говорилъ, что онъ былъ оставленъ святымъ.

Мѣстопребываніе этого святаго, по указанію туземцевъ, находится въ пещерѣ Бзи, въ Алагирскомъ ущельѣ, въ 16 верстахъ отъ Алагирской станицы.

Слѣпая вѣра въ непреодолимую силу нѣкоторыхъ вещей также очень сильна между осетинами. Нравственное и умственное развитіе ихъ стоитъ на такой низкой степени, что каждое семейство, тайно отъ другаго, уважаетъ какой-нибудь предметъ, въ непреодолимую силу котораго вѣритъ и боится прогнѣвить его, изъ одного простаго страха, что эта неодушевленная вещь отмстить за оскорбленіе въ случаѣ ложной клятвы передъ нею или неправильнаго показанія.

Уваженіе это къ неодушевленнымъ предметамъ и даже животнымъ до такой степени сильно, что не было еще примѣра, «чтобы кто-нибудь не сознавался въ воровствѣ или даже убійствѣ, ежели отъ него потребуютъ признанія надъ предметами или животными, въ тайнѣ имъ уважаемыми».

Лица, поставленныя во главѣ управленія осетинами, нерѣдко прибѣгали къ такого рода клятвѣ и пользовались суевѣріемъ народа при разборѣ тяжебныхъ дѣлъ между осетинами.

Такъ, однажды помощнику уѣзднаго начальника была заявлена осетиномъ жалоба, что, недѣли двѣ тому назадъ, сосѣдъ укралъ у него отличнаго барана, за что тотъ просилъ приказать укравшему возвратить, по ихъ обычаю, четырехъ барановъ.

Обвиняемый отпирался и говорилъ, что никогда не только не кралъ, но и не видалъ барана. Въ доказательство справедливости своихъ словъ, онъ клялся семействомъ, призывая на него всѣ несчастія, бѣды, чуму и холеру.

Отъ жалобщика потребовали болѣе ясныхъ доказательствъ. Тогда послѣд-

ній снялъ съ себя мѣшокъ, вытащилъ изъ него кошку со связанными лапами и подалъ обвиняемому палку.

— Если ты не укралъ у меня барана, проговорилъ онъ, то убей эту кошку.

Обвиняемый отказался, увѣряя, что ни отецъ его, ни дѣдъ, ни прадѣдъ, никогда не убивали кошекъ, и потому онъ также, не желая этого дѣлать, отдаетъ истцу четырехъ барановъ и не хочетъ марать руки кошачьею кровью. Казалось, дѣло было кончено: виновный найденъ и удовлетворилъ истца; но едва только истецъ тронулся съ мѣста, какъ обвиняемый остановилъ его.

— Постой, сосѣдъ, проговорилъ онъ, мы еще не кончили дѣла. Начальникъ, будь справедливъ: я, дѣйствительно, взялъ у него то, что онъ говорилъ, но и онъ согрѣшилъ противъ меня. Когда я зарѣзалъ барана, то кожу спряталъ подъ камень и ушелъ домой, но издали видѣлъ, что сосѣдъ укралъ у меня эту кожу.

Истецъ, сдѣлавшись теперь отвѣтчикомъ, сталъ точно такъ же запираться, какъ запирался, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, его противникъ. Онъ клялся, что не бралъ кожи, и говорилъ, что готовъ присягнуть въ доказательство своей невинности.

— Присягнувши ты обманешь, сказалъ ему истецъ, потому что ваша семья вѣритъ только въ св. Константина и Давида Гелатскаго, а вотъ погоди... Съ этимъ словомъ онъ побѣжалъ на пригорокъ, къ развалинамъ древней башни, и принесъ оттуда довольно большой камень.

— Переступи черезъ этотъ камень, если ты не взялъ кожу моего барана.

— Къ чему я буду переступать черезъ камень? съ видимымъ отвращеніемъ сказалъ обвиняемый... Не хочу я твоихъ барановъ, и пусть мясо моего пропадаетъ.

Разбирательство кончилось, и вскорѣ затѣмъ оба тяжущіеся дружелюбно сидѣли подъ однимъ деревомъ и вмѣстѣ обѣдали, не одѣляя другъ друга скудною трапезою.

Точно также въ другихъ семействахъ предметами глубокаго уваженія служатъ: въ одномъ ружье, въ другомъ просто вѣтка, сорванная съ дерева, въ третьемъ какой-нибудь клокъ одежды и т. п. Каждая семья имѣетъ свой уважаемый предметъ, котораго въ тайнѣ боится и которому оказываетъ глубокое уваженіе (1).

Суевѣрію осетинъ нѣтъ предѣловъ; ничего нѣтъ легче, какъ прослыть между ними пророкомъ. Каждый умалишенный почитается ими за существо сверхъ-естественное. Народъ вѣритъ въ существованіе добрыхъ и злыхъ духовъ и сатану; по его понятію, въ каждомъ мѣстѣ есть злой духъ, старающійся напортить людямъ; въ одномъ мѣстѣ онъ пускаетъ по ночамъ тѣни, въ другомъ зажигаетъ сѣно, а въ третьемъ забавляется переноскою того же

(1) Нѣкотор. исковые обычаи у осетинъ Н. Дункель-Веллингъ Кавк. 1855 г. № 24.

сѣна съ одного мѣста на другое. Многіе изъ осетинъ увѣряютъ, что сами лично видѣли дьявола.

Осетины вѣрятъ также въ существованіе *дони-чизгъ*, богини воды, водяныхъ дѣвушекъ или наядъ. Если кто утонетъ, то говорятъ, что онъ разсердилъ *дони-чизгъ* и онѣ наказали его. Талисманы, колдуны и колдуньи играютъ также не послѣднюю роль въ народномъ суевѣріи. По представленію народа кулдунья — это дряхлая старуха, по преимуществу злая, которой щебечетъ *зарватикъ* (ласточка) о томъ, гдѣ кладъ лежитъ, гдѣ растетъ живая трава, и знаетъ та старуха все, что на свѣтѣ дѣлается [1].

Это женщина-чародѣйка, хуже и страшнѣе которой народъ представляетъ себѣ только одного чорта. Къ такой женщинѣ осетины питаютъ отвращеніе и боязнь и вѣрятъ, что она имѣетъ способность превращаться въ различнаго рода хищныхъ звѣрей и наносить всякаго рода несчастія тому, на кого разсердится.

Величественная, но суровая природа, богатая различными физическими явленіями, недоступными понятію осетина, сдѣлала его склоннымъ къ олицетворенію различнаго рода духовъ, властвующихъ надъ одною или нѣсколькими горами. Такъ, воображеніе народа создало древняго *Гуда*, горнаго духа, обитающаго на Гудъ горѣ и повелѣвающаго окрестными горами. Духъ этотъ по понятію осетинъ, имѣетъ свои наклонности и страсти: можетъ любить, ревновать и, въ случаѣ неудачи, сердиться не на шутку. Одна изъ такихъ его продѣлокъ выразилась въ народной легендѣ, имѣющей свои характеристическія особенности, какъ характеристична и грандіозна природа, окружающая Гудъ-гору, которая составляетъ высшую точку перевала пролегающей черезъ нее новой военно-грузинской дороги.

При спускѣ съ Гудъ горы въ Чортову долину, или небольшую поляну, находящуюся между горами Гудъ и Крестовой, на днѣ ущелья, изъ глубины разсѣлины, вытекаетъ рѣчка Арагва, на берегу которой расположенъ осетинскій аулъ.

По преданію, давно и очень давно, въ этомъ аулѣ жила бѣдная семья, имѣвшая едва дневное пропитаніе. Но Богъ, милосердый къ бѣднякамъ, благословилъ ихъ рожденіемъ дочери Нины, красивѣе которой не было ребенка во всей Осетіи. Глаза ея, волосы и станъ были полны такой неизъяснимой красоты, что все населеніе аула любовалось Ниною: далекій путникъ, горцы и курьеры, видя малютку, взбирающуюся на гору, и ослѣпленные ея красотою, останавливались, любовались ею и забывали о своей обязанности; проѣзжіе съ караванами купцы дарили ее блестящими бездѣлушками и кусками яркой ткани.

Послѣ всего этого могъ ли не восхищаться ею старый Гудъ, во все

---

(1) Чинзъ-ахсавъ Н. Берзенова Кавк. 1850 г. № 95. Дигорія Н. Берзенова Закавк. Вѣст. 1852 г. № 39. Религіозные обряды у осетинъ А. М. Шегрена Кавк. 1846 г. № 27.

время продолжительной своей жизни не видавшій подобной красавицы. Онъ прельстился Ниною; сталъ постояннымъ ея обожателемъ, слѣдившимъ за нею со дня ея рожденія и полюбившій ее со всею пылкостію юноши. День и ночь онъ ухаживалъ за нею: хотѣла ли Нина подняться на гору, тропинка, ведущая туда, выравнилась подъ ея ножкою, а «на отвѣсныхъ бокахъ скалъ камни покорно складывалась для нея въ удобную и пологую лѣстницу. Искала ли Нина съ подругами своими цвѣтовъ и травъ — Гудъ собиралъ и пряталъ лучшіе цвѣты и травы подъ сводомъ камней, разсыпавшихся при приближеніи красавицы. Никогда ни одинъ изъ пяти барановъ, принадлежавшихъ отцу Нины, не падалъ въ кручу и не дѣлался добычею злыхъ волковъ. Однимъ словомъ, Нина была царицею всего пространства, гдѣ царствовалъ древній Гудъ» — такъ любилъ ее этотъ могучій старецъ.

Прошло пятнадцать лѣтъ. Изъ хорошенькаго ребенка Нина сдѣлалась красавицею, какой не было ни при одномъ дворѣ царскомъ, гдѣ сіяютъ красотою стройныя женскія фигуры. Любовь стараго духа, при такихъ условіяхъ, разгоралась все сильнѣе и сильнѣе.

Для Гуда не было жизни безъ Нины: онъ сталъ тяготиться своимъ могуществомъ и помышлялъ теперь, какъ бы сдѣлаться смертнымъ человѣкомъ, хотя бы бѣднымъ осетиномъ, чтобы только обратить на себя вниманіе красавицы.

Молодая дѣвушка не замѣчала заботливости Гуда, не видала его ухаживаній; она засматривалась на Сасико, сына стараго Дохтуро, котораго сакля была рядомъ съ саклею отца ея. Сасико былъ молодъ, статенъ, славился во всемъ аулѣ своею силою и ловкостію, отлично стрѣлялъ изъ винтовки и умѣлъ танцовать, не только свой природный осетинскій танецъ, но и лезгинку, что знали немногіе. Старый Гудъ сталъ ревновать Нину къ Сасико, тѣмъ болѣе, что замѣтилъ въ молодомъ человѣкѣ взаимную склонность къ Нинѣ. Боясь, чтобы Сасико не женился на Нинѣ, Гудъ началъ преслѣдовать его. Заводилъ Сасико въ трущобы, когда тотъ гонялся съ винтовкой за газелью; застилалъ пропасти туманомъ или осыпалъ его неожиданно мятелью. Всѣ замыслы Гуда оставались однако же тщетными. Скоро наступила зима, Гудъ лишился возможности видѣть часто свою любимицу, но за то Нина и Сасико видались чаще и свиданія ихъ были продолжительнѣе.

Гудъ все это видѣлъ, ревновалъ и бѣсился. Наконецъ ярость его достигла крайнихъ предѣловъ. Однажды, когда Нина и Сасико, оставшись одни въ саклѣ, не могли наговориться, Гудъ сбросилъ на нихъ огромную лаву снѣга. Обвалъ этотъ скорѣе обрадовалъ, чѣмъ испугалъ ихъ: влюбленные были рады, что на нѣкоторое время могутъ остаться одни безъ постороннихъ зрителей. Они развели огонь, усѣлись подлѣ него и безпечно предались мечтамъ и разговорамъ. Такъ прошло нѣсколько часовъ; сердца влюбленныхъ

были полны любовью, а желудки просили пищи; отысканныя двѣ лепешки и небольшой кусокъ сыра утолили, но не на долго, голодъ заключенныхъ.

Прошелъ еще день и, вмѣсто веселаго говора, въ саклѣ послышались вопли отчаянія; узники не думали больше о любви—думали о хлѣбѣ. Прошелъ и третій день — голодъ еще болѣе усилился, а надежды на освобожденіе не было. На четвертый день заключенія голодная смерть для обоихъ казалась неминуемою. Сасико кидался изъ угла въ уголъ, но вдругъ остановился, впалые глаза его устремились на Нину, онъ бросился къ ней, крѣпко охватилъ ея руками и впился въ ея плечо зубами... Дѣвушка вскрикнула, упала на полъ, но въ это время послышался говоръ, и дверь, очищенная отъ завала, открылась для несчастныхъ узниковъ. Нина и Сасико бросились къ своимъ избавителямъ, но уже съ чувствами отвращенія и ненависти другъ къ другу.

Обрадовался старый Гудъ, узнавши, что любовь двухъ существъ замѣнилась чувствами противоположными; не утерпѣлъ старикъ и разразился такимъ смѣхомъ, что цѣлая груда камней посыпалась съ горы въ Чортову долину. Большое пространство долины и до сихъ поръ густо усѣяно осколками гранита.

— Вотъ какъ смѣется нашъ могучій Гудъ, прибавляетъ осетинъ, разсказывая эту легенду (¹).

Другая легенда о Прометѣѣ не менѣе того любопытна. По тропинкѣ дикаго ущелья, начинающагося на сѣверномъ склонѣ Кавказскихъ горъ, постепенно расширяющагося и выходящаго широкимъ своимъ устьемъ на Кабардинскую равнину, шло небольшое стадо. Пастухъ Бессо Симоно-Швили гналъ передъ собою нѣсколько козъ, нераздѣльно принадлежавшихъ семьѣ, вручившей ему, какъ младшему члену, уходъ и надзоръ за этимъ стадомъ. Бессо легко шагалъ по горной тропѣ; онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, не потому, что запасся большими кусками свѣжаго хлѣба и сыра, но главное потому, что былъ обутъ въ новые, крѣпкіе и искусно выкроенные *калабаны*—обувь, похожая на малороссійскія постолы и выкроенныя изъ одного куска сыромятной кожи. Онъ поминутно смотрѣлъ на свои ноги, любовался калабанами и не обращалъ вниманія на живописную окрестность, которую зналъ какъ свои пять пальцевъ. Онъ шелъ цѣлый день; солнце давно уже спряталось за горы и наступили сумерки. Тропинка, извиваясь по скаламъ, повернула въ боковое ущелье, спустилась къ ручью, заставила Бессо перейти черезъ него по крутымъ камнямъ и вывела въ совершенно незнакомую мѣстность, между голыми и дикими горами, увѣнчанными зубчатыми вершинами. Эти трущобы не безпокоили пастуха. Собравъ свое маленькое стадо, онъ спокойно сѣлъ у перваго попавшагося ему камня, обросшаго мхомъ, и сталъ утолять свой голодъ, проявившійся во всей своей

(¹) Любовь Гуда. Н. Дункель-Веллингъ Кавк. 1858 г. № 30.

силѣ отъ далекаго перехода. Послѣ ужина преспокойно легъ спать «и черезъ нѣсколько минутъ захрапѣлъ, на удивленіе и зависть всѣмъ горнымъ духамъ». Первый солнечный лучъ разбудилъ пастуха; онъ всталъ, оглядѣлся на всѣ стороны и, увидавъ свое стадо, давно ушедшее впередъ, пошелъ за нимъ по извилистой тропѣ и остановился только тогда, когда было далеко уже за полдень.

Бессо внимательно осматривалъ окружающую его мѣстность. Она была скалистѣе и глуше тѣхъ ущелій, въ которыхъ онъ когда-нибудь бывалъ; снѣжная вершина Эльбруса, позолоченая лучами солнца, казалось, была такъ близко отъ него, что стоило только подобрать по рукѣ камень, посильнѣе бросить его, и онъ, навѣрное, врѣзался бы въ толщу снѣга облегающаго гору. Кругомъ его столпились утесы, и, странное дѣло, они какъ будто перешептывались другъ съ другомъ. Бессо услыхалъ крикъ и какой-то грустный голосъ, выходившій изъ средней скалы. Не пугаясь слышаннаго, Бессо, огибая утесъ, сталъ приближаться къ нему. Какая-то невѣдомая сила тянула его къ глубокой разсѣлинѣ, въ которую онъ вошелъ, не смотря на то, что она была мрачна какъ жилище демона.

«Едва онъ вошелъ въ пещеру, какъ крикъ невольнаго изумленія вырвался изъ груди его. Прямо противъ свѣта, къ громадному камню былъ прикованъ, толстыми цѣпями, красивый полунагой юноша. Прекрасные голубые глаза его выражали отчаяніе, а отъ стоновъ и рыданій дрожалъ воздухъ темной пещеры; шелковистыя золотыя кудри въ безпорядкѣ лежали тучей на широкихъ плечахъ, съ которыхъ висѣли обрывки пурпурной мантіи, испещренной золотыми узорами; напряженные мускулы лица, руки и груди доказывали сверхъестественныя усилія вырваться изъ цѣпей, а глаза, горящіе отчаяніемъ и злобою, выражали муки, которыя терпѣлъ этотъ странный узникъ. Прійдя въ себя отъ испуга, оправившись отъ удивленія, Бессо увидалъ, что весь полъ пещеры былъ усыпанъ монетами, золотыми и серебряными слитками, оружіемъ и драгоцѣнными вещами, а въ стѣнѣ, противъ той скалы, къ которой былъ прикованъ несчастный, былъ ввинченъ обрывокъ толстой желѣзной цѣпи, схватить конецъ которой напрасно старался бѣдный узникъ. Страдалецъ обрадовался пришельцу: лучъ счастія и надежды блеснулъ въ прекрасныхъ глазахъ его; онъ прервалъ свой стонъ, голосъ его затихъ....»

— Боги да благословятъ тебя, добрый юноша! проговорилъ онъ, обращаясь къ Бессо. Приходъ твой, можетъ быть, избавитъ меня отъ страданій и мукъ; а тебѣ дастъ богатство и счастіе.

— Приказывай, *батоно* (господинъ), отвѣчалъ пастухъ, почувствовавшій къ узнику неизъяснимое чувство симпатіи. Все, что можетъ сдѣлать для тебя бѣдный Бессо — онъ все сдѣлаетъ. Ежели тебѣ даже угодно надѣть мои новые калабаны, я и ихъ отдамъ тебѣ.

Въ другое время пастуху трудно было бы разстаться съ своею новою

обувью, да онъ никогда и никому не отдалъ бы ихъ, но теперь чувство жалости преодолѣло всѣ другія побужденія.

— Нѣтъ, мой милый, отвѣчалъ узникъ, услуга, которую я отъ тебя требую, займетъ менѣе времени, нежели снять съ ногъ обувь: подай мнѣ конецъ цѣпи, которая виситъ передо мною.

Бессо бросился къ цѣпи, съ усиліемъ поднялъ ее и хотѣлъ передать узнику, но увы! она оказалась короткою.

— Духи злобы! съ бѣшенствомъ закричалъ заключенный; неужели вѣка адскихъ мученій не достаточны для искупленія моего проступка! Слушай, Бессо, и затверди хорошенько слова мои: я могу избавиться отъ оковъ моихъ, схватясь за конецъ этой цѣпи, тогда я легко разорву узы свои и буду свободенъ; да, свободенъ! и уничтожу злаго коршуна, грызущаго мои внутренности; но цѣпь должна быть, какъ и этотъ обрывокъ, изъ стараго желѣза; не жалѣй трудовъ и усилій, собери столько металла, сколько нужно для полуаршина цѣпи, скуй ее и принеси сюда; тогда я спасенъ, и всѣ богатства, которыя ты здѣсь видишь—твои; я самъ помогу тебѣ перенести ихъ въ домъ твой. Но до освобожденія моего никакой посторонній глазъ не долженъ видѣть не только меня, но даже и утеса, въ которомъ я погребенъ уже нѣсколько вѣковъ.

Выслушавъ все со вниманіемъ и поклонившись узнику, Бессо оставилъ пещеру. Заботливый и задумчивый, онъ собралъ свое стадо и погналъ обратно. На третій день онъ возвратился въ свой аулъ и, не говоря никому видѣннаго и слышаннаго, принялся за порученное ему дѣло. Не корысть руководили трудомъ небогатаго пастуха, но сожалѣніе о бѣдномъ красавцѣ-юношѣ, томящемся въ оковахъ. По кусочкамъ сталъ собирать онъ желѣзо: старые рѣдко попадающіеся гвозди, обломки подковъ собиралъ онъ тщательно. Прошло много мѣсяцевъ въ такой работѣ, но могли бы пройти и годы, если бы Бессо случайно не наткнулся на кусокъ сломившагося плуга, торчавшаго въ землѣ. Онъ сковалъ цѣпь и рѣшилъ на слѣдующее утро отправиться въ горы, чтобы освободить узника, но судьбѣ не угодно было исполнить желаній бѣднаго труженика. Односельцы давно замѣтили странную возню пастуха съ желѣзомъ и набрели на мысль, что Бессо, вѣроятно, открылъ въ горахъ серебро, и, желая сохранить открытіе свое въ тайнѣ, будетъ понемногу доставать дорогой металлъ. Пять человѣкъ, самыхъ корыстныхъ односельцевъ, стали слѣдить за пастухомъ. «А бѣдный Бессо, ничего не подозрѣвая и изгибаясь подъ тяжелой ношей, побрелъ, на другой день, по знакомой тропинкѣ. Не успѣлъ онъ пройти нѣсколько верстъ, какъ его окружили охотники до чужаго богатства, съ крикомъ и толчками требовавшіе доли въ находкѣ. Бессо умолялъ ихъ оставить его въ покоѣ, обѣщалъ имъ золотыя горы, но все было напрасно: жадные люди не повѣрили словамъ и заставили его идти къ пещерѣ, не отставая отъ него ни на шагъ. Какъ приговоренный къ смерти, шелъ бѣднякъ къ мѣсту, о которомъ мечталъ

столько времени; вотъ уже показался Эльбрусъ, такой же величавый и сверкающій, какъ въ день свиданія его съ узникомъ; вотъ виднѣются дикія скалы, которыя какъ будто столпились и шепчутъ о скрытой въ нѣдрѣ ихъ тайнѣ; вотъ и гротъ. Бессо вздрогнулъ и протянулъ къ нему руки.... Вдругъ раздался страшный трескъ и цѣлая громадная скала съ отверстіемъ грота пошатнулась и повалилась въ бездну. Бессо вскрикнулъ и безъ чувствъ упалъ на землю.

«Прошли годы; по горнымъ тропинкамъ, блѣдный, худой, съ всклокоченными волосами, въ изорванной чухѣ, бродилъ съумасшедшій Бессо, съ хохотомъ и безумной радостью поглядывая на свои исцарапанныя ноги, все думалъ, что на нихъ надѣты новые и хорошіе калабаны (1).»

III.

Свадебные обряды осетинъ. — Пища.—Семейный бытъ. — Рожденіе и похороны. — Хвалебныя пѣсни и импровизація.

Многоженство въ обычаѣ осетинъ. Если только мужчина въ состояніи прокормить трехъ или болѣе женъ, то не преминетъ воспользоваться своимъ положеніемъ. Женихъ прежде всего долженъ внести за невѣсту выкупъ, или, по-осетински, *ирадъ*, и быть равнаго съ нею состоянія. Равенство браковъ соблюдается очень строго; старшина (дворянинъ) ни за что не выдастъ своей дочери за фарсалака (однодворца).

Каждый, женившійся на дѣвушкѣ низшаго, чѣмъ онъ, состоянія, дѣлаетъ ее незаконною женою, и дѣти, происшедшія отъ такого брака, получаютъ названіе *кавдасардовъ* — состояніе, подходящее къ крестьянскому быту. Такія жены считались прежде простыми работницами въ домѣ, а прижитыя дѣти, со всѣмъ ихъ будущимъ потомствомъ, оставались во власти отца и могли переходить, по наслѣдству, къ его законнымъ дѣтямъ.

Сватаніе происходитъ между родителями и часто начинается съ колыбели. Выкупъ платится также родителями жениха родителямъ невѣсты или исподволь, пока растетъ дѣвушка, или сразу передъ свадьбою.

Осетинскія свадьбы происходятъ, большею частью, во время праздновани *Вашкирки*, начинающагося съ 15-го ноября и продолжающагося по 1-е декабря.

За недѣлю до наступленія праздника, родители жениха посылаютъ къ ро-

---

(1) Осетинская легенда о Прометѣѣ Н. Дункель-Веллингъ Кавк. 1859 г. № 20.

дителямъ невѣсты *ирадъ*, и если онъ принятъ, то наряжаютъ трехъ или болѣе сватовъ, которые, во время праздника, отправляются вмѣстѣ съ женихомъ въ селеніе, гдѣ живетъ будущая его супруга, и, остановившись въ домѣ ближайшаго родственника или хорошаго знакомаго, не смѣютъ показываться даже и у дверей сакли невѣсты.

За часъ до разсвѣта, хозяинъ дома, гдѣ пріютился женихъ вмѣстѣ со сватами, будитъ своихъ гостей и подноситъ имъ въ постелѣ араку, пиво (багани), шашлыкъ и пирогъ съ сыромъ (хабизджина). Наѣвшись досыта, гости снова убаюкиваются и спятъ вплоть до обѣда, который устраивается для нихъ въ домѣ невѣсты.

Во все время обѣда у послѣдней, женихъ не смѣетъ сѣсть, стоитъ у порога дверей и ѣстъ только то, что передадутъ ему сваты. Невѣста, во время этого пиршества, также не присутствуетъ. Въ нѣкоторыхъ обществахъ женихъ во все время обѣда стоитъ передъ пирующими со свѣтомъ въ рукахъ, т. е. съ восковою свѣчею, сальною плошкою или лучиною.

Прежде ѣды, всѣ присутствующіе должны выпить три тяжелыхъ тоста, безъ чего сваты не въ правѣ взять въ ротъ ни куска говядины. Въ деревянные стаканы (ноазенъ) наливается арака, а въ большіе турьи и маленькіе козлиные рога (по-осетински *сика*)—пиво. Каждый сватъ обязанъ взять въ руки четыре стакана, а подъ мышки два большихъ турьихъ рога. Хозяинъ дома беретъ такое же число сосудовъ и начинаются тосты.

— За здоровье жениха, произноситъ одинъ изъ присутствующихъ, и исполненіе его намѣренія пріобрѣсти хорошую невѣсту, богатый ирадъ отъ отца невѣсты и счастливую жизнь!

Сваты и хозяинъ опорожняютъ стаканы.

— За здоровье невѣсты и счастіе въ замужествѣ.

Опоражниваются оба большіе турьи рога.

— За здоровье сватовъ! Желаемъ имъ благополучно окончить сватовство!...

Выпиваются козлиные рога въ честь сватовъ.

Обязанность сватовъ не легка и желаніе о благополучномъ окончаніи порученія имѣетъ свое основаніе, потому что часто сваты, неловко передавъ желаніе родителей жениха о приданомъ, какое должны дать родители за своею дочерью, служатъ причиною разстройства брака, ссоры, драки и иногда возвращаются домой, отказавшись отъ сватовства.

За тостами слѣдуетъ обѣдъ, который долженъ быть на столько обиленъ, чтобы приготовленныхъ кушаній хватило на отправленіе ихъ въ домъ того лица, у котораго ночевали женихъ и сваты, и потомъ у кого располагаютъ они ужинать. Обѣды и ужины, въ честь жениха и сватовъ, бываютъ часто по очереди у каждаго жителя селенія и тянутся во все продолженіе двухнедѣльнаго праздника Вашкирки.

Передъ началомъ каждаго обѣда, читаютъ особую молитву, призывая благословеніе на сватовъ и жениховъ.

— О, святый Георгій! произноситъ одинъ изъ старшихъ присутствующихъ, мы тебя молимъ, даруй намъ милость твою, да будутъ дни эти счастливы сватамъ, женихамъ и невѣстамъ! Пошли молодымъ счастливую брачную жизнь, невозмутимую, не расторгаемую разводомъ.

Разгулъ и общее веселье, составляющіе отличительную черту этихъ обѣдовъ, выразились въ слѣдующей народной пѣснѣ:

Никогда не гуляли такъ,
Какъ теперь гуляемъ!
Ой, тайрира! ой, рира (1)!

Но слишкомъ мы пьемъ
И себѣ и хозяину мы въ тягость!
Ой, тайрира! ой, рира!

Какъ рѣкой напитокъ льется, а все просятъ насъ пить!
Грѣшенъ, грѣшенъ съ нами и почтенный нашъ хозяинъ.
Ой, тайрира! ой, рира!

Не знаемъ сами, что дѣлать?
Должно-ли тягу дать?
Ой, тайрира! ой, рира!

Двѣ недѣли, сроку много! все гуляй, да гуляй!...
Но расплата за невѣсту будетъ сильно тяжела.
Ой, тайрира, ой рира!

Для чего же, для чего же
Много просимъ мы?
Ой, тайрира! ой рира!

Родитель невѣсты намъ столько не дастъ, съ нами подерется,
И хорошенько насъ побьетъ!
Ой, тайрира! ой рира (2)!

Съ окончаніемъ праздника и съ наступленіемъ 1-го декабря, сваты отправляются къ родителямъ невѣсты и объявляютъ имъ, какое приданое они должны дать за своею дочерью. Получивъ на это предложеніе согласіе и

---

(1) Припѣвъ непереводимый.
(2) Осетинская пѣсня, сообщенная В. Переваленко Закавк. Вѣст. 1853 г. № 4.

выбравъ темную ночь, сваты берутъ за руку невѣсту, выводятъ ее за двери, гдѣ ждетъ женихъ. Рука невѣсты молча передается въ руку жениха; тотъ цѣлуетъ ее, бѣжитъ къ хозяину, у котораго ночевалъ, благодаритъ за хлѣбъ-за-соль, садится на лошадь и скачетъ домой съ пріятнымъ извѣстіемъ. Сваты остаются въ домѣ невѣсты и пируютъ еще въ теченіе двухъ дней.

Выкупъ бываетъ различный, смотря по происхожденію и состоянію невѣсты: за дочь старшины платятъ отъ тридцати до ста коровъ и, сверхъ того 50 руб. деньгами. За дочь фарсалака (однодворца) 15 коровъ. Выкупъ можетъ быть составленъ и изъ разнородныхъ предметовъ, напримѣръ 20 быковъ, 10 коровъ, ружье, котелъ для пива и проч.

Въ настоящее время, большею частію, выкупъ платится деньгами. Выкупъ долженъ быть непремѣнно опредѣленный, иначе жена будетъ незаконною. Дѣвушки, купленныя за уменьшенный *ирадъ*, и плѣнныя, купленныя у хозяина, считаются незаконными.

При окончательномъ платежѣ выкупа, не разбирая обстоятельствъ, платился-ли онъ по частямъ или одновременно, въ обоихъ случаяхъ родители невѣсты обязаны были задать въ этотъ день пиръ для всѣхъ родныхъ и знакомыхъ обѣихъ сторонъ, и притомъ такой же роскошный, какъ и въ день свадьбы.

Угощеніе у осетинъ происходитъ, если хорошій день, на дворѣ, если дурной—въ саклѣ. Размѣстившись около стѣнъ домовъ, гости принимаются за кушанье. Женщины пируютъ отдѣльно отъ мужчинъ, но обѣ стороны не ожидаютъ угощенія и просьбъ хозяина. Каждый самъ черпаетъ себѣ водку и беретъ руками нарѣзанную на доскѣ говядину.

Богатъ или бѣденъ осетинъ, его *ахсаваръ* — ужинъ, всегда одинаковъ и состоитъ изъ нѣсколькихъ лепешекъ, испеченныхъ безъ дрожжей, которыя онъ ѣстъ съ крупной солью; изъ *басу*—супа изъ фасоли и кукурузы, и *цахдонъ*—соли, растворяемой въ водѣ съ чеснокомъ, которую ѣдятъ съ *кардзиномъ*—чурекомъ изъ просянаго тѣста или съ хлѣбомъ, приготовленнымъ изъ того же проса; кушанья эти составляютъ обыкновенную пищу. Ѣдятъ осетины не въ назначенное время, а когда кто хочетъ и порознь; отецъ въ одномъ углу, мать въ другомъ, а дѣти—гдѣ придется. Осетины ѣдятъ дурно и мало. Только въ праздники и въ важныхъ случаяхъ, во время пировъ, они узнаютъ вкусъ говядины, которую подаютъ вареную или жареную на вертелѣ, ѣдятъ *хабизджину* — пирожки съ сыромъ и *дзикка* — крошеный сыръ, сваренный въ маслѣ.

Въ праздники они приготовляютъ *уаллибихта* — пышки. Пышки приготовляются изъ пшеничной муки, начиняются сыромъ, жарятся въ маслѣ, а за неимѣніемъ его пекутся въ золѣ.

Необходимую принадлежность званыхъ обѣдовъ составляютъ: буза, пиво, арака и *кумала*—бѣловатая жидкость, похожая на квасъ, которая служитъ прохладительнымъ напиткомъ во время жара. Жидкость эту обыкновенно со-

держатъ въ *лалумтъ*—бурдюкѣ изъ козлиной шкуры. Богатые люди пьютъ лошадиное молоко, считая его вкуснымъ и здоровымъ. Лукъ, чеснокъ, рѣдька и красный стручковый перецъ, а въ особенности лукъ составляютъ особое лакомство и верхъ гастрономическихъ наслажденій туземца.

Свадьбы по любви у осетинъ не существуютъ, да и самое слово любовь имъ непонятно. Женихъ беретъ себѣ въ жены ту дѣвушку, которую хотятъ его родители, и смотритъ на нее не какъ на подругу жизни, а какъ на рабу или прислугу, обязанную для него вѣчно работать. Женихъ можетъ видѣть свою невѣсту только украдкою, мимоходомъ или въ домѣ своихъ родныхъ, и вопросъ жениху: здорова-ли невѣста или когда будетъ свадьба? считается для него жестокимъ оскорбленіемъ.

Не всякій осетинъ въ состояніи заплатить выкупъ за невѣсту, а потому болѣе ловкіе молодые люди крадутъ себѣ невѣстъ безъ всякаго выкупа—что притомъ же считается особенною честію и достоинствомъ для жениха, и тогда похищенная дѣвушка принадлежитъ безспорно похитителю, который, въ этомъ случаѣ, не платитъ совсѣмъ выкупа или значительно меньшій противъ установленнаго.

Похищеніе должно быть однакоже совершено съ согласія невѣсты и сдѣлано съ большимъ удальствомъ, иначе пойманный часто платится жизнію, а боками всегда. Тѣ же, которые не могли похитить невѣсты и не имѣли средствъ заплатить выкупъ, поступали въ домъ невѣсты работникомъ и часто, только послѣ восьми-лѣтняго служенія, женихъ пріобрѣталъ себѣ право вступить въ супружество съ избранною. Отъ этого между осетинами встрѣчается очень много взрослыхъ и перезрѣлыхъ холостяковъ.

Бѣдность и недостатокъ, съ одной стороны, и значительная цифра ирада съ другой лишали осетина возможности заплатить законный калымъ за нѣсколькихъ женъ, поэтому онъ обыкновенно, вмѣстѣ съ законною женою, обзаводился и нѣсколькими незаконными — оно и дешево, и выгодно отъ пріобрѣтенія впослѣдствіи значительнаго числа *кавдасардовъ*. Послѣдніе составляли въ Осетіи цѣлое особое племя, лишенное многихъ гражданскихъ правъ, сравнительно съ прочимъ населеніемъ. Они, со всѣмъ своимъ потомствомъ, составляли достояніе сначала отца своего, а потомъ переходили, по наслѣдству, къ его дѣтямъ. Отецъ могъ ихъ дарить, продавать, закладывать, выдавать дѣвушекъ замужъ и выкупъ брать себѣ. Свадьба кавдасарда происходила безъ всякой церемоніи: женщина просто переходила изъ родительскаго дома къ мужу. Однимъ словомъ, осетины собственнымъ иждивеніемъ и стараніемъ увеличивали число рабочихъ рукъ въ семействѣ; въ незаконной женѣ пріобрѣтали рабочую прислугу, дарившую ихъ одновременно и сыномъ, и крестьяниномъ. Къ тому же подобную жену можно было взять на время, совсѣмъ, или съ условіемъ, выговариваемымъ при женитьбѣ, что если она окажется неспособною или дурнаго поведенія, то мужъ отошлетъ ее обратно къ родителямъ, но дѣтей оставляетъ при себѣ въ услуженіи.

Въ прежнее время осетины женились очень рано. Мальчикъ, достигшій восьми-лѣтняго возраста, вступалъ въ бракъ, если только былъ въ состояніи заплатить выкупъ; но теперь наше правительство воспрещаетъ столь ранніе браки и женятся только такіе молодые люди, которые достигли четырнадцати-лѣтняго возраста. Ограниченіе возраста часто и до сихъ поръ сопряжено съ большими затрудненіями.

Такъ, въ 1862 году восьми-лѣтняя дочь жителя селенія Четорси, Дзигви Цалогови, была засватана за десяти-лѣтняго мальчика, жителя того же селенія, Михаила Хубегова. Родители дѣвушки, не смотря на неоднократное запрещеніе священника, приготовились къ свадьбѣ, и три брата Цалогови явились къ священнику и принуждали его обвѣнчать сговоренныхъ. Священникъ просилъ ихъ обождать до совершеннолѣтія, и видя, что увѣщанія его тщетны, объявилъ, что передастъ это дѣло на разсмотрѣніе благочиннаго. Но въ то время, когда священникъ писалъ донесеніе благочинному, одинъ изъ братьевъ ворвался въ его домъ и кинжаломъ убилъ священника. Въ то же время злодѣй поразилъ и церковнаго старосту, дряхлаго старичка, который былъ только простымъ свидѣтелемъ переговоровъ со священникомъ.

Вечеромъ, въ оба дня, отдачи выкупа и свадьбы, у невѣсты собираются гости: дѣвушки, ея подруги и знакомые молодые люди. Туда же пріѣзжаютъ и сопровождающіе жениха люди, называемые макари, которые пируютъ на счетъ родственниковъ невѣсты въ теченіе цѣлой недѣли. Эти дни — единственное время, когда народный обычай допускаетъ въ обществѣ смѣшеніе половъ и присутствіе на подобныхъ вечеринкахъ молодыхъ парней. Смѣшавшись, какъ бы нечаянно, молодежь поетъ, пляшетъ, веселится съ большимъ увлеченіемъ и высматриваетъ себѣ невѣстъ, видится со своими сужеными, любезничаетъ и успѣваетъ въ своихъ любовныхъ похожденіяхъ. За послѣдними наблюдаютъ, впрочемъ, очень строго, и любовная интрига между замужнею женщиною и мужчиною бываетъ иногда причиною кровавыхъ сценъ. За безчестіе же дѣвушки платится штрафъ деньгами или вещами, по условію родителей, или же обольститель долженъ на ней жениться.

Въ день свадьбы у жениха, отдѣльно отъ невѣсты, собираются гости, которые пируютъ день и ночь. Вечеромъ изъ числа собравшихся гостей женихъ выбираетъ отъ десяти до тридцати человѣкъ лучшихъ друзей, для исполненія должности дружекъ, и ѣдетъ съ ними въ аулъ или къ дому невѣсты, показывая видъ, что желаетъ похитить ее. Собравшіеся въ то же время родственники у невѣсты передаютъ ее посаженому отцу и отбираютъ отъ дружекъ все, что имъ понравится. Послѣдніе не только не могутъ не отдать того, что нравится родственникамъ невѣсты, а напротивъ, раздаютъ деньги какъ бы въ придачу къ выкупу жениха. Къ жениху выводятъ невѣсту въ брачномъ одѣяніи, и, приблизивъ ихъ къ домашнему очагу, родители соединяютъ надъ очагомъ руки новобрачныхъ.

— Будьте счастливы! счастливы! счастливы! кричатъ присутствующіе при этомъ, и да родится у васъ девять сыновъ и одна дочь.

Въ это самое время молодые люди, не приглашенные на брачное пиршество, взбираются на крышу сакли родителей невѣсты и, черезъ отдушину, находящуюся въ крышѣ надъ очагомъ, спускаютъ на веревкѣ во внутренность сакли крестообразно перевязанныя палки, обставленныя восковыми свѣчами, повторяя брачущимся то же самое пожеланіе. Родители невѣсты, въ благодарность за спущенный къ нимъ крестъ, навѣшиваютъ на него куски мяса, сыру и хлѣба.

Затѣмъ шаферъ подходитъ къ невѣстѣ, беретъ ее за руки и, вмѣстѣ съ нею, обходитъ три раза вокругъ огня, и при каждомъ обходѣ бьетъ шашкою по цѣпи, на которой виситъ котелокъ съ гоміей.

Попрощавшись передъ цѣлымъ семействомъ съ роднымъ очагомъ и прикоснувшись рукою къ желѣзной цѣпи, на которой виситъ котелъ, невѣста идетъ къ дверямъ, гдѣ молодыя дѣвушки, приготовивъ заранѣе жидко разведенные въ водѣ отруби, бросаютъ ими въ глаза сватамъ, какъ будто въ отмщеніе имъ за то, что они похищаютъ ихъ подругу. По выходѣ за дверь, гости встрѣчаютъ невѣсту стрѣльбою изъ ружей.

Получивъ невѣсту и посадивъ ее верхомъ позади посаженаго отца или на арбу, отвозятъ ее въ аулъ жениха. Скрипъ арбъ нарушаетъ общую тишину осетинскаго аула, въ которомъ живетъ женихъ. Пискъ дудокъ, удары въ кадушки и мѣдные тазы, пѣсни и крикъ веселой толпы, зарево отъ факеловъ и лучинокъ, забагровѣвшее изъ тѣсныхъ и темныхъ улицъ аула, даютъ знать, что брачный поѣздъ съ невѣстою не далекъ отъ аула. Женихъ скачетъ впередъ, чтобы встрѣтить въ своей саклѣ молодую, которую окружаютъ пѣшіе и конные, мужчины и женщины, въ пестромъ и новомъ платьѣ.

Лицо молодой покрыто шелковымъ вуалемъ, на шеѣ надѣта нитка съ серебряными побрякушками и цвѣтнымъ стеклярусомъ. На ней длинный архалухъ, изъ краснаго канауса, подпоясанный кожанымъ поясомъ, убраннымъ серебряными пуговками и монетами.

Ружейные выстрѣлы, привѣтъ и восклицанія гремятъ со всѣхъ сторонъ; вѣдь *чинзъ-ахсавъ*—свадьба—праздникъ для всего аула.

Арба подъѣхала къ дому жениха. Поддерживаемая шаферомъ (*кухилъ-хацагъ*, или *кухилъ-кашени*), невѣста вводится въ главную комнату; тамъ ждутъ ее съ радостію женихъ, свекоръ и всѣ его домашніе.

— Посторонитесь, отойдите, эшачьи ноги! кричитъ шаферъ, входя въ сѣни, наполненные народомъ.

Войдя въ самую саклю, шаферъ обводитъ невѣсту три раза вокругъ очага и останавливается лицомъ къ лицу съ женихомъ. Невѣстѣ подаютъ кусочекъ хлѣба съ медомъ для закуски.

— Вотъ тебѣ, говоритъ онъ жениху, невѣста хорошая, здоровая, цѣлая—нѣтъ въ ней никакого недостатка, увидишь самъ! Поступай съ нею какъ

иронъ (осетинъ), не ругай ее, а то дорого заплатишь. Если ты будешь ругать ея отца, пусть ругательство падетъ на твоего отца, если мать—на твою мать, если будешь позорить мертваго родственника, то да опозорятся всѣ твои прадѣды.

Слова эти шаферъ заключаетъ громкимъ смѣхомъ и выстрѣломъ изъ пистолета.

Молодые преклоняются передъ мальчикомъ или невѣстѣ кладутъ на колѣна младенца мужескаго пола, чтобы провидѣніе даровало имъ первенца сына.

Невѣсту отводятъ на женскую половину, а жениха выгоняютъ вонъ изъ сакли недѣли на двѣ. Во все это время женихъ скитается или внѣ селенія, или у кого-нибудь изъ сосѣдей, не можетъ никому показаться на глаза и только тайкомъ ночью онъ пробирается къ своей супругѣ.

Между тѣмъ въ саклѣ подымается пиръ и веселье. Послѣ попойки затягиваютъ пѣсню. Одинъ импровизируетъ, а остальные припѣваютъ: *вай-алай, чинзъ-алай.*

— Въ эту ночь, поетъ запѣвало, чѣмъ накормимъ нашу новобрачную? Чѣмъ какъ не краснымъ шашлыкомъ изъ мяса зайца. На небѣ летитъ ворона, у ней во рту солома. Къ чему эта солома? Къ тому, чтобы устроить гнѣздо и вывесть въ немъ пташекъ. А пташки на что? На то, чтобъ онѣ выросли и предвѣщали смерть людей (¹). Выпьемъ же, пока не отошли въ ту сторону, отколь не возвращаются. Кони наши быстры, мечи остры — ломай ихъ о грудь враговъ!.... (²)

Въ нѣкоторыхъ обществахъ осетинскаго народа невѣсту не вводятъ въ домъ жениха, а отвозятъ прямо къ кому-нибудь изъ сосѣдей, гдѣ она и поступаетъ уже въ распоряженіе молодаго супруга. Въ такихъ обществахъ молодые, по обычаю и смотря по состоянію, должны жить не у себя въ домѣ, а у сосѣда, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и никакъ не менѣе трехъ дней.

«Въ продолженіе перваго и втораго дня свадьбы, палятъ изъ ружей, поздравляютъ молодыхъ и дарятъ ихъ; невѣста, во время этихъ обрядовъ, стоитъ одна, вдалекѣ отъ домашнихъ и на каждое привѣтствіе поздравляющихъ отвѣчаетъ поклономъ; по окончаніи двухъ дней, она приближается къ домашнимъ, прислуживая имъ, но отнюдь не смѣя садиться съ ними, считаясь въ домѣ младшею изъ всѣхъ. Пока молодая жена не родитъ дитяти, не смѣетъ говорить ни съ родителями своего мужа, ни съ другими старшими въ домѣ, и о всѣхъ нуждахъ, какія ей встрѣтятся, проситъ мужа черезъ другихъ. Лицо свое до первыхъ родовъ она не смѣетъ показывать никому посторон-

---

(¹) Существуетъ повѣрье, что въ томъ домѣ, гдѣ каркнетъ ворона, непремѣнно умретъ глава семейства или одинъ изъ его членовъ.

(²) Чинзъ-ахсавъ. Сой-сой Н. Бераенова Кавказъ 1850 г. № 95. Осетины. Терскія Вѣдомости 1868 г. № 11.

нему: постоянно оно у нея закрыто платкомъ (калмарцани), изъ-подъ котораго виднѣются только носъ и глаза ([1])».

Богатые и имѣющіе большое семейство проводятъ болѣе времени у сосѣдей, чѣмъ бѣдные и малосемейные. Во все время пребыванія въ чужомъ домѣ, молодые видятся тайкомъ, такъ, чтобы никто изъ старыхъ не видалъ ихъ свиданій. Осетины считаютъ не только за порокъ, но даже за безчестіе, если посторонніе увидятъ мужа съ женою, и притомъ молодыхъ. Спросить у мужчины, женатъ ли онъ, или что-нибудь про жену, значитъ обидѣть его. Подобные вопросы могутъ быть сдѣланы только одними стариками, уважаемыми обществомъ.

Свадьбы, по обычаю осетинъ, могутъ быть совершаемы во всѣ дни года, но, магометане не женятся въ февралѣ, а христіане — женятся въ установленное для того время. На третій день послѣ свадьбы, сосѣди, у которыхъ жили молодые, устраиваютъ пиръ вмѣстѣ съ родителями молодыхъ, на который приглашаютъ всѣхъ родныхъ, знакомыхъ и дружекъ. Молодая отдариваетъ своихъ дружекъ разными вещами своего издѣлія. Послѣ пира, если молодые не могутъ строго соблюдать приличіе, то переходятъ въ домъ родителей ([2]).

Основою семейнаго быта осетинъ служитъ уваженіе къ старикамъ и вообще людямъ пожилыхъ лѣтъ. Уваженіе это простирается до того, что каждый считаетъ непремѣнною своею обязанностію вставать при входѣ старшаго и привѣтствовать его, хотя бы онъ былъ и низшаго происхожденія. Учтивость эта, никогда не нарушаемая, соблюдается въ семействѣ съ особою строгостію.

Женившись, осетинъ тотчасъ же сдаетъ все свое хозяйство на руки и въ распоряженіе жены. Сами мужчины не занимаются хозяйствомъ, и если работаютъ, то не болѣе трехъ дней въ недѣлю: вторникъ, среду и четвергъ. Въ пятницу осетинъ не работаетъ, потому что это *Майрамъ-бонъ*, день св. Маріи (Богоматери); въ понедѣльникъ, потому что начальный день недѣли; въ воскресенье, потому что это день Божій. Въ субботу, осетины торжественно снимаютъ шапки, и въ теченіе цѣлыхъ сутокъ остаются съ непокрытою головою. Одна только крайняя необходимость можетъ заставить работать въ пятницу и субботу, и разрѣшеніе на это каждый осетинъ долженъ купить кровью тучнаго барана, принесеннаго въ жертву, и мясомъ его угостить ближайшихъ своихъ сосѣдей.

Впрочемъ, въ субботу разрѣшается только одна *зіу*—работа по пригла-

---

([1]) Башкирки Кавк. 1850 г. № 39.

([2]) Религіозные обряды осетинъ и проч. Шегрена Кавказъ 1846 г. № 28. Поѣздка въ Кударское ущелье Василій Переваленко Кавказъ 1849 г. № 40. Дорога отъ Тифлиса до Владикавказа Кавк. 1847 г. № 31. Изъ записокъ объ осетіи Н. Берзеновъ Кавк. 1853 г. № 15. Чинъ-Ахсавъ Н. Берзеновъ Кавк. 1850 г. № 95. Отчетъ общества возстановленія христіанства на Кавказѣ за 1862 и 1863 годы изд. 1865 г. Тифлисъ.

шенію, безъ платы: женщинъ на жатву, мужчинъ на покосъ. Эти приглашенія дѣлаются людьми зажиточными, и только тогда, когда свои руки не успѣваютъ работать. Пригласившій приготовляетъ для работниковъ много араки, пива и вина. Рано утромъ, въ субботу, хозяинъ идетъ по домамъ приглашенныхъ и будитъ ихъ. Тѣ приходятъ и начинаютъ свои занятія съ насыщенія желудковъ, а потомъ уже работаютъ. При восходѣ солнца, поютъ пѣснь веснѣ, въ которой хвалятъ пріятность весеннихъ дней. Въ ожиданіи хорошаго обѣда, осетины работаютъ неутомимо. Пироги съ сыромъ и масломъ, вареники, подслащенные мёдомъ, и напитки вознаграждаютъ работниковъ за трудъ. Ужинъ приготовляется еще изысканнѣе: закалывается одинъ или нѣсколько барановъ. Накормивъ до-сыта работавшихъ и поблагодаривъ ихъ, хозяинъ разсылаетъ остатки ужина по домамъ своихъ сотрудниковъ этого дня (1).

Работая неутомимо изъ за угощенія, осетинъ ничего не дѣлаетъ у себя дома. Онъ потѣшаетъ себя верховою ѣздою, джигитовкою или, куря трубку, стругаетъ палочку. Мужчина любитъ проводить время среди разсказовъ, поучать дѣтей своихъ и переливать въ ихъ юныя сердца одни только пороки, которыми нерѣдко переполнена его жизнь. Онъ разсказываетъ сыну о своихъ подвигахъ и воровствѣ въ молодые годы; хвалится добычею, пріобрѣтенною хищничествомъ, и числомъ плѣнныхъ, проданныхъ имъ въ неволю, и, наконецъ, внушаетъ сыну преслѣдовать убійственною местью родъ, издревле ему враждебный. О трудѣ и хозяйствѣ онъ не думаетъ самъ, и не учитъ своихъ дѣтей. Все хозяйство лежитъ на обязанности женщины. Послѣдняя, въ семейномъ быту, работая какъ волъ, замѣняя рабочую скотину, находится, въ добавокъ, въ большомъ презрѣніи и участь ея достойна полнаго сожалѣнія. Женщина съ утра и до вечера занимается приготовленіемъ предметовъ, наиболѣе необходимыхъ въ хозяйствѣ: ткетъ сукно на чуху мужу, шьетъ башмаки, дѣлаетъ бурки, чахлы на ружья, ножны для шашекъ и т. п. Она же исполняетъ всѣ полевыя работы, которыя всецѣло лежатъ на ней.

Въ награду за пользу, приносимую семейству, женщина не пользуется не только уваженіемъ, но и должною благодарностію за трудъ.

— Женщина, говоритъ осетинъ, проклята Богомъ и на этомъ свѣтѣ никакой пользы не приноситъ, какъ ни къ чему не годная. Мужчина, напротивъ, есть краса природы: онъ сильное и свободное существо, все можетъ произвесть, все пріобрѣсть, все сдѣлать.

Тамъ, гдѣ сила и ловкость, удальство и хищничество, съ оружіемъ въ рукахъ, составляетъ основу жизни, тамъ женщина, конечно, должна терять въ глазахъ мужчины, и быть въ рабскихъ къ нему отношеніяхъ. Осетинъ покупаетъ себѣ жену какъ товаръ, можетъ купить себѣ двѣ или три жены,

(1) Атинагъ, праздникъ у осетинъ передъ началомъ сѣнокоса и жатвы. Соломонъ Жускаевъ Закавк. Вѣст. 1855 г. № 33. Обозрѣніе Россійск. Влад. за Кавказомъ ч. II.

если имѣетъ къ тому средства, и потому онъ обращается съ ними сурово, стараясь на каждомъ шагу показать свое превосходство и презрѣніе къ женщинѣ. Мужчину можно обругать какъ угодно, сравнить съ какимъ бы то ни было животнымъ — онъ не обидится; но назовите его *усъ*—женщиною, онъ приметъ это за тяжкую обиду. Чтобы предохранить себя отъ этого ужаснаго прозвища, онъ не носитъ краснаго цвѣта — принадлежности женскаго пола. Изъ этого составляютъ исключеніе только старики, къ которымъ народъ питаетъ глубокое уваженіе; только они однѣ и могутъ носить платье какихъ угодно цвѣтовъ.

Жена не называетъ по имени не только мужа, но даже братьевъ и другихъ родственниковъ. Называя мужа, она говоритъ обыкновенно *на лаг* — что означаетъ нашъ господинъ, нашъ мужъ. Но еслибы случилось, что женщина, въ присутствіи другихъ женщинъ, по ошибкѣ, назвала по имени мужа, или одного изъ родственниковъ его, то подвергается большому осмѣянію.

Осетинская женщина старѣется весьма скоро: въ двадцать, а много въ двадцать пять лѣтъ, она уже совсѣмъ старуха. Лицо ее обрюзгло и покрыто морщинами, груди отвисаютъ до пояса и животъ опущенъ; впрочемъ эта послѣдняя статья считается красотою. Осетинская женщина любитъ посплетничать, въ особенности во время полевыхъ работъ, на которыя сходятся сосѣдки безъ мужчинъ. При встрѣчахъ и разговорахъ, они очень часто называютъ другъ друга не собственными, а нарицательными именами: *сагъ-гизъ* (черная дѣвка, одно изъ почетныхъ именъ), *бабизъ* (утка) и проч. Осетинки не прячутся отъ глазъ мужчины ни своего, ни посторонняго, и, при всей дикости ихъ мужей, пользуются нѣкоторою свободою въ своихъ дѣйствіяхъ,— а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже съ излишествомъ, не возбуждая тѣмъ ревности своихъ мужей. Послѣдній, будучи полновластнымъ господиномъ своей жены, можетъ прогнать ее отъ себя когда вздумается.

За невѣрность жены, въ прежнее время, мужъ имѣлъ право убить ее, но долженъ былъ ясно доказать, что она виновна въ прелюбодѣяніи, потому что, въ противномъ случаѣ, подвергался кровомщенію ея родственниковъ.— Соблазнитель чужой жены рѣдко испытывалъ на себѣ мщеніе ея мужа, потому что если онъ бралъ въ ротъ обнаженную грудь этой женщины, называлъ себя ея сыномъ и клялся, что болѣе не будетъ имѣть къ ней порочныхъ чувствъ, то всякое мщеніе прекращалось. Соблазнившій дѣвушку долженъ былъ на ней жениться или заплатить родителямъ столько, сколько назначатъ судьи.

Разводъ допускается между супругами и причинъ для него весьма много. Бездѣтность женщины или жена, просто надоѣвшая мужу, можетъ быть отослана послѣднимъ къ ея родителямъ, не спрашивая о томъ ни у кого согласія или позволенія. Если осетинъ, прогоняя жену, дастъ ей что-либо на пропитаніе, то это доказываетъ его прекрасныя качества. Чаще же всего женщина выходитъ изъ дому нагая, оборванная и безъ всякихъ средствъ къ

существованію. Если у выгоняемой женщины есть дѣти, то отецъ обязанъ назначить на ихъ пропитаніе опредѣленныя средства деньгами или скотомъ.

Разведясь съ своею законною женою, осетинъ беретъ себѣ другую женщину, и даже вдову роднаго брата, и живетъ съ нею безъ всякихъ церковныхъ обрядовъ.

Плата за убійство женщины составляетъ половину платы за мужчину. — Дочери осетина наслѣдства не получаютъ: они сами составляютъ вещь, или товаръ, которымъ торгуетъ отецъ, хотя и плачущій при рожденіи дочери и торжествующій при рожденіи сына (1).

Рожденіе младенца сопровождается у осетинъ нѣкоторыми особенностями. Чѣмъ богаче и сильнѣе отецъ новорожденнаго сына, тѣмъ болѣе собирается у него охотниковъ попировать на счетъ хозяина. Съ приближеніемъ родовъ, прежде разрѣшенія больной отъ бремени, въ домъ къ ней собираются всѣ родные и знакомые обоихъ супруговъ, при чемъ мужчины, преимущественно молодые парни и мальчики, помѣщаются въ одной половинѣ сакли, а замужнія женщины и старухи въ другомъ отдѣленіи; дѣвушки въ это время не допускаются. Каждая женщина несетъ по три масляныхъ пирога, по обычаю вырываемыхъ изъ рукъ мальчиками. Когда больная почувствуетъ приближеніе родовъ, то самыя близкія родственницы уводятъ ее изъ дамскаго общества въ особую комнату, и ни мужъ, ни другіе родственники при родахъ не присутствуютъ, по малому развитію родительскихъ и родственныхъ чувствъ. Больная оставляется только съ одною бабкою, и всѣ безъ исключенія присутствующіе удаляются. Отъ молодой жены требуется такой стоицизмъ, что, какъ бы ни были мучительны роды, родильница должна быть совершенно спокойною и не произносить ни одного слова, ни одного стона, до разрѣшенія отъ бремени. Гости остаются чуждыми этой высокой разыгрывающейся драмѣ въ судьбѣ двухъ существъ: матери и будущаго новорожденнаго, и хлопочатъ только о томъ, какъ бы приступить скорѣе къ угощенію, но увы! и эта надежда исчезла—хозяйка подарила отцу не сына, а дочь.

Рожденіе дочери хуже чѣмъ наказаніе для отца; дочь у осетина не ставится ни во что, не смотря на то, что отецъ получаетъ за нее *ирадъ* (плата, калымъ), и что она до замужества и послѣ него будетъ работать въ семействѣ какъ волъ. Осетины не цѣнятъ этихъ заслугъ женщины, и рожденіе дочери принимаютъ за несчастіе. Отецъ, повѣся голову, посматриваетъ на приготовленныя угощенія, грустить, не хочетъ праздновать рожденія дочери, и часто гости оставляютъ домъ хозяина, только растравленные апетитомъ.

Но если родится сынъ, то угощеніямъ нѣтъ конца. Съ первымъ крикомъ ребенка всѣ бросаются поздравлять отца и всѣхъ родственниковъ, не только

(1) Изъ записокъ объ Осетіи Н. Берзеновъ Кавказъ 1853 г. № 15. Религіозные обряды у Осетинъ и проч. Шегрена Кавк. 1846 г. № 28. Поѣздка въ Кударское ущелье В. Переваленко Кавказъ 1849 г. № 40. Письма изъ Осетіи Тифлисс. Вѣдом. 1830 г. № 78.

присутствующихъ, но и отсутствующихъ. Кто первый поздравитъ, тому отецъ дѣлаетъ подарокъ, состоящій изъ кинжала, пояса и даже шашки, смотря по состоянію, и даритъ еще что-нибудь, кому вздумается. Часто родственники также дѣлаютъ подарки, состоящіе по большей части изъ оружія, платья, барановъ и рѣдко лошадей.

Рожденіе первенца-сына у новобрачныхъ празднуется особенно. Передъ домомъ собирается значительная толпа мальчишекъ, которые поютъ или, лучше сказать, кричатъ: *сой*, *сой*, *сой-сой*, *цау*, *сой*; *али аздаръ ардамъ цау*, *сой*, *цау*, *сой*. Сой значитъ сало, жиръ, тучность: этимъ словомъ выражается изобиліе, радость и счастіе въ семействѣ, въ которомъ родилось такое дитя, которое подпояшетъ потомъ кинжалъ, сядетъ на коня, будетъ джигитовать и разбойничать—словомъ, что родился мальчикъ.

Поющихъ щедро одариваютъ.

Съ окончаніемъ поздравленія начинается угощеніе. У богатаго отца или старшины, по окончаніи угощенія, бываетъ скачка, сопровождаемая подаркомъ побѣдителю.

Если родится первенецъ сынъ, то, не смотря на бѣдность, отецъ долженъ сдѣлать пиръ и угощеніе для цѣлой деревни, во славу и счастливую жизнь первороднаго. Послѣ первыхъ родовъ, молодая мать перемѣняетъ свой головной уборъ, покрываетъ голову кисеею (нарбанъ, по-грузински лечакъ), и съ этихъ поръ она можетъ свободно говорить съ родными и домашними.

Осетинъ не ведетъ счета своимъ годамъ, не празднуетъ своего рожденія и дня ангела, даже и въ томъ случаѣ, когда исповѣдуетъ христіанскую вѣру. Младенцу даютъ имя свое собственное, языческое, независимо отъ имени христіанскаго или магометанскаго. Это имя считается главнымъ и болѣе важнымъ, а христіанскія имена назначаются для проформы. Кто первый подойдетъ къ люлькѣ младенца, тотъ долженъ дать ему имя и можетъ сочинить какое угодно прозваніе новорожденному. Имена эти принадлежатъ разнымъ звѣрямъ, животнымъ и т. п. Осетины всегда зовутъ другъ друга по имени, но никогда не произносятъ имени христіанскаго, а всегда свое языческое.

Крещеніе совершаютъ только тогда, когда самъ священникъ узнаетъ, что въ такомъ-то домѣ есть новорожденный, но и то часто родители увѣряютъ своего духовнаго пастыря, что ребенокъ ихъ давно уже крещенъ. Во всякомъ же случаѣ крещеніе бываетъ не ранѣе трехъ дней послѣ рожденія.

Въ этомъ случаѣ, муллы поступали для себя болѣе практично, чѣмъ наши священники и миссіонеры. Они распустили слухъ, что каждый необрѣзанный и семейство его будутъ ходить на томъ свѣтѣ безъ головы, а потому у осетинъ-мусульманъ обрядъ обрѣзанія исполняется гораздо строже.

На третій день послѣ рожденія, снова собираются родственники и знакомые и у нѣкоторыхъ, какъ напримѣръ у дигорцевъ, приносятъ пули, которыя кладутъ въ люльку младенца, какъ талисманъ и благословеніе на будущіе его подвиги.

Бабка, принимавшая ребенка, получаетъ подарки и считается въ семействѣ какъ родная.

О воспитанiи дѣтей осетины заботятся очень мало. Ребенокъ находится на попеченiи матери, но сынъ съ двѣнадцатилѣтняго возраста поступаетъ подъ надзоръ отца (1).

Лица высшаго сословiя обыкновенно отдаютъ своихъ дѣтей на воспитанiе какому-нибудь семейству изъ низшаго класса, но пользующемуся уваженiемъ. *Эмчекъ* (воспитатель) увозитъ *кхана* (воспитанника) къ себѣ; обучаетъ его тѣлеснымъ движенiямъ, гимнастикѣ и разнымъ хитростямъ; часто онъ принимаетъ на себя обязанность и женитъ своего *кхана*, выбираетъ дѣвушку соотвѣтствующаго происхожденiя, проситъ ея руки у родителей и платитъ выкупъ. Возвращенiе сына въ родительскiй домъ совершается съ особою торжественностiю; эмчекъ уходитъ домой съ большими подарками и послѣ того считается какъ бы роднымъ.

У нѣкоторыхъ осетинъ существуетъ обыкновенiе, преимущественно у старшинъ, надѣвать на дѣвушку съ раннихъ лѣтъ корсетъ—широкая кожаная опояска, зашиваемая на самомъ тѣлѣ. Въ такомъ случаѣ, мужъ въ первую ночь послѣ брака долженъ разрѣзать этотъ корсетъ кинжаломъ, а если онъ ловкiй и удалой, то разшиваетъ его руками, не порвавъ ни одной нитки.

Для сохраненiя гибкости стана, которая составляетъ необходимую принадлежность красоты дѣвушки, ее кормятъ весьма дурно. Молоко и нѣсколько яицъ составляютъ ея всю ежедневную пищу. Часто дѣвушки и женщины привѣшиваютъ себѣ сзади къ волосамъ *зикубосы*—длинный витой узелъ, похожiй на жгуть, изъ тонкаго бѣлаго полотна. По понятiю осетинокъ, зикубосъ способствуетъ выростанiю и удлиненiю волосъ.

Осетины считаютъ безчестiемъ для дома, если покойникъ хотя одну ночь останется не похороненнымъ. По этому похороны совершаются или въ самый день смерти, или на другой день утромъ, но никакъ не позже. Христiане, живущiе на плоскости, хоронятъ по церковному уставу съ примѣсью своихъ обычаевъ, а тѣ, которые живутъ въ горахъ, хоронятъ умершихъ чисто по язычески. Народъ вѣритъ, что слезы облегчаютъ за гробомъ участь умершаго, и чѣмъ больше слезъ, тѣмъ легче будетъ покойнику. По этому на оплакиванiе стараются собрать какъ можно болѣе народа, который часто прiѣзжаетъ изъ весьма отдаленныхъ селенiй.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Осетiи въ день смерти совершался обрядъ *хоранга*, или большiя поминки.

Родственники приходили въ домъ покойника, продавали или закладывали его имущество, безъ согласiя наслѣдниковъ, на вырученныя деньги покупали

---

(1) Чинзъ-ахсавъ. Сой-сой Н. Берзенова Кавк. 1850 г. № 95. Религiозные обряды у осетинъ Шегрена Кавк. 1846 г. № 28. Поѣздка въ Кударское ущелье В. Переваленко Кавк. 1849 г. № 40.

вино, выгоняли изъ хлѣба или ячменя водку и рѣзали значительное число быковъ и барановъ, иногда до 35 штукъ. Приготовленныя изъ нихъ кушанья, съѣдались и выпивались гостями, при участіи самихъ родственниковъ.

Тотчасъ послѣ кончины лица, всѣ родственники и знакомые одного съ нимъ аула собираются въ саклю; прочимъ живущимъ въ сосѣднихъ аулахъ даютъ знать черезъ карганака (вѣстникъ, глашатай). Послѣдняго снабжаютъ самою лучшею лошадью, чтобы онъ могъ, какъ можно скорѣе, оповѣстить всѣхъ о кончинѣ такого-то. Если же нѣтъ лошади, то посылаютъ нѣсколько человѣкъ въ разные аулы. Пока соберутся изъ сосѣднихъ ауловъ *матзигой*—такъ называется народъ, сходящійся на погребеніе—покойника оплакиваютъ свои одноаульцы. Сверстники покойнаго жертвуютъ на погребеніе его вещи—кто черкеску, шапку, бешметъ, а кто и ремень; умершую женщину одѣваютъ ея родители и родственники.

Пріѣзжающихъ изъ сосѣднихъ деревень встрѣчаютъ молодые люди, сводятъ ихъ съ лошадей и арбъ и отбираютъ отъ нихъ оружіе.

— Посѣщайте насъ впредь на радость (цинтіи цаутъ), говорятъ имъ при этомъ, вмѣсто привѣтствія, родственники умершаго.

Около дымнаго очага, укутанный съ ногъ до головы, лежитъ на скамейкѣ умершій, окруженный родственниками и знакомыми.

Передъ покойникомъ теплится свѣча, а у порога сакли, у самой двери, стоятъ по одну сторону мужчины, по другую сторону женщины. Начинается обрядъ оплакиванія. Гости, приближаясь къ дому умершаго, сжимаютъ обѣ руки въ кулаки, и, ставъ рядомъ, по нѣскольку человѣкъ, бьютъ себя въ лобъ попеременно обѣими руками, испуская печальные гортанные звуки *іа-а-а*; дойдя до порога дверей, они возвращаются обратно и присоединяются къ другимъ. За тѣмъ на порогѣ сакли становится въ рядъ по два или по четыре человѣка, которые берутъ въ правыя руки плети, а лѣвыми закрываютъ глаза и, затянувъ печальную пѣсню *ада-дай*, тихо приближаются къ покойнику. Нѣкоторые натираютъ конецъ плети воскомъ, чтобы показать свое сострадание къ покойнику и свое сердечное сожалѣніе его семейству. Плетьми этими они бьютъ себя по открытой бритой головѣ «такъ сильно, что она, огибая лобъ, темя и шею, вырываетъ тѣло кусками и кровь льется изъ задней части головы».

Дойдя до покойника, они прекращаютъ удары, дотрогиваются до него обѣими руками и отходятъ прочь, передавая плети другимъ охотникамъ истязать себя въ этой печальной церемоніи.

За мужчинами идутъ точно также прощаться женщины, съ тою только разницею, что, вмѣсто плети, бьютъ себя обѣими руками. «Женщины царапаютъ себѣ лица ногтями, бьютъ обѣими руками по щекамъ или крестообразно по предплечіямъ, такъ что правая рука приходится на лѣвое предплечіе, а лѣвая на правое. Отъ безпрестанныхъ ударовъ этихъ, лицо ихъ разду-

вается, глаза наливаются кровью. Дойдя, такимъ образомъ, до покойника, каждая кланяется и, дотронувшись до ногъ его, отходитъ въ сторону».

Когда всѣ гости попрощаются съ покойникомъ, тогда мать, жена или сестра его начинаетъ такъ называемый *карагъ*—оплакиванiе, поддерживаемое общимъ рыданiемъ присутствующихъ. Присутствующiе, при выходѣ изъ сакли покойника, оставляютъ деньги какъ для покрова умершаго, такъ и на содержанiе его вдовы. По совершенiи всѣми обряда прощанiя, покойника, одѣтаго въ новое платье и завернутаго въ кусокъ холста или сукна, кладутъ на носилки или на арбу и отвозятъ на семейное, а не на общее кладбище. Осетины, какого бы вѣроисповѣданiя ни были, не хоронятъ своихъ покойниковъ въ гробахъ, а вырываютъ яму, укладываютъ ее досками или камнемъ и обжигаютъ порохомъ, для того чтобы звѣри не разрывали могилъ.

Въ Дигорiи умершiе низшаго класса хоронятся на общемъ кладбищѣ, но князья имѣютъ свои отдѣльные фамильные склепы, «состоящiе изъ небольшихъ четвероугольныхъ каменныхъ зданiй безъ крыши, устраиваемыхъ недалеко отъ аула на видномъ мѣстѣ».

Такiя семейныя могилы, называемыя *акелдама* или *запацы*, встрѣчаются во многихъ мѣстахъ Осетiи.

Въ печальной процессiи, непосредственно за арбою, на которой везутъ покойника на кладбище, идутъ только всѣ женщины аула и, при пѣнiи *ада-дай*, бьютъ себя обѣими руками по лбу; мужчины слѣдуютъ по правую сторону и продѣлываютъ то же самое плетью. По лѣвую сторону покойника ѣдетъ всадникъ въ полномъ вооруженiи и на конѣ принадлежащемъ умершему. Чѣмъ знатнѣе и богаче покойникъ, тѣмъ медленнѣе подвигается процессiя, тѣмъ большее число лицъ принимаютъ въ ней участiе и тѣмъ яростнѣе сыплются удары въ лобъ и головы провожающихъ.

На кладбищѣ совершается новое и послѣднее оплакиванiе. Покойника ставятъ поодаль отъ мѣста погребенiя. Вокругъ умершаго становятся женщины, а поодаль ихъ мужчины. Одна половина женщинъ поетъ печальную пѣснь: *вей-у*, *дадай-у*, а другая—*саръ-у-сагоса* и ударяютъ себя въ грудь. Мужчины, опираясь на палку и понуривъ голову, безмолвно внимаютъ плачу женщинъ...

У алагирцевъ на грудь покойника насыпаютъ порохъ и зажигаютъ его; если дымъ подымется вверхъ, значитъ умершiй человѣкъ блаженный, а если онъ распространится въ стороны или пойдетъ къ низу, то на оборотъ.

Жители горной Осетiи, какъ-то: алагирцы, куртатинцы, чемитинцы и дигорцы, одѣваютъ покойника въ новое платье, шапку, полное вооруженiе, и, покрывъ буркою, кладутъ вмѣстѣ съ нимъ въ могилу три чурека и штофъ араки, съ тою цѣлiю, чтобы покойникъ, во время пути на небо, ни въ чемъ не нуждался и могъ одарить кого слѣдуетъ. Если умершiй магометанинъ, то изъ среды толпы выходитъ мулла и, съ важностiю, требуетъ коня покойнаго,

для совершенія обряда *бахи-фалдистъ* — жертвованія лошади въ честь покойника.

— Эта лошадь, говоритъ онъ съ разстановкой, взявши коня подъ уздцы, да будетъ жертвою этого покойника.

Послѣ такого вступленія, выражающаго собою содержаніе послѣдующей рѣчи, мулла обращается къ присутствующимъ.

— Нынѣ потеряли мы, говоритъ онъ, одного изъ знаменитыхъ людей, украшавшихъ наше общество; сами знаете — онъ былъ для насъ то же, что глазъ, нога, рука, языкъ, кинжалъ; значитъ: мы теперь онѣмѣли, ослѣпли, охромѣли, лишились силы, обезоружены; что-же будемъ дѣлать—ничего! ибо таковъ законъ Аллаха, такова воля великаго Пахумпара: нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ посланный отъ Бога.

— Но съ тобою, продолжаетъ мулла, обращаясь къ умершему, виновникомъ теперешней бѣды, я долженъ поговорить поподробнѣе. Ты нынѣ отходишь въ такую невѣдомую сторону, гдѣ нѣтъ для тебя ни родныхъ, ни кунаковъ; и такъ, слушай меня со вниманіемъ! Вотъ твой любимый, ретивый конь, вотъ оружіе: шашка, кинжалъ, ружье и пистолетъ — они заряжены двумя пулями. Сядь на коня, надѣнь на себя оружіе и отправляйся; на пути встрѣтятся тебѣ три различныя дороги; не слѣдуй ни по правой, ни по лѣвой: по нимъ проходятъ только одни гяуры и шайтаны; держись средней дороги, она одна достойна правовѣрныхъ: ею ты достигнешь джанната (рая). Еще надо предварить тебя, что путь, которымъ пойдешь, слишкомъ продолжителенъ; если захочется тебѣ ѣсть или пить, то, вотъ, мы кладемъ вмѣстѣ съ тобою мѣшечекъ, въ которомъ ты найдешь все необходимое: хлѣбъ, сыръ, трубку, табакъ и кувшинъ съ брагою. Пользуйся своимъ, ни у кого ничего не требуй въ дорогѣ, очень опасной и трудной; если устанетъ твой конь, поймай кобылицу Магомета, которая будетъ прогуливаться по прекрасному лугу: она прямо привезетъ тебя къ дверямъ рая; тамъ на встрѣчу тебѣ выйдутъ прекрасныя, черноглазыя *гуріи*, обѣщанныя Магометомъ, примутъ въ свои объятія, введутъ въ неизрѣченный джаннатъ (рай) и будетъ тебѣ хорошо!...,

— Аминь Боже! да будешь ты свѣтелъ! заключаютъ всѣ присутствующіе ([1]).

Народъ вѣритъ, что, послѣ смерти, человѣку приходится много странствовать, прежде чѣмъ онъ достигнетъ до того мѣста, гдѣ находятся отошедшіе въ вѣчность люди. Понятія осетинъ относительно загробнаго странствованія чрезвычайно оригинальныя, указываютъ на узкія познанія ихъ о религіи и заключаются въ рѣчи, произносимой надъ умершимъ.

Рѣчь эту произноситъ одинъ изъ стариковъ, по преимуществу человѣкъ бѣдный, который получаетъ потомъ отъ родственниковъ умершаго подарки.

([1]) Очерки Осетіи Н. Берзеновъ Кавказъ 1850 г. № 15.

Нельзя не привести этой рѣчи, записанной Шегреномъ со словъ одного изъ лучшихъ ораторовъ.

— Господь Богъ! восклицаетъ ораторъ; сегодня померъ хорошій человѣкъ; онъ былъ очень хорошій человѣкъ, такой, какому подобный есть только одинъ на небесахъ; теперь всѣ присутствующіе по немъ плачутъ; онъ былъ очень хорошій человѣкъ, хлѣбосолъ, его всѣ любили и онъ всѣхъ примирялъ; съ нимъ св. Георгій сдѣлалъ присягу на братскую дружбу. Теперь св. Георгій на небесахъ, кто же ему дастъ знать о томъ, что пріятель его померъ! никто такъ скоро не поспѣетъ на небо извѣстить св. Георгія, какъ *нартъ аксартаковой* фамиліи Зерватекъ (ласточка) (1), и онъ, только-что ему объ этомъ сказали, тотчасъ поскакалъ и извѣстилъ св. Георгія. Въ это время всѣ святые и ангелы были на угощеньѣ у одного святаго *Кудралъ-Агона* (мѣдника), который, сваривъ большой котелъ пива, пригласилъ ихъ къ себѣ и имъ прислуживалъ, а подавалъ пиво св. Георгій; вдругъ прилетаетъ Зерватекъ и, сѣвъ на правое плечо Георгія, сказалъ ему: твой другъ померъ! и ему надо теперь лошадь, ружье, шашку и пистолетъ. Св. Георгій задумался и говоритъ святымъ: у меня на землѣ померъ одинъ пріятель, мнѣ надо достать ему лошадь, ружье, шашку и пистолетъ, и потому я ухожу отъ васъ; а святые не пустили Георгія и обѣщали ему все найти для его пріятеля. Св. Илія далъ тотчасъ ружье, которое никогда не даетъ промаха; *Кудралъ-Агонъ* подарилъ такую шашку, что ее можно согнуть какъ обручъ; сынъ солнца, Магометъ, подарилъ сѣдло со всѣмъ приборомъ; сынъ луны, *Хамашканъ*, подарилъ потники и серебряную уздечку. Св. Георгій собралъ всѣ вещи и послалъ Зерватека въ Турцію выбрать лучшаго, какой только есть тамъ, коня. Зерватекъ полетѣлъ туда, но для такого знаменитаго покойника не могъ сыскать лошади. Тогда онъ полетѣлъ въ Нартъ, гдѣ жилъ одинъ человѣкъ Чесана и далъ для св. Георгія свою лошадь *Авсурхъ*—главу лошадей. Зерватекъ привелъ эту лошадь, и какъ святые не пустили св. Георгія, то онъ и послалъ всѣ подарки покойнику черезъ Зерватека. А когда тотъ прилетѣлъ на землю и привезъ подарки, то всѣ кругомъ стоящіе благословили покойнаго и пожелали ему счастливаго пути въ землю Нартъ—святое мѣсто, куда пошли всѣ предки всѣхъ народовъ.

Покойникъ простился со всѣми, взялъ свою лошадь и поскакалъ въ Нартъ; не доѣзжая рѣки, его встрѣтили караульные, которые не пускали его далѣе, но онъ подарилъ имъ чурекъ, и тогда они его пустили. И потомъ пріѣхалъ онъ къ рѣкѣ, черезъ которую было положено одно бревно, вмѣсто моста, а впереди моста стоялъ *Аминонъ* (указатель), который не пускалъ его черезъ мостъ и сталъ распрашивать покойнаго. Аминонъ зналъ его хо-

(1) Между осетинами ходитъ много легендъ о подвигахъ жившихъ въ древности *нартовъ*, которыхъ они почитаютъ за святыхъ. Нартами осетины считаютъ израильтянъ а мѣстомъ ихъ жительства нынѣшнюю Имеретію.

рошо, только хотѣлъ узнать: правду-ли будетъ ему говорить покойникъ или солжетъ; если скажетъ правду, то отрекомендуетъ его въ Нартъ и пуститъ туда; если солжетъ, то будетъ бить его по губамъ вѣникомъ, намазаннымъ кровью. Вотъ и спросилъ его Аминонъ: что онъ видѣлъ и дѣлалъ хорошаго на свѣтѣ? и покойникъ все разсказалъ, ничего не увеличивая; и какъ Аминонъ видѣлъ, что онъ говорилъ правду, то и позволилъ ему переѣхать черезъ мостъ, и далъ ему записку и провожатаго, чтобы отвели его въ землю Нартъ, а другихъ, кто солжетъ, онъ отсылаетъ въ адъ. Покойникъ, только что получилъ позволеніе, тотчасъ поѣхалъ прямо на мостъ, который такъ и шатался подъ нимъ и, кажется, такъ и проваливался; но какъ покойникъ былъ хорошій человѣкъ и ѣхалъ смѣло, то мостъ дѣлался все шире и крѣпче и вышелъ большой хорошій мостъ.

Только-что переѣхалъ онъ на другой берегъ и видитъ: стоятъ нѣсколько женщинъ, всѣ въ траурѣ, спереди ихъ собаки, сзади эшаки, и звѣри эти терзали женщинъ. И спрашиваетъ онъ у проводника, что это значитъ? А проводникъ отвѣчалъ: эти женщины наказаны за прелюбодѣяніе на томъ свѣтѣ; когда мужья ихъ умерли, онѣ надѣли трауръ, а сами изъ-подтишка принимали любовниковъ; теперь онѣ наказаны тѣмъ, что имѣютъ вѣчно любовниками собакъ и эшаковъ и поставлены на дорогѣ, чтобы ихъ всѣ видѣли. Покойникъ проклялъ женщинъ и поѣхалъ дальше; и видитъ онъ, дальше лежатъ на бычачей кожѣ мужъ и жена, покрыты они тоже бычачьею кожею, и ссорятся другъ съ другомъ, и тянутъ одинъ у другаго кожу, говоря, что имъ нечѣмъ покрыться. Спрашиваетъ онъ у проводника: что это значитъ, что они дерутся? и проводникъ отвѣчалъ ему: они не любили другъ друга на томъ свѣтѣ, и здѣсь тоже ссорятся и имъ всего мало. Потомъ видитъ онъ: лежитъ человѣкъ съ женою на заячьей кожѣ, покрываются заячьею кожею и не только довольно имъ этихъ кожъ, но еще они укутываютъ другъ друга; спрашиваетъ онъ у проводника: что это значитъ, что они помѣщаются на заячьей кожѣ? А проводникъ ему отвѣчалъ: они любили другъ друга на томъ свѣтѣ и здѣсь тоже любятся, и оттого имъ всего довольно. Потомъ, отъѣхавъ дальше, видитъ онъ: человѣкъ сидитъ за столомъ изъ льда, на стулѣ изъ льда и ѣстъ ледъ. И спрашиваетъ онъ у провожатаго: что это значитъ? И провожатый отвѣчаетъ: онъ былъ судьею на томъ свѣтѣ и не держался правды въ судѣ, а, напротивъ, помогалъ богатымъ и сильнымъ, и притѣснялъ бѣдныхъ и беззащитныхъ, и за то наказанъ ѣстъ вѣчно одинъ только ледъ. Отъѣхавъ-же дальше, видитъ онъ: сидитъ человѣкъ на серебряномъ стулѣ, за серебрянымъ столомъ, сакля у него вся изъ солнца, потолокъ весь изъ звѣздъ, и въ саклѣ у него курится ѳиміамъ и всего вдоволь у этого человѣка. Спрашиваетъ онъ у провожатаго: за что этотъ человѣкъ проводитъ въ такомъ удовольствіи время? А провожатый ему отвѣчаетъ: онъ оттого теперь такъ счастливъ, что на томъ свѣтѣ былъ хорошій судья,

поступалъ всегда справедливо и помогалъ бѣднымъ, и оттого награжденъ въ землѣ Нартовъ.

Наконецъ видитъ покойникъ: стоитъ человѣкъ, у котораго быкъ гложетъ усы, спрашиваетъ онъ у провожатаго: что это значитъ? И провожатый ему отвѣчаетъ: что оттого у него быкъ теперь гложетъ усы, что на томъ свѣтѣ онъ кормилъ только своего быка, а чужому ничего не давалъ, за то чужой быкъ и ѣстъ у него усы ([1]). Проѣхавъ этого человѣка, они остановились у того мѣста, гдѣ расходятся три дороги: одна наверхъ—къ святымъ на небо, другая въ преисподнюю—къ злымъ духамъ, а третья, средняя, прямо къ нартамъ. Аминонъ приказалъ отвезти покойника прямо къ нартамъ, туда они и поѣхали по средней дорогѣ; подъѣзжаютъ и видятъ, что нарты всѣ сидятъ въ кружкѣ и, только что завидѣли покойника, встали передъ нимъ, а *Барастверъ* (хозяинъ рая) вышелъ впередъ и пригласилъ его занять въ кружкѣ первое мѣсто, говоря: ты былъ умный и хорошій человѣкъ, мы тебя знали и почитали, садись на первое мѣсто и распоряжайся у насъ всѣмъ; однако покойникъ отказался отъ перваго мѣста; тогда Барастверъ сказалъ: если ты не хочешь занять перваго мѣста и распоряжаться всѣмъ, то садись на послѣднее и прислуживай намъ; но покойникъ и отъ этого отказался, сказавъ нартамъ: я и на томъ свѣтѣ долго прислуживалъ всѣмъ и занималъ послѣднее мѣсто; тогда посадили его въ средину кружка и онъ остался такъ посрединѣ рая».

Подобныя рѣчи произносятся одинаково и бѣднымъ, и богатымъ, и добрымъ, и злымъ. Произнося ее, ораторъ обводитъ три раза кругомъ могилы коня въ полномъ уборѣ и даетъ конецъ узды въ руку умершаго. Осетины считаютъ, что съ этого момента покойникъ будетъ имѣть лошадь на томъ свѣтѣ. Остановившемуся у ногъ покойника оратору подносятъ на овчинѣ ячмень и въ деревянной чашѣ пиво; ячменемъ онъ кормитъ лошадь, а чашу, взявъ въ руки, разбиваетъ о голову или копыта лошади и обломки бросаетъ въ могилу. Такъ какъ, по понятію осетинъ, на томъ свѣтѣ каждый будетъ непремѣнно жить своимъ хозяйствомъ, то подведенная лошадь считается собственностію покойника, который и будетъ уже ѣздить на ней, а оставшійся послѣ него хозяинъ долженъ пріобрѣсти себѣ другую. Чтобы на на томъ свѣтѣ не явилось нѣсколько претендентовъ на одну и ту же лошадь, то ее подводятъ къ могилѣ только одинъ разъ. Подведенному коню обрѣзываютъ правое ухо, а въ прежнее время обрѣзывали ухо и женѣ покойнаго, которую также водили вмѣстѣ съ конемъ три раза около могилы, и ухо ея бросали въ могилу вмѣстѣ съ ухомъ лошади. По народному объясненію, это дѣлается

([1]) Смыслъ этихъ словъ заключается въ обычаѣ осетинъ при пахані земли впрягать въ плугъ нѣсколько воловъ, принадлежащихъ разнымъ хозяевамъ, такъ какъ рѣдкій изъ нихъ имѣетъ болѣе одного или двухъ воловъ. Работаютъ по очереди и столько дней, сколько каждый давалъ воловъ.

для того, чтобы покойный, на томъ свѣтѣ, могъ скорѣе узнать вещи ему принадлежавщія. Теперь уже не обрѣзываютъ ушей, и покойникъ довольствуется подстриженными у лошади волосами и вырванными клочками волосъ своей супруги; по этимъ примѣтамъ онъ отыскиваетъ ихъ на томъ свѣтѣ.

Въ послѣднее время, только тѣ женщины, которыя желаютъ остаться вдовыми навсегда, отрѣзаютъ себѣ волосы и кладутъ ихъ въ могилу умершаго. Обрѣзываніе ушей и принесеніе ихъ на могилу осталось только въ дѣлахъ кровомщенія, и тогда отмщенный получаетъ для прислуги себѣ на томъ свѣтѣ раба, въ лицѣ того, кто за него убитъ.

Въ могилѣ покойника кладутъ лицомъ къ востоку. Затѣмъ одни только родственники засыпаютъ его землею и бросаютъ лопаты на могилѣ, изъ предразсудка, что, взятыя обратно въ домъ, они принесутъ несчастіе. Въ могилу кладутъ и тѣ вещи, которыя любилъ покойный или чѣмъ занимался, но преимущественно зарываютъ огниво, кремень, трутъ, трубку, табакъ, иглу для прочистки трубки, а съ младенцами кладутъ ихъ игрушки.

Предоставивъ женщинамъ дальнѣйшее оплакиваніе, мужчины спѣшатъ на поминки.

Осетины-христіане очень рѣдко ставятъ надъ могилами кресты, а большею частію ставятъ въ головахъ деревянный брусъ или каменную плиту, на верхнихъ концахъ которой у магометанъ придѣлывается шаръ. «Памятники по усопшимъ, пишетъ В. Переваленко, воздвигаются только тогда, когда оставшійся послѣ смерти родственникъ, жена или другъ покойнаго первоначально зарѣжутъ отъ 30 до 40 штукъ коровъ и такое же количество барановъ и козловъ, и тѣмъ угостятъ все населеніе. Безъ исполненія такого обряда воздвиженіе памятниковъ считается непозволительнымъ; многіе, желая удовлетворить своему тщеславію, закладываютъ имѣніе свое для исполненія этого обычая, а будучи потомъ не въ состояніи выкупить заложенное, должны бываютъ продать его за безцѣнъ и тѣмъ самымъ впадаютъ въ нищету».

Это не мѣшаетъ однакоже тому, что люди состоятельные обносятъ могилы заборомъ, строятъ на нихъ пирамиды, насыпаютъ курганы, а иные ставятъ плиты и на перекресткахъ дорогъ, чтобы прохожіе вспоминали о душѣ умершаго. Кладбище находится у осетинъ въ большомъ уваженіи; тамъ посторонній человѣкъ не имѣетъ права ни сидѣть, ни ходить. Семейства стараются хоронить вмѣстѣ, часто выкупаютъ убитаго на войнѣ или въ плѣну и привозятъ его для похоронъ на свое кладбище. Причина тому изложена выше. Отъ этого происходитъ то, что аулъ давно перенесенъ на другое мѣсто и далеко отъ прежняго, а кладбище осталось на старомъ мѣстѣ и въ немъ прибываютъ свѣжія могилы.

Послѣ зарытія могилы, производятся конскія скачки на разстояніи, впрочемъ, не болѣе семи верстъ. Кто первый прискачетъ, тотъ, по мнѣнію осетинъ, вѣроятно былъ болѣе всѣхъ любимъ покойникомъ и за то получаетъ подарокъ: быка или барана, смотря по состоятельности осиротѣвшаго семей-

ства; иногда у бѣдныхъ призъ составляетъ четвертая часть бычачьей шкуры, но за то у богатыхъ такой удалецъ получаетъ отъ вдовы до 40 коровъ. Часто скачку замѣняетъ такъ называемый *кабакъ* — стрѣльба въ цѣль по жерди, воткнутой въ землю и нерѣдко достигающей до десяти саженъ длины (¹). Кто попадетъ въ кругъ, сдѣланный на верху жерди, или сброситъ пулею кусочекъ, положенный на верхній конецъ жерди, получаетъ призъ.

Послѣ похоронъ преимущественно въ тотъ же день вечеромъ устраивается *мадани-хистъ*—такъ сказать ужинъ, на которомъ присутствующіе принуждаютъ родственниковъ умершаго разговѣться. Со дня смерти семья, родственники, а иногда даже и знакомые, не должны ѣсть ничего скоромнаго, причемъ мать, жена или сестра покойнаго, по обычаю осетинъ, должны поститься въ теченіе трехъ дней, а въ нѣкоторыхъ обществахъ цѣлый годъ, и носить трауръ, который состоитъ изъ повязаннаго на головѣ чернаго платка. Остальныя лица могутъ разговѣться, для чего собственно и устраивается *мадани-хистъ*. Каждый приглашенный на хистъ приноситъ съ собою пироги съ сыромъ, вареники съ медомъ и масломъ, а семейство покойнаго закалываетъ барана или теленка. Одинъ изъ стариковъ, вставъ посреди собравшихся, поминаетъ умершаго.

— Чристіи-рухси-бададъ, т. е. да пребываетъ въ свѣтѣ Христовомъ, отвѣчаютъ ему всѣ единогласно.

Затѣмъ, принудивъ, кого слѣдуетъ, разговѣться, раздѣливъ съѣстное на части, напившись и наѣвшись, всѣ расходятся по домамъ.

Три дня сряду послѣ похоронъ родственники собираются на могилу помолиться и поплакать. У дигорцевъ, въ теченіе первыхъ трехъ ночей, на могилѣ умершаго оставляется караулъ съ оружіемъ. По сказанію народа, въ одну изъ этихъ ночей шайтанъ (дьяволъ) имѣетъ привычку похищать трупъ и относить его въ адъ, на пищу страшнымъ фуріямъ.

Во многихъ мѣстахъ Осетіи, въ теченіе цѣлаго года, каждую пятницу вечеромъ, родственницы приходятъ на могилу для совершенія оплакиванія. Ставши рядомъ въ шеренгу, затянувъ *ада-дай* и, обратившись лицомъ къ могилѣ, женщины колотятъ себя и, сдѣлавъ ударовъ пятьдесятъ, прекращаютъ молитву. Каждая подходитъ къ могилѣ, прикасается къ ней обѣими руками, показывая тѣмъ, что помнитъ о немъ. Затѣмъ женщины обходятъ всѣ могилы своихъ родныхъ, передъ каждою ударяютъ себя раза четыре въ лобъ, пропоютъ столько же разъ *ада-дай* и затѣмъ, дотрогиваясь до могилы, произносятъ: sit vobis terra levis и расходятся по домамъ.

Мужчины въ этой церемоніи не принимаютъ никакого участія, точно также какъ не носятъ траура. Носить его мужу по умершей женѣ считается малодушіемъ. Послѣ смерти мужа вдова поступаетъ въ супружество его брата

(¹) Стрѣльба эта заимствована у черкесъ и сохранила за собою почти тоже названіе. См. стр. 190.

и даже отца, если онъ вдовъ. Послѣ смерти жены, мужъ можетъ жениться на родной сестрѣ умершей [1].

Родные обязаны въ теченіе года сдѣлать не менѣе трехъ поминокъ для всѣхъ жителей аула, родныхъ и знакомыхъ. Богатые дѣлаютъ такихъ поминокъ до 10 въ годъ, и при угощеніи устраиваютъ скачки, на которыхъ побѣдители получаютъ въ подарокъ вещи покойника. Поминки эти раззоряютъ одинаково и богатаго, и бѣднаго; чѣмъ богаче наслѣдники умершаго, тѣмъ болѣе приходитъ къ нимъ знакомыхъ и тѣмъ больше расхода на угощеніе. Часто послѣ смерти богатаго осетина его семейство не имѣетъ у себя ни одного быка, ни одного барана—все ушло на угощеніе во время поминокъ, совершаемыхъ съ особымъ обиліемъ и пышностію. Прежде, при такихъ поминкахъ, въ честь умершаго сочинялись хвалебныя пѣсни, которыя пѣли дѣвушки хоромъ или особые пѣвцы. Теперь хотя и приглашаютъ пѣвцовъ, но они не сочиняютъ новыхъ пѣсенъ, а поютъ старыя—про подвиги и похожденія древнихъ народныхъ богатырей.

Осетины не имѣютъ сочиненныхъ пѣсенъ, а пѣвцы ихъ импровизируютъ каждый отдѣльный случай. Напѣвъ ихъ пѣсенъ, сопровождаемый монотоннымъ звукомъ балалайки, вообще заунывенъ и протяженъ и почти всегда состоитъ изъ слѣдующихъ слоговъ: *варай-да-ша-ва-ри-ра*.

Прикорнувъ кружкомъ у пылающаго на очагѣ дуба или развалившись на рогожахъ и плетенкахъ, далѣе или ближе къ дверямъ, смотря по тому, кто какимъ пользуется уваженіемъ, осетины слушаютъ импровизацію своихъ бардовъ.

Обычай, по которому всѣ, кто только въ родствѣ съ покойнымъ, должны навестить семейство, заставляетъ послѣднее каждую пятницу дѣлать у себя въ домѣ малыя поминки для пріѣзжихъ.

IV.

Народное управленіе. — Происхожденіе сословій и ихъ права. — Кровомщеніе. — Плата за кровь и другія преступленія. — Гостепріимство.

До подчиненія осетинъ русскому правительству, въ народѣ всякое общественное дѣло рѣшалось *нихасомъ* — совѣтомъ, который сходился тогда

---

(1) Религіозные обряды осетинъ и проч. Шегрена Кавк. 1846 г. № 29. Поѣздка въ Кударское ущелье В. Перваленко Кавк. 1849 г. № 40. Изъ записокъ объ Осетіи Н. Берзенова Кавказъ 1852 г. № 67 и 68. Дигорія его же Закавк. Вѣст. 1852 г. № 39. Похороны у осетинъ алагирцевъ С. Жукаева Закавк. Вѣст. 1855 г. № 9. Осетины и проч. Терскія вѣдом. 1868 г. № 11.

гдѣ нибудь подъ навѣсомъ, устраиваемымъ обыкновенно на одной изъ площадокъ аула, преимущественно въ центрѣ его. Всѣ безъ исключенія жители имѣли право подавать голосъ въ этомъ собраніи, но старшіе по лѣтамъ пользовались передъ другими преимуществомъ. Этотъ порядокъ рѣшенія дѣлъ существовалъ долгое время и при русскомъ управленіи.

Тяжебныя дѣла, несогласіе между семействами, воровство, убійство и т. п. судились и рѣшались на этихъ собраніяхъ. Послѣднія созывались черезъ *фидиваговъ*, глашатаевъ или герольдовъ, безъ всякихъ церемоній, по мѣрѣ надобности, и не въ опредѣленные сроки. Непослушные приговору суда подвергалися *коди*—штрафу и взысканію.

Воровство было позволительно—какъ и у всѣхъ горцевъ, но такъ, чтобы никто не могъ уличить.

Въ народѣ существуетъ оригинальный способъ отысканія вора. Обокраденый осетинъ, не знающій вора, но подозрѣвающій, что онъ находится въ такой-то деревнѣ, беретъ съ собою кошку или собаку и отправляется туда. Осетины вообще признаютъ за этими животными особыя качества, считаютъ ихъ нечистыми, и добровольно ни одинъ осетинъ не убьетъ ни кошки, ни собаки. Остановившись посреди селенія, обокраденый начинаетъ кричать во весь голосъ.

— Всякій, кричитъ онъ, кому только извѣстенъ воръ, похитившій у меня вчера лошадь, да будетъ объявленъ мнѣ немедленно и принужденъ удовлетворить меня, иначе я имѣющагося со мною нечистаго животнаго повѣшу на колъ, посреди вашего селенія, въ пищу всѣмъ вашимъ покойникамъ.

Такія угрозы весьма страшны для каждаго осетина и почти всегда служатъ къ обнаруженію хищника. Случается весьма часто, что воръ не находится въ томъ селеніи, гдѣ предполагаетъ обиженный и тогда жители селенія, гдѣ совершено заклинаніе, цѣлымъ обществомъ удовлетворяютъ обокраденнаго, чтобы только избавить на томъ свѣтѣ своихъ родственниковъ отъ столь нечистой и омерзительной пищи. Удовлетворивъ истца, общество само уже принимается за отысканіе вора [1].

Воръ, не пойманный на мѣстѣ преступленія, считается удальцомъ и хватомъ, которому завидуютъ и подражаютъ. Самымъ жестокимъ упрекомъ, какой только можетъ женщина сдѣлать мужчинѣ, считается то, если она скажетъ, что онъ и барана украсть не умѣетъ.

При разборѣ дѣлъ, производимыхъ начальствомъ, осетины присягаютъ по христіанскому обряду, но когда рѣшаютъ дѣла судомъ посредниковъ, то употребляютъ, по ихъ понятіямъ, болѣе дѣйствительную присягу. Присягающаго, по обычаю страны, приводятъ на назначенное мѣсто, куда приносятъ кошку или собаку, которую, связавъ, кладутъ въ вырытую для того яму. Присягающій беретъ ружье.

---

[1] Тифлисскія вѣдомости 1830 г. № 28.

— Чтобы моей душѣ была бы подобная же участь, говоритъ онъ, если я не правъ.

Съ этими словами онъ убиваетъ животное, которое и зарываютъ въ этой же ямѣ.

Этой присяги осетины такъ боятся, что часто правый отказывается отъ иска, чтобы только не показать ложно.

Самыя тяжелыя клятвы обыкновенно даются въ день *хаусъ-ганана* (поминокъ). Этотъ день считается столь важнымъ, что всѣ сомнительныя дѣла откладываются до него. Здѣсь уличаются обвиняемые въ воровствѣ и убійствѣ. Обыкновенно подозрѣваемаго въ преступленіи подводятъ къ могилѣ покойнаго и заставляютъ его поклясться въ своей невинности. Тотъ, оправдываясь произноситъ, что если онъ виновенъ, то да будутъ на томъ свѣтѣ, онъ и его семейство, рабами убитаго за такое клятвопреступленіе. Не было еще примѣра, говорятъ осетины, чтобы виновный не сознался въ своемъ преступленіи, и потому, если уличаемый присягаетъ въ своей невинности, то всегда освобождается отъ всякаго подозрѣнія.

«Слѣдующая клятва, говоритъ Шегренъ, считается весьма тяжелою; рѣдко случается, чтобъ кто-нибудь ее произнесъ, но, присягнувъ разъ, ни за что не рѣшится нарушить присягу. «Я ниже поименованный клянусь всемогущимъ Богомъ, Святымъ Михаиломъ Архангеломъ и почитаемымъ нами святымъ мѣстомъ Цомадикавзадъ [1], въ томъ и т. д. Если я нарушу мое клятвенное обѣщаніе, нынѣ изреченное, то да не увижу гробовъ предковъ моихъ, да истлѣютъ кости мои въ землѣ чужой, да откажетъ мнѣ земля, питающая меня, въ плодахъ своихъ; вода, утоляющая жажду мою, да пресечетъ теченіе свое; воздухъ, которымъ я дышу, да нанесетъ на меня и народъ мой тяжкіе недуги, и наконецъ небо, въ гнѣвѣ своемъ, да ниспошлетъ на клятвопреступника всѣ бѣдствія во власти его находящіяся; да изольется на могилахъ предковъ моихъ и на мой собственный родъ, если я нарушу клятву мою, кровь нечистыхъ животныхъ: кошки и собаки».

Кромѣ такого рода присягъ, у осетинъ существовала въ прежнее время еще военная присяга, употребляемая тогда, когда, послѣ удачнаго набѣга, приходилось дѣлить добычу, и предводитель желалъ опредѣлить, сколько каждый изъ участниковъ пріобрѣлъ добычи.

Два человѣка, обнаживъ шашки, становились лицомъ къ лицу, шагахъ въ двухъ другъ отъ друга, и держали передъ собою шашки, упирая ихъ въ землю и образуя, такимъ образомъ, родъ прохода. Каждый изъ присягающихъ долженъ былъ пройти черезъ проходъ и потомъ объявить начальнику, что именно

(1) Мѣсто это принадлежитъ алагирцамъ, но клятва страшна для всякаго другаго племени: стоитъ только перемѣнить названіе священнаго мѣста.

взято имъ у непріятеля. Никогда не случалось, чтобы, послѣ подобной присяги кто нибудь утаилъ или увеличилъ свою добычу (¹).

Въ прежнее время каждое общество осетинскаго племени имѣло свой судъ и расправу; оно не подчинялось и не связывалось ничѣмъ съ другими сосѣдними обществами, а напротивъ того, хищническая жизнь привела къ тому, что небольшія общества осетинскаго народа находились въ постоянной враждѣ между собою. Къ тому же, живя въ горахъ, никто изъ осетинъ, какъ мы имѣли случай замѣтить, не смѣлъ показываться на плоскости, гдѣ дѣлались жертвою сосѣдей и въ особенности кабардинцевъ. Правда, покровительство кабардинскихъ князей до нѣкоторой степени спасало осетинъ отъ непріятельскихъ развореній, но за то они обязаны были платить князьямъ съ каждаго двора по одному барану. Каждый кабардинскій князь содержалъ въ томъ аулѣ, который платилъ ему дань, своего узденя, который назывался *бегауломъ* и *фртъ*. Кабардинскіе князья не вмѣшивались однакоже во внутреннее управленіе осетинъ, дѣла которыхъ рѣшались на общественныхъ сходкахъ, гдѣ право сильнаго имѣло значительное вліяніе и широкое примѣненіе. Это право сильнаго производило постоянную междоусобную войну, нерѣдко кончавшуюся истребленіемъ цѣлыхъ фамилій. Осетины не знали какъ обрабатывать поля безъ оружія, не могли безъ него выдти на улицу и, кромѣ того, должны были часто искать защиты въ прочной постройкѣ своего дома.

Постоянное тревожное состояніе выразилось даже и въ народной пословицѣ.

— Когда осетинъ разбогатѣетъ, говоритъ она, онъ построитъ башню и убьетъ человѣка.

Отсюда появились высокія каменныя башни, лѣпившіяся на едва доступныхъ высотахъ, которыхъ и до сихъ поръ весьма много въ горной Осетіи. Этотъ порядокъ породилъ то, что слабые были весьма бѣдны, сильные — богаты. Первымъ негдѣ было искать защиты; они не видѣли другаго исхода, какъ подчиниться сильнымъ, и стали искать ихъ покровительства. Сила перешла въ аристократизмъ, и въ обществѣ появились высшія сословія.

Дигорцы объясняютъ происхожденіе у нихъ сословій особою легендою. По народному преданію, столѣтій пять тому назадъ, въ Дигоріи явился нѣкто Бадель, родомъ изъ Венгріи, который принесъ съ собою ружье, тогда еще неизвѣстное горцамъ. Бадель попалъ въ Дигорію, когда жители ея дрались съ сосѣдями и были сильно тѣснимы многочисленностію непріятеля. Обѣ стороны бились холоднымъ оружіемъ, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ, и хотя убитъ былъ только одинъ человѣкъ, но непріятель, объятый паническимъ страхомъ и дѣйствіемъ невиданнаго оружія, разбѣжался въ разныя стороны.

Дигорцы, сознавая, что обязаны Баделю своимъ спасеніемъ, положили ему

(¹) Религіозные обряды и обычаи осетинъ и проч. Шегрена Кавк. 1846 г. № 30. Поѣздка въ Кударское ущелье В. Переваленко Кавк. 1849 г. № 40.

съ каждаго двора нѣкоторую часть съѣстныхъ припасовъ, построили домъ, снабдили лошадью и просили принять на себя охраненіе ихъ границъ.

Бадель женился на дигоркѣ, но, не довольствуясь ею, вскорѣ взялъ себѣ другую жену. Отъ первой жены онъ имѣлъ двухъ сыновей, которыя считались старшими, и отъ которыхъ пошло потомство баделятъ. Отъ второй жены онъ имѣлъ одного сына по имени Куміакъ; онъ считался младшимъ, и отъ него пошло сословіе *куміаковъ*. Баделята не обработывали полей, и занимаясь наѣздничествомъ и охраненіемъ границъ, получали, подобно отцу, съ каждаго двора извѣстное количество съѣстныхъ припасовъ. Снабженіе баделятъ припасами сдѣлалось теперь обязанностію дигорцевъ, хотя они и не считали это данью, а платою за караулы. Баделята стали однакоже пренебрегать своею должностію, а плату требовали по прежнему. Дигорцы, занятые междоусобною враждою и кровомщеніемъ, не могли противиться баделятамъ и продолжали платить. Въ это время кабардинцы покорили осетинъ своей власти, и баделята, стараясь сблизиться съ ними, приняли, въ угоду кабардинцамъ, мусульманство, вступили въ родственныя отношенія съ княжескими узденями и т. п. Достигнувъ своей цѣли и пріобрѣтя еще болѣе значенія, баделята назначили новый поборъ съ народа, состоящій изъ извѣстной части сѣна, хлѣба, меду, по одному барану изъ стада, по одному кувшину пива, когда хозяинъ варилъ его, и лучшую часть отъ зарѣзаннаго барана. Кто отдавалъ дочь за-мужъ, гналъ къ баделяту лучшаго быка изъ калыма, за что послѣдній отдаривалъ невѣсту по своему усмотрѣнію. При этомъ однакоже баделята не вмѣшивались въ управленіе и не имѣли въ своихъ рукахъ суда и расправы.

Новые налоги соединили народъ въ одно цѣлое, и дигорцы выгнали баделятъ изъ своихъ владѣній. Они сначала бѣжали къ тагаурцамъ, но потомъ, при посредствѣ кабардинскихъ князей, помирились съ народомъ и были опять приняты въ Дигорію, но не надолго. Народъ, снова недовольный баделятами, выгналъ ихъ вторично изъ своихъ владѣній, не задолго до прихода русскихъ.

Возвратившись снова въ Дигорію, баделята потеряли теперь всякое значеніе, и весьма немногіе изъ дигорцевъ продолжали платить имъ дань.

Такимъ образомъ въ Дигоріи существовали слѣдующія сословія: *баделята*—старшины, образовавшіеся изъ пришельцевъ; жители Дигоріи; *куміаки*—дѣти баделятъ отъ имянныхъ женъ. Имянными женами считались вторыя жены—*номелусъ*, это дѣвушки, которыхъ баделята брали къ себѣ въ домъ изъ низшихъ сословій. Прижитыя съ ними дѣти, получали наименованіе *куміаковъ* и до смерти отца жили въ его домѣ; со смертію же получали извѣстную долю наслѣдства и, отдѣлившись отъ семьи, жили съ своею матерью отдѣльно. Если же у такой женщины (номелусъ) не было дѣтей, то она оставалась на всю жизнь при наслѣдникахъ своего мужа. Кромѣ трехъ названныхъ сословій, въ Дигоріи существовали еще *хехесъ*—потомки выходцевъ изъ алагирскаго общества, и *рабы*, которыми могъ владѣть каждый осетинъ, имѣющій къ тому

средства. Высшія сословія старались не родниться съ низшими. Нарушить неравенство вступленія въ бракъ считалось большимъ безчестіемъ.

Въ Тагаурскомъ обществѣ существовали слѣдующія сословія: *алдары* или *тагеаты*—это высшее сословіе: первое имя имъ дано русскими, а подъ вторымъ они извѣстны народу; *кавдасарды*—тоже что куміаки въ Дигоріи; *фарсалаки* или *фарсаги*—народъ вольный, и наконецъ *рабы*.

По преданію, нѣкто Тагауръ, выходецъ изъ Арменіи, поселился первый въ ущельѣ, образуемомъ Терекомъ ниже Дарьяла, и сдѣлался родоначальникомъ алдаровъ. Къ нему присоединились изъ разныхъ обществъ бѣглецы, спасавшіеся отъ кровомстителей, и такимъ образомъ поселеніе это сдѣлалось родоначальниками тагаурцевъ. Тагауръ считался между ними кореннымъ жителемъ, пользовавшимся относительно лучшимъ благосостояніемъ, въ зависимости отъ котораго было ихъ личное обезпеченіе. Съ своей стороны, Тагауръ не отказывался отъ моральнаго вліянія на выходцевъ и присвоилъ себѣ одному право брать пошлину съ проходящихъ и проѣзжающихъ по Тагаурскому ущелью.

Алагирцы въ средѣ своей не имѣютъ никакихъ сословій, но добивались, хотя напрасно, чтобы всѣхъ ихъ поголовно признать въ правахъ наравнѣ съ русскими дворянами.

Куртатинцы ведутъ родъ свой отъ Куртана, брата Тагаура, и имѣли сословіе кавдасардовъ.

Въ обществахъ нарскомъ, мамисонскомъ, закинскомъ и зрукскомъ, также нѣтъ сословнаго раздѣленія. Въ Студигоріи, хотя и слившейся съ дигорцами, но считающей себя отдѣльнымъ обществомъ, существуетъ высшее сословіе, извѣстное подъ именемъ *царгосатъ*; остальныя сословія тѣ же, что и у дигорцевъ. Наконецъ въ Донифарскомъ обществѣ существуетъ высшее сословіе—*гогоаты*.

Такимъ образомъ, до освобожденія, въ 1867 году, зависимыхъ сословій, осетины раздѣлялись на четыре главныхъ сословія: *алдаровъ* (баделятъ, царгосатъ и гогоатъ), *фарсалаковъ*, *кавдасардовъ*, или *куміаковъ*, и *гурзіаковъ*, или *кусаковъ*.

Высшимъ сословіемъ были *алдары*, представлявшіе собою нѣчто въ родѣ дворянскаго сословія.

Второй классъ составляли *фарсалаки*—сословіе вольныхъ людей, самое многочисленное въ Осетіи. Къ третьему разряду принадлежали *кавдасарды* (въ Дигоріи куміаки), что означаетъ, въ переводѣ, люди, рожденные въ ясляхъ. Это сословіе составляли всѣ рожденные отъ неравныхъ браковъ лицъ высшихъ сословій на дѣвушкахъ взятыхъ изъ низшихъ классовъ. Наконецъ четвертый классъ составляли *гурзіаки* (кнехи, кусаки)—крѣпостные или рабы, пріобрѣтенные покупкою или плѣномъ.

Званіе *алдара* пріобрѣтается рожденіемъ, но не покупкою, не заслугами. Сословіе алдаровъ, подчинивъ своей власти кавдасардовъ, пользовалось правомъ наказывать своихъ подвластныхъ безъ всякаго суда, по личному произ-

волу. Алдары обязаны были защищать и охранять каждаго изъ живущихъ на ихъ землѣ, будетъ ли то фарсалакъ, кавдасардъ или гурзіакъ. У тагаурцевъ званіе фарсалака было наслѣдственнымъ; и никто не могъ пріобрѣсти его ни покупкою, ни заслугами. У дигорцевъ же, въ это званіе могъ поступить каждый изъ зависимыхъ сословій, если владѣлецъ отпускалъ его совершенно на волю. *Фарсалаки* считались людьми совершенно вольными и свободными, и состояли только въ нѣкоторой, условной, зависимости отъ алдаровъ, какъ живущіе на ихъ землѣ, или въ ихъ аулахъ. Если фарсалакъ не исполнялъ въ точности своихъ обязанностей, то алдаръ могъ прогнать его со своей земли. Фарсалаки имѣли право и сами переходить отъ одного алдара къ другому, но, въ такомъ случаѣ, должны были оставить свой домъ, половину засѣяннаго хлѣба и накошеннаго сѣна, которые и поступали въ пользу оставляемаго ими алдара.

Фарсалаки имѣли право владѣть кавдасардами, рабами и землею, полученною по наслѣдству или пріобрѣтеннвю покупкою.

Кавдасардъ, или *кумiакъ*, былъ, какъ мы сказали, сынъ неравнаго брака владѣльца съ женщиною свободнаго или зависимаго сословія. Кавдасарды составляли собственность той алдарской фамиліи, къ которой принадлежала ихъ мать послѣ выхода въ замужество, и не могли быть никому ни проданы, ни уступлены. При дѣлежѣ имѣнія между наслѣдниками умершаго владѣльца, кавдасарды оставались недѣлимыми и принадлежали одинаково всѣмъ членамъ семейства; оттого отношенія ихъ къ своимъ владѣльцамъ были чрезвычайно запутаны. Кавдасарды обязаны были жить тамъ, гдѣ желали этого ихъ владѣльцы, и исполняли всѣ назначаемыя отъ нихъ работы. За неисполненіе приказаній и уклоненіе отъ работы алдары имѣли право наказывать ихъ тѣлесно и даже убить. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ убійца не подлежалъ никакой отвѣтственности, а платилъ только остальнымъ членамъ своей фамиліи извѣстную пеню, какъ за причиненный матеріальный убытокъ.

Положеніе этого сословія съ каждымъ годомъ становилось тягостнѣе и болѣе удалялось отъ зависимости, наложенной на нихъ происхожденіемъ.

Недостатокъ рабовъ и рабочихъ рукъ въ Осетіи послужили основаніемъ къ искуственному образованію зависимаго сословія, которымъ и явились кавдасарды. Богатый осетинъ, женившись на женщинѣ низшаго сословія, пріобрѣталъ въ своемъ домѣ новую работницу, и притомъ для такого рода работъ, которыя казались не свойственными его первой женѣ, одного съ нимъ происхожденія. Дѣти, рожденныя отъ втораго брака, получивъ названіе кавдасардовъ, росли въ домѣ своего отца, вмѣстѣ съ дѣтьми старшей жены, и назывались младшими ихъ братьями. Первоначально они считались независимыми, и положеніе ихъ въ домѣ отца было похоже на положеніе свободнаго, но бѣднаго человѣка, покровительствуемаго своимъ богатымъ и сильнымъ родственникомъ. За убійство отца, или законныхъ его сыновей, кавдасарды мстили какъ за своихъ ближайшихъ родственниковъ, и на оборотъ. За кровь кавда-

сарда платилось то же самое, что и за кровь каждаго свободнаго человѣка, Онъ могъ жениться на женщинѣ свободнаго сословія, если имѣлъ возможность внести установленный калымъ. Со смертію отца, кавдасардъ имѣлъ право оставить его домъ и получалъ даже въ наслѣдство нѣкоторую часть имущества. Законные сыновья умершаго, теряя въ отходящемъ кавдасардѣ рабочія руки, всѣми силами старались противиться отдѣленію кавдасардовъ, и съ этою цѣлію уступали имъ въ наслѣдство, по возможности, меньшую часть имущества, а иногда силою не выпускали ихъ на волю. Во всякомъ случаѣ, оставался-ли кардасардъ добровольно или силою при наслѣдникахъ умершаго, онъ хотя и услуживалъ имъ, но услуги его были добровольныя, а не обязательныя. Разъ отдѣлившійся кавдасардъ не платилъ никакой поземельной повинности своимъ старшимъ братьямъ, и пользовался правами свободнаго человѣка, хотя и сохранялъ свое родовое названіе.

«Таково было положеніе кавдасардовъ въ періодъ первоначальнаго образованія въ Осетіи этого разряда зависимыхъ. Но съ измѣненіемъ общественнаго строя осетинъ, когда высшія сословія этого племени получили, при нашемъ правительствѣ, несравненно большія гарантіи своихъ правъ и, слѣдовательно, вліянія на сословія низшія, вмѣсто родственныхъ отношеній между алдарами и фарсалаками съ одной стороны, и кавдасардами съ другой, явилась полная вражда, нисколько не ослабѣвшая съ теченіемъ времени. Этотъ сословный антагонизмъ выражался въ постоянномъ споре между кавдасардами и ихъ старшими братьями, причемъ первые доказывали, что обязательныя ихъ отношенія къ владѣльцу, въ домѣ котораго они родились, прекращаются со смертію этого лица; между тѣмъ, какъ послѣдніе присвоивали себѣ право владѣнія кавдасардами, по крайней мѣрѣ въ теченіе трехъ поколѣній, считая отъ перваго владѣльца, пріобрѣтавшаго кавдасардовъ (1).»

Какъ бы то ни было, но сословіе кавдасардовъ, мало по малу, изъ кровной и нравственной связи съ своими владѣльцами перешло въ ту, о которой мы сказали выше. Они сохраняли за собою только право владѣть рабами, полученными ими по наслѣдству или пріобрѣтенными покупкою, но у тагаурцевъ потомки этихъ рабовъ дѣлались также кавдасардами.

Въ Куртатинскомъ обществѣ для кавдасардовъ существовало особое право, по которому, съ прекращеніемъ владѣльческой фамиліи, кавдасарды раздѣляли между собою все имущество, оставшееся послѣ этой фамиліи и дѣлались фарсалаками.

Сословіе *кусаковъ*—рабовъ, находилось въ полной зависимости у своихъ владѣльцевъ, повиновалось имъ слѣпо, исполняло всѣ работы по ихъ приказанію и переносило терпѣливо и безропотно самыя жестокія наказанія. Владѣльцы могли продавать своихъ рабовъ, дарить ихъ по одиночкѣ или цѣлыми

---

(1) Освобожденіе зависимыхъ сословій во всѣхъ округахъ Терской области. Сборникъ свѣд. о кавк. горцахъ выпускъ I Тифлисъ 1868 года.

семьями, и даже умерщвлять по своему произволу. *Кусаки* не имѣли никакой собственности и все, чѣмъ они владѣли, составляло собственность ихъ господина, но за то послѣднiй обязанъ былъ доставить своему рабу средства къ пропитанiю. Рабъ могъ получить свободу по волѣ своего господина, но не могъ судиться съ владѣльцемъ, который былъ его защитникомъ, покровителемъ и единственнымъ судьею.

Въ офицiальной перепискѣ они были извѣстны у насъ подъ именемъ *безобрядныхъ* и *беззадатныхъ* холоповъ, т. е. такихъ лицъ, которыя не имѣютъ никакихъ ни семейныхъ, ни общественныхъ правъ и составляютъ имущество своего господина. За оскорбленiе и убiйство такихъ лицъ, владѣлецъ получалъ вознагражденiе какъ за ущербъ, нанесенный его имуществу. Они не имѣли права вступать въ бракъ, но половыя отношенiя ихъ были совершенно свободны, такъ что рожденiе дѣвушкою дѣтей не ставилось ей въ безчестiе, а, напротивъ того, поощрялось владѣльцами, видѣвшими въ томъ свою матерiальную выгоду. Положенiе рабовъ въ Осетiи было самое безотрадное и возмутительное.

Три главныя начала руководили жизнью осетина: уваженiе къ старшимъ, кровомщенiе и гостепрiимство. Объ уваженiи къ старшимъ мы имѣли случай говорить при описанiи семейнаго быта осетинъ; что же касается до кровомщенiя, то, по понятiю народа, всякая пролитая кровь должна быть отомщена.

Когда осетины привозили въ домъ трупъ убитаго, то изъ раны его доставали кровь, и всѣ родственники мазали себѣ ею лобъ, глаза, щеки и подбородокъ, заклиная другъ друга отмстить убiйцѣ. Иногда же доставали изъ раны пулю, въ твердой увѣренности, что эта пуля вѣрнѣе сразитъ виновнаго.

Всѣ часы дня и ночи, по мнѣнiю осетинъ, одинаково хороши для мщенiя, кромѣ первыхъ двухъ недѣль великаго поста. Въ эти четырнадцать дней, извѣстныхъ подъ именемъ тутуроба, всякая вражда прекращалась, и каждый виновный въ чьей-либо смерти могъ выходить изъ дому безъ оружiя, не опасаясь мщенiя (¹).

Въ остальное время кровомщенiе было развито въ полной степени. Самый близкiй родственникъ наслѣдовалъ долгъ — рано или поздно, но умертвить убiйцу своего родственника.

Открытая сила, хитрость и предательство одинаково допускались въ этомъ дѣлѣ.

Почти послѣ каждаго убiйства слѣдовала явная война между родомъ убитаго и племенемъ убiйцы. Когда подобная война становилась тяжелою для обѣихъ сторонъ, тогда родственники преступника начинали хлопотать о примиренiи (берджалы). Враждующiя семейства могли быть примирены двоякимъ образомъ: платою за кровь или бракомъ.

(¹) Изъ записокъ объ Осетiи Кавк. 1850 г. № 93.

Получивъ согласіе противниковъ на примиреніе, обѣ стороны выбирали по нѣскольку посредниковъ (терхонелегъ), наблюдая при этомъ, чтобы со стороны истца было однимъ посредникомъ болѣе. Посредники, послѣ совѣщанія, опредѣляли вознагражденіе въ пользу дѣтей убитаго мужескаго пола, а если ихъ нѣтъ, то родственникамъ его по мужескому колѣну. Въ случаѣ разногласія въ совѣтѣ, лишній посредникъ со стороны убитаго оканчивалъ споръ и имѣлъ право увеличить наказаніе или штрафъ.

Постановивъ свое рѣшеніе, посредники требовали отъ виновнаго поручителей въ точномъ исполненіи ихъ приговора, котораго однакоже не объявляли ни ему, ни противной сторонѣ, до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ окончательное удовлетвореніе истца.

Для этого посредники сами осматривали имѣніе виновнаго, опредѣляли сроки платежа, такъ что ни одна изъ тяжущихся сторонъ не знали ни о размѣрахъ штрафа, ни о времени окончательнаго удовлетворенія. Если виновный не уплачивалъ положеннаго въ установленные сроки, то обязанность понужденія его къ тому лежала на поручителяхъ.

Только со взносомъ послѣдней части платежа, посредники объявляли обѣимъ сторонамъ, что размѣръ штрафа выплаченъ весь сполна.

Посредники, за свои хлопоты, получали съ каждой стороны по барану, и, кромѣ того, родственники убійцы платили родственникамъ убитаго *бонганъ*— подарокъ: нѣсколько коровъ или барановъ.

Плата за убійство, или за кровь, была различна, смотря по тому, какъ силенъ родъ убитаго. За убійство старшины, сверхъ *бонгана*, платилось восемнадцать разъ по восемнадцати коровъ (т. е. 324), день паханья земли, стоившей вдвое, т. е. 36 коровъ. Это была самая высшая плата, потому что осетины не умѣли и не умѣютъ считать выше восемнадцати. Если сумма превышаетъ это число, то они говорятъ: два раза восемнадцать, пять разъ восемнадцать и проч. За убійство женщины платилась половина противъ мужчины; но убійца женщины презирался обществомъ. Вмѣсто коровъ, плата могла быть внесена другимъ скотомъ, оружіемъ, мѣдною посудою и даже малолѣтними дѣтьми. За убійство сына отецъ не преслѣдовался, точно также мать за убійство дочери. Сынъ, убившій кого-либо изъ родителей, наказывался тѣмъ, что сами родственники сожигали его домъ и разграбляли имѣніе—даже и въ томъ случаѣ, если онъ жилъ нераздѣльно съ своими братьями. Въ случаѣ взаимнаго убійства, сильнѣйшій родъ имѣлъ то преимущество, что слабѣйшій доплачивалъ ему разность цѣны крови, опредѣляемой за каждаго убитаго.

Побѣгъ убійцы дозволялъ мстителю забрать все его имѣніе и семейство, кромѣ жены; дѣти до 12 лѣтъ не подвергались мщенію за кровь. Были примѣры, что за убійство животнымъ взыскивалось за кровь съ того, кому принадлежало животное. Нечаянное убійство, убійство при защитѣ, при

поимкѣ вора, подлежало кровомщенію, но цѣна крови въ этихъ случаяхъ была опредѣлена менѣе.

За нанесенныя раны, смотря по важности, платилось отъ одного барана до 54 коровъ; рана на лицѣ оплачивалась дороже, а за пораненіе или отрубленіе носа была назначена плата болѣе 100 коровъ. За поврежденіе руки, глаза и ноги платилось какъ за убійство; то же взыскивалось, если кто умретъ отъ раны. За побои знатнаго человѣка незнатнымъ взыскивалось до 18 коровъ.

Поймавшій вора имѣлъ право бить его сколько угодно; но если онъ сдѣлаетъ ему на лицѣ раны или переломитъ членъ, то платитъ за рану, а если убьетъ — то за кровь.

Воръ, укравшій на сторонѣ у чужихъ и пойманный, долженъ возвратить украденое, а за покражу у своихъ ближнихъ, напр. у одноаульцевъ, долженъ возвратить въ шесть разъ болѣе; пять частей шли въ пользу хозяина украденой вещи, а шестая — на обѣдъ и тризну всего общества.

Въ случаѣ грабежа, взыскивалось только ограбленное; за поджогъ — только убытокъ, а за обманъ и мошенничество взысканія не опредѣлялось.

Похищеніе замужней женщины, кромѣ преслѣдованія мужа, вело къ платежу за кровь за нее и за каждаго прижитаго съ нею ребенка. Насиліе женщины отплачивалось убійствомъ или цѣною крови; за насиліе дѣвушки платится полный калымъ, и виновный долженъ былъ на ней жениться, если былъ холостъ. За соблазнъ и добровольное склоненіе женщины на преступную связь наказанія не было опредѣлено (¹).

Въ случаѣ смерти виновнаго, кровь переходила на его родственниковъ, до тѣхъ поръ, пока не состоится мщеніе. Послѣднее считается, впрочемъ, совершеннымъ, если преслѣдователю удастся отрѣзать у виновнаго ухо, и тогда онъ съ большимъ торжествомъ зарываетъ его въ могилу убитаго.

Частое кровомщеніе было причиною того, что осетины рѣдко когда выходили изъ дому безоружные.

Если осетинъ, спасающійся отъ преслѣдователей, прибѣгалъ въ домъ сильнаго родомъ человѣка и, схвативъ принадлежащую хозяину шапку, успѣвалъ надѣть ее на себя, тогда онъ могъ разсчитывать на заступничество сильнаго.

Надѣвая шапку хозяина, онъ показывалъ тѣмъ, что прикрывается его могуществомъ, и тогда, по обычаю, принимался подъ защиту всей фамиліи. Убить или обидѣть такое лицо значило то же самое, что убить или обидѣть члена, принявшаго его подъ свое покровительство.

Права покровительства пріобрѣтались еще и слѣдующими поступками: каждый вошедшій въ домъ и взявшій въ руки желѣзную цѣпь, висящую надъ всякимъ домашнимъ очагомъ, обвивалъ ею свою шею и тѣмъ передавалъ себя въ покровительство хозяина дома.

(¹) Обозрѣніе россійскихъ владѣній за Кавказомъ изд. 1836 г. ч. II.

Вбѣжавъ въ комнату и ставъ на колѣни передъ сильнымъ человѣкомъ, осетинъ схватывалъ полу его платья и, накрывъ ею свою голову, произносилъ:

— Я свою голову привязалъ къ твоей полѣ, ты вмѣстѣ съ своимъ Богомъ долженъ меня защищать и не давать ни въ какую обиду, а потому смѣло ввѣряю мою участь твоему великодушію (¹).

Гостепріимство у осетинъ развито до высокой степени. *Фисимъ* (хозяинъ) защищаетъ своего *вазага* (гостя) съ опасностію собственной жизни. Каждый успѣвшій сказать хозяину дома: «*азъ-да вазагъ*» (я твой гость) принимается по-братски, хотя бы онъ былъ врагомъ семейства.

Гостя встрѣчаютъ передъ саклею, принимаютъ его коня, вводятъ въ жилище и сажаютъ впереди. Распросивъ о благополучіи скота, что слышно новаго, откуда и куда ѣдетъ, всѣ садятся за угощеніе. Хозяинъ считаетъ большимъ невѣжествомъ ѣсть при гостѣ. Онъ сажаетъ его на почетное мѣсто, убранное подушками, и самъ прислуживаетъ ему.

Вѣсть о заколотомъ баранѣ и пріѣздѣ гостя скоро распространяется по аулу и сакля быстро наполняется народомъ. Хозяинъ подноситъ барана сперва гостю, тотъ, взявъ кусокъ, передаетъ своему сосѣду, а тотъ слѣдующему и т. д.; баранина, разрѣзанная предварительно на куски, скоро наполняетъ собою множество ртовъ. Иногда пріѣзжему подается на блюдѣ баранья голова, помѣщенная такъ, чтобы морда была обращена къ гостю, который, по обычаю, желая оказать вниманіе хозяину, отрѣзаетъ оба уха и подаетъ ихъ хозяйскимъ дѣтямъ, которыя всегда стоятъ подлѣ стола. Потомъ гость, скушавъ часть отрѣзанную позади уха и со щекъ, возвращаетъ блюдо подавшему, и разрѣзавъ на куски мясо, угощаетъ имъ всѣхъ присутствующихъ.

«Когда баранина вся съѣдена, принимаются за кости. Хозяинъ, обрѣзавши кость, подаетъ ее сосѣду, тотъ другому; кость, постепенно обгладываемая, доходитъ до послѣдняго, который, объѣвъ что осталось, раскалываетъ ее и мозгъ подаетъ гостю, тотъ сосѣду и мозгъ тоже совершаетъ прогулку кругомъ стола».

Уѣзжающаго гостя хозяинъ провожаетъ часто самъ на весьма значительное разстояніе отъ своего аула, смотря по его званію.

Если самому хозяину почему либо нельзя проводить гостя, то онъ отпускаетъ его не иначе какъ съ карауломъ или передаетъ на руки своимъ знакомымъ и друзьямъ. Обида, нанесенная гостю, или убійство его, вызываетъ, со стороны хозяина, кровомщеніе, какъ за убійство ближайшаго родственника (²).

(¹) Тифлисскія вѣдом. 1830 г. № 84.

(²) Изъ воспоминаній объ Осетіи Н. Берзеновъ Кавк. 1851 г. № 92. Изъ записокъ объ Осетіи Н. Берзенова Кавк. 1852 г. № 67 и 68. Дигорія Н. Берзенова Закавказ. Вѣст. 1852 года № 39.

Нарушеніе обычаевъ гостепріимства навлекаетъ на хозяина общее нерасположеніе всѣхъ жителей. Среди народа существуетъ даже легенда о *«Бродяжномъ осетинѣ»*, наказанномъ за несоблюденіе обычаевъ гостепріимства.

На правомъ берегу р. Уруха, нѣсколько верстъ выше селенія Аксаргинъ, есть страшный для осетинъ колодезь *Байдагъ*, прозванный ими *пропастью трехъ грѣховъ*. На мѣстѣ этого колодца, когда-то, по преданію, стояла сакля осетина Бурхана. Не смотря на уединенное жилище Бурхана, на его бѣдность и нищету, сакля его была всегда полна молодыми гостями, спѣшившими туда взглянуть на очаровательную сестру его Доссану. Много было охотниковъ завладѣть красавицею, но всѣхъ пересилилъ статный кабардинецъ Гассанъ-бекъ, который привезъ уже Бурхану богатый калымъ за красавицу-сестру его. Едва только скрылся за утесомъ кабардинскій бекъ, какъ кто-то окликнулъ Бурхана, слѣдившаго глазами за удалявшимся гостемъ. Осетинъ быстро бросился на зовъ и въ нѣсколько прыжковъ очутился на берегу р. Уруха.

— А Сафаръ! вскричалъ Бурханъ, подходя къ мальчику, одѣтому въ легкое платье турецкаго контрабандиста. Что, вѣрно опять съ отцомъ, въ нашихъ горахъ, мѣняете золото и порохъ на прелести красавицъ.

Мальчикъ отвѣчалъ утвердительно и приглашалъ Бурхана повидаться съ отцомъ, ждавшимъ его на противоположномъ берегу рѣки. Не дожидаясь отвѣта, мальчикъ прыгнулъ въ лодку, пригласивъ слѣдовать за собою и своего собесѣдника. Черезъ нѣсколько минутъ Бурханъ былъ уже въ обществѣ стараго турка Абдулы, убѣждавшаго его продать свою сестру Доссану. Осетинецъ молчалъ и съ какимъ-то волненіемъ общипывалъ галуны своей черкески.

— Сама судьба бросаетъ въ твои карманы блестящіе піастры, продолжалъ убѣждать его турокъ, а ты увертываешься отъ нихъ какъ отъ пули, ты, у котораго черкеска до тла съѣдена зубастымъ временемъ — и Абдула высыпалъ на коверъ груду золота.

Заблистали глаза Бурхана, въ то время какъ золото искрилось подъ рукою Абдулы, пересыпавшаго звонкіе піастры, и какъ бы нечаянно уронившаго нѣсколько піастровъ на ветхую полу Бурхановой черкески.

— Подумай, говорилъ при этомъ турокъ, что такое красота женщины? Женщинѣ бѣда состарѣться; годомъ старше и сотнею піастровъ дешевле. Вѣдь и красавица-сестра твоя тоже женщина.... за нее теперь.... на! мѣшокъ золота, а это пятнадцать тысячъ золотыхъ монетъ!... Пройдетъ годъ— полъ мѣшка не дамъ, два—накланяешься за четверть, а черезъ три.... Подумай, Бурханъ.

—О!... Абдулъ, продать сестру, родную сестру! вскричалъ осетинъ, глядѣвшій на груду золота и дрожавшій отъ волненія.

— Безумецъ! помни, что ты лишаешь сестру быть первой адалыкой султанскаго харема, а себя мѣшка золота. Съ нимъ ты былъ бы первый на-

ѣздникъ въ Осетіи. Насѣчка твоей винтовки горѣла бы ярче солнца, дорогой кинжалъ рубилъ бы сталь какъ нитку, толпа блестящихъ нукеровъ встрѣчала бы съ поклономъ, а гордые князья Кабарды держали бы тебѣ стремя. Тысячи барановъ, сотни коней и десятки красивыхъ горянокъ могли бы принадлежать тогда тебѣ....

Бурханъ задыхался отъ словъ стараго и опытнаго турка. Сжавъ пылающую голову, съ дикимъ стономъ, въ какомъ-то самозабвеніи, бросился Бурханъ къ золотому мѣшку.

— Доссана твоя, Абдулъ, проговорилъ онъ, не глядя на турка.

— И прекрасно, отвѣчалъ тотъ, стало быть этотъ мѣшокъ твой, владѣй имъ, когда я завладѣю красавицею Доссаною.... Тебя никто не можетъ упрекнуть, что ты продалъ родную сестру—мы только помѣнялись: я взялъ красоту, ты—золото.

Въ полночь Бурханъ долженъ былъ привести на это мѣсто сестру и получить золото. Тихо было въ саклѣ, когда наступила пора передать сестру въ руки турка. Доссана спала спокойно, но Бурханъ, мучимый совѣстью, не могъ заснуть. Валяясь на грязномъ войлокѣ, онъ метался изъ стороны въ сторону, какъ въ горячкѣ. Бурханъ нѣсколько разъ приподнимался и прислушивался къ ровному и спокойному дыханію сестры и, наконецъ, тихими шагами подошелъ къ ней.

— Доссана! проговорилъ онъ, цѣлуя уста красавицы.

Дѣвушка вздрогнула, протянула руку и поймала руку мужчины.

— Бурханъ!... Ты? спросила она.

— Тсъ, Доссана, шепталъ осетинъ, стараясь измѣнить свой голосъ. Не говори такъ громко, я погибъ, если проснется братъ твой.... Это я, твой рабъ, твой Гассанъ-бекъ....

Отъ имени Гассана, Бурханъ склонилъ сестру къ побѣгу и переправился съ нею на противоположный берегъ р. Уруха. Едва только Доссана ступила на землю, какъ шесть рукъ схватили ее и бережно усадили на коня. Съ крикомъ кинулись горцы на сѣдла и умчались въ горы, не оставивъ Бурхану обѣщаннаго золота.

— Ограбили! украли! простоналъ Бурханъ, падая въ изнеможеніи на землю.

Съ этого дня всѣ человѣческія чувства замерли въ Бурханѣ; сердце запросило крови и мести. Опустѣла его сакля, а кабардинецъ Гассанъ-бекъ, потерявшій невѣсту, сдѣлался абрекомъ.

Прошелъ мѣсяцъ. Народное преданіе говоритъ, что Доссана успѣла уйти изъ рукъ турка, и въ одну темную ночь пробиралась верхомъ и въ мужскомъ костюмѣ по берегу р. Уруха. Подлѣ нея ѣхалъ другой наѣздникъ, повстрѣчавшійся на дорогѣ.

— Скажи, кунакъ, обратилась она къ спутнику, не Бурхану-ли принадлежитъ та сакля, которая прилѣплена къ скалѣ надъ самою рѣкою.

— Нѣтъ, это сакля не Бурхана, мой черноокій кунакъ, отвѣчалъ спутникъ, узнавшій по голосу, что ѣхавшій съ нимъ всадникъ была женщина.

— Но я думаю, перебила наѣздница, что, кто бы ни жилъ въ этой саклѣ, навѣрное не откажетъ въ ночлегѣ путнику.

Спутникъ отвѣчалъ утвердительно, попрощался и, стегнувъ плетью своею коня, скрылся изъ виду хорошенькаго наѣздника.

Остановясь у сакли Бурхана, горецъ сбатовалъ коня и прикладомъ отперъ двери шалаша.

— Кто пришелъ? спросилъ Бурханъ.

— Это я, твой вѣчный товарищъ Гули.

Гули разсказалъ Бурхану о своей встрѣчѣ съ наѣздницею на лихомъ конѣ и въ богатомъ вооруженіи.

— А хорошъ конь? спросилъ Бурханъ.

— У!... конь—сокровище...

— Ну а вооруженіе?

— Все залито серебромъ и золотомъ....

— Золотомъ! вскричалъ Бурханъ и глаза его заблистали.

Онъ упрекалъ своего товарища въ томъ, что тотъ пожалѣлъ пули на дѣвченку, и напрасно Гули старался представить всю низость поступка убить женщину и нарушить обычай гостепріимства. Бурханъ ощупалъ свою винтовку и дрожащею рукою перемѣнилъ кремень. Въ это время подъ окномъ сакли раздался конскій топотъ и затѣмъ три легкихъ удара въ дверь.

— Кого надо? спросилъ Бурханъ.

— Добрый человѣкъ, не откажи страннику въ ночлегѣ....

— Сакля моя тѣсна, отвѣчалъ Бурханъ, и въ ней нѣтъ мѣста для всякаго бродяги....

— Но ради праха твоихъ отцевъ!...

— Нѣтъ!...

Путникъ повернулъ своего коня отъ негостепріимной сакли.

Бурханъ вышелъ изъ сакли, вспрыгнулъ на коня, заскакалъ впередъ и сталъ на тропинкѣ. Скоро мѣрный топотъ коня далъ знать Бурхану о приближающейся жертвѣ, а двѣ-три искры, сверкнувшія изъ-подъ копытъ, указали хищнику мѣсто странника. Привставъ на стременахъ, выправивъ винтовку, Бурханъ съ дикимъ гикомъ бросился на жертву, уставилъ дуло винтовки въ упоръ груди и выстрѣлилъ.

Свѣтъ молніи освѣтилъ ужасную картину—и оба всадника узнали другъ друга.

— Бурханъ!... братъ! вскричала пораженная дѣвушка.

— Доссана! простоналъ въ ужасѣ убійца.

— Что ты сдѣлалъ? шептала Доссана. Три тяжкихъ и страшныхъ грѣха совершилъ ты, злодѣй. Ты продалъ меня, сестру, оттолкнулъ меня отъ своего порога и, посягнувъ на жизнь женщины, убилъ сестру! Пусть земля не

приметъ праха твоего, какъ ты не далъ страннику пріюта; пусть имя твое заклеймится позоромъ, какъ убійцы женщины! Я умираю, и послѣднее мое слово—проклятіе тебѣ, преступный братъ!...

«На утро Гули нашелъ трупъ Доссаны, прострѣленный пулею на вылетъ, а на третій день трупъ Бурхана, всплывшій на верхъ колодца, образовавшагося въ ужасную ночь на мѣстѣ его сакли....

«Съ тѣхъ поръ, говорятъ горцы, тѣнь преступнаго осетина бродитъ въ скалахъ Кавказа и съ дикимъ хохотомъ встрѣчаетъ караваны съ несчастными горянками.... Многіе горцы разсказываютъ, что имъ не разъ случалось проводить ненастныя ночи съ бродяжнымъ осетиномъ, который часто встрѣчаетъ на дорогахъ запоздавшихъ путниковъ» и, предлагая имъ ночлегъ, приводитъ къ своему колодцу.... (1)

---

(1) Бродяжный Осетинъ В. Савинова. Пантеонъ 1850 г. т. 3.

ЧЕЧЕНЦЫ (НАХЧЕ).

I.

Мѣсто занимаемое чеченцами и ихъ раздѣленіе на отдѣльныя поколѣнія. — Народное преданіе о поселеніи ихъ на мѣстахъ нынѣ занимаемыхъ. — Призваніе князей Турловыхъ для водворенія порядка и общественнаго устройства. — Изгнаніе князей Турловыхъ. — Топографическій очеркъ мѣстности. — Экономическій бытъ чеченцевъ. — Промышленность и торговля.

По сосѣдству съ осетинами и на востокъ отъ нихъ поселилось чеченское племя, ограниченное: на сѣверѣ Малою Кабардою, р. Сунжею и кумыкскимъ владѣніемъ; на востокѣ тѣмъ же владѣніемъ, до крѣп. Внезапной, и рѣкою Акташъ, отдѣляющею Чечню отъ дагестанскаго общества Салатау; на югѣ Сулако-Терскій Водораздѣльный хребетъ горъ отдѣляетъ Чечню отъ нагорнаго Дагестана, а далѣе Тушино-пшаво-хевсурскій округъ и осетинскія общества до укрѣпленія Дарьяла. Западную границу Чечни составляла нѣкогда рѣка Терекъ.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, т. е. до возстанія въ 1840 году, чеченцы жили по правому берегу Терека и обоимъ берегамъ рѣки Сунжи, такъ что тогда подъ именемъ Чечни разумѣлось все пространство, заключенное въ границахъ, которыя обозначались: «на западѣ рѣкой Фортангой (нѣкоторые опредѣляютъ рѣкой Нетхой) до Ачхоевскаго укрѣпленія, а отсюда прямою чертою до Казахъ-кичу, и далѣе на ст. Стодеревскую; съ сѣвера Терекомъ до впаденія въ него Сунжи; съ востока Качкалыковскимъ хребтомъ, прямою чертою отъ Герзель-аула на Внезапную и верховьями рѣки Акташа; съ юга Андій-

скимъ хребтомъ (Сулако-Терскимъ) до Шаро-Аргуна, этой рѣкой до соединенія съ Шато-Аргуномъ и Черными горами до начала р. Фортанги [1]».

Съ началомъ возстанія, большая часть чеченцевъ, жившихъ между Терекомъ и Сунжею, бѣжали за эту послѣднюю рѣку. На правомъ берегу рѣки Терека и на лѣвомъ Сунжи осталось только нѣсколько небольшихъ ауловъ. Опустѣлая земля ихъ начала заселяться казачьими станицами, а чеченцы замкнулись въ выше приведенныхъ границахъ.

Пространство земли, ограниченное рѣкою Сунжею, между рр. Аргуномъ, Гудермесомъ и Ассою, занято сунженскими чеченцами, которые рѣкою Гойтой раздѣляются на двѣ части: пространство, лежащее по лѣвую ея сторону, носитъ названіе *Малой Чечни*, а по правую *Большой Чечни*. Въ составъ послѣдней входятъ *мичиковцы*, живущіе по обѣимъ сторонамъ рѣки Мичикъ и племя извѣстное до 1840 года подъ именемъ *качкалыковцевъ*, обитавшее по сѣверо-восточному склону Качкалыковскаго хребта. Поколѣніе это впослѣдствіи смѣшалось съ мичиковками и *ичкеринцами* и бывшіе его аулы Шавдонъ, Наимъ-берды, Адыръ и Науръ-су въ настоящее время не существуютъ. *Ичкеринцы* живутъ между верхними частями рѣкъ Акташъ, Хулхулау и Сулако-Терскимъ Водораздѣльнымъ хребтомъ, а въ верховьяхъ рр. Ярыкъ-су, Ямань-су и Акташа поселились *ауховцы*.

Между ауховцами и рѣкою Аксаемъ, въ мѣстности лѣсистой, живутъ *зандаковцы*, а на лѣсистыхъ высотахъ, у верховьевъ праваго притока рѣчки Аксай, пріютилось *беноевское* племя, что въ переводѣ означаетъ *воронье гнѣздо*.

Кромѣ этихъ обществъ, чеченское племя вообще раздѣляется на множество поколѣній, которымъ названія даны русскими по именамъ ауловъ, или горъ, или рѣкъ, по направленію которыхъ были расположены ихъ селенія. Такъ непосредственно къ осетинамъ прилегаютъ *кисты*, живущіе по ущельямъ рѣки Макалдона, притока рѣки Терека, и по ущельямъ рѣки Аргуна; первыя носили названіе *ближнихъ*, а послѣднія *дальнихъ*. Восточнѣе кистовъ, по верховьямъ рѣки Ассы и по берегамъ рѣки Таба-чочь, живутъ *галгаевцы*. На сѣверѣ отъ этихъ двухъ обществъ поселилось нѣсколько поколѣній чеченскаго племени: *назрановцы* или *ингуши*, занимающія низменныя мѣста, орошаемыя рѣками Камбилейкой, верхнею частію Сунжи и Назрановкою и по теченію этихъ рѣкъ до впаденія рѣки Яндырки въ Сунжу и по Тарской долинѣ [2]; *карабулаки*, на равнинѣ орошаемой рѣками Ассою, Сунжею и Фортангою; *галашевцы*, поселившіеся по рр. Ассѣ и Сунжѣ, и *джерахи* живущіе по обоимъ берегамъ рѣки Макалдона.

---

[1] Чечня и Чеченцы Ад. П. Берже Тифлисъ 1859 г.

[2] Долина эта находится въ верховьяхъ р. Камбилеевки и верстахъ въ 12 отъ Владикавказа. Названіе свое она получила отъ Тарской станицы, принадлежавшей второму Владикавказскому казачьему полку.

Верховья восточнаго истока рѣки Ассы занято аулами *цоринцевъ*, а по обоимъ берегамъ рѣки Ассы и по рѣкѣ Сунжѣ, между галгаевцами и дальними кистами, въ верховьяхъ рѣки Гехи, притока Сунжи, расположены аулы *ако* или *акинцевъ*. За акинцами слѣдуютъ: *мередженцы*, разсѣлившіеся по ущельямъ р. Фортанги; *пшехой* или *шопоти*, живущіе около истоковъ рѣки Мартанъ; *шубузы* и *шатой*—по рѣкѣ Аргуну; *шаро* или *кіалалъ*, по верховью Шаро-Аргуна; *джанъ-бутри* и *чаберлой* или *тадбутри*, по рѣкѣ Аргуну. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о *терекскихъ* и *брагунскихъ* чеченцахъ, живущихъ на правомъ берегу рѣки Терека при впаденіи въ него Сунжи (1).

Всѣ эти наименованія и раздѣленіе чеченскаго племени на множество отдѣльныхъ поколѣній, какъ я сказалъ, сдѣланы русскими и, въ строгомъ смыслѣ, какъ неизвѣстныя совершенно туземцамъ, не имѣютъ никакого значенія. Чеченцы сами себя называютъ *нахче*, т. е. народъ, и названіе это относится, одинаково, до всѣхъ племенъ и поколѣній, говорящихъ на чеченскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ.

Подъ именемъ *нахче* чеченцы извѣстны и кабардинцамъ. Всѣ остальные народы называютъ ихъ, также какъ и мы, чеченцами, производя это слово, по указанію самихъ туземцевъ, отъ несуществующаго въ настоящее время аула Большой Чеченъ, находившагося на берегу Аргуна у подошвы Сюйри-Корта-Чачани, одной изъ двухъ горъ, возвышающихся на плоскости Большой Чечни и образующихъ между крѣпостями Грозной и Воздвиженской такъ называемое Ханкальское ущелье.

По народному преданію, богатая плоскость, простирающаяся отъ рѣки Сунжи до сѣвернаго склона Дагестанскихъ горъ, лѣтъ двѣсти тому назадъ, представляла видъ дремучаго непроходимаго лѣса, гдѣ рыскали одни дикіе звѣри, не встрѣчавшіе нигдѣ человѣческаго присутствія. Пространство это было дико и необитаемо до такой степени, что, по тому-же преданію, когда появились на немъ первые поселенцы, то «зайцы и олени сбѣгались взглянуть на никогда невиданнаго ими человѣка».

Не такъ давно старики-туземцы разсказывали, что чеченскій народъ вышелъ изъ Ичкеринскихъ горъ, вѣка два съ четвертью тому назадъ, и занялъ сначала долины, орошаемыя рр. Сунжею, Шавдономъ и Аргуномъ, а потомъ, мало по малу, занялъ и всю плоскость Большой и Малой Чечни. Тогдашніе выходцы были люди мирные, занимавшіеся преимущественно пастьбою скота, у которыхъ *адатъ* (обычай) замѣнялъ законы, а старшій въ родѣ былъ начальникомъ, судьею и первосвященникомъ. Земля, какъ воздухъ и вода, со-

(1) Чечня и чеченцы Ад. П. Берже Тифлисъ 1859 г. Краткій обзоръ горскихъ племенъ на Кавказѣ его-же Кавказс. Календарь на 1858 годъ. О хищническихъ дѣйствіяхъ черкесъ и чеченцевъ въ нашихъ предѣлахъ. Кавказъ 1857 г. № 26. Объ обществахъ чеченскаго племени (рукоп.) достав. мнѣ П. В. Кузьминскимъ. Изъ Нагорнаго округа П. Пѣтуховъ Кавк. 1866 г. № 53.

ставляла тогда достояніе общее, принадлежавшее въ равной степени каждому и тотъ владѣлъ ею, кто принялъ на себя трудъ ея обработывать. Земля, которую заняли чеченцы, представляла въ то время всѣ удобства необходимыя для жизни и съ избыткомъ вознаграждала легкій трудъ человѣка.

Первое время кабардинцы, кумыки и аварцы не подозрѣвали о существованіи переселенцевъ, и чеченцы, будучи отдѣлены отъ своихъ сосѣдей вѣковыми лѣсами и быстрыми рѣками, жили въ довольствѣ и множились. Но скоро обстоятельства и историческая судьба произвела въ нихъ перемѣну. Изъ пастушескаго племени они стали самымъ суровымъ и воинственнымъ народомъ изъ всѣхъ племенъ, населяющихъ Кавказъ. Переходъ этотъ образовался самъ собою. Хищные кумыки, распространившіеся отъ Каспійскаго моря, по рѣкамъ Сулаку и Аксаю, прежде другихъ встрѣтились съ чеченцами. Столкновеніе это произошло на рѣкѣ Мичикѣ, отчего кумыки и прозвали вновь появившееся племя *мичикигиъ*, именемъ, которымъ кумыки называютъ чеченцевъ и до настоящаго времени.

Кромѣ кумыковъ, ногайцы и кабардинцы, искони воинственные, стали тѣснить со всѣхъ сторонъ чеченцевъ, грабили и убивали ихъ. Мирнымъ пастухамъ надо было подумать о защитѣ. Не находя среди своего народа достаточно силы, чтобы противустоять грабежамъ и насиліямъ всякаго рода, чеченцы искали посторонней помощи и начали съ того, что добровольно подчинились своимъ сосѣдямъ. Такъ, урусъ-мартанцы, жившіе по близости съ кабардинцами, подчинились имъ, а качкалыковцы и мичиковцы—кумыкамъ. Отдавшись добровольно подъ покровительство кабардинскихъ и кумыкскихъ князей, чеченцы платили имъ дань, хотя незначительную, и стали ихъ приверженцами. Кумыки выработали для нихъ даже особое названіе *смотрящаго народа*. Князья не вмѣшивались въ ихъ управленіе и заступались за чеченцевъ, когда они прибѣгали къ ихъ защитѣ.

По мѣрѣ того какъ благосостояніе чеченцевъ стало увеличиваться, такого моральнаго подчиненія оказалось недостаточнымъ. Едва на плодородныхъ чеченскихъ поляхъ показались многочисленныя стада и возникли богатыя селенія, какъ появились неукротимые хищники въ лицѣ ихъ сосѣдей. «Набѣгъ въ Чечню былъ пиръ для удалыхъ наѣздниковъ: добыча богатая и почти всегда вѣрная; опасности мало, потому что въ Чечнѣ народъ, еще не многочисленный, жилъ не зная ни единства, ни порядка. Когда отгоняли скотъ одной деревни, жители сосѣднихъ деревень рѣдко подавали помощь первымъ, потому что каждая изъ нихъ составляла совершенно отдѣльное общество, безъ родства и почти безъ связей съ другими (1).

Въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, чеченцы рѣшились призвать къ себѣ, изъ Гумбета, славную семью князей Турловыхъ, которой поручили водворить у нихъ порядокъ и защитить отъ враговъ. Турловы явились съ

(1) Чечня Кавк. 1851 г. № 26.

многочисленною дружиною, грозною для сосѣдей, и съ хорошимъ оплотомъ отъ всякаго неповиновенія, могущаго возникнуть въ самой Чечнѣ. Турловы сплотили Чечню въ одно цѣлое и дали ей народное единство. По ихъ требованію, всѣ чеченцы поголовно слѣдовали, въ случаѣ нападенія, за своимъ князѳмъ, выѣзжавшимъ на тревогу; жители не ограничивались уже защитою однихъ своихъ интересовъ, или только собственной деревни, а спѣшили на помощь и къ другимъ селеніямъ своихъ единоплеменниковъ. Скоро чеченцы, неся всѣ одинаковую службу, одинаковыя обязанности, перестали чуждаться другъ друга и, составивъ одно цѣлое, сдѣлались грознымъ племенемъ для своихъ сосѣдей. Вмѣстѣ съ сознаніемъ собственной силы, развился ихъ воинственный духъ и явились толпы смѣльчаковъ, которыя, для грабежа и хищничества, стали пускаться сами въ земли кабардинцевъ и на Кумыкскую плоскость. Кумыки и кабардинцы скоро перестали презирать чеченцевъ, а калмыки и ногайцы стали ихъ бояться.

У чеченцевъ явилось оружіе, явились храбрые предводители и еще храбрѣйшіе защитники своей родины. Мало по малу сложился настоящій характеръ чеченца, съ именемъ котораго соединяется понятіе какъ о человѣкѣ грубой суровости, грязной бѣдности и храбрости, имѣющей что-то звѣрское.

Своею воинственностію и устройствомъ хотя незатѣйливаго гражданскаго быта чеченцы обязаны были князьямъ Турловымъ, вся власть которыхъ основывалась, однакоже, на добровольномъ подчиненіи и уваженіи къ нимъ народа. Едва только чеченцы сознали свою силу, какъ у нихъ тотчасъ-же проявилась прежняя любовь къ необузданной личной свободѣ—и они отплатили Турловымъ полною неблагодарностію.

Быстро возрастающее народонаселеніе, благосостояніе Чечни и упадокъ воинственности у сосѣдей дали чеченцамъ превосходство надъ ними. Распри между княжескими фамиліями у кабардинцевъ и у кумыковъ, изнѣженность и порча нравовъ, успѣхи русскаго оружія, потеря лучшихъ наѣздниковъ въ битвахъ съ русскими и, наконецъ, переходъ многихъ уважаемыхъ стариковъ на нашу сторону, значительно ослабили кабардинцевъ и кумыковъ. Чеченцы, не страшась болѣе сосѣдей, а вмѣстѣ съ тѣмъ не нуждаясь въ предводительствѣ князей Турловыхъ, перестали имъ повиноваться и не оказывали имъ уваженія. Турловы переселились въ Надсунженскія и順ечныя чеченскія деревни, среди которыхъ долгое еще время пользовались уваженіемъ и своими правами. Съ ихъ уходомъ, чеченцы возвратились къ старому порядку вещей и къ прежнему образу управленія, такъ что размѣръ общества измѣнился, т. е. увеличилось народонаселеніе, но не измѣнилась форма его общественнаго управленія. «Правленіе Турловыхъ, никогда почти не касавшихся внутренняго устройства, мало измѣнило чеченцевъ въ ихъ гражданскомъ быту; по выходѣ или, скорѣе, по изгнаніи ихъ (Турловыхъ) онъ представился въ томъ же самомъ положеніи, въ которомъ былъ въ первыя времена населенія края. Вся разница состояла въ томъ, что тамъ, гдѣ прежде

лѣпился въ лѣсу одинокій хуторокъ, раскидывался теперь огромный аулъ, въ нѣсколько сотъ домовъ, большею частію одного родства». Кругъ связей общественныхъ хотя, по прежнему, не переступалъ границъ родственныхъ связей, но за-то сталъ обширнѣе, потому-что роды расширились значительно въ своей численности.

Чеченцы, поселившіеся въ Надсунженскихъ и Теречныхъ деревняхъ, во многомъ отличались отъ остальнаго населенія Чечни. Земля, заключенная между лѣвымъ берегомъ Сунжи и правымъ Терека, издавна была собственностію кабардинцевъ, имѣвшихъ тамъ свои луга и покосы. Чеченцы, селившіеся на землѣ имѣвшей своихъ хозяевъ, должны были заключать разныя условія, подчиняться извѣстнымъ правиламъ относительно вознагражденія за пользованіе чужою землею. Кабардинскіе князья пользовались первое время незначительною данью, но, замѣтивъ, что чеченцы, поселившіеся на ихъ землѣ, богатѣютъ, оставили свои отцовскія жилища и переселились къ нимъ на постоянное жительство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, перенесли туда и феодальное устройство, существовавшее въ Кабардѣ. Такимъ образомъ смѣсь феодализма съ простымъ и односложнымъ элементомъ Чеченскаго общества породила въ Надсунженскихъ и Теречныхъ деревняхъ гражданскій бытъ, почти одинаковый и во всемъ сходный съ общественнымъ порядкомъ, существовавшимъ у кабардинцевъ и у кумыкъ (¹).

Аулы, поселенные на Терекѣ, составляютъ болѣе цивилизованную часть Чечни. Находясь вблизи русскихъ, они привыкли къ гражданственности, управлялись князьями, волю которыхъ исполняли во всемъ. Это-то поселеніе и носило названіе *мирныхъ чеченцевъ*. Другой родъ, также мирныхъ чеченцевъ, занималъ плоскость по обѣимъ сторонамъ р. Сунжи и ея притоковъ — это качкалыковцы, ауховцы, частію карабулахи и собственно чеченцы. Отдаленные отъ русскихъ поселеній, чеченцы этихъ племенъ хотя и находились въ управленіи князей, но мало имъ повиновались. Поселившись вблизи своихъ непокорныхъ намъ соотечественниковъ, они, при каждомъ удобномъ случаѣ, готовы были на измѣну, грабежъ и на помощь своимъ мятежнымъ товарищамъ. Далѣе отъ нашей границы, по горамъ, покрытымъ дремучимъ лѣсомъ, между скалами и глубокими оврагами, поселились *немирные* чеченцы, отличавшіеся своею враждою и ненавистью къ русскимъ.

Всѣ общества чеченскаго племени имѣютъ одинаковые нравы и говорятъ однимъ языкомъ, причемъ ичкеринцы сохранили самое чистое произношеніе чеченскаго языка. Ичкерія считается колыбелью чеченскаго народа, которую туземцы называютъ *Нахче-Мохкъ* (мѣсто народа), но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ чеченцы были выходцами изъ Ичкеріи. Общество чабер-

---

(¹) Чечня Кавк. 1851 г. № 97. Воспоминаніе о Гребенскихъ казакахъ и кавказской линіи Кавк. 1856 г. № 78. О такъ называемыхъ Мизджегскихъ языкахъ и проч. И. Бартоломея Кавк. 1855 г. № 70.

лой, напримѣръ, хотя и говоритъ чеченскимъ языкомъ, но это не родной его языкъ. Въ народѣ существуетъ преданіе о русскомъ происхожденіи чаберлоевцевъ, что отчасти подтверждается характеромъ этого поколѣнія и даже чертами ихъ лица.

Что племена населяющія Чечню одни и тѣ же, говоритъ Ипполитовъ, «это безспорно, но совершенно ошибочно мнѣніе, приписывающее всему народу чеченскому и племенамъ этимъ единство, общность происхожденія, между тѣмъ какъ каждое племя (тайпа) на самомъ дѣлѣ считаетъ себя происхожденія по большей части различнаго». Такъ, напримѣръ, фамилія Зумсой считаетъ себя происхожденія грузинскаго; Келой—тушинскаго; Ахшипатой—фиренческаго, т. е. европейскаго; родоначальники фамиліи Варандинской—выходцы изъ Хевсуретіи. Многія фамиліи считаютъ себя происхожденія греческаго и т. д. Тѣмъ не менѣе, каково бы происхожденіе ихъ ни было, почти всѣ общества чеченскаго народа имѣютъ одинъ языкъ, одни нравы и обычаи.

Мѣстность, на которой поселились чеченцы, въ физическомъ отношеніи не можетъ быть разсматриваема какъ одно цѣлое, потому что одна часть ея безлѣсна, безводна и почти необитаема, между тѣмъ какъ другая покрыта лѣсомъ, изобилуетъ водою и усѣяна жилищами. Къ первой принадлежитъ часть Большой Чечни, часть лежащая между Терекомъ и Сунжею и восточною границею Малой Кабарды, а ко второй все остальное пространство. Къ первой части, по своему безводію и недостатку лѣса, слѣдовало бы отнести и сѣверную часть Назрановскаго общества, если бы она не была одинаково заселена съ Засунженскимъ пространствомъ. На всемъ протяженіи между Терекомъ и Сунжею нѣтъ почти никакихъ источниковъ кромѣ Горячеводскаго, извѣстнаго у чеченцевъ подъ именемъ рѣчки Мельчихи—на которой находится Горячеводское укрѣпленіе и аулъ Старый-Юртъ—и рѣчки Нефтянки, берущей свое начало изъ нефтяныхъ источниковъ и перерѣзывающей большую дорогу въ шести верстахъ отъ крѣпости Грозной. Нѣсколько минеральныхъ и теплыхъ ключей [1], составляютъ всю водную систему этой мѣстности. Такой важный недостатокъ былъ причиною того, что все населеніе этой мѣстности сосредоточилось по ея окраинамъ: по правому берегу р. Терека и лѣвому Сунжи.

До 1840 года берега этихъ рѣкъ были усѣяны большими чеченскими аулами, которые, по всей вѣроятности, не были бы оставлены жителями и по настоящее время, если бы они, изъ страха наказанія за измѣну нашему правительству, не вынуждены были оставить свои дома, открытые и доступные нашимъ войскамъ, и искать спасенія въ вѣковыхъ своихъ лѣсахъ за р. Сунжею. Съ удаленіемъ жителей Надтеречныхъ и Надсунженскихъ ауловъ, на всемъ этомъ пространствѣ осталось только три аула:

---

[1] Подробныя свѣдѣнія о минеральныхъ водахъ этой мѣстности находятся въ ст. Ад. П. Берже „Чечня и чеченцы“ Тифлисъ изд. 1859 г. стр. 70.

Старый-Юртъ, Новый-Юртъ и Брагуны, сохранившіе покорность и преданность русскому правительству.

Пространство это вообще гористо, пересѣчено оврагами и частію покрыто лѣсомъ. Два горныхъ кряжа, незначительной впрочемъ высоты, тянутся на довольно большое протяженіе. Одинъ изъ нихъ, пролегающій между р. Урухомъ и Ардономъ, называется хребтомъ *Кабардинскимъ* и прорѣзывается р. Терекомъ. Приближаясь къ лѣвому берегу р. Сунжи, онъ принимаетъ названіе *Сунженскаго* и оканчивается крутымъ мысомъ у крѣп. Грозной. Другой хребетъ носитъ названіе *Терекскаго* или *Надсунженскаго*, и слѣдуя вдоль праваго берега р. Терека, при устьѣ Сунжи, представляется какъ бы отрѣзаннымъ отъ оконечности лѣсистаго Качкалыковскаго хребта, составляющаго крайній отрогъ Андійскихъ горъ.

Оба эти хребта не отличаются другъ отъ друга ни по внѣшнему очертанію, ни по геологическому устройству, ни растительностію, ни, наконецъ, доступностію сообщенія. «Высота ихъ, равно какъ и крутизна ихъ отлогостей, одинаковы: южный склонъ обоихъ хребтовъ круче и короче, а сѣверные склоны, хотя также круты, но длиннѣе». Растительность также одинакова; сообщеніе чрезъ оба хребта одинаково затруднительно для слѣдованія повозокъ, по причинѣ крутыхъ подъемовъ и спусковъ, и наконецъ почва ихъ, по глинистому свойству грунта и производительности, одинакова съ почвою долинъ и отлогостей (1).

Все пространство, лежащее по ту сторону Сунжи, между этою рѣкою и подошвою Черныхъ горъ, составляетъ совершенную и обширную равнину (за исключеніемъ немногихъ возвышенностей), перерѣзанную множествомъ паралельныхъ рѣкъ и рѣчекъ, съ шумомъ стремящихся преимущественно съ юга на сѣверъ и изрѣзывающихъ Чечню по разнымъ направленіямъ. Двѣ трети этой равнины покрыты строевымъ лѣсомъ или частымъ кустарникомъ, въ которыхъ укрывалось почти все населеніе Чечни. Исключивъ изъ всего за-сунженскаго пространства двѣ трети пространства покрытаго лѣсомъ, остальная треть составляетъ болѣе или менѣе обширныя поляны, на которыхъ чеченцы имѣютъ свои богатыя обработанныя поля и тучные луга, снабжающіе жителей не только сѣномъ, для прокормленія ихъ стадъ зимою, но и служащіе изобильными пастбищными мѣстами, для стадъ ихъ горныхъ сосѣдей.

Всѣ рѣки и рѣчки, орошающія эту мѣстность, вытекаютъ по большей части изъ второстепеннаго, и только немногія изъ Главнаго снѣговаго хребта, и вливаютъ свои воды въ р. Сунжу, составляя такимъ образомъ ея притоки съ правой стороны.

Къ рѣкамъ, берущимъ свое начало изъ Главнаго снѣговаго и Сулако-Терскаго водораздѣльныхъ хребтовъ, принадлежатъ: Терекъ, Сунжа, Асса,

---

(1) Чечня и чеченцы Ад. П. Берже. Объ обществахъ чеченскаго племени рукоп. достав. мнѣ П. В. Кузьминскимъ.

Фортанга, Гехи, Мартанка, Аргунъ, Хулхулау, Гудермесъ или Гумсъ. Изъ всѣхъ этихъ рѣкъ, конечно, первое мѣсто занимаетъ Терекъ, протекающій по Чечнѣ около ста верстъ разстоянія. Воды его стремятся съ такою быстротою, что уносятъ деревья и ворочаютъ огромные камни. Шумъ отъ волнъ его слышенъ за нѣсколько верстъ. Переправа черезъ эту рѣку если не окончательно невозможна, то сопряжена съ большимъ затрудненіемъ, такъ какъ дно его изрыто быстрымъ теченіемъ. Всѣ же остальныя рѣчки, орошающія Чечню, какъ, напримѣръ: Ачхой, Валерикъ, Гойта, съ ея притоками, и другія берутъ свое начало въ Черныхъ горахъ.

Рѣки, вытекающія изъ Главнаго и Сулако-Терскаго водораздѣльнаго хребтовъ, имѣютъ тотъ общій характеръ, что протекаютъ, за исключеніемъ своихъ верховьевъ, въ довольно отлогихъ и одинаковой высоты берегахъ, текутъ быстро, по каменистому ложу, и образуютъ множество острововъ, а при устьяхъ своихъ раздѣляются на нѣсколько рукавовъ. Исключеніе изъ этого общаго характера составляютъ только Сунжа и Асса, въ особенности въ своихъ верховьяхъ. Берега этихъ двухъ рѣкъ по большей части круты, текутъ они однимъ русломъ и почти не образуютъ острововъ; хорошихъ бродовъ имѣютъ мало и только въ извѣстныхъ мѣстахъ.

Глубина всѣхъ рѣкъ первой категоріи, при обыкновенной высотѣ воды, самая незначительная, и онѣ почти во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только дозволяютъ берега, проходимы въ бродъ; но при таяніи снѣга, на тѣхъ горахъ, съ которыхъ они берутъ свое начало, а въ особенности при сильныхъ и продолжительныхъ дождяхъ, вода въ нихъ мгновенно и значительно возвышается, и самая мелководная рѣчка въ нѣсколько часовъ получаетъ значительную глубину, а на плоскости выступаетъ изъ береговъ и разливается. Бываютъ случаи, что въ Сунжѣ вода возвышается на полторы и двѣ сажени противъ обыкновеннаго своего уровня. Тогда переправа черезъ такія рѣки, какъ для пѣшихъ, такъ и для конныхъ, дѣлается затруднительною, если не по глубинѣ, то по быстротѣ теченія и ширинѣ разлитія. Быстрота теченія причиною того, что вода почти всегда бываетъ мутною, но, не смотря на то, пріятна на вкусъ и здорова. При полноводіи и самое русло многихъ рѣкъ измѣняется, чему причиною сильный напоръ воды и наносы ила и деревьевъ; съ перемѣною русла измѣняются, конечно, и броды, такъ что послѣ каждаго полноводія необходимо осматривать прежніе броды и отыскивать новые. Устройство мостовъ черезъ эти рѣки, при обыкновенной въ нихъ высотѣ воды, не составляетъ особеннаго труда, и самыми лучшими для того мостами признавались мосты на козлахъ, тогда какъ въ полноводіе устройство обыкновенныхъ мостовъ и съ устоями есть совершенно безполезный трудъ.

Рѣчки, берущія свое начало съ Черныхъ горъ, имѣя видъ канавъ, по своимъ свойствамъ совершенно противоположны тѣмъ, которыя вытекаютъ изъ Главнаго хребта горъ. Лѣтомъ, въ сухое время, когда первыя значительно мелѣютъ, послѣднія, напротивъ того, получаютъ наибольшую при-

быль воды отъ таянія въ горахъ снѣга. Второстепенныя рѣчки текутъ довольно медленно въ берегахъ, большею частію топкихъ и по такому же топкому ложу, а потому имѣютъ весьма мало бродовъ, но за то почти на всѣхъ дорогахъ переброшены черезъ нихъ мосты. Послѣдніе, по незначительной ширинѣ рѣчекъ, не требуютъ особенныхъ усилій при постройкѣ; устройство ихъ несложно, тѣмъ болѣе, что вода въ такихъ рѣчкахъ не возвышается быстро ни отъ дождей, ни отъ таянія снѣга.

Лѣса этой мѣстности, состоящіе изъ крѣпкихъ лиственныхъ породъ: дуба, бука, чинара, вяза, груши, вишни, черешни, лычи (дикая слива) и въ особенности орѣшника, перемѣшанные съ виноградникомъ, боярышникомъ и кизилемъ, покрываютъ почти всю Чечню и представляютъ лѣтомъ непроходимую чащу. Мѣстами попадаются обширныя поляны, кое-гдѣ поросшія кустарникомъ, на которыхъ зрѣетъ хлѣбъ и пасутся стада. Лѣсъ преимущественно растетъ на Черныхъ горахъ и у подножія ихъ, а также у устьевъ рѣкъ и рѣчекъ, орошающихъ Чечню, въ особенности же между рр. Мичикомъ и Шавдономъ, Гойтой и Гехи. Средняя часть Чечни, по которой пролегаетъ такъ называемая чеченцами *русская дорога* (1), отъ Куринскаго до Нестеровскаго укрѣпленія, по большей части открыта, и только лѣса: Гехинскій, Гойтинскій, Шалинскій, Автурскій, Маюртупскій и Качкалыковскій, изрѣзываютъ эту часть Чечни узкими полосами, отъ 400 до 700 саженъ.

Средняя часть, какъ болѣе открытая, представляла болѣе удобствъ для жизни, а потому здѣсь-то и было скучено почти все населеніе; здѣсь находились извѣстные по величинѣ и богатству аулы: Бата-Юртъ, Акаюртъ, Маюртупъ, Гельдигенъ, Автуръ, Герменчукъ, Шали, Большая и Малая Атага, Урусъ-Мартанъ и другіе. По мѣрѣ того, какъ наши войска стали двигаться по *русской дорогѣ*, аулы эти стали пустѣть, а жители переселялись въ близълежащіе лѣса. До 1840 года, аулы все-таки сохраняли свой наружный видъ и свою многолюдность. Съ возмущеніемъ же Чечни, всѣ жители этихъ ауловъ расселились по лѣсамъ, растущимъ по Сунжѣ и у подножія Черныхъ горъ, и огромные богатѣйшіе аулы ихъ совершенно изчезли. Въ настоящее время о существованіи ихъ говорятъ только остатки ихъ садовъ. Самое густое народонаселеніе укрывалось въ лѣсахъ, растущихъ у устьевъ рѣкъ и рѣчекъ, протекающихъ по Чечнѣ, въ особенности же между рр. Гойтой и Гехи (куда переселилась въ 1840 году большая часть надтеречныхъ чеченцевъ) и между Джалкой и Качкалыковскимъ хребтомъ, составляющимъ крайній отрогъ Сулако-Терскаго водораздѣльнаго хребта. Непрерывное движеніе нашихъ войскъ въ глубь страны и постройка на занятыхъ мѣстахъ укрѣпленій заставляли чеченцевъ удаляться отъ нашей линіи укрѣпленій. Постепенно приближаясь

(1) Эта дорога получила такое названіе потому, что по ней, начиная со временъ Ермолова, постоянно ходили наши отряды.

къ Чернымъ горамъ, они расселились по различнымъ ихъ ущельямъ и по верховьямъ рѣкъ и рѣчекъ (¹).

На пространствѣ между рѣчками Фортангой и Гехи Малая Чечня отдѣляется отъ обществъ Галгаевскаго, Цоринскаго и Акинскаго двумя вѣтвями горъ, составляющими продолженіе главной отрасли сѣвернаго склона. Та вѣтвь, которая имѣетъ сѣверо-западное направленіе и оканчивается горою Нохъ-Кортъ, придаетъ гористый характеръ всему пространству, заключенному между рр. Фортангой и Нетхой, до бывшихъ ауловъ Аршты и Ачхой. Другая вѣтвь имѣетъ сѣверное направленіе, пролегаетъ между рр. Нетхой и Гехи и проникаетъ внутрь Чечни своими отрогами также далеко, какъ и первая вѣтвь. Между рр. Гехи и Аргуномъ, отроги Главнаго снѣговаго хребта вдаются въ Чечню полукругомъ и отдаляются изъ нея въ томъ мѣстѣ, гдѣ р. Мартанъ прорѣзываетъ ихъ. Сулако-Терскій водораздѣльный хребетъ, отойдя отъ Главнаго Кавказскаго хребта, у горы Борбало, пускаетъ на сѣверъ длинные отроги горъ, которые, своими вѣтвями и уступами, наполняютъ восточную часть Большой Чечни; вся же западная часть Чечни наполнена отрогами Главнаго Кавказскаго хребта. Съ сѣверной стороны обоихъ хребтовъ и паралельно имъ пролегаетъ второстепенный кряжъ, образующій какъ бы предгорія или уступы главныхъ хребтовъ и обозначающійся весьма рѣзко крутымъ и почти обрывистымъ скатомъ къ сторонѣ послѣднихъ. Къ сѣверу же онъ пускаетъ длинные, болѣе доступные, отроги, изрѣзанные глубокими оврагами.

Изъ отроговъ Сулако-Терскаго хребта, пролегающихъ по Ичкеріи и Ауху и составляющихъ, такъ сказать, правый берегъ р. Аргуна, наиболѣе замѣчательны: *Качкалыковскій*, замыкающій съ запада Кумыкскую плоскость, и хребетъ, отдѣляющійся отъ горы Чабирли, развѣтвляющійся между Аргуномъ и Хулхулау и доходящій до кр. Воздвиженской. Горы, наполняющія всю мѣстность между Хулхулау, Гудермесомъ и Аксаемъ, дѣлаютъ ее весьма гористою. Отдѣляющаяся отъ этой отрасли вѣтвь противъ Ведено и пролегающая по лѣвому берегу Аксая до Герзель-аула, образуетъ далѣе хребетъ, извѣстный подъ именемъ *Качалыковскаго*. Между Аксаемъ и Акташемъ пролегаютъ отрасли горъ, отдѣляющіяся отъ хребта Джалдари-Меэръ и доходящія до Хасавъ-Юрта. Эти-то отрасли и дѣлаютъ мѣстность Ичкеріи и Ауха покрытою горами довольно значительной высоты, съ крутыми балками, такъ что сообщеніе между селеніями производилось только по долинамъ рѣкъ, а поперечныхъ сообщеній черезъ горы почти не существовало. Туземное населеніе знало только о существованіи вьючныхъ дорогъ между аулами, и обыкновенный видъ сообщенія по нимъ была верховая ѣзда. Въ настоящее время, трудами войскъ, покорившихъ Кавказъ, прокладываются многія дороги для колеснаго сообщенія.

(¹) Чечня и чеченцы Ад. П. Берже. Тифлисъ 1859 г. Объ общес. ченченс. плем. (рукопись).

Всѣ горы, наполняющія Чечню, Ичкерію и Аухъ, покрыты строевымъ лиственнымъ лѣсомъ, отчего, по наружному виду, и называются Черными, въ отличіе отъ снѣговыхъ, одѣтыхъ постоянно въ бѣлую пелену снѣга. Сѣверная часть Большой Чечни отдѣляется отъ Терека *Умаханъ-юртовскимъ* хребтомъ, а въ семи верстахъ отъ кр. Грозной, между Гойтой и Аргуномъ, стоятъ двѣ отдѣльныя горы, образующія собою знаменитое въ исторіи Ханкальское ущелье. Горы эти были прежде покрыты густымъ лѣсомъ и служили лучшимъ притономъ для хищниковъ, нападавшихъ на пограничныя наши селенія. Эти нападенія и заставили Ермолова расчистить Ханкальское ущелье и, для устрашенія хищниковъ, поставить противъ него крѣпость Грозную.

Въ Чечнѣ нѣтъ особенно низменныхъ мѣстъ, хотя Большая и Малая Чечня и изобилуетъ болотами. «Но образованіе этихъ болотъ скорѣе должно приписать постоянно влажной почвѣ густыхъ непроходимыхъ лѣсовъ, нежели низменности тѣхъ пунктовъ, на которыхъ онѣ находятся» [1].

Что касается до климата Чечни, то онъ сходенъ съ климатомъ средней полосы Россіи: здоровъ, лѣтомъ бываютъ сильные жары, а зима довольно суровая, снѣжная, съ морозами, доходящими до 20°, такъ что большая часть рѣкъ замерзаетъ, въ томъ числѣ и Сунжа, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ ея мѣстъ, отличающихся быстротою теченія. Въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ дни бываютъ весьма жарки, а ночи, напротивъ того, прохладны. Эти быстрые и ощутительные переходы порождаютъ лихорадки и другія болѣзни. Въ Ичкеріи и Аухѣ климатъ суровѣе, чѣмъ въ остальныхъ мѣстностяхъ, населенныхъ чеченцами, и зима продолжительнѣе.

Климатическія условія и производительность Чеченской плоскости вполнѣ способствуютъ развитію хлѣбопашества въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, но въ горныхъ пространствахъ чувствуется значительный недостатокъ въ удобной пахатной землѣ, такъ что жителямъ часто приходится прибѣгать къ вырубкѣ лѣсовъ для очищенія мѣстъ подъ посѣвы.

Земли жителей горъ состоятъ преимущественно изъ крутыхъ покатостей, зачастую не дающихъ ровно никакой растительности, такъ что жители принуждены прибѣгать къ приспособленію ея искуственнымъ образомъ къ тому, чтобы сдѣлать ее способною къ произрастанію хлѣба, необходимаго для ихъ существованія. «Вблизи жилищъ, пишетъ г. Грабовскій, встрѣчаются искуственно устроенныя террасы для посѣва хлѣбовъ. Нужно видѣть эти террасы, чтобы судить о громадности труда, потребовавшагося на устройство ихъ; онѣ находятся обыкновенно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ сама природа отказала дать что-либо. Чтобы устроить площадку въ 10—12 аршинъ длины и въ 5 ширины, необходимо было горцу расчистить и сравнять выбранную для этого мѣстность; но такъ какъ и послѣ этого площадка кромѣ камня ничего дру-

---

[1] Чечня и чеченцы Ад. П. Берже.

гаго не представляла, то понадобилось натаскать туда земли и вообще удобрить ее на столько, чтобы она могла приносить желаемую пользу. Конечно, все это удобно было сдѣлать тому, у кого оказался на этотъ разъ рабочій скотъ».

На этихъ небольшихъ площадкахъ туземцы засѣваютъ: ячмень, овесъ и отчасти пшеницу, но въ такомъ количествѣ, что онѣ далеко не обезпечиваютъ продовольствіемъ семействъ на круглый годъ. Недостатокъ хлѣба заставляетъ однихъ нанимать поля на плоскости, другихъ вырабатывать насущный кусокъ поденнымъ трудомъ, преимущественно во время уборки посѣвовъ, и, наконецъ, третьихъ, обращаться съ просьбою о подаяніи къ родственникамъ, живущимъ на плоскости. Но всѣ эти заработки и изысканія средствъ къ пріобрѣтенію насущнаго хлѣба не даютъ многаго, и туземцу, по недостатку земли, приходится перебиваться кое-какъ. Недостатокъ удобной земли такъ ощутителенъ, что многія общества и аулы не имѣютъ вовсе кладбищъ, а «складываютъ, или, вѣрнѣе, сваливаютъ трупы умершихъ въ нарочно устроенныя изъ земли склепы. Подобный обычай погребенія, какъ говорятъ сами жители, сложился единственно вслѣдствіе недостатка земли. Это показаніе подтверждается самымъ наглядымъ образомъ: склепы обыкновенно находятся на такихъ мѣстахъ, гдѣ, дѣйствительно, сдѣлать что нибудь другое нельзя было».

Въ прежнее время, въ Чечнѣ, на плоскости, земледѣліе было въ довольно хорошемъ состояніи, но съ переселеніемъ жителей, въ 1840 году, за Сунжу, народонаселеніе тамъ значительно скучилось и почувствовался большой недостатокъ въ землѣ. Разселившись по лѣсамъ отдѣльными хуторами или небольшими аулами, чеченцы, по недостатку земли, должны были засѣвать большею частію столько хлѣба, сколько доставало, и то съ трудомъ, для годичнаго пропитанія семейства. Все хлѣбопашество ограничивалось посѣвомъ кукурузы, пшеницы въ маломъ количествѣ и еще менѣе проса. Количество накашиваемаго чеченцами сѣна было едва достаточно для прокормленія, во время зимы, скота, которымъ жители были вообще очень бѣдны. Огороды и сады ихъ были весьма не велики. Чеченцы садили лукъ, чеснокъ, огурцы, тыкву и рѣдко арбузы и дыни. Фруктовыхъ деревьевъ было у нихъ весьма немного, а виноградъ въ Чечнѣ растетъ только въ дикомъ состояніи.

Не смотря на все это, жители плоскости снабжали хлѣбомъ верхне-аргунскихъ чеченцевъ, которые мало занимались хлѣбопашествомъ и не имѣли хлѣба для собственнаго пропитанія. Необыкновенная умѣренность въ пищѣ дѣлала возможнымъ такое снабженіе. Не имѣя сами много хлѣба, чеченцы, живущіе на плоскости, кормили множество нищихъ, спускавшихся къ нимъ съ горъ за подаяніемъ. «Ежегодно, черезъ Османъ-Юртъ, отъ сентября до апрѣля и позже, говоритъ г. Клингеръ, проходило до четырехъ сотъ человѣкъ нищихъ, полунагихъ тавлинцевъ, старыхъ и молодыхъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Собравшись артелями отъ пяти до десяти человѣкъ, они обходили аулы, испрашивая подаянія ударяя въ бубенъ, съ припѣвомъ тѣхъ

ста изъ корана. Нѣкоторые нанимались работать, безъ платы, за кусокъ хлѣба, за дневное пропитаніе, или собирали черемшу, различныя ягоды, которыя вымѣнивали на муку. Въ особенности жалки были толпы этихъ несчастныхъ зимою, въ сильный холодъ, когда они, лишенные всякой одежды, скитались изъ аула въ аулъ. Въ каждомъ чеченскомъ селеніи были установлены особые дни въ году, когда жители приносили къ мечети пищу для раздачи ея бѣднымъ».

Чеченцы, сами чувствовавшіе недостатокъ въ пропитаніи, смотрѣли непріязненно на партіи тавлинцевъ, будучи обязаны ихъ продовольствовать. Неловкость тавлинцевъ, ихъ трусость и нахальство, часто выражаемое явными шуточными насмѣшками, возбуждали въ чеченцахъ презрѣніе къ этимъ бродягамъ, и въ особенности зимою народъ считалъ присутствіе ихъ для себя обременительнымъ и тяжелымъ.

При всѣхъ этихъ условіяхъ, если у обитателей плоскости и оставался излишекъ хлѣба, то въ обмѣнъ на него они получали медъ, воскъ, шерсть, сукно грубаго издѣлія, плохіе ковры домашняго издѣлія, звѣриныя шкуры, бурки, сафьянъ и тому подобные матеріалы, которые они, въ свою очередь, сбывали, черезъ мирныхъ чеченцевъ, кизлярскимъ купцамъ и получали отъ нихъ холстъ, грубыя бумажныя матеріи, ситцы, шелковыя матеріи низшаго достоинства, желѣзо, соль и мѣдную посуду.

Ичкеринцы также занимались хлѣбопашествомъ и, можно сказать, даже всѣ безъ исключенія, но размѣры воздѣланной земли были весьма незначительны. Для расширенія своихъ полей, они припуждены были рубить лѣсъ и выжигать траву. Самая пахата производилась или сохою, или же просто острой палкой дѣлали легкую борозду и клали туда зерна.

Недостатокъ мѣста—главная причина ограниченности размѣровъ, въ которыхъ производились посѣвы, состоявшіе главнѣйшимъ образомъ изъ кукурузы, пшеницы, ячменя, незначительнаго количества проса и льна. Послѣдній сѣялся только для масла, такъ какъ туземцы, не знакомые съ выдѣлкою изъ льна холста, бросаютъ его стебель.

Не смотря на глинистый грунтъ, урожаи бываютъ довольно удовлетворительные и лучшіе на тѣхъ мѣстахъ, которыя защищены съ сѣвера горами. Дожди, падающіе почти ежедневно, начиная съ 15-го апрѣля и до 1-го августа, оказываютъ большое вліяніе на урожаи: чѣмъ лѣто суше, тѣмъ жатва обильнѣе, и на оборотъ.

Почва горныхъ пространствъ, будучи осадочнаго происхожденія, состоитъ изъ глины съ небольшимъ слоемъ чернозема. Во многихъ мѣстахъ котловины и впадины изобилуютъ мочежинами, и почва осѣдаетъ или сползаетъ, мѣняя наружную поверхность. Бывали случаи, что цѣлый аулъ или часть горы сползали съ своего мѣста, оставляя послѣ себя желтую глинистую осыпь. При большихъ дождяхъ, со склоновъ горъ, сползаетъ густая масса въ видѣ селей

и уносить съ собою весь черноземъ, вмѣстѣ съ засѣяннымъ зерномъ, а на мѣстѣ его остается ни къ чему не годная глинистая осыпь.

Скотоводство, какъ въ Ичкеріи, такъ и у жителей Ингушевскаго округа (¹), было незначительно; скотъ хотя и силенъ, но малъ ростомъ. Лошадей мало, и о размноженіи ихъ жители не хлопотали. Нѣсколько въ лучшемъ видѣ находилось овцеводство, которымъ занимались почти всѣ ичкеринцы; шерсть овечья сбывалась въ Андію, гдѣ изъ нея выдѣлывали бурки. Причиною неудовлетворительнаго состоянія скотоводства, былъ недостатокъ луговъ, сѣнокосныхъ и пастбищныхъ мѣстъ. Сѣна было такъ мало, что его съ трудомъ хватало на зиму, и при томъ доставка его съ горъ была крайне затруднительна.

«Приготовить покосное мѣсто въ горахъ и потомъ собрать съ него сѣно такъ же трудно, какъ и приспособленіе полей для посѣвовъ. Прежде всего нужно было крутыя покатости горъ очистить отъ камня; но такъ какъ величина многихъ изъ этихъ камней не позволила людской силѣ сдвинуть ихъ, то покосныя мѣста должны были оставаться между ними. Здѣсь-то, подъ палящими лучами солнца, горецъ работаетъ косою и сгребаетъ въ небольшія копна накошенную траву. Непривычный человѣкъ едва ли бы съумѣлъ свободно ходить по этимъ покоснымъ мѣстамъ. Только доставка сѣна внизъ горцу не трудна: копна обыкновенно туго переплетается древесными гибкими прутьями и въ такомъ видѣ сталкивается подъ гору; нерѣдко, впрочемъ, случается, что копна, ударившись о камень, разрываетъ связывающіе его прутья, и сѣно, всегда легкое и безъ бурьяна, разлетается по воздуху; горцу же остается смотрѣть, какъ изчезаетъ быстро его трудъ, да снова взяться за другую копну».

Недостатокъ сѣнокосовъ заставляетъ жителей горъ ограничиваться содержаніемъ самаго ограниченнаго числа скота, да и для прокормленія его пасти часто на чужихъ земляхъ. Такъ, галгаевцы, для прокормленія своего скота, нанимали у казаковъ гору *Ушхотъ*, а большая часть ичкеринскаго скота паслась лѣтомъ на сѣверномъ склонѣ Сулако-Терскаго хребта.

Чеченцы, живущіе на плоскости, также не могли похвастаться обиліемъ скота, но здѣсь недостатокъ его произошелъ совершенно отъ другихъ причинъ. Чеченцы въ прежнее время были богаты скотомъ, но двухъ лѣтнее истребленіе нами сѣна, въ 1840 и въ 1841 годахъ совершенно разстроило ихъ скотоводство. Домашнюю птицу ихъ, составляли однѣ только куры. Кромѣ того, чеченцы занимались не много пчеловодствомъ и разведеніемъ въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, шелковичныхъ червей, что исключительно лежало на обязанности женщинъ.

(¹) До 1866 года въ составъ Ингушевскаго округа входили: джераховцы, кистины, галгаевцы, цоринцы, акинцы и мереджинцы. Въ 1866 году послѣднія два общества присоединены къ Аргунскому округу.

Промышленность чеченцевъ ограничивалась выдѣлкою дурнаго пороха, довольно плохаго сукна на зипунъ, сыромятной кожи, овчины, войлока, бурокъ и грубаго холста, приготовляемаго женщинами. Все это продавалось или обмѣнивалось на чугунные котлы, холстъ, крашенину, пестрядь, калмыцкій чай, и небольшое количество стали и желѣза. Всѣ эти вещи добывались черезъ армянъ и другихъ промышленниковъ, или мирныхъ чеченцевъ, иногда изъ третьихъ или четвертыхъ рукъ. Сами чеченцы торговлей занимались мало и считали это занятіе постыднымъ. Въ краю, гдѣ война была не что иное какъ разбой, а торговля—воровство, разбойникъ, въ мнѣніи общества, былъ гораздо почтеннѣе купца, потому что добыча перваго покупалась удальствомъ, трудами и опасностями, а втораго—одною ловкостію въ обманѣ. Если чеченцу и случалось что-нибудь продавать, то онъ продавалъ безъ уступки. Многія изъ племенъ, сосѣднихъ къ нашимъ предѣламъ, имѣли своихъ родственниковъ среди мирныхъ чеченцевъ. Пробираясь по ночамъ въ ихъ аулы, они пріобрѣтали, при ихъ посредствѣ, все необходимое въ замѣнъ доставленнаго сыру, луку, масла или чего-нибудь краденаго. Проживъ тайно день или два въ домѣ мирнаго своего кунака, промышленники такого рода возвращались по ночамъ, съ пріобрѣтеннымъ товаромъ, въ свои горы. Свой своего не выдавалъ, а прекратить такую промышленность не было возможности. Аулы мирныхъ были разбросаны на значительное разстояніе, не обносились ни заборомъ, ни канавою, и потому имѣли во всѣ стороны безчисленное число выходовъ, доставляющихъ возможность легко ускользнуть отъ вниманія другихъ. Часто однакоже подобныя лица, съ нагруженными товаромъ арбами, попадались въ руки нашихъ козаковъ.

Чеченцы надъ-теречные и сунженскіе, до 1840 года, вели довольно значительную торговлю лѣсомъ. Они приготовляли въ теченіе зимы плоты строеваго и дровянаго лѣса, и, въ половодіе, сплавляли ихъ по Сунжѣ и далѣе по Тереку, до Кизляра, гдѣ ихъ собиралось ежегодно довольно значительное количество (до 600 плотовъ). Другой видъ промышленности были обручи, бочарныя доски и *таркалы* (колья, къ которымъ привязываютъ виноградныя лозы), доставляемыя также въ Кизляръ, богатый своими виноградными садами. Жители горныхъ пространствъ не пользовались и этимъ видомъ промышленности.

Лѣсъ въ Чечнѣ не составлялъ частной собственности: каждый, кому онъ былъ нуженъ, могъ рубить гдѣ угодно и сколько угодно, а при обиліи его кругомъ, покупать не было никакой надобности, такъ что, собственно говоря, лѣсъ не представлялъ собою никакой другой цѣнности, кромѣ той, во что обходилась его доставка, стоившая, впрочемъ, по отсутствію дорогъ, довольно дорого. Жители Ичкеріи, и вообще горные, снабжали чеченцевъ, живущихъ на плоскости порохомъ, частію оружіемъ, мѣдною посудою, яблоками, грушами, виноградомъ и орѣхами. Вся эта торговля была, по преимуществу, мѣновая и рѣдко велась на деньги. Мѣрою длины служилъ *ло-*

котъ, а для сыпучихъ тѣлъ высшая мѣра, извѣстная чеченцамъ, была равна восьми нашимъ гарнцамъ и содержала въ себѣ пять *сага* или чашекъ; двѣ такія мѣры назывались *мозоль*. Для опредѣленія вѣса употребляли *пудъ* (пунтъ) и *фунтъ* (герке); вѣшали безмѣномъ. По малому обращенію золота, чеченцы имѣли скудное о немъ понятіе, не придавали ему особенной цѣны, а предпочитали всему серебряныя деньги, въ особенности новую блестящую мелочь. Монетная система ихъ была также не разнообразна: десять рублей они называли однимъ общимъ именемъ *тюмень*; одинъ рубль *сомъ*, двадцать копѣекъ серебромъ—*эпизъ*, пять копѣекъ—*шаги*; другихъ названій деньгамъ не имѣли (1).

II.

Религія. — Основаніе ученія о мюридизмѣ. — Духовенство и его положеніе. Суевѣріе. — Колдуны и колдуньи. — Порча съ-глазу. — Гаданіе.

Господствующая религія чеченцевъ магометанская, суннитской секты. Нагорные чеченцы никогда не были христіанами и весьма строго придерживаются магометанства. Напротивъ того, жители Большой и Малой Чечни, какъ свидѣтельствуютъ преданія и развалины древнихъ храмовъ, встрѣчающіеся и до сихъ поръ въ странѣ, исповѣдывали нѣкогда христіанскую религію.

Слѣды христіанства видны изъ того, что по чеченски недѣля называется точно также, какъ и у грузинъ—*квирэ*, а воскресенье—*квирендэ*, т. е. недѣльный день; пятница же называется у нихъ *пирескэ*, отъ грузинскаго *параскеви*. Ко всему этому можно прибавить то, что при входѣ въ Аргунское ущелье, близъ ауловъ Атага и Чахкери, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ построена была Воздвиженская крѣпость, былъ найденъ большой каменный крестъ съ вырѣзомъ для образа; отъ этого креста и крѣпость получила настоящее свое названіе.

Трудно опредѣлить, когда именно чеченцы приняли мусульманскую религію, но съ достовѣрностію можно сказать, что различныя племена этого народа принимали эту религію разновременно и, во всякомъ случаѣ, исламъ водворился у нихъ не ранѣе начала прошлаго столѣтія. Одинъ изъ значительнѣйшихъ тохумовъ или фамилій чеченскихъ принялъ послѣдній мусуль-

(1) Чечня и чеченцы Ад. П. Берже Тифлисъ 1859 г. Нѣчто о Чечнѣ Клингера Кавк. 1856 г. № 97 и 101. Поѣздка въ Ичкерію И. Ограновича Кавк. 1866 г. № 20 и 22· Изъ Нагорнаго округа. П. Пѣтуховъ Кавк. 1866 г. № 53. Экономическій и домашній бытъ жителей Ингушевскаго округа Грабовскаго Сборн. Свѣд. о кавказс. горцахъ выпускъ III.

манскую вѣру около ста лѣтъ тому назадъ. Этотъ тохумъ извѣстенъ подъ именемъ Гуной, и предпослѣднее поколѣніе его, какъ извѣстно, придерживалось еще нѣкоторыхъ христіанскихъ обычаевъ не далѣе какъ за 60 лѣтъ.

— Не скрою отъ тебя, говорилъ чеченецъ Зауръ маіору Властову, что я знаю навѣрное, что седьмой отецъ мой (предокъ въ седьмомъ поколѣніи) ѣлъ свинину. Я не помню крестовъ, но слыхалъ, что мы исповѣдывали какую-то другую вѣру, но какую именно, не знаю...

Назрановцы или ингуши, кистины, галгаевцы, цори и джерахи принадлежатъ къ смѣшанной религіи. Большая часть изъ этихъ народовъ исповѣдуютъ, по наружности, православную вѣру, другіе магометанскую и, наконецъ, третья часть совершенные язычники. Христіанство исповѣдуетъ преимущественно простой народъ, а фамиліи старшинъ придерживаются магометанства, какъ допускающаго многоженство.

Галгаевцы хотя и называютъ себя магометанами и имѣютъ муллъ, но слѣдуютъ особому и весьма оригинальному богослуженію. Они молятся только по ночамъ у четырехугольныхъ столбовъ, устроенныхъ въ ростъ человѣка, на возвышенныхъ мѣстахъ или близъ кладбищъ. Весь процессъ моленія ихъ заключается въ томъ, что молящійся становится на колѣни и кладетъ свою голову въ маленькую нишу, устроенную у подножія столба, съ восточной стороны.

Исполняя нѣкоторые христіанскіе обряды, они въ то же время покланяются идоламъ. У ингушъ идолъ *Гушмале* пользуется уваженіемъ многихъ ауловъ и даже сосѣднихъ племенъ.

Ингуши почитали прежде нѣчто въ родѣ человѣческихъ скелетовъ. Въ двадцати верстахъ ниже крѣпости Назрана, по Сунжѣ, выстроена каменная будочка, въ которой находятся эти скелеты. Теперь вѣрованіе въ нихъ почти совершенно оставлено, но ингуши и въ настоящее время прикрываютъ ихъ полотномъ, въ знакъ того, что и до сихъ поръ сохраняютъ нѣкоторое уваженіе къ ихъ остовамъ.

Преданіе утверждаетъ, что скелеты эти принадлежатъ народу *нартъ*, нѣкогда жившему около Назрана, и что они оставались нетлѣнными въ теченіе 2,000 лѣтъ, но, съ приходомъ русскихъ, стали портиться.

Ингуши признаютъ единство Бога и, называя его *Дайле*, содержатъ два поста: одинъ весною, другой осенью. Главный жрецъ ихъ, называемый *святымъ человѣкомъ*, жилъ прежде при старинной каменной церкви, на высокой горѣ, не подалеку отъ Ингушевскаго аула. Церковь эта и до сихъ поръ въ большомъ уваженіи между ингушами. Они приносятъ ей въ жертву скотъ, никто не смѣетъ взойти въ ея внутренность и, при приближеніи, каждый падаетъ ницъ, въ знакъ высокаго уваженія. Имя церкви употребляется въ клятвахъ, а стѣны ея служатъ убѣжищемъ больнымъ и несчастнымъ, которые поселяются около нея въ особо-построенныхъ для того хижинахъ. Подобно ин-

гушамъ, и кистины соблюдаютъ постъ въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ, и во все продолженіе его употребляютъ растительную, но не животную пищу.

Слѣдуя нѣкоторымъ христіанскимъ уставамъ, ингуши, кистины и галгаевцы празднуютъ однако же новый годъ тремя днями ранѣе нашего. Годъ свой они считаютъ въ 365 дней, но раздѣленія его на мѣсяцы не знаютъ. Ингуши знаютъ о существованіи луны (бутъ); имѣютъ названіе дней въ недѣлѣ, но счетъ дней ведутъ съ понедѣльника.

Наканунѣ новаго года производится гаданіе: святоши, или *одаренные* даромъ предсказаній, отправляются въ ближайшее капище, ложатся животомъ на землю и остаются въ такомъ положеніи цѣлую ночь. На слѣдующее утро, въ самый день новаго года, они выходятъ изъ капища и объявляютъ суевѣрнымъ то, что они, будто-бы, слышали, лежа и прислушиваясь къ землѣ.

Народъ всѣхъ трехъ поколѣній, въ день новаго года, отправляется въ горы, гдѣ и приноситъ жертву *Гальерду*, почитаемому ими за святаго. Гальердъ—это духъ, въ честь котораго посвящены многія церкви и часовни, оставшіяся отъ бывшаго нѣкогда въ этихъ земляхъ христіанства, или въ честь котораго построены новыя капища и жертвенники. Жертвоприношенія ихъ этому святому состоятъ изъ произведеній незатѣйливаго ихъ хозяйства, и преимущественно изъ вновь отлитыхъ пуль, которыя и складываются въ капищѣ. Передъ жертвоприношеніемъ зажигаются восковыя свѣчи, а послѣ того пируютъ и веселятся.

Кистины, 5-го іюля, собираются на гору Матхохъ, на вершинѣ которой находится три памятника, обращенные фасадомъ на востокъ и называемые туземцами церквами. Въ одномъ изъ нихъ они совершаютъ празднества въ честь св. Георгія, въ другомъ Божіей Матери, а въ третьемъ—св. Маринѣ. Внутри строеній нѣтъ ничего, кромѣ навѣшанныхъ по стѣнамъ и наваленныхъ на полу, въ кучѣ и безпорядкѣ, турьихъ, бараньихъ и оленьихъ роговъ, нѣсколькихъ значковъ и стакановъ, принесенныхъ въ жертву. Мѣста эти глубоко уважаются окрестными жителями, собирающимися на праздникъ изъ отдаленныхъ селеній. Празднество сопровождается жертвоприношеніями, играми, пѣснями, плясками и продолжается часто нѣсколько дней.

Въ деревнѣ Хули, кистинскаго племени, существуетъ пещера, около которой въ скалѣ вдѣланъ желѣзный крестъ. Пещера эта, точно также какъ и находящаяся въ томъ же аулѣ древняя церковь, посвящены памяти св. Ерды. Пещера извѣстна туземцамъ подъ именемъ *Тамычь-Ерды*, а церковь—*Зодцохъ-Ерды*; въ послѣдней и до сихъ поръ совершаются поклоненія и жертвоприношенія.

По преданію, лѣтъ четыреста тому назадъ, Ерда Дударовъ, предокъ нынѣ существующей значительной фамиліи въ Тагаурскомъ ущельѣ, построилъ церковь и назвалъ ее по кистински *Зодцохъ-Ерды*, т. е. во имя св. Ерды, пользующагося особымъ уваженіемъ между кистинами. Каждый изъ жи-

телей, предпринимая какое-нибудь дѣло и желая окончить его съ успѣхомъ, обращается съ просьбою къ этому святому; больныя просятъ его исцѣленія. Въ честь этого святаго совершаются празднества: по указанію однихъ, въ половинѣ іюня, а по словамъ другихъ въ августѣ, передъ началомъ жатвы, и въ октябрѣ.

Въ день праздника всѣ кистины, кто только почитаетъ св. Ерды, не различая ни пола, ни возраста, собираются въ хулинскую церковь. Мужчины молятся днемъ, женщины же приходятъ въ храмъ только ночью. Празднество начинается обыкновенно молитвою, произносимою каждымъ молящимся.

— Дай Господи милость свою, произноситъ онъ, и ты, св. Ерды, окажи оную, вмѣстѣ съ Матціала (св. Матвѣй, по преданію кистинъ, былъ первый почитатель церкви и установитель обряда жертвоприношенія), чтобы въ хлѣбѣ было плодородіе, въ скотѣ изобиліе, а въ дѣтяхъ счастіе. Избави ихъ отъ вражды и всякаго несчастія и несогласія, но ежели кто изъ нихъ будетъ имѣть вражду, то чтобы могъ преодолѣть оную на всегда и во всякое время.

Окончивъ молитву, пришедшіе совершаютъ жертвоприношенія, которыя состоятъ изъ разнаго рода животныхъ, при закланіи которыхъ всегда обращаются на востокъ. Затѣмъ начинается праздникъ, продолжающійся цѣлыя сутки и состоящій въ пѣсняхъ, пляскѣ, пьянствѣ и обжорствѣ.

Въ половинѣ іюня мѣсяца джерахи вмѣстѣ съ кистинами совершаютъ ежегодно праздникъ въ честь Мацели (Божіей Матери), во имя которой посвящена церковь, или лучше, часовня, находящаяся на такъ называемой Столовой горѣ, видимой изъ Владикавказа.

Отправляясь на праздникъ, жители берутъ съ собою скотъ, предназначенный на жертву, и, кромѣ того, каждый обязанъ сдѣлать приношеніе: стаканъ, колокольчикъ, значекъ и проч. Подобныя священныя мѣста всегда завалены этими приношеніями и костями жертвъ, и никто не трогаетъ ихъ изъ опасенія Божьяго гнѣва. Для отправленія праздника, выбирается одинъ изъ жрецовъ, которому поручается управлять церемоніею. Накануне праздника, онъ отдаетъ приказаніе, чтобы всѣ взрослыя дѣвушки, имѣющіяся на лицо, собрались по утру въ назначенномъ мѣстѣ. Туда же приходятъ и мужчины, желающіе принять участіе въ праздникѣ. «По сборѣ всѣхъ на мѣсто, жрецъ-церемоніймейстеръ выбираетъ самую красивую дѣвушку и предлагаетъ ей идти впередъ, а самъ слѣдуетъ за нею, держась за ея платье; примѣру жреца слѣдуютъ и другіе. Такимъ образомъ составляются пары, которыя одна за другою подымаются на гору къ священному мѣсту».

Принеся на горѣ жертву, туземцы пируютъ (1).

---

(1) Горскій участокъ Ингушевскаго округа въ 1865 г. Терс. Вѣдом. 1868 г. № 23. Экономическій и домашній бытъ жителей Горскаго участка Ингушевскаго округа Грабовскаго Сбор. Свѣд. о кавк. горцахъ вып. III.

У галгаевцевъ, близъ аула Хейры, есть старинная церковь, называемая туземцами *Каба-Ерды*, основанная, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ XII вѣкѣ. Церковь эта въ большомъ уваженіи у жителей. Два раза въ годъ, на пасху и въ троицынъ день, галгаевцы собираются къ церкви, «дѣлаютъ жертвоприношенія, бьютъ быковъ и барановъ, спрыскивая ихъ кровью стѣны и помостъ и прибивая головы жертвъ къ стѣнамъ церкви, послѣ чего бываетъ джигитовка и пиршество».

Точно такимъ-же почетомъ пользуются у этого племени часовня *Дзорахъ-деэль*, и преимущественно церковь *Тхабяй-Ерды* (1), близъ которой жители оставляютъ безъ всякаго присмотра хлѣбъ, сѣно, дрова и прочее, вполнѣ увѣренные, что никто не осмѣлится похитить отданное подъ защиту церкви. Объ этой церкви между галгаевцами ходитъ точно такой же разсказъ о человѣческихъ костяхъ, какой существуетъ у осетинъ и приведенъ нами выше. «По разсказу стариковъ, пишетъ г. Грабовскій, въ одной изъ полуразрушенныхъ келій, окружающихъ церковь, есть отверстіе (заложенное), ведущее въ подземелье, въ которомъ хранится человѣческая кость, бедро, имѣющее въ длину слишкомъ два аршина. Когда въ горахъ бываетъ засуха (рѣдкое явленіе), жители окрестныхъ ауловъ собираются къ церкви, и поручаютъ одному изъ почтенныхъ стариковъ отправиться въ названное подземелье достать оттуда кость; съ нею, сопутствуемый народомъ, выборный идетъ къ рѣкѣ Ассѣ, погружаетъ ее нѣсколько разъ въ воду и затѣмъ опять относитъ въ мѣсто хранилища ея. Туземцы увѣряютъ, что всегда, какъ они прибѣгнутъ къ этой церемоніи, дождь льетъ ливмя (2). Кромѣ этого, нѣкоторые туземцы по секрету разсказываютъ, что тамъ же, въ другомъ подземельѣ, хранятся книги и церковная утварь, но никто не вызывается указать это мѣсто, какъ и то, гдѣ хранится благодѣтельная кость».

Подобно осетинамъ, племена ингушъ, кистинъ и галгаевъ считаютъ въ году три главныхъ праздника: новый годъ, день пророка Иліи и день св. Троицы (3).

Имѣя очень много сходства въ образѣ жизни и обычаяхъ съ осетинами, племена эти не отличаются отъ послѣднихъ и по обычаямъ, совершаемымъ

---

(1) Названія *Каба-Ерды* и *Тхабяй-Ерды* не принадежатъ ли одной и той же церкви? Я не могъ отыскать необходимыхъ для этого разъясненій, но полагаю, что вся разница состоитъ въ произношеніи названія туземцами. Желательно бы было, чтобы лица, близко знакомыя съ мѣстностію и съ жизнію туземцевъ, разъяснили это.

(2) См. показанія Шегрена, приведенное на стр. 319. Любопытно было бы изслѣдовать, кто заимствовалъ этотъ расказъ: галгаевцы-ли у осетинъ или осетины у галгаевцевъ и гдѣ дѣйствительно хранятся кости.

(3) Чечня и чеченцы Ад. П. Берже. Церковь въ дер. Хули у кистовъ. Несвѣтскій Кавк. 1849 г. № 3. Религіозные обряды осетинъ, ингушъ и проч. Шегрена Кавк. 1846 г. № 27 и 30. Горскій участокъ Ингушевскаго округа въ 1865 г. Терскія вѣдомости 1868 г. № 23. Война въ Большой Чечнѣ Властова, стр. 13. Экон. и дом. бытъ и проч. Грабовскаго. Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ, выпускъ III.

во время праздниковъ, точно также какъ и самые праздники бываютъ одновременно съ осетинскими.

Остальное населенiе Чечни исповѣдуетъ, какъ выше сказано, исламъ. По правиламъ этой религiи, женщины, кромѣ самыхъ престарѣлыхъ старухъ, не допускаются въ мечеть. Причиною тому служитъ обязанность женщины молиться съ открытыми лицами, что допускается только въ присутствiи самыхъ близкихъ родственниковъ. Къ тому же, передъ молитвою, каждая женщина обязана снять съ себя шальвары, чтобы тѣмъ устранить всякое сомнѣнiе въ своей тѣлесной нечистотѣ [1].

Хотя Магометъ лично отвергалъ монашество и сказалъ, что *нѣтъ монашества въ исламизмѣ* (ля рагбанiяти фи—ль исламъ), но, не смотря на то, впослѣдствiи образовались многiе монашескiе ордена, основанные съ весьма разнообразными цѣлями и видами.

Въ числѣ ихъ появился и мюридизмъ, проповѣдующiй *тарыкатъ*, или *истинный путь* къ спасенiю.

Ученiе ислама состоитъ собственно изъ трехъ проявленiй духовной дѣятельности пророка: *шарiата*, *мюридизма* и *хакикята*.

Шарiатъ есть исключительно наставленiе или живое слово Магомета, и заключаетъ въ себѣ правила, которыми слѣдуетъ руководствоваться въ жизни каждому правовѣрному. Исполнители шарiата есть лица духовныя, которыя носятъ названiе: *улемовъ*, *кадiевъ*, *муфтiевъ* *и муллъ*. Они обязаны проповѣдывать добродѣтель, примирять враждующихъ, рѣшать возникающiе споры, судить за проступки и опредѣлять за нихъ наказанiя. Эти же лица обязаны слѣдить за чистотою религiи, заботиться о ея распространенiи и, въ отношенiи богослуженiя и исполненiя религiозныхъ постановленiй, отправлять по пятницамъ, или въ праздничные дни, установленныя молебствiя и совершать различнаго рода обряды.

Въ исторiи развитiя магометанскаго ученiя и въ ряду религiозныхъ революцiй между мусульманами играетъ весьма важную роль *мюридизмъ*, основанный собственно на трехъ началахъ, которыя называются: *да'ватъ*, *джигадъ* и *тарыкатъ*. *Да'ватъ* означаетъ собственно приглашенiе людей къ возстанiю противъ ненавистной власти и къ защитѣ законныхъ или религiозныхъ правъ мусульманъ.

Съ появленiемъ ислама и съ прiобрѣтенiемъ Магометомъ силы и власти, пророкъ посылалъ своихъ довѣренныхъ лицъ къ разнымъ сосѣдственнымъ владѣтелямъ, съ приглашенiемъ принять исламъ добровольно, по собственному желанiю. Въ случаѣ отказа, Магометъ предпринималъ *джигадъ*, что, въ техническомъ переводѣ, означаетъ *«война за вѣру»*, и принуждалъ отказавшихся силою къ тому, чего они не хотѣли принять добровольно. Впослѣдствiи многiе изъ его преемниковъ, и даже, болѣе того, «всякiй самозванецъ,

---

[1] Выдержки изъ записокъ Абдуррахмана Кавк. 1862 г. № 73.

устроивши начало своего политическаго или духовнаго поприща, посылалъ изъ числа своихъ друзей и сподвижниковъ агентовъ и миссіонеровъ, съ приглашеніемъ (съ да'ватомъ) жителей разныхъ странъ послѣдовать его ученію или подъ его знамя». Отказъ приглашаемыхъ къ исламизму вызывалъ, со стороны приглашавшихъ, распространеніе своего ученія мечемъ, т. е. при помощи *джигада*. Такимъ образомъ послѣдній есть результатъ отказа на *да'ватъ*.

Джигадъ въ рукахъ халифовъ служилъ долгое время лучшимъ орудіемъ для завоеванія различныхъ странъ и объяснялся мусульманами, какъ дѣло священное и совершенно законное. «О пророкъ! говоритъ Аллахъ словами корана Магомету; ратуй противъ невѣрныхъ и богоотступниковъ и будь жестокъ къ нимъ: ихъ жилищемъ будетъ адъ, и скверная дорога предстоитъ имъ туда.... Богъ обѣтовалъ правовѣрнымъ обоего пола сады въ раю, въ которыхъ протекаютъ вѣчные ручейки, и блаженныя жилища въ садахъ адинскихъ.... (1) По истинѣ, тѣ, которые вѣруютъ и которые оставляютъ свое отечество и воюютъ на пути Божіемъ—по истинѣ тѣ ищутъ съ надеждою милости Аллаха (2)». Такое положеніе, лежащее въ основаніи религіи, естественнымъ образомъ становилось непремѣннымъ завѣтомъ для каждаго мусульманина вести войну за вѣру, тѣмъ болѣе, что, кромѣ загробной награды, обѣщанной каждому павшему въ джигадѣ и даже участвовавшему въ немъ безъ лишенія живота, предоставлялись существенныя и матеріальныя выгоды въ настоящей жизни. По установленію Магомета, добыча, головы и имущество побѣжденныхъ, ихъ жены и дѣти, становились собственностію побѣдителей. «Голоднымъ, подданнымъ имама, пишетъ Каземъ-Бекъ, джигадъ, конечно, долженъ быть милѣе и усладительнѣе, чѣмъ охота для страстнаго охотника».

Совершенно противнымъ джигаду является ученіе *тарыката*.

Тарыкатъ, или *путь къ Богу*, служитъ какъ бы указаніемъ нравственнаго пути, по которому долженъ слѣдовать каждый правовѣрный, чтобы достигнуть блаженства. Послѣдователей этого ученія называютъ по-персидски: *иманами* (имамами) и *пирами*, а по-арабски *шейхами*, *софіями*, *муршидами* и проч. Истинные исполнители этого ученія должны искать уединенія, день и ночь молиться Богу, отличаться восторженною любовью къ Творцу, *не заботиться о суетѣ мірской, не вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла, отказаться отъ власти и ни въ какомъ случаѣ не употреблять оружія*.

Хакикятъ есть видѣніе, или вѣрованіе пророка.

Изъ всѣхъ трехъ ученій: шаріата, муридизма и хакикята, только одинъ шаріатъ обязателенъ для всѣхъ безъ исключенія мусульманъ. Тотъ, кто не

---

(1) По толкованію самого Магомета, Аднъ, есть названіе жилища Аллаха, котораго ничьи глаза не видали, ни чьи уши не слыхали.

(2) Коранъ, XI сура, 74 ст; II глава ст. 215.

повинуется шаріату и его уставамъ, тотъ не имѣетъ права носить названія правовѣрнаго, и такого человѣка ожидаютъ не блаженство въ будущемъ, не гуріи, а страшныя муки въ адскомъ огнѣ.

Тарыкату же могутъ слѣдовать только желающіе и избранные, такія лица, которыя не довольствуются обѣщаніями райскихъ наслажденій, а проникнуты глубокимъ сознаніемъ и вѣрою въ величіе Бога и убѣжденіемъ въ ничтожествѣ земной жизни.

Еще при жизни Магомета встрѣчались благочестивые люди, которые, по внутреннему влеченію или по призванію, совершенно удалялись отъ свѣта и предавались молитвѣ и самоизнуренію. Проводя дни и ночи въ пустыняхъ и пещерахъ, они питались кореньями травъ и, своими поступками, возбуждали любопытство, удивленіе, а въ нѣкоторыхъ даже и уваженіе къ подобному подвижничеству. Эти боголюбивые люди впослѣдствіи составили братство, очень похожее на христіанское монашество.

Самъ Магометъ не былъ противъ того ученія, которое нынѣ извѣстно подъ именемъ *тарыката*; онъ даже присвоивалъ его себѣ, говоря: «*тарыкатъ— это мои дѣянія*». Но пророкъ не любилъ христіанскаго монашества, и оттого только, что оно требовало безбрачія, а потому приведенныя нами слова его: что *нѣтъ монашества въ исламизмѣ*, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ того, что въ исламизмѣ нѣтъ монашества съ правилами христіанскими.

Такимъ образомъ *тарыкатъ* не есть новое ученіе, но оно явилось почти одновременно съ магометанствомъ или, по крайней мѣрѣ, застало въ живыхъ главу исламизма—самого пророка Магомета.

Желающій слѣдовать ученію тарыката долженъ отречься отъ міра и предаться созерцанію истиннаго Бога. Для достиженія этой цѣли, онъ долженъ обратиться къ опытному наставнику, который могъ бы сообщить ему всѣ таинства и условія, для достиженія самой высшей степени нравственнаго совершенства.

Тотъ, кто учитъ тарыкату, называется *муршидъ* (указующій путь желающимъ), а тотъ кто учится или слѣдуетъ ученію муршида—называется *муридомъ* (ищущимъ, желающимъ истины). Основаніе этого ученія, приведенное въ систему, и составляетъ часть того, что называютъ *мюридизмомъ*.

Каждый желающій отречься отъ міра приготовляетъ себя къ тому молитвою, потомъ приходитъ къ *муршиду* и проситъ принять его въ ученики. Они отправляются оба въ особую комнату, и преклоняютъ колѣна на коврѣ, не запятнанномъ прикосновеніемъ ничего нечистаго. Муршидъ читаетъ молитву, основою которой служатъ опредѣленныя тѣлодвиженія и произношеніе нѣкоторыхъ словъ корана; затѣмъ, посадивъ пришедшаго передъ собой, муршидъ беретъ его за руки и предлагаетъ отречься отъ прежнихъ грѣховъ и воздержаться отъ будущихъ. Муршидъ называетъ при этомъ имена всѣхъ угодниковъ и святыхъ, которые послѣ Магомета устно передавали откровеніе и созерцаніе, и этимъ духовно связавъ своего ученика съ мединскимъ про-

рокомъ, проситъ его углубиться въ себя такъ, чтобы въ мысляхъ его ничего не оставалось, кромѣ мысли о Богѣ, а въ памяти и воображеніи постоянно произносилось слово *Алла!*—Это первая степень ученія, такъ сказать нравственнаго духовнаго воспитанія и очищенія, въ которомъ оба лица, учитель и ученикъ, просиживаютъ нѣсколько времени. Ученикъ получаетъ довольно странное названіе *Адаміюль Машрябъ* (походящій нравомъ на Адама), которое и возлагаетъ на него обязанность, въ продолженіе 120 дней, ежедневно приходить къ своему учителю для созерцаній. Затѣмъ ученикъ проходитъ еще четыре степени очищенія, употребляя для каждой по 40 дней, и тогда онъ походитъ нравомъ, постепенно, на пророковъ-законодателей: Адама, Авраама, Моисея, Іисуса и Магомета.

По мнѣнію мусульманъ, не всѣ пророки въ равной степени содѣйствовали образованію человѣчества. Только пять изъ нихъ, имена которыхъ мы только что привели, могутъ быть названы истинными представителями различныхъ степеней развитія человѣчества: первые четверо прошедшихъ и современныхъ имъ, а послѣдній прошедшаго и будущаго. По этому для нравственнаго воспитанія мурида и необходимо пройти всѣ эти пять степеней.

Когда все это пройдено, тогда слѣдуютъ пріемы созерцаній. «Муршидъ приказываетъ мюриду затаить дыханіе въ нижней части желудка и, произнося тамъ мысленно слово *ля*, возводить постепенно дыханіе, съ удержаніемъ окончательнаго звука *я* произнесеннаго слова, до вершины головы, откуда, направивъ дыханіе въ правое плечо, произнести тамъ *илляхи*, и оттуда, сосредоточивъ его въ сердцѣ, произнести этимъ органомъ окончательныя два слова символа *иль-Алла*. Процессъ этотъ повторяется до 21 раза. Непосредственно послѣ перевода дыханія онъ произноситъ языкомъ славословіе: *Мухаммедъ пророкъ Бога, да будетъ надъ нимъ и надъ потомками его милость всевышняго Бога и поклоненіе»* и присовокупляетъ слова: *о Боже! ты желаніе мое и довольство мое»*. Затѣмъ опять приступаетъ къ затаиванію дыханія и долженъ, въ теченіе сутокъ, повторить это дѣйствіе до 500 разъ. Въ этомъ-то собственно и заключается посвященіе въ таинство тарыката.

Названіе *муршида* и *мурида* впервые явилось среди отшельниковъ и послѣдователей тарыката. На мусульманскомъ востокѣ имена муридовъ носило первоначально только монашеское сословіе, но впослѣдствіи явились и частные муриды, число которыхъ постепенно увеличивалось. Люди, достигнувъ болѣе или менѣе высокаго знанія тарыката и не принадлежа ни къ какому монашескому ордену, имѣли своихъ послѣдователей или учениковъ, называвшихся также муридами и не имѣвшихъ никакой другой цѣли, кромѣ *преданности своему духовному воспитателю*.

Съ такимъ миролюбивымъ направленіемъ, тарыкатъ, и вообще мюридизмъ, появился и въ Дагестанѣ. Существуя здѣсь номинально, онъ не имѣлъ никакого политическаго характера, до тѣхъ поръ, пока не явились люди, соединившіе въ себѣ духовную власть по шаріату и тарыкатъ, рѣшившіеся дѣй-

ствовать при помощи фанатизма на своихъ учениковъ или муридовъ и посылавшіе къ нимъ *да'ватъ* или приглашеніе на *джигадъ*.

Положивъ въ основаніе своей проповѣди исключительно политическую цѣль, *войну за вѣру*, предводители горцевъ, поднявшіе знамя возстанія, для бóльшаго успѣха старались дѣйствовать на народъ при посредствѣ религіознаго суевѣрія. Сохранивъ названіе *муридизма* и продолжая называть послѣдователей своего ученія *муридами*, они стали проповѣдывать, что для чистоты религіи необходимъ *газаватъ* (священная война) противъ поработителей вѣры, что за потери и лишенія, испытанныя въ здѣшней конечной жизни (дунья), правовѣрныхъ ожидаютъ наслажденія и блаженство въ будущей (ахиратъ).

Такія проповѣди и послѣдующія событія совершенно извратили ученіе о муридизмѣ въ Дагестанѣ, и оно явилось тамъ въ новомъ своеобразномъ видѣ. Предоставляя себѣ право изложить въ историческомъ трудѣ постепенное развитіе тѣхъ началъ, на которыхъ существовалъ догестантскій муридизмъ, я остановлюсь здѣсь только на характерѣ и особенностяхъ его послѣдователей и на ихъ дѣятельности, вызываемой борьбою съ русскими.

Истинные фанатики Чечни и Дагестана, или такъ называемые мюриды, никогда не разстаются съ религіозными атрибутами, сохраненіе которыхъ на себѣ считаютъ дѣломъ праведнымъ и угоднымъ Богу.

Такими принадлежностями у мусульманъ считаются: чалма на головѣ или тюрбанъ (амамедъ), зубочистка (сивакъ), родъ нашей бритвенной кисти, съ лошадиными волосами, оправленными въ ручку или изъ дерева *аракъ*, растущаго въ Аравіи, или въ косточку отъ гусиной ножки, и наконецъ серебряное или мѣдное кольцо, носимое на мизинцѣ правой руки. По понятіямъ такихъ лицъ, совершеніе одного намаза (молитвы) въ чалмѣ равняется 25 намазамъ безъ нея, а съ употребленіемъ въ дѣло зубочистки и кольца шестидесяти намазамъ.

Пріобрѣтеніе кольцомъ столь большаго почета основано на легендѣ, существующей у мусульманъ. Однажды въ Египтѣ (Миссири) во время молитвы Магомета въ полѣ, приползла къ нему змѣя, преслѣдуемая кошкою, и стала умолять пророка спасти ее за пазухою отъ угрожавшей опасности. Пророкъ исполнилъ ея просьбу, но змѣя, не считая себя безопасною за пазухою Магомета, просила его снова скрыть ее въ своихъ внутренностяхъ, на самое короткое время.

Пророкъ открылъ свой ротъ и змѣя изчезла. Преслѣдовавшая змѣю кошка, увидѣвъ себя лишенною добычи, удалилась въ кусты; тогда пророкъ предложилъ змѣѣ выйти изъ даннаго ей убѣжища. Змѣя за гостепріимство отплатила измѣною и соглашалась выйти на свѣтъ только тогда, когда великій человѣкъ дастъ ей полакомиться однимъ изъ любимѣйшихъ членовъ своего тѣла. Магометъ подалъ ей на съѣденіе мизинецъ правой руки. Змѣя, высунувъ свою голову и половину туловища изо рта пророка, впилась въ его мизинецъ, какъ вдругъ изъ за куста бросилась кошка, ухватила змѣю своими

лапами и, вытащивъ ее на землю, уничтожила. Въ изъявленіе благодарности пророкъ погладилъ своею рукою кошку, отчего та получила способность никогда не падать съ высоты на спину, а всегда на ноги, а израненый свой палецъ украсилъ колечкомъ, которое и не снималъ до самой своей смерти. Оттого и мусульмане ношеніе подобнаго колечка считаютъ дѣломъ священнымъ.

Отличительныя качества дагестанскаго мурида есть ханжество, хитрость, притворство и шарлатанство. Мурида легко отличить отъ прочихъ мусульманъ по слѣдующимъ признакамъ: муридъ не пропуститъ ни одного намаза и сдѣлаетъ ихъ больше, чѣмъ положено; носитъ карманные часы, преимущественно мѣдные; никогда не разстается съ четками, зубочисткою и колечкомъ; если не находится въ присутствіи христіанина, то надѣваетъ для молитвы чалму; въ присутствіи гяура всегда шепчетъ молитву; боится табачнаго дыма; избѣгаетъ присутствія и встрѣчи съ христіанскими женщинами, а своихъ женъ держитъ взаперти и подъ покрываломъ; не пьетъ чаю съ сахаромъ, не носитъ золотыхъ вещей, не надѣваетъ европейскаго платья; краситъ бороду только тогда, когда предстоитъ случай бить христіанъ. Въ установленное время для намазовъ, своимъ крикомъ призываетъ правовѣрныхъ къ молитвѣ и проч.

«Мурида, приходящаго къ учителю, говоритъ Ханыковъ, спрашиваютъ только о знаніи закона и о рѣшимости его отречься отъ грѣховъ, а далѣе онъ возвышается единственно по мѣрѣ его развитія нравственныхъ совершенствъ: слѣдовательно, ни умъ, въ свѣтскомъ значеніи этого слова, ни богатство, ни рожденіе, не имѣютъ никакого значенія у послѣдователей тарыката, такъ что простолюдинъ, очистившій сердце свое постомъ и молитвою и достигшій послѣднихъ степеней нравственнаго образованія, стоитъ несравненно выше одареннаго всѣми благами вельможи, который, признавъ ихъ ничтожество, прибѣгаетъ къ муршиду съ просьбою о наставленіи въ тарыкатѣ... Гораздо важнѣе, по послѣдствіямъ своимъ, другое коренное правило муридизма — это привязанность учениковъ къ учителю, которая должна быть такъ сильна, что они обязаны не только исполнять волю муршида, но даже стараться предупреждать его желанія, прежде чѣмъ онъ выскажетъ ихъ, понимая потаенные помыслы его искренно любящимъ сердцемъ».

Такимъ образомъ, въ основаніи муридизма лежатъ два важныя условія: одно чисто демократическое, дозволяющее людямъ хитрымъ, ловкимъ и весьма часто руководимымъ единственно лишь своекорыстными видами, возвышаться до важныхъ степеней силы и значенія; другое же даетъ средство умнымъ и властолюбивымъ муршидамъ руководить массою своихъ учениковъ-муридовъ и направлять ихъ дѣйствія къ достиженію своихъ личныхъ цѣлей и стремленій.

Послѣдняго тѣмъ легче достигнуть, что въ основаніи муридизма лежитъ неразрывная духовная связь между муршидомъ (учителемъ) и муридомъ (ученикомъ). Связь эта на столько сильна, что воля перваго составляетъ законъ

для втораго. Въ этомъ то отношеніи распространеніе мюридизма на Кавказѣ и было опасно для насъ, потому что муршидъ соединялъ всѣхъ мюридовъ въ одно общество, возбуждалъ ихъ на разные подвиги для чистоты религіи, и преимущественно на войну противъ враговъ исламизма.

Истинный мюридъ долженъ быть грамотный, знать и другія священныя книги, но у Шамиля большая часть мюридовъ были неграмотны. Всѣ мюриды имѣли особую чалму, не курили, не пили водки и вина, но, воюя съ русскими, они не имѣли времени строго соблюдать ученіе, а оттого являлись не монашествующимъ орденомъ или сектою, а толпою вольницы, дѣйствовавшей по указанію предводителя.

Такимъ образомъ мюридизмъ, со времени возстанія въ Дагестанѣ, получилъ исключительно политическое направленіе, согласное съ видами предводителей этого возстанія. Явилось два сорта послѣдователей мюридизма, совершенно противоположныхъ по духу и дѣятельности, изъ которыхъ однихъ можно назвать *мюридами по тарыкату*, а другихъ—*наибскими мюридами*. Первые посвящали свою жизнь исключительно изученію тарыката, разрывали всѣ свои связи съ внѣшнимъ міромъ, удалялись отъ всего, что могло имъ напоминать житейскую суету, и въ особенности избѣгали всякихъ непріязненныхъ дѣйствій, а слѣдовательно и войны.

Вторые же, или наибскіе мюриды, были слѣпыми исполнителями воли начальства. Званіе наибскаго мюрида могъ получить только тотъ, кто былъ лично извѣстенъ наибу или тому обществу, къ которому принадлежалъ мюридъ. Отъ такого мюрида не требовалось ни особенной религіозности, ни глубокаго познанія книжной мудрости; достаточно было того, если они плохо разбирали коранъ; но за то требовалось твердое убѣжденіе въ необходимости священной войны, или газавата, отсутствіе физическихъ пороковъ и недостатковъ, которые бы могли ему препятствовать владѣть оружіемъ, и болѣе всего строгое повиновеніе своему наибу, «какъ бы ни были безчеловѣчны и нелѣпы его приказанія».

Все, что необходимо было для существованія и участія въ войнѣ, какъ-то: лошадь, оружіе, одежду, если онъ въ ней нуждался, мюридъ получалъ отъ наиба; часто и все его семейство находилось на наибскомъ содержаніи. «Такія условія, пишетъ А. Руновскій со словъ Шамиля, служили вѣрною приманкой для людей, которымъ нечего было ѣсть или нечего было терять. Впрочемъ и богатые люди шли въ мюриды, и чуть ли еще не съ большею охотой, увлекаемые честолюбіемъ: служба мюридовъ считалась самою почетною въ краѣ, и мюриды, особенно состоявшіе лично при Шамилѣ, если не пользовались особенною любовью, то однимъ видомъ своимъ внушали страхъ всякому».

Имѣя во главѣ политическую цѣль, Шамиль успѣлъ достигнуть того, что мюриды присягали на коранѣ: забыть узы родства, не щадить своихъ близкихъ родственниковъ, а свято и безпрекословно исполнять волю повелителя.

Мюриды были единственною поддержкою Шамиля; черезъ нихъ онъ уничтожалъ вредныхъ для себя людей тѣмъ болѣе легко и удобно, что муридъ, убившій кого-либо, не имѣлъ *канлы* (кровомщенія). Онъ былъ подъ защитою Шамиля и въ полной его зависимости, а слѣдовательно въ такой же зависимости было и все его семейство ([1]). Въ лицѣ своихъ мюридовъ, Шамиль имѣлъ подъ рукою у себя и у ближайшихъ своихъ помощниковъ людей совершенно преданныхъ, всегда готовыхъ къ безотлагательному исполненію мѣръ, требуемыхъ тогдашнимъ исключительнымъ положеніемъ страны и разнообразіемъ ея населенія.

Изъ всего сказаннаго видно, что ученіе мюридизма въ Дагестанѣ приняло совершенно противоположное направленіе, чѣмъ въ остальномъ мусульманскомъ мірѣ. Тамъ послѣдователь мюридизма избѣгалъ войны и заявлялъ свое отвращеніе отъ всякаго сорта бранныхъ тревогъ, а въ Дагестанѣ, напротивъ, война была священнымъ долгомъ каждаго наибскаго мюрида и исключительнымъ его занятіемъ.

Оттого-то истинные послѣдователи тарыката не пользовались въ Дагестанѣ особою популярностію. Правда, ихъ уважали какъ людей, ведущихъ богоугодную жизнь, какъ ученыхъ, постигшихъ сферу религіозныхъ истинъ, но считали ихъ людьми совершенно безполезными, лѣнтяями и отчасти трусами.

Истинное ученіе тарыката прямо противорѣчило воинственнымъ наклонностямъ независимаго дагестанскаго народа, и въ особенности его предводителей, а потому послѣдніе смотрѣли недоброжелательно на проповѣдниковъ тарыката, какъ на личныхъ своихъ враговъ и людей, отвлекающихъ отъ ихъ воинственныхъ знаменъ цѣлыя сотни способныхъ людей.

Отсутствіе грамотности и знаній дѣлало народъ слѣпымъ орудіемъ проповѣдниковъ религіи, которые успѣли развить въ мюридахъ религіозный фанатизмъ, появляющійся всегда тамъ, гдѣ люди не имѣютъ точнаго и опредѣленнаго понятія о своей религіи.

Чтобы поднять еще болѣе мюридизмъ въ глазахъ народа, Шамиль установилъ особыя правила, по которымъ весь народъ носилъ чалмы, какъ символъ мюридизма: муллы носили зеленыя чалмы; наибы, управлявшіе обществами — желтыя; сотенные начальники — пестрыя; чауши (глашатаи) — красныя; гаджи, или лица, бывшія въ Меккѣ — коричневыя; палачи и фискалы — черныя, а всѣ остальные жители — бѣлыя.

Съ покореніемъ Чечни и Дагестана, русское правительство разрѣшило носить чалмы только тѣмъ, кто былъ въ Меккѣ.

Эти наружные признаки, служившіе, такъ сказать, вывѣскою степени ре-

---

([1]) Мюридизмъ и Шамиль. Мирзы Александра Каземъ-бека. Русское слово 1859 г. № 12. О мюридахъ и мюридизмѣ Ханыкова Кавказъ 1849 г. № 15. Мюридизмъ и газаватъ въ Дагестанѣ А. Руновскій Русскій Вѣст. 1862 г. № 12. Дагестанъ, его нравы и обычаи П. Пржецлавскаго Вѣст. Европы 1867 г. томъ III. Кольцо, какъ атрибутъ фанатизма мусульманъ Пав. Пржецлавскій Кавк. 1862 г. № 93.

лигіозности каждаго изъ подвластныхъ Шамиля, не дѣлали ихъ, по убѣжденію, истинными мусульманами. Какъ чеченцы, такъ и жители Дагестана, о которыхъ сказано ниже, ученіе пророка и слова корана далеко не соблюдали во всей точности. Только самые ярые мюриды строго держались внѣшней и обрядовой стороны ученія; остальное населеніе даже и въ этомъ не слѣдовало ихъ примѣру. Само чеченское духовенство готово было толковать коранъ и вкривь, и вкось. Если мулла видѣлъ легкій способъ поживиться на счетъ суевѣрія его духовнаго сына, то онъ считалъ возможнымъ такія вещи, которыя вчера признавалъ святотатственными, или, по крайней мѣрѣ, противными дѣйствію истиннаго мусульманина.

Мусульманскому духовенству, по смыслу самаго корана, предоставлено не только высокое значеніе и почетное мѣсто въ обществѣ, но даже и власть гражданская, дающая имъ средство имѣть большое значеніе въ общественномъ управленіи.

Верховный правитель многихъ мусульманскихъ народовъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и глава духовенства. По завѣщанію Магомета, судъ и расправа между правовѣрными должны производиться по шаріату, т. е. согласно тѣхъ правилъ и постановленій, которыя изложены въ коранѣ, на всевозможные случаи преступленій. Толкователемъ этихъ постановленій было духовенство, производившее часто разбирательство и постановлявшее приговоръ. Отсюда и происходило то значеніе и важность, которымъ пользовалось и пользуется вездѣ магометанское духовенство, стоящее, по своему образованію, выше всѣхъ классовъ народа. Это послѣднее преимущество даетъ ему могущественное средство управлять произвольно умами легкомысленныхъ мусульманъ, привыкшихъ во всѣхъ случаяхъ жизни покоряться умственному превосходству. Такое значеніе духовенство пріобрѣло въ Турціи, Персіи, въ нашихъ закавказскихъ ханствахъ и даже въ Дагестанѣ. Изъ всѣхъ мусульманскихъ земель, въ одной Чечнѣ духовенство никогда не пользовалось такимъ высокимъ значеніемъ.

Въ Чечнѣ-же, гдѣ жители были всегда плохими мусульманами, гдѣ не существовало никакого единства, ни порядка, и гдѣ, въ особенности до Шамиля, ружье и шашка рѣшали почти всѣ дѣла, духовенство не имѣло особеннаго значенія. Судъ по шаріату, какъ слишкомъ строгій по нравамъ чеченцевъ, употреблялся ими только въ рѣдкихъ случаяхъ.

Въ подобномъ обществѣ власть духовенства, не основанная на уваженіи къ религіи и на нѣкоторомъ гражданскомъ порядкѣ, не могла найти способной почвы для своего укорененія, а не поддержанное, къ тому же, чувствомъ собственнаго достоинства, оно пришло въ упадокъ и безсиліе. Оттого, до появленія Шамиля, духовенство въ Чечнѣ было бѣдно и невѣжественно до такой степени, что во всей Чечнѣ не было ни одного ученаго, и молодые люди, желавшіе пріобрѣсти какое-либо знаніе или даже только изучить арабскій языкъ, на столько, чтобы умѣть прочесть коранъ, должны были отправляться съ этою цѣлію въ Чиркей, Акушу или въ Казикумухъ. Все пре-

имущество чеченскаго духовенства надъ прихожанами заключалось въ посредственномъ знанiи грамоты, которая дѣлала ихъ необходимыми для многихъ нуждавшихся въ составленiи разныхъ письменныхъ актовъ. Эта необходимость и давала имъ еще нѣкоторое значенiе въ народѣ. При поступленiи въ духовное званiе не требовалось никакого обряда, а требовалось только одно знанiе грамоты. Церковное богослуженiе магометанской религiи не требуетъ никакой подготовки; оно состоитъ въ дневныхъ молитвахъ, извѣстныхъ почти каждому.

Недостатокъ и въ этомъ скудномъ образованiи былъ причиною того, что у многихъ племенъ нагорныхъ чеченцевъ почти всѣ муллы были пришельцы. Каждый аулъ выбиралъ себѣ кого-нибудь изъ грамотныхъ и признавалъ его своимъ муллою. Изъ среды нѣсколькихъ муллъ выбирались *кадiи*. «Званiе это, говоритъ Ад. П. Берже, не совмѣщало въ себѣ какой-либо высшей степени въ духовной iерархiи, и не предоставляло ему никакой власти надъ прочими муллами. Кадiй былъ ни что иное, какъ довѣренное духовное лицо, которому предоставлялось, передъ прочими муллами, исключительное право разбирательства по шарiату, случающихся въ его околодкѣ тяжебъ, составленiе письменныхъ актовъ и вообще всѣ гражданскiя дѣла, въ которыхъ допускалось вмѣшательство духовенства. Впрочемъ, кадiевъ въ Чечнѣ было немного, потому что избранiе ихъ требовало отъ жителей единства, которое трудно было установить между ними».

Изъ этого видно, что кругъ дѣятельности чеченскаго духовенства былъ крайне ограниченъ. Не получая никакихъ особенныхъ доходовъ съ прихожанъ, а имѣя за то большой запасъ свободнаго времени, духовенство посвящало его торговлѣ и хлѣбопашеству. Въ Чечнѣ каждый мулла получалъ, по примѣру своихъ прихожанъ, опредѣленный участокъ земли, которымъ и кормился.

Съ водворенiемъ въ Чечнѣ власти Шамиля, послѣднiй хотя и значительно поднялъ духовенство въ глазахъ народа, но все-таки не на столько, чтобы поставить его первенствующимъ.

Муллы въ Чечнѣ по прежнему уважались весьма мало. Они сами не столько заботились о распространенiи истинъ магометанскаго ученiя и чистоты религiи, сколько хлопотали о поддержанiи суевѣрiя въ народѣ. Къ нимъ прибѣгали за помощью, чаще тогда, когда нужно было написать какой-нибудь талисманъ, приворожить къ себѣ возлюбленную или возлюбленнаго.

Спросите въ аулѣ: кто приворожилъ дѣвушку Ану къ Хойдѣ?

— Мулла Есенмурза, отвѣтитъ вамъ чеченецъ.

Про муллу этого говорятъ, что онъ хотя не *алимъ*—не ученый, но большой кудесникъ, дѣлаетъ чудеса и не даромъ *абдалъ*—юродивый.

Про него ходятъ въ аулѣ слухи, что онъ научилъ отвергнутаго жениха отмстить сопернику такъ, что изъ свадьбы пути не вышло, и что онъ одаренъ даромъ предсказанiй, за которыми къ нему часто обращаются всѣ нуждающiеся и желающiе узнать свое будущее.

Получая за это приношеніе или подарокъ, изъ нѣсколькихъ барановъ, муллы не отказывались отъ исполненія такихъ просьбъ и вообще старались поддержать религіозное суевѣріе въ народѣ, увѣряя его, что коранъ открываетъ имъ все темное и скрытное.

Случалась-ли засуха, жители спѣшили къ муллѣ, и просили его отыскать въ книгѣ такой день, въ который можетъ быть назначена церемонія для добыванія дождя.

Дѣйствительно, давно уже стоятъ жаркіе дни; сухая мгла скрываетъ отъ глазъ плоскость и горы, трава выгорѣла, а надъ землею колеблется раскаленный воздухъ.

Листья кукурузы завяли и опустились; множество мышей, вызванныхъ засухою, точатъ ея корни; скотъ началъ болѣть и падать. «Въ аулахъ по дорогамъ не было видно ни души; даже собаки забились подъ изгороди, въ тѣнь, и валялись какъ трупы». Все ждало дождя—но онъ не шелъ. Въ жаркомъ климатѣ засуха есть величайшее зло, особенно если она явится весеннею порою. Она лишаетъ тогда все живущее настоящаго и будущаго пропитанія. Въ краю, гдѣ доставка хлѣба или вовсе невозможна, или очень затруднительна, голодъ есть неминуемый наслѣдникъ неурожая. Такой народъ, какъ чеченцы, искони живутъ отъ дня до вечера, не вспоминаютъ, что было третьяго дня, и мало думаютъ, что будетъ завтра; живутъ спустя рукава, потому что безпечность лучшее ихъ наслажденіе. Но когда бѣдствіе, которое народъ считалъ за тридевять земель, вдругъ является передъ его глазами, тогда онъ начинаетъ плакаться, шумитъ и бросается изъ стороны въ сторону. Такъ было и теперь.

Жители аула нѣсколько разъ ходили къ муллѣ и просили его вымолить у неба воды. Мулла порылся передъ пришедшими въ книгахъ и глубокомысленно замѣтилъ, что слѣдуетъ подождать еще немного, пока онъ не отыщетъ для того соотвѣтствующій день. Народъ оставилъ муллу, довольный и тѣмъ, что онъ, хотя не скоро, но отыщетъ такой день и дастъ имъ дождя. Съ своей стороны мулла, отъ времени до времени, внимательно присматривался къ направленію вѣтровъ и взглядывалъ на плоскость горы, особенно съ юго-западной стороны. Въ одинъ изъ четверговъ онъ съ удовольствіемъ подмѣтилъ, «что на плоскости, надъ мглою, образовываются небольшія темныя ядра: изъ-за горъ, съ восточной стороны, показываются и исчезаютъ бѣлыя облака, а главное изъ-за горъ, съ юго-западной стороны, отъ времени до времени, прорывается свѣжій вѣтерокъ; это *яльчимохъ*—дождевой вѣтеръ».

Вечеромъ, послѣ молитвы, по обыкновенію, кучка хозяевъ сидѣла подлѣ мечети; среди ихъ былъ и мулла, глубокомысленно водившій палкою по песку. Разговоръ шелъ о необходимости дождя.

Мулла говорилъ, что засуха есть слѣдствіе гнѣва Божія; что народъ опоганился: куритъ табакъ, пьетъ вино и не слѣдуетъ правиламъ истиннаго мусульманства.

— Проклятіе на такихъ, говорилъ мулла, они навлекаюеъ гнѣвъ Божій... Сегодня же ночью нужно возвѣстить проклятіе, иначе нѣтъ пользы.

Собравшіеся только того и ждали.

«Разойдясь по домамъ, они приготовили ружья и, когда стемнѣло, подняли стрѣльбу, громко крича проклятіе тѣмъ, кто свертываетъ папиросы изъ кукурузнаго листа, пьетъ водку и принимаетъ ложную присягу. Сотни выстрѣловъ раздавались въ теченіе получаса. Казалось, въ аулѣ идетъ самый одушевленный бой. Наконецъ все успокоилось, и аулъ заснулъ».

Мулла посмотрѣлъ на небо, обвелъ его кругомъ глазами, обратилъ особое вниманіе на юго-западъ и, совершенно довольный, отправился въ свою саклю.

На слѣдующій день онъ пригласилъ народъ на *испрошеніе дождя.*

Мужчины, женщины и дѣти, большіе и малые толпами спѣшили къ рѣкѣ. Женщины несли хлѣбъ, мужчины котлы и посуду, а нѣкоторые гнали быковъ, предназначенныхъ на жертву. Мулла, собравъ возлѣ себя кружокъ грамотныхъ, напѣвалъ съ ними молитву, а молодые собирали камни, которые складывали въ кучу подлѣ поющихъ. Послѣдніе брали вмѣстѣ съ муллою камешки, читали надъ ними таинственныя слова и, поплевавъ немного на каждый изъ нихъ, откладывали въ сторону. Нѣсколько человѣкъ изъ собравшейся толпы отсчитывали оплеванные камни и передавали молодежи, которая бросала ихъ въ рѣку или зарывала въ землю. Такое занятіе продолжалось нѣсколько часовъ и кончилось только тогда, когда было насчитано 70 тысячъ такихъ камней—роковое число, безъ котораго нельзя вымолить дождя.

Въ это же самое время мальчики бросались въ воду не раздѣтые и получали за то подарки.

Набросавъ въ рѣку 70 тысячъ камней, зарѣзавъ быковъ, собравшіеся наварили мяса, наѣлись, напились и отправились въ аулъ.

На слѣдующее утро, въ субботу, многіе изъ хозяевъ увѣряли, что ночью шелъ дождь, впрочемъ небольшой. «Какъ бы то не было, но съ юго-запада надвинулись черныя тучи и стали слышны глухіе раскаты грома; къ вечеру заволокло все небо, а въ ночь съ субботы на воскресенье хлынулъ проливной дождь (¹).

Зелень сдѣлась ярче, кукуруза выпрямилась и находчивый аульный мулла торжествовалъ....

Самъ Шамиль прибѣгалъ нерѣдко къ подобному шарлатанству, распространяя въ народѣ слухъ о томъ, что имѣетъ непосредственное сношеніе съ Магометомъ, будто бы являющимся къ нему въ видѣ голубя и другихъ различныхъ видахъ.

(¹) Чечня и чеченцы Ад. П. Берже. Изъ Нагорнаго округа П. Пѣтухова, Кавказъ 1866 г. № 65.

Для пріобрѣтенія себѣ большей силы и популярности, онъ старался дѣйствовать на суевѣріе и фанатизмъ народа, старался показать, что онъ избранникъ Божій и, такъ сказать, наслѣдникъ пророка. Магометъ началъ свое поприще бѣгствомъ изъ Мекки въ Медину; это бѣгство называется *гиджретъ* или *гиджра*, и отъ него начинается лѣтоисчисленіе мусульманъ. Шамиль назвалъ также гиджретъ свое переселеніе изъ Гимрэ въ Ашильту и считаетъ съ этого времени начало своего имамства, не смотря на то, что, послѣ смерти Кази-мулы, былъ до Шамиля еще имамъ Гамзатъ-бекъ. Магометъ всѣхъ спутниковъ его бѣгства назвалъ *мугаджиретъ*; Шамиль точно также назвалъ этимъ именемъ всѣхъ бѣжавшихъ съ нимъ изъ Гимерэ въ Ашильту, и, кромѣ того, всѣхъ тѣхъ мусульманъ, которые, бѣжавъ отъ невѣрныхъ, искали его защиты и покровительства. Жителей Медины, у которыхъ скрылся Магометъ и которые его приняли, пророкъ назвалъ почетнымъ именемъ *ансаръ* (помощники, сподвижники). Шамиль точно также назвалъ этимъ именемъ жителей селенія Ашильты, пріютившихъ его.

«Всѣ эти и подобныя тонкости, говоритъ Каземъ-бекъ, придавали Шамилю высокое значеніе въ глазахъ его подданныхъ; въ особенности онъ пользовался уваженіемъ различныхъ легковѣрныхъ обществъ Дагестана, которыя смотрѣли на него какъ на намѣстника пророка.

«Мохаммедъ диктовалъ свой коранъ отрывками, которые писались на лоскуткахъ кожи и коры древесной. Шамиль передавалъ свою волю мюридамъ и наибамъ, на самыхъ маленькихъ лоскуткахъ бумаги. Я никогда не видѣлъ, чтобы его письма имѣли болѣе трехъ вершковъ длины и двухъ вершковъ ширины. Это также была одна изъ утонченностей въ подражаніе пророку, которымъ Шамиль привлекалъ къ себѣ народъ».

Въ важныхъ случаяхъ, когда необходима была крутая или рѣшительная мѣра, Шамиль прибѣгалъ къ такъ называемому *хальвату*. Уединившись на продолжительный срокъ, онъ постился, по видимому до совершеннаго истощенія, и потомъ, собравъ къ себѣ отовсюду муллъ и кадіевъ, сообщалъ имъ торжественно, что къ нему явился самъ пророкъ, въ какомъ-нибудь приличномъ обстоятельству видѣ, объявилъ важное откровеніе, и благословилъ на такое-то предпріятіе. Затѣмъ имамъ выходилъ къ толпѣ народа, съ нетерпѣніемъ ожидавшей разъясненія загадочнаго его поведенія, и уже ей на прямикъ объявлялъ волю Магомета. Случалось также и то, что, для большаго убѣжденія народа въ непогрѣшимости своихъ дѣйствій, онъ подсылалъ какого-нибудь отшельника, извѣстнаго своею строгою жизнію, который съ его словъ проповѣдывалъ народу о суетѣ мірской, о наслажденіяхъ ожидающихъ правовѣрныхъ въ раѣ Магомета, о прелестныхъ гуріяхъ, и такими проповѣдями склонявшаго толпу на предпріятія и поступки, согласные съ видами Шамиля. Подготовляя такимъ образомъ своихъ подвластныхъ, имамъ объявлялъ имъ свои намѣренія, будто бы внушенныя ему самимъ Богомъ, и почти всегда достигалъ своей цѣли.

Суевѣрный народъ, при стараніи духовенства, вѣрилъ этимъ росказнямъ и считалъ Шамиля едва-ли не святымъ, такъ что между жителями Ведено былъ даже обычай, въ важныхъ случаяхъ, клясться именемъ имама. На сколько сильно было развито религіозное суевѣріе и легковѣріе между чеченцами, и до какой степени они вѣрили въ святость Шамиля, видно изъ слѣдующаго поступка имама.

Въ 1843 году, жители Большой и Малой Чечни, сильно тѣснимые русскими войсками, пришли въ крайнее раззореніе. Сознавая свое безъисходное положеніе и безсиліе въ сопротивленіи съ непріятелемъ и не видя подкрѣпленія со стороны аварскихъ (лезгинскихъ) обществъ, чеченцы рѣшились заявить Шамилю свою просьбу о помощи и просить его прислать имъ такое число войскъ, пѣшихъ и конныхъ, съ которыми бы они могли не только отразить непріятеля, но и выгнать русскихъ изъ Чечни; или же, въ противномъ случаѣ, дозволить имъ покориться русскому правительству, бороться съ которымъ они чувствуютъ себя не въ силахъ.

Долго, конечно, не было охотниковъ отправиться къ Шамилю съ подобнымъ порученіемъ народа. Вызваться на столь опасное предпріятіе значило рисковать если не головою, то, по крайней мѣрѣ, носомъ, ушами, глазами или явиться среди семейства съ зашитымъ ртомъ. Общее благо требовало однако же частной жертвы, и чеченцы рѣшили избрать и отправить депутатовъ по жребію, который палъ на четырехъ человѣкъ изъ деревни Гуной. Всякая выказанная трусость въ глазахъ чеченца есть такое дѣйствіе, которое достойно преслѣдованія и общаго презрѣнія. Для труса нѣтъ жизни среди его соплеменниковъ. Эта черта народнаго характера и была единственнымъ побужденіемъ къ сохраненію наружнаго спокойствія депутатами, не высказавшими по видимому страха къ неизбѣжной опасности и отправившимися въ Дарго съ челобитною отъ имени чеченскаго народа. Дорогою, сообразивъ свое положеніе и зная, что передъ Шамилемъ никто не можетъ не только произнести слово, но и подумать о покорности гяурамъ, депутаты придумывали способъ, какъ бы избѣгнуть отъ гнѣва и преслѣдованій имама. Старшій изъ депутатовъ, чеченецъ Тепи, предложилъ остальнымъ своимъ товарищамъ обратиться прежде всего къ Ханумъ—матери Шамиля, и просить ея ходатайства у сына. Не принимая ни чьихъ совѣтовъ, Шамиль исполнялъ всѣ желанія и просьбы матери, какъ завѣтъ священнаго корана. По ея просьбамъ, сынъ часто прощалъ приговоренныхъ къ смерти, возвращалъ имѣнія ограбленнымъ, и каждый день толпа народа окружала саклю старушки, славившейся своею добродѣтелью и покровительствомъ обиженнымъ и угнетеннымъ.

Товарищи съ радостію приняли предложеніе Тепи, тѣмъ болѣе, что въ Дарго у него былъ кунакъ—Хасимъ-мулла, черезъ котораго и положено было дѣйствовать на добрую Хавумъ. Зная, что въ Дагестанѣ ни одна просьба не обходится безъ подарковъ тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ вліяніе на ея исполненіе, чеченцы снабдили своихъ депутатовъ значительною суммою.

Пріѣхавъ въ Дарго и захвативъ съ собою 300 рублей блестящею монетою, Тепи отправился къ Хасимъ-муллѣ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, пришедшій приступилъ къ дѣлу и разсказалъ о цѣли своего прихода. Мулла нахмурилъ брови и объявилъ на отрѣзъ, что мать Шамиля хотя и женщина, но отлично понимаетъ, какъ велико преступленіе и грѣхъ, затѣваемый чеченцами, которые, вопреки божественныхъ словъ корана, рѣшаются искать покровительства *гяуровъ* (невѣрныхъ).

— Нѣтъ! кричалъ запальчивый мулла, ваши чеченцы недостойны называться поклонниками великаго пророка, если они рѣшаются промѣнять вѣчное блаженство на временное успокоеніе. Нѣтъ Бога, кромѣ единаго Бога, и Магометъ пророкъ его; ихъ только должны бояться правовѣрные и на нихъ однихъ возлагать свои надежды.

— Понимаете-ли вы, продолжалъ ученый мулла, что невѣріе ваше и сомнѣніе въ милосердіе Аллаха и Магомета суть важнѣйшія причины, по которымъ Богъ допускаетъ русскихъ издѣваться надъ правовѣрными? Вы страшитесь смерти отъ руки гяура, тогда какъ она пролагаетъ вамъ самый прямой путь въ безконечное блаженство, украшенное прелестными гуріями. Предложеніе, съ какимъ вы пріѣхали къ великому законоучителю, могло бы быть простительно только однѣмъ женщинамъ; но вы не произнесете его безнаказанно передъ лицомъ Шамиля. Вы не возвратитесь болѣе къ вашимъ преступнымъ чеченцамъ, и вѣсть о позорной смерти вашей внесется въ чеченскіе предѣлы, вмѣстѣ съ заслуженнымъ наказаніемъ.

Едва мулла кончилъ свою грозную рѣчь, какъ изъ растегнутаго бешмета Тепи, какъ бы нечаянно, посыпались на коверъ, къ ногамъ Хасима, блестящія монеты.

— Мои соотечественники—сказалъ при этомъ хитрый Тепи съ привѣтливою улыбкою—уважаютъ достоинства мудраго Хасима и, въ знакъ истиннаго уваженія и преданности, присылаютъ тебѣ въ подарокъ эти деньги.

Глаза муллы заблистали, изъ угрюмаго онъ сталъ веселымъ, изъ злаго необыкновенно добрымъ. Изъ-подъ сѣдыхъ усовъ его мелькнула улыбка, а лѣвая рука, увы! невольно опустилась на кучу золота.

— Итакъ, намъ ничего нельзя надѣяться? спрашивалъ вкрадчиво Тепи. Изъ твоихъ словъ я могъ только извлечь полезный для себя совѣтъ: возвратиться обратно въ Чечню, взявъ съ собою 230 тюменей [1] серебра и золота, привезенные въ подарокъ матери Шамиля, на помощь которой мы полагали всю нашу надежду.

— Не будь такъ поспѣшенъ, прервалъ его Хасимъ, съ самою привѣтливою улыбкою.

Такая почтенная цифра, какъ 230 тюменей, окончательно вскружила голову муллы, яраго поклонника Магомета. Онъ забылъ и о гяу-

---

[1] Тюмень составляетъ около 10 руб.

рахъ, и о коранѣ, и о знаменитыхъ словахъ пророка, употребляемыхъ такъ часто магометанами кстати и не кстати: у него мерещились передъ глазами только однѣ деньги, голова трудилась надъ выгодной поживой. Онъ уже говорилъ: что мать Шамиля, дѣйствительно, пользуется уваженіемъ сына; что 200 тюменей и его вліяніе заставятъ ее хлопотать въ пользу чеченцевъ; что 30 тюменей онъ оставляетъ въ свою пользу.

— Такъ-ли я понялъ, говорилъ Хасимъ, боясь пасть въ глазахъ чеченца, разсказъ твой о настоящемъ положеніи чеченскаго народа. Не слишкомъ-ли увлекся я, по долгу муллы, въ сужденіяхъ моихъ объ обязанности правовѣрныхъ къ священному корану? Пожалуйста, разскажи еще разъ цѣль твоего пріѣзда.

Тепи повторилъ все прежде сказанное, прибавивъ къ тому, что русскіе, не стѣсняя свободы вѣроисповѣданія, заботятся только о благосостояніи своихъ подданныхъ.

— Понимаю, понимаю! сказалъ какъ будто обрадованный Хасимъ. Чеченцы, живущіе на плоскости, окруженные со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, похожи на птичку въ клѣткѣ; но вѣдь птичка побьется, побьется въ западнѣ своей и, убѣдившись въ невозможности разрушить преграду, примирается, наконецъ, съ своею неволею и даже начинаетъ жить припѣваючи, если встрѣтитъ заботливость о ея пропитаніи. По моему, самъ великій пророкъ не осудитъ за покорность гяурамъ чеченцевъ, если они принесутъ покорность не по доброй волѣ, а по неизбѣжной необходимости.

Хасимъ согласился на посредничество и обѣщалъ уговорить старуху принять на себя ходатайство у сына. На слѣдующій день, часа за два до заката солнца, депутаты были представлены матери Шамиля, которая, получивъ 200 тюменей, обѣщала похлопотать за чеченцевъ. Депутаты остались въ Дарго въ ожиданіи своей участи.

Въ тотъ же вечеръ Ханумъ отправилась къ Шамилю. Мать и сынъ бесѣдовали наединѣ далеко за полночь и старуха возвратилась съ заплаканными глазами.

— Я взялась не за свое дѣло, говорила Ханумъ, даже и сынъ мой не смѣетъ рѣшить вопроса о покорности чеченцевъ гяурамъ.

Шамиль, дѣйствительно, получивъ свѣдѣніе о намѣреніи чеченцевъ, сообразилъ, что казнь и истязанія четырехъ депутатовъ не приведетъ его къ цѣли, что онъ не удержитъ тѣмъ рѣшимости чеченцевъ, а возстановитъ только противъ себя колеблющееся въ вѣрности ему воинственное племя. Надо было придумать средство болѣе дѣйствительное, надо было хитростію достигнуть того, чего нельзя достигнуть силою. Пользуясь суевѣріемъ своихъ подвластныхъ, онъ съигралъ комедію и разъигралъ ее вполнѣ мастерски.

Имамъ объявилъ, что, для рѣшенія просьбы чеченцевъ, онъ отправится въ мечеть, гдѣ будетъ поститься и молиться до тѣхъ поръ, пока не удостоится слышать святую волю изъ устъ самого великаго пророка.

Шамиль заперся въ мечети. По предварительному распоряженію, всѣ жители Дарго были также собраны вокругъ храма, и приказано имъ оставаться такъ, въ постоянной молитвѣ, до тѣхъ поръ, пока имамъ не выйдетъ изъ своего заключенія.

Прошло трое сутокъ, а Шамиль не появлялся и дверь мечети была постоянно запертою. Измученные и ослабѣвшіе отъ безсонницы, даргинцы не могли объяснить себѣ причины такого небывалаго явленія и невольно ожидали чего-то особеннаго. Едва только глухой ропотъ появился въ толпѣ, какъ дверь растворилась и на порогѣ ея показался Шамиль, блѣдный и измученный; глаза его были налиты кровью, «какъ бы отъ продолжительныхъ слезъ». Въ сопровожденіи двухъ мюридовъ, имамъ молча взошелъ на плоскую кровлю мечети. По его приказанію, привели туда же и мать его, закутанную въ бѣлую чадру. Она шла медленно, неровными шагами. Двое муллъ внесли ее на крышу и поставили лицемъ къ лицу съ ея сыномъ. Шамиль, смотря на мать нѣсколько минутъ, хранилъ глубокое молчаніе.

— Великій пророкъ Магометъ! произнесъ онъ наконецъ, поднявъ глаза къ небу. Святы и неизмѣнны велѣнія твои, да исполнится правый судъ твой, въ примѣръ всѣмъ послѣдователямъ священнаго корана!

Затѣмъ онъ, обратясь къ народу, объявилъ ему, что чеченцы, забывъ клятву, рѣшились покориться гяурамъ и прислали своихъ депутатовъ, которые, не смѣя явиться къ нему, обратились къ его матери, прося ея исходатайствовать на то согласіе у сына.

— Ея настойчивость, говорилъ Шамиль, и безотчетная моя къ ней преданность, внушили мнѣ смѣлость узнать волю любимца Божія Магомета. И вотъ, въ присутствіи вашемъ, при содѣйствіи вашихъ молитвъ, я, въ продолженіе трехъ сутокъ, постомъ и молитвами вызвалъ на правый судъ пророка и онъ удостоилъ меня отвѣтомъ на мои дерзновенные вопросы. Но этотъ отвѣтъ какъ громомъ поразилъ меня! По волѣ Аллаха, повелѣно дать сто жестокихъ ударовъ тому, кто первый высказалъ мнѣ постыдное намѣреніе чеченскаго народа, и этотъ первый была мать моя!..

По приказанію грознаго имама, мюриды сорвали чадру съ несчастной, ухватили ее за руки, но за пятымъ ударомъ плетью бѣдная женщина лишилась чувствъ. Какъ бы пораженный этимъ убійственнымъ зрѣлищемъ, Шамиль опускаетъ наказывающую руку и бросается къ ногамъ матери. То, чего добивался Шамиль—онъ достигъ: толпа поражена. Смотря на всю эту сцену, народъ рыдалъ и молилъ о пощадѣ старушки. Какой-то трепетъ охватывалъ каждаго, смотря на несчастную и грознаго имама, распростершагося передъ нею...

Безъ всякой тѣни прежняго отчаянія, Шамиль подымается на ноги и глаза его горятъ какимъ-то торжествомъ.

— Нѣтъ Бога, кромѣ единаго Бога, и Магометъ пророкъ Его! восклицаетъ онъ, поднявъ глаза къ небу. Жители небесъ! вы услышали мои усерд-

ныя молитвы, вы позволили мнѣ принять на себя остальные удары, для которыхъ была обречена бѣдная мать моя. Эти удары я приму съ радостію, какъ неоцѣненный даръ вашего милосердія.

Съ улыбкою на устахъ, онъ скинулъ съ себя красную чуху, снялъ бешметъ, вооружилъ двухъ мюридовъ толстыми ногайскими плетьми и, подтвердивъ имъ, что, кто осмѣлится слабо выполнить волю пророка, того онъ поразитъ кинжаломъ изъ собственной руки, принялъ девяносто пять ударовъ. Во время наказанія, Шамиль не обнаружилъ ни малѣйшихъ признаковъ страданія—вполнѣ выдержалъ характеръ и одержалъ побѣду надъ толпою. Пораженіе толпы было безусловное; сцена разыграна превосходно...

Спокойно надѣвъ на себя лежавшую у ногъ одежду, быстро сойдя съ кровли мечети и остановившись посреди народа, Шамиль казался совершенно спокойнымъ.

— Гдѣ эти злодѣи, за которыхъ потерпѣла мать моя позорное наказаніе? спросилъ онъ съ торжествующимъ видомъ: гдѣ чеченцы?

Несчастныя жертвы въ одно мгновеніе были приведены и брошены къ ногамъ повелителя. Они не сомнѣвались въ своей погибели, точно также, какъ и не сомнѣвалась толпа, но Шамиль готовилъ для собравшихся, для чеченцевъ и для всѣхъ своихъ подвластныхъ новое пораженіе.

Въ то время, какъ они читали отходныя молитвы, ожидая своей кончины, Шамиль приподнялъ ихъ собственными руками и поставилъ на ноги.

— Возвратитесь къ народу вашему, сказалъ онъ имъ, и, въ отвѣтъ на безразсудное его требованіе, перескажите все то, что вы здѣсь видѣли и слышали (1).

Случай этотъ хорошо рисуетъ передъ нами и корыстолюбіе муллы, его готовность за деньги толковать слова пророка по усмотрѣнію; онъ доказываетъ и маловѣріе въ истинное ученіе религіи, и суевѣріе, существующее въ народѣ.

Вообще Шамиль старался дѣйствовать на религіозное чувство народа внѣшнею обрядностію религіи и выказывалъ себя чрезвычайно религіознымъ и чистосердечно преданнымъ мюридизму. Но одно слѣпое исполненіе обрядовъ религіи, безъ внутренняго знанія ея сущности, есть лучшій путь къ суевѣрному фанатизму и легковѣрію. Такое настроеніе замѣчается у всѣхъ племенъ, бывшихъ подъ властію Шамиля.

Чеченецъ чрезвычайно суевѣренъ: онъ не броситъ яичной скорлупы въ огонь, боясь, что куры не станутъ нести яицъ или вовсе переведутся; онъ никогда не выбрасываетъ костей, а старается сжечь ихъ, вѣря, что выбрасываніе ихъ непріятно Богу.

Въ день новаго года, онъ непремѣнно пересыпетъ хлѣбъ изъ чашки въ

(1) Одинъ изъ фанатическихъ поступковъ Шамиля. Кавказъ 1853 г. № 40.

чашку, иначе въ немъ не будетъ изобилія и не хватитъ на прокормленіе семейства.

Склонный къ мистицизму, чеченецъ охотно вступаетъ въ религіозное братство *суффи* (зикръ), и расположенъ привѣтствовать каждаго искателя приключеній имамомъ, хотя бы онъ не умѣлъ отличить *А* отъ *Б* и не могъ объяснить самыхъ простыхъ вещей.

Чеченцы вѣрятъ, что можно сглазить человѣка, и, въ противодѣйствіе тому, имѣютъ амулеты, въ которые зашиваются, обыкновенно, или молитвы, или изреченія изъ корана. По увѣренію народа, есть на свѣтѣ *приворотная трава*, которая, въ рукахъ знающаго человѣка, имѣетъ двоякое дѣйствіе: она или привязываетъ двухъ лицъ чувствомъ неразрывной любви, или же поселяетъ между ними ничѣмъ непобѣдимыя ненависть и отвращеніе.

Спеціалистами по части умѣнья хорошаго или дурнаго употребленія этой травы были муллы. Чеченцы вѣрятъ въ возможность *порчи* и говорятъ, что злой женщинѣ стоитъ только бросить заговоренную и ей извѣстную траву въ каминъ дома того человѣка, котораго она хочетъ испортить, и тогда слѣдствіемъ такого поступка бываетъ обыкновенно болѣзнь. Излеченіе испорченнаго можетъ быть произведено только тою особою, которая его испортила. Вообще, въ случаѣ болѣзни, чеченцы прежде всего прибѣгаютъ къ ворожеѣ, которую и просятъ узнать: не произошла-ли болѣзнь отъ вліянія дурнаго глаза или отъ какихъ другихъ причинъ. Взявъ въ руки большой платокъ и завязавъ на одномъ изъ его концовъ узелъ, ворожея начинаетъ отмѣривать локтемъ отъ этого угла до противоположнаго. Остающіяся между этими двумя точками разстоянія служатъ обыкновенно предсказаніемъ причины болѣзни.

По искреннему убѣжденію и вѣрованію народа, существуетъ трава *джаліенга-леттенъ-буцъ* (трава, заставляющая лаять), которая, будучи высушена и дана въ пищѣ, питьѣ или просто брошена въ огонь камина, производитъ болѣзненные припадки, судороги и крикъ, похожій на лай собаки. Такое вредное дѣйствіе чеченцы называютъ *порчею посредствомъ отравы*, и такихъ лицъ, которыхъ мы называемъ кликушами, чеченцы считаютъ испорченными этою травою. Болѣзнь эта проявляется исключительно между женщинами, изъ которыхъ, по медицинскому изслѣдованію, нѣкоторыя дѣйствительно страдаютъ разстройствомъ нервовъ, а большая часть страдаетъ притворствомъ, изъ-за личныхъ видовъ, но увѣряетъ, что причиною тому порча отъ травы. Послѣдняя доступна только однѣмъ колдуньямъ, которыя собираютъ ее въ извѣстное время. Обыкновенно ночью, лучше если въ полнолуніе, колдунья или колдунъ выходятъ изъ дома, стараются ни съ кѣмъ не встрѣчаться на пути и, не доходя до высмотрѣнной травы, останавливаются. Скинувъ съ себя платье и совершенно обнаженная, искательница травы идетъ къ ней задомъ, стараясь сорвать ея между ступнями ногъ, и въ то же время произноситъ заклинанія, отрекаясь отъ вѣры и отъ Бога.

— Я не признаю Бога, говоритъ она, я не его созданіе, я равна ему и также могуща какъ онъ. Я на всегда отрекаюсь отъ него.

Злой духъ, по понятію чеченцевъ, въ этомъ случаѣ не имѣетъ никакого значенія и туземныя колдуньи не обращаются къ нему съ просьбою о помощи.

Умопомѣшательство и идіотизмъ чеченцы приписываютъ знакомству съ *джиныщами*. Джиныши—духи, которые, по понятію народа, составляютъ средину между ангелами и духами зла, но связь съ которыми человѣка не приводитъ къ доброму и кончается почти всегда умопомѣшательствомъ. Джиныши, пользуясь свободнымъ доступомъ на небо, похищаютъ иногда обманомъ, иногда подслушиваніемъ сокровенныя тайны о будущности и передаютъ ихъ своимъ земнымъ друзьямъ. Когда же ангелы замѣтятъ, что джинышъ подслушиваетъ ихъ, то, раздраженные этимъ, схватываютъ первую попавшуюся имъ подъ руку звѣзду и бросаютъ ихъ въ непрошенныхъ посѣтителей своихъ небесныхъ чертоговъ. И вотъ отчего происходитъ, по объясненію чеченцевъ, то явленіе природы, которое мы называемъ падающими звѣздами, или метеорами (¹).

Имѣя вѣру въ гаданія и гадальщиковъ, чеченцы весьма часто прибѣгаютъ къ гаданію, при помощи зеркалъ (кюсгехажіу), камней (пальтасаръ), платка (дольдустеръ) и, главнѣйшимъ образомъ, *по кости барана*, книгѣ *Седіэнъ-джайнэ*, принадлежащей перу Абдурзукка и Абдурахмана, и по книгѣ *Пайхомаръ-Сулейманъ-джайнэ*, написанной нѣкіимъ Сулейманомъ.

Послѣдняя книга и способъ гаданія по ней совершенно сходны и тождественны съ тѣми книгами *вѣщаго Царя Соломона*, которыя такъ распространены въ массѣ простаго населенія русскаго народа.

Болѣе другихъ доступный, и потому болѣе распространенный, способъ гаданія *пхенеръ* или *пхенеръ-хажеръ*—гаданіе по кости барана. Онъ употреблялся каждый разъ, когда предпринимались военныя дѣйствія, выступленіе въ походъ хищническихъ партій, желавшихъ узнать будущій свой успѣхъ или неудачу. Самъ Шамиль не пренебрегалъ гаданьемъ этого рода и иногда, прежде выступленія въ походъ, совѣщался съ *хажеромъ*, или прорицателемъ посредствомъ кости.

Желающій гадать или узнать свою судьбу приводитъ къ хажеру непремѣнно собственнаго и годовалаго барана, такъ какъ, иначе, все предсказаніе будетъ относиться къ дѣйствительному хозяину барана. Послѣдній можетъ быть произвольной шерсти, но лучше если бѣлой. Собственнымъ бараномъ гадающій можетъ назвать такого, который взятъ изъ принадлежащаго ему стада или, послѣ покупки, пробылъ у новаго владѣльца не менѣе одного года, или наконецъ такой, которому купившій успѣлъ дать три раза соли.

(¹) Этнографическіе очерки Аргунскаго ущелья А. П. Ипполитова. Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ выпускъ I изд. 1868 г.

При такихъ условіяхъ баранъ, сдѣлавшись окончательно собственностію новаго хозяина, принимаетъ на своихъ костяхъ отпечатокъ всей его личности и всей его будущности.

Хажеръ рѣжетъ барана и, сваривъ его, беретъ одну изъ лопатокъ передней ноги животнаго. Лопатка должна быть совершенно цѣлая, не разрубленная, не треснувшая и отдѣленная отъ мяса свѣжаго и свареннаго, а не отъ сыраго и соленаго. По такой лопаткѣ знахарь узнаетъ всю подноготную, не только каждаго смертнаго, но и самой природы. Темныя и свѣтлыя пятна, видныя на кости, если смотрѣть сквозь нея на свѣтъ, кровавыя пятна и разные узоры жилокъ, видные на лопаткѣ, всѣ эти признаки служатъ основаніемъ и темою для предсказаній; кровавыя пятна считаются особенно дурнымъ предзнаменованіемъ.

Лучшими гадальщиками считаются чаберлоевцы (татбутри) и про нихъ разсказываютъ удивительныя вещи.

Гази Мухаммедъ, сынъ Шамиля, разсказывалъ, что въ 1859 г., отступая отъ преслѣдованія русскихъ войскъ и проходя изъ Ведено въ Гунибъ, одинъ изъ чаберлоевскихъ знахарей предсказалъ имъ весьма дурныя послѣдствія и даже затруднился назвать ихъ по имени.

— Все это, дѣйствительно, такъ и случилось, замѣтилъ Гази Мухамметъ, разсказывая г. Руновскому о чаберлоевскихъ знахаряхъ, мы могли ожидать всѣвозможныхъ несчастій: могли ожидать смерти во всѣхъ ея видахъ, но того, что съ нами случилось, никому и въ голову не приходило.

Извѣстно, что на Гунибѣ, въ 1859 г., Шамиль былъ взятъ въ плѣнъ со всѣмъ семействомъ.

Книга *Седіэнъ-джайнэ* пользуется огромнымъ значеніемъ между чеченцами и не разъ служила средствомъ для многихъ предводителей Чечни и Дагестана направлять волю народа по тому пути, который велъ ихъ къ достиженію личныхъ цѣлей. Гаданіе по ней производится при помощи математическихъ выкладокъ.

«Седіэнъ-джайнэ, говоритъ г. Ипполитовъ, въ переводѣ значитъ *книга звѣзды* (*седи* по-чеченски — звѣзда). Мусульмане принимаютъ двѣнадцать созвѣздій, по числу главныхъ ихъ пророковъ или святыхъ. Каждый изъ этихъ послѣднихъ родился подъ извѣстнымъ созвѣздіемъ, а потому вся книга *Седіэнъ-джайнэ* раздѣлена на двѣнадцать отдѣловъ, изъ которыхъ каждый соотвѣтствуетъ извѣстному созвѣздію и тому пророку, который подъ нимъ родился. На первой страницѣ книги излагается арабская азбука, съ соотвѣтствующими каждой буквѣ извѣстными числами: *элипъ*—одинъ, *би*—два, *ти*—четыре, *си*—восемь, *джимъ*—три, *хи*—восемь, *хіе*—нуль, *далъ* — четыре, *дзалъ*—четыре, *ри*—восемь, *дзи*—семь, *сенъ*—нуль, *шенъ*—нуль, *сатъ* — шесть и т. д. Гадающій или гадающая, прежде всего, говорятъ свое имя и имя матери своей. И то, и другое разбирается по буквамъ, и величины, соотвѣтствующія каждой изъ нихъ, складываются; потомъ отъ суммы, полу-

чаемой отъ сложенія величинъ, выраженныхъ буквами именъ гадающаго и его матери, откидывается по двѣнадцати единицъ до тѣхъ поръ, пока не останется числа менѣе двѣнадцати. Согласно величины оставшагося числа, отыскивается отдѣлъ одного изъ созвѣздій, подъ тѣмъ же числомъ, въ которомъ и заключается прорицаніе для мужчинъ и женщинъ отдѣльно. Начинается оно обыкновенно описаніемъ наружности: «у него красивое лицо, высокій ростъ, тонкій станъ, блестящій взоръ...»; потомъ уже слѣдуетъ описаніе его жизни настоящей, а потомъ и будущности».

Суевѣріе, существующее въ народѣ, частію перешло и въ дурную сторону характера туземца.

Чеченецъ не затруднится дать несправедливое показаніе или ложную присягу. Онъ не считаетъ это преступленіемъ и вѣритъ чистосердечно, что присягнуть ложно не составляетъ грѣха, если только присягающій, во время обряда, не положитъ пальца па коранъ или перевернетъ газырь на груди своей черкески. Присягнуть ложно ничего, а курить табакъ, по понятію чеченца, грѣхъ тяжкій, потому что табакъ — дѣло нечистое.

«До пророка Адама, говорятъ чеченцы, былъ созданъ изъ огня *Эблисъ*. Когда Богъ создалъ Адама, то подчинилъ ему всѣхъ животныхъ. Эблисъ обидѣлся такимъ предпочтеніемъ, сдѣланнымъ Адаму».

— Я, говорилъ Эблисъ, созданъ изъ огня, а Адамъ изъ земли: значитъ я чище; зачѣмъ же Адаму предпочтеніе.

Онъ возмутился противъ Бога; въ наказаніе за то его такъ прижали, что онъ не выдержалъ — испустилъ мочу. И вотъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ упала моча Эблиса, и выросъ табакъ.

— Кури, братъ, совѣтую тебѣ! добавляетъ чеченецъ, разсказывая исторію происхожденія табака.

Запрещеніе курить табакъ принадлежитъ къ числу установленій, изобрѣтенныхъ Шамилемъ, который вообще преслѣдовалъ роскошь, пляски, музыку и пѣніе, стараясь замѣнить его однимъ постояннымъ напѣвомъ: *ля-илляхи-иль-Алла!* (Нѣтъ Бога кромѣ единаго Бога). Но ему не совсѣмъ удалось это: чеченцы увеселяли себя *пандуромъ* (балалайкою) и скрипкой особаго устройства (¹). Скрипка ихъ состоитъ изъ чашки, съ квадратнымъ вырѣзомъ на днѣ, обтянутой сырой кожей, съ двумя круглыми прорѣзами; къ ней придѣланъ грифъ; вмѣсто струнъ натянуто три шелковинки, по которымъ водятъ смычкомъ изъ конскихъ волосъ. Правда, чеченцы почти не имѣютъ никакихъ историческихъ пѣсенъ, въ которыхъ бы излагались цѣлыя событія, и даже очень рѣдко касаются частныхъ фактовъ.

«Хотя иногда, говоритъ Ипполитовъ, смѣлые разбойничьи подвиги, отчаянная защита и смерть какого нибудь извѣстнаго наѣздника и сохраняются въ пѣсняхъ: тѣмъ не менѣе, большая часть ихъ — вызванная минутой импрови-

---

(¹) Кистинъ играетъ на трехструнной балалайкѣ формою похожей на треугольникъ.

зація: ею восхищаются, она воспламеняетъ извѣстныя чувства, но въ весьма рѣдкихъ случаяхъ заучивается и становится популярною. Исключеніе составляютъ развѣ только тѣ изъ пѣсенъ, которыя складываются иногда на происшествія заинтересовывающія цѣлый народъ, или же на извѣстныя дѣйствія лица, на которое народъ смотритъ какъ на дѣйствія постыдныя—эти пѣсни непремѣнно уже заучиваются: ихъ знаютъ не только взрослые, но даже и дѣти». Такова пѣсня о Шамилѣ, сложенная послѣ изъявленія имъ покорности русскому правительству. Изъ другихъ народныхъ сказаній у чеченцевъ существуютъ сказки и басня, заслуживающія полнаго вниманія по своему своеобразному характеру, разнообразію содержанія, и въ которыхъ можно встрѣтить римскихъ кесарей, Змѣя-Гарынича и Сивку-Бурку. Оборотни и красавицы за мужемъ за медвѣдями занимаютъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ чеченскихъ сказкахъ.

Народныя сказанія ихъ много терпѣли отъ преслѣдованій Шамиля и его мюридовъ.

Оставивъ пѣсни, чеченцы не могли обойтись безъ музыки. Ни одно пиршество и семейный праздникъ не обходились у нихъ безъ пандура, а главное безъ бойкой лезгинки, причемъ, въ знакъ высшаго одобренія, ловкимъ танцорамъ стрѣляютъ подъ ноги изъ пистолетовъ.

Танцы были въ большомъ употребленіи и во время праздниковъ, которыхъ, впрочемъ, у чеченцевъ было немного. Къ числу праздниковъ относятся и установленные Магометомъ дни. Еженедѣльный праздникъ *пятница* начинается обыкновенно въ четвергъ съ закатомъ солнца; онъ обыкновенно сопровождается извѣстными молитвами и не имѣетъ никакихъ характеристичныхъ особенностей. Въ пятницу не работаютъ, не выгребаютъ изъ очаговъ золы и раздаютъ наканунѣ милостыню бѣднымъ, которыхъ въ Чечнѣ было всегда много. Милостыня состоитъ изъ молока, муки, соли, у кого что найдется. Когда Шамиль жилъ въ Ведено, то каждую пятницу дѣлалъ церемоніальный и торжественный выходъ въ мечеть. Въ назначенный часъ отрядъ вооруженныхъ мюридовъ, при пѣніи священнаго гимна: *ля-илляхи-иль-алла*, подходилъ къ дому имама и, ставъ въ двѣ линіи по обѣимъ сторонамъ дороги въ мечеть, ожидалъ его выхода. Одѣтый съ нѣкоторою изысканностію во все бѣлое, зеленое или синее, за исключеніемъ чалмы, которая была всегда изъ дорогой бѣлой шали, Шамиль шелъ въ мечеть, окруженный приближенными лицами, старшинами и мюридами, предшествовавшими и замыкавшими торжественное шествіе. При входѣ въ мечеть, народъ вставалъ со своихъ мѣстъ, и молча привѣтствовалъ своего имама. Одинъ изъ муллъ или самъ Шамиль совершалъ богослуженіе. «По окончаніи же всѣхъ церемоній, отличающихся большими странностями, чуждыми церковныхъ уставовъ настоящаго исламизма, почетныя изъ присутствующихъ лицъ подходили къ Шамилю съ поздравленіями съ праздникомъ, причемъ цѣловали ему руки или лицо, смотря по званію поздравляющихъ, на что имамъ отвѣчалъ ласковою улыбкою или пожатіемъ

руки. Наконецъ Шамиль подавалъ знакъ къ выходу изъ мечети, который совершался точно въ такомъ же порядкѣ, какъ и шествіе въ мечеть».

Одинъ разъ въ году чеченцы соблюдаютъ постъ (мархъ), который, по времени, принадлежитъ къ числу передвижныхъ постовъ и не каждый годъ бываетъ въ одно и то же время. Обыкновенно временемъ поста бываетъ іюль или августъ мѣсяцы, отъ начала и до конца новолунія, и продолжается цѣлый мѣсяцъ.

Во все время поста чеченцы днемъ, до заката солнца, не употребляютъ пищи и питья, но за то ночью ѣдятъ но два и по три раза. Многіе изъ туземцевъ не придерживались строго устава религіи и постъ соблюдали не со всею точностію: Молятся обыкновенно утромъ, въ полдень, разъ до заката солнца и два послѣ заката; въ постъ же молятся еще одинъ разъ въ полночь, послѣ предварительнаго омовенія членовъ.

Постъ оканчивается праздникомъ *Байрамъ*, который сопровождается всеобщимъ пиршествомъ, значительными пожертвованіями въ пользу бѣдныхъ, взаимными поздравленіями и посѣщеніями, скачками и другими народными увеселеніями. Наканунѣ праздника многіе жертвуютъ скотъ въ пользу бѣдныхъ, и тогда онъ рѣжется у мечети и тутъ же раздается неимущимъ; часть изъ него удѣлялась прежде и плѣннымъ.

Утромъ, въ день *Байрама*, жена приноситъ къ мужу и отцу семейства мѣшокъ съ хлѣбными зернами и деревянную или глиняную чашу. Насыпавъ въ чашу зеренъ, хозяинъ подзываетъ къ себѣ поочередно дѣтей и ближайшихъ родственниковъ и, взявъ въ руки чашу полную зерна, поздравляетъ ихъ съ праздникомъ и съ окончаніемъ поста.

— Жертвуешь ли эту чашу для бѣдныхъ? спрашиваетъ обыкновенно хозяинъ у каждаго подошедшаго къ нему и, получивъ, конечно, согласіе, высыпаетъ зерна въ другую посуду.

Потомъ все отсыпанное отдается бѣднымъ. Мужчины отправляются съ визитами, а женщины остаются дома для угощенія приходящихъ и до полудня, забравъ съ собою пищу, отправляются на кладбище для поминовенія умершихъ родственниковъ. Туда же приходятъ мужчины и дѣти. Одни ѣдятъ, вспоминая умершихъ, другіе устраиваютъ скачку. Отличившійся на ней получалъ какую нибудь ничтожную награду отъ доброхотнаго-дателя или отъ наиба, если онъ присутствовалъ при этомъ. Въ этотъ же день наибы отправлялись въ резиденцію имама, съ поздравленіемъ Шамиля и его приближенныхъ.

Въ Ведено, въ день Байрама, имамъ, при огромномъ стеченіи народа, лично совершалъ установленные обряды и собственноручно закалывалъ барана, предназначеннаго въ раздачу бѣднымъ. За этимъ бараномъ закалывалось множество другихъ барановъ, приведенныхъ и предназначенныхъ на жертву, и на дворѣ жилища Шамиля въ этотъ день кровь лилась рѣкою.

Кромѣ Байрама, у чеченцевъ есть еще другой праздникъ, *Курбанъ-Байрамъ*, въ день котораго также рѣжутъ барановъ, послѣ прочтенія муллою надъ каждымъ

особой молитвы. Этотъ праздникъ имѣлъ ту особенность, что мясо зарѣзанныхъ, такимъ образомъ, барановъ не давалось христіанамъ, а для нихъ рѣзались особые бараны, и безъ молитвы. Самый способъ закалыванія жертвы въ этотъ день также отличный отъ обыкновеннаго. Скотину и куръ рѣжутъ только мужчины, кладя голову жертвы на востокъ, ногами къ полудню, и прорѣзывая шею отъ полудня (¹).

III.

Чеченское селеніе. — Домъ. — Гостепріимство. — Характеръ чеченца. — Наружный видъ и одежда. — Чеченская женщина и ея характеръ. — Сватовство и обрядъ бракосочетанія. — Семейный бытъ. — Обычаи при рожденіи. — Отношеніе родителей къ дѣтямъ. — Похоронные обычаи.

Чеченскіе аулы или селенія были вообще растянуты на значительное разстояніе; сакля отъ сакли отдѣлялась садомъ, огородомъ, дворомъ, а иногда и пашнею. Селенія строились неправильно, каждый дворъ отдѣльно, и раскидывались по предгорьямъ, въ лѣсу, вдали отъ дорогъ и удобныхъ путей сообщенія. Чеченцы, обитавшіе въ долинѣ, жили большими аулами; но въ горахъ, напротивъ того, селенія ихъ были незначительны и часто состояли изъ нѣсколькихъ дворовъ. Въ предупрежденіе отъ нападеній, нѣкоторые изъ ауловъ, подобно тому какъ наши казачьи станицы, были окружены валомъ и плетнемъ съ частоколомъ.

Жилища джераховъ, кистинъ, галгаевъ, поринцевъ и мереджинцевъ, составляющихъ Ингушевскій округъ, состоятъ преимущественно изъ старыхъ каменныхъ башенъ, сложенныхъ изъ камня, безъ цемента и имѣющихъ нѣсколько ярусовъ. Башни эти построены преимущественно на выступахъ скалъ или на оконечностяхъ гребней, словомъ на такихъ мѣстахъ, которыя ни для чего другаго не годны. Въ одной такой башнѣ живетъ почти всегда нѣсколько семействъ, занимающихъ верхніе этажи, а нижніе предназначается для помѣщенія скота. Живя совокупно въ одной башнѣ и въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, семейства раздѣлены между собою капитальными стѣнами, и помѣщеніе каждаго выходитъ въ общій корридоръ, составляющій принадлежность каждой башни. Кромѣ жилыхъ башенъ въ горскомъ аулѣ встрѣчаются нерѣдко башни оборонитель[illegible]

(¹) Дневникъ русскаго солдата, С. Бѣляева. Библіот. для чтенія 1848 г. т. 89. Нѣчто о Чечнѣ Клингера Кавк. 1856 г. № 97 и 101. Шамиль и Чечня Воен. Сборн. 1859 г. № 9. Плѣнъ у Шамиля Вердеревскаго.

со множествомъ амбразуръ, имѣющихъ форму треугольниковъ, крестовъ, звѣздъ и другихъ изображеній. «До сихъ поръ на нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ верхнихъ большихъ амбразурахъ подъ крышею, виднѣются груды покрытыхъ мхомъ камней, которыя, по всей вѣроятности, предназначались служить боевыми снарядами при оборонѣ.

Кромѣ того, башни эти попадаются всегда на самыхъ неприступныхъ возвышенностяхъ, командующихъ надъ окружающею мѣстностью, и рекомендуютъ не лишенными основанія стратегическія соображенія бывшихъ строителей ихъ».

Двѣ или три жилыхъ башни, вмѣщающія въ себѣ нѣсколько семействъ, составляютъ аулъ, групирующійся, какъ мы сказали, или у оконечностей гребней, или на выступахъ скалъ, и преимущественно въ мѣстахъ наиболѣе живописныхъ.

Чеченское селеніе, напротивъ того, часто тянется въ длину версты на три или на четыре, хотя весь аулъ состоитъ не болѣе какъ изъ ста домовъ. Всѣ строенія деревянныя, въ одинъ, рѣдко въ два этажа, и съ плоскими крышами. Домъ чеченца деревянный, бревенчатый или турлучный, обмазанъ съ обѣихъ сторонъ глиною и выбѣленъ: внутри его относительно чисто, опрятно и свѣтло. Въ стѣнахъ сдѣланы окна безъ рамъ, но со ставнями для защиты отъ вѣтра, преимущественно сѣвернаго, оттого и двери обращены всегда на югъ или востокъ. Сторона дома, въ который продѣлана дверь, обнесена навѣсомъ, для того, чтобы дождь не проникалъ въ саклю и чтобы подъ нимъ можно бы было скрыться во время лѣтняго зноя.

Домъ Шамиля, напримѣръ, въ Ведено имѣлъ слѣдующее устройство. Обширное пространство, до ста саженъ ширины и до 200 саж. длины, было обнесено частоколомъ—это внѣшній дворъ шамилева сераля. Въ самой срединѣ этого двора помѣщался еще внутренній дворъ или самый сераль, гдѣ расположены были разныя хозяйственныя строенія и жилыя помѣщенія для семейства, прислуги и гостей. На внѣшнемъ дворѣ стояло помѣщеніе для 200 человѣкъ конвоя Шамиля. Самый домъ имама былъ построенъ четыреугольникомъ, съ крытою внутри по всему протяженію галлереею, выходящею на внутренній дворъ, посреди котораго возвышался двуэтажный флигель Шамиля, обнесенный также крытою галлереею. Сообщеніе этого флигеля съ домомъ, гдѣ жили его жены, производилось по доскамъ, настланнымъ на землѣ. Каждая изъ женъ Шамиля имѣла особое помѣщеніе изъ нѣсколькихъ комнатъ.

Дверь свою чеченецъ почти никогда не запираетъ, и потому сильный сквозной вѣтеръ свободно гуляетъ по комнатамъ, которыхъ бываетъ по двѣ или по три въ каждомъ домѣ. Полъ залитъ глиной, смѣшанной съ высѣвками, плотно убитъ, отъ чего чрезвычайно крѣпокъ, глянцовитъ и не даетъ большой пыли. Сакля нагрѣвается каминомъ, чаще очагомъ, надъ которымъ сдѣлана труба, проходящая сквозь крышу и оканчивающаяся двумя конусами,

соединенными вмѣстѣ своими узкими основаніями, такъ что по срединѣ трубы образуется родъ перехвата; для печенія хлѣба устроены на дворѣ особыя печи. Вдоль внутреннихъ стѣнъ сакли идутъ лавочки, на которыхъ разложены въ порядкѣ: посуда, ковры, одѣяла, подушки и прочая домашняя рухлядь. Въ одномъ углу комнаты стоитъ корзина съ зерновымъ хлѣбомъ, а въ другомъ кадка съ водою, составляющія почти единственную мебель сакли. Одна изъ комнатъ сакли предназначается для пріема гостей и носитъ названіе *кунахской*. На убранство и чистоту этого помѣщенія каждый хозяинъ обращаетъ особенное вниманіе. Въ кунахской можно встрѣтить: двѣ-три скамейки, лучшія изъ всѣхъ какія только есть въ домѣ, широкій сундукъ, покрытый ковромъ, и полъ комнаты, устланный бѣлыми войлоками. Здѣсь, вмѣсто очага, устраивается непремѣнно каминъ, а сбоку его, у маленькаго окошечка, на почетномъ мѣстѣ, стоитъ кровать туземнаго издѣлія. Въ разныхъ мѣстахъ, но преимущественно около дверей, виситъ нѣсколько бычачьихъ шкуръ, на которыя правовѣрные становятся при совершеніи молитвы или намаза. Стѣны кунахской утыканы деревянными колышками и на нихъ въ одномъ мѣстѣ развѣшано оружіе, въ другомъ бутылки, привязанныя веревочками за горлышко, въ третьемъ глиняныя и деревянныя тарелки и чашки, «также схваченныя шнуркомъ въ просверленныя около краевъ дырки». «Все это—нужно замѣтить, говоритъ г. Грабовскій, почти всегда служитъ не болѣе какъ украшеніемъ, и чѣмъ больше развѣшано такихъ украшеній, тѣмъ почтеннѣе хозяинъ, тѣмъ гостепріимнѣе считается кунахская». Каждый домъ имѣетъ почти всегда дворъ, огороженный плетнемъ. Часто чеченцы живутъ вмѣстѣ цѣлыми фамиліями, и тогда на одномъ дворѣ устраиваются сакли для каждаго семейства и располагаются такимъ образомъ, что сакля самаго младшаго брата ставится между саклями средняго и старшаго.

Близъ дома строятся помѣщенія для скота, а если недалеко отъ аула протекаетъ рѣчка, то многіе хозяева имѣютъ свои мельницы, или на самой рѣчкѣ, или на проведенной изъ нея канавѣ. Крошечный бревенчатый срубъ съ соломенной крышей, смазанной глиною, или четыре каменныхъ стѣнки, сложенныя безъ цемента, на которыя набросана земляная крыша — вотъ и вся мельница, въ которую ведетъ такая крошечная дверь, что въ нее можно только влѣзть, а не войти. Подъ срубомъ вертится вертикальный валъ съ лопостями, по которымъ бьетъ струя воды и приводитъ валъ въ движеніе. Такъ какъ горцамъ неизвѣстно употребленіе шлюзовъ, то жерновое колесо, находясь въ непрерывномъ вращеніи, производитъ постоянный шумъ и тѣмъ обращаетъ вниманіе на эти крошечныя груды камней, только верхомъ своимъ похожія на строенія.

Почти у каждаго дома есть свой огородъ, въ которомъ засѣвается преимущественно: лобія, бобы, тыква, рѣдко огурцы, чеснокъ и лукъ; подлѣ огорода есть небольшой клочекъ земли, засѣваемый нынѣ табакомъ, иногда арбузами и

дынями. Въ нѣкоторыхъ аулахъ разведены небольшие сады, но за то во всѣхъ аулахъ кукуруза засѣвается въ изобилии (1).

Изъ всего своего помѣщенія чеченецъ больше всего любитъ кунахскую, въ которой онъ проводитъ большую часть дня среди знакомыхъ и гостей.

Гостепріимство—первобытная добродѣтель всѣхъ народовъ—установило свои обычаи, которые придаютъ полудикому населенію нѣкоторый видъ благородства. Гостепріимство было развито въ значительной степени и между чеченцами, которые вообще весьма общежительны и, не смотря на дикость нравовъ, являются утонченно вѣжливыми хозяевами и гостями. Никто, даже и изъ маленькихъ, не войдетъ въ домъ нечаянно или въ расплохъ. Человѣкъ, пріѣзжающій или приходящій на дворъ, останавливается, и если пріѣзда его не замѣтили, то вызываетъ хозяина. Послѣдній, въ большинствѣ случаевъ, предупреждаетъ гостя и самъ выходитъ къ нему на встрѣчу, здоровается, пожимаетъ руку, принимаетъ коня и привязываетъ его къ столбу. Пригласивъ гостя въ кунахскую, хозяинъ, въ дверяхъ ея, принимаетъ, по обычаю, передаваемое ему гостемъ оружіе. Послѣ этого горскій этикетъ возлагаетъ уже на хозяина отвѣтственность въ безопасности гостя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязанность самаго изысканнаго гостепріимства. Не смотря на жалкую обстановку жилищъ, нищету и бѣдность, чеченцы отличаются самымъ радушнымъ гостепріимствомъ. Каждый старается окружить гостя тѣмъ матеріальнымъ довольствомъ, какого самъ не имѣетъ ни въ годовые праздники, ни въ торжественныя минуты для своего семейства. Хозяинъ сажаетъ своего гостя на почетномъ мѣстѣ, отказывается сѣсть съ нимъ рядомъ и ежеминутно удаляется какъ бы для того, чтобы не стѣснять гостя своимъ присутствіемъ и предоставить кунахскую въ полное его распоряженіе. Пріѣздъ гостя всегда составляетъ исключительное явленіе въ обыденной жизни горца, и потому жители не пропускаютъ случая потолковать съ нимъ, запастись новостями или просто поглазѣть на него. Толпа полунагихъ ребятишекъ съ крикомъ и пискомъ встрѣчаютъ гостя при въѣздѣ въ аулъ, и провожаютъ его потомъ при выѣздѣ изъ того же аула. Праздные зѣваки, которыхъ весьма много въ каждомъ селеніи, даже и изъ людей взрослыхъ, цѣлою толпою вваливаются въ кунахскую, безъ всякаго приглашенія и спроса. Небольшая гостиная комната весьма быстро наполняется народомъ, тѣснящимся отъ дверей до камина и чуть не взбираясь другъ на друга. Если гостю удастся уговорить хозяина сѣсть съ нимъ, «то онъ, посидѣвъ немного и поговоривъ вскользь о разныхъ пустя-

---

(1) Чечня и чеченцы Ад. Берже. Воспоминаніе о кистахъ А. Зиссермана Кавказъ 1851 г. № 94. Изъ Нагорнаго округа П. Пѣтухова Кавк. 1866 г. № 65 и 95. Поѣздка въ Ичкерію Ограновича Кавк. 1866 г. № 22. Дневникъ русскаго солдата Библіот. для чтен. 1848 г. т. 88. Горы и Чечня. Записки Пассека (рукоп.) Плѣнъ у Шамиля Вердеревскаго часть III. Экономическій и домашній бытъ жителей горскаго участка Ингушевскаго округа Грабовскаго. Сборн. свѣд. о кавказс. горцахъ выпускъ III.

кахъ, снова удалялся изъ кунахской» распорядиться чѣмъ нибудь, хоть бы, положимъ, угощеніемъ.

Хозяйка приготовляетъ угощеніе, но сама не присутствуетъ въ обществѣ мужчинъ; если чеченецъ бѣденъ и не имѣетъ особой кунахской, то женщины выходятъ на дворъ и остаются тамъ до тѣхъ поръ, пока гость не уѣдетъ. Если странникъ, хотя бы и не знакомый, остановился проѣздомъ у чеченца на ночлегъ, то хозяинъ не пожалѣетъ зарѣзать въ честь его барана, а если при томъ гость принадлежитъ къ числу лицъ почетныхъ и пріѣхалъ съ большою свитою, конвоемъ или окруженный товарищами, то хозяинъ рѣжетъ и штуку рогатаго скота, изъ мяса котораго старается приготовить самыя разнообразныя кушанья.

Обыкновенную пищу чеченца составляютъ: просяная лепешка и *сыскиль*, кукурузный хлѣбъ, который ѣдятъ часто съ *биремомъ*. Биремъ, давнишнее квашеное и соленое молоко, безпрестанно разводимое то водой, то молокомъ, съ приправою соли. Прочія блюда составляютъ: *ажигъ*—вареная кукуруза, лапша, молоко свѣжее (ширъ) и кислое (шаръ), творогъ, масло, пшеничныя лепешки, у которыхъ верхняя корка покрывается толстымъ слоемъ сала; блины, употребляемые преимущественно на свадьбахъ и похоронахъ, и *джижигъ*—мясо въ различныхъ видахъ, и преимущественно баранина, изъ которой приготовляютъ довольно вкусный бульонъ, весьма часто приправляемый сметаною и чеснокомъ. Супъ подается въ деревянныхъ чашкахъ, а говядина, всегда нарѣзанная на куски, и состоитъ преимущественно изъ двухъ видовъ: вареной и сушеной. Чеченцы не ѣдятъ горячаго и, сваривъ бульонъ, разводятъ его холодною водою, если не желаютъ ждать, пока онъ остынетъ. Кромѣ того варятъ фасоль, бобы, а теперь входитъ въ употребленіе картофель. Для гостя чеченецъ подаетъ шашлыкъ, *калтъ-детты*—сыръ, перемѣшанный съ топленымъ масломъ, и калмыцкій чай. Если пріѣзжій посѣтитъ его лѣтомъ, то онъ подаетъ арбузы, дыни, яблоки, сливы и дикій виноградъ. Изъ послѣдняго выжимается *чапа*—сокъ для питья, и, кромѣ того, чеченцы употребляютъ во время пиршествъ *бузу*—питье изъ проса, и *максу* (сладкая буза). Собирая дикую грушу, они сушатъ ее и, смоловъ въ жерновахъ, разводятъ въ водѣ и употребляютъ послѣ жирныхъ кушаній.

Капуста замѣнялась у чеченцевъ солеными листьями черемши. Зимою корень ея потреблялся вмѣсто хрѣна, а весной молодую черемшу варили въ водѣ и тогда она имѣла вкусъ спаржи, или жарили въ маслѣ и салѣ. Молодая крапива, перетираемая съ солью, также употребляется въ пищу. Собирать черемшу весною составляло одно изъ удовольствій чеченскихъ дѣвушекъ, часто отправлявшихся въ лѣсъ и горы, въ сопровожденіи молодыхъ людей, а иногда и суженыхъ.

Чеченцы очень умѣренны въ пищѣ, точно также какъ въ снѣ. Не смотря на то, что весьма сильны и ловки, они ѣдятъ очень мало и часто довольствуются чурекомъ съ кускомъ бараньяго сала или сыра. Дома чеченцы

ѣдятъ раза два или три, но по немногу. Мужъ ѣстъ всегда отдѣльно отъ жены, которая не осмѣлится сѣсть вмѣстѣ съ нимъ, безъ особаго приглашенія. Пищу приготовляютъ тогда, когда приходитъ время ѣсть, и притомъ въ такомъ количествѣ, чтобы не было остатковъ. Приличіе требуетъ, по окончаніи ѣды, оставлять всегда что-нибудь на блюдѣ. Передъ ѣдою и послѣ умываютъ руки и полощатъ ротъ.

Когда кушанье готово, то, спустя часъ или два послѣ пріѣзда гостя, въ кунахскую входитъ кто-нибудь изъ прислуживающихъ, обыкновенно мальчикъ съ тазомъ, рукомойникомъ (кумганомъ) и полотенцемъ, перекинутымъ черезъ плечо. Умовеніе рукъ начинается съ гостя, и если онъ лицо почетное, то только одинъ вытираетъ руки полотенцемъ, а прочимъ полотенце не подается и руки присутствующихъ обсыхаютъ сами собою. Едва только мальчикъ обойдетъ присутствующихъ и дастъ имъ умыть руки, какъ въ двери кунахской вносятъ небольшіе кругленькіе столики о трехъ ножкахъ, установленные кусками шашлыка, сыромъ и чуреками. Въ большинствѣ случаевъ гость ѣстъ одинъ, и если онъ лицо значительное, то весьма трудно бываетъ уговорить кого-нибудь сѣсть рядомъ съ гостемъ за одинъ столъ. Съ началомъ угощенія въ кунахской «раздается, пишетъ г. Грабовскій, звучное причмокиваніе, какъ нужно полагать, очень возбуждающее апетитъ присутствующихъ, которые все время молча, прислонясь къ стѣнѣ, созерцаютъ, какъ куски шашлыка и сыра экстренно отправляются во рты закусывающихъ. Это первое блюдо, попадающее обыкновенно на голодные зубы, представляетъ въ концѣ лишь скудное напоминаніе, что оно существовало. На вниманіи къ этому блюду голодныхъ желудковъ разбиваются надежды присутствующихъ получить съ него что-нибудь и на свою долю; но, тѣмъ не менѣе, столикъ, даже когда на немъ остаются однѣ кости отъ шашлыка да крошки сыра, все-таки переходитъ къ стоящимъ у дверей. Зачѣмъ они усаживаются за подобный столикъ и ради чего также чмокаютъ губами, какъ будто вкушая невѣсть какое лакомое блюдо, объясняется обычаемъ, требующимъ изъ приличія сѣсть даже за пустой столъ, чтобы только не компрометировать хозяина».

Во время обѣда, если гость отрѣжетъ кусокъ мяса и передастъ его комулибо изъ присутствующихъ, то это считается большимъ вниманіемъ со стороны гостя и честью для принимающаго. Поданнаго барана, по обычаю, начинаютъ ѣсть съ курдюка, а голова принадлежитъ самому почетному изъ гостей, который можетъ, впрочемъ, предоставить ее кому пожелаетъ [1].

Кистины отличаются болѣе строгимъ соблюденіемъ гостепріимства. Угощая

---

[1] Дневникъ русскаго солдата С. Бѣляева Библіотека для чтенія 1848 г. т. 88 и 89. Нѣчто о Чечнѣ Клингера Кавк. 1856 г. № 101. Горы и Чечня Записки Пассека (рукоп.) Экономическій и домашній бытъ жителей горскаго участка Ингушевскаго округа Грабовскаго. Сборникъ свѣдѣній о кавказс. горцахъ выпускъ III.

пріѣзжаго, кистинъ ни за что не сядетъ за столъ вмѣстѣ съ гостемъ — онъ всегда прислуживаетъ ему. Подавая часто воду, онъ снимаетъ шапку, желаетъ пить на здоровье, и стоитъ съ непокрытою головою до тѣхъ поръ, пока не возвратятъ ему поданнаго кувшина. Хозяинъ садится за столъ только тогда, когда гость встанетъ изъ-за него. Предлагая пріѣзжему отдохнуть, хозяинъ-кистинъ все время стоитъ, пока гость раздѣвается, а послѣ подходитъ къ нему и, погладивъ его по спинѣ своею шапкою, приговариваетъ: *дикинъ буисъ* (доброй ночи).

Выходящему гостю хозяинъ выноситъ ружье, подаетъ лошадь, придерживаетъ ее за узду и стремя, когда тотъ садится. Принявъ отъ хозяина оружіе, надѣвъ его на себя, гость прощается и послѣ того, взявъ изъ рукъ хозяина ружье, отправляется въ путь.

Каждый чеченецъ обязанъ проводить гостя до безопаснаго мѣста, или передать съ рукъ на руки другому чеченцу, своему знакомому, и вообще заботиться о безопасности и неприкосновенности гостя. Оскорбленіе, ограбленіе или убійство гостя, происшедшее отъ нерадѣнія или невниманія хозяина, подвергаетъ послѣдняго презрѣнію всего общества, и даже остракизму, который будетъ тяготѣть надъ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не загладитъ своего проступка отмщеніемъ тому лицу, которымъ было нанесено оскорбленіе гостю. «Остракизмъ, говоритъ А. П. Берже, выражается слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ: на дворѣ виноватаго насыпается бугоръ, который онъ, разумѣется, сноситъ днемъ, но въ слѣдующую ночь дѣлается то же самое, и это до тѣхъ поръ, пока онъ не смоетъ съ себя пятна за оскорбленіе гостепріимства».

Шамиль, стараясь развить въ народѣ систему взаимнаго наблюденія и доносовъ, значительно поколебалъ, въ подвластныхъ ему племенахъ, строгое наблюденіе обычая гостепріимства. Въ народѣ явилось недовѣріе къ пріѣзжимъ незнакомцамъ, а оттого скрытность и осторожность. Хотя нарушеніе правилъ этого обычая считается и до нашихъ дней преступленіемъ, но гостепріимство у чеченцевъ не то, что у черкесовъ. Послѣдніе не нарушаютъ его изъ принципа и убѣжденія, тогда какъ чеченецъ соблюдаетъ его въ точности, боясь остракизма.

Гостепріимство чеченца, говоритъ Пассекъ, далеко ниже того, какъ привыкли воображать: безъ расчета чеченецъ не испечетъ теперь гостю чурека (хлѣба), не зарѣжетъ барана, и было нѣсколько примѣровъ, что гости обкрадывали хозяина, хозяинъ обиралъ своихъ гостей (1).

Въ тѣхъ же обществахъ, которыя не были подъ властью Шамиля, гостепріимство и до сихъ поръ осталось на высокой степени своего развитія.

---

(1) Чечня и чеченцы. А. П. Берже. Нѣчто о Чечнѣ, Клингера Кавказъ 1856 г. № 97, и 101. Воспоминаніе о кистинахъ А. Зиссермана Кавк. 1851 г. № 94. Аулъ за Терекомъ А. Чужбинскаго Пантеонъ 1855 г. № 8. Горы и Чечня Пассека (рукопись).

Въ такихъ племенахъ, хозяинъ считаетъ великимъ для себя стыдомъ, позволить обидѣть и даже арестовать человѣка, переступившаго порогъ его сакли, хотя бы онъ былъ преступникъ. Случалось, что хозяева брались въ такихъ случаяхъ за оружіе и умирали, защищая своего гостя.

Гостепріимство существуетъ и между чеченскими женщинами. Онѣ посѣщаютъ другъ друга, преимущественно во время отсутствія мужей, или вообще во время отсутствія мужчинъ, но если къ хозяйкѣ дома приходитъ молодая, замужняя женщина, и хозяинъ, встрѣтившись съ нею, пожелаетъ познакомиться, то, по обычаю, большею частію проситъ ее подать ему напиться воды. Получивъ отъ нея просимое, хозяинъ долженъ чѣмъ-нибудь отдарить пришедшую въ гости, и съ тѣхъ поръ новая знакомая не убѣгаетъ отъ него; до того же времени, она старается не встрѣчаться съ хозяиномъ, а встрѣтившись, закрывается и отворачивается.

Въ обращеніи между собою чеченцы услужливы и охотно помогаютъ другъ другу.

Когда наступаетъ время полевыхъ работъ, напримѣръ запашки полей, сѣнокосовъ или осеннихъ работъ, которыя исполняются мужчинами, то чеченцы устраиваютъ родъ русской *помочи*. По недостатку быковъ и плуговъ, жители уговариваются запахивать поле сообща, составляя артели изъ нѣсколькихъ хозяевъ, имѣющихъ по двѣ или по одной скотинѣ. Кому работаютъ, тотъ обязанъ накормить всѣхъ два раза въ день, но съ окончаніемъ дневной работы каждый ужинаетъ у себя дома. Подобныя работы сопровождаются часто пѣснями, плясками и общимъ весельемъ.

Наружная деликатность и вѣжливость есть отличительная черта характера чеченцевъ. Мужчины, часто незнакомые между собою, при встрѣчѣ привѣтствуютъ другъ друга или отдаютъ *«селямъ»*; знакомые же привѣтствуются пожатіемъ руки, и всегда правой. Въ языкѣ ихъ не существуетъ, подобно другимъ народамъ, ни изысканныхъ ругательствъ, ни крѣпкихъ словъ. Въ минуты гнѣва, самою употребительною у нихъ бранью считается какое-нибудь пожеланіе, въ родѣ того: *чтобъ тебѣ голову сняли! чтобъ тебя пушкой убило,* и только въ рѣдкихъ случаяхъ, въ припадкѣ сильнаго гнѣва, чеченецъ произноситъ: *джалій корне* (собачій сынъ), что считается большимъ оскорбленіемъ. Если въ настоящее время чеченскій лексиконъ увеличился новыми ругательствами, то они большею частію заимствуются отъ сосѣдей-иноземцевъ.

Взаимныя отношенія молодыхъ людей и дѣвушекъ отличаются полнымъ уваженіемъ къ женской стыдливости, составляющей достоинство дѣвушки. Чеченецъ считаетъ недостойнымъ себя не только оскорбить чѣмъ-нибудь дѣвушку, но даже дотронуться до нея рукою; нарушившій этотъ обычай подвергается всеобщему презрѣнію, и, какъ увидимъ ниже, за подобнымъ поступкомъ слѣдуетъ весьма серьезная раздѣлка. Вообще въ характерѣ народа много гордаго и щепетильнаго.

Если чеченецъ имѣетъ надобность въ сосѣдѣ, то никогда не обращается къ нему съ просьбою прямо, а обыкновенно подсылаетъ къ нему сначала людей посторонних и такихъ, которые связаны съ нимъ дружбою; онъ проситъ ихъ вывѣдать мысли сосѣда. Потомъ, имѣя уже нѣкоторое ручательство за успѣхъ просьбы, отправляется самъ къ сосѣду, и также не заводитъ рѣчи прямо о своей просьбѣ, а начинаетъ издалека, намеками, какъ будто о предметахъ совершенно посторонних, и затѣмъ уже приступаетъ къ дѣлу. Съ другой стороны, отказать просителю въ просьбѣ считается дѣломъ неприличнымъ и можетъ оскорбить просителя. Получивъ просимое, проситель, иногда, по окончаніи дѣла, дѣлаетъ за услугу подарокъ, состоящій въ оружіи, баранѣ и т. п. Вообще чеченецъ не любитъ ничего просить у другаго, и въ Чечнѣ никогда не видно, чтобы коренные ея жители скитались по домамъ и просили милостыню. Христовымъ именемъ и подаяніемъ живутъ только одни тавлинцы, и потому чеченцы сознаютъ свое моральное превосходство надъ ними. Желая пріобрѣсти покупкою понравившуюся лошадь или другую какую-либо вещь, которыхъ у сосѣда двѣ или болѣе, чеченецъ собираетъ нѣсколько человѣкъ своихъ знакомыхъ, беретъ барана и отправляется вмѣстѣ съ ними къ сосѣду. Всѣ пришедшіе уговариваютъ, для дружбы, уступить коня или другую вещь покупщику. Отказать, въ этомъ случаѣ, считается постыднымъ. Заплативъ условленную цѣну, рѣжутъ барана, хозяйка готовитъ изъ него кушанья, собравшіеся поѣдятъ и расходятся, взявъ съ собою купленное.

Отказать въ чемъ-либо просящему грѣшно и стыдно; но лицемѣрить передъ нимъ—нѣтъ. Вѣроломство и сребролюбіе отличительныя черты испорченнаго чеченскаго характера.

Не смотря на то, что туземцы вышли изъ первобытнаго состоянія, что ведутъ осѣдлую жизнь, нравы ихъ находятся до сихъ поръ въ полудикомъ состояніи и глубоко испорчены. Запрещеніе, наложенное на пѣсни, музыку, пляску, табакъ, водку и сношеніе съ мирными, какъ поступки неприличные съ настоящимъ положеніемъ народа, ведущаго *газаватъ* (священную войну),—все это способствовало къ образованію суровости нравовъ. Съ другой стороны, рѣдкій чеченецъ не играетъ, не куритъ, тайкомъ разъѣзжаетъ къ мирнымъ, но дѣлаетъ это такъ скрытно, чтобы никто изъ сосѣдей не зналъ о его похожденіяхъ. Изъ всего этого вышло то, что скрытность, жестокость и мщеніе составляютъ преобладающій элементъ въ характерѣ чеченца. Грязные душею и тѣломъ, чуждые благородства, незнакомые съ великодушіемъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ, корыстолюбивые, вѣроломные и въ высшей степени исполненные самолюбія и гордости—таковы были чеченцы, по отзыву одного изъ лучшихъ знатоковъ ихъ характера.

Подобно черкесамъ, чеченцы горды, тщеславились своею независимостью и вѣрили въ широкую будущность своего народа и своей родины. Покидая съ трудомъ свое отечество, чеченецъ спѣшитъ какъ можно скорѣе вернуться подъ *свое родное одѣяло*—такъ называютъ они свои лѣса. Даже отправляясь на

богомолье, туземецъ сохраняетъ присутствіе духа только до тѣхъ поръ, пока его провожаютъ родные. Чеченцы считаютъ себя народомъ избраннымъ самимъ Богомъ, но для какой именно цѣли они предназначены и избраны, объяснить не могутъ. Вслѣдствіе такой самоувѣренности, они полагаютъ, что ни во взглядѣ на жизнь, ни въ своихъ мнѣніяхъ и приговорахъ, ошибиться не могутъ. Отъ этого у нихъ часто проявляется недовѣріе ко всему сказанному нами, ко всѣмъ дѣйствіямъ нашимъ, клонящимся прямо въ ихъ пользу. Мнительность и подозрительность, а вслѣдствіе того большая осторожность и предусмотрительность, видна во всемъ томъ, что исходитъ прямо отъ самого народа. Они ласковы, по собственному ихъ выраженію, только потому, чтобы не подать подозрѣнія о склонности къ воровству и грабежу. На слово чеченца положиться нѣтъ возможности. Онъ васъ любитъ какъ брата, но горсть серебра—и онъ готовъ отдать васъ въ самыя адскія руки. «Какъ прежде онъ дѣлилъ съ вами вашу тоску, самъ плакалъ, смотря на васъ, считая васъ выше себя, цѣловалъ даже ваши руки—такъ послѣ засмѣется на ваши слезы и захохочетъ, какъ надъ ребенкомъ, при вашемъ грустномъ взглядѣ при прощаніи съ нимъ. Серебро тогда измѣняетъ въ немъ все. Какъ красивъ онъ и строенъ, такъ точно и гнусенъ порой. Склонность ко всему прекрасному и скорый переходъ ко всему дурному поразительны».

Причину такой испорченности характера надо искать въ кровавыхъ переворотахъ, которымъ подвергались чеченцы отъ нашествія и раззореній иноплеменниковъ и въ борьбѣ съ лишеніями всякаго рода. Добрая нравственность народа только и поддерживается еще прежними преданіями старины, сказаніями о патріархальныхъ временахъ, когда понятія ихъ были дѣвственны и чисты. Въ позднѣйшее же время, тиранія Шамиля окружила чеченцевъ системою доносовъ другъ на друга и, еще болѣе, упрочила испорченность характера, развивъ въ народѣ фискальство и ябедничество.

Какъ всѣ полудикіе народы, и чеченцы отличаются вспыльчивымъ и неукротимымъ нравомъ и весьма склонны къ мстительности, коварству и низки систематически. Находясь на самой низкой степени развитія, чеченецъ легковѣренъ, впечатлителенъ, быстръ на знакомство и всегда веселъ. Одно впечатлѣніе быстро смѣняется другимъ. Подъ веселостію у него часто скрывается чувство мести за обиду. Въ минуты увлеченій, во время споровъ или ссоръ, они тотчасъ же бросаются другъ на друга съ оружіемъ, а это неизбѣжно влечетъ за собою кровопролитія и убійства, вызывающія безконечную вражду и мщеніе. Самая храбрость ихъ была кровожадность или разсвирѣпѣлость дикаго звѣря. Фанатизмъ нѣсколько возвышалъ ихъ душу и они готовы были гибнуть за вѣру. Худо одѣтый, подъ дождемъ, босой, по грязи, безъ теплой пищи—чеченецъ, во имя вѣры, переносилъ терпѣливо и усталость, и болѣзнь.

Умственное развитіе чеченцевъ далеко опередило нравственное: они очень искусные дипломаты, какъ между собою, такъ и съ русскимъ правительствомъ. Они чрезвычайно тонки, осторожны, дальновидны въ своихъ дѣйствіяхъ, чему

способствуетъ ихъ врожденная недовѣрчивость, а главное безпрерывныя насилія и вѣчная война. Чеченецъ богато одаренъ умственными способностями, но, къ сожалѣнію, и они получили фальшивое направленіе, при той обстановкѣ, при которой онъ развивался. Суровая природа, окружающая нѣкоторыя племена, и искаженный магометанскій деспотизмъ Шамиля, препятствовавшій развитію въ народѣ понятія объ изящномъ, дали такое направленіе умственнымъ способностямъ его подвластныхъ. Такъ, природа и топографическія условія *беноя* или, въ переводѣ, *вороньяго гнѣзда*, поселившагося въ верховьяхъ праваго притока р. Аксай, представляетъ всѣ данныя, способствующія къ доведенію народа до полной дикости. Оттого беноевцы совершенно не развиты и не далеки отъ идіотизма. «Войдя или, лучше, неуклюже ввалившись къ вамъ въ комнату, беноевецъ, оборванный и грязный, озирается какъ дикая кошка, а начиная излагать что-нибудь, съ большимъ трудомъ связываетъ мысли, при чемъ, въ видахъ выигрыша времени, для подбора словъ, безпрестанно отплевывается».

Жители лѣсовъ значительно грубѣе поселившихся на долинѣ, но какъ тѣ, такъ и другіе, не чужды переимчивости и развитія. Многіе изъ ауховцевъ, напримѣръ, знаютъ русскій языкъ, заимствовали огородничество, питье чая, окна съ рамами и стеклами, водовозныя бочки, меблировку комнатъ и другія мелочи (1).

Такое скорое заимствованіе совершенно въ характерѣ чеченца, какъ человѣка живаго, гибкаго, подвижнаго и отличающагося проворствомъ, ловкостію и силою. Наружность его благообразна; онъ стройно сложенъ, большею частію сухощавъ, блѣднолицъ, съ быстрымъ и умнымъ взглядомъ, отличающимся рѣзкими чертами лица и орлинымъ носомъ. Чеченецъ одѣвается безъ всякихъ затѣй, все по мѣркѣ, все къ мѣсту и ничего лишняго. Сшитый изъ желтаго или сѣраго сукна собственнаго издѣлія *чекмень* или *чуа* плотно и въ обтяжку охватываетъ его гибкую талію; *бешметъ* или *архалукъ* его бываетъ разныхъ цвѣтовъ, но лѣтомъ преимущественно изъ бѣлой матеріи. Чеченецъ носитъ суконные шаровары, съуживающіеся къ низу, а *чевяки* или *мачи*, приготовленныя изъ сыромятной лошадиной кожи, составляютъ его обувь. Чевяки плотно охватываютъ ногу такъ, чтобы обрисовать ее—это шикъ и щегольство. Желающіе блеснуть чевяками надѣваютъ ихъ, подобно черкесамъ, не прежде какъ достаточно размочивъ въ водѣ. Нѣкоторые носятъ кожаные *чирики*—родъ башмаковъ, иногда безъ подошвы, а иногда подъ нихъ подшивается подошва изъ буйволовой кожи. Зимою туземецъ облекается въ полстяные теплые чевяки, похожіе на валенки. На головѣ чеченецъ носитъ *папахъ*, представляющій родъ конусообразнаго мѣшка изъ овчины, обращенной

(1) Нѣчто о Чечнѣ Клингера Кавказъ 1856 г. № 97 и 101. Этнографическій очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукопись). Горы и Чечня. Записки Пассека (рукоп.) Чечня и чеченцы Ад. Берже изд. 1859 г. Шамиль и Чечня Воен. Сборн. 1859 г. № 9. Дневникъ русскаго солдата С. Бѣляева Библіотека для чтенія 1848 г. т. 88. Изъ Нагорнаго округа П. Пѣтухова Кавк. 1866 г. № 53.

шерстью во внутрь, съ завороченными на верхъ краями, образующими мѣховой околышъ, или *курпей*. Нарядное платье своё чеченцы обшиваютъ узкимъ галуномъ, приготовленнымъ дома, довольно прочно и красиво.

Кистины носятъ также черкески съ патронами на груди. Бѣлая рубашка ихъ сшита на подобіе нашей, съ воротникомъ завязываемымъ спереди тесемкой. На ногахъ носятъ родъ чеvяковъ, у которыхъ, вмѣсто подошвы, тонко сплетенные ремешки; шапка круглая, черкеская. На туго стянутомъ ременномъ поясѣ, хорошо обрисовывающемъ тонкую талію кистина, виситъ длинный кинжалъ и пистолетъ, а за плечами винтовка въ войлочномъ чахлѣ. Шашку кистины употребляютъ рѣдко, и то только люди зажиточные. Не богатые лошадьми, кистины отличные ходоки-пѣшеходы, и по большей части превосходные стрѣлки.

Одежда чеченскихъ женщинъ довольно живописна, хотя мало отличается отъ обыкновеннаго татарскаго женскаго костюма. Они носятъ одноцвѣтныя, краснаго или синяго цвѣта, длинныя рубашки, доходящія до колѣнъ, съ длинными же рукавами и цвѣтными надплечіями. Поверхъ рубашки надѣваютъ бешметъ, или архалукъ, широкіе шальвары, подвязанные у чевякъ, и на ногахъ чевяки. Зимою женщины носятъ шубы, но надѣвать ихъ дѣвушкамъ у нѣкоторыхъ племенъ чеченскаго народа считается большимъ срамомъ. Костюмъ женщинъ отличается бо́льшею чистотою и опрятностію. На головѣ онѣ носятъ небольшія шапочки, разукрашенныя монетами и другими блестящими бездѣлушками; большинство же повязываетъ голову длинными бѣлыми платками, но покрывалъ въ горахъ по большей части не носятъ вовсе, лица своего не скрываютъ и не прячутся отъ мужчинъ. Въ пригорныхъ же мѣстахъ, чеченки носили покрывало, хотя и откидное, но которое, при встрѣчѣ съ мужчиной, должны были тотчасъ же опускать. Наружныхъ украшеній изъ серебра въ костюмѣ женщины, особенно горной Чечни, очень мало; вмѣсто серегъ въ ушахъ онѣ носятъ проволочныя или серебряныя круглыя кольца, смотря по достатку, и иногда кольца эти бываютъ значительныхъ размѣровъ и доходятъ до трехъ дюймовъ въ діаметрѣ. Въ богатыхъ семействахъ, одежда женщинъ отличается своею роскошью и изысканностію. Малиновый шелковый бешметъ, стянутый на тонкой таліи серебрянымъ поясомъ, такого же цвѣта шальвары, спускающіеся къ ладыжкѣ, у которой пристегиваются серебрянымъ галуномъ, и на ногахъ пунцовыя, сафьяныя туфли, шитыя золотомъ, составляютъ костюмъ женщины зажиточнаго чеченца [1]. Съ другой стороны, красная рубашка и ситцевые шальвары, обрисовывающіе едва развивающіяся молодыя формы, составляютъ

---

[1] Поѣздка въ Ичкерію И. Ограновича Кавк. 1866 г. № 22. Изъ Нагорнаго округа П. Пѣтухова Кавк. 1866 г. № 95. Чечня и чеченцы Ад. Берже Издан. 1859 г. Изъ воспоминаній кавказскаго офицера Волконскаго Кавк. 1860 г. № 56. Воспоминаніе о кистахъ А. Зиссермана Кавк. 1851 г. № 93. Дневникъ русскаго солдата С. Бѣляева. Библіотека для чтенія 1848 г. т. 88 и 89. Плѣнъ у Шамиля Вердеревскаго час. I.

весь нарядъ бѣдной чеченки, рано теряющей свою красоту и внѣшнюю прелесть, благодаря тѣмъ кувшинамъ съ водою и мѣшкамъ съ мукою, которыя ей приходится таскать, и которыя гнетутъ женщину чуть-ли не со дня ея рожденія.

«Напрасно многіе прельщаются красотой этихъ дикарокъ, говорить С. Бѣляевъ: очаровательнаго я не нашелъ въ этихъ куклахъ. Правда, онѣ красивы какъ картинки, но дикій взглядъ, бездушіе въ чертахъ, съ одною чувственностію, и коварство въ улыбкѣ не могутъ назваться идеаломъ. Нѣтъ того взгляда, какъ въ лицѣ скромной европеянки, хотя не красавицы».

Вообще прекрасный полъ въ Чечнѣ не такъ красивъ какъ мужчины.

По закону Магомета, женщина—рабыня, лишенная правъ, дарованныхъ мужчинѣ, существо вполнѣ зависящее отъ мужа: она не видитъ другаго исхода подышать свободой, какъ посредствомъ исполненія всѣхъ прихотей своего супруга—и вотъ съ дѣтства, съ молокомъ матери, закрадывается въ нихъ лисья хитрость, въ слѣдствіе которой чеченецъ не вѣритъ въ прочность и постоянство чувствъ женщины; онъ считаетъ ихъ измѣнчивыми и скоро проходящими. Никогда мужъ не подаритъ свою жену ласковой улыбкой, и, сознавая свое положеніе, жена, какъ раба, покорна его взгляду, въ которомъ ищетъ себѣ приказанія и ловитъ его малѣйшее движеніе. Чеченская женщина составляетъ эхо мужчины. На ней въ полной степени отражается и хорошее, и дурное ея мужа, отца или брата. Появленіе мужчины среди женскаго общества заставляетъ послѣднее прекратить начатый разговоръ; женщины обязаны встать передъ нимъ, какимъ бы дѣломъ ни занимались, и не садиться до тѣхъ поръ, пока пришедшій самъ не сядетъ, не выйдетъ или не пригласитъ ихъ садиться.

Мужчина, считая женщину гораздо ниже себя, смотритъ на нее свысока, держитъ себя далеко. Мужъ почти никогда не раздѣляетъ съ женою ни трапезы, ни горя, ни радости, и если разсказываетъ о своемъ наѣздничествѣ, удальствѣ и удачѣ, то не для того, чтобы удвоить свою радость, а для того, чтобы, порисовавшись передъ нею, возбудить въ ней удивленіе и еще большую къ себѣ покорность. О дѣлахъ серьезныхъ, а тѣмъ болѣе секретныхъ, чеченецъ не станетъ никогда говорить съ женою.

— Сказать женщинѣ—сказать всему свѣту, говоритъ чеченецъ.

Рабское положеніе женщины кладетъ на нее и рабскіе отпечатки. На лицѣ женщины никогда не проявляется ни сердечной тоски, ни истинной радости. «Если какая взглянетъ на васъ мило, то это—взглядъ только природы или мимолетное чувство, намекъ на совершенство. Любовь ея вѣроломна, слова—огонь. Подойдите—не останется въ васъ праху; покоритесь—она адски засмѣется надъ вами. Нѣтъ въ жизни ничего отвратительнѣе, какъ лицо старухи-горянки».

Но еслибы въ это прекрасное созданіе горъ, у котораго воспріимчивость

какъ бы трепещетъ съ молодыхъ лѣтъ, вдохнуть хорошія нравственныя начала, то, конечно, оно могло бы стать идеаломъ совершенства (¹).

Большая часть женщинъ не застѣнчивы, не прочь пококетничать и до крайности влюбчивы.

Чувственная отъ природы и мало развитая, чеченская женщина предается своей страсти вполнѣ и до послѣдней степени. Въ такихъ случаяхъ для нея нѣтъ ни предѣловъ, ни ограниченій. Подъ вліяніемъ страсти, молодая дѣвушка не стѣснится въ глухую ночь пробраться къ саклѣ того, кому рѣшилась отдаться. Полная страха и сомнительныхъ надеждъ, она, постучавши въ дверь и перешагнувши порогъ, встрѣчается глазъ на глазъ съ любимымъ человѣкомъ, и, въ волненіи объясняя ему цѣль своего прихода, «она машинально поправляетъ въ каминѣ тускло догорающія дрова». Часто тотъ, къ кому она пришла, видя некрасивую наружность незваной гостьи, равнодушно выслушиваетъ ея признаніе и, понявъ въ чемъ дѣло, еще равнодушнѣе отворяетъ дверь и предлагаетъ ей удалиться. Привыкшая къ покорности, дѣвушка безъ ропота, безъ укоризны оставляетъ дорогой ей домъ и пробирается на разсвѣтѣ подъ кровъ своихъ родныхъ, для которыхъ ночное отсутствіе ея не осталось тайною.

Послѣдствіемъ такой рѣшимости, дѣвушку ожидаетъ брань, побои и названіе распутной. Если она впечатлительна и обладаетъ сильнымъ характеромъ, то, послѣ подобнаго поступка, дѣлается скрытною, задумчивою и нерѣдко доходитъ до идіотизма. Напротивъ того, женщина слабаго характера пускается въ полный и разгульный развратъ, какъ бы въ отмщеніе тому, кто не съумѣлъ оцѣнить ея искренняго увлеченія и безкорыстной любви.

Отличаясь столь сильною впечатлительностью и подъ вліяніемъ первой любви, дѣвушка не знаетъ ни благоразумія, ни предѣловъ для удовлетворенія своей страсти и для любимаго человѣка готова на самоубійство.

Храбрость и удальство мужчины это такія свойства, противъ которыхъ не въ состояніи была устоять ни одна дѣвушка, даже и въ томъ случаѣ, еслибы предметъ ея страсти былъ дуренъ собою: лицо мужчины для чеченской дѣвушки вещь самая послѣдняя.

Чтобы завладѣть храбрымъ джигитомъ, чтобы достигнуть своей цѣли, дѣвушка употребляетъ всѣ зависящія отъ нея средства, пускаетъ въ ходъ всѣ свои чарующія знанія, волшебство, созданное суевѣріемъ народа, и не рѣдко прибѣгаетъ къ гаданію, какъ къ средству узнать заранѣе будущую свою судьбу и предстоящее счастіе.

Взявъ кусокъ зеркала и положивъ его въ каминъ, дѣвушка взбирается на кровлю сакли и оттуда, черезъ трубу, пристально смотритъ въ него. Посмотрѣвши такимъ образомъ двѣ, три минуты, если она не видитъ въ зеркалѣ

(¹) Дневникъ русскаго солдата С. Бѣляева Библіотека для чтенія 1848 г. т. 88. Кое что изъ жизни ичкеринцевъ Попова Терскія вѣдомости 1868 г. № 32.

суженаго, то береть изъ каждаго угла, или же по направленію четырехъ странъ свѣта, немного земли и, завязавъ ее въ узелокъ, кладетъ на ночь подъ подушку, съ полнымъ убѣжденіемъ, что увидитъ во снѣ своего желаннаго.

Если гаданье это, извѣстное подъ именемъ *кюсѣхажіу*, не удовлетворитъ завѣтнаго желанія, тогда дѣвушка обращается къ ворожеѣ, и та, взявши девять небольшихъ камней и пошептавши на двухъ изъ нихъ имена любящихъ сердецъ, бросаетъ одновременно всѣ камни на землю. По расположенію камней на землѣ, по паденію и численности ихъ между камнями, обозначающими влюбленныхъ, старуха дѣлаетъ свои заключенія о возможности соединенія или о препятствіи, которое можетъ при этомъ встрѣтиться.

Достигая своей цѣли, дѣвушка не обращаетъ вниманія на упреки, не страшится ихъ, и съ самоотверженіемъ готова выставить себя на позоръ: въ этомъ случаѣ она циникъ въ полномъ значеніи этого слова. Она не стѣснится тогда открыто отправиться къ муллѣ и попросить его дать ей такой талисманъ, который бы приворожилъ къ ней любимаго человѣка. Мулла охотно соглашается исполнить просьбу страстной горянки. Онъ беретъ кожаный треугольничекъ, вынимаетъ оттуда бумажку, сложенную тоже треугольникомъ, и показавъ, что на немъ начертаны кружечки, арабскія цифры и разныя слова—словомъ не понятная для нея тарабарщина, передаетъ ихъ дѣвушкѣ.

— Напиши, говоритъ онъ ей при этомъ, имя того, кого ты любишь, потомъ имя его отца и матери, а также и всѣ эти знаки и, свернувъ бумажку такимъ же образомъ, положи ее куда-нибудь въ такое мѣсто, чтобы возлюбленный твой наступилъ на нее нечаянно.

Всѣ эти совѣты она исполнитъ въ точности, и нѣтъ для нея такого поступка, на который она бы не рѣшилась для любимаго человѣка. «Отказать въ рукѣ одному, двумъ, тремъ бывшимъ въ виду у родныхъ ея и родственниковъ, и бѣжать на сторону къ другому, о существованіи котораго знали немногіе; подвергнуться упрекамъ знакомыхъ, проклятіямъ родныхъ, прервать на всегда связь съ отцомъ и матерью»—все это для чеченки не значитъ ничего, въ сравненіи съ тѣмъ новымъ заманчивымъ положеніемъ, которое рисуетъ ея пылкое воображеніе. Но еслибы шагъ этотъ былъ сдѣланъ неудачно, никто не услышитъ отъ женщины жалобы ни на мужа, ни на свое положеніе.

Пришедшая въ домъ мужчины дѣвушка, по обычаю, становится его женою. Никто не въ правѣ расторгнуть этого брака, и роднымъ волею или неволею остается согласиться и пожелать молодымъ счастья; тогда задаютъ пиръ—и дѣло кончено. При такомъ бракѣ, мужъ имѣетъ право отказать роднымъ своей жены въ подаркахъ и угощеніи, между тѣмъ какъ, при обыкновенномъ сватовствѣ, онъ не можетъ избѣгнуть подарковъ, превышающихъ иногда калымъ, который всегда получаетъ дѣвушка или вдова, при какихъ бы условіяхъ ни выходила замужъ.

Женитьбѣ, совершаемой обыкновеннымъ способомъ, всегда предшествуетъ

сговоръ или сватовство. Случалось, въ прежнее время, что родители, еще во время младенчества своихъ дѣтей, обѣщались породниться другъ съ другомъ и, въ залогъ калыма, давали пулю, газырь черкески или нѣсколько денегъ. Дѣти, подростая, мало по малу свыкались съ своимъ положеніемъ.

Желая засватать дѣвушку, родители жениха засылаютъ сватовъ, которые и дѣлаютъ предложеніе родителямъ дѣвушки выдать ее замужъ. Если родители ея согласны, то призываютъ дѣвушку и спрашиваютъ: согласна ли она выйти за такого-то. Такое допрашиваніе составляетъ только форму требуемую обычаемъ. Дѣвушка, въ большинствѣ случаевъ, исполняетъ безпрекословно волю родителей, а если и высказываетъ протестъ, то на него не обращаютъ никакого вниманія, развѣ имѣется въ виду другой болѣе выгодный женихъ, или дѣвушка чувствуетъ видимое отвращеніе къ сватующемуся. Когда согласіе на бракъ состоится, то женихъ дѣлаетъ невѣстѣ подарокъ, состоящій изъ шелковаго головнаго платка и нѣсколькихъ рублей денегъ.

Въ случаѣ отказа родителей выдать свою дочь за человѣка ищущаго ея руки, народный обычай даетъ средство получить дѣвушку и помимо воли ея родителей, съ согласія ея брата. Стоитъ только брату, во время пирушки или обѣда, выпить за здоровье своей сестры съ человѣкомъ, дѣлающимъ ей предложеніе, и принять отъ него подарокъ, тогда сестра его считается засватанною, и онъ обязанъ принудить отца выдать ее именно за того, съ кѣмъ пилъ за ея здоровье. Въ противномъ случаѣ, отдарившій брата преслѣдуетъ его какъ за кровную обиду. Впрочемъ, къ такому странному обычаю прибѣгаютъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда уже рѣшительно нѣтъ никакой надежды получить руку дѣвушки по прямому согласію ея родителей.

Чеченскія свадьбы совершаются рано: дѣвушка выходитъ замужъ, какъ только исполнится ей двѣнадцать лѣтъ, и самое позднее въ пятнадцать; молодые люди женятся съ наступленіемъ семнадцати-лѣтняго возраста. Часто домашнія работы, которыя всѣ лежатъ на обязанности женщины, заставляли родителей, изъ личныхъ выгодъ, удерживать дочь долгое время въ семействѣ и отказывать женихамъ, что было весьма невыгодно для Шамиля, при безпрерывной войнѣ, истреблявшей народонаселеніе въ значительной степени. Для искорененія этого зла, имамъ принялъ на себя наблюденіе за тѣмъ, чтобы не было ни молодыхъ вдовъ, ни пожилыхъ дѣвушекъ.

Въ послѣднее время своей власти, Шамиль прибѣгалъ къ такъ называемымъ насильственнымъ бракамъ.

Непомѣрно большой калымъ за невѣсту (отъ 80—200 р. с.) былъ причиною того, что большинство населенія не въ состояніи было внести его при тогдашнихъ военныхъ обстоятельствахъ. Оттого число браковъ въ Чечнѣ было значительно менѣе въ сравненіи съ прочими горскими народами, такъ что, по словамъ Шамиля, онъ засталъ въ Чечнѣ *множество дѣвокъ съ сѣдыми волосами и совсѣмъ дряхлыхъ стариковъ, весь свой вѣкъ проживишихъ холостыми.* Прямымъ

послѣдствіемъ всего этого были безпрестанные побѣги молодыхъ людей обѣихъ половъ, безнравственность и убійства. Чтобы устранить это зло, Шамиль собралъ къ себѣ старшинъ изъ всѣхъ чеченскихъ обществъ и предложилъ имъ установить для калыма норму, которой придерживался самъ пророкъ, и именно 20 руб. за дѣвушку и 10 руб. за вдову. Старшины согласились, но просили прибавить отъ 6 до 8 руб. собственно на свадебныя издержки. Уступивъ просьбѣ старшинъ, Шамиль распорядился о прекращеніи похищеній и запретилъ мулламъ совершать надъ бѣглецами брачный обрядъ подъ опасеніемъ зашитія рта; самихъ бѣглецовъ приказано немедленно разлучать и возвращать въ родительскіе дома, гдѣ, на основаніи шаріата, ихъ, какъ совершившихъ блудъ, подвергали ста палочнымъ ударамъ и за тѣмъ изгоняли мужчинъ на одинъ годъ изъ аула. Противъ-же дѣвушекъ, не выходящихъ замужъ по своей волѣ и отличающихся веселымъ характеромъ, принимались особыя мѣры. Наибъ обыкновенно, призвавъ къ себѣ родственника дѣвушки (отца, брата и т. п.) предлагалъ ему, въ видѣ дружескаго совѣта, похлопотать о женихѣ для своей родственницы, но если призванный оказывалъ сопротивленіе или упрямился и говорилъ, что трудно найти жениха въ своемъ околодкѣ, тогда ему указывали на другія селенія, гдѣ есть много молодыхъ людей, нуждающихся въ подругѣ жизни. За тѣмъ давалось мѣсяцъ срока, и если совѣтъ наиба не былъ исполненъ, то глава семейства подвергался заключенію въ яму, гдѣ и содержался до выхода замужъ его дочери или сестры.

Точно также вдова не могла оставаться одинокою болѣе трехъ мѣсяцевъ; въ продолженіе столь короткаго времени она должна была непременно найти себѣ мужа. По причинѣ распространенной въ Чечнѣ полигаміи, женщина рѣдко встрѣчала въ этомъ затрудненіе, и въ особенности, если была молода и не дурна собою. Для повѣрки, исполняется-ли постановленіе имама, пять или шесть человѣкъ мюридовъ, посылаемые наибомъ, отъ времени до времени обходили аулы подвластнаго наибу владѣнія; и искали презрѣлыхъ невѣстъ, молодыхъ вдовъ и не женившихся еще молодыхъ людей. Отыскавъ женщину, которая не вышла еще замужъ, узнавали почему это такъ случилось, и, въ случаѣ не удовлетворительнаго отвѣта, сажали родственника ея въ яму.

— Кого любишь? спрашивали между тѣмъ мюриды женщину, не отыскавшую себѣ мужа.

Женщина называла по имени какого-нибудь мужчину, отъ котораго вывѣдывали: желаетъ ли онъ жениться на такой-то. При согласіи, мюриды и родственники сговоренныхъ стрѣляли, какъ бы въ укрѣпленіе и подтвержденіе состоявшагося сговора. Если мужчина не соглашался вступить въ бракъ съ предлагаемою ему невѣстою, то ее отпускали, отказавшемуся отъ брака приказывали выбрать себѣ непремѣнно невѣсту, а отвергнутой имъ дѣвушкѣ или ея матери, въ знакъ признательности, подарить что нибудь.

Эта столь суровая мѣра въ сущности не была противна народу, и въ

особенности молодежи, которая была очень довольна тѣмъ, что Шамиль, принимая въ соображенiе общую нужду и бѣдность, долженъ былъ, для лучшаго достиженiя своей цѣли, значительно понизить калымъ или плату за невѣсту. Прежде калымъ доходилъ до 200 руб. Шамиль же ограничилъ его двумя коровами или взносомъ вмѣсто нихъ денегъ, отъ 10 до 20 рублей. Въ Ичкерiи калымъ за дѣвушку положенъ былъ въ 28 р., а за вдову 16 руб. (¹).

Въ мѣстахъ раззоренныхъ и близкихъ къ нашимъ границамъ, женихъ отдавалъ отцу невѣсты только три рубля, обѣщая остальные уплатить впослѣдствiи, и обязывался имѣть всегда на имя жены или лошадь, или пару воловъ и коровъ, или нѣсколько штукъ мелкаго скота.

Составляя собственность жены, животныя эти могли быть проданы или обмѣнены съ ея согласiя, а въ случаѣ падежа или покражи этого скота, мужъ или покупалъ новыхъ, или выдавалъ женѣ половину ихъ стоимости, дѣля убытокъ пополамъ. Дешевое прiобрѣтенiе жены было причиною того, что, въ послѣднее время, въ Чечнѣ было очень много свадьбъ, а черезъ то увеличенiе народонаселенiя и, главное, соблюденiе болѣе строгой чистоты семейныхъ нравовъ.

Не смотря однако же на незначительность калыма, многiе изъ чеченцевъ не въ состоянiи были уплатить его сразу, и это служило причиною того, что между сговоромъ и женитьбою проходило не рѣдко нѣсколько лѣтъ. Получивъ согласiе на бракъ, женихъ, кромѣ подарка невѣстѣ, даритъ отца невѣсты или ея ближняго родственника, смотря по достатку и средствамъ, или оружiемъ, лошадью, или кускомъ матерiи, и вмѣстѣ съ тѣмъ задаетъ пиръ. Богатый закалываетъ для этого корову, быка или нѣсколько овецъ, бѣдный— одного, много двухъ барановъ. Невѣстѣ шьется рубашка и приданое по условiю. Послѣ сговора, женихъ имѣетъ право повидаться со своей возлюбленной, но такъ, чтобы никто не былъ свидѣтелемъ ихъ свиданiя. Точно такъ же женихъ, до свадьбы, избѣгаетъ встрѣчи съ родителями невѣсты. Встрѣчаясь же въ обществѣ, или вообще при постороннихъ лицахъ, невѣста отворачивается отъ жениха, стараясь сдѣлать такъ, чтобы онъ не видалъ ея лица. Вступить въ разговоръ жениху съ невѣстой считается дѣломъ весьма неприличнымъ.

По народному обычаю, молодой человѣкъ, сдѣлавшись женихомъ, прiобрѣтаетъ уже нѣкоторыя права надъ своею будущею невѣстою. Онъ можетъ отказаться отъ нея, или, по ея просьбѣ, дозволить ей выйти за другаго, но дѣвушка сама собою не можетъ отказаться отъ жениха, а должна упросить и дождаться безропотно дозволенiя или согласiя освободить ее, или чтобы женихъ, заплативъ калымъ, взялъ ее въ жены. Этимъ послѣднимъ правомъ молодые люди не рѣдко пользовались. Разсердившись на свою невѣсту или имѣя въ виду болѣе выгодную свадьбу, молодой человѣкъ нарочно оттягивалъ неопредѣленное положенiе засватанной дѣвушки, и часто, считаясь же-

(¹) Прибавочные восемь и шесть рублей шли собственно на свадебныя издержки.

нихомъ въ одномъ, сватался въ другомъ семействѣ и, получивъ согласіе, сочетался бракомъ съ тою дѣвушкою, съ которой находилъ болѣе выгоднымъ. Впрочемъ родители первой невѣсты, замѣтивъ уклоненіе жениха, могли сами отказать ему. Подъ предлогомъ того, что дочь молода, или необходима для работы въ семействѣ, отецъ отвозилъ жениху сдѣланные подарки, возвращалъ калымъ, и тогда дѣвушка, сдѣлавшись свободною, вольна была избрать себѣ другаго.

Магометанская религія допускаетъ многоженство, и потому въ нѣкоторыхъ поколѣніяхъ чеченскаго народа можно встрѣтить такихъ лицъ, которыя имѣютъ по двѣ, а иногда и по три жены. Число женъ не зависитъ отъ состоятельности мужчины, и не рѣдко люди бѣдные имѣютъ по нѣскольку женъ, а въ результатѣ весьма почтенную цифру дѣтей, число которыхъ доходитъ иногда до 17 человѣкъ однихъ живыхъ, не считая столькихъ же умершихъ. Весьма рѣдко мужчина беретъ себѣ жену изъ одного съ нимъ аула, большею же частію онъ старается взять изъ другаго, но одноплеменнаго съ нимъ селенія. Отецъ не выдастъ дочери, братъ сестры за иноземца, въ особенности за тавлинца, котораго, какъ мы видѣли, чеченцы презираютъ, считая ихъ бездомными и бродягами. «Чеченское семейство, говоритъ Ад. П. Берже, породнившееся съ Хаджи-Муратомъ, человѣкомъ весьма значительнымъ, стяжавшимъ себѣ славу джигита и любимца Шамиля, не смотря на все это, долго терпѣло обидныя насмѣшки отъ своихъ соплеменниковъ. До такой степени чеченцы считаютъ себя выше тавлинцевъ!»

За четыре дня до свадьбы, невѣсту отводятъ въ домъ родственниковъ жениха, и въ этотъ день ее наряжаютъ, бѣлятъ, румянятъ и выщипываютъ часть бровей, съ цѣлію подравнять ихъ. Нарядъ ея отличается той изысканностью, которая возможна только по средствамъ и достатку родныхъ, выдающихъ ее замужъ. Поверхъ длинной рубашки изъ клѣтчатой бязи, накинутъ синій ситцевый архалукъ, съ желтымъ кантомъ изъ канауса; на головѣ повязанъ черный шелковый платочекъ, а сверхъ его прикрѣплено длинное бѣлое покрывало. На ногахъ надѣты красные сафьяные полусапожки или родъ сандалій съ высокими подборами. Таковъ нарядъ невѣстъ большей части населенія, не имѣющаго большихъ средствъ и состоянія. Остальное приданое невѣсты состоитъ преимущественно изъ домашней утвари и посуды, напримѣръ: двухъ котловъ, сковороды, жестяннаго блюда и небольшаго сундука съ архалуками и нѣсколькими рубашками. Отецъ или родственникъ дѣвушки, получивъ калымъ отъ жениха, обязанъ отдать его весь сполна дочери при выходѣ ея замужъ. Въ то время, когда невѣста одѣвается, въ комнату ея сбираются сосѣднія и знакомыя ей женщины. Поднимается стряпня, варенье, печенье, шумъ и гамъ. Въ одномъ углу приготовляютъ кушанья, въ другомъ набиваютъ тюфякъ сѣномъ, въ третьемъ одѣяло и подушку шерстью.

По обычаю, женихъ отправляетъ за невѣстою, на арбѣ, какую нибудь бойкую старуху, отличающуюся своимъ острымъ языкомъ, и съ нею чело-

вѣкъ тридцать молодежи, извѣстныхъ своею удалью. Весь этотъ поѣздъ недалеко отъ дома невѣсты, встрѣчается крикомъ и бранью мальчишекъ, камнями и выстрѣлами. Отшучиваясь и обороняясь какъ кто умѣетъ, посланные подъѣзжаютъ къ дому, и у дверей комнаты невѣсты встрѣчаютъ одного изъ ея родственниковъ, который запираетъ передъ ихъ носомъ дверь и требуетъ подарка. Кинжалъ въ руки привратника и завѣтная дверь растворяется, но тамъ ожидаетъ цѣлая толпа женщинъ, которая встрѣчаетъ пріѣзжихъ иглами, булавками и ножницами. На нихъ рвутъ черкески и бешметы, отнимаютъ шапки, такъ, что многіе выходятъ изъ комнаты безъ рукавовъ и полъ платья. Натѣшившись и нашумѣвшись вдоволь, заключаютъ мировую и всѣ садятся за угощеніе.

Невѣста, закрытая покрываломъ, помѣщается отдѣльно, за ковромъ, который совершенно закрываетъ ее отъ постороннихъ глазъ. Всѣ собравшіеся гости, кромѣ невѣсты, разсаживаются на полу, кто гдѣ попало. Невѣста не должна ничего ѣсть въ этотъ день, а женихъ долженъ держать постъ въ теченіе трехъ дней. Послѣ угощенія невѣсту сажаютъ на арбу, часто закрытую, и отвозятъ въ домъ жениха, который, по обычаю, долженъ находиться въ это время въ отсутствіи. Толпа односельцевъ сопровождаетъ церемоніальный поѣздъ невѣсты. Конные всадники скачутъ взадъ и впередъ около скрипучей арбы, джигитуютъ, стрѣляютъ или поютъ свою монотонную пѣсню: *ля-илляхи-илъ-Алла!;* мальчишки, гоняясь за верховыми, хлещутъ лошадей ихъ длинными хворостинами.

Въ саклѣ жениха, въ ожиданіи пріѣзда невѣсты, происходитъ суматоха: варятъ мясо, пекутъ хлѣбъ, убираютъ саклю. Самъ хозяинъ съ озабоченнымъ видомъ толкается по двору, дѣлая кое-какія наставленія, сердится, старается быть серьезнымъ, а въ сущности думаетъ о томъ, какъ бы скорѣе кончилось томительное ожиданіе. Толпа женщинъ копошится около котловъ, а ребятишки, сидя на корточкахъ, жадно слѣдятъ за лакомыми кусками мяса, которые то появляются, то снова изчезаютъ въ кипящей водѣ. Женихъ, какъ потерянный, слоняется за плетнями и амбарами, не смѣя, по обычаю, показаться въ своей саклѣ.

Извѣстіе о томъ, что вдали показалась процессія, производитъ еще большую суматоху въ домѣ. Каждый спѣшитъ привести свое занятіе къ концу, бѣгаютъ, шумятъ, а на порогѣ сакли стелятъ что нибудь, чтобы молодая могла стать на подостланное при выходѣ изъ арбы. Молодые джигиты, не разъ вспѣнившіе своихъ коней, цѣлою толпою предшествуютъ поѣзду. За ними ѣдетъ арба, на которой лежитъ яркаго цвѣта сундукъ, окованный желѣзомъ, и сидитъ невѣста. При ней, на той-же арбѣ, помѣстились нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ-ассистентовъ. Они съ увлеченіемъ колотятъ въ бубны, тазы и поютъ въ честь молодыхъ хвалебныя пѣсни. Позади арбы слѣдуютъ нѣсколько пѣшихъ мужчинъ и женщинъ.

Невѣста сходитъ съ арбы. Ловкій джигитъ бросаетъ ей подъ ноги въ

одинъ мигъ снятую съ себя черкеску и получаетъ отъ невѣсты, за такое вниманіе, подарокъ: обыкновенно азіятскій кошелекъ собственной работы. Молодая, не снимая покрывала, входитъ въ саклю, и если нѣтъ мужчинъ, то садится; ее встрѣчаютъ радушно съ хлѣбомъ-солью. Присутствующіе дѣвушки и женщины угощаютъ невѣсту и другъ друга приготовленною на этотъ случай пшеничною кашею и пшеничною лепешкою. Въ саклю молодыхъ собираются гости. Старики въ шубахъ и съ длинными палками, а молодые, въ нарядныхъ платьяхъ и лучшемъ вооруженіи, приходятъ поздравлять невѣсту.

— Дай Богъ! дай Богъ! чамкаетъ одинъ изъ стариковъ, обращаясь къ молодой, въ хорошій домъ ты пришла.... и аулъ хорошій, не пожалѣешь....

— Какъ будетъ угодно Богу! отвѣчаетъ скромно молодая.

Стариковъ усаживаютъ на почетныя мѣста, а молодежь толпится подъ навѣсомъ. Первые ведутъ разговоръ о вещахъ солидныхъ, приличныхъ ихъ лѣтамъ, тогда какъ подъ навѣсомъ раздается смѣхъ, шумъ, споръ о лошадяхъ, достоинствѣ оружія и проч. Одинъ изъ присутствующихъ вынимаетъ изъ-за пояса пистолетъ и въ мигъ пуля сидитъ въ стѣнѣ сакли; за первымъ выстрѣломъ слѣдуетъ второй, потомъ третій, четвертый, и пули сыплятся во всѣ стороны изъ ружей и пистолетовъ. Чѣмъ болѣе останется знаковъ на стѣнахъ, тѣмъ, значитъ, болѣе приверженцевъ у молодаго и тѣмъ краше его невѣста. Звуки выстрѣловъ смѣняются ударами въ бубенъ, тазы, и бойкая лезгинка, сопровождаемая мѣрнымъ хлопаньемъ въ ладоши, выходитъ на сцену и завладѣваетъ всеобщимъ вниманіемъ. Не смотря на всѣ усилія, Шамиль не могъ вывести пляску, которая, въ такіе дни какъ свадьба, продолжалась въ теченіе цѣлаго дня; въ ней одинаково принимали участіе какъ мужчины, такъ и женщины.

Въ теченіе трехъ дней происходитъ празднованіе свадьбы въ домѣ жениха. Въ саклѣ и подъ навѣсомъ разставляются лотки: съ вареннымъ мясомъ, кусками масла и меду; тѣста въ топленомъ маслѣ, масла съ жареной мукой, медомъ и проч. Наѣвшись и напившись, старики расходятся по домамъ, а молодежь остается пѣть и плясать. Во время танцевъ стрѣляютъ въ полъ изъ пистолетовъ, и случается, что подобное увлеченіе не проходитъ даромъ: нѣсколько раненыхъ и контуженныхъ бываетъ жертвою такой потѣхи. День и ночь не прекращается веселье. Одинъ женихъ не принимаетъ въ немъ никакого участія, объ немъ никто не вспоминаетъ. Въ теченіе цѣлаго дня онъ ходитъ по лѣсу, или гдѣ нибудь по знакомымъ, или скрывается въ разныхъ клѣтяхъ, и тогда, для утоленія своего голода, долженъ, какъ волкъ, украдкою похищать съѣстное, разставленное въ такомъ изобиліи подъ навѣсомъ.

На четвертый день мулла съ двумя свидѣтелями отправляется сначала въ комнату невѣсты и высылаетъ оттуда всѣхъ присутствующихъ, кромѣ одной или двухъ маленькихъ дѣвочекъ.

— Желаешь-ли ты, спрашиваетъ онъ невѣсту, выйти замужъ за такого-то, сына такого-то и за столько-то калыма?

Получивъ удовлетворительный отвѣтъ, мулла идетъ къ отцу дѣвушки.

— Желаешь-ли ты, спрашиваетъ онъ его, отдать дочь свою такому-то и за столько-то калыма?

Получивъ и здѣсь согласіе, онъ отправляется къ жениху, изгоняетъ всѣхъ присутствующихъ изъ комнаты и тщательно осматриваетъ, не скрылся-ли въ ней кто либо изъ постороннихъ. Чаще-же онъ беретъ жениха за руку, выводитъ на дворъ и, въ уединеніи, тихо дѣлаетъ вопросы, подобные сдѣланнымъ невѣстѣ и ея отцу. Женихъ отвѣчаетъ едва слышно, а мулла, сверхъ того, строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы, кромѣ свидѣтелей, никто изъ постороннихъ не слыхалъ отвѣтовъ жениха. Эта таинственность отвѣтовъ послѣдняго вызывается суевѣріемъ народа: чеченцы вѣрятъ искренно, что люди злонамѣренные портятъ жениховъ.

Человѣкъ, желающій повредить жениху, при каждомъ отвѣтѣ послѣдняго завязываетъ узелъ, на ниткѣ заранѣе приготовленной, и тогда, пока эти узлы не будутъ развязаны, «полное обладаніе женою для жениха становится невозможнымъ, не смотря ни на какія медицинскія пособія».

Вмѣсто узловъ, при отвѣтахъ жениха, можно вынимать клинокъ своего кинжала или газырь и тотчасъ же вкладывать ихъ на мѣсто. Такое дѣйствіе, три раза повторенное, производитъ порчу жениха, снять которую можетъ только тотъ, кто наложилъ ее.

Избѣжавъ подслушиванія и не допустивъ возможности порчи, мулла приступаетъ къ обряду вѣнчанія. Онъ состоитъ въ чтеніи опредѣленныхъ молитвъ, слова которыхъ долженъ повторять въ слухъ женихъ, или заступающій его мѣсто свидѣтель, что случается не рѣдко.

Окончательный свадебный актъ заключается новымъ и послѣднимъ пиромъ, послѣ котораго, поздно вечеромъ, когда гости разойдутся по домамъ, молодаго впускаютъ въ саклю, гдѣ его ожидаетъ молодая одна. Они тотчасъ же приступаютъ оба къ совершенію *намаза* (молитвы).

— Если будетъ угодно Богу, говоритъ затѣмъ молодой, положивъ руку на лобъ своей супруги, ты мнѣ родишь добраго мусульманина, а не какого нибудь шайтана (чорта).

На другой, или нѣсколько дней спустя, послѣ окончанія всѣхъ брачныхъ церемоній, молодая, которая въ это время ничего не работала, не выходила изъ своей комнаты и никому не показывалась, взявши большую чашку блиновъ и кувшинъ, должна идти первый разъ по-воду и послѣ того уже вступаетъ въ кругъ обязанностей хозяйки дома. Толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей сопровождаютъ ее съ пѣснями и музыкой на рѣку, гдѣ молодая, проколовъ нѣсколько блиновъ иглою или булавкою, бросаетъ ихъ послѣдовательно одинъ за однимъ въ воду и затѣмъ уже черпаетъ ее кувшиномъ. Когда она ставитъ кувшинъ съ водою къ себѣ на голову, раздаются выстрѣлы.

Въ нѣкоторыхъ аулахъ родственницы молодой при этомъ подчуютъ присутствующихъ оставшимися блинами и всѣ возвращаются домой со стрѣльбою. Сосѣдки, желающія познакомиться съ новымъ членомъ ихъ аула, посылаютъ, на второй или третій день, пшеничную кашу.

Въ первое время послѣ свадьбы, молодая не имѣетъ права ни видѣться, ни говорить съ своимъ мужемъ, не только въ присутствіи постороннихъ, но и родственниковъ. Мужъ посѣщаетъ ее только по вечерамъ и ночью. Говорить съ отцомъ своего мужа и близкими родственниками, а также видѣться и посѣтить свою мать она можетъ только по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ со дня замужества.

Бѣдность и неимѣніе средствъ заплатить калымъ, хотя и незначительный, заставляли иногда чеченца, не смотря на строгое запрещеніе, прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ и похищать свою невѣсту. Молодой человѣкъ, подговоривъ нѣсколькихъ пріятелей похитить дѣвушку и привезти ее въ свой домъ, выбираетъ удобную минуту, нападаетъ на нее вдругъ съ товарищами и, не смотря на сопротивленіе съ ея стороны и со стороны родственниковъ, увозитъ ее въ свой домъ «гдѣ товарищи запираютъ ихъ вдвоемъ, а сами стерегутъ у дверей, пока ихъ не позовутъ въ комнату. При нихъ дѣвушка объявляетъ: хочетъ ли она воротиться къ родителямъ или остаться у похитителя. Обыкновенно необходимость заставляетъ ее выбрать послѣднее и тогда она становится законною женою». Впрочемъ подобные случаи происходили преимущественно въ обществахъ, не признававшихъ власти Шамиля.

Обычаи и свадебные обряды у назрановцевъ или ингушъ весьма сходны съ тѣми, которые существуютъ между осетинами; но выкупъ для всѣхъ состояній въ прежнее время былъ одинаковый: восемнадцать коровъ, цѣнностію около десяти рублей каждая. Въ 1863 году, народный судъ постановилъ вносить только 25 руб. въ видѣ калыма и 80 р. въ обезпеченіе выходящей замужъ, на случай смерти мужа или развода. Первыя деньги вносятся до свадьбы, а послѣднія тогда, когда выходящая замужъ найдетъ это нужнымъ. Ингуши всѣ равны между собою, а потому неравенства браковъ у нихъ не существуетъ; исключеніе въ этомъ случаѣ бываетъ только для того, кто женится на своей плѣнницѣ [1].

Кистины и галгаевцы имѣютъ свои особые брачные обряды.

Въ назначенный для свадьбы день, родные и знакомые обѣихъ сторонъ собираются въ домъ невѣсты. Послѣ угощенія, одинъ изъ лучшихъ пріятелей

---

(1) Чечня и чеченцы Ад. Берже изд. 1859 г. Дневникъ русскаго солдата Библіотека для чтенія 1848 г. т. 88 и 89. Нѣчто о Чечнѣ Клингера Кавк. 1856 г. № 97 и 101. Изъ Нагорнаго округа П. Пѣтухова. Кавказъ 1866 г. № 98. Плѣнъ у Шамиля Вердеревскаго ч. II. Кое что изъ жизни ичкеринцевъ Попова Терскія вѣдомости 1868 г. № 35. Этнографическій очеркъ Аргунскаго округа А. П. Ипполитова. Сборн. свѣд. о кавк. горц. вып. I изд. 1868 г. Экономическій и домашній бытъ жителей горскаго участка Ингушевскаго округа Грабовскаго. Сборникъ Свѣдѣн. о кавказскихъ горцахъ выпускъ III.

жениха требуетъ, чтобы вывели къ нему невѣсту. Женщины выводятъ ее изъ сосѣдней комнаты, всю съ ногъ до головы закрытую покрываломъ. Уполномоченный шаферъ беретъ ее за руку и подводитъ къ котлу, висящему посрединѣ главной комнаты. Взявшись рукою за цѣпь, на которой виситъ котелъ, шаферъ говоритъ рѣчь, заключающую въ себѣ пожеланія молодымъ благополучія, потомъ обводитъ три раза невѣсту вокругъ огня и, ударивъ рукою по цѣпи, въ знакъ прощанія съ родительскимъ домомъ, выводитъ ее изъ сакли въ домъ, сосѣдній съ жилищемъ жениха. Тутъ-то для шафера наступаетъ самая трудная и непріятная минута; всѣ присутствующіе, бросившись на него, провожаютъ его побоями по головѣ и спинѣ, часто до крови, и до самаго мѣста, гдѣ невѣста поступаетъ въ распоряженіе жениха. За такую пытку и самопожертвованіе, шаферъ пріобрѣтаетъ права роднаго, и молодая не стыдится быть при немъ и вступать съ нимъ въ разговоръ. Женихъ, не присутствуя и не принимая участія въ этомъ обрядѣ, сидитъ въ саклѣ одного изъ сосѣдей; невѣсту принимаютъ въ домъ безъ него.

Пребываніе молодыхъ у сосѣдей совершается тѣмъ же порядкомъ, какъ и у осетинъ (1).

Супружескія отношенія чеченцевъ отличаются до нѣкоторой степени согласіемъ, чему отчасти способствуетъ полная покорность женщины. Будучи чрезвычайно ревнивымъ, чеченецъ зорко слѣдитъ за поведеніемъ своей жены и нарушенія супружеской вѣрности весьма рѣдки и преслѣдуются весьма строго.

Хотя мужъ не имѣетъ права ни въ какомъ случаѣ посягнуть на жизнь своей жены, но, убѣдившись въ ея невѣрности, онъ можетъ въ наказаніе изуродовать ее, отрѣзать носъ или ухо, или же просто развестись съ нею. За прелюбодѣяніе замужней женщины у чеченцевъ существовало страшное наказаніе: затаптывать лошадьми или побивать каменьями несчастную жертву обольщенія. Отъ воли мужа зависѣло однакоже предать жену народному суду или ограничиться простымъ разводомъ и прогнаніемъ отъ себя. Обольститель же замужней женщины подвергался смерти; если же жертвою была дѣвушка, то долженъ былъ жениться или также его ожидала смерть.

Туземцы большіе охотники мѣнять женъ, т. е. разводиться съ прежними и брать новыхъ.

Разводъ одинаково допускается между всѣми поколѣніями чеченскаго народа и основывается или на личномъ произволѣ супруговъ, или на извѣстныхъ законныхъ причинахъ. Эти причины, преимущественно, заключаются въ томъ, что прогоняемая жена или безплодна, или имѣетъ привычку производить на свѣтъ только дѣтей женскаго пола, что крайне обидно для мужа.

Одинъ капризъ мужчины—и женщина свободна, но, напротивъ того, никакія слезы и мольбы не въ состояніи развести жену съ мужемъ, если онъ этого не желаетъ.

---

(1) Религіозные обряды осетинъ и проч. Кавказъ 1846 г. № 28.

— Пусть дурная для мужа жена умретъ, говоритъ чеченская присказка, а мужъ, хотя и дурной для жены, пусть долго живетъ.

По корану, только одинъ мужъ можетъ дать свободу своей женѣ. Если мужъ пожелаетъ развестись съ женою, безъ всякой законной причины, то долженъ возвратить ей калымъ или уплатить стоимость его; долженъ возвратить все принадлежащее ей имущество, и иногда міръ присуждаетъ отдать прогоняемой женѣ сына, если онъ есть, разумѣется.

Если жена сама не хочетъ жить съ мужемъ, и первая требуетъ развода, а мужъ не станетъ противиться этому, то она должна оставить въ его распоряженіи внесенный за нея калымъ и не имѣетъ никакихъ правъ на мужа, дѣтей, ни на наслѣдство при раздѣлѣ. Вообще адатъ не признаетъ за женщиною никакой собственности, кромѣ калыма, получаемаго отъ мужа и подарковъ его, сдѣланныхъ въ то время, когда онъ былъ женихомъ. Только эти двѣ вещи могутъ составлять собственность женщины. Отъ воли мужа зависитъ дать ей, изъ состраданія, дочь для прокормленія; сынъ же, отданный прогнанной женѣ, остается у нея, во всякомъ случаѣ, только до совершеннаго возраста. Въ тѣхъ случаяхъ, когда разводъ происходитъ на основаніи законныхъ причинъ, какъ, напримѣръ, физической слабости мужчины въ отправленіи супружескихъ обязанностей, что случается не рѣдко, супруги расходятся безъ всякаго вознагражденія другъ друга, оставаясь каждый при своемъ имуществѣ. Самый разводъ не сопровождается никакими церемоніями и никакими характеристическими особенностями. Собравъ свои пожитки, жена уходитъ къ своимъ роднымъ, и съ этого времени сакля ея мужа становится для нея чужою.

Разведшійся съ женою мужъ можетъ взять опять къ себѣ въ домъ прогнанную жену, но для этого необходимо, чтобы женщина вступила съ другимъ въ новый бракъ, который, впрочемъ, допускается не ранѣе, какъ черезъ три мѣсяца, и получила второй разводъ. Для этого прежній мужъ подкупаетъ какого-нибудь пріятеля, который женится сегодня на бывшей его женѣ, а завтра даетъ ей разводъ. По корану, бракъ, однажды расторгнутый, не можетъ быть возстановленъ до тѣхъ поръ, пока женщина не раздѣлитъ законнымъ образомъ свое ложе съ постороннимъ человѣкомъ. За неимѣніемъ охотника, часто посредниками въ этомъ дѣлѣ бывали муллы.

У ингушъ, кистинъ и галгаевцевъ, мужъ, прогнавшій свою жену по простой прихоти, не получаетъ обратно калыма и, кромѣ того, обязанъ давать ей ежегодно одно платье, одни шальвары, двѣ пары башмаковъ и два платка. Дѣти остаются, по условію, при отцѣ или при матери, и въ послѣднемъ случаѣ отецъ долженъ выдавать по двѣнадцати рублей въ годъ на каждаго ребенка.

Со дня замужества, чеченская женщина дѣлается самою неутомимою работницею своего семейства, не имѣетъ покоя ни днемъ, ни ночью, и при всемъ этомъ къ чести женщинъ надо сказать, что онѣ содержатъ свое простое и незатѣйливое хозяйство въ чрезвычайномъ порядкѣ. Мужчина, въ

свободное отъ воинственныхъ занятій время, проводилъ его праздно, безпечно, весело и, не смотря на окружающую его бѣдность, былъ всегда доволенъ собой. Призадуматься о своемъ положеніи, склонить голову на руку, считалось малодушіемъ. Надежда на свою силу, ловкость и проворство дѣлали чеченца разгульнымъ, но не порождали въ немъ стремленія къ улучшенію своего быта, не развивали въ немъ понятія объ изящномъ.

Въ образѣ жизни, между зажиточнымъ и бѣднымъ чеченцемъ нѣтъ почти никакой разницы, развѣ только та, что богатый одѣвается нѣсколько лучше, да владѣетъ болѣе богатымъ оружіемъ.

Не видя вокругъ себя ничего лучшаго противъ своего собственнаго положенія, привыкнувъ, со дня своего рожденія, къ окружающимъ его красотамъ и богатству природы, чеченецъ или проводилъ праздно время въ своей кунахской, или, сидя на заборѣ, стругалъ палочку, чистилъ оружіе, то шилъ поршни (обувь изъ сыромятной кожи), шелъ въ гости или, наконецъ, вскочивъ на коня, рыскалъ по дикимъ гребнямъ горъ, безъ всякой видимой цѣли. «Въ туманѣ проходятъ дни его, хотя солнце и свѣтитъ свѣтло и природа роскошно развернута подъ голубымъ небомъ. Ученость и искуство ему чужды; равно онъ смотритъ на дикій ревъ воды, на тихій ручеекъ, на громадныя снѣжины и на мягкій лугъ; страшный гулъ грома и могильная тишина ему одинаковы». Конь, ружье и шашка—вотъ его гордость и жизнь; пашня, посѣвъ и покосъ—единственная забота житейская. Чеченцы вообще склонны къ праздности, и жизнь ихъ была до невѣроятности однообразна, скучна, безчувственна и совершенно безплодна для души и сердца. Въ то время, когда жены таскаютъ на себѣ вязанки дровъ, сѣно, тяжелые кувшины съ водой, работаютъ въ садахъ, на террасахъ и у саклей, мужчины сидятъ у дверей своихъ хижинъ, которыя всегда настежь зимою и лѣтомъ, или около мечети, слушаютъ и разсказываютъ новости.

Вся дѣятельность ихъ, и все почти занятіе, состояло въ трубкѣ и пяти намазахъ.

Оставаясь цѣлые дни въ бездѣйствіи, чеченцы, какъ и вообще всѣ горцы, съ необыкновенною жадностію принимаютъ всякое извѣстіе, съ удовольствіемъ отправляются въ дальнія путешествія, по самымъ ничтожнымъ причинамъ, и пускаются на самыя безсмысленныя приключенія. Жизнь безъ занятій была, въ свое время, одною изъ побудительныхъ причинъ къ хищничеству.

Таково положеніе чеченца въ семейномъ быту, но не таково положеніе чеченской женщины.

Женщины, напротивъ того, отличаются необыкновеннымъ трудолюбіемъ: на нихъ лежатъ всѣ хозяйственныя заботы и самыя тяжелыя работы, не исключая полевыхъ.

О происхожденіи этого послѣдняго обычая чеченцы говорятъ, что въ то время, когда въ Чечнѣ существовало междоусобіе, когда народъ страдалъ отъ вторженія сосѣдей, мужчины должны были запираться въ крѣпкихъ баш-

няхъ, изъ боязни быть убитыми. Однѣ женщины, которыхъ, по обычаю, никто не смѣлъ тронуть, ходили свободно, и потому занимались всѣми хозяйственными работами и даже земледѣліемъ.

— Вотъ причина, говорилъ чеченецъ, штабсъ-капитанъ Бата, по которой мы доселѣ заставляемъ женщинъ работать въ полѣ.

Женщина кормитъ дѣтей, ткетъ сукно для домашняго обихода, дѣлаетъ ковры, войлоки, а у горныхъ чеченцевъ и бурки, шьетъ платье и обувь на все семейство. Она должна содержать въ чистотѣ дворъ, накормить скотину, нарубить дровъ, принести воды, присмотрѣть за огородомъ, смолотить хлѣбъ, смолоть муку. Шамиль, изъ политическихъ видовъ и въ виду постоянной борьбы съ русскими, не пріучалъ мужчинъ къ обработыванію земли и къ домашней жизни. Отъ этого, вскорѣ послѣ выхода замужъ, молодая женщина до того изнуряется работою, заботами и хлопотами, что, по прошествіи весьма немногаго времени со дня свадьбы, она кажется если не старухою, то пожилою женщиною, которой нельзя дать менѣе тридцати лѣтъ отъ роду. За всѣ свои труды жена подчинена мужу, какъ своему полновластному господину, которому должна оказывать раболѣпное уваженіе. Жена, въ присутствіи мужа, никогда не садится и не ѣстъ вмѣстѣ съ нимъ. При разговорахъ они не называютъ другъ друга по имени, а въ замѣнъ того употребляютъ личныя мѣстоимѣнія.

— Эй, гдѣ ты? кричитъ мужъ, отыскивая свою жену.

Если жена ушла къ сосѣдкѣ, то мужъ никогда не вызоветъ ее къ себѣ по имени.

— Нѣтъ ли ея тамъ? спроситъ онъ, обращаясь къ сосѣдямъ.

— Тебя зовутъ! скажутъ ей только, и она отправляется домой.

Точно также чеченецъ никогда и ничего не приказываетъ женѣ лично, а говоритъ: «*мнѣ бы нужно это... я хотѣлъ бы поѣсть... пойду, сдѣлаю, узнаю... если Богъ дастъ!* и другія отрывочныя фразы, относящіяся столько же къ женѣ, сколько и къ остальнымъ членамъ семейства.

Когда мужъ говоритъ о чемъ-нибудь съ женою, то по большей части смотритъ въ сторону и никогда не глядитъ въ глаза.

Мужъ, по чеченски, обозначается словомъ *ирг*—умъ, передъ которымъ женщина должна преклоняться. При постороннихъ жена, въ особенности молодая, не должна вступать въ разговоръ съ мужемъ, а при гостяхъ-мужчинахъ—вовсе не показываться. Женатый чеченецъ, которому по обязанности приходилось жить вдали отъ своего дома, считалъ неприличнымъ перевозить къ себѣ жену, и лица, не слѣдовавшія такому народному взгляду, теряли уваженіе въ обществѣ. Разставаясь съ семействомъ, иногда на нѣсколько лѣтъ, чеченецъ, изъ боязни проявить свою слабость и высказать нѣжность, никогда не скажетъ: *прощайте!* возвратясь не говоритъ: *здравствуйте!* Всякая нѣжность считается дѣломъ неприличнымъ. Успокоить свою жену, облегчить ея трудъ, было бы дѣломъ ни съ чѣмъ не сообразнымъ, а женщинѣ ожидать помощи

отъ мужа—мечты напрасныя. Нѣтъ помощи отъ чеченца и больной женѣ—это дѣло женское.

Когда женщина чувствуетъ приближеніе родовъ, мужъ уѣзжаетъ изъ дому и предоставляетъ ухаживать за родильницей родственницамъ или знакомымъ женщинамъ.

Спустя нѣкоторое время послѣ родовъ, такъ дней черезъ пять, мужъ возвращается домой и не обращаетъ никакого вниманія ни на жену, ни на новорожденнаго, причемъ съ первой онъ даже долгое время не разговариваетъ, въ особенности если жена имѣла несчастіе подарить мужа дочкой, а не сыномъ. Рожденіемъ дочери отцы бываютъ крайне недовольны и радуются, когда родится сынъ. Появленіе на свѣтъ младенца мужескаго пола часто служитъ поводомъ къ пиршеству и угощеніямъ въ домѣ отца. Рожденіе мальчика, хотя бы и отъ гяурской плѣнницы, считалось всегда хорошимъ предзнаменованіемъ для семейства. Такъ, одна изъ женщинъ, бывшихъ въ плѣну, вмѣстѣ съ княгинями Чавчавадзе и Орбеліани, разрѣшилась отъ бремени мальчикомъ. Едва только жители аула узнали объ этомъ, какъ тотчасъ же на дворѣ раздались выстрѣлы, возвѣстившіе о рожденіи младенца мужескаго пола, въ честь котораго зарѣзали и изжарили жирнаго барана и прислали его плѣнницамъ.

По полученіи извѣстія о рожденіи у сосѣда младенца мужескаго пола, всѣ одноаульцы спѣшатъ къ нему въ саклю принести поздравленіе. Счастливый отецъ считаетъ рожденіе мальчика особою благодатью, ниспосланною свыше на его семью, встрѣчаетъ гостей съ радостію и задаетъ пиръ, продолжающійся иногда въ теченіе трехъ дней. Рожденіе дѣвочки не сопровождается такимъ торжествомъ и поздравлять родителей приходятъ только однѣ женщины.

Спустя нѣсколько дней послѣ рожденія, младенцу даютъ имя съ нѣкоторою торжественностію. Почетныя и знакомыя женщины собираются съ утра въ комнатѣ матери ребенка, надъ которымъ читаютъ молитву изъ корана, и за тѣмъ начинается женскій пиръ: ѣдятъ баранину, рисъ и разныя сласти. Имя младенцу даютъ сами, какое имъ вздумается, и часто одного и того же ребенка отецъ называетъ однимъ, а мать другимъ именемъ; носящіе по два имени мужчины и женщины не рѣдкость въ Чечнѣ. Кормленіе грудью ребенка у чеченцевъ, подобно черкесамъ, имѣетъ весьма большое значеніе. Если женщина накормитъ грудью чужое дитя, то устанавливаетъ не только между имъ и собою родство, но и между всѣми членами обоихъ семействъ. Ребенокъ, вскормленный чужою грудью, признаетъ на всегда, вскормившую его женщину, своею матерью, а дѣтей ея молочными братьями и сестрами. Иногда даже взрослые плѣнные мусульмане, прибѣгнувшіе подъ покровительство этого обычая, освобождались отъ оковъ и получали полную свободу. Стоило только такому плѣннику, въ присутствіи одного или двухъ свидѣтелей, попросить у хозяйки грудь, приложиться къ ней губами, и общественное по-

ложеніе его тотчасъ же измѣнялось: изъ плѣннаго онъ становился родственникомъ, изъ раба равноправнымъ. Съ него снимали кандалы, угощали, мѣнялись одеждами и отпускали на волю, иногда даже съ подаркомъ. Новый родственникъ, съ своей стороны, обязанъ былъ, по обычаю, сдѣлать также какой-нибудь подарокъ. Не смотря на невыгоду такого обычая, для хозяевъ, владѣющихъ плѣнными, считалось не только предосудительнымъ, но и совершенно невозможнымъ, чтобы женщина отказала и не дала ему своей груди.

Обряды при рожденіи, соблюдаемые ингушами и кистинами, весьма близки къ осетинскимъ, съ тою только разницею, что новорожденному дается имя на третій день, а у ингушъ не стариками, а мальчиками, для младенца мужескаго пола, и дѣвочками для женскаго пола, которые, съ общаго совѣта, провозглашаютъ такое имя, какое имъ вздумается, безъ всякаго участія въ этомъ родителей и духовенства. Иногда же имя новорожденному дается при особой церемоніи, которая производится такъ: нѣсколько молодыхъ людей берутъ по одной ладыжкѣ отъ зарѣзанныхъ барановъ, садятся въ кружокъ и кидаютъ по очереди ладыжки на землю. Чья ладыжка прежде другихъ станетъ ребромъ, имя того и даютъ новорожденному.

Наконецъ тѣ изъ кистинъ, которые особенно почитаютъ св. Ерды, спустя три дня послѣ рожденія, созываютъ родныхъ и знакомыхъ на празднество въ честь этого святаго, составляютъ совѣтъ и, общимъ его рѣшеніемъ, даютъ новорожденному имя.

Бабку ингуши называютъ кормилицею и она пользуется уваженіемъ наравнѣ съ родною матерью (1).

Отношенія отца къ дѣтямъ довольно оригинальны и отличаются чрезвычайною непринужденностію. Отецъ никогда не возьметъ на руки ребенка: не поцелѣетъ свое дитя, никогда не полюбуется имъ. Спросите у чеченца: каковъ его малютка, хорошъ-ли, на кого похожъ и здоровъ-ли? ничего не узнаете: онъ сошлется на мать, которая одна должна имѣть попеченіе о своихъ дѣтяхъ до тѣхъ поръ, пока они станутъ себя понимать. Если родившая женщина больна, такъ что не можетъ встать съ постели, не можетъ ни покачать малютку, ни перемѣнить ему пеленокъ, то и тогда мужъ не предложетъ ей своихъ услугъ: скорѣе онъ сбѣгаетъ за десятки верстъ, къ своимъ роднымъ сосѣдняго аула, приведетъ оттуда дѣвочку, которой и поручитъ ухаживать за больною женою и новорожденнымъ ребенкомъ.

Дѣти ростутъ безъ всякаго попеченія со стороны родителей и до четырехъ-

---

(1) Нѣчто о Чечнѣ Клингера Кавказъ 1856 г. № 97, 101. Дневникъ русскаго солдата Библіотека для чтенія 1848 г. т. 88 и 89. Религіозные обряды осетинъ, ингушъ и проч. Шегрена Кавк. 1846 г. № 27. Церковь въ дер. Хули у кистовъ Несвѣтскій Кавк. 1849 г. № 3. Шамиль и Чечня Воен. Сборн. 1859 г. № 9. Война въ Большой Чечнѣ маіора Властова Русскій Инвалидъ 1856 г. № 159—167. Экономичес. и домашній бытъ жителей горскаго участка Ингушевскаго округа Грабовскаго Сборникъ Свѣд. о кавказс. горцахъ выпускъ III.

лѣтняго возраста они ходятъ почти нагія. Съ наступленіемъ четырехъ-лѣтняго возраста, ихъ одѣваютъ въ рубашки, а впослѣдствіи даютъ и шаровары; зимою же снабжаютъ и полушубками, но все это до крайности обветшалое и грязное.

«Весь костюмъ горцевъ, мужчинъ и женщинъ, по обыкновенію, до невѣроятности грязенъ и особенно грязно нижнее бѣлье; послѣднее, одинъ разъ уже надѣтое, не снимается по тѣхъ поръ, пока оно не превратится въ клочки. Подобная неопрятность, само собою, вызываетъ накожныя болѣзни и заводитъ миріады насѣкомыхъ; дѣти особенно подвержены этимъ болѣзнямъ и рѣдкаго изъ нихъ можно встрѣтить безъ коросты и лишаевъ. Все это, взятое вмѣстѣ съ недостаткомъ здоровой пищи и тяжелою работою, дѣлаетъ горцевъ блѣднолицыми и на видъ не совсѣмъ здоровыми».

Семейный бытъ чеченцевъ, отличаясь своею патріархальностію, носитъ на себѣ отпечатокъ общій всему мусульманскому міру. Отецъ есть глава семьи и воля его священна для жены и несовершеннолѣтнихъ дѣтей, съ которыми онъ держитъ себя весьма серьезно, но онъ полновластенъ надъ сыновьями только въ періодъ ихъ малолѣтства.

Въ Чечнѣ не существовало никакого закона, опредѣляющаго или ограничивающаго власть отца надъ несовершеннолѣтними дѣтьми. Пока дѣти были малолѣтни, пока не могли сопротивляться насилію, они находились въ безпредѣльной зависимости отца. Но едва только они достигнутъ такого возраста, въ которомъ могутъ владѣть оружіемъ, власть отца теряетъ свою силу и право сильнаго опредѣляетъ всѣ семейныя отношенія между отцомъ и его сыновьями. Всѣ мужчины—члены одной семьи—равны передъ судомъ адата. Кровомщеніе допускается и между членами родной семьи, и бывали примѣры, что когда отецъ убивалъ одного изъ сыновей, то братья, въ отмщеніе, убивали отца. Мать, никогда и ни въ какомъ возрастѣ, не имѣла никакой власти надъ дѣтьми. Во многихъ случаяхъ она не пользуются даже и тѣмъ уваженіемъ, которое сама природа вкладываетъ въ человѣка, какъ къ виновницѣ его существованія. Восьмилѣтній сынъ часто обращается съ матерью съ большимъ пренебреженіемъ и даже цинизмомъ.

— Когда я выросту, говоритъ онъ матери, я сдѣлаю тебя своей любовницей.

Слова эти возбуждаютъ всеобщій хохотъ и вызываютъ даже улыбку на устахъ самой матери.

— Вотъ этотъ мальчикъ дуракомъ не будетъ, отвѣчаетъ она на остроту сына, желая угодить этимъ мужу.

Подобный цинизмъ происходитъ въ семьѣ, главнѣйшимъ образомъ, отъ совершеннаго произвола, предоставляемаго дѣтямъ, и малаго попеченія о нихъ. Правда, чеченцы, считая дѣтей даромъ Божіимъ, никогда не бьютъ и не бранятъ ихъ особенно, съ тою цѣлію, чтобы не запугать и не сдѣлать съ малолѣтства робкими, но за то впадаютъ въ другую крайность, предоставляя са-

мимъ обстоятельствамъ развитіе дѣтскаго характера и буйныхъ страстей, заключающихся въ ихъ бурной природѣ.

— Если ребенокъ проказничаетъ, говоритъ чеченецъ, это значитъ, что онъ будетъ удалой. Онъ будетъ настоящимъ Даламбаемъ, который такъ много отличался своимъ удальствомъ противъ русскихъ. Побоями ничего не возьмешь, а только заглушишь въ немъ все и онъ будетъ бабой; выростетъ большой, не станетъ дѣлать глупостей и будетъ джигитъ. Ѣстъ онъ много—значитъ будетъ богатырь.

Если дѣти иногда слишкомъ надоѣдаютъ матери и огорчаютъ ее, то она плачетъ, но не тронетъ, не ударитъ ихъ.

Отецъ хотя и обращается съ ними сурово и молчаливо, но не внушаетъ тѣмъ къ себѣ никакого уваженія. Дѣти не называютъ его отцомъ, а величаютъ собственнымъ именемъ, иногда даже шутовскимъ; слова: мать и отецъ не существуютъ въ семейномъ быту чеченца. Сами родители бываютъ часто виновниками развитія дурныхъ качествъ въ своихъ дѣтяхъ. Отецъ прежде всего заботится о томъ, чтобы развить въ сынѣ твердость характера и смѣлость. Если онъ замѣтитъ въ мальчикѣ какое либо желаніе или стремленіе достигнуть чего нибудь, то самъ старается подстрекнуть его и подѣйствовать на молодое самолюбіе. Въ случаѣ успѣха, онъ хвалитъ своего сына, въ особенности если совершенное имъ предпріятіе было сопряжено съ трудностями, а въ противномъ случаѣ называетъ дрянью и дѣвчонкою, стараясь насмѣшками возбудить недостатокъ воли. Отецъ часто подбиваетъ сына на воровство и хищничество. Когда, напримѣръ, созрѣваютъ фрукты, то мальчишки, вмѣстѣ съ взрослыми, какъ бы ученики съ опытными наставниками, собираются по ночамъ на воровство фруктовъ въ садахъ сосѣдей. Предпринявъ предварительно мѣры къ огражденію себя отъ поимки, они рвутъ плоды, а потомъ общею компаніею отправляются куда нибудь въ поле, гдѣ скрытно лакомятся наворованнымъ. Этотъ родъ промысла составляетъ у чеченцевъ одно изъ любимѣйшихъ занятій и считается лучшимъ препровожденіемъ времени.

По достиженіи извѣстныхъ лѣтъ и по добровольному желанію, мальчики обучаются грамотѣ или дома, пользуясь уроками отъ муллы, или въ особыхъ школахъ, существовавшихъ въ нѣкоторыхъ аулахъ на общественный счетъ. Въ послѣднемъ случаѣ, въ прежнее время, они имѣли для помѣщенія особую саклю, но книги и одежду должны были имѣть отъ себя; пропитаніе ученики выпрашивали у народа, ходя по ауламъ; пищу приготовляли сами, наблюдая очередь. Образованіе ограничивалось умѣньемъ писать по арабски и читать коранъ, но до пониманія смысла, котораго достигали, впрочемъ, не многіе. Простой народъ довольствовался заучиваніемъ наизустъ нѣсколькихъ молитвъ, которыя понималъ по переводу на свой языкъ, дѣлаемому ихъ муллами. Послѣдніе старались поселить въ народѣ то убѣжденіе, что богобоязливый магометанинъ долженъ понимать нѣкоторыя мѣста и главы корана.

Дѣвушки оставлялись вовсе безъ всякаго образованія; онѣ самоучкою

пріучаются шить, кроить и, съ наступленіемъ совершеннолѣтія, ткать сукно, изготовлять шелковыя нитки, тесьму, войлокъ, а главное до своего замужества дѣвушка составляетъ единственную рабочую силу въ семьѣ и помощницу матери, въ ея полевыхъ и домашнихъ работахъ. Трудолюбіе составляетъ лучшую рекомендацію для дѣвушки, которая не проводитъ праздно время ни минуты. Сидя въ саклѣ, и даже отправляясь въ гости, дѣвушка не остается безъ работы; она или приноситъ свою, или беретъ у хозяйки дома. Помѣстившись ближе къ порогу или въ углу и предоставивъ мужчинамъ мѣсто у огня, какъ болѣе почетное, женщины и дѣвушки среди разгорора шьютъ, сучатъ шелкъ и прядутъ бумагу.

Однообразная семейная жизнь чеченца изрѣдка нарушается не многочисленными праздниками, свадьбами, да болѣзнію, или смертью родственника или ближняго. Попеченіе о больныхъ также лежитъ на обязанности женщины: она и ходитъ за больнымъ, и лечитъ его, употребляя для того домашнія и извѣстныя ей средства. Но если медицинскія пособія окажутся не состоятельными и больной отойдетъ въ вѣчность, тогда всеобщій плачъ подымается въ саклѣ. Когда родственники больнаго видятъ, что наступаетъ послѣдній часъ, тогда посылаютъ за муллою, который читаетъ надъ нимъ *ясынъ*—отходную молитву.

Во время чтенія женщины громко плачутъ, бьютъ себя въ грудь, царапаютъ лицо, рвутъ волосы и это продолжается до тѣхъ поръ, пока больной не скончается. Съ его смертію женщинъ тотчасъ же выгоняютъ изъ комнаты или силою заставляютъ прекратить оплакиваніе, какъ выраженіе скорби совершенно противное духу магометанской религіи. Природа женщинъ беретъ однакоже свое. Скрывая свое горе, она томится имъ и ищетъ случая выплакать его и тѣмъ облегчить себя. Выбравъ для того время, она отправляется въ лѣсъ, забирается въ сарай, или просто въ темный уголъ сосѣдней комнаты, и тамъ, безъ голоса, безъ словъ, льются горячія слезы.

Мулла между тѣмъ приготовляетъ умершаго къ погребенію. Онъ кладетъ его на чистую дубовую доску, беретъ кувшинъ воды и омываетъ тѣло, которое потомъ и обвертываетъ нѣсколькими кусками полотна или бѣлой шерстяной матеріи; иногда же обертываютъ въ халатъ, концы котораго завязываютъ на головѣ и ногахъ.

Положивъ вату въ ротъ, глаза и уши умершаго, мулла завязываетъ саванъ, двумя не широкими полосами холста, надъ головою умершаго, а другою ниже ногъ его. Приготовленное къ погребенію тѣло оставляется на постели и родственники тихо оплакиваютъ.

Печальное извѣстіе о кончинѣ скоро разносится по auламъ и всѣ сосѣди изъ окрестностей, мужчины и женщины, родные и знакомые, спѣшатъ къ саклѣ умершаго, при чемъ мужчины—родственники покойнаго, обязаны привезти съ собою барана или принести деньги семейству умершаго, иначе оно прекратитъ съ ними всякую родственную связь.

Похороны составляютъ для женщинъ настоящій праздникъ, потому что, только по этому случаю, имъ дозволяется собираться изъ другихъ ауловъ и составлять свое общество. Отправляясь въ домъ умершаго, онѣ идутъ отдѣльно отъ мужчинъ и, съ приближеніемъ къ аулу, начинаютъ плакать. Плачъ этотъ производится такъ: одна изъ наиболѣе опытныхъ и краснорѣчивыхъ принимаетъ обязанность запѣвалы. Ударяя себя въ лицо, то однимъ, то другимъ кулакомъ, она поетъ хвалебную пѣснь умершему, при чемъ, послѣ каждаго періода ея пѣсни, сопутствовавшія ей и молчавшія женщины вскрикиваютъ всѣ въ одинъ голосъ: *гададай*! что означаетъ, по чеченски, *бѣда*. Съ такимъ пѣніемъ женщины доходятъ до двора, посреди котораго лежитъ постель, а на ней платье покойника. Сидящія вокругъ постели одноаульныя женщины, завидѣвъ приближающихся сосѣдокъ, встаютъ и начинаютъ также оплакиваніе, но уже съ новою церемоніею: четыре человѣка изъ дальнихъ родственницъ умершаго становятся по срединѣ, а ихъ окружаютъ всѣ остальныя женщины. Одна изъ родственницъ исчисляетъ всѣ тѣ доблести, которыя отличали покойнаго въ сей жизни, указываетъ на тѣ мудрые планы, которые задумывалъ онъ, но увы! скорая смерть помѣшала ему привести ихъ въ исполненіе. На всѣ эти восхваленія, толпа окружающихъ женщинъ отвѣчаетъ однимъ словомъ *гададай* и ударами въ грудь кулаками.

Случается иногда, что женщины, войдя во внутренность сакли, располагаются вокругъ вдовы или матери умершаго. Послѣдняя сидитъ неподвижно, въ изорванномъ платьѣ, съ распущенными волосами, открытою грудью, съ печальнымъ видомъ и опущенною на грудь головою. Приглашенный на эту печальную церемонію, хоръ парадныхъ плакальщицъ начинаетъ свою импровизацію, которая иногда произносится и самою вдовою. Одна изъ женщинъ, особенно хорошо умѣющая исчислять добродѣтели и воинственную отвагу, начинаетъ речетативомъ первый куплетъ печальной пѣсни, а прочія плакальщицы, исподволь и одна за другою, присоединяютъ свои голоса къ поющимъ, и исчисляютъ подвиги покойнаго, доброту его сердца, любовь къ семейству и подругѣ, лишившейся на всегда и ясныхъ дней, и нѣжныхъ ласкъ своего возлюбленнаго.

— Она осиротѣла, какъ ласточка со своими птенцами—поетъ запѣвало. Кто защититъ и утѣшитъ горькую? Кто дастъ пріютъ сиротамъ ея? Кто подавалъ ей руку радости—того ужь нѣтъ. Уснулъ тотъ непробуднымъ сномъ, чья грудь такъ сладостно согрѣвала несчастную, уснулъ и оставилъ другу своему, своимъ роднымъ и знакомымъ только одну скорбь неутѣшную....

При этихъ словахъ, вдова бьетъ себя въ грудь и царапаетъ до крови лицо.

Все смолкаетъ послѣ плача женщинъ, какъ бы для того только, чтобы дать вдовѣ нѣсколько оправиться и приготовиться къ оплакиванію умершаго мужчинами, которые до этого времени оставались на дворѣ при входѣ въ саклю. Они входятъ въ комнату по одному или по два, молча опускаются на

колѣни передъ вдовою, не произносятъ никакого утѣшительнаго слова и раздираютъ до крови свой лобъ.

Съ появленіемъ крови на лицѣ встаютъ и молча, съ поникшею головою, выходятъ на открытый воздухъ.

Конечно, странно было бы предполагать искренность чувствъ въ такомъ плачѣ и самоистязаніи: этого, въ дѣйствительности, нѣтъ ни капли. Едва только окончится церемонія оплакиванія, какъ между присутствующими заводится самый оживленный разговоръ, среди котораго забывается и горе, и печаль, точно какъ у бесѣдующихъ все благополучно и никто не умиралъ.

Здѣсь важны не слезы, а та приверженность къ старинѣ, застой общественнаго мнѣнія и буквальное исполненіе патріархальныхъ обычаевъ, изъ за которыхъ чеченецъ царапаетъ себѣ въ кровь лицо, но не рѣшается нарушить завѣтъ предковъ.

Поздно вечеромъ возвращаются по домамъ посѣтители, а «тѣ, которые пришли изъ дальнихъ ауловъ, остаются ночевать у семейства покойника. Такимъ образомъ собирается въ домѣ семейства покойника каждый день около двухъ-сотъ женщинъ, и этотъ сборъ продолжается три дня и иногда цѣлую недѣлю. Число посѣтителей зависитъ отъ большаго или меньшаго числа родныхъ и знакомыхъ умершаго: чѣмъ больше онъ имѣлъ родныхъ и знакомыхъ, тѣмъ больше народа собирается на его похороны. Что касается до мужчинъ, то они преимущественно собираются въ день похоронъ, когда ихъ бываетъ нерѣдко человѣкъ до пяти-сотъ, считая въ томъ числѣ и мальчиковъ, приходящихъ съ торбочками, чтобы класть въ нихъ мясо, которое достанется на ихъ долю на похоронахъ».

Положивъ покойника на арбу, его отвозятъ или относятъ на могилу, согласно требованія мусульманской религіи въ самый день его смерти. Исключеніе дѣлается въ случаѣ неожиданной, скоропостижной смерти и тогда умершаго хоронятъ въ теченіе трехъ дней, съ тою цѣлію, чтобы дать возможность роднымъ и знакомымъ повидаться въ послѣдній разъ и проститься съ умершимъ, тогда какъ при продолжительной болѣзни, предшествовавшей кончинѣ, прощаніе это совершается при посѣщеніи больнаго.

Сопутствуя печальную церемонію до конца аула, женщины, по выходѣ изъ него, возвращаются въ домъ умершаго и, сѣвши въ кружокъ, начинаютъ опять оплакивать его, пока не позовутъ ихъ ѣсть.

Если, при слѣдованіи печальной процессіи, встрѣчается на пути другое кладбище, то поѣздъ останавливается и мулла читаетъ молитву за упокой всѣхъ умершихъ (доадеръ), при чемъ всѣ присутствующіе, поднявъ къ верху руки, держатъ ихъ такъ нѣсколько секундъ, обращенными ладонями къ лицу.

Въ могилѣ, съ боку, дѣлается углубленіе, въ которое и кладется покойникъ, головою на западъ, а лицомъ къ Меккѣ, такъ чтобы онъ лежалъ на правомъ боку. Съ нимъ вмѣстѣ кладется молитва, написанная муллою и заключающая въ себѣ текстъ изъ корана. По вѣрованію народа, душа умершаго

при всеобщемъ воскресеніи, не прежде достигнетъ эдемскихъ воротъ, какъ по прочтеніи этой молитвы или текста.

Закрывъ доскою, утверждаемою наклонно къ ногамъ умершаго, то углубленіе, въ которое положенъ покойникъ, могилу засыпаютъ землею. Послѣ зарытія ея, мулла беретъ съ могилы горсть земли и садится съ нею читать молитвы изъ корана, а потомъ разсыпаетъ эту горсть по могилѣ. Ему подаютъ кувшинъ съ водою и полотенце или, вмѣсто него, кусокъ полотна, которое онъ беретъ потомъ себѣ.

Всѣ присутствующіе удаляются на значительное разстояніе отъ могилы, а оставшійся подлѣ нея мулла снова читаетъ молитву и три раза поливаетъ изъ кувшина могилу въ головахъ похороненаго. Исполнивши это, онъ быстро удаляется отъ могилы. «По повѣрью мусульманъ, говоритъ Ипполитовъ, или, какъ увѣряютъ муллы, по сказанію ихъ священныхъ книгъ, въ то время, когда налитая на могилу вода касается тѣла умершаго, онъ оживаетъ и спрашиваетъ присутствующихъ: зачѣмъ они оставляютъ его одного? Горцы вѣрятъ, что тотъ, кто услышитъ этотъ голосъ, становится на всегда глухимъ. Въ слѣдствіе-то подобнаго убѣжденія, они и отходятъ отъ могилы на такое разстояніе, чтобы нельзя было слышать ни словъ, ни голоса мертвеца».

Послѣ того на самомъ кладбищѣ происходитъ угощеніе. Если въ это время кто-нибудь пройдетъ мимо, то его или приглашаютъ принять участіе въ поминкахъ, или же непремѣнно вынесутъ ему на встрѣчу чего-нибудь съѣстнаго. Блины составляютъ почти у всѣхъ непремѣнную принадлежность стола во время поминокъ; кромѣ того, приготовляется сладкое тѣсто изъ кукурузной муки, смѣшанной съ медомъ, съ масломъ и обжаренной на огнѣ. На поминки убивается корова или нѣсколько барановъ. Мясо рѣжется на куски, все хлѣбное и мучное — треугольниками и раздается всѣмъ присутствующимъ.

На другой день послѣ похоронъ, до разсвѣта, собираются въ домъ покойника всѣ тѣ женщины, которыя были при похоронахъ, и съ первымъ лучемъ свѣта отправляются на кладбище. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой церемоніи бываетъ вдова или мать умершаго; ближайшія родственницы ведутъ ее подъ руки, посреди толпы, которая хоромъ поетъ послѣдній прощальный привѣтъ умершему. За нѣсколько шаговъ до мѣста погребенія, вдова вырывается изъ рукъ родственницъ, бѣжитъ впередъ и падаетъ на могилу. Причитая и громко рыдая, она остается въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока ее не оторвутъ отъ могилы, и за тѣмъ процессія молча возвращается домой.

Мулла отправляетъ на могилу муталима (своего ученика), который и читаетъ тамъ молитвы три дня и три ночи. Иногда же чтеніе корана одновременно производится и въ домѣ умершаго.

На другой день послѣ погребенія, родственники устраиваютъ похоронный пиръ, для котораго рѣжутъ много скотины и барановъ. На дворѣ собирается

пародъ, пришедшій на похоронную тризну; его размѣщаютъ группами по пяти человѣкъ каждая, и подаютъ столько говядины и баранины, чтобы каждому изъ присутствующихъ досталось по значительной порціи.

Обычай требуетъ, чтобы всѣ родные и знакомые отъ времени до времени собирались, какъ говорится, потужить о покойникѣ. Тогда, не доходя до дома шаговъ съ десять, они начинаютъ завывать и при этомъ одинъ бьетъ себя въ грудь, другой рветъ на себѣ волосы, а третій царапаетъ лицо. Каждый, вновь пришедшій, останавливается передъ толпою: всѣ приподнимаются и читаютъ особую молитву, въ концѣ которой, при словѣ *фата'а*, схватываютъ свои бороды. Во многихъ обществахъ вдова въ теченіе года остается въ одномъ и томъ же платьѣ и бѣльѣ, которое было надѣто на ней въ день смерти: это замѣняетъ трауръ. Послѣдній иногда носится въ теченіе двухъ и даже трехъ лѣтъ.

Горцы твердо убѣждены, что на томъ свѣтѣ покойникъ остается лежать на своей постелѣ до тѣхъ поръ, пока по немъ не сдѣлаютъ поминокъ; оттого родственники умершаго и стараются устроить поминки какъ можно скорѣе, не смотря на значительные расходы. Поминки отличаются всегда бо́льшимъ великолѣпіемъ, чѣмъ похороны; на нихъ собирается больше народа; на поминкахъ не достаточно зарѣзать много скота и барановъ, но необходимо приготовить значительное количество пива и араки, надо починить и привести въ исправный видъ платье покойнаго: черкеску, бешметъ, башлыкъ и другія вещи, предназначаемыя для приза тѣмъ, которые въ честь покойнаго пускаютъ своихъ лошадей на скачку. Изъ всѣхъ лошадей, приводимыхъ на показъ родственникамъ, выбираются четыре лучшія, которыя, за день до поминокъ и въ сопровожденіи проводника, отправляются въ одинъ изъ дальнихъ ауловъ къ одному изъ родственниковъ или знакомыхъ. Во время такого переѣзда, проводникъ имѣетъ въ рукѣ бѣлый значекъ, а каждый изъ четырехъ всадниковъ держитъ вѣтвистыя палки, съ привѣшенными къ нимъ яблоками и орѣхами. Палки эти отдаются почетнымъ старшинамъ того аула, гдѣ назначенъ ночлегъ всадникамъ, а одна изъ нихъ предоставляется тому лицу, у котораго всадники ночуютъ. «На слѣдующій день, пишетъ Чахъ Ахріевъ, рано утромъ, они выѣзжаютъ отъ него въ обратный путь, при чемъ проводникъ ихъ мѣняетъ свой значекъ. Сначала они ѣдутъ шагомъ, а когда остается верстъ пятнадцать до аула, то пускаютъ своихъ лошадей во весь опоръ. Между тѣмъ каждый изъ хозяевъ отправленныхъ лошадей собираетъ наѣздниковъ, чтобы встрѣтить съ ними свою лошадь. Обязанность встрѣчающихъ состоитъ въ томъ, чтобы подгонять скачущую лошадь. Отъ побоевъ и отъ большаго пространства, назначаемаго для скачки, всѣ скачущія лошади обыкновенно сильно утомляются и еле-еле могутъ дотащиться до мѣста, такъ что даже первая лошадь доходитъ до него только рысью».

Первая прискакавшая лошадь получаетъ призъ, состоящій изъ черкески покойнаго, вторая—бешметъ, третья—башлыкъ и ноговицы, а четвертая=ру-

башку и штаны. Одновременно со скачкою устраивается стрѣльба въ мишень, и первый, попавшій въ цѣль, получаетъ за это козла. За тѣмъ слѣдуетъ угощеніе совершенно въ томъ же порядкѣ, какъ и на похоронахъ, а послѣ него родственники умершаго просятъ хозяевъ лошадей, бывшихъ на скачкѣ, подвести каждаго свою лошадь къ старику, который и посвящаетъ ихъ памяти усопшаго. Взявъ въ одну руку чашу съ пивомъ, а въ другую три чурека и кусокъ баранины, старикъ говоритъ, обращаясь къ лошади, выигравшей первый призъ, что хозяинъ ея дозволяетъ покойнику (называется имя) свободно ѣздить на ней на томъ свѣтѣ куда угодно и заставляетъ лошадь выпить пиво, а хозяину отдаетъ чуреки и баранину. Остальныя лошади посвящаются прежде умершимъ родственникамъ, и при томъ тѣмъ, на которыхъ укажетъ осиротѣвшее семейство. Послѣ такого посвященія лошадей, ѣздокамъ ихъ выносятъ палки, увѣшенныя яблоками и орѣхами, съ которыми они, въ продолженіе часа, джигитуютъ передъ собравшеюся толпою.

Этотъ родъ поминокъ носитъ названіе *постельныхъ* въ отличіе отъ большихъ поминокъ, которыя дѣлаются только по мужчинамъ, и иногда черезъ два года со дня смерти. Эти послѣднія поминки окончательно раззоряютъ семейство, а между тѣмъ необходимы, потому что, по установившемуся обычаю, вдова безъ нихъ не можетъ снять траура и вторично выйти замужъ.

Надъ могилами умершихъ ставятся памятники, или деревянные, съ шаромъ на верху, или каменные. На памятникахъ весьма часто вырѣзываются различныя принадлежности и инструменты, употребляемые покойнымъ во время жизни. Такъ, на памятникахъ, поставленныхъ надъ могилами женщинъ, вырѣзываются: ножницы, иглы и т. д.; на памятникахъ мужчинъ — оружіе, а духовныхъ особъ — кувшинчикъ, четки и подстилка, на которую обыкновенно становятся мусульмане во время молитвы.

Надъ убитымъ въ дѣлѣ съ непріятелемъ ставился особый знакъ, съ разноцвѣтнымъ флагомъ, и съ необыкновенною торжественностію, въ которой участвовали всѣ жители аула.

Нигдѣ не находились въ такомъ почетѣ могилы убитыхъ въ сраженіи съ русскими, какъ въ воинственной Чечнѣ и во всѣхъ остальныхъ владѣніяхъ, подвластныхъ Шамилю.

Надъ могилой убитаго *шагида* (мученика), потерявшаго жизнь въ бою за вѣру, ставилось; кромѣ столба съ чалмою и надписью, еще высокое, до трехъ саженъ, конически обдѣланное бревно, имѣющее видъ копья, съ длиннымъ цвѣтнымъ флюгеромъ, обращеннымъ всегда къ востоку.

Безпрерывная и энергическая война, происходившая въ Чечнѣ, причиняла ей большія потери. Существованіе множества кладбищъ на равнинѣ и въ горахъ, на высотахъ и по ущельямъ, остались теперь безмолвными свидѣтелями множества павшихъ жертвъ, надъ которыми виднѣются многочисленныя группы памятниковъ съ копьями. Издали они кажутся фалангою рыцарей, вооруженныхъ копьями и развѣвающихъ своими разноцвѣтными флюгерами. Вся Чечня Большая,

Малая и Нагорная, наполнены этими нѣмыми памятниками потерь горцевъ и ихъ отчаянной борьбы съ русскими. Всѣ эти памятники придаютъ странѣ какой-то грустно-величественный характеръ. Подъ ними схоронены лучшіе и самые храбрѣйшіе люди, потому что народъ не каждому убитому ставилъ подобный памятникъ, а чтобы имѣть право на этотъ почетный знакъ, составлявшій высочайшую награду смѣлому джигиту, надо было заслужить его или долговременною храбростью, или какимъ-нибудь блестящимъ подвигомъ. Церемонія водруженія такого копья съ флюгеромъ, на могилѣ *шагида*, была чрезвычайно величественна и разсчитана такъ, чтобы въ каждомъ присутствующемъ возбудить храбрость и самоотверженіе.

«Я видѣлъ въ Чечнѣ, говоритъ баронъ Сталь, не одну изъ этихъ церемоній и увѣренъ, что каждый чеченецъ, который присутствуетъ при этомъ, возвратится домой съ неодолимой жаждой смерти на полѣ битвы и надеждой, что ему поставятъ на могилѣ подобный почетный памятникъ. Тотъ, кто ввелъ у чеченцевъ эту церемонію, былъ великій знатокъ человѣческаго сердца, въ которомъ врожденно чувство честолюбія и которому сладостна мысль, окончивъ доблестно земную жизнь, увѣковѣчить себя въ памяти согражданъ».

Когда убитый въ дѣлѣ чеченецъ былъ уже похороненъ по магометанскому обряду, то въ аулѣ созывалась сходка, на которой рѣшали: поставить-ли ему на могилѣ знакъ шагида или нѣтъ. Если послѣдовало рѣшеніе, тогда заготовляли памятникъ, и родственники покойнаго, сѣвъ верхомъ, въ сопровожденіи всѣхъ жителей и пріѣзжихъ изъ сосѣднихъ ауловъ, съ пѣснями и выстрѣлами изъ винтотокъ, отправлялись со знакомъ къ старшинѣ, дѣлали ему подарки, за которые онъ платилъ тоже подарками и подчивалъ прибывшихъ аракой (водкой) и бузою (горскій напитокъ изъ проса и меда). Отъ старшины всѣ отправились на могилу, гдѣ уже собирался весь аулъ отъ мала до велика. Здѣсь, среди выстрѣловъ и импровизированныхъ въ честь убитаго пѣсенъ, водружался на его могилѣ *шагидъ* или длинное копье съ длиннымъ канаусовымъ флюгеромъ, обыкновенно бѣлаго, краснаго или голубаго цвѣта. Присутствующіе подчивали другъ друга напитками и пѣли пѣсни. Затѣмъ, сѣвъ верхомъ и выстроившись въ одну шеренгу, лицемъ къ сторонѣ непріятеля, всадники молча выхватывали винтовки и дѣлали залпъ, какъ бы давая тѣмъ знать непріятелю, что убитый будетъ отомщенъ. Послѣ того весь строй поворачивался къ аулу, родинѣ покойнаго, и производилъ новый залпъ въ честь селенія, въ которомъ родился герой, и чтобы возвѣстить всѣмъ его жителямъ, что убитому отдается должная честь за его подвигъ въ бою. Въ заключеніе церемоніи производилась джигитовка, съ которою вся толпа всадниковъ отъѣзжала домой.

Шамиль хорошо понималъ, какъ сильно дѣйствуетъ подобная церемонія на духъ чеченцевъ, поощрялъ и поддерживалъ эти обряды. Въ Ичкеріи почти при каждомъ аулѣ есть цѣлыя группы шагидовъ, вѣющихъ своими разноцвѣтными флюгерами. Самъ имамъ, какъ бы въ примѣръ другимъ, поста-

вилъ памятникъ съ великолѣпнымъ шагидомъ нѣкогда знаменитому въ Чечнѣ наибу Шуайпъ-муллѣ.

Могилы умершихъ пользуются большимъ уваженіемъ у чеченцевъ. Отправляясь на роботу, они заходятъ на кладбище, поклониться праху родственника. Возвращаясь же съ работы, если съ покосу, то кладутъ на могилу клочекъ травы, а при уборкѣ хлѣба или при посѣвѣ сыплютъ на могилу зерна. Наканунѣ пятницы или недѣльнаго дня, семейство умершаго печетъ блины, приготовляетъ сладкое тѣсто или варитъ кукурузу и разноситъ это частями по роднымъ и знакомымъ, прося помянуть покойнаго. Въ дни, установленные для поминокъ, закалываютъ быка или корову, и приготовленную изъ него пищу стараются раздѣлить между всѣми и даже не знакомыми жителями селенія, а въ прежнее время въ день поминокъ не рѣдко освобождали плѣннаго. Въ народѣ существовало повѣрье, что если, въ день поминокъ по умершемъ, облегчить участь плѣннаго, то душа скончавшагося, въ честь котораго совершаются поминки, если она страждетъ въ пламени ада, будетъ тоже облегчена ([1]).

IV.

Сословія чеченскаго народа и его управленіе въ періодъ независимости. — Судъ и расправа. — Права собственности и наслѣдства. — Управленіе Чечни, введенное Шамилемъ. — Раздѣленія на наибства. — Военная организація и хищническіе набѣги чеченцевъ.

Неравенство состояній среди народа есть слѣдствіе общественныхъ переворотовъ и насилій. Чѣмъ больше видовъ сословій и чѣмъ разнообразнѣе права ихъ, тѣмъ безошибочнѣе можно заключить, что народъ вынесъ на своихъ плечахъ многія бури, стоналъ подъ игомъ иноплеменнымъ или самъ, силою оружія, покорилъ и подчинилъ своей власти прежнихъ обитателей земли. Въ обществѣ же юномъ, возникшемъ недавно, и притомъ на дѣвственной землѣ, не испытавшемъ тревогъ общественной жизни, нѣтъ причины или основанія, на которыхъ могли бы утвердиться понятія объ отдѣльныхъ правахъ,

---

([1]) Этнографическій очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукоп.) Дневникъ русскаго солдата С. Бѣляева Библіотека для чтенія 1848 г. т. 88 и 89. Религіозные обряды у осетинъ и проч. Шегрена Кавк. 1846 г. № 29. Жизнь за минуту храбрости Кавк. 1849 г. № 6. Этнографическій и домашній бытъ жителей горскаго участка Ингушевскаго округа. Сборникъ Свѣд. о кавк. горцахъ выпускъ III. Описаніе похоронъ и поминокъ Чахъ Ахріева. См. тамъ же.

дающихъ преимущество одному и обязывающихъ подчиненностію другое сословіе.

Всѣ общества чеченскаго племени выселились, по сказанію самого народа, изъ Ичкеріи и верховьевъ р. Аргуна, пришли на новыя мѣста съ одинаковыми правами, и потому чеченцы народъ демократическій, не имѣющій ни князей, ни дворянъ. Общественный быть этого народа отличался тою простотою и патріархальностію, какая принадлежитъ первобытнымъ обществамъ, до которыхъ не коснулись еще современныя понятія о началахъ гражданственной жизни. Оттого у чеченцевъ нѣтъ сословныхъ подраздѣленій, какія существуютъ у другихъ кавказскихъ народовъ или составляютъ исключительную характеристику обществъ европейски организованныхъ.

Всѣ чеченцы пользуются одинаковыми правами и составляютъ одинъ общій классъ *узденей*, безъ всякаго подраздѣленія на сословія.

— Мы всѣ уздени, говорятъ чеченцы, понимая подъ этимъ словомъ людей зависящихъ только отъ себя (¹).

При существовавшемъ въ народѣ равенствѣ, уваженіе и почетное званіе пріобрѣталось богатствомъ, умомъ, заслугами, строгимъ исполненіемъ главныхъ основаній религіи, постомъ, молитвою и различнаго рода благотворительностью. Чувство благодарности заключено въ природѣ каждаго. Человѣкъ, получая въ нуждѣ пособіе, проникается благодарностію и расположеніемъ къ благотворящему. На этомъ расположеніи и родственныхъ связяхъ и основывалось нравственное вліяніе нѣкоторыхъ фамилій, пріобрѣвшихъ значеніе въ народѣ, выдвинувшихся, такъ сказать, изъ толпы и сдѣлавшихся первенствующими. Фамилія, бравшая перевѣсъ надъ другими значительною числительностію ея членовъ, естественно становилась во главѣ другихъ, потому что была гораздо сильнѣе. Сила и значеніе весьма заманчивы, а въ особенности тогда, когда на нихъ основывается благосостояніе человѣка. По этому и чеченцы, при отсутствіи у нихъ аристократическаго начала, охотно стремились къ преобладанію и каждая фамилія кичилась передъ другою древностію своего происхожденія, прошлою и настоящею силою, и въ особенности тѣмъ значеніемъ, которымъ она пользовалась во время полной независимости чеченцевъ и до подчиненія ихъ власти Шамиля. Оттого и у чеченцевъ «ни качества личныя, ни заслуги, никогда не выкупаютъ происхожденія человѣка отъ слабой фамиліи или происхожденія *безфамильнаго*, т. е. происхожденія людей, предки которыхъ были персіане, дагестанцы и т. д.» Такое нравственное превосходство нѣкоторыхъ фамилій признается и всѣмъ народомъ. Чеченцы считали у себя четыре первенствующихъ фамиліи, которыя, поль-

---

(¹) Слово уздень на чеченскомъ языкѣ произносится *ёзюданъ* и происходитъ отъ словъ *ёзю*—отъ и *данъ*—себя т. е. независящій отъ другихъ, а только отъ себя.

*

зуясь своимъ вліяніемъ, присвоили себѣ происхожденіе отъ какихъ то родоначальниковъ, будто бы когда-то владѣвшихъ чеченскимъ народомъ. У назрановцевъ считалось также четыре главныхъ фамиліи, изъ среды которыхъ и выдавались всегда аманаты.

Не оспаривая выдуманной родословной, чеченецъ, пожалуй, разскажетъ вамъ происхожденіе каждой фамиліи, но тутъ же непремѣнно прибавитъ, что эти фамиліи не княжескія и не владѣльческія, что всѣ чеченцы равны между собою; что всѣ они безъ различія дворяне; что князей никогда у чеченцевъ не было, и что народъ этотъ никогда и никѣмъ не былъ завоеванъ. Чеченецъ справедливо замѣтитъ, что члены такихъ фамилій пользуются одинаковымъ правомъ и уваженіемъ въ обществѣ, какъ и каждый старикъ, извѣстный своимъ умомъ, опытностію и наѣздничествомъ. Такіе старики бывали въ Чечнѣ судьями, къ которымъ обращались какъ въ частныхъ ссорахъ и тяжебныхъ дѣлахъ, такъ и въ дѣлахъ, касавшихся до цѣлаго общества.

Отсутствіе аристократическихъ сословій не удержало чеченцевъ отъ появленія у нихъ немногочисленнаго разряда личныхъ рабовъ, по происхожденію своему не принадлежащихъ коренному населенію, а происшедшихъ изъ числа военно-плѣнныхъ, захватываемыхъ чеченцами во время набѣговъ. Хотя состояніе всѣхъ безъ исключенія рабовъ въ сущности было совершенно одинаково, но чеченцы раздѣляли ихъ на двѣ категоріи: *лаи* и *іессиры*, или *ясыри*.

Лаями назывались тѣ плѣнные, которые, по давности своего плѣна, забыли свое происхожденіе и разорвали всякую связь съ отечествомъ, изъ котораго были похищены они сами или ихъ родители. Сословіе это пополнялось потомствомъ, происходящимъ отъ браковъ или просто связей плѣнныхъ съ плѣнницами, или лаевъ съ плѣнницами. Тѣ же изъ плѣнныхъ, которые, по недавности своего плѣна, помнили еще свою родину и по роднымъ своимъ связямъ надѣялись на выкупъ, назывались *іессирами*, или *ясырями*.

Главное различіе между тѣмъ и другимъ сословіемъ было то, что ясырь могъ быть выкупленъ, а *лай*—никогда. Владѣлецъ ясыря, надѣясь получить за него выкупъ, обходился съ нимъ снисходительнѣе, чѣмъ съ *лаемъ*, котораго онъ считалъ своею неотъемлемою собственностію. Съ потерею же надежды на выкупъ, *ясырь* точно также лишался снисходительности своего господина и съ нимъ поступали какъ съ *лаемъ*.

Положеніе этихъ зависимыхъ сословій въ Чечнѣ отличалось тѣмъ безусловнымъ рабствомъ, которое существовало въ древнемъ мірѣ. Рабъ не считался членомъ общества—это была вещь господина, имѣвшаго надъ нимъ неограниченное право и власть, на основаніи которой онъ могъ продать его, наказать и лишить жизни.

Рабы могли владѣть пріобрѣтенною собственностію только до тѣхъ поръ, пока господину не вздумается отнять у раба все его имущество.

Оба сословія рабовъ были прикованы къ своимъ владѣльцамъ. Каковы бы

ни были притѣсненія и жестокости, рабъ не могъ оставить своего владѣльца и перейти къ другому. Случалось, что рабы, испытывая постоянныя и жестокія притѣсненія, искали защиты у сильнаго или уважаемаго человѣка, который, принимая ихъ къ себѣ въ домъ, дѣлался, такъ сказать, посредникомъ между рабомъ и его господиномъ. Стараясь уговорить послѣдняго быть снисходительнѣе и мягче, посредникъ не могъ однако же оставить *лая* у себя, противъ воли хозяина, изъ опасенія преслѣдованія, какъ за воровство.

Такимъ образомъ участь раба совершенно зависѣла отъ его владѣльца. Если владѣлецъ обходился съ нимъ ласково, то рабу было хорошо; жестокъ былъ владѣлецъ—и рабу было невыносимо, но измѣнить или улучшить свое положеніе онъ не имѣлъ ни силъ, ни средствъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что вообще чеченцы обращались съ своими рабами довольно ласково, и если еще при этомъ онъ былъ мусульманинъ, то считался скорѣе какъ бы младшимъ членомъ семьи, чѣмъ безправнымъ рабомъ. «Онъ служилъ старшимъ членамъ точно также, какъ служатъ и теперь дѣти отцу, младшіе братья старшимъ». Понятно, что, при такихъ условіяхъ и взглядѣ чеченцевъ, рабское происхожденіе не могло считаться постыднымъ. Оно такъ и было въ дѣйствительности.

Отпущенный на волю рабъ, какъ самъ, такъ и его дѣти, пользовались правами коренныхъ чеченцевъ, и, со дня своего увольненія, онъ сразу становился въ равныя отношенія со всѣмъ обществомъ. Въ Чечнѣ, какъ и вообще въ Дагестанѣ, все значеніе человѣка въ обществѣ основано было на многочисленной роднѣ; человѣкъ одинокій легко могъ быть обиженнымъ, не имѣлъ вѣса и вліянія, и потому вольноотпущенные рабы не оставляли бывшаго своего владѣльца, а поселившись около, старались жениться на одной изъ его дочерей или родственницъ, чтобы черезъ то сдѣлаться членомъ его семейства или фамиліи. Такіе отпущенники носили названіе *азатовъ*.

Отпустить раба на волю можно было только письменнымъ постановленіемъ, написаннымъ кадіемъ и скрѣпленнымъ имъ и двумя свидѣтелями. Точно такъ же поступали и тогда, когда рабъ самъ откупался на волю. Тогда онъ передавалъ откупныя деньги владѣльцу непремѣнно черезъ кадія.

Хотя у чеченцевъ и не существовало сословій въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ это слово, но, «на основаніи того соціальнаго закона, что безусловнаго равенства быть не можетъ», чеченцы дѣлились на касты, различающіяся между собою занятіями.

«Пропуская духовныхъ, говоритъ П. Пѣтуховъ, и такъ называемыхъ *почетныхъ-вліятельныхъ*, назовемъ здѣсь три главныя касты: *ишлейгенъ*—трудящіеся, *уручи*—воры, *чонгури*—балалаешники».

Ишлейгенъ — земледѣлецъ, человѣкъ замѣтный съ перваго взгляда, не обращающій на себя особеннаго вниманія, но живущій собственнымъ трудомъ. Платье его постоянно оборвано и пропитано потомъ, оружіе или, лучше, кин-

жалъ его не затѣйливъ, голова часто не брита по нѣсколько недѣль, и мозолистыя ладони рукъ его трудно сгибаются. Ишлейгенъ не разговорчивъ, не любитъ терять слова по пустому и занимается своимъ хозяйствомъ, объ улучшеніи котораго только и хлопочетъ. Онъ религіознѣе другихъ своихъ собратій, раньше другихъ приходитъ въ мечеть и становится гдѣ-нибудь въ углу, а по окончаніи молитвы, не занимаясь праздною болтовнею, спѣшитъ домой.

Къ разряду воровъ—*уручи* принадлежатъ преимущественно молодые люди, отъ 15 до 30 лѣтъ. Они голы какъ соколы, вѣчно въ долгахъ, въ лохмотьяхъ, но имѣютъ исправное оружіе и всѣ приспособленія для воровства. Въ карманѣ ихъ всегда имѣется фитиль, натертый воскомъ, спички, есть и инструментъ для кровопусканія, чтобы, послѣ длинныхъ и быстрыхъ переѣздовъ, въ случаѣ надобности пустить лошади кровь. Воровская жизнь пріучила ихъ къ осторожности, одиночеству и скрытности. Уручи трудно сходится съ кѣмъ бы то ни было; кромѣ сотоварища по ремеслу, не отвѣчаетъ прямо на вопросъ и никогда не укажетъ мѣста своего жительства. Характеръ его глубоко испорченъ; онъ отчасти атеистъ и человѣкъ, которому принять ложную присягу ничего не значитъ, но признаться въ воровствѣ большой позоръ и стыдъ. Имѣя знакомство въ отдаленныхъ обществахъ и извѣдавъ всѣ тропинки днемъ и ночью, онъ могъ бы служить отличнымъ проводникомъ, еслибы не былъ двуличенъ. Уручи знаетъ всѣ новости и, хватая ихъ на лету, онъ разсказываетъ потомъ слышанное съ собственными коментаріями и добавленіями. Онъ ѣстъ все что попадется, пьетъ вино, куритъ трубку, хорошій табакъ въ кукурузномъ листѣ и махорку въ оберточной бумагѣ. Люди эти жаждутъ общественныхъ безпорядковъ, происшествій, словомъ чего-нибудь такого, что бы могло отвести вниманіе общества отъ наблюденія за ихъ занятіемъ.

Уручи тунеядецъ, точно такой же тунеядецъ и *чонгури* (балалаешникъ). «Этимъ именемъ, говоритъ П. Пѣтуховъ, называются не исключительно только играющіе на чонгурѣ—балалайкѣ, но всѣ, къ кому могутъ быть отнесены эпитеты: шарлатанъ, франтъ, донъ-Жуанъ—послѣдніе два въ томъ не прямомъ смыслѣ, какой приняли эти слова, войдя въ русскую рѣчь. Чонгури можетъ быть и игрокъ на балалайкѣ, да такой чонгури и далъ имя этому разряду людей. Молодой человѣкъ, благообразной физіономіи, въ высочайшемъ папахѣ, съ поднятыми высоко газырями, съ безпечнымъ и празднымъ видомъ—и есть чонгури. Руки его не знаютъ мозолей, потому что, принадлежа преимущественно къ семьѣ, гдѣ есть помощь, т. е. братья-работники и сестры-работницы, онъ самъ не занимается ничѣмъ, требующимъ напряженія силъ. Впрочемъ, его можно встрѣтить въ толпѣ молодежи и дѣвушекъ, когда выходятъ полоть кукурузу и—еще болѣе—собирать ее. Тамъ пѣсни, хохотъ, шутки—главная пища балалаешника. Вѣтренный и легковѣрный, онъ главный алармистъ въ народѣ. Случайно и вскользь услышанную отъ пріѣзжаго иноплеменника новость, или намекъ аскета-муллы, онъ тревожно вноситъ въ кружки,

собирающіеся на буграхъ аула по закатѣ солнца и составляющіе мѣстные митинги [1].»

Всѣ сословія чеченскаго народа въ старину дѣлились на *тайпы* — отдѣльныя общества, и *гаръ* или *тухумы*—роды, которые, по свидѣтельству нѣкоторыхъ, носятъ названія тѣхъ ауловъ, изъ которыхъ вышли ихъ родоначальники, при общемъ переселеніи этого народа на равнину. Аулы эти почти всѣ находятся въ Ичкеріи, Аухѣ и по ущельямъ Аргуна, Мартанки, Валерика и другихъ притоковъ Сунжи, и только немногіе изъ нихъ лежатъ выше, въ горахъ Чаберлоевскихъ, въ сосѣдствѣ вѣчныхъ снѣговъ.

Въ прежнее время, до призванія чеченцами Шамиля, у нихъ не было никакого общаго управленія: каждый *тухумъ* управлялся отдѣльно и не вмѣшивался въ дѣла сосѣдей. Старшій въ родѣ былъ посредникомъ и, вмѣстѣ, судьею въ ссорахъ и тяжбахъ, происходившихъ между родственниками его тухума.

Въ аулѣ или селеніи, гдѣ жило вмѣстѣ нѣсколько тухумовъ, каждый изъ нихъ выбиралъ своего старика—родоначальника, и тогда ссоры и иски между лицами разныхъ тухумовъ разбирались уже выбранными стариками вмѣстѣ.

Кругъ обязанностей подобныхъ стариковъ былъ весьма ограниченъ и власть ихъ почти ничтожна. Рѣшенія ихъ не были обязательны и исполненіе зависѣло отъ тяжущихся, точно также, какъ и судиться къ нимъ приходили только тѣ, кто хотѣлъ. Остальные сами преслѣдовали врага и, минуя стариковъ, производили съ нимъ расправу, такую, какую хотѣли: за кровь мстили кровью, за обиду обидою. Случаи эти были однакоже не часты, но вообще судъ и рѣшенія стариковъ были въ большомъ уваженіи у чеченцевъ. Врожденное чувство къ сознанію въ необходимости нѣкоторой подчиненности, какъ непремѣнное условіе существованія всякаго общества, существовало у чеченцевъ и было оплотомъ, ограждавшимъ столь слабую гражданскую власть отъ разрушительныхъ порывовъ необузданной свободы полудикаго народа, избѣгавшаго всякаго ограниченія своей воли. Чеченецъ невольно покорялся уму и опытности, и часто добровольно исполнялъ приговоръ, осудившій его.

Важныя дѣла, касавшіяся цѣлой деревни, общества или тухума, рѣшались на мірскихъ сходкахъ, куда шелъ каждый, кто хотѣлъ, и говорилъ, что зналъ. Кто-нибудь изъ жителей, задумавши поговорить о важномъ, по его мнѣнію, дѣлѣ, взбирался на крышу мечети и оттуда сзывалъ народъ. Все мужское населеніе деревни спѣшило на его призывъ, и такимъ образомъ передъ мечетью составлялась мірская сходка.

---

(1) Изъ Нагорнаго округа П. Пѣтухова Кавк. 1866 г. № 65, 95 и 97. Краткое описаніе происхожденія чеченцевъ и состояніе обществъ до появленія Шамиля ген. Фрейтага (рукоп.) Чечня и чеченцы Ад. Берже Тифлисъ 1859 г. Этнографическій очеркъ Аргунскаго ущелья А. П. Ипполитова. Сборн. Свѣд. о кавк. горцахъ вып. I изд. 1868 г. Чечня Кавк. 1851 г. № 96. Замѣтки объ Аргунскомъ округѣ Ипполитова. Терскія вѣдом. 1868 г. № 3. Этнограф. очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукоп.).

Сходки отличались всегда шумомъ, крикомъ и кончались иногда жесточайшей дракой. Часто ссоры принимали такіе размѣры, что все населеніе деревни дѣлилось на двѣ враждебныя половины, и побѣжденная должна была оставить свое мѣсто жительство и селиться на новыхъ мѣстахъ.

Если предложеніе созвавшаго на сходку было достойно вниманія, оно принималось, а если нѣтъ, то всѣ расходились безъ всякаго негодованія. Для чеченца всякая новость и шумъ были весьма занимательны, а сходить на площадь человѣку праздному и ничѣмъ не занятому не только не составляло никакого труда, а напротивъ, было развлеченіемъ. Сходки долгое время составляли у чеченцевъ главное основаніе общественнаго управленія и устройства.

Впрочемъ, по сказанію стариковъ, было одно время, когда сами чеченцы сознали необходимость власти, для скрѣпленія разрозненнаго общества въ одно цѣлое. Первою попыткою къ этому было призваніе князей Турловыхъ, дѣятельность которыхъ, какъ мы видѣли, обезпечила чеченцевъ отъ непріязненныхъ вторженій ихъ сосѣдей, но не коснулась внутренняго управленія страною. Съ уходомъ Турловыхъ, народъ, сознавая свою силу, предался буйству и потерялъ прежнее уваженіе къ старикамъ. Буйная и разгульная жизнь сдѣлала и самихъ стариковъ не разумнѣе малыхъ; они сами, пока держались на конѣ, проводили время въ разбояхъ и не знали ничего, что было въ старину. Наконецъ народу наскучилъ безпорядокъ, и, съ общаго согласія, были отправлены въ Ичкерію депутаты, съ порученіемъ узнать, какъ управлялся народъ въ старину, и просить у тамошнихъ стариковъ совѣта, для водворенія у нихъ порядка. На совѣтѣ, собранномъ въ Ичкеріи, было много толковъ. Старики затруднялись дать наставленіе и исполнить просьбу депутатовъ, не потому, чтобы у нихъ не сохранилось преданій, но потому, что, со времени выселенія чеченцевъ съ горъ на плоскость, многое перемѣнилось и у нихъ самихъ. Съ тѣхъ поръ ичкеринцы стали магометанами, и многое, что повелѣваетъ религія, не согласно было съ прежними постановленіями стариковъ; коранъ не сходился съ прежними обычаями народа.

Старики думали, совѣтывались, и наконецъ рѣшили согласовать народные обычаи съ догматами религіи, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это оказывалось возможнымъ, не затрогивая, впрочемъ, свойственнаго народу разгула и самоуправства. Постановленіе стариковъ дало начало *адату*, употреблявшемуся преимущественно тогда, когда народъ, по своему характеру, не считалъ возможнымъ судиться такъ, какъ предписано въ коранѣ. Въ дѣлахъ же наслѣдственныхъ, духовныхъ завѣщаніяхъ и опекѣ, было опредѣлено разбираться по шаріату.

Такимъ образомъ въ Чечнѣ было введено смѣшанное законодательство, составленное изъ двухъ противоположныхъ началъ: *шаріата*, основаннаго на общихъ правилахъ нравственности и религіи, и *адата*, или сборника обычаевъ народа полудикаго, у котораго основной и единственный законъ былъ— право сильнаго. Произвольное употребленіе того или другаго закона вело къ

тому, что адатъ распространялся и усиливался каждый разъ, когда шаріатъ падалъ, и на оборотъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, адатъ много потерпѣлъ отъ вліянія русской власти, а потомъ отъ возникшаго въ Дагестанѣ мюридизма, совершенно измѣнившаго прежнія условія общественной жизни. Прежній адатъ оставался долгое время въ своей силѣ только между чеченцами надъ-теречныхъ деревень, Новомъ и Старомъ-Юртѣ, Брагунахъ и въ чеченскихъ аулахъ, расположенныхъ на Кумыкской плоскости, но и здѣсь онъ измѣнился подъ вліяніемъ русскихъ законовъ.

До подчиненія Чечни власти Шамиля, понятія чеченцевъ о началѣ гражданственности были на самой низкой ступени своего развитія. Обычаи, принявшіе силу закона и получившіе названіе *адата*, служили для нихъ единственнымъ началомъ соединенія въ общества и переходомъ отъ дикаго состоянія къ жизни общественной; но созданный въ періодъ младенчества адатъ былъ не полонъ, слабъ и, по неимѣнію письменъ, сохранялся только въ однихъ преданіяхъ.

Обрядъ суда по адату былъ весьма простъ. Противники, желая кончить дѣло по адату, выбирали обыкновенно въ посредники или судьи одного или двухъ старшинъ, и для избѣжанія лицепріятія не изъ того колѣна или тухума, которому принадлежали тяжущіеся, а непремѣнно изъ другаго. Старики выслушивали отдѣльно показанія каждаго изъ тяжущихся и, разобравъ дѣло, произносили приговоръ.

Для обвиненія было необходимо, чтобы истецъ представилъ, съ своей стороны, одного или двухъ свидѣтелей, которые должны быть совершеннолѣтніе, мужескаго пола и свободнаго сословія. Рабы въ свидѣтели не допускались.

Въ случаѣ же, еслибы истецъ не нашелъ свидѣтелей, то виновный оправдывался присягою на коранѣ (1) и, кромѣ того, по его выбору, должны были присягнуть, въ его оправданіе, шесть постороннихъ поручителей.

Очныя ставки не требовались при судѣ адатомъ, и свидѣтели или доказчики, опасаясь мщенія, обвиняли преступника въ тайнѣ; отъ этого часто случалось, что обвиняемый, по невѣдѣнію, выбиралъ въ число такихъ свидѣтелей, присяга которыхъ должна была оправдать его, и то лицо, которое тайно его уличало. Увѣренный въ виновности преступника, доказчикъ не соглашался присягнуть, и такимъ образомъ воровство открывалось.

Иногда случалось, что одинъ доносчикъ имѣлъ дѣло и разбирался съ обвиняемымъ, и если старики приводимыя имъ доказательства находили основательными и достаточными къ обвиненію, то обиженный получалъ удовлетвореніе по приговору ихъ, не бывъ призванъ на судъ.

---

(1) Чеченцы мало уважаютъ присягу и, по адату, за ложное свидѣтельство не положено было никакихъ наказаній, а потому присяга хотя и пустой обрядъ, но въ разбирательствѣ она допускалась потому, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по неимѣнію ясныхъ доказательствъ, дѣло рѣшить было бы затруднительно.

При рѣшеніи адатомъ необходимо было условіе, чтобы судьи постановили приговоръ единогласно. Въ случаѣ разногласія между стариками, тяжущіяся стороны выбирали новыхъ судей.

Если одна изъ тяжущихся сторонъ оставалась недовольною приговоромъ и не желала выполнить условій, на нее положенныхъ, то тогда тяжущійся имѣлъ дѣло не только съ противниками, но со свидѣтелями и судьями, которые всѣ вмѣстѣ обязаны были принудить его къ исполненію своего приговора. Впрочемъ обвиненному часто предоставлялось, и въ подобномъ случаѣ, выбирать новыхъ судей.

Такъ какъ въ тогдашнемъ обществѣ чеченскаго народа не существовало ни охранительной, ни исполнительной власти, а при отсутствіи ихъ могло случиться, что обиженный не въ состояніи былъ принудить противника идти на судебное разбирательство, то, по адату, предоставлялось обиженному право во всякое время украсть у послѣдняго лошадь или какую бы то ни было вещь. Тогда отвѣтчикъ становился истцомъ и по необходимости долженъ былъ самъ искать суда. Укравшій, достигнувъ своей цѣли и вызвавъ этимъ способомъ своего обидчика на судъ, представлялъ украденныя имъ вещи судьямъ, которые, оцѣнивъ ихъ, выдавали ему ту долю, на которую онъ имѣлъ право, а остальное же возвращали хозяину. Такое же право предоставлено было, по адату, и слабому при тяжбѣ съ сильнымъ.

Часто однакоже обидчикомъ являлось лицо, имѣвшее такую силу и вѣсъ въ обществѣ, что и судьи не въ состояніи были принудить его къ исполненію приговора. Въ такомъ случаѣ обиженный, собравъ свое имущество, оставлялъ обыкновенно деревню, въ которой не находилъ правосудія, и переселялся туда, гдѣ, по родственнымъ связямъ, имѣлъ болѣе защитниковъ, и уже съ помощію ихъ старался украсть у лица, его обидѣвшаго, лошадь, оружіе, или какую-нибудь вещь и, посредствомъ этого, принудить своего противника къ исполненію судебнаго приговора.

Изъ всего этого видно, что судъ по адату былъ *судъ посредническій*, лишенный исполнительной власти. Принять или не принимать постановленіе суда была воля тяжущихся, и если одна изъ сторонъ признавала для себя невыгоднымъ постановленіе суда, то она оставляла его рѣшеніе безъ исполненія. Но тамъ, гдѣ законъ не въ состояніи оградить праваго отъ насилія, тамъ каждый получаетъ право личнаго огражденія себя отъ обиды и свободу мстить врагу, по своему произволу — и вотъ происхожденіе жестокаго правила кровомщенія—*канлы*, признаннаго чеченцами законнымъ правомъ каждаго.

Всѣ важнѣйшія преступленія противъ жизни и собственности, личная обида и оскорбленіе подлежали кровомщенію, состоявшему вообще въ томъ, что родственникъ убитаго долженъ преслѣдовать и убить убійцу. Очень естественно, что человѣкъ, совершившій преступленіе, всегда будетъ стараться скрыться отъ преслѣдователей, а потому, чтобы дать средство къ мщенію,

адатъ допускалъ возможность мстить родственникамъ преступника. Отъ этого почти послѣ каждаго убійства, между родственниками убитаго и убійцы возникало кровомщеніе, быстро развѣтвлявшееся, переходившее отъ одного колѣна къ другому и усложнявшееся до крайности.

Относительно кровомщенія у чеченцевъ существуетъ пѣсня, которая, возлагая на родственниковъ обязанность отмстить убійцѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отлично рисуетъ самоволіе чеченца и его право свободнаго и произвольнаго употребленія оружія. Вотъ эта пѣсня.

«Высохнетъ земля на могилѣ моей, и забудешь ты меня, моя родная мать!
«Поростетъ кладбище могильной травой — заглушитъ трава твое горе, мой старый отецъ!
«Слезы высохнутъ на глазахъ сестры моей—улетитъ и горе изъ сердца ея!
«Но не забудешь меня ты, мой старшій братъ, пока не отмстишь моей смерти!
«Не забудешь ты меня и второй мой братъ, пока не ляжешь рядомъ со мной.
«Горяча ты, пуля, и несешь ты смерть, но не ты ли была моей вѣрной рабой?
«Земля черная, ты покроешь меня — но не я-ли тебя конемъ топталъ?
«Холодна ты, смерть—но вѣдь я былъ твоимъ господиномъ!»

Чтобы прекратить кровомщеніе, у чеченцевъ допускалось—или откупиться деньгами, заплативъ преслѣдователямъ извѣстную плату, или убійца, отпустивъ себѣ на головѣ волосы, просилъ прощенія. Если преслѣдователь соглашался прекратить вражду, то призывалъ виновнаго къ себѣ и собственноручно брилъ ему голову. Примирившіеся считались *кровными братьями* и клялись на коранѣ прекратить всякую вражду. Бывали, однако-же, примѣры, что, послѣ примиренія, простившій убивалъ своего кровнаго брата, и тогда, если прощеніе призошло черезъ плату, то родственники убитаго имѣли право требовать возвращенія денегъ или преслѣдовать убійцу при помощи того же кровомщенія.

У жителей Ингушевскаго округа кровная вражда прекращались однимъ изъ двухъ способовъ. Родственники той стороны, которая подлежала кровомщенію, т. е. сдѣлала послѣднее убійство, отправлялись на могилу послѣдняго убитаго и, распростершись на ней ничкомъ, начинали плакать и рыдать. Въ такомъ положеніи они оставались до тѣхъ поръ, пока нарочно посланные люди не давали знать объ этомъ ихъ противникамъ, и тѣ не приходили поднять ихъ. Обыкновенно, когда посланные приходили къ родственникамъ уби-

таго, то сообщаемое ими свѣдѣніе встрѣчалось ужаснымъ крикомъ со стороны женщинъ, просившихъ и заклинавшихъ не прощать враговъ.

Мужчины, показывая видъ, что не желаютъ прощать виновныхъ и уступаютъ просьбамъ своихъ женъ, скрывались куда-нибудь изъ аула, но ихъ преслѣдовали одноаульцы, принимавшіе роль посредниковъ и уговаривавшіе помириться съ кровниками. Уговорить на такое примиреніе было тѣмъ легче, что установившійся обычай клеймилъ стыдомъ тѣхъ людей, которые отказывались отъ такого примиренія. Тогда родственники убитаго собирались вмѣстѣ, отправлялись на могилу, подымали плачущихъ и изъявляли свое прощеніе, за которымъ слѣдовалъ пиръ и попойка.

Случалось, однако-же, что лица, подлежавшія кровомщенію, проводили дня три или четыре на могилѣ въ напрасномъ ожиданіи прихода кровомстителей, упорно отказывавшихся простить виновныхъ, тогда подлежавшіе кровомщенію оставляли могилу, и вражда закипала еще съ большимъ ожесточеніемъ. По обычаю и установившимся понятіямъ горцевъ, чѣмъ дольше пришедшіе на могилу оставались на ней, тѣмъ болѣе имъ чести, и на оборотъ: всеобщее презрѣніе падало на долю тѣхъ, которые отказывались помириться.

Второй способъ примиренія заключался въ томъ, что убійца долженъ былъ пососать грудь у матери убитаго. Обыкновенно для этого выискивался удобный случай и убійца, секретно подкравшись, бросался на мать убитаго, и если она уклонялась отъ этого, то посторонніе схватывали ее и держали до тѣхъ поръ, пока онъ не успѣвалъ пососать грудь, а тогда онъ становился такимъ же сыномъ ея, какъ и убитый, и всякая ссора прекращалась.

Кровомщеніе находило себѣ мѣсто и среди женщинъ. Очевидецъ свидѣтельствуетъ, что видѣлъ женщину, которая была посажена въ яму, за то, что убила изъ мести убійцу своего мужа. Послѣ трехмѣсячнаго заключенія ее освободили и, по закону, должны были немедленно отдать замужъ за перваго, кто пожелаетъ взять ее себѣ въ жены (1).

Воровство у чеченцевъ разбиралось по адату и причина тому ясна: отвѣтчикъ, не опасаясь строгости закона, шелъ на судъ безъ сопротивленія, надѣясь оправдаться. Въ случаѣ даже обвиненія, наказаніе заключалось въ одномъ лишь возвращеніи истцу украденой вещи и не большаго штрафа, состоявшаго: за украденую лошадь въ шести, а за корову въ трехъ рубляхъ. За кражу, сдѣланную въ домѣ, воръ обязанъ былъ платить истцу двойную цѣну пропавшаго. У чеченцевъ вообще, а у ичкеринцевъ въ особенности было два рода воровства: *колу* и *курхулъ*. Первое имѣло смыслъ военной

---

(1) О такъ называемыхъ мезджегскихъ языкахъ и проч. И. Бартоломея Кавк. 1855 г. № 70. Краткое описаніе происхожденія чеченцевъ и проч. Генерала Фрейтага (рукоп.) Чечня и чеченцы Ад. Берже Тифлисъ 1859 г. Нѣчто о Чечнѣ Клингера Кавк. 1856 г. № 97. Плѣнъ у Шамиля Вердеревскаго ч. I.

добычи, а второе воровство-мошенничество, всегда презиралось и преслѣдовалось, какъ посягательство на собственность своего единоплеменника.

Права собственности вообще и законы о наслѣдствѣ имѣли свою характеристическую особенность, которую въ настоящемъ очеркѣ нельзя пройти молчаніемъ.

Право личной поземельной собственности, въ строгомъ смыслѣ, не существовало у чеченцевъ, не только въ прежнее, но и въ ближайшее къ намъ время. Въ началѣ, вскорѣ послѣ выселенія своего изъ горъ на плоскость, каждый чеченецъ владѣлъ землею тамъ, гдѣ ему было сподручно и удобно. Съ теченіемъ времени, быстро развившееся народонаселеніе заставило ихъ цѣнить участки воздѣланной и пахатной земли, и такимъ образомъ ограничилось само собою общее право каждаго владѣть извѣстными и опредѣленными угодьями.

Поселившись въ разное время и на различныхъ мѣстахъ, каждая семья обработывала столько принадлежащей къ селенію земли, сколько считала для себя необходимымъ. О прокормленіи же своихъ стадъ чеченцы не заботились. Они сами по себѣ отыскивали, на каждомъ шагу, тучную и богатую пищу, на лугахъ, зеленѣющихъ въ теченіе девяти или десяти мѣсяцевъ въ году, а заготовленіе сѣна, на два или на три остальныхъ мѣсяца, не могло составить особаго труда, и тѣмъ болѣе тамъ, гдѣ не было недостатка въ прекрасныхъ лугахъ. Съ увеличеніемъ семей, являлась необходимость въ обработываніи бо́льшаго круга пространства и, наконецъ, дошло до того, что двѣ различныя семьи, обратившіяся въ цѣлое племя, состоящее изъ нѣсколькихъ сотъ домовъ, сошлись на обработываемыхъ ими земляхъ. Тогда они положили между собою границу владѣнія: по одну ея сторону земля принадлежала одному *тухуму*, а по другую — другому. Но земля, принадлежащая цѣлому тухуму, не раздроблялась, не составляла личной собственности ни одного отдѣльнаго члена тухума, и до сороковыхъ годовъ находилась въ общинномъ владѣніи.

— Вотъ земля, принадлежащая нашему тухуму, говоритъ чеченецъ, указывая на участокъ.

Если же спросить его, гдѣ граница этой земли, то онъ не пойметъ предложеннаго вопроса и отвѣтитъ по своему.

— Тамъ, скажетъ онъ, гдѣ съѣзжались наши плуги съ сосѣдними.

Ежегодно, передъ началомъ посѣва, всѣ родственники собирались въ поле и дѣлили его на столько равныхъ участковъ, сколько домовъ считалось въ тухумѣ, и за тѣмъ жребій указывалъ кому какой достанется участокъ. Послѣ раздѣла, каждый владѣлъ доставшимся ему участкомъ въ теченіе года, былъ въ это время полнымъ его хозяиномъ и дѣлалъ съ нимъ что хотѣлъ.

Такъ поступали чеченцы съ пахатною землею, не касаясь лѣса. Лѣсъ, котораго много въ Чечнѣ и которому народъ не зналъ цѣны, составлялъ нераздѣльно общественную собственность.

Но каждый туземецъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣлъ право вырубить себѣ участокъ лѣса, расчистить землю, поселиться на ней, и тогда воздѣланное это мѣсто становилось частною неотъемлемою его собственностію. Такъ поступили чеченцы надъ-сунженскихъ и надъ-теречныхъ деревень, бѣжавшіе за Сунжу во время возмущенія въ 1840 году.

Не найдя свободныхъ мѣстъ для поселенія, они вырубили себѣ въ лѣсу поляны и поселились на нихъ, какъ на землѣ, составляющей ихъ собственность.

Правда, такое понятіе о поземельной собственности существовало только у обществъ чеченскаго племени, обитавшихъ на плоскости, потому что тутъ не было недостатка въ землѣ: вездѣ она была одинаковаго свойства и качества. Совсѣмъ другое можно сказать объ обществахъ тѣхъ же племенъ, обитающихъ въ горахъ. Тамъ, по недостатку въ пахатной землѣ, она всегда болѣе цѣнилась, и однажды обработанный участокъ, можно сказать, считался собственностію занявшаго его.

По существовавшимъ въ Чечнѣ законамъ, отецъ и сыновья имѣли одинаковое и равное право на домашнее имущество. Сыновья могли, когда желали заставить отца раздѣлиться съ ними, и тогда все имущество дѣлилось на столько равныхъ частей, сколько было сыновей съ прибавкою одной такой же части на отца. Изъ этого часто происходили весьма странные случаи. Такъ, однажды, когда сыновья узнали, что отецъ хочетъ взять другую жену, то потребовали, чтобы онъ предварительно раздѣлился съ ними, находя, что было бы несправедливо послѣ его смерти дать равную съ ними часть наслѣдства дѣтямъ отъ второй жены, такъ какъ теперешнее имѣніе принадлежитъ только имъ. Послѣ раздѣла по числу сыновей, отцу досталась только шестая часть изъ его прежняго имущества, и онъ, женившись на второй женѣ, имѣлъ отъ нея нѣсколько сыновей. Послѣ его смерти, сыновья отъ первой жены начали тяжбу съ дѣтьми отъ второй, и заявили требованіе, что бы оставшаяся шестая часть отцовскаго имущества была раздѣлена поровну между сыновьями отъ обѣихъ женъ. Дѣло это, разбиравшееся по адату, было рѣшено въ пользу заявившихъ претензію и остальная часть отцовскаго имѣнія была снова раздѣлена поровну между всѣми его сыновьями.

Дочерямъ, по адату, не предоставлено было никакого права на участіе въ дѣлежѣ отцовскаго имѣнія, а по шаріату дочь получаетъ третью часть имѣнія, достающагося брату. Дочери до замужества находились въ полной власти отца. Онъ содержалъ ихъ какъ зналъ, и выдавалъ замужъ когда и за кого хотѣлъ. Если послѣ смерти отца дочери оставались не замужемъ, то старшій братъ, или ближайшій родственникъ, обязанъ былъ содержать ихъ у себя, составить приданое и выдать замужъ. Если отецъ, умирая, не оставилъ послѣ себя сыновей, то имѣніе его дѣлилось на двѣ равныя части: одна половина поступала въ собственность дочери, а другая ближайшему родственнику.

При наслѣдованіи нѣсколькихъ дочерей, сколько бы ихъ ни было, имѣніе

дѣлилось на три равныя части: двѣ поступали во владѣніе дочерей, и могли быть раздѣлены между ними поровну, а третья родственнику.

Законъ наслѣдованія по одной нисходящей линіи не соблюдался у чеченцевъ. Когда не было прямыхъ наслѣдниковъ, имѣніе сына переходило отцу, который предпочитался братьямъ и племянникамъ; точно также дядя во многихъ случаяхъ предпочитался двоюроднымъ братьямъ. Такой порядокъ былъ весьма естественъ въ обществѣ, гдѣ не существовало отцовской власти надъ взрослыми сыновьями, и гдѣ отецъ не имѣлъ никакого предъ ними преимущества.

Въ Чечнѣ, гдѣ не было почти понятія о личной недвижимой собственности, домашнее имущество, временно пріобрѣтенное трудомъ каждаго изъ членовъ семьи, должно было поровну дѣлиться между ними, потому что каждый, не исключая и самого отца, одинаково учавствовалъ въ его пріобрѣтеніи. Право собственности не имѣетъ въ Чечнѣ другаго основанія, кромѣ личнаго труда или насильственнаго завладѣнія, а потому не удивительно, что отецъ обязанъ во всякое время, по требованію сыновей, дѣлиться съ ними, а въ случаѣ смерти одного изъ нихъ имѣетъ право наслѣдовать его имущество предпочтительно предъ другими членами семейства.

Жена послѣ смерти мужа и мужъ послѣ смерти жены не наслѣдовали другъ другу.

Жена могла выйти замужъ за ближайшаго родственника, если тотъ желалъ на ней жениться. Если бракъ этотъ не имѣлъ мѣста, то изъ оставшагося послѣ мужа имущества вдова получала четвертую долю и имѣла право располагать какъ собою, такъ и доставшимся ей имуществомъ. Послѣ смерти женщины, не оставившей дѣтей, имущество ея (калымъ, жениховы подарки и разныя пріобрѣтенія) поступало ея родителямъ или родственникамъ, а не мужу. Если же у умершей были дѣти, то сыновья получали равныя части, а дочери третью часть братниной доли.

По неимѣнію прямыхъ наслѣдниковъ, къ которымъ причислялся и отецъ, имѣніе умершаго переходило въ боковыя линіи, причемъ родные братья предпочитались племянникамъ, племянники дядямъ, а дяди двоюроднымъ братьямъ.

Прежде раздѣла имѣнія уплачивались всѣ лежащіе на немъ долги, но еслибы заимодавецъ представилъ свой искъ послѣ раздѣла имѣнія, то долгъ раздѣляется поровну между всѣми наслѣдниками мужескаго пола, и уплата его лежала на ихъ обязанности.

Умирающій и неимѣющій родственниковъ былъ въ правѣ завѣщать свое имѣніе кому пожелаетъ, но если у него были родственники, то наслѣдованіе имѣнія посторонними лицами, помимо родственниковъ, ни подъ какимъ предлогомъ не допускалось. Исключеніемъ въ этомъ былъ единственный случай, когда въ домѣ хозяина умиралъ его гость или *кунакъ*, тогда хозяинъ наслѣдовалъ всѣ вещи, какія при немъ находились, хотя бы у покойника и были прямые наслѣдники, дѣти, отецъ или родные братья. Этотъ обычай основанъ былъ на

правилахъ гостепріимства. Куначество почитается наравнѣ съ родствомъ, и хозяинъ, наслѣдовавшій послѣ кунака, обязанъ былъ за то принять на себя его *канлы*, еслибы она за нимъ считалась.

Посмертныя пожертвованія на мечеть и богоугодныя дѣла допускались, но съ тѣмъ, чтобы пожертвованіе не превышало третьей доли имущества.

Передача права на владѣніе имуществомъ совершалась по духовному завѣщанію, которое должно быть написано кадіемъ или муллою, при двухъ свидѣтеляхъ, прилагавшихъ къ нему свои печати.

Исполненіе точной воли умершаго лежало на обязанности кадія, а душеприкащики допускались только за его отсутствіемъ, если, напримѣръ, чеченецъ умиралъ на чужой сторонѣ.

Вводъ во владѣніе наслѣдниковъ производился черезъ духовное лицо. По полученіи свѣдѣній о смерти кого–либо изъ жителей аула, кадій обязанъ былъ составить подробную опись имущества и заботиться объ его цѣлости, до окончательнаго раздѣла между наслѣдниками, которымъ и сдавалъ его по описи; если дѣти были малолѣтны, то точно также кадій сдавалъ имущество умершаго ихъ опекуну. «Въ случаѣ малолѣтства наслѣдниковъ, управленіе имѣніемъ принадлежитъ по праву ближайшему родственнику, дядѣ или старшему брату, а если ихъ нѣтъ, то кадію. Опекуну не предоставляется никакой доли изъ доходовъ имѣнія, но за то онъ и не обязанъ давать отчетовъ въ своихъ расходахъ, лишь бы только имѣніе было сохранено въ томъ видѣ, какъ оно принято по описи кадія, и состоящій подъ опекой содержался прилично своему состоянію. Если родственники замѣтятъ недобросовѣстныя дѣйствія опекуна, растрату довѣренной ему чужой собственности или дурное обращеніе съ сиротою, то имѣютъ право жаловаться кадію, который разбираетъ дѣло и, если найдетъ опекуна виновнымъ, смѣняетъ его и принуждаетъ отвѣчать за растрату своею собственностію».

«Совершеннолѣтіе полагается въ 15 лѣтъ. Тогда кончается опека — и опекунъ, въ присутствіи кадія и родственниковъ, сдаетъ имѣніе своему бывшему питомцу, согласно той описи, по которой самъ его принималъ; недостатокъ онъ обязанъ пополнить изъ своего. Само собою разумѣется, что женщины не допускаются къ опекѣ.

«Если старшій братъ совершеннолѣтенъ, то можетъ требовать выдѣла себѣ части имѣнія. Для этого онъ обращается къ кадію, который, съ двумя или тремя свидѣтелями, раздѣливъ поровну все имѣніе, кидаетъ жребій, и та часть, которая придется на долю старшаго брата, поступаетъ въ собственность послѣдняго» ([1]).

([1]) Чечня и чеченцы Ад. Берже Тифлисъ 1859 г. Краткое описаніе происхожденія чеченцевъ и проч. генерала Фрейтага (рукопись). Объ обществахъ чеченскаго племени, рукоп. достав. мнѣ П. В. Кузьминскимъ.

Въ такомъ видѣ былъ юридическій бытъ чеченцевъ до подчиненія этого народа власти Шамиля.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ между чеченцами, находившимися въ подданствѣ Россіи, стали распространяться ложные слухи, что, будто бы, русское правительство намѣрено обратить всѣхъ ихъ сначала въ крестьянъ, а потомъ обложить и рекрутскою повинностію. Буйный народъ, привыкшій къ своеволію и необузданной свободѣ, волновался и, наконецъ, рѣшился освободиться изъ-подъ власти русскаго правительства.

Съ раннею весною 1840 года, почти всѣ Надъ-Теречныя и Сунженскія аулы бѣжали за Сунжу, а вслѣдъ за тѣмъ и всѣ остальные жители Большой и Малой Чечни, а также общества Качкалыковское и Мичиковское, отложились отъ нашего правительства.

Возмутившись противъ правительства и ожидая неминуемаго наказанія, тѣ деревни, которыя находились на лѣвомъ берегу р. Сунжи, не могли оставаться на прежнихъ мѣстахъ и принуждены были искать спасенія въ бѣгствѣ. Скрывшись въ лѣсахъ они видѣли однакоже, что при своей разрозненности не могутъ защищаться отъ русскаго оружія, что для постояннаго противодѣйствія врагу необходимы энергія и единство въ дѣйствіяхъ, которое должно быть предоставлено волѣ и знанію одного человѣка. Такимъ человѣкомъ чеченцы признали Шамиля и рѣшились обратиться къ нему съ просьбою о помощи и добровольно подчиниться его власти.

Такое обращеніе было какъ нельзя болѣе кстати для послѣдняго. Разбитый на голову подъ Ахульго, имамъ находился въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Бѣжавъ съ поля сраженія и не имѣя на себѣ даже черкески, Шамиль скитался изъ одного аула въ другой, пока чеченцы не отыскали его въ Шуэти, не предложили ему принять надъ ними бразды правленія и стать во главѣ вооруженнаго возстанія. Зная хорошо народъ, съ которымъ ему предстояло имѣть дѣло, его непостоянство и своеволіе, Шамиль согласился пріѣхать въ Чечню, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, и тогда только, когда чеченцы дали ему присягу въ томъ, что будутъ строго выполнять всѣ издаваемыя имъ постановленія.

Появившись въ Урусъ-Мартанѣ, Шамиль прежде всего началъ съ того, что потребовалъ аманатовъ изъ тѣхъ семействъ, которыя пользовались наибольшимъ уваженіемъ и вліяніемъ въ народѣ, и навербовалъ къ себѣ мюридовъ изъ лучшихъ фамилій. Мѣрами этими онъ привязалъ къ себѣ первѣйшія чеченскія семейства, такъ что послѣдовавшія за тѣмъ обстоятельства: движеніе нашихъ войскъ въ Чечню и уничтоженіе ауловъ, не только не послужили къ упадку, а, напротивъ того, упроченію власти Шамиля.

Гонимые съ одного мѣста на другое, въ ежеминутномъ страхѣ наказанія за непокорность, чеченцы искали себѣ спасенія въ благоразуміи и волѣ человѣка, котораго избрали своимъ руководителемъ. Шамиль пользовался этимъ. Онъ утѣшалъ ихъ сладкою надеждою въ лучшую будущность и пред-

ставлялъ раззореніе ауловъ нашими войсками, какъ временное и скоро проходящее бѣдствіе. Возбуждая религіозный фанатизмъ, который всегда легко возбудить въ народѣ невѣжественнымъ, и притомъ находящемся въ несчастномъ положеніи, и въ то же время пользуясь этимъ настроеніемъ, онъ формировалъ себѣ ополченіе мюридовъ, съ помощью которыхъ и упрочилъ впослѣдствіи свою власть.

Подъ видомъ того, что не желаетъ дѣйствовать на своихъ новыхъ подвластныхъ однимъ только страхомъ, а снискать также ихъ расположеніе и привязанность, Шамиль сначала, какъ мы сказали, вербовалъ къ себѣ въ муриды лучшее чеченское юношество. Родители вступающаго въ муриды, первое время, не видѣли въ этомъ ничего другаго, какъ только вниманіе къ нимъ новаго ихъ властителя, и не понимали того, что, по дагестанскому ученію о мюридизмѣ, они, во-первыхъ, лишаются своихъ сыновей, а во-вторыхъ увидятъ въ нихъ точныхъ исполнителей воли своихъ начальниковъ. Каждый вступающій въ муриды, къ самому Шамилю или къ его приближеннымъ: Ахверды-Магома, Шуаипъ-Муллѣ и другимъ лицамъ, приносилъ присягу на коранѣ: слѣпо и свято исполнять всѣ приказанія, какого бы рода онѣ ни были, не отступая даже отъ этого правила и въ томъ случаѣ, если бы отъ него было потребовано поднятіе руки на роднаго брата. Давая клятву забыть узы родства, муриды предавали себя всецѣло предержащей власти, употребившей ихъ прежде всего на истребленіе опасныхъ для нея людей.

Строгій уставъ дагестанскаго мюридизма, въ рукахъ такого умнаго человѣка какъ Шамиль, послужилъ самымъ вѣрнымъ орудіемъ къ скорѣйшему упроченію его власти, потому что муридъ, совершившій, по приказанію начальства, нѣсколько убійствъ, естественнымъ образомъ ставилъ не только себя въ полную зависимость того, по чьему приказанію было совершено преступленіе, но и служилъ лучшимъ ручательствомъ въ вѣрности своего семейства и ближайшихъ родственниковъ. Возбудивъ убійствомъ противъ себя кровныхъ враговъ, понятно, что муридъ находилъ себѣ спасеніе только въ покровительствѣ и защитѣ того человѣка, по внушенію котораго было совершено преступленіе.

По обычаю, существовавшему сначала у чеченцевъ, между семействомъ мурида, совершившаго злодѣяніе, и родственниками убитаго возникало кровомщеніе, а оттого невольнымъ образомъ семейства и родственники мюридовъ поступали въ число слѣпыхъ приверженцевъ Шамиля и дѣлались карателями его враговъ.

Впослѣдствіи Шамиль успѣлъ уничтожить этотъ обычай, и муридъ, совершившій убійство, не имѣлъ за собою *канлы*.

Пріобрѣтая посредствомъ мюридовъ вліяніе въ Чечнѣ, Шамиль, вмѣстѣ съ тѣмъ, заботился объ обезпеченіи своей власти болѣе положительными формами управленія. Пользуясь каждымъ, повидимому ничтожнымъ, обстоятельствомъ, служившимъ ему съ пользою къ утвержденію его владычества, Ша-

миль искусно налагалъ на чеченцевъ оковы, отъ которыхъ впослѣдствіи освободиться имъ сдѣлалось уже невозможно. Для обузданія вольности дикаго народа, онъ стремился уничтожить адатъ, потворствующій страстямъ слабостію своихъ постановленій, а въ замѣнъ его ввести *шаріатъ*, какъ уставъ наиболѣе нравственный, строгій и весьма гибкій. Горцы и до сихъ поръ время управленія Шамиля не называютъ иначе, какъ *временемъ шаріата*. Боясь, однакоже, возбудить въ народѣ ропотъ, Шамиль въ началѣ, допустилъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, употребленіе и адата.

Принявъ званіе *имамъ-уль-азамъ* (великій имамъ, первосвященникъ, главы вѣры), а впослѣдствіи *главы правовѣрныхъ*, *повелителя Кавказа*; объявивъ себя поборникомъ шаріата, а вмѣстѣ съ тѣмъ и главою мюридизма, Шамиль воспользовался всѣми обстоятельствами, чтобы на своемъ духовномъ значеніи основать свѣтскую власть. Для достиженія послѣдней онъ не церемонился съ постановленіями шаріата, ловко перетолковывая и объясняя его статьи по своему усмотрѣнію. Тамъ, гдѣ выгодно было придерживаться постановленіямъ корана, онъ являлся самымъ строгимъ его послѣдователемъ; гдѣ же личные его интересы требовали противнаго, онъ отклонялся въ совершенно противную сторону, не опасаясь цензуры со стороны грубаго и невѣжественнаго народа. Такое уклоненіе не составляло особаго труда для человѣка умнаго и энергичнаго еще и потому, что почти каждое постановленіе шаріата имѣетъ множество толкованій или, по выраженію Шамиля, *нѣсколько своихъ собственныхъ дорогъ*. Если и встрѣчались такія лица, которыя понимали поступки Шамиля, несовмѣстные съ принятымъ имъ на себя званіемъ имама, то, изъ опасенія гнѣва и преслѣдованій, считали лучшимъ молчать и не вмѣшиваться. Такихъ лицъ было, впрочемъ, очень немного; большинство же дагестанскаго духовенства, въ которомъ онъ только и могъ встрѣтить серьезную оппозицію, было своекорыстно, невѣжественно и блуждало по разнымъ дорогамъ шаріата, не находя дѣйствительной.

Ученіе мюридизма, какъ мы видѣли, строго воспрещаетъ поднятіе оружія, а между тѣмъ Шамиль ввелъ смертную казнь, до него не существовавшую у чеченцевъ. Коранъ говоритъ: *если кто-нибудь съ умысломъ убьетъ кого-либо изъ правовѣрныхъ невинно, то его ожидаетъ вѣчно адское мученіе*. Имамъ же, напротивъ, весьма часто, безъ суда и изслѣдованія истины, по одному подозрѣнію, лишалъ жизни своихъ подданныхъ, обвиняемыхъ въ мнимыхъ преступленіяхъ. При этомъ главнѣйшимъ побужденіемъ къ такой строгости было желаніе внушить страхъ другимъ и тѣмъ упрочить свою свѣтскую власть, отъ которой Шамиль, какъ муршидъ и главный распространитель тарыката, долженъ былъ, по его уставу, *отказаться и вовсе не вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла*.

Никто не отвѣчаетъ, сказано въ коранѣ, *за вину другаго*, а между тѣмъ за бѣгство къ русскимъ, по уставу Шамиля, отвѣчали его родственники, которыхъ подвергали наказанію.

Въ наказаніе за изъявленіе покорности русскимъ, онъ нападалъ на мусульманъ съ оружіемъ въ рукахъ, убивалъ мужчинъ, плѣнялъ женщинъ, грабилъ жилища и бралъ ихъ имущество себѣ.

Такими поступками, не согласными съ принятымъ званіемъ имама, Шамиль, достигнувши полнаго могущества, сталъ, по преимуществу, свѣтскимъ властителемъ, а не духовнымъ наставникомъ, и былъ въ сущности не муршидъ, а деспотъ, у котораго главнѣйшею цѣлію было не духовное совершенствованіе подчиненнаго ему народа, а желаніе сплотить своихъ подвластныхъ въ одно цѣлое и, съ помощью ихъ, отстаивать свою самостоятельность отъ владычества Россіи.

Онъ не слѣдилъ за исполненіемъ народомъ истинныхъ религіозныхъ постановленій шаріата, а хлопоталъ только о томъ, чтобы, при посредствѣ его, возбудить подвластные ему народы на войну съ невѣрными. Съ этою цѣлію онъ ввелъ новую администрацію, положилъ основанія къ образованію войска, а впослѣдствіи издалъ сводъ новыхъ постановленій, дотолѣ неизвѣстный чеченцамъ—это сводъ законовъ военныхъ и гражданскихъ, извѣстный въ горахъ подъ именемъ *низама*.

Сознавая, что въ ученіи шаріата находится множество противорѣчій, дающихъ средство его толкователямъ производить всякаго рода злоупотребленія, иногда даже болѣе серьезныя, сравнительно съ тѣми, которыя могутъ быть произведены адатомъ, Шамиль измѣнилъ многія постановленія шаріата, сообразно дѣйствительныхъ потребностей страны. Все, что такимъ образомъ составилось, получило названіе *низама* (1).

Чтобы имѣть лучшій надзоръ за своими новыми подданными, Шамиль раздѣлилъ какъ Чечню, такъ и дагестанскія племена, находившіяся въ его власти, на *наибства*, поставивъ надъ чеченцами наибами людей, ему вполнѣ преданныхъ, съ властью производить судъ и расправу по своему усмотрѣнію.

Вся Чечня была раздѣлена, въ 1842 году, на три наибства: *Мичиковское*, заключавшее въ себѣ пространство между Аксаемъ, Качкалыковскимъ хребтомъ, Сунжею, Хулхулау и Сулако-Терскимъ хребтомъ; 2) *Большой Чечни*, ограниченное рр. Хулхулау, Сунжею, Аргуномъ и Черными горами и 3) *Малой Чечни*, между Аргуномъ, Сунжею, Ассою и Черными горами. Надъ ауховцами былъ назначенъ особый наибъ.

Хотя эти нововведенія, при самомъ началѣ, не нравились чеченцамъ, привыкшимъ жить въ полной независимости и свободѣ, но, видя предъ собою постоянно угрожающую опасность отъ нашихъ войскъ, перерѣзывавщихъ безпрестанно Чечню въ разныхъ направленіяхъ и безпощадно предававшихъ раззоренію все встрѣчающееся имъ на пути, чеченцы волею и неволею должны были безропотно переносить всѣ дѣлаемыя у нихъ преобразованія. Первые наибы, поставленные Шамилемъ надъ чеченцами, съумѣли вполнѣ оправдать

---

(1) Слово *низамъ* собственно значитъ постоянный, регулярный.

сдѣланное имъ довѣріе и пріобрѣсти если не любовь къ себѣ, то уваженіе управляемаго народа. Ахверды-Магома, наибъ Малой Чечни, по происхожденію аварецъ, отличался умомъ, справедливостью, считался первымъ наѣздникомъ и лихимъ предводителемъ партій, человѣкомъ, незнавшимъ неудачъ въ своихъ набѣгахъ. Исса—наибъ Большой Чечни, хотя по своимъ достоинствамъ и уступалъ Ахверды-Магомѣ, но былъ добръ и обходителенъ; наконецъ, Шуаипъ—мулла—наибъ мичковскій, хотя былъ корыстолюбивъ въ высшей степени, и не всегда справедливъ въ своихъ дѣйствіяхъ, но эти недостатки съ избыткомъ заглушалъ своимъ умомъ и лихимъ наѣздничествомъ.

Вскорѣ послѣ такого раздѣленія Чечни, Ахверды-Магома умеръ отъ раны, полученной имъ при набѣгѣ на аулъ Цори, а въ слѣдующемъ 1843 году былъ убитъ, изъ кровомщенія, и Шуаипъ-мулла. Шамиль, лишившійся двухъ лучшихъ наибовъ и искреннѣйшихъ своихъ приверженцевъ, встрѣтилъ вмѣстѣ съ тѣмъ ропотъ и неудовольствіе со стороны чеченцевъ противъ всѣхъ его нововведеній и постановленій. Это заставило его дать Чечнѣ новое административное дѣленіе и раздѣлить ее на болѣе мелкія наибства. Онъ раздѣлилъ каждое изъ наибствъ, Мичиковское и Большой Чечни, на двѣ части, а Малой Чечни на четыре части. Такое дѣленіе засталъ нашъ отрядъ, появившійся въ Чечнѣ въ 1844 году, для заложенія перваго пункта чеченской передовой линіи—укрѣпленія Воздвиженскаго.

Въ послѣдствіи Шамиль нѣсколько разъ измѣнялъ административное дѣленіе своей страны, но единицею всегда оставались *наибства*, съ поставленными въ главѣ ихъ правителями—*наибами*.

Въ лицѣ наиба соединялась первоначально власть гражданская и военная; ему предоставлены были весьма значительныя права. Въ послѣдствіи отсутствіе письменнаго наставленія и правилъ, а главное безчисленныя злоупотребленія властью наибами, ихъ поборы, взятки, преслѣдованія личныхъ враговъ или лицъ, сопротивлявшихся противозаконнымъ ихъ требованіямъ, заставили Шамиля прибѣгнуть къ письменному наставленію и составить для назначенныхъ имъ административныхъ дѣятелей родъ наказа, которымъ они и должны были руководствоваться.

Мысль о составленіи такого наказа была подана Шамилю чеченскимъ уроженцемъ и, впослѣдствіи, весьма приближеннымъ къ Шамилю человѣкомъ, Гаджи-Юсуфомъ, который и взялъ на себя составить этотъ наказъ.

Одобривъ составленныя Гаджи-Юсуфомъ правила, но зная, что народъ, не привыкшій ни къ какой власти и не имѣвшій никакихъ письменныхъ постановленій, можетъ отнестись недоброжелательно ко всякой попыткѣ обуздать его своеволіе, Шамиль не рѣшался, безъ согласія большинства, вводить это постановленіе, тѣмъ болѣе, что послѣ набѣга его въ Кабарду (въ апрѣлѣ 1846 года), въ Дарго—его резиденціи—ходили слухи, что русскіе, въ отмщеніе за понесенныя потери, собираютъ значительныя силы для вторженія со всѣхъ четырехъ сторонъ.

Чтобы испытать наибовъ и народъ, до какой степени они готовы къ оборонѣ и способны повиноваться его власти, Шамиль рѣшился созвать народное собраніе. Всѣ должностные и именитые люди, имѣвшія сколько-нибудь вліяніе на общество, были приглашены въ Андію на совѣщаніе. «Тутъ Шамиль объявилъ собравшимся, что прошло болѣе десяти лѣтъ, какъ онъ признанъ имамомъ; что во все продолженіе этого времени, онъ, по мѣрѣ силъ своихъ, старался служить народу и защищать его отъ враговъ мусульманства; что, не смотря на всѣ его усилія, борьба съ невѣрными будетъ длиться еще долгое время и, можетъ быть, въ томъ же году придется испытать сильныя нападенія; что, чувствуя себя уставшимъ отъ понесенныхъ трудовъ, онъ проситъ сложить съ него званіе имама, и избрать человѣка болѣе достойнаго и способнаго, чѣмъ онъ, и что онъ будетъ служить избранному народомъ, въ числѣ другихъ его помощниковъ».

Понятно, что должно было отвѣтить собраніе на такую вступительную рѣчь своего имама. Оно просило не отказываться отъ власти, объявило свою готовность идти на защиту отечества, постановило обязать каждаго наиба распорядиться тѣмъ, чтобы всѣ, кто находится въ его вѣдомствѣ, запаслись извѣстнымъ количествомъ пороха, а самаго имама собраніе просило указать войску тѣ мѣста границы, которыя требуютъ особой защиты.

Собравшіеся постановили обязать, отправляющихъ богослуженіе, молиться за имама, его наибовъ и объ успѣшномъ ходѣ мусульманскаго дѣла и, съ этою цѣлію, была составлена особая молитва, читаемая по пятницамъ послѣ обычной проповѣди ([1]).

Сознавая необходимость единства въ дѣйствіи, собраніе рѣшило оставить взаимную зависть, притѣсненія, и если не помогать другъ другу, то, по крайней мѣрѣ, не портить того, что сдѣлано предшественниками. Постановлено во всемъ слѣдовать шаріату и не выходить изъ пути людей добродѣтельныхъ; для облегченія обращенія въ народѣ денежныхъ знаковъ, не отказываться отъ принятія русскихъ денегъ и грузинскихъ абазовъ (въ 20 и 40 коп.), а въ заключеніе, безпрекословно исполнять волю имама и принимать всѣ мѣры, какія признаны будутъ имъ необходимыми для защиты мусульманства.

Относительно административныхъ дѣлъ, собраніе положило: чтобы наибы подчинялись письменному положенію, которое и было прочитано наибамъ въ присутствіи собранія. Въ помощь наибамъ, для удержанія народа отъ дурныхъ поступковъ и для разбора тяжебныхъ дѣлъ, назначено къ каждому наибу по одному *муфтію*, а для наблюденія за дѣйствіями, какъ наибовъ, такъ и муфтіевъ, назначили на каждыя четыре наибства по одному *мудиру*. Лица эти, неоправдавшія своего довѣрія и однажны смѣщенныя съ своихъ

([1]) Молитва эта напечатана въ Сборникѣ Свѣд. о кавказс. горцахъ выпускъ III, стр. 16. См. Низамъ Шамиля.

должностей, не могли быть вторично назначаемы на тѣ же должности и въ томъ же участкѣ.

Воспользовавшись такимъ исходомъ собранія, Шамиль тотчасъ же назначилъ муфтіевъ въ каждое наибство, мудировъ на каждыя четыре наибства, и далъ всѣмъ административнымъ дѣятелямъ письменную инструкцію. Не опасаясь теперь встрѣтить сопротивленія, имамъ сталъ распоряжаться съ большею рѣшительностію.

«Нѣсколько разъ я видѣлъ ваше положеніе, писалъ онъ всѣмъ наибамъ, и испыталъ дѣла ваши; я запрещалъ вамъ и увѣщевалъ васъ оставить мерзкіе поступки и отвратительные происки, въ которыхъ коснѣете, и такъ какъ вы все еще не пробудились, то я пожелалъ издать этотъ низамъ и положить его общимъ руководствомъ между людьми».

«Вотъ я и написалъ означенныя главы на семъ листѣ и приличныя наказанія за нарушеніе каждой главы. Я долженъ привести этотъ низамъ въ исполненіе, безъ всякаго послабленія и лѣни, и нѣтъ по сему низаму пощады, заступничества и состраданія для тѣхъ, которые впадутъ въ пучину этихъ наказаній... Если же между вами найдется такой, который не въ состояніи будетъ перенести его трудностей и привести его въ исполненіе, то пусть оставитъ свою должность и сойдетъ въ число простонародья. Это дастъ намъ возможность осмотрѣться и обратиться къ тому, кто способенъ занять высокій постъ (наиба), который могутъ занимать только люди истинно храбрые и мужественные» (1).

Безпрекословное повиновеніе волѣ имама положено въ основаніи положенія о наибахъ. Каждый изъ нихъ обязанъ былъ безотлагательно исполнять приказаніе, какъ самого имама, такъ и его векиля (повѣреннаго)—«все равно, будетъ ли оно выражено словесно, или письменно, или другими какими-либо знаками; будетъ-ли оно согласно съ мыслями получившаго приказаніе, или не согласно, или даже въ томъ случаѣ, еслибы исполнитель считалъ себя умнѣе, воздержаннѣе и религіознѣе имама».

Наибъ, не исполнившій приказанія, подвергался взысканію—низводился на степень начальника сотни.

Зная по опыту, что личныя и враждебныя отношенія различныхъ лицъ значительно ослабляютъ единство дѣйствія, Шамиль требовалъ, чтобы наибы, забывъ свои непріязненныя отношенія другъ къ другу, оказывали, въ потребныхъ случаяхъ, взаимную помощь; чтобы они слѣдили за строгимъ исполненіемъ *низама* и виновныхъ въ томъ, равно какъ и въ порицаніи дѣйствій имама, подвергали публичному выговору. Отъ наибовъ требовалось, чтобы они не занимались фискальствомъ и наговорами, даже и въ томъ случаѣ, когда, въ дѣйствительности, знали другъ о другѣ предосудительные поступки. Взятки и всякаго рода поборы, составлявшіе прежде принадлежность каждаго наиба,

(1) Предписаніе имама всѣмъ наибамъ. Сборникъ Свѣд. о кавказс. горцахъ выпускъ III.

теперь строго воспрещены не только самимъ наибамъ, но и вмѣнено имъ въ обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы не дѣлали того же и ихъ подчиненные: взяточничество, сказано въ наставленіи, есть причина разрушенія государства и порядка.

Всякая тайна или секретъ, ввѣренные имамомъ наибу, должны умереть въ немъ самомъ. Наибъ не долженъ открывать его ни своему семейству, ни братьямъ, ни мюридамъ своимъ, потому что распространеніе секретовъ «есть одно изъ главныхъ орудій вреда и нарушенія порядка страны... Нѣкто сказалъ: когда будутъ открыты тайны, тогда дѣло дойдетъ до погибели».

Главнѣйшею и, можно даже сказать, исключительною обязанностію наиба, были дѣла военныя. Каждый изъ нихъ долженъ былъ наблюдать за границею своего участка и оберегать его одинаково и днемъ и ночью, не взирая на то, находится ли его участокъ въ безопасности или опасности отъ непріятельскаго вторженія.

Для этого въ помощь наибамъ, исключительно только въ одной Чечнѣ, было учреждено особое сословіе *муртазековъ*. Это были люди, посвятившіе себя собственно караульной или кордонной службѣ и занимавшіе караулы по всей границѣ немирной Чечни. За свою службу муртазеки получали первоначально по одному рублю и по десяти мѣръ хлѣба съ каждыхъ десяти домовъ на человѣка. Въ послѣдствіи, съ раззореніемъ жителей Чечни отъ безпрерывной войны, Шамиль уменьшилъ плату муртазекамъ и они стали получать по одному рублю и по восьми мѣръ хлѣба съ каждыхъ двадцати домовъ.

Въ Дагестанѣ же сословія муртазековъ не существовало вовсе.

Въ предѣлахъ своего участка, наибъ слѣдилъ и долженъ былъ противодѣйствовать всякому мнѣнію народа, клонившемуся къ нарушенію общественнаго порядка, преслѣдовать за ослушаніе и нежеланіе жителей принимать участіе въ постройкѣ оборонительныхъ стѣнъ, въ защитѣ границъ, въ пресѣченіи непріятелю путей отступленія и проч.

Подвергая виновныхъ въ этомъ установленнымъ наказаніямъ, наибъ не имѣлъ права вмѣшиваться въ дѣла, подлежавшія рѣшенію шаріата, ни рѣшать тяжебныхъ дѣлъ. Эти послѣднія предоставлялись рѣшенію *муфтіевъ* и *кадіевъ*, имѣвшихся въ каждомъ наибствѣ. Чтобы устранить всякую тѣнь вмѣшательства наиба въ гражданскія дѣла, низамъ воспрещалъ вручать одному и тому же лицу двѣ должности.

Каждое наибство имѣло одного *муфтія*, который самъ уже поставлялъ *тателей* и *кадіевъ* въ раіонѣ своего вѣдомства. Въ каждомъ аулѣ было обыкновенно нѣсколько муллъ, но изъ нихъ только одинъ могъ быть облеченъ въ званіе кадія съ полномочіемъ производить разбирательство дѣлъ и постановлять по нимъ рѣшенія.

Татели слѣдили за исправнымъ выполненіемъ односельцами ихъ рели-

гіозныхъ обязанностей и приводили въ исполненіе приговоры, опредѣлявшіе тѣлесное наказаніе.

На обязанности кадія лежало наблюденіе за мечетью, за своимъ приходомъ, исполненіе духовныхъ требъ, рѣшеніе споровъ, возникавшихъ между его прихожанами, и наставленіе ихъ въ вѣрѣ, при помощи проповѣдей, которыя онъ обязанъ былъ говорить каждую пятницу.

Во всѣхъ положеніяхъ, касающихся до религіи и гражданской дѣятельности, кадій находился въ полномъ подчиненіи муфтія; къ нему же онъ обращался и за разъясненіемъ всякаго рода недоразумѣній. Послѣдній долженъ былъ разрѣшать ихъ согласно положительнымъ постановленіямъ шаріата, и руководствоваться безпристрастіемъ и справедливостью. «Если онъ, сказано въ низамѣ, замѣтитъ гдѣ—либо отступленіе отъ правилъ шаріата, то устраняетъ оное и направляетъ дѣло по пути. Если же не въ состояніи будетъ сдѣлать этого, то извѣщаетъ объ этомъ наиба. По временамъ, муфтій обязанъ обращаться къ народу съ наставленіями и въ рѣчи своей не долженъ порицать поступковъ наиба какимъ-нибудь намекомъ или общимъ содержаніемъ рѣчи».

Такимъ образомъ, кадіи составляли первую инстанцію суда; за ними слѣдовали муфтіи, которые передавали свои приговоры наибамъ въ тѣхъ только случаяхъ, когда, со стороны тяжущихся или виновныхъ, обнаруживалось нежеланіе подчиниться добровольно рѣшенію шаріата. Въ такихъ случаяхъ наибъ призывалъ къ себѣ виновныхъ и рѣшалъ дѣло, согласно объявленнаго судьею толкованія. Апеляція на такое рѣшеніе наиба могла быть подана только самому имаму, отъ котораго исходили уже рѣшенія, не встрѣтившія ни апеляціи, ни ропота.

Для рѣшенія важнѣйшихъ какъ административныхъ, такъ и судебныхъ дѣлъ, въ Дарго, гдѣ жилъ Шамиль, былъ учрежденъ, въ 1841 году, *диванъ-ханэ*—совѣтъ, въ которомъ присутствовали: самъ имамъ и духовныя лица, извѣстныя по своему уму, вполнѣ преданныя Шамилю и мюридизму.

Основываясь на постановленіи собранія, созваннаго въ Анди, Шамиль посвятилъ пятницу исключительно служенію Богу и пріему жалобъ. Въ этотъ день онъ творилъ судъ и расправу, разбиралъ спорныя дѣла, выслушивалъ свидѣтелей и постановлялъ свои безъ-апеляціонные приговоры, которые, впрочемъ, не смотря на всю строгость Шамиля, случалось, оставались неприведенными въ исполненіе при малѣйшей возможности скрыть отъ него послѣдствія.

«Нерѣдко случалось, пишетъ А. Руновскій, что, по родственнымъ связямъ или изъ корыстныхъ видовъ, наибы отдаляли смертную казнь или же, просто, доставляли преступникамъ возможность скрыться отъ дѣйствія правосудія».

Здѣсь-то играли огромную роль взятки и различнаго рода подкупы, всегда неизбѣжные съ деспотическимъ образомъ правленія.

Ближайшими помощниками наибовъ были муриды и *дебиры*, избираемые изъ мѣстнаго населенія и назначаемые на должности наибомъ.

Дебиръ—это мулла, облеченный властью, похожею на нашихъ градоначальниковъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было резиденціи наиба. Отношенія дебировъ къ наибу были похожи на отношенія нашихъ градоначальниковъ къ губернатору: это родъ городской и земской полиціи.

Что же касается до *мудировъ*, то они хотя и были назначены по одному на каждыя четыре наибства, но существовали весьма не долго. Это званіе было учреждено Шамилемъ, съ цѣлію болѣе легкаго сношенія съ наибствами, изъ которыхъ многія были слишкомъ удалены отъ его резиденціи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для лучшаго надзора за нѣкоторыми, не вполнѣ надежными наибами. На первыхъ же порахъ, между мудирами и подчиненными имъ наибами, стали возникать безпрерывно такія столкновенія и пререканія, что Шамиль долженъ былъ отказаться отъ назначенія мудировъ и уничтожить это званіе.

Въ замѣнъ ихъ, для секретнаго наблюденія за дѣйствіями административныхъ лицъ, Шамиль учредилъ особое званіе *мухтасибовъ*, на обязанности которыхъ было доносить имаму секретнымъ образомъ о всѣхъ замѣченныхъ ими противозаконныхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, вызывавшихъ мѣры къ ихъ искорененію.

Мухтасибы были люди почетные, религіозные, пользовавшіеся особымъ уваженіемъ имама и извѣстные всему населенію своею честностію, строгостію нравовъ, и за свою службу не получавшіе никакого содержанія.

Число мухтасибовъ было неопредѣленное; они не имѣли постояннаго мѣста жительства, а перемѣняли его или по указанію имама, или по мѣрѣ надобности.

На дѣятельности поименованныхъ лицъ и основывалось все управленіе подвластныхъ Шамилю народовъ, а ему самому оставалось только слѣдить за ними и заниматься исключительно внѣшними дѣлами своей страны и въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ имѣть помощниками все тѣхъ же наибовъ.

Наибъ, будучи первымъ лицемъ въ своемъ участкѣ, приводилъ въ исполненіе всѣ распоряженія Шамиля, и въ особенности тѣ, которыя касались безопасности и благосостоянія, ввѣреннаго ему края. Наибу предоставлено было все военное управленіе, за исключеніемъ сложныхъ наступательныхъ предпріятій. Онъ слѣдилъ за поведеніемъ людей своего наибства, преслѣдовалъ курящихъ и тайно отлучавшихся изъ аула.

Въ каждомъ наибствѣ содержались постоянные и усиленные посты, извѣстные подъ именемъ воротъ (гапа), наблюдавшіе за границею и собиравшіе свѣдѣнія о непріятелѣ.

Такія ворота были расположены на пунктахъ, вблизи мѣстъ, доступныхъ движенію русскаго отряда. Наибы почти постоянно находились при своихъ воротахъ и особенно слѣдили за тѣмъ, чтобы жители не имѣли сношенія съ

мирными чеченцами. Съ этою цѣлію было запрещено всѣмъ, съ наступленіемъ ночи и безъ записки наиба или вообще начальствующаго лица въ селеніи, выѣзжать по одиночкѣ за ворота. Пѣшіе кое-какъ еще прокрадывались, но конному рѣдко удавалось проѣхать незамѣченнымъ. На посту его пропускали сначала, но на возвратномъ пути отбирали лошадь и оружіе, которыя и представлялись потомъ, при особой запискѣ, наибу.

Если случалось какое-нибудь воровство, то прежде всего наводилась справка: кого не было ночью дома? и за тѣмъ подозрѣваемый схватывался и сажался въ яму. Ямы замѣняли у горцевъ тюрьмы, были довольно глубоки и сверху накрыты накатникомъ. Они отличались темнотою, чрезвычайною нечистотою, духотою и тѣснотою. Посаженнаго въ такую яму, подозрѣваемаго въ воровствѣ, допрашивали, и когда онъ могъ указать, что во время совершенія преступленія былъ тамъ-то или встрѣтилъ на дорогѣ такого-то и въ такомъ-то мѣстѣ, и если, при этомъ, показанія его подтверждались, то подозрѣваемый признавался правымъ и его освобождали изъ заключенія.

Похитить что-либо тайно и умѣть схоронить концы, у чеченцевъ всегда, и при Шамилѣ, считалось удальствомъ, но человѣкъ, обличенный въ воровствѣ, наказывался жестоко.

По шаріату, наказаніе за воровство опредѣлялось въ слѣдующей соразмѣрности: за воровство, произведенное въ первый разъ, со взломомъ, виновный подлежалъ отсѣченію правой руки; во второй разъ лѣвой ноги; въ третій— лѣвой руки; въ четвертый — остальной ноги и, наконецъ, въ пятый отсѣченію головы.

При всеобщей наклонности къ воровству, такія постановленія шаріата были далеко невыгодны для Шамиля, рисковавшаго, въ самомъ не продолжительномъ времени, обратить все населеніе въ безрукихъ и безногихъ и быть имамомъ надъ искалѣченными. Въ справедливости такого опасенія можно удостовѣриться еще и теперь, посѣтивши дагестанскія общества: Анди, Гидатль и, пожалуй, Тилитль, гдѣ изъ трехъ человѣкъ мужчинъ одинъ навѣрное безъ руки и потерялъ ее въ воровскомъ дѣлѣ. Имѣя въ виду сохранить населеніе для газавата, Шамиль отмѣнилъ постановленія шаріата, а вмѣсто него опредѣлилъ подвергать виновнаго въ воровствѣ, какого бы рода оно не было: за первыя два раза, трехмѣсячному заключенію въ яму и денежному штрафу по 20 коп. сереб. за каждую ночь заключенія. За воровство, произведенное въ третій разъ, виновный подлежалъ смертной казни; но если обличенный въ воровствѣ былъ человѣкъ, извѣстный своимъ неодобрительнымъ поведеніемъ, то подвергался смертной казни и за первое воровство.

Смягчая и измѣняя постановленія шаріата, Шамилъ положилъ въ основаніе своихъ карательныхъ законовъ исключительно тюремное заключеніе или яму и денежный штрафъ. Послѣдній оказывался всегда наиболѣе дѣйствительнымъ наказаніемъ. Яма не страшила горца; душный и спертый воздухъ ямы не составлялъ для него никакого лишенія, «потому что въ нѣкоторыхъ обще-

ствахъ, гдѣ домашнія животныя проводятъ зиму въ одномъ помѣщеніи съ своими хозяевами, атмосфера этого помѣщенія съ атмосферою ямы была совершенно одинакова». Сидя въ ямѣ, горецъ проводилъ время въ праздности, ничего не дѣлая, и зналъ, что заключеніе его не разстроитъ домашнихъ дѣлъ, лежавшихъ цѣликомъ на попеченіи жены, «на шеѣ быка и на спинѣ эшака»; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ дѣла эти шли во время его отсутствія гораздо лучше, чѣмъ при немъ. Между тѣмъ опустошеніе, и безъ того тощаго, кармана горца было для него слишкомъ чувствительно и гораздо болѣе, чѣмъ всѣ остальные виды наказаній. Ударовъ по карману горецъ боялся гораздо болѣе, чѣмъ ударовъ по его правовѣрной спинѣ. Вотъ почему денежный штрафъ и положенъ былъ Шамилемъ въ основаніе его карательныхъ законовъ.

Кромѣ воровства, денежный штрафъ былъ установленъ: *за уклоненіе отъ военной повинности, за умышленное прикосновеніе къ женщинѣ и за нанесеніе въ дракѣ побойныхъ знаковъ.*

Виновный въ уклоненіи отъ военной повинности первоначально наказывался только заключеніемъ въ яму на три мѣсяца, но, съ теченіемъ времени, наказанія этого оказывалось не достаточнымъ.

Безпрерывная война изнурила народъ до такой степени, что у горцевъ явилась поговорка: *лучше просидѣть годъ въ ямѣ, чѣмъ пробыть мѣсяцъ въ походѣ.* Въ противодѣйствіе ей, Шамиль положилъ взыскивать съ этого рода преступниковъ по 20 коп. за каждую ночь, проведенную въ ямѣ. Мѣра эта оказалась столь дѣйствительною, что жены горцевъ, уклонявшихся подъ разными предлогами отъ военной повинности, боясь раззоренія своего хозяйства, убѣждали своихъ трусливыхъ или лѣнивыхъ мужей отправляться въ походъ, а если они бѣжали изъ дому, то указывали мѣста, гдѣ они укрывались.

Къ денежному штрафу слѣдуетъ отнести и *экзекуціи*, которыя въ Дагестанѣ и Чечнѣ назначались за то же, за что назначаются и у насъ: за ослушаніе властямъ, но съ тою разницею, что въ горахъ мѣра эта употреблялась не противъ цѣлаго околодка или аула, а противъ отдѣльныхъ личностей сопротивлявшихся закону. Непокорность же и ослушаніе цѣлыхъ ауловъ наказывались смертною казнью зачинщиковъ и разселеніемъ аула по другимъ обществамъ. Экзекуціи устраивались преимущественно въ Чечнѣ, гдѣ населеніе, по духу своеволія, оказывало часто сопротивленіе, иногда даже изъ за того, что имъ назначали не того наиба, котораго они сами хотѣли, хотя они не знали совершенно того лица, которое имъ предназначалось.

Въ такихъ случаяхъ чеченцы переходили на сторону русскихъ цѣлыми аулами. «Отказъ, безъ всякихъ побудительныхъ причинъ, идти войну, пишетъ А. Руновскій, ослушаніе во всѣхъ другихъ видахъ безпрестанно вызывали мѣры для обращенія своевольныхъ чеченцевъ къ покорности, такъ что экзекуціи, можно сказать, существовали въ Чечнѣ постоянно: почти не было

той деревни, которая не видала бы у себи экзекуціи хоть одинъ разъ. Это случалось преимущественно во время продолжительныхъ экспедицій по Чечнѣ. Экзекуціонными войсками всегда были тавлинцы (дагестанцы). Они располагались въ домахъ непослушныхъ обывателей какъ въ своихъ собственныхъ, и, дѣйствительно очень скоро обращали ихъ къ повиновенію безъ всякаго кровопролитія. Въ этихъ случаяхъ, населенія деревень смотрѣли на стѣсненіе своихъ согражданъ довольно равнодушно; по крайней-мѣрѣ не было примѣра, чтобъ экзекуціи возбуждали общее неудовольствіе или возстаніе. Дѣйствіе экзекуціи прекращалось тотчасъ, какъ только виновные представляли доказательства покорности».

Прикосновеніе мужчины къ тѣлу или даже платью женщины, по понятіямъ туземцевъ, составляетъ для нея безчестіе, чѣмъ пользовались многія лица изъ желанія отмстить женщинѣ. Поступки эти до Шамиля вызывали *канлы* (кровомщеніе), но имамъ замѣнилъ его трехмѣсячнымъ арестомъ и денежнымъ штрафомъ.

Что касается до дракъ, то, кромѣ денежнаго шрафа, для нихъ существовали и другія наказанія.

Въ случаѣ смерти, причиненной во время драки человѣку, пришедшему для этого въ чужой домъ (или въ чужое владѣніе), хозяинъ его освобождался отъ всякой отвѣтственности. Если родственники убитаго начинали мстить за его кровь, то признавались убійцами и строго преслѣдовались правительствомъ. Если же, во время подобной драки, бывалъ убитъ хозяинъ дома, тогда убійца подвергался мщенію родственниковъ убитаго, и само правительство содѣйствовало мщенію.

Когда драка оканчивалась знаками на тѣлѣ, то нанесшій ихъ подвергался тюремному заключенію и денежному штрафу въ пользу пострадавшаго, и если при дракѣ не было свидѣтелей, то, въ случаѣ запирательства, отъ отвѣтчика требовалась присяга, и если онъ принималъ ее, то дѣло предавалось волѣ Божіей.

Между племенами чеченскаго народа, не находившимися подъ властью Шамиля, существовалъ весьма оригинальный обычай рѣшать дѣла по дракамъ, и въ особенности по побоямъ нанесеннымъ въ голову тогда, когда на ней не оставалось видимымъ поврежденій. Обыкновенно получившій такой ударъ молчалъ до первой головной боли, а затѣмъ объявлялъ, что боль эта происходитъ отъ удара, нанесеннаго ему тогда-то.

Обиженный могъ получить удовлетвореніе только тогда, когда туземные медики, вскрывъ головные покровы, находили какое нибудь поврежденіе въ черепѣ, какъ, напримѣръ, по выраженію туземцевъ, трещины на немъ и проч. «Я знаю, говоритъ г. Грабовскій, нѣсколько туземцевъ, рѣшившихъ свои дѣла по ударамъ, полученнымъ въ голову палками такимъ образомъ, и видѣлъ самыя головы, оставившія на себѣ слѣды сдѣланной операціи. При осмотрѣ такимъ порядкомъ головы, обычай требуетъ присутствія аульнаго муллы и

нѣсколькихъ добросовѣстныхъ свидѣтелей со стороны отвѣтчика. Когда таковые доставлены, туземный лекарь простымъ кинжальнымъ ножемъ разрѣзываетъ головные покровы на четыре части и отворачиваетъ ихъ; если непосредственно подъ кожею не находится никакихъ поврежденій, лекарь начинаетъ тѣмъ же ножемъ скоблить указываемое истцомъ мѣсто; когда же и за тѣмъ ничего не оказывается, операторъ спокойнымъ манеромъ снова заворачиваетъ кожу и зашиваетъ ее, а мулла и свидѣтели, на основаніи заявленія медика и по своему личному убѣжденію, объявляютъ истцу, что жалоба его не основательна и что онъ не имѣетъ права продолжать свой искъ. Этимъ рѣшеніемъ истецъ совершенно удовлетворяется и послѣ уже дѣйствительно не затѣваетъ тяжбы. Въ другомъ случаѣ, когда открываются какія либо поврежденія въ головѣ, операторъ вырѣзываетъ поврежденныя части, а свидѣтели приговариваютъ отвѣтчика къ установленной обычаемъ платѣ, и этотъ безпрекословно даетъ ее. Подобныя операціи, по увѣренію туземцевъ, нисколько не трудны и приносятъ желаемую пользу: уничтожаютъ болѣзнь. На сколько это справедливо, не знаю, но могу положительно сказать, что я не помню ни одного такого случая, гдѣ-бы истецъ, послѣ произведенной надъ его головою операціи, жаловался снова на боль головы, хотя съ нею подчасъ, какъ я замѣтилъ выше, обращаются весьма безцеремонно».

Всѣ остальные виды преступленій, совершаемые въ обществахъ, находившихся подъ властію Шамиля, подлежали преслѣдованію на основаніи особыхъ постановленій, разновременно введенныхъ имамомъ.

Такъ, за измѣну и сношеніе съ непріятелемъ была назначена смертная казнь. Если измѣнникъ бѣжитъ къ русскимъ, то съ десяти поручителей взыскивалось 50 руб. Для этого всѣ мужчины были раздѣлены на десятки и каждый десятокъ долженъ былъ наблюдать другъ за другомъ. Сакля бѣжавшаго сжигалась, а его братъ, или отецъ, или сынъ заключались въ яму до тѣхъ поръ, пока не сообщатъ о себѣ бѣжавшему. Но такъ какъ, не смотря на призывъ ихъ, бѣжавшій, конечно, не возвращался въ родной аулъ, чтобы сложить тамъ свою голову, то невиновный его родственникъ, спустя нѣкоторое время, освобождался.

За сношеніе, даже и торговое, съ покорными и мирными обществами назначены были яма и тѣлесное наказаніе; за неявку на службу—яма и палки; за побѣгъ жителя—конфискація имущества бѣжавшаго и аульнаго старшины, допустившаго побѣгъ; за пріемъ неблагонадежнаго человѣка—штрафъ 50 р. За невыѣздъ на тревогу — отъ 1 до 2 руб.; за невыполненіе приказаній наиба или старшины—штрафъ 1 руб.

Тѣлесное наказаніе допускалось не болѣе какъ 39 ударами и не менѣе, какъ 11 ударами прутомъ, въ $^3/_4$ аршина длины и въ палецъ толщины; удары должны были производиться, не снимая рубашки и шароваръ, по всему тѣлу, отъ плечей до икоръ.

Одинъ только видъ преступленія наказывался ста ударами:—это прелюбодѣяніе.

Смертная казнь, положенная за побѣгъ къ непріятелю, измѣну и шпіонство, производилась отсѣченіемъ головы топоромъ, имѣвшимъ форму полумѣсяца, насаженномъ на деревянное древко, или же иногда виновный лишался жизни ударомъ желѣзной булавы, съ остріемъ на концѣ. Каждый палачъ имѣлъ право на одежду казненаго, и потому изъ числа мюридовъ было много охотниковъ для исполненія этой должности.

Употребленіе крѣпкихъ напитковъ, пѣсни, пляска, музыка—словомъ все, что отвлекаетъ мысль отъ Аллаха, было строжайше запрещено.

Точно такому же преслѣдованію подвергался и каждый курящій или нюхающій. Житель, пойманный съ крошечною на тоненькомъ чубукѣ трубкою въ зубахъ или спрятанною за околышемъ папахи, подвергался въ первый разъ пени, а во второй разъ ему продѣвали чубукъ сквозь ноздрю; иногда же продѣвали свозь ноздрю бичевку и на ней привѣшивали трубку или табакерку За пристрастіе къ вину, виновный подлежалъ смертной казни; меломанъ, уличенный въ пристрастіи къ музыкѣ, подвергался самъ аресту и палочнымъ ударамъ, а его инструментъ немедленному сожженію. Охотниковъ потанцовать наказывали палками или пачкали имъ лицо грязью, иногда сажею и, посадивъ верхомъ на эшака, лицомъ къ хвосту, возили въ такомъ видѣ по аулу.

Преступная связь незамужней женщины или вдовы наказывалась лишеніемъ жизни, если только до окончанія ея беременности никто не соглашался взять ее въ жены. Наказаніе за прелюбодѣяніе замужней женщины предоставлялось ея мужу и обыкновенно оканчивалось побіеніемъ каменьями или затаптываніемъ лошадьми.

Обольститель всегда наказывался смертію, исключая того случая, когда обольщенная была дѣвушка и онъ вступалъ съ нею въ бракъ.

Такою строгостію своихъ постановленій, Шамиль успѣлъ подчинить совершенно своей власти людей дикихъ, не признававшихъ никакихъ законовъ, кромѣ своихъ обычаевъ, дѣйствовавшихъ всегда по своему произволу, людей, которые легко возбуждаются къ кровавой мести за малѣйшее оскорбленіе и насиліе.

«Благодаря страсти горцевъ въ клеветѣ, говоритъ Н. Львовъ, наибамъ и дибирамъ шамилевскихъ временъ не трудно было слѣдить за поведеніемъ своихъ подчиненныхъ; каждый остерегался сосѣда и смотрѣлъ па него какъ на доносчика; даже родственники были между собою неискренни.»

Системою шпіонства и доносовъ Шамиль достигъ того, что, въ подвластныхъ ему обществахъ, братъ боялся брата, нѣсколько человѣкъ боялись сходиться между собою, изъ опасенія быть оговоренными или подслушанными мюридами, этими опричниками Шамиля. Въ число такихъ лицъ выбирались самые ярые фанатики, составлявшіе постоянную свиту Шамиля—люди обрек-

шіе жизнь свою на утвержденіе шаріата и распространеніе газавата. Это была прекрасно-организованная тайная полиція, наблюдавшая за точнымъ исполненіемъ всѣхъ приказаній имама, за вѣрностью жителей, которыхъ за малѣйшее уклоненіе штрафовали, привлекали къ допросу и часто наказывали. Однакоже чтобы не было лицепріятія въ поступкахъ мюридовъ, Шамиль часто набиралъ ихъ въ одномъ обществѣ и отправлялъ на службу въ аулы другаго общества. Самый наборъ ихъ и комплектованіе производились теперь уже не изъ лучшихъ чеченскихъ фамилій, а изъ людей бѣдныхъ, не значительныхъ и бездомныхъ, которые дорожили своимъ положеніемъ, значеніемъ и предоставленнымъ имъ кругомъ дѣйствій.

Заручившись нѣкоторою властью въ началѣ, Шамиль очень хорошо понималъ, что, для упроченія ея, ему необходимо привлечь на свою сторону простой народъ и людей бѣдныхъ. Онъ понималъ, что подобнымъ людямъ терять нечего, что, облагодѣтельствовавши ихъ и выведя изъ толпы, онъ пріобрѣтетъ въ нихъ сильную опору и приверженность. Съ этою цѣлію онъ окружалъ себя лицами низшаго класса, такъ что большая часть наибовъ и мюридовъ въ послѣднее время были люди изъ простаго званія. Опираясь на ихъ преданность, Шамиль постепенно захватилъ въ свои руки власть и совершенно деспотически распоряжался подвластнымъ ему народомъ, не смѣвшимъ противиться его волѣ не только дѣйствіемъ, но и помышленіемъ.

Такому положенію тѣмъ болѣе надо удивляться, говоритъ Пассекъ въ своихъ запискахъ, что чеченцы «не имѣютъ истиннаго уваженія къ Шамилю, большая часть знаетъ, что онъ не проникнутъ святостію, какъ Кази-мулла и не имѣетъ отважности его, но не исполнить приказанія Шамиля, кажется не естественнымъ». Такъ умѣлъ онъ связать все, при помощи своихъ административныхъ способностей; каждое приказаніе его исполнялось безпрекословно, безотговорочно и немедленно. Чеченцы безпрекословно поклонялись наибамъ; наибы безпрекословно удалялись отъ должностей, а народъ собирался и шелъ куда его посылали, давалъ лошадей, ишаковъ и чуреки по первому требованію. Чеченцы благоговѣли предъ имамомъ, называли его *падчши*, и никто не смѣлъ безъ разрѣшенія явиться къ нему, а кто являлся, то всегда безоружнымъ, исключая предводителей и довѣренныхъ лицъ. Приближавшійся къ Шамилю цѣловалъ полу его платья, или руку, и всегда нѣсколько тѣлохранителей имама имѣли ружья на изготовѣ. Въ ужасъ и страхъ для всѣхъ, при Шамилѣ находился всегда исполнитель смертныхъ приговоровъ, съ огромною секирою или топоромъ.

Объѣзжая свои владѣнія, Шамиль окружалъ себя знаками власти; онъ являлся всегда передъ народомъ съ нѣкоторою торжественностію и окруженный отборнѣйшими и преданнѣйшими мюридами, отлично вооруженными. Пріѣздъ и выѣздъ Шамиля, или его сыновей изъ какого-либо наибства, обозначался выстрѣломъ изъ орудія; впослѣдствіи и наибы присвоили себѣ эту почесть въ предѣлахъ своего наибства.

Въ 1849 году, Шамиль, проѣзжая по Чечнѣ, былъ окруженъ болѣе чѣмъ двумя стами мюридовъ, угощеніе которыхъ падало на того, кого онъ удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ. Собиравшійся на встрѣчу имама народъ цѣловалъ его руки. Онъ ѣхалъ верхомъ, при шашкѣ и имѣя въ кабурахъ азіятскаго своего сѣдла пару пистолетовъ. На немъ была надѣта черкеска тонкаго русскаго сукна, темнаго цвѣта, на головѣ чалма съ разноцвѣтнымъ тюрбаномъ, а въ рукѣ зонтикъ, предохранявшій его отъ палящаго зноя. Зимою, и вообще во время холодовъ, онъ носилъ поверхъ платья черный овчинный полушубокъ (мужчины вообще носятъ полушубки чернаго цвѣта, женщины бѣлаго), покрытый шелковой матеріей, съ черными и розовыми полосами.

Окружающіе его мюриды, во все время пути, пѣли *ля-илляхи-иль-Алла*, или же особую пѣсню, которая была составлена самимъ Шамилемъ въ замѣнъ всѣхъ народныхъ пѣсенъ, не имѣвшихъ религіознаго характера и подвергавшихся преслѣдованію имама, какъ богопротивное занятіе. Пѣсня Шамиля пѣлась одинаково и во время переѣздовъ, и во время походовъ и, наконецъ, ее пѣли мюриды вступая въ сраженіе. Переводъ этой пѣсни, точно также какъ и помѣщаемыя ниже примѣчанія къ ней, принадлежатъ профессору мирзѣ Александру Каземъ-Беку.

Рабы Божіи, люди Божіи!
Помогите намъ, ради Бога (1),
Окажите намъ помощь вашу,
Авось успѣемъ милостію Бога.
Для Аллаха, рабы Божіи,
Помогите намъ, ради Бога.

Вы *актабы*, вы *аудаты*,
Вы *абдали*, вы *асъяды* (2),

---

(1) Обращеніе къ духамъ „святыхъ (аулія)“. Въ тарыкатѣ имъ много именъ; всѣхъ называютъ общимъ именемъ *р иджалюл-лахъ*—Божіи люди.

(2) *Актабъ* значитъ полюсы, *аудатъ*—связи, звенья и т. п. Имя *абдали* въ тарыкатѣ дается семидесяти избранникамъ Божіимъ изъ числа достигшихъ *совершенства*. Безъ нихъ міръ не можетъ существовать, то есть они управляютъ невидимымъ духовнымъ міромъ, въ отношеніи къ которому физическій есть лишь одно безмолвное выраженіе. Сорокъ абдаловъ полагалось на часть одной Сиріи, на остальныя части свѣта—остальные тридцать. Число семдесятъ должно быть полное для блага міра. Это—буддійское вѣрованіе, перешедшее въ формы ислама. Никто изъ мусульманъ *не понимаетъ* его и только вѣритъ ему безсознательно. Характеръ далай-ламы болѣе опредѣленъ, болѣе ясенъ, потому что буддизмъ, господствуя въ центральной Азіи, не проявляется во второстепенныхъ формахъ. Кто не вѣритъ бреднямъ факировъ и дервишей, тотъ не перестаетъ быть мусульманиномъ большинство даже опровергаетъ ихъ; далай-ламѣ же въ Тибетѣ нельзя не вѣрить. Абдали иногда являются въ характерѣ нашихъ *юродивыхъ*.

Помогите намъ, помогите намъ
И заступитесь передъ Богомъ,
Для Аллаха, и проч.

Къ кому пойдемъ мы, кромѣ васъ?
У насъ никого нѣтъ, кромѣ васъ,
Отъ васъ однихъ мы ждемъ блага,
Святые вы, Божіи люди,
Для Аллаха, и проч.

Умоляли мы святыхъ Божіихъ,
Увеличивали они мученія врага,
Они истинная дверь пути,
И мы ищемъ этой двери.
Для Аллаха, и проч.

Боже, ради святыхъ твоихъ,
Устрой нашу желанную цѣль,
Чтобы намъ счастье улыбнулось,
Чтобы намъ покоиться въ Богѣ (¹).
Для Аллаха, и проч.

О, Боже нашъ, о, Боже нашъ!
Помощникъ ты нашъ, крѣпкій ты нашъ!
Удали печаль ты нашу,
Причисли насъ къ людямъ твоимъ.
Для Аллаха, и проч.

О *Тахи*, о *Ясинъ*,
О *Хамимъ*, о *Тасынъ*! (²)

(¹) Это имѣетъ двоякое значеніе: чтобы мы, достигши цѣли, прославляли Бога въ мирѣ и тишинѣ, или—чтобы мы, падши на пути Божіемъ, упокоились на лонѣ святыхъ.

(²) Двадцать девять главъ корана начинаются мистическими буквами, составляющими довольно часто цѣлыя слова безъ всякаго смысла, какъ приведенныя въ пѣснѣ. Мусульмане не позволяютъ себѣ толковать ихъ и высказывать о нихъ рѣшительное мнѣніе; многіе видятъ въ нихъ таинственное значеніе. Впрочемъ нѣкоторыя толкованія объясняютъ ихъ слишкомъ просто, значеніемъ: о человѣкъ! внемли, о человѣкъ! о Мохаммедъ! и т. п. Мистики вообще любятъ толковать буквы и имѣютъ объ этомъ цѣлыя книги, называемыя

Мы несчастны рабы твои,
Тебѣ одному возсылаемъ славу,
Для Аллаха, и проч.

Услышали, Боже, твою волю —
Вотъ и желаніе, вотъ и цѣль.
Твое имя девизъ нашъ,
Слава тебѣ, оружіе наше!
Для Аллаха, и проч.

О нуждахъ нашихъ просили мы васъ,
Теперь мы къ вамъ за полученіемъ.
Къ вамъ опять, о святые!
Умоляйте Бога, молите Бога,
Ради именъ и аттрибутовъ,
Ради существа высочайшаго,
Ради святыхъ, ради пречестныхъ,
Ради пророковъ, ради ихъ подвиговъ!
Для Аллаха, и проч.

Ради *Таха*, міровъ владыки (1),
Ради Алія пресвятаго,
Вы, свѣтъ очей истины,
Ведите насъ къ желанной цѣли.
Для Аллаха, и проч.

Именемъ Господа, васъ избравшаго,
Свѣточь вамъ даровавшаго,
Силу въ мірѣ вамъ давшаго,
Идите, идите, помогите!
Для Аллаха, и проч.

До сихъ поръ пѣснь относилась къ святымъ столпамъ тарыката, далѣе Шамиль обращаетъ ее къ мюридамъ.

ильмуль-хуруфъ—наука буквъ. Только на этомъ основаніи приведены эти буквы или слова въ пѣснѣ Шамиля, тѣмъ болѣе что они освящены кораномъ.

(1) То есть ради пророка Мохаммеда.

Обнажите мечъ, народъ,
На помощь идите къ намъ,
Проститесь со сномъ и покоемъ,
Я зову васъ именемъ Бога!
Ради Бога, и проч.

На помощь, сердечные,
Идите, покорите,
Покорите, други,
Покорите, избранники!
Ради Бога, и проч.

Зейнулъ-Абидинъ (1) межъ вами,
Вотъ онъ стоитъ у дверей,
Онъ дрожитъ отъ вашей нетвердости
И молится Богу единому
Ради Бога, и проч.

Вы двери къ Іеговѣ,
Идите, спасайте, торопитесь,
Заблудшіеся отстали,
Отстали отъ людей Божіихъ.
Ради Бога, и проч.

Не разъ мы покоряли,
Не разъ мы молились съ друзьями (2),
Не разъ кругомъ ходили между нами чаши (3),
Не разъ мы пивали изъ нихъ, вспоминая имя Аллаха.
Ради Бога, и проч.

Мы дѣлали обходы, мы успѣвали,
Мы совершали пелеринажи, мы обращались,

---

(1) Это собственное имя четвертаго имама шіитовъ, имѣющее большое значеніе въ мистицизмѣ.

(2) То есть мы покорили отпадшихъ братьевъ-мусульманъ, покорившихся русскимъ, и молились съ ними и радовались о ихъ спасеніи.

(3) Подъ чашею разумѣется, какъ у Хафиза, по толкованію мистиковъ, *любовь*. Вино у нихъ запрещается и Шамиль не пьетъ его.

Мы спасали людей повсюду,
Мы находили же Божіихъ людей.
Ради Бога, и проч. (1)

Зейнуль-Абидинъ внушаетъ вамъ,
Онъ стоитъ у дверей вашихъ,
Боже сохрани отъ отступленія.
Ну! сподвижники въ дѣлѣ Божіемъ!...

Пѣсня эта пѣлась хоромъ, всѣми мюридами, сопровождавшими Шамиля, который ѣздилъ почти всегда шагомъ и, для устрашенія народа, имѣлъ позади себя сѣкирника съ сѣкирою.

Не успѣвалъ имамъ войти въ саклю, какъ уже мюриды сами собою располагались на часахъ: у дверей, у окна, вокругъ сакли, а иногда и вокругъ цѣлаго двора. Никто не допускался до имама безъ особаго на то разрѣшенія.

Что касается до военной системы, то Шамиль хотя и старался придать ей правильную организацію и ввести опредѣленный характеръ, но не вполнѣ достигъ этого. Въ основаніи военнаго устройства лежало поголовное вооруженіе всего народа, составлявшаго, такъ сказать, военное сословіе, обязанное нести службу, правда, не въ видѣ набора, существующаго для комплектованія постояннаго и организованнаго войска, а въ смыслѣ частныхъ или общихъ ополченій, созываемыхъ по мѣрѣ надобности, и въ такомъ числѣ, какое вызывалось необходимостію и обстоятельствами. Вызвать народъ къ такому всеобщему ополченію для Шамиля было гораздо легче, чѣмъ образовать регулярное войско. Горцы, привыкшіе къ своеволію и свободѣ, трудно свыкались съ идеею о подчиненности и дисциплинѣ, не разлучныхъ сподвижниковъ организованнаго и постояннаго войска, и гораздо охотнѣе вооружались, въ случаѣ надобности, всѣ поголовно. Подобное вооруженіе считалось дѣломъ богоугоднымъ и совершенно сообразнымъ съ духомъ магометанской религіи. На этомъ основаніи и духовенство не исключалось изъ общаго правила поголовнаго вооруженія. Каждый законовѣдъ, ученый, муфтій и кадій, должны были быть готовыми, по первому движенію войска, выступить въ походъ противъ невѣрныхъ. Если же они, сказано въ наставленіи Шамиля муфтіямъ и кадіямъ, «не будутъ сражаться руками, то пусть сражаются языками: наставляютъ, предостерегаютъ, побуждаютъ (въ подлинникѣ: ясно и живо описываютъ) къ тому, что Богъ обѣщалъ сражающимся».

(1) Три ниже слѣдующіе куплета пропущены переводчикомъ потому что нельзя было разобрать ихъ.

Война, по объясненію корана, есть опора исламизма. Магометъ говоритъ, что мечъ есть ключъ рая и ада, что ни одна капля такъ не угодна Богу, какъ капля крови, пролитая во славу его; одна ночь, проведенная въ охраненіи мусульманскихъ границъ и въ войнѣ съ невѣрными, лучше двухмѣсячнаго поста. Война же съ невѣрными обязательна для каждаго правовѣрнаго. Обязательность эта существуетъ только до окончательнаго собранія силъ. Какъ только правовѣрныхъ соберется столько, что достаточно будетъ для сопротивленія врагу, то непопавшіе въ это ополченіе освобождаются отъ непремѣнной обязанности идти на войну. Если же имамъ назвалъ при этомъ кого-нибудь по имени, то для такого походъ становится необходимымъ. Когда мусульманъ мало, въ сравненіи съ непріятелемъ, то, по постановленію пророка, каждый способный носить оружіе долженъ идти на войну, спѣшить въ ряды войскъ и увеличивать собою число ихъ. Пріемъ вновь прибывающихъ продолжается до тѣхъ поръ, пока силы правовѣрныхъ не сравняются съ силами враговъ.

Война съ невѣрными дѣлается необходимою для людей, подходящихъ подъ слѣдующія двѣнадцать условій: 1) идущій на войну долженъ быть мужчина и не скопецъ; 2) долженъ быть совершеннолѣтній; 3) не сумасшедшій; 4) свободный; «рабъ не долженъ идти на войну даже и въ томъ случаѣ, когда господинъ его обязуется возвратить ему свободу послѣ своей смерти, а равно невольникъ, получившій позволеніе откупиться за извѣстную плату, хотя бы онъ внесъ большую часть оной; но имаму дозволено взять рабовъ на войну съ разрѣшенія ихъ хозяевъ, потому что они могутъ принести пользу». 5) Идущій на войну, долженъ быть не старъ; 6) свѣдущъ въ военномъ дѣлѣ; 7) зрячій и не хромой, чтобы способенъ былъ ходить пѣшкомъ, ѣздить верхомъ и слѣзать съ лошади; 8) долженъ быть здоровъ; 9) въ состояніи снабдить себя пропитаніемъ на походъ и семейство на мѣстѣ; 10) долженъ имѣть для ѣзды четвероногое животное; кто не въ состояніи его пріобрѣсти, для того война не обязательна, будетъ-ли далеко или близко мѣсто назначенія; 11) идущій на войну не долженъ имѣть долговъ, но имамъ можетъ вызвать на войну и такихъ, которые не могутъ уплатить долга, и 12) долженъ имѣть позволеніе родителей.

Подходящій подъ эти условія обязанъ идти на войну самъ, или нанять за себя другаго, если только не вызванъ по имени имамомъ; больной можетъ возвратиться домой во всякое время; но если неспособность произойдетъ отъ другой причины, какъ, напримѣръ, если господинъ, отпустившій раба на войну, раскается въ этомъ и отзоветъ его, то, до встрѣчи съ непріятелемъ, рабъ можетъ возвратиться домой; послѣ же встрѣчи—не можетъ (¹).

Шамиль употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы не только поддержать, но и распространить эти постановленія въ массѣ народа.

(¹) Переводъ мусульманскихъ постановленій о войнѣ Н. Ханыкова Кавказъ 1846 года № 20.

Поголовное ополченіе было положено имъ въ основаніе его военной организаціи. Съ этою цѣлію, всѣ вообще народы, признававшіе власть Шамиля, были раздѣлены на десятки, сотни, пятисотни и тысячи, или наибства.

По словамъ самого Шамиля, всѣ военныя его силы раздѣлялись на кавалерію, которая называлась по-арабски *феварисъ*, и на пѣхоту—*мешшатъ*, причемъ численное отношеніе пѣхоты къ кавалеріи было какъ пять къ семи. Тактическою единицею боевой силы былъ *альфъ*—нѣчто въ родѣ полка, состоящаго изъ тысячи человѣкъ. Каждый полкъ дѣлился на два батальона или эскадрона—*хамса-міа*, по пятисотъ человѣкъ въ каждомъ. Въ каждомъ такомъ батальонѣ было по пяти *міа*, или ротъ, по 100 человѣкъ въ каждой. Рота состояла изъ двухъ взводовъ—*хамсинъ*, по 50 человѣкъ въ каждомъ, а каждый взводъ изъ пяти капральствъ или *амара*. Сообразно съ такимъ дѣленіемъ, и начальники носили названіе: *раисуль-альфъ*—командиръ полка или, лучше, начальникъ тысячи, тысячникъ (¹); *раису-хамса-міа*—пятисотенникъ; *раисуль-міа*—сотенникъ, *раису-хамсинъ*—пятидесятникъ, *раису-амара* —десятникъ. Каждый изъ этихъ лицъ имѣлъ особое наружное отличіе, состоявшее изъ серебрянаго знака.

Знаки тысячника и пятисотнина состояли изъ серебряной доски въ видѣ круга, раздѣленной двумя паралельными кругами на три части или отдѣленія. Въ первомъ и большемъ отдѣленіи помѣщалась кругомъ по арабски надпись: *если ты предаешься войнѣ, то малодушіе въ сторону. Терпи всѣ ея невзгоды: нѣтъ смерти безъ назначенія* (т. е., кому не назначено умереть, тотъ не умретъ). Въ четырехъ противоположныхъ мѣстахъ втораго круга, по двумъ перпендикулярнымъ діаметрамъ, писались первые два символа магометанской вѣры: «*нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха; Магометъ—его пророкъ*». Наконецъ въ центральномъ кругѣ писалось званіе командира, т. е. что онъ тысячникъ или пятисотенникъ.

На знакахъ остальныхъ лицъ обозначалось только одно званіе, и самые знаки состояли: для сотеннаго командира изъ серебряной доски, имѣющей видъ полулунія, нижняя часть котораго имѣла видъ выгнутой линіи или лука; для пятидесятника—трехугольная доска съ тупыми вогнутыми углами, а для десятника—мѣдный продолговатый прямоугольникъ, съ оконечностями въ родѣ фестоновъ.

Для комплектованія войскъ, Шамиль постановилъ правиломъ, что каждое семейство обязано было выставить одного вооруженнаго коннаго или пѣшаго воина, снабдить его провіантомъ на опредѣленное число дней и исправнымъ вооруженіемъ, состоявшимъ изъ винтовки, пистолета, шашки и кинжала.

Шамиль особенно хлопоталъ объ образованіи кавалеріи, способной къ быстрымъ и дальнимъ переходамъ, и съ этою цѣлію ввелъ въ обычай, передъ

(¹) Всѣ наибы считались тысячниками, но если ихъ не доставало по числу полковъ, то командирами ихъ назначались особыя лица.

каждымъ набѣгомъ и въ особенности дальнемъ, осматривать лошадей каждаго всадника. Если чья-либо лошадь, по осмотру, признавалась не способною выдержать большаго пути, то оставлялась дома вмѣстѣ съ всадникомъ. Послѣднее считалось большимъ стыдомъ и безчестіемъ и случалось весьма рѣдко; каждый старался явиться на хорошей лошади, и если не имѣлъ собственной, то бралъ ее на прокатъ у сосѣда—«за что не платитъ ничего и тогда, если возвращается съ добычей».

Сообразно съ предположеніями или наибовъ, или самого Шамиля, сборъ войскъ назначался въ извѣстныхъ наибствахъ, причемъ указывалось сборное мѣсто и прочія условія, необходимыя для похода. Въ случаѣ надобности, Шамиль разсылалъ своихъ мюридовъ, съ приказаніями собрать войско.

Приказанія эти были словесныя или письменныя, и въ послѣднемъ случаѣ писались на небольшомъ клочкѣ бумаги, арабскимъ языкомъ и съ приложеніемъ печати имама.

По первому требованію Шамиля, наибы обязаны были дать войско, и съ этою цѣлію каждый изъ нихъ сообщалъ это приказаніе, черезъ мюридовъ, подвѣдомственнымъ ему лицамъ, указывалъ время и мѣсто сбора и просилъ о заготовленіи на извѣстное число дней провіанта. Пятисотники, въ свою очередь, разсылали своихъ посланныхъ къ сотеннымъ начальникамъ, а тѣ къ начальникамъ десятковъ, изъ которыхъ каждый, взобравшись на крышу своего дома, оповѣщалъ свой десятокъ.

— Говорятъ (но не приказываютъ), кричалъ онъ съ крыши, завтра утромъ выступить въ походъ всѣмъ коннымъ и пѣшимъ. Кто не пойдетъ, съ того возьмутъ штрафъ.

За неявку на службу виновныхъ заключали въ яму, взыскивали штрафъ отъ 1 до 2 руб., иногда подвергали тѣлесному наказанію, и, случалось, что, въ важныхъ случаяхъ, сожигали сакли.

Наканунѣ дня выступленія въ походъ, вечеромъ, жена каждаго ополченца пекла блины или варила пшеничную кашу на молокѣ съ масломъ, сзывала ближайшихъ родственницъ и угощала. Дѣвушки отъ 8 до 16 лѣтъ собирались въ особую саклю и, сидя на полу, пѣли заунывнымъ голосомъ извѣстную пѣсню: *ля-илляхи-иль-Алла*, сначала протяжно, а потомъ учащенно. Не понимая смысла этихъ словъ и воображая, что просятъ Бога о счастливомъ возвращеніи родныхъ изъ похода, они до того увлекались, что, въ общемъ неразрывномъ и громкомъ пѣніи, погружались въ совершенное самозабвеніе, подпрыгивали всѣмъ тѣломъ, ударяли себя руками въ грудь и голову и, со слезами на глазахъ, въ изнеможеніи силъ, вскрикивали: *Аллахъ! Аллахъ!*

«Когда увлеченіе дойдетъ до этой степени, говоритъ г. Клингеръ, они уже не властны надъ собою; люди ихъ разрозниваютъ, обливаютъ водою, и, едва чрезъ часъ, приводятъ ихъ въ прежнее чувство».

Каждый сотенный начальникъ, собравъ свою сотню, отправлялся на назначенный сборный пунктъ.

«Если войска—сказано въ изданномъ Шамилемъ положенiи о наибахъ—отправятся въ какую-нибудь страну съ имамомъ, или съ тѣмъ, кому онъ поручитъ предводительство надъ ними, то они должны идти въ порядкѣ, куда поведетъ ихъ старшiй—каждая часть подъ особымъ значкомъ наиба своего, отнюдь не смѣшиваясь съ другими частями. Нарушитель порядка сего наказывается публичнымъ выговоромъ».

Въ экстренныхъ и поспѣшныхъ сборахъ раскладывали костры, обозначавшiе собою сборное мѣсто, къ которому спѣшилъ каждый чеченецъ, обязанный явиться на службу. На сборномъ пунктѣ наибъ принималъ начальство надъ воинами своего наибства, раздѣлялъ ихъ на части и назначалъ начальниковъ: пятисотенныхъ, сотенныхъ и проч., если они не были опредѣлены заранѣе.

Каждый отдѣльный начальникъ имѣлъ свой значекъ, но въ командѣ его бывало такихъ значковъ нѣсколько, потому что каждый джигитъ, увѣренный въ своемъ молодечествѣ, точно также могъ имѣть свой значекъ, состоящiй изъ прибитаго къ древку лоскута цвѣтной матерiи.

Относительно дѣйствiй войскъ и ихъ обязанности положенiя были не многочисленны и не многосложны. Каждый отрядъ долженъ былъ охранять порученное ему мѣсто, и если оно было открыто, то защита его усиливалась возведенiемъ стѣнъ, укрѣпленiй и проч. Если, по обстоятельствамъ сраженiя, сказано въ положенiи о наибахъ, придется «сдѣлать нападенiе или обратиться въ бѣгство», то войска не должны дѣлать этого въ разсыпную и въ безпорядкѣ; должны отступать сплошною массою и не оставлять позади себя имама или его векиля на произволъ судьбы, а должны окружать его и не дѣлать безъ него ни одного шага впередъ. Во время военныхъ дѣйствiй, никто не смѣетъ оставить своего поста безъ особаго на то разрѣшенiя.

Вотъ и всѣ постановленiя: все же остальное предоставлялось собственному соображенiю каждаго изъ начальниковъ.

Что касается до заготовленiя продовольствiя, то оно лежало на обязанности каждаго горца, идущаго въ походъ. Когда походы ограничивались нѣсколькими днями, то, по свойственной горцу воздержанности въ пищѣ, заготовленiе продовольствiя не представляло особаго затрудненiя, но съ тѣхъ поръ, какъ нѣкоторые, наиболѣе укрѣпленные, пункты Дагестана стали подвергаться продолжительной осадѣ, а хлѣбородная Чечня — частымъ экспедицiямъ русскихъ, такой порядокъ продовольствiя оказался неудобнымъ.

Для устраненiя этого неудобства, Шамиль обязалъ дагестанскихъ наибовъ приходить въ Чечню съ запасомъ барановъ, хлѣба и соли, которые закупались для бѣдныхъ на счетъ суммъ, бывшихъ въ распоряженiи наибовъ, а богатые должны были сами о себѣ заботиться. Чечня же обязывалась продавать пришедшимъ продукты по дѣйствительнымъ мѣстнымъ цѣнамъ, не уве-

личивая ихъ и не пользуясь случайными обстоятельствами и значительнымъ требованіемъ.

Въ рѣдкихъ случаяхъ, во время самыхъ продолжительныхъ походовъ, войска продовольствовались на счетъ жителей, что было весьма обременительно для бѣдныхъ горцевъ, имѣвшихъ очень малые запасы для личнаго пропитанія. Оттого большая часть значительныхъ предпріятій Шамиля совершалась осенью, когда хлѣбные запасы были только-что собраны жителями.

Въ крайности, когда военныя дѣйствія продолжались дольше обыкновеннаго и войска встрѣчали недостатокъ въ продовольствіи, Шамиль обращался къ патріотизму богатыхъ жителей и почти всегда успѣшно.

Грабежи войскъ въ своихъ владѣніяхъ были строго воспрещены. «Когда остановятся въ городѣ — сказано въ положеніи о наибахъ — селеніи или провинціи, то не должны грабить или, другимъ измѣнническимъ образомъ, завладѣвать какою бы то ни было вещью, безъ позволенія имама или его векиля (повѣреннаго)».

За заслуги и храбрость Шамилемъ установлены были: чины, ордена и знаки отличій.

Людей, ему преданныхъ, отличавшихся умомъ, храбростію, военными способностями и приверженностію къ мюридизму, Шамиль назначалъ наибами — высшею степенью военной и гражданской власти; къ числу чиновъ, жалуемыхъ Шамилемъ, принадлежали званія пятисотника, сотенника и десятника.

Ордена состояли изъ разныхъ степеней, были различнаго вида и конструкціи. Разноугольныя звѣзды, изображеніе полумѣсяца съ помѣщенною надъ нимъ саблею, выпуклый кругъ въ видѣ пуговицы и серебряные треугольники съ отсѣченными углами и чернедью, составляли ордена, украшенные именемъ получающаго и различными надписями и стихами изъ корана.

На одномъ изъ подобныхъ орденовъ, находящихся въ музеѣ академіи наукъ, находится слѣдующая надпись: *кто думаетъ о послѣдствіи, тотъ никогда не можетъ быть храбръ.* Эта надпись указываетъ на требованія Шамиля и, вмѣстѣ съ тѣмъ, характеризуетъ мюридовъ, отъ которыхъ требовалось слѣпое исполненіе воли и приказаній имама — исполненія безъ разсужденія.

Ордена носились на ремешкѣ изъ сыромятной кожи, и смыслъ дѣлаемыхъ на нихъ надписей варьировался по произволу. Такъ, Шуаипъ-мулла и Улубей, за ичкеринскую экспедицію въ 1842 году, были награждены знаками, въ видѣ звѣзды, съ надписью: *«нѣтъ силы, нѣтъ крѣпости, кромѣ Бога единаго»*. Извѣстный дагестанскій наѣздникъ Оздемиръ получилъ шашку съ надписью: *нѣтъ Оздемира храбрѣе, нѣтъ сабли его острѣе.* Серебряные знаки, найденные въ саклѣ наиба Дубы въ 1847 году и полученные имъ за военные подвиги, имѣли слѣдующія надписи: на одномъ было написано *Имамъ Шамиль этого храбраго наиба награждаетъ первоклассным орденомъ и молитъ Бога, да поможетъ онъ ему идти по истинному пути.*

На другомъ: «*этотъ герой, искусный въ войнѣ и бросающійся на непріятеля какъ левъ*».

Кромѣ орденовъ, Шамиль награждалъ отличившихся эполетами, въ родѣ нашихъ солдатскихъ драгунскихъ, при чемъ лѣвый эполетъ бывалъ меньше праваго и на обоихъ дѣлались надписи въ родѣ слѣдующихъ: *господину мужества и храбрости*, или: *одни трусы оборачиваются назадъ*. Разнаго рода подарки, почетное оружіе, платье, лошади, бараны и деньги, составляли награду достойныхъ.

Источникомъ для производства расходовъ на награды, содержаніе должностныхъ лицъ и на военныя потребности, была образованная Шамилемъ казна, извѣстная подъ именемъ *бейтульмалъ*, составленная изъ доходовъ, поступавшихъ къ имаму, какъ въ главѣ духовенства и предводителю военныхъ силъ. Не считая *зяката*, или взносовъ десятой части съ годовой жатвы и сотой скотины изъ каждаго стада, поступавшаго на содержаніе духовенства, мечетей, школъ, бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ—доходы, поступавшіе въ казначейство, состояли, главнѣйшимъ образомъ, изъ податей и части *хумуса*, въ свою очередь составляющаго пятую часть добычи.

Размѣръ податей, вносимыхъ жителями, не былъ опредѣленъ съ точностію, а зависѣлъ отъ произвола начальства и отъ степени матеріальнаго благосостоянія, подлежавшаго податной повинности. Впрочемъ, Шамиль издалъ строгій наказъ, не подвергать несостоятельныхъ никакимъ взысканіямъ. Подати взимались не одними произведеніями земли или звонкою монетою, но всѣмъ тѣмъ, чѣмъ жители пожелаютъ отдать; оттого казнѣ принадлежали цѣлые табуны лошадей, значительныя стада рогатаго скота и барановъ и множество оружія.

Вторымъ источникомъ доходовъ была часть *хумуса*, или пятая часть добычи. По мусульманскому праву, вся добыча дѣлится на пять равныхъ частей: четыре идутъ въ раздѣлъ, по-ровну, между участвовавшими въ ея захватѣ, а пятая составляетъ *хумусъ*. Послѣдній дѣлится также на пять равныхъ частей: *завиль-курба*, что, въ переводѣ, означаетъ близкіе къ пророку люди; *масаалехъ*—достойному достойное; *ибнъ-сабиль*—сынъ божьяго пути; *масакинъ*—недостаточные люди и *фукара* — нищіе.

Первый видъ хумуса поступалъ въ казну только въ томъ случаѣ, когда добыча была взята у единовѣрцевъ-мусульманъ; добыча же, взятая отъ невѣрныхъ, по самому названію ея вида—близкіе къ пророку люди—шла въ раздѣлъ между потомками Корейши, или племени, къ которому принадлежалъ пророкъ Магометъ, и которые нынѣ извѣстны подъ именемъ *сеидовъ*. Раздѣлъ этого вида добычи между такими лицами производился поровну, при чемъ мужчины получали вдвое больше женщинъ.

На второй видъ хумуса—*масаалехъ* имѣли право отшельники (дервиши) и ученые. Деньги эти выдавались, по выбору Шамиля, тому, кого онъ признавалъ достойнымъ, и въ томъ размѣрѣ, какой находилъ нужнымъ. Впро-

чемъ, такихъ достойныхъ лицъ въ Дагестанѣ было очень немного, и масаалехъ поступалъ въ казну и расходовался на общественныя нужды.

По шаріату, часть *инбъ-сабиль* выдается безвозвратно, въ видѣ пособія, лицамъ, отправляющимся въ Мекку на поклоненіе гробу Магомета, и людямъ бѣднымъ, отправляющимся на войну противъ христіанъ. Шамиль измѣнилъ это постановленіе, разрѣшивъ путешествіе въ Мекку только людямъ состоятельнымъ, а всѣ деньги зачислялъ въ казну. Тѣмъ же недостаточнымъ людямъ, которые шли на войну съ невѣрными, онъ выдавалъ оружіе изъ общественнаго арсенала, бывшаго при домѣ имама; лошадь — изъ общественнаго табуна, а рабочій скотъ и барановъ—изъ общественныхъ стадъ. Двѣ послѣднія части хумуса—*масакинъ* и *фукаръ*, выдавались людямъ, лишеннымъ средствъ добывать себѣ пропитаніе собственнымъ трудомъ, какъ-то: калѣкамъ, сиротамъ и людямъ, совершенно раззоренными войною.

Изъ этого видно, что только два вида хумуса, *масаалехъ* и *инбъ-сабиль*, составляли источники, пополнявшіе общественную казну — *бейтульмаль*, или, какъ чеченцы называли ее, *байтнулъ-мошъ*. Сюда относились и плѣнные, взятые при набѣгахъ значительными партіями, такъ какъ пятая часть денегъ, вырученныхъ за продажу ихъ, поступала также въ казну.

За тѣмъ, къ пополненію общественной казны служили штрафныя деньги, взыскиваемыя за различнаго рода преступленія, и, наконецъ, конфискація имущества казненнаго преступника ([1]).

Кромѣ всѣхъ этихъ источниковъ дохода, Шамиль назначилъ еще два налога, употреблявшіеся исключительно на усиленіе военныхъ средствъ. Налоги эти взимались независимо отъ обыкновенныхъ податей, и одинъ изъ нихъ состоялъ изъ денежнаго взноса, а другой изъ взноса скотомъ. Первому подлежали зажиточныя вдовы и люди, неспособные отбывать воинской повинности: старики, калѣки и проч. Каждый изъ нихъ вносилъ отъ 25 коп. до 2 р. въ годъ и на эти деньги покупался въ Чечнѣ фуражъ для лошадей кавалеріи. Второму налогу подлежали всѣ владѣльцы стадъ, полагая по одному барану со ста; бараны эти шли на удовлетвореніе потребностей войска.

По правиламъ шаріата общественная казна находится въ непосредственномъ и безотчетномъ распоряженіи имама, какъ лица, избраннаго довѣріемъ цѣлаго народа и стоящаго внѣ всякаго контроля.

Шамиль не воспользовался, по крайней мѣрѣ наружно, предоставленнымъ ему правомъ, а поручилъ ее въ вѣдѣніе особаго казначея, жившаго въ резиденціи имама, въ домѣ котораго находилась и самая казна. Всѣ расходы про-

---

([1]) Низамъ Шамиля. Сборникъ свѣд. о кавк. горцахъ выпус. III Кодексъ Шамиля А. Руновскій Воен. Сборн. 1862 г. т. 23. Чечня и чеченцы А. П. Берже. Тифлисъ 1859 г. Краткое описаніе чеченцевъ генерала Фрейтага (рукоп.) Нѣчто о Чечнѣ Клингера. Кавказъ 1856 г. № 97—101. Дневникъ русскаго солдата Бѣляева. Библіот. для чтенія 1848 г. т. 88 и 89. Шамиль и Чечня. Военный Сборн. 1859 года № 9. Объ обществахъ чеченскаго племени (рукоп.)

изводились по разрѣшенію послѣдняго, съ большою акуратностью и бережливостью. Въ израсходованныхъ суммахъ Шамиль давалъ отчетъ избранному имъ совѣту и, конечно, только для вида, потому что всѣ расходы производились имъ и самая сумма находилась въ безотчетномъ его распоряженіи.

Изъ общественной суммы отпускалось содержаніе *мугаджирамъ* (бѣжавшимъ въ горы мусульманамъ), а иногда деньги отпускались и на содержаніе плѣнныхъ, но очень рѣдко; въ большей части случаевъ плѣнный кормился и составлялъ собственность тѣхъ лицъ, которымъ удалось захватить его во время хищническихъ набѣговъ.

Подобные набѣги имѣлъ право производить не только наибъ, но и каждый смѣлый горецъ, набравшій себѣ нѣсколькихъ товарищей и охотниковъ до добычи.

Хищническіе набѣги отдѣльныхъ, незначительныхъ партій чеченцевъ почти ничѣмъ не отличались отъ набѣговъ, дѣлаемыхъ черкесами; характеръ тѣхъ и другихъ набѣговъ былъ совершенно одинаковъ и, можно сказать, тождественъ.

Дѣйствія же чеченцевъ, появлявшихся въ нашихъ предѣлахъ значительными партіями, заключались преимущественно въ нападеніи на колонны, посылаемыя въ лѣсъ за дровами или сопровождавшія транспорты, на жителей, занимавшихся полевыми работами, и на скотъ, выгоняемый на пастьбу, и то только на передовыхъ линіяхъ. Дѣйствія же непріятеля противъ станицъ, городовъ и укрѣпленій были весьма рѣдки. Успѣхъ своего нападенія въ лѣсу на транспортъ, или на такъ называемую оказію, чеченцы основывали на скрытномъ, внезапномъ появленіи и быстромъ натискѣ, причемъ нельзя не сказать, что они были очень искусны въ подобныхъ случаяхъ. Выросшіе въ землѣ покрытой лѣсомъ, отличные и ловкіе стрѣлки, чеченцы отлично пользовались прикрытіемъ и во время боя въ лѣсу имѣли преимущество передъ нашими отрядами. Скрывшись въ чащѣ лѣса, засѣвъ за срубленными деревьями, они высматривали, слѣдили за движеніемъ колонны и встрѣчали наши войска мѣткими убійственными выстрѣлами или, сдѣлавъ залпъ по нимъ, бросались въ шашки и, прорвавъ цѣпь, врывались въ обозъ. Нападеніе свое они производили преимущественно тогда, когда транспорты должны были слѣдовать въ одну повозку. Вообще при нападеніи чеченцы отличались своею дерзостію и смѣлостію, но были весьма не стойки въ случаѣ рѣшительнаго отпора, не смотря на то, что трусость у чеченцевъ наказывалась всеобщимъ презрѣніемъ, а иногда влекла за собою болѣе дѣйствительное наказаніе. За малѣйшій признакъ трусости, по постановленію Шамиля, на рукавъ струсившаго воина нашивался кусокъ войлока, который онъ долженъ былъ носить на себѣ впредь до отличія — единственнаго способа смыть съ себя позорное пятно труса.

На жителей, занимавшихся полевыми работами, чеченцы нападали или

съ одной стороны или, одновременно, съ разныхъ сторонъ, врѣзывались въ середину, рубили и захватывали въ плѣнъ.

Извѣщенные пикетами и выстрѣлами о приближеніи непріятеля, жители, бросая свои работы, спѣшили къ ближайшимъ нашимъ резервамъ, которые располагались на центральныхъ пунктахъ, и число которыхъ зависѣло отъ величины того пространства, на которомъ производились полевыя работы.

Нападеніе чеченцевъ на скотъ отличалось отъ нападенія на жителей тѣмъ, что никогда не совершалось всѣмъ сборомъ хищниковъ, а исполненіе этого возлагалось на нѣсколькихъ наѣздниковъ, которые, обскакавъ скотъ, гнали его къ своимъ товарищамъ. Послѣдніе, составляя главныя силы и скрываясь въ лѣсу или оврагѣ, подавали помощь въ томъ только случаѣ, когда замѣчали преслѣдованіе нашихъ войскъ.

Такъ, въ сентябрѣ 1851 года, партія чеченцевъ напала на скотъ мирныхъ своихъ соплеменниковъ, жившихъ у крѣпости Грозной.

Въ два часа пополудни, 15-го сентября, выстрѣлы, произведенные одновременно съ различныхъ сторонъ изъ орудій, стоявшихъ на валу крѣпости Грозной, возвѣстили о появленіи непріятеля тоже съ различныхъ сторонъ. Чеченцы показались одновременно и въ значительныхъ массахъ изъ Ханкальскаго ущелья, съ западной стороны отъ Алдовъ, и на равнинѣ лѣваго берега р. Сунжи, между Нефтяною башнею и крѣпостью Грозною, гдѣ пасся скотъ мирныхъ чеченцевъ.

Такое появленіе партій съ различныхъ сторонъ, вызывая отпоръ, повело бы къ разъединенію нашихъ силъ, и скотъ остался бы навѣрное въ рукахъ непріятеля, если бы не было сдѣлано предварительнаго распоряженія о дѣйствіяхъ Грозненскаго гарнизона. Предварительное распоряженіе и быстрое направленіе войскъ тогдашняго начальника лѣваго фланга кавказской линіи, генералъ-маіора князя Барятинскаго (нынѣ фельдмаршалъ), было причиною того, что партія была совершенно уничтожена.

Не обращая вниманія на сборище непріятеля, появившіяся изъ Ханкальскаго ущелья и съ западной стороны отъ Алдовъ, и зная что оно находится подъ выстрѣлами крѣпостныхъ орудій, князь Барятинскій, направивъ три роты егерскаго князя Воронцова полка, съ двумя орудіями, къ Нефтяной башнѣ, на перерѣзъ партіи, захватившей скотъ, самъ, съ баталіономъ пѣхоты, при двухъ орудіяхъ и кавалеріей, состоящей изъ трехъ сотенъ казаковъ, двинулся по правому берегу р. Сунжи къ Чертугаевской переправѣ, гдѣ, по свѣдѣнію лазутчиковъ, скрывалось главное скопище непріятеля. Не смотря на то, что предстояло пройти по лѣсистой и пересѣченной мѣстности до шестнадцати верстъ, казаки и мирные чеченцы явились въ то же время въ тылу главнаго непріятельскаго сбора, когда три роты егерей, посланныя на перерѣзъ къ Нефтяной башнѣ, встрѣтили партію, находившуюся на лѣвой сторонѣ рѣки Сунжи.

Одновременный и неожиданный ударъ нашихъ войскъ съ двухъ береговъ

рѣки заставилъ непріятеля, оставивъ идею о сопротивленіи и защитѣ, думать только о своемъ спасеніи. Чеченцы потерпѣли совершенное пораженіе: три ихъ сотенныхъ командира, болѣе 200 тѣлъ, 38 плѣнныхъ, болѣе 200 винтовокъ и множество другаго оружія были трофеями этого славнаго пораженія, тогда какъ потеря наша была самая ничтожная: она состояла изъ одного раненаго нижняго чина и двухъ убитыхъ мирныхъ чеченцевъ.

Подобное же пораженіе и тотъ же непріятель потерпѣлъ на томъ же самомъ мѣстѣ, 17-го сентября 1852 года, когда онъ въ огромныхъ силахъ сдѣлалъ нападеніе на жителей, занимавшихся полевыми осенними работами. И въ этомъ случаѣ причиною пораженія непріятеля были точныя свѣдѣнія, доставленныя лазутчиками, правильное распредѣленіе и быстрое направленіе разныхъ частей войскъ.

Вообще препріятія чеченцевъ большими массами рѣдко удавались, и потому они предпочитали дѣйствовать небольшими партіями, съ мелкою цѣлію простаго хищничества. Предупредить такія вторженія, при всей бдительности кордона, не было никакой возможности. Кромѣ ловкости и смѣлости чеченцевъ, разныхъ хитростей, употребляемыхъ ими при переправахъ, самая мѣстность, по которой протекаетъ Терекъ, способствовала имъ въ этомъ. Берега этой рѣки, поросшіе лѣсомъ и камышемъ, не только дозволяли хищникамъ подходить скрытно къ мѣсту переправы, но, и совершивши ее, скрываться по нѣскольку дней въ чащѣ лѣса, въ ожиданіи добычи. Нужно бы было видѣть густоту и непроходимость лѣса, растущаго, напримѣръ, между Амиръ-Аджи-Юртомъ и Каргалинской станицей, а также камышевыя заросли возлѣ города Кизляра и ниже его, чтобы удостовѣриться, что въ нихъ не только могутъ скрываться по нѣскольку дней хищники, пробравшіеся за Терекъ незамѣтно отъ кордоновъ, но даже находить спасеніе партіи, открытыя и слѣдимыя нашими казаками. Такой именно случай былъ съ партіею чеченцевъ, пробравшеюся въ октябрѣ 1851 года въ ногайскія степи.

Конная партія чеченцевъ, состоявшая изъ 22-хъ человѣкъ, предводимая бѣглымъ казакомъ Моздокскаго полка Алпатовымъ, переправившись чрезъ Терекъ между станицей Ищерской и Наурской, свободно пробралась въ ногайскія степи. Алпатовъ носилъ черкеску съ офицерскими контръ-погончиками и офицерскую шинель. Выдавая себя за русскаго офицера, а хищниковъ, почти ничѣмъ не отличающихся въ одеждѣ отъ казаковъ, за партію казаковъ, онъ прошелъ черезъ кордонъ и, встрѣтившись съ транспортомъ чумаковъ, шедшимъ за солью, прикинулся передъ ними офицеромъ, посланнымъ съ казаками въ разъѣздъ. Алпатовъ не видалъ никакой надобности нападать на беззащитныхъ чумаковъ, не имѣвшихъ ничего, кромѣ пустыхъ арбъ, и надѣялся, что впереди его ожидаетъ лучшая добыча. Чумаки, не подозрѣвая, что то были хищники, не заявили о своей встрѣчѣ начальству, и Алпатовъ съ своею партіею гулялъ шесть сутокъ въ обширныхъ и малонаселенныхъ ногайскихъ степяхъ, гдѣ производилъ многія злодѣянія, и въ томъ числѣ

разграбилъ на Кумѣ ставку калмыцкаго *зайсанга*, которая находилась верстахъ въ 160 или 170 по прямой линіи отъ кордона.

Такъ какъ переправа этой партіи была совершена въ бурную осеннюю ночь, и слѣды ея были залиты дождемъ, то о пребываніи ея въ ногайскихъ степяхъ и производимыхъ ею тамъ злодѣяніяхъ никто не зналъ до тѣхъ поръ, пока не извѣстилъ объ этомъ одинъ ногаецъ, прискакавшій въ Червленную.

Немедленно былъ усиленъ кордонъ и посланы казачьи партіи по разнымъ направленіямъ. Но куда ѣхать и гдѣ отыскивать хищниковъ? Ногайская степь весьма обширна, а ближайшія къ намъ кочевья находились верстахъ въ сорока отъ нашей линіи. Къ тому же слѣдованіе въ степи весьма затруднительно и опасно, потому что песчаные бугры, единственные предметы, по которымъ можно аріентироваться, пересыпаются съ одного мѣста на другое, смотря по направленію вѣтра, который дуетъ тамъ съ необыкновенной силой, въ особенности осенью.

Чеченцы, пускаясь въ ногайскія степи, кромѣ хорошихъ вожаковъ имѣли съ собою бусоли, по которымъ очень хорошо аріентировались и, не оставаясь на одномъ мѣстѣ, дѣлали суточные переѣзды по 60 и 70 верстъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ казаки, посланные въ степь, хотя и сдѣлали отъ 50 до 60 верстъ, но возвратились домой, не открывъ тамъ хищниковъ. На другой день повторилось то же самое. Возвращаясь на усталыхъ лошадяхъ на ночлегъ къ своимъ станицамъ, при закатѣ солнца, казаки были увѣдомлены о быстро слѣдующей къ р. Тереку хищнической партіи, замѣченной съ вышки Ключинскаго поста, находившагося между станицами Червленной и Щедринской. Сдѣлалась общая тревога. Конные резервы станицъ Червленной и Щедринской понеслись на перерѣзъ хищникамъ, и казаки, имѣющіе лучшихъ лошадей, хотя успѣли настичь ихъ, но уже въ сумерки, и то только у самаго кордоннаго лѣса ([1]), такъ что часть партіи, хотя и понесшей сильное пораженіе, успѣла скрыться въ лѣсу. Изъ хищниковъ трое убито, много переранено, всѣ ихъ лошади и плѣнные брошены. Если бы не лѣсъ, котораго партія успѣла достигнуть, прежде чѣмъ была настигнута казаками, и не наступленіе ночи, то она, конечно, была бы окончательно истреблена.

([1]) Кордоннымъ лѣсомъ казаки называли лѣсъ, растущій по берегу Терека и прилегающій къ кордону.

ДАГЕСТАНСКІЕ ГОРЦЫ.

I.

Географическое положеніе племенъ, населяющихъ Дагестанъ, и ихъ раздѣленіе на общества.— Краткій топографическій очеркъ мѣстности, занятой каждымъ изъ значительнѣйшихъ обществъ. — Экономическій бытъ дагестанскихъ горцевъ: степень производительности почвы, земледѣліе, промышленность и торговля.

Составляя житницу западнаго Дагестана, Чечня, съ ея богатыми горными пастбищами, склонами горъ покрытыхъ дремучимъ лѣсомъ, съ ея плоскостію, орошаемою множествомъ рѣкъ, и богатою растительностію, представляетъ совершенный контрастъ съ сосѣдними безплодными и каменистыми частями Дагестана, населенными обществами *аварскаго* племени, преимущественно извѣстнаго у насъ подъ именемъ *лезгинъ*.

Собственно говоря, слово *лезгинъ* не извѣстно туземцамъ, и ни одно мельчайшее общество не показываетъ себя этимъ именемъ. По объясненію нѣкоторыхъ лицъ, слово лезгинъ на турецкомъ языкѣ означаетъ: *горскій житель*. Это есть общее названіе, не принадлежащее исключительно какой либо націи. Другіе говорятъ, что лезгинъ значитъ разбойникъ, хотя и неизвѣстно на какомъ языкѣ. Наконецъ третьи называютъ многія общества, населяющія Дагестанъ, *тавлинцами*, производя это названіе отъ тюркскаго *тау* – гора и обозначая этимъ названіемъ жителей горъ. Подъ именемъ тавлинецъ большею частію подразумѣваютъ жителей, поселившихся въ верхнихъ частяхъ Андійскаго и Аварскаго Койсу, и самихъ андійцевъ, которые говорятъ; впрочемъ, совершенно особымъ языкомъ.

Первое мѣсто въ Дагестанѣ, по количеству населенія или, лучше сказать, по единоплеменности, принадлежитъ *аварскому* племени, которое само себя называетъ общимъ именемъ *маарулалъ*, т. е. горцы.

По изслѣдованію генералъ-маіора барона Услара, народонаселеніе, говорящее маарульнымъ (аварскимъ) языкомъ, прорѣзываетъ весь Дагестанъ съ сѣвера къ югу въ видѣ полосы, сѣверной оконечностью которой служитъ укрѣпленіе Чиръ-Юртъ, а южной Новыя-Закаталы. Полоса эта, простираясь въ длину около 160 верстъ, имѣетъ въ срединѣ, на паралели Хунзаха, главнаго аварскаго селенія, наибольшую ширину, достигающую до 70 верстъ. Маарульный языкъ соприкасается съ западной стороны съ языками чеченскимъ, андійскимъ и дидойскимъ; съ востока кумыкскимъ, акушенскимъ, казыкумухскимъ (лакскимъ) и обществами Арчи и Цахуръ, говорящихъ своимъ особымъ языкомъ. Племя, говорящее аварскимъ языкомъ, не имѣетъ для себя общаго названія. «Аварецъ, смотря по тому откуда онъ родомъ, назоветъ себя накбакау (салатавецъ), бакхлулау (гумбетовецъ), хунзакеу (аварецъ) гидатлеу (гидатлипецъ) и т. д.».

Аварское племя дробится на множество отдѣльныхъ обществъ, бывшихъ нѣкогда вольными, а впослѣдствіи подчинившихся частію Россіи, а частію подпавшихъ подъ власть Шамиля.

Самую сѣверо-западную часть Дагестана, занятую аварскимъ племенемъ, составляетъ *Салатавія*, или *Салатау*.

Если взглянуть на Кавказъ со стороны Терека или съ западнаго берега Каспійскаго моря, то глазамъ представляются прежде всего гигантскія округлыя зеленыя высоты, мягкость которыхъ не гармонируетъ съ суровыми и ломаными линіями общей картины Кавказскаго хребта. Эти то высоты, такъ ярко зеленѣющія между темными лѣсами Чечни и сѣрыми обнаженными скалами Дагестана, и называются *Салатавіей.*

Пролегая верстъ на 30 по лѣвому берегу Сулака, предъ выходомъ его изъ горъ на плоскость, и отстоя верстъ на 70 отъ Каспійскаго моря, Салатавія представляетъ собою видъ трапеціи, объемомъ около 700 квадратныхъ верстъ.

Гранича къ сѣверу съ кумыкскими плоскостями и сливаясь съ ними, къ востоку землями Чиркея и Чиръ-Юрта и смежная съ шамхальскими владѣніями, Салатавія съ юга обставлена высокими горами Гумбета, а на западѣ лѣсистымъ Аухомъ, отдѣляющимся отъ нея рѣкой Акташемъ.

Возвышенное мѣстоположеніе Салатавіи, понижающееся къ сѣверу, имѣетъ до пяти различныхъ высотъ, составляющихъ отроги Сулако-Терскаго хребта горъ, лежащаго своими развѣтвленіями въ Гумбетѣ, сѣверномъ Дагестанѣ и частію въ Аухѣ. Самый высокій пунктъ въ Салатавіи есть гора Уллу-Тау, или Соукъ-Булакъ (въ 7585 футъ), составляющая границу съ Гумбетомъ и имѣющая направленіе съ запада на востокъ. Самый низшій пунктъ — это Чиръ-Юртъ, въ 340 футъ надъ поверхностію моря. Всѣ Салатавскія горы подымаются выше лѣсной полосы, но не достигаютъ высоты снѣговой линіи.

Изрѣзанная ручьями и рѣчками, сливающими воды свои въ Акташъ или Сулакъ, Салатавія богата хорошею водою, текущею въ глубокихъ и скалистыхъ

оврагахъ, изъ которыхъ самый замѣчательный есть лѣсистый Теренгулъ. Начинаясь на югѣ Салатавіи, онъ идетъ сначала къ сѣверу, а потомъ къ сѣверо-западу, и раздѣляетъ Салатавію на двѣ неравныя части: восточную, или большую, и западную, или меньшую. Къ западной сторонѣ этого оврага примыкаютъ многія лѣсистыя балки, съ протекающими по нимъ ручьями.

Большая часть ручьевъ и рѣчекъ въ Салатавіи составляютъ притоки р. Акташа; въ Сулакъ же впадаетъ многоводный ручей *Ахъ-су*, протекающій въ громадной скалистой балкѣ, и многіе потоки, получающіе свое начало съ сѣверо-восточныхъ скатовъ горъ. Стоячихъ водъ въ Салатавіи нѣтъ вовсе; текучія прозрачны, очень холодны, здоровы для употребленія и, не имѣя посторонней примѣси и запаха, очень вкусны. Вообще климатъ этой мѣстности умѣренный; зимы бываютъ холодны, но постоянны. Разность высотъ мѣстностей, достигающая на 30-ти верстномъ пространствѣ до 2-хъ отвѣсныхъ верстъ, причиною того, что есть много мѣстностей съ климатомъ весьма теплымъ, способнымъ къ разведенію тропическихъ растеній.

При общемъ горномъ характерѣ Салатавіи, почва ея весьма разнообразна и состоитъ частію изъ чернозема, но преимущественно изъ глины, верхній слой которой имѣетъ сѣро-желтоватый цвѣтъ, а нижній бѣлый. Растительность Салатавіи обильна и въ ней находятся растенія, принадлежащія сѣверному и теплому климату: сосна и виноградъ, береза и грецкій орѣхъ, рябина и тутовое дерево; огромные дубы, чинары, липа, осина и персики—все это составляетъ принадлежность лѣсной породы Салатавіи. Трава ростетъ въ изобиліи, даетъ отличное сѣно и доставляетъ возможность жителямъ содержать огромныя стада барановъ, козъ и крупнаго рогатаго скота. На поляхъ видны большіе посѣвы пшеницы, кукурузы, ячменя, проса, бобовъ, фасоли и прочее, но огородничество не развито между салатавцами. Садоводство развито преимущественно въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ рѣкѣ Сулаку, и состоитъ изъ разведенія винограда, грецкаго орѣха, кураги и вишней.

Изъ винограда, въ селеніяхъ Зубутъ и Міатлы, выдѣлывается вина болѣе 200 бочекъ въ годъ. Оно трехъ цвѣтовъ и лучше кизлярскаго, чему причиною ихъ неполивные сады, закрытые горами отъ вѣтровъ. Все народонаселеніе Салатавіи сосредоточивалось въ 12-ти селеніяхъ (росо) и многихъ одиночкахъ—*мархи*.

Салатавцы народъ крѣпкаго тѣлосложенія, съ рыжими волосами и голубыми глазами, голова большая и часто на макушкѣ вздернута конусомъ, грудь и тазъ широкіе, походка увалистая. Они считались всегда народомъ хищнымъ, энергичнымъ и кровожаднымъ.

Непосредственно къ Салатавіи примыкаетъ *Гумбетъ*, занявшій уступы и террасы Сулако-Терскаго хребта по лѣвую сторону рѣки Андійскаго Койсу. Часть Сулако-Терскаго хребта, извѣстнаго подъ именемъ *Джалдари-Меэръ*, отдѣляетъ Гумбетъ на сѣверѣ отъ ичкеринцевъ, а на западѣ къ Гумбету при-

*

легала ([1]) Андія и другія мелкія горскія общества; на югѣ и востокѣ онъ примыкалъ къ Аваріи, Койсубу и владѣніямъ шамхала Тарковскаго. Въ Гумбетѣ считалось 18 селеній.

Къ юго-западу отъ Гумбета и по лѣвую же сторону Андійскаго Койсу лежала *Андія*, сѣверною границею которой служилъ Черный хребетъ, составляющій часть того же Сулако-Терскаго. Въ Андіи считалось девять селеній, изъ которыхъ главное, того же имени, еще въ недалекомъ прошломъ, и именно въ началѣ настоящаго столѣтія, было большимъ торговымъ рынкомъ, куда пріѣзжалъ свободно каждый торгующій и даже могъ поселиться тамъ на жительство до тѣхъ поръ, пока пожелаетъ. Въ Андіи производился значительный торгъ лошадьми и оружіемъ, привозимымъ изъ общества Кубечи, изъ Персіи и Турціи. Главнѣйшій же торгъ, отъ котораго богатѣлъ Анди, былъ торгъ людьми, плѣнными, которыхъ приводили туда чеченцы и прочіе дагестанцы. Здѣсь шла точно такая же торговля невольниками, какъ и въ знаменитомъ кумыкскомъ аулѣ Эндери.

Андійцы говорятъ своимъ особымъ языкомъ, народъ воинственный и считались однимъ изъ храбрыхъ въ Дагестанѣ. Страна эта довольно богата пастбищными мѣстами, и жители содержатъ большія стада овецъ, изъ шерсти которыхъ выдѣлываютъ сукна, бурки и войлоки. По своему достоинству, андійскія бурки славятся не только въ Дагестанѣ, но и среди сосѣднихъ племенъ, и уступаютъ въ достоинствѣ только абхазскимъ и кабардинскимъ.

Сосредоточивъ все свое занятіе преимущественно на этой части промышленности, андійцы, не смотря на значительныя собственныя стада овецъ, должны прикупать шерсть, такъ какъ своей имъ не хватаетъ.

Въ Андіи ежегодно выдѣлывается до 8 т. бурокъ, которыхъ цѣна на мѣстѣ, по достоинству, бываетъ отъ 3-хъ до 12 руб. На бурки андійцы ведутъ свою мѣновую торговлю. Ежегодно съѣзжаются туда торговцы, которые, закупая гуртомъ андійскія бурки, отправляютъ ихъ на линію и въ Тифлисъ, а андійцамъ, въ замѣнъ ихъ, продаютъ красный товаръ, желѣзо, оружіе, соль и кукурузу. Хлѣбопашествомъ туземцы занимаются мало, не имѣютъ вовсе арбъ (колесныхъ повозокъ) и перевозятъ съ горъ хлѣбъ и сѣно на саняхъ.

Непосредственно къ гумбетовцамъ примыкали *койсубулинцы*, разселившіеся по р. Аварское Койсу и по правому берегу Андійскаго Койсу. Занявъ низовье этихъ рѣкъ и отчасти западный скатъ Бетлинскаго хребта, общество *Койсубу* или *Хиндатль* граничило: къ востоку съ шамхальствомъ Тарковскимъ и ханствомъ Мехтулинскимъ; къ сѣверу Гумбетомъ, отъ котораго отдѣлялось Андійскимъ Койсу; къ западу Аваріею и Гумбетомъ и къ югу ханствомъ Мехтулинскимъ. Страна эта наполнена голыми и безплодными утесами, на

([1]) Я говорю въ прошедшемъ времени собственно потому, что въ настоящее время Дагестанъ имѣетъ новое административное дѣленіе, нѣсколько отличное отъ того, какое было до покоренія его. Для насъ же прежнее дѣленіе Дагестана болѣе важно, чѣмъ теперешнее.

которыхъ только изрѣдка встрѣчается клочекъ еловаго лѣса. Климатъ Койсубу вообще суровъ, но есть долины, защищенныя отъ сѣверныхъ вѣтровъ, и тамъ созрѣваетъ виноградъ, особенно хорошо поспѣвающій въ Гимрахъ. Койсубулинцы хотя и сѣютъ въ значительномъ количествѣ пшеницу, ячмень и овесъ, но земля должна быть вспахана очень глубоко, чтобы дать удовлетворительный урожай. Пастбищныхъ мѣстъ очень мало. Вообще жители, мало разсчитывая на урожай, занимаются преимущественно разведеніемъ винограда и другихъ фруктовыхъ деревьевъ, но достигаютъ этого также съ большими затрудненіями по причинѣ каменистаго грунта. Приготовляемое койсубулинцами вино извѣстно подъ именемъ *горнаго чихиря*. Чувствуя недостатокъ въ хлѣбѣ, они покупаютъ его или вымѣниваютъ на фрукты у шамхальцевъ, мехтулинцевъ и у кумыкъ; оружіе пріобрѣтаютъ въ Акушѣ. Все населеніе койсубулинцевъ сосредоточено было въ девятнадцати деревняхъ.

Непосредственно къ Койсубу примыкало *Аварское ханство*, лежащее между Аварскимъ и Андійскимъ Койсу и землями гумбетовцевъ, андійцевъ, Ункратлемъ, Андаламомъ и Мехтулинскимъ ханствомъ. Аварія имѣетъ въ длину до сорока, а въ ширину до 30 верстъ, и все пространство ея составляетъ около 800 квадр. верстъ. Главный городъ Аваріи, *Хунзахъ*, былъ прежде мѣстомъ пребыванія аварскаго хана.

По свидѣтельству Буткова, въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, владѣніе это называлось не Аварскимъ, а Хунзахскимъ. Съ южной и западной стороны владѣніе омывается Аварскимъ Койсу, а по сѣверо-восточной его части протекаетъ Андійское Койсу. Въ срединѣ ханства протекаетъ р. Атала, притокъ Койсу съ лѣвой стороны, принимающій въ свою очередь ручей Токъ-иту.

Вдоль праваго берега Аварскаго Койсу тянется съ сѣвера-востока къ юго-западу снѣжная полоса Кавказскихъ горъ, которая своими отрогами изрѣзываетъ ханство по разнымъ направленіямъ, дѣлая его весьма гористымъ, безплоднымъ и обнаженнымъ отъ лѣсовъ. Земли способной для воздѣлыванія въ Аваріи очень мало и она цѣнится слишкомъ высоко, такъ что десятина, лежащая подлѣ воды, стоитъ отъ 100 до 150 руб. сер.

Земледѣліе производится въ Аваріи съ большими затрудненіями.

«Очень любопытно было видѣть, говоритъ очевидецъ, какъ, съ торбою привязанною на поясъ и съ крючкомъ двулапымъ, насаженнымъ на палку, искалъ иной изъ нихъ (аварецъ) трещины, чтобы вонзить туда желѣзные когти; какъ, поднявшись на вѣсъ до полшеста, вонзалъ онъ гвоздь между камнями, становился на него, забрасывалъ далѣе когти, вынималъ и выше вонзалъ гвоздь снова, для того чтобы найти нѣсколько шаговъ земли для посѣва горсти пшеницы (¹)».

Жители сѣютъ ячмень, овесъ, просо, пшеницу, ленъ и коноплю. По-

(¹) Койсубулинцы. Тифлис. Вѣдом. 1831 г. № 12—14.

слѣднюю сушатъ въ зернѣ, разминаютъ, поджариваютъ и, смѣшавъ съ медомъ, приготовляютъ сухари, которые сберегались прежде для походовъ, какъ легкая и питательная пища. Изъ огородныхъ овощей разводятъ бобы и чечевицу. Въ долинахъ встрѣчаются фруктовые сады, гдѣ зрѣютъ персики и виноградъ, отличающіеся своимъ хорошимъ вкусомъ. Аварцы молоть не умѣютъ, и потому хлѣбъ ихъ весьма непріятнаго вкуса; своей соли въ ханствѣ нѣтъ, и жители получаютъ ее изъ шамхальскихъ владѣній, въ обмѣнъ на барановъ, мѣха и грубое сукно домашняго издѣлія. Пастбищныхъ мѣстъ очень мало, оттого и скотоводство ихъ находится далеко не въ удовлетворительномъ состояніи, тѣмъ болѣе что жителямъ приходится косить сѣно, съ опасностію жизни, на вершинахъ горъ и вдоль окраинъ скалистыхъ обрывовъ. Отсутствіе лѣса заставляетъ жителей топить кизякомъ. Словомъ сказать, аварцы народъ очень бѣдный, но храбрый. Все населеніе Аваріи, по исчисленію 1842 года, состояло изъ 53-хъ селеній.

На уступахъ Сулако-Терскаго хребта, т. е. на лѣвой сторонѣ Андійскаго Койсу, поселились общества *Буни*, *Тлохъ*, *Моны*, *Технуцалъ*, *Чамалаль* и *Ункратль* (¹); на правой сторонѣ этой рѣки общества: *Багутли* или *Багуалалъ*, *Калалалъ* или *Карата*, *Тында* (Богосъ) и *Цунта-Ахвахъ*.

Общій характеръ этой мѣстности необыкновенно гористый. Куда ни повернешься, всюду горы: то приходится подыматься по весьма крутой тропинкѣ, то еще круче спускаться внизъ, по крайней мѣрѣ версты на три. Спускаться съ такой крутизны гораздо хуже, чѣмъ подыматься: подъ ноги безпрестанно попадаются острые каменья, которые, выскальзывая изъ подъ ступни, скатываются внизъ и падаютъ въ пропасть; ноги скользятъ, спотыкаются, колѣни дрожатъ...

Голыя скалы кругомъ причиною тому, что каждый клочекъ удобной земли, на какой бы высотѣ онъ ни былъ, не только обработывается туземцами, но часто жители, для орошенія этого клочка, иногда верстъ за пятнадцать проводятъ воду, безъ которой, отъ чрезмѣрныхъ жаровъ, не можетъ ничего вырости.

Къ югу отъ Аваріи, по обѣимъ сторонамъ Аварскаго Койсу, поселились общества *Ратлу-Ахвахъ*, *Кель*, *Гидъ* или *Гидатль*, *Гоэркехъ*, *Тилитль*, *Корода* и *Куяда*, или *Куіалъ*.

Изъ всѣхъ этихъ обществъ гидатлинцы пользуются наибольшими дарами природы. Широкая зеленѣющая деревьями поляна или, лучше сказать, котловина ихъ окружена пологими скатами горъ, у подошвъ которыхъ виднѣются постройки нѣсколькихъ ауловъ, окруженныхъ садами и пашнями. Запертая со всѣхъ сторонъ горами, защищавшими гидатлинцевъ отъ всякихъ непріятельскихъ нападеній, поляна эта была весьма привольна для жизни и служила предметомъ зависти дагестанцевъ и безчисленныхъ разсказовъ объ

(¹) Ункратль составляли общества: Хири, Сильды, Кхида и Иланхеви.

ея плодородіи. Рѣчка Гидъ-оръ, впадающая въ Аварское Койсу, нѣсколькими руслами орошаетъ поляну, раздѣленную каменными оградами на множество мелкихъ участковъ, между которыми вьются бѣлыми лентами дороги и тропинки, усѣянныя камнями. Послѣдніе, увлеченные съ горъ потоками воды, разбросаны по всей котловинѣ. Горцы собираютъ ихъ съ пашенъ и складываютъ стѣною вокругъ своихъ маленькихъ полей.

Не смотря на то, что земля весьма удобна для хлѣбопашества, что даетъ средній урожай самъ-пятъ, гидатлинцы собираютъ съ полей только такое количество хлѣба, что его приходится въ день на каждаго человѣка, нѣсколько менѣе полъ фунта зеренъ, что, конечно, по нашему, недостаточно, тогда какъ горецъ совершенно обезпеченъ. Стада барановъ ихъ также не многочисленны, но за то гидатлинцы славятся рогатымъ скотомъ, обиліемъ молочныхъ скоповъ, сыра и масла, которые вывозятся въ сосѣднія общества и русскія укрѣпленія. Среднимъ числомъ на каждый дворъ приходится около 5 штукъ рогатаго скота и по восьми барановъ.

Жители общества *Кель* славятся приготовленіемъ лучшихъ въ Дагестанѣ шалей (лезгинскихъ суконъ).

— Кто изъ насъ не имѣетъ жены ткачихи, говорятъ кельцы, тому жить трудно.

Для приготовленія такихъ шалей они никогда не спускаютъ своихъ барановъ съ горъ на плоскость и не стригутъ ихъ, а дожидаютъ, пока шерсть не начнетъ спадать сама собою; въ обработку шерсть пускается не мытою, что считаютъ необходимымъ, для полученія шалей хорошаго достоинства. Кромѣ шалей они занимаются приготовленіемъ войлока и шерстяной обуви, скупая для того шерсть, преимущественно въ такихъ обществахъ, гдѣ бараны пасутся въ горахъ и не спускаются на плоскость. Всѣ свои произведенія они сбываютъ въ Кахетіи и даже Тифлисѣ.

Непосредственно къ Даргинскому округу примыкало общество *Андалаль*, жители котораго отличались своею промышленностію и всегда были склонны къ мирнымъ занятіямъ. Садоводство составляетъ одно изъ главныхъ ихъ занятій.

У восточнаго истока Андійскаго Койсу, по сосѣдству съ тушинами, занимающими котловину западнаго истока этой рѣки, поселилось общество *Дидо* или *Цунта*, народъ неуклюжій, грубый и дикій.

Дидойцы сами себя называютъ *цеза*, т. е. орлы, хотя съ виду вовсе не похожи на нихъ. «По виду, говоритъ Н. И. Вороновъ, они гораздо правильнѣе *цунта*, т. е. оборванцы, какъ ихъ и величаютъ не деликатные сосѣди. Но, можетъ быть, орлами они называютъ себя потому, что селенія ихъ, какъ орлиныя гнѣзда, расположены на значительной высотѣ, въ сравненіи съ другими поселеніями дагестанцевъ; ихъ угодья—альпійская, луговая полоса горъ».

Дидойцы живутъ въ котловинѣ, образуемой двумя снѣговыми хребтами,

Хлѣбопашество и скотоводство здѣсь въ самомъ незавидномъ положеніи, хотя почва довольно плодородна и даетъ самъ 15 или 20.

Природа, окружающая дидойцевъ, не такъ сурова и скудна, какъ остальныхъ жителей Дагестана. Здѣсь почти не видно голыхъ скалъ, лишенныхъ совершенно растительности. Правда, мѣстность вся изрѣзана глубокими и тѣсными ущельями, на днѣ которыхъ шумятъ быстрые потоки, подмывающіе мѣстами почернѣвшій снѣгъ прошлогоднихъ обваловъ, но все-таки общій видъ ихъ мягче, чѣмъ многихъ ущелій Дагестана. «Всѣ вершины и скаты горъ покрыты тучными лугами, а ближе къ теченію главныхъ потоковъ произростаютъ хорошіе дровяные лѣса, не рѣдко перемежаясь строевыми деревьями». Во многихъ мѣстахъ виденъ тучный черноземъ и повсюду обиліе влаги. Въ лѣсахъ дидойцевъ много дичи, ягодъ и грибовъ. На большихъ горныхъ пастбищахъ находитъ обильную пищу не только свой скотъ, но и чужія стада, пастьба которыхъ доставляетъ дидойцамъ нѣкоторый доходъ.

Всѣми дарами своей природы туземцы мало или вовсе не пользуются, отчасти отъ того, что суровыя и продолжительныя зимы разобщаютъ ихъ съ остальнымъ міромъ и заносятъ ихъ глубокимъ снѣжнымъ покровомъ, а большею частію отъ лѣни, присущей всѣму горскому населенію Дагестана. Всеобщая лѣнь дѣлала то, что, въ прежнее время, чувствуя постоянно недостатокъ въ хлѣбѣ, дидойцы получали его изъ сосѣдней имъ Кахетіи, но когда имъ былъ загражденъ туда входъ, то они стали получать хлѣбъ изъ враждебныхъ намъ обществъ внутренняго Дагестана. На зиму многіе изъ дидойцевъ перекочевываютъ на плоскость въ Кахетію, вмѣстѣ со стадами, а немногіе бѣдняки переселяются въ лѣса Тушетіи, гдѣ выдѣлываютъ деревянную посуду и продаютъ ее въ Сигнахѣ.

Кавказскій хребетъ, въ направленіи отъ запада къ востоку, образуетъ на сѣверѣ отъ Закаталъ узелъ высокихъ горъ, дающихъ начало множеству рѣкъ и въ числѣ ихъ Кудабъ-Ору или *большой рѣкѣ*. Ущелья и долины Кудабъ-Ора и верховья Аварскаго-Койсу заняты обществами *Антль-Ратля* или *Анкратльскимъ* союзомъ, что собственно значитъ семь земель.

Въ Анкратлѣ считалось девять обществъ: *Джурмутъ* (или Тамараль), *Тхебель* или *Тлодоколо*, *Бохну* (Богнада), *Унхада*, *Анцроссо*, *Ташъ*, *Анцухъ*, *Хуаналъ* или *Капуча* и *Хенада* или *Кенада*.

Земли, занимаемыя Анкратлемъ, находясь на сѣверномъ скатѣ и непосредственно подъ главнымъ кряжемъ, образующимъ восточный Кавказъ, весьма бѣдны ко всякаго рода произрастеніямъ, кромѣ травы. Суровый климатъ доставляетъ возможность сѣять только ячмень и овесъ; пшеница родится лишь въ низменныхъ мѣстахъ. Жители занимаются земледѣліемъ весьма мало, такъ что собственныя поля даютъ имъ средство къ пропитанію не болѣе какъ на три или четыре мѣсяца, а на остальную часть года они покупаютъ хлѣбъ, въ Кахетіи, въ Джарской области и Казикумухѣ, смотря потому, кому гдѣ ближе. Недостатокъ пастбищныхъ мѣстъ дѣлаетъ затруднительнымъ содержа-

ніе большаго количества скота, тѣмъ не менѣе стада барановъ составляютъ главное богатство жителей; рогатаго же скота, лошадей, лошаковъ и ословъ весьма мало.

Общество Анцухъ находится въ глубокихъ ущельяхъ, образуемыхъ скалистыми и высокими отрогами Богозскаго хребта, покрытаго вѣчнымъ снѣгомъ. По двумъ главнымъ ущельямъ текутъ быстрыя и глубокія рѣки, образующія, по сліяніи своемъ, Аварское Койсу: рѣки эти почти непроходимы въ бродъ въ полноводье. Природная преграда эта, въ мнѣніи горцевъ, совершенно недоступна; по этому Анцухъ считался сердцемъ и оплотомъ не только Анкратля, но и всего средняго Дагестана; всѣ доступы въ него защищены были цѣлою системою прочныхъ каменныхъ заваловъ, башенъ и укрѣпленій.

Возлѣ анкратльскаго союза и къ юго-западу, отъ Андаляла, по теченію р. Кара-Койсу, поселились общества *Мукратль*, *Карахъ* и *Тленсерухъ* (Кейсерухъ).

Послѣднее примыкаетъ къ бывшему Казикумухскому ханству, занимающему верховья р. Казикумухскаго-Койсу и самый центръ Дагестана.

Племя, извѣстное у насъ подъ именемъ казикумухцевъ, само себя называетъ *лакъ*, а страну свою *лакралъ-кану*.

Происхожденіе названія казикумуховъ, подъ которымъ *лаки* извѣстны намъ, объясняется довольно правдоподобно тѣмъ, что народъ этотъ принялъ однимъ изъ первыхъ магометанское ученіе и получилъ почетное прозвище *газы*— воюющіе за вѣру. Такъ какъ главнымъ селеніемъ этого народа былъ Кумухъ (Гумукъ), гдѣ имѣлъ пребываніе и ихъ правитель, то изъ соединенія названія этого селенія съ испорченнымъ словомъ *газы* и произошло названіе *кази-кумуховъ*.

Страна лаковъ, состоитъ изъ множества ущелій, соединяющихся въ одно, верстахъ въ трехъ ниже селенія Гумука (Кумуха). Высокій хребетъ, идущій паралельно Главному и во многихъ мѣстахъ покрытый вѣчнымъ снѣгомъ, отдѣляетъ страну лаковъ отъ долины Самура; другіе же хребты, нѣсколько низшіе, отдѣляютъ ее отъ прочихъ сосѣдей — кюринцевъ, даргинцевъ и аварскихъ обществъ.

Высокіе хребты горъ, доступные только въ лѣтніе мѣсяцы, и глубокія ущелья Казикумуха совершенно безлѣсны; удобныя для хлѣбопашества мѣста находятся на днѣ ущелій и частію разбросаны небольшими клочками по уступамъ горъ; садоводство невозможно по суровости климата. На вершинахъ хребтовъ имѣются обширныя лѣтнія пастбища, но значительный недостатокъ въ зимнихъ и невозможность заготовить достаточнаго количества сѣна, лишаютъ возможности казикумухцевъ держать большія стада скота.

Въ итогѣ выходитъ то, что жители этой мѣстности не обезпечены своимъ хлѣбомъ, не имѣютъ скота, и слѣдовательно должны были искать себѣ пропитанія на сторонѣ, среди чужихъ племенъ.

Отъ этого лаки съ давнихъ временъ считались одним изъ самыхъ промышленныхъ племенъ на Кавказѣ.

Первымъ правителемъ казикумухцевъ былъ Шахъ-Балъ, отъ имени котораго и произошелъ, какъ полагаютъ, титулъ Шамхала, имѣвшаго первоначальную свою резиденцію въ сел. Гумукъ (Кумухъ). Впослѣдствіи, когда шамхалы переселились на плоскость, сначала въ Буйнакъ, а потомъ въ Тарки, лаки управлялись вассалами ихъ, носившими титулъ *хохлавчи*.

Одинъ изъ нихъ, современникъ Петра Великаго и Шаха Надира, Чалахъ-Сурхай, послѣ взятія Шемахи, провозгласилъ себя ханомъ, присвоилъ этотъ титулъ себѣ и своимъ потомкамъ, и Казикумухъ, отдѣлившись отъ шамхальства, сталъ независимымъ.

Затѣмъ, изъ разныхъ обществъ, признававшихъ прежде власть шамхала, образовались Даргинскій союзъ (нынѣ округъ), Мехтулинское ханство и вольное Койсубулинское общество.

Даргинскій округъ заключалъ въ себѣ шесть магаловъ: Цудахарскій, Акушинскій, Ушушинскій, Мегекскій, Мекагескій и Ораклинскій. Во всѣхъ магалахъ считалось до 40 селеній.

Даргинскій округъ граничилъ къ сѣверу шамхальскими и мехтулинскими владѣніями; къ западу Кодухскими горами и Турчидагскимъ хребтомъ, далѣе граница его пересѣкала Казикумухское-Койсу у Цудахара, и по хребтамъ праваго берега р. Койсу, подымаясь до селенія Кюлюли, отдѣляла на этомъ пространствѣ округъ отъ Казикумухскаго ханства. Южная граница Даргинскаго округа, слѣдуя по направленію отъ окрестностей Кюлюли къ Кошунъ-Дагу, отдѣляла общество Сюргу отъ Казикумухскаго ханства. Восточная же граница, пролегая отъ Кошунъ-Дага, близъ селеній Уркараха, Икра и Орахлю, отдѣляла округъ отъ Кайтага и прибрежныхъ частей бывшаго Дербентскаго уѣзда.

Населеніе округа принадлежитъ большею частію къ аварскому племени, но говоритъ особымъ языкомъ, между которымъ самымъ чистымъ нарѣчіемъ считается языкъ ораклинскій.

Мехтулинское ханство населено частію кумыками, частію аварцами (лезгинами). Съ сѣвера и востока оно окружено бывшими владѣніями шамхала Тарковскаго, на западѣ граница его идетъ по вершинѣ Кодухскихъ горъ, до урочища Гаркаса. Граница эта отдѣляетъ Мехтулу отъ общества Койсубу. На югѣ Мехтулинское ханство прилегаетъ къ Даргинскому округу.

Даргинскій округъ находился первоначально въ полномъ завѣдываніи и управленіи кадія, а Мехтула во владѣніи хана, но въ 1854 году завѣдываніе Даргинскимъ округомъ было поручено подполковнику (нынѣ генералу) Лазареву, а потомъ его же управленію поручено и Мехтулинское ханство.

Съ отдѣленіемъ нѣсколькихъ обществъ отъ шамхальства и съ образованіемъ ханствъ, Мехтулинскаго и Казикумухскаго, *шамхальство Тарковское* заключилось въ предѣлахъ, ограниченныхъ съ сѣвера низовьемъ Сулака, отъ Шамхалъ-Янгіюрта и до впаденія его въ море; съ востока Каспійскимъ моремъ;

съ юга Даргинскимъ округомъ и Мехтулою, а съ запада Койсубулинскимъ хребтомъ. Шамхальство населено преимущественно кумыками.

Присвоивъ себѣ званіе казикумухскаго хана и отдѣлившись отъ шамхальства, Чалахъ Сурхай подчинилъ своей власти *Кюринское владѣніе*, лежащее смежно съ Казикумухомъ, по лѣвому берегу р. Самура. Кюринская область принадлежала тогда кубинскому хану, который, послѣ смерти Сурхая, опять присоединилъ ее къ себѣ, но впослѣдствіи кубинскій и дербентскій Фетъ-Али-ханъ уступилъ ее снова Хамбугай-хану казикумухскому. До 1839 года, оба ханства, Казикумухское и Кюринское, были соединены подъ управленіемъ одного лица изъ рода казикумухскихъ хановъ, но въ томъ же году генералъ Головинъ раздѣлилъ ихъ на два ханства, вручивъ управленіе ими отдѣльнымъ лицамъ.

Кюринское владѣніе граничило къ сѣверу Кайтагомъ и Вольною Табасаранью; къ востоку Самуромъ; къ югу тою же рѣкою до сел. Гапца, далѣе граница пролегала по хребту лѣваго берега р. Самура, и на этомъ протяженіи отдѣляла владѣніе отъ Самурскаго округа. Къ западу Кюринское владѣніе прилегало къ Казикумухскому ханству.

Самурскій округъ, заключенный между Главнымъ хребтомъ Кавказскихъ горъ и правымъ берегомъ Самура, граничилъ: къ сѣверу Казикумухскимъ ханствомъ и Кюринскимъ владѣніемъ; къ востоку бывшимъ Кубинскимъ ханствомъ, преобразованнымъ впослѣдствіи въ Кубинскій уѣздъ, къ югу Главнымъ Кавказскимъ хребтомъ отъ г. Базаръ-Дюза до г. Салавата; а къ западу горными магалами. Въ прежнее время, Самурскій округъ входилъ въ составъ кубинской провинціи, но въ 1839 году отдѣленъ отъ нея. Въ составъ округа вошли общества Ахты-Паринское, Алты-Паринское, Юхари-Башское и Рутульское.

Кайтахъ, или Кара-кайтахъ состоитъ изъ двухъ частей: *горной*, раздѣляющейся на Вольный и Верхній Кайтахъ, и *нижней*, состоящей изъ Терекеме и Гимри-Озень. По степени покорности, до послѣдняго времени, Кайтахъ, или Кара-Кайтахъ, дѣлился на *совершенно покорный* (¹) (магалы Терекемейскій и Гамринскій или Гамри-Узенскій), *полупокорный* (общества Башлы, Кубечи; магалы: Журкалъ, Кабадарга и 6 деревень: Дурай, Абдашка, Джавры, Итцари, Шари и Сена-Кара), и *непокорный* (магалы: Ганкъ, Мюра, Габши и Урджамиль).

Нижній Кайтахъ граничилъ къ сѣверу съ шамхальскими владѣніями, съ востока Каспійскимъ моремъ, съ юга Табасаранью, а къ западу Даргинскимъ округомъ. *Горный Кайтахъ* граничилъ къ сѣверу участкомъ Терекемейскимъ, съ запада Даргинскимъ округомъ, а къ востоку и югу развалинами древней Дербентской стѣны, отдѣляющей его отъ Табасарани.

Табасарань граничила съ сѣвера Кайтагомъ, съ запада и юга Кюринскимъ владѣніемъ, а къ востоку равниною бывшаго Дербентскаго уѣзда. Табасарань

(¹) Покорность эта выражается въ смыслѣ платежа податей.

дѣлилась на сѣверную и южную, и каждая изъ этихъ частей на *покорную* (раятъ) и *вольную* (узденъ Табасаранъ).

Затѣмъ, на основанiи краткаго обзора горскихъ племенъ А. П. Берже (1), къ лезгинскому (аварскому) племени принадлежатъ общества Сюрга и Кубечи. Впрочемъ принадлежность послѣдняго къ лезгинскимъ племенамъ многими оспаривается (2).

Безплодныя скалы Дагестана заставили аварцевъ искать себѣ пропитанiя внѣ родныхъ ауловъ, и, по народному сказанiю, часть изъ нихъ, въ XVI вѣкѣ, перевалившись на южный склонъ Кавказскихъ горъ, завладѣла силою оружiя землями, принадлежавшими Грузiи. Здѣсь лезгины образовали особый *Джаро-бѣлаканскiй* союзъ, покоренный русскимъ оружiемъ въ началѣ нынѣшняго столѣтiя. Джаро-бѣлаканскiй союзъ ограниченъ былъ съ востока горами Гудуръ и Дагъ-Моуравъ, съ запада р. Алазанью; съ юга Нухинскимъ уѣздомъ, а съ сѣвера р. Картубанъ-Чаемъ.

Такимъ образомъ, большая часть народонаселенiя Дагестана принадлежитъ къ аварскому или лезгинскому племени, населяющему почти всю западную часть его.

Провинцiи, прилегающiя къ Каспiйскому морю, вслѣдствiе долгаго тамъ владычества персiянъ, утратили во многомъ первобытный характеръ, смѣшались съ персiянами и отличаются нѣсколько въ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ отъ жителей горъ. Кромѣ персiянъ, въ Кубинскомъ уѣздѣ и близъ Дербента есть татары, поселившiеся тамъ со времени персидскаго владычества. Въ Кубѣ, Табасарани, Кайтагѣ и Кюринскомъ ханствѣ есть небольшое число евреевъ, живущихъ по деревнямъ и занимающихся отчасти торговлею, отчасти хлѣбопашествомъ.

Самый г. Дербентъ населенъ исключительно персiянами и незначительнымъ числомъ армянъ.

Что касается до языка, то едва-ли найдется такой край, въ которомъ бы, подобно Дагестану, на столь незначительномъ пространствѣ, было бы такое разнообразiе нарѣчiй. Хотя, по новѣйшимъ изслѣдованiямъ генералъ-маiора барона Услара, и видно, что утвердившееся прежде мнѣнiе о существованiи въ Дагестанѣ *горы* языковъ, не имѣютъ никакого основанiя, но, тѣмъ не менѣе, видоизмѣненiе главнаго языка въ его нарѣчiяхъ весьма значительно и разнообразно.

Почти каждое общество, владѣнiе и даже селенiе или аулъ имѣютъ свое нарѣчiе, а нѣкоторые аулы говорятъ даже языкомъ не понятнымъ для сосѣдей. Такъ, напримѣръ, селенiе *Инухъ*, Дидойскаго общества, состоящее только

(1) Кавказскiй Календарь на 1858 годъ. Матерiялы для описанiя Народнаго Дагестана. Его же.

(2) См. „О народѣ кавказскомъ Кубечи". Статья академика Френа Журн. Минис. народ. просвѣщ. 1840 г. т. XXVII.

изъ 30 семействъ, и селеніе *Арчи*, въ 170 дворовъ, находящееся въ Казикумскомъ округѣ, говорятъ каждое на особомъ языкѣ, понятномъ только имъ однимъ. Въ ожиданіи обнародованія лингвистическихъ изслѣдованій П. К. Услара, господствующими языками въ Дагестанѣ слѣдуетъ признать маарульскій (аварскій), лакскій (казикумухскій), андійскій, даргинскій и собственно лезгинскій (кюринскій), съ различными ихъ видоизмѣненіями. Жители Салатау, Гумбета, Койсубу, Аваріи, Технуцала и Ункратля говорятъ однимъ и тѣмъ же маарульскимъ языкомъ. Въ Анцухѣ языкъ уже значительно отступаетъ отъ хунзахскаго (маарульскаго). Анцухскимъ нарѣчіемъ говорятъ въ Гидатлѣ и Карагѣ. Вліяніе анцухскаго нарѣчія видно въ языкѣ, на которомъ говорятъ въ Тилитлѣ и въ аулахъ Чохъ и Руджа. Подвигаясь далѣе на югъ, жители Джурмута, джаро-бѣлаканцы говорятъ языкомъ понятнымъ анцухцамъ, Такъ что, по изслѣдованію барона Услара, для аварскаго языка можно принять два главныхъ нарѣчія: хунзахское и анцухское.

Такое разнообразіе нарѣчій и раздѣльность обществъ Дагестана (1) заставляли меня, въ ожиданіи обнародованія научныхъ изслѣдованій о принадлежности каждаго общества къ извѣстной народности, назвать ихъ общимъ именемъ *дагестанскихъ горцевъ*. Названіе это кажется тѣмъ болѣе возможнымъ, что всѣ они живутъ одною жизнію, имѣютъ одни нравы и обычаи.

Указавъ мѣсто, занимаемое каждымъ изъ наиболѣе значительныхъ поколѣній, на которыя развѣтвляется Дагестанское населеніе, я долженъ сознаться, что свѣдѣнія относительно вольныхъ обществъ и обществъ бывшихъ подъ властью Шамиля, за недостаткомъ положительныхъ данныхъ, далеко не полны (2), и границы ихъ обозначены не точно.

Сами дагестанскіе горцы не могутъ опредѣлить положительной границы между племенами и обществами, и никто прежде не зналъ съ достовѣрностію, гдѣ кончаются владѣнія одного общества и начинаются другаго, потому что не находилось охотниковъ спорить за голыя безплодныя скалы и за хребты горъ, пересѣкающіе ихъ владѣнія по всѣмъ направленіямъ. Камни же, на которыхъ можетъ держаться земля для посѣвовъ, или лоскутъ лужайки, поросшей травой, были причиною нескончаемыхъ споровъ и даже убійствъ.

Недостатокъ пахатныхъ земель такъ великъ, что далъ происхожденіе анекдоту, существующему въ устахъ народа.

Одинъ трудолюбивый горецъ, желая выиграть время и скорѣе кончить работу, съ вечера отправился въ поле съ двумя быками и сохою, куда и при-

---

(1) Въ настоящее время принадлежность обществъ къ извѣстному племени можно назвать гадательною, и нѣтъ сомнѣнія, что приведенная мною этнографія племенъ, послѣ точныхъ, научныхъ изслѣдованій, окажется не совсѣмъ вѣрною.

(2) Пополненіе этого пробѣла, сколько мнѣ извѣстно, будетъ сдѣлано трудами Г. М. барона Услара и начальника Дагестанской области А. В. Комарова. Труды эти, какъ основанныя на научныхъ данныхъ, совершенно освѣтятъ этнографію дагестанскаго населенія.

былъ ночью. Раскинувъ бурку на землѣ, онъ улегся и заснулъ крѣпкимъ сномъ. На утро онъ легко нашелъ свою соху и быковъ, но, при самомъ тщательномъ осмотрѣ мѣстности, не могъ отыскать принадлежавшей ему земли.

Раздосадованный тщетными поисками, горецъ рѣшился ѣхать обратно въ аулъ, и когда, съ азартомъ и бранью, поднялъ съ земли бурку, тогда только замѣтилъ, что она-то именно и прикрывала его пахатное мѣсто.

Вообще всѣ земли у горцевъ дѣлились на общественныя и частныя; къ первымъ принадлежали пастбищныя горы, выгоны и лѣса, а ко вторымъ очищенные изъ подъ лѣса участки, которые переходили наслѣдственно.

Лѣсъ составляетъ рѣдкость въ горахъ Дагестана и крайне бережется жителями. Въ Нагорномъ Дагестанѣ лѣсъ находится въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ и часто, на огромномъ протяженіи, нѣтъ ни одного кустарника.

Какъ драгоцѣненъ лѣсъ, можно судить изъ того, что въ Аваріи однимъ изъ жестокихъ наказаній было раззореніе нѣсколькихъ комнатъ у провинившагося. Хотя дома тамъ всѣ каменные, но лѣсъ необходимъ для балокъ, настилки потолка и для дверей, и обыкновенно проходилъ годъ, два и даже нѣсколько лѣтъ, пока раззоренный соберется со средствами, чтобы отстроить свой домъ. Вотъ причина, по которой въ Дагестанѣ раззореніе нашими войсками селеній составляло существенное наказаніе для жителей.

Сложенные изъ бревенъ и камня и охваченные огнемъ, дагестанскіе дома превращаются въ груды мусора, который несравненно труднѣе и убыточнѣе разобрать и употребить на постройку сакли, чѣмъ заготовить новый матеріалъ. Съ раззореніемъ дома, горецъ становился нищимъ въ полномъ значеніи этого слова.

Лѣса, состоящіе преимущественно изъ сосны и березы, растутъ на крутыхъ и высокихъ скалахъ, пересѣкаемыхъ глубокими ущельями, словомъ сказать, въ такихъ трущобахъ, изъ которыхъ добываніе его крайне затруднительно, часто сопряжено съ опасностями жизни, а зимою и положительно невозможно. Лѣсъ растетъ на такихъ мѣстахъ, что врядъ-ли когда-нибудь будетъ возможно имъ пользоваться.

Туземцы все отопленіе и пищевареніе производятъ кизякомъ, но во многихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Аваріи, жители не обезпечены и этимъ, по незначительности скотоводства. Тамъ рѣдкій хозяинъ имѣетъ болѣе шести штукъ рогатаго скота и, по необходимости, долженъ весь pометъ употреблять на удобреніе земли, потому что, въ противномъ случаѣ, останется безъ хлѣба. «Для согрѣванія себя въ зимнее время, говоритъ Окольничій, жители возвышенныхъ и безлѣсныхъ мѣстъ употребляютъ саманъ (рубленую солому), вотъ какимъ образомъ: цѣлыми семействами они садятся вокругъ каминовъ, одинъ изъ нихъ держитъ корзину съ саманомъ и одною рукою подбрасываетъ его въ огонь, а другою поспѣшно подгребаетъ, и такимъ образомъ поддерживается теплота. Для печенія чуреков и варки пищи, употребляются стебли фасоли и бобовъ, тщательно сохраняемые на зиму».

Хлѣбопашество отъ постоянныхъ вторженій непріятеля и неимѣнія удобной земли находится въ весьма плачевномъ положеніи. Произрастаніе хлѣбовъ и травъ удовлетворительно только на низменностяхъ, въ ущельяхъ и на покатостяхъ горъ, обращенныхъ къ сѣверу; южные склоны песчаны и не плодородны. Скалистая природа причиною того, что во многихъ мѣстахъ горцамъ приходится присыпать земляныя площадки и обработывать ихъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земли не достаетъ даже и на то, чтобы присыпать такую площадку, и тогда туземцы присыпаютъ землю, смѣшанную съ камнемъ. Присыпка эта производится такъ: паралельно къ отлогой горѣ, выстраивается, по возможности длинная, каменная стѣна на глинѣ, вышиною отъ 1 до 2 саж., а шириною въ полъ-сажени. Пространство между стѣною и отлогостію горы засыпается землею, взятою съ той же горы и утрамбованною; она-то и составляетъ площадь или пахатное поле горца. Нѣсколько такихъ площадокъ, устроенныхъ на одной и той же горѣ, уступами въ видѣ лѣстницы, орошаются весьма искусно водою, проводимою вверхъ изъ рѣкъ и родниковъ, и даютъ довольно сносный урожай.

Не смотря на всѣ эти невыгоды, жадный, скупой и мало ѣдящій горецъ, собираетъ съ своихъ нивъ столько хлѣба, что, за прокормленіемъ семейства, удѣляетъ часть его на продажу. Вообще же, при умѣренности въ пищѣ, земледѣліе, при обыкновенномъ урожаѣ, удовлетворяетъ мѣстнымъ потребностямъ. Хлѣбъ зрѣетъ не въ одно и то же время, что зависитъ отъ мѣстности; чѣмъ ниже, тѣмъ ранѣе онъ поспѣваетъ, чѣмъ выше—тѣмъ позже.

Послѣ удобренія земли навозомъ, бросаютъ зерна на не вспаханное поле, а потомъ уже пашутъ одною или двумя парами быковъ. За неимѣніемъ боронъ, женщины, слѣдуя за сохою, разбиваютъ груды земли обухомъ топора или кирки. Сѣютъ больше ячмень, кукурузу и очень мало пшеницы и овса; гдѣ нѣтъ удобной земли для кукурузы, тамъ сѣютъ бобы. Ленъ и конопля сѣется въ весьма незначительномъ количествѣ, и то только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, собственно для сбора сѣмянъ, изъ которыхъ приготовляется медовое варенье (урбечь), по понятію народа, полезное для груди.

«Сжатый хлѣбъ оставляютъ на нѣкоторое время въ копнахъ и послѣ перевозятъ его на арбахъ или вьюкахъ на гумно. Гумно устраивается обыкновенно около деревни. Перевезенный на гумно хлѣбъ складывается въ огромныя скирды и молотится въ продолженіе осени (¹). Молотятъ на открытомъ воздухѣ, посредствомъ двухъ широкихъ, сколоченныхъ между собою досокъ. Доски эти имѣютъ видъ санныхъ полозьевъ, а на нижней ихъ сторонѣ сдѣлано множество дырочекъ, въ которыя вбиваются небольшіе острые камни. Сверху досокъ, для большаго давленія на колосья, кладется большой камень. При такой молотьбѣ, солома раздробляется на мелкія части: это и есть *саманъ*».

(¹) Дидойцы складываютъ свой хлѣбъ на крышахъ сакли, гдѣ и вымолачиваютъ.

Скотоводство также находится въ неудовлетворительномъ положеніи. Рогатый скотъ мелкій и худой. Хозяинъ не заботится объ уходѣ за нимъ, и совершенно равнодушно смотритъ, какъ его скотъ худѣетъ и едва волочитъ ноги. Горецъ держитъ его только для обработыванія земли и перевозки тяжестей на арбахъ. Пока есть саманъ, онъ даетъ его скоту, но и то только въ такомъ количествѣ, чтобы онъ не палъ съ голоду, а затѣмъ, когда запасъ истощится, то пускаетъ его по двору или выгоняетъ въ поле, предоставляя самимъ животнымъ отыскивать себѣ пропитаніе подъ снѣгомъ. Въ первомъ случаѣ, ходя по двору, скотъ подбираетъ съ голоду навозъ и питается имъ, а во второмъ—подбираетъ сухіе листья, да пережевываетъ молодыя древесныя вѣтви, которыя срубаетъ имъ пастухъ, взлѣзши на дерево.

Овецъ держутъ въ значительномъ количествѣ большею частію только богатые, а бѣдные имѣютъ по нѣскольку штукъ и круглый годъ содержатъ на подножномъ корму, подъ надзоромъ пастуховъ, нанятыхъ цѣлымъ ауломъ. Жители, занимающіеся овцеводствомъ, при перегонѣ своихъ стадъ черезъ дороги, прилегающія къ чужимъ покосамъ или пастбищамъ, плотятъ владѣльцамъ ихъ, за прогонъ и ночлегъ, нѣкоторую дань: баранами, ягнятами, масломъ или сыромъ. Въ нѣкоторыхъ обществахъ, подобная же плата взимается и за перегоны стадъ черезъ мосты.

Лошади мелки, не красивы, но сносны въ ѣздѣ; ихъ держитъ не всякій. Лошадей кормятъ ячменемъ, сѣномъ и саманомъ, часто запаливаютъ и опаливаютъ; почти всѣ они тронуты на ноги, отъ бѣшаной скачки и джигитовки, любимой горцами. Для перевозки тяжестей на вьюкахъ по горамъ, держатъ эшаковъ или мелкихъ ословъ, которые поднимаютъ отъ 3 до 5 пудъ груза. Эшакъ чрезвычайно сносливъ, хозяинъ почти его не кормитъ въ теченіе цѣлаго года, и онъ самъ себѣ отыскиваетъ пищу и въ навозѣ, и подъ снѣгомъ. Относительно разведенія домашнихъ птицъ, горцы были стѣснены муллами, дозволявшими содержать въ каждомъ домѣ только по одному пѣтуху и по одной курицѣ; у кого оказывалось ихъ болѣе, съ того взыскивался штрафъ. Нѣкоторые, но очень немногіе, держатъ пчелъ. Огородныхъ овощей сѣютъ мало и преимущественно огурцы, дыни, арбузы, тыкву, морковь, лукъ, чеснокъ, бобы и фасоль. Въ Аваріи разводится въ большомъ изобиліи лукъ и чеснокъ, которые и развозятся почти по всему Дагестану. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Дагестана жители занимаются садоводствомъ, и въ садахъ встрѣчаются яблоки, груши, сливы, виноградъ, персики, абрикосы, черешни, грецкіе орѣхи, инджирь и миндаль. Плоды эти большею частію потребляются на мѣстѣ, или продаются и вымѣниваются на другія произведенія земли, въ ближайшихъ городахъ, или же на издѣлія жителей тѣхъ селеній, которыя не занимаются садоводствомъ.

Изъ остающагося отъ продажи винограда жители приготовляютъ довольно хмѣльной напитокъ, называемый *джаба*, и массу, похожую на медъ—*душабъ*, который употребляется въ пищу и питье; разведенный въ водѣ, онъ полу-

чаетъ названіе *щербета*. Лучшій по достоинству виноградъ растетъ въ селеніяхъ Гимрахъ и Могохѣ.

Виноградные сады вообще составляютъ рѣдкость, и такъ какъ жители обносятъ ихъ низкою стѣною и самые сады располагаются смежно другъ съ другомъ, то въ народѣ существуетъ обычай, по которому никто не имѣетъ права собирать виноградъ въ своемъ саду ранѣе установленнаго срока. Съ наступленіемъ такого времени сходятся всѣ почетные жители аула, обходятъ сады и потомъ разрѣшаютъ сборъ винограда. Тотъ, кто дозволилъ себѣ ѣсть виноградъ изъ собственнаго сада ранѣе разрѣшенія, подвергается довольно строгому наказанію или денежному штрафу, а въ прежнее время сажался въ яму.

Во многихъ мѣстахъ листья свѣжаго винограда употребляются въ пищу, «въ нихъ завертываются клёцки изъ сарачинскаго пшена и варятся въ подливкѣ, составленной изъ воды, съ примѣсью необходимой пропорціи курдючнаго сала и чесноку».

Горцы упорны ко всякаго рода нововведеніямъ и, на предложеніе завести то или другое, отговариваются всегда двумя словами *адатъ-іокъ*—у насъ не въ обычаѣ. Въ этомъ послѣднемъ отвѣтѣ можно обвинять цѣлое общество, но никакъ не отдѣльныхъ лицъ. По установившимся обычаямъ, горецъ можетъ начать обработку земли только тогда, когда рѣшитъ общество, можетъ пахать, послѣ совѣта старшинъ, которые рѣшаютъ, настало ли для того время или нѣтъ. Начавшій косить траву ранѣе другихъ и не въ установленное время подвергается или шрафу, или порицанію отъ общества. Въ народѣ не развитомъ, стоящемъ на низкой степени образованія, странно было бы требовать, чтобы единичныя личности пренебрегали имѣніемъ общества и установившимися обычаями. Въ такомъ обществѣ каждый отдѣльный членъ его всегда скажетъ, «*что одинъ въ полѣ—не воинъ*».

Мастеровыхъ между жителями очень мало; каждый самъ строитъ себѣ домъ и самъ дѣлаетъ арбу. Есть, впрочемъ, нѣкоторые аулы, которые славятся особою какою нибудь спеціальною производительностію. Такъ, тилитлинцы хорошіе каменьщики, а еще лучшіе воры.

— Мы хорошіе каменьщики, говорятъ они про себя; при Шамилѣ, мы отстраивали разоренные русскими аулы... Воровста у насъ очень, очень много.

Ближайшіе ихъ сосѣди, куядинцы, занимаются кузнечествомъ и плотничествомъ; кородинцы лучшіе въ Дагестанѣ кожевники; гоготлинцы серебряники и садоводы.

Жители селеній Araканы и Унцукуль, Гунибскаго округа, славятся выдѣлкою холоднаго оружія и деревянныхъ трубокъ, украшенныхъ металлическою насѣчкою; селенія Чохъ и Сугратль—серебряными вещами и оправою оружія въ серебро съ чернедью. Сугратлинцы особенно извѣстны своими промышленными наклонностями; у нихъ много скота и барановъ, ихъ бараны славятся въ Дагестанѣ. Многіе изъ сугратлинцевъ ходятъ на заработки и занимаются

различнаго рода промышленностію. «Въ Среднемъ Дагестанѣ, говоритъ г. Н. И. Вороновъ, Сугратль это своего рода Парижъ».

За тѣмъ изъ прочихъ жителей Дагестана занимаются: въ селеніи Салты, выдѣлкою кожъ; селеніе Ругжа—выдѣлкою арчаковъ; андійцы—изготовленіемъ бурокъ, въ Аваріи селеніе Боголяль—выдѣлкою мягкихъ азіятскихъ суконъ, цѣна которыхъ доходитъ до 10 руб. за аршинъ. Въ Самурскомъ округѣ есть также много селеній, которыя славятся отдѣлкою оружія серебромъ къ чернядью. При этомъ необходимо однакоже замѣтить, что промышленность эта славится только въ горахъ, но не получила удовлетворительнаго развитія въ смыслѣ европейскомъ. Торговля всѣми этими произведеніями производится преимущественно мѣновая и находилась, до послѣдняго времени, въ Дагестанѣ въ рукахъ евреевъ живущихъ въ Мехтулинскомъ ханствѣ и шамхальствѣ, а у лезгинъ Закатальскаго округа въ рукахъ армянъ, скупавшихъ шелкъ, орѣхи, каштаны, орѣховый наплывъ, овечью шерсть, пшеницу, ячмень и воскъ.

Ежегодно подобные торговцы расходились по ауламъ съ краснымъ товаромъ или развозили каменную посуду, приготовляемую въ нѣкоторыхъ аулахъ. За посуду горцы денегъ не платили, а насыпали столько зеренъ, сколько войдетъ; зерна поступали продавцу, а кувшинъ покупателю.

Примѣръ и выгоды отъ подобнаго промысла заставляютъ въ настоящее время и нѣкоторыхъ туземцевъ взяться за то же дѣло, оставивъ свой взглядъ на занятіе торговлею, какъ на дѣло постыдное. Такія лица отправляются въ Кубу, Дербентъ, Шемаху и привозятъ оттуда: ситецъ, платки, папку, бязь, бумажныя одѣяла и прочее и продаютъ ихъ односельцамъ, получая за то прибыли около 25% (1). Въ настоящее время правительство принимаетъ мѣры къ заведенію въ разныхъ мѣстахъ базаровъ.

Торговая и промышленная предпріимчивость особенно развита между казикумухцами (лаками), значительное число которыхъ отправляются на заработки въ Бакинскую губернію, Закатальскій округъ, на Терекъ и даже въ Оренбургскій край. Въ видѣ мелкихъ ремесленниковъ они бродятъ повсюду.

— Подними любой камень, найдешь подъ нимъ лака (казикумухца), говорятъ дагестанцы.

Непріязнь свою къ лакамъ сосѣди выражали поговоркой: «если не застанешь лака, то поколоти мѣсто гдѣ онъ сидѣлъ».

Главное селеніе лаковъ Кумухъ (Гумукъ), славится своими базарами и носитъ въ народѣ громкое названіе *шагаръ* — городъ. На чужбинѣ лаки занимаются мелочною торговлею или мастерствами оружейниковъ, серебряниковъ,

(1) Изъ путешествія по Дагестану Н. Воронова Сборн. Свѣд. о кавк. горцахъ выпус. I и III. Четыре мѣсяца въ Дагестанѣ Н. Вутетича. Кавк. 1854 г. № 77. Изъ Нагорнаго Дагестана Кавк. 1860 г. № 29. Укрѣпленіе Ули-Кала П. Пржецлавскаго. Кавк. 1860 г. № 27. Замѣтки о домашнемъ бытѣ дагестанскихъ горцевъ Н. Абельдяева Кавк. 1857 г. № 51. Закатальс. округъ Пасербскаго. Кавк. 1864 г. № 61. Дагестанъ, его нравы и обычаи П. Прежацлавскій Вѣстн. Европ. 1867 г. т. III. Дагестанъ Буткова (рукопись).

мѣдниковъ и лудильщиковъ. «Безъ сомнѣнія, къ такой значительной ежегодной отлучкѣ лаковъ съ мѣста родины побуждаетъ скудная природа Кази-кумухскаго округа, покрытаго во всѣхъ направленіяхъ кремнистыми горами, безлѣсными и весьма трудно воздѣлываемыми подъ пашни». Только одно овцеводство и составляетъ нѣкоторое богатство жителей.

II.

Религія дагестанскихъ горцевъ.—Религіозный фанатизмъ.—Колдуньи, знахари и знахарки.—Суевѣріе. — Праздники, праздничные обычаи и суевѣрные обряды.

Всѣ дагестанцы, за немногими исключеніями, магометане-сунниты, но въ двѣнадцати верстахъ отъ селенія Ахты находится селеніе Мескенджи, населенное магометанами-шіитами. Въ началѣ существовала довольно сильная вражда между двумя этими селеніями, доходившая до употребленія оружія и кровопролитія. Послѣ значительной потери, оба селенія, имѣя равныя силы, заключили между собою условіе и поклялись ненавидѣть другъ друга въ душѣ, но никогда не ссориться между собою. Условіе это соблюдается не только свято между жителями обоихъ селеній, но даже ахтинцы не позволяютъ сосѣдямъ обижать мескенджинцевъ и обратно.

Среди джаро-бѣлаканскихъ лезгинъ исповѣдуютъ христіанскую религію ингилойцы, принадлежащіе къ грузинской народности, но порабощенные лезгинами при водвореніи послѣднихъ на земляхъ, нѣкогда принадлежавшихъ Грузіи. Хотя нѣкоторые изъ ингилойцевъ и вынуждены были принять исламъ, но за то многіе, въ теченіе трехъ столѣтій, не забыли вѣры предковъ. Они соблюдали посты; въ установленные дни молились въ стѣнахъ старыхъ церквей, хранили у себя, какъ святыню, евангеліе, часы, чаши и прочіе священные предметы и, для совершенія разныхъ требъ, тайно приглашали къ себѣ грузинскихъ священниковъ изъ ближайшаго Сигнахскаго уѣзда.

Переодѣвшись въ лезгинскій костюмъ, пробирались по ночамъ пастыри церкви въ дома ингилойцевъ, гдѣ крестили ихъ дѣтей и совершали другія таинства.

Нѣкоторые изъ ингилойцевъ, болѣе приверженные къ христіанской религіи, подъ предлогомъ торговли ѣздили въ Кахетію, чтобы тамъ праздновать годовые праздники, но должны были это дѣлать съ величайшею осторожностію. Когда, 6-го января 1830 года, въ крѣпости Новыхъ-Закаталахъ, было совершено въ первый разъ водоосвященіе въ резервуарѣ, въ которомъ

была устроена іордань, то собралось очень много ингилойцевъ, оставшихся вѣрными христіанской религіи, и радости которыхъ не было предѣловъ.

Гнетъ господствующаго населенія надъ ингилойцами былъ однакоже такъ силенъ, что большинство упало въ нравственномъ отношеніи весьма низко. Воровство, разбой и даже убійства встрѣчаются между ингилойцами весьма часто. У нихъ существуетъ обычай, по которому какъ христіане, такъ и мусульмане не отдаютъ своихъ дочерей замужъ въ другую деревню. Отъ этого у ингилойцевъ встрѣчается частое кровосмѣшеніе. Дѣвушка, желая выйдти замужъ и справляясь о хорошихъ качествахъ своего жениха, прежде всего спрашиваетъ: искусенъ-ли онъ въ воровствѣ? Положительный отвѣтъ дѣлаетъ ее совершенно довольною и счастливою (¹).

Тѣ изъ ингилойцевъ, которые приняли магометанство, сдѣлались преданными своей религіи до фанатизма и придерживаются исламу гораздо строже, чѣмъ природные лезгины.

Магометане-сунниты обязаны производить въ сутки пять установленныхъ кораномъ *фарсъ-намазовъ* въ слѣдующемъ порядкѣ: съ разсвѣтомъ дня, между утренней зарей и восходомъ солнца. совершается утренняя молитва и омовеніе—*сабахъ-намазъ*, а по аварски *ругалиль-какъ* (*какъ* значитъ молитва); въ полдень—*тушъ-намазъ*, а по аварски *кады-какъ*. Молитва эта творится тогда, когда солнце стоитъ надъ домомъ Божіимъ въ Меккѣ, а это бываетъ какъ разъ въ полдень. Для повѣрки полдня магометане втыкаютъ вертикально въ землю палку, и если тѣнь ея ровна палкѣ, то, значитъ, время совершать *тушъ-намазъ*. Когда тѣнь достигнетъ до двойной величины палки, что бываетъ передъ заходомъ солнца, тогда магометане совершаютъ послѣ-полуденную молитву—*экимджи-намазъ*, по аварски *баканы-какъ*; въ сумерки, когда на горизонтѣ совершенно изчезнутъ лучи солнца, совершается четвертая вечерняя молитва — *ахшамъ-намазъ*, по аварски *маркачу-какъ*, и, наконецъ, когда совершенно стемнѣетъ, тогда совершается пятая и послѣдняя молитва—*яссы-намазъ*, или, по аварски, *боголиль-какъ*.

На основаніи корана, мусульманинъ долженъ всегда молиться, обращаясь лицомъ къ *Каабѣ* (Меккѣ), и передъ молитвою обязанъ совершить омовеніе семи членовъ своего тѣла: двѣ руки, двѣ ноги, лицо, голову и проч. Впрочемъ, совершивъ однажды омовеніе, онъ можетъ соблюсти для послѣдующихъ намазовъ *достомазъ*, т. е. чистоту къ молитвѣ. Такая чистота можетъ быть сохранена только тогда, когда мусульманинъ избѣгнетъ прикосновенія къ женщинѣ и нечистымъ животнымъ: собакѣ и свиньѣ. Точно такъ же должно сохранять чистоту въ платьѣ: облитое виномъ, оскверненное прикосновеніемъ собаки или свиньи, одно должно быть вымыто семь разъ сряду. Во время

(¹) Отчетъ общества востановл. христіан. за 1866 годъ. Закатальскій округъ А. Посербскаго. Кавк. 1864 г. № 61. Картины Кавказскаго края Зубова ч. III. Поѣздка въ Джарскую и Бѣлаканскую области. Тифлис. вѣд. 1830 г. № 82.

молитвы мужчины снимаютъ съ себя обувь, а женщины и шальвары. При молитвѣ дома кладется подъ ноги коврикъ, называемый *намазлыкъ*, а въ дорогѣ его замѣняетъ черкеска или архалукъ; впрочемъ въ постилкѣ нѣтъ надобности, если правовѣрный найдетъ, подлѣ рѣки или родника, камень съ плоскою поверхностію.

Гдѣ бы мусульманинъ ни былъ, чтобы онъ ни дѣлалъ, онъ долженъ, съ наступленіемъ времени намаза, оставить все и, избравъ удобное мѣсто, гдѣ-нибудь возлѣ рѣки, совершить сначала омовеніе, а потомъ прочесть молитвы. Совершивъ омовеніе, онъ снимаетъ съ себя обувь и верхнюю одежду, разстилаетъ ее, и, обратясь лицомъ къ гробу Магомета, читаетъ молитвы и дѣлаетъ установленные поклоны. Въ томъ случаѣ, если, съ наступленіемъ времени намаза, путешественникъ находится вдали рѣки или родника, тогда онъ можетъ совершить *теемумъ-намазъ*, въ которомъ вода замѣняется пескомъ. Пропустить утренній намазъ считается большимъ грѣхомъ, такъ что подобный человѣкъ долженъ отмаливаться въ слѣдующіе намазы или, какъ говорятъ аварцы, *какъ-бицызи*, т. е. долженъ наверстать молитву. Изъ всѣхъ пяти намазовъ только полуденный намазъ не считается обязательнымъ для каждаго правовѣрнаго.

Мусульманину, ѣдущему на войну противъ невѣрныхъ или находящемуся въ пути болѣе двухъ сутокъ по своимъ дѣламъ, дозволяется не производить намаза, потому что онъ совершаетъ *сафаръ-халяль* — богоугодное путешествіе; всякое же исполненіе порученія невѣрныхъ называется *сафаръ-массіятъ* — богопротивное путешествіе, и такой путешественникъ не освобождается отъ намазовъ.

Во время намаза правовѣрный читаетъ сначала молитву *Альхамъ*, произносимую стоя на ногахъ.

— Во имя Бога милосерднаго и милостиваго! произноситъ онъ. Хвала будь Богу, Господу всѣхъ тварей, царю въ день судный, дѣлающему добро на землѣ всѣмъ и на томъ свѣтѣ имѣющему воздать достойное по заслугамъ каждаго! Тебѣ мы служимъ, отъ тебя помощи просимъ, настави насъ на путь истинный, на путь благоугодный передъ тобою, отклони отъ насъ путь, навлекающій на насъ гнѣвъ твой. Аминь!

Затѣмъ онъ становится на колѣни и произноситъ молитву *атахъ-ятуль*— собственно цитированіе разговора Магомета съ Господомъ и ангелами, во время бытности пророка на седьмомъ небѣ у престола Всевышняго Творца.

Магометъ. Почетъ, благодать, благочестіе, благополучіе Богу!

Богъ. Привѣтствую! Это пророкъ—благодать моя Тебѣ и почетъ!

Магометъ. Привѣтъ намъ и всѣмъ благочестивымъ людямъ!

Ангелы. Заявляемъ: что нѣтъ Бога кромѣ Бога! еще заявляемъ, что Магометъ—его пророкъ!

Прибавленіе молящагося. Просимъ у Бога милости для Магомета и его потомства!

Основываясь на изреченіи корана, что у всякаго человѣка ангелы, безпрестанно смѣняясь, помѣщаются передъ нимъ и позади его, и что они, по повелѣнію Бога, наблюдаютъ за нимъ—мусульманинъ, по окончаніи второй молитвы, поворачиваетъ свою голову къ правому и лѣвому плечамъ:

— Привѣтъ и благодать вамъ Божія! (Асалямъ алейкюмъ, ва рахматулла!) говоритъ онъ, сидящимъ будто бы на его плечахъ, ангеламъ и записывающимъ въ книги всѣ его дѣла, дурныя и хорошія, для предъявленія ихъ на страшномъ судѣ.

Какъ обязательно для каждаго мусульманина совершать намазы, точно также необходимо исполнять три такъ называемыхъ годовыхъ намаза: каждую пятницу—*джумма-намазъ*; по окончаніи поста—*Рамазанъ-байрамъ-намазъ* и въ праздникъ жертвоприношенія—*курбанъ-байрамъ-намазъ*.

Кромѣ того, по уставу магометанской религіи, существуютъ еще случайные намазы, какъ, напримѣръ, при затмѣніяхъ солнца и луны, и *намазы-суннетъ*—не обязательные намазы, исполненіе которыхъ считается дѣломъ богоугоднымъ, но не исполняющій ихъ не грѣшитъ передъ уставами своей религіи. Перечисляя всѣ намазы, г. Пржецлавскій насчитываетъ ихъ въ сутки болѣе 34 съ 78 поклонами.

Дагестанцы не слѣдуютъ строго этому правилу и молятся или совершаютъ намазъ только потому, что за этимъ слѣдятъ дибиры, и при Шамилѣ виновные въ неисполненіи установленій религіи подвергались заключенію въ яму, а иногда осуждались и на смертную казнь, потому что блюстители религіозныхъ обрядовъ, основываясь на постановленіи корана и шаріата, признавали такихъ лицъ отступниками отъ религіи или гяурами.

Не смотря на такую строгость, для большей части горцевъ совершать намазъ все равно, что отбывать общественную повинность.

Зная только наружные обряды своей религіи, по правиламъ которой каждый обязанъ быть въ день нѣсколько разъ въ мечети, горцы часто, сидя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, лѣнятся встать съ мѣста и не обращаютъ никакого вниманія на крикъ муллы или будуна (¹), возвѣщающаго о наступленіи времени молитвы.

Религія запрещаетъ имъ пьянство, а между тѣмъ оно развито у горцевъ до чрезвычайности; только одна бѣдность удерживаетъ ихъ отъ преданія себя вполнѣ этому пороку. Правда, руководствуясь уставомъ своей религіи, они не употребляютъ виноградняго вина, но за то не отказываются отъ водки и часто заходятъ въ *духаны* (кабаки, мелочныя лавочки), которыя появились теперь въ каждомъ аулѣ, и торгуютъ исключительно водкою.

Правовѣрные говорятъ, что Магометъ запретилъ виноградное вино только потому, что оно не очищено огнемъ, и что тогда не умѣли дѣлать *хлѣбнаго*,

---

(¹) Будунъ—помощникъ муллы или кадія, завѣдующій хозяйственною частію мечети.

употребленіе котораго они, не считая дѣломъ грѣховнымъ, находятъ весьма пріятнымъ.

Такое противорѣчіе въ религіозномъ вѣрованіи встрѣчается на каждомъ шагу. Изъ религіознаго фанатизма горецъ считаетъ непремѣнною обязанностію, въ теченіе своей жизни, хоть разъ побывать въ Меккѣ у гроба Магомета, но въ то же время не стѣснится толковать коранъ совершенно въ противную сторону, если въ такомъ толкованіи видитъ свою пользу. Духовенство, обязанное слѣдить за чистотою религіи, быть примѣромъ и образцемъ для народа, поступаетъ точно также.

Одинъ кадій, страстный охотникъ до чаю, бывая часто у русскихъ чиновниковъ, выпивалъ безчисленное множество стакановъ, за что и заслужилъ упреки и замѣчанія отъ своихъ единовѣрцевъ, строгихъ мусульманъ.

— Въ книгахъ пророка сказано, отвѣчалъ на упреки обвиняемый, что на обязанности каждаго правовѣрнаго лежитъ долгъ наносить сколь возможно болѣе вреда невѣрнымъ гяурамъ. Я исполняю свято этотъ завѣтъ, ибо выпиваю сколько можно болѣе чаю и накладываю сахару по нѣскольку кусковъ въ стаканъ, и тѣмъ приношу ущербъ хозяину, который меня поитъ, думая этимъ сдѣлать меня своимъ другомъ.

Говоря и поступая такимъ образомъ, этотъ же самый кадій, если только онъ побывалъ въ Меккѣ, будетъ относиться съ презрѣніемъ къ человѣку, не посѣтившему гроба Магомета, но строго исполняющему всѣ обряды религіи и чистоту вѣрованія.

Побывавшій и поклонившійся гробу Магомета получаетъ названіе хаджи (*аджія*), пользуется почетомъ и уваженіемъ, какъ совершившій богоугодное дѣло и дѣйствительно трудное путешествіе. Послѣднее предпринимается съ нѣкоторою церемоніею.

Передъ отъѣздомъ отправляющійся дѣлаетъ прощальный обѣдъ родственникамъ и знакомымъ, на которомъ проситъ простить ему всѣ обиды и молить за него Бога. Гости, въ свою очередь, просятъ его помолиться за нихъ у гроба Магомета. Въ пятницу назначается обыкновенно отъѣздъ и тогда всѣ собираются въ мечеть. По окончаніи службы, ѣдущій опять проситъ у всѣхъ присутствующихъ прощенія и отправляется домой, гдѣ наединѣ прощается съ женами и дѣтьми.

Провожающіе собираются въ это время около дома; между ними являются и муллы, которые, съ выходомъ богомольца изъ дому, читаютъ на распѣвъ разные стихи изъ корана, сопровождая ими путешественниковъ, идущихъ впереди толпы, повторяющей каждую фразу прочитаннаго стиха. Толпа женщинъ, съ блюдами или большими подносами на головѣ, наполненными сластями и разнаго рода кушаньями, замыкаетъ шествіе. Отойдя довольно далеко отъ деревни, вся толпа останавливается, уничтожаетъ все принесенное на подносахъ и, попрощавшись окончательно съ богомольцами, возвращается домой.

Возвратившись обратно на родину, многіе изъ горцевъ дѣлались ярыми фанатиками, надѣвали особаго цвѣта чалму и становились способными къ воспріятію всякаго рода ложныхъ ученій, присущихъ всему мусульманскому міру. Къ числу такихъ ученій слѣдуетъ отнести ученіе о средствахъ къ сближенію съ Богомъ, или *ясновидѣніе*, проявляющееся преимущественно въ средѣ послѣдователей *тарыката*.

Это сближеніе съ Богомъ истинныхъ послѣдователей религіи извѣстно было жителямъ горъ въ трехъ различныхъ видахъ, хотя и отличающихся одинъ отъ другаго наружнымъ проявленіемъ, но, въ сущности, находящихся между собою въ самой близкой и родственной духовной связи.

Первоначальный видъ этого проявленія называется *хышьéтулла* или, какъ оно было извѣстно въ Дагестанѣ, *гышькулла* — любовь къ Богу, при которой человѣкъ дѣлается способнымъ къ воспріятію самыхъ восторженныхъ истинъ религіи, изложенныхъ въ *тарыкатѣ*. При продолженіи дальнѣйшаго совершенствованія, гышькулла обращается въ *зульматъ* — потемнѣніе, темнота, которая потомъ можетъ перейти въ *караматъ*—въ ясновидѣніе, прозорливость. Человѣкъ, обладающій караматомъ, считается вступившимъ въ область *хякиката*, т. е. достигшимъ самаго высшаго духовнаго совершенства.

Каждый человѣкъ, истинно любящій Бога, можетъ подвергнуться *гышькулла*, и чѣмъ чаще онъ будетъ устремлять свои мысли къ Богу, чѣмъ чаще будетъ молиться и читать духовныя книги, тѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе бываетъ *гышькулла*. Проявленіе гышькуллы обыкновенно бываетъ въ то время, когда молящійся, окончивъ чтеніе книгъ, начинаетъ призывать имя Божіе и произноситъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, безъ отдыха, молитвословіе—*ля-илляхи-иль-Аллахъ!* Возвышая постепенно голосъ и устремляя свои мысли въ мѣста горнія, фанатикъ, что называется, зачитывается и съ дикимъ крикомъ *Аллахъ!* падаетъ въ обморокъ. Такое состояніе называется *джязбэ*, а въ простонародіи *джазмъ*, что въ переводѣ означаетъ: *влеченіе духа къ Божеству*.

Видимое же явленіе, которое проявляется надъ молящимся, можетъ быть названо *сотрясеніемъ*.

Люди, одержимые такого рода проявленіемъ духовной дѣятельности, по ихъ увѣренію, въ продолженіе обморока видятъ рай, адъ и всѣ подробности загробной жизни, а также пророковъ и ангеловъ, посланныхъ верховнымъ существомъ для бесѣды съ ними, и даже самого Бога.

Извѣстно, что самое высшее проявленіе этой дѣятельности было у самого пророка Магомета, который въ такомъ состояніи продиктовалъ весь коранъ, этотъ духовный и гражданскій кодексъ мусульманъ. Въ Дагестанѣ же, по словамъ Шамиля, былъ только одинъ человѣкъ, Ширвани-Хаджи-Абдулла, который неоднократно удостоивался лицезрѣть всѣ эти чудеса; всѣ же остальныя лица, показывавшія видъ будто и они одержимы *джазмомъ*, были не болѣе какъ

шарлатаны, люди, находившіе въ подобномъ состояніи свои собственныя выгоды.

Мы не будемъ говорить о томъ, на сколько достойно вѣры фактическое состояніе человѣка, одержимаго джазмомъ, скажемъ только, что среди горцевъ не было недостатка въ шарлатанахъ. Почти въ каждомъ аулѣ были такіе люди, которые выдавали себя за одержимыхъ этого сорта болѣзнію.

По окончаніи намазовъ, обыкновенно въ мечетяхъ читаютъ на распѣвъ, *ля-илляхи-иль-Аллахъ* (нѣтъ Бога, кромѣ единаго Бога). Повтореніе этой фразы, нѣсколько десятковъ разъ, носитъ названіе *зикра*. При зикрѣ случается весьма часто, что *муршидъ* (учитель или наставникъ тариката) дуетъ на *муридовъ* (учениковъ). Отъ этого дуновенія они приходятъ въ такой экстазъ, что начинаютъ прыгать и падать на землю, какъ бы по волшебной силѣ палочки. Прыгающіе увѣряютъ, что такое состояніе происходитъ отъ проявленія въ нихъ высшей духовной силы, а въ сущности они прыгаютъ для того только, чтобы пріобрѣсть себѣ уваженіе среди суевѣрнаго народа. Молодые горцы подсмѣиваются надъ такими вдохновенными людьми, и потому послѣдніе, кто поумнѣе, показываютъ свои фокусы передъ стариками или женщинами, а находятся и такіе, которые предаются джазму въ мечетяхъ при стеченіи народа.

Чтобы имѣть нѣкоторое понятіе объ этомъ религіозномъ шарлатанствѣ, мы приведемъ слова очевидца объ одномъ изъ муталлимовъ (ученикъ при мечети). Вотъ что онъ дѣлалъ: когда въ мечети начинали читать *ля-илляхи-иль-Аллахъ*, онъ повторялъ сначала эту фразу тихо, вмѣстѣ съ прочими покачивая головою, то на право, то на лѣво. Потомъ, говоритъ Абдулла-Омаровъ, онъ «постепенно повышалъ голосъ больше и больше, приходилъ въ такое изступленіе, что едва слышалась только послѣдняя половина фразы, т. е. *иллаллахъ*; повторяя ее съ отчаяннымъ крикомъ, онъ съ бѣшенствомъ начиналъ подпрыгивать на колѣнахъ, совершенно на подобіе курицы, у которой сейчасъ оторвали голову, испускалъ при этомъ какіе-то отчаянные крики и стоналъ: *Аллахъ*, *Аллахъ!* наконецъ падалъ неподвижно, какъ мертвый. Народъ смотрѣлъ на него съ жалостію и завидовалъ его набожности. Въ короткое время онъ сдѣлался извѣстнымъ по цѣлому аулу.

«Намъ было досадно, пишетъ далѣе Абдулла Омаровъ, что всѣ жители начали преимущественно обращаться къ нему съ просьбами написать какую нибудь молитву или читать коранъ за упокой души кого-нибудь умершаго, а насъ, остальныхъ муталлимовъ, почти забыли. Къ тому же мы очень сомнѣвались въ дѣйствительности его джазма; онъ подавалъ намъ поводъ подозрѣвать его въ фальши: такъ, напримѣръ, бывало при насъ, когда никого посторонняго нѣтъ, онъ пилъ бузу, а народу проповѣдывалъ, чтобы не употребляли этого напитка, и разсказывалъ какъ грѣшно и противно Богу пить бузу или водку и курить табакъ. Онъ даже избѣгалъ при людяхъ ѣсть хлѣбъ испеченный на дрожжахъ, потому что дрожжи дѣлаются изъ бузы.

«Однажды мы сговорялись испытать нашего святаго во время божественнаго его вдохновенія.

«По книгѣ мы знали, что, кто въ дѣйствительности впадаетъ въ джазмъ, тотъ лишается всякихъ чувствъ. Однажды мы комацдировали двухъ муталлимовъ, чтобы они стали рядомъ съ нашимъ святымъ, во время намаза, и когда онъ впадетъ въ джазмъ, чтобы они вонзили ему въ ногу тайкомъ шило. Какъ только святой, по своему обыкновенію, впалъ въ обморокъ, послѣ сильныхъ и частыхъ прыжковъ своихъ, муталлимы потихоньку вонзили ему въ ногу шило. Святой сначала ограничился маленькимъ движеніемъ, не желая дать знать, что онъ чувствуетъ, а когда муталлимы не переставали повторять свой опытъ, онъ вскочилъ вдругъ и вскричалъ: «ай, ай, что вы дѣлаете!» и тутъ же замолчалъ, опустивши голову на грудь; мы разбѣжались смѣясь, а нѣкоторые старики перетолковали этотъ случай совсѣмъ въ пользу нашего святаго: «ахъ бѣдный! говорили они: вѣрно къ нему пришли ангелы»; другіе же говорили, что, должно быть, нечистый духъ преслѣдуетъ его и, вѣроятно, это на него онъ кричалъ. Послѣ этого онъ избѣгалъ сосѣдства муталлимовъ при молитвѣ, а если случалось таковое, то ни за что не впадалъ въ джазмъ».

Люди, одержимые вторымъ видомъ религіознаго фанатизма, *зюлматомъ*—потемнѣніемъ, впадаютъ также въ обморокъ и находятся въ безчувственномъ состояніи въ полномъ значеніи этого слова. Во время пароксизма, больной ничего не слышитъ, что говорятъ вокругъ, и не сознаетъ, что съ нимъ дѣлаютъ. Физическихъ страданій въ это время онъ тоже не чувствуетъ, но съ приходомъ въ сознаніе имъ овладѣваетъ слабость, продолжающаяся иногда нѣсколько дней.

По свидѣтельству г. Руновскаго этою болѣзнію страдалъ и Шамиль. Когда кто нибудь выѣзжалъ изъ своего дома, съ намѣреніемъ видѣть имама и передать ему какую нибудь экстренную и при томъ непріятную новость, то Шамиль чувствовалъ это, хотя бы ѣдущій былъ за десятки верстъ отъ него. Сердце его начинало биться сильнѣе, имъ овладѣвала тоска и онъ испытывалъ головокруженіе. По мѣрѣ приближенія посѣтителя къ дому Шамиля, припадки эти постепенно усиливались, а когда онъ входилъ въ домъ, тогда имамъ окончательно впадалъ въ обморокъ ([1]).

Основываясь на этомъ, г. Руновскій старается отклонить отъ Шамиля всякое шарлатанство передъ народомъ и видитъ въ этомъ одно только проявленіе болѣзни. Не оспаривая достовѣрности слышаннаго авторомъ раз-

---

([1]) Легенды, народная медицина, предразсудки и вѣрованія дагестанскихъ горцевъ А. Руновскій Библіотека для чтенія 1862 г. т. 173. Дагестанъ, его нравы и обычаи П. Пржецлавскій. Вѣстникъ Европы 1867 г. т. III. Воспоминанія муталлима Обдуллы Омарова Сборникъ Свѣд. о кавк. горцахъ выпус. I Тиф. 1868 г. Четыре мѣсяца въ Дагестанѣ И. Вучетича. Кавк. 1864 г. № 76 и 77. Замѣтки о домашнемъ бытѣ дагестанскихъ горцевъ Н. Абельдяева Кавк. 1857 г. № 50. Поѣздка въ Ичкерію И. Ограновича Кавк. 1866 г. № 23. Мюридизмъ и газаватъ въ Дагестанѣ А. Руновскій Русскій Вѣст. 1862 г. № 12.

сказа и не зная, какъ часто повторялось такое состояніе у имама, можно, съ другой стороны, привести дѣйствительный фактъ, что на Гунибѣ, гдѣ сообщена была Шамилю самая непріятная новость, онъ былъ все время въ сознательномъ состояніи.

Существованіе среди народа лицъ, одержимыхъ разнаго рода религіозными болѣзнями, указываетъ на низкую степень его развитія и на склонность къ суевѣрію и предразсудкамъ. Дагестанцы въ изобиліи обладаютъ и тѣмъ, и другимъ.

Горцы говорятъ, что среди нихъ существуютъ колдуньи, знахари и знахарки. Колдуньи только могутъ портить людей, знахари, при помощи гаданій, предсказываютъ будущее, а знахарки употребляютъ свои знанія и разныя нашептыванія при леченіи больныхъ. Колдовство есть исключительная принадлежность однѣхъ женщинъ, а знахарство—мужчинъ и женщинъ. Колдовство, въ какихъ бы видахъ оно не выражалось, всегда преслѣдовалось и народомъ, и властями, но предсказатели будущаго, напротивъ того, открыто пользовались славою и нѣкотораго рода уваженіемъ.

Колдовство, по мнѣнію народа, пріобрѣтается только при содѣйствіи нечистой силы, сношеніе съ которою прерываетъ всякую связь съ религіею, и потому открытая колдунья наказывалась смертію. Колдовство, по мнѣнію туземцевъ, распространялось исключительно на женщинъ, которыя, по несовершенству своей натуры, доступны всякому дьявольскому навожденію. Виды колдовства и средства къ тому одинаковы съ тѣми, которыми располагаютъ и чеченцы. Послѣдніе, впрочемъ, считаются даже нѣсколько искуснѣйшими.

Всѣ средства дагестанскихъ колдуній заключались въ одномъ корнѣ *хапулипхерз* (собачій лай–трава) дающемъ, впрочемъ, весьма разнообразные результаты. Присутствіе этого корня обозначается красивою травкою желто–зеленаго цвѣта, очертаніемъ своимъ похожею на листья моркови, а самый корень имѣетъ видъ медвѣжьей лапы.

Добываніе корня и порча женщинъ производится одновременно. Колдунья ночью отправляется отыскивать корень и, найдя его, ложится ничкомъ на землю такъ, чтобы захватить подъ себя листья волшебнаго корня. Произнеся заклинаніе, злая колдунья требуетъ, чтобы корень производилъ на такую–то женщину извѣстные пароксизмы, въ опредѣленное время и такіе–то періоды: черезъ недѣлю, мѣсяцъ, одинъ разъ въ годъ, словомъ, по усмотрѣнію того, кто сдѣлалъ заказъ испортить эту женщину. При этомъ колдунья кричитъ голосомъ собаки, шакала или осла, смотря по тому, какого животнаго голосъ намѣрены присвоить испорченной женщинѣ. За тѣмъ, вырвавъ корень, колдунья несетъ его домой, сушитъ и растираетъ въ порошокъ. Данный въ пищѣ или питьѣ, порошокъ этотъ производитъ немедленно свое дѣйствіе. Болѣзнь околдованной постепенно усиливается и обращается въ совершенное бѣшенство, въ которомъ она, съ лаемъ и крикомъ, бросается на людей и кусаетъ ихъ. Впрочемъ укушеніе такой больной не заразительно, но она, въ припад-

кѣ бѣшенства, можетъ закусать человѣка на смерть, а потому подобныхъ больныхъ родственники помѣщаютъ въ отдѣльныя комнаты или сажаютъ на цѣпь. Болѣзнь эта считается неизлечимою и оканчивается всегда болѣе или менѣе мучительною смертiю.

Знахари производятъ свои гаданiя по бараньей лопаткѣ, причемъ способъ гаданiя точно такой же, какъ у чеченцевъ, да и лучшими гадальщиками считаются не туземцы, а чеченцы Чаберлоевскаго общества (татбутри), или, какъ Шамиль ихъ называетъ, *горные чеченцы*.

Кромѣ колдовства и гаданiй, горцы вѣрятъ въ существованiе нечистой силы или чертей. Смотря на падающiя звѣзды, каждый горецъ говоритъ, точно также, какъ и чеченецъ, что то огни, бросаемые ангелами въ чертей, подслушивающихъ небесные разговоры. Онъ не сомнѣвается въ справедливости этого потому, что въ коранѣ написано: «мы украсили небо свѣта свѣчами (звѣздами), и мы сдѣлали ихъ предметомъ бросанiя въ чертей». Отъ такого бросанiя звѣздъ погибаетъ великое множество чертей, а нѣкоторые изъ нихъ падаютъ въ море и превращаются въ хищныхъ чудовищъ, или же, оставшись на сушѣ, появляются въ видѣ домовыхъ. Послѣднихъ горцы считаютъ состарѣвшимися чертями.

Множество подобныхъ предразсудковъ сопутствуютъ въ жизни каждаго дагестанца. У нихъ точно также есть тяжелые дни, есть и легкiе. Первыми считаются воскресенье, понедѣльникъ и суббота; послѣдняя въ особенности пользуется самою дурною репутацiею, такъ что сколько-нибудь порядочный человѣкъ ни за что не начнетъ въ субботу никакого важнаго дѣла. Легкими днями признаются среда, и въ особенности четвергъ, считающiйся самымъ удобнымъ и легкимъ днемъ для начала всякаго рода предпрiятiй. Вѣра въ него была такъ сильна, что Шамиль выступалъ въ походъ противъ русскихъ преимущественно по четвергамъ. Пятница считается *недѣльнымъ* днемъ и находится въ большомъ уваженiи. Мусульманинъ посвящаетъ ее отдохновенiю послѣ недѣльныхъ трудовъ и молитвѣ въ мечети. Кромѣ вѣры въ значенiе дней, каждый мужчина и женщина имѣютъ множество предразсудковъ, перечислить которые нѣтъ возможности. Обрѣзывая, напримѣръ, ногти, женщина тщательно собираетъ ихъ въ особый ящикъ, изъ желанiя, чтобы ее любили, вѣря что выбрасыванiе ногтей ведетъ къ обратному.

Подместь комнату, или вынести золу ночью, считается дурнымъ дѣломъ, и существуетъ увѣренность, что отъ этого домъ обѣднѣетъ.

Каждый горецъ вѣритъ, что, при выходѣ изъ дому, если встрѣтишься съ хорошимъ человѣкомъ—все будетъ хорошо, а съ дурнымъ—худо. Если ѣдущему встрѣтится на дорогѣ лисица—хорошо, а заяцъ худо; кто пройдетъ между овцами или стоя будетъ надѣвать шальвары, тотъ непремѣнно заболѣетъ, а тѣ изъ мужчинъ, которые встрѣтятъ апрѣльскiй дождь съ открытою головою, на всегда избавятся отъ головной боли и внутреннихъ болѣзней.

Принести изъ другой комнаты, въ комнату женатаго человѣка, горячiе

угольл и прибавить ихъ къ горящимъ на очагѣ дровамъ—значитъ предсказать хозяину, что онъ возьметъ себѣ другую жену. Горцы вѣрятъ, что въ тѣхъ селеніяхъ, около которыхъ протекаетъ рѣка съ песчаными берегами, народъ бываетъ красивый. Туземецъ не любитъ ѣздить на лысомъ или бѣлоногомъ конѣ, потому что примѣты такой лошади предвѣщаютъ, что жена сѣдока опозоритъ его брачное ложе. Если при переправѣ черезъ рѣку лошадь остановится, для естественной надобности, то это считается дурнымъ предзнаменованіемъ для всадника, и, чтобы избавиться отъ несчастія, хозяинъ промѣниваетъ лошадь, или часть сбруи, уздечку, подпругу, или что-нибудь подобное. Народъ вѣритъ въ цѣлебное свойство нѣкоторыхъ камней, деревьевъ и разныхъ животныхъ. Та женщина, которая носитъ на себѣ частичку отъ мельничнаго жернова и подвержена выкидышамъ, можетъ родить благополучно.

Если, при помощи рашпиля, добыть изъ чернаго камня (асватъ), мякоть бѣлаго цвѣта, то она служитъ противоядіемъ отъ всѣхъ жидкихъ ядовъ, а мякоть желтаго цвѣта—отъ всѣхъ густыхъ и твердыхъ ядовъ. Камень, находящійся въ гнѣздѣ ласточки (хатафъ), если онъ бѣлаго цвѣта, то исцѣляетъ головную боль, а краснаго — укрѣпляетъ нервы, прогоняетъ печаль и страхъ. Въ головѣ змѣи находится камень въ формѣ пули (хаятъ), который, будучи носимъ на тѣлѣ, избавляетъ отъ уязвленія змѣй, останавливаетъ кровотеченіе и укрѣпляетъ мысли; носимый же на шеѣ—исцѣляетъ головную боль. Послѣдняя исцѣляется также и при помощи положеннаго на голову камня, находящагося въ желудкѣ курицы (джу-джаджатъ). Тотъ же самый камень, положенный подъ подушку младенца, способствуетъ тому, что ребенокъ будетъ, не вздрагивая, спать спокойно; носимый на тѣлѣ, этотъ камень укрѣпляетъ нервы.

Передъ луннымъ затмѣніемъ, народъ благоговѣетъ и видитъ въ этомъ гнѣвъ Божій. Того, кто предсказываетъ затмѣніе луны, принимаютъ за святаго, а самое явленіе считаютъ случайнымъ, и часто приписываютъ его своимъ грѣхамъ и богопротивнымъ поступкамъ.

— Вотъ хоть бы нашъ теперешній кадій Курбанъ, говорятъ горцы, собираетъ *зякатъ* (десятина съ полей) для учениковъ, а ихъ у него никогда не бывало! Онъ и табакъ нюхаетъ, и бузу пьетъ—и съ тѣхъ поръ, какъ онъ кадіемъ, жители начали сильно мереть... Пожалуй, пусть дѣлаетъ что хочетъ, это бы ничего; да черезъ такихъ людей гнѣвъ Божій падаетъ на всѣхъ: урожаи стали не то, что прежде; недавно было затмѣніе луны, въ прошлый годъ земля тряслась... Все это признаки гнѣва Божія!

Мы сказали уже, что магометанская религія установила особые намазы въ тѣ дни, когда случается солнечное или лунное затмѣніе, и что она предписываетъ правовѣрнымъ проводить эти дни въ молитвѣ. По этому, лишь только случится затмѣніе луны, какъ народъ, весь перепуганный, высыпаетъ на дворы и на улицы; на крышахъ появляются муллы, призывающіе правовѣрныхъ въ мечеть, на молитву. «Я тоже вышелъ на крышу, пишетъ Аб-

дулла Омаровъ, и посмотрѣлъ на луну, которая была до половины кроваваго цвѣта. Признаться, мною овладѣлъ страхъ и мысли мои были заняты все время молитвами. Я чувствовалъ въ себѣ набожное волненіе и взоры мои стремились туда, къ затмившейся лунѣ; я думалъ, что вотъ-вотъ увижу фигуры ангеловъ, которые схватили луну раскаленными желѣзными щипцами...»

Горцы, въ обыкновенное время мало послушные призыву муллы, спѣшатъ теперь въ мечеть цѣлыми толпами, а женщины группируются вокругъ храма.

— Аллахъ, Аллахъ! прости насъ грѣшныхъ! кричатъ они.

Одни плачутъ, другіе упрекаютъ людей за грѣхи и беззаконія.

— Бѣдная благословенная луна, слышны возгласы однихъ, страдаетъ отъ нашихъ грѣховъ!

— О Боже, прости! вѣрно конецъ міра, замѣчаютъ другіе.

Между тѣмъ въ мечети народъ усердно молится, въ ожиданіи окончанія затмѣнія, послѣ котораго у каждаго на душѣ становится легче, будто Богъ простилъ кающихся грѣшниковъ и услышалъ ихъ молитву. Переставшіе страшиться за свою участь, жители слушаютъ теперь предсказанія кадія, сидящаго на своемъ обычномъ мѣстѣ и перелистывающаго какую-то книгу. Онъ говоритъ имъ, что такъ какъ затмѣніе луны случилось въ роджабъ-мѣсяцѣ, то будетъ хорошій урожай, что въ западныхъ мѣстахъ будетъ падежъ скотины, а на востокѣ холера и смерть одного великаго человѣка; что зима будетъ холодная и неурожай на фрукты.

— Пророкъ Божій Магометъ, да благословитъ его Аллахъ—читаетъ кадій—говорилъ, что когда послѣдователи мои не будутъ исполнять въ точности повелѣній Божіихъ и погрязнутъ въ грѣхахъ, будутъ воровать, убивать своихъ единовѣрцевъ безъ причины, клеветать другъ на друга, ненавидѣть своего брата по вѣрѣ; когда дѣти не будутъ слушать и уважать родителей, молодые будутъ противорѣчить старшимъ, муллы и кадіи будутъ брать взятки за рѣшеніе дѣлъ, будутъ вести дружбу съ гяурами, будутъ наклонны къ ложному свидѣтельству, лжи и прочее—тогда Богъ, желая доказать грѣшнымъ рабамъ свое могущество и отвратить ихъ отъ грѣховъ, покажетъ имъ знакъ своего гнѣва: затмѣніемъ луны, солнца, землетрясеніемъ и прочее.

— Боже упаси! Боже упаси! кричатъ въ одинъ голосъ всѣ слушатели.

Подготовивъ такимъ образомъ присутствующихъ, кадій требуетъ отъ нихъ пожертвованій на богоугодныя дѣла, и приношенія сыплятся въ изобиліи.

Совершеніе богоугодныхъ дѣлъ и разнаго рода пожертвованій лежитъ на обязанности каждаго правовѣрнаго. Пророкъ сказалъ, что *иманъ*, или вѣра въ Бога, имѣетъ *семдесятъ семь* вѣтвей. Главная изъ нихъ та, чтобы сказать чистосердечно и съ теплою вѣрою: *нѣтъ Бога, кромѣ единаго Бога, и Магометъ пророкъ его*, а самая низшая и послѣдняя вѣтвь есть: *сдвинуть съ дороги камень, чтобы было удобно для проходящаго.*

Основываясь на этомъ, каждый религіозный мусульманинъ считаетъ своею

обязанностію дѣлать, отъ времени до времени, различнаго рода пожертвованія. Послѣднія вызвали даже въ мусульманскомъ мірѣ особый праздникъ жертвоприношенія, или жертвенный день—*курбанъ-байрамъ* (*курбанъ* на арабскомъ языкѣ значитъ жертва, а *байрамъ*, по-татарски, праздникъ).

Празднованіе курбанъ-байрама у горцевъ мало чѣмъ отличается отъ празднованія его во всемъ остальномъ мусульманскомъ мірѣ. За нѣсколько дней до праздника, хозяева припасаютъ барановъ; кто покупаетъ, а кто вытребываетъ его изъ своего стада, чтобы лучше откормить дома. Съ наступленіемъ праздника, жители, рано утромъ, собираются въ мечеть, а женщины, стоя толпами подъ окнами ея, слушаютъ проповѣди кадія, повторяющаго большею частію различныя заповѣди, за неисполненіе которыхъ ожидаютъ каждаго самыя строгія наказанія.

По окончаніи службы въ мечети, кадій и его ученики (муталлимы) обходятъ по саклямъ, гдѣ читаютъ молитвы при рѣзаніи барановъ. Каждый зарѣзавшій *курбана* часть его жертвуетъ на мечеть, а остальную употребляетъ въ пищу самъ, приготовляя изъ мяса самыя разнообразныя блюда.

Празднованіе и пиръ продолжается въ теченіе трехъ сутокъ.

Въ нѣкоторыхъ обществахъ праздникъ этотъ нѣсколько видоизмѣняется, отъ примѣси религіознаго обряда съ разными другими, порожденными народнымъ суевѣріемъ.

Такъ, жители селенія Чохъ, Гунибскаго округа, въ этотъ день всѣ поголовно идутъ изъ мечети на дорогу, ведущую къ сосѣднему селенію Ругжа. Впереди всѣхъ идетъ старшій муэззинъ, или будунъ (призыватель къ молитвѣ) съ обнаженною саблею; по бокамъ его, въ качествѣ ассистентовъ, слѣдуютъ два муталлима (ученика), изъ которыхъ первый несетъ значекъ, похожій на флюгеръ, а второй—большой глиняный и пустой кувшинъ; за ними слѣдуетъ толпа, вооруженная камнями. На опредѣленномъ мѣстѣ дороги толпа останавливается.

— Алла-акберъ! Ля-иль-Алла-иль-Алла (Богъ великъ, нѣтъ Бога, кромѣ Бога), кричитъ муэззинъ троекратно, и начинаетъ размахивать по воздуху саблею.

Муталлимъ бросаетъ вверхъ пустой кувшинъ, который, будучи осыпанъ тучею камней и разбитый ударами сабли муэззина, въ осколкахъ падаетъ на землю. Чѣмъ мельче осколки этого кувшина, тѣмъ обильнѣйшій урожай предвѣщаютъ они.

«По преданіямъ, говоритъ г. Пржецлавскій, чохцы, исповѣдующіе нынѣ исламизмъ, были прежде христіанами. Они съ вышеописаннымъ обрядомъ соединяютъ не только повѣрье объ обильномъ урожаѣ, но еще объ обильномъ урожаѣ въ ущербъ христіанамъ, именно тушинамъ, въ сторону которыхъ обращаются, разбивая кувшинъ, и съ которыми враждуютъ, вслѣдствіе различія религіозныхъ вѣрованій».

«Ругжинцы, принявшіе исламъ далеко позже чохцевъ, совершаемый по-

слѣдними обрядъ относятъ на свой счетъ и, не довѣряя показаніямъ, что онъ черезъ ихъ головы направляется собственно на тушинъ, старались сначала откупиться отъ чохцевъ, посылая имъ въ подарокъ къ байраму одного быка, но потомъ, видя, что церемонія не прекращается, просили бывшаго имама запретить обрядъ кувшиноразбиванія, потому что онъ можетъ подрывать ихъ урожаи. Шамиль, обративъ въ шутку жалобу эту, посовѣтывалъ обижающимся совершать подобный же обрядъ и, при разбиваніи кувшина, обращаться къ населенію, живущему на плоскости и подчинившемуся русскимъ, направляя свои недружелюбныя желанія черезъ головы чохцевъ».

Бѣдность и всеобщій недостатокъ земли заставляли ругжинцевъ хлопотать, чтобы не было никакой порчи въ урожаѣ. При маломъ посѣвѣ, каждый житель горъ можетъ разсчитывать на то, что будетъ сытъ только при хорошемъ урожаѣ, и потому, очень естественно, онъ старается устранить все то, что можетъ лишить его обильной жатвы. Кидая въ землю зерна, онъ дѣлаетъ это съ молитвою и особою церемоніею, которая предшествуетъ посѣву и бываетъ не одинакова въ различныхъ обществахъ. У казикумухцевъ, или лаковъ, напримѣръ, она извѣстна подъ именемъ *вывоза плуга въ поле*.

Съ наступленіемъ ранней весны, какъ только начнетъ зеленѣть трава и появятся изъ-подъ снѣга первые цвѣты, казикумухцы толкуютъ уже объ этомъ праздникѣ. Хозяинъ дома собираетъ семейный совѣтъ, на которомъ рѣшаютъ вопросъ, какія на этотъ годъ унавозить пашни и какимъ дать отдыхъ, оставляя ихъ свободными отъ посѣва. Хозяйка дома закупаетъ передъ праздникомъ орѣхи, яйца и приготовляетъ каждому, по числу дѣтей, *барту*— хлѣбъ, испеченный съ разными украшеніями и имѣющій форму человѣческой фигуры, а иногда кольцеобразную или крестообразную. Лицевую сторону хлѣба украшаютъ обыкновенно сухими фруктами, яйцами и орѣхами.

Дѣти, передъ наступленіемъ такого праздника, также не остаются праздными: приготовляютъ пращи для бросанія *шуршей* или комковъ глины, которымъ придаютъ форму сахарной головы, въ острый конецъ которой втыкаются соломенки.

Во всемъ аулѣ замѣтна особая дѣятельность: выѣзжаютъ и подготовляютъ на скачку лошадей, мальчики и молодые люди, упражняясь въ бѣганьѣ, приготовляются къ бѣгу и заранѣе испытываютъ свои силы, пробуя кто кого перегонетъ; взрослые осматриваютъ свои корзины, въ которыхъ вывозятъ обыкновенно въ поле навозъ, починяютъ кирки, лопаты и плуги.

— Когда ночь начинающая весну? спрашиваютъ дѣти, встрѣчаясь другъ съ другомъ.

— Послѣ завтра, отвѣчаютъ имъ лица, владѣющія достовѣрными свѣдѣніями.

Для опредѣленія временъ года, въ каждомъ почти аулѣ, на окружающихъ его вершинахъ, поставлены каменные столбы: на одной, гдѣ солнце восходитъ, и на другой, гдѣ оно заходитъ. «Смотря по тому, около какого столба

солнце восходило или заходило, старики опредѣляли начало каждаго изъ четырехъ временъ года».

За нѣсколько дней до наступленія весны, въ разныхъ мѣстахъ аула собираются толпы односельцевъ, гдѣ разсуждаютъ о томъ, кого выбрать пахаремъ, который обязанъ будетъ въ первый разъ вывезть въ поле плугъ. Выборъ долженъ пасть на самаго честнаго и добраго человѣка, чтобы, съ его хорошей и легкой руки, былъ урожай хорошъ и обиленъ. Многіе выбранные отказываются изъ боязни, что, въ случаѣ неурожая, они вызовутъ на себя ропотъ цѣлаго аула.

Наканунѣ перваго дня весны, дѣвушки отправляются въ поле отыскивать корень особой травы—*турланъ* и кладутъ его ночью подъ подушку вмѣстѣ съ жареными зернами ячменя, завернутыми въ кусокъ зеленой шелковой матеріи, съ цѣлію увидѣть во снѣ свою будущность; молодые люди приготовляютъ и осматриваютъ, исправно-ли ихъ оружіе, чтобы можно было стрѣлять изъ него.

Съ наступленіемъ вечера, дѣти бѣгаютъ по аулу, отыскивая бурьянъ и солому, для образованія костра.

— Посмотримъ, кто больше молодецъ, кто больше всѣхъ принесетъ! поощряютъ ихъ взрослые.

Такимъ образомъ натаскивается большой стогъ соломы и бурьяна, который съ крикомъ ура! поджигаютъ съ четырехъ сторонъ. Когда пламя подымется высоко, то находятся часто такіе молодцы, которые прыгаютъ черезъ костеръ сквозь огонь съ одной стороны на другую.

Шумъ и гамъ подымается въ аулѣ: на площади горитъ костеръ, въ улицахъ грохочутъ ружейные выстрѣлы, по воздуху летаютъ *шурши* съ огненными хвостами отъ зажженныхъ соломенокъ, а тамъ, на вершинахъ сосѣднихъ холмовъ, лопаются большіе камни, начиненные порохомъ нарочно для этого вечера.

На утро всѣ мальчики, раздѣлившись на двѣ стороны и выбравъ предводителей, вступаютъ въ бой между собою.

«Въ нашемъ аулѣ, пишетъ Абдулла Омаровъ, было четыре квартала, и мальчики каждаго изъ нихъ смотрѣли на мальчиковъ другихъ кварталовъ какъ на непріятелей и нерѣдко объявляли другъ другу войну. Старшіе не вмѣшивались въ наши дѣла, а только нѣкоторые взрослые изъ молодежи приходили на мѣсто битвы и ободряли насъ. Отправившись на покатость сосѣдней горы, каждая партія старалась занять мѣсто выше непріятеля, потому что на верху было легче защищаться, въ случаѣ нападенія противной стороны, и бросать въ нее камни. Драка начиналась обыкновенно самыми неприличными ругательствами съ обѣихъ сторонъ, за которыми летѣли комки снѣга, а потомъ и камни, бросаемые сначала изъ пращи, а потомъ, по мѣрѣ приближенія другъ къ другу, и руками. Драки не продолжались долго: та сторона, на которой случались получше бойцы и побольше численности, за-

ставляла отступать другую. Если же драка принимала серьезный видъ, тогда прибѣгали взрослые и разнимали дерущихся. Изъ послѣднихъ оказывалось не мало съ сильными ушибами и съ довольно-порядочными ранами. Подобныя драки, но гораздо въ большемъ размѣрѣ, происходили у насъ и съ мальчиками сосѣднихъ деревень; въ такомъ случаѣ соединялись мальчики всѣхъ кварталовъ и, вмѣстѣ съ ними, иногда участвовали и взрослые, при чемъ, кромѣ камней, употребляли часто и палки. Отличившійся въ такихъ дракахъ своею храбростію и смѣлостію пользовался между нами особымъ уваженіемъ».

Въ день *вывоза плуга* самый почтенный старикъ, признанный всѣмъ селеніемъ распорядителемъ праздника, дѣлаетъ угощеніе всему обществу. Съ самаго ранняго утра, на площади, подлѣ мечети, собирается многочисленная толпа, къ которой выносятъ изъ дому распорядителя нѣсколько хлѣбовъ, кувшиновъ бузы и мясо. Раздѣливъ принесенное между собою и уничтоживъ его, вся толпа отправляется въ поле, гдѣ ее ожидаютъ уже лошади, приготовленныя къ скачкѣ. Туда же приносятъ отъ распорядителя праздника огромную *барту*, украшенную яйцами и орѣхами; она передается одному изъ стариковъ, который и держитъ ее въ рукахъ во все время церемоніи, начинающейся скачкою. Первый прискакавшій получаетъ *барту*, подносимую ему старикомъ съ поздравленіемъ; толпа окружаетъ побѣдителя, родные и близкіе друзья бросаются къ его лошади и обвѣшиваютъ ея шею: мужчины — кинжалами, а женщины — платками. Несчастная лошадь, измученная скачкою, бываетъ иногда такъ увѣшана этими знаками радости, что отъ тяжести ихъ едва можетъ идти шагомъ. Каждый навѣсившій кинжалъ долженъ потомъ придти въ домъ къ хозяину лошади за полученіемъ своего оружія и непремѣнно съ чѣмъ-нибудь съѣстнымъ, иначе не получитъ кинжала. Оттого, въ короткое время, домъ хозяина лошади переполняется разными приношеніями.

На томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ происходила скачка, жители смотрятъ на бѣгъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, вышедшихъ на состязаніе полуодѣтыми, съ засученными рукавами и шальварами; пользуясь совѣтомъ стариковъ и людей опытныхъ, каждый мальчикъ держитъ въ зубахъ или пулю, или камешекъ, чтобы, во время бѣга, не такъ устать. Бѣгъ происходитъ не менѣе какъ на версту и призомъ побѣдителю служитъ другая меньшая *барта*. Случается, что прибѣжавшій едва только успѣетъ схватить свой призъ, какъ падаетъ на землю отъ усталости. Тогда его поднимаютъ, ведутъ подъ руки домой, а по дорогѣ его, точно также какъ и лошадь, обвѣшиваютъ кинжалами и платками, которые выкупаютъ потомъ приношеніемъ съѣстнаго въ домъ побѣдителя.

Послѣ скачки и бѣга, по требованію толпы, является пахарь съ плугомъ, быками и одѣтый въ овчинный полушубокъ, вывернутый шерстью наружу. Вмѣстѣ съ пахаремъ вся толпа отправляется въ ближайшее поле, и нѣтъ надобности, чтобы мѣсто это было настоящею пашнею, а достаточно и простаго гумна. Точно также нѣтъ необходимости, чтобы пахарь вспахалъ

землю для посѣва, а достаточно того, чтобы онъ совершилъ процессъ паханія или поднятія земли. Пахарь обходитъ плугомъ пашню три раза, мулла читаетъ въ это время молитвы, а толпа мальчишекъ швыряетъ въ пахаря комками снѣга, грязью и камнями до тѣхъ поръ, пока онъ не окончитъ своей работы. Поднявъ руки къ небу, мулла проситъ у Бога хорошаго и обильнаго урожая, а толпа, выслушавъ его молитву, произноситъ *Аминь*!

По окончаніи церемоніи, народъ возвращается домой и пируетъ, въ теченіе двухъ дней, у хозяина перескакавшей лошади и прибѣжавшаго первымъ мальчика. Только послѣ вывоза плуга въ поле каждое семейство получаетъ право приступить къ полевымъ работамъ и засѣвать свое поле.

Подобный обычай существуетъ и у койсубулинцевъ, но только съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ.

Въ послѣднихъ числахъ февраля, одинъ изъ болѣе почетныхъ и зажиточныхъ жителей, которому предъидущій годъ принесъ обильный урожай, собравъ въ переметныя корзины сѣмена разныхъ плодовъ и растеній, приглашаетъ своихъ односельцевъ въ поле, на мѣсто не тронутое еще сохою. Мулла читаетъ молитву. Хозяинъ впрягаетъ въ соху пару быковъ, проводитъ сохою двѣ борозды, и это вспаханное мѣсто засѣваетъ приготовленными сѣменами. Гости, послѣ угощенія, берутъ на ладонь земли, изъ вновь вспаханнаго мѣста, съ помощію слюны превращаютъ ее въ тѣсто или грязь, и мажутъ себѣ ею разныя части тѣла — въ предохраненіе отъ ревматизма и другихъ болѣзней.

Между тѣмъ, съ уходомъ мужчинъ въ поле, всѣ дѣвицы, отъ 7 до 16 лѣтняго возраста, одѣваются въ лучшія шелковыя и разноцвѣтныя платья, своихъ матерей и бабушекъ, и выступаютъ въ слѣдъ за мужчинами побѣгать, порѣзвиться и поиграть на зеленой муравѣ полей или въ садахъ, окружающихъ селеніе.

Такое удовольствіе предоставляется имъ только одинъ разъ въ годъ: по возвращеніи домой, шелковыя платья замѣняются обыкновенными грязными и веселье кончается. Мужчины, возвращаясь съ поля, производятъ стрѣльбу, скачку и джигитовку, а въ заключеніе устраивается бѣгъ босыхъ мальчиковъ, скидающихъ при этомъ свое верхнее платье. Первый, достигшій цѣли, находящейся саженяхъ въ 25 отъ начала бѣга, получаетъ отъ родныхъ въ подарокъ ружье, которое, по возвращеніи домой, онъ же долженъ вымѣнять на сласти и фрукты (1).

Засѣявъ поле, горецъ можетъ разсчитывать, что онъ будетъ съ хлѣбомъ

---

(1) Воспоминанія муталлима Абдуллы-Омарова. Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ вып. I. Тифлисъ 1868 г. Дагестанъ, его нравы и обычаи Павелъ Пржецлавскій. Вѣстникъ Европы 1867 г. т. III. Тоже Кавк. 1860 г. № 27. Какъ живутъ лаки Абдуллы Омарова. Сборникъ свѣд. о кавказс. горцахъ выпускъ III. Домашняя и семейная жизнь дагестанскихъ горцевъ аварскаго племени Н. Львова. Тамъ же.

*

только при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ: когда дождь пойдетъ во время и не будетъ продолжительной засухи. Излишекъ того или другаго вредно отзывается на его хозяйствѣ и заставляетъ лишній разъ сходить въ мечеть, лишній разъ помолиться, пригласить кадія прочесть молитву и прочее. Въ продолжительной засухѣ онъ видитъ гнѣвъ Божій, обращенный исключительно на жителей его аула.

По вѣрованію мусульманъ, дождь идетъ по волѣ Божіей, собственно для орошенія земли, а если гдѣ случается долгое время засуха, то это есть ни что иное какъ гнѣвъ Божій, падающій на прогнѣвившихъ его рабовъ. По сказанію тѣхъ же мусульманъ, Господь назначилъ ангела Михаила управляющимъ водою, и приказалъ ему отпускать на землю ежегодно опредѣленное количество воды. Когда Господь разгнѣвается на какой нибудь народъ, общество или селеніе, то приказываетъ Михаилу не давать имъ воды, не орошать ихъ полей и угодій, и ангелъ направляетъ тогда тучи на необитаемыя земли и степени, на безлюдныя горы и проливаетъ тамъ воду, которая приходилась на долю прогнѣвившихъ Господа жителей аула.

При такомъ взглядѣ народа естественно, что, съ появленіемъ засухи, жители служатъ молебны и, при совершеніи намазовъ, читаютъ особыя молитвы; но если и затѣмъ дождь не появится, то собираются просить дождя цѣлымъ селеніемъ.

Въ назначенный день, на избранномъ въ полѣ мѣстѣ, сходятся жители всего селенія, при чемъ каждая хозяйка несетъ съ собою что нибудь съѣстное. Женщины садятся отдѣльно отъ мужчинъ, а по срединѣ ихъ кадій, съ книгою въ рукахъ. Послѣ поученія, произносимаго кадіемъ, поученія, въ которомъ онъ требуетъ, чтобы супруги строго исполняли свои обязанности, чтобы жены повиновались мужьямъ, а мужчины не воровали другъ у друга, не лгали и не клеветали, вся толпа, раздѣливши съѣстное, отправляется къ рѣкѣ съ пѣніемъ: *Ля-илляхи-иль-Аллахъ*! (нѣтъ Бога, кромѣ единаго Бога).

На берегу рѣки мальчики собираютъ камешки, и, точно такъ же какъ у чеченцевъ, передаютъ ихъ старшимъ, а тѣ читаютъ надъ ними особую молитву.

— Всевѣдущій и невидимый! произноситъ каждый надъ своимъ камешкомъ, ты находишься въ высочайшемъ мѣстѣ, сними съ насъ то, что видишь (т. е. засуху).

Приложивъ потомъ камешекъ къ своимъ губамъ, его откладываютъ въ сторону.

Собираніе камешковъ и чтеніе надъ ними молитвы часто продолжается до самаго вечера, и за тѣмъ всѣ начитанные камни всыпаются въ воду. Молодые люди бросаются за камнями въ рѣку: купаются, полощатся и часто тащатъ туда же и самого кадія, не обращая вниманія ни на какія угрозы и отговорки.

Вечеромъ по возвращеніи домой по всему аулу слышны голоса дѣвушекъ, словами слѣдующей пѣсни молящихъ у Бога дождя и прекращенія засухи:

Да пойдетъ дождь, да пойдетъ. Аминь!
Водяной дождь да пойдетъ. Аминь!
Ягнята просятъ травы. Аминь!
Дѣти просятъ хлѣба. Аминь!

III.

Дагестанское селеніе.—Домъ горца.—Пища.—Гостепріимство.—Домашній бытъ горца.—Характеръ, наружный видъ и одежда.—Женщина и ея положеніе въ домѣ.—Народная поэзія.—Характеръ женщины и ея впечатлительность.

На правомъ берегу рѣки Андійскаго Койсу стоитъ аулъ Энхелой. Мѣстоположеніе его чрезвычайно живописно. Громадная гора, состоящая изъ однѣхъ сѣрыхъ скалъ, едва прикрытыхъ мхомъ, изрыта почти отвѣсными дождевыми потоками, падающими внизъ смѣлыми и прихотливыми линіями. Къ подошвѣ этой горы прилѣплены выстроенныя довольно красиво сакли, расположенныя одна надъ другою, такъ что крыша нижней служитъ дворомъ верхней сакли. Всѣ эти постройки выглядываютъ изъ за вершинъ великолѣпныхъ орѣховыхъ деревьевъ, которыя роскошно растутъ внизу, на самомъ берегу шумящей и клокочущей Койсу. Передъ ауломъ видна шамилевская стѣна и ущелье, загроможденное, справа и слѣва, громадными скалами, по которымъ вьется змѣею горная тропинка, подымающаяся подъ облака, а внизу, съ пѣной и брызгами, несется горный потокъ, съ шумомъ впадающій въ Койсу близъ самаго аула.

Далеко не всѣмъ ауламъ Дагестана выпала такая дивная и величественная природа. Большая часть ихъ окружаютъ голыя скалы, приближаясь къ которымъ, гдѣ нибудь на пригоркѣ, видна скученная масса сѣрыхъ, каменно-деревянныхъ клѣтушекъ, сидящихъ одна надъ другой, безъ внутреннихъ дворовъ. Изъ каждой клѣтушки глядитъ нѣсколько миніатюрныхъ отверстій, то круглыхъ, то четырехъугольныхъ—это окна безъ рамъ, переплетовъ и безъ стеколъ. Эти окна служили нѣкогда и амбразурами, такъ что брать съ боя кучку сѣроватыхъ сакель аула было все равно, что брать крѣпость.

Улицы ауловъ Дагестана чрезвычайно извилисты, узки, круты и состоятъ часто изъ ступенекъ, образуемыхъ изъ безпорядочно набросанныхъ каменьевъ,

острыхъ и неровныхъ. При встрѣчѣ двухъ человѣкъ въ такой улицѣ, имъ трудно разойтись иначе какъ повернувшись бокомъ; а улица, по которой можетъ проѣхать одна повозка, считается уже весьма широкою. Причиною такой тѣсноты улицъ бываетъ часто съ боку обрывъ въ нѣсколько саженъ, не дозволяющій сдѣлать ихъ болѣе широкими. Грязь и нечистота составляютъ исключительную принадлежность ауловъ; даже общественныя зданія, какъ, напримѣръ, мечети, содержатся неопрятно. Всѣ дома построены сжато: одинъ прилѣпленъ къ другому.

Стараясь укрыть свои дома отъ непогоды, жители, вмѣстѣ съ тѣмъ, располагали свои деревни на такой мѣстности, которая могла бы представить наиболѣе выгодъ при оборонѣ отъ вторгающагося непріятеля. Отъ этого деревни ихъ или спустились въ глубокіе овраги, гдѣ прикрываются нависшими скалами, то тянутся не вдоль подошвы горы, а по скату ея, и лѣпятся одна надъ другою въ видѣ амфитеатра, или, наконецъ, пріютились на такой крутой возвышенности, что доступъ къ ней весьма затруднителенъ.

Мѣста аула, доступныя непріятелю, закрывались каменною стѣною съ бойницами и башнями, для фланговой обороны, а иногда такую стѣну замѣнялъ простой плетень изъ хвороста, перевитаго въ два ряда и вооруженнаго колючками. Въ стѣнѣ, окружающей аулъ, располагались ворота, для выѣзда въ поля или сосѣдніе аулы; со сторонъ же, не подверженныхъ непріятельскому нападенію, ни воротъ, ни стѣнъ не было.

Случалось, что селеніе располагалось на ровномъ мѣстѣ, но это бывало тогда только, когда оно было многолюдно, близко отъ укрѣпленія или вообще не подвержено нечаянному непріятельскому нападенію. Въ этомъ случаѣ селеніе все-таки сплошь обносилось стѣною; на всѣхъ выходящихъ изъ него дорогахъ устраивались ворота, которыя на ночь запирались, а внутри селенія всегда былъ караулъ, помѣщавшійся въ башнѣ, выстраиваемой при воротахъ. Въ аулахъ, ближайшихъ къ непріятелю, кромѣ караула, располагались еще секреты, обязанные извѣщать деревню о всемъ замѣченномъ ими и принимать выстрѣлъ, гдѣ бы онъ ни былъ сдѣланъ. Не принявшій выстрѣла и не повторившій его подвергался штрафу въ три руб. сер.

Въ послѣднее время горцы, и въ особенности даргинцы и мехтулинцы, стали устраивать сторожевыя башни, на подобіе нашихъ казацкихъ вышекъ. Башни эти строились на такихъ мѣстахъ, откуда можно было видѣть окружающую мѣстность на значительное разстояніе, и занимались днемъ и ночью карауломъ изъ ближайшихъ ауловъ.

Тамъ, гдѣ нѣтъ лѣса, сакли и всѣ надворныя службы строятся изъ камня на глинѣ, а другія просто сложены изъ камня безъ глины. При недостаткѣ камня строятъ изъ нежженнаго кирпича, а въ мѣстахъ лѣсистыхъ плетутъ изъ хвороста, обмазаннаго внутри и снаружи глиною. Очень небольшой дворъ каждаго селянина, составляя четыреугольное или полукруглое, какъ

у тавлинцевъ, пространство, обнесенъ каменнымъ или деревяннымъ заборомъ, смотря по тому, какой матеріалъ находится ближе подъ рукою.

Въ стѣнѣ или изгороди полукруглаго двора тавлинца сдѣланы съ одной стороны калитки, навѣсы для помѣщенія лошадей пріѣзжихъ, а съ другой стороны построена длинная сакля, располагаемая преимущественно по діаметру дуги и снабженная навѣсомъ по всему фасаду. Сакля тавлинца раздѣляется на двѣ половины; въ одной живетъ хозяинъ, въ другой, сообщающейся съ нею небольшимъ отверстіемъ, похожимъ болѣе на окно, чѣмъ на дверь, помѣщается его жена и хозяйка.

Во всѣхъ остальныхъ селеніяхъ аварскаго или лезгинскаго племени дворъ четыреугольный, дома большею частію каменные, двухъ-этажные и всѣ съ плоскою крышею. Бѣдные ставятъ свою маленькую саклю гдѣ нибудь въ углу двора, непремѣнно окнами во внутрь, и устраиваютъ небольшой сарай или просто навѣсъ для скота. Богатые же, исключая той стороны, въ которой находятся ворота, обносятъ весь дворъ строеніемъ въ видѣ буквы *П* въ два этажа, изъ которыхъ нижній предназначается для помѣщенія лошадей, скота и различныхъ хозяйственныхъ принадлежностей. Разгородивъ это помѣщеніе на нѣсколько маленькихъ отдѣленій, горецъ называетъ ихъ: одно ослинымъ сараемъ, другое бычачьимъ, коровьимъ, конюшнею и т. д. Здѣсь же устраиваются саманки для складыванія самана или мелкой рублепой соломы для скота. Въ одной изъ такихъ комнатъ можно встрѣтить большіе глиняные кувшины, въ которыхъ сохраняется мука, толокно, сывороточный уксусъ, грушевый квасъ, и маленькіе горшки, въ которыхъ сохраняется масло и сыръ.

Деревянная крыша нижняго этажа, засыпанная сверху землею, служитъ поломъ для верхняго этажа. Потолокъ послѣдняго дѣлается также деревянный и обсыпается землею, которая и составляетъ собственно плоскую крышу сакли. Для образованія потолка кладутъ во всю длину комнаты толстую четыреугольную балку, поддерживаемую однимъ или тремя столбами; паралельно къ ней кладутъ другіе, но потоньше и на полъ аршина одна отъ другой, а промежутки между ними забираютъ тросточками или полѣньями. Для стока воды на крышахъ прокладываютъ деревянные желоба. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Дагестана къ саклѣ примыкаетъ высокая четыреугольная башня съ нѣсколькими амбразурами, сложенная изъ нетесаннаго камня сухой кладки.

Длинное строеніе горца разгораживается и въ верхнемъ этажѣ на отдѣльныя продолговатыя комнаты, величина которыхъ совершенно зависитъ отъ произвола хозяина и бываетъ отъ четырехъ до двухъ саженъ въ длину и отъ пяти до трехъ арш. въ ширину. Въ одной такой комнатѣ помѣщается все семейство хозяина, въ другихъ женатые сыновья, каждый отдѣльно, и за тѣмъ всѣ прочія служатъ складомъ грушъ, яблокъ, разныхъ овощей и другихъ произведеній сельскаго быта. Тутъ же въ углу наложены серпы, топоры, кирки, шерстяныя веревки, ремни и прочее.

Окна дѣлаются въ стѣнѣ выходящей на дворъ, весьма малы и не имѣютъ

стеколъ, а закрываются изъ-нутри ставнями или рамами со сквозною рѣшоткою, иногда съ узорчатою рѣзьбою, выкрашенною яркими цвѣтами. Двери хотя и двустворчатыя, но, по большей части, очень низки, притворяются съ внутренней стороны и не имѣютъ запоровъ.

Одна изъ комнатъ оставляется свободною; лучше другихъ убранная и покрытая паласами или коврами, она называется *кунахскою* и служитъ для пріема гостей.

Нѣтъ дома сколько нибудь зажиточнаго горца, въ которомъ бы не было подобія балкона—навѣсъ, поддерживаемый стойками, утвержденными въ землѣ. Часто, вмѣсто деревянныхъ или каменныхъ перилъ, туземецъ складываетъ на краю балкона кизякъ, обмазанный навозомъ, въ предохраненіе его отъ сырости. Тутъ же устраивается неподвижно плетеная коробка, обмазанная внутри и снаружи глиною, имѣющая видъ усѣченнаго конуса, обращеннаго широкимъ основаніемъ вверхъ и назначаемая для ссыпанія зеренъ.

По срединѣ внутренней стѣны комнаты, въ самомъ полу, дѣлается небольшое углубленіе: это очагъ, при топкѣ котораго зачастую топливо кладется прямо на полъ. Поверхъ очага въ нѣкоторыхъ сакляхъ дѣлается родъ балдахина, подъ который собирается дымъ, выходящій потомъ въ широкую прямую трубу; въ другихъ сакляхъ хозяева ограничиваются отверстіемъ, сдѣланнымъ въ потолкѣ надъ очагомъ, наконецъ третьи вовсе ничего не дѣлаютъ, предоставляя дыму выходить какъ и куда онъ пожелаетъ. Оттого въ большей части сакель потолки и стѣны бываютъ такъ закопчены, что блестятъ, и издали похожи на покрытыя черною клеенкою.

Въ нѣкоторыхъ обществахъ вмѣсто очага устраивается каминъ, и тогда по обѣимъ сторонамъ его, въ сдѣланныхъ въ стѣнѣ углубленіяхъ, помѣщается необходимая для стряпни мелочь; надъ углубленіемъ висятъ деревянныя коробочки, въ которыхъ хранятся различной величины ложки въ значительномъ числѣ. Онѣ служатъ больше для украшенія, потому что въ пищѣ горца нѣтъ такихъ блюдъ, которыя онъ ѣлъ бы ложкою. Въ одномъ изъ угловъ комнаты стоитъ шкафъ грубой работы, въ другомъ кровать, надъ которой иногда виситъ коверъ. Въ одной изъ стѣнъ дѣлается нишъ или же на каменныхъ стойкахъ, высотою $1^1/_2$ аршина, положена доска, а на ней тюфяки, подушки и одѣяла. Если доска длинна, то на нее ставятъ также сундукъ, непремѣнно красный, разрисованный цвѣтами, а иногда и нѣсколько сундуковъ, одинъ другаго меньше; въ нихъ помѣщается разная домашняя мелочь; иногда же, оставаясь пустыми, они предназначаются для украшенія сакли. Тюфяки и подушки шьются изъ нанковой, бумажной или шерстяной набойки, и набиваются бараньею шерстью или мягкою травою. Никакихъ наволокъ на подушки не полагается: однажды надѣтыя, они не моются до окончательнаго обветшанія, а потому тѣ изъ нихъ, которыя бываютъ въ частомъ употребленіи, лоснятся отъ накопившагося на нихъ толстаго слоя сала. Лучшіе тюфякъ и подушки хозяинъ кладетъ къ кунахской и покрываетъ ихъ съ лицевой стороны: тю-

фякъ персидскою матеріею, а подушку краснымъ канаусомъ. Эта постель никогда не употребляется хозяевами и ею пользуются только почетнѣйшіе гости.

Горецъ спитъ на полу, стаскиваетъ туда тюфяки и подушки, раздѣвается до-гола, не снимаетъ только папахи, и прикрывается одѣяломъ изъ бумажной набойки, подложенной бараньею шерстью. На балконѣ ставятъ деревянную, грубой работы, кровать, на которой всегда лежитъ тюфякъ и подушка. На ней отдыхаетъ иногда хозяинъ днемъ во время лѣта.

Стѣны сакли убираются множествомъ различной посуды, цѣлой и битой: бутылками, привѣшенными за горлышко, тарелками, привязанными такъ, чтобы разрисованная сторона была наружу, и даже, впрочемъ очень рѣдко, зеркалами, подвѣшенными у самаго потолка. Зеркала, которыми владѣютъ горцы, очень плоски, и оттого лицо смотрящагося въ нихъ кажется бугорчатымъ. Зеркала и посуда служатъ исключительно для украшенія жилища горца. Для этой послѣдней цѣли онъ нерѣдко прибѣгаетъ и къ убранству своихъ грязныхъ стѣнъ. Часто на одной изъ нихъ можно встрѣтить нѣсколько неразрѣзанныхъ бумажныхъ платковъ, прибитыхъ во всю длину ихъ; на другой длинный кусокъ ситцу, а подъ нимъ прибито нухинское полосатое шелковое одѣяло. Словомъ, тѣ вещи, которыя составляютъ у насъ предметъ необходимаго употребленія, горцы все это употребляютъ для украшенія своихъ стѣхъ и комнатъ.

Столбы, подпирающіе потолокъ, и часть стѣнъ увѣшивается оружіемъ, большими овчинными шубами, новыми и старыми, и маленькими ночными папахами изъ бараньей шкуры; неподалеку отъ двери, на поперечной стѣнѣ, висятъ два мѣдные таза, которые часто во время пирушекъ служатъ музыкальными инструментами и подносами; ихъ уставляютъ чашками, тарелками и другою посудою, наполненною кушаньями. Подъ потолкомъ можно встрѣтить привѣшенную сушеную баранину и курдюки различныхъ годовъ. Подъ курдюками на полкахъ стоятъ чашки для стока съ нихъ сала, а возлѣ нихъ посуда различной величины и вида, чашки, кувшины и подносы. Для сообщенія съ саклями дѣлается небольшая дверь въ поперечной стѣнѣ.

Два-три весьма низкихъ стула, съ трехъугольнымъ сидѣньемъ, утвержденнымъ на трехъ ножкахъ не болѣе четверти аршина высотою, довершаютъ убранство сакли. На стульяхъ сидитъ иногда хозяинъ, грѣясь у камина, и ихъ всегда подаютъ русскому знакомому. Остальные члены семьи садятся на полъ, поджавъ подъ себя ноги. «Войдя въ пріемную компату, говоритъ Н. Грановичъ, я былъ пораженъ собраніемъ развѣшенныхъ по стѣнѣ тарелокъ и блюдечекъ (съ проверченными по срединѣ дырочками и насаженныхъ на гвоздикахъ); тутъ же стояли миски, подносы, бутылки, штофы, одеколонные флакончики и помадныя банки, кувшины, самоваръ на двухъ ножкахъ, битые и склеенные сургучемъ стаканы; на перекладинѣ потолка висѣли стѣнные часы, которые показывали одно, а били другое; по угламъ стояли двѣ скрипучія полусломанныя кровати и едва держащійся на ножкахъ столикъ, но за то

покрытый цвѣтной клеенкой; двѣ стѣны были оклеены кусками разноцвѣтныхъ обоевъ, которые хозяинъ вѣрно гдѣ нибудь собралъ какъ рѣдкость; два же окошка заклеены бумагой». Таково убранство комнаты человѣка представительнаго, старшины селенія, имѣющаго большую претензію на европейскую жизнь. Тамъ и сямъ къ потолку прилѣплены кружки бумажки: то талисманы или молитвы изъ корана, охраняющія горца отъ всякаго рода напастей.

Лезгины Джаро-бѣлаканскаго округа (1) живутъ лучше своихъ соплеменниковъ; деревни ихъ тянутся на значительное разстояніе и раскинуты по живописнымъ мѣстамъ, по большей части у подошвы горъ, гдѣ, въ роскошныхъ садахъ, подъ тѣнью виноградныхъ лозъ, туземцы наслаждаются жизнію. Каждый живетъ отдѣльно, дворъ обнесенъ каменною стѣною, во дворѣ *коругъ*, или сѣнокосъ, сзади виноградникъ, а съ боку садъ шелковичныхъ деревьевъ.

Дома каменные, по преимуществу двухъ-этажные, чистые и опрятные, обмазанные внутри и снаружи извёстью и снабженные узкими окнами. Домъ каждаго приспособленъ такъ, что составляетъ замокъ, представляющій твердую защиту отъ непріятеля или кровоместника.

Домъ раздѣленъ на двѣ половины: одна для мужчинъ, другая для женщинъ. Въ каждой комнатѣ большой каминъ, полъ устланъ коврами и рогожами; въ комнатѣ чисто и опрятно; домашнюю утварь составляютъ ковры и мѣдная посуда.

Изъ всего сказаннаго видно, что лезгинъ дѣлитъ свое жилище на двѣ половины: женскую, гдѣ живетъ вся семья, и кунахскую, гдѣ принимаются гости; хозяинъ особенно заботится о послѣдней. Она всегда содержится въ чистотѣ и порядкѣ, стѣны ея выбѣлены, уголъ занятъ обыкновенно каминомъ. Въ противоположность этому, женская половина отличается своею нечистотою, грязью, и въ ней часто помѣщаются домашнія животныя.

Почти у каждаго, сколько-нибудь зажиточнаго, поселянина, есть особый хуторъ, въ которомъ зимою содержится его рогатый скотъ. Вблизи хутора заготовляется и кормъ для скота. Хутора располагаются преимущественно по ущельямъ, неподалеку отъ ручьевъ, рѣчекъ, родниковъ и покосовъ. Нѣкоторые строятъ при хуторахъ особую комнату, для лѣтняго помѣщенія хозяина, и устраиваютъ внутри ея резервуаръ, наполняемый, холодною какъ ледъ, родниковою, проточною водою. Часть такой комнаты занята широкимъ каменнымъ диваномъ, замѣняющимъ собою стулья и кровати. Подобная комната служитъ единственнымъ и пріятнымъ убѣжищемъ отъ палящаго лѣтняго зноя (2), и составляетъ необходимость для каждаго туземца, проводящаго дни свои въ праздности и бездѣльѣ.

---

(1) Джаро-бѣлаканскій округъ ограниченъ съ востока горами Гудуръ и Дагъ.-Моуравъ; съ запада р. Алазанью; съ юга Нухинскимъ уѣздомъ, а съ сѣвера р. Картубанъ-Чаемъ.

(2) Поѣздка въ Джаро-бѣлаканскую область Тифлискія вѣдомости 1830 г. № 82. Краткій обзоръ Джаро-бѣлаканскаго округа. Закавк. вѣстн. 1850 г. № 9. Изъ путешествія

Надо сказать, что жизнь горца проходила однообразно, скучно и, по большей части, безплодно. Повсюду видно какое-то наводящее тоску спокойствіе и въ цѣломъ селеніи не замѣтно никакого движенія, не слышно ни пѣсни, ни музыки—точно все вымерло, подъ вліяніемъ деспотическаго гнета Шамиля, преслѣдовавшаго всякое проявленіе веселости. Горецъ проводилъ свое время или въ кунахской среди гостей, или на общественной сходкѣ.

Гостепріимство было развито между туземцами и они свято наблюдали этотъ обычай только между собою. Для своего единоплеменника, горецъ былъ всегда хлѣбосоленъ. Бѣдный горецъ старается предоставить пріѣзжему точно такія же удобства, какія можно имѣть у богатаго; то, чего нѣтъ у него, онъ попроситъ у сосѣда или родственника, «такъ что вамъ покажется, будто всѣ горцы одинаковаго состоянія, потому что вездѣ и у каждаго видите одно и то же». Гость полный хозяинъ въ домѣ: сажается на первомъ мѣстѣ и распоряжается чѣмъ угодно. За столомъ хозяинъ только и заботится о томъ, какъ бы лучше угостить своихъ гостей. Горцы вообще очень умѣренны въ пищѣ.

Утромъ и въ обѣденную пору мужчина не прихотливъ, но за то требуетъ отъ хозяйки, чтобы ему былъ приготовленъ сытный ужинъ. Въ обыкновенное время днемъ горцы не ѣдятъ ничего теплаго; только въ холодное время они употребляютъ теплую пищу. Возставъ отъ сна, онъ завтракаетъ или, лучше сказать, пьетъ воду, смѣшанную съ поджаренною пшеничною мукою; во время обѣда ѣстъ что случится, и иногда ограничивается однимъ чурекомъ или толокномъ, къ которому прибавляетъ немного молока, сыворотки или просто воды; вечеромъ же хозяинъ требуетъ, чтобы былъ приготовленъ *хинкалъ*. Самую употребительную пищу горца составляетъ *чуреки*, *хинкалъ*, кукуруза и проч. Хозяйка беретъ ячменную, кукурузную или, очень рѣдко, пшеничную муку и мѣситъ тѣсто, изъ котораго приготовляетъ круглыя лепешки и нѣчто въ родѣ широкой лапши. Первыя она опускаетъ въ горячую золу и получается *чурекъ*, или лавашъ, а вторыя бросаетъ въ котелъ съ горячею водою и получается *хинкалъ*. Спустя нѣсколько минутъ, оба вынимаются, и хотя чурекъ не выпекся, но горецъ довольствуется и тѣмъ, чтобы затвердѣла только наружная корка. Хинкалъ вынимаютъ изъ котла особою большою ложкою, съ отверстіями, въ которыя стекаетъ вода, и остается только вареное тѣсто, которое кладется въ чашку и солится съ приправою чесноку.

Горцы пекутъ иногда хлѣбъ изъ кукурузной муки, при чемъ нижняя корка его бываетъ подернута слоемъ жира или сала. Дурно выпеченый, онъ удобно переваривается желудкомъ только въ горячемъ видѣ и въ жаркіе дни; въ хо-

---

по Дагестану Н. И. Воронова. Сбор. свѣд. о кавк. горцахъ вып. I и III. Замѣтки о домашнемъ бытѣ дагестанскихъ горцевъ Н. Абельдяева Кавк. 1857 г. № 50. Укрѣп. Али-Кала П. Пржецлавскаго Кавк. 1860 г. № 53. Очеркъ народонас. нравовъ и обычаевъ дагестанцевъ Зап. Кавк. отд. Им. Р. Географичес.общес. кн. III. изд. 1853 г. Поѣздка въ Ичкерію И. Ограновича Кавк. 1866 г. № 23. Очеркъ Элисуйскаго ущелья К. Никитинъ. Кавк. 1866 г. № 67. Дагестанъ, его нравы и обычаи П. Пржецлавскій. Вѣстн. Европы 1867 г. т. III.

лодное время желудокъ, въ особенности непривычный, не переваривает этого хлѣба.

Кукурузу ѣдятъ вареную съ солью. Отправляясь изъ дому или въ походъ, горецъ беретъ съ собою чурекъ и муку, поджаренную на сковородѣ; за неимѣніемъ и этого, въ случаѣ продолжительнаго похода, онъ довольствуется нѣсколькими листьями растенія, похожаго на щавель. Мясо и курдюки сала занимаютъ почетное мѣсто въ жизни горца. Изъ продуктовъ этого рода приготовляются кушанья только у самыхъ богатыхъ, или во время роскошныхъ обѣдовъ. Мясо составляетъ рѣдкость въ пищѣ бѣднаго жителя и варится только тогда, когда пожелаетъ того глава семейства, безъ разрѣшенія котораго жена не смѣетъ распоряжаться въ хозяйствѣ и самою бездѣлицею. Въ то время, когда жена вѣшаетъ на огонь котелъ, мужъ, лѣниво развалившись возлѣ камина, или очага, указываетъ ей на висящій на гвоздѣ кусокъ мяса, курдюка или колбасы. Она подаетъ ему, а онъ, не нарушая своего спокойствія, отрѣзавъ сколько нужно и повертѣвъ его предъ огнемъ, чтобы опалить шерсть, рѣжетъ на куски и, сосчитавъ ихъ, опускаетъ съ молитвою въ котелъ собственноручно.

Хозяйки дома пользуются этимъ случаемъ и передъ тѣмъ, какъ снять котелъ съ очага, собираютъ ложкою весь жиръ, образовавшійся на верху навара. Жиръ этотъ выливается потомъ въ чашки и, застывшій, употребляется для намазыванія головъ правовѣрныхъ послѣ бритья, для смазыванія рукъ, ногъ, кожаной обуви, а иногда, смѣшанный съ толокномъ, составляетъ лакомство для дѣтей, мало знакомыхъ со вкусомъ мяса.

Имѣя часто значительныя стада барановъ, туземцы, отъ скупости, неохотно ихъ рѣжутъ, довольствуются хинкаломъ, а мясо употребляютъ въ пищу очень рѣдко, и притомъ всегда вяленое на воздухѣ, очень рѣдко жареное и иногда вареное. Употребляютъ въ пищу иногда и конину, но лошадь свою хозяинъ рѣжетъ только тогда, когда она заболѣетъ такъ, что ей не останется прожить болѣе четверти часа; быковъ рѣжутъ только извѣстные богачи, и то въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ. Изъ кишекъ лошадиныхъ и бараньихъ приготовляютъ колбасы. Изъ яицъ и крапивы, приготовляютъ особаго рода колдуны и вареники, очень любимые горцами. Изъ крапивы пекутъ также пироги, которые бываютъ вкусны только тогда, когда горячи. Собираемую весною мяту примѣшиваютъ къ тѣсту и, прибавивъ туда же сала, приготовляютъ изъ этой смѣси особаго рода чуреки, очень любимые туземцами обоего пола. Молоко ѣдятъ рѣдко, а приготовляютъ изъ него творогъ, солятъ его и ѣдятъ иногда дома, а больше берутъ въ дорогу; масло сбиваютъ въ кувшинахъ, перетапливаютъ и продаютъ. Пьютъ *бузу* и угощаютъ ею гостей. Буза противный, но опьяняющій напитокъ; она приготовляется изъ ячменнаго солода такимъ образомъ: солодъ превращаютъ въ муку, пекутъ изъ нея чуреки, которые, разломавъ и наложивъ въ сосудъ, обливаютъ кипяткомъ; черезъ нѣсколько времени жидкость процѣживается и получаетъ названіе бузы.

Какъ умѣренъ въ пищѣ горецъ въ обыкновенное время, такъ, напротивъ того, въ гостяхъ онъ съѣдаетъ огромное количество, чему способствуютъ, конечно, и сами хозяева. Ужинъ для гостя бываетъ всегда самый изысканный. Два ловкихъ нуккера, безъ черкесокъ, въ однихъ архалукахъ, разстилаютъ на полу синюю скатерть во всю длину комнаты. За нею приносятъ на большомъ подносѣ цѣлую груду лавашей и, штуки по двѣ или по три, раскладываютъ ихъ вмѣсто приборовъ въ разныхъ мѣстахъ на скатерти. Подлѣ каждаго лаваша кладется деревянная ложка съ длинною ручкою. Кушанья ставятся на скатерть всѣ сразу: въ мѣдныхъ вылуженныхъ чашкахъ и чашечкахъ наливается супъ и кислое молоко; на мѣдныхъ же блюдахъ и блюдечкахъ приносится шашлыкъ, жареная дичь, яичница, сыръ, соль и непремѣнная принадлежность каждаго обѣда и ужина—медовый сотъ. Каждый ѣстъ что хочетъ, беретъ руками и утирается лавашами. Въ заключеніе ужина, въ видѣ десерта, подается пловъ съ курицею, кишмишемъ, шафраномъ и другими приправами. Его обыкновенно приносятъ на огромномъ блюдѣ, прикрытомъ мѣднымъ вылуженнымъ колпакомъ, пирамидальной формы. Въ жаркіе дни, послѣ обѣда, горцы угощаютъ *арьяномъ*—кислое молоко, разведенное водою, которое, дѣйствительно, утоляетъ жажду и доставляетъ прохладу. Если во время обѣда кто-нибудь предложитъ другому кусокъ мяса, то его слѣдуетъ непремѣнно взять, во первыхъ потому, что того требуетъ вѣжливость, а во вторыхъ отказъ, по убѣжденію туземца, служитъ примѣтою того, что у предлагавшаго падетъ скотина.

За ужиномъ, каждый, почувствовавъ себя сытымъ, произноситъ по-арабски: *«хвала Богу»*, и потомъ обтираетъ обѣими руками свое лицо. При угощеніи пріѣзжаго, хозяинъ и присутствующіе не прерываютъ ѣды до тѣхъ поръ, пока гость не произнесетъ благодарности Богу, но и тогда хозяинъ подчуетъ его, прося продолжать ѣсть, и при этомъ придвигаетъ къ гостю лучшіе куски мяса и хлѣба.

Гость, хотя бы и личный врагъ хозяину, всегда считался священнымъ для него лицомъ до тѣхъ поръ, пока находился подъ его кровлею; за убійство гостя хозяинъ мстилъ какъ за роднаго брата. Принимая же русскихъ, горцы разсчитывали на подарокъ, никогда отъ него не отказывались, и еслибы русскій попалъ, подъ видомъ гостя, въ немирный аулъ, хотя бы и къ испытанному кунаку, то можно было поручиться, что гостепріимство не спасало его ни отъ смерти, ни отъ плѣненія и продажи въ горы.

Въ гостѣ каждый видѣлъ собственное развлеченіе, источникъ новостей, которыя могъ сообщить пріѣзжій и удовлетворить любопытство хозяина. Всѣ такія новости сносились потомъ въ общую кучу, на аульной сходкѣ, и дѣлались достояніемъ всѣхъ одноаульцевъ.

Въ каждомъ селеніи есть непремѣнно *гудеканъ*, или площадка съ выстроеннымъ въ углу навѣсомъ, подъ которымъ въ назначенные дни собирается сельское общество для совѣщаній, и гдѣ, за отсутствіемъ его, ежедневно съ

утра и до вечера сидятъ бѣлобородые старцы, поучающіе молодежь, занятые серьезнымъ разговоромъ или передачею другъ другу новостей. Многіе приходятъ сюда съ самаго ранняго утра, какъ только будунъ (помощникъ муллы) призоветъ народъ къ молитвѣ.

Проснувшись раньше всѣхъ, передъ утреннею зарею, будунъ взбирается на плоскую крышу мечети и громогласно, на распѣвъ, нижеслѣдующими стихами возвѣщаетъ правовѣрнымъ, что наступила пора молитвы.

Великъ Богъ! Великъ Богъ!
Свидѣтельствую, что нѣтъ Бога, кромѣ единаго.
Свидѣтельствую, что Магометъ есть посолъ Божій.
Приходите молиться.
Приходите къ счастію.
Молитва полезнѣе сна.
Великъ Богъ! Великъ Богъ!
Нѣтъ Бога, кромѣ Бога.

Призывъ будуна служитъ сигналомъ къ потягиванію, ворочанію съ бока на бокъ и зѣванію, передающихся изъ одной сакли въ другую. Женщины торопливо вскакиваютъ съ своей постели и, нашептывая молитву, снимаютъ со стѣны мѣдные или деревянные тазы, такой величины, что два человѣка могутъ свободно усѣсться въ нихъ. Наливъ въ нихъ нагрѣтую воду, чета правовѣрныхъ полощится въ тазахъ и, не стараясь смыть съ себя потъ и грязь, ограничивается обливаніемъ семи членовъ. Бѣдные, не имѣющіе подобныхъ тазовъ, спѣшатъ въ *куллу* (¹)—общественную ванну, устроенную подлѣ мечети, а зимою обливаются изъ кувшиновъ въ своихъ сараяхъ.

Торопливо окончивъ, послѣ тѣлеснаго очищенія, утреннюю молитву, только нѣкоторые изъ мужчинъ, преимущественно люди пожилые и старики, принимаются за чтеніе корана; всѣ же остальные закутываются въ свои *сагулы*—широкія, длинныя, безъ рукавовъ, шубы, и засыпаютъ, предоставляя женщинамъ хлопотать по хозяйству. Послѣднія подметаютъ дворъ, выгоняютъ скотину на площадь, гдѣ она ожидаетъ прихода пастуха, выносятъ соръ и выливаютъ помои, задаютъ кормъ скотинѣ, почему-либо остающейся дома, и, наконецъ, занимаются приготовленіемъ кизяка, который складываютъ у наружныхъ стѣнъ сакли или прилѣпляютъ къ забору. Справившись съ домашнимъ хозяйствомъ, женщины, принимаются за приготовленіе пищи. Торопливо выливъ изъ кувшина вчерашнюю воду и закинувъ за спину кувшинъ, каждая

(¹) *Куллой* называется комната, устроенная для молитвы внѣ деревни или подлѣ мечети, и по срединѣ которой сдѣланъ бассейнъ для омовенія.

хозяйка торопится къ фонтану, чтобы тамъ, въ ожиданіи очереди, понабраться новостей, позлословить и посплетничать. Фонтаны устроены такъ, что доступны для набиранія воды только одному человѣку, и потому, въ ожиданіи очереди, женщинамъ есть время поговорить съ сосѣдками. Браня и осуждая сосѣдей, женщина въ то же время шепчетъ молитву, хвастается, а иногда и поетъ пѣсни. Прибѣжавъ потомъ домой и ополоснувши руки холодною водою, хозяйки принимаются за приготовленіе завтрака семейству. Однѣ разогрѣваютъ вчерашній наваръ отъ хинкала и подаютъ его потомъ съ хлѣбомъ и толокномъ, другія варятъ родъ похлебки, и наконецъ наиболѣе зажиточныя дѣлаютъ новый хинкалъ. Стукъ каменнаго пестика о деревянную ступу, въ которой толкутъ чеснокъ для приправы *хинкала*, будитъ мужей.

Зимою, во время сильныхъ морозовъ, никто не показывается на улицѣ, пока не проглянетъ солнце; но едва оно покажется, какъ все населеніе, отъ мала до велика, высыпаетъ на крыши сакель, стараясь подставить свои бока подъ согрѣвающіе лучи солнца.

Солнечная теплота располагаетъ горцевъ къ пріятнымъ занятіямъ, состоящимъ исключительно въ самоочищеніи и изгнаніи изъ своего костюма насѣкомыхъ, извѣстныхъ у туземцевъ подъ именемъ *шуршулибъ-жо*, т. е. шуршащая или ползущая вещь.

Въ такое время дня и при солнечномъ освѣщеніи, почти на каждой крышѣ можно видѣть группы сидящихъ и полулежащихъ горцевъ, мужчинъ и женщинъ, занимающихся разсматриваніемъ своего костюма.

«Горецъ, пишетъ г. Львовъ, почувствовавшій присутствіе надоѣдливаго насѣкомаго, въ какой бы то ни было части своего туалета (а нужно замѣтить, что все платье горца, начиная отъ нижняго до папаха, отъ лѣтняго до зимняго, изобилуетъ множествомъ этого рода насѣкомыхъ), не стѣсняясь ни мѣстомъ, гдѣ открылъ маленькаго врага, ни мѣстомъ, гдѣ самъ находится, ни чьимъ бы то ни было присутствіемъ, исключая, разумѣется, русскаго начальника, немедленно дѣлаетъ повальный обыскъ—и найденное насѣкомое тутъ же всенародно наказуется. Послѣ этой операціи онъ преспокойно поплевываетъ на ногти большихъ пальцевъ и указательными обтираетъ ихъ. Соскучась и этимъ занятіемъ, горецъ передаетъ свою рубаху женѣ для починки, если таковая требуется. Жена, рекогносцируя съ тою же цѣлію заповѣдныя части своего туалета или держа разостланную на колѣнахъ свою рубаху и оставаясь по-поясъ ничѣмъ не покрытою, немедленно оставляетъ свое занятіе и принимается чинить мужнино бѣлье».

Подобное занятіе женщины тѣмъ болѣе интересно, что она, во время владычества Шамиля и господства шаріата, оставаясь по-поясъ совершенно голою, старалась закрыть свое лицо, чтобы не соблазнить правовѣрныхъ мужескаго пола.

Одновременно съ этимъ, на крышѣ сосѣдней сакли, туземецъ, смотрясь въ зеркало, выщипываетъ на бородѣ и щекахъ волосы, или производитъ ту же

операцію надъ товарищемъ, лежащимъ къ верху лицомъ. Дочь заботливо осматриваетъ волосы своей матери и для этого кладетъ ея голову на свои колѣни, или осматриваетъ рубаху своего отца, который, надѣвъ на голое тѣло овчиную шубу, занимается осматриваніемъ своего папаха. Болѣе религіозные люди, перебирая четки и поднявъ къ верху лицо, съ закрытыми глазами, безсознательно, нашептываютъ молитву; наконецъ нѣкоторые, растянувшись во всю длину, сладко дремлятъ подъ лучами зимняго солнца.

Тихо въ воздухѣ, еще тише въ аулѣ; каждый занятъ своимъ дѣломъ на столько, что, по видимому, никто не рѣшится перемѣнить мѣста или нарушить пріятное для него занятіе, исключительно посвященное собственному тѣлесному очищенію. Такова картина мирныхъ занятій горца. Въ прежнее время однообразіе это нарушалось изрѣдка бранною жизнью. Тогда случалось, что извилистые переулки и крутыя околицы селенія наполнялись толпами вооруженныхъ горцевъ. Иные жарили на открытомъ воздухѣ шашлыкъ, другіе стояли возлѣ, третьи сидѣли или бродили вокругъ своихъ коней. Всѣ они одѣты бывали въ буркахъ разныхъ цвѣтовъ, съ длинными винтовками за плечами, съ кинжалами и пистолетами за поясомъ. Одежда ихъ не отличалась ни тонкостію, ни опрятностію, но за то каждый оборванный горецъ, сложивъ руки на-крестъ или взявшись за рукоять кинжала, или, наконецъ, опершись на ружье, стоялъ такъ гордо, какъ будто былъ властителемъ вселенной, попираемой его поршнями.

Вся толпа эта собиралась, бывало, съ разныхъ сторонъ послѣ ночнаго набѣга, и если случалось, что привозила съ собою русскаго плѣннаго, то онъ становился предметомъ всеобщаго любопытства: его щупали, осматривали и распрашивали: о мастерствѣ какое онъ знаетъ, о числѣ русскихъ войскъ и намѣреніи ихъ. Нѣкоторые кичились своею храбростію и прославляли свою независимость.

— Съ тѣхъ поръ, говорили они, напримѣръ, какъ солнце свѣтитъ и желѣзо на солнцѣ блеститъ, никто не указывалъ койсубулинцамъ куда не ѣздить и чего не дѣлать! Одни русскіе вздумали удержать рѣшетомъ Койсу нашу—пускай же берегутъ рѣшето и руки. Мы знаемъ, что они хотятъ придти къ намъ, забрать нашихъ красавицъ въ гаремы, а сыновей въ барабанщики... милости просимъ! Хотя бы у каждаго изъ васъ было столько же головъ, сколько пуговицъ на кафтанѣ, и тогда не вынести вамъ назадъ пары языковъ, чтобы разсказать своимъ о горскомъ угощеньи. У насъ мало мѣста подъ засѣвъ хлѣба, но всегда довольно его, чтобы засѣять русскими головами ([1]).

Стравливаніе, напримѣръ, мальчишками собакъ отвлекало вниманіе отъ плѣнника и въ аулѣ подымался шумъ и гамъ. Въ такихъ случаяхъ, тогда, точно такъ же какъ и теперь, большіе и малые, мужчины и женщины, дѣти и взрослые—всѣ бѣгутъ къ мѣсту травли, и даже старики, лишенные

([1]) Койсубулинцы, Тифлисскія вѣдом. 1831 г. № 9—18.

способности ходить, кое-какъ подползаютъ къ краю крыши, чтобы полюбоваться зрѣлищемъ. Праздное любопытство горца, въ теченіе цѣлаго дня, занято въ одномъ мѣстѣ травлею собакъ, въ другомъ конскою скачкою, а въ третьемъ *бросаньемъ камня.* Выбравъ ровную площадку, кладутъ по срединѣ ея камень или проводятъ на землѣ черту. Отмѣривъ отъ положеннаго камня или отъ проведенной черты шаговъ десять или пятнадцать, проводятъ новую черту, на которой и становятся играющіе. Взявъ въ руки довольно тяжелый камень, фунтовъ въ пятнадцать, кладутъ его на ладонь правой руки такъ, чтобы одинъ край камня, придерживаемый пальцами, касался другимъ концомъ своимъ середины плеча правой руки. Размахивая камнемъ во всѣ стороны и сдѣлавъ большой скачекъ, по направленію къ передней чертѣ, камень бросается впередъ, и въ этомъ заключается вся игра, способная однакоже занять празднаго горца на многое множество часовъ (1).

Не смотря на всеобщую бѣдность и неопрятность, горецъ смотритъ гордо и весело. Онъ крѣпкаго тѣлосложенія, преимущественно средняго роста, сухощавъ, смуглъ и черноволосъ. Суннитъ брѣетъ голову, шіитъ-же пробираетъ широкую полосу, отъ лба до затылка и до самой шеи, оставляя только съ боку головы, подлѣ ушей, длинныя пряди волосъ. Обѣ секты ровно подстригаютъ бороду и весьма рѣдко брѣютъ ее; муриды носили бороду треугольникомъ. Люди, имѣющіе значеніе въ обществѣ, и почетные старики красятъ бороду и ногти *хной* въ шафранный цвѣтъ. Джаро-бѣлаканцы имѣютъ черты лица весьма пріятныя, носъ умѣренный, губы небольшія, волосы гладкіе. Они стройны, цвѣтъ кожи у мужчинъ смуглъ, у женщинъ—бѣлъ и нѣженъ.

Горецъ вспыльчивъ, мстителенъ и помнитъ обиду долго, смышленъ, хитеръ, лукавъ, корыстолюбивъ и охотникъ до кляузъ.

Вообще въ характерѣ горца есть много хорошаго, но за то есть много и дурнаго, и послѣднее едва-ли не превышаетъ первое. Народъ обладаетъ большими умственными способностями, но употребляетъ ихъ на дурные поступки. Прикинувшись святошею, человѣкомъ благонамѣреннымъ и добродѣтельнымъ, онъ дѣлаетъ это такъ ловко, что часто приводитъ въ смущеніе и обманываетъ своихъ земляковъ. Всѣ человѣческіе недостатки и пороки особенно рельефно высказываются здѣсь потому, что никто не считаетъ нужнымъ скрывать ихъ отъ постороннихъ, никто не стыдится своихъ слабостей. Все это, конечно, происходитъ отъ необразованности и невоспитанія. Единственное образованіе, которое получаютъ дѣти, есть умѣнье читать коранъ и его толкованія. Рѣдко можно встрѣтить лицъ, занимающихся ремесломъ, но и эти лица самоучки. Желаніе пріобрѣсти легкимъ способомъ средство къ пропитанію сдѣлало горца вкрадчивымъ, пронырливымъ, приторно-льстивымъ и завистли-

(1) О нравахъ и обычаяхъ дагестанскихъ горцевъ. Н. Львова Кавк. 1867 г. № 70. Домашняя и семейная жизнь дагестанскихъ горцевъ Аварскаго племени. Его же Сборн. свѣд. о кавказс. горцахъ выпускъ III.

вымъ. Если онъ не видитъ, что вы можете быть ему полезны, онъ держитъ себя относительно васъ гордо; но если онъ расчитываетъ на васъ, надѣется получить какую-либо выгоду, то унижается до того, что не только обнажитъ передъ вами бритую свою голову, но будетъ цѣловать руки, «не отличая раба отъ господина или гяура отъ мусульльманина». Если при этомъ разсчеты его окажутся не вѣрными, и человѣкъ, на содѣйствіе котораго онъ расчитывалъ, окажется безсильнымъ для осуществленія его корыстолюбивыхъ видовъ, то онъ, какъ бы въ отмщеніе за свое напрасное униженіе, отплачиваетъ ему презрѣніемъ, бранью и насмѣшками. Зависть горца не имѣетъ границъ и изъ за нея онъ готовъ причинить всевозможное зло даже и ближайшему своему родственнику. «Я зналъ одну горянку, говоритъ Львовъ, которая подожгла домъ родной сестры за то, что послѣдняя получила отъ отца болѣе приданаго чѣмъ она».

Жители Элисуйскаго ущелья отличаются, напротивъ того, своею нравственною чистотою и причину тому надо искать въ разобщеніи ихъ съ прочимъ міромъ и окружающими ихъ сосѣдями. Они постоянны въ сношеніяхъ другъ съ другомъ, искренны и честны въ дѣлахъ съ посторонними и иновѣрцами. Напротивъ того, на постоянство и честь ихъ единоплеменниковъ положиться нѣтъ никакой возможности. Обмануть кого бы то ни было считается дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Горецъ безпрестанно будетъ говорить *валла* (ей-Богу), и послѣ станетъ смѣяться надъ тѣмъ, кто ему повѣритъ.

Движенія горца мягки и быстры, походка рѣшительная и твердая, словомъ во всемъ видна гордость и сознаніе собственнаго достоинства. Особенно, если онъ богатъ, обвѣшанъ оружіемъ, блестящимъ серебромъ, «если на немъ надѣтъ богатый лезгинскій нарядъ: чоха обшитая серебряными галунами, шелковый архалукъ, широкіе шаровары, сапоги съ большими загнутыми носками и черная баранья шапка», да если ко всему этому онъ сидитъ на добромъ конѣ, то нельзя не любоваться его рыцарскимъ видомъ (1). Къ сожалѣнію богатство и опрятность въ одеждѣ весьма рѣдко встрѣчаются между горцами. Обыкновенный костюмъ дагестанскаго горца составляютъ: нанковая или темно-синій чадры (синяя матерія въ родѣ бязи), короткая рубаха, которая шьется или вовсе безъ воротника, или съ косымъ воротомъ; такіе же или суконные шаровары, весьма узкіе внизу, нанковый бешметъ и черкеска изъ сѣраго, бѣлаго или темнаго домашняго сукна, съ натронами на груди. Бешметъ застегивается крючками, а черкеска, обрисовывающая стройную талію мужчины, туго перетягивается кожаным поясомъ съ металлическими украшеніями, а у людей богатыхъ и зажиточныхъ съ серебрянымъ уборомъ. Спереди на поясѣ виситъ кинжалъ: у богатаго оправленный въ серебро, а у

---

(1) Буба Лезгинская быль Ар. Зиссермана Кавк. 1846 г. № 44. Четыре мѣсяца въ Дагестанѣ. Н. Вучетича, Кавк. 1864 г. № 75. Замѣтки о домашнемъ бытѣ дагестанскихъ горцевъ Н. Абельдяева Кавк. 1857 г. № 50.

бѣднаго безъ всякой оправы. Кинжалъ не снимается никогда; даже и дома туземецъ, скинувъ черческу, опоясываетъ себя поясомъ съ кинжаломъ поверхъ бешмета. На головѣ горецъ носитъ длинную, остроконечную шапку, въ родѣ персидской, только ниже и шире, но преимущественно употребляетъ *папахъ*, сшитый довольно грубо изъ длинныхъ и косматыхъ овчинъ. Овчиный мѣшокъ, закругленный сверху, съ отвороченными внизу краями, образующими собою околышъ, и составляетъ *папахъ*, верхъ которой покрываютъ сукномъ очень немногіе. Чевяки, *шаталъ*—шерстяные вязаные сапоги, *джурабы*—вязаные шерстяные чулки довольно красивыхъ узоровъ, а сверхъ ихъ *коши*, кожаные сапоги безъ задковъ, похожіе на туфли, только на высокихъ каблукахъ, и наконецъ, гораздо чаще, особаго и довольно неуклюжаго покроя полусапожки составляютъ его обувь. Полусапожки шьются преимущественно изъ плохаго желтаго сафьяна, съ носками тупыми, скошеными или загнутыми къ верху, и надѣваются иногда на босую ногу, къ которой и подвязываются ремешками. Чевяки шьются довольно узко и надѣваются такъ, чтобы могли обрисовывать мускусистыя ноги надѣвшаго. Нѣкоторые носятъ во время лѣта на колѣнахъ суконныя ноговицы, а зимою подвязываютъ кусокъ войлока. Вообще, гдѣ почва камениста, тамъ дагестанцы носятъ обувь кожаную, не рѣдко съ подковами о двухъ или трехъ шипахъ, утвержденными впереди пятки; гдѣ же грунтъ мягкій, тамъ носятъ вязаные шерстяные башмаки, безъ подковъ и не рѣдко вовсе безъ подошвъ. Многіе большую часть года, не исключая и лѣтнихъ мѣсяцевъ, носятъ овчиныя шубы, съ откидными воротниками въ родѣ длиннаго капишона нашей шинели, и съ рукавами, доходящими до земли, но столь узкими, въ особенности въ концахъ, что въ нихъ могутъ войти только два-три пальца. Тулупъ этотъ въ рукава никогда не надѣвается.

Собираясь въ путь, горецъ затыкаетъ сзади за поясъ пистолетъ и перебрасываетъ черезъ плечо винтовку, завернутую въ чахолъ; шашка не составляетъ необходимости въ вооруженіи и употреблялась только при отправленіи въ составъ отряда, для дѣйствія противъ непріятеля. Во время зимнихъ переѣздовъ подъ черкеску надѣвается полушубокъ, но такого покроя, что грудь остается постоянно открытою. Лезгины Джаро-бѣлаканскаго округа одѣваются подобно грузинамъ, а тавлинцы отличаются особою бѣдностію въ одеждѣ и нѣкоторыми незначительными особенностями. Черкеска тавлинца всегда оборвана и безъ *газырей*—патроновъ на груди; кожаный поясъ съ желѣзною пряжкою охватываетъ талію; на немъ виситъ кинжалъ, не рѣдко со сломанною ручкою и ободранными ножнами. На головѣ онъ носитъ небольшую мѣховую шапочку, въ видѣ усѣченнаго конуса, обращеннаго узкимъ концомъ къ верху. Нанковыя зеленыя или синія широкія шаровары туго охватываютъ ногу у самой щиколки. Чевяки его приготовляются изъ невыдѣланой кожи или краснаго сафьяна, съ острыми вздернутыми носками, и имѣютъ ту характеристическую особенность, что тонкіе и длинные хвостики грубой по-

дошвы, круто загнутые, торчатъ вверхъ передъ носкомъ; короткая и мягкая голенища, разрѣзанная спереди, стянута у щиколки узкимъ ремнемъ, завязаннымъ узломъ. Зимою тавлинцы носятъ овчиную шубу, похожую на женскій салопъ безъ капишона, но съ огромнымъ воротникомъ, обращеннымъ мѣхомъ наружу и спадающимъ по плечамъ ниже таліи въ видѣ бурки. «Внизу этого воротника, противу плечъ, пришиты изъ того же мѣха два жгута, на подобіе дамскихъ боа».

На сколько костюмъ мужчины приноровленъ къ тому, чтобы обнаружить всѣ физическія достоинства, на столько же костюмъ женщины неудобенъ, неловокъ, скрадываетъ всю ея красоту и стройность. Женщины точно также носятъ нанковую ситцевую или канаусовую длинную рубаху и изъ той же матеріи широкіе шаровары, а поверхъ ихъ надѣваютъ архалукъ, или бешметъ: въ будни изъ свѣтлаго ситца; а въ праздничные дни изъ шелковой матеріи яркаго цвѣта. Бешметъ шьется съ открытою грудью и прорѣзами на обоихъ бокахъ. Старухи очень часто не носятъ архалуковъ, а сверхъ рубахи надѣваютъ овчиную шубу. Поверхъ архалуковъ талія охватывается поясомъ, который у молодыхъ убирается почти сплошь серебряными или другими металлическими украшеніями; старухи носятъ поясъ изъ ситца или цвѣтной бязи. Женщины джаро-бѣлаканскихъ лезгинъ носятъ, сверхъ того, *душликъ*, передникъ въ родѣ фартука. Богатыя женщины привѣшиваютъ на груди архалуковъ и рубахъ серебряныя украшенія, употребляютъ застежки довольно грубой работы или вѣшаютъ въ нѣсколько рядовъ золотыя и серебряныя монеты. Въ нѣкоторыхъ обществахъ женщины носятъ на головѣ нѣчто въ родѣ кожанаго чепца, украшеннаго часто металлическими пластинками или весьма простымъ стеклярусомъ.

Одна изъ женъ Шамиля носила пестрый ситцевый архалукъ, темную рубашку и красные шальвары.

Шамиль вообще не допускалъ роскоши въ одеждѣ какъ у своихъ подвластныхъ такъ и собственныхъ женъ. Исключеніе, въ этомъ случаѣ, дѣлалось только для одной Кариматъ—жены старшаго сына Шамиля, Кази-Махмата. Она носила очень бѣлую, тонкую и такую длинную рубашку, что она лежала даже нѣсколько на землѣ и закрывала собою ноги красавицы. Сверхъ рубашки надѣвался атласный, темно-малиноваго цвѣта, архалукъ, подбитый зеленою тафтою и отороченный кругомъ атласною лентою того же цвѣта. Разрѣзные рукава архалука не сходились въ разрѣзѣ, но были схвачены золотыми петлями и пуговицами, точно такими же, какія были и на грудной части архалука. На головѣ она носила черный шелковый платочекъ съ красными каймами, а надъ нимъ бѣлый кисейный вуаль, кокетливо развѣвавшійся или ложившійся изящными складками. Въ ушахъ ея были серьги, въ видѣ полумѣсяца, золотыя и украшенныя драгоцѣнными камнями, тогда какъ жены Шамиля могли носить ихъ только серебряныя, да и то безъ всякихъ украшеній. Вообще драгоцѣнности и украшенія женщинъ заключаются въ серьгахъ, браслетахъ и перст-

нияхъ, дѣлаемыхъ изъ серебра и не лишенныхъ нѣкотораго вкуса. Имѣя по большей части видъ полулунія, серьги цѣнятся тѣмъ дороже, чѣмъ онѣ тяжелѣе, а потому онѣ не только оттягиваютъ уши, но встрѣчаются дѣти, у которыхъ уши прорваны тяжестью серегъ. Браслеты точно также массивны, дѣлаются на подобіе той желѣзной витой цѣпи, которая употребляется часто на лошадиныхъ уздечкахъ, запонки ихъ имѣютъ видъ большихъ печатей и надѣваются часто по три штуки, и такъ чтобы запонки находились въ одной линіи. Нѣкоторыя носятъ янтарныя четки, а люди бѣдные дѣлаютъ ихъ изъ гороху и бобовъ.

Зимою всѣ женщины согрѣваются подъ тулупомъ, надѣваемымъ всегда въ накидку, хотя въ немъ и есть рукава. Обувь та-же что и у мужчинъ.

Тавлинки носятъ рубаху весьма длинную, доходящую почти до полу и обшитую по плечамъ и на груди цвѣтнымъ ситцемъ. На голову онѣ надѣваютъ родъ шапки или жгутъ, сшитый изъ цвѣтнаго ситца и набитый хлопкомъ; темя закрывается другимъ кускомъ ситцу и часто инаго цвѣта. Кусокъ этотъ, пришитый къ передней части жгута, другимъ своимъ концомъ спадаетъ назадъ до самой таліи. Большинство горскихъ женщинъ заплетаютъ свои волосы во множество косъ, оставляя на вискахъ клоки волосъ, которые падаютъ въ видѣ локоновъ. Косы собираются въ одинъ мѣшокъ изъ ситца съ незашитыми концами: однимъ концомъ онъ надѣвается на голову, а другимъ виситъ свободно сзади. Мѣшокъ этотъ, вмѣстѣ съ волосами, прикрывается или большимъ платкомъ, или просто кускомъ бѣлаго бумажнаго холста, часто отъ долгаго употребленія покрытаго толстымъ слоемъ грязи.

Въ селеніи Куппы женщины носятъ кокошники, украшенные старинною серебряною монетою; женщины селенія Ругжи считаются потомками евреевъ и брѣютъ свою голову.

По магометанскому обычаю, женщина не имѣетъ права показывать своего лица постороннему мужчинѣ, поэтому всѣ горянки ходятъ подъ покрываломъ или чадрою, которая у молодыхъ бываетъ бѣлая коленкоровая, а у старухъ— темнаго цвѣта. Покрывало это у нѣкоторыхъ бываетъ очень длинно, почти до полу, у другихъ короче, но у всѣхъ съ выдерганною рѣдью противъ глазъ. При встрѣчѣ съ мужчиною, женщина должна опускать свое покрывало, такъ чтобы тотъ не видалъ ея лица; но такая чистота нравовъ сохранилась только въ селеніяхъ, отдаленныхъ отъ русскаго жилья и стоянки русскихъ войскъ. Тамъ женщина избѣгала мужчины; если встрѣчалась съ своимъ единоплеменникомъ, она закрывала лицо и проходила мимо; при встрѣчѣ же съ русскимъ, который, въ глазахъ ея, былъ гяуръ, она, закутавши свое лицо самымъ тщательнымъ образомъ, останавливалась, отворачивалась въ противоположную сторону и стояла какъ мумія до тѣхъ поръ, пока встрѣтившійся не проходилъ мимо. До умиротворенія края всѣ женщины, кромѣ старухъ и дѣвицъ, не достигшихъ еще семи-лѣтняго возраста, ходили подъ покрывалами. Женщины, вышедшія на улицу безъ покрывала, подвергались палоч-

ымъ ударамъ. Во время полевыхъ работъ покрывало снималось. Такая стѣснительная мѣра не въ характерѣ горянокъ. Въ аулахъ, гдѣ расположены наши войска, женщины такъ скоро осваиваются съ русскими, что сами первыя подаютъ поводъ къ короткимъ отношеніямъ съ мужчинами.

Закрываніе лица при встрѣчѣ съ послѣднимъ, кромѣ скромности со стороны женщины, въ нѣкоторыхъ обществахъ, какъ, напримѣръ, у тавлинцевъ, служитъ выраженіемъ уваженія къ встрѣтившемуся мужчинѣ. Желая же высказать свое презрѣніе, женщина проходитъ не закрывшись и сплюнувъ въ сторону.

Въ домашнемъ быту горцы чрезвычайно неопрятны, носятъ бѣлье и платье до износа и перемѣняютъ его или, лучше сказать, замѣняютъ новымъ, только тогда, когда оно, какъ говорится, свалится съ плечъ. О мытьѣ бѣлья они не имѣютъ понятія, и запаса платья, на случай перемѣны, не имѣютъ; оттого къ одеждѣ ихъ или постелѣ невозможно прикоснуться — тамъ цѣлый рой вшей. Новое платье шьютъ тогда, когда старое такъ изорвется, что носить его уже нѣтъ возможности. Но прежде чѣмъ надѣть новый платокъ или рубаху, хозяйка кладетъ ихъ въ котелъ, примѣшиваетъ туда золы и сала и, такимъ образомъ, превращаетъ свой новый костюмъ въ грязную сальную тряпку, которую и надѣваетъ затѣмъ на свое тѣло. Предварительная операція эта производится потому, что если женщина надѣнетъ чистый новый платокъ или рубаху, то злые языки скажутъ: она чиста оттого, что владѣтельница ихъ никогда не видитъ въ глаза мяса или курдючьяго сала. На основаніи такого правильнаго взгляда, чѣмъ богаче хозяйка, тѣмъ грязнѣе и сальнѣе она одѣвается. Только нѣсколько ауловъ, какъ, напримѣръ, Ирганай, Могохъ и Карату, не слѣдуютъ этому закону и отличаются своею опрятностію въ одеждѣ. Населеніе этихъ ауловъ одѣвается довольно чисто, даже щеголевато, но за то про нихъ сосѣди отзываются съ большою ироніею.

— Нѣтъ дома сабы хлѣба, говорятъ они про щеголей, а на десять рублей надѣваетъ платье.

Въ настоящее время замѣчается переходъ къ лучшему. Теперь, «проходя по улицамъ, встрѣчаешь щегольски сшитыя черкески мужчинъ, безукоризненной бѣлизны женскіе платки, покрывала и ситцевыя рубахи, изъ-подъ которыхъ кокетливо выглядываютъ, изъ пунцоваго канауса, широкіе шаровары, имѣющіе внизу парчевую коемку».

Вообще неопрятность и тяжелая работа дѣлала женщинъ далеко непривлекательными; между ними красавицы составляютъ рѣдкое исключеніе. Красотою женщинъ славятся въ Дагестанѣ селенія Буглень, большой и малый Дженгутай—всѣ три въ Мехтулинскомъ ханствѣ, и отчасти селенія Гимры (¹).

(¹) Три дня въ горахъ Калалальскаго общества Кавк. 1861 г. № 83. Замѣтки о домашнемъ бытѣ дагестанскихъ горцевъ Н. Абельдяева Кавказъ 1857 г. № 50. Укрѣпл. Ули-Кала П. Пржецлавскій Кавк. 1860 г. № 27 Четыре мѣсяца въ Дагестанѣ Кавк. 1864 г. № 72

Тяжелыя работы, лежащія на женщинѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, дѣлаютъ то, что онѣ развиваются очень неправильно и скоро старѣются, сохраняя только на долго прекрасныя и полныя страсти глаза — неотъемлемое сокровище каждой. Въ домашнемъ, семейномъ быту работаетъ только одна женщина; она приготовляетъ войлокъ, ткетъ и валяетъ ногами сукно, сучитъ шелкъ, приготовляетъ изъ войлока сапоги, подшиваетъ подъ старую обувь подошвы, смотритъ за скотомъ и домашнею птицею, готовитъ кизякъ, таскаетъ съ гумна солому и камни для возводимыхъ построекъ.

Съ разсвѣтомъ, взявъ топоръ и веревку, женщина гонитъ эшака въ лѣсъ за дровами и къ вечеру возвращается съ двумя вьюками, изъ которыхъ болѣе тяжелый тащитъ на себѣ. Словомъ, нѣтъ возможности перечислить всѣ разнообразные виды занятій женщины, но можно сказать, что трудно увидать ее сидящей безъ работы. Мужчина взялъ на себя только пахату земли, посѣвъ и сѣнокосъ, но собранное и накошеное должна убрать жена. Она переноситъ въ домъ на своихъ плечахъ собранный хлѣбъ, по кручамъ и обрывамъ собираетъ сѣно и рѣжетъ траву для корма скота; она же должна вычистить и коня.

Въ нѣкоторыхъ обществахъ даже и полевыя работы лежатъ на обязанности женщинъ, и тамъ съ ранняго утра видны онѣ на работѣ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ отъ аула. Женщина разбиваетъ лопатою землю на своей пашнѣ, очищаетъ ее отъ камней, стаскивая ихъ въ кучу или сбрасывая безъ церемоніи на дорогу, и затѣмъ пашетъ, погоняя воловъ, запряженныхъ парою въ просто устроенную соху.

Вся жизнь горянки есть трудъ, и трудъ самый тяжелый. Часто можно встрѣтить возвращающимися въ аулъ двухъ-трехъ ословъ, навьюченныхъ ношей, за ними, съ бо́льшею еще ношею, тащится женщина, имѣющая, кромѣ того за плечами ребенка. Тяжесть ноши привела бы въ ужасъ любаго дюжаго работника, но не удивляетъ ея мужа: онъ идетъ позади, напѣвая пѣсню, праздный и съ пустыми руками. Считая себя не болѣе какъ конвойнымъ, онъ не направитъ даже на дорогу осла, если бы ему вздумалось свернуть въ сторону пощипать травы: это должна сдѣлать та же женщина.

Женщина въ Дагестанѣ есть ни что иное, какъ самка для высиживанія дѣтей, и рабочій скотъ, не имѣющій ни минуты отдыха.

Въ домашнемъ быту горца женщина и эшакъ — одинаково нагружаются. Горянка такъ привычна къ тяжелой работѣ, что, при транспортировкѣ провіанта для нашихъ войскъ, многія изъ нихъ добровольно являлись и, за положенную плату, переносили на своихъ плечахъ, на разстояніи до трид-

---

и 75. Закатальскій округъ А. Пасербскаго Кавк. 1864 г. № 61. Краткій обзоръ Джаробѣлаканскаго округа Закавказскій Вѣст. 1850 г. № 9. Плѣнъ у Шамиля Вердеревскаго ч. I и II. Дагестанъ, его нравы и обычаи П Пржецлавскій Вѣст. Европы 1867 г. т. III.

цати верстъ, кули муки въ три пуда вѣсомъ, и притомъ по трудно доступнымъ дорогамъ.

«Въ 1862 году, пишетъ Н. Львовъ, въ проѣздъ черезъ Цунта-Ахвахское общество, мнѣ нужно было перевезти два вьючныхъ сундука, вѣсомъ около восьми пудовъ, изъ одного аула въ другой, именно: изъ селенія Тлиссы до селенія Тадъ-Махитль (15 верстъ разстоянія) по очень дурной горной тропинкѣ.

Въ аулѣ не оказалось лошадей, годныхъ подъ вьюкъ, а эшаковъ пожалѣли послать и рѣшили джамаатомъ (обществомъ) навьючить двухъ женщинъ, которыя, по приказанію мужей, благополучно донесли сундуки до назначеннаго мѣста, а прогоны получили мужья».

Вообще мужчины смотрятъ на женщинъ съ гораздо большимъ пренебреженіемъ, чѣмъ на рабочій скотъ, и часто, жалѣя эшака, мужъ замѣняетъ его своею женою.

— Женщина, говоритъ онъ, можетъ переносить гораздо болѣе, чѣмъ скотина, потому что первая ѣстъ чистый хлѣбъ, тогда какъ эшакъ питается саманомъ (рубленая солома), да и то въ ограниченномъ количествѣ.

Разграниченіе въ положеніи мужчины и женщины дѣлается съ самаго ранняго возраста. Часто можно видѣть девятилѣтнихъ дѣвочекъ, возвращающихся съ рѣки съ огромными кувшинами воды, тогда какъ мальчики тѣхъ же лѣтъ, а иногда и болѣе взрослые, ничего не дѣлаютъ. Не удивительно послѣ того, что женщины старѣются весьма скоро и дѣлаются горбатыми до такой степени, что въ каждомъ аулѣ можно встрѣтить нѣсколько старухъ, ходящихъ на четвереņькахъ. Помочь женѣ въ ея работѣ мужъ считаетъ дѣломъ постыднымъ и даже въ случаѣ болѣзни жены онъ ни за что не станетъ исполнять ея работы, а обратится съ просьбою къ сосѣдкамъ распорядиться и позаботиться о его хозяйствѣ.

Смерть жены дѣлаетъ горца нищимъ въ полномъ значеніи этого слова. Но, не принимаясь ни за что самъ и не имѣя въ домѣ хозяйки, онъ шляется изъ аула въ аулъ, выпрашивая себѣ кусокъ насущнаго хлѣба.

Сознавая свое безвыходное положеніе, онъ однако же оказываетъ при жизни полное презрѣніе своей женѣ. Имя женщины служитъ самымъ позорнымъ, браннымъ словомъ; назвать горца женщиною — значитъ оскорбить его глубоко и рисковать поплатиться за то жизнію. Запуганная и забитая женщина дѣлается существомъ глупымъ, робкимъ и безличнымъ. Соглашаясь на то, что женщина можетъ быть хитра и коварна, мужчина не признаетъ за ней возможности быть умною, потому что Богъ не далъ ей такого разума, какъ мужчинѣ. Онъ твердо въ этомъ увѣренъ, убѣжденъ—и, по своему, правъ. Замкнутость въ семейномъ быту и изолированность положенія женщины, начиная со дня ея рожденія, причиною тому, что въ умственномъ отношеніи она стоитъ гораздо ниже мужчины.

— У женщины умъ находится на краю платья, говорятъ горцы; вста-

нетъ она съ мѣста и умъ ея падаетъ на землю. Пророкъ сказалъ: *посовѣтуйтесь о дѣлахъ съ вашими женами и дѣлайте все наперекоръ ихъ совѣту.*

Неуваженіе къ женщинѣ простирается до того, что, встрѣчаясь съ нею, мужчина привѣтствуетъ ее словомъ *кошкильды* — тѣмъ же самымъ, которое онъ скажетъ каждому встрѣчному не магометанину, а слѣдовательно и гяуру. Встрѣчая гостя, жена принимаетъ его такъ, какъ принимаетъ его у насъ лакей. Если мужа нѣтъ дома, то она немедленно даетъ знать о пріѣздѣ гостя и затѣмъ исполняетъ все, что мужъ ей прикажетъ. Въ отсутствіе мужа, жена не имѣетъ права подчивать гостя мясомъ, хотя бы онъ былъ самый почетнѣйшій, близкій и дорогой. Въ присутствіи гостя жена становится въ самомъ отдаленномъ углу сакли, не принимаетъ участія въ разговорѣ, отвѣчаетъ только на вопросы мужа и ожидаетъ приказаній (1).

«Положеніе жены, пишетъ Львовъ, не любимой мужемъ, возмутительно. Вѣчное рубище покрываетъ ея тѣло; пренебреженіе мужа, безпрестанная брань и частые побои, недостатокъ и безъ того скудной пищи, ежедневный тяжкій трудъ, недостатокъ времени для отдыха—все это изнуряетъ ее и состариваетъ преждевременно».

Даже и въ такомъ случаѣ, когда мужъ любитъ свою жену, она все-таки исполняетъ обязанность слуги, пріобрѣвшаго расположеніе господина своею хорошею нравственностью. Она пользуется тогда до нѣкоторой степени его лаской о восхищается шутливо-строгимъ обхожденіемъ своего властелина. Приравнять съ собою жену и поставить женщину наравнѣ съ мужчиною — это недоступно понятію горца. При разработкѣ на Гунибѣ дорогъ, жители отказались ходить на работу, и, какъ оказалось впослѣдствіи, потому только, что поденная плата за работу мужчинамъ была положена наравнѣ съ женщинами. Если участь женщины въ настоящее время до нѣкоторой степени сносна, такъ это у джаро-бѣлаканскихъ лезгинъ. Мужъ обходится съ нею ласковѣе, допускаетъ ее до разговора съ собою, обѣдаетъ вмѣстѣ съ женою, и она, не нося покрывала, часто не отворачивается отъ посторонняго. Во всемъ мусульманскомъ мірѣ судьба женщины печальна, но въ Дагестанѣ она положительно невыносима, и это, конечно, главнѣйшимъ образомъ происходитъ отъ праздности мужчины.

День мужчины проходитъ въ совершенномъ бездѣйствіи. Лѣтомъ, не обращая вниманія ни на какую погоду, съ утра и до вечера собираются мужчины около мечети, рѣчки или на *гимгахъ* — денное сидѣніе для общей бесѣды.

---

(1) Три дня въ горахъ Калалальскаго общества Кавк. 1861 г. № 83. Отъ Астрахани до Тифлиса Н. В. Огарева. Кавказъ 1868 г. № 17. Байрамъ у кн. Шамсудина Шамхала Тарковскаго Кавк. 1864 г. № 26. Закатальскій округъ А. Пасербскаго Кавк. 1864 г. № 61. Замѣтки о домашнемъ бытѣ дагестанскихъ горцевъ Н. Абельдяева Кавк. 1857 г. № 51. О нравахъ и обычаяхъ дагестанскихъ горцевъ Н. Львова. Кавк. 1867 г. № 70 и 71. Тоже Сборн. свѣд. о кавказс. горцахъ, выпускъ III.

Стругая палочку, они сообщаютъ другъ другу новости, или толкуютъ о нуждахъ. Но если, паче чаянія, на *гимыахъ* случится такъ мало народу, что и поболтать не съ кѣмъ, горецъ отправляется въ судъ послушать разборъ жалобъ, въ которыхъ никогда не бываетъ недостатка.

Между тѣмъ въ судѣ толпа понемногу убываетъ, а вновь пришедшій, не замѣчая самъ, подвигается впередъ и вдругъ очутится передъ судомъ.

— Что тебѣ нужно? спрашиваетъ кто-нибудь изъ членовъ суда, думая, что онъ имѣетъ какую-нибудь просьбу.

Тогда только пришедшій спохватится, что попалъ въ просакъ.

— Начальникъ, сагъ-олъ-сынъ (будь здоровъ)! отвѣтитъ онъ обыкновенно, и, не рѣшаясь сказать, что пришелъ только для того, чтобы поглазѣть, онъ въ то же время живо придумаетъ какую-нибудь жалобу или претензію на какое-нибудь лицо, небывалое или давно умершее.

Видя, что онъ говоритъ вздоръ, его гонятъ вонъ, а горецъ доволенъ тѣмъ, что убилъ время. Если же засѣданій суда нѣтъ, то, чтобы также убить время, онъ идетъ къ доктору.

— Хакимъ (докторъ), говоритъ онъ, башка пропалъ!

Докторъ даетъ ему соду, а мнимый больной, не принимая ея, держитъ въ карманѣ.

— Хакимъ, говоритъ онъ, придя на другой день — курсалъ пропалъ! (вкусъ, аппетитъ пропалъ).

Докторъ, зная по опыту, что онъ пришелъ къ нему только для развлеченія, даетъ ему ту-же соду. Пришедшій лѣзетъ въ карманъ, вынимаетъ оттуда вчерашніе порошки и говоритъ, что у него есть уже такіе.

— Отчего же ты не принялъ ихъ вчера? спрашиваетъ докторъ.

— Боль сама собой прошла, отвѣчаетъ тотъ.

— Ну, такъ прими ихъ сегодня.

Горецъ благодаритъ и уходитъ.

Такъ праздный туземецъ, коротая свой лѣтній день, доживаетъ до вечера. Каждый вечеръ аульная площадь занята бываетъ стариками, а площадь у фонтана молодежью, собирающеюся туда потолковать, а главное щегольнуть своимъ костюмомъ или оружіемъ. Одинъ приходитъ туда съ ухарски заломленною на бекрень шапкою, другой является съ раскрашенными усами и бородою или намазываетъ ихъ бараньимъ жиромъ, а тѣ, у которыхъ, по молодости лѣтъ, не ростутъ усы, раскрашиваютъ себѣ губы и хлопочатъ о томъ, чтобы скорѣе выросли усы.

Выходя на площадь, каждый старается надѣть на себя лучшее оружіе. У одного изъ-подъ тулупа и сверхъ пестрой рубашки торчитъ привѣшенный кинжалъ, а у другаго, болѣе богатаго и сановитаго, торчатъ и пистолеты; у того ноги обуты въ персидскіе башмаки или туземные шерстяные чулки, а у этого поверхъ чулокъ надѣты и красные сафьяные чевяки.

Сидя или стоя, молодежь шутитъ, споритъ и смѣется до тѣхъ поръ,

пока отцы семействъ не отправятся по домамъ. Зимою и этого не бываетъ: каждый, по большей части, сидитъ около дома и проводитъ время въ созерцательномъ состоянии.

Всѣ развлеченія оканчиваются вмѣстѣ съ закатомъ солнца, и тогда все народонаселеніе закупоривается въ своихъ сакляхъ, группируясь вокругъ тлѣющаго въ очагѣ или каминѣ кизяка и рѣдко одинокаго полѣна дровъ.

Въ ожиданіи ужина, правовѣрные отъ нечего-дѣлать перебираютъ свои грязныя четки и нашептываютъ молитву.

Надъ очагомъ виситъ котелъ, въ которомъ варится хинкалъ, составляющій любимую пищу горца. Подлѣ огня копошатся дѣти, старающіяся согрѣть обнаженныя части своего тѣла, не закрытыя рубищемъ. Хотя костюмъ ихъ и имѣетъ претензію на теплую одежду, но, въ сущности, они ходятъ полунагими. Старый полушубокъ, во многихъ мѣстахъ порванный, не закрывающій ни груди, ни живота и съ оборванными до плечъ рукавами; порванные или во многихъ мѣстахъ заплатаныя штаны, спускающіеся немного ниже колѣнъ; войлочные или кожаные сапоги, которыхъ голенища едва доходятъ до ладыжекъ, такъ что голени всегда остаются обнаженными, и вмѣсто шапки колпакъ изъ войлока или овчиная тулья отъ стараго папаха — вотъ зимній костюмъ дѣтей. Ихъ одѣваютъ только тогда, когда они достигнутъ семи-лѣтняго возраста; не моютъ въ продолженіе цѣлой зимы, и оттого лица, руки и ноги дѣтей, не говоря о тѣлѣ, покрыты толстымъ слоемъ грязи. «Кожа на нихъ во многихъ мѣстахъ растрескалась до крови. При прикосновеніи къ тѣлу дѣтей чувствуется шароховатость, непріятно поражающая осязаніе; на видъ она представляется покрытымъ маленькими бугорками, какіе бываютъ на кожѣ ощипаннаго гуся. Между этими бугорками нерѣдко красуется часоточная сыпь. Головы ихъ, не смотря на частое бритье волосъ, почти всегда покрыты сплошными паршами».

Несчастныя, грязныя и оборванныя, они страдаютъ отъ холода и голода и, съ жадностію посматривая на котелъ и кипящую въ немъ воду, ожидаютъ остатковъ ужина...

Котелъ снятъ, мясо или хинкалъ поспѣлъ и поставленъ передъ главою семейства, съ которымъ могутъ раздѣлять трапезу только взрослые мужчины. Помолившись Богу и взявъ въ руки спичку, замѣняющую вилку, они глотаютъ одинъ хинкалъ за другимъ, предварительно обмакивая въ толченый чеснокъ, разведенный сывороточнымъ уксусомъ (рыдылъ-канцъ). Жена и дѣти, слѣдя за занятіемъ взрослыхъ мужчинъ, терпѣливо ожидаютъ, когда на ихъ долю будутъ предоставлены остатки простывшихъ галушекъ.

Только самые чадолюбивые отцы допускаютъ къ совмѣстному ужину своихъ дѣтей, но и тогда лучшій кусокъ принадлежитъ все-таки главѣ семейства. Такъ, если за столомъ зажиточнаго горца подается мясо, положимъ баранья лашка, то предплечевая кость поступаетъ дѣтямъ, плечевая кость—матери, а лопатка, какъ наиболѣе вкусная—отцу. Отнять у отца и мужа почетный ку-

сокъ не позволятъ себѣ ни жена, ни дѣти, потому что это было бы противно обычаю. Точно также, еслибы отецъ вздумалъ взять себѣ предплечевую кость, то этимъ оскорбилъ бы сына, готоваго остаться скорѣе вовсе безъ ужина, чѣмъ уступить кому-либо кость, принадлежавшую ему по праву, дарованному обычаемъ. Отецъ, впрочемъ, и самъ не нарушитъ этого обычая и всегда оставитъ дѣтямъ худшую часть или остатки отъ ужина.

Въ этомъ отношеніи въ характерѣ горца встрѣчается странное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчательное противорѣчіе. Онъ любитъ своихъ дѣтей пламенно и неограниченно, но, по принципу, что въ семействѣ онъ глава, что все остальное ниже его, отецъ держитъ своихъ дѣтей въ отдаленіи, не обращаетъ вниманія на ихъ наружность, одежду и не допускаетъ ихъ къ присутствію за общимъ столомъ.

Лѣтомъ, послѣ ужина, горцы часто отправляются спать на любимыхъ своихъ постеляхъ—на плоскихъ камняхъ, положенныхъ гдѣ-нибудь на площади или у мечети. Такихъ камней бываетъ по нѣскольку, и съ наступленіемъ сумерокъ, на каждомъ изъ нихъ, лежатъ люди, укутанные своими шубами. Одни разговариваютъ, другіе курятъ, третьи засыпаютъ подъ шумъ окружнаго говора. Многіе изъ молодыхъ людей отправляются спать на крышу мечети. Женщины выходятъ на улицу побесѣдовать послѣ дневныхъ трудовъ. Тутъ они толкуютъ о хозяйствѣ, сообщаютъ другъ другу разныя сплетни и глядятъ на дѣтей, играющихъ въ жмурки или преслѣдующихъ лягушекъ.

Зимою такія сходки невозможны, и тогда каждое семейство послѣ ужина остается въ своей саклѣ.

Кое-какъ утоливъ голодъ, дѣти, раздѣвшись до-нага и укрывшись своими лохмотьями, ложатся спать; хозяйка приготовляетъ постель для мужа, который молча проводитъ время въ семействѣ, рѣдко оказываетъ вниманіе и ласку дѣтямъ, а съ женою не говоритъ потому, что считаетъ ее гораздо ниже себя, да и нѣтъ *адата* (обычая), чтобы порядочный горецъ проводилъ время съ женщиною. Въ ожиданіи пятаго намаза, онъ садится на приготовленную постель, поверхъ которой разостланъ небольшой коврикъ, на которомъ обыкновенно становятся мусульмане во время молитвы, и, въ этомъ положеніи, остается пока не надоѣстъ. За то, если въ домѣ случится кунакъ, тогда гость и хозяинъ незамѣтно просиживаютъ далеко за полночь, занимаясь воспоминаніемъ прошедшаго, сравнивая его съ настоящимъ и предугадывая будущее. Въ такихъ случаяхъ пускаются въ ходъ сказки, легенды, преданія, и, въ этомъ отношеніи, дагестанскіе жители значительно отличаются отъ джаро-бѣлаканскихъ. Первые относятся гораздо съ большимъ сочувствіемъ къ народной поэзіи, чѣмъ послѣдніе. Сказки, басни, анекдоты и пословицы казы-кумухцевъ и аварцевъ, съ которыми познакомилъ насъ «Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ», доказываютъ, что у жителей Дагестана существуетъ народная литература, къ которой туземцы относятся съ большимъ сочувствіемъ.

У джарскихъ лезгинъ тоже сохранилось нѣсколько легендъ и преданій о грузинской царицѣ Тамарѣ, Шахъ-Аббасѣ Великомъ, Надиръ-Шахѣ и Омаръ-ханѣ Аварскомъ. Тамару они называютъ Пери, т. е. женщиной-духомъ, полубогиней. Красота ея была, по разсказамъ туземцевъ, не земная, и слухъ о ней распространялся отъ востока до запада; но въ легендахъ своихъ джарцы не придерживаются хронологическому порядку и мѣшаютъ событія и лица по своему усмотрѣнію.

Бѣдность легендъ и сказаній, по словамъ А. Пасербскаго, объясняется характеромъ джарцевъ, привыкшихъ жить только настоящимъ. По мнѣнію туземцевъ, говорить о прошедшемъ — праздная болтовня, а заглядывать въ будущее еще того хуже—просто глупость.

Зарываніе огня въ очагѣ служитъ признакомъ того, что все семейство и глава его укладываются спать. Спрятавшись въ постель и оставаясь тамъ какъ мать родила, правовѣрный засыпаетъ, пока не будетъ призванъ къ утренней молитвѣ. Поздно ночью, убаюкавъ всѣхъ, раздѣвается и ложится спать усталая и разбитая хозяйка дома, думая только о томъ, какъ бы не проспать разсвѣта....

Нравственный и физическій гнетъ, тяготѣющій надъ женщиною, заглушилъ въ ней всякое проявленіе самостоятельности характера, но не могъ заглушить страстной ея натуры. Въ этомъ случаѣ женщина осталась вѣрною себѣ, и строгая нравственность не составляетъ отличительной черты женщины горянки. Пылкость южной натуры, а въ особенности корыстолюбіе, дѣлаютъ ихъ весьма податливыми на соблазнъ. Сознавая, что мужъ ея неограниченный властелинъ, что онъ глава, начальникъ, повелитель, судья, защитникъ и обвинитель, въ рукахъ котораго находится жизнь и смерть жены—горянка, подъ вліяніемъ своей впечатлительной натуры, далеко не прочь отъ любовныхъ похожденій; скрытно отъ мужа, она весьма часто предается разврату въ полномъ значеніи этого слова. Склонность къ разврату не стѣсняетъ ее въ выборѣ возлюбленнаго; она очень легко и скоро сводитъ свои интрижки съ неправовѣрными или гяурами. Значительное число камелій-горянокъ, существующихъ въ городахъ и укрѣпленіяхъ, фактическіе свидѣтели поведенія туземной женщины. «Горянка, бѣжавшая отъ своихъ, едва успѣвшая укрыться за стѣнами нашей крѣпости, ищетъ уже разврата и, находя его безъ затрудненія, предается ему всѣмъ своимъ существомъ, на жизнь и на смерть». Поведеніе камеліи-горянки несравненно хуже и циничнѣе, чѣмъ поведеніе камелій русскихъ. Хотя туземцы хвастаютъ и убѣждены въ цѣломудріи своихъ женъ и дочерей, но пронзительный крикъ ишаковъ, слышный часто въ глубокую полночь, гдѣ-нибудь за горою, по близости аула, бываетъ вѣрнымъ признакомъ ночнаго свиданія двухъ любящихъ или страстныхъ сердецъ....

Счастливые любовники, сходясь часто между собою, ловко скрываютъ свои похожденія, дѣйствуютъ очень осторожно и тотчасъ, какъ только замѣтятъ, что ихъ подозрѣваютъ, разстаются если не на вѣки, то до поры до

времени, изъ опасенія, чтобы мужъ кинжаломъ не разорвалъ ихъ связи на всегда. Бываютъ и такіе случаи, что ловкій парень подговариваетъ свою возлюбленную бѣжать съ нимъ на нѣкоторое время. Запасшись продовольствіемъ, онъ похищаетъ любимую имъ женщину, скитается съ нею по лѣсамъ, пока есть средства къ пропитанію, и потомъ, насладившись вполнѣ, сдаетъ ее на руки посредникамъ, «чтобы они примирили ее съ мужемъ; себя же не считаетъ передъ нимъ отвѣтственнымъ, такъ какъ взятую *вещь* онъ возвратилъ обратно». Любовныя похожденія происходили чаще между холостыми и дѣвушками, и если они кончались безъ слѣдовъ, то кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ.. «Но если дѣвушка принялась за таблицу умноженія на дѣлѣ, то множитель долженъ на ней жениться хотя не-хотя». Такимъ образомъ наказывался собственно не порокъ, а неумѣнье скрыть его.

Въ Аваріи, въ обществѣ Цунта-Ахвахъ, прозванномъ сосѣдними жителями *сквернымъ ахвахомъ* (Кveше-Ахвахъ), любовныя похожденія дѣлаются гораздо проще. Среди бѣла-дня, когда дѣвушки собираются по нѣскольку на мельницу для смолки хлѣба, ватага молодыхъ парней отправляется въ слѣдъ за ними. Подойдя къ мельницѣ и найдя дверь запертою, парни спрашиваютъ дѣвицъ: сколько ихъ собралось на мельницѣ, и, въ отвѣтъ на это, получаютъ положительное указаніе числа. Если число молодыхъ людей превышаетъ число дѣвушекъ, то кинутый жребій опредѣляетъ кому остаться, а кому идти и искать удовольствія у другихъ мельницъ. Оставшіеся кидаютъ въ окна мельницы свои папахи, которыя и разбираются дѣвицами на удачу, кому какая попадется. Дверь растворяется и парни, вскочивъ гурьбою внутрь мельницы, отыскиваютъ свои папахи и ихъ временныхъ обладательницъ...

Жители того же Ахваха, въ видѣ особой любезности, укладываютъ гостя спать ночью вмѣстѣ съ дочерью, въ томъ убѣжденіи, что онъ не нарушитъ обычая гостепріимства, а въ противномъ случаѣ гостю, на другой день, приходится расплачиваться или деньгами, или вступленіемъ въ бракъ. У койсубулинцевъ былъ въ обычаѣ бракъ для путешественниковъ за весьма небольшую сумму.

Если женщины остальныхъ обществъ и не бываютъ столь беззастѣнчивы, и не слѣдуютъ публично такому примѣру, то не убѣжденія и скромность удерживаютъ ихъ въ предѣлахъ благопристойности, а страхъ наказанія, которое въ прежнее время было весьма жестоко. Прежде всего женщина боялась мужа или отца, а потомъ суда, приговаривавшаго ее почти всегда къ смертной казни. Горецъ, поймавшій жену въ прелюбодѣяніи, убиваетъ обоихъ, не подвергаясь за то отвѣтственности ни передъ ея родными, ни передъ судомъ общества, но если онъ убиваетъ любовника и щадитъ жену, то подвергается кровомщенію родственниковъ убитаго. Любовникъ, успѣвшій избѣжать смерти, становится кровнымъ врагомъ мужа, а если жена убита, то и ея родственниковъ. Когда опозоренный мужъ, не желая быть убійцею, передавалъ поступки жены на

судъ общества, то виновная приговаривалась къ строгому наказанію, состоявшему преимущественно въ побіеніи камнями.

Съ умиротвореніемъ края и съ подчиненіемъ Дагестана русской власти, женщина за прелюбодѣяніе не подвергается такой строгости наказанія и въ жалобныхъ книгахъ окружныхъ народныхъ судовъ приходится довольно значительная цифра дѣлъ о нарушеніи супружеской вѣрности, не говоря о скрытыхъ незаконныхъ связяхъ, которыхъ, конечно, гораздо болѣе, чѣмъ открытыхъ и заявленныхъ суду (1).

IV.

Брачные обряды горцевъ. — Пѣсня, музыка и танцы. — Рожденіе и воспитаніе. — Болѣзнь и способы ея леченія. — Народная медицина. — Знахари и знахарки. — Погребеніе умершихъ.

Магометанская религія и горскій обычай никому не воспрещаютъ имѣть одновременно нѣсколькихъ женъ, если только онъ имѣетъ средство содержать ихъ; но строго преслѣдуется любовная связь даже и съ одною женщиною, если не исполненъ предварительно брачный обрядъ.

Смотря на жену какъ на рабочую силу, горецъ выбираетъ сыну невѣсту красивую, крѣпкую, дородную, а главное не лѣнивую, чтобы она была въ силахъ исполнять всѣ предстоящія ей трудныя работы по хозяйству.

«Я помню, разсказываетъ Абдулла-Омаровъ, что въ нашемъ аулѣ была молодая дѣвушка, дочь бѣдныхъ родителей, которая каждый день рано утромъ выходила на площадь, гдѣ въ лѣтнее время собирали скотъ для выгона на пастьбу, и, стоя въ срединѣ стада, наблюдала кругомъ, и чуть-было замѣтитъ, что какая-нибудь корова подниметъ хвостъ, она тотчасъ же бѣжала къ ней и хватала голыми руками пометъ, потомъ клала его въ кучу и такимъ образомъ собирала въ день помета на нѣсколько десятковъ штукъ кизяка; осенью же эта дѣвушка ежедневно ходила въ поле, то съ арканомъ— и приносила приличную ношу бурьяна, то съ мѣшкомъ—и приносила сухой пометъ съ лѣтнихъ выгоновъ. Жители, въ особенности матери, восхища-

(1) О нравахъ и обычаяхъ дагестанскихъ горцевъ Н. Львова Кавк. 1867 г. № 70 и 71. Дагестанъ, его нравы и обычаи П. Пржецлавскаго Вѣстн. Европы 1867 г. т. III. Закатальскій округъ А. Пасербскаго. Кавказъ 1864 г. № 61. Тифлис. Вѣдом. 1834 г. № 9—18. Домашняя и семейная жизнь дагестанскихъ горцевъ Н. Львова. Сборникъ Свѣд. о кавказс. горцахъ вып. III. Какъ живутъ лаки. Абдуллы Омарова тамъ же. Очеркъ Закатальскаго округа А. Пасербскаго. Кавказскій Календарь на 1866 годъ.

лись ею и говорили: вотъ невѣста! счастливецъ тотъ, кто на ней женится! [1]»
И вотъ такихъ-то трудолюбивыхъ невѣстъ и ищутъ въ жены. О томъ, пользуется ли онъ расположеніемъ къ себѣ будущей жены, горецъ не безпокоится и мало думаетъ. Лишь бы только красота и тѣлосложеніе соотвѣтствовали его вкусу и видамъ, а о любви, если бы таковой не оказалось со стороны будущей его жены, онъ мало заботится.

— Была бы жена, говоритъ онъ, а любовь придетъ сама.

На прочность чувствъ женщины туземецъ не разсчитываетъ, зная, что женщина, какъ легко полюбитъ, такъ скоро и разлюбитъ. По его понятію, одинъ кинжалъ въ состояніи удержать жену въ должномъ повиновеніи и предохранить ее отъ предосудительнаго поведенія. На послѣднее, по мнѣнію туземцевъ, женщина одинаково склонна: любила ли она или нѣтъ мужчину при выходѣ замужъ—въ обоихъ случаяхъ любовь ея не прочна, скоро проходяща и перемѣнчива.

У джаро-бѣлаканцевъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, каждый молодой человѣкъ могъ вступать въ бракъ по своему желанію и безъ всякаго принужденія. Безъ разрѣшенія родителей или опекуновъ бракъ не могъ состояться, точно также, какъ и родители не могли принуждать своихъ дѣтей ко вступленію въ бракъ. Родственникамъ и опекунамъ сиротъ не предоставлено было вовсе права ни разрѣшать, ни принуждать ихъ ко вступленію въ бракъ ранѣе пятнадцати лѣтъ, но родители при своей жизни могли отдавать своихъ дочерей замужъ и ранѣе этого возраста. Похищеніе дочерей отъ родителей, женъ отъ мужей и даже вдовъ наказывалось смертію. Вдовы также вступали во второй бракъ не иначе какъ съ разрѣшенія родителей или родственниковъ. Каждый могъ имѣть четырехъ женъ и, со смертію одной, допускалось замѣстить ее мѣсто другою, но одновременно имѣть пять женъ воспрещалось. Только братъ съ родною сестрою и родители съ дѣтьми не могли вступать въ бракъ, но остальное самое близкое родство не соблюдалось; такъ, отецъ и сынъ могли жениться на родныхъ сестрахъ; братъ на женѣ умершаго брата и прочее, лишь бы только число женъ каждаго не превышало четырехъ. Нарушеніе подобныхъ постановленій подлежало духовному суду — *шаро*.

Желающій вступить въ бракъ объявлялъ о томъ имаму, который, въ присутствіи двухъ свидѣтелей со стороны жениха, спрашивалъ родителей или опекуновъ невѣсты, а также и саму невѣсту, согласна ли она на такой союзъ. Когда получено общее согласіе, тогда повѣренный со стороны невѣсты, въ присутствіи имама и свидѣтелей жениха, долженъ былъ объявить послѣд-

---

[1] Воспоминанія муталлима Абдуллы Омарова. Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ вып. I. За неимѣніемъ другихъ источниковъ, брачные обряды горцевъ составлены мною исключительно по выше преведенной статьѣ г. Абдуллы Омарова и по статьямъ г. Н. Львова: „Домашняя и семейная жизнь дагестанскихъ горцевъ“ и „О нравахъ и обычаяхъ дагестанскихъ горцевъ“.

нему о согласіи невѣсты и получить отъ него условную плату въ пользу невѣсты. Женихъ выдавалъ невѣстѣ 7 руб., которые составляли ея собственность; она имѣла право требовать эти деньги при разводѣ и послѣ смерти мужа изъ его имѣнія, если только не получила ихъ ранѣе. Въ этомъ и заключалась вся обрядовая сторона брака, который нигдѣ не записывался и никакихъ письменныхъ актовъ о бракахъ не составлялось. Имамъ, не спросившій согласія невѣсты и ея родителей, подвергался строгой отвѣтственности.

Брачный союзъ прекращался смертію, разводомъ и долгимъ безвѣстнымъ отсутствіемъ мужа. Женщина, не получавшая никакого извѣстія о мужѣ и не будучи въ состояніи себя содержать по бѣдности, и если при этомъ родственники отказывались давать ей пропитаніе, обращалась къ имаму и просила его разрѣшенія на вступленіе въ новый бракъ и на расторженіе перваго. Имамъ, убѣдившись въ справедливости ея словъ, доносилъ кадію, который и разрѣшалъ ея просьбу.

Вдова могла выходить въ замужество неограниченное число разъ, лишь бы только находились охотники на ней жениться.

Для развода согласіе жены не спрашивалось. Мужъ призывалъ имама, двухъ старшинъ и, въ присутствіи ихъ, произносилъ громко и три раза:

— Жена моя, въ тройнѣ сопряженная со мною бракомъ, да будетъ отъ меня свободна.

При этомъ онъ долженъ былъ кинуть черезъ себя три камня, «отнюдь не произнося при томъ словъ: *Богъ вѣдаетъ*, иначе разводъ считался недѣйствительнымъ, и они снова, при взаимномъ согласіи, могли жить вмѣстѣ, тогда какъ при законномъ разводѣ мужъ уже не могъ соединиться съ прежнею женою».

Въ настоящее время у горцевъ брачущимся не представляется такой свободы вступать въ бракъ, когда они хотятъ и съ кѣмъ хотятъ. Теперь всѣ хлопоты и труды по устройству судьбы сына отецъ беретъ на себя, а мать, какъ женщина, устраняется отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ. За неимѣніемъ отца, его обязанность исполняетъ одинъ изъ мужчинъ, ближайшій родственникъ жениха, при чемъ весьма часто не обращается никакого вниманія на то, видѣлъ ли послѣдній когда-нибудь свою невѣсту или не видѣлъ. Нерѣдко бываетъ и то, что сговоры происходятъ тогда, когда будущимъ супругамъ бываетъ отъ семи до восьми лѣтъ.

Въ Самурскомъ округѣ не рѣдкость *примѣрныя свадьбы*. Два отца, находящіеся въ неразрывной дружбѣ и имѣющіе одинъ сына, а другой дочь, соглашаются между собою, для большаго укрѣпленія дружбы, сочетать своихъ дѣтей законнымъ бракомъ, хотя имъ обоимъ не болѣе семи лѣтъ отъ роду. Сказано и сдѣлано. Отцы выбираютъ изъ числа своихъ знакомыхъ мужчину и женщину, и тѣ, представляя собою маленькихъ будущихъ супруговъ, отправляются въ мечеть и тамъ, исполнивъ всѣ свадебные обряды, клянутся другъ

другу въ святости исполненія супружескихъ отношеній. Возвратившись изъ мечети, родители призываютъ играющихъ на улицѣ дѣтей, объявляютъ имъ что они мужъ и жена и встрѣчаютъ, въ отвѣтъ на это, наивный дѣтскій смѣхъ. Дѣти становятся взрослыми, смотрятъ другъ на друга какъ братъ на сестру, каждый изъ нихъ чувствуетъ симпатію къ какому нибудь постороннему лицу, и никакъ не можетъ свыкнуться съ своимъ положеніемъ. Между тѣмъ имъ постоянно твердятъ, что они мужъ и жена, и тѣмъ окончательно разбиваютъ ихъ послѣдующую жизнь. Кончается тѣмъ, что супруги начинаютъ ненавидѣть другъ друга, и съ этихъ поръ въ семействѣ является вражда и несогласіе. Дѣло обыкновенно кончается тѣмъ, что или мужъ, или жена обращаются въ судъ и просятъ о разводѣ. Отказъ въ разводѣ ведетъ къ убійствамъ или самоубійствамъ, а послѣ рѣшенія одного подобнаго развода являются цѣлыя сотни желающихъ такого же развода. Таковы послѣдствія обычая, ведущаго только къ преступленіямъ и затрудняющаго судей.

Обычай ранняго сватовства, даже со дня рожденія, распространенъ почти во всѣхъ обществахъ Дагестана. Отецъ мальчика даетъ отцу дѣвочки какую нибудь вещь въ видѣ залога, и малолѣтніе считаются съ этого времени женихомъ и невѣстою.

Молодой сынъ ищетъ красоту, а отецъ хорошую работницу: сынъ обращаетъ особенное вниманіе на стройность дѣвушки, ея умѣнье пѣть и плясать, а отецъ на физическую силу и дородство, способныя переносить тяжелый трудъ. Тѣмъ не менѣе окончательный выборъ невѣсты принадлежитъ все-таки отцу, и сынъ, волей-неволей, долженъ согласиться съ желаніемъ родителя. Часто желаніе пріобрѣсти хорошую работницу пересиливаетъ всѣ остальныя побужденія, и люди зажиточные прибѣгаютъ иногда къ *неиласному браку* своихъ сыновей на дѣвушкахъ или вдовахъ изъ низшаго сословія, извѣстныхъ подъ именемъ чара-хорабъ, кхо-буххарабъ, т. е. безпомощная, безталанная. «Хотя такіе браки совершаются по всѣмъ правиламъ шаріата, который обязуетъ всякаго мужа быть мужемъ не номинальнымъ, но отцы, изъ личныхъ интересовъ, находя вреднымъ для такихъ супруговъ раздѣленіе брачнаго ложа, стараются внушить подростающимъ мужьямъ отвращеніе къ переросшей женѣ и проповѣдуютъ о неприличности сожитія съ такими женами». Такъ что послѣднія являются въ домѣ какъ даровыя и безплатныя работницы.

По адату, при выходѣ въ замужество ни одна женщина не можетъ располагать собою: для вступленія ея въ бракъ необходимо согласіе родителей, или опекуновъ, или, наконецъ, дибира того селенія, въ которомъ она живетъ. Дибиръ даетъ свое согласіе въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣвушка вовсе не имѣетъ родныхъ, или когда послѣднія живутъ далеко и не ближе двухъ дневнаго пути.

На этомъ основаніи, когда невѣста высмотрѣна, тогда родители жениха посылаютъ къ родителямъ невѣсты родственника, почтеннаго человѣка или старуху, а чаще всего муллу, просить руки ихъ дочери. Какъ и вездѣ, сватъ или сваха, появившись въ домѣ невѣсты, первымъ дѣломъ начинаютъ издалека,

намеками, въ родѣ того: «просимъ васъ сдѣлаться отцемъ и матерью», а за тѣмъ высчитываютъ достоинства своего довѣрителя, доброту его родителей и разсказываютъ объ ихъ происхожденіи. Равенство происхожденій играетъ большое значеніе при заключеніи брачнаго союза, и бѣднѣйшій узде.ль ни за что не согласится выдать свою дочь за самаго богатаго *кула*—лица происходящаго изъ крѣпостнаго состоянія. Преимущественно же брачный союзъ заключается между близкими родственниками или однофамильцами, въ особенност. если они богаты.

Родители невѣсты, чтобы не уронить своего достоинства, не изъявляютъ съ разу согласія на бракъ, отыскивая на словахъ какія либо къ тому причины: молодость дочери, незнаніе, желаетъ-ли она сама замужъ, и прочее. Послѣ нѣсколькихъ посѣщеній свата, они произносятъ инша-аллахъ (если Богу будетъ угодно) и тѣмъ изъявляютъ согласіе; но этимъ дѣло не оканчивается. Хотя на желаніе дѣвушки не обращается никакого вниманія, и согласіе на бракъ ея вполнѣ зависитъ отъ отца, тѣмъ не менѣе обычай требуетъ спросить лично невѣсту: желаетъ-ли она выйти замужъ за такого-то? тотъ же обычай заставляетъ дѣвушку отказать на первое предложеніе. Сватъ идетъ во второй разъ и получаетъ такой же отказъ, и только на просьбу, повторенную въ третій разъ, получается согласіе невѣсты. Оттого часто случается, что сватъ нѣсколько недѣль ходитъ за отвѣтомъ.

По полученіи окончательнаго и удовлетворительнаго отвѣта, женихъ, выбравъ трехъ или болѣе человѣкъ, отправляетъ ихъ въ домъ невѣсты съ обручальными подарками: кольцомъ, кускомъ шелковой матеріи, преимущественно краснаго цвѣта, на шальвары, платкомъ и другими принодлежностями женскаго туалета, число, достоинство и цѣнность которыхъ вполнѣ зависятъ отъ состоянія жениха. Посланныхъ принимаютъ съ почестію и угощаютъ ужиномъ, на который собираются ближайшіе родственники обѣихъ сторонъ и нѣсколько почетныхъ лицъ, безъ которыхъ и въ горахъ не обходится почти ни одна свадьба. Какъ только за ужиномъ подадутъ хлѣбъ, тотчасъ же приносятъ жениховы подарки, раскладываютъ ихъ на томъ же столѣ, и тогда объявляютъ всѣмъ присутствующимъ цѣль прихода повѣренныхъ жениха и причину, вызвавшую настоящій ужинъ. Невѣста при этой церемоніи не присутствуетъ и часто уходитъ совершенно изъ дому. Пирующіе, заочно благословивъ обрученныхъ поздравляютъ родственниковъ обѣихъ сторонъ. Подарки жениха передаются потомъ невѣстѣ, которая, надѣвъ кольцо и другія вещи, носитъ ихъ съ этого времени на себѣ. Подарки эти составляютъ собственность невѣсты даже и въ томъ случаѣ, если бы женихъ впослѣдствіи и отказался вступить съ нею въ бракъ; но если отказъ послѣдуетъ со стороны невѣсты, то подарки должны быть возвращены ему въ двое.

Обѣ стороны заключаютъ письменное условіе, по которому отецъ жениха или самъ женихъ обязываются внести *кебинъ-хаккъ*, а отецъ невѣсты иногда опредѣляетъ количество приданаго, которое онъ назна

чаетъ за дочерью. Женихъ даетъ невѣстѣ верхнюю одежду, надѣваемую въ день брака, постель, одѣяло и проч. Вещи эти также составляютъ собственность невѣсты и возвращаются мужу при разводѣ, и то только въ такомъ случаѣ, когда жена сама захочетъ оставить мужа. *Кебинъ-хаккъ* есть обезпеченіе, которое дѣлаетъ женихъ невѣстѣ, на случай своей смерти или развода. если онъ самъ первый подастъ къ тому поводъ. Кебинъ-хаккъ, въ дѣйствительности, не выдается, а вносится только въ брачное условіе; величина его зависитъ отъ взаимнаго соглашенія, но обыкновенно наблюдается, чтобы онъ не былъ менѣе того, который полученъ матерью невѣсты, при выходѣ замужъ за ея отца. Изъ этого видно, что продажи дочерей не существовало въ сѣверномъ Дагестанѣ вовсе, а въ южномъ, и именно въ Самурскомъ и Кюринскомъ округѣ и части Табасарани, родители хотя и выговаривали отъ жениха нѣкоторую сумму, какъ бы въ свою пользу, но для того только, чтобы и ее включить въ кебинъ-хаккъ своей дочери.

Что касается собственно калыма, то въ тѣхъ обществахъ, гдѣ онъ и существовалъ прежде, размѣры его были весьма незначительны. Такъ, напримѣръ, въ Игали за дѣвушку платилось 12 гарнцевъ пшеницы; въ Богулялѣ одна саба (20 фунтовъ) той же пшеницы, или ячменя; въ Унцукулѣ одинъ рубль серебромъ.

Со времени сговора устанавливается нѣкоторое родство между двумя семействами: они взаимно помогаютъ другъ другу въ работахъ; невѣста посылаетъ жениху нѣкоторые подарки, изъ вещей собственной работы: кисетъ, табакъ надушенный гвоздикой, или съѣстное: фрукты, пироги, кувшинъ бузы и прочее.

Если женихъ отправляется въ дорогу, то изъ дому невѣсты ему посылается закуска, а въ свою очередь женихъ, возвратившись домой, приноситъ подарки невѣстѣ, которые большею частію состоятъ изъ жестянаго подноса, сундука персидской работы, стеклянной посуды и прочее.

По обычаю нѣкоторыхъ обществъ, невѣста должна избѣгать всякой встрѣчи съ женихомъ при постороннихъ, но при такомъ затруднительномъ положеніи всегда найдется сосѣдка-старуха, которая устраиваетъ свиданіе молодымъ. Въ другихъ обществахъ допускается жениху, по вечерамъ, выискать такой случай, когда онъ можетъ быть наединѣ съ невѣстою и, не стѣсняясь, придти въ домъ ея. Тогда, сидя у камина или очага, сговоренные проводятъ такъ цѣлыя ночи, если только въ домѣ нѣтъ мужчины, или сладкая бесѣда ихъ не будетъ нарушена его приходомъ. У большинства же жителей Дагестана жениху дозволяется посѣщать невѣсту во всякое время, а въ обществѣ Цунта-Ахвахъ женихъ и невѣста могутъ даже спать вмѣстѣ, но, до заключенія брака, женихъ не можетъ касаться до тѣла невѣсты ниже пояса. Одна невѣста за нарушеніе этого обычая убила своего жениха кинжаломъ и заслужила за то всеобщую похвалу.

Послѣ сговора и до свадьбы проходитъ часто довольно значительное время, смотря по условію и желанію обѣихъ сторонъ

«За мѣсяцъ, пишетъ г. Н. Львовъ, или недѣли за три до дня вступленія новобрачной въ домъ мужа, они ежедневно приглашаются своими родственниками, которые угощаютъ ихъ самыми вкусными яствами и питіями. Каждый изъ молодыхъ, отдѣльно отправляясь въ гости, ведетъ за собою почетную свиту мужчинъ и женщинъ, на долю которыхъ, благодаря ихъ патронамъ, достается не малая часть ихъ вкусныхъ яствъ. Во время нахожденія жениха или невѣсты у пригласившихъ ихъ родственниковъ, домá послѣднихъ наполнены гостями, принимающими непритворное участіе въ радости виновниковъ пирушки. Каждый старается быть веселымъ, развязнымъ, и многіе острятъ самымъ забавнымъ и пріятнымъ для самолюбія жениха образомъ. Тамъ поются веселыя пѣсни, акомпанируемыя стукомъ бубна (жирхенъ), происходитъ оживленная пляска, подъ звуки трехъ-струнной балалайки (пандуръ); поются въ припляску импровизованныя пѣсни любви, или происходитъ между женщиной и мужчиной шуточная брань, импровизированная стихами, также на распѣвъ и въ припляску. Рогъ, наполненный бузою или чабою, сопровождаемый крикомъ обносчика «воре-шорабъ» (берегись, дошла очередь!), безпрерывно обходитъ гостей, составляющихъ собою тѣсный кружокъ, по срединѣ котораго красуется большое мѣдное блюдо или деревянный лотокъ сомнительной опрятности, наполненный чуреками, сыромъ, колбасой, вяленой бараниной, такимъ же курдючьимъ жиромъ, лукомъ, медомъ, виноградомъ и другими фруктами. Угощаемая своими родственницами, невѣста имѣетъ удовольствіе, такъ же какъ и женихъ, слышать отъ женщинъ множество пріятныхъ замѣчаній и намековъ относительно положенія, въ какомъ она будетъ находиться въ день вступленія ея въ домъ молодаго мужа, для чего совѣтуютъ ей, не стѣсняясь, кушать больше, чтобы до того времени укрѣпиться въ тѣлѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ, какъ опытныя, считаютъ необходимымъ сообщить ей обо всемъ, что каждая изъ нихъ волей-неволей испытала во время первой уединенной встрѣчи съ мужемъ, и если отъ открываемыхъ секретовъ невѣста конфузится, то ее ободряютъ словами: «такой существуетъ адатъ, такъ Богъ повелѣлъ».

Когда все приготовлено, когда окончены соглашенія относительно *кебина*, тогда женихъ перевозитъ невѣсту къ себѣ въ домъ. За нѣсколько дней до этого, молодыя дѣвушки отправляются въ горы собирать траву, которою набиваютъ тюфяки невѣсты. Тюфяки шьются изъ толстаго пестраго холста или паласа, набиваются мягкою травою, а подушки шьются изъ простаго холста или грубаго ситца и набиваются шерстью.

Три дня передъ свадьбою или, лучше, передъ вступленіемъ новобрачной въ домъ мужа происходятъ угощенія; молодые парни веселятся въ домѣ жениха, молодыя дѣвушки въ домѣ невѣсты. Во время такихъ веселій женихъ и невѣста, одѣвшись въ лучшія платья, сидятъ неподвижно, не принимая никакого участія въ общемъ весельѣ. Въ концѣ третьяго дня домъ жениха пу-

стѣетъ, и онъ готовится встрѣтить невѣсту. Въ день перехода невѣсты къ жениху, въ обоихъ домахъ, съ ранняго утра, замѣтна большая дѣятельность: въ домѣ невѣсты набиваютъ тюфяки, укладываютъ приданое, а женихъ у себя хлопочетъ о предстоящемъ угощеніи, посылаетъ за водкою, приготовляетъ бузу, покупаетъ барановъ, рѣжетъ ихъ и приготовляетъ обильную пищу для гостей. Приготовивъ все это, женихъ уходитъ изъ дому къ товарищу или родственнику, который назначается дружкою, и возвращается въ свой домъ только передъ сумерками.

Обыкновенно наканунѣ послѣ вечерняго намаза происходитъ актъ бракосочетанія. Дибиръ или кадій отправляется самъ, или посылаетъ нѣсколько человѣкъ довѣренныхъ, спросить невѣсту: желаетъ-ли она выйти за такого-то, и довѣряетъ-ли такимъ-то лицамъ исполнить за нее обрядъ бракосочетанія?

По магометанскому закону, бракосочетаніе есть простое заключеніе условій между мужчиною и женщиною, и потому по аварски оно выражается словомъ *магари-тлэ*, что въ переводѣ означаетъ *заключеніе брачнаго торга.* Всѣ горцы допускаютъ, при исполненіи обряда бракосочетанія, отсутствіе жениха и невѣсты, вмѣсто которыхъ могутъ быть посланы довѣрители (векиль). Послѣдніе, будучи уполномочены со стороны жениха и невѣсты, въ присутствіи двухъ свидѣтелей приступаютъ къ совершенію обряда или въ саклѣ, или отправляются для того въ мечеть, подъ окнами которой и у дверей ставятся часовые, чтобы кто нибудь изъ недоброжелателей или злыхъ людей не подслушалъ, когда будетъ совершаться бракъ. У дагестанскихъ горцевъ существуетъ совершенно тождественное съ чеченцами суевѣріе, что завязываніемъ узелковъ, при отвѣтахъ жениха, можно его заколдовать и сдѣлать неспособнымъ къ исполненію супружескихъ обязанностей. Въ обезпеченіе отъ такого несчастія и ставятся часовыя у мечети.

Дибиръ, взявъ правыя руки брачущихся или ихъ представителей, приступаетъ къ обряду бракосочетанія. По большей части при этомъ присутствуетъ отецъ невѣсты и самъ женихъ.

Соединивъ ладони рукъ брачущихся такъ, «чтобы пальцы были протянуты и не касались тыльной поверхности кисти руки, при чемъ большой палецъ жениха должень находиться нѣсколько выше пальца векиля невѣсты», дибиръ кладетъ свой указательный палецъ на большіе пальцы брачущихся и произноситъ молитву.

— Съ помощію и соизволенія Бога, читаетъ онъ обращаясь къ довѣренному невѣсты и по пути указанному пророкомъ, за столько-то денегъ кебина, отдаешь ли ты свою дочь этому человѣку?

Такъ какъ довѣреннымъ со стороны невѣсты бываетъ большею частію отецъ ея, то онъ, повторивъ въ слухъ слова молитвы произнесенной дибиромъ, изъявляетъ свое согласіе въ слѣдующихъ словахъ.

— Я отдаю, говоритъ онъ, мою дочь въ законную жену такому-то, за столько-то батмановъ мѣди, или за столько-то быковъ или коровъ, за такое

то количество пахатной земли, или за столько-то денегъ и такое-то платье, по повелѣнію Божію и по закону Магомета.

То же самое повторяетъ и дибиръ, обращаясь къ жениху или, при отсутствіи послѣдняго, къ его довѣренному, и оканчиваетъ свою фразу вопросами: берешь ли?

— Я добровольно (или, по довѣренности, отъ такого-то) беру въ законную жену такую-то и за то-то, говоритъ женихъ или его представитель.

Слова эти повторяются три раза.

Дибиръ или кадій перечисляетъ снова всѣ заявленныя ему условія и спрашиваетъ согласія обѣихъ сторонъ. По окончаніи этого, повѣренные опускаютъ руки, кадій шопотомъ читаетъ молитву, и въ заключеніе произноситъ *фатиха*, т. е. совершилось.

— Аминь! повторяютъ присутствующіе, и обрядъ бракосочетанія считается оконченнымъ.

Безъ соблюденія всѣхъ этихъ условій бракъ признается незаконнымъ.

— Да будутъ благословенны! слышится со всѣхъ сторонъ голоса присутствующихъ, которые, въ лицѣ повѣренныхъ, поздравляютъ вновь сочетавшихся бракомъ молодыхъ.

Изъ мечети всѣ отправляются въ домъ жениха, гдѣ застаютъ уже толпу шумящей молодежи. На этотъ разъ комната убрана паласами и войлоками и освѣщена нѣсколькими *чирахами*, или нефтяными фитилями.

Самое почетное мѣсто предоставляется духовенству, подлѣ него по одну сторону усаживаютъ будуна (помощникъ кадія или муллы), а по другую ближайшихъ родственниковъ жениха и невѣсты; остальные размѣщаются тамъ гдѣ придется: болѣе почетные въ саклѣ, а остальные на дворѣ. Подаютъ обильный ужинъ, которымъ хозяева стараются насытить самыхъ почетныхъ гостей, а затѣмъ, что останется отъ нихъ, передается менѣе почетнымъ и, наконецъ, женщинамъ. Послѣднія, по адату, должны довольствоваться остатками отъ мужчинъ. По окончаніи ужина старики и духовенство удаляются, а молодежь пируетъ. Женихъ въ этомъ собраніи не присутствуетъ; онъ, какъ мы сказали заранѣе, переселяется къ одному изъ близкихъ друзей или родственниковъ, принимающихъ на это время названіе дружки или, лучше, *товарища жениха*, и въ свою очередь гуляетъ тамъ со своими пріятелями.

Молодая переходитъ въ домъ мужа или въ тотъ же день вечеромъ, или же на слѣдующій день, при чемъ съ ранняго утра дѣвушки, съ пѣснями таскаютъ въ домъ жениха приданое молодой. Оно состоитъ изъ подушекъ, тюфяковъ, корзинъ разнаго вида и посуды: мѣдныхъ подносовъ, кувшиновъ, котловъ, пустыхъ бутылокъ, чашекъ, стакановъ и разныхъ бездѣлушекъ.

Въ обществахъ аварскаго племени одновременно съ такимъ тасканьемъ приданаго, молодая оставляетъ домъ родителей и отправляется къ ближайшему родственнику, чтобы тамъ приготовиться къ встрѣчѣ съ мужемъ. Здѣсь ее подчуютъ всѣмъ что есть лучшаго и сажаютъ на самое почетное

мѣсто. Отъ подобныхъ предложеній невѣста отказывается и почти всегда приготовленныя кушанья остаются не тронутыми.

Съ наступленіемъ сумерекъ, передъ домомъ гдѣ находится молодая, является, подъ предводительствомъ младшаго дружки, носящаго неблагозвучное названіе эшака (гама), цѣлая толпа почетной свиты, отправленной мужемъ за молодою женою.

Остановившись передъ дверьми дома, посланные просятъ позволенія войти въ домъ и, получивъ его, переступаютъ черезъ порогъ сакли съ молитвою, привѣтствуютъ присутствующихъ и садятся возлѣ молодой.

Уничтоживъ всѣ приготовленныя кушанья, пришедшіе просятъ хозяевъ отпустить молодую къ ея мужу; тѣ соглашаются не иначе, какъ по третьему повторенію этой просьбы. Тогда молодая, напутствуемая благословеніями пріютившихъ ея хозяевъ, отправляется въ домъ мужа.

Въ другихъ обществахъ Дагестана молодая переходитъ въ домъ мужа въ сопровожденіи только двухъ пожилыхъ женщинъ.

Въ началѣ настоящаго столѣтія въ андійскихъ обществахъ существовалъ обычай, по которому женихъ приходилъ за невѣстою въ сопровожденіи нѣсколькихъ своихъ пріятелей, бралъ ее къ себѣ на плечи и относилъ пѣшкомъ въ свой домъ, при многочисленномъ стеченіи народа.

Вступленіе молодой въ домъ мужа почти во всѣхъ обществахъ Дагестана сопровождается особою церемоніею.

На этотъ разъ невѣста бываетъ одѣта въ шелковое платье, обвѣшана большими металлическими пуговицами, цѣпочками и другими украшеніями. Она закрыта чернымъ вуалемъ и идетъ въ домъ жениха медленно, шагъ за шагомъ—таковъ обычай. Послѣдній особенно замѣчателенъ въ селеніяхъ Чохъ и Гергебилѣ. Тамъ родственники и друзья жениха усердно упрашиваютъ невѣсту идти въ его домъ. Послѣ долгихъ упрашиваній невѣста выходитъ за ворота и, сдѣлавши шагъ впередъ, останавливается. Родственники снова упрашиваютъ, кланяясь до земли, и тѣмъ заставляютъ ее сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ. Каждое упрашиваніе со стороны родственниковъ вызываетъ только одинъ шагъ со стороны упрашиваемой, и если домъ жениха далеко, то путешествіе невѣсты совершается очень медленно. Эта медленность вызвала въ Дагестанѣ особую поговорку.

— Ѣдетъ, какъ гергебильская невѣста, говорятъ дагестанцы каждому медленно идущему или ѣдущему.

У казикумуховъ (лаковъ) впереди невѣсты несутъ зажженные фитили, а за ними слѣдуетъ женщина съ подносомъ на головѣ, на которомъ лежитъ преимущественно хлѣбъ и халва.

Пѣсни дѣвушекъ, окружающихъ молодую, слышны съ самаго начала ея выхода изъ дому. Толпа народу: старыя и молодыя, мужчины и женщины, замыкаютъ шествіе. Впереди видна площадь, на ней сборище односельцевъ жениха загораживаетъ выходъ изъ улицы, не пускаетъ далѣе церемоніальнаго

шествія невѣсты, и требуетъ выкупа. Хлѣбъ и халва съ подноса переходятъ въ ихъ руки—и выходъ на площадь свободенъ.

У воротъ дома жениха давно ждутъ прихода невѣсты; тамъ мать жениха держитъ чашку полную муки, перемѣшанной съ кишмишемъ и сахаромъ.

— Да принесешь ты къ намъ благополучіе, счастіе и богатство, говоритъ она своей невѣсткѣ, разсыпая муку на молодую и ея подругъ; да не умрешь ты, пока не увидишь у своихъ колѣнъ твоихъ правнуковъ.

У аварцевъ мать новобрачнаго держитъ тарелку съ медомъ и, обмакнувши въ него свой палецъ, мажетъ имъ губы молодой и приглашаетъ ее войти въ домъ. Молодая, не обращая вниманія на приглашеніе, облизываетъ губы, но, по обычаю, существующему у всѣхъ горцевъ, не двигается съ мѣста, ожидая подарка. Тогда на встрѣчу ей выводятъ ослицу, которая потомъ поступаетъ въ ея собственность; ей хотятъ отрѣзать ухо, но молодая не соглашается, Она, по прежнему, не хочетъ идти далѣе—она не довольна подаркомъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, въ замѣнъ ослицы, выводятъ корову, а еще лучше, если лошадь. Принимая подарокъ, молодая соглашается, чтобы лошади отрѣзали ухо, и, привѣтствуемая поздравленіями, выстрѣлами и пѣснями, она входитъ затѣмъ въ приготовленную для нея комнату и прячется вмѣстѣ съ свахами и подругами за красной ситцевой занавѣской или, просто, за ковромъ, отдѣляющимъ одинъ изъ угловъ комнаты. Мужчины не имѣютъ входа въ эту комнату, и она наполняется одними женщинами и дѣвушками.

Пришла въ домъ невѣста, да нѣтъ жениха—онъ пируетъ у своего товарища. Зурна, балалайка и барабанъ, пѣніе, пляска и всеобщая попойка, составляетъ исключительное занятіе пирующихъ. Общество жениха разнообразнѣе общества невѣсты: тамъ, гдѣ пируетъ женихъ, допускаются и молодыя дѣвушки, занимающіяся исключительно пѣніемъ и танцами.

Пѣсни горцевъ не имѣютъ никакихъ характеристичныхъ особенностей. Подобно всѣмъ восточнымъ пѣснямъ, воспѣвается, съ разными варьянтами, любовь, красота женщины, подвиги какого-либо героя, прославившагося своею храбростію, или, наконецъ, объ удальствѣ *цевекхановъ* (предводителей). Напѣвъ ихъ состоитъ изъ высокихъ грудныхъ нотъ; нѣкоторыя пѣсни имѣютъ мотивъ очень унылый. Пѣсни свои туземцы поютъ всегда въ двоемъ. Нагнувшись другъ къ другу, почти къ самому уху, и прикрывъ наружную сторону щеки ладонью, какъ бы желая, чтобы оба голоса слились въ одно цѣлое, поющіе тянутъ свою пѣсню высокимъ крикливымъ альтомъ.

Любовные и религіозные стихи народъ очень уважаетъ. Чѣмъ фантастичнѣе и баснословнѣе разсказъ, тѣмъ съ большею жадностію слушатели упиваются имъ; «чѣмъ неправдоподобнѣе разсказываемыя событія, тѣмъ охотнѣе вѣрятъ въ дѣйствительность ихъ».

Слушатели за каждымъ куплетомъ поощряютъ пѣвцовъ словами: *хай*, *хаай*, прикрикивая ихъ въ мотивъ и тактъ пѣсни.

— Ай да спасибо, молодцы, проговорятъ непремѣнно слушатели, по окон-

чаніи пѣсни, и переходятъ къ другимъ увеселеніямъ—поглазѣть на танцующихъ или послушать родной музыки.

Музыкальные инструменты не многочисленны, не разнообразны и состоятъ изъ *лялю*—камышевая свирѣль; *ляляби* — двѣ камышинки, связанныя рядомъ; оба вида употребляются преимущественно пастухами. За ними слѣдуютъ: *зурна*—нѣчто въ родѣ нашего рожка, барабанъ (кили) и балалайка (комусъ, или пандуръ), бубенъ (жирхенъ) и скрипка о двухъ струнахъ.

Не смотря на незатѣйливость музыкальныхъ инструментовъ, горцы пляшутъ съ большимъ увлеченіемъ, не только подъ звуки ихъ, но готовы плясать и тогда, когда имъ будутъ бить тактъ въ ладоши, доску, тазъ и т. п. Шамиль сколько ни старался вывести пляску, какъ строго ни преслѣдовалъ за нее, но туземцы все-таки не оставляли этого рода увеселенія. Собираясь по ночамъ въ подвалахъ и конюшняхъ, они, тайкомъ отъ шпіоновъ, предавались полному разгулу и веселью — устраивали танцъ-классы и плясали лезгинку.

Каждый желающій танцовать выходитъ на средину круга, дѣлаетъ всѣмъ присутствующимъ поклонъ и затѣмъ уже начинаетъ танецъ. Онъ идетъ сначала медленно, едва переступая съ ноги на ногу, какъ бы нехотя и посматривая искоса на толпу дѣвушекъ, сгруппировавшихся отдѣльно. Если музыка играетъ медленно, не по вкусу танцующаго, то онъ, обращаясь къ музыкантамъ и хлопающимъ въ ладоши, начинаетъ самъ хлопать скорѣе; данный имъ тактъ подхватываютъ музыканты вмѣстѣ съ присутствующими и танецъ продолжается.

— Ай Девлетъ-канъ чихъ! говоритъ онъ одной изъ дѣвушекъ.

Девлетъ-канъ выходитъ на средину.

«Пляска, пишетъ г. Пржецлавскій, производится всегда въ кружокъ, съ поворотами направо и налѣво, а при встрѣчахъ одинъ изъ танцующихъ дѣлаетъ нѣсколько *па* назадъ, и потомъ уже поворачивается къ одному направленію. Танцующіе, дѣлая кругъ направо, держатъ правую руку съ сжатою кистью противъ лица или шеи, а лѣвую руку—на отлетѣ нѣсколько назадъ; при поворотѣ налѣво, положеніе рукъ перемѣняется. Лезгинку женщины танцуютъ въ три мелкія *па*; мужчины же *па* импровизируютъ».

Горскій этикетъ требуетъ, чтобы мужчина оканчивалъ танецъ послѣ дамы и, оканчивая его, отступалъ въ толпу такъ, чтобы дамамъ быть лицомъ къ кавалерамъ и обратно.

Танецъ горцевъ отличается отъ бойкой лезгинки жителей плоскости. Большая часть горныхъ жителей пляшутъ нѣчто въ родѣ лезгинки, но въ пляскѣ ихъ, въ особенности у тавлинцевъ, нѣтъ ни особенной живости, ни отваги, составляющихъ исключительную характеристику этого танца. Пляшущіе кружатся другъ около друга, нагнувъ голову впередъ, поднявъ кисти рукъ наравнѣ съ плечами и дѣлая небольшія однообразныя *па* ногами. Женщины, опустивъ рубашку и концы своихъ платковъ и поднявъ горизонтально руки,

«точно какъ распятыя ходили взадъ и впередъ медленными шагами, какъ бы скользя, и при этомъ, дѣлая концами рукъ разныя фигуры, то сжимали пальцы въ кулакъ, то открывали ихъ».

Другой танецъ составляется изъ двухъ шереногъ: одной изъ женщинъ, другой изъ мужчинъ. Обѣ шеренги, ставъ лицомъ другъ къ другу, подъ тактъ ладошей дѣлаютъ то отступленіе, то наступленіе и за тѣмъ переходятъ опять въ лезгинку, при чемъ каждый кавалеръ танцуетъ ее съ стоящею противъ него дамою, а самый порядокъ танца начинается съ праваго фланга.

Въ разгарѣ пляски, болѣе ловкіе и горячіе танцоры стрѣляютъ подъ ноги своей дамы изъ пистолетовъ, заряженныхъ пулями, а другіе, снявъ сапоги и взявши въ зубы клинокъ шашки, пляшутъ то въ присядку, то на вывороченныхъ внутрь носкахъ, перекидывая подъ колѣнами изъ руки въ руку два обнаженные кинжала.

«Щебенистое парке раздираетъ имъ ноги до крови, и потому иногда догадливый хозяинъ приказываетъ усыпать мѣсто, выбранное для танцевъ саманомъ».

Не смотря на все это, горцы веселятся, и веселятся отъ души.

Далеко уже за-полночь, начинается торжественное шествіе жениха къ молодой супругѣ. Толпа, провожающая его, состоитъ только изъ одних мужчинъ. При приближеніи процессіи, свахи и подруги отводятъ невѣсту въ назначенную для молодыхъ комнату. Поваляшись на приготовленныхъ постеляхъ и попробовавъ будетъ ли удобно молодымъ, всѣ дѣвушки выходятъ на дворъ и встрѣчаютъ жениха пѣснями. Молодой входитъ къ своей супругѣ и толпа расходится; у дверей комнаты остается только одинъ товарищъ жениха караулить, чтобы кто-нибудь изъ постороннихъ не подслушалъ молодыхъ. У казикумухцевъ (лаковъ) караулъ этотъ содержится весьма строго, но у горцевъ аварскаго племени дружки и свахи, обязанные слѣдить за этимъ, измѣняютъ новобрачнымъ и позволяютъ молодежи подслушивать въ самомъ удобномъ для того мѣстѣ. Окруживъ саклю почти со всѣхъ сторонъ, любопытные слышатъ каждое слово новобрачныхъ, смѣются и подтруниваютъ надъ ними. Такъ продолжается иногда нѣсколько дней, пока молодой мужъ не погрозитъ любопытнымъ оружіемъ, а иногда и не приведетъ своей угрозы въ исполненіе. Такъ, 18 іюля 1869 г., житель селенія Бетль, аварскаго округа, Халипъ-Хапи-Оглы, ранилъ кинжаломъ односельца своего Гусейна-Хаджіовъ-Оглы, за то, что послѣдній подслушивалъ почью у окна новобрачныхъ.

Въ нѣкоторыхъ обществахъ, въ саклѣ молодыхъ, остаются ночевать двѣ женщины, изъ числа родственницъ невѣсты, сопутствовавшихъ ей въ домъ жениха. «Здѣсь участіе этихъ женщинъ выражается въ сценахъ еще болѣе циническихъ—чѣмъ какія бываютъ въ свадебныхъ обрядахъ у низшихъ классовъ нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ на другой день—отъ показаній свахъ».

Въ шамхальствѣ Тарковскомъ и ханствѣ Мехтулинскомъ, въ случаѣ нецѣломудренности своей жены, молодой выстрѣломъ изъ окна возвѣщаетъ объ

этомъ публикѣ, и изъявляетъ за тѣмъ неудовольствіе родителямъ ея за дурной присмотръ за дочерью. У джаро-бѣлаканскихъ лезгинъ выстрѣлъ означаетъ совершенно обратное и служитъ объявленіемъ радости молодаго и выраженіемъ признательности тестю и тещи за дѣвственность ихъ дочери. Среди же жителей нагорнаго Дагестана ни того, ни другаго обычая не существуетъ.

«Не отвергая того, говоритъ Н. Львовъ, что дѣвица должна тщательно сохранять цѣломудріе, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, не претендуютъ за потерю его. Такая непретендательность основана на существующемъ съ незапамятныхъ временъ у горцевъ убѣжденіи, что дѣвушка-горянка легко можетъ лишиться своей невинности, безъ участія мужчины, отъ тяжкихъ работъ, которыми дѣвушки начинаютъ заниматься съ очень раннихъ лѣтъ, отъ лазанья по скаламъ и прыганья черезъ рвы. Кромѣ сказанныхъ причинъ, этому способствуетъ женское очищеніе, начинающееся у горянокъ очень рано. Послѣднее предположеніе, по словамъ ученыхъ, основано на ученіи нѣкоторыхъ толкователей корана».

На другой день, рано утромъ, товарищъ жениха будитъ молодаго и ведетъ его въ *куллу* (¹), гдѣ онъ долженъ купаться каждое утро; при этомъ, по обычаю казикумухцевъ, молодой беретъ съ собою кусокъ халвы, чтобы отдать ее первому встрѣчному, а охотниковъ на такое полученіе весьма много, такъ что всегда найдутся нѣсколько человѣкъ, караулящихъ молодаго. Совершивъ утреннюю молитву и окунувшись нѣсколько разъ въ ваннѣ, молодой опять отправляется къ товарищу, гдѣ и остается до вечера.

Во весь этотъ день зурна гудитъ до поздней ночи, гости танцуютъ, молодежь джигитуетъ, и на улицѣ, передъ домомъ молодыхъ, стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ. Толпы народа снуютъ взадъ и впередъ, а женщины смотрятъ съ террасъ своихъ домовъ, укутанныя въ свои покрывала. Они любуются, какъ молодой джигитъ, бросивъ поводья лошади, на всемъ скаку ея, станетъ на голову вертикально, какъ, проскакавъ въ такомъ положеніи довольно порядочное разстояніе и выстрѣливъ нѣсколько разъ изъ ружья, онъ, легко и ловко перевернувшись, сидитъ уже на своемъ азіятскомъ сѣдлѣ. Нѣсколько словъ одобренія—и онъ снова рѣшается на подобную рискованную и опасную штуку...

Нагулявшись вдоволь, гости расходятся; молодой возвращается домой и вступаетъ въ свои права. Три дня молодая остается въ саклѣ безвыходно, а на четвертый идетъ по-воду. Закутанная съ ногъ до головы покрываломъ, не глядя никуда, кромѣ какъ на свои ноги, она отправляется къ бассейну, въ сопровожденіи толпы дѣвушекъ. У бассейна ее ожидаетъ цѣлая толпа молодежи, и какъ только она зачерпнетъ воды, тотчасъ же кувшинъ арестовывается и не освобождается до тѣхъ поръ, пока молодежь не получитъ въ подарокъ хлѣба и халвы.

(¹) Кулла—общественная ванна.

Съ этихъ поръ молодая можетъ ходить одна за водою и въ гости, но не къ родителямъ; къ нимъ она идетъ только по приглашенію, и по случаю ея прихода бываетъ пиръ и угощеніе. Сдѣлавъ подарки ближайшимъ родственникамъ своего мужа и получивъ въ замѣнъ ихъ также подарки, молодая вступаетъ уже въ обязанности хозяйки или, скорѣе, работницы мужа [1].

Не смотря на легкость заключенія браковъ, въ Дагестанѣ весьма часто похищаютъ невѣстъ. При согласіи похищенной и ея родителей на бракъ дѣло кончается свадьбою и выдачею женихомъ кебинъ-хакка; съ лицъ, пособлявшихъ же ему увезти невѣсту, взыскивается штрафъ. Но если родители несогласны на бракъ, то у аварцевъ взыскивается съ похитителя въ пользу джамаата *ца-хисъ* (зубъ мѣняющій), скотина въ такомъ періодѣ возраста, когда она мѣняетъ свои зубы; въ прежнее время кромѣ того взыскивалось 100 овецъ или 30 руб. въ пользу хана и отламывался одинъ изъ угловъ дома. Самъ же похититель изгонялся на три мѣсяца изъ аула и, по возвращеніи своемъ, долженъ былъ угостить родственниковъ похищенной. При преслѣдованіи же бѣжавшихъ, родныя дѣвушки могутъ убить ихъ безнаказанно, но, съ другой стороны, бѣжавшіе могутъ скрыться въ каждомъ домѣ отъ преслѣдованій. Отказать имъ въ пріютѣ всегда считалось предосудительнымъ, и каждый хозяинъ охотно не только дастъ пріютъ, но и приметъ на себя обязанность посредника, въ примиреніи увезшаго съ родственниками дѣвушки. Онъ обязанъ только развести пріютившихся у него по разнымъ комнатамъ, иначе платитъ штрафъ. Примиреніе оканчивается обыкновенно приличнымъ угощеніемъ со стороны жениха. Если же родители, или сама дѣвушка, несогласна выйдти за своего похитителя, то она возвращается въ домъ родителей, а похититель прогоняется изъ селенія на срокъ отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года. Убивать похитителя послѣ возвращенія дѣвушки въ домъ родителей было запрещено адатомъ.

Увозъ дѣвушки, имѣющей жениха, и женщины отъ мужа, преслѣдуется какъ кровная обида по убійству. Мужъ увезенной женщины можетъ развестись съ нею и помириться съ похитителемъ за условленную плату. Послѣдній послѣ того долженъ на ней жениться или принять очистительную присягу, что не имѣлъ съ нею сближеній. Если женщина или дѣвушка покажетъ, что она беременна отъ того лица, къ которому бѣжала, то онъ долженъ на ней

---

(1) Воспоминанія муталлима Абдуллы-Омарова. Сборникъ свѣд. о кавказск. горцахъ выпускъ I Тифлисъ 1868 г. Домашняя и семейная жизнь дагестанскихъ горцевъ аварскаго племени Н. Львова Сборн. свѣд. о кавказскихъ горцахъ выпускъ III. Какъ живутъ лаки Абдуллы Омарова тамъ же. Три дня въ горахъ Калалальскаго общества, Кавк. 1861 г. № 85. Дагестанъ, его нравы и обычаи П. Пржецлавскаго Вѣст. Европ. 1867 г. т. III. Закатальскій округъ А. Пасербскаго Кавк. 1864 г. № 61. Четыре мѣсяца въ Дагестанѣ Вучетича Кавк. 1864 г. № 77. Адаты и судопроизводство по нимъ А. В. Комарова. Сборн. свѣд. о кавказк. горцахъ вып. I. Тифлисъ 1868 г. Дагестанъ Буткова рукопись Воен. учен. арх. главнаго штаба.

жениться непремѣнно и считается отцемъ будущаго ребенка. Въ такомъ случаѣ жениху возвращаются всѣ издержки, сдѣланныя по сватовству.

Молодая жена, вступая въ домъ родителей мужа, дѣлается помощницею своей тещи, старающейся свалить всѣ работы на невѣстку, такъ что та не знаетъ отдыха ни днемъ, ни ночью. Теща, помыкая ею, заставляетъ испытывать тѣ же страданія, которыя сама вынесла въ молодости. Стараясь возстановить сына противъ его жены, теща заставляетъ его обходиться съ своею невѣсткою точно такъ же, какъ отецъ его во время-оно обходился съ нею. Эти совѣты матери-тещи, къ несчастію, не остаются безъ послѣдствія и нерѣдко исполняются буквально. Разсердившись на жену, мужъ, безъ всякой видимой причины и за какіе-нибудь пустяки, бьетъ ее до полусмерти, и часто, въ порывѣ бѣшенства и необузданнаго гнѣва, рубитъ ее кинжаломъ, стрѣляетъ въ нее изъ пистолета, и если несчастная женщина не успѣетъ уклониться отъ наносимыхъ ударовъ разсвирѣпѣвшаго мужа, то падаетъ жертвою ничѣмъ неограниченнаго его своеволія. Тотъ горецъ считается добрымъ еще мужемъ, который швыряетъ въ свою жену первою попавшеюся ему подъ руки вещью, какъ, напримѣръ, башмакомъ, щипцами, чашкою и т. п. Натѣшившись вдоволь, мужъ еще сѣтуетъ на жену и жалуется на свое положеніе.

— Эта женщина, говоритъ онъ, заставитъ меня состарѣться не во-время.

Подобныя ссоры не рѣдкость и составляютъ едва ли не ежедневное явленіе. Крики и вопли, ежедневно слышные въ аулѣ, часто привлекаютъ цѣлыя толпы народа, приходящаго полюбоваться на раздирающія сцены семейной жизни горца. Терпѣливо перенося всѣ капризы, брань и побои, молодая видитъ залогъ своего спокойствія только въ слѣпомъ повиновеніи родителямъ мужа, и ждетъ перемѣны къ лучшему въ будущемъ, когда, по строю семейной жизни горца, роли перемѣняются и тираны дѣлаются страдальцами, а страдальцы—тиранами.

«Горцы, говоритъ Львовъ (¹), достигнувъ почтеннаго возраста, когда и здоровье не позволяетъ заниматься хозяйствомъ, передаютъ все свое состояніе, исключая денегъ, дѣтямъ, которыя, въ свою очередь, сдѣлавшись независимыми хозяевами, оказываютъ родителямъ полное пренебреженіе, въ особенности матери. Непечатная брань (такая брань не осуждается горцами, хотя бы она произносилась женщиною или дѣвушкою, что часто можно слышать), достающаяся иногда на долю стариковъ, нерѣдко побои и различныя оскорбленія переносятся ими съ безсильнымъ ропотомъ. Стариковъ не сажаютъ съ собою за столъ, особенно когда есть въ домѣ чужой человѣкъ, не обмываютъ, не обшиваютъ ихъ, дурно кормятъ и чего-чего не претерпѣваютъ они въ старости лѣтъ.» Словомъ, стариковъ, которые, по обычаю, пользуются почетомъ въ народѣ, пренебрегаютъ родныя дѣти.

(¹) О нравахъ и обычаяхъ дагестанскихъ горцевъ. Кавказъ 1867 г. № 72.

Такою-то благодарностію пользуются горцы отъ дѣтей въ замѣнъ той внутренней, душевной любви, которую они питаютъ къ нимъ, когда тѣ находятся въ младенческомъ возрастѣ. «Не всѣ мужчины, къ какой бы націи они ни принадлежали, способны такъ пламенно выражать любовь къ дѣтямъ, какъ горцы. Они нянчутся съ ними цѣлое лѣто, когда мать занята полевыми работами, и дѣлаются нанькою, въ полномъ смыслѣ этого слова, ухаживая за дѣтьми и исполняя все — не только безъ отвращенія, но съ особеннымъ наслажденіемъ».

Отсутствіе ласки родителей къ дѣтямъ, отдаленное положеніе и суровый видъ, принимаемый отцемъ и матерью каждый разъ, когда имъ приходится говорить съ ребенкомъ, причиною того, что сыновняя любовь къ родителямъ неизвѣстна дагестанцамъ.

«До сихъ поръ, пишетъ Абдулла-Омаровъ, не могу дать себѣ отчета, чувствовалъ ли я къ нему (отцу), когда нибудь любовь, какъ къ родителю. Мнѣ кажется, больше всего я имѣлъ къ нему чувство уваженія и страха, какое подчиненный питаетъ къ своему строгому начальнику. Этимъ я не хочу сказать, что я его могъ ненавидѣть или когда нибудь ненавидѣлъ. Напротивъ, я почиталъ его больше, чѣмъ всѣхъ другихъ, но только какъ единственнаго человѣка, имѣвшаго право распоряжаться нашимъ домомъ, заботившагося о благосостояніи нашемъ и имѣвшаго неограниченную власть надо мной. Его присутствіе меня тяготило, а когда онъ уходилъ изъ дому, я чувствовалъ себя свободнѣе. Что же касается до матери, то я любилъ ее. Она меня ласкала и часто уступала моимъ капризамъ. Мое расположеніе къ ней тѣмъ болѣе усиливалось, что въ моихъ глазахъ она была слабѣе относительно отца и казалась беззащитною; я никогда не видѣлъ, чтобы отецъ плакалъ отчего либо или чтобы когда нибудь била его мать; даже и въ то время, когда онъ обижалъ ее, она не говорила ему ничего обиднаго, только плакала, и онъ всегда оставался грознымъ побѣдителемъ. Но, сказать по совѣсти, едва ли я питалъ и къ ней нѣжную любовь. Не помню, чтобы когда нибудь я поцѣловалъ ее, да и ни за чтобы я на это не рѣшился; даже не говорилъ ей ласкательныхъ словъ, какъ другія дѣти, хотя весьма немногія говорятъ: «да будешь ты, мама, здорова! милая мама, доброе сокровище мое»! и проч. А когда говорила она мнѣ ласковыя слова, то я сердился; если же это было въ присутствіи другихъ, то очень конфузился. Мнѣ казалось, что она нарочно обманываетъ меня, чтобы только я послушался ее. Обычные *буттай* (папа) *бабай* (мама) мнѣ казались не больше, какъ собственными именами».

Въ общемъ итогѣ семейной жизни горца выходитъ все-таки, что самая печальная участь приходится на долю женщины. Хорошо еще, если она имѣетъ многочисленную родню, которая, по обычаю, можетъ заступиться за нее и если не облегчитъ ея положеніе въ семействѣ, то, по крайней мѣрѣ, потре-

бовать развода. Послѣднее производится весьма легко и часто случается между туземцами.

Расторженіе брачныхъ союзовъ составляетъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій въ жизни дагестанцевъ. Причины, побуждающія горцевъ къ разводу, бываютъ рѣдко основательны, а незначительный кебинъ дозволяетъ мужу не стѣсняться средствами къ пріобрѣтенію новой подруги жизни. Съ цѣлію прекратить, по возможности, разводы, Шамиль постановилъ, чтобы мужъ, отпуская жену, выдавалъ ей, кромѣ кебина, все то, что жена принесла ему изъ дома родителей; а если съ женщиною отпускались и дѣти, или когда разводъ состоялся во время беременности, то мужъ обязанъ былъ дать содержаніе: дѣтямъ—до совершеннолѣтія, а женѣ—до вторичнаго выхода замужъ или до окончанія беременности. Этотъ послѣдній срокъ, по правиламъ шаріата, могъ продолжаться до трехъ лѣтъ, т. е. до возобновленія извѣстнаго физическаго отправленія женщиною.

Противъ такой стѣснительной мѣры, горцы употребляли сначала хитрость такого рода: отпуская жену, мужъ приготовлялъ свидѣтелей, которые подтверждали, что все имущество, находящееся въ домѣ, принадлежитъ не хозяину, а продано или взято на время. За этимъ объявленіемъ женщина теряла право на свою собственность и выходила изъ дома мужа въ самомъ безвыходномъ положеніи.

Противъ этого *нехорошаго*, по выраженію Шамиля, обычая, онъ издалъ свой низамъ или постановленіе, по которому все движимое и недвижимое имущество горца, находящееся въ его домѣ или въ его рукахъ, признается его неотъемлемою собственностію до тѣхъ поръ, пока онъ окончательно не удовлетворитъ разводимую жену всѣмъ, что только ей слѣдуетъ, и затѣмъ уже имущество могло быть передано въ другія руки.

Относительно развода одно изъ правилъ шаріата гласитъ, что «если разводимая жена осталась дѣвственною на брачномъ ложѣ, то должна получить только половину условленнаго калыма». Дагестанскіе мужья торопились тогда воспользоваться и этимъ, но Шамиль спѣшилъ на помощь беззащитной женщинѣ и постановилъ, что мужъ, пробывшій наединѣ съ женою нѣсколько минутъ, обязанъ выдать ей при разводѣ весь кебинъ сполна.

Признавая однако же неоспоримымъ то правило, что для людей неблагонамѣренныхъ нѣтъ правила или закона, котораго нельзя было бы обойти, мы должны сказать, что находилось весьма много такихъ горцевъ, которые умѣли обходить оба постановленія имама. Обыкновенно мужъ, рѣшившійся развестись съ женою, передъ совершеніемъ этого акта, начиналъ льстить женѣ и ласкою вызывалъ ее на благодарность, фактическимъ выраженіемъ которой бывалъ *назру*, т. е. завѣщаніе или, лучше сказать, уступка имѣнія податливой жены въ пользу мужа. Противъ такого поступка, какъ и противъ всякаго добровольнаго соглашенія, Шамиль не могъ придти на помощь

съ своими законами, и горецъ, по заключеніи *назру*, пріискивалъ удобный предлогъ и тотчасъ же разводился съ обманутою имъ женою.

Для совершенія развода, мужъ призываетъ муллу и свидѣтелей и при нихъ объявляетъ, что отпускаетъ свою жену, послѣ чего читаются молитвы изъ корана. Расторгнутый бракъ не кладетъ на женщину никакого пятна. Если жена первая заявила желаніе развестись съ мужемъ, то она лишается права на полученіе кебина.

Дѣти остаются при отцѣ, и, на этомъ основаніи, послѣ развода женщина не можетъ вторично выйти замужъ ранѣе трехъ мѣсяцевъ, которые необходимы для обнаруженія ея беременности. Тогда будущій ребенокъ долженъ быть взятъ его отцемъ. Женщина, неимѣющая защиты въ лицѣ своихъ родственниковъ, не можетъ сама требовать развода, ни по обычаю, ни по основнымъ магометанскимъ законамъ, и тогда ей не остается ничего больше, какъ покориться и выносить на себѣ весь деспотизмъ и гнетъ въ молодыхъ и зрѣлыхъ лѣтахъ отъ мужа, а въ старости отъ дѣтей.

Вообще въ семейной жизни горца нѣтъ ничего такого, чтобы можно было назвать счастьемъ. Бѣдность, отсутствіе откровенности, любви, частая вражда и ссоры между супругами; съ одной стороны безграничная лѣнь, съ другой, невыносимо-тяжкій и безпредѣльный трудъ—все это не говоритъ въ пользу семейнаго счастья,

Рожденіе сына даетъ еще нѣкоторыя, впрочемъ, весьма незначительныя, права женщинѣ. Но если она имѣетъ несчастіе быть безплодною или привычку рожать дочерей, то окончательно теряетъ къ себѣ всякое уваженіе и любовь мужа, который, чтобы досадить ей еще болѣе, женится на другой.

Вотъ почему всѣ горянки такъ пламенно желаютъ имѣть дѣтей, и въ особенности сыновей. Безплодная женщина прибѣгаетъ часто ко всѣмъ возможнымъ способамъ, чтобы только сдѣлаться беременною. Въ такомъ случаѣ всѣ примѣты, созданныя народнымъ суевѣріемъ, пускаются въ ходъ. Она отправляется къ знахаркѣ, которая ведетъ ее на кладбище и, послѣ совершенія намаза, дѣлаетъ надъ нею разныя нашептыванія и ощупыванія. Возвратясь домой, такую женщину сажаютъ на рѣшетчатый табуретъ, подъ которымъ въ жаровнѣ курятся разныя травы. Но если всѣ эти средства не помогаютъ и, по несчастію для первой, вторая жена родитъ сына, тогда старшая жена дѣлается служанкой молодой своей соперницы— и насмѣшкамъ и глумленіямъ отъ счастливой соперницы нѣтъ конца.

Беременность женщины не избавляетъ ее отъ тяжелыхъ работъ, и только за нѣсколько дней до родовъ она перестаетъ таскать огромныя вязанки дровъ, изъ одного, впрочемъ, опасенія, чтобы тѣмъ не повредить будущему младенцу. Передъ родами женщину холятъ, на сколько это возможно по характеру и достатку мужа. Ей позволяютъ готовить для себя кушанья, какія сама пожелаетъ, даютъ, если она пожелаетъ, масла и фруктовъ, изъ убѣжденія, что запрещеніе, въ этомъ случаѣ, отражается не на женщинѣ, а на младенцѣ. Народъ

увѣрнетъ, что если, во время беременности, женщинѣ хочется бараньей печенки и не удается съѣсть, то ребенокъ можетъ родиться съ краснымъ пятномъ на щекѣ. Беременная женщина не должна смотрѣть на звѣря, чтобы будущій малютка не сдѣлался похожъ на него; посмотрѣть на зайца значитъ родить малютку съ разрѣзанною губою. По этимъ причинамъ, хорошій мужъ старается предохранить свою жену отъ всѣхъ обстоятельствъ, могущихъ изуродовать будущаго сына или дочь. Точно также онъ всѣми мѣрами старается облегчить роды и прибѣгаетъ ко всѣмъ средствамъ, которыя народное представленіе считаетъ дѣйствительными. Если женщина во время родовъ сильно страдаетъ и не можетъ разрѣшиться, то прибѣгаютъ къ кадію, чтобы онъ покачалъ деревянную будку, на которой читаетъ молитвы; то тащатъ изъ мечети солому, чтобы окурить ею больную; то просятъ кадія написать талисманъ, который, смывъ водою, даютъ ее пить страдающей. Если всѣ эти средства не помогаютъ, то обращаются къ такому человѣку, который убилъ другаго, и просятъ его, чтобы онъ выстрѣлилъ подъ окнами больной. Часто долгія мученія приписываютъ дурному глазу, и тогда у тѣхъ, кто проходитъ мимо дома страдающей, и кого могутъ подозрѣвать въ порчѣ, отрѣзываютъ уголъ платья. Куски эти, считающіеся нечистыми, сожигаютъ, чтобы уничтожить силу дурнаго глаза и облегчить страданія больной.

Рожденіе дочери непріятно отцу; рожденіе же сына составляетъ его гордость и не малое удовольствіе. Въ Тилитлѣ существуетъ обычай, по которому отцу, произведшему на свѣтъ семь сыновей, дается, какъ бы въ награду, особый участокъ земли. Первый поздравившій отца съ рожденіемъ сына получаетъ какой нибудь подарокъ: теленка, барана и проч.

— Да будетъ младенецъ благочестивъ! говоритъ духовенство, принося поздравленіе.

— Да будетъ славнымъ джигитомъ, говорятъ его сосѣди, собирающіеся на тризну, устраиваемую по этому случаю.

Въ обезпеченіе родильницы отъ злаго духа, кладутъ около нея коранъ, а для поддержанія и возстановленія силъ у казикумухцевъ готовятъ особое женское блюдо, извѣстное подъ именемъ *курчэ*. Въ кипящую въ котлѣ воду насыпаютъ столько муки, что образуется густое тѣсто. Снявъ котелъ съ очага, дѣлаютъ по рединѣ тѣста углубленіе, въ которое наливаютъ топленаго масла съ медомъ. Почти каждая родственница, приходящая поздравить или провѣдать больную, приноситъ съ собою *курчэ*, которымъ и кормятъ родильницу въ теченіе цѣлой недѣли.

Спустя недѣлю или болѣе послѣ родовъ, новорожденному даютъ имя. Устроивъ приличное угощеніе, зарѣзавъ барана, приготовивъ цѣлую кадушку бузы, пшеничныхъ хлѣбовъ и проч., отецъ новорожденнаго приглашаетъ кадія и созываетъ гостей. Часто родители не сходятся между собою въ томъ, какое имя дать младенцу. Мужъ хочетъ дать одно, а жена другое. Первый настаиваетъ, напримѣръ, на томъ, чтобы дать имя въ честь своего отца,

для сохраненія имени своего рода, такъ какъ дѣдъ и прадѣдъ назывались этимъ именемъ; жена же, имѣя въ виду нѣкоторыя выгоды, настаиваетъ, чтобы дать имя убитаго ея брата, о чемъ особенно упрашиваетъ ее вдова убитаго. Горцы стараются сохранить имя любимаго человѣка если не въ прямомъ потомствѣ, то въ ближайшей боковой линіи, и такой мальчикъ получаетъ, отъ семейства умершаго или убитаго, въ праздничные дни подарки: шелковую рубашку, архалукъ и т. п. Для прекращенія споровъ между мужемъ и женою въ выборѣ имени новорожденному, обычай предоставилъ преимущество: отцу, при назначеніи имени младенцу мужескаго пола, а матери — женскаго.

Среди многочисленнаго собранія родныхъ и знакомыхъ, приносятъ младенца, уложеннаго на большой бѣлой подушкѣ и покрытаго бѣлымъ одѣяльцемъ. Отецъ передаетъ его на колѣни кадію или муллѣ, который, нагнувшись надъ нимъ, произноситъ: *«во имя Бога»* и читаетъ молитву: *Ля-иль-Алла-иль-Алла-Магометъ-расуль-Алла!* сначала въ правое ухо, потомъ въ лѣвое, опять въ правое и т. д. по три раза въ каждое.

— Какое имя желаешь дать своему дитяти? спрашиваетъ мулла у отца.

— Ахмедъ, отвѣчаетъ тотъ.

Мулла снова нагибается надъ младенцемъ и, подувъ направо и налѣво, первый произноситъ его имя.

— Да будетъ онъ Ахмедъ! почти вскрикиваетъ мулла.

— Ахмедъ, Ахмедъ! восклицаютъ почти въ одинъ голосъ всѣ присутствующіе; да благословитъ его Аллахъ.

Наѣвшись, напившись и пожелавъ младенцу здоровья и долгой жизни, гости расходятся по домамъ.

Когда мальчикъ достигнетъ такого возраста, что въ состояніи будетъ произносить *Ля-иль-Алла*, тогда надъ нимъ совершается обрѣзаніе, хотя и не предписываемое кораномъ, но дѣлаемое на основаніи *суннета*—богословскихъ преданій (1).

Въ первые дни послѣ рожденія, ребенокъ пользуется особеннымъ попеченіемъ родителей; начнетъ-ли онъ слишкомъ много плакать или не можетъ долго заснуть, родители посылаютъ въ мечеть просить кадія, чтобы онъ написалъ усыпляющую молитву. Подобными предохранительными молитвами родители запасаются въ изобиліи.

Едва мальчикъ начинаетъ произносить слова, его учатъ молитвамъ, читаемымъ на арабскомъ языкѣ. Такимъ образомъ случается нерѣдко, что, вмѣстѣ съ роднымъ языкомъ, ребенокъ знакомится и съ арабскимъ Съ наступленіемъ болѣе зрѣлаго возраста, каждый порядочный отецъ старается

---

(1) Воспоминаніе муталлима Абдуллы Омарова Сборникъ Свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ выпускъ I Тифлисъ 1868 г. Дагестанъ, его нравы и обычаи Пав. Пржецлавскій Вѣстн. Европы 1867 г. т. III.

обучить своихъ сыновей арабской грамотѣ, чтобы дать имъ средство самимъ читать коранъ. Дѣвочекъ грамотѣ не учатъ, да имъ и некогда, потому что онѣ, чуть-ли не со дня рожденія, исполняютъ обязанности помощницъ матери во всѣхъ тяжелыхъ работахъ, которыя выпали въ горахъ на долю женщинъ.

Для обученія дѣтей почти въ каждомъ аулѣ былъ наставникъ, преимущественно изъ стариковъ, который, за извѣстную плату, обучалъ мальчиковъ арабскому языку. Въ нѣкоторыхъ аулахъ существовали сельскія школы, въ которыхъ обучавшіеся мальчики носили названіе *учениковъ по преимуществу* или *дѣтей по корану*, въ отличіе отъ обучавшихся дома. Ученики по корану получали изъ *зяката*—десятой части урожая, ежегодно удѣляемаго каждымъ жителямъ селенія—нѣкоторое количество зерноваго хлѣба на свое пропитаніе.

Все обученіе состояло въ умѣньѣ читать коранъ, и когда мальчикъ доходилъ до *кульго*—одной изъ главъ корана — то, по принятому обычаю, наставникъ перевязывалъ ученику большой палецъ руки шерстяною ниткою и отправлялъ домой. Подобное отправленіе совершалось нѣсколько разъ, какъ только ученикъ доходилъ до извѣстныхъ главъ корана, и каждый разъ, въ благодарность за это, попечительный наставникъ получалъ отъ родителей обильныя приношенія, состоящія изъ хлѣба, похлебки, бузы, ляжки копченаго барана и т. п. Окончаніе мальчикомъ корана составляетъ торжество для ученика, его родителей и наставника. «Наконецъ, говоритъ Абдулла-Омаровъ, насталъ и для меня торжественный день, въ который я кончилъ весь коранъ. Еще наканунѣ этого дня, учитель мнѣ сказалъ, чтобы я возвѣстилъ объ этомъ своихъ родителей, что я и исполнилъ. Когда же въ школѣ, читая послѣднюю главу корана, дошелъ я до послѣдней строчки, всѣ ученики встали съ мѣстъ и начали приготовляться точно бѣжать куда-нибудь: одни снимали съ себя шубы, другіе сапоги, третьи засучивали рукава своихъ рубашекъ до локтей, будто приготовлялись къ кулачному бою. Когда же я произнесъ послѣднее слово корана, въ тотъ же мигъ я очутился на рукахъ товарищей, которые понесли меня на рукахъ въ домъ родителей и не прежде положили меня на землю, какъ мать моя дала имъ чашку орѣховъ. Дома, между тѣмъ, былъ приготовленъ обѣдъ, на который явились, по приглашенію, вліятельнѣйшіе люди аула, и за которымъ учитель возсѣлъ на самомъ почетномъ мѣстѣ. Послѣ же обѣда отецъ вручилъ учителю 2 р. 50 к. и поблагодарилъ его за труды, а старики и прочіе муллы пожелали мнѣ успѣха въ дальнѣйшемъ ученіи, чтобы я сдѣлался, наконецъ, такимъ же ученымъ мужемъ, какъ мой отецъ, потомъ всѣ стали расходиться по домамъ, отирая свои сальныя руки о бороды и лица».

Въ другихъ обществахъ, когда дѣти кончали свое образованіе, то ихъ связывали попарно рука къ рукѣ, и въ такомъ видѣ отводили въ домъ ро-

дителей. Послѣдніе, заранѣе предупрежденные о томъ, что дѣти ихъ окончили курсъ ученія, благодарили наставника подарками (1).

Что касается до познаній горцевъ вообще, то они находились въ самомъ жалкомъ положеніи. Они убѣждены были, напримѣръ, что всѣ христіане идолопоклонники, потому что поклоняются кресту, который горцы называютъ русскимъ Богомъ, почитаютъ иконы писанныя на деревѣ, и вѣрили, что христіанскій Богъ имѣетъ только одинъ глазъ, основываясь на изображеніи Всевидящаго Ока, видѣннаго ими въ нашихъ церквахъ.

Горцы утверждаютъ, что есть на свѣтѣ моря: Бѣлое, Черное, Красное, Желтое и Зеленое (Каспійское), но гдѣ эти моря находятся — не знаютъ. Кромѣ того, моря, въ сравненіи съ материкомъ, считаются ими совершенно ничтожными, похожими по величинѣ на ихъ небольшія дагестанскія озера. Оттого часто они свои озера именуютъ *динигизъ*, что значитъ море. Горцы знали о существованіи *Янги-Дуніа* (новый свѣтъ) и увѣряли, что въ Америкѣ не имѣется никакихъ поселеній, а что весь материкъ наполненъ лѣсами, среди котораго обитаетъ множество обезьянъ, составляющихъ собою, такъ сказать, коренныхъ обитателей этой части свѣта. Самъ Шамиль раздѣлялъ непреложность этой истины, и когда, во время своего пріѣзда въ первый разъ въ Петербургъ, въ 1859 году, встрѣтился съ американскимъ посланникомъ, на котораго ему указали какъ на представителя народовъ, обитающихъ въ новомъ свѣтѣ, то Шамиль смотрѣлъ на него съ крайнею недовѣрчивостію и обращалъ особенное вниманіе на фалды фрака, подозрѣвая, что подъ ними-то и скрывается данный ему природою хвостъ.

Вообще о природѣ и небесныхъ свѣтилахъ горцы имѣютъ весьма превратное понятіе, которое до нѣкоторой степени поддерживается и особенностію магометанской религіи. Въ коранѣ сказано, говорилъ Шамиль, что на небѣ было только два лица: Іисусъ Христосъ и пророкъ Магометъ, изъ которыхъ послѣдній описалъ всѣ подробности тамошнихъ порядковъ, и что поэтому, кто только станетъ утверждать, будто ему извѣстно, что дѣлается на небѣ, то такой человѣкъ долженъ считаться лишившимся ума или не имѣвшимъ его отъ рожденія.

Безусловная вѣра въ предопредѣленіе, или фатализмъ, проявляются у горцевъ въ полной силѣ. Мусульманинъ, или, лучше сказать, горецъ-фанатикъ, часто страдая какою-либо болѣзнію, не лечится, основываясь на томъ, что его жизнь и здоровье нисколько не зависятъ отъ воли человѣка.

— Если Богу угодно, говоритъ онъ, чтобы я не ѣлъ больше на землѣ хлѣба, то мнѣ не пособятъ никакія лекарства, никакія заботы.

Произнося такія слова, многіе изъ туземцевъ были совершенно справед-

---

(1) Воспоминаніе муталлима Сбор. свѣд. о кавказск. горцахъ выпускъ I Тифлисъ 1868 г. Плѣнницы Шамиля. Дрансе.

ливы, потому что медицинскія познанія ихъ докторовъ были крайне ограничены и лекарства мало дѣйствительны.

Въ серьезныхъ болѣзняхъ горецъ не довѣряетъ нашимъ докторамъ и ввѣряетъ себя своимъ доморощеннымъ, отъ врачеванія которыхъ большею частію умираютъ. Туземцы, при леченіи, употребляютъ преимущественно симпатическія средства. Отъ зубной боли, напримѣръ, по ихъ понятію, можно избавиться тѣмъ, что стоитъ только вбить желѣзный гвоздь въ дерево, растущее на могилѣ какого-нибудь святаго. Если это не поможетъ, то необходимо сдѣлать изъ гвоздя, пробывшаго нѣкоторое время въ такомъ деревѣ, кольцо и носить его на пальцѣ. Отъ многихъ болѣзней помогаютъ заговоры, которые или произносятся муллою, или пишутся ими на бумажкѣ и носятся больнымъ. Дѣти и даже лошади бываютъ обвѣшаны подобными заклинаніями, зашитыми въ лоскутки матеріи, носимые на шеѣ и предохраняющіе отъ укушенія змѣи, глаза, порчи, колдовства и прочихъ наговоровъ.

У кого изъ джаро-бѣлаканцевъ болятъ ноги, отъ ревматизма или другихъ причинъ, тотъ, не обращаясь къ доктору, отправляется въ четвергъ къ кургану *башъ-кала*, находящемуся въ двухъ верстахъ отъ Закаталъ, по дорогѣ къ Муганлинской переправѣ. Это огромная куча камня, покрытаго растительностію и вокругъ которой растетъ нѣсколько тутовыхъ деревьевъ.

Объ этомъ курганѣ существуетъ у джарскихъ лезгинъ легенда о Тимуръ-Ленгѣ, предводителѣ монголовъ. Преданіе говоритъ, что Тимуръ имѣлъ обыкновеніе, послѣ разворенія какой нибудь страны, собирать въ одно мѣсто головы всѣхъ убитыхъ его воинами непріятелей. Головамъ этимъ онъ велъ тщательно счетъ, такъ какъ въ количествѣ ихъ видѣлъ свое величество и царское могущество. Послѣ нашествія своего на Грузію, онъ пришелъ за Алазань, въ область сѣверной Кахетіи, въ составъ которой, входилъ тогда и Закатальскій округъ, и, послѣ пораженія грузинъ, приказалъ собрать ихъ головы на то именно мѣсто, гдѣ находится курганъ, и сложилъ ихъ пирамидально. Мало того, онъ приказалъ уничтожить и всѣхъ дѣтей, которыя были собраны, перевязаны и уложены въ этой же кучѣ (1). Такой звѣрскій поступокъ Тимуръ-Ленга породилъ у лезгинъ поговорку, которую они высказываютъ, разсердившись другъ на друга.

— Съ тобой надо сдѣлать такъ, говорятъ они, какъ Тимуръ дѣлалъ сахирманъ (токовня).

Мѣсто, гдѣ сложены головы, получило названіе *башъ-кала*, т. е. башня изъ человѣческихъ головъ, и такъ какъ, по преданію, кладка была произведена въ четвергъ, то въ этотъ день туземцы и приписываютъ этому кургану цѣлительную силу. Больной долженъ обойти три раза башъ-кала и, по увѣ-

---

(1) По указаніямъ другихъ, существуетъ еще подобный курганъ, который сохраняетъ подъ собою остатки брата Шаха Надира, будто бы сожженнаго лезгинами при вторженіи Шаха въ ихъ землю. См. дагест. пред. Кавк. 1846 г. № 24.

ренію туземцевъ, получаетъ исцѣленіе или вполнѣ, или отчасти, но за то никогда еще не случалось, чтобы больной не получилъ вовсе исцѣленія.

Народная медицина горцевъ была въ рукахъ знахарей и знахарокъ, мало полезныхъ при леченіи внутреннихъ болѣзней, но отлично изучившихъ леченіе переломовъ костей и ранъ, нанесенныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Внутреннія болѣзни, какъ напр. холеру, они лечили потогонными средствами, состоящими изъ настоя горячей воды на корицѣ и гвоздикѣ; давали больному особый родъ глины и старались утолить его жажду самою холодною водою. Отъ всѣхъ трехъ средствъ народъ умиралъ, и умиралъ весьма успѣшно...

Почти противу всѣхъ человѣческихъ недуговъ, кромѣ ревматизма, оспы, рака, ушибовъ и порѣзовъ, употреблялись три главныхъ средства: кровопусканіе, рвотный камень, да горячая вода съ сахаромъ.

«Кровопусканіе, говоритъ Руновскій, по большей части производится собственно въ тѣхъ частяхъ тѣла, которыя подверглись страданію. Такимъ образомъ, открываютъ кровь изъ рукъ, изъ ногъ, изъ губъ, изо–лба, изъ–подъ языка. При внутреннихъ болѣзняхъ, кровь открываютъ чаще изъ рукъ.

«Пьявки припускаются точно такимъ же способомъ. При встрѣтившейся надобности, наливаютъ въ посуду воды и напускаютъ туда пьявокъ безъ счету, сколько можно больше; потомъ опускаютъ въ воду руку, ногу или другую часть тѣла, которая требуетъ облегченія, и держатъ ее до тѣхъ поръ, пока впившіяся въ нее пьявки, сколько бы ихъ ни было, не отвалятся сами собою».

Чтобы остановить кровь, насыпаютъ на ранку немного соли и потомъ перевязываютъ бинтомъ; при порѣзахъ употребляютъ изгарь пережженной шерсти, преимущественно бараньей, которая останавливаетъ кровотеченіе гораздо скорѣе, чѣмъ, напримѣръ, паутина.

Глазныя болѣзни всѣхъ видовъ лечатъ женскимъ молокомъ, которымъ ежедневно промываютъ глаза больнаго, а противъ оспы даютъ внутрь больному ту же самую оспенную матерію, скатанную вмѣстѣ съ хлѣбнымъ мякишемъ въ пилюли. Средство это, по сказанію горцевъ, оказывается весьма дѣйствительнымъ. Больныхъ, страдающихъ бѣлою горячкою и сумасшествіемъ, считаютъ одержимыми нечистою силою. Противъ такого рода болѣзни стихи изъ корана считаются такимъ же радикальнымъ средствомъ, какъ хина противъ лихорадки. Молитва изгоняетъ нечистаго духа, но онъ оставляетъ свою жертву только послѣ долгихъ истязаній. Общеупотребительнымъ средствомъ при такомъ леченіи бываетъ чашка воды, надъ которою мулла читаетъ молитву и потомъ обрызгиваетъ этою водою всю комнату, чтобы изгнать изъ нея шайтана. У больнаго спрашиваютъ имена тѣхъ лицъ, въ образѣ которыхъ являются къ нему шайтаны и мучатъ его. Очень естественно, что больной не понимаетъ этихъ вопросовъ и не отвѣчаетъ на нихъ; тогда берутъ сѣру, зажигаютъ ее и подносятъ къ носу страждущаго. Отъ удушливаго запаха сѣры, больной мечется и кричитъ; его связываютъ и продолжаютъ подкури-

вать, вполнѣ убѣжденные, что его упорство происходитъ отъ угрозъ шайтана, требующаго, чтобы онъ не произносилъ требуемыхъ именъ. Среди такой пытки и крика, больной иногда назоветъ на-обумъ нѣсколько именъ, которыя мулла записываетъ тотчасъ же на бумажку и бросаетъ ее въ огонь, считая, что съ сожженіемъ бумажки, сожигаются и казнятся нечистыя силы. Въ заключеніе, мулла пишетъ молитву и, привязавъ ее къ больному, кладетъ подъ его голову коранъ, чтобы шайтаны не могли близко подходить къ нему. «Послѣ этого, если больной начнетъ постепенно поправляться и выздоравливаетъ, мулла приходитъ въ восторгъ; если же больной остается въ одномъ положеніи или же сдѣлается ему хуже, то, въ такомъ случаѣ, родственники замѣняютъ лечившаго муллу другимъ, болѣе способнымъ, до тѣхъ поръ, пока больной не умретъ или же муллы сами не откажутся лечить его».

Совершенно въ другомъ видѣ представляется леченіе ранъ и ушибовъ. Результаты леченія дагестанскихъ хирурговъ, можно сказать, невѣроятны; почти нѣтъ ни одной раны—за исключеніемъ, конечно, чисто-смертельной—которую бы туземные медики не вылечили, и притомъ такъ, что паціентъ ихъ не подвергается уже за тѣмъ никакимъ дурнымъ послѣдствіямъ. На него не дѣйствуютъ ни времена года, ни температура, онъ не чувствуетъ никогда ломоты и болѣзненнаго ощущенія, ни во время дурной погоды, ни передъ наступленіемъ ея. Такъ, Шамиль былъ вылеченъ своимъ тестемъ, Абдулъ-Азисомъ, отъ сквозной раны, при полученіи которой ударъ былъ нанесенъ въ грудь штыкомъ, прошедшимъ черезъ легкое и вышедшимъ въ спину. Лекарство, употребленное при этомъ его тестемъ, состояло изъ спуска, въ которомъ были перемѣшаны равныя части воска, коровьяго масла и древесной смолы, но какой именно самъ бывшій имамъ объяснить не можетъ. При подобномъ леченіи почти всегда употребляется шкура только-что зарѣзаннаго барана, которою въ первое время перевязываютъ рану.

Ампутацію членовъ дагестанскіе хирурги производили не иначе какъ въ суставахъ. По словамъ туземцевъ, всѣ подобныя операціи совершались простымъ кинжаломъ, быстро, съ незначительною болью, и не производили потомъ дурныхъ послѣдствій. Оставшаяся часть ампутированнаго мѣста опускалась тотчасъ же въ кипящее коровье масло и за тѣмъ заживала въ самомъ непродолжительномъ времени. Въ Дагестанѣ не было вовсе или были весьма рѣдкіе примѣры, чтобы ампутированный умиралъ, и въ особенности подъ ножемъ оператора.

Что же касается до леченія внутреннихъ болѣзней, то онѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть сравниваемы съ леченіемъ ранъ. Горскіе *хакимы*, или лекаря, дѣйствовали при леченіи внутреннихъ болѣзней ощупью, на обумъ и въ большей части случаевъ проявленіе болѣзни приписывали нечистой силѣ, поселившейся въ больномъ, или порчѣ *съ глазу*. По понятію горцевъ, сглазить можно не только людей и животныхъ, но даже и предметы неодушевленные: камни, траву и т. п. По увѣренію туземцевъ, отъ порчи глазомъ заболѣ-

ваютъ дѣти и вымираютъ цѣлыми семействами; бараны издыхаютъ цѣлыми стадами; хлѣбъ на корню или въ закромахъ портится безъ всякой видимой причины и все это происходитъ только отъ взгляда или похвалы человѣка, обладающаго дурнымъ глазомъ. Такою вредною способностію могутъ обладать одинаково какъ мужчины, такъ и женщины, но степень порчи бываетъ различна у каждаго. Есть глаза, взглядъ которыхъ производитъ порчу мгновенно, есть такіе, которые дѣйствуютъ медленно. Самъ Шамиль, по его словамъ, испыталъ на себѣ порчу отъ дурнаго глаза. Однажды, разсказывалъ имамъ, родственникъ его Хаджіо Дебиръ-Карапайскій похвалилъ зубы Шамиля—и они тотчасъ же всѣ заболѣли, а одинъ изъ нихъ даже выпалъ безъ всякой видимой причины.

«Цвѣтъ глазъ не имѣетъ, въ этомъ случаѣ, никакого особеннаго значенія, потому что вредоносная сила заключается не въ самомъ органѣ, а въ способности, которую сообщила природа человѣку. Въ книгѣ *Шакибъ* сказано: человѣкъ, причиняющій вредъ своимъ взглядомъ, не подвергается, въ смертныхъ случаяхъ, ни кровомщенію (кыссазъ), ни денежному штрафу (дійетъ) потому что онъ убиваетъ неумышленно, а единственно воззрѣніемъ своимъ, при чемъ изъ глазъ его отдѣляется тонкое невидимое вещество, которое, проникая въ другаго человѣка чрезъ поры, причиняетъ ему собою вредъ».

Чтобы охранить однакоже населеніе отъ вреда, который можетъ быть нанесенъ лицами, пользующимися недоброкачественностію своихъ глазъ, существовало постановленіе, по которому лица, обличенныя въ порчѣ своимъ глазомъ, подвергались домашнему аресту и даже тюремному заключенію.

Противъ *глаза*, знахари и знахарки употребляли различные средства, которыя, какъ говоритъ г. Руновскій, могутъ быть раздѣлены на теоретическія и практическія. Къ первымъ принадлежатъ молитвы, носимыя въ видѣ амулета, нашептыванія и наговариванія, а ко вторымъ разныя снадобья, употребляемыя знахарями и знахарками; послѣднія преимущественно занимаются этимъ дѣломъ. Знахарки существуютъ у горцевъ, точно также какъ и у прочихъ первобытныхъ народовъ. Ихъ часто приглашаютъ, чтобы объяснить причину болѣзни; они же почти всегда назначаютъ и лекарство больному.

Растопивъ олово, знахарка выливаетъ его съ разными нашептываніями въ сосудъ и держитъ надъ головою больнаго. Повторяя это нѣсколько разъ, она слѣдитъ за тѣмъ, какую форму приметъ застывающій металлъ; форма гусеницы—означаетъ, что больной страдаетъ глистами. Если расплавленный металлъ, застывая, принимаетъ форму птичьяго носа, то знахарка, обращаясь къ присутствующимъ, говоритъ:

— Не надобно больше умывать дитя, оно красиво, и потому неудивительно, что кто-нибудь сглазилъ его. Дурные глаза будутъ всегда вредить ему, если вы будете умывать его и выказывать его здоровье и красоту.

Полагая, что болѣзнь происходитъ отъ съ-глазу, знахарка приступаетъ къ леченію при помощи того же олова. Она растапливаетъ его три дня сряду

по утрамъ и выливаетъ въ воду. Если болѣзнь произошла дѣйствительно съ глазу, тогда въ первые два дня оно раздробляется на части и только на третій день застываетъ общею массою, и тогда больной долженъ непремѣнно почувствовать облегченіе. При недѣйствительности этого средства, можно употребить и другія. Такъ, въ одномъ случаѣ, на лицѣ и лбу больнаго разрисовываютъ глаза особою краскою, составленною изъ синьки, разведенной въ жидкости бараньяго глаза, или какой нибудь мелкой птицы, только не домашней. Въ другомъ, знахарка собираетъ пыль изъ промежутковъ девяти дверей и, ставъ задомъ къ камину или очагу, бросаетъ эту пыль между своихъ ногъ въ огонь, а сама бѣжитъ со всѣхъ ногъ прочь, чтобы не слыхать треска пыли въ огнѣ. Если это удастся, то больной страдаетъ съ глазу и непремѣнно выздоровѣетъ, а если нѣтъ—то можно употребить третье средство. На скорлупѣ куринаго яйца рисуютъ углемъ глаза и ставятъ его тупымъ концомъ противъ очага. Если яйцо лопнетъ съ трескомъ, похожимъ на выстрѣлъ, то больной получаетъ облегченіе, а если лопнетъ тихо, то, значитъ, болѣзнь происходитъ не отъ дурнаго глаза.

Болѣзнь княгини Чавчавадзе, во время плѣна, очень безпокоила Шамиля, по приказанію котораго знахарки, одна за другою, были присылаемы къ больной и употребляли всѣ свои средства и медицинскія познанія, чтобы доставить ей скорѣйшее выздоровленіе. Однажды больную положили на землю и принесли лопату, на которой обыкновенно сажаютъ въ печь хлѣбы. Оставшуюся на этой лопатѣ муку стряхивали на ноги княгини съ большою осторожностію, а послѣ того одна изъ женщинъ, надѣлавъ спичекъ изъ смолистаго дерева, связала ихъ въ пучекъ и воткнула его въ кусокъ желтаго воска, походившаго на пѣшку шахматной игры и имѣвшаго внутри пустоту. Кусокъ этотъ, опущенный въ сосудъ съ водою, плавалъ по ея поверхности. Затѣмъ женщина зажгла пучекъ спичекъ, и когда онъ хорошо разгорѣлся, то сосудъ положили на грудь княгини. Въ ту минуту, когда пучекъ былъ закрытъ другимъ сосудомъ, вода, вслѣдствіе физическаго закона, начала подниматься въ сосудъ, а знахарки заключили изъ этого, что болѣзнь должна быть очень сильна.

Продолжая далѣе свое леченіе, знахарки положили на лавку съ особенною осторожностію оба сосуда, такъ какъ они были, и строго запретили прикасаться къ нимъ, пока вода сама собою не опустится; въ противномъ случаѣ, по увѣренію ихъ, княгиня могла захворать еще хуже или даже умереть. Горянки, впрочемъ, не ограничились однимъ этимъ невиннымъ средствомъ леченія. Онѣ замѣсили тѣсто съ мёдомъ, масломъ и съ примѣсью травы и заставляли княгиню проглотить его. По уходѣ ихъ, княгиня приказала выбросить все это лекарство.

По мнѣнію народа, какая бы болѣзнь ни поразила человѣка, она значительно усиливается, если въ той комнатѣ, гдѣ лежитъ больной, находятся драгоцѣнные каменья и издѣлія изъ благородныхъ металловъ. Войти съ алма-

зомъ къ раненому все равно, что дать ему яду. По этому въ подобныхъ случаяхъ не только выносятъ такія вещи изъ комнаты, но даже наблюдаютъ и за тѣмъ, чтобы каждый посѣтитель больнаго, какого бы онъ пола и возраста ни былъ, не имѣлъ на себѣ никакихъ драгоцѣнныхъ украшеній.

Способъ леченія минеральными водами былъ извѣстенъ туземцамъ, но цѣлебное дѣйствіе ихъ они приписывали не составу и свойству воды, а скорѣе святости мѣста, изъ котораго вытекалъ, или по которому протекалъ источникъ. Пріѣзжая къ источнику для леченія, больные часто не купались въ водѣ, а прибѣгали къ дѣйствію различнаго рода талисмановъ, оставляемыхъ на мѣстѣ леченія.

На вѣтвяхъ деревьевъ, наклоненныхъ надъ самымъ бассейномъ, можно встрѣтить развѣшенными множество кусковъ разноцвѣтныхъ матерій, разнообразныхъ каменьевъ, а въ иныхъ мѣстахъ и висячіе модели колыбелекъ, сдѣланныхъ изъ тонкихъ прутьевъ. Все это—амулеты, таинственные предметы вѣрованій суевѣрнаго и невѣжественнаго народа. Куски матерій и повѣшенные камни на деревѣ означаютъ, что больной, вмѣстѣ съ лоскуткомъ матеріи или камнемъ, оставляетъ здѣсь свою болѣзнь, и что безплодная женщина, желающая подарить своего мужа дѣтьми, повѣсила здѣсь колыбельку, въ полномъ убѣжденіи, что желаніе ея сбудется.

Тѣ же, которые считали необходимымъ пользоваться цѣлебнымъ свойствомъ воды, употребляли для этого весьма оригинальный способъ. Каждый больной, пріѣзжающій къ источнику, привозилъ съ собою деревянную колоду или корыто, которое и устанавливалъ гдѣ-нибудь въ лѣсу, большею частію въ срединѣ закрытой и тѣнистой рощи. Колоду наполняли минеральною водою и, раскаливъ нѣсколько камней, опускали ихъ въ воду. Устроивъ надъ колодою козлы, покрытыя коврами, такъ чтобы возможно было помѣститься подъ ними въ сидячемъ положеніи, больной садился въ колоду и оставался въ водѣ и подъ навѣсомъ довольно продолжительное время ([1]).

Если при такомъ способѣ леченія больной не выздоравливалъ, а умиралъ, то туземцы говорили, что это случилось не отъ недостатка медицинскихъ пособій и ихъ безсилія, а умеръ онъ потому, что въ книгѣ судебъ было такъ написано...

Умершаго стараются похоронить какъ можно скорѣе. Тотчасъ послѣ кончины, родственники покойника посылаютъ въ мечеть за носилками и за длиннымъ овальнымъ корытомъ, въ которомъ омываютъ его тѣло. Обмывавшій покойника получаетъ часть его одежды, а другая принадлежитъ кадію или муллѣ. Послѣ омовенія, покойнику чистятъ ногти, а если умершая женщина или дѣвица, то ее бѣлятъ, румянятъ, чернятъ брови и рѣсницы. Обернувъ

([1]) Легенды, народная медицина, предразсудки и вѣрованія дагестанскихъ горцевъ. А. Руновскій. Библіотека для чтенія 1862 г. т. 173. Плѣнницы Шамиля Дрансе. Елисеи А. Никитинъ Кавказъ 1867 г. № 93.

три раза чистымъ полотномъ, тѣло кладутъ на носилки, привязываютъ къ нимъ веревками, покрываютъ мужчину черною буркою, а женщину одѣяломъ или какою-нибудь матеріею, и относятъ на кладбище, гдѣ опускаютъ въ могилу безъ гроба, въ одномъ только саванѣ. Кладбища устроены такимъ образомъ, что они или примыкаютъ къ самымъ селеніямъ, или находятся внутри ихъ. Кладбища содержатся вообще неопрятно, не имѣютъ ограды и рѣдкія обнесены землянымъ валомъ.

«Если кладбище находится на горѣ, имѣющей перпендикулярно отвѣсный обрывъ, образующій стѣну, то умершіе хоронятся какъ бы въ катакомбахъ, въ два этажа». Могила вырывается большая и къ одной сторонѣ, въ стѣнкѣ ямы, выкапывается канавка, въ которую кладутъ покойника на правый бокъ, такъ, чтобы лицо его приходилось на югъ. Яму выметаютъ чисто на чисто папахой покойнаго, насыпаютъ подъ голову его мягкой земли, въ знакъ того, что онъ является передъ Богомъ съ полнымъ униженіемъ и сознаніемъ своихъ грѣховъ. Такъ былъ похороненъ въ Карату старшій сынъ Шамиля, Джемалъ-Эддинъ, такъ хоронятъ въ Казикумухѣ и во всемъ Дагестанѣ. Вдоль канавки, въ которую положенъ покойникъ, кладутъ каменныя доски, такъ чтобы онѣ закрыли собою покойника, и за тѣмъ могилу наполняютъ землею, бросая ее особыми *могильными лопатами*, нарочно для того сдѣланными. Мулла читаетъ на распѣвъ *талкинъ*—напоминательную и предупредительную рѣчь, которая заключается въ напоминаніи покойнику единства Божія и существованія пророка Магомета.

По вѣрованію горцевъ, Магометъ есть наиболѣе любимый Богомъ человѣкъ, для котораго только и созданъ былъ весь міръ.

— Я былъ пророкомъ, повторяютъ они слова Магомета, когда Адамъ былъ еще между водою и землею (т. е., когда Адама еще не было на землѣ).

Нѣкоторые изъ мусульманскихъ ученыхъ зашли, въ этомъ отношеніи, такъ далеко, что увѣряютъ, будто, когда Господь сотворилъ Адама и вдохнулъ въ него душу, то Адамъ прежде всего увидалъ надпись на престолѣ Божіемъ: *нѣтъ Бога, кромѣ одного, и Магометъ его пророкъ*. Произнося Божіе имя, мусульманинъ всегда присоединяетъ къ нему и имя Магомета, и вѣритъ, что, за гробомъ, покойника прежде всего встрѣчаютъ ангелы, которые спрашиваютъ его: кто твой Богъ, кто пророкъ и какая твоя вѣра? Если явившійся на тотъ свѣтъ покойникъ отвѣтитъ вѣрно, то онъ спасенъ, если же испугается при видѣ ангеловъ, что бываетъ съ грѣшниками весьма часто, и спутается въ отвѣтахъ, тогда начинаются его за-могильныя муки.

Съ цѣлію напомнить главныя основанія религіи и необходимые отвѣты, мулла и произноситъ *талкинъ*.

Послѣ зарытія тѣла, раздаютъ всѣмъ грамотнымъ присутствующимъ отдѣльныя главы корана, которыя и читаются тутъ же на могилѣ. Коранъ, какъ извѣстно, раздѣляется на тридцать частей, изъ которыхъ каждая переписывается отдѣльно и хранится въ мечети для чтенія ея во время похоронъ, одновре-

менно нѣсколькими лицами. По окончаніи чтенія, читавшимъ раздаются или деньги копѣекъ по десяти, или подарки, состоящіе изъ кусковъ холста, не болѣе какъ по четверти аршина, мясо, толокно и проч.

Въ тотъ же день вечеромъ приносятъ въ мечеть нѣсколько хлѣбовъ, мясо и *халву*—приготовляемую изъ муки съ медомъ и масломъ—и другіе припасы, которые и раздѣляются между присутствующими. Эта раздача и составляетъ собственно поминки, на которыя стекаются всѣ желающіе. Въ обыкновенное время, при вечерней молитвѣ, бываетъ въ мечети очень немного посѣтителей, но въ день похоронъ кого-либо изъ жителей почти всѣ спѣшатъ въ мечеть, по первому призыву *будуна*. Принесенную родственниками умершаго пищу рѣжутъ на маленькіе кусочки и раздаютъ присутствующимъ, при чемъ голова и грудь животнаго, приготовленнаго въ пищу, какъ части, считаемыя почетными, подаются обыкновенно муллѣ и почетнымъ лицамъ, а позвоночная кость, считаемая низшею пищею, уступается рабамъ. Во все время раздачи, кадій или мулла читаетъ молитву на распѣвъ, медленно, какъ бы опасаясь, чтобы она не кончилась до прекращенія раздачи. Подобныя поминки повторяются въ восьмой и сороковой день со дня смерти.

Со дня похоронъ, надъ могилою умершаго устраивается палатка или навѣсъ изъ войлока, въ которомъ помѣщается мулла или опытный муталлимъ (ученикъ), читающіе по найму коранъ въ теченіе 8-ми, а у богатыхъ и до 40 дней со дня погребенія. Во все время, пока стоитъ на могилѣ палатка, жители каждый день ходятъ, послѣ утренняго и вечерняго намаза, помолиться о покойномъ. Въ день снятія палатки и прекращенія чтенія, ближайшій родственникъ благодаритъ народъ за его память объ умершемъ и приглашаетъ болѣе близкихъ знакомыхъ на ужинъ.

Вообще горцы уважаютъ память усопшихъ. Весьма часто они выдерживали упорный бой съ нашими войсками, для того только, чтобы подобрать тѣла убитыхъ своихъ товарищей и не оставить ихъ въ рукахъ непріятеля.

Памятники надъ могилами ставятъ только богатые; бѣдные же ограничиваются каменными плитами съ надписью имени умершаго, года его смерти и изреченія изъ корана. Тѣ же, которые не могутъ, по своей бѣдности, поставить и такой плиты, ставятъ въ головѣ и ногахъ могилы небольшіе, острыя камни. Памятники мужчинъ состоятъ изъ камня, имѣющаго на верху подобіе человѣческой головы и шеи, а для женщинъ верхній конецъ дѣлаютъ круглымъ, дугообразнымъ или прямымъ. На памятникахъ мужчинъ иногда вырѣзаютъ шашку, кинжалъ, ружье и проч., а у женщинъ ножницы, перстень, прядильныя орудія и т. п. Надъ могилами убитыхъ въ дѣлѣ съ непріятелемъ, ставятся точно такіе же знаки, какъ и въ Чечнѣ. Могилы людей, замѣчательныхъ по своей святой жизни, огораживаютъ заборомъ и непремѣнно сажаютъ дерево, на вѣтвяхъ котораго каждый прохожій вѣшаетъ, въ знакъ своего ува-

женія, цвѣтной лоскутъ матеріи, часто отрывая его отъ своего платья [1]. Въ праздникъ по ночамъ на подобныхъ могилахъ зажигаются свѣтильники.

V.

Народное управленіе, существовавшее у джаро-бѣлаканскихъ лезгинъ, до подчиненія ихъ русской власти. — Происхожденіе зависимыхъ сословій и обязанности ихъ. — Должностныя лица и ихъ содержаніе. — Права собственности и наслѣдства. — Управленіе дагестанскихъ горцевъ. — Сословное дѣленіе и обязанности зависимыхъ сословій. — Судъ по адату и шаріату. — Виды преступленій и наказаній. — Кровомщеніе. — Военныя способности и образъ войны горцевъ.

Жители Дагестана весьма долгое время не имѣли никакого понятія о правильномъ гражданскомъ управленіи. Воинственный духъ, гостепріимство, честность, буйная свобода и произвольное употребленіе оружія, составляли отличительную черту ихъ характера, черту, которая сохранялась и ихъ потомками. Мужество и храбрость въ бою или на хищничествѣ—вотъ слава и идеалъ, за которымъ гонялся каждый. Гражданское устройство и мирная жизнь не были тогда извѣстны племенамъ Дагестана. Безплодная земля и суровая природа заставили ихъ искать для себя пропитанія внѣ своихъ ауловъ. Десятки тысячъ ихъ ежегодно сходили съ горъ на долины, для грабежей и найма себя въ охранное войско къ различнымъ владѣтелямъ сѣверо-западной Азіи.

Въ XI столѣтіи все пространство земли, лежащее между лѣвымъ берегомъ р. Алазани и первымъ Снѣговымъ хребтомъ—начиная отъ селенія Ахметы въ Телавскомъ уѣздѣ и до селенія Кахи въ Закатальскомъ округѣ—составляло Кахетію. Главнымъ городомъ этой мѣстности былъ тогда городъ, а теперь большое селеніе *Кахи*, отъ котораго, по мнѣнію нѣкоторыхъ, и произошло названіе *Кахетіи*, входившей сначала въ составъ Грузинскаго царства, а потомъ отдѣлившейся и образовавшей самостоятельное государство.

Въ самомъ началѣ XI столѣтія, Кахетія раздѣлялась на три части: восточную, среднюю и западную, изъ коихъ каждая имѣла своего *эриставги*, или правителя. Рядъ кровавыхъ событій значительно ослабилъ Кахетію; она стала сначала данницею Персіи, а потомъ, въ началѣ XVII столѣтія, въ 1617 году,

---

[1] Воспомин. муталлима Абдуллы Омарова Сбор. свѣд. о кавк. горцахъ выпускъ I Тифлисъ 1868 г. Дагестанъ, его нравы и обычаи П. Пржецлавскаго Вѣстн. Европы 1867 г. т. III. Четыре мѣсяца въ Дагестанѣ Вучетича. Кавк. 1864 г № 76. Три дня въ горахъ Калалальскаго общества Кавк. 1861 г. № 83.

была окончательно раззорена Шахъ-Аббасомъ. Въ это время, аварцы, спустившись съ горъ подъ начальствомъ Чапаръ-Алія, заняли часть Кахетіи, и именно земли, составляющія нынѣшній Джаро-бѣлаканскій округъ, покорили бывшихъ тамъ монголовъ и коренныхъ жителей грузинъ, и, обративъ ихъ въ подданство, сдѣлали рабами. Назвавъ первыхъ муганлинцами, а вторыхъ ингилойцами, пришельцы сами стали извѣстными подъ именемъ лезгинъ. Они оставили въ началѣ ингилойцамъ свободу исповѣданія христіанской религіи—но впослѣдствіи преслѣдовали ихъ до такой степени, что многіе изъ ингилойцевъ бѣжали во владѣнія Элисуйскаго султана.

Побѣдители-пришельцы, овладѣвъ исключительно среднею частью земель, принадлежавшихъ Кахетіи, образовали здѣсь первоначально двѣ деревни: *Джары*—на мѣстѣ нынѣшнихъ Закаталъ—и *Тала*, которыя впослѣдствіи послужили разсадникомъ другихъ деревень и селеній этого округа.

Каждая деревня состояла тогда изъ четырехъ тухумовъ, или родовъ, а именно: въ Джарахъ были роды Чапаралинскій, Чимчилинскій, Нухлинскій и Табалинскій; въ Талахъ—Араблинскій, Джурмутскій, Багалинскій и Оцоберлинскій ([1]). Къ джарскимъ тухумамъ принадлежали селенія: Катехъ, Монахъ, Бѣлаканъ, Гогатъ; къ Тальскимъ—Мухрахъ, Маскрухъ, Сабунчи и Аліаскаръ.

«Между тѣмъ», говоритъ К. Никитинъ, «правитель восточной Кахетіи (имя неизвѣстно), имѣвшій резиденцію свою въ городѣ Кахи, пользуясь въ то время смутными обстоятельствами, предлагаетъ свои услуги джарцамъ: онъ оказываетъ имъ содѣйствіе въ распространеніи ислама между кахетинцами, строитъ мечети, разрушаетъ монастыри, церкви и, наконецъ, чтобы успѣшнѣе достигнуть своихъ вѣроломныхъ цѣлей, самъ принимаетъ мусульманскую религію. Джарцы, въ вознагражденіе за такое усердіе и оказанную имъ на дѣлѣ преданность, предложили ему титулъ султана и отдали всѣ земли съ 30 деревнями, которыми онъ прежде управлялъ въ качествѣ кахетинскаго эристави. Для обезпеченія своего султанства отъ нападеній сосѣднихъ народовъ, новый султанъ перенесъ свою резиденцію изъ Кахи въ селеніе Элису, гдѣ построилъ дворецъ, башни и укрѣпленіе, слѣды которыхъ видны и теперь. Съ этихъ поръ, восточная Кахетія стала называться *Элисуйскимъ султанствомъ*» ([2]).

Вскорѣ послѣ того, народонаселеніе лезгинъ значительно увеличилось. Каждый преступникъ, бѣглецъ, находилъ у нихъ убѣжище. Скрываясь отъ преслѣдованія и успѣвъ благополучно добраться до какой-нибудь лезгинской деревни, бѣглецъ покупалъ быка или корову, рѣзалъ ее и, угостивъ старшинъ той деревни, получалъ названіе лезгина, и такимъ образомъ дѣлался членомъ одного изъ тухумовъ. При такихъ условіяхъ, народонаселеніе быстро возра-

---

([1]) Объ образованіи этихъ тухумовъ существуетъ и другое преданіе, отличающееся отъ вышеприведеннаго. См. очеркъ Закатальскаго округа А Пасербскаго. Кавказскій календарь на 1866 годъ.

([2]) Очеркъ Элисуйскаго ущелья К. Никитинъ Кавк. 1866 г. № 70.

стало. Пришедшій пользовался всѣми правами, принадлежащими членамъ того же тухума, но не могъ быть выбранъ старшиною; дѣти же его могли достигнуть и до этого званія. Въ составъ тухума или фамиліи входили всѣ тѣ лица, которыя хотя-бы и не носили одну и ту же фамилію, и не были связаны узами родства, но поселились на землѣ, принадлежащей тухуму. Такимъ образомъ, каждый тухумъ составлялъ какъ бы одну общую семью или братство, изъ лицъ не только связанныхъ между собою узами родства, но и посторонних, имѣвшихъ общіе интересы. Сила и вліяніе тухума, въ прежнее время, очевидно зависѣла отъ числа его членовъ, что, при народномъ самоуправленіи, имѣло весьма важное политическое значеніе. Каждый тухумъ обязанъ былъ, напримѣръ, выставлять отъ себя извѣстное число воиновъ для собственной защиты. Съ подчиненіемъ джаро-бѣлаканскихъ лезгинъ русской власти, тухумъ потерялъ свое значеніе, и вліяніе его распространялось только на ходъ тяжебныхъ споровъ и на другія семейныя и домашнія дѣла.

Съ теченіемъ времени и съ увеличеніемъ народонаселенія, изъ тухумовъ сформировались цѣлыя общества или *джамааты*, которыя образовали три *геза*, или союза: Джарскій, Тальскій и Элисуйскій.

Джарскій гезъ образовался изъ джамаатовъ: Джарскаго, Бѣлаканскаго и Катехскаго. Всѣ три общества имѣли общее, но независимое отъ другихъ управленіе.

Тальскій гезъ образовался изъ обществъ Тальскаго, Мухахскаго и Дженихскаго. Каждое изъ этихъ трехъ обществъ имѣло отдѣльное правленіе, не зависѣвшее ни отъ двухъ остальныхъ, и ни отъ какихъ другихъ обществъ. Наконецъ *Элисуйскій гезъ* пріобрѣлъ себѣ самостоятельность и управлялся особымъ султаномъ, наслѣдственнымъ въ своемъ родѣ.

Два же первые геза имѣли народное республиканское правленіе, состоящее по прежнему изъ четырехъ представителей каждаго тухума. Представителями правленія каждаго селенія были кевхи, избираемые по большинству голосовъ. Въ каждое селеніе сначала назначалось по четыре кевхи, по одному отъ каждаго тухума, а въ послѣдствіи по одному на каждое селеніе.

Ингилойцы и муганлинцы всегда имѣли у себя по одному кевху, такъ какъ у нихъ не было тухумовъ.

Каждое общество или союзъ управлялись *старшинами* и *казіями* — главное духовное лицо. Всѣ они вмѣстѣ, т. е. кевхи, старшины и казіи, составляли высшее управленіе, какъ духовное, такъ и гражданское.

Главному управленію подчинялись низшіе или сельскіе суды, состоявшіе изъ кевхи, старшинъ по одному изъ каждаго тухума и изъ имама или муллы—духовныхъ лицъ, бывшихъ въ селеніи. Власть сельскаго начальства была судебно-полицейская и исполнительная. Первая распредѣлялась между кевхами, табунъ-башами, чаушами и есаулами. *Кевхи* были главными начальниками деревни, выбирали чаушей и есауловъ. Исполняя приказаніе народнаго управленія, находившагося въ селеніи Джарахъ, какъ самомъ многочи-

сленномъ и воинственномъ, и приводя въ исполненіе судебныя его рѣшенія, кевха разсматривалъ маловажныя жалобы, слѣдилъ за нравственностью жителей и имѣлъ у себя помощника въ лицѣ *табунъ-баши*. Послѣдній обязанъ былъ распредѣлять между жителями повинности, и въ особенности наблюдать за напускомъ воды въ огороды, сады и чалтычныя (сорочинское пшено) поля.

Старшины, какъ представители каждый своего тухума, слѣдили за правильностію дѣйствій кевхи, и, въ случаѣ злоупотребленій со стороны послѣдняго, доносили тухумамъ, которые имѣли право, общимъ постановленіемъ, смѣнить кевху и назначить другаго, не ожидая выборовъ. *Чауши* сзывали жителей на сходки и объявляли хозяевамъ о выполненіи различныхъ общественныхъ повинностей; наконецъ *есаулы* находились при кевхахъ для посылокъ. Срокъ общественной службы былъ опредѣленъ для казія три года, имама два, для кевхи и табунъ-баши одинъ годъ. Отъ усмотрѣнія тухумовъ зависѣло однакоже оставить ихъ на болѣе продолжительный срокъ или смѣнить ранѣе. Выборы на должности производились при участіи всего народа.

Въ оградѣ своей мечети собирался народъ каждаго селенія, садился въ три ряда, по тухумамъ, и держалъ джамаатъ—совѣтъ. Каждый тухумъ, выбравъ изъ среды своей старшину, представлялъ его на утвержденіе всего общества. Послѣ признанія и утвержденія послѣднимъ одинъ изъ почетныхъ людей выходилъ на средину собранія.

— Друзья! говорилъ онъ, обращаясь къ джамаату, вы выбрали такихъ-то старшинами, на которыхъ возложили трудъ и обязанности управлять вами. Каждый изъ нихъ есть отецъ и правитель своего тухума; вы должны повиноваться ихъ приказаніямъ какъ въ военное, такъ и въ мирное время; въ противномъ случаѣ непріятель, пользуясь разстройствомъ общества, въ слѣдствіе ослушанія, можетъ напасть и раззорить васъ; въ мирное время также необходимо послушаніе, безъ котораго нѣтъ спокойствія, столь нужнаго для всякаго общества. Да благословитъ васъ Аллахъ, и да сдѣлаетъ васъ покорными властямъ.

— А вы, новые правители, говорилъ онъ, обращаясь къ выбраннымъ, какъ можно благоразумнѣе должны управлять ввѣреннымъ вамъ обществомъ, безъ воли котораго не должны предпринимать ничего важнаго. На каждаго члена общества вы должны смотрѣть какъ на брата,—благополучіе каждаго изъ нихъ зависитъ отъ вашего правленія; вы должны жертвовать не только своими частными выгодами, но и самою жизнію для пользы общества, если только требуетъ того надобность—такъ учитъ великій пророкъ. Жить для блага народа, поддерживать слабыхъ, удовлетворять ихъ нуждамъ, искоренять зло, сѣять въ сердцахъ народа наклонность къ правдѣ, дать порядокъ, словомъ принимать всѣ мѣры ко благу общества,—вотъ качества, необходимыя для каждаго желающаго заслужить имя добраго отца и мудраго правителя. Этимъ самымъ вы можете снискать благодарность и привязанность народа. И такъ, да будетъ ваше правленіе столь мудро, какъ мудръ законъ Магомета!

Послѣ этой рѣчи слѣдовало избраніе начальника всѣхъ старшинъ, которому подчинялись всѣ прочіе. Для этого изъ каждаго селенія старшины лезгинскіе, ингилойскіе и муганлинскіе, въ сопровожденіи пяти человѣкъ лезгинъ и трехъ ингилойцевъ и мyганлoвъ, отправлялись въ Джары, гдѣ составляли народное собраніе, на которомъ и выбирали старшину.

Важнѣйшія дѣла цѣлаго округа: объявленіе войны, заключеніе мира, разсматривалось сначала кевхами, а потомъ рѣшеніе ихъ передавалось на обсужденіе и постановленіе народа.

Выборное начало руководило лезгинами и во время набѣговъ. Собираясь на хищничество, они раздѣлялись на партіи, каждая выбирала себѣ *белади*, предводителя, и, подъ начальствомъ ихъ, слѣдовали разными путями въ предѣлы сосѣднихъ народовъ. Лезгины этого округа не отличались никогда особеннымъ звѣрствомъ. Въ пылу горячаго сраженія побѣжденному стоило только закричать *баришамъ*, т. е. мирюсь, и гнѣвъ лезгина укрощался.

Спорныя дѣла рѣшались судомъ, называемымъ джамаатъ (что собственно означаетъ совѣтъ). Въ этомъ судѣ присутствовали: кевха, мулла, кадій или имамъ, смотря по тому, кто находился въ селеніи, и старшины. Дѣла, касавшіяся до нѣсколькихъ обществъ, рѣшались въ общемъ собраніи представителей отъ этихъ обществъ. Часто засѣданія джамаата были шумны и нерѣдко кончались дракою и даже смертоубійствомъ.

Судъ былъ словесный и не имѣлъ никакихъ особенныхъ формъ. Проситель заявлялъ свою претензію въ присутствіи имама и старшины своего тухума. Тогда призывали отвѣтчика, и если онъ не сознавался, то истецъ обязанъ былъ привести новыя доказательства или представить свидѣтелей, которые приводились къ присягѣ въ присутствіи тяжущихся и потомъ допрашивались уже безъ нихъ Достаточныя доказательства вызывали рѣшеніе, а въ случаѣ неясности или неполноты доказательствъ налагалась присяга или на истца, или на отвѣтчика, смотря по надобности. За тѣмъ имамъ или мулла, отыскавъ приличные законы, читалъ ихъ тяжущимся, а судъ, основываясь на нихъ, постановлялъ свое рѣшеніе, составлялъ *талагу* — краткую выписку дѣла и сущность постановленнаго рѣшенія, которое и передавалось кевхѣ для исполненія. Недовольные рѣшеніемъ жаловались высшей инстанціи суда, гдѣ поступали точно такъ же. Въ случаѣ несправедливаго рѣшенія, тяжущіеся призывали къ себѣ для объясненій имамовъ и всѣхъ тѣхъ, которые рѣшали дѣло. При разногласіи судей приглашали старшинъ тѣхъ тухумовъ, къ которымъ не принадлежали тяжущіеся. Важныя претензіи и иски жителей разныхъ обществъ разбирались въ присутствіи выбранныхъ съ ихъ стороны депутатовъ. Въ случаѣ неудовольствія на рѣшеніе высшаго суда, или если, за разногласіемъ, дѣло не могло быть окончено, то оно отлагалось до чрезвычайнаго собранія обществъ или народнаго собранія. Каждый горецъ всегда считалъ себя совершенно независимымъ и не признавалъ надъ собою ничьей

власти. Въ Элисуйскомъ *гезъ* лезгины хотя и подчинялись власти султана, но сохраняли свою личную свободу.

Покоривъ своей власти ингилойцевъ и мугалловъ, лезгины пользовались преимуществами надъ ними, считали ихъ подвластными себѣ и составляющими низшій классъ народа—нѣчто въ родѣ крестьянъ или рабовъ. Слово *муганлы* стало впослѣдствіи въ устахъ лезгина равнозначущимъ рабу. Въ этомъ случаѣ лезгины не стѣснялись правилами корана, воспрещающаго содержать въ рабствѣ своихъ единовѣрцевъ, и, не смотря на то, что муганлы были магометане, они подчинили ихъ своей власти и сдѣлали сословіемъ зависимымъ, обязаннымъ службою своему господину или владѣльцу. Муганлинцы, кромѣ прочихъ обязанностей, должны были содержать горный караулъ, для чего и вносили съ каждаго дома или хаты по 50 коп. подати. Положеніе ингилойцевъ и мугалловъ было таково, что ни одинъ лезгинъ не считалъ для себя возможнымъ вступить съ ними въ родственныя связи и всегда отзывался о нихъ съ презрѣніемъ, какъ о рабахъ.

Права сословій и законы у джаро-бѣлаканцевъ основывались частію на правилахъ *шаріата*, а частію на обычаяхъ, вошедшихъ въ силу закона или *адата*.

Только одни лезгины имѣли право владѣть имѣніями, населенными крестьянами, пріобрѣтаемыми или покупкою, или по праву наслѣдства. Владѣлецъ имѣлъ полную власть надъ крестьянами: могъ ихъ продать, переселить съ одного мѣста на другое, заложить или отпустить на волю. Крестьяне вообще раздѣлялись на дворовыхъ и поселянъ владѣющихъ землею.

Раздробленіе семействъ или продажа безъ земли воспрещались.

Крестьяне, составлявшіе отдѣльныя поселенія, вносили своимъ владѣльцамъ подати и исполняли нѣкоторыя обязанности. Они платили помѣщикамъ съ каждаго *кешкеля* (1) отъ 4 до 12 тагаръ хлѣба: пшеницы, ячменя, проса и сарачинскаго пшена (2), смотря по количеству и качеству земли. На обязанности ихъ лежало доставлять помѣщику лѣсъ для построекъ и, въ случаѣ надобности, перевозить его имущество. Кто избавлялся отъ этой повинности, тотъ платилъ въ замѣнъ ея два *стиля* (16 золот.) шелку. При посѣщеніи помѣщика, крестьяне должны были содержать его на свой счетъ, во все время пребыванія его въ деревнѣ, а къ свадьбѣ сына помѣщика каждый крестьянинъ долженъ былъ дать одного барана; два крестьянина

---

(1) Кешкель, не имѣя опредѣленной величины, заключалъ въ себѣ отъ 75—150 шнуровъ земли; каждый шнуръ составлялъ 10 саженъ, что, при 75 шнурахъ, составляло 251 десятину. Большое семейство получало цѣлый кешкель; среднее половину, а меньшее четверть: иногда кешкель дробился и на меньшія величины. На этомъ участкѣ крестьянинъ имѣлъ домъ, садъ, огородъ и хлѣбопашество.

(2) Тагара пшеницы вѣситъ 18 пудъ; ячменя 15 пуд.; сарачинскаго пшена 13 пуд. 35 фунт.

*

двухъ барановъ; три—быка; четыре—быка и барана и т. д. Съ фруктовыхъ садовъ давали нѣкоторую опредѣленную часть фруктовъ.

Крестьяне, не владѣвшіе кешкельными землями, платили только по одной тагарѣ хлѣба, и исполняли всѣ тѣ же повинности наравнѣ съ кешкельными. Муганлинцы, жившіе въ одной деревнѣ съ своимъ помѣщикомъ, обрабатывали ему землю, сѣяли, убирали хлѣбъ и сѣно, а также доставляли ему жерди для виноградныхъ садовъ. Кромѣ того, каждый крестьянинъ долженъ былъ, по очереди, нести обязанности прислуги или нуккера (зюльгадара).

Въ Элисуйскомъ владѣніи кешкельныхъ земель не было, и крестьянинъ платилъ за землю десятую часть урожая, а за садъ 40 к. и еще вносилъ нѣкоторую плату за пастьбу скота на помѣщичьей землѣ. Сверхъ того, обязанъ былъ давать подъ бека лошадь, перевозить его вещи и семейство на лѣтнее кочевье и обратно.

Въ каждой деревнѣ помѣщикъ имѣлъ повѣреннаго для сбора податей. На содержаніе повѣреннаго взимался *даргалугъ*—сборъ съ каждаго дома отъ 15 до 30 чинаховъ разнаго хлѣба.

Въ случаѣ смерти крестьянина, надъ малолѣтними дѣтьми его назначались опекуны изъ родственниковъ или изъ постороннихъ.

Они исполняли тѣ же обязанности, съ тою только разницею, что съ шелковичныхъ садовъ умершаго помѣщикъ бралъ въ свою пользу половину.

Дочери умершаго, при выходѣ замужъ, получали двѣ части изъ движимаго благопріобрѣтеннаго или родоваго имущества отца, третья часть движимаго и все безъ исключенія недвижимое, если у невѣсты не было родныхъ братьевъ, поступало въ пользу помѣщика. Но если женившійся поселялся въ имѣніи покойнаго отца невѣсты и принималъ на себя всѣ его обязанности, то и все недвижимое имущество переходило къ нему. Послѣ смерти крестьянина не оставившаго дѣтей ни мужескаго, ни женскаго пола, двѣ части его имѣнія поступали въ пользу его братьевъ или родственниковъ мужескаго пола, а третья поступала къ помѣщику. Вдова не имѣла никакого права на имущество мужа; ей выдавалось только ея приданое и имущество собственно ей принадлежащее. Выморочныя имѣнія обращались въ пользу помѣщика.

Безъ дозволенія помѣщика крестьянинъ не имѣлъ права вступать въ бракъ. Женихъ обязанъ былъ заплатить помѣщику за невѣсту 5 руб. или болѣе, смотря по состоянію, и даже въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ изъ чужаго владѣнія.

Если дѣвушка вступала въ бракъ безъ согласія помѣщика, и при томъ за чужаго подвластнаго, то, по взаимному согласію помѣщиковъ, владѣлецъ крестьянки взыскивалъ въ свою пользу штрафъ отъ 10 до 30 руб. отдѣльно съ жениха и съ невѣсты или ея родителей. Похитившій дѣвушку, чтобы на ней жениться, платилъ помѣщику ея штрафъ до 50 р. и, кромѣ того, подвергался наказанію по шаріату.

Никто не могъ принуждать плѣннаго ко вступленію въ бракъ, но если онъ самъ желалъ того, то хозяинъ обязанъ былъ пріискать ему невѣсту.

Крестьянинъ имѣлъ право покупать какъ движимое, такъ и недвижимое имѣніе, но только не населенное, и распоряжался имъ какъ своею собственностію; всякое недвижимое имѣніе, находящееся на помѣщичьей землѣ, было собственностію владѣльца. Получивъ свободу отъ своего помѣщика, крестьянинъ могъ переселиться на другое мѣсто, но тогда все его недвижимое имущество, пріобрѣтенное на землѣ владѣльца, поступало въ собственность послѣдняго. Престарѣлый вольноотпущенный, не имѣющій, по старости лѣтъ, средствъ къ пропитанію, могъ разсчитывать на общественное призрѣніе.

Долговыя обязательства крестьянина, безъ согласія помѣщика, не должны были превышать 60 руб. сер. Если кто повѣрилъ ему на большую сумму, то имѣлъ законное право требовать возврата только 60 руб., и на уплату долга неисправнаго должника обращалось въ продажу принадлежащее ему движимое и недвижимое имѣніе, кромѣ вещей, необходимыхъ для земледѣльца, каковы рогатый скотъ и полевыя орудія. Помѣщичья земля и вся на ней находящаяся недвижимость не подвергалась конфискаціи, если только помѣщикъ не былъ поручителемъ. Каждый лезгинъ имѣлъ право владѣть плѣнными, добытыми на войнѣ, будутъ-ли то христіане и мусульмане, лишь бы не были лезгины. Кто первый захватилъ плѣннаго, тотъ кромѣ слѣдующей ему части, получалъ 2 руб. сер. и оружіе плѣннаго. Послѣдній, если принадлежалъ нѣсколькимъ лицамъ, то до своего выкупа служилъ по очереди каждому и получалъ пропитаніе отъ того, кому служилъ. Послѣ смерти плѣннаго все имущество поступало къ его хозяину.

По народному обычаю, каждый, кто нечаянно совершилъ смертоубійство, обязанъ былъ выкупить одного плѣннаго и дать ему свободу. Разъ освобожденный, плѣнный вторично не подвергался неволѣ.

Престарѣлые, сироты и подкидыши имѣли право на общественное призрѣніе и содержаніе. Послѣдніе двое содержались только до 15-ти лѣтняго возраста, и тогда дѣвушки выдавались замужъ, а мальчикамъ предоставлялось самимъ снискивать себѣ пропитаніе.

До совершеннолѣтія ихъ раздавали казіямъ, мулламъ и другимъ лицамъ, заслуживающимъ уваженіе. Для содержанія призрѣваемыхъ взималось съ каждаго двора, получающаго по шести и болѣе тагаръ хлѣба дохода, по три *чинаха* (въ тагарѣ отъ 20—30 чинаховъ) съ каждой тагары; съ хозяина, имѣющаго 30 штукъ скота — одна штука; съ владѣльца, имѣющаго отъ 40—1000 барановъ — по одному барану съ каждой сотни. Кромѣ того, во время оручь-байрама, съ каждой души взималось по полъ-чинаха хлѣба, а во время курбанъ-байрама — пятая или шестая часть мяса зарѣзаннаго барана.

Общественные казіи и сельскіе имамы пользовались доходами: при раздѣлѣ наслѣдственнаго имѣнія съ каждыхъ 10 руб. по 25 коп.; за соверше-

ніе брака отъ 20—50 коп.; за похороны казій получалъ отъ 1—10 руб., а имамы по 20 коп., и за прочтеніе корана по умершему по 1 руб.; за приводъ къ присягѣ по тяжебнымъ дѣламъ отъ 10 — 20 коп. За обученіе грамотѣ имамы получали съ каждаго ученика по 3 руб. въ годъ, и, кромѣ того, въ ихъ пользу поступали пожертвованія хлѣбомъ и деньгами, какъ въ дни праздниковъ, такъ и во время поминокъ.

Сельскіе старшины и кевхи получали въ свою пользу, при взысканіяхъ по рѣшеніямъ судовъ и другимъ распоряженіямъ, по 10 коп. съ рубля, и штрафъ, налагаемый за проступки, деньгами или скотомъ. Если взысканіе простиралось до 6 руб., то оно шло на долю есауловъ, а чауши освобождались отъ повинностей и, кромѣ того, получали со своихъ участковъ съ каждаго дыма по 2 и по 3 чинаха хлѣба.

За проступки жителей налагались слѣдующіе штрафы: за покражу фруктовъ или овощей отъ 1 — 3 руб.; за кражу хлѣба или сѣна съ поля — одинъ баранъ; за убіеніе дворовой собаки—одинъ быкъ; за воровство, превышающее 5 руб.—тридцать руб; за нанесеніе побоевъ палкою—1 р. 80 к.; за причиненіе раны легкой—отъ 1 — 6 руб., а тяжелой — отъ 20 до 30 руб.; за участіе въ дракѣ по 5 руб. съ каждаго; за выстрѣлъ въ чужой домъ, не принесшій вреда, платили одного быка; за оскорбленіе женщины прикосновеніемъ къ ней или пожатіемъ руки — одного быка; за ослушаніе противъ общества и начальства—одного барана; за невыходъ на исправленіе дороги или мірскую сходку — одного барана; за невыходъ, по увѣдомленію пастуховъ, противъ хищниковъ, желающихъ отогнать скотъ — 5 руб., а за невыходъ, по тревогѣ, противъ непріятеля—1 руб. Послѣднее наказаніе относилось только до поселянъ того тухума, гдѣ случилось это происшествіе.

Не доставившій, по приговору общества, удовлетворенія обиженному, платилъ одного быка; за повтореніе несправедливыхъ жалобъ и претензій — 10 руб.; за тайный отводъ воды — одного барана; оставившій свой постъ на караулѣ въ горахъ лишался жалованья и вносилъ штрафа 1 руб.; за покражу вещей изъ мечети—30 руб.; за несоблюденіе постовъ—3 руб.; за уклоненіе отъ молитвы — два замѣчанія, а на третій разъ одного быка; за поджегъ дома — 30 руб.; за отправленіе въ горы на кобылицѣ съѣстныхъ припасовъ къ пастухамъ жеребцовъ—3 руб.

Часть этихъ штрафовъ обращалась на общественныя нужды, остальное же поступало въ пользу сельскаго начальства.

Пастухъ, занявшій своею отарою или стадомъ чужое пастбищное мѣсто, раньше другихъ угнавшій свое стадо въ горы или прежде возвратившійся съ горъ, платилъ по одному барану каждому изъ своихъ товарищей. Пастухъ, зарѣзавшій чужаго барана, забѣжавшаго къ нему въ стадо, долженъ былъ вознаградить за него владѣльца и, кромѣ того, отдать трехъ барановъ въ пользу товарищей.

Ни состояніе лица, ни полъ, не принимались въ уваженіе при разборѣ

личныхъ обидъ. За обиду или оскорбленіе чести виновный наказывался палками отъ 40—80 ударовъ, смотря по важности обиды, или, при собраніи всего общества, просилъ прощенія. За причиненіе ранъ, кромѣ штрафа, взыскивались деньги за леченіе; за лишеніе члена, кромѣ штрафа и денегъ на леченіе, виновный обязанъ былъ заплатить изувѣченному: за лишеніе ноги, руки, глаза по 60 р.; за лишеніе пальцевъ: мизинца—5 р., безъимяннаго—7 р., средняго—9 р., указательнаго—10 р. и большаго—15 руб. сер. За умышленное убійство лезгина взыскивалось съ убійцы 120 руб.; а ингилойца и муганлинца—60 руб.; деньги эти поступали: если убитый былъ крестьянинъ, то помѣщику, а если свободный, то родственникамъ.

Плата за кровь прекращала всякую месть, но къ ней прибѣгали рѣдко; коранъ допускаетъ мщеніе какъ за обиду, такъ и за кровь.

Права семейныя родителей къ дѣтямъ и обратно были весьма близки къ нашимъ постановленіямъ, за исключеніемъ того, что родители имѣли право прогнать изъ дома и лишить наслѣдства дѣтей развратнаго поведенія, не подающихъ надежды на исправленіе. Родители при жизни располагали своимъ имѣніемъ, какъ наслѣдственнымъ, такъ и благопріобрѣтеннымъ, совершенно по произволу и имѣли право выдѣлять своимъ дѣтямъ такія части, какія хотѣли.

Отдѣленный распоряжался своимъ имѣніемъ независимо отъ власти родителей, но, въ случаѣ бѣдности или дряхлости, обязанъ былъ содержать ихъ. Овдовѣвшая мать могла управлять имѣніемъ дѣтей на правѣ опекунскомъ.

На наслѣдство права не имѣли: незаконнорожденные, выгнанные изъ общества за пороки, принявшіе христіанскую вѣру и убійцы родителей. Ближайшее право на наслѣдство имѣли сыновья; они выдѣляли изъ имѣнія отца часть, принадлежащую матери, или, обратно, изъ имѣнія матери часть, принадлежащую отцу, и затѣмъ остальное дѣлили между собою поровну.

Сводныя дѣти наслѣдовали имѣніе родителей, но на имѣніе вотчима или мачихи права не имѣли. Братья передъ сестрами имѣли двѣ части; сестра при братѣ наслѣдовала третью часть; двѣ сестры и одинъ братъ дѣлили наслѣдство пополамъ; три сестры при одномъ братѣ получали каждая пятую часть и т. д.; когда не было сыновей, тогда имѣніе дѣлилось между дочерьми поровну. Женскій полъ вообще не имѣлъ права наслѣдовать имѣній, заселенныхъ крестьянами, или самихъ крестьянъ; они переходили отъ отца къ нисходящимъ его сыновьямъ, а, за неимѣніемъ ихъ, въ боковыя восходящія линіи мужескаго пола.

«Въ боковыхъ линіяхъ, сестры при родныхъ братьяхъ наслѣдовали третью часть; безъ братьевъ половину, а другая отходила въ пользу ближайшихъ родственниковъ умершаго владѣльца мужеской линіи. Отецъ и мать, послѣ смерти сына, при внукахъ, получали шестую часть его имущества. Послѣ бездѣтнаго сына, отецъ бралъ все его имѣніе; мать же, въ этомъ случаѣ,

пользовались только одною третью; остальныя переходили въ родъ умершаго отца».

Всѣ жены умершаго получали изъ движимаго имѣнія мужа, если послѣ него не осталось дѣтей, четвертую часть; при дѣтяхъ — восьмую. Каждая жена порознь получала изъ совокупной ихъ части равную долю.

Приданое, собственное имѣніе женъ, пріобрѣтенное до брака и послѣ его, возвращалось имъ сполна. Послѣ смерти жены мужъ получалъ половину изъ всего имѣнія жены, если не было дѣтей, а въ противномъ случаѣ четвертую.

Права пользованія частнымъ имуществомъ были опредѣлены съ точностію, точно также и относительно общественныхъ имуществъ, къ которымъ принадлежали мечети и школы или училищные дома. Права относительно владѣнія частнымъ имуществомъ согласовались съ нашими постановленіями, «за исключеніемъ безспорнаго владѣнія, утверждаемаго давностію лѣтъ. Давнишній владѣлецъ имѣлъ право требовать возвращенія ему принадлежащаго, въ чемъ бы оно ни заключалось и не смотря ни на какую давность» (1). Таково было управленіе, права и обязанности каждаго сословія у лезгинъ Джаро-бѣлаканскаго округа.

Что же касается до вольныхъ обществъ Дагестана, то онѣ были еще большими приверженцами необузданной свободы и долгое время не подчинялись ни чьей власти.

Въ народной легендѣ сохранилось указаніе, что попытки нѣкоторыхъ лицъ сплотить въ одно цѣлое различныя общества Дагестана оставались тщетными, и горцы твердо отстаивали свою независимость, хотя часто съ огромными пожертвованіями.

Долгое время, говоритъ преданіе, среди дагестанцевъ не было человѣка, который бы, силою своего ума, энергіи и воли, сплотилъ народъ въ одно цѣлое, обуздалъ дикій его характеръ, подчинилъ одной власти, закону и водворилъ бы порядокъ и устройство. Наконецъ является такимъ нѣкто Шахъ-Манъ, человѣкъ пылкій, предпріимчивый и образованный.

Зная, что земледѣліе ведетъ народы къ благосостоянію, осѣдлости и гражданскому устройству, Шахъ-Манъ, пользуясь званіемъ и властью хана (2), неутомимо трудился надъ преобразованіемъ общественнаго строя, встрѣчая постоянно сопротивленіе въ народѣ. Подобная мирная жизнь не удовлетворяла дикихъ страстей дагестанцевъ.

Шахъ-Манъ не терялся; онъ долго трудился надъ смягченіемъ нравовъ

---

(1) Джаро-бѣлаканцы до XIX столѣтія. Кавк. 1846 г. № 2 и 3. Закатальскій округъ. Кавк. 1864 г. № 48 Краткій обзоръ Джаро-бѣлаканскаго округа. Закавказскій Вѣстникъ 1850 г. № 9. Поѣздка въ Джаро-бѣлаканскій округъ. Тифлисскія Вѣдомос. 1830 г. № 82. См. также Кавказъ 1848 г. № 52.

(2) Преданіе не сохранило намъ, какія общества Дагестана входили въ составъ ханства, управляемаго Шахъ-Маномъ.

своихъ единоплеменниковъ и, конечно, долженъ былъ прибѣгать иногда къ довольно крутымъ мѣрамъ. Это породило множество недовольныхъ, ропотъ народа съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе усиливался, и, къ великому огорченію своему, Шахъ-Манъ съ грустью узналъ, что первыми зачинщиками и предводителями бунтовщиковъ были его же сыновья. Они требовали, во-первыхъ, головы Чикая—любимца Шахъ-Мана, человѣка извѣстнаго своею храбростію, физическою силою и обширнымъ умомъ, а во-вторыхъ, удаленія самого Шахъ-Мана изъ предѣловъ родины. Напрасно Шахъ-Манъ грозилъ бунтовщикамъ, напрасно, обѣщаніемъ милостей, надѣялся увеличить толпу своихъ приближенныхъ — его никто не слушалъ, и дагестанцы, видя, что онъ желаетъ подчинить ихъ своей власти, перестали повиноваться ему....

Наступилъ день байрама. Въ то самое время, когда Шахъ-Манъ дѣлилъ праздничную трапезу съ своими нуккерами, толпа бунтовщиковъ ворвалась къ нему и требовала немедленно оставить родину, «въ противномъ случаѣ грозила судомъ кинжаловъ».

Несчастный преобразователь надѣлъ полное вооруженіе, сѣлъ на коня и явился передъ народомъ. Мрачныя чувства наполняли его душу. Суровымъ и грознымъ предсталъ онъ передъ толпою; взоръ его блестѣлъ негодованіемъ и злобою.

— Неблагодарные! загремѣлъ онъ своимъ обычнымъ голосомъ, и ужасъ овладѣлъ дагестанцами. Неблагодарные! повторилъ онъ снова, не я ли хотѣлъ устроить ваше благоденствіе? не я ли вызвалъ васъ изъ дикости и указалъ на лучшую жизнь? не я ли связалъ васъ узами любви и братства, для общаго благостоянія. А сколько прекраснаго готовилъ я еще въ будущемъ! вы-же чѣмъ меня благодарите? Мое сердце и душа чисты передъ Аллахомъ и святымъ его судомъ; но вы—какой дадите ему отвѣтъ въ страшный часъ смерти?...

Блуждающій взоръ Шахъ-Мана остановился на сыновьяхъ, виновникахъ его несчастія.

— Не укроетесь вы отъ моего мщенія, сказалъ онъ имъ, какъ не укроетесь отъ праведнаго суда Божія.

— Прощай, страна неблагодарныхъ, которымъ я жертвовалъ жизнію. Ты вооружила сыновей противу отца, и раздраженный отецъ удаляется, съ тѣмъ чтобы вѣрнѣе погубить тебя.

Сопровождаемый нуккерами, Шахъ-Манъ быстро изчезъ отъ взоровъ смущенныхъ дагестанцевъ. Проѣзжая чужія владѣнія, онъ всюду былъ принимаемъ весьма радушно. Уважая умъ и храбрость Шахъ-Мана, многіе готовы были отмстить неблагодарнымъ за его оскорбленіе; сотни отважныхъ уже окружали дагестанскаго изгнанника и готовы были идти съ нимъ для наказанія вѣроломныхъ, но Шахъ-Ману было этого недостаточно: онъ хотѣлъ вооружить противъ дагестанцевъ ихъ непримиримыхъ враговъ персіянъ.

Изгнанникъ отправился въ Персію, явился къ могущественному въ то время Шаху-Надиру и получилъ отъ него помощь.

Три года прошло со времени изгнанія Шахъ-Мана. Дагестанцы жили покойно, какъ вдругъ на родныхъ поляхъ и лѣсахъ ихъ появился непріятель, столь многочисленный, «что звѣри не могли укрыться въ своихъ норахъ и цѣлыми стадами перебѣгали съ одного мѣста на другое».

Въ Чиръ-Ваніатѣ произошла первая битва, въ которой персіяне потерпѣли пораженіе, и одна часть, предводительствуемая братомъ шаха, Курбаномъ, обратилась въ бѣгство; при второмъ столкновеніи самъ Курбанъ былъ захваченъ въ плѣнъ, сожженъ и прахъ его черезъ плѣннаго персіянина былъ отосланъ къ Шаху.

Оскорбленный этимъ поступкомъ Шахъ-Надиръ поклялся, на мѣстѣ сожженія Курбана, выстроить памятникъ изъ непріятельскихъ головъ, и сдержалъ свою клятву.

Три дня бились дагестанцы съ персіянами; земля стонала, поле покрылось тѣлами убитыхъ; дагестанцы были побѣждены, и едва только третья часть спаслась бѣгствомъ. Надъ могилою брата Надиръ воздвигъ курганъ изъ камней и головъ дагестанцевъ и назвалъ его *башъ-кала* (крѣпость головъ) развалины котораго и до сихъ поръ свидѣтельствуютъ о жестокомъ мщеніи Шаха ([1]).

Но ни честолюбіе Надира, ни мщеніе Шахъ-Мана не могли довольствоваться однимъ только пораженіемъ дагестанцевъ. Надиру хотѣлось покорить всю страну своей власти, Шахъ-Ману—раззорить ее до основанія. Получивъ новое подкрѣпленіе, Надиръ, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, достигъ до Казыкумухскаго ханства, разбилъ защитниковъ его и считалъ уже себя повелителемъ всего Дагестана. Оставалось только покорить небольшое племя *андалальцевъ*, укрѣпившихся на непроходимыхъ горахъ Обохскихъ и смѣло ожидавшихъ непріятеля.

«Въ глубокой долинѣ, омываемой пѣнистымъ Орда-Оромъ, завязалась рѣшительная битва между дикими андалальцами и войскомъ Шаха, утомленнымъ побѣдами. Андалальцы начали отступать, и персіяне заранѣе уже торжествовали побѣду, какъ вдругъ, внезапно, раздается въ сторонѣ изступленный крикъ, который, сливаясь съ шумомъ битвы, оглушилъ сражающихся. Это было послѣднее подкрѣпленіе андалальцевъ. Оно состояло изъ женщинъ и стариковъ, остававшихся до того въ жилищахъ. Съ дикою яростію устремились робкія жены на пришельцевъ, на ихъ обнаженныхъ шашкахъ отражались послѣдніе лучи заходящаго солнца.

([1]) Подобный же курганъ, съ точно такимъ-же названіемъ, какъ мы видѣли, находится не подалеку отъ Закаталъ. Сооруженіе его приписывается Тамерлану. См. статью А. Пасербскаго. Изслѣдованіе по Закатальскому округу. Кавказъ 1864 года № 100.

«Орда-Оръ кровавыми, пѣнистыми волнами катился въ утесистыхъ берегахъ и вѣщалъ окрестнымъ жителямъ о гибели храбрыхъ мусульманъ.

«Отчаянно бились андалальцы и ихъ жены, отстаивая свободу родины и не обращая вниманія на сыновей, отцевъ и братьевъ, вокругъ нихъ умиравшихъ отъ ранъ. Другое чувство волновало ихъ сердца: они жаждали гибели пришельцевъ».

Ночь разлучила непримиримыхъ враговъ. Андалальцы остались при твердомъ желаніи или пасть всѣмъ на полѣ брани, или выгнать персіянъ изъ Дагестана. Чтобы лучше обмануть непріятеля, мужчины одѣлись въ женское платье и обратно. Впереди шли двое муллъ: одинъ держалъ коранъ, другой знамя Сунни, и когда подошли къ мѣсту сраженія, то первый мулла прочелъ имъ слѣдующій стихъ изъ корана: «дверь рая открыта для всякаго падшаго за родину».

— Да погибнемъ или побѣдимъ! воскликнули андалальцы.

— Земная и небесная слава ждетъ храбраго, сказалъ мулла, указывая на станъ непріятельскій.

Настала страшная минута. Андалальцы съ яростію бросились на персіянъ. Напрасно набожный мулла просилъ своихъ единовѣрцевъ щадить побѣжденнаго непріятеля: его никто не слушалъ—смерть, и смерть самая страшная постигала большую часть незванныхъ гостей.

Шахъ-Надиръ съ нѣсколькими изъ своихъ тѣлохранителей, бѣжалъ изъ Дагестана въ Дербентъ, а Шахъ-Манъ скрылся въ сосѣднихъ горахъ.

Тяжело было состояніе его души, убитой горестію и угрызеніемъ совѣсти. Смотря на несчастіе и раззореніе его родины, Шахъ-Манъ сознавалъ, что виною всего этого былъ одинъ онъ, и жизнь стала для него тягостію. Видя во всемъ этомъ предопредѣленіе судьбы, ведущей его къ погибели, Шахъ-Манъ рѣшился окончить жизнь тамъ, гдѣ началъ, и несчастный изгнанникъ предался въ руки своихъ враговъ-соотечественниковъ.

Былъ праздникъ. Дагестанцы толпою выходили изъ мечети, когда Шахъ-Манъ явился передъ ними. Изумленный народъ тотчасъ же окружилъ бывшаго хана. Такъ же величаво, но блѣдный, худой и изнуренный душевными и тѣлесными недугами, стоялъ Шахъ-Манъ передъ народомъ. Спокойный взоръ его горѣлъ еще огнемъ мужества и негодованія.

— Мусульмане! сказалъ онъ, вы были несправедливы ко мнѣ: я далъ клятву отмстить вамъ, находилъ много къ тому средствъ, но Аллаху не угодно было, чтобы я ее исполнилъ. Теперь жизнь для меня въ тягость; я пришелъ сюда умереть отъ вашихъ рукъ, неблагодарные. Но если въ сердцахъ вашихъ есть еще чувство справедливости, если вы еще боитесь гнѣва Аллаха, то, его именемъ, повелѣваю вамъ казнить на моей могилѣ этихъ чудовищъ.

Шахъ-Манъ указалъ, при послѣднихъ словахъ, на сыновей и палъ подъ

ударами кинжаловъ. Дагестанцы исполнили послѣднюю волю злосчастнаго хана ([1])....

Разсказывая это преданіе, горцы указываютъ на любовь свою къ свободѣ и независимости, вызвавшей столь упорное сопротивленіе со стороны народа, не желавшаго признавать надъ собою ни чьей власти. Въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ до 1866 года въ большей части селеній не было даже старшинъ, потому что никто не хотѣлъ подчиняться другому, считая это унизительнымъ для себя.

Шамхальство Тарковское, ханства: Мехтулинское, Казикумухское, Кюринское и Аварское управлялись ханами. Ханы управляли своими владѣніями совершенно неограниченно, и всѣ дѣла, кромѣ маловажныхъ, рѣшались по ихъ личному усмотрѣнію. Произволу хановъ не было никакихъ предѣловъ; жестокость обращенія съ подвластными составляетъ исключительную черту ханскаго правленія. Не далѣе какъ въ пятидесятыхъ годахъ, въ Казикумухѣ, по одному капризу хана подвластные его подвергались страшнымъ пыткамъ: пытали раскаленнымъ желѣзомъ, разводили на груди огонь, выжигали разныя мѣста на тѣлѣ, а иногда на бритой головѣ провинившагося дѣлали чашку изъ тѣста и лили туда кипящее масло.

Тамъ, гдѣ нѣтъ законовъ, гдѣ въ основаніи управленія стоитъ ханскій произволъ, тамъ нѣтъ возможности дать яснаго понятія объ образѣ управленія, а можно только сказать, что когда ханъ добръ—и управляемому народу сносно; но если правитель жестокъ, если онъ, подобно казикумухскому хану, съ наслажденіемъ смотритъ на пытки—тамъ народу невыносимо тяжко. Ханы управляли своими владѣніями черезъ посредство бековъ, чанковъ ([2]) и старшинъ.

Нѣкоторые изъ бековъ имѣли наслѣдственныя права надъ подчиненными имъ деревнями, жители которыхъ находились въ административной ихъ зависимости. Другіе же изъ бековъ назначались для управленія или пожизненно, или на срокъ.

Непосредственно за беками слѣдуетъ сословіе узденей, или людей свободныхъ, но нѣкоторые изъ нихъ находились въ поземельной зависимости къ бекамъ, на земляхъ которыхъ жили. Уздени имѣли право наслѣдственнаго пользованія этими землями, но обязаны были нести за то однажды установленныя обычаемъ повинности. Изъ этого общаго правила исключались только находящіяся въ Самурскомъ округѣ два селенія, Лудгунъ и Ялагъ, которыя отбывали своимъ бекамъ повинности какъ издѣльную, такъ и натуральными произведеніями. Первая состояла въ трехъ-дневной работѣ въ годъ отъ каждаго дома, а вторая въ уплатѣ семидесяти пяти аробъ пшеницы со всего селенія. Оба вида этой

([1]) Дагестанское преданіе. Кавказъ 1846 г. № 24.

([2]) Чанка—родившійся отъ неравнаго брака знатнаго съ простолюдинкою.

повинности отбывались не отдѣльнымъ лицамъ, а цѣлымъвладѣль ческимъ родамъ и фамиліямъ.

Всѣ остальныя зависимыя сословія находились въ личномъ подчиненіи, и изъ нихъ одни имѣли право на пользованіе землею, а другіе права этого не имѣли. Къ первымъ принадлежатъ сословія *раятовъ* и *чагаровъ*, ко вторымъ *кулы* и *караваши*.

Сословіе раятовъ существовало въ Каракайтагѣ и Табасарани. Раяты жили на земляхъ, принадлежащихъ бекамъ, имѣли право на землю, которую обрабатывали, но могли продать ее не иначе какъ только жителямъ своего селенія. Безъ согласія бека, они не могли переходить изъ одного селенія въ другое и, при разрѣшеніи такого перехода, должны были оставлять въ пользу бека все свое недвижимое имущество. Повинности ихъ заключались во взносѣ натурою: въ Табасарани по шести сабъ пшеницы, одной арбѣ сѣна, и въ опредѣленномъ размѣрѣ отъ стадъ барановъ, фруктовъ, орѣховъ, марены и проч.; въ Кайтагѣ: изъ 30 сабъ пшеницы и ячменя, съ пары рабочихъ быковъ. Кромѣ того, *раятъ* обязанъ былъ отработать восемь дней въ теченіе года, перевезти хлѣбъ владѣльца на мельницу, доставить хворостъ, отбывать конную службу при бекѣ, который имѣлъ право брать къ себѣ въ услуженіе сиротъ до ихъ совершеннолѣтія.

Чагары въ Дагестанѣ составляли собою сословіе крестьянъ, лично зависимыхъ и поселенныхъ на земляхъ владѣльцевъ, хотя и отдѣльнымъ хозяйствомъ, но не имѣвшихъ никакихъ правъ на землю, а сохранявшихъ при продажѣ только то имущество, которое было пріобрѣтено ихъ собственными трудами. По происхожденію своему, чагары были рабы и рабыни, отпущенные съ господскаго двора «для обзаведенія собственнымъ хозяйствомъ на господской же (бекской) землѣ, съ обязательствомъ исполнять повинности естественными произведеніями и издѣльныя. Перваго рода повинности заключались въ арбѣ дровъ, мѣркѣ пшеницы, а отъ имѣющихъ барановъ и по барану въ годъ; отдѣльныя же повинности не были опредѣлены обычаемъ и совершенно зависѣли отъ воли владѣльца».

Кулы—рабы и *караваши*—рабыни, составляли домашнюю прислугу у своихъ владѣльцевъ, не имѣли никакихъ личныхъ правъ, обязаны были исполнять всѣ требованія и приказанія своихъ господъ.

Кулы, караваши и чагары могли пріобрѣтать свободу только съ согласія владѣльца или даромъ, или при посредствѣ выкупа. Потомки освобожденныхъ рабовъ, во многихъ мѣстахъ, не пользовались вполнѣ правами свободныхъ людей. Въ селеніи Корода, Гунибскаго округа, каждую пятницу, послѣ службы, чауши обходятъ всѣхъ потомковъ-рабовъ.

— Помни, говорятъ они при этомъ каждому, что ты происходишь не отъ узденя.

Освобожденный рабъ и его потомство, какъ бы богаты ни были, не

имѣли права рѣзать болѣе 3-хъ барановъ въ годъ на все семейство, чтобы въ этомъ не сравняться съ кровными узденями.

Въ селеніи Чохъ такія лица, до 4-го колѣна включительно, во первыхъ были обязаны разъ въ годъ угостить всѣхъ узденей, живущихъ на одной съ ними улицѣ, а во вторыхъ, черезъ каждыя 10 лѣтъ, при раздѣлѣ общественныхъ пашенъ, давать, съ семейства, обществу по одному котлу цѣною отъ 8—10 руб. Одинъ изъ котловъ разбивался на мелкіе куски, а другіе продавались, и на вырученныя деньги устраивалось угощеніе для членовъ сельскаго управленія. Въ селеніи Метлельта (въ Гумбетѣ), разъ въ годъ, всѣ освобожденные рабы выходили изъ дома на цѣлую ночь; въ ихъ отсутствіе приходили партіи молодыхъ людей, которые съѣдали и выпивали все, что находили въ домѣ и во дворѣ.

Передъ освобожденіемъ всѣхъ зависимыхъ сословій, во всемъ Дагестанѣ оказалось около 12,130 душъ раятовъ и 598 душъ кулъ и каравашей. Цифра эта, въ прежнее время, была гораздо значительнѣе. Такъ, въ Аваріи была одна, а въ Казикумухѣ двѣ деревни, населенныя кулами, которые, имѣя осѣдлую жизнь, должны были обработывать ханскія земли, и получаемый съ нихъ доходъ отдавали своимъ владѣльцамъ. Ханы имѣли право брать себѣ прислугу изъ этихъ деревень, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Съ покореніемъ восточнаго Кавказа, зависимость эта уничтожилась сама собою и деревни, населенныя кулами, несутъ теперь одинаковую повинность со всѣмъ остальнымъ населеніемъ (1).

Среди вольныхъ обществъ Дагестана не было никакихъ общественныхъ различій: по правамъ и обязанностямъ—за исключеніемъ рабовъ—всѣ были равны между собою и, до подчиненія нѣкоторыхъ изъ нихъ власти Шамиля, они управлялись отдѣльно по обществамъ, руководствуясь при этомъ своими древними обычаями. Каждое селеніе, смотря по числу жителей, управлялось однимъ или нѣсколькими старшинами (по кумыкски *карты*—почтенные старики; по аварски *чукби* и *адиль-заби*—справедливые люди; въ Табасарани *кеуха*—старосты; въ Кюринскомъ и Самурскомъ округѣ *акъ-саккалъ*—бѣлая борода), избираемыми или на всю жизнь, или на извѣстный опредѣленный срокъ. Старшины наблюдали за порядкомъ въ селеніяхъ, собирали, въ случаѣ надобности, сходки, назначали мѣста собранія и входили въ сношенія съ сосѣдними племенами; они же были и судьями. За свою службу старшины получали извѣстную часть штрафныхъ денегъ и пользовались нѣкоторыми льготами.

Ежедневно, каждое утро, старшины, выбираемые по одному изъ каждаго тухума, выходили на площадь или къ мечети, словомъ на мѣсто, избранное для суда, и тамъ производили судъ. При разборѣ и рѣшеніи дѣлъ, руководствовались преимущественно *адатомъ*.

---

(1) Освобожденіе безправныхъ рабовъ въ Дагестанѣ. Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ, вып. I Тифлисъ 1868 г. Адаты А. В. Комарова, тамъ же.

Главная причина, почему *адатъ* предпочитался *шаріату*, заключалась, во первыхъ, въ томъ, что, по корану, были опредѣлены весьма строгія наказанія за преступленія, считавшіяся народомъ маловажнымъ, какъ, напримѣръ, воровство. Во вторыхъ, изученіе мусульманскаго законовѣдѣнія представляло непреодолимыя затрудненія для народа полудикаго, тогда какъ адатъ не требовалъ особыхъ познаній; каждое дѣло рѣшалось по бывшимъ примѣрамъ, а если такихъ не было, то большинствомъ голосовъ.

Адатъ нашелъ поддержку не только со стороны высшихъ сословій, видѣвшихъ въ немъ залогъ и обезпеченіе своихъ привиллегій, но и со стороны правителей различныхъ ханствъ и областей. Штрафы, взыскиваемые въ пользу правителей, при рѣшеніи дѣлъ, по адату составляли не маловажный источникъ ихъ дохода и, кромѣ того, возможность устанавливать «новые адаты и рѣшать по нимъ многія дѣла, не стѣсняясь постановленіями корана, давали имъ могущественное средство упрочивать свою власть и ослаблять вліяніе на народъ духовенства, по духу мусульманства всегда враждебнаго свѣтской власти». Правда, что и судъ по адату не былъ всегда справедливъ, но, во всякомъ случаѣ, искаженіе истины, при разборѣ дѣла нѣсколькими лицами, выбираемыми преимущественно изъ людей почетныхъ и уважаемыхъ, было гораздо рѣже, чѣмъ при судѣ по шаріату, гдѣ, въ большей части случаевъ, дѣло обсуждалось однимъ муллою, и при томъ, по постановленіямъ, весьма мало извѣстнымъ народу. Постановленія пророка были недоступны большинству—этимъ пользовались муллы; а постановленія адата зналъ каждый и, получая ихъ отъ отца, передавалъ своему сыну.

Судъ по адату производится только тогда, когда принесена жалоба лицемъ, имѣющимъ на то право, и указанъ отвѣтчикъ. По доносамъ разбираются только такія дѣйствія, отъ которыхъ терпитъ цѣлое общество, какъ, напримѣръ, порча дорогъ, мостовъ и проч. Предъявить суду жалобу можетъ только обиженный, самъ, лично; повѣренные допускаются только мужъ за жену, отецъ или опекунъ за малолѣтнихъ дѣтей, и владѣлецъ за своихъ рабовъ.

Искъ бываетъ или прямой, съ доказательствами, или по подозрѣнію. Доказательствами служатъ собственное сознаніе, но безъ принужденія; поличное, считаемое несомнѣннымъ доказательствомъ преступленія и показаніе подъ присягой свидѣтелей, представляемыхъ истцомъ, и число которыхъ бываетъ различно (2—6) въ различныхъ обществахъ. Въ свидѣтели не допускаются женщины, вмѣсто которыхъ въ нѣкоторыхъ обществахъ присягаетъ мужъ или братъ; сами женщины допускаются къ присягѣ только въ одномъ Сюргинскомъ обществѣ Даргинскаго округа. Кромѣ того не допускаются малолѣтнія до 7-ми лѣтъ, безумные, сумасшедшіе, родственники истца или заинтересованные въ его дѣлѣ, имѣющіе тяжбу съ отвѣтчикомъ или должники его и имѣющіе кровную обиду къ отвѣтчику, давшіе обѣтъ никогда не присягать, и занимающіе общественныя должности.

Кромѣ вышеприведенныхъ видовъ доказательствъ, принимаются показанія умирающаго или раненаго и всякаго рода письменные документы.

Иски по подозрѣнію принимаются по убійствамъ, пораненію, воровству, грабежу, угону скота, потравамъ, поджогамъ и проч. Истецъ долженъ и здѣсь указать, на кого онъ подозрѣваетъ, и объяснить причины такого подозрѣнія. Въ этомъ случаѣ единственнымъ средствомъ къ обвиненію служитъ присяга истца или очистительная присяга отвѣтчика, съ опредѣленнымъ числомъ родственниковъ того или другаго. Число это зависитъ отъ важности дѣла и стоимости иска, весьма разнообразно въ различныхъ обществахъ, и бываетъ начиная отъ одного и до шестидесяти. Въ нѣкотораго рода преступленіяхъ, адатъ указываетъ прямо, кто долженъ присягать: истецъ или отвѣтчикъ, а въ другихъ предоставляется это опредѣленію судей, но истецъ, если желаетъ, можетъ всегда отказаться отъ присяги и потребовать ее отъ отвѣтчика. Присяга истца и присягающихъ съ нимъ принимается за совершенное доказательство, но если, хотя одинъ изъ соприсяжниковъ истца откажется присягнуть, то подозрѣваемый считается оправданнымъ. Отказъ отвѣтчика присягнуть служитъ для него полнымъ обвиненіемъ.

Присяга бываетъ двухъ родовъ: именемъ Бога (по шаріату—Валлахи, Билляхи, Таллахи) и *Хатунъ-Таллахъ* или *Кебинъ-Таллахъ*, при которыхъ присягающій клянется, если скажетъ неправду, то бракъ его будетъ считаться незаконнымъ. Если при этомъ у присягающаго нѣсколько женъ, то онъ долженъ передъ присягою указать на которую изъ женъ онъ присягаетъ. Въ случаѣ открытія ложной присяги, бракъ считается расторгнутымъ, и жена должна уйти отъ мужа, получивъ все ей слѣдуемое, какъ и при добровольномъ разводѣ. Въ нѣкоторыхъ обществахъ такая присяга требуется только въ важныхъ случаяхъ; въ другихъ всѣ женатые, и во всѣхъ случаяхъ, должны непремѣнно присягать Хатунъ-Таллахъ. Число присягающихъ этимъ способомъ бываетъ всегда менѣе, чѣмъ требуетъ адатъ, въ томъ случаѣ, когда присягающіе клянутся именемъ Бога, на коранѣ.

За всѣ виды преступленій, адатъ назначаетъ слѣдующія наказанія:

1) Изгнаніе изъ селенія, съ предоставленіемъ права обиженному и его родственникамъ безнаказанно убить изгоняемаго или простить его на извѣстныхъ условіяхъ. Смотря по степени преступленія, виновный часто изгоняется не одинъ, а съ нѣсколькими родственниками или со всѣмъ семействомъ. Этотъ видъ наказанія носитъ названіе *выхода въ канлы*.

2) Изгнаніе на извѣстный срокъ, безъ предоставленія обиженному права убить изгоняемаго. По окончаніи срока, изгнанникъ, прежде возвращенія въ селеніе, долженъ примириться съ обиженнымъ и устроить приличное угощеніе, и

3) Взысканіе деньгами и имуществомъ въ пользу обиженнаго.

Кромѣ этихъ трехъ видовъ наказаній, съ виновнаго, во всѣхъ случаяхъ, взыскивается штрафъ, который по величинѣ своей, весьма разнообразенъ и поступалъ прежде въ пользу хановъ, правителей и членовъ сельскаго управле-

нія, а теперь поступаетъ въ штрафную общественную сумму, употребляемую на общеполезныя надобности.

Смертная казнь не допускается по адату, но бываютъ случаи, когда предоставляется каждому желающему убить преступника. Къ такимъ случаямъ, въ различныхъ обществахъ, принадлежатъ: кража изъ мечети, умышленный поджогъ моста, мужчина соблазнившій женщину и вызвавшій ее на побѣгъ отъ мужа, если не женится на ней; убійца своего врага, послѣ примиренія съ нимъ, разрытіе могилъ и похищеніе савановъ, развратъ, отцеубійство и другія преступленія, наносящія безчестіе всему семейству обиженнаго.

По адату, каждый членъ общества имѣетъ право убить безнаказанно: своего кровнаго врага; насилующаго, нападающаго изъ засады и объявленнаго врагомъ общества; хозяинъ, поймавшій вора на мѣстѣ преступленія; мужъ, отецъ, сынъ и братъ, заставшіе въ прелюбодѣяніи съ женою, дочерью, матерью или сестрою, но не иначе какъ, обоихъ застигнутыхъ въ преступленіи; оба лица, пойманныя родственниками въ мужеложствѣ; похитителя женщины, при преслѣдованіи его родственниками.

Всѣ остальныя убійства возбуждаютъ за собою кровомщеніе, которому подвергаются всѣ, безъ разбора пола, возраста и часто даже владѣльцы животныхъ причинившихъ смерть.

Въ Аваріи и Ункратлѣ, за нечаянное убійство и за убійство причиненное дѣтьми или сумасшедшими, берется только штрафъ.

Кровомщеніе допускается между лицами одного сословія. Бекъ, убившій узденя, подвергается трехмѣсячному изгнанію, и затѣмъ, внеся опредѣленное вознагражденіе, мирится съ родственниками убитаго, безъ соблюденія правилъ установленныхъ адатомъ для примиренія. За убійство раба плотится его стоимость, а за убійство, сдѣланное рабомъ, подвергается кровомщенію его владѣлецъ, если не отпуститъ его на волю.

Въ сѣверномъ, (1) въ южномъ (2) Дагестанѣ и Казикумухскомъ ханствѣ, убійство раздѣляется на два вида: простое и *кара-канъ* (черное убійство).

«Кара-канъ называется убійство, сдѣланное съ корыстною цѣлію; убійство изъ засады, убійство кого либо въ собственномъ его домѣ или на собственномъ его полѣ, убійство, сдѣланное во время разбора дѣлъ; убійство по подкупу въ мечети ночью и. т. п. Кромѣ того въ Даргинскомъ округѣ постановлено считать *кара-какъ* всякое убійство, сдѣланное на извѣстныхъ урочищахъ удаленныхъ отъ населенныхъ мѣстъ». За кара-канъ назначается болѣе строгое взысканіе.

Въ убійствѣ признается виновнымъ всегда одинъ.

Нѣсколько человѣкъ могутъ быть обвиняемы въ общихъ ссорахъ и дракахъ,

---

(1) За исключеніемъ сел. Чиркея, Чиръ-Юрта и Мугинскаго общества.
(2) За исключеніемъ Самурскаго округа.

но ни въ какомъ случаѣ не болѣе числа ранъ нанесенныхъ убитому. При ссорахъ между селеніями, въ случаѣ равенства убитыхъ, заключается мировая, а въ противномъ случаѣ, та сторона, гдѣ меньше убитыхъ, указываетъ, по выбору изъ среды себя недостающее число убійцъ, которые и считаются находящимися подъ кровомщеніемъ родственниковъ убитыхъ.

Право преслѣдовать убійцу предоставляется всѣмъ наслѣдникамъ убитаго. Въ нѣкоторыхъ обществахъ, вмѣстѣ съ убійцею, преслѣдуются и подвергаются наказанію опредѣленное число его родственниковъ. Убійца носитъ названіе *башъ-канлы*, а подвергающіеся наказанію его родственники—*малъ-канлы*. Послѣ совершенія преступленія какъ убійца, такъ и его родственники должны скрыться изъ селенія, изъ опасенія, до примиренія, быть убитыми преслѣдователями. Они ищутъ защиты и покровительства у постороннихъ и никто не откажетъ дать имъ пріютъ и содѣйствовать примиренію. Время изгнанія въ различныхъ обществахъ бываетъ различное: отъ одного и до трехъ лѣтъ; ранѣе же года мириться считается предосудительнымъ. Во все время изгнанія убійца долженъ ходить одинъ, такъ какъ случайное убійство его спутника остается безнаказаннымъ. Въ знакъ раскаянія онъ не брѣетъ себѣ голову; не можетъ заниматься хлѣбопашествомъ и ему воспрещается приходить въ свое селеніе и вообще въ то мѣсто, гдѣ живутъ родственники убитаго, встрѣчи съ которыми онъ долженъ избѣгать. Находящійся подъ кровомщеніемъ можетъ быть убитъ вездѣ, но адатъ не одобряетъ убійства въ мечети, въ присутствіи суда, начальства и на общественной сходкѣ.

Съ убійцы и его родственниковъ, въ пользу наслѣдниковъ убитаго, взыскивается *алымъ* или *діятъ* и штрафъ.

Алымъ взыскивается вскорѣ послѣ совершенія убійства и, по величинѣ, бываетъ чрезвычайно разнообразенъ, такъ что почти каждое селеніе имѣетъ свой алымъ. Онъ состоитъ изъ взноса денегъ, скота, хлѣба, шелковой и бумажной матеріи, ковровъ, котловъ и проч. (¹)

Въ нѣкоторыхъ обществахъ, до водворенія русской власти, вмѣсто алыма родственники убитаго имѣли право грабить домъ и имущество убійцы: въ однихъ обществахъ въ теченіе трехъ лѣтъ, а въ другихъ въ теченіе трехъ дней. Взятый алымъ бережно сохраняется, до окончательнаго примиренія, потому что если находящійся подъ кровомщеніемъ будетъ убитъ, то алымъ возвращается его наслѣдникамъ весь сполна. При примѣреніи алымъ не возвращается. *Діятъ* есть условная плата, за которую родственники убитаго соглашаются простить убійцу, и потому онъ выплачивается послѣ примиренія, но въ нѣкоторыхъ обществахъ діятъ взыскивается вскорѣ послѣ убійства и отличается отъ алыма только по названію.

(¹) Кто желаетъ ближе познакомиться съ подробностями, тотъ найдетъ ихъ въ статьѣ А. В. Комарова: Адаты и судопроизводство по нимъ Сборн. свѣд. о кавк. горц. вып. I Тифлисъ 1868 г.

Величина діята также весьма разнообразна и, въ большинствѣ случаевъ, зависитъ отъ условія.

«Алымъ и діятъ, оба вмѣстѣ, взыскиваются только въ Даргинскомъ и Кайтаго-Табасаранскомъ округахъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ западнаго и средняго Дагестана. Тамъ, гдѣ, при совершеніи убійства, берется только алымъ, при примиреніи діятъ замѣняется угощеніемъ и подарками родственникамъ убитаго. Угощеніе и подарки должны быть сдѣланы убійцею какъ можно лучше и, обыкновенно, окончательно его раззоряютъ».

Въ нѣкоторыхъ обществахъ канлы прекращается съ естественною смертію убійцы, въ другихъ оно переходитъ на ближайшаго родственника или родственниковъ отъ 1 до 7 человѣкъ, и только со смертію седьмаго человѣка кровомщеніе прекращается.

Для примиренія необходимо, чтобы всѣ родственники убитаго, мужчины и женщины, согласились простить убійцу. Человѣку бѣдному, не имѣющему большаго родства, трудно согласить противника на примиреніе, тогда какъ, напротивъ, богатый и сильный родствомъ часто не только не ищетъ, но и отказывается отъ примиренія съ бѣдными родственниками убитаго.

При примиреніи, на убійцу надѣваютъ саванъ и опоясываютъ шашкой, въ знакъ того, что на немъ находится оружіе для отмщенія и саванъ для его погребенія. Въ такомъ видѣ онъ отводится въ домъ ближайшаго родственника убитаго. Подойдя къ воротамъ, виновный останавливается; изъ дому выходитъ родственникъ убитаго, снимаетъ саванъ, шашку и папаху и гладитъ по головѣ, а мулла читаетъ главу изъ корана, и затѣмъ всякая вражда прекращается. Примирившіеся считаются кровными братьями, и прощенный обязанъ, какъ можно чаще, посѣщать могилу убитаго и оказывать возможныя услуги его родственникамъ.

Сверхъ убійства, кровомщенію подвергаются за изнасилованіе и прелюбодѣяніе съ женщиною. Въ этомъ случаѣ, право убить предоставляется мужу или родственникамъ обиженной стороны.

Адатъ подвергаетъ взысканію и такихъ лицъ, которыя причинили другому рану или увѣчье. При пораненіи различаются раны, нанесенныя холоднымъ оружіемъ и огнестрѣльнымъ; въ послѣднемъ случаѣ полагается большее взысканіе.

Въ отмщеніе за причиненную рану, виновный можетъ быть самъ пораненъ, и по этому онъ старается не выходить изъ дома до выздоровленія раненаго имъ. Если раненый умретъ отъ раны, ранѣе года со дня пораненія, то виновный преслѣдуется какъ убійца. Взаимное пораненіе прекращаетъ обиду, но если раны смертельны, то умершій позже своего противника считается убійцею, и хотя кровомщеніе при этомъ не возникаетъ, но родственники умершаго послѣднимъ должны испросить позволеніе противной стороны на погребеніе его на кладбищѣ своего селенія.

Раненый лечится на счетъ ранившаго, который обязанъ платить лекарю,

кормить его и доставлять лекарства. По выздоровленіи больнаго, причинившій ему рану обязанъ сдѣлать приличное угощеніе и вознаградить его, смотря по величинѣ раны, тою платою, которая положена по адату, и которая въ различныхъ обществахъ бываетъ неодинакова. Кромѣ того, онъ вноситъ штрафъ въ предѣлахъ отъ 1—20 руб. Если послѣ излеченія раны останется увѣчье, то за него полагается особая плата, но не превышающая однакоже половины платы опредѣленной за убійство. Побои принимаются за раны холоднымъ оружіемъ.

У аварскихъ племенъ, побои, нанесенныя женщинѣ, взыскиваются строже, чѣмъ мужчинѣ. Если слѣдствіемъ побоевъ беременной женщинѣ будетъ выкидышъ, то виновный преслѣдуется какъ убійца.

Воровство и всякаго рода порча имущества подводится адатомъ подъ одну категорію. Виновный обязанъ возвратить имущество или его стоимость, заплатить пострадавшему отъ 2—10 разъ болѣе стоимости украденаго или испорченнаго, и внести, кромѣ того, опредѣленный, по весьма разнообразный штрафъ. Степень взысканія за преступленіе зависитъ: отъ мѣста, изъ котораго украдена вещь, цѣнности и свойства украденнаго и того, какимъ способомъ открытъ виновный. Если онъ чистосердечно признается, то возвращаетъ только стоимость украденой вещи или самую вещь.

Отыскивать вора долженъ самъ хозяинъ, а судъ открываетъ свои дѣйствія только тогда, когда указанъ или воръ, или подозрѣваемый. Входить съ воромъ въ какую бы то ни было сдѣлку безъ суда адатъ строго воспрещаетъ (¹).

Дѣла, касавшіяся до религіи, семейныхъ отношеній, завѣщаній и наслѣдства, рѣшались по шаріату, основанному на постановленіяхъ пророка, одинаковыхъ для всего мусульманскаго міра.

Оба суда, по шаріату и адату, не имѣя среди жителей вольныхъ обществъ никакой прочной власти, не могли заставить исполнять ихъ приговоръ, и потому часто порождали неуваженіе къ себѣ тяжущихся, считавшихъ самоуправство самымъ вѣрнымъ средствомъ къ прекращенію взаимныхъ недоразумѣній. Отсюда явился обычай за обиду мстить обидою, за воровство воровствомъ, за кровь кровью, и обычай кровомщенія, главнѣйшій порокъ горцевъ, развился въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Только тотъ, кто былъ сильнѣе, могъ жить спокойно, да и то до тѣхъ поръ, пока его противникъ не оперялся и не получалъ возможности наверстать потерянное.

Съ подчиненіемъ власти Шамиля многихъ обществъ Дагестана, приняты были мѣры къ ослабленію этого обычая—замѣною убійства данежною платою. Но, не смотря на успѣхъ, котораго достигалъ Шамиль путемъ жестокихъ мѣръ, горцы только съ большимъ трудомъ могли свыкнуться съ идеею объ

(¹) Адаты и судопроизводство по нимъ А. В. Комарова, Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ. Выпускъ I Тифлисъ 1868 г.

удовлетвореніи обидъ путемъ коммерческимъ. Шамиль, сознавая вредъ, происходившій отъ обычая кровомщенія, не могъ однако же справиться съ этимъ дѣломъ вполнѣ, потому что самъ трудно мирился съ мыслію о возможности покончить мирнымъ путемъ то, что началось кровью. Въ статьѣ о чеченцахъ, мы имѣли уже случай сказать какъ о мѣрахъ, принятыхъ Шамилемъ къ обузданію своихъ подвластныхъ, такъ и о томъ, что самъ имамъ считалъ кровомщеніе *глубокимъ чувствомъ правдивости*.

Подчинивъ своей власти многія общества, Шамиль далъ имъ одинаковое съ чеченцами административное дѣленіе и гражданское устройство. Знакомые съ этимъ устройствомъ, мы не будемъ повторять то, что сказано въ статьѣ о чеченцахъ, и что тождествено съ тѣмъ, что существовало и въ Дагестанѣ, среди обществъ, находившихся подъ властью Шамиля. Что же касается до джаро-бѣлаканскихъ лезгинъ, которые съ начала настоящаго столѣтія находятся въ подданствѣ Россіи, мы должны сказать, что наше правительство, долгое время, основывало свое управленіе на древнемъ обычаѣ, созданномъ самимъ народомъ въ періодъ его самостоятельности и независимости. Съ теченіемъ времени, въ управленіи ими послѣдовали многія измѣненія, изложеніе которыхъ найдетъ мѣсто въ историческомъ отдѣлѣ настоящаго труда.

По своимъ военнымъ способностямъ, горцы Дагестана далеко оставили за собою своихъ сосѣдей-чеченцевъ. Всѣ извѣстные предводители: Кази-Мулла, Гамзатъ-Бекъ, Сурхай, Али-Бекъ, Ахверды-Магома и самъ Шамиль были аварцы; всѣ важнѣйшія предпріятія задумывались и совершались въ Дагестанѣ.

Открытая противу насъ борьба Дагестана, осада Бурной, Дербента, Внезапной, раззореніе Кизляра *Кази-Муллою*, овладѣніе Аварскимъ ханствомъ, истребленіе владѣтельной аварской династіи *Гамзатъ-Бекомъ*, знаменитая защита Ахульго *Сурхаемъ* и *Али-Бекомъ*, искусное нападеніе на нашъ главный чеченскій отрядъ, съ намѣреніемъ истребить его (Валерикъ) *Ахверды-Магомою*, переселеніе надтеречныхъ и сунженскихъ чеченцевъ и овладѣніе въ мартѣ 1842 года Казикумухомъ, самимъ Шамилемъ — все это принадлежитъ дагестанцамъ. Всѣ соображенія горцевъ относительно военныхъ дѣйствій были здравы, дальновидны, всегда основаны на знаніи мѣстности и обстоятельствъ. Когда угрожала опасность какому-либо непріятельскому пункту, они обращались туда, гдѣ ихъ не ожидали, и въ ту часть края, которая обнажена была отъ нашихъ войскъ. Такимъ образомъ, развлекая наши силы, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, ободряли своихъ. При слабости съ нашей стороны дѣлали одновременныя вторженія съ нѣсколькихъ сторонъ, или самыя быстрыя и нечаянныя нападенія на удаленныя отъ нихъ мѣста, гдѣ вовсе ихъ не ожидали. Переходы горцевъ съ одного пункта на другой совершались весьма быстро. Значительныя пространства они проходили безъ отдыха, по самой трудной дорогѣ и въ самое короткое время. Въ 1843 году Шамиль, съ огромнымъ полчищемъ, прошелъ отъ Дылыма къ Унцукулю около 70 верстъ; въ

1847 г. наибъ Дебиръ напалъ неожиданно на Тарки, пройдя въ сутки слишкомъ сто верстъ.

Чеченцы и дагестанцы одинаково искусно пользовались мѣстностью, но послѣдніе превосходятъ чеченцевъ въ искуствѣ укрѣпляться, и эта часть у нихъ доведена была до нѣкотораго совершенства. Завалы и всѣ укрѣпленія ихъ всегда имѣли сильный перекрестный огонь. Противъ дѣйствія нашей артиллеріи они вырывали канавы, съ крѣпкими навѣсами, засыпанными землею, гдѣ были довольно безопасны отъ ядеръ и гранатъ, а для большей безопасности защитниковъ дѣлали иногда крытые ходы и устраивали подземныя канавы въ нѣсколько ярусовъ или рядовъ. Вообще же завалы дѣлались изъ камня или деревянныхъ срубовъ, пересыпанныхъ землею.

Чеченцы были дерзки при нападеніяхъ, еще дерзче въ преслѣдованіяхъ; но не имѣли стойкости и хладнокровія. Дагестанскіе горцы хотя были не такъ смѣлы, не такъ быстры и предпріимчивы, какъ чеченцы, но болѣе стойки и рѣшительны. Чеченцы способны къ наѣздничеcкой войнѣ: они дѣлали быстрыя, внезапныя вторженія въ наши предѣлы, пользовались всякимъ случаемъ, чтобы напасть въ расплохъ на фуражировъ, на обозъ, на партіи, неутомимо тревожили наши аванпосты и цѣпи — словомъ, вели малую войну. Дагестанцы вели войну болѣе положительную, иногда съ завоевательными цѣлями, или же съ цѣлію защиты ауловъ и обществъ. Они встрѣчали насъ большею частію открытымъ боемъ на крѣпкихъ позиціяхъ, которыя усиливали завалами, башнями, подземными канавами съ навѣсами для защиты отъ гранатъ; занимали пещеры, переправы черезъ рѣки, овраги и держались въ нихъ съ удивительною рѣшимостью, стрѣляли мѣтко и дрались до послѣдней крайности. На позиціяхъ же не крѣпкихъ или удобообходимыхъ, горцы слабо защищались; на обозы и партіи фуражировъ нападали рѣдко. Потерявъ рѣшительное дѣло, въ Дагестанѣ все усмирялось и успокоилось на нѣкоторое время.

Различіе въ образѣ войны происходило сколько отъ племеннаго различія, столько же и отъ характера мѣстности: горы Дагестана были не то, что территорія Чечни. Ровная и покрытая лѣсомъ мѣстность Большой и Малой Чечни доступна и обходима почти всюду. Напротивъ того, въ Дагестанѣ встрѣчаются на каждомъ шагу тѣснины съ отвѣсными стѣнами, встрѣчаются горы, на которыя ведетъ одна тропинка, пещеры, въ которыя можно спуститься только по веревкѣ, переправы, къ которымъ можно приблизиться только по корнизу, подъ огнемъ изъ заваловъ, скрытыхъ отъ всякаго выстрѣла, и, наконецъ, совершенно недоступныя скалы.

Самая постройка ауловъ въ Дагестанѣ давала жителямъ средство къ защитѣ. Брать съ боя такой аулъ—было дѣло отчаянное, и допускалось только въ обстоятельствахъ важныхъ для края. Впрочемъ, при приближеніи русскихъ войскъ въ большихъ силахъ, и послѣ потери важныхъ позицій и доступовъ къ аулу, горцы большею частію оставляли его безъ всякой защиты, или по-

корялись. Обстоятельства, вынуждавшія ихъ или на открытый и рѣшительный бой, или на скорую покорность, заключались: во-первыхъ, въ ограниченности земли, удобной къ воздѣлыванію, а во-вторыхъ, въ трудности доставки лѣса для построекъ. Недостатокъ воздѣланной земли заставлялъ горца дорожить своимъ роднымъ ущельемъ, небольшимъ кускомъ поля и сада. Бросить аулъ значило отказаться отъ матеріальнаго обезпеченія и сдѣлаться нищимъ—тѣмъ болѣе, что въ большей части Дагестана приходилось, за неимѣніемъ въ горахъ арбъ и арбяныхъ дорогъ, тащить лѣсъ волокомъ за 40, 50, а иногда и 70 верстъ. Всѣ эти причины дѣлаютъ понятнымъ, какимъ бѣдствіемъ угрожалъ приходъ русскихъ, которые, какъ извѣстно было горцамъ, проложивши однажды дорогу къ какому-либо аулу или обществу, легко приходили въ другой и третій разъ въ самыя неприступныя ущелья.

Рѣшительный образъ войны горцевъ былъ выгоденъ для насъ, потому что потери въ бою ослабляли ихъ физически и нравственно. Въ послѣднее время огромные ихъ аулы сдѣлались одни ничтожными, а другіе совершенно запустѣли: Гоцатль изъ 400 домовъ обратился въ 40, Ашильты изъ 250 въ 15, Зыряны изъ 70 въ 15, Бѣлаканы изъ 250 въ 130, Чиркей изъ 780 въ 650, Мехельты изъ 750 въ 500, Старый Гоцатль, Цельмесъ и Орати совсѣмъ уничтожились. Въ безпрерывной войнѣ погибли лучшіе ихъ люди: въ 1832-мъ году Кази-Мулла, съ приближенными ему мюридами; въ 1834. Гамзатъ-Бекъ съ своими сподвижниками; въ Ахульго знаменитый Али-Бекъ, Сурхай, Али-Чула и другіе. Горы обнищали хорошимъ оружіемъ; въ послѣднее время у рѣдкаго горца была шашка и пистолетъ и у немногихъ хорошее ружье и кинжалъ. У чеченцевъ, напротивъ, рѣдкій былъ безъ шашки и пистолета, у многихъ отличное оружіе, да сверхъ того у чеченцевъ было много конныхъ, тогда какъ въ горахъ были почти всѣ пѣшіе.

Изъ этого видно какъ не сходны были военныя обстоятельства Чечни съ положеніемъ горъ. Въ Чечнѣ русскія войска сожгутъ, бывало, нѣсколько ауловъ, а чрезъ годъ туземцы построятъ новые; мы еще разъ повторимъ погромъ, истребимъ на поляхъ хлѣбъ и сѣно—чеченцы укроются въ лѣса. Тамъ въ мѣсяцъ выстраивались турлучныя сакли, очищался лѣсъ, и чеченцы снова богаты были пашнею и лугами. Никто не мѣшалъ имъ — по уходѣ нашихъ войскъ, снова пасти скотъ свой на прежнихъ лугахъ и часть запаса перевести, до прихода нашего, въ средину лѣсовъ. Войска весьма часто двигались по Чечнѣ, и нигдѣ не встрѣчали ни жителей, ни имущества, ни скота, но хлѣбъ на корнѣ, или въ скирдахъ, запасы сѣна и въ дальнемъ лѣсу новые аулы доказывали, что страна не совсѣмъ запустѣла, а каждодневная перестрѣлка съ невидимымъ непріятелемъ подтверждала, что страной этой дорожатъ ея воинственные обитатели, или мстятъ за ея опустошеніе.

При движеніи нашихъ отрядовъ по Чечнѣ всегда впереди шелъ авангардъ, потомъ главныя силы, при нихъ подвижной паркъ, подвижной транспортъ, обозъ и, наконецъ, аріергардъ; главная колона справа и слѣва прикрывалась

особыми колонами, съ непрерывною цѣпью отъ авангарда до аріергарда; кавалерія, смотря по мѣстности, располагалась впереди, съ боку или въ срединѣ отряда.

Въ открытыхъ мѣстахъ непріятель какъ будто не существовалъ, но лишь только отрядъ вступалъ въ лѣсъ, какъ тотчасъ же начиналась перестрѣлка рѣдко въ авангардѣ, чаще въ боковыхъ цѣпяхъ, и почти всегда въ аріергардѣ. Чѣмъ пересѣченнѣе мѣстность, чѣмъ гуще лѣсъ, тѣмъ сильнѣе была перестрѣлка. Загоралась неумолкаемая канонада, число раненыхъ въ цѣпи увеличивалось, а непріятеля почти нѣтъ: виденъ одинъ, два, десятокъ, и все это изчезаетъ мгновенно. Но когда ослабѣвала цѣпь или разстроивалась какая нибудь часть отряда—аріергардъ, или боковая колона—какъ вдругъ являлись сотни шашекъ и кинжаловъ, и съ гикомъ кидались на разстроенныхъ солдатъ. Если непріятель встрѣчалъ въ нашихъ войскахъ стойкость, онъ мгновенно изчезалъ между пнями и деревьями и снова открывалъ убійственный огонь. Подобный маневръ повторялся до тѣхъ поръ, пока не кончится лѣсъ, или сами чеченцы не понесутъ значительнаго урона.

Въ Чечнѣ непріятель, можно сказать, былъ невидимъ; но его можно было встрѣтить за каждымъ кустомъ, изгородью и въ каждой балкѣ. Только тотъ кусокъ земли можно было считать нашимъ, гдѣ стоялъ отрядъ, но впереди, сзади, съ боковъ—вездѣ непріятель. «Нашъ отрядъ, говоритъ Пассекъ, какъ корабль, все разрѣжетъ, куда пойдетъ, и нигдѣ не оставитъ слѣда; гдѣ прошелъ—ни слѣдовъ опустошенія, ни слѣдовъ покорности».

Совершенно въ другомъ видѣ представляются военныя дѣйствія въ Дагестанѣ.

Въ горахъ нашъ отрядъ имѣлъ авангардъ, аріергардъ и главную колонну; боковыхъ цѣпей и боковыхъ колоннъ не было, по затруднительности доступовъ съ права и съ лѣва. Въ случаяхъ опасныхъ, отдѣльными частями войскъ занимались высоты, командующія дорогою. Въ важныхъ пунктахъ, при входахъ и выходахъ изъ ущелій, при перевалахъ черезъ хребты, при переправахъ черезъ рѣки оставлялись особые отряды для обезпеченія сообщенія и свободнаго отступленія.

Непріятель преграждалъ ущелья и подъемы на горы; укрѣплялъ переправы, аулы, и всегда встрѣчалъ насъ грудью. Военныя силы горцевъ состояли изъ людей двухъ родовъ: муридовъ и поголовнаго ополченія. Муриды всѣмъ управляли и распоряжались; они всѣхъ ободряли и побуждали словомъ, силой и собственнымъ примѣромъ. Они были упорны и храбры до изступленія, но поголовное ополченіе менѣе или вовсе не опасно.

Хотя въ Чечнѣ существовали муртазеки и муриды, но тамъ число ихъ было не такъ велико, какъ въ горахъ, и, по врожденному характеру чеченцевъ, существовала небольшая разница между муртазеками и простыми людьми.

Въ жаркихъ дѣлахъ съ горцами каждый пунктъ обороны былъ подъ наблюденіемъ особыхъ начальниковъ, или избранныхъ муридовъ, и всѣ важнѣй-

шіе завалы, части ауловъ, башни поручались извѣстнымъ лицамъ, присутствіе которыхъ обозначали значками.

Легче было имѣть дѣло со скопищемъ въ нѣсколько тысячъ вольнаго ополченія, хотя-бы подъ предводительствомъ самыхъ храбрыхъ горцевъ, нежели атаковать нѣсколько сотъ муридовъ, окружавшихъ предводителя и по силамъ своимъ избравшихъ позицію. Первая, искусно направленная и рѣшительная, атака обращала въ бѣгство толпы вольнаго ополченія; напротивъ того, если приходилось имѣть дѣло съ одними муридами, то каждый пунктъ надобно было брать послѣ упорнаго боя; огонь непріятельскій былъ при этомъ самый убійственный. Тогда горцы не стрѣляли въ толпу, но всегда прицѣльно, наводя по нѣскольку ружей на каждый проулокъ, на каждый уголъ, изворотъ, тропинку, однимъ словомъ—откуда только могли показаться наши солдаты.

Что же касается до дѣйствій противу насъ со стороны лезгинской линіи, то они состояли или въ хищническихъ предпріятіяхъ, дѣлаемыхъ небольшими партіями, или вторженіями, производимыми значительными сборищами, предпринимаемыми въ лѣтнее время, когда спускъ съ горъ и пути лежащія по ущельямъ бывали проходимы. Зимою-же, начиная съ октября и по апрѣль мѣсяцъ, лизгинская линія обезпечивалась самою природою отъ вторженія значительныхъ непріятельскихъ партій, потому что, по причинѣ большихъ морозовъ и огромныхъ снѣговъ, существующія лѣтомъ сообщенія дѣлаются зимою совершенно непроходимыми.

Небольшія партіи хищниковъ пробирались на лизгинскую линію съ тою же самою цѣлію, какъ черкесы и чеченцы на кавказскую линію: угнать нѣсколько лошадей, или штукъ рогатаго скота, захватить или убить встрѣчающихся имъ жителей.

Не смотря на всѣ мѣры предосторожности и бдительность горныхъ карауловъ, эти мелкія партіи совершали часто удачныя предпріятія, не только по лѣвую, но и по правую сторону рѣки Алазани. Тому способствовали, находящіеся по обоимъ берегамъ этой рѣки, лѣсъ и сады, въ которыхъ они, скрываясь по нѣскольку сутокъ, высматривали и выжидали удобнаго для себя случая и рѣже, чѣмъ на кавказской линіи, возвращались наказанными.

Предпріятія, совершаемыя непріятелемъ огромными сборами, имѣющими цѣлію возстановленія преданнаго намъ мусульманскаго населенія, или ограбленія кахетинскихъ селеній, рѣдко когда были успѣшны, потому что главные пути, по которымъ эти сборы должны были проходить, занимались нашими войсками, которыя оберегали ихъ въ продолженіе всего лѣта.

Кромѣ того, такія непріятельскія дѣйствія парализировались наступательными дѣйствіямусъ нашей стороны. Такъ, напримѣръ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1850 года, когда непріятель намѣревался сдѣлать вторженіе въ наши предѣлы, по Мезильдигерскому ущелью къ Закаталамъ, командовавшій, въ то время лезгинскою линіею генералъ-маіоръ Бѣльгардъ предпринялъ наступленіе

въ Джурмутское наибство, и, раззореніемъ тамъ нѣсколькихъ ауловъ, не только предупредилъ Шамиля, но и разстроилъ его замыслы.

Но такія дѣйствія, какъ подверженныя разнымъ случайностямъ, а тѣмъ болѣе тогда, когда сосѣднее съ лезгинскою линіею, непріязненное намъ, населеніе отошло далѣе въ горы и неприступныя мѣста, должны были производиться съ большою разборчивостію, осмотрительностію и осторожностію. Начальникъ, рѣшившійся на такія дѣйствія, долженъ былъ имѣть самыя опредѣлительныя свѣдѣнія о той мѣстности, по которой ему приходилось проходить, потому что, кромѣ непріятеля, сама природа противупоставляла слишкомъ много препятствій (1).

---

(1) Очеркъ народонаселенія, нравовъ и обычаевъ дагестанцевъ. Запис. кавк. отд. Импер. Рус. геогр. общес. кн. II. Записки Пассека (рукоп.) Объ образѣ войны и проч. рукоп. доставленная мнѣ П. В. Кузьминскимъ.

КУМЫКИ.

I.

Мѣсто занимаемое кумыками. —Легенда о ихъ происхожденіи и первоначальномъ управленіи. — Происхожденіе сословій, права и обязанности ихъ. — Духовенство. — Поземельная собственность.

Непосредственно къ Дагестану прилегаетъ обширная плоскость, ограниченная съ сѣвера Терекомъ и кочующими ногайцами, съ юга Сулакомъ, съ востока Каспійскимъ моремъ, а съ запада р. Аксаемъ, Качкалыковскимъ хребтомъ и послѣдними отрогами Салатавскимъ и Ауховскихъ горъ. Плоскость эта заселена кумыками.

Народъ этотъ татарскаго происхожденія, исповѣдуетъ магометанскую религію суннитской секты, и въ образѣ жизни почти ничѣмъ не отличается отъ чеченцевъ. Вся разница заключается въ томъ, что домашній бытъ кумыковъ гораздо лучше чѣмъ чеченцевъ; нравъ ихъ мягче и характеръ обузданнѣе.

Языкъ кумыковъ татарскій, на которомъ они говорятъ и пишутъ.

Кумыки были однимъ изъ самыхъ первыхъ племенъ, вступившихъ въ сношеніе съ русскимъ правительствомъ, и во многомъ утратили свой самобытный характеръ.

Распоряженія нашего правительства касаются этого народа, начиная съ 1700 годовъ, и, во многихъ случаяхъ, относятся до ихъ общественнаго устройства.

Все пространство, занимаемое этимъ племенемъ, имѣетъ видъ обширной равнины, покатой къ морю и орошаемой только четырьмя мелководными рѣчками, вытекающими изъ ауховскихъ ущелій: Аксаемъ, Яманъ-су, Ярыкъ-су и Акташемъ. По незначительности ската равнины, всѣ онѣ скрываются

въ камышахъ и, не доходя моря, теряются въ болотахъ, образуемыхъ ихъ водами.

Кумыкскія владѣнія представляютъ собою плоскость совершенно ровную и открытую, за исключеніемъ рѣдкаго кустарника, которымъ покрыты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берега р. Аксая и лѣса Кара-Агача, растущаго между аулами: Баты-Юртомъ и Темиръ-ауломъ, Байрамъ-ауломъ и Хасавъ-Юртомъ.

Лучшую часть Кумыкской плоскости составляетъ западная полоса земли, около двадцати верстъ шириною, пролегающая у подошвы Качкалыковскаго хребта и Ауховскихъ горъ. Почва земли здѣсь черноземна, плодородна и, при хорошей поливкѣ и расчисткѣ полей, поросшихъ держи-деревомъ, удобна для хлѣбопашества. Крайнюю восточную часть кумыкскихъ владѣній составляетъ сплошное болото, а въ промежуткѣ между ними безлѣсная, печальная степь, поросшая камышами.

Одинъ только чалтыкъ способенъ рости на болотистыхъ мѣстахъ этой мѣстности, неспособной для скотоводства. Умѣренный климатъ Кумыкской плоскости, казалось бы, благопріятствуетъ не только хлѣбопашеству въ широкихъ размѣрахъ, но и развитію южныхъ, почти тропическихъ растеній. Близость моря и рыболовство въ рѣкахъ могли-бы сдѣлать кумыковъ самымъ промышленнымъ народомъ.

«Въ дѣйствительности же, говоритъ П. Гавриловъ, это оказывается не совсѣмъ такъ. Отъ дѣйствія восточныхъ вѣтровъ, земли Кумыкскаго округа подвержены засухамъ, и потому, не смотря на чрезвычайныя удобства проложить, безъ особаго труда, сплошную сѣть водопроводныхъ канавъ, значительныя пространства земель, по неимѣнію искуственнаго орошенія, получили степной характеръ и занимались только подъ пастьбу скота или же оставались вовсе въ запустеніи». Мѣста, орошенныя канавами, даютъ обильные урожаи, вполнѣ вознаграждающіе трудъ, дозволяютъ разводить виноградъ, но туземцы мало пользуются плодородіемъ своихъ земель и сельское хозяйство ихъ находится не въ цвѣтущемъ состояніи. Причину этого надо искать въ порядкѣ поземельнаго владѣнія, имѣющаго у кумыковъ, какъ увидимъ ниже, особый характеръ.

Главнѣйшій доходъ кумыковъ получается съ лѣса, который они возятъ въ Кизляръ на продажу. Между ними есть оружейники, слесаря, серебряники и шорники.

Торговля внутри ауловъ находится въ рукахъ армянъ и евреевъ. Для сбыта произведеній туземцевъ и покупки ими соли устроены мѣновые дворы въ Амиръ-Аджи-Юртѣ и Червленской станицѣ.

Таковъ общій очеркъ Кумыкской плоскости, западная часть которой занята кумыками, а средняя—ногайцами. Среди кумыкъ есть нѣсколько армянъ и евреевъ, занимающихся исключительно торговлею и сохранившихъ свою религію. Кумыкское племя поселилось и по ту сторону Сулака, до самаго Дер-

бента. Исключая нѣсколькихъ лезгинскихъ деревень, оно населяетъ все шамхальство Тарковское и часть ханства Мехтулинскаго. Туземцы сами признаютъ шамхальцевъ и мехтулинцевъ за кумыковъ, говорящихъ однимъ и тѣмъ-же языкомъ, и сами различаютъ себя названіемъ зарѣчныхъ. Заселеніе плоскости между Терекомъ и Сулакомъ произошло отъ выходцевъ изъ шамхальства, которые, перемѣшавшись, въ свою очередь, съ выходцами изъ Кабарды и изъ горъ, составили тотъ народъ, который мы, по преимуществу, и называемъ *кумыками*.

Трудно опредѣлить, какимъ племенемъ до прихода кумыкъ была занята Кумыкская плоскость, но, съ нѣкоторою вѣроятностію, можно предполагать, что коренные обитатели ея соединялись уже въ одно общество и составляли одинъ народъ.

Кумыки сами слѣдующимъ образомъ разсказываютъ о заселеніи Кумыкской плоскости. Шамхалъ Тарковскій Чобанъ, владѣвшій всѣмъ пространствомъ отъ Кайтага, Кюринскаго округа, Аваріи, Черкесіи и р. Терека до Каспійскаго моря, имѣлъ отъ одной изъ женъ своихъ, кабардинки, изъ семьи узденей Анзоровыхъ, сына Султанъ-Мута (1).

Между горцами, часто происхожденіе дѣтямъ даетъ мать, а не отецъ. Послѣдній не можетъ передать своихъ правъ тому сыну, который родился отъ неравнаго брака.

Какъ происшедшій отъ неравнаго брака, Султанъ-Мутъ, по кореннымъ обычаямъ, не могъ пользоваться всѣми преимуществами, которыя получаютъ сыновья, рожденные отъ матерей княжеской крови.

Султанъ-Мутъ былъ, какъ говоритъ преданіе, человѣкъ гордый, умный и предпріимчивый. Послѣ смерти отца, законные сыновья шамхала, рожденные отъ равнаго брака съ дочерью Уцмія Каракайтагскаго, не признавали въ Султанѣ-Мутѣ равноправнаго имъ брата, и заставили его бѣжать въ Кельбахъ, нынѣшній Чиръ-Юртъ, гдѣ въ то время, по преданію, жили три богатыя семейства гумбетовцевъ, вышедшія изъ деревни Рикони. Тамъ Султанъ-Мутъ терпѣлъ крайнюю бѣдность и самъ долженъ былъ заниматься полевыми работами. Курганъ на урочищѣ Кокрекъ, близъ Балтугая, гдѣ Султанъ-Мутъ занимался хлѣбопашествомъ, и по нынѣ называется Султанъ-Мутъ-Тюбе. Не имѣя надежды получить удѣлъ отъ братьевъ съ добраго ихъ согласія, Султанъ-Мутъ рѣшился принудить ихъ къ тому вооруженною рукою. Онъ объявилъ объ этомъ риконинскимъ выходцамъ, которые, одобривъ его намѣреніе, посовѣтывали ему отправиться въ Кабарду и, при помощи своихъ родственниковъ по матери, набрать войско, съ которымъ явившись въ шамхальствѣ, потребовать отъ братьевъ удѣлъ, слѣдуемый ему по наслѣдству. Султанъ-Мутъ отправился въ Кабарду, при помощи Анзоровыхъ, успѣлъ набрать войско и явился въ шамхальствѣ. Онъ встрѣтился съ своими братьями у урочища *Те-*

---

(1) По другимъ сказаніямъ, Султанъ-Мутъ былъ побочный сынъ Андія-шамхала.

мирз-Кую (темировъ колодезь) ([1]). и силою заставилъ ихъ уступить себѣ часть владѣнія.

По другому сказанію, Султанъ-Мутъ, еще при жизни отца, отправился въ Кабарду и, собравъ тамъ дружину, предложилъ отцу своему, съ свойственною ему настойчивостью, свиданіе. Отецъ, не предувѣдомленный о приведенномъ сыномъ войскѣ, выѣхалъ къ нему съ незначительнымъ конвоемъ. Во время бесѣды отца съ сыномъ, у колодца Темиръ-Кую, бывшіе въ засадѣ кабардинцы окружили шамхала и заставили его согласиться на требованіе сына ([2]).

По первому преданію, братья, устрашенные его успѣхами, предложили покончить ссору и обѣщали уступить ему удѣлъ. Султанъ-Мутъ согласился и получилъ въ потомственное владѣніе землю по правый берегъ Сулака, отъ горячихъ источниковъ между Чиръ-Юртомъ и Міатлами, вдоль по Сулаку, до рѣчки Таркали-Озень. По третьему же преданію, пока ничѣмъ не подтвержденному, извѣстно, что братья Султана-Мута уступили ему все это пространство, какъ будто бы за то, что онъ, съ помощію своихъ родственниковъ Анзоровыхъ, набравъ войско въ Кабардѣ, способствовалъ къ изгнанію изъ Дагестана русскихъ войскъ, прибывшихъ туда въ 1604 году, подъ начальствомъ воеводы Бутурлина. Всѣ преданія говорятъ, однакоже, единогласно, что на уступленномъ ему пустомъ пространствѣ Султанъ-Мутъ заложилъ первую деревню, на мѣстѣ теперешняго Чиръ-Юрта, гдѣ и поселился съ пришедшими съ нимъ кабардинцами. Увлеченные славою объ его храбрости и умѣ, стали селиться на этой плоскости выходцы, по преимуществу изъ шамхальства, и перенесли сюда свой языкъ, нравы и обычаи, за которыми изчезла кабардинская народность. Кабардинцы, утративъ языкъ, передали поселенцамъ свое народно-аристократическое правленіе и гражданское устройство своей родины. Здѣсь народное преданіе распадается на два сказанія, совершенно различныя по содержанію. По одному разсказу, семейства гумбетовцевъ, изъ деревни Рикони ([3]), спустились къ ущелью Акташа и поселились на правомъ берегѣ его, при впаденіи потока Сала-су въ Акташъ; потомъ, подавшись еще нѣсколько къ сторонѣ плоскости, они остановились у самаго выхода изъ ущелья и основали знаменитую впослѣдствіи деревню Эндери. Построенная на безопасномъ и удобномъ мѣстѣ, Эндери богатѣла, а Султанъ-Мута по прежнему притѣсняли братья. Наскучивъ безпрерывными ссорами, Султанъ-Мутъ рѣшился удалиться отъ нихъ и просилъ жителей Эндери принять его въ свое общество. Тѣ согласились съ радостію, и онъ, покинувъ основанное имъ селеніе, переселился съ своею дружиною въ Эндери или къ андреевцамъ. Съ

([1]) Темиръ-Кую находится на половинномъ разстояніи между Султанъ-Яни-Юртомъ и Кумъ-Теръ-Кале.

([2]) Разсказы кумыка о кумыкахъ Кавк. 1848 г. № 39.

([3]) По сказанію другихъ—семейства салатавцевъ.

приходомъ Султанъ-Мута, существовавшій въ Эндери порядокъ измѣнился во многомъ. Прибытіе князя, знаменитаго своею предпріимчивостію, храбростію и умомъ, съ значительнымъ числомъ ему преданныхъ, «посреди общества, только что возникающаго, разноплеменнаго, гдѣ время не успѣло еще основать ни законовъ, ни обычаевъ, должно было имѣть рѣшительное, всесильное вліяніе, на установленіе нравовъ и порядка общественнаго. Въ этомъ сборѣ людей, со вчерашняго дня только соединенныхъ узами совмѣстнаго жительства и общихъ выгодъ, еще чуждающихся другъ друга, появленіе Султанъ-Мута было какъ бы откровеніе свыше правленія и власти гражданской, и всѣ они, незамѣтно и безъ принужденія, покорились ему, какъ слабый сильнѣйшему, какъ необразованный просвѣщенному». По другому сказанію, Султанъ-Мутъ, сдѣлавшись обладателемъ кумыкскихъ владѣній, позаботился прежде всего избрать для своего жительства другой, болѣе удобный, пунктъ, и этимъ пунктомъ было избрано имъ урочище *Чуенлы*, что въ 3-хъ верстахъ выше нынѣшняго укрѣпленія Внезапнаго, какъ замѣчательное по своему крѣпкому мѣстоположенію. Въ эту новую свою резиденцію Султанъ-Мутъ переселилъ не только многихъ засулакскихъ своихъ подданныхъ (собственно такъ называемыхъ кумыковъ), но гуеновъ (1), жившихъ на горѣ близъ міатловъ и тюменовъ (2), обитавшихъ по правую сторону Сулака, составивъ такимъ образомъ не только значительное народонаселеніе, но и постоянное войско, всегда готовое на защиту его лица и мѣста жительства. По смерти Султанъ-Мута, наслѣдовали ему два его сына: Айдемиръ и Казанлипъ. Гуены, къ счастію кумыкъ, поступили къ Айдемиру, а тюмены, съ остальною половиною кумыкъ, поступили подъ власть Казанлипа, съ особенными дарованными Султанъ-Мутомъ правами въ разсужденіи поземельной собственности, сохраненными ими и по настоящее время. Эти два брата, съ общаго согласія, въ трехъ верстахъ ниже урочища Чумлы, на р. Акташѣ, избрали мѣсто для своего новаго жительства, куда и переселились со всѣми своими подвластными; мѣсто это называется въ настоящее время ауломъ *Андреевымъ* (3).

Окрестности Андреевой, надѣленныя щедро природой и богатыми пахатными мѣстами и тучными лугами, а также лѣсомъ и водой, способствовали къ скорому обогащенію этихъ новыхъ переселенцевъ, а согласіе, существовавшее между ихъ владѣльцами, ручалось за миръ и спокойствіе. По этимъ причинамъ на Андрееву обратили свое вниманіе всѣ сосѣдніе жители и, прельщаясь цвѣтущимъ ея состояніемъ и увлекаясь надеждами столь же быстро

(1) Гуены суть переселенцы изъ аула Гуни, что въ Ичкеріи. Потомки этихъ гуеновъ живутъ нынѣ въ Андреевѣ, гдѣ составляютъ они особый кварталъ, и теперь считаются въ родствѣ съ ичкеринцами.

(2) Тюмены суть остатки извѣстныхъ тюменскихъ татаръ.

(3) Положительно неизвѣстно, отъ чего происходитъ это названіе, но, какъ говорятъ, оно происходитъ отъ козацкаго атамана Андрея, нѣкогда тутъ жившаго. Туземные жители этотъ аулъ называютъ Эндери.

себя обогатить, какъ и первые его обитатели, начали толпами переселяться туда не только съ горъ Ичкеріи, Салатавіи, Ауха, Мичика и Качкалыка, но и съ отдаленныхъ мѣстъ Дагестана, такъ что Андреево въ непродолжительномъ времени сдѣлалось столь обширнымъ, что Айдемиръ, умирая, совѣтовалъ своимъ наслѣдникамъ отдѣлиться отъ Казанлипа и переселиться въ другое мѣсто. Но если не послѣдовали этому совѣту Айдемира его сыновья, то исполнили его внуки: Алибекъ, Эльдаръ, Уцмій, Хасбулатъ, Капланъ и Алимъ. Первые пять переселились съ своими подвластными къ тому мѣсту, гдѣ выходитъ изъ горъ р. Аксай, и основанный тамъ аулъ назвали по имени рѣки *Аксаемъ* (1), а послѣдній былъ основателемъ аула *Костекъ*.

Обиліе пустой земли, облегавшей Андрееву деревню, дозволило Султанъ-Муту раздать нѣкоторые участки своимъ кабардинскимъ и кумыкскимъ узденямъ, а большинство земли, конечно, присвоить себѣ. Потомки Султанъ-Мута подѣлили между собою землю, принадлежащую ихъ родоначальнику, и образовали собою, высшее сословіе — сословіе *князей*. До появленія русскихъ на Кавказѣ и распространенія въ горахъ мюридизма, кумыкскіе князья пользовались у туземцевъ значительнымъ вліяніемъ. Домъ князя считался убѣжищемъ, въ которомъ безопасенъ былъ даже и преступникъ; обиженный искалъ защиты и помощи у князя и получалъ удовлетвореніе. Впослѣдствіи, каждый желавшій поселиться на свободной землѣ, по необходимости, долженъ былъ обращаться къ ея владѣльцу, обѣщаясь за то извѣстною подчиненностію князю, т. е., по феодальному обычаю кабардинцевъ, поселившіеся становились его узденями. Такимъ образомъ большая часть жителей, въ самомъ непродолжительномъ времени, очутилась въ зависимости князей. Свободными остались только тѣ, которые поселились на землѣ до прибытія Султанъ-Мута и составили, впослѣдствіи, сословіе первое послѣ князей и стали извѣстны подъ именемъ *сала-уздень*. По мнѣнію однихъ, названіе свое они получили по мѣсту первоначальнаго поселенія на рѣчкѣ *Сала-су*, а по другимъ—отъ горы *Сала*, что на границѣ Салатавіи съ Гумбетомъ, откуда риконинскія семейства перешли на жительство въ Кельбахъ.

Такимъ образомъ, незамѣтно для самихъ кумыковъ, образовалось два сословія узденей: *сала-уздень* — первостепенные уздени, сохранившіе свободу и право владѣнія землею, и *второстепенные уздени*, лишенные поземельной собственности, жившіе на земляхъ, принадлежавшихъ князьямъ и вслѣдствіе того находившіеся въ ихъ зависимости. Съ теченіемъ времени, когда число потомковъ Султанъ-Мута увеличилось и родство между ними ослабѣло, они

(1) Аксай находился немного выше укрѣпленія Герзель-аулъ. Въ настоящее время то мѣсто, гдѣ находился этотъ аулъ, называютъ кумыки старымъ Аксаемъ, для отличія отъ новаго или Ташъ-Кичу, куда, въ 1825 году, были переселены всѣ жители стараго Аксая.

раздѣлили между собою все владѣніе и стали родоначальниками отдѣльныхъ княжескихъ фамилій.

Распри и семейные споры за земли заставили нѣкоторыхъ князей покинуть Эндери, и избрать себѣ для жительства другія мѣста. Такъ, въ разное время образовались поселенія Старый Аксай (или Яхсай) на рѣчкѣ Аксаѣ въ урочищѣ Герзель-аулъ, Костекъ и Казіюртъ, построенный вблизи крѣпости св. Креста.

Всѣ эти деревни составили главныя поселенія Кумыкской плоскости, гдѣ, кромѣ того, существуютъ многія другія мелкія деревушки отъ 200 до 50 и менѣе дворовъ, принадлежавшія аксаевскимъ, андреевскимъ и костековскимъ князьямъ и въ началѣ населенныя ихъ крѣпостными людьми. Только двѣ деревни, Баташъ-Юртъ и Байрамъ-аулъ, населены выходцами изъ Кабарды, и имѣли своихъ особыхъ владѣльцевъ, да нѣсколько деревень, расположенныхъ въ сѣверной части Кумыкской плоскости и вдоль по Тереку, на земляхъ аксаевскихъ князей и населенныхъ чеченцами. Деревни эти населены очень недавно выходцами изъ Качкалыка и Мичика и платятъ дань аксаевскимъ князьямъ.

Между тѣмъ, какъ до прибытія въ Эндери Султанъ-Мута, такъ и послѣ того, выселеніе изъ горъ на Кумыкскую плоскость продолжалось, и какъ всѣ земли были уже раздѣлены, то новые поселенцы должны были селиться на земляхъ, принадлежавшихъ владѣльцамъ. Это повело къ взаимнымъ условіямъ вновь-пришедшаго переселенца съ прежнимъ владѣльцемъ. Послѣдній требовалъ отъ перваго, чтобы онъ платилъ ему извѣстную подать, или работалъ для него извѣстное число дней въ недѣлю, или, наконецъ, бралъ съ него обязательство, чтобы, какъ самъ онъ, такъ семейство его и дѣти, разъ поселившись на землѣ, не переселятся уже на другое мѣсто. При такихъ условіяхъ образовалось зависимое сословіе *чагаровъ* — которые, въ отличіе отъ чагаровъ происшедшихъ отъ рабовъ, названы *первостепенными*. Такимъ образомъ чагары раздѣлялись на два разряда: первостепенныхъ и второстепенныхъ.

Взятые на войнѣ, или вольные люди, обманомъ вывезенные изъ своихъ деревень и проданные кумыкскому князю или узденю, обращались въ сословіе *рабовъ*. Промышленность эта существовала еще въ недавнее время. Кумыки крали по сосѣднимъ ауламъ мальчиковъ или дѣвочекъ и продавали ихъ въ рабство. По законамъ, кумыкъ—*куль* или *рабъ*—совершенно во власти своего господина, который имѣетъ полную волю казнить его, продать съ семьею или отдѣльно, разлучить мужа съ женою, мать отъ дѣтей. Не смотря на то, положеніе крѣпостнаго состоянія у кумыкъ было менѣе тягостно, чѣмъ, напримѣръ, у насъ, что легко объясняется характеромъ и нравами народа. Азіятскій образъ жизни допускаетъ въ обращеніи съ низшимъ гораздо болѣе вольности, чѣмъ въ европейской жизни; въ кумыкѣ не было такого нестерпимаго презрѣнія къ себѣ подобному, и потому владѣлецъ, не отчуждая сво-

его раба отъ человѣчества вообще, обходился съ нимъ ласково и снисходительно. Тѣлесныя наказанія не были жестоки и очень рѣдки, а смертной казни никто и не помнитъ.

Съ другой стороны, высокая цѣна за рабовъ (300 до 400 руб.), немногочисленность ихъ у кумыковъ и боязнь потерять раба, имѣвшаго возможность бѣжать въ Чечню, дѣлали владѣльцевъ ихъ снисходительными. У самаго богатаго кумыка рѣдко было болѣе 10 семействъ крѣпостныхъ, и потому онъ дорожилъ ими, старался содержать хорошо и избѣгалъ жестокихъ наказаній. Крѣпостные жили обыкновенно въ самомъ домѣ хозяина и занимались домашними и полевыми работами; женщины часто исполняли мужскую работу: рубили дрова, ходили па жатву, молотьбу, а въ свободное время помогали своимъ госпожамъ въ женскихъ работахъ. Молодыя и красивыя часто исполняли обязанность наложницъ своего князя и были яблокомъ раздора въ семейномъ быту. Увеселяя господъ, пользуясь расположеніемъ ихъ, онѣ подвергались гоненіямъ законныхъ ихъ женъ. Частыя ссоры между мужемъ и женою заставляли перваго лишить себя удовольствія гаремнаго препровожденія времени, и несчастная наложница продавалась какому нибудь новому любителю красоты. Пройдя, такимъ образомъ, черезъ нѣсколько рукъ, утративъ красоту, она кончала свою старость въ черныхъ работахъ послѣдняго ея властелина. Дѣти, прижитыя при такихъ условіяхъ, пріобрѣтали свободное состояніе, потому что не могли быть приняты въ сословіе отца, какъ незаконпорожденныя. Законъ кумыкскій, не дозволивъ передачи правъ отца дѣтямъ отъ неравныхъ браковъ, надолго прекратилъ незаконнымъ дѣтямъ возможность быть причисленнымъ къ какому бы то ни было сословію. «Рабское происхожденіе—пятно, не вдругъ сглаживающееся въ кумыкскомъ обществѣ». Не имѣя никакой наслѣдственной собственности, отчужденные отъ всѣхъ сословій, люди эти становились паразитами, отчаянными наѣздниками и, по туземному выраженію, *знаменитыми воришками*. Сословіе это получило названіе *чанковъ*.

Изъ крѣпостныхъ людей образовалось два отдѣльныхъ сословія, которыя составляли едва ли не большую часть населенія кумыковъ—это *азаты* (вольноотпущенные) и *чагары*.

Азатами называются вольноотпущенные. Отпуская на волю своего раба, господинъ обязанъ былъ дать ему письменный документъ, засвидѣтельствованный кадіемъ и двумя свидѣтелями. Если господинъ отпускалъ своего раба за деньги, то деньги откупившимся рабомъ обыкновенно отдавались кадію, который, удержавъ изъ нихъ десятую долю, т. е. *зякатъ*, передавалъ ихъ господину по совершеніи уже вольной. Дѣти вольноотпущенныхъ переходили въ дворянское достоинство, и хотя составляли классъ третьестепенныхъ узденей, но на долго сохраняли за собою память о своемъ происхожденіи. Освободившаяся семья все еще нѣкоторое время признавала свою зависимость отъ бывшихъ господъ; она составляла классъ приверженцевъ ихъ, всегда едино-

мышленныхъ и готовыхъ раздѣлить судьбу своихъ бывшихъ владѣтелей. Мало по малу, какъ сами они, такъ и посторонніе забывали о нѣкогда бывшемъ ихъ крѣпостномъ состояніи, и дѣти ихъ могли вступать уже въ бракъ съ дочерьми узденей. Такимъ образомъ, черезъ нѣсколько только поколѣній сглаживалось ихъ происхожденіе, и они, считаясь *узденями*, пользовались всѣми ихъ правами.

Чагары тѣ же кулы (рабы), но избавленные отъ домашней службы и пользующіеся, на извѣстныхъ условіяхъ, небольшимъ участкомъ господской земли. Владѣя огромными пространствами земель, по большей части пустопорожнихъ или дающихъ самый незначительный доходъ, князья отдавали ихъ ногайцамъ и сосѣднимъ жителямъ горъ подъ пастьбу скота, и получали за это по три барана съ сотни. Не смотря на столь незначительную плату, при маломъ населеніи находилось немного охотниковъ брать землю въ аренду, и она оставалась пустою, хотя и годною для хлѣбопашества. Послѣднее при томъ же не составляло тогда главнаго богатства князей: торгъ невольниками, табуны и стада—вотъ что составляло главнѣйшій источникъ доходовъ.

Хлѣба сѣяли столько, сколько необходимо было для прокормленія семейства, и потому, находя для себя тягостнымъ содержаніе многочисленной дворни, князья избавляли нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ домашней службы на извѣстныхъ условіяхъ. Эти то нѣкоторые и получили названіе *чагаровъ*. Условія, заключенныя съ ними, бывали различны, смотря по мѣстности и волѣ каждаго отдѣльнаго князя. Такъ что чагары андреевскіе, аксаевскіе и костековскіе, до времени освобожденія, относительно своихъ господъ, имѣли не одинаковыя обязанности, но главныя и общія почти всѣмъ состояли въ томъ, чтобы нѣсколько дней въ году сѣять, косить, убирать хлѣбъ и свозить его къ дому владѣльца.

Чагаръ могъ быть проданъ, но только въ тотъ самый округъ, гдѣ поселенъ; онъ имѣлъ право выкупиться на волю, заплативъ 100 руб. сер. за душу.

Чагары, получившіе свободу и имѣющіе на то письменный актъ, считались вольными и свободными, и прежніе владѣльцы не имѣли на нихъ никакихъ правъ. Остальные находились въ полной зависимости владѣльцевъ и обязаны были имъ повинностію. Время и давность никогда не уничтожали для кумыка названія *чагара*: оно остается въ роду на всегда неизгладимымъ пятномъ. Многіе изъ кумыковъ не знаютъ, даже и по преданію, когда и почему они сдѣлались чагарами.

Уздени никогда не владѣли избыткомъ земли, не могли отпускать своихъ подвластныхъ на такихъ условіяхъ, и потому не имѣли вовсе чагаровъ. Всѣ чагары, принадлежащіе князьямъ, раздѣлялись на нѣсколько обществъ, по княжескимъ домамъ, изъ которыхъ вышли и управлялись каждое отдѣльно своими выборными старшинами. Будучи многочисленно и богато, общество чагаровъ, вмѣстѣ съ азатами, составляютъ большую часть населенія.

Кромѣ сословія чагаровъ, существуютъ еще *вольные люди*, поселившіеся

на земляхъ князей, бѣжавшіе изъ Чечни и горъ и искавшіе покровительства кумыкскихъ князей. Выходцы эти образовали многія деревни и, пользуясь княжескою землею, обязались платить ея владѣльцу ежегодную подать. Подать эта обыкновенно состояла въ платежѣ съ двора по одной сапѣ пшеницы или проса, и поголовный сборъ выходить на одинъ день на княжескіе поля на полевую работу. Во всемъ остальномъ они совершенно свободны и независимы: имѣли право перейти къ другому владѣльцу, и князь имѣлъ очень ограниченное вліяніе на ихъ внутреннее управленіе. Свита князя, его приверженцы составляли также сословіе *узденей*, т. е. людей, принадлежавшихъ себѣ и дѣйствовавшихъ самостоятельно. Слово уздень произошло отъ *узъ*—самъ, свой и предлога *день*—означающаго отъ себя, *изъ себя* (1). Слѣдовать за княземъ въ набѣги, на войну, на охоту, прислуживать ему дома и одинъ день въ саду, выходить на сѣнокосъ его—вотъ было назначеніе и служба узденя.

Уздени жили обыкновенно при князѣ около его дома, въ аулѣ. Они проводили жизнь довольно праздную: чистили оружіе, присматривали за лошадьми, носили на рукѣ сокола во время княжеской охоты. Когда князь слѣзалъ или садился на лошадь, уздень держалъ ему стремя и узду и былъ самымъ приверженнѣйшимъ человѣкомъ своего князя. Не разбирая правоты дѣла, уздени проливали часто кровь свою за князя; въ случаѣ убійства князя, мстили за кровь его на семьѣ убійцы, если онъ былъ равенъ имъ, а если убійца былъ князь, то на его узденяхъ.

Князья держали своихъ узденей въ почтительномъ отдаленія. Уздени не смѣли сѣсть передъ княземъ, ѣхали, держась всегда лѣваго плеча князя, а если ихъ было нѣсколько, то окружали его съ обѣихъ сторонъ; они прислуживали ему за обѣдомъ и доѣдали его остатки.

Уздень считаетъ за униженіе ѣхать когда-нибудь на арбѣ, а долженъ ѣхать верхомъ на конѣ, и стыдится сидѣть съ женою въ присутствіи другихъ и входить въ кухню.

Князья дарили ихъ оружіемъ, платьемъ, лошадью и проч. Щедрость была добродѣтелью князя, а вѣрность своему господину — принадлежность узденя.

За обиду узденю, сдѣланную постороннимъ княземъ, князь, владѣлецъ узденя, долженъ былъ мстить какъ за свою собственную.

Уздени были дядьками молодыхъ князей, и званіе это составляло верхъ почести для стараго узденя. Князь не имѣлъ права наказывать ихъ, но могъ отдалить отъ себя, отобрать подарки и уступленную ему землю; но еслибы князь потомъ помирился съ узденемъ, то, кромѣ возвращенія всего отобраннаго, долженъ былъ подарить ему или лошадь, или оружіе. Уздени имѣли право свободнаго перехода отъ одного князя къ другому, но это случалось очень рѣдко, такъ какъ навлекало нареканіе на обоихъ.

---

(1) Кумыкскій округъ Макарова. Кавказъ 1860 г. № 77. См. также статью: Кое что о кумыкахъ кн—хъ Кавк. 1865 г. № 68.

Въ прежнія времена, отношенія между княземъ и узденями можно было назвать родственными, скрѣпленными взаимною привязанностію и преданностію, но въ послѣднее время княжескіе дворы опустѣли, въ особенности когда уздени сознали, что службою русскимъ они могутъ получить чины, самостоятельность и почетъ. Такіе покупали себѣ земли или просто отчуждали, при помощи русскаго правительства, помѣстья, полученныя отъ князей, пользуясь, въ этомъ случаѣ, нашею 10-ти лѣтнею давностію, и пополняли такимъ образомъ сословіе первостепенныхъ узденей. Всѣ они имѣли собственныя земли, чагаровъ и рабовъ. Если какая-нибудь изъ фамилій первостепенныхъ узденей не имѣла земли, то общество обыкновенно отводило ей участокъ. Сословіе это никогда не занимается полевыми работами—въ ихъ званіи это считается дѣломъ предосудительнымъ, до такой степени, что первостепенный уздень, потерявшій уваженіе въ народѣ, по бѣдности и дурному поведенію, и принужденный зарабатывать себѣ хлѣбъ собственными руками, исключался изъ своего сословія и поступалъ въ разрядъ второстепенныхъ.

Второстепенные и третьестепенные (азаты), уздени мало кто имѣлъ собственную землю. По большей части они жили на земляхъ, принадлежащихъ князьямъ и первостепеннымъ узденямъ, платили имъ за то въ годъ извѣстную подать—выходили на сгонъ, на сѣнокосъ и проч., но барщины не отправляли. Оба сословія имѣли право всегда оставить землю, на которой жили, и перейти къ другому владѣльцу. Второстепенный уздень, если онъ пріобрѣталъ состояніе и землю, могъ сдѣлаться первостепеннымъ узденемъ и бракъ между двумя этими сословіями былъ допущенъ. Третьестепенный же уздень (азатъ), никогда не могъ вступить въ разрядъ второстепенныхъ узденей, хотя бы пріобрѣлъ поземельную собственность. Онъ съ большимъ трудомъ могъ женить своего сына на дочери второстепеннаго узденя, и послѣдній рѣдко согласится, чтобы сынъ его взялъ дочь третьестепеннаго узденя. Теперь только тѣ изъ узденей остаются при князьяхъ, воторые не успѣли еще пріобрѣсти себѣ независимаго состоянія. *Сала-уздени* существовали преимущественно въ Андреевскомъ округѣ, потому что остальныя три главныя кумыкскія деревни, какъ мы видѣли, основаны впослѣдствіи и на земляхъ пустопорожнихъ. Древніе хозяева земли, свободные владѣльцы, *сала-уздени* гордились своею независимостію и, уступая первенство только однимъ князьямъ, они отличались своею удалью, буйностью и всегдашнею готовностію воспользоваться смутами для того, чтобы ослабить власть князей. Заступничествомъ за угнетенныхъ и даже за мошенниковъ они поддерживали къ себѣ большое довѣріе народа; ихъ преимущественно слушали на мирскихъ сходкахъ; старики ихъ обыкновенно, руководясь обычаемъ, разбирали ссоры и передавали князьямъ жалобы народа.

— Я ваши головы буду продавать по абазу (20 коп.), говорилъ имъ Ермоловъ, которому надоѣли ихъ вѣчныя происки.

Въ Андреевѣ они имѣли свой собственный аулъ (кварталъ), гдѣ произво-

дили судъ и расправу. Земли ихъ не обширны, но въ самыхъ лучшихъ мѣстахъ, и удобны для хлѣбопашества, которымъ сала-уздени занимаются прилежно. Чагаровъ и узденей у нихъ не было, но за то были хутора, заселённые выходцами или безземельными кумыками, изъ вольнаго сословія, которые платили имъ ежегодный оброкъ. Отдавая своихъ дѣтей на воспитаніе въ горы, они вели куначество съ горцами; къ князьямъ соблюдали всѣ наружные знаки уваженія.

Запрещеніе адатомъ (обычаемъ) неравенства браковъ не дозволяло этимъ двумъ сословіямъ вступать въ родственныя связи, но за то они сближались такими неразрывными узами, которыя сильнѣе всякаго кровнаго родства— это воспитаніемъ княжескихъ дѣтей. Молодой князь, взросши въ семьѣ сала-узденя, всю свою жизнь сохранялъ непоколебимую привязанность къ семьѣ своего воспитателя. Съ своей стороны, аталыкъ, въ случаѣ сиротства его воспитанника, имѣлъ участіе въ управленіи его имѣніемъ и въ присмотрѣ за хозяйствомъ. *Эмчеки* (дѣти аталыковъ), товарищи молодаго князя по воспитанію, почитались наравцѣ съ родными братьями.

Изъ всего сказаннаго видно, что кумыки раздѣлялись на восемь главныхъ сословій: 1) *Князей*; 2) *чанковъ* или дѣтей, рожденныхъ отъ неравнаго брака князя, т. е. что отецъ у нихъ князь, а мать узденка или рабыня. За чанками слѣдовали по порядку: 3) *Сала-уздени*, пользовавшіеся большимъ значеніемъ въ народѣ; 4) просто *уздени*, 5); *догерекъ-уздени*—образовавшіеся изъ пришельцевъ на Кумыкскую плоскость; 6) *азаты*, или вольноотпущенные, потомки которыхъ въ четвертомъ поколѣніи переходятъ въ сословіе простыхъ узденей или людей свободныхъ; 7) *чагары* были двухъ степеней и одни изъ нихъ пользовались независимостью и совершенною свободою, а другіе находились въ зависимости владѣльцевъ, если только пользовались ихъ землями, и наконецъ, 8) *кулы*—рабы и *каравашы*—рабыни, находившіеся въ полной власти своихъ владѣльцевъ.

Кромѣ этихъ главныхъ сословій существовало еще сословіе *терекемели* (колонисты) и такъ называемые *казаки*, свободные люди, служившіе за плату князю или узденю. Терекеменцы, подобно чагарамъ, были одни свободны, а другіе нѣтъ. Ихъ считаютъ выходцами изъ Персіи, въ давно минувшія времена существовавшаго тамъ голода, заставившаго переселенцевъ отдать себя добровольно въ рабство.

Казаки собственно не составляли особаго сословія. Подъ именемъ казакъ извѣстенъ у кумыковъ каждый холостой человѣкъ. Вообще слово это выражаетъ понятіе о человѣкѣ, хотя и живущемъ въ своемъ домѣ, но одинокомъ, свободномъ, безземельномъ, который нанимается въ работу и часто за самую бездѣлицу ([1]).

([1]) Кумыкскій округъ Макарова, Кавказъ 1860 г. № 77 и 78. Татарское племя на Кавказѣ. Кавказъ 1859 г. № 91. Кое-что о кумыкахъ. Кавк. 1865 г. № 68. Кумыки и проч. Кавк. 1846 г. № 37 и 38.

Къ числу сословій мы должны причислить и духовенство. У кумыковъ, какъ и вообще у всѣхъ магометанскихъ народовъ, духовенство составляютъ муллы и кадіи. Каждый изъ вольныхъ сословій можетъ вступить въ духовное званіе, но для этого необходимо, чтобы онъ пріобрѣлъ нѣкоторыя познанія, т. е. что бы умѣлъ читать и писать по арабски, зналъ коранъ и толкованіе его. Бывали примѣры, что въ духовное званіе вступали даже лица изъ рабскаго состоянія. Разумѣется, что въ этомъ случаѣ господинъ, видя, что рабъ его пріобрѣлъ нужныя свѣдѣнія для духовнаго званія, давалъ ему свободу.

Ежели отецъ желаетъ, чтобы сынъ его сдѣлался духовнымъ, то обыкновенно отдаетъ его къ извѣстному муллѣ или кадію, который обучаетъ его наукамъ. Когда онъ пріобрѣтетъ нужныя познанія и открывается свободное мѣсто, тогда общество избираетъ его въ муллы, а изъ муллъ уже, по достоинствамъ и уваженію, которое онъ можетъ заслужить въ народѣ, дѣлается и кадіемъ. Предпочтительное употребленіе въ судѣ адата дѣлало вліяніе духовенства въ народѣ незначительнымъ. Духовенство не вмѣшивалось въ гражданскія дѣла и въ періодъ значенія князей находилось въ полной ихъ зависимости. Тогда мечети принадлежали князьямъ, отъ которыхъ зависѣлъ и выборъ муллы. Кадіи хотя и избирались всею деревнею, но при главномъ вліяніи князей. Народъ былъ не очень набоженъ и мало удѣлялъ на содержаніе духовенства, всѣ надежды котораго возлагались на князей. Послѣдніе содержали муллъ какъ домашнюю прислугу, а для кадія собирали подать съ народа. Какъ люди бѣдные, духовенство сознавало, что не можетъ прокормить себя безъ щедротъ князей, въ рукахъ котораго оно и находилось всецѣло. Съ ослабленіемъ власти князей, при русскомъ владычествѣ, и духовенство пріобрѣло нѣкоторую самостоятельность, хотя и весьма незначительную. Въ каждой большой кумыкской деревнѣ, Аксаѣ, Костекахъ и Андреевой, было назначено по одному кадію и по нѣскольку муллъ. Кадій отправляетъ и обряды богослуженія, и соединяетъ, кромѣ того, въ своемъ лицѣ власть судебную по дѣламъ, касающимся до наслѣдства, завѣщаній и опеки, которые у кумыковъ, какъ и у чеченцевъ, разбираются по шаріату; муллы же отправляютъ одни только духовные обряды.

Въ случаѣ болѣзни кадія, должность его исправляетъ одинъ изъ муллъ, по выбору жителей. Духовному званію у кумыковъ не представлено никакихъ особенныхъ правъ; конечно, всякій мулла, какъ лицо избранное обществомъ, болѣе или менѣе пользуется уваженіемъ, но особыхъ почестей ему никакихъ не воздается. Избранный въ муллы, по прежнему, продолжалъ обработывать земли, если только ихъ имѣлъ, ѣздилъ на войну и ходилъ въ набѣгъ, какъ и всякій міряининъ. Если у него есть тяжба съ міряниномъ, то онъ судится съ нимъ по адату, въ тѣхъ дѣлахъ, которыя подлежатъ разбирательству адатомъ, а въ дѣлахъ наслѣдства, завѣщанія и опеки онъ разбирается шаріатомъ. У кумыковъ однако состояніе муллъ и

кадіевъ болѣе обезпечено теперь, чѣмъ у чеченцевъ. Муллы и кадіи, независимо отъ подаяній, получаемыхъ ими при погребеніи, получаютъ сверхъ того отъ общества содержаніе, составляемое изъ добровольныхъ пожертвованій. Каждый домъ, смотря по богатству, даетъ муллѣ по одному, по два и даже по три руб. въ годъ; кромѣ того нѣкоторые муллы и кадій имѣютъ доходъ отъ зяката, который даютъ изъ доходовъ набожные люди: изъ него онъ можетъ удержать третью долю, а также и съ десятой доли отъ процента, который торговцы получаютъ съ капитала и съ товара. (1) Впрочемъ, по большей части, хозяинъ самъ раздаетъ зякатъ бѣднымъ, а если и поручаетъ иногда муллѣ, то въ такомъ только случаѣ, когда мулла пользуется особою его довѣренностію и уваженіемъ и тогда возлагаетъ на совѣсть муллы удѣлить и въ мечеть изъ части зяката, приходящейся на его долю (2).

Изложивъ права всѣхъ состояній и отношенія одного сословія къ другому, остается сказать, что разница, существовавшая между сословіями въ прежнее время, болѣе и болѣе изглаживалась, за исключеніемъ князей и первостепенныхъ узденей, которые, по богатству, имѣя вѣсъ въ народѣ, сохранили еще нѣкоторыя права и привиллегіи. Въ штрафахъ же за преступленія, положенныхъ на послѣднихъ собраніяхъ, разницы прежней не существуетъ: какъ князь, такъ и уздень, и чагаръ, за извѣстное преступленіе, платятъ почти одну и ту же пеню.

Разсказъ о постепенномъ образованіи сословій среди кумыкскаго народа даетъ намъ ключъ къ объясненію правъ народа на поземельную собственность. Потомки Султанъ-Мута, раздѣливъ между собою всѣ земли, оставили неприкосновенными владѣнія только нѣкоторыхъ узденей. Подѣленные участки земли находились въ общемъ владѣніи цѣлой княжеской фамиліи, и дѣти ихъ, не дѣля между собою земель, владѣли ими вмѣстѣ. Послѣ, однако, независимо отъ общихъ владѣній, образовались и частныя. Князь или уздень, покупая какую либо землю, независимо отъ той земли, которою онъ пользовался вмѣстѣ съ членами своей фамиліи, пріобрѣталъ въ ней особый участокъ, составлявшій его неотъемлемую собственность. Кромѣ того, многіе князья получали въ награду земли отъ русскаго правительства. Отъ этого у кумыковъ существуетъ два рода поземельной собствественности: общія владѣнія, т. е. земли, принадлежащія цѣлой фамиліи, и частныя, составляющія собственность одного только лица. Впрочемъ владѣтели какъ той, такъ и другой, по большей части князья или первостепенные уздени.

---

(1) По законамъ магометанской религіи десятая часть должна отдаваться въ мечеть не только съ процентовъ, но и съ капитала.

(2) Кумыкское владѣніе генер. Фрейтага (рукопись). Кумыки и проч. Кавказъ 1846 года № 38.

II.

Управленіе, существовавшее у кумыковъ въ періодъ ихъ независимости. — Положеніе о штрафахъ. — Народныя собранія. — Народное управленіе, введенное при русскомъ правительствѣ. — Судъ по адату и по шаріату. — Виды преступленій и наказаній. — Кровомщеніе.

До появленія русскихъ на Кавказѣ главная власть надъ народомъ сосредоточивалась въ рукахъ князей.

Изъ княжескихъ фамилій въ каждой изъ большихъ кумыкскихъ деревень, какъ, напримѣръ, въ Аксаѣ, Костекѣ и Андреевѣ, составлялся особый совѣтъ, въ составъ котораго выбирались изъ каждой фамиліи по одному князю, по своимъ лѣтамъ, уму и опытности имѣвшему значеніе въ народѣ. Князья эти носили названіе *картовъ*—старшинъ. Обязанность совѣта заключалась въ назначеніи судей для разбирательства дѣлъ по адату. Въ судьи же могли выбираться не только князья, но и уздени всѣхъ степеней, лишь бы только лицо, выбранное въ судьи, пользовалось уваженіемъ въ народѣ. Сверхъ этой обязанности, на княжескомъ совѣтѣ лежала обязанность управлять деревнею и сохранять въ ней порядокъ, для чего подъ непосредственнымъ начальствомъ совѣта состояли *бегеулы*, или выборные десятники, исполнявшіе всѣ приказанія совѣта.

Важныя дѣла рѣшались, впрочемъ, на общемъ собраніи, на которое сходился весь народъ, за исключеніемъ рабовъ. Подобныя общественныя сходки собирались у главной мечети селенія. Изложивши передъ собравшимися необходимость какой либо мѣры, передавали ее на обсужденіе народа и тутъ же избирали способъ, на приведеніе предлагаемой мѣры въ исполненіе. Къ числу дѣлъ, подлежавшихъ народному обсужденію, относилось наложеніе штрафовъ за преступленія, судимыя по адату. У кумыковъ, какъ въ народѣ, стоящемъ на высшей степени гражданской образованности, нежели чеченцы, штрафы за преступленія были нѣсколько значительнѣе, но штрафы эти не были опредѣлены разъ на всегда закономъ, а зависѣли отъ того положенія, которое, по извѣстному случаю, сдѣлано было на мірской сходкѣ. Такимъ образомъ въ теченіе нѣкотораго періода времени, заключающагося между двумя мірскими сходками, за извѣстныя преступленія существовали извѣстные штрафы. Если по какому нибудь случаю штрафы эти признавались или слишкомъ большими, или слишкомъ малыми, тогда вновь дѣлалась мірская сходка, на которой опредѣлялись новые штрафы до слѣдующаго новаго собранія; за строгимъ выполненіемъ условій, опредѣляемыхъ на этихъ собраніяхъ, обязаны были наблюдать старшіе князья. Народныя собранія происходили иногда и помимо

воли князей, когда народъ собирался потолковать о своихъ нуждахъ, представить князю какую нибудь просьбу или просто согласиться относительно сопротивленія князьямъ, въ случаѣ ихъ притѣсненій.

Съ принятіемъ кумыками подданства Россіи, они управлялись приставами, а деревни ихъ, Аксай, Костеки и Андреево, управлялись каждая только однимъ старшимъ княземъ, утверждаемымъ правительствомъ. Старшій князь назначалъ судей для разбирательства различнаго рода дѣлъ; на немъ также лежала обязанность раскладки общественныхъ повинностей, которыя онъ взыскивалъ посредствомъ выборныхъ десятниковъ [1]. На обязанности старшаго князя лежало прекращеніе ссоръ между родственниками. Онъ не вмѣшивался въ разбирательство ссоръ и тяжбъ лицъ, состоявшихъ въ его управленіи, но обязанъ былъ наблюдать, чтобы обѣ тяжущіяся стороны являлись въ срокъ на разбирательство и исполняли постановленное рѣшеніе. Однимъ словомъ, старшій князь составлялъ какъ бы первую ступень административной и исполнительной власти, и въ случаѣ притѣсненій и несправедливости съ его стороны, обиженные могли жаловаться приставу и высшему начальству.

Обрядъ суда у кумыковъ точно такой же, какъ у чеченцевъ, да можно, сказать, какъ и у всѣхъ почти племенъ Кавказа. Судъ производился преимущественно по адату и рѣдко по шаріату. Адатъ кумыковъ пользовался извѣстностію между горцами. Многіе изъ нихъ приходили въ Андреевское селеніе— колыбель кумыкскаго народа, съ просьбой разобрать дѣло или разъяснить возникшее недоразумѣніе.

Суду, по шаріату, у кумыковъ подлежали только дѣла по духовнымъ завѣщаніямъ, опекѣ, покупкѣ и продажѣ рабовъ; воровство же, убійство и прочія преступленія судились по адату.

Кумыки выводятъ происхожденіе своего адата изъ деревни *Эрпели*, находящейся въ шамхальствѣ Тарковскомъ. Въ кумыкскомъ адатѣ невозможно отыскать опредѣлительности правъ, строгости въ постановленіяхъ и точности въ условіяхъ жизни общественной. Здѣсь право сильнаго также часто имѣетъ мѣсто. Наказаній за преступленія не было, а существовали одни штрафы, т. е. денежныя пени. Понудительной власти къ исполненію, положенной обычаемъ или закономъ, также не было никакой, а потому на большую часть уголовныхъ преступленій, каковы убійство, насиліе, не существовало суда, а предоставленное каждому въ этомъ случаѣ право кровомщенія, или канлы, замѣняло слабость и отсутствіе закона.

Мы видѣли, что у кумыковъ общество было подраздѣлено на сословія; но безполезно было бы искать точности въ отношеніяхъ одного сословія къ дру-

---

(1) Въ деревнѣ Андреевой учрежденъ былъ особый судъ, для разбирательства воровскихъ дѣлъ и тяжебъ между андреевцами, но, съ теченіемъ времени, онъ совершенно потерялъ свое значеніе, и въ этомъ судѣ дѣлалась одна лишь раскладка общественныхъ повинностей.

гому и опредѣлительности въ правахъ каждаго состоянія. Князья и первостепенные уздени были сильны потому, что богаты и владѣли землею. Прежде въ рукахъ князей сосредоточивалась вся власть; первостепенные уздени также имѣли сильное вліяніе въ народѣ; какъ того, такъ и другаго никто не смѣлъ оскорбить, и особы ихъ почитались неприкосновенными; но за неисполненіе знаковъ уваженія, опредѣленныхъ обычаемъ передъ княземъ или узденемъ, а также за обиды имъ нанесенныя, не существовало никогда опредѣлительныхъ наказаній. Князья въ то время были слишкомъ сильны для того, чтобы искать защиты въ законѣ, или, если кто оскорблялъ князя, того онъ самъ наказывалъ, не прибѣгая къ суду. Такъ точно и узденъ, по мѣрѣ богатства и уваженія, которымъ пользовался, и силы того князя, которому служилъ, имѣлъ большее или меньшее вліяніе—и обиды, ему нанесенныя, не проходили безнаказанно. Напрасно-бы было искать дѣленій кумыкскаго народа на классы, признаки гражданской образованности. Право сильнаго всегда имѣло мѣсто среди народа; кумыкскіе князья всѣми мѣрами поддерживали это право и, изъ опасенія ограниченія своей власти, противились введенію въ странѣ положительныхъ законовъ. Если въ ближайшее къ намъ время и замѣтно было у кумыковъ нѣкоторое уравненіе въ правахъ сословій, усиленіе штрафовъ за преступленія и другія незначительныя улучшенія въ законодательствѣ, то это должно приписывать вліянію, произведенному русскими.

Строгость постановленія шаріата относительно наказаній за убійство—умышленное и неумышленное, прелюбодѣяніе, блудъ, нанесеніе ранъ и воровство, заставили кумыковъ прибѣгнуть къ суду по адату.

По шаріату, за умышленное убійство преступникъ долженъ быть наказанъ смертію, если только не послѣдуетъ, со стороны его противниковъ, прощеніе, что считается дѣломъ богоугоднымъ. Если обиженная сторона пожелаетъ получить матеріальное удовлетвореніе, то преступникъ платитъ сто верблюдовъ или стоимость ихъ деньгами. За неумышленное убійство, виновный, хотя и не подвергается смертной казни, но платитъ за кровь установленную плату, если только родственники не прощаютъ убійцу.

По адату, умышленный убійца долженъ войти въ *канлы*—скрыться отъ родственниковъ убитаго, во избѣжаніе кровомщенія.

Онъ бѣжитъ въ дальнія общества и ожидаетъ тамъ прощенія. Эмиграція не имѣетъ опредѣленнаго срока и иногда продолжается 8 и болѣе лѣтъ; наименьшій же срокъ бываетъ отъ 3-хъ до 4-хъ лѣтъ, и зависитъ отъ *хозяевъ крови*—родныхъ убитаго. Прощеніе дается или за условное количество денегъ, или въ видѣ богоугоднаго дѣла. Въ прежнее время примиреніе ограничивалось однимъ *сіимъ*—угощеніемъ, установленнымъ народнымъ обычаемъ.

Въ назначенный для примиренія день, родственники убитаго собираются въ одномъ мѣстѣ. Къ нимъ приводятъ убійцу и становятъ напротивъ, въ такомъ разстояніи, чтобы было видно его лицо. По срединѣ становится кадій, читающій молитву. Прощенный приглашаетъ къ себѣ на угощеніе всѣхъ род-

ственниковъ убитаго, и когда они подходятъ къ дверямъ дома, гдѣ дѣлается угощеніе, то прощенный, съ обнаженною головою, падаетъ на землю, и остается такъ до тѣхъ поръ, пока ближайшій родственникъ убитаго не скажетъ ему: «*встань, мы простили тебя*», а прочіе присутствующіе должны поднять его.

«Во время угощенія, прощенный канлы стоитъ безъ папахи и пьетъ изъ одной чашки съ родственниками убитаго». По окончаніи угощенія, при возвращеніи родственниковъ убитаго домой, они встрѣчаютъ у воротъ заранѣе поставленную лошадь, осѣдланную и обвѣшанную оружіемъ. Ближайшій родственникъ убитаго беретъ лошадь себѣ, оружіе раздаетъ своимъ родственникамъ, а женщины получаютъ шелковую матерію на платье.

За неумышленное убійство виновнаго обыкновенно прощаютъ; онъ обязанъ только принять на себя похороны, поминки, сооруженіе памятника и проч. Но если бы, паче чаянія, родственники не простили убійцу, то онъ долженъ, по адату, выходить въ канлы.

По шаріату за прелюбодѣяніе опредѣлено побіеніе каменьями, а за блудъ наказаніе *туэзиромъ*—сто ударовъ палками. По адату за блудъ заставляютъ вступить въ бракъ съ обольщенною дѣвушкою, но, по совершеніи религіознаго обряда бракосочетанія, соблазнитель можетъ тотчасъ же развестись съ своею возлюбленною. По шаріату за рану виновный долженъ быть подвергнуть такому же пораненію, а по адату онъ беретъ на себя расходы по леченію раны, а по выздоровленіи раненый мирится съ противникомъ, принимая отъ него угощеніе; въ случаѣ же смерти раненаго, виновный въ нанесеніи раны подлежитъ кровомщенію родственниковъ.

По шаріату за первое воровство отсѣкается кисть правой руки, за второе—кисть лѣвой, а по адату, кромѣ возвращенія украденой вещи, укравшій платитъ установленную обычаемъ плату въ пользу доказчика, который и получаетъ ее отъ истца, въ свою очередь получающаго отъ вора. Для обвиненія необходимо, чтобы истецъ представилъ двухъ свидѣтелей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда противъ подозрѣваемаго нѣтъ прямыхъ уликъ, обвиняемый долженъ принести очистительную присягу, вмѣстѣ съ назначаемыми со стороны истца *тусевами*—свидѣтелями, и тогда обвиняемый считается оправданнымъ. Если же тусевы присягнутъ, что подозрѣваемый виновенъ, то онъ наказывается, какъ уличеный въ воровствѣ. Число тусевовъ бываетъ различно, смотря по важности преступленія.

Такъ какъ они обязаны или обвинить, или оправдать преступника, то ихъ выбираютъ изъ числа такихъ лицъ, которымъ извѣстны всѣ подробности дѣла. Иногда случается, что одинъ доносчикъ имѣетъ дѣло съ отвѣтчикомъ. Если судьи улики, приведенныя первымъ, найдутъ достаточными для обвиненія, то обиженный получаетъ удовлетвореніе, не бывъ въ судѣ. Доносчика же наградить, за открытое имъ преступленіе, предоставляется лицу, получившему удовлетвореніе, вслѣдствіе его показаній. Чтобы рѣшить дѣло, надо, чтобы судьи

единогласно произнесли приговоръ. Въслучаѣ разногласія между судьями, старшій князь обязанъ назначить другихъ судей, для разбирательства.

Въ прежнія времена князья не разбирались ни съ узденями, ни съ чагарами, потому что большая часть узденей служили въ княжескихъ дружинахъ, а чагары жили на ихъ земляхъ и платили имъ подать. По этому, въ случаѣ обиды, нанесенной какимъ либо княземъ узденю, послѣдній жаловался тому князю, у котораго онъ состоялъ на службѣ, а тотъ уже имѣлъ дѣло съ обидчикомъ; точно также и чагаръ, въ случаѣ притѣсненія, прибѣгалъ подъ защиту своего хозяина. Если же чагаръ принадлежалъ бѣдному узденю, то послѣдній ходатайствовалъ за него у князя, которому служилъ, и князь вступался за чагара.

Въ настоящее время разбираются съ князьями не только уздени, но и чагары.

Каждый, принявшій къ себѣ на ночлегъ пріѣзжаго или знакомаго, сдѣлавшаго воровство, подвергается взысканію цѣнности украденаго, если воровство обнаружится по отъѣздѣ гостя, не разбирая того: извѣстно ли было хозяину о воровствѣ или нѣтъ, и когда оно совершено. Не смотря однако же на то, ни одинъ кумыкъ не откажетъ въ гостепріимствѣ.

III.

Нѣкоторыя особенности, существующія у кумыковъ въ брачныхъ церемоніяхъ, семейномъ бытѣ и въ правахъ женщины.

Вступая въ бракъ, кумыкъ ищетъ невѣсту равнаго съ нимъ сословія и избѣгаетъ всѣми средствами смѣшенія съ низшими классами.

Князь можетъ передать своимъ дѣтямъ титулъ со всѣми его правами и преимуществами только тогда, когда они произошли отъ брака его съ княжною. Если же князь женился на узденкѣ или рабынѣ, то дѣти не пользуются княжескимъ титуломъ, и, по народному обычаю, не могутъ послѣ смерти отца владѣть землею. Они называются *чанками* и считаются выше узденей. Чанки живутъ на счетъ своихъ родственниковъ-князей, которымъ достанется отцовское наслѣдство, и при женитьбѣ держатся своего сословія.

Обрядъ сватовства у кумыковъ тотъ же, что и у чеченцевъ.

Кумыкъ только тогда сватается, когда убѣжденъ въ согласіи дѣвушки выдти за него замужъ, чего достигаетъ онъ лично, пріискавъ удобный случай, или черезъ посредницъ.

— Судьба моя зависитъ отъ родныхъ, отвѣчаетъ дѣвушка, въ случаѣ согласія, а въ противномъ случаѣ отказываетъ на—отрѣзъ.

Тогда претендентъ дѣлаетъ гласное предложенiе и получаетъ согласiе, потому что родители никогда не противятся желанiямъ дѣвушки. Если бы родители хотѣли отдать ее другому, то дѣвушка извѣщаетъ тайкомъ избранника своего сердца. По предложенiю его, она соглашается на побѣгъ изъ родительскаго дома и назначаетъ время и мѣсто, гдѣ ее можно похитить. При похищенiи она играетъ роль жертвы насилiя, кричитъ, плачетъ и умоляетъ отпустить ее. Похитители, между тѣмъ, отвозятъ ее въ домъ князя или почетнаго жителя, принимающаго ее подъ свое покровительство. Между тѣмъ, родственники, въ полномъ вооруженiи, преслѣдуютъ похитителей, но, для предупрежденiя драки, являются посредники—почетные старики, которые открываютъ переговоры съ обѣими сторонами. Послѣ долгихъ пренiй, общее мнѣнiе опредѣляетъ спросить у самой дѣвушки: желаетъ ли она возвратиться въ родительскiй домъ или выдти за похитителя? Та отвѣчаетъ, что теперь ей стыдно уже возвратиться домой, и, предполагая, что похищенiе ея есть предопредѣленiе свыше, считаетъ необходимымъ выдти замужъ. Бракъ слѣдуетъ непосредственно за такимъ отвѣтомъ.

Послѣ сватовства, женихъ отправляетъ къ невѣстѣ *калымъ* — свадебные подарки, состоящiе изъ матерiй, уборовъ, украшенiй и, кромѣ того, смотря по состоянiю, извѣстное количество денегъ, на которыя родители обязаны приготовить невѣстѣ все необходимое въ домашнемъ быту.

Все, что даютъ невѣстѣ родители и женихъ, составляетъ неотъемлемую ея собственность. Послѣ полученiя родителями невѣсты подарковъ, дѣвушка считается сговоренною, и женихъ получаетъ право тайкомъ видѣться съ своею невѣстою; но если они встрѣтятся при чужихъ, то приличiе требуетъ, чтобы они не говорили другъ съ другомъ. Женихъ у кумыковъ, точно также, какъ у чеченцевъ, имѣетъ право всегда отказаться отъ невѣсты и дозволить ей выдти за другаго; но сговоренная дѣвушка, сама собою, не можетъ отказаться отъ жениха и должна ожидать, чтобы женихъ самъ освободилъ ее; безъ этихъ особенностей никто не рѣшится взять ее замужъ.

Самая церемонiя бракосочетанiя у кумыковъ ничѣмъ не отличается отъ свадьбы дагестанскихъ горцевъ.

Послѣ брака мужъ обязанъ назначать женѣ *кебинъ-хаккъ*, сумма денегъ, обезпечивающая женщину на случай развода. Самыя деньги не выдаются, а дается въ руки жены письменное обязательство, которое у князей составляетъ 750 рублей. сер., у узденей 100 рублей. и т. д. Чагары не имѣютъ опредѣленной суммы, а количество ея зависитъ отъ взаимнаго согласiя вступающихъ нъ бракъ. Въ случаѣ развода, или смерти мужа, не оставившаго дѣтей, вдова получаетъ изъ его имѣнiя *кебинъ-хаккъ* и возвращается въ домъ своихъ родителей. По шарiату, кромѣ своей собственности и кебинъ-хакка, жена не имѣетъ права на наслѣдство мужа. Имущество, принадлежащее женѣ, считается неприкосновеннымъ. Безъ ея согласiя, мужъ не имѣетъ права имъ распоряжаться, а если бы мужъ вздумалъ принудить свою жену къ уступкѣ

принадлежащей ей собственности, то она можетъ прибѣгнуть къ своимъ родственникамъ и просить ихъ защиты.

Женщина у кумыковъ не такъ подавлена, какъ у прочихъ горцевъ. Въ домашнемъ быту, она полная хозяйка, куда никто не вмѣшивается. Она сама считаетъ своею обязанностію повиноваться мужу, который, съ своей стороны, считаетъ за большой стыдъ подвергать жену тяжелымъ и не свойственнымъ ей работамъ. Если бы жена была умнѣе мужа, то она, по обычаю, считаетъ за стыдъ показывать это, и всѣми мѣрами старается скрыть его слабоумiе. Супруги никогда не называютъ другъ друга по имени, а всегда выражаются въ третьемъ лицѣ: *онъ*, *она*. При постороннихъ считается неприличною всякая, даже и самая простая, ласка; неприлично также супругамъ хвалить другъ друга.

Не смотря на большую свободу, предоставленную кумыкской женщинѣ, жена и здѣсь находится въ полномъ подчиненіи мужа. Она должна работать на него, сносить безропотно всѣ наказанія и оказывать раболѣпное уваженіе мужу, который можетъ развестись съ нею, когда ему вздумается.

Въ семейномъ быту кумыковъ, старость лѣтъ имѣетъ право на общій почетъ и уваженіе. Младшій, въ своемъ обращеніи со старшимъ, обязанъ оказывать всѣ видимые знаки уваженія, принятые при сношеніи низшаго класса съ высшимъ или сына съ отцемъ.

Старшаго брата кумыки называютъ господиномъ (агаси). Въ семьѣ княжеской старшему по лѣтамъ принадлежало управленіе дѣлами всей семьи, сношеніе съ прочими княжескими фамиліями и обязанность постояннаго представителя своей фамиліи передъ народомъ. У кумыковъ власть отца болѣе уважается, чѣмъ у чеченцевъ, и хотя она не простирается на жизнь сына, но отецъ, пока живъ, всегда сохраняетъ вліяніе надъ нимъ.

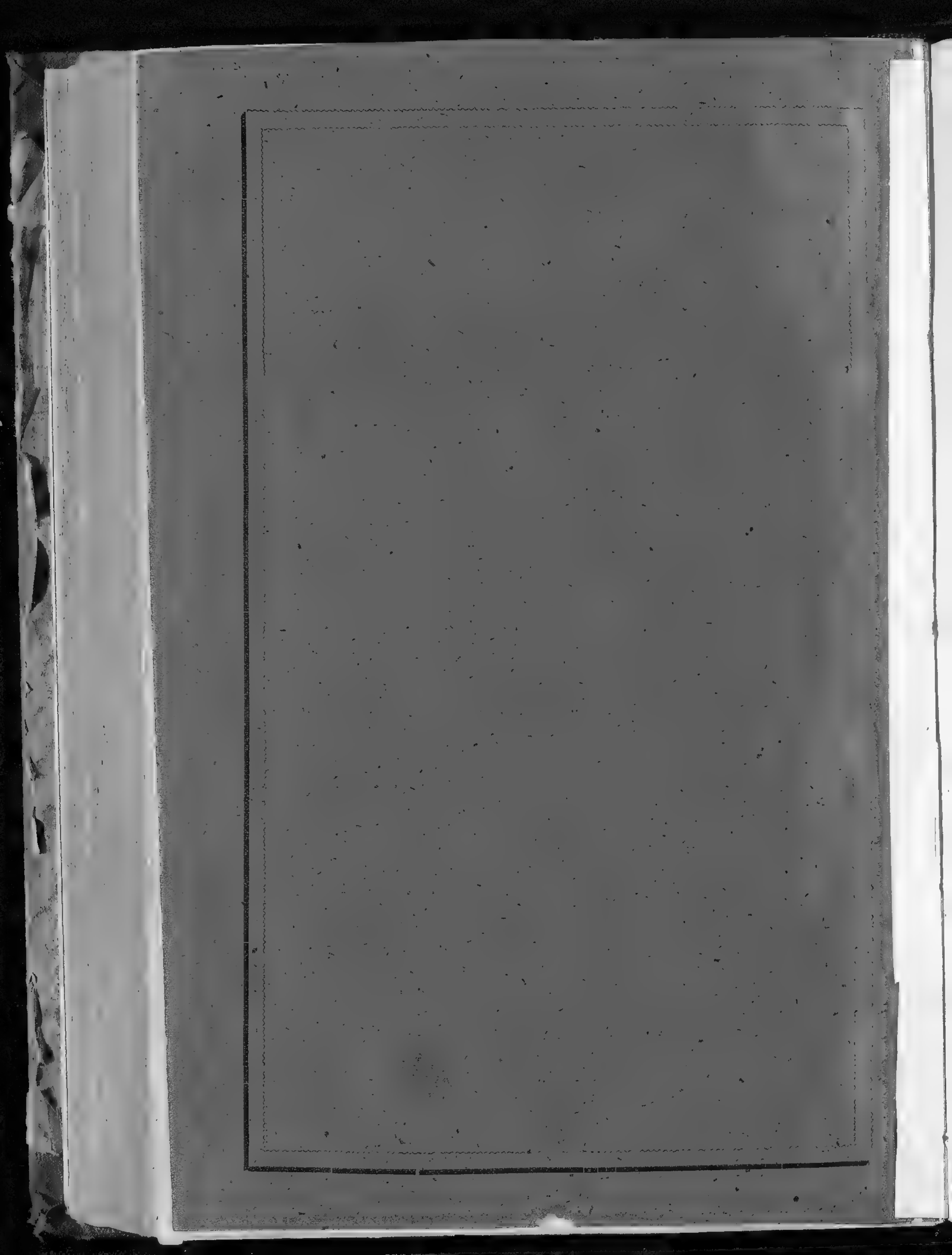
Отецъ полный властелинъ своего имущества, и сынъ не имѣетъ никакого права, при жизни отца, требовать выдѣла себѣ части изъ имѣнія; отъ отца совершенно зависитъ отдѣлить ему ту часть имѣнія, которую онъ заблагоразсудитъ.

Дочери вполнѣ подчинены отцу, пока находятся у него въ домѣ, и выходятъ замужъ по его волѣ. Дочерямъ, по адату, хотя не предоставлено никакого права участвовать въ дѣлежѣ имѣнія, но какъ отецъ полный хозяинъ своей собственности, то онъ обыкновенно выдѣляетъ изъ имѣнія часть и дочерямъ, руководствуясь при этомъ постановленіемъ шаріата, т. е. онъ не можетъ удѣлить дочери болѣе третьей части той доли изъ имѣнія, которая приходится на каждаго брата. Если отецъ умретъ, не выдѣливъ дочь, то, не смотря на то, что, по шаріату, имѣетъ право на наслѣдство, дочь не получаетъ ничего изъ имѣнія отца, и отъ брата, къ которому она поступаетъ въ домъ, зависитъ составить ей приданое. Братья обязаны содержать своихъ сестеръ и выдать ихъ замужъ съ приличнымъ приданымъ.

Права наслѣдства у кумыковъ совершенно тѣ же, что и у чеченцевъ. Для духовныхъ завѣщаній и опеки существуютъ тѣ же правила, потому что правила эти взяты изъ шаріата, который у обоихъ народовъ одинаковъ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	строка сверху	строка снизу	напечатано	должно быть.
9	1	„	*Барболо Большой*	*Барбало Большой*
28	„	11	и покрытыми	покрытыми
43	„	7	протежутки	промежутки
86	„	6	„Басейнъ	„Бассейнъ
100	20	„	къ этому лѣсу	въ этомъ лѣсу
103	„	11	покровительствамъ	покровительствомъ
124	10	„	не пользовался	не пользовалоеь
138	„	15	на всегда	не всегда.
217	„	21	у народовъ	у народа
234	6	„	зекатъ	зякатъ
236	16	„	*лте губзыгъ*	*тле-губзыгъ*
274	„	5	двугъ	двухъ
319	9	„	*Цомадивкавзадъ*	*Цомадикавзадъ*
357	15	„	пріобрѣтеньвю	пріобрѣтенною
360	13	„	не знали	не знала
368	„	13	*блнжнихъ*	*ближнихъ*
368	„	9	Камбилейкой	Камбилеевкой
379	„	9	хлѣбопашсствомъ	хлѣбопашествомъ
394	21	„	наальства	начальства
459	„	7	прекращались	прекращалась
492	3 и 14	„	*инбъ-сабиль*	*ибнъ-сабиль*
513	„	19	имѣніемъ	мнѣніемъ
553	22	„	о восхищается	и восхищается
556	4	„	принадлежавшую	принадлежащую
567	4	„	вопросами	вопросомъ
580	12	„	жителямъ	жителемъ.

...рации как языч
...красным. Символи
...на, что не требу
...ьно просто, в рамк
...ния нового, прекра

— блекло-сиреневы
сложной гирлянд
, пропорциональ
амые разнообраз
тарый мастер с

127

